СОСЛОВИЯ, ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Л. В. ЧЕРЕПНИНА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СОСЛОВИЯ, ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
С 66

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-01-16014

Редколлегия

Ответственные редакторы:
акад. В. Л. Янин, В. Д. Назаров

Члены редколлегии:
М. В. Бибиков, А. А. Горский, член-корр. РАН С. М. Каштанов,
С. Ю. Королева (отв. секретарь), М. С. Мейер, Е. А. Мельникова, А. Е. Петров,
акад. В. А. Тишков, член-корр. РАН П. Ю. Уваров,
член-корр. РАН Б. Н. Флоря, акад. А. О. Чубарьян

С 66

Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. — 992 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0417-1

Том посвящен памяти выдающегося отечественного историка Л. В. Черепнина. В сборнике представлены работы ученых из десяти стран мира по наиболее актуальным проблемам исторического процесса в России в эпоху Средних веков и раннего Нового времени. Основное внимание авторы тома сосредоточили на исследовании сложнейших вопросов взаимосвязей и взаимовлияний общества (сословных структур, позднее сословий) и государства (верховной власти, системы центральных и местных органов госуправления, институтов сословного представительства разного уровня) в ходе длительной, почти 900-летней исторической эволюции.

Для специалистов по истории России, аспирантов и студентов исторических вузов, для всех интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0417-1

© Авторы, 2010
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 10

I. ТВОРЧЕСТВО АКАД. Л. В. ЧЕРЕПНИНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. В. Синицына (Москва). Обрушивался ли преп. Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм? 15
В. Г. Вовина-Лебедева (Санкт-Петербург). Лев Владимирович Черепнин — исследователь летописания 35
С. Н. Блащук (Киев). Вклад Л. В. Черепнина в процесс исследования Русской Правды (вторая половина 1920-х —1940 гг.) 44
Н. Н. Юсова (Киев). Древнерусская народность в работах Л. В. Черепнина. . . . 50
В. Н. Никулин (Калининград). Теоретические аспекты истории крестьянских войн в России в творческом наследии Л. В. Черепнина. 64

II. АРХЕОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

С. М. Каштанов (Москва). О молдавской канцелярии в конце XIV — первой трети XV в. 75
А. И. Груша (Минск). Кириллическое и латинское письмо: общее и отличное в истории и изучении. 82
В. И. Гальцов (Калининград). Государственный архивный фонд Московского царства (к истории архивного дела XVI—XVII вв.) 92
А. С. Иванов (Даугавпилс). Источниковедческие и археографические аспекты реконструкции исторических комплексов источников (отдел «Moscowitica-Ruthenica» в бывшем архиве Рижского магистрата) . 97
К. В. Петров (Санкт-Петербург). Уставная грамота великого князя Ивана Васильевича крестьянам волости Высокое Коломенского уезда от 26 января 1536 г.: соотношение нормы акта и «пошлины» 106
Ю. Д. Рыков (Москва). Малоизвестная запись синодика Московского Архангельского собора о детях боярских, погибших в боях за рекой Ошитом во время похода русского войска из Казани и Свияжска в июне 1556 г. 113
А. Л. Хорошкевич (Москва). П. Одерборн о взятии Казани. 137
И. О. Тюменцев (Волгоград). Документы и материалы тушинских наемников о событиях Смуты в России в 1607—1610 гг. 140

И. В. Зайцев (Москва). Новые османские документы
по истории московско-османско-украинских отношений
в конце 60-х — начале 70-х гг. XVII века 154
А. А. Фролов (Торжок). К вопросу об источниках
«Выписи из новгородских изгонных книг» и их датировке 185
Е. Б. Французова (Москва). Письменные источники
о структуре псковских иконостасов в XVI в. 199
О. И. Дзярнович (Минск). Образ Восточной Европы
(Русь и Великое княжество Литовское)
в прибалтийско-немецкой историографии XIII—XVI вв. 209
Я. Г. Солодкин (Нижневартовск). К истории создания Бельского летописца . 215
Д. А. Рыбаков (Киев). «Временник Ивана Тимофеева» —
историографический проект начала XVII века 224
А. Лавров (Париж). Из исторического комментария
к «Сборнику» Кирши Данилова. («Усы, удалы молотцы»). 233
К. Зольдат (Кёльн). «Академическая» публикация
духовной грамоты Ивана IV 238

III. СОСЛОВНЫЕ СТРУКТУРЫ И ГОСУДАРСТВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(X — СЕРЕДИНА XIII вв.)

Е. А. Мельникова (Москва). Ряд в «Сказании о призвании варягов»
и его европейские и скандинавские параллели 249
П. П. Толочко (Киев). Любечская битва в источниках и историографии 257
А. В. Назаренко (Москва). «Ряд» Ярослава Мудрого
в свете европейской типологии 268
А. Селарт (Тарту). Власть русских князей в Прибалтике
в XI—XIII вв.: источники и интерпретация 284
Н. Ф. Котляр (Киев). Племенная знать в процессе складывания
господствующего слоя Галицко-Волынской Руси 295
Ю. А. Артамонов (Москва). «Черноризьци почаша множитися
и манастыреве починаху быти».
(О начальном этапе монастырского строительства в Древней Руси). 305
П. И. Гайденко (Казань). О церковном участии
во внутридинастическом конфликте Ярославичей 1073 г. 315
П. В. Лукин (Москва). События в Киеве 1069 г.
и «рыночные собрания» в Древней Руси и у западных славян 324
П. С. Стефанович (Москва). Боярское «право отъезда» в домонгольской Руси . 334
А. П. Толочко (Киев). Канцлер, митрополит и летописец:
действительно ли митрополитом Кириллом
был печатник Даниила Романовича? 344
Т. Л. Вилкул (Киев). «От мала и до велика».
К происхождению книжной формулы. 354

А. А. Кузнецов (Нижний Новгород). Брак Юрия Всеволодовича 1211 г. в общерусских политических отношениях 360

IV. СОСЛОВИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ (СЕРЕДИНА XIII — XV вв.)

М. С. Мейер (Москва). К характеристике социальной организации государств евразийского типа (на примере Османской империи) 371
В. Д. Назаров (Москва). Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) 382
М. С. Черкасова (Вологда). Новгород и Вологда в XIV—XV вв. 428
С. З. Чернов (Москва). Радонеж: от волости к княжескому уделу (1332 —1456 гг.). Княжеские земли в центре удела 444
Ю. В. Селезнев (Воронеж). К вопросу о статусе Серпуховского княжества в конце XIV столетия 482
А. А. Горский (Москва). К вопросу о времени перехода Ростовского княжества под власть московских князей 485
Ф. М. Шабульдо (Киев). Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. 492
И. К. Лабутина (Псков). «На городе» в тексте Псковской судной грамоты . . . 509
Т. В. Круглова (Псков). Об одном фрагменте великокняжеского летописания конца XV века 517
А. И. Алексеев (Санкт-Петербург). К вопросу о достоверности свидетельства Геннадия Гонзова о ереси «жидовская мудръствующих» 531
Е. В. Русина (Киев). Проблемы политической лояльности православного населения Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. 546
В. Б. Перхавко (Москва). О быте средневекового русского купечества 555
Б. Р. Рахимзянов (Казань). Мещерский юрт в контексте взаимоотношений Москвы и Крыма (конец XV — начало XVI в.) 566

V. СОСЛОВИЯ, ИНСТИТУТЫ И САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ В РОССИИ (XVI — СЕРЕДИНА XVII вв.)

М. М. Кром (Санкт-Петербург). «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. 581
Ю. Кяупене (Вильнюс). Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV—XVI веках 586
П. В. Чеченков (Нижний Новгород). Восточное порубежье Русского государства в московско-казанском противостоянии (власть и социальные структуры) 592
А. И. Филюшкин (Санкт-Петербург). Кто из нас варвар, бусурманин, союзник Сатаны? Эпистолярный поединок Ивана Грозного и Стефана Батория 1581 г. 603

М. Перри (Бермингем). Народные мнения и слухи о царе (1630—1650 гг.) 613
О. Г. Усенко (Тверь). Монархическое самозванчество в России XVII века: новые факты и общая картина 621
Б. Н. Флоря (Москва). Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII века 631
А. П. Павлов (Санкт-Петербург). Государев двор и боярская аристократия в послесмутное время 644
Н. В. Слиж (Гродно). Судьба Трубецких в контексте межгосударственных отношений Великого княжества Литовского и Московского княжества . . 652
А. Берелович (Париж). Род Бутримовых в начале XVII в. 659
Д. Е. Гневашев (Вологда). Вологодский служилый «город» в XV— начале XVI века 672
Т. А. Лаптева (Москва). Эволюция служилого «города» 684
А. В. Беляков (Рязань). Новые данные к биографии Симеона Бекбулатовича . 694
О. В. Скобелкин (Воронеж). Служилые иноземцы и русские власти в XVI — 20-х гг. XVII в. 702
С. П. Орленко (Москва). К вопросу о статусе «иноверцев» в России и Европе в средние века 713
Э. И. Амерханова (Казань). Служилые новокрещены Казани в XVII в. 725
В. А. Аракчеев (Псков). Государевы посланники и их деятельность в 60—80-х гг. XVI в. 730
Е. Н. Швейковская (Москва). Назначения на воеводскую службу в северорусские города в XVII в. 740
В. А. Касаткин (Тула). Тульские кирпичники в XVII веке. Принципы формирования корпорации. 752
Эрика Монахэн (Альбукерк). В поиске ревеня: Об одном забытом эпизоде торговой политики России середины XVII в. 765
А. И. Папков (Белгород). Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в конце XVI — начале XVII в. 772
Л. Б. Сукина (Переславль-Залесский). Власть и общество в условиях «предписанного» православия XVI—XVII вв.: две точки зрения на обыденное благочестие. (Источники компаративного исследования) 781

VI. СОСЛОВИЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИИ (КОНЕЦ XVII — XVIII в.)

А. Г. Иванов (Йошкар-Ола). Взаимоотношения сословных групп и чиновничества в Казанской губернии в середине XVIII века 793
Е. Н. Марасинова (Москва). Государственная служба русского дворянина в XVIII в. — привилегия или обязанность? 809
В. Берелович (Женева — Париж). Письмо русского студента отцу в петровское время 821

С. А. Мезин (Саратов). Екатерина II в переписке с Н. И. Салтыковым 827
Д. А. Редин (Екатеринбург). Должностная преступность в петровской России: отношение современников 837
М. О. Акишин (Новосибирск). Защита жертв войны в военном праве Петра Великого 847
Н. В. Соколова (Москва). Социальные микроструктуры деревни в XVII — первой четверти XVIII в. (Взаимосвязи и взаимодействия в континууме индивид-семья-приход-община) 863
С. В. Голикова (Екатеринбург). Горнозаводское население Урала XVIII века: в поиске культурной идентичности 874
Н. И. Никитин (Москва). Национальная политика Российской империи: специфика и результаты (О некоторых подходах к проблеме) 881
А. В. Цюрюмов (Элиста). Институт ханской власти у калмыков XVII—XVIII вв. 890
А. В. Мацук (Минск). Контакты магнатов Великого княжества Литовского с российской политической элитой в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII века 898
И. И. Кривошея (Умань). Польские магнаты Потоцкие и Российская империя: проблема взаимоотношений в контексте геополитических изменений в Европе во второй половине XVIII в.. 909
С. В. Зверев (Москва). Финансовое обеспечение Первого Крымского похода 1687 г. 918
Е. Н. Наседкин (Москва). Посадские службы купцов в Москве в 20-е и 30-е годы XVIII века 925
Ю. В. Волошин (Полтава). Структура семьи в «государевых описных малороссийских раскольничьих слободах» (На примере слободы Деменка Топальской сотни Стародубского полка). 932
А. Н. Жеравина (Томск). Кабинетское хозяйство в Сибири как фактор общероссийской истории (по материалам второй половины XVIII в.) . . . 949
А. И. Комисаренко (Москва). Государственная власть и экономические крестьяне. 60—80-е годы XVIII века. 958
М. В. Корогодина (Санкт-Петербург). Взгляды на исповедь в середине XVIII века (на материале одного рукописного сборника).. . . . 965
А. В. Морохин (Нижний Новгород). Проблема «раскола» во взаимоотношениях приходского духовенства и крестьянской общины в конце XVII — XVIII в. (на примере Нижегородской епархии) 971
Л. Н. Дзиговская (Тула). Проблемы взаимоотношений народа и власти в период эпидемии чумы 1771—1772 гг. на юге Подмосковья. 979

Перечень принятых сокращений 989

ВВЕДЕНИЕ

В декабре 2005 г. состоялась масштабная международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. В ней приняли участие более 120 ученых из 12 стран, знавших его лично или знакомых только с трудами Льва Владимировича, маститых и молодых историков, уже авторитетных и лишь начинающих исследователей. Тем самым они отдали дань уважения и памяти выдающемуся отечественному историку. О многом говорит география научных и культурных организаций, представленных на форуме. Академические исторические институты, известнейшие университеты, ведущие музеи, государственные или национальные библиотеки и архивы из Москвы, С.-Петербурга, Берлина, Бирмингема, Вильнюса, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Женевы, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Киева, Минска, Нижнего Новгорода, Новгорода, Новосибирска, Парижа, Полтавы, Пскова, Рязани, Саратова, Стенфорда, Тарту, Томска и еще почти двух десятков городов мира. Не забудем, что это далеко не первое научное собрание, посвященное Л. В. Черепнину: с 1983 по 1994 гг. в Москве, Кишиневе, Долгопрудном было проведено пять конференций, в том числе международных. Трудно представить более наглядное доказательство реальной значимости личности и трудов Л. В. Черепнина в сообществе отечественных и зарубежных историков-профессионалов.

И еще один выразительный штрих. Под эгидой Отделения историко-филологических наук РАН, при деятельной финансовой поддержке РГНФ и РФФИ эту международную конференцию организовал и провел Институт всеобщей истории РАН, хотя Л. В. Черепнин не состоял в его штатах ни одного дня. Здесь всё естественно и понятно, стоит только вспомнить творческий путь Льва Владимировича. С первых своих шагов как исследователя он был последовательным сторонником сравнительно-исторических подходов в изучении средневековой России. Так что еще с аспирантских лет в конце 1920-х годов, а в особенности после 1947 г., Л. В. Черепнин активно, на постоянной основе сотрудничал со многими специалистами по истории Средних веков и раннего Нового времени в странах Европы сначала в рамках единого Института истории АН СССР, а с 1969 г., в последние восемь лет жизни, со своими коллегами из Института всеобщей истории. Поэтому не удивительна роль ИВИ в подготовке форума, в работе которого приняли широкое участие исследователи из ИВИ РАН, как и многие сотрудники Института российской истории (именно в нем Лев Владимирович до последний дней жизни возглавлял отдел), ряда других академических институтов и организаций.

Вряд ли во введении уместен подробный анализ творчества Л. В. Черепнина, его вклада в отечественную историческую науку. Тем более, что ведущие черты его

исследовательской манеры, главные его достижения общепризнанны в профессиональной среде историков. Понятно, что оценки тех или других наблюдений и выводов Льва Владимировича будут неизбежно меняться с развитием исторической мысли, с расширением фактических знаний о прошлом России в X—XVII вв. Но, несомненно, сохранится понимание уникальности его творческого облика: редкостное и притом естественное соединение черт тонкого источниковеда-аналитика и систематика, археографа-публикатора и архивиста, скрупулезного исследователя конкретных тем и автора концепционных построений разного уровня.

Дело будущих ученых «вписать» все творчество Л. В. Черепнина в русло развития исторической науки в СССР в 1940—1970-е гг. и в России после 1991 г., в общественно-политические контексты и партийно-идеологические факторы этих периодов. Сейчас же достаточно помнить, что двухтомная монография Льва Владимировича «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (М.; Л., 1948 и М., 1951) знаменовала в советской исторической науке новый этап в источниковедении официальных и частных актов и законодательных памятников. Что именно он в качестве составителя-публикатора осуществил классические ныне издания — официальных докончаний и завещаний XIV — середины XVI вв. из княжеских документальных собраний (ДДГ. М., 1950), владельческого архива московской митрополичьей (с 1589 г. патриаршей) кафедры (АФЗХ. М., 1951, 1961. Ч. 1, 3), текста Судебника 1497 г. (Судебники XV—XVI. М.; Л., 1952). При его участии и под его редакцией вышла в свет трехтомная публикация актов Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. (АСЭИ. М., 1952, 1958, 1964), два тома славяно-молдавских грамот XV—XVI вв. (Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1961, 1978. Т. 1, 2), четыре выпуска памятников русского права и многие другие издания.

Нерасторжимая связь этих занятий Льва Владимировича с его последовательным изучением исторического процесса в России очевидна. Ему принадлежит наиболее объемное и разностороннее до сих пор исследование образования Русского централизованного государства в XIV—XV в. (М., 1960). Его давний (с аспирантских лет) и постоянный интерес к Русской Правде (Лев Владимирович принимал участие в учебных и академических публикациях памятника) имел результатом системное воспроизведение общественно-политических отношений в Древней Руси X—XII вв. в коллективном труде (Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965). И еще о двух книгах Л. В. Черепнина необходимо здесь сказать. Это системный анализ и оригинальная интерпретация нового вида письменных средневековых текстов (Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969) и монография, вышедшая в свет уже после кончины Льва Владимировича — «Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.» (М., 1978). Книга о земских соборах стала во многом итоговой в творчестве Льва Владимировича: впечатляют исчерпанность базы привлеченных им источников и разнообразие методов их анализа, логичность поставленных исследовательских задач и последовательность в их решении, широкий спектр используемых контекстов и строгость при фиксации новых фактов, в формулировании значимых вы-

водов. И одновременно — определение направлений поиска в будущем изучении этих сложнейших и всегда актуальных проблем (сейчас готовится переиздание этой книги).

Очень важно сказать о воздействии личности Льва Владимировича как ученого и как человека на коллег и учеников. Более четверти века возглавлял он сектор истории СССР периода феодализма (ставший отделом после выделения в его составе сектора истории древнейших государств), семь лет (с 1942 по 1949 гг.) он преподавал в Историко-архивном институте, а с 1944 г. более 15 лет — на Истфаке МГУ. Его школу лектора и научного руководителя прошли тысячи студентов, десятки аспирантов.

Правда слово «руководитель» в любой его начальственной ипостаси плохо вязалось и с внешним обликом Л. В. Черепнина, и с присущим ему стилем поведения. Он, как правило, занимал позицию старшего коллеги (изредка — старшего друга), изначально верившего в аналитические способности собеседников и слушателей, доброжелательно интересовавшегося их соображениями. Для него не существовало неодолимой разницы в том, с кем он имел дело — со студентами младших или старших курсов, с аспирантом или коллегой по исследованиям. Главным было одно — действительный интерес к теме лекции, к обсуждаемой в разговоре или в дискуссии проблеме. Его манера читать лекции была напрочь лишена всякого рода красивостей и внешних эффектов, они были системны, логичны, суховаты и плотно насыщены фактами. Он всегда апеллировал к разуму слушателей, к их способности в ходе лекций соучаствовать в поиске, а значит и в обретении значимых обобщений.

Таковым Лев Владимирович оставался и на посту заведующего сектором. Кадровый его состав не был вполне однородным ни по научным интересам сотрудников, ни по их творческим возможностям, ни по особенностям характера. И при всем том сектор был признан и очень заметен в стране и за рубежом как ведущий центр в изучении истории России X—XVIII вв. По объему научной продукции он всегда был в числе первых, в нем регулярно происходили дискуссии. Не будем забывать о политико-идеологических ограничениях того времени. Но в постепенно расширяющемся поле научных обсуждений применительно к истории России до XX в., роль Льва Владимировича была весьма ощутимой. Незабываемо искусство Л. В. Черепнина подводить итоги обсуждения и дискуссий. Он нередко точнее чем автор определял то новое *знание*, которое содержалось в представленной работе. А главное, в своем коротком заключении он формулировал новые, пока не затронутые анализом аспекты обсуждавшейся темы, обращал внимание на нетрадиционные для нее источники.

Приоритет источника пронизывал деятельность Льва Владимировича и порождал атмосферу научной жизни в руководимом им секторе. Так формировалась корпоративная этика историков-профессионалов, исследователей далекого прошлого России. Традиции сектора органически отвергали дилетантские сочинения (характерные для нашего времени), было неприличным подавать на обсуждение текст, не

содержавший неизвестных ранее документов или рукописей, без применения новых аналитических методик в изучении уже известных материалов. Именно обращение к иноязычным текстам о Древней Руси (ранее привлекавшихся исследователями неполно и не системно) стало главным мотивом для формирования сектора истории древнейших государств на территории СССР. Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто сыграли решающую роль в научном обосновании такого решения, имевшего и еще одно следствие: плотное сотрудничество специалистов разных гуманитарных дисциплин, историков, филологов и лингвистов.

Проблематика конференции 2005 г. была выбрана в соответствии с главными направлениями творчества акад. Черепнина, ее актуальностью в историографии и в жизни современной России. Сложнейшие взаимоотношения общества и государства, общества и верховной власти, соответствия структурных перемен в социуме и в системах государственного управления в ходе длительной эволюции были в центре внимания Льва Владимировича, включая специальные вопросы источниковедения. Доклады, обсужденные на конференции, были дополнены отдельными статьями, авторы которых по объективным причинам не смогли принять в ней участие. Авторский коллектив надеется, что сборник — материализованное воплощение уважения современных историков к вкладу академика Л. В. Черепнина в историческую науку — даст импульс новым исследованиям этой сложной и всегда актуальной проблематики.

Редколлегия

I

ТВОРЧЕСТВО
АКАД. Л. В. ЧЕРЕПНИНА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. В. Синицына (Москва)

Обрушивался ли преп. Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм?

В 1957/58 учебном году Лев Владимирович Черепнин объявил на историческом факультете МГУ спецкурс и спецсеминар на тему «Русская общественная мысль конца XV — начала XVII вв.». На этих занятиях зародился мой интерес к творчеству и личности преп. Максима Грека, длящийся и по сей день. Такое будущее предсказал мне Лев Владимирович в 1964 г., на первом докладе, посвященном ученому святогорскому монаху, в секторе феодализма Института истории АН СССР (так называлось тогда это научное учреждение). В. Т. Пашуто задал вопрос: «Что это будет — статья, диссертация?» Л. В. ответил вместо меня: «Максим Грек — это на всю жизнь». Он никогда не занимался этим автором специально, но его интуиция разом охватила все поле творческого наследия Макима Грека и долгий путь исследования. Теперь, впрочем, очевидно, что здесь требуются усилия не одного человека, но научного коллектива, состоящего из историков, филологов, богословов.

Доклад 1964 г. был посвящен переписке Максима Грека и Ф. И. Карпова — дипломата и публициста — и основан частично на тех же источниках, что и предлагаемая статья. Но сколь различны решения и выводы, сколько гипотез и утверждений сменилось за сорок с лишним лет, как изменилась методика исследований! Л. В. в своих рекомендациях студентам говорил, что при работе с источником главное — уметь правильно поставить вопрос. Такая методика всегда остается конструктивной.

Правильная постановка вопроса источнику требует большого искусства, предполагает знание среды, эпохи, контекста. Это знание позволяет ответить и на другой вопрос, не менее важный, но более сложный, — а на какой вопрос отвечал сам автор или создатель источника? Даже если источник не является диалогом, а строго монологичен по своей жанровой природе, если вопрос не сформулирован вербально, источник всегда представляет собой Ответ (может быть, частично имплицитный) на Вопрос-вызов-запрос, который выдвигает время, эпоха, среда или неведомый нам собеседник (речь идет о нарративных текстах, об источниках нарративного характера, к каковым относятся сочинения Максима Грека).

Вопрос, поставленный в названии статьи, вызван утверждением М. Баракки, писавшей, что в России Максим Грек «обрушивался на итальянский гуманизм»[1]. Автор ссылается на несколько сочинений. В одном из них названы три имени, три лица из его итальянского гуманистического прошлого с осуждением их «языческого нечестия»; в других сочинениях высказываются инвективы в адрес «латинских сынов», «училищ италийских» и наблюдавшегося там «нечестия». Но

ни в одном из сочинений не говорится не только о гуманизме как таковом, но и о каких-либо существенных его составляющих. Поэтому возникает задача реконструировать те итальянские реалии, которые являются объектом обличений Максима Грека.

Задача непроста не только потому, что инвективы ученого монаха носят слишком общий или обобщенный характер, но также еще и потому, что итальянские воспоминания написаны в Москве и имеют, условно говоря, два контекста.

Утверждения ряда исследователей о том, что гуманистические идеи его молодости были «вытравлены» аскетическим влиянием Савонаролы, теперь уже не могут приниматься в расчет, так как хронология влияний оказывается заведомо противоположной. Одним из открытий И. Денисова в книге 1943 г. был факт, что Михаил Триволис (Максим Грек) в 1498—1502 гг., т. е. уже после казни Савонаролы, находился на службе у Джованни Франческо Пико делла Мирандола, племянника знаменитого Пико, одного из крупнейших представителей флорентийского гуманизма круга Марсилио Фичино — Лоренцо Медичи, и мог в замке Мирандола осваивать достижения этой эпохи. А его сотрудничество с Альдом Мануцием, одним из ведущих издателей Италии, возрождавших греческую античность, могло продолжаться, как показывают последние исследования, и в 1503—1504 гг., в период наивысшей активности Альда[2].

Главное состоит в том, что сочинения Максима Грека, о которых пойдет речь, написаны в Москве, обусловлены московской ситуацией, московским контекстом и вовсе не ставят целью оценку или характеристику гуманизма, которые появляются маргинально, встроены в другую систему полемики. Какую именно — ответ на этот вопрос является первой задачей, и ее решение не представляет особых трудностей. Гораздо труднее другая задача — «вычленить» итальянскую составляющую, точнее говоря, идентифицировать ее с конкретными явлениями умственной и духовной жизни Италии конца Кваттроченто и начала нового века. Конечно, полностью «расслоить» влияние разных контекстов невозможно, они отличаются чертами взаимопроникновения, но все же можно получить достаточно информации.

Итальянские реминисценции встречаются большей частью в сочинениях первого периода (1518—1525 гг.). Речь пойдет о трех из них, отличающихся большей конкретностью, чем другие. Чтобы избежать субъективности в их интерпретации, откажемся от метода коллажа, или композиции отдельных высказываний из разных сочинений «по тематическому принципу», но приведем целиком большие, законченные фрагменты каждого из сочинений.

Тексты приводятся в переводе на современный язык с незначительными пояснениями (в основном лексического характера). При этом используется перевод, выполненный в Казанской духовной академии послушником Моисеем[3].

«Училища италийские» упомянуты в послании дипломату и публицисту Ф. И. Карпову против латинян — первом пространном полемическом сочинении Максима Грека на эту тему. Оно написано между июнем 1521 года и декабрем

1522 года и еще при жизни автора получило название, обозначившее его тему и меняющее жанр (эпистолярный на риторический): «Слово на латинов о том, что никому не следует ни прибавлять, ни убавлять что-либо в божественном Исповедании непорочной христианской веры»[4]. Изложение подчинено доказательству и обоснованию именно этого тезиса, который основан на I Правиле VII Вселенского собора[5]. А «училища италийские» показаны как один из примеров искажения или отрицания христианских догматов, положений вероучения. В традицию византийской антилатинской полемики включен итальянский жизненный опыт полемиста. Московская полемика была вызвана пропагандой идеи соединения Церквей, которую вел в России католический богослов Николай Булев (Немчин); известно также, что генуэзец Паоло Чентурионе, посещавший Москву с грамотами папы, вел в Москве в это же время беседы на эту тему с приближенными Василия III, о чем сообщил итальянский историк Паоло Джовио в своем труде, опубликованном в Риме в 1525 году[6].

Максим Грек уделяет большое внимание терминологии, особенно философской, понятийному аппарату, который был тогда еще очень слабо разработан. Некоторые термины появляются впервые именно в его сочинениях на эту тему, насколько можно судить по зафиксированному в словарях материалу. В «Слове на латинов» имеются маргинальные глоссы пояснительного характера к таким словам, как «силлогизмы», «диалектика», «логика» и др., встречается термин «софизм» (в форме «софизмат», значение которого в современном Словаре документировано именно этим текстом). Присутствующие в этом сочинении термины «художество»*, «художественное показание», «художество логики», «художество словесное» относятся к так называемым свободным искусствам («Artes liberales»)[7].

Большой фрагмент в «Слове» Максима Грека, о котором идет речь, представляет собой цельную, законченную часть сочинения, она заявлена как толкование нескольких стихов из посланий апостола Павла, которые часто привлекались в качестве аргумента при решении вопроса о соотношении веры и знания. Эта часть и заканчивается словами: «В этом нас утвердил божественный Павел». Внутри находится еще одно толкование — Иоанна Златоуста из «Слова о серафимах» на текст пророка Исайи. Собственные толкования Максима Грека приспосабливают толкуемый текст к задачам полемики. Текст занимает около трех листов рукописи in quatro (л. 127—130 публикуемой рукописи). Из послания апостола Павла к Колосянам взят, в частности, стих: «Блюдите, да не кто вас будет прельщать философиею и тщетною лестию, по стихиям мира, а не по Христе» (Кол 2:8).

Максим Грек толкует эти слова как указание на тщетные попытки «внешней», светской философии «прельстить», исказить апостольскую истину и относит их

---

* Слово «художество» имело ряд значений, среди них: «искусство» («художество разумения», «врачебного ради художества»); «знание» («и нет в них [в народе] художества», Втор 28:32, по Острожской библии, греч. epistēme, лат. scientia); «хитрость», «лукавство» («могли бы стати противу художества дьявола»), см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. С. 1415.

к «латинским сынам», перенеся на них обращение апостола к Галатам (Гал 1:8—9). Он обращается к адресату: «Не этой ли (*т. е. тщетной философии*) [подчинены] теперь латинские сыны и прельщают* ею апостольскую истину? Иди мысленно к училищам италийским, и там увидишь, подобно потокам текущим, а лучше сказать, потопляющим, Аристотеля и Платона и тех, кто вокруг них. И никакая догма у них не считается крепкой, ни человеческая, ни божественная, если не утвердят эту догму с помощью аристотельских силлогизмов**. И если она не согласуется с художественным показанием***, то ее либо отвергают как худшую, либо — если увидят, что она противоречит художеству — то отсекают в угоду аристотельскому художеству и заменяют другой, якобы истинной. И что возглаголю тебе, сколь ныне беззаконуют**** латинские сыны, прельщаемые прельщением тщетной философии, по апостолу*****, потому что следуют больше внешнему знанию, диалектике******, чем внутренней церковной и богодарованной философии, [когда говорят] о бессмертии души, и о наслаждении праведных в будущей [жизни], и об отпущении грехов верующим*******, отходящим от этой жизни, которые страдают всячески********. Прекрасно и воистину достолюбно знание внешних словес*********, оно нужно для того, чтобы правильно говорить**********, для [воспитания] чистоты и остроты ума***********, но не для обсуждения и обретения божественных догматов и рассуждения о них, потому что это выше всяко-

---

* «Прельстити» — обмануть, ввести в заблуждение; совратить (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 18. С. 267).

** К слову «силлогизмы» глосса «слогни»; одно из значений: «3. Способ, манера словесного изложения; слог, стиль» (документировано текстом Ивана Грозного 1573 г. по списку XVII в.), см.: СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 25. С. 109. Процитированный текст — более ранний (1521—1522 г., список середины XVI в.). В «Материалах» И. И. Срезневского слово отсутствует.

*** Имеется в виду одно из семи «свободных художеств», т. е. «внешних наук» (по-видимому, диалектика).

**** «Беззаконити» — «поступать беззаконно, грешить», см.: СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 1. С. 110.

***** Имеются в виду приведенные ранее слова из посланий апостола Павла к Колоссянам и Галатам.

****** В оригинале «внешнему диалектику ведению», к слову «диалектику» глосса «стязательному». Автор указывает на диалектику как искусство спора, «стязания» «со-стязания»), о котором далее будет сказано еще раз с еще более резкой отрицательной коннотацией.

******* В оригинале «о поставлении верных». Одно из значений слова «поставление» — «10. Отпущение, прощение грехов» (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 17. С. 231).

******** В оригинале «иже вся стражут»; местоимение «вся» здесь (множ. число, вин. пад.) употреблено в значении наречия.

********* В оригинале «словес внешних ведение» — одно из определений «внешних наук», «внешнего наказания» (образования), где слово «внешний» имеет значение «мирской», «светский» (в отличие от церковного), см.: СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 2. С. 239.

********** Имеется в виду риторика.

*********** В оригинале «к наощрению разума и очищению», речь также идет о риторике.

го помышления и выше всякого зрения существенного и несущественного, зримо и познаваемо только верой, без всякого художества логики*, [его следует] избегать и возноситься выспрь**.

Вот что говорит сведущий во всем божественный Иоанн Златоуст в Слове о серафимах, где толкует видения блаженного пророка Исайи***, таковы словеса его златые: "То, что увидел [пророк] — сказал, а каким чином — умолчал. Приемлю сказанное, и не пытаю тонко об умолчанном. Разумею то, что открыто, и не истязаю сокровенное, для того и было сокрыто. Чтение Писаний [подобно] златому ткацкому стану [и золотой ткани], [у нее] основа златая и уток златой****. Не сотку паучиных гнезд, знаю немощь моих помыслов. Не прелагай пределов вечных, — говорит, — которые положили отцы твои. Пределы подвигати небезопасно; и преложим ли [мы] то, что Бог нам положил?"

О неисповедимые почести этого блаженного отца, господине Феодоре! Горе нашему дерзкому и оставшемуся без наказания бесстыдству, [на которое] мы осмеливаемся [по поводу] божественных таинств, непостижимых и для самих ангелов!

Этот [Иоанн Златоуст], столь великий в добродетели, не смел видеть или говорить или помышлять больше того, чего достоин раб, но довольствовался тем, что сказано пророком, и свои боголепные помышления уподобил паутине. Мы же, отдаленные от сошедшей к нему с неба и в нем поселившейся благодати и премудрости дальше, чем от его несравнимого ангельского жития и святости, мы, погруженные в пепел страстей, прилепившись, подобно бессловесным скотам, к гнусному сладострастию, мы, разгоревшись от некоей малой искры мирского спора***** больше даже, чем от философии и выскочив как дикие звери, — [мы] ризу Церкви, сотканную из высокого богословия, люто раздираем диалектическими подстре-

---

* К слову имеется маргинальная глосса «словесная», т. е. «художества словесного». Диалектика и логика имеют негативную коннотацию.

** Термин неоплатоновской философии, встречается в «Эннеидах» Плотина.

*** Имеется в виду текст, послуживший основой для многих сюжетов в мировой культуре (вспомним «Пророка» Пушкина) — О серафиме, коснувшемся уст пророка горящим углем с жертвенника, и о послании его на служение: «⟨...⟩ видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли серафимы ⟨...⟩ прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен ⟨...⟩» (Книга пророка Исайи, гл. 6, ст. 1—7). Максим Грек имеет в виду мистическое молчание пророка, он повествовал лишь о том, в каком образе он видел серафимов, но умолчал об их «чине», служении.

**** «Основа» и «уток» — продольные и поперечные нити ткани.

***** В оригинале — «внешнего стязания», оба слова имеют те же значения, что и в вышеприведенных фрагментах; переводим как «мирской спор». «Малая искра», вспыхнувшая всего лишь от мирского спора, — явная аллюзия библейского стиха о горящему угле с жертвенника.

кательствами* и софизмами**, всуе состязаемся, чтобы человеческой речью сказать о священных таинствах, неизреченных и неразумеваемых, ведомых одной лишь Святой Троице ⟨...⟩ Вот в чем утвердил нас божественный Павел».

Это сложное, многосоставное толкование построено по принципу противоположения. Начавшись как толкование слов апостола Павла, которому автор противопоставил «латинских сынов», прельщающих апостольскую истину, оно продолжается толкованием Иоанна Златоуста на текст пророка Исайи, где эзотерическому, мистическому молчанию пророка противостоит велеречие «латинских сынов», как златой ткани с церковной ризы — паутина. Горящему углю пророка противостоит слабая искра, вспыхнувшая от мирских прений, диалектических подстрекательств и софизмов («злохитрств»).

В этом фрагменте можно выявить два объекта обличений, и это не гуманизм. Во-первых, это поздняя схоластика, наблюдавшаяся Максимом Греком в «училищах италийских» («аристотельские силлогизмы», «диалектические подстрекательства» и «гнусные софизмы», хитроумно используемые для отрицания или искажения догматов христианского вероучения). Поздний аристотелизм, схоластика находились в то время в состоянии упадка и вызывали критику, доходящую до сатиры (например, у Эразма Роттердамского), со стороны многих гуманистов, и инвективы Максима Грека находятся в гуманистическом русле. Мы вернемся к этому после привлечения двух других фрагментов с дополнительными аргументами и высказываниями по поводу «аристотелизма» и «перипатетиков», с более полным отражением отношения автора к «внешним наукам», философии, светскому знанию.

Во-вторых, еще одним конкретным объектом его обличений — впрочем, весьма лаконичных — являются учения, отрицавшие бессмертие души. Они были достаточно широко распространены в то время. В. С. Иконников придавал большое значение этому направлению в атмосфере, окружавшей нашего героя; говоря о диспуте в Падуанском университете между Агостино Нифо, которого упоминал Максим Грек, и Пьетро Помпонацци, он писал: «В школах философов только и спорили о сущности человеческой души», и приводил мнение Л. Ранке: «Не нужно думать,

---

* В оригинале «пострецании» (творит. пад. мн. числа). «Пострецати» — то же, что «постреkати», в значении 3: «побудить, склонить, подстрекнуть» (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 17. С. 256). В ряде рукописей (в том числе ранних и авторитетных) «пострекательство» заменено термином «нужами»; «нужа» наряду со значениями «принуждение, насилие», «нужда, необходимость» имеет также значение «необходимая связь причин и следствий, необходимость как философская категория» (Там же. Вып. II. С. 440).

** В ряде рукописей (тех же, что в предыдущем примечании) имеется глосса «и злохитрствами», иногда она вносится в текст. В современном Словаре термин «софизм» документирован цитируемым фрагментом (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 26. С. 252). Следует обратить внимание на то, что в тексте Максима Грека слово употреблено в форме «софизмат» (в творит. пад. мн. числа: «диалектическими софизматы»), а не «софисмъ». Несколько далее встречается прилагательное «софизматский» («подъемы гнусными софизматскими разорити покушаяся»).

что мнение о смертности души разделяли немногие или что его держались тайно. Эразм удивлялся тем богохульствам, какие ему пришлось слышать. Ему старались доказать, на основании доводов, взятых из Плиния, что нет никакой разницы между душами людей и животных»[8]. Известно, что студенты какого-либо университета, когда хотели с первой же лекции оценить профессора, кричали ему: «Говорите нам о душе»[9]. Падуанский университет был одним из главных центров дискуссий по этому основополагающему религиозно-философскому вопросу. Мы помним, что Михаил Триволис был, возможно, слушателем на этих диспутах. Его позиция, лаконично отраженная в московских сочинениях, и в этом вопросе находилась в том же гуманистическом русле, что и в оценке поздней схоластики и аристотелизма. Достаточно сказать, что защите тезиса о бессмертии индивидуальной человеческой души Марсилио Фичино посвятил главное из его оригинальных сочинений — фундаментальный трактат «Платоновское богословие о бессмертии душ» (издано в 1482 году во Флоренции)[10]. Максим Грек почти с ужасом восклицает о «беззаконии» латинских сынов в этом вопросе. Говоря о «наслаждении верных» в будущей жизни, он имплицитно выступает против эпикуреизма; если это так, то соединение, по-видимому, не случайно.

В словах Максима Грека об отпущении грехов и о страданиях праведных, отходящих от этой жизни, их наслаждении в будущей жизни, возможно, скрыт какой-то из тезисов или эпизодов полемики по этому вопросу, как и в отзыве о Полициано, испустившем свою душу «нечисто и зло».

Лаконизм Максима Грека объясняется, видимо, той же осторожностью, которую он проявлял в Москве, описывая те или иные учения в истории Церкви (особенно еретические), опасаясь, что они могут породить соблазны, плохо повлиять на читателей. Известно, что он отказал по этой причине митрополиту Даниилу в просьбе перевести «Церковную историю» Феодорита Кирского, так как в ней слишком пространно говорилось о ересях.

Выпады против схоластики и аристотельских силлогизмов, с помощью которых искажаются или отрицаются догматы христианского вероучения, встречаются и во втором послании Ф. И. Карпову, т. е. втором «Слове на латинов» Максима Грека. Оно написано вскоре после первого (ок. 1522—1523 годов) и посвящено, в значительной части, догматическим вопросам, автор подробно аргументирует тезис об исхождении Св. Духа от Отца и опровергает Filioque. Это цель антилатинской полемики Максима Грека. Сначала слова Максима Грека не лишены даже некоторой иронии, но затем становятся более жесткими, вплоть до уподобления противников еретикам: «Подобало бы латинянам — если уж они не хотят праведно воздавать богодуховенным словам божественных Евангелий большую честь и веру, нежели та, которую они имеют и к самым начальным словам почитаемого у них Стагирита, то есть Аристотеля, — то хотя бы удостоили они Спасовы боголепные слова равной с ними [словами Аристотеля] чести. И подобно тому как они считают учение Стагирита непреложным, так и слова Владыки [следует] соблюдать чистыми и неизвращенными. И подобно тому как они привыкли называть лжецом и обольсти-

телем всякого, кто думает и учит вопреки установлениям Аристотеля, также следует назвать еретиком и обольстителем всякого, кто не боится учить вопреки гласам Господним»[11].

Наконец, третий большой фрагмент с итальянскими реминисценциями, тот, о котором уже говорилось в начале, — с именами трех гуманистов (Козмико, Нифо, Полициано) и осуждением их нечестия.

Конкретная цель и объект сочинения обозначены в названии: «Слово обличительное отчасти о латинском злословии, а также и против Альманаха, который возвелеречил, что будет всемирный потом, более губительный, чем упоминаемый когда-либо»[12]. Автор имеет в виду вполне конкретную книгу и вполне конкретное событие, будоражившее всю Европу в первой четверти XVI века, — неоднократно издававшийся в Венеции астрологический «Альманах», который был истолкован как предсказание нового всемирного потопа в феврале 1524 года на основании сочетания планет в созвездии Водолея (известны издания 1508, 1513, 1518 годов). Всеобщий ужас привел к тому, что начали даже строить ковчеги... Предсказание достигло и России, его распространял все тот же Николай Булев, который вел пропаганду идеи объединения Церквей[13].

Сочинение написано вскоре после того, как назначенная дата прошла, и автор располагает теперь столь убедительным аргументом, как факт несбывшегося предсказания.

Большой фрагмент в «Слове против Альманаха» начинается, как и в первом «Слове на латинов», толкованием текстов из посланий апостола Павла, частично тех же, что и в «Слове на латинов»; автор повторяет некоторые прежние аргументы. В осуждении «философии» из послания к Колоссянам (2:8) добавлено «внешней» (чтобы конкретизировать объект). Обращение к Галатам (3:1) переадресовано, вместо «О несмысленые Галаты» — «О несмыслении латины»: «Но пора уже и к вам обратить слово, которое блаженный Павел пишет к Галатам: “О несмысленные” латины! “Кто вас прельстил истине не покоряться” ⟨...⟩, если вы дни соблюдаете, месяцы, времена, годы?* Как видится, случилось с вами то, что тот же апостол завещал Колоссянам: вы похищены внешнею “философиею, пустым обольщением, но преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христе”. И не удивительно. Ибо [господствующий] у вас Стагирит обильно окружает вас потоками, а лучше сказать, потопляет перипатетическими силлогизмами и хитрословиями вместо того, чтобы направлять вас совокупляться реченному таинственно пророками и апостолами о высочайшей Троице. И если хитрословным силлогизмом догмат не подтвердится, то его как гнилой отметают или без всякого страха изменяют в угоду перипатетической хитрости. И если бы не смущала меня продолжительность того, о чем я говорю в ущерб дальнейшему [изложению], то показал бы я вам фактами, что основываясь на этом, вы множество [почитаемых] христианами честных тайн совсем растлили, а другие претворили в угоду себе, извратив весь отеческий устав.

* Намек на астрологические увлечения.

Но не подумайте из-за этого, будто я осуждаю внешнее наказание*, — оно полезно, о чем свидетельствуют едва ли не все воссиявшие в благочестии. Я не являюсь неблагодарным учеником его, хотя и недостаточно пребывал в его преддвериях, но осуждаю возносящийся сверх необходимого** многопытный разум тех, кто взыскует его [внешнее наказание]. Ибо использовать его им следует благочестиво и приобщаться к нему с умом, и брать из него то, что споспешествует к утверждению христианской веры и, как говорит божественный Павел — "пленять всякий разум в послушание Христу"***, и ставить его везде ниже евангельской истины как ее рабыню.

Противоположное [сказанному] совершают те, кто — как увидишь — отторгшись от истины, на всю свою жизнь отдались ему, и Аристотелю, и Платону, и прочей чреде эллинской, и гостят у них, и дышат ими. [Чтобы показать], какое развращение догматов и злочестие рождается в мыслях тех, кто учится ему, никакое слово не будет достаточным. Я — правдивый свидетель всего этого, потому что был не только их слушателем и очевидцем в Италии и Ломбардии, но также находился некогда в общении с ними. И если бы Бог, пекущийся о всеобщем спасении, не посетил меня благодатию Своею и светом Своим не озарил мысль мою, то вскоре и я погиб бы с сущими там предстателями нечестия.

О скольких я узнал в Италии недугующих языческим нечестием и сущие у вас**** честейшие таинства поругающих. Один из них — Козмик из Феррары (*Никколо Лелио Козмико*), превосходивший иных во внешнем учении; умирая, он говорил ученикам и друзьям своим: «Радуйтесь, о любимые, завтра я почию на Елисейских полях с Сократом и Платоном и всеми героями». Так прельстило его языческое учение! Второй после него был в Патавии (*древнее название Падуи*) Сеса философ из Неаполя (*Агостино Нифо, называемый также Сесса по месту рождения — г. Сесса близ Неаполя*), который настолько зазрел***** вашу веру и обычаи, что говорил своим друзьям, когда ходил в церковь: "Да идем и мы к общей прелести"******. Кто не знает Ангела Полициана, который был во Флоренции и воссиял в нечестии и нечисто и зло душу свою испустил. А иные, исполненные всякого нечестия, уже давно воздвигли бы капища идолам, если бы не удерживал их страх перед запрещением папы».

В этом фрагменте новыми (по сравнению со «Словами на латинов») являются имена трех гуманистов, упоминания о «перипатетиках», достаточно пространный

---

* «Наказание» — слово имеет значение не только «кара», но также «поучение, наставление», «наука, знание», «учение, обучение» (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 10. С. 109).

** В оригинале «чрез лепаго».

*** Имеется в виду текст из послания апостола Павла к Коринфянам (10:5).

**** Обращение к латинянам.

***** Одно из значений глагола «зазрети» — «осудить, укорить, поставить в вину» (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 5. С. 200).

****** «Прелесть» — «1. соблазн, греховное искушение, прельщение, обман» (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 18. С. 259).

пассаж о «внешнем наказании» как «рабыне» евангельской истины (его обычно интерпретируют как традиционный средневековый тезис о философии как «служанке богословия»[14], хотя это не вполне соответствует действительной мысли автора), о «чреде еллинской».

Среди трех названных имен лишь одно принадлежит гуманисту первого ряда. «Ангел Полициан» — Анджело Полициано, поэт, философ, ученый-филолог, один из самых значительных представителей флорентийской гуманистической культуры и круга Лоренцо Медичи — Марсилио Фичино. Он умер во Флоренции в 1494 году, и знакомство с ним Михаила Триволиса относится к последним годам жизни поэта.

Никколо Лелио Козмико известен гораздо меньше. Он был поэтом Падуи, преподавал эпизодически в Ферраре, в частных школах, не будучи университетским профессором, умер в 1500 году после бродячей жизни, полной приключений[15]. Оценка, данная ему Максимом, двойственна. Отмечена его большая образованность: он превосходил многих «во внешнем учении» (т. е. в светских науках); но вместе с тем порицается его чрезмерное увлечение «языческим учением». Он скончался в июне 1500 года, но присутствовать при этом Михаил не мог, так как с марта 1498 года находился на службе в замке Мирандола; следовательно, он передает услышанное от других лиц.

Агостино Нифо вызывает противоречивое отношение и оценки со стороны исследователей Возрождения и гуманизма, встречаются и резко отрицательные характеристики. Нифо преподавал в Падуанском университете в 1492—1498 годах, и именно к этому промежутку времени относится знакомство с ним Михаила Триволиса. Он мог быть слушателем на тех диспутах, которые вел Нифо с другим профессором этого университета — Пьетро Помпонацци. Они оба были аверроистами, хотя принадлежали к разным направлениям аверроизма, оба отрицали бессмертие души, но с разных позиций, оба опубликовали трактаты на эту тему — Нифо в 1505 г., Помпонацци — в 1516 г. «Трактат о бессмертии души» Помпонацци был публично сожжен в Венеции; но позже автору удалось, при посредничестве папы Льва X, издать его в несколько видоизмененном виде[16]. Автор не признавал себя виновным. Хотя имени Помпонацци у Максима Грека нет, назван лишь Нифо, но вполне вероятно, что именно к диспутам в Падуанском университете восходит краткое высказывание в первом из процитированных фрагментов, в I «Слове на латинов»; он почти с ужасом пишет о том, как «беззаконуют» о бессмертии души «латинские сыны».

Три имени объединены по признаку их приверженности «языческому нечестию», при этом обозначена распространенность явления: автор знал многих в Италии и Ломбардии, страдающих недугом языческого нечестия и поругающих догматы вероучения, т. е. осуждается та же составляющая в жизни и в учениях ренессансной эпохи, что и в инвективах против аристотеликов: нечестие, злочестие, доходящее до безбожия, которые часто оказывались в сопряжении с гуманистическими увлечениями.

«Перипатетические силлогизмы и хитрословия», «перипатетическая хитрость» (в «Слове против Альманаха») характерны для эпохи поздней схоластики. «Перипатетиками» называли последователей и комментаторов Аристотеля IV в. до н. э. — III в. н. э. К эпохе Возрождения их учения находились в состоянии упадка и вызывали не только критику, но и насмешки. Осуждение «перипатетических силлогизмов», «перипатетической хитрости», как и ранее, в «Словах на латинов», «аристотельского художества» и «диалектических подстрекательств» ведется Максимом Греком вполне в духе и традиции гуманистической критики и неприятия поздней схоластики, все более превращавшейся в изощренную софистику.

Против нее выступали в XIV веке Петрарка, в XV веке — Лоренцо Валла, в начале XVI века — Томас Мор и Эразм Роттердамский. В трактате-диалоге «О своем и чужом невежестве», как писал А. Х. Горфункель, Петрарка обличал «безбожных перипатетиков, издевался «над "диалектическими" хитросплетениями поздней схоластики (именно против них в первую очередь, как показали новейшие исследования, направлены наиболее резкие полемические пассажи трактата Петрарки "О своем и чужом невежестве")»[17].

«Ересь перипатетических измышлений» в первой половине XV века осуждал Лоренцо Валла в труде «Перекапывание [пересмотр] всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии». Он писал: «...современные перипатетики... как мне кажется, представителю ни одной [любой] из школ не предоставят свободу расходиться во мнении с Аристотелем... Другие латинские авторы не считают остальных философов мудрецами, признавая одного философа мудрецом, и даже наиболее мудрым. Разве не так, если они его одного хотят знать?»[18] Этим словам близко только что процитированное высказывание Максима Грека во втором «Слове на латинов».

Эразм Роттердамский пишет о схоластиках уже в жанре сатиры в «Похвальном слове Глупости» (изд. в 1511 г. в Париже).

Целая глава (LIII) посвящена «докторам» и «новейшим нашим богословам»[19]. Иронизирующая по поводу их Мудрости и всезнания Глупость говорит о «множестве направлений, существующих среди схоластиков, так что легче выбраться из лабиринта, чем из сетей реалистов, номиналистов, фомистов, альбертистов, оккамистов, скотистов и прочих (я называю здесь не все их секты, но лишь самые главные)[20] ⟨...⟩ Никто не убедит меня, будто Павел, превосходивший ученостью остальных апостолов, позволил бы себе столько раз осуждать состязания, прекословия, родословия и прочие, как он выражается, словопрения, будь он посвящен во все ухищрения диалектики ⟨...⟩».

Этот фрагмент Эразма вдохновлен теми же словами апостола Павла, что и толкования Максима Грека на стихи из апостола Павла в первом и третьем из процитированных фрагментов Максима Грека. Эразм осуждает «состязания», «словопрения» схоластиков — и Максим пишет о «внешнем, т. е. мирском стязании», суетном «состязании» латинских сынов (обратим внимание на сходство терминологии в русском переводе Эразма). Эразм говорит про «ухищрения диалектики», а Максим Грек — про «диалектические подстрекательства и софизмы».

«Состязания», «словопрения», которые Эразм осуждает, он увидел в неоднократных предостережениях апостола Павла, обращенных к адресатам, не внимать всякого рода призывам, «прекословиям», исходящим от различных прельстителей, стремящихся отторгнуть своих слушателей от истины. Это те же слова, которыми Максим Грек начинал свое толкование: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас ложною философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не Христе» (Кол 2:8); в этом же послании: «...чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами» (2, 4); «...никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник...» (2, 16); в послании к Эфесянам: «...дабы мы не были младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения» (Эф 4, 14); и ряд других стихов из других посланий.

Глупость продолжает иронизировать: «Нет, по моему суждению, весьма умно поступили бы христиане, если бы вместо мощных когорт, которые уже давно с переменным успехом ведут войну с турками и сарацинами, они послали в бой крикливых скотистов, упорных оккамистов, непобедимых альбертистов и всю прочую софистическую рать: мы бы узрели тогда самую изысканную в истории битву и победу, никогда доселе не виданную».

Не откажем себе в удовольствии познакомиться еще с одним фрагментом Эразма о «докторах наших»: «Пустословя ⟨...⟩ в школах, мнят они, будто силлогизмами своими поддерживают готовую рухнуть вселенскую Церковь, подобно тому как у поэтов Атлант держит на плечах свод небесный. А разве не приятно, по вашему, разминать и лепить, словно воск, таинственное священное учение, ставя свои конклюзии, скрепленные авторитетом нескольких схоластиков, превыше Солоновых законов и папских декретов? Разве не отрадно мнить себя цензорами всего круга земного, требуя отречения от всякого, кто хоть на волос разойдется с их очевидными и подразумеваемыми заключениями ⟨...⟩ ни крещение, ни евангелие, ни Павел с Петром, ни св. Иероним, ни Августин, ни даже сам Фома Аристотельствующий не в силах сделать человека христианином, буде не удостоится он одобрения со стороны тонко мудрствующих бакалавров».

Выпады против бакалавров тоже напоминают краткий фрагмент из II «Слова на латинов».

Разумеется, Максим Грек не столь красноречив, он весьма лаконичен, менее информативен, но объект его обличений тот же, что и в сатире Эразма, а в эмоциональном накале он не уступит представителю христианского гуманизма.

«Похвала Глупости» Эразма вызвала крайнее недовольство приверженцев традиционной схоластики. Лувенский теолог Мартин Дорп публично порицал Эразмову сатиру на теологическую софистику; в защиту и поддержку своего друга Эразма выступил Томас Мор. В пространном письме к Дорпу (октябрь 1515 года) он выразил свое неприятие лжетеологов-диалектиков и их «софистического вздора»[21].

Насколько можно судить по лаконичным, общим высказываниям Максима Грека, ему была близка точка зрения на диалектику и риторику, размежевав-

шая их роль и значение в тогдашней системе наук, в их отношении с теологией, точку зрения, которая была характерна для северного, христианского гуманизма. И. Н. Осиновский, обобщая наблюдения ряда исследователей, в частности М. Флейшера, описывал эти позиции следующим образом. Теология, согласно схоластической концепции, «постигает Бога и его доктрину при помощи спекулятивного разума, и потому диалектика или логика являются главным средством для установления "божественной истины". Напротив, гуманисты, принадлежавшие к кругу Эразма, за основу теологии брали изучение Библии и сочинений отцов Церкви. С их точки зрения, истинная теология интересуется только таким знанием, которое необходимо и достаточно для спасения христианина. А это знание воплощается в Священном Писании, патристике, древних священных обычаях и установлениях Церкви. При таком взгляде на теологию главными ее помощниками провозглашались словесные искусства — грамматика и риторика. Схоластическая теология, выдвигавшая на первый план диалектику или логику, была неприемлема для гуманистов и означала, с их точки зрения, подмену подлинного, позитивного знания фальшивыми истинами, добытыми путем логических ухищрений ⟨...⟩. Предметом ожесточенной полемики между гуманистами и схоластами» были два подхода к научному знанию: позиция Дорпа и его коллег — лувенских теологов, защищавших приоритет диалектики как основного инструмента теологии, и позиция гуманистов (Мора—Эразма), «отдававших предпочтение риторике как практическому искусству, жизненное значение которого, по их мнению, было гораздо важнее отвлеченных логических спекуляций... Историки культуры средних веков обычно ассоциируют эти две позиции — modus rhetoricus и modus logicalis — с литературно-риторическим методом ранних отцов Церкви и диалектико-спекулятивным методом эпохи схоластики»[22].

Отрицательное отношение к диалектике выражено Максимом и в контексте осуждения тех, кто отрицает бессмертие души с помощью диалектического «стязания» («со-стязания»), и особенно в использовании толкования Иоанна Златоуста на текст из пророка Исайи. В своем собственном толковании, как бы продолжающем святоотеческое, он противополагает два подхода: с одной стороны, «обретение божественных догматов», которое «выше помышления всякого», «выше зрения всякого существенного и несущественного», «зримо и познаваемо» только верой, его сторонники избегают искусства логики, но «выспрь взлетают» (это близко некоторым положениям неоплатонической философии); а с другой — диалектические «подстрекательства», «злохитрства», «принуждения», «софизматы» (и даже «гнусные софизматы»). Горящий уголь серафима из видений пророка Исайи касается уст первых, и лишь малую искру высекают состязания вторых.

Приводя столь пространные выписки из гуманистических сочинений, мы далеки от утверждения, что Максим Грек читал именно эти тексты. Наша цель состояла в том, чтобы обозначить русло, в котором можно расположить лаконичные высказывания Максима Грека, показывающие, что он был в курсе умственных течений своей эпохи.

«Перипатетические дискуссии» продолжались в течение всего XVI века. Противником «перипатетиков» выступал Франческо Патрици, а Джордано Бруно ополчался и на «перипатетиков», и на Патрици[23].

Выступая против схоластики, Максим Грек неизменно и постоянно делает оговорку, чтобы отвести от себя возможный упрек, будто он является противником «внешних наук», знания как такового (именно в этом упрекал его Федор Карпов[24]). Он постоянно говорит о пользе «окружных учений», «внешнего наказания» (обучения, образования), его отношение выражено вполне определенно, категорично, лишено какой бы то ни было двусмысленности. Положительное содержание «внешних наук» он отделяет от возможности их ложного использования, злоупотребления ими. А главное для него — недопустимость «испытания» (проверки) с их помощью христианских догматов и таинств, особенно такого «испытания», которое приводит к их искажению, отрицанию, «растлению». Использовать «внешние науки», светское знание допустимо лишь для утверждения евангельской и апостольской истины, для «согласия» (согласования) с ней, а не для противоборства и противостояния. И для религиозной мысли и науки XX века это оставалось актуальной задачей, как ее сформулировал П. Флоренский в названии своего главного труда «Столп и утверждение истины» (слова «утверждение», «утвердити» в трактатах Максима Грека на эту тему принадлежат к ряду ключевых, становятся терминами). Утверждение, а не отрицание; согласие, а не противоположение веры и знания — вот пафос его сочинений.

Конечно, объем «внешних наук», светского знания в Москве был несоизмерим с тем, что можно было наблюдать Италии, но важно то, что Максим Грек нашел необходимым сказать об этом в России. Его отношение к вопросу о соотношении философии и богословия не равнозначно тезису «ancilla (служанка) theologiae», как полагал, например, И. Денисов. Он воздает похвалы светскому знанию, но когда речь заходит о евангельской и апостольской истине, то она ставится бесспорно выше. Ее «рабом» оказывается «божественный» Иоанн Златоуст, а «рабыней» — «внешнее наказание» в целом. Но в понятия «раб» и «рабство» он вкладывает высокий и глубокий, а главное, духовный смысл. Это не «рабство служанки» в современном смысле слова, не вынужденная подчиненность «раба», но высокое служение, может быть, даже подобное литургическому.

Оно близко и гуманистическому подходу, о котором только что говорилось (не «рабство» служанки, но «помощь»). На первом месте для Максима Грека — постижение «таинственных речений пророков и апостолов о высочайшей Троице», т. е. непосредственное изучение Священного Писания, не искаженного схоластическими толкованиями. В системе его аргументации большое значение имеют сочинения отцов Церкви, обширные фрагменты которых он приводит, издавая своего рода антологию, а также решения Вселенских Соборов и связанные с ними послания авторитетных церковных иерархов (например, патриарха Фотия)*.

---

* Почти не подвергался исследованию вопрос о том, каковы были источники его пространных цитат из патристической литературы. Использовал ли он имевшиеся

Система противопоставлений в «Слове на латинов» — не художественный прием, не литературная особенность эстетического характера, но категория, принадлежащая к разряду догматических и нравственных понятий, духовных ценностей.

Возникает вопрос об адресате сочинений Максима Грека. Это не только Федор Карпов, Николай Булев и русские современники. В «Слове против Альманаха» неоднократны и обращения к «латинским сынам», которым были ближе и понятнее все эти силлогизмы и софизмы. Можно расценить такого рода обращения как риторический прием, имеющий целью, во-первых, указать на происхождение и источник обличаемых воззрений, во-вторых, обозначить достаточно широкий круг их распространения. Но остаются некоторые высказывания, не находящие объяснения в рамках такого подхода. Например, восклицая «кто не знает Ангела Полициана», сам Максим Грек не мог, конечно, не знать, что в Москве его не знает никто. Или, порицая Нифо и говоря, что тот «зазрел вашу веру и обычаи», он имел в виду конфессию латинских, а не русских читателей. Возникает впечатление, что такого рода высказывания рассчитаны не только на русский круг и являются не просто риторическим приемом.

Можно высказать предположение, которое едва ли было возможно два-три десятилетия назад, до того как П. Бушкович нашел в Венском государственном архиве греческое послание Максима Грека, адресованное некоему Макробию; оно представляет собой греческие версии двух его известных русских сочинений («Слова о покаянии» и «Против эллинской прелести»). Оно было отправлено из Москвы в 1552 году[25]. Если даже в конце жизни автор сохранял связи с представителями своей прежней среды, то тем более они были возможны в первый период (1518—1525). В особенности это вероятно для сочинения, посвященного венецианскому астрологическому «Альманаху», если учитывать прежние связи Михаила Триволиса с ученой средой Венеции. Создавая в России свои полемические произведения против латинян, Максим Грек мог иметь в виду и возможность ознакомления с ними в западноевропейских кругах его соотечественников.

С 1498 года в Венеции существовала община православных греков (Школа св. Николая), основанная с разрешения Совета десяти, имевшая собственный законный статут и право выбора собственных священников. Она имела привилегии со стороны пап и Республики. Марк Мусурос, один из друзей Михаила Триволиса, записался в Общину 5 декабря 1514 года и повторил запись 5 декабря следующего года. Посредничество Марка Мусуроса и Иоанна Ласкариса в отношениях общины с папой Львом X обеспечивало ей религиозную свободу[26].

Возможно, когда-либо в будущем в венецианском или каком-либо другом архиве обнаружат и греческую версию трактата Михаила Триволиса (Максима Гре-

---

церковнославянские переводы, давал ли собственные переводы (и в этом случае — где находил греческие оригиналы, привез ли некоторые их них с собой), или же черпал из сокровищницы своей памяти — все эти вопросы встанут перед будущими исследователями творчества этого автора.

ка) против венецианского астрологического Альманаха или другого полемического сочинения против латинян.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале раздела, — на что обрушивался Максим Грек в своих итальянских реминисценциях, мы можем теперь с уверенностью сказать, что видим в них не гуманистов, а «перипатетиков» и «аристотеликов» поздней схоластики, ее «хитрословные силлогизмы» и «подстрекательские софизмы». Порицания и обличения в их адрес смыкаются в ряде случаев с гуманистической критикой. То же можно сказать и о высказываниях по поводу полемики о бессмертии души, хотя они крайне лаконичны, и о выступлениях против астрологии.

В отношении к астрологии позиция Максима Грека выражена вполне категорично, она аналогична тому направлению, представители которого отвергали ее предсказательную сторону. Среди них находился Пико делла Мирандола. Но единомыслия в ее оценке в гуманистической среде не было. Марсилио Фичино, например, занимал колеблющуюся позицию.

Что касается гуманизма, то Максим Грек не затрагивает основного содержания и сути гуманистических учений, не упоминает о них — ни «за», ни «против». Он не мог выступать против той — непосредственной — составляющей Возрождения, инструментом которой выступал сам (переписка рукописей, преподавание, участие в подготовке и издании сочинений античных авторов и т. д.). Но он не мог оставить без внимания, обойти направления, точнее — те составляющие умственной и духовной жизни Италии и Ломбардии, которые он определял как «нечестие» или даже «безбожие». И кроме нечестия перипатетиков и аристотеликов он видит нечестие «эллинское», говорит о «чреде еллинской» с бесспорной отрицательной коннотацией, причисляя к ней Платона и Аристотеля. Именно в этом контексте находятся имена трех гуманистов, порицаются какие-то реальные факты их жизни, в которых это нечестие было продемонстрировано (по принципу ad hominem).

Но осуждение не является фронтальным. Его позиция дифференцирована. Причисляя Платона и Аристотеля к «нечестивой чреде эллинской», порицая злоупотребления ими, Максим Грек вместе с тем признает заслуги и авторитет этих знаменитых философов древности, особенно Платона, называя его «верховным» среди них, а в других контекстах (например, в полемике против астрологии) берет их себе в союзники. Отношение к Аристотелю засвидетельствовано фактом переписки им рукописи «Комментариев» Иоанна Филопона к «Первой аналитике» Аристотеля, что ни в коей мере не вступает в противоречие с упреками в адрес злоупотреблений «аристотельскими силлогизмами» в современной ему схоластике, поскольку «Комментарии» созданы в период ее расцвета[27]. Достоинства древнегреческих трудов, издававшихся Ласкарисом, Альдом, другими печатниками, значение их латинских переводов, их актуальность в истории культуры не могли вызывать у него сомнений. Но он порицал сопряженное с их восприятием в итальянской среде нечестие, аморальность, проникновение их в повседневную жизнь и быт. Неопаганизм был одной из характерных черт эпохи, и это неоднократно отмечали исследователи, описывая его среду и эпоху в Италии (Иконников, Денисов и др.).

Максим Грек принадлежал к тому типу ученых, которые обладают способностью дифференцированного отношения к явлению, умеют различать и оценивать по-разному разные его стороны. В каждом случае обличений, порицания, критики, каков бы ни был их объект, он делает оговорки, отмечая положительные стороны явления. Это проявилось и в отношении к «внешним наукам» (осуждая злоупотребления ими, он пишет о пользе «внешнего наказания» — образования, воздает ему похвалы), к астрологии (признавая значение и необходимость астрономии как науки о небесных явлениях и светилах, он отрицает предсказательную сторону, астрологию, которая тоже оценивается как «нечестие»), к «латинству» (в «Повести страшной и достопамятной и о совершенном иноческом жительстве», где описаны доминиканский и картузианский ордена, он утверждает, что «благие начинания» могут быть и у людей, исповедующих «неправые учения»)[28]. Таково и его отношение к «эллинству». Признавая его высокие достижения, он порицает те его стороны, которые негативно воспринимались в его время и в его среде. Гораздо более полно эта тема будет разработана в сочинениях второго периода (30—40-е годы).

К тому же следует помнить, что Максиму Греку была, разумеется, хорошо известна и сильная в восточной патристике традиция обличений «эллинства» (например, у Григория Назианзина она была составной частью полемического богословия), что не могло не влиять на его отношение к сложным и неоднозначным религиозным исканиям гуманистов, к их поискам религиозного синтеза. Эта тема требует самостоятельного рассмотрения.

Имея редкую возможность видеть ренессансную Италию не только изнутри, но и со стороны, к тому же как представитель другой конфессии, он был одним из тех, кто сумел разглядеть разные составляющие в ее культуре, в частности ту, о которой предстояло много писать и спорить ученым следующих веков.

Содержание учений XIX—XX веков, осуждавших ренессансный индивидуализм, самоутверждение человека и его измену Богу, афористично сформулировал один из крупнейших исследователей Средних веков и Возрождения Э. Жильсон (в работе 1932 года): «Ренессанс, как его преподносили нам, был не средние века плюс человек, но средние века минус Бог, и трагедия состояла в том, что, теряя Бога, ренессанс терял самого человека»[29]. Если в таком же ключе попытаться определить позицию Максима Грека, то можно предложить формулу: «эллинское начало минус нечестие». Но это было недостижимо, как и Утопия—Нигдея его современника Томаса Мора, друга Эразма.

Надо к тому же сказать, что самая постановка вопроса об «отношении Максима Грека к Возрождению»[30] не вполне корректна. Ведь для него, как и для его соотечественников в Италии, состоявших «на службе гуманизма», возрождаемая греческая древность, «античность» была не «Чужой», а «Своей», не требовала и не предполагала «возрождения», т. к. не умирала. Будучи каллиграфом, сотрудничая с печатниками, преподавая, Максим Грек становился живым инструментом той передачи знания, разностороннего и могучего процесса translatio, который был частью культуры эпохи (translatio studii, translatio imperii и др.).

Греки в Италии были не просто носителями языка возрождаемой античности, им было органически (генетически) близко и то, что на этом языке было написано (при всем различии эпох, нравов, языковых норм и форм и т. д.). В античности они оставались у себя дома, даже в тех случаях, когда расходились с ней идейно и идеологически.

Максим Грек смотрел на окружающую действительность и изнутри, и вместе с тем со стороны — в этом уникальность его позиции в 90-е годы Кваттроченто и первые годы следующего столетия. Вскоре на Афоне он по-новому осмыслит свой опыт, а главное — сможет глубже проникнуть в другую древность-античность, а именно духовное наследие восточных отцов, хранимое в богатейших книжных сокровищницах Афона. К некоторым из них проявляли большой интерес и гуманисты (Дионисий Ареопагит, Григорий Назианзин, Василий Великий и ряд других). А в России его труды будут посвящены в значительной своей части возрождению восточной патристики (переводах на церковнославянский язык).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бараки М.* Отзвуки итальянской литературы в Московии XVI столетия (Сопоставление «Слова» Максима Грека с мотивами и художественными приемами «Божественной комедии» // Россия и Италия. М., 1993. С. 62.

[2] *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943. P. 213—217. И. Денисов полагал, что после отказа Михаила Триволиса от монашеской жизни, о чем он писал своему другу Сципиону Картеромаху (Фортегерри) в Венецию, нет никаких следов его пребывания в Италии. Но письмо следует датировать не апрелем 1504 г., а апрелем 1503 г. (*Синицына Н. В.* Новые данные об итальянском периоде жизни преп. Максима Грека / Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 193—199). Содержащаяся в этом письме просьба «вытащи меня к вам», «отрекомендуй меня Альду» (см.: *Преп. Максим Грек.* Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 99) была удовлетворена, о чем можно говорить с очень высокой степенью вероятности. Н. Вильсон привлек внимание к документу осени 1502 г., который показывает, что в это время организуется и формируется «Новая Академия» Альда Мануция, начинается привлечение к ней новых членов. Документ написан от имени самого Альда и двух друзей Михаила Триволиса — Иоанна Григоропулоса и Сципиона Картеромаха (адресата Михаила Триволиса и непосредственного составителя документа), см.: *Wilson N.* From Byzantium to Italy. Greck Studies in the Italian Renaissance. London, 1992. P. 129—130. Поэтому положительный ответ вероятен, как и участие Михаила в изданиях Альда 1503—1504 гг., следовательно, и продолжение его связей с гуманистическими кругами.

[3] *Преп. Максим Грек.* Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1996. Ч. 2. С. 134—190, 276—293 («Слова» XII, XIII, XXII).

[4] *Преп. Максим Грек.* Сочинения. Т. 1. С. 171—198, фрагмент об «училищах италийских» см.: с. 181—184.

[5] Правила Святых вселенских соборов с толкованиями. М., 2000. С. 616 (постановления и Правила соборов и св. отцов должны сохраняться «без прибавления» и «умаления»).

[6] *Синицына Н. В.* Из истории полемики против латинян в XVI в. (о датировке и атрибуции некоторых сочинений Максима Грека) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 130—141; *Йовий Павел.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., автор вводных статей... О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 258, 261.

[7] Подробнее см.: *Воскобойников О. С., Попов И. Н.* Artes liberales // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 468—469; *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 354—355; *Горфункель А. Х.* От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» (философские проблемы культуры Возрождения) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 132.

[8] *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. С. 92.

[9] *Соколов В. В.* Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962. С. 34.

[10] *Кудрявцев О. Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. С. 67; Чаша Гермеса. С. 178—224.

[11] *Преп. Максим Грек.* Сочинения. Т. 1. С. 200—201. Тенденция связывать антилатинскую полемику с проблемой аподиктического (доказательного, или доказывающего) силлогизма существовала в Византии уже в первой половине XIV в., в период противостояния Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Максим Грек спустя почти 200 лет возродил этот метод и связал свои аргументы с тем, что сам наблюдал в итальянской среде.

[12] *Преп. Максим Грек.* Сочинения. Т. 1. С. 359—372; цитируемый фрагмент: С. 362—364.

[13] Подробнее см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 175—178; *Niccoli O.* Profeti e popolo nell Italia del Rinascimento. Roma; Bari, 1987. P. 185—196, 249.

[14] *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 253.

[15] *Иконников В. С.* Максим Грек. С. 113—114; *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 179—180, 183.

[16] *Иконников В. С.* Максим Грек. С. 92, 112; *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 176—178; Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., автор. вступит. ст. и коммент. О. Ф. Кудрявцев. М., 1996. С. 273—285.

[17] *Горфункель А. Х.* От «торжества Фомы» к «Афинской школе». С. 136, 139 (А. Х. Горфункель ссылается на труд: *Garin E.* L'età nuova. Napoli, 1969. P. 147—152).

[18] *Вала Л.* О истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 292, 293.

[19] *Эразм Роттердамский.* Похвальное слово Глупости. М., 1991. С. 109—113.

[20] Речь идет о направлениях средневековой философии, о последователях учений Фомы Аквинского, Альберта фон Больштедта, Уильяма Оккама, Дунса Скота. Там же. С. 441—442.

[21] Публикация письма: Томас Мор — Мартину Дорпу // Томас Мор. 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981. С. 326—371 (особенно с. 338, 340).

[22] *Осиновский И. Н.* Томас Мор в истории ренессансного гуманизма // Томас Мор. 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. С. 19, 29—31; *Fleisher M.* Radical Reform and Political Persuasion in the Life and Writings of Thomas More. Genève, 1973. P. 104—108, 151, 171.

[23] *Горфункель А. Х.* «Новая философия вселенной» Франческо Патрици // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 42—46 (раздел «Вокруг Перипатетических дискуссий»); *Бруно Д.* Диалоги. М., 1949. С. 225.

[24] *Преп. Максим Грек.* Сочинения. Т. 1. С. 250.

[25] *Бушкович П.* Максим Грек — поэт-«гипербореец» // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом РАН). СПб., 1993. Т. 47. С. 228, 240; критические замечания по поводу публикации П. Бушковича и новое издание греческого текста см.: *Sevčenko I.* On the Grek Poetik Output of Maksim Grek // Byzantinoslavica. LVIII (1997).

[26] *Cataldi Palau A.* La vita di Marco Musuro alla luce di documenti e manoscritti // Italia medioevale e umanistica. Roma—Padova, XLV. 2004. P. 312—313, 343—345.

[27] *Harlfinger D.* Codices Cremonenses Graeci. Eine Kurze Neusichtung anlässlich des V Colloquio Internazionale di Paleografia greca. Cremona. 4—10 ottobre 1998. S. 1—14.

[28] Сочинения преп. Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 178—205.

[29] Цит. по: *Кудрявцев О. Ф.* «Умри, Флоренция, Иуда»: ренессансная Италия в восприятии русской культуры // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 214—222. Название статьи — строка из стихотворения А. Блока, возникшая, возможно, под влиянием драмы Ромена Роллана «Савонарола» (1896), в которой Микеланджело в отсвете костра, на котором сжигают Савонаролу, проклинает Флоренцию: «Умри, Италия! Умри, мир! Господи, освободи меня от кошмара жизни!», цит. по: *Тахо-Годи М. А.* Ромен Роллан и Данте Алигьери // Дантовские чтения 1982. М., 1982. С. 190.

[30] *Гудзий Н. К.* Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // Киевские университетские известия. 1911. № 7.

В. Т. Вовина-Лебедева (Санкт-Петербург)

Лев Владимирович Черепнин — исследователь летописания

Центральным стержнем анализа всех работ по истории летописания, появившихся после А. А. Шахматова (думается, это не требует объяснения), является соотнесение их с шахматовской методикой и шахматовской летописной схемой. Труды не только самого Шахматова, но и труды его непосредственных учеников и продолжателей и учеников этих учеников составляют главное ответвление в историографии летописания XX в. Речь идет прежде всего о М. Д. Приселкове, А. Н. Насонове, Я. С. Лурье, чей определяющий вклад несомненен. Но, как представляется, от Шахматова (если позволено будет употребить такое выражение) идет не только эта линия, а идут разные направления. Так, учеником Шахматова считал себя, и им, очевидно, действительно являлся, Е. Ю. Перфецкий, а также В. А. Пархоменко. Шахматов повлиял и на других исследователей — на учеников С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова, например, можно назвать Н. Ф. Лаврова. Но то, как они исследовали летописи, по ряду позиций очень отличается от подхода, например, М. Д. Приселкова. Это же относился и к В. Л. Комаровичу.

Я. С. Лурье неоднократно писал о Шахматове, его методе и его школе. Он полагал, что главным достижением Шахматова было следование сравнительному методу. Именно в том случае, когда применялся этот метод, были сделаны все главные открытия Шахматова в области изучения летописей. Но поскольку настоящий материал для сравнения появляется только с XIV в., то именно выводы Шахматова относительно общерусских сводов московского периода Я. С. Лурье полагал основными и наиболее ценными. Для более раннего времени, по его мнению, Шахматов был вынужден обходиться анализом одного текста, главным образом Повести временных лет (далее — ПВЛ), хотя и тут основной вывод о Начальном своде получен из сопоставления ПВЛ с Новгородской 1 летописью Младшего извода (далее — Н1Мл.). Я. С. Лурье, безусловно, глубоко понимал шахматовские работы, но кажется, что в ряде случаев для самого А. А. Шахматова не была характерна такая строгость в разграничении результатов предварительных и более окончательных гипотез и догадок, как для самого Я. С. Лурье[1].

Свои изыскания в области древнейших пластов летописания (древнее Начального свода) А. А. Шахматов не считал чем-то второстепенным, а, наоборот, оцени-

[1] См.: *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // ВИД. Т. 1. Л., 1968. С. 4—32; *Он же.* Проблемы изучения русского летописания // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 43—48; *Он же.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 97—107; *Он же.* Михаил Дмитриевич Приселков и вопросы русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146—159.

вал их как цель всех своих работ, в том числе занятий позднейшим летописанием (XIV—XV вв.). В трудах Шахматова видно следование и другим принципам, также для него очень важным, а не только и не строго сравнительному методу.

Л. В. Черепнин взял под защиту А. А. Шахматова и его труды в непростой момент. Вскоре его школа начала подвергаться критике[2]. И как показывает обращение к его собственным работам о летописях, это не было случайным. Он был близок Шахматову и, вероятно, следовал за ним в своем понимании летописания по целому ряду положений (но не по всем). Возьмем для анализа несколько статей Л. В. Черепнина, посвященных Шахматову и раннему летописанию[3]. Рассмотрим раннюю статью Л. В. о Летописце Даниила Галицкого[4], статью о редакциях ПВЛ и о предшествующих ей сводах[5], рецензии на книги И. П. Еремина[6] и А. Г. Кузьмина, статью о Русской Правде и летописях[7]. Полемику с Кузьминым[8] я не рассматриваю подробно. Этот сюжет требует отдельного рассмотрения из-за маргинальности взглядов на летописание А. Г. Кузьмина, что отражалось и на особом характере полемики с ним.

Итак, за вычетом упомянутых работ, проследим, можно ли обнаружить в работах Л. В. Черепнина о летописании, при его неоднократно выраженном пиетете к имени А. А. Шахматова, действительное сходство с последним. И если мы его найдем, то важно определить, в чем именно оно заключается.

А. А. Шахматов в целом ряде случаев при наличии лишь одного текста осуществлял его внутренний логический анализ и выделял внутри него, таким образом, бо-

---

[2] *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки (далее ИЗ. — *В. В.*). Т. 25. 1948. С. 293—333. См. также: *Пашуто В. Т.* За марксистско-ленинскую историю литературы // ВИ. 1950. № 3. С. 114—120; *Он же.* А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2. С. 47—73; *Будовниц И. У.* Об исторических построениях М. Д. Приселкова // ИЗ. № 35. 1950. С. 199—231.

[3] Я сознательно не обращаюсь к его большой работе о Новом летописце и летописании XVII в. Во-первых, я уже писала об этом несколько раз (в отдельной статье и в книге), а во-вторых, наиболее ясно метод Л. В. виден, на мой взгляд, именно в его работах о ранних летописях. См.: *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. Т. 14. 1945. С. 81—128.

[4] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. Т. 12. 1941. С. 228—253.

[5] *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды…

[6] *Черепнин Л. В.* [Рец. на:] *Еремин И. П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л. 1947 // Советская книга. 1948. № 3. С. 104—106.

[7] *Черепнин Л. В.* Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятипятилетия: Сб. статей. М., 1952. С. 89—99.

[8] *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 46—64; К спорам о методологии изучения начального летописания: (Ответ А. Г. Кузьмину) // История СССР. 1973. № 4. С. 231—237.

лее ранние тексты[9]. Это же можно сказать о всех выбранных для анализа работах Л. В. Черепнина, хотя он сам в статье о ПВЛ[10] спорит с характеристикой, данной А. А. Шахматову Д. С. Лихачевым: «логически-смысловой анализ»[11]. Именно таким образом Л. В. выделял в составе Ипатьевской летописи (далее — Ип.) «Летописец Даниила Галицкого». И точно так же им выделялись редакции ПВЛ.

По свидетельству С. П. Обнорского, Шахматов «не любил типа ученых, корпящих над одними фактами и не решающихся из-за них к выводам, и, напротив, из малого количества данных требовал выводов, ждал предположений, пусть даже предварительных, но все же развивающих путь к абсолютной истине», так как «гипотеза, даже неверная, будит мысль». Н. К. Никольский выразил это иначе. Он отмечал, что «к отличительным приемам его (Шахматова. — *В. В.*) изысканий принадлежит совместное пользование не только средствами Аристотелиевской логики, но и сетью гипотетических суждений»[12]. В этом смысле можно сказать, что Л. В. Черепнин всегда стремился построить гипотезу (догадку) даже в том случае, если для этого имелся скудный материал. Мы увидим это в его статье о ПВЛ (критика позиции В. В. Мавродина со ссылкой на Б. Д. Грекова и заключение о том, что «гипотезы в науке вообще и в частности в исторической науке оправдали себя полностью»)[13]. Для Шахматова это был принципиальный момент, чего нельзя сказать о других его продолжателях. Например, А. Н. Насонов писал, что хотя без гипотез нельзя обойтись в исследовании, но лучше, чтобы их было поменьше[14]. Л. В. здесь и в смысле отношения к гипотезам, и по анализу текстов явно не близок к А. Н. Насонову (и Я. С. Лурье). Он близок к Шахматову, к тем шахматовским работам, где речь идет о раннем летописании и где действительно не используется, или используется не в полной мере, сравнительный метод.

Далее, этот реконструированный памятник почти всегда сравнивался А. А. Шахматовым затем с остальными частями того же самого текста, из которого он сам был только что выделен. В результате строилось представление об особенностях этапов летописания. Если посмотрим работы Л. В., то увидим, что внутри «Летописца Даниила Галицкого» он таким же путем внутреннего логического анализа выделял еще Летописец 1256—1257 гг., а также галицкую повесть 1211 г. и источники черниговского происхождения.

Оба исследователя стремились восстановить более широкий культурный слой, осколком которого явился разбираемый (реконструированный) текст, и показать

---

[9] Здесь я не во всем согласна с Я. С. Лурье, полагающим, что это всегда была вынужденная ситуация, возникающая из-за отсутствия параллельных текстов для сличения.

[10] *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды…

[11] См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

[12] *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей своды… С. 294.

[13] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 7.

[14] *Щерба Л. В.* Методы лингвистических работ А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 315.

его место в этом слое некогда утраченного целого. У А. А. Шахматова восстанавливался целый ряд связанных друг с другом текстов, обнаруживаемых в реально сохранившихся летописях. Л. В. Черепнин связывал «Летописец Даниила Галицкого» со «Словом о полку Игореве», искал и находил в обоих случаях следы общего черниговского летописания, и это же относится к ПВЛ и Русской Правде. Причем выводы по Слову или Русской Правде подтверждали его выводы по летописям, и наоборот. Так же работал и Шахматов. Он подходил к одной и той же проблеме с разных сторон, что известно всем, знающим его труды. Л. В. Щерба писал о работах А. А. Шахматова в области истории языка, отмечая, что «его исследование не походило на стройный полет одинокой стрелы... оно все шумело бесчисленными стрелами мысли... бывало полно гипотетических звеньев, предположений». При этом он отмечал, что у Шахматова «решительно все факты находят себе место и объяснение в его системах и притом зачастую оказываются нанизанными на разветвления одной и той же идеи»[15]. Слабость этого подхода заключалась в том, что достаточно было поколебать какой-то элемент его построения, чтобы разрушить всю систему.

И А. А. Шахматов, и Л. В. Черепнин всегда стремились определить, пусть даже сугубо предположительно, место составления памятника и его автора (составителя). Так, Черепнин полагал, что «Летописец Даниила Галицкого» (далее ЛДГ) возник в Холме при епископской кафедре (делал это на основании внутреннего, логического анализа одного-единственного текста). И даже находил объяснение противоречащему этому, казалось бы, обилию в тексте Ип. военных сюжетов. Автором «второй галицкой повести», им логически далее выделяемой уже внутри ЛДГ, он считал также конкретных людей («надо думать, что яркие зарисовки... появились на страницах летописца в результате того правительственного обследования боярских беззаконий, которое было поручено кн. Даниилом печатнику Кириллу и стольнику Якову»[16]). Обстоятельства составления редакций ПВЛ по сходной причине виделись ему связанными с окружением Владимира Мономаха и с его отношениями с черниговскими князьями Святославичами. Относительно авторства «Слова о полку Игореве» известно его предположение о трактовке имени Боян как «бо Ян» и соотнесении его с печерским старцем Яном ПВЛ и Киево-Печерского патерика[17]. Кстати, и такая игра именами и географическими словами была не чужда Шахматову, достаточно вспомнить его знаменитый сюжет о так называемых былинных предках Владимира, столь сильно раскритикованный впоследствии[18]. Напомним, что там предлагалось читать «Мискину» Яна Длугоша как искажение от «Мистиши» ПВЛ и, в свою очередь, как производное от «Нискины», т. е. древлянского Мала, которого, в свою очередь, отождествляют с «Малко Любечаниным», а того предлагают читать как «Кольчанин», потому что в одной из редакций Синопсиса древлянский город Мала называется «Кольцо».

---

[15] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 251.

[16] См.: *Черепнин Л. В.* Русская Правда (в краткой редакции)...

[17] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

[18] Там же. С. 99—105.

Тут особенно важно, как представляется, одно обстоятельство. Л. В. Черепнин, как и А. А. Шахматов, исходил из представления о том, что первоначальный текст летописи не должен быть противоречивым. На этом строился весь анализ и особенно выделение вставок и позднейших наслоений. Обратившись к статье Л. В. о ЛДГ, мы увидим, например, что Летописец 1256—1257 гг., а также Повесть о битве на Калке и другие части выделись им именно таким образом. Причем противоречивость сохранившегося текста была обнаружена как в логическом смысле (два раза описывается одно и то же событие, рассказ «лишен композиционной стройности»), так и в построении фраз, например, в использовании двойственного и множественного чисел (при выделении «второй галицкой повести»). Точно такой же прием мы видим у Шахматова. Это знаменитое место его «Разысканий» о двойных описаниях киевских событий XII в., указывающих на два южных источника — киевский и переяславский, а также на два переяславских летописца — княжеский и епископский. И не менее знаменитое место с множественным и двойственным числом при сравнении рассказа о завоевании Олегом и Игорем Киева в ПВЛ и Н1Мл.[19] В итоге — оба исследователя распутывали сложный клубок разновременных текстов. Не случайно, возможно, что оба пользовались сходными образами. А. А. Шахматов сравнивал свою работу с распутыванием сложного клубка (и ему вторил М. Д. Приселков)[20]. А Л. В. Черепнин писал, что в статье 6735 г. в Ип. «переплелись два рассказа», и он их расплетает. В итоге — восстановление первоначального, непротиворечивого и композиционно стройного, логичного, с точки зрения исследователей, текста.

В этой же плоскости лежит полемика Л. В. Черепнина с филологами школы В. Н. Перетца (С. А. Бугославским и И. П. Ереминым). Л. В. Черепнин не мог согласиться с двумя положениями И. П. Еремина. Во-первых, речь идет о понимании того, как следует изучать летописный текст. Еремин в своей книге о ПВЛ стремился реконструировать сознание летописца как отличное от современного, называя его «дискретным» и т. д.[21] Поэтому фрагментарность летописного повествования проистекает из его природы. Текст летописи, по Еремину, противоречив лишь в нашем современном понимании, но не является таковым с точки зрения летописца. Сейчас бы мы назвали это исследованием ментальности. То есть повторы, упоминание лиц и событий, о которых ранее не было речи, не могут оцениваться в каждом случае как след вставки или позднейшего напластования. Это особенность сознания другой эпохи. С точки зрения И. П. Еремина, текст ПВЛ един, и «непонятные» и «темные» его места — не знак вставок, как считали Шахматов и Черепнин, а следствие особого восприятия истории, присущего летописцу. С этих же позиций объяснялся и погодный принцип изложения. По Еремину, все это — отражение «до-прагматического исторического мышления», и многие особенности

---

[19] *Пресняков А. Е.* А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. С. 164.

[20] *Еремин И. П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947.

[21] *Еремин И. Г.* «Повесть временных лет»... С. 37—39.

ПВЛ определяются изучением характера мировоззрения ее составителей и переписчиков, а не на путях текстологического анализа.

Затем, И. П. Еремин обратил внимание на то, что у Шахматова уже «отчетливо намечен» образ летописца: «многоопытного литератора-чиновника "политической канцелярии" князя, его официозного апологета и послушного исполнителя его поручений по части идеологической "обработки" общественного мнения» — образ, окончательно дорисованный последователями Шахматова (то есть М. Д. Приселковым, против которого в основном и направлена критика И. П. Еремина)[22]. Об этом потом писал Лурье, но гораздо ранее — Черепнин, который должен был, безусловно, видеть в работе Еремина чуждую ему школу. Для Черепнина анализ летописей с точки зрения социально-политического содержания был наиболее важен, хотя с конкретными выводами Приселкова он и не был согласен. Это не может объясняться лишь требованиями эпохи, требующей везде классового подхода, так как замечания такого рода носят у Черепнина не этикетный характер, а составляют содержание его выводов. Наблюдениями над социально-политической природой текстов летописей пронизаны все работы Черепнина. Именно так он работал с редакциями ПВЛ, определял причины составления ЛДГ и тех конструкций, которые вычленял внутри него.

Этим же объясняется и отношение Л. В. к Еремину: «Мы привыкли представлять себе летописца как человека, активно реагирующего на окружающую его действительность, как мыслителя (религиозного и политического), как историка, задумывающегося над судьбами своей родины, ее прошлым и будущим. Если поверить И. П. Еремину, то образ живого летописца со всеми страстями и волнениями... нужно заменить бесплотным скелетом с хронометром в руках, напряженно прислушивающимся только к счету времени и не интересующимся ничем иным»[23]. Здесь речь идет о наблюдении Еремина над тем, что время — единственная активная категория сознания летописца.

По мнению Черепнина, работа Еремина представляла «шаг назад» в изучении летописания. Еремин «задал самому себе ряд "загадок"». Кроме того, один важный упрек адресовывался Еремину за то, что тот предлагал подходить к летописи как к единовременно составленному тексту, поскольку все изыскания о летописных разновременных слоях носят гипотетический характер (то есть это чуждая Черепнину школа и в отношении к гипотезам). Потом сходный упрек делал Еремину Я. С. Лурье[24].

Это была разница между школами. Поэтому Черепнин подверг критике и работы С. А. Бугославского. Бугославский в ранних своих работах рассмотрел неко-

---

[22] *Лурье Я. С.* Предисловие // *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 8—10.

[23] *Бугославский С. А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. Т. XIX. Кн. 3. Пг., 1914.

[24] *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. 1923. Т. 23. С. 47—48.

торые построения Шахматова, касающиеся гипотетического Жития Антония Печерского[25]. Выделяя его следы в тексте ПВЛ, Шахматов применял типичный для него прием с использованием результатов им же самим осуществленной реконструкции предположительно существовавшего, но несохранившегося текста. Этот подход был неприемлем для школы Перетца, предъявлявшей строгие требования к формальной стороне построения текстологического исследования. Бугославского не убеждали также места летописи, оцененные Шахматовым как позднейшие вставки. Они не были признаны Бугославским таковыми даже не из тех соображений, по которым не признавал их вставками Еремин, а из логики формального текстологического анализа, подобно тому, как В. М. Истрин не признал вставками другие части текста[26]. Тут, правда, необходимо заметить, что как Еремин, так и Бугославский, а тем более Истрин — в целом не отрицали заслуг Шахматова в исследовании летописей и важность его метода.

Но некоторые построения Шахматова представлялись Бугославскому искусственными. К тому же они давали сложные объяснения тому, что могло быть объяснено, с точки зрения Бугославского, гораздо проще. Но Черепнин не был сторонником простых объяснений и раскритиковал Бугославского, который позднее, занявшись историей текста ПВЛ, в своих классификациях использовал только дошедшие до нас тексты и стремился их вывести друг из друга, тогда как для Шахматова реальные тексты являлись лишь верхушками кроны, венчавшей сложный генеалогический ствол, уже не сохранившийся[27]. Отметим, что работу Бугославского критиковал потом вслед за Л. В. Черепниным и Д. С. Лихачев[28], а Н. К. Гудзий (другой ученик Перетца), наоборот, высоко оценил[29].

Критика Лихачева направлена главным образом не на то, на что обращена критика Черепнина. Лихачев обратил внимание, что, по Бугославскому, мы вправе выделить «Повесть временных лет» из состава различных сводов и анализировать ее, не касаясь истории этих летописных сводов в целом, так как ПВЛ имела свою самостоятельную историю до продолжения ее новыми погодными записями. Он собрал и классифицировал списки ПВЛ, в результате чего, естественно, пришел к выводам, не совпадающим с выводами Шахматова. Его классификация — это классификация текстов ПВЛ, а не списков, эти тексты содержащих. Черепнин же обратил особое внимание на упрек Бугославского (в адрес Шахматова) в «конъектурной критике», модернизации (за это его упрекал и Еремин) и гипотетичности.

По Бугославскому, как и по Еремину, Шахматов «исходит чаще всего из анализа смысла, связи, логики автора, невольно усваивая последнему свое мышление». В результате представление о ходе работы древнерусского книжника

---

[25] *Бугославский С. А.* «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть: Сб. статей под ред. Н. И. Гудзия. М.; Л., 1941. С. 7—37.

[26] *Лихачев Д. С.* Текстология. 2-е изд. Л., 1983. С. 51.

[27] *Гудзий Н. К.* // Старинная русская повесть. (Предисловие).

[28] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 92.

[29] *Гудзий Н. К.* // Старинная русская повесть. (Предисловие).

искажается. Для Шахматова, по мнению Бугославского, «почти каждый редактор — переписчик свода, копируя свой основной источник, сверял его с другим сводом, выбирая то из одного, то из другого своего источника не только статьи и фактические данные, но отдельные фразы, слова, даже орфографию слов»[30]. Такой взгляд, по мнению Бугославского, является модернизацией и «напоминает скорее кропотливое сличение текстов, подведение вариантов, выполняемые современными филологами, чем творчество летописца». Д. С. Лихачев также обратил внимание на это место и прокомментировал его следующим образом (в «Текстологии»): «Этот взгляд С. А. Бугославского неверен. Он опровергается знакомством с русскими и иностранными средневековыми рукописями». Далее Д. С. Лихачев связывает данное высказывание Бугославского с представлениями того времени, «когда текстологи считали, что у писца рукописи был перед глазами только один оригинал, что писец переписывал его "не думая", не сличая с другими рукописями и не производя никакой проверки»[31]. Следует, однако, отметить, что Бугославский не считал, как это можно понять из слов Лихачева, что у составителя летописи был только один оригинал. Он прямо отмечает, что метод работы летописца — сведение, контаминация текста, взаимное пополнение и наслоение источников. Расхождение с Шахматовым, таким образом, заключается не в этом, а во взгляде на то, как именно летописец использовал эти свои различные источники. Бугославского не устраивало у Шахматова то, что последний видел у этого летописца «детальную сверку... текста, правку текста одного источника мелкими текстуальными особенностями другого». Сам Бугославский в соответствии с теорией Карла Лахмана (как и филологи школы Перетца вообще) полагал, что летописец относился бережно к своим источникам, копировал их точно, не исправлял даже явных ошибок, почему редки случаи пересказа фраз по смыслу, замены слов или устаревших форм, редакционных добавлений и изменений в тексте ПВЛ.

Черепнин же подчеркивал другую сторону: то, что у Бугославского имеется «отказ от исторического подхода к сложению летописных памятников и переход на позиции чисто формального их изучения, механического выделения вариантов, разночтений и т. д.».

Итак, я полагаю, что Черепнин в своих работах по летописанию являлся продолжателем Шахматова, сам видел себя таковым, отстаивал правоту подходов Шахматова к летописям и их изучению, критиковал противоположные школы.

Но есть между ними различия. Во-первых, Л. В. Черепнин не делал настоящих реконструкций текстов, к чему всегда стремился А. А. Шахматов (и даже считал это главным результатом своих работ). Черепнин не строил генеалогических стемм, подобных шахматовским, ограничиваясь характеристиками выделяемых им текстов, чаще всего, опять же, — их социально-политической направленности.

---

[30] *Бугославский С. А.* «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст). С. 13.

[31] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 92.

Это важное обстоятельство, и на необходимость стемм в исследованиях летописания, с точки зрения шахматовской школы, обращал внимание Я. С. Лурье.

Далее, Шахматов никогда так прямо, как это делал Черепнин, не подходил к тексту летописей с политическими оценками. Это делал, правда, М. Д. Пресняков. Возможно, речь идет еще о различии взглядов историков и филологов, в случае Шахматова — лингвистов. По признанию Шахматова, историк в нем «прорастал в течение всей жизни».

Аргумент о соответствии или несоответствии того или иного летописного места исторической обстановке был чужд мышлению Шахматова, для которого понятие «достоверности» распространялось лишь на генеалогию текстов, а реальность виделась, скорее, «тусклым светом», проникающим через призму текста[32]. Черепнин это понимал и подчеркивал, что после работ Шахматова стало ясно, что летопись «сама по себе представляет историческое явление». Но если в Шахматове историк «прорастал», то Черепнин был историком до мозга костей. Это видно из его подхода к летописанию. Впрочем, различия филологического и исторического взглядов на летописание должны быть темой специального изучения.

Я вижу картину историографии летописания в прошедшем столетии как сложную, а место в ней Черепнина полагаю хотя и не среди прямых учеников и продолжателей творчества Шахматова, но среди тех, на кого оно повлияло очень сильно. И, вероятно, имело место сходство творческого почерка. А. А. Шахматов был уверен в неограниченности возможностей науки при исследовании древнего летописания. Его тексты проникнуты идеей победы над временем (см. у М. Д. Приселкова о «побежденных летописных сводах»[33]). В работах о летописях Л. В. Черепнина это также чувствуется.

---

[32] *Пархоменко В.* Із листування з акад. О. О. Шахматовим // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. Київ, 1925. Кн. 6. С. 127.

[33] *Приселков М. Д.* Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 129.

С. Н. Блащук (Киев)

Вклад Л. В. Черепнина в процесс исследования Русской Правды (вторая половина 1920-х — 1940 гг.)

Русская Правда принадлежит к числу классических памятников, привлекавших к себе пристальное внимание многих поколений ученых[1]. Она является уникальным памятником древнерусского права, первым писаным сводом законов, достаточно полно охватившим обширную сферу тогдашних отношений. В нем нашли отражение нормы уголовного и гражданского права. Одной из наиболее емких характеристик памятника принадлежит Л. В. Черепнину. По его мнению, «Русская Правда является одним из важнейших источников по истории социально-экономических отношений в древней Руси. Развитие древнерусского общественного строя восстанавливается в значительной мере на основании сопоставления статей Краткой и Пространной редакций памятника»[2].

Со времен открытия В. Н. Татищевым Русской Правды прошло без малого 270 лет. За этот период Правда исследовалась в самых различных аспектах как важнейший источник для изучения истории социально-экономических отношений, светского права на Руси XI—XIII вв., как памятник древнерусского языка[3]. Отметим, что В. Н. Татищев был первым, кто подошел к изданию Русской Правды как к научной задаче[4]. Первые публикации появились еще в XVIII в.[5] В XIX в. были изданы первые исследования списков Русской Правды, новые публикации самого текста. Свой вклад в изучение Русской Правды внесли такие известные ученые,

---

[1] *Зимин А. А.* Правда Русская. М.: Древлехранилище, 1999. С. 7.

[2] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А. П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128.

[3] *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 3.

[4] *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению / Сост. В. Г. Гинев, В. М. Панеях, М. Б. Свердлов. СПб., 2000. С. 189.

[5] Правда Русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича / Изд. Августа Шлецера. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1767. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1786. Ч. I: Русская Правда (по рукописи В. Н. Татищева). СПб., 1787. Ч. II: Русская Правда (по тексту Новгородской летописи); СПб., 1788. Ч. III: Русская Правда (по списку Крестинина); Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С приложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. Изданы любителями истории (И. Н. Болтиным, И. П. Елагиным, А. И. Мусиным-Пушкиным). СПб., 1792. [2], VIII, [14], 104, XVI с.; 2-е изд. М., 1799. [2], VIII, [14], 104, XVI с. и др.

как Н. В. Калачов, В. И. Сергеевич, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Н. Л. Дювернуа и другие. Не обошли вниманием этот древнерусский памятник и историки XX в. Как писал Б. А. Рыбаков: «"Русская Правда" была объектом самого пристального внимания и таких крупных советских историков, как Б. Д. Греков, С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин»[6].

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. встал вопрос о новом издании Русской Правды. Дореволюционные издания на тот момент устарели. Было выявлено немало новых списков, к тому же предшествующие публикации стали раритетами.

Большую часть своей жизни в науке Л. В. Черепнин так или иначе посвятил исследованию Русской Правды. Еще в годы аспирантуры под руководством А. И. Яковлева он подготовил учебное издание «Русской Правды» по трем спискам: Академическому, Троицкому и Карамзинскому[7]. Именно тогда встал вопрос об академическом издании Русской Правды: 1 июня 1928 г. на заседании Постоянной историко-археографической комиссии Академии наук СССР он был рассмотрен[8].

В дальнейшем было бы перспективным проследить по архивным материалам наличие или отсутствие взаимосвязи между осуществленным Л. В. Черепниным и его наставником в конце 1920-х гг. учебным изданием с более обширным проектом Археографической Комиссии АН СССР[9]. В той же связи было бы полезным установить, как соотносятся издания 1928 г. и проект Комиссии публикации Русской Правды по тем же трем спискам под редакцией Б. Д. Грекова[10].

Политико-идеологические факторы рубежа 20—30-х годов XX в. резко отрицательно повлияли на историческую науку, в т. ч. прервав подготовку академического издания[11]. Во второй половине 1930-х гг. работа над академической публикацией Русской Правды был возобновлена.

Следующее обращение Л. В. Черепнина к тексту Русской Правды произошло в контексте его интенсивного изучения официальных и частноправовых текстов XIV—XV вв. Важно, что в начальной части работы он сформулировал методоло-

---

[6] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 408.

[7] Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому / Под ред. проф. А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина. М., 1928. 37 с.; *Назаров В. Д.* Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Портреты историков. Время и судьба. Т. 1. Отечественная история / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов и Л. Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 285—303.

[8] Санкт-Петербургский филиал архива Российской АН. Ф. 133. Оп. 1-а. Д. 33. Протоколы заседаний Постоянной историко-археографической Комиссии АН СССР. 14 января 1927 — 16 декабря 1929. Л. 68.

[9] *Блащук С. М.* Робота над виданням Руської Правди в період становлення радянської науки // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць. Вип. 14. Київ, 2005. С. 366—380.

[10] Русская Правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1934. 62+[2] с.

[11] Академическое дело, 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1—2; *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 240.

гические принципы своего анализа: «...каждый источник представляет историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью. С такой точки зрения и надо к нему подходить»[12]. Сама по себе эта формула отличалась от подобных ей в тогдашней советской историографии, пожалуй, лишь большей точностью и логичностью. Куда важнее другое — как реализовывался этот общий принцип в конкретном исследовании. В той же фундаментальной монографии Л. В. Черепнин обратился к вопросу о происхождении Правды Ярослава как бы попутно, в разделе «"Ярославовы грамоты" и формуляр новгородских договоров с великими князьями XIII—XV вв.»[13], а также в других разделах. Говоря о текстах, связанных с именем князя Ярослава, Л. В. Черепнин утверждал, что рассматриваемый здесь памятник возник в 1016 г., хотя ряд правовых норм, включая и Древнейшую Правду, возник значительно раньше, в IX—X вв., а может быть, и в VIII в.[14] Содержание Правды Ярослава свидетельствует, что она явилась ответом на народные волнения того времени[15].

Л. В. Черепнин обосновал тезис, что «изучение летописных данных уже давно останавливало ряд исследователей на мысли о том, что в грамоте, выданной Ярославом новгородцам в 1016 г., следует видеть 17 статей (по Академическому изданию — 18) Русской Правды (краткой ее редакции), текст которой помещен в Новгородской летописи как раз под этим годом»[16], что изучение первой части Краткой Правды в контексте социально-политических событий того времени и в сопоставлении с хронологически ближайшими к этому памятнику юридическими документами подтверждает эту точку зрения и дает возможность сделать ряд наблюдений, по-новому освещающих проблему[17]. Новая интерпретация касалась главным образом трактовки характера Древнейшей Правды как «юридической нормировки взаимоотношений между двумя мирами, местным и пришлым»[18]. По Л. В. Черепнину, кодекс возник в результате серьезных волнений в Новгороде в 1016 г. и ставил своей задачей «тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников»[19]. Далее автор отметил, что «Правда Ярослава 1016 г. — такой же "ряд" между новгородским обществом и корпорацией варягов, как и договоры Олега и Игоря с Византией "о главах, иже ся

---

[12] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 5.

[13] Там же. С. 239—254.

[14] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А. П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. С. 139.

[15] Там же. С. 170.

[16] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. С. 242.

[17] Там же. С. 242.

[18] Там же. С. 245.

[19] Там же.

ключит проказа", как и "Правда" 1195 г., и "Правда" 1229 г. о том, "како то держати Роуси с латинескимь языкоме и латинескомоу языкоу с Роусию"»[20], а также другие аналогичные памятники. Новгородцы видели основу своих вольностей «в договорном происхождении и характере Правды как основы общественного правопорядка, в гарантиях, полученных от княжеской власти относительно выполнения судебного "наряда"»[21]. Если следовать логике размышлений авторитетного историка, нужно признать «фикцией какие-либо иные, не дошедшие до нас "учредительные акты", содержавшие в себе какие-либо "особенные права", на которые опирались договоры XIII и последующих веков. Речь шла о грамоте судебного характера»[22].

Подводя итоги своего первого исследования Русской Правды, Л. В. Черепнин подчеркнул, что Правда Ярослава 1016 г. — это политический акт. С одной стороны, он декларирует идею «равноправия» отдельных представителей новгородского общества, знающего два основных социальных определения — «муж» (свободный муж) и «челядин» или «холоп». С другой стороны, он предоставляет определенные гарантии на договорных началах обществу новгородских «мужей» в их отношениях с наемной княжеской дружиной[23].

Вместе с тем исследователь специально отметил, что «основы, на которых строились договорные взаимоотношения Новгорода с князьями в XIII—XV вв., были совершенно иного порядка» в сравнении с актом 1016 г.[24] Договоры же XIII—XV столетий стремились ограничить князей в целом ряде важнейших вопросов: в их правах владения землей в Новгороде, назначения и смещения ими должностных лиц, исполнения их агентами судебных функций. Так что «вряд ли ссылки на "грамоты Ярослава" в XIII в. и в более позднее время можно относить целиком к Правде Ярослава XI в.»[25]. Упоминаемые в летописных текстах «все грамоты Ярослава» — это «не столько Правда Ярослава Владимировича Мудрого XI в. и даже не столько этот памятник»[26], а упоминаемый князь Ярослав — «не столько Ярослав Владимирович Мудрый... сколько другой Ярослав, правнук Владимира Мономаха, сын Владимира Мстиславича»[27]. Именно при этом Ярославе Владимировиче в конце XII в. «действительно были выработаны какие-то условия договорных взаимоотношений Новгорода с князьями, которые легли в основу дошедших до нас более поздних текстов договоров»[28].

Приведенная точка зрения Л. В. Черепнина была свежей и оригинальной в контексте советской историографии 1940-х гг. Однако она вряд ли может удовлетво-

---

[20] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. С. 246.
[21] Там же. С. 249.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 247.
[24] Там же. С. 249.
[25] Там же. С. 250.
[26] Там же. С. 252.
[27] Там же.
[28] Там же. С. 254.

рить, по нашему мнению, современных исследователей. Зададимся вопросами: почему хронологически локальны летописные упоминания о Ярославовых грамотах в XIII—XV вв.; что явилось причиной формирования образа «двойного» князя Ярослава как не только составителя, но и автора; как могло произойти смешение разных и по содержанию, и по хронологии документов? Вопросы можно умножить, но даже на уже сформулированные нами нельзя найти удовлетворительных ответов в рамках предложенной маститым исследователем в 1948 г. концепции. Впрочем, важнее другое обстоятельство. Новизна предложенных им решений как бы побуждала к широкой дискуссии. К сожалению, этого не случилось по многим обстоятельствам, главным образом, внешних по отношению к науке.

Как отметил М. Б. Свердлов, до настоящего времени дискуссионными остаются основные вопросы, относящиеся к содержанию, времени и конкретным причинам появления Правды Ярослава (Древнейшей Правды), Правды Ярославичей, содержащей домениальный устав, Пространной редакции Русской Правды, развитию во времени их нормативного состава, их текстов, и др.[29] А ведь дискуссию по поводу отождествления грамот Ярослава с Русской Правдой начали еще исследователи XIX в., и она фактически была обусловлена летописными текстами начала XI в. В сообщениях Новгородской I-ой и Софийской I-ой летописей говорилось о выдаче князем Ярославом грамоты Новгороду и приводился ее текст в виде Краткой (в Новгородской I-ой летописи) или Пространной (в Софийской I-ой летописи) Правды. Поскольку и Ярославовы грамоты, и Русская Правда связаны с именем и законодательной деятельностью одного и того же князя — Ярослава Мудрого, то их отождествление напрашивалось само собой. Наверное, поэтому многие историки уже со времен В. Н. Татищева и до наших дней усматривали в Ярославовых грамотах именно Русскую Правду. В 30-х гг. XX в. С. В. Юшков говорил, что «в современной науке существует два мнения о месте возникновения Краткой Правды и три мнения касательно времени возникновения»[30]. И именно в этом контексте своеобразна концепция Л. В. Черепнина о месте и времени возникновения Русской Правды.

В последующих исследованиях ученый сосредоточил свое внимание на проблеме эволюции текста Русской Правды. Его наблюдения и выводы по этому поводу можно суммировать следующим образом. В 1036 г. Древнейшая Правда была, вероятно, дополнена новыми постановлениями[31]. Таким образом, в 30-х гг. XI в. в Новгороде и Киеве возникли две разные редакции Правды Ярослава, из которых впоследствии одна составила основу Краткой, а другая Пространной редакций Русской Правды[32].

---

[29] *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. С. 5.

[30] Центральний Державний архів-музей літератури і мистецтв України. Ф. 1292. Оп. 1. Спр. 6. Юшков Серафим Володимирович. «Возникновение Древнейшей Правды». Підготовчий матеріал до «Русской Правды». 1930-ті рр. Арк. 84.

[31] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... С. 160.

[32] Там же. С. 169.

В связи с восстанием 1136 г. в Новгороде окончательно сложилась Краткая редакция Русской Правды[33]. В пользу этого говорит то обстоятельство, что указанный памятник дошел до нас в составе новгородского летописания[34]. Надо думать, что на возникновение Краткой редакции Русской Правды повлияла шедшая в Новгороде в 30-х годах XII в. классовая и политическая борьба[35].

В период феодальной раздробленности Русская Правда явилась основой дальнейшей эволюции права в самостоятельных княжествах, возникших в результате расчленения древнерусского государства. Последующая история Русской Правды была тесно связана с развитием отдельных русских земель, с развертывавшейся в них классовой и политической борьбой[36].

Длительный процесс сложения текста Русской Правды завершился к началу XIII в. созданием в Новгороде Пространной редакции памятника. Это произошло, как можно думать, после восстания 1209 г.[37]

Л. В. Черепнин обстоятельно изучил историю Русской Правды, а также рассмотрел сам кодекс как исторический источник. Его итоговый вывод таков: изучение длительной эволюции редакций и текста Русской Правды дает возможность восстановить многовековую историю русского права с X по XIII столетия[38].

Многие видные советские ученые умело сочетали необходимость обязательных ремарок в адрес «незыблемых» марксистских догм с собственным научным видением исторического процесса. Примером такого вынужденного синкретизма могут послужить многие труды академика Л. В. Черепнина.

В интересующих нас его работах представленная Л. В. Черепниным концепция складывания и длительного развития Русской Правды как важнейшего правового памятника Древней Руси не вызывает и сейчас серьезных возражений[39].

---

[33] Архив Российской АН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 16. Черепнин Лев Владимирович. О параллельном изучении Русской Правды и Псковской судной грамоты. Статья. Середина 1940-х гг. Л. 53.

[34] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения… С. 251.

[35] Там же.

[36] Там же. С. 268.

[37] Там же. С. 276.

[38] Там же. С. 278.

[39] *Никонов С.* «Борьба классов в Древней Руси»: формирование концепции, методов исследования в советской историографии 30-х гг. // Слов'янські обрії: міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. 1. Київ, 2006. С. 490—504.

Н. Н. Юсова (Киев)

Древнерусская народность в работах Л. В. Черепнина

Научные исследования, приведшие к созданию концепции, а затем теории о древнерусской народности, начались в СССР в довоенный период[1]. Одной из предпосылок в соответствующем ряде научных факторов, определивших возникновение данной концепции, была разработка во второй половине 1930-х гг. проблематики происхождения русского народа, тесно увязанная с вопросами возникновения русского государства. Выработанная к 1945 г. в исторической науке концепция древнерусской народности первое время не получила научного признания, а главное — официозного одобрения советского руководства. Вновь поднятая В. В. Мавродиным во второй половине 1940-х гг. тема о происхождении русской нации и русской народности, в рамках которой ленинградский историк в очередной раз предложил свою версию древнерусского этнического единства, в конце концов была поставлена на широкое обсуждение в научных кругах. Эта задача совпала с актуализацией других важнейших тем и проблемных вопросов в исторической науке того времени. Прежде всего имеется в виду оживление в конце 1940-х гг. дискуссий по вопросам развития феодализма, генезиса капитализма и периодизации истории СССР.

Однако на столь сложную собственно историографическую ситуацию наложились и идеологические факторы, в основном связанные с выходом новых работ И. В. Сталина. В 1949 г. в XI томе его сочинений была опубликована статья «Национальный вопрос и ленинизм», написанная еще в 1929 г.[2] Данная статья вождя послужила сигналом для новой актуализации изучения проблематики этногенеза, в первую очередь восточных славян[3]. В 1950 г. началась очередная идеологиче-ская кампания, на этот раз — по преодолению марризма в гуманитаристике. Опять же, направление ей задал цикл статей и заметок (ответы на письма) И. В. Сталина, объединенных затем вместе в книге «Марксизм и вопросы языкознания». Но для нашей темы главным является то, что этот труд вождя резко активизировал изучение этногенетических вопросов академическими институтами гуманитарного профиля. В стране развернулись интенсивные дискуссии,

---

[1] См.: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005.

[2] *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм // *Сталин И. В.* Сочинения: В 16 т. Т. 11: 1928 — март 1929. М., 1949. С. 333—355.

[3] См., напр.: *Юсова Н.* Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949—1952 рр.) // Український історичний збірник — 2002. Вип. 5. Київ, 2003. С. 439—440.

в которых были задействованы многие научные коллективы[4]. О важности, придаваемой ЦК КПСС подобным мероприятиям, может свидетельствовать докладная записка на имя Г. М. Маленкова и М. А. Суслова, поданная 8 января 1952 г. от имени работников отдела науки и высших учебных заведений Ю. А. Ждановым (заведующий), А. М. Митиным, И. Хлябичем по поводу результатов одной из академических сессий[5]. В докладной записке констатируется: «Сессия способствовала выработке правильных методов изучения вопросов языкового родства, создания единой классификации языков, а также разрешению некоторых спорных вопросов происхождения народов»[6].

Последняя книга И. В. Сталина имела важнейшее значение для легитимации концепции древнерусской народности[7]. В 1950 г. вышла также и статья В. В. Мавродина «Основные этапы этнического развития русского народа»[8], где ученый вновь изложил характерные черты данной концепции. В книге же И. В. Сталина была дана недостающая для официальной легитимности концепции санкция на возможность употребления этнокатегории «народность» в применении к ранним формационным этапам развития народов — в периоды рабовладельческого и феодального строя[9]. Впрочем, еще в первой половине 1940-х гг. эту этнокатегорию использовали в данном контексте М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов и С. В. Юшков. Двое последних из названных ученых даже теоретически обосновали ее употребление[10]. Другим важнейшим идеологическим фактором для легитимации концепции стало осознание (идеологическим руководством страны) ее как одной из важнейших научных конструкций в фундаменте идеологии «воссоединения» Украины с Россией; доктрина «воссоединения» окончательно возродилась (после нескольких предыдущих попыток, имевших место в 1930—1940-х гг.[11]) в связи с подготовкой

---

[4] *Юсова Н. М.* Генеза концепту «давньоруська народність» у радянській історичній науці // УІЖ. 2001. № 6. С. 77—78.

[5] РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 223. Л. 1—4. Также см., например: I) А РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 363. 133 л.; Там же. Д. 364. 86 л.; Там же. Д. 365. 33 л.; Там же. Д. 366. 87 л.; Там же. Д. 367. 173 л.; Там же. Д. 368. 98 л.; Там же. Д. 369. 92 л.; Там же. Д. 370. 133 л.; Там же. Д. 371. 143 л.; Там же. Д. 372. 42 л.; Там же. Д. 373. 89 л.; II) Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 135. ИИМК. 122 л.; Там же. Д. 157. 239 л.; Там же. Д. 158. 298 л.; Там же. Д. 159 л. 189 л.

[6] РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 223. Л. 3.

[7] *Юсова Н. М.* Генеза концепту «давньоруська народність» у радянській історичній науці. С. 78; *Она же.* Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949—1952 рр.). С. 440—443; Ср.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 12.

[8] *Мавродин В. В.* Основные этапы этнического развития русского народа // ВИ. 1950. № 4. С. 55—70.

[9] *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 12—13.

[10] См.: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 238, 303—323.

[11] Эти попытки впервые рассмотрены в совместной статье: *Юсова Н. М., Юсов С. Л.* Проблема «приєднання» України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х — першої

чествования 300-летнего юбилея Переяславской Рады[12]. Эти два политико-идеологических фактора составили комбинированную идеологическую основу для легитимации концепции древнерусской народности собственно в научном обиходе.

Названная концепция, но без использования термина «древнерусская народность», по-видимому, впервые стала фигурировать в более широкой научной среде в связи с заключительным моментом известной дискуссии по проблемам периодизации истории СССР. Диспут[13], до этого проходивший в основном на страницах журнала «Вопросы истории», в финальной своей части состоялся в стенах Института истории АН СССР в декабре 1950 г. В ходе выступлений на этом заседании отдельные элементы теоретического построения В. В. Мавродина были использованы в докладе И. И. Смирнова[14], а также в совместном докладе Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. Последнее научное сообщение легло в основу статьи «О периодизации истории России эпохи феодализма» упомянутых историков, опубликованной в начале 1951 г. на страницах журнала «Вопросы истории»[15].

В указанной статье Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто одними из первых в новых условиях, сложившихся в связи с выходом книги И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в общих чертах поддержали суть концепции древнерусской народности в варианте В. В Мавродина, используя в то же время и термин «русский народ»[16]. Февральский номер журнала, где была издана данная статья, видимо, вышел несколько позднее состоявшейся в начале 1951 г. еще одной дискуссии в Институте истории — полемики по докладу В. В. Мавродина «Основные этапы этнического развития русского народа». Следует отметить, что на диспуте с критическими замечаниями относительно некоторых тезисов о древнерусской народности, прозвучавших в докладе В. В. Мавродина, выступил один

половини 40-х рр. // УІЖ. 2004. № 5. С. 96—121; См. также: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 247—252.

[12] Впервые на роль этого фактора для официозной легитимации концепции указано в статье: *Юсова Н.* Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949—1952 рр.). С. 440.

[13] Сам Л. В. Черепнин в лекции «Основные этапы закрепощения крестьян в России» от 14 февраля 1964 г., прочитанной для слушателей Академии Общественных наук при ЦК КПСС, называет серию дискуссий конца 1940-х — начала 1950-х гг. интересными, оживленными, а главное — органически возникшими в связи с потребностями исторической науки, когда требовалось разрешить накопившиеся острые вопросы. Поднятые проблемы во время многочисленных диспутов оказались тесно переплетенными между собой. — РГА СПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 215. Стенограмма лекций кафедры истории Советского общества. 1953—1964 гг. На 205 л. Л. 89—90.

[14] *Смирнов И. И.* Общие вопросы периодизации истории СССР // ВИ. 1950. № 12. С. 95.

[15] *Пашуто В., Черепнин Л.* О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. 1951. № 2. С. 52—80. См. также: *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 72—104.

[16] *Пашуто В., Черепнин Л.* Указ. соч. С. 58.

из сотрудников Института истории АН СССР — соавтор совместной статьи с Л. В. Черепниным — В. Т. Пашуто[17].

С 1952 г. к изучению темы древнерусской народности более активно подключается Л. В. Черепнин. Впервые термин «древнерусская народность» Л. В. Черепнин употребляет в одной из публикаций, вышедшей в 1952 г., где он повторно возвращается к теме периодизации истории СССР эпохи феодализма. На этот раз статья вышла за единоличным авторством Л. В. Черепнина[18]. Здесь ученый проблему древнерусской народности рассматривает попутно и лаконично. Более подробно и с изложением оригинальных взглядов Л. В. Черепнин подходит к теме древнерусской народности в соответствующем параграфе I части коллективного труда «Очерки истории СССР»[19], который вышел в 1953 г. В отличие от В. В. Мавродина, ставившего возникновение древнерусской народности в связь с возникновением древнерусского государства, московский ученый считает: отдельные восточнославянские племена складывались в народность в связи с развитием феодальных отношений[20]. Однако в другом месте историк утверждает, что формирование древнерусской народности происходило в «процессе разложения первобытно-общинного строя и появления классового общества у восточных славян, приведшего к возникновению древнерусского государства»[21]. В данном параграфе Л. В. Черепнин не считает нужным указывать на приоритет В. В. Мавродина в постановке проблемы древнерусской народности и даже не ссылается на работы ленинградского профессора. По сути, теоретическое обоснование употребления этнокатегории народность касательно восточного славянства периода Древней Руси Л. В. Черепнин усматривает в работах И. В. Сталина.

Согласно сталинскому определению нации, историк находит известную общность территории, языка и психологического склада (проявляющегося в общности культуры) и для древнерусской народности. Естественно, эта общность, «сложившаяся на феодальной экономической основе», относительна в сравнении с нацией[22]. Затем Л. В. Черепнин рассматривает основные признаки единства данной народности, не забывая упомянуть о местных территориальных, диалектных, культурных особенностях отдельных восточнославянских племен. Особо ученый выделяет такой признак единства, как национальное самосознание, точнее, в дан-

---

[17] В институте истории АН СССР // ВИ. 1951. № 5. С. 137—139. См. также: *Юсова Н. М.* Генеза концепту «давньоруська народність» у радянській історичній науці. С. 74—77.

[18] *Черепнин Л. В.* К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. IX. № 2. С. 115—132. См. также сокращенный вариант в книге: *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. С. 104—111.

[19] Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв. / Под ред. Б. Д. Грекова. Ч. I. М., 1953. С. 251—258.

[20] Там же. С. 251.

[21] Там же. С. 252.

[22] Там же. С. 252.

ном случае — сознание единства Русской земли, которое он тесно увязывает с сознанием общности территории, на которой «сложился русский народ»[23].

Один из первых историографов проблемы древнерусской народности и в то же время ее исследователь, продемонстрировавший оригинальные подходы[24], А. И. Козаченко (украинец по происхождению[25]) отмечает важнейшее значение данного параграфа за авторством Л. В. Черепнина для решения проблемы в целом[26]. По сути, это авторитетное академическое издание «Очерков» под редакцией академика Б. Д. Грекова наряду с I томом украинского академического издания «История Украинской ССР» (тоже вышло в 1953 г.; соответствующие параграфы, где речь идет о древнерусской народности, написаны К. Г. Гуслистым[27]) окончательно легитимизировало концепцию в научном плане. Бесповоротная же политическая легитимация была закреплена в тезисах ЦК КПСС «О 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)»[28].

Последующая работа Л. В. Черепнина над темой древнерусской народности продолжилась в контексте его исследований по проблемам образования русской народности. Однако публикация (о которой пойдет речь ниже), где, в частности, обобщались исследования советских историков по данной тематике, вышла только в 1958 г. и поэтому не сыграла своей роли в публичном узаконении концепции. В тоже время эта разработка — есть результат работы ученого над темой в период научного и политического закрепления концепции, о чем свидетельствуют его выступления на научных форумах первой половины 1950-х гг. К тому же концепция, выдвинутая таким авторитетным московским историком, как академик Л. В. Черепнин, являлась образцовой для украинских историков; фактически она была для них своего рода догмой[29]. Поэтому считаем необходимым подробнее рассмотреть публикацию 1958 г. Л. В. Черепнина. Но сначала коснемся перипетий ее подготовки.

---

[23] Там же. С. 252—257.

[24] См.: *Козаченко А. И.* Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов // СЭ. 1954. № 2. С. 3—20. См. также и неопубликованные разработки ученого: НИОР РГБ. Ф. 444. К. 8. Д. 13. 7 л.; Там же. К. 3. Д. 9. 16 л.; Там же. К. 8. Д. 18. 16 л.; Там же. К. 8. Д. 15. 11 л.; Там же. К. 8. Д. 17. 46 л.; Там же. К. 5. Д. 4. 59 л.; Там же. К. 6. Д. 1. 145 л.

[25] Там же. К. 1. Д. 1. Л. 4, 1 и др.

[26] *Козаченко А. И.* Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов. С. 4—5.

[27] Історія Української РСР: В 2 т. Київ, 1953. Т. 1. С. 40—114.

[28] Об этом см.: *Юсова Н. М., Юсов С. Л.* Проблема «приєднання» України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х — першої половини 40-х рр. С. 97.

[29] См.: ІА НБУВ. Ф. 32. Оп. 1. Од. зб. 43. Арк. 14; *Гуслистый К. Г.* Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). Докл. о содержании основных опублик. работ, представл. по совокуп. на соискание ученой степени д. и. н. Киев, 1963. С. 101—109.

В 1952 г. Л. В. Черепнин принимает участие в работе специальной комиссии, созданной для координации усилий специалистов, работающих в разных областях гуманитарных знаний. Комиссия, созданная по решению Отделения языка и литературы и Отделения исторических наук АН СССР, возглавлялась академиком-филологом В. В. Виноградовым[30]. На основе докладов, обсуждавшихся на заседаниях этой комиссии, были написаны статьи, посвященные отдельным сторонам проблемы формирования русской народности и нации. Из статей был составлен сборник «Вопросы формирования русской народности и нации», который вышел в 1958 г. Открывала сборник обширная статья Л. В. Черепнина «Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.»[31], где значительное место уделялось проблематике древнерусской народности.

Однако из архивных дел НА ИРИ РАН явствует, что сборник был готов уже состоянием на 1955—1956 гг.[32] Введение к сборнику «Вопросы формирования русской народности и нации», при публикации получившее название «От редакции»[33], по архивным делам фиксируется в 1956 г.[34] Оба варианта — архивный и печатный — текстологически совпадают. Текст же разработки Л. В. Черепнина «Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.» в архивном деле датирован 1956 г.[35] и также тождественен книжному эквиваленту. Следует сказать, что еще 7 июля 1952 г. Л. В. Черепнин выступил по данной теме на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, посвященном «ознаменованию второй годовщины» выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Доклад ученого назывался тоже характерно — «Значение трудов И. В. Сталина для изучения проблем образования русского централизованного государства»[36]. Здесь прослеживается взаимосвязь между двумя историческими процессами: складыванием уже собственно великорусской народности (согласно выступающему, на XIV в. можно говорить, что она формируется[37]) и образованием Русского централизованного государства (по мнению ученого, он начался с конца XIII — начала XIV вв.[38]).

---

[30] См.: Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. ст. / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1958. С. 3.

[31] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. ст. / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1958. С. 7—105.

[32] См., напр.: НА ИРИ РАН. Ф. 1 «А». Раздел I. Оп. 2. Д. 166. Ед. хр. 16. 63 л.; Там же. Ед. хр. 17. 68 л.; Там же. Ед. хр. 21. 16 л.; Там же. Ед. хр. 20. 122 л.; Там же. Ед. хр. 19. 62 л.; Там же. Ед. хр. 22. 60 л. и др. Единицы хранения, относящиеся в целом к делу 166, были готовы уже состоянием на 1955 г.

[33] От редакции // Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1958. С. 3—6.

[34] НА ИРИ РАН. Ф. 1 «А». Раздел I. Оп. 2. Д. 166. Ед. хр. 23. 7 л.

[35] Там же. Ед. хр. 24. 147 л.

[36] А РАН. Ф. 1577. ОП. 2. Ед. хр. 291. Л. 77—111.

[37] Там же. Л. 86.

[38] Там же. Л. 83.

Если излагать мысль Л. В. Черепнина иными словами, то образование государства, опережая в своем развитии, является одним из условий для формирования народности. Для определения признаков великорусской народности историком используется идентичный методологический прием: в контексте развития общеисторического процесса вычленяются те же черты: 1) формирование ядра территории; 2) относительная экономическая сплоченность регионов страны; 3) общность языка и культуры, проявляющихся в психическом складе[39].

В публикации 1958 г. Л. В. Черепнин поставил задачу выяснить исторические условия формирования русской народности и наметить основные этапы этого процесса. В историографическом аспекте ученый ссылается на работы предшественников начиная с конца 1940-х гг., хотя подобало бы приступать к их введению в научный оборот с 1930-х. Учитывая, что абсолютное большинство ссылок идут на работы исследователей проблемы по 1954 г. включительно, следует заключить: доклад (и основа статьи) был подготовлен именно к этому времени. Три ссылки на работы, вышедшие в 1955 г., и одна на труд 1956 г. не имеют принципиального значения и, очевидно, добавлены непосредственно перед передачей статьи в печать. На этот раз Л. В. Черепнин уже отдает приоритет в разработке темы формирования русской народности В. В. Мавродину, так как отсылки на разработки ленинградского историка идут хронологически первыми — начиная с 1947 г. Из специально посвященных теме работ советских историков Л. В. Черепнин упоминает также исследования В. И. Довженко, А. И. Козаченко, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова. Заметим, что все названные ученые в основном на страницах своих работ рассматривали первые этапы формирования русской народности, то есть вопросы собственно древнерусской народности. Вместе с тем в своем труде Л. В. Черепнин опирается на большое количество работ представителей разных областей гуманитарной науки, а в источниковедческом контексте — на анализ древнерусских летописей.

В начале, как оно и должно, Л. В. Черепнин определяется с ключевой дефиницией — «народностью». Вследствие изменившейся к концу 1950-х гг. идеологической конъюнктуры, историк уже не упоминает положения книги И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» о народности, а также не использует вышедшую в 1949 г. работу вождя «Национальный вопрос и ленинизм». Однако ученый все же отталкивается от классического труда И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.). Интерпретируя положения этого труда о нации и народности, Л. В. Черепнин полемизирует с работами П. И. Кушнера и М. Д. Каммари[40], которые опирались на трактовку этнонациональных понятий у И. В. Сталина в названом труде и работе 1949 г. В целом присоединяясь к взглядам В. В. Мавродина о народности образца 1950 г., Л. В. Черепнин говорит о народности как исторической категории, следующей за родом и племенем и предшествующей нации. Он ставит возникновение и развитие народности в зависимость от смены обществен-

---

[39] А РАН. Ф. 1577. ОП. 2. Ед. хр. 291. Л. 86—111.

[40] М. Д. Каммари 26 декабря 1949 г. выступил с докладом «Учение И. В. Сталина о национальном вопросе». А РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945—1956). Д. 125. Л. 1.

но-экономических формаций. Определяющим моментом для признания существования народности в древней Руси для Л. В. Черепнина есть признание того, что возникновение народности бывает при переходе от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Дальнейшее развитие народности (в данном случае древнерусской), а также и ее распад связанны с процессами феодализации. От нации народность отличается неустойчивым характером общности. Нация требует одновременного наличия четырех главных признаков (по И. В. Сталину): общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Кроме того, взаимодействие этих признаков только тогда устойчиво, когда в условиях разложения феодализма и развития капиталистических отношений ликвидируется хозяйственная раздробленность страны, образуется национальный рынок, появляются экономические и культурные национальные центры[41]. Дискутируя с В. В. Мавродиным и некоторыми другими исследователями, Л. В. Черепнин не полагает определяющим для возникновения и формирования народности наличие государства, равно как и для распада древнерусской народности он не считает обусловливающими внешние факторы: татаро-монгольское завоевание и захват территорий Руси соседними государствами[42].

Далее, Л. В. Черепнин намечает пять этапов в процессе формирования русской (великорусской) народности, которым (кроме последнего) он дает в своей статье детальную характеристику. Первые три этапа формирования русской народности соответствуют этапам возникновения, развития и распада древнерусской народности, на основе которой в XII—XIII вв. создаются предпосылки для формирования как великорусской, так и украинской и белорусской народностей[43].

Согласно Л. В. Черепнину, начальный этап формирования древнерусской народности приходится на VI—IX вв., когда происходит обособление восточных славян от западных и южных. Ученый не согласен с А. И. Козаченко в том, что анты были первой «восточнославянской народностью», ибо процесс консолидации отдельных групп славянства был еще слишком слабым[44]. Л. В. Черепнин скорее разделяет взгляды Б. А. Рыбакова того времени, который относил к VI—VII вв. складывание племенного союза россов, а на его основе — территориального объединения, получившего имя «Русь»[45]. В этот период намечается основное территориальное ядро будущей древнерусской народности. В тоже время, опираясь на изыскания филологов, Л. В. Черепнин не считает правомерным попытку Б. А. Рыбакова приурочивать ко времени сложения территориального ядра древней Руси появление диалектов, которые в последующем послужили основой для развития

---

[41] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1958. С. 8—10.

[42] Там же. С. 9.

[43] Там же. С. 10—11.

[44] Там же. С. 14—15.

[45] Там же. С. 17—18, 20.

русского и украинского языков. Язык же древнерусской народности формируется в VII—IX вв. на основе интеграции племенных языков восточного славянства и становится известным по памятникам X—XI вв.[46]

Процесс складывания древнерусской народности Л. В. Черепнин связывает с новыми явлениями в социально-экономической жизни восточного славянства, способствовавшими его сближению и слиянию. Именно в процессе феодализации происходит формирование народности; феодальный способ производства, который устанавливается к IX в., служит основой ее складывания[47]. Следует отметить, что впервые аналогичные взгляды высказал в 1933 г. на пленуме ГАИМК М. М. Цвибак[48].

Хотя формирование древнерусской народности, согласно Л. В. Черепнину, не определялось процессом складывания древнерусского государства, однако этот процесс ему сопутствовал. Вместе с тем возникновение раннефеодального государства с центром в Киеве даже активно содействовало дальнейшей консолидации древнерусской народности. Ведь во время существования Древнерусского государства произошло объединение всех восточнославянских земель вокруг основного ядра древней Руси[49]. В этом месте Л. В. Черепнин переходит к характеристике такого признака единства народности, как известная территориальная общность с общим наименованием «Русь» и «Русская земля». Это название становится широко известным среди других народов и государств и свидетельствует об образовании древнерусской народности. Попутно Л. В. Черепнин отмечает такой ускоряющий момент в процессе складывания народности, как борьба за независимость, в частности со степными народами[50]. Цитируя источники, ученый показывает: в IX—XI вв. термины «Русь» и «Русская земля» употребляли как в этническом смысле, так и в значении «государство». Это указывает как на факт сложения народности, так и на то, что все же государство оказало на ее формирование активное влияние[51].

Освоение, прежде всего хозяйственное, территории древней Руси — еще один важнейший фактор формирования народности. Л. В. Черепнин считает, что дореволюционная историография преувеличивала роль колонизации в этом процессе, в то время как А. Н. Насонов, наоборот, преуменьшает ее роль. Мимоходом коснувшись значения стирания племенных различий восточных славян в быту (не отбрасывая в тоже время и факты наличия местных особенностей) как признака культурной

---

[46] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. С. 21.

[47] Там же. С. 21—22.

[48] *Цвибак М. М.* К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества // Известия ГАИМК. Вып. 103. М., 1934. С. 86, 99—100.

[49] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. С. 25.

[50] Там же. С. 27.

[51] Там же. С. 29.

консолидации народности, Л. В. Черепнин характеризует производственную деятельность и социальный строй населения древней Руси, подводя читателя к аргументации своего главного тезиса — доминирующей роли процессов феодализации в образовании древнерусской народности[52]. Ведь укрепление феодального базиса способствовало дальнейшему производственному освоению территории и развитию территориальных связей в условиях господства натурального хозяйства, рост феодального землевладения разрушал пережитки родового строя. Развитие ремесла, городов, торговли способствовало усилению экономических связей, которые содействовали развитию народности[53]. Особенное значение, по мысли Л. В. Черепнина, имела внешняя торговля. Ее развитие продвигало Русь к морям, а близость к ним, овладение их побережьями — это важнейший фактор в процессе образования народности и ее дальнейшего формирования в нацию. Опираясь на источники, ученый приводит доказательства освоения морских побережий и контроля над морями со стороны руссов[54]. Характеризуя роль городов в процессе образования народности, историк отмечает, что они были экономическими и политическими центрами Руси, содействовавшими разрушению пережитков патриархально-родовых отношений.

Вновь касаясь роли раннефеодального государства в формировании народности, Л. В. Черепнин приводит мнение А. Н. Насонова, который утверждал, что в образовании государственной территории Руси главное значение имела организация суда и дани. А так как в X—XI вв. эта организация еще не распространялась на всю Русскую землю, то «скороспелое» Киевское государство не могло быть монолитным[55]. Л. В. Черепнин тут делает существенное добавление: он считает, что территория древнерусского государства представляла прежде всего известное единство в этническом отношении, чего не было в империи Карла Великого, с которой сравнивает (согласно подсказке рецензента рукописного варианта монографии В. К. Яцунского[56]) Киевское государство А. Н. Насонов (по традиции, сложившейся в советской исторической науке с начала 1930-х гг.[57]). Государство, в свою очередь, ускоряло процессы этнической консолидации восточных славян[58]. Роль государственной власти проявлялась и в организации военных походов и военного дела, что содействовало формированию народности. Ведь в походах, в ополчени-

---

[52] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. С. 29—32.

[53] Там же. С. 33—35.

[54] Там же. С. 35—36.

[55] См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 25.

[56] См.: А РАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 197. Л. 41.

[57] См.: *Шишкин И. Г.* К вопросу о становлении марксистской концепции образования древнерусского государства в отечественной историографии 1920—1930-х гг. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 1999. № 3—4. С. 23—41.

[58] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. С. 37—38.

ях, при строительстве оборонительных сооружений, складывались территориальные и культурные связи, формировались черты национального характера.

Известную роль в дальнейшем развитии древнерусской народности имело и принятие христианства. Л. В. Черепнин, опираясь на классиков марксизма, подчеркивает, что религия является одним из признаков средневековой народности. В древнерусских памятниках, приводимых ученым, прослеживается тождественность понятий «христиане» и «русские» — под религиозной оболочкой здесь выступает этническое единство и общность исторических судеб древнерусской народности[59].

Определенное значение в процессе формирования народности сыграли классовые противоречия, так как антифеодальная борьба социальных низов сплачивала их на основе территориальных, а не родоплеменных связей. Впрочем, Л. В. Черепнин не особо акцентирует на этом внимание[60].

Одним из признаков, характеризующих древнерусскую народность, является относительная общность языка при наличии и стойкости диалектных различий. Л. В. Черепнин на основе исследований советских филологов и археологов признает наличие общего разговорного и литературного языков в древней Руси[61]. Последний способствовал распространению письменности на Руси, а следовательно, формированию культурной общности народности. Далее историк коротко характеризует культурную общность и говорит о ее осознании, что проявилось в памятниках фольклора, литературы, искусства и т. д.[62] После чего ученый ставит вопрос о зарождении национального характера, то есть «психического склада, проявляющегося в общности культуры»[63]. Выяснение этого вопроса приводит его к выделению и характеристике такого важнейшего этнонационального признака, как национальное самосознание, проявляющегося прежде всего в патриотизме, в осознании древнерусским обществом единства Русской земли[64].

К XII—XIII вв. Л. В. Черепнин относит третий этап истории русской народности, который характеризуется созданием предпосылок для ее дробления, в результате чего формируются народности великорусская, украинская и белорусская. Рассматривая причины создания на общей основе трех народностей, Л. В. Черепнин не соглашается с большинством исследователей (А. И. Козаченко, В. В. Мавродиным, И. И. Смирновым, Б. А. Рыбаковым) в том, что главной причиной распада древнерусской народности были внешние факторы. С точки зрения Л. В. Черепнина, не было распада древнерусской народности, как и не было распада древнерусского государства. На самом деле произошло расчленение раннефеодального государства на ряд феодальных земель и княжеств в результате дальнейшего процесса

---

[59] *Черепнин Л. В.* Историчсские условия формирования русской народности до конца XV в. С. 39—40.

[60] Там жс. С. 40—42.

[61] Там же. С. 42—43.

[62] Там жс. С. 43—45.

[63] Там же. С. 45—48.

[64] Там же. С. 48—52.

феодализации. Тем самым создались предпосылки для дробления единой народности[65]. Детально аргументировав свое мнение, ученый делает вывод о том, что создание предпосылок для складывания трех восточнославянских народностей является вовсе не результатом распада древнерусской народности, а естественным следствием ее развития[66]. Впрочем, полемизируя с А. И. Козаченко, Л. В. Черепнин признает: хотя создание в результате процесса феодализации предпосылок формирования на общей основе древнерусской народности трех восточнославянских народностей было объективно закономерным явлением, однако насильственный их разрыв в результате нашествия монголо-татарских захватчиков и последующей экспансии польских феодалов отрицательно сказался на судьбах этих народностей[67].

Итак, в данной статье Л. В. Черепнин сумел обобщить взгляды советских исследователей конца 40-х — начала 50-х гг. по проблеме древнерусской народности, высказав и аргументировав в отдельных случаях свое мнение. В тоже время общие представления Л. В. Черепнина о происхождении народности восходят к дискуссиям 1930-х — начала 1940-х гг., как по вопросам развития феодализма в древней Руси, так и этногенеза восточных славян[68].

В личном фонде академика, хранящемся в А РАН, не находим подготовительных материалов к рассмотренной выше статье, увидевшей свет в 1958 г. (имеющиеся в НА ИРИ РАН модификации машинописи рукописи не отображают ход работы над ней, и они по сути тождественны опубликованному), равно как и любых других черновых или предварительных разработок, касающихся вопросов древнерусской народности. Данный факт может свидетельствовать о том, что названная проблематика не была предметом непосредственного и углубленного изучения со стороны историка. Наличествуют фрагментарные и спорадичные вкрапления в тексты лекций, статей, где речь идет либо о трех восточнославянских народностях — великорусской, украинской и белорусской, либо же (и чаще) только о великорусской[69]. Однако они не носят характера специальных предметных изысканий. А в тех тематических разработках, где, согласно логическим предположениям, должны были бы обязательно присутствовать уже входившие на начало 1950-х гг. в традицию пассажи о древнерусской народности — их попросту нет[70]. При этом в личном фонде (1791) академика Л. В. Черепнина находится одно дело, содержание материала которого требует более глубокого анализа. Это — предварительные варианты статей «Древня Русь в VII—XI вв.» и «Культура Киевской Руси X—XV вв.», предназначавшихся для переводного

---

[65] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. С. 54—55.

[66] Там же. С. 55—56.

[67] Там же. С. 57.

[68] См.: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 146—342.

[69] См., напр.: А РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 34; Там же. Д. 134. Л. 19 и др.

[70] См., напр.: А РАН. Ф. 17911. Оп. 1. Д. 22. 163 л.; Там же. Д. 29. 11 л.

(на итальянский язык) учебника по истории СССР средних веков; архивариусы датируют тексты 1950-ми гг.[71]

Говоря о Древней Руси VII—XI вв., историк не считает нужным останавливаться на особенностях ее этногенетического развития. Л. В. Черепнин лишь констатирует как достаточно явный факт, не требующий дополнительной аргументации с его стороны: уже в XII—XIII вв., однако не на племенной основе, а в новых экономических условиях начинают определяться предпосылки возникновения трех восточнославянских народностей — «великорусской (русской), украинской и белорусской»[72]. Здесь ненавязчиво вносится существенно уточнение, что экономические преобразования затронули только некоторые русские земли, где «господ-ствовали феодальные отношения». Что касается восточнославянских народностей, то они образовались в дальнейшем на основе древнерусской народности[73]. В этом месте звучит единственное фиксируемое упоминание терминологического выражения — «древнерусская народность». Автор подчеркивает, что процессы разделения на будущие народности наметились в XII—XIII вв. При этом следует учитывать, что их границы не совпадали с «политическими границами княжеств». Здесь вступал в действие иной механизм, включающий новые территориальные, экономические и культурные связи. Л. В. Черепнин остается верен своим принципам, и суть возникновения данных связей, равно как и их функционирование, усматривает в «расширении и углублении процеса феодализации»[74]. Определив территориальные основы восточнославянских народностей, исследователь переходит к рассмотрению внешних факторов, воздействовавших на процесс окончательного оформления границ складывающихся народностей.

Рассматривая последствия татаро-монгольского нашествия, которое признается негативным явлением, Л. В. Черепнин вновь игнорирует выражение «древнерусская народность». Вместо него им употребляется традиционное терминологическое словосочетание — «русский народ»[75], которое ученый употреблял, как и большинство советских (российских) историков, в период до легитимации концепции о древнерусской народности, в частности в середине 1940-х гг.[76] Похоже, что возвращение Л. В. Черепнина в этом вопросе на позиции традиционной российской историографии связано со спадом во второй половине 1950-х гг. политико-идеологической поддержки термина «древнерусская народность», который реально остается для употребления в исторической науке БССР и УССР. Последнее наблюдение впервые в историографическом аспекте, по-видимому, сделано укра-

---

[71] А РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 146. 195 л.
[72] Там же. Л. 94.
[73] Там же. Л. 94—95.
[74] Там же. Л. 95.
[75] Там же. Л. 126.
[76] А РАН. Ф. 1791. ОП. 1. Д. 131. Л. 221, 231 и др.

инским историком, академиком Я. Д. Исаевичем[77]. Скорее всего, Л. В. Черепнин не понимал под понятием «русский народ» (применительно к древнерусской эпохе) начальный этап развития «триединорусского» народа (тем более «великорусского»)[78]. Очевидно, что для него в данном случае «русский народ» был общим предком трех восточнославянских народов, как это подразумевало и понятие «древнерусская народность». Однако использование тождественного наименования для восточнославянского народа в древности и для современных русских приводило к терминологической путанице и в умах широких масс, и среди иностранных читателей, вытесняло из древнерусской истории предков белорусов и украинцев.

Итак, сыграв как автор соответствующего параграфа «Очерков истории СССР» и других работ (а также посредством своего участия в разных научных форумах с разработками по теме) важнейшую роль в научной легитимации концепции древнерусской народности, Л. В. Черепнин одним из первых отошел от обязательного употребления самого термина «древнерусская народность». Последнее обстоятельство, как можно предположить, связано с тем, что после отпразднования 300-летия воссоединения Украины с Россией комбинированная идеологическая кампания (начавшаяся с внедрения в науку постулатов И. В. Сталина в области этногенетики), имевшая место в первой половине 1950-х гг., фактически закончилась и жесткого партийного диктата для российских историков в этом аспекте уже не было.

---

[77] См.: *Ісаєвич Я.* Походження українців: історіографічні схеми і політика // Матеріали до української етнології. Вип. 1 (4). Київ, 1995. С. 103—114.

[78] См. в связи с этой темой: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 214—303.

В. Н. Никулин (Калининград)

Теоретические аспекты истории крестьянских войн в России в творческом наследии Л. В. Черепнина

В научном наследии академика Л. В. Черепнина среди многих сюжетов отечественной истории, которым он уделял внимание, заметное место заняли проблемы, связанные с крестьянскими войнами в России. Особенно активно он писал на эту тему в 70-е годы. Ему принадлежит широко известное определение крестьянской войны: «Это — высшая форма выступлений народных масс, поднявшихся на борьбу против крепостнической системы. Выступления эти распространяются на значительную территорию, вовлекают в движение все недовольные социальные слои деревни и в меньшей степени города (холопов, посадских людей, работных людей, казаков и т. д.)»[1]. В концентрированной форме в этом определении изложены основные отличия принципиального характера крестьянской войны от других форм народных выступлений. Возникновение народных движений, принявших новую форму крестьянской войны и имевших «явную антикрепостническую направленность», Л. В. Черепнин связывал с сословно-представительной монархией и временем становления и упрочения абсолютизма в России[2].

Важнейшие теоретико-методологические вопросы истории классовой борьбы крестьянства в XVII—XVIII вв. поднимались Л. В. Черепниным в статьях, докладах и выступлениях. Он проанализировал причины и предпосылки крестьянских войн, показал их особенности, затронул проблему хронологии и охарактеризовал общественное сознание повстанцев. Он рассмотрел внешнеполитический аспект крестьянских войн, остановился на проблеме управления территорией, захваченной повстанцами, исследовал природу самозванчества, дал емкие характеристики крестьянским вождям. В его работах показана связь между крестьянскими выступлениями и процессами экономического развития и политической эволюции в эпоху зарождения и укрепления российского абсолютизма. Им была создана четкая, опирающаяся на факты и теоретически глубоко обоснованная концепция эволюции классовой борьбы русского крестьянства в XVII—XVIII вв. Несомненно, что Л. В. Черепнин стремился к всестороннему охвату истории крестьянских войн в России в ее главных, основных чертах.

---

[1] *Черепнин Л. В.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 258.

[2] Там же. С. 257.

Следует заметить, что в основе его теоретических построений лежала марксистско-ленинская методология, утвердившаяся и безраздельно господствовавшая в советской историографии[3]. При анализе конкретного материала Черепнин опирался на марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы и ее роли в общественном развитии. Он рассматривал крестьянскую войну как продукт закономерного развития феодального способа производства, социальных отношений и соответствующей политической формы общества.

В статье рассматриваются отдельные вопросы, затронутые Л. В. Черепниным. Один из них связан с терминологией. По разным причинам и с соответствующим набором аргументов крупнейшие народные движения XVII—XVIII вв. трактовались и трактуются историками как «бунты», «крестьянские восстания», «крестьянские войны», «гражданские войны»[4].

При чрезвычайно строгом отношении к дефинициям Л. В. Черепнину не было свойственно абсолютизирование тех или иных определений, применявшихся в исторической науке. В его работах в равной степени использовались два термина применительно к крупнейшим народным выступлениям XVII—XVIII вв.: «крестьянское восстание» и «крестьянская война». Так, во введении к сборнику документов о крестьянской войне под предводительством Степана Разина наряду с термином «крестьянская война» широко использован термин «восстание»[5]. В равной степени оба эти термина были употреблены в комментариях к документам[6]. Л. В. Черепнин полагал, что в применении двух терминов нет ни смешения понятий, ни терминологической путаницы. Он считал, что «крестьянская война» — это то же вооруженное восстание, но в форме, свойственной периоду позднего феодализма. Несомненно, что для Л. В. Черепнина важно было не определение само по себе, а его содержание. Он неоднократно отмечал, что крестьянские войны были «важным звеном в цепи народных движений», направленных против эксплуататорского строя[7].

С проблемой терминологии оказался тесно увязан вопрос о типологии крупнейших народных движений XVII—XVIII вв. в России. Говоря о предпосылках и историческом фоне, на котором разворачивались события крестьянских войн, Л. В. Черепнин отметил, что крестьянские войны приходятся на «новый период»

---

[3] *Черепнин Л. В.* Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (причины и характер) // Героические страницы истории народов нашей Родины. Докл. Всесоюзной науч. конф., посвящ. 200-летию крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1976. С. 6.

[4] Этим не ограничивается терминологический ряд, если вспомнить такие бытовавшие определения крестьянских движений, как «разинщина», «пугачевщина», «крестьянская революция».

[5] См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1976. Т. 4. Дополнительный. С. 3—4.

[6] Там же. С. 231 и др.

[7] См.: *Куропятник Г. К., Безруков А. В.* Об идеологической борьбе в исторической науке // Новая и новейшая история. 1973. № 6. С. 208.

отечественной истории, когда в недрах феодализма начал формироваться всероссийский рынок и возникли элементы новых, буржуазных отношений. Л. В. Черепнин был убежден, что под понятие «крестьянские войны» полностью подходят три крупных крестьянских движения: 1606—1607 гг. под предводительством И. И. Болотникова, 1667—1671 гг. под предводительством С. Т. Разина, 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева[8]. Он согласился также с выводом Е. П. Подъяпольской, что движение, возглавленное в 1707—1708 гг. К. А. Булавиным, имело характер крестьянской войны[9]. В этом отличие его позиции от взглядов ряда историков, что относят к крестьянским войнам только народные выступления под руководством Разина и Пугачева. Известный исследователь Р. Г. Скрынников в целом ряде своих трудов высказал предложение отбросить концепцию крестьянской войны начала XVII столетия и заменить ее концепцией «первой гражданской войны в России»[10]. Тем самым он в значительной степени отказался от своей прежней трактовки событий начала XVII столетия. Движение под предводительством И. И. Болотникова не было крестьянской войной, и его, считает Скрынников, следует квалифицировать как «гражданскую войну» начала XVII века[11]. Позиция Скрынникова была поддержана американским историком Честером Даннингом в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории»[12]. В своих суждениях и выводах Даннинг пошел дальше Скрынникова. В изучении проблем и трактовке событий Смутного времени, полагает Даннинг, «концепция крестьянской войны не оказалась полезной и должна быть отброшена»[13]. Если Скрынников к предпосылкам первой гражданской войны в России отнес «противоречия между феодальным дворянством и низшими сословиями»[14] и «кризис феодального сословия»[15], то Даннинг главной причиной гражданской войны назвал «убийство царя Дмит-

---

[8] *Черепнин Л. В.* Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под предводительством Е. И. Пугачева // *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 163.

[9] *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 6.

[10] См.: *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 324—326; *Он же.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 5; *Он же.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 3, 7; *Он же.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 8.

[11] См.: *Скрынников Р. Г.* Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92—110.

[12] *Даннинг Ч.* Была ли в России в начале XVII века крестьянская война? // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21—34.

[13] Там же. С. 30.

[14] *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 7.

[15] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. С. 6.

рия»[16]. По мнению Даннинга, события начала XVII века являются не чем иным, как гражданской войной, породившей «не только классовое разделение и социальную революцию, но и раскол по вертикали через все слои русского общества»[17].

По существу, Р. Г. Скрынников и его сторонники реанимировали в новых условиях идею В. И. Лебедева, выдвинутую в середине прошлого века и поддержанную А. А. Зиминым, о том, чтобы считать крестьянские войны гражданскими. Известно, что предложение В. И. Лебедева базировалось на марксистском тезисе о гражданской войне как наивысшем проявлении классовой борьбы (в данном случае — борьбы крепостного крестьянства против феодалов).

Термин «гражданская война» не раз использовал в своих работах и Л. В. Черепнин. Наиболее четко точка зрения Черепнина по данной проблеме отражена в формулировке «Крестьянские войны — это гражданские войны эпохи феодализма»[18]. В статье, посвященной 200-летнему юбилею крестьянской войны 1773—1775 гг., он отметил, что «крестьянская война при феодализме представляет собой разновидность гражданской войны»[19]. «Восстание под предводительством Пугачева, — писал Л. В. Черепнин, — было (как и предыдущие крестьянские движения во главе с Болотниковым, Разиным, Булавиным) гражданской войной эпохи феодализма»[20]. В своих суждениях Л. В. Черепнин опирался на известное положение из работы В. И. Ленина «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)». Ленин писал о законности, прогрессивности и необходимости гражданских войн «угнетенного класса против угнетающего», и в частности войн «крепостных крестьян против помещиков»[21]. Черепнин был убежден в прогрессивном значении крупнейших народных выступлений эпохи позднего феодализма, в том, что в это время классовая борьба в России приобретает новую, более высокую форму массовых антифеодальных вооруженных выступлений — крестьянских войн. Об этом он неоднократно писал в своих работах и говорил в выступлениях. Точка зрения Л. В. Черепнина была активно поддержана И. И. Смирновым[22]. «В крестьянских войнах, — писал он, — классовая борьба крестьян против феодалов выливается в формы настоящей гражданской войны, раскалывающей общество на два противоположных лагеря,

---

[16] *Даннинг Ч.* Была ли в России в начале XVII века крестьянская война?.. С. 31. Речь идет о Лжедмитрии I — Григории Отрепьеве.

[17] Там же. С. 30.

[18] *Черепнин Л. В.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России... С. 258.

[19] *Черепнин Л. В.* Крестьянские войны в России периода феодализма... С. 164.

[20] *Черепнин Л. В.* Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (причины и характер)... С. 11.

[21] См.: *Ленин В. И.* Социализм и война (отношение РСДРП к войне) // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 311.

[22] См.: *Смирнов И. И.* Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 26—34.

каждый из которых является олицетворением класса-антагониста феодального общества: феодалов и крестьян»[23].

Выше было отмечено, что Л. В. Черепнин был согласен с отнесением движения, возглавленного в 1707—1708 гг. К. А. Булавиным, к крестьянским войнам. Однако в середине 1980-х гг. в связи с началом критического осмысления марксистской методологии изучения истории народных движений эпохи феодализма Н. И. Павленко высказал мнение о неправомерности отнесения восстания под предводительством К. А. Булавина к «крестьянским войнам»[24]. На его взгляд, это было преимущественно казачье выступление, направленное на восстановление сословных привилегий донского казачества. Участники восстания боролись «не за крестьянские, а за казачьи права». Павленко полагает, что «движение К. Булавина так и осталось на уровне казачьего выступления»[25]. Подводя итоги своим рассуждениям, Павленко заметил, что восстание на Дону под предводительством Булавина «по своей направленности было казачьим по преимуществу. Крестьяне если и участвовали в восстании, то в масштабах, которые не придали ему значения крестьянской войны»[26]. Вслед за сомнениями, порожденными определением типологической принадлежности движений Болотникова и Булавина, стали высказываться сомнения и по поводу того, следует ли считать крестьянскими войнами народные движения, возглавленные С. Т. Разиным и Е. И. Пугачевым[27].

Л. В. Черепнин затронул также вопрос о хронологии крестьянских войн. Он считал, что «кульминационным пунктом» первой крестьянской войны было восстание Болотникова в 1606—1607 гг., а движение Хлопка (1603 г.) и крестьянские волнения в 1604—1605 гг. являлись ее предвестниками[28]. В движении под предводительством С. Т. Разина Черепнин выделял два этапа. В течение первого этапа в 1667—1669 гг. С. Т. Разин совершил с голутвенными казаками и беглыми крестьянами поход по Волге к Яицкому городку, в Каспийское море, а затем через Астрахань вернулся на Дон. На втором этапе крестьянской войны в 1670—1671 гг. под предводительством Разина развернулось мощное народное движение в Среднем Поволжье, Заволжье, на Слободской Украине и в других местах. Л. В. Черепнин полагал неверным сводить всю историю крестьянской войны только ко второму этапу и рассматривать первый этап только как разбойный поход на Каспий. Элемент разбойничества, констатировал Черепнин, вообще присущ выступлениям феодального крестьянства, «но в данном случае дело им не ограничилось». «Пра-

---

[23] *Смирнов И. И.* Крестьянские войны и их место в истории России... С. 31.

[24] См.: *Павленко Н. И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 68—74.

[25] Там же. С. 72.

[26] Там же. С. 74.

[27] См.: *Соловьев В. М.* Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 132.

[28] *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы)... С. 12.

вы те историки, — заметил ученый, — которые рассматривают движение Разина в целом как вторую Крестьянскую войну»[29]. Третья крестьянская война, считал Л. В. Черепнин, произошла в 1707—1709 гг. Новое народное движение охватило Дон, Придонье, Среднее Поволжье и территорию Слободской Украины. Черепнин считал, что крестьянское движение продолжалось и после гибели К. А. Булавина в 1708 году[30].

Важное место в исторической концепции крестьянских войн в России занимает выделение и обоснование Л. В. Черепниным важнейших особенностей каждой из крестьянских войн.

Отличительной чертой первой крестьянской войны он считал то, что она произошла после завершения в России процесса централизации и законодательного признания в конце XVI в. системы крепостного права в масштабе всего государства. Важной особенностью первой крестьянской войны стало то, что она совпала с иностранной интервенцией против России, что осложнило ее характер и наложило на нее свой отпечаток. В условиях широкого народного движения против иноземных захватчиков, писал Л. В. Черепнин, «классовая борьба сливалась с национально-освободительной»[31].

Вторая крестьянская война произошла в условиях, считал Черепнин, когда крепостная система полностью сложилась, действовал крепостнический кодекс — Соборное уложение 1649 г. и крепостничество распространялось вширь. Он отметил также, что в силу зарождения капиталистических отношений в недрах феодализма социальный состав участников крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина стал более сложным и разнородным, чем в движении И. И. Болотникова. В войске Разина наряду с крепостными крестьянами, представлявшими основную силу движения, активно участвовали плебейские элементы города и работные люди поташных заводов и промыслов. Важной особенностью второй крестьянской войны, по мнению Черепнина, явилось широкое участие в ней народов Поволжья — татар, чувашей и мордвы, что было обусловлено усилением феодально-национального гнета[32].

Касаясь условий, в которых проходила крестьянская война под предводительством К. А. Булавина, Л. В. Черепнин отметил, что она произошла в то время, когда в стране уже оформился абсолютизм, шло укрепление крепостничества, с одной стороны, а с другой — все более давали себя знать новые, буржуазные отношения. К особенностям третьей крестьянской войны Черепнин отнес то, что в ходе ее в лагере повстанцев не возникла идея самозванства[33].

---

[29] *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы)... С. 14.

[30] *Черепнин Л. В.* Крестьянские войны в России периода феодализма... С. 168—169.

[31] Там же. С. 166—167.

[32] *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы)... С. 13—14.

[33] Там же. С. 16.

По мнению Л. В. Черепнина, последняя крестьянская война 1773—1775 гг. произошла в период, переходный от феодализма к капитализму, что определило качественные и количественные отличия ее от предшествующих крестьянских войн. В это время крепостное право достигло своего апогея, когда крестьяне были доведены до состояния, близкого к рабству. В то же время заметным стал процесс разложения феодально-крепостнического строя, формировался капиталистический уклад, т. е. складывалась система буржуазных отношений в рамках феодализма. Сложные социально-экономические и политические процессы сказались на составе и сознании участников войны, ее организации и результатах[34]. Участие работных людей уральских горных заводов и приписных крестьян в войне под предводительством Е. И. Пугачева академик Черепнин назвал ее важнейшей особенностью[35]. Весьма продуктивной является мысль Л. В. Черепнина, считавшего, что рассмотрение крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева на фоне антифеодальных движений XVIII столетия в других странах более исторично, чем встречающееся иногда ее сопоставление с крестьянскими движениями в средневековой Европе: Жакерией, восстанием Уота Тайлера[36].

Л. В. Черепнин был убежден, что движения Разина и Пугачева по своим масштабам и последствиям превосходят и первую крестьянскую войну, и восстание под предводительством К. А. Булавина. По его мнению, они представляли собой более высокую форму классовых выступлений и по охвату антикрепостнических сил, и по наличию элементов сознательности и организованности, и по накалу борьбы[37].

В вопросе о роли народных масс и личности в событиях крестьянских войн Л. В. Черепнин приоритет отдавал народу. Тем не менее он чрезвычайно заинтересованно относился к личностям руководителей крестьянских войн, их роли в событиях. Он считал, что такие бытующие выражения, как крестьянская война под предводительством С. Т. Разина или Е. И. Пугачева, — «не просто персонификация исторических явлений, а выражение реальной роли организаторов и руководителей движений»[38]. Черепнин дал глубокие портретные зарисовки И. И. Болотникова, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, выделив основные черты характера: «Иван Исаевич Болотников, вождь повстанцев, беглый холоп… был человеком с большим жизненным опытом, хороший организатор»; «Предводитель второй крестьянской войны, выходец из среды “домовитого” казачества, Степан Разин был человеком опытным и зрелым… знал жизнь народа и его нужды… после поражения восстания мужественно и достойно принял смерть»; «Емельян Иванович Пугачев был… выдающимся предводителем народной войны. …Это был человек бывалый и зака-

---

[34] *Черепнин Л. В.* Крестьянские войны в России периода феодализма... С. 169.

[35] Там же. С. 170.

[36] *Черепнин Л. В.* Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (причины и характер)... С. 7.

[37] *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы)... С. 18.

[38] Там же. С. 10.

ленный. ...Пугачев проявил незаурядный талант полководца и организатора, личную храбрость, выдержку, находчивость»[39]. Анализируя взгляды А.С. Пушкина, отношение поэта к восстанию и личности вождя повстанцев, Л.В. Черепнин отметил, что Пушкин подходил «к созданию образа народного героя Пугачева» с позиций историзма, «рисуя его чертами, близкими к подлинной действительности»[40].

Все крестьянские войны в России Л.В. Черепнин рассматривал как «единую цепь в развертывании классовой борьбы, несмотря на своеобразие каждой из них». Он считал, что каждая из крестьянских войн наносила новый, все более сильный удар «по феодально-крепостнической системе и в перспективе приближала ее к гибели». Именно так понимал Л.В. Черепнин утвердившееся в советской историографии положение о расшатывании феодального строя под воздействием Крестьянских войн. Он был убежден, что выявление закономерностей в развитии крестьянских войн является важнейшей задачей историков.

В 1972 г. в статье, посвященной 90-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнин написал, что сделанное ученым всегда можно оценить с трех сторон: 1) что он получил от своих предшественников и как приумножил те богатства, которые унаследовал; 2) что нового он дал современникам; 3) что оставил он последующим поколениям[41]. Эти критерии со всей очевидностью приложимы и к творчеству самого академика Л.В. Черепнина. Опираясь на труды своих предшественников и современников, он внес много нового в теоретическую разработку проблемы крестьянских войн в России. Его работы и идеи стали серьезным вкладом в изучение проблемы, вошли в золотой фонд российской историографии крестьянских войн и являются необходимым условием дальнейшего прогресса в будущих исследованиях этих сложнейших явлений отечественной истории.

---

[39] См.: *Черепнин Л.В.* Крестьянские войны в России периода феодализма... С. 166—169.

[40] *Черепнин Л.В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 38.

[41] *Черепнин Л.В.* К 90-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова // *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 310.

II

АРХЕОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

С. М. Каштанов (Москва)

О молдавской канцелярии в конце XIV — первой трети XV в.

Одним из направлений исследовательской деятельности замечательного советского историка Л. В. Черепнина было сравнительное изучение институтов российского и западного феодализма. В круг занятий ученого входило, в частности, сопоставление путей развития феодализма на Руси и в Молдавии. Эта тематика нашла отражение в ряде его статей. Кроме того, Л. В. Черепнин участвовал в редактировании публикаций молдавских грамот, издававшихся в Кишиневе. Он был также редактором отдельных монографий и соредактором обобщающих трудов по истории Молдавии.

Молдавские грамоты конца XIV — XVII вв. дают богатый материал для сравнительного анализа форм землевладения, иммунитета, аппарата управления и многих других сторон социально-экономического и политического строя феодальной Молдавии и Руси. Румынскими и молдавскими историками XIX—XX вв. был внесен огромный вклад в дело издания и изучения молдавских грамот. Наличие солидной археографической базы, в которой особое место занимает классическая публикация «Documenta Romaniae Historica»[1], позволяет думать, что при исследовании молдавских грамот мы можем опираться на весь комплекс выявленных к настоящему времени источников. Дополнение к нему составляют грамоты, хранящиеся в архиве афонского Ватопедского монастыря[2].

Бросающейся в глаза особенностью молдавской документации XIV—XVI вв. является то, что в ней почти полностью отсутствуют частные акты в собственном смысле слова[3]. Частные сделки, как правило, оформлялись устно перед лицом носителя верховной власти («воеводы») и его вельмож — «бояр», «панов». Господарь выдавал от своего имени грамоту, в которой частная сделка узаконивалась и

---

[1] Documenta Romaniae Historica / Comitetul de redacţie: Mihai Berza, Constantin Cihodaru, Damaschin Mioc, Francisc Pall, Ştefan Pascu şi Ştefan Ştefănescu. Bucureşti, 1975. A. Moldova. Vol. I (1384—1448) / Volum întocmit de C. Cihodaru, I. Caproşu şi L. Şimanschi (далее — DRH-A. Vol. I); Ibid. Bucureşti, 1976. A. Moldova. Vol. II (1449—1486) / Volum întocmit de Leon Şimanschi în colaborare cu Georgeta Ignat şi Dumitru Agache (далее — DRH-A. Vol. II); Ibid. Comitetul de redacţie: acad. Ştefan Pascu, Ştefan Ştefănescu, membru correspondent al Academiei, Constantin Cihodaru, Damaschin Mioc, Ioan Caproşu, Aurel Răduţiu. Bucureşti, 1980. A. Moldova. Vol. III (1487—1504) / Volum întocmit de C. Cihodaru, I. Caproşu şi N. Ciocan (далее — DRH-A. Vol. III).

[2] О них см.: *Marinescu F.* The Romanian Archive // The Holy and Great Monastery of Vatopaidi. Tradition — History — Art. Mount Athos, 1998. Vol. II. P. 621—626.

[3] Отдельные частные акты за период до 1486 г. см.: DRH-A. Vol. I. № 289 (1448 г.); Vol. II. № 102, 205 (1462, 1476 гг.); см. также частное письмо ок. 1481 г. (Ibid. Vol. II. № 232).

дополнялась господарским подтверждением и пожалованием. Эта практика может быть охарактеризована как один из видов «жалованной юрисдикции» (juridiction gracieuse)[4]. Ее господствующая роль в оформлении прав земельной собственности существенно отличает молдавскую социально-политическую систему от российской, где наряду с публичными были широко распространены и частные акты.

Другим важным отличием молдавских порядков от российских было наличие в Молдавии централизованной канцелярии при суверене, в то время как на Руси канцелярская деятельность рассредоточивалась между несколькими учреждениями с возможным участием в этой работе также получателей актов и третьих лиц. Если в русских частных актах и в княжеских духовных, близких по своей природе к частным актам, писец мог упоминаться, то в жалованных и указных грамотах — документах публичноправового характера — о писце акта не говорится ни слова. В Молдавии, наоборот, указание писца включалось в текст господарских грамот. Правда, эта практика установилась не сразу.

В молдавских грамотах указание лиц, непосредственно составлявших и оформлявших акт, содержится обычно в двух последних (заключительных) компонентах условного формуляра[5]: 1) в корроборации, где говорится о распоряжении господаря а) писать текст грамоты и б) привесить к ней печать; 2) в конечном протоколе (эсхатоколе), где сообщается имя писца (чаще всего после слова «Писа»), называются место и дата написания документа. В корроборации не всегда присутствуют оба пункта, иногда речь идет только о привешивании печати. В конечном протоколе имя писца встречается также не во всех без исключения грамотах. Особенно это касается начального периода истории молдавской канцелярии, к обозрению которого мы и переходим.

В корроборации наиболее ранней из дошедших господарских грамот, а именно в грамоте воеводы Петра I 1384 г., текст которой известен в латинском переводе, привешивание печати доверяется трем названным по имени «господам» (в славянском оригинале вместо «domino», вероятно, стояло «пану»). В конечном протоколе указаны дата и место составления документа, но писец не упомянут[6]. В корроборации грамот воеводы Романа I 1392 и 1393 гг. распоряжение «печатъ великую привѣсити» не сопровождается указанием лица, кому это поручено, а в конечном

---

[4] Подробнее о ней см.: *Bautier R.-H.* L'authentification des actes privés dans la France médiévale. Notariat public et juridiction gracieuse // Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV. Actas del VII Congreso Internacional de Diplomática, Valencia, 1986. València, 1989 [Vol.] II. P. 701—772; *Idem.* Chartres, sceaux, et chancelleries. Études de diplomatique et de sigillographie médiévales. Paris, 1990. [T.] I. P. 269—340; *Каштанов С. М.* О «жалованной юрисдикции» в средние века (ч. 1) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 295—316.

[5] О понятии «условный формуляр» подробнее см.: *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 26—28, 32—33; *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 169—173.

[6] DRH-A. Vol. I. № 1.

протоколе писец не фигурирует[7]. В грамоте 1397 г. воеводы Стефана I, текст которой дошел в румынском переводе XVIII в. (сурет), без конечного протокола, печать было велено привесить «cu mîna săraculuі Goian» («моему писарю Гояну»)[8]. Возможно, в этом случае роль печатника исполнял писец грамоты. В грамоте воеводы Юги 1399 г. (сурет) приказание привесить большую печать отдается «slugii noastre, lui Iaţco» («слуге нашему Яцко»)[9]. Тот же «слуга» Яцко должен был привесить печать к трем грамотам воеводы Александра I Доброго 1400 г.[10]

В грамотах 1399—1400 гг. нет упоминания писца. Впервые оно появляется в конечном протоколе грамоты Александра Доброго от 28 июня 1401 г., где писец фигурирует с определением «логофет»: «Писа Братѣи логофетъ»[11]. Эту грамоту можно считать наиболее ранним из известных документов, где устанавливается разделение функций лиц, занимавшихся привешиванием печати и написанием грамоты. Первая функция упоминается в корроборации («пану Томашеви привѣсити печатъ нашу»), вторая в конечном протоколе: «Писа...». Несмотря на обратную последовательность действий, функция привешивания печати как наиболее ответственная выступает в тексте документа на переднем плане.

Кто привешивал печать к грамоте Александра Доброго от 30 июня 1401 г., неясно. Корроборации тут нет. Глухое упоминание о печати включено в конечный протокол, где помещено также указание писца в несколько необычной форме: «А писано оу Соучавѣ, под нашею печатїю,... роукою Братѣївою»[12]. Возможно, писец (логофет) Братей был в данном случае и печатником. Это предположение подтверждается корроборацией грамоты от 7 января 1403 г., в которой печать поручалось привесить «służi naszemu, Bratiju logothetu», а писец в конечном протоколе не упоминался[13]. В грамоте от 1 августа 1403 г. корроборация и конечный протокол слиты воедино. Здесь уже прямо сказано, что логофет Братей должен и писать грамоту, и печать к ней привесить[14]. Такое же постановление находим в корроборации грамоты от 20 июля 1404 г., где нет конечного протокола (сурет)[15]. Судя по румынскому переводу, логофет Братей назывался в этой грамоте верным боярином и паном. Однако в оригинале грамоты от 8 марта 1407 г. он по-прежнему именуется «слугой нашим»[16]. В корроборации мартовской грамоты 1407 г. логофету Братею было указано «писати и привѣсити печать наша к сему листу нашему». Писец в эсхатоколе не упоминался. Подобное же соотношение текстов корробора-

---

[7] DRH-A. Vol. I. № 2, 4.
[8] Ibid. № 5.
[9] Ibid. № 9 (B). P. 13.
[10] Ibid. № 10—12.
[11] Ibid. № 13. P. 19.
[12] Ibid. № 14. P. 21.
[13] Ibid. № 17. P. 24.
[14] Ibid. № 18. P. 26.
[15] Ibid. № 19. P. 28.
[16] Ibid. № 22. P. 31.

ции и конечного протокола наблюдается в грамотах 1409—1413 гг., где фигурирует логофет Братей[17]. В двух грамотах, 1408 и 1409 гг., отмечено, что они написаны «рукою Братяя логофета»[18].

Следовательно, возникшее было в 1401 г. разделение функций писца и печатника в том же году сменилось другим принципом. Можно полагать, что с 30 июня 1401 г. по 6 июля 1413 г. логофет Братей исполнял обязанности как писца, так и печатника.

В 1414—1420 гг. написанием и запечатыванием грамот Александра Доброго занимался «слуга» господаря Исая Градович[19], который не ранее декабря 1414 г. получил звание логофета[20]. Его функции определялись в корроборации установившегося при Брате типа, а писец в конечном протоколе, как правило, не упоминался. Единственное исключение из этого правила касается самого Исаи. В грамоте от 15 января 1418 г. нет корроборации, но в эсхатоколе сказано: «Писа їсаїа логофеть»[21]. Значит Исая, подобно Братею, был и печатником, и писцом господарских грамот. Правда, в отдельных случаях грамоты выдавались другими лицами. В корроборации грамоты от 8 апреля 1419 г. на месте Исаии, но без звания логофета, фигурирует Ивашко Братаевич[22] (вероятно, сын Братея). В корроборации грамоты от 15 мая 1418 г., дошедшей в форме сурета на румынском языке, привесить печать было велено какому-то «верному боярину», имя которого пропущено, о написании же грамоты не говорится ничего[23]. Эти персональные моменты не меняли общего принципа работы канцелярии, остававшегося тем же, что и при Братее.

Практика предоставления одному и тому же лицу функций писца и печатника одновременно оказалась достаточно живучей. В 1422—1423 гг. логофетом был пан Купчич, но далеко не всегда выдача грамот осуществлялась им. В корроборации грамоты от 12 марта 1422 г. обязанность «писати и привѣсити нашу печать» вменялась «Нѣгоеви граматику»; в конечном протоколе писец не упоминался[24]. В грамоте от 20 августа 1422 г. корроборации нет, но в конечном протоколе сказано: «Писа Купчич логофет»[25]. В грамоте от 25 декабря 1422 г. корроборация также отсутствует, а в конечном протоколе говорится: «Писал Михаилъ граматик»[26]. В корроборации грамоты от 12 марта 1423 г. право писать и привесить печать делегировалось «Купчичю логофету», и при этом писец в конечном протоколе не фигурирует[27]. Однако в грамоте от 31 марта 1423 г. мы видим двух лиц, ответственных за выдачу

---

17 DRH-A. Vol. I. № 24, 25, 27—32, 34, 35.
18 Ibid. № 23, 26. P. 33, 38.
19 Ibid. № 36—38, 43 и др.
20 Ibid. № 39—41, 47.
21 Ibid. № 42. P. 62.
22 Ibid. № 45.
23 Ibid. № 44. P. 64.
24 Ibid. № 50.
25 Ibid. № 51.
26 Ibid. № 52.
27 Ibid. № 53.

акта. Это логофет пан Купчич, которому было велено «писати и привисити нашу печать» (корроборация), и «Онца граматикь», который «писа» грамоту[28].

Введение должности «граматика», видимо, способствовало сокращению функций логофета. Разделение функций было еще неустойчивым, и в ряде случаев «граматик» просто выполнял обязанности логофета. Так, в корроборации грамоты от 16 февраля 1424 г. «писати и привѣсити нашу печатъ» поручалось «слузѣ нашему вѣрному, Нѣгоеви граматику», писец же в эсхатоколе не упоминался[29]. Аналогичная картина в грамоте 1424—1425 гг., не поддающейся точной датировке[30]. В грамоте от 9 октября 1424 г. корроборации нет, зато в конечном протоколе сказано: «Писа Нѣгое граматикъ»[31]. В корроборации грамоты от 30 января 1425 г. вместо Нега фигурирует «Михаил граматик», а в конечном протоколе писец не указан[32].

В грамоте от 12 мая 1425 г. наблюдается возврат к принципу разделения функций. Как и в грамоте от 31 марта 1423 г.[33], здесь в корроборации назван пан Купчич, правда, на этот раз без звания логофета и с поручением только «привѣсити нашю великоую печат», в конечном протоколе — «Оанца граматик»[34]. Однако во второй половине 20-х — начале 30-х годов XV в. принцип разделения функций не стал господствующим. В соперничестве за право быть логофетом к концу 1425—1426 гг. победил Нег. В корроборации грамоты от 28 декабря 1425 или 1426 г. ему как логофету повелевается «писати и привѣсити нашу печать», а писец в эсхатоколе не упоминается[35]. Такая же корроборация при отсутствии указания писца в конечном протоколе содержится во многих грамотах 1426—1434 гг.[36] В корроборации грамоты от 10 января 1429 г. Нег назван не только логофетом, но и почтенным боярином («почтеному болѣрину»)[37]. Некоторые грамоты дошли в немецком переводе. В них логофет именуется канцлером (Kanzler)[38].

То, что Нег в этот период был не только печатником, но и писцом, показывает эсхатокол грамоты от 31 июля 1431 г., которую «писа Нѣгои логофет, на Бистрици»[39]. Вместе с тем в ряде случаев Нег действовал совместно с писцом, причем писцы менялись, а логофет оставался все тот же. В последний раз Нег упоминается в корроборации грамоты Стефана II от 14 апреля 1435 г.[40] В грамоте воеводы Ильи

---

[28] DRH-A. Vol. I. № 54.
[29] Ibid. № 56.
[30] Ibid. № 58.
[31] Ibid. № 59.
[32] Ibid. № 60.
[33] Ibid. № 54.
[34] Ibid. № 61.
[35] Ibid. № 62.
[36] Ibid. № 63—68, 70, 75, 78, 81, 82, 84, 85, 88, 90, 93, 94, 98, 100, 101, 103, 118, 119, 124, 126.
[37] Ibid. № 82; см. также № 98 (1430—1431 гг.), 99 (1430 г.).
[38] Ibid. № 65, 119, 126.
[39] Ibid. № 104. P. 155.
[40] Ibid. № 139.

от 8 октября 1435 г. видим уже нового логофета — Дениса[41]. Писцами при Неге были Ивашко Братеевич (февраль, апрель 1428 г., апрель 1429 г.)[42], Гедеон, в некоторых грамотах названный дьяком[43] или писарем княгини[44] (1428 г., январь 1432 г., июнь 1433 г., апрель 1434 г., апрель 1435 г.)[45], Таутул (июль 1430 г.)[46], Пашко, «дїакъ Купчичевъ» (январь 1432 г.)[47], Оанча, именуемый в одних случаях дьяком[48], в других — граматиком[49], иногда же фигурирующий без определения должности[50] (1433—1435 гг.), «Дончъ граматикъ» (ноябрь 1433 г.)[51].

Одновременно могли действовать несколько писцов — по крайней мере, два. Из двух грамот, датированных 24 апреля 1434 г., одну писал Оанча, другую Гедеон, причем обе грамоты были выданы в Сучаве, т. е. в главной резиденции воеводы[52]. В один и тот же день, 8 октября 1434 г., в Сучаве писали грамоты «Оанча граматик» и «Дончѣ граматикъ»[53]. Не столь разительны, но тоже достаточно красноречивы примеры грамот, писавшихся разными писцами в разные дни одного и того же месяца. Так, в апреле 1428 г. в господарской канцелярии работали Ивашко Братеевич и Гедеон[54], в январе 1432 г. — Пашко дьяк и Гедеон[55].

Вместе с тем можно заметить преобладающую роль того или иного писца в отдельные периоды времени, скажем, Гедеона в апреле — сентябре 1428 г. Оанча стал активно действующим коллегой (или конкурентом?) Гедеона в 1433-—1435 гг. Интересно, что при наличии в конечном протоколе указания писца формула корроборации в подавляющем большинстве грамот обязывала логофета «писати и нашу печат привѣсити к сему листу нашему»[56]. Лишь в одной грамоте — от 17 апреля 1429 г., написанной Ивашком Братеевичем, — функция логофета сводится только к привешиванию печати: «пану Нѣгою, логофету, привѣсити печатъ нашу к сему листу нашему»[57].

---

41 DRH-A. Vol. I. № 142.
42 Ibid. № 70, 74, 86.
43 Ibid. № 76 (1428 г.), 110 (1432 г.), 129 (1434 г.); ср. № 105, 106, 116.
44 Ibid. № 77.
45 Ibid. № 71, 76, 77, 79, 110, 117, 129, 138.
46 Ibid. № 99.
47 Ibid. № 107.
48 Ibid. № 113 (1433 г.).
49 Ibid. № 133 (1434 г.), 139 (1435 г.); ср. № 131, 132, 140. В грамоте от 30 марта 1435 г. имя «граматика» не сохранилось (Ibid. № 137). Скорее всего, им был Оанча.
50 Ibid. № 114 (1433 г.), 128 (1434 г.), 136 (1435 г.).
51 Ibid. № 120; ср. № 134 (1434 г.).
52 Ibid. № 128, 129.
53 Ibid. № 133, 134.
54 Ibid. № 71, 74.
55 Ibid. № 107, 110.
56 Цит. по тексту грамоты от 29 июля 1428 г. (Ibid. № 77. P. 112).
57 Ibid. № 86. P. 129.

Чем объяснить употребление в большинстве актов полной редакции корроборации с указанием двух функций логофета? Возможно, отчасти это обусловливалось архаизмом формуляра. Но, с другой стороны, можно предположить, что логофет приобрел значение редактора текста, или «диктатора», который диктовал писцу текст документа. На обороте одной из грамот начала XVI в. в помете, современной тексту, вместо термина «логофет» дается его славянская расшифровка: «словоположитель»[58] (ср. греч.: λόγος — 'слово', θέτω — 'кладу, ставлю'). Это словоупотребление является не только буквальным переводом греческого термина, но и отражает, по-видимому, представление современников о функциях логофета, определившихся в течение XV в.

В корроборации нескольких грамот периода логофетства Нега приказание писать и привесить печать отдается не ему, а другим лицам — Михаилу «граматику» (1429 г.)[59], Ивашке Братеевичу (1429 г.)[60], Гедеону дьяку (1433 г.)[61], Оанче «граматику»[62], при этом им не присваивается звание логофета. Следовательно, соблюдение монополии на звание логофета не означало монополии на исполнение его функций. Есть грамоты того же времени, в которых отсутствует корроборация, но имеется конечный протокол, где указывается, кто их писал. Писцами таких грамот являлись Михаил, по-видимому, тождественный «Михаилу граматику» (1429 г.)[63], Оанча «граматик» (1431, 1434, 1435 гг.)[64], Гедеон, «княгинин дїякь» (1431, 1432 гг.)[65], «Нанъ дїякъ» (1432—1433 гг.)[66], Костя (1434 г.)[67], «Дончѣ граматикъ» (1434 г.)[68]. К этим грамотам были привешены печати. Некоторые из них сохранились, и все они — малые[69]. Вероятно, писец мог самостоятельно привесить к грамоте печать — по крайней мере, малую.

---

[58] DRH-A.Vol. I. Vol. III. № 263. P. 472 (1502 г.).

[59] Ibid. Vol. I. № 89.

[60] Ibid. № 91.

[61] Ibid. № 116.

[62] Ibid. № 132.

[63] Ibid. № 92; ср. № 89.

[64] Ibid. № 102, 131, 140.

[65] Ibid. № 105, 106.

[66] Ibid. № 108.

[67] Ibid. № 130.

[68] Ibid. № 134.

[69] Ibid. № 102, 105, 130.

А. И. Груша (Минск)

Кириллическое и латинское письмо: общее и отличное в истории и изучении

Палеография занимала в научном творчестве Л. В. Черепнина далеко не последнее место. Прошло 50 лет с момента выхода в свет его «Русской палеографии»[1]. В связи с этим можно задаться вопросом: какие подвижки появились за это время в области восточнославянской кириллической палеографии? Достижения, несомненно, есть. Вышли в свет, в частности, монографические работы[2], в том числе и обобщающие[3]. Но в какой степени успехи восточнославянской кириллической палеографии являются значительными?

Знакомство с некоторой учебной литературой по восточнославянской палеографии, претендующей в определенной степени на научное обобщение, создает впечатление об этой области палеографии как о достаточно традиционной и консервативной, остановившейся в своем развитии в первой четверти XX в. или, по крайней мере, в середине этого столетия. За палеографией признаются лишь прикладные цели и задачи. «Палеография — специальная историко-филологическая дисциплина, исследующая письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их создания ⟨...⟩. Задачи палеографии — прочесть текст рукописи, датировать рукопись и, если позволяют полученные в результате данные, сделать вывод о месте написания рукописи (и создания ее переплета)» — так сказано в одном из новейших учебных курсов по палеографии[4]. Задачам соответствует и основной метод — сопоставление (сравнение): «⟨...⟩ на основании изучения письма датированных рукописей (то есть имеющих на своих листах дату написания) сделать вывод о развитии письма и на этом основании датировать рукописи, не имеющие на своих листах даты написания»[5]. К предмету о палеографии относят не только графику письма, но также изготовление рукописей, их художественное оформле-

---

[1] *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956 (далее — *Черепнин*. Русская палеография). Еще ранее вышел совместный с Н. С. Чаевым труд Л. В. Черепнина: *Чаев Н. С., Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1946.

[2] *Костюхина Л. М.* Книжное письмо в России XVII в. М., 1974; *Панашенко В. В.* Палеографія українського скоропису другої половини XVII ст.: (На матеріалах Лівобережної України). Київ, 1974; *Шульгина Э. В.* Русская книжная скоропись XV в. СПб., 2000.

[3] *Лёвочкин И. В.* Основы русской палеографии. М., 2003 (далее — *Лёвочкин*. Основы русской палеографии).

[4] *Крушельницкая Е. В.* Палеография // Специальные исторические дисциплины: Учеб. пос. СПб., 2003 (далее — *Крушельницкая*. Палеография). С. 9.

[5] *Крушельницкая*. Палеография. С. 9.

ние, переплет и его украшение, изводы и их признаки[6]. В силу то ли очень прочных традиций, то ли каких-то иных причин стало правилом не замечать ряд очевидных противоречий. Если учитывать, что появление, развитие и распространение письма продиктовано причинами, в основе которых лежат не отвлеченные явления, а те, которые коренятся в жизни общества, то почему же так занижается статус ее цели и задач?[7] Если палеография изучает письменные памятники с их внешней стороны, то какое отношение к ней имеют изводы и их признаки? В то же время, если изготовление рукописей, их художественное оформление (очевидно, имеется ввиду в первую очередь художественное оформление рукописных книг) и переплет — это палеография, то чем в таком случае занимается кодикология?[8]

Не случайно в свете этого, что вопрос о связи истории графического аспекта письма с закономерностями общественного развития (одним из родоначальников которого, кстати, был Л. В. Черепнин) больше декларируется, чем исследуется. Восточнославянская кириллическая палеография — наука по-прежнему более фиксирующая, констатирующая и сравнивающая, чем объясняющая. Причиной и одновременно следствием такого положения вещей является недостаточность теоретико-методологической базы этой науки. В связи со сказанным следует напомнить мнение чешского палеографа П. Спунара. Выступая за самостоятельный характер палеографии, он отмечал необходимость решения в первую очередь теоретических проблем по истории письма. Не в констатации тех или иных графических изменений, а в объяснении их причин, по его мнению, заключается сущность нового, подлинно научного направления в палеографии[9].

На фоне успехов латинской палеографии достижения в восточнославянской кириллической палеографии выглядят чересчур скромно. На это есть определенные причины. Латинская палеография старше и, следовательно, опытней. Но именно это качество — опыт — может сослужить очень полезную службу для исследователей истории кириллицы.

Латинское письмо возникло намного ранее кириллического. Но, сравнивая его с кириллическим, нельзя не заметить их сходства. Схематически любая буква как кириллицы, так и латиницы состоит из вертикалей и горизонталей или их и овала и его частей. По своему строению все буквы латинского и кириллического письма, в разные периоды своего развития представляющие различные виды, разновидности

---

[6] *Крушельницкая.* Палеография. С. 9.

[7] *Фарсобин В. В.* Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983 (далее — *Фарсобин.* Источниковедение и его метод). С. 68—72, 90—99.

[8] О различных взглядах на предмет, а также хронологические рамки палеографии см.: *Черепнин Л. В.* Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974; *Фарсобин.* Источниковедение и его метод. С. 72—90; *Лёвочкин.* Основы русской палеографии. С. 12—13.

[9] *Романова В. Л.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв.: По материалам собрания рукописных книг Государственной Публичной биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1975 (далее — *Романова.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв.). С. 33.

и варианты (стилевые и региональные), объединяются в отдельные группы: 1) буквы, состоящие из вертикалей и горизонталей, вертикалей и наклонных; 2) буквы состоящие из вертикалей или наклонных с овалами или полуовалами; 3) буквы, состоящие из овалов и полуовалов; 4) буквы, состоящие из наклонных (во всех этих группах элементы-связки не учитываются). Ряд букв письма латинского и кириллического алфавитов почти идентичны или даже полностью идентичны. Этим они обязаны в значительной мере общности происхождения: латиница и кириллица возникли на основе греческого письма.

Не случайно в связи с общностью строения письма в литературе по латинской и кириллической палеографии указывается ряд одинаковых признаков, как например, те, которые характеризуют восточнославянскую скоропись и латинский канцелярский курсив: 1) слитное написание элементов, которые составляли отдельную букву и раньше начертывались отдельно (перо стремится как можно меньше отрываться от материала для письма); 2) соединение букв между собой; 3) как во втором, так и в третьем случаях происходит нарушение дукта книжного письма — уменьшается количество приемов при написании буквы, нарушается их последовательность; 4) увеличение числа лигатур; 5) появление в буквах, которые соединялись с соседними, петель; 6) написание отдельных слов без отрыва от писчего материала; 7) появление большого числа аббревиатур [10].

Все это дает, как нам кажется, основания полагать, что использование ряда уже апробированных методов изучения латинского письма при исследовании восточнославянской кириллицы может дать весьма плодотворные результаты.

В первую очередь следует отметить те признаки, которые могут характеризовать письмо кириллического алфавита.

Кириллическое письмо, также как и латинское, может быть маюскульным и минускульным [11]. В латинской палеографии именно смена маюскула минускулом делит историю письма, по определению исследователей, на два главнейших этапа. Так на-

---

[10] *Люблинская А. Д.* Латинская палеография. М., 1969 (далее — *Люблинская.* Латинская палеография). С. 126 (данный параграф написан Л. И. Киселёвой); *Киселёва Л. И.* Готический курсив XIII—XV вв. Л., 1974 (далее — *Киселёва.* Готический курсив XIII—XV вв.). С. 99—101). Указанные исследовательницей признаки полностью соответствуют признакам белорусской и украинской скорописи, правда, на различных этапах ее развития. Ср. характеристику русской скорописи, например, у В. Н. Щепкина (*Щепкин В. Н.* Русская палеография. 3-е изд., доп. М., 1999 (далее — *Щепкин.* Русская палеография). С. 148—149) и Л. В. Черепнина (*Черепнин.* Русская палеография. С. 361, 369, 371).

[11] По общепринятой терминологии маюскульное (от лат. majus — большой) письмо — двухлинейное, т. е. все буквы занимают пространство между двумя мысленными линейками. Минускульное (от лат. minus — маленький) письмо имеет четырехлинейное измерение, т. е. буквы занимают пространство между четырьмя такими линейками (или же между первой и третьей, второй и четвертой, второй и третьей), при этом линии, уходящие вверх и вниз, являющиеся составными элементами этих букв, называются выносными элементами. Данная терминология вошла в учебники по палеографии (*Szymański J.* Nauki pomocnicze historii. Warszawa, 2002. S. 315).

зываемый первоначальный минускул (minuscule primitive), возникший в результате этой смены в III в., развивался лишь в направлении усовершенствования найденных форм, и в конце VIII — начале IX в. они получили графическую завершенность в каролингском минускуле. Гуманистическому письму, которое является прямым предшественником печатного шрифта и современного письма, осталось внести в него только мелкие дополнения, иначе говоря, между первоначальным минускулом и современным письмом латинского алфавита нет принципиальных различий[12].

Подобные этапы знает и история кириллицы. Кириллическое маюскульное письмо представлено наиболее древними надписями, выполненными на твердом материале. Так, в одной древнейшей кириллической надписи — царя Самуила (993 г.) — в границах двух линеек выполнены «з», «р», «у», «ф», «х», «ц». Как реликт аналогичные написания сохранились в некоторых славянских рукописях XI—XII вв.[13] Написание двухлинейных «р», «у», «ц», а также и «щ» встречается в эпиграфических памятниках XI—XIII вв.[14] Особенности размещения букв между двумя линейками и, как результат, небольшой корпус «а», «р», «ц» и «щ» определялся В. Н. Щепкиным как «малый масштаб» этих букв[15]. Такой масштаб, как видим, был характерен также и для «з», «у», «ф», «х».

В учебных пособиях и отдельных научных исследованиях, правда изредка, указываются: двухлинейность — по отношению к уставу[16], потеря двухлинейности — по отношению к скорописи[17]. В некоторых случаях двухлинейное измерение даже называется одним из основных графических особенностей таких видов письма, как устав и полуустав[18]. Но в основном такой чрезвычайно важный признак, как количество букв, имеющих верхние и нижние выносные элементы, выделяется не систематически, не отчетливо и теряется среди таких характеристик, которые вовсе не относятся к числу универсальных, т. е. не имеют характера признаков письма.

---

[12] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 15.

[13] Буква «ц» — в Супрасльской рукописи, Листках Ундольского, иногда в Саввиной книге XI в., Добромировом евангелии XII в., «щ» — в Листках Ундольского.

[14] Граффити Софийских соборов в Новгороде, Киеве, Спасской церкви Спасо-Ефросиньевского монастыря в Полоцке (*Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи-граффити в церкви Спаса Спасо-Ефросиньевского монастыря в Полоцке // Вестник ЛГУ. 1983. № 14. История. Язык. Литература. Вып. 3. С. 68 (иллюстрации)), Борисовых и Рогволодовых камнях XII в.

[15] *Щепкин.* Русская палеография. С. 121.

[16] Напр.: *Черепнин.* Русская палеография. С. 151; *Розов Н. Н.* Скорописание или скоропись? (Об уточнении термина) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1969. Вып. II (далее — *Розов.* Скорописание или скоропись?). С. 138; иногда, правда, без ясного представления о значении данного понятия, например: «При письме строго выдерживаются верхняя и нижняя границы строки; выступают за эти границы только те элементы букв, которые и должны выступать в соответствии с традицией их начерка» (*Крушельницкая.* Палеография. С. 50).

[17] *Розов.* Скорописание или скоропись? С. 137, 140.

[18] Там же. С. 140.

Еще в 30—50-е годы французскими палеографами Ж. Маллоном, Ш. Перра, Р. Маришалем были выделены следующие признаки, которые должны учитываться при изучении письма: 1) форма буквы — ее внешний аспект; 2) угол письма — положение, в котором находится инструмент письма по отношению к направлению строки; 3) дукт — последовательность, в которой писец воспроизводил составные элементы букв, и их направление; 4) модуль — размеры буквы: ширина и высота, особенно высота; 5) «вес» письма. Ж. Маллон использовал последний термин для характеристики письма «тяжелого», т. е. жирного, выполненного мягким податливым орудием для письма, и «легкого», выполненного жестким, неподатливым орудием. По мнению Ж. Маллона, следует учитывать писчий материал, форму рукописного памятника и его содержание, так называемые внутренние характерные черты[19].

Указанные признаки легли в основу методики, которую Ж. Маллон применил, изучая позднеримское письмо (I—V вв.). Еще в 1958 г. А. Д. Люблинская, впервые знакомя научную общественность Советского Союза с этой методикой, отмечала, что последняя «весьма плодотворно может быть применена и для исследования истории письма других периодов»[20]. В дальнейшем положительная оценка указанной методики была еще более усилена. По мнению В. Л. Романовой, ее использование при изучении других периодов письма «*позволит превратить палеографию из вспомогательной исторической дисциплины в самостоятельную науку, изучающую общие закономерности развития письма, объясняющие причины появления и эволюции тех или иных графических форм*»[21] (выделено нами. — *А. Г.*). Сегодня она апробирована с определенными уточнениями и дополнениями при анализе средневекового латинского письма и письма нового времени (А. Д. Люблинская, В. Л. Романова, Л. И. Киселёва, В. Н. Малов, Н. Н. Яковенко[22]).

Л. И. Киселёва кроме названных признаков предложила учитывать также пропорции букв. Более того, она сделала одно важное уточнение: «тяжелое» или «легкое» письмо может быть сделано одним и тем же орудием для письма, например, пером с различной формой заточки: перо с широким прямым концом или концом, который срезан наискось, дает «тяжелое» письмо, остроочиненное перо — «лег-

---

[19] *Люблинская А. Д.* Новая теория развития позднеримского письма // Средние века. 1958. Вып. XI (далее — *Люблинская*. Новая теория). С. 146—147; *Она же*. Латинская палеография. С. 12, 54—59; *Киселёва*. Готический курсив XIII—XV вв. С. 84—85; *Романова*. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. С. 30—31.

[20] *Люблинская*. Новая теория. С. 145.

[21] *Романова*. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. С. 31.

[22] *Киселёва*. Готический курсив XIII—XV вв. С. 85; *Малов В. Н.* Происхождение современного письма: Палеография французских документов конца XV—XVIII в. М., 1975 (далее — *Малов*. Происхождение современного письма). С. 16; *Романова*. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. С. 38; *Яковенко Н. Н.* Палеография латинского документального письма на Правобережной Украине (вторая половина XVI — первая половина XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983; *Панашенко В. В., Яковенко Н. Н.* Палеография и сопредельные дисциплины // Вспомогательные исторические дисциплины. Историография и теория. Киев, 1988. С. 108.

кое» письмо[23]. В.Л. Романова отметила, что при анализе книжного письма необходимо принимать во внимание также и соотношение между размером буквы и совокупностью всех данных, характеризующих ее положение на странице (формат книги, размещение текста в один, два столбца, расстояние между строками и словами, размещение букв в строке — свободное и тесное). Большое значение исследовательница придавала такой графической характеристике, как отношение выносных элементов к корпусу букв, поскольку в нем проявляется основной принцип строения буквы: минускульный или маюскульный[24].

Все вышеуказанные признаки — *1) угол письма; 2) дукт; 3) модуль; 4) «вес» письма; 5) пропорции букв; 6) соотношение между размером буквы и совокупностью всех данных, характеризующих ее положение на странице (формат книги, размещение текста: в один, два столбца, расстояние между строками и словами, размещение букв в строке — свободное и тесное); 7) отношение выносных элементов к корпусу букв* — применимы и к кириллическому письму. Наблюдение за ними позволит сделать выводы об эволюции графики кириллицы наиболее точными и обоснованными.

Впрочем, было бы несправедливо утверждать, что перечисленные признаки никогда не учитывались. Почти все из них находили и сегодня находят применение, однако чаще всего в отношении лишь к отдельным видам письма[25] (преимущественно устава и полуустава). В этом причина отсутствия цельного представления о графических видах письма вообще и каждого в отдельности, а также невозможности максимально полно проследить содержание процессов эволюции одного графического вида и появления другого.

Таким образом, в отличие от латинской, в восточнославянской палеографии эти признаки (в том числе такой признак, как количество букв, которые пишутся более чем в две линейки) не систематизированы и не имеют характера универсальных. Это серьезная проблема негативного порядка, которую надо решать, учитывая при этом разработки историков латинского письма.

Необходимо отметить, что учет признаков письма важен не сам по себе — с целью какой-либо отвлеченной характеристики графики письма, — а с точки зрения объяснения *причин изменения этих признаков*. «Существо различия между маюскулом и минускулом коренится в свойствах человеческого глаза, в физиологии процесса чтения, а также письма. Группы прописных букв трудно воспринимаются глазом (в особенности, если между ними нет больших промежутков); чтение их замедленно, так как они не обладают резко выраженными отличиями. Это легко заметить при чтении надписей или встречающихся иногда в газетах коротких заметок, набранных сплошь прописными буквами. Глаз как будто “спотыкается” на них. Наоборот, чтение строчных букв очень облегчено и ускорено благодаря выносным:

---

[23] *Киселёва*. Готический курсив XIII—XV вв. С. 84.

[24] *Романова*. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. С. 39.

[25] Под видом (не типом) письма мы понимаем то, что известно как устав, полуустав и скоропись.

именно они воспринимаются глазом в первую очередь и по ним за один прием чтения "схватывается" целая группа в 10—12 букв. Кроме того, благодаря выносным минускул позволяет доводить каждую букву до ее полной дифференцированности, т. е. до полного отличия от всех прочих букв, в том числе и схожих ⟨...⟩. Наконец, именно буквы минускула обладают способностью легко соединяться, связываться друг с другом. Это позволяет осуществлять связное начертание букв и даже целых небольших слов. Связное (курсивное) письмо может развиваться лишь в минускуле; при стоящих отдельно буквах маюскула оно невозможно с точки зрения физиологии письма»[26]. Это сказано применительно к латинскому письму, но также верно и в отношении письма кириллического алфавита, если исходить из того, что данный признак является общим для латиницы и кириллицы.

Обратим внимание на один очень существенный методологический подход, существующий в латинской палеографии: письмо изучается не только с точки зрения его воспроизведения, но также и чтения. Другими словами, учитывается то, что *писцы стремились изменять письмо не только так, чтобы его было удобно выполнять, но также и читать*. «Легкость чтения обуславливается такими формами букв, которые соединяют простоту с дифференцированностью, не позволяющей спутать их друг с другом. При наличии подобных форм глаз может легко читать текст, т. е. схватывать разом группу букв — слово, и даже несколько слов»[27]. Характеризуя тот или иной вид или вариант письма, историки латинского письма подчеркивают четкость, простоту в начертании, благодаря чему тот или иной вид или вариант письма легко читать[28].

В связи с вышесказанным характерен ряд наблюдений за графикой латинского и кириллического письма. Сравнивая первоначальный и каролингский минускулы, А. Д. Люблинская отмечала в последнем следующие изменения. Буква «f» получила длинную выносную и благодаря этому стала сильно отличаться от буквы «r»; буква «g», схожая с буквой «c» приобрела курсивную форму; стали отчетливее «r» и «s»; у буквы «t» сократилась ее горизонталь и буква перестала соприкасаться с

---

[26] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 14—15. Надо сказать, что физиология чтения учитывалась уже В. Н. Щепкиным. Характеризуя «новый стильный почерк» конца XIII — XIV вв., он, в частности, отмечал: «Его главным достоинством является большая четкость в сравнении со старой кириллицей. Дело в том, что каждая буква имеет своего рода "сигнальную часть", ту, по которой она с первого взгляда отличается. И вот, вследствие сокращения верхов, подъема перекладин и набухания петель в новом стильном почерке сигнальные части у значительного количества букв сосредоточились вверху и таким образом образовалась как бы одна общая сигнальная линия, по которой легко и быстро скользит глаз. В древней кириллице такого общего сигнального уровня не было» (*Щепкин.* Русская палеография. С. 128).

[27] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 48.

[28] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 139 (гуманистическое письмо), 146 (письмо XVI—XVIII вв.) (это глава принадлежит В. Н. Малову); *Киселёва Л. И.* Письмо и книга в Западной Европе в Средние века: (Лекции по латинской палеографии и кодикологии). СПб., 2003. С. 123 (каролингский минускул).

соседними; буква «е» стала писаться с петелькой, но для отличия ее от «с» у нее осталась горизонтальная линия и др.[29] В данном случае для нас важны не столько наблюдения за изменением форм перечисленных букв, сколько смысл этих изменений, а он заключается в том, что «⟨...⟩ *благодаря полной дифференциации букв оказалось возможным уменьшить их размеры* (выделено нами. — *А. Г.*)»[30].

По поводу этого возникает вопрос: не были ли перечисленные (и другие не указанные нами) буквы каролингского минускула «двойниками» кириллических? В связи с этим приведем некоторые наблюдения за изменением написания букв в *мелком* полууставном и скорописном белорусском и украинском кириллическом письме последней трети XIV — первой половине XV в., т. е. на начальном этапе формирования указанных графических видов письма. Буква «д» начинает выполняться с выносными ножками (ранее эта буква имела лишь маленькие засечки), «т» — с большим загибом, который спускается с левого края перекладины, «ъ» — с выносной мачтой и большой перекладиной; «ы» — с выносной мачтой и большой перекладиной «ъ», «ять» — с увеличенной мачтой и высоким «коромыслом», корпус «е» наклоняется влево, что поворачивает язычок буквы вверх и дает возможность увеличить его размер. В буквах «и» и «н» в ряде случаев (чаще в актах) перекладины, в отличие от перекладин уставных «и» и «н», начинают спускаются с самого верха одной мачты до самого низа второй. В скорописи уже в это время буква «а» пишеться с выносной перекладиной. В ней чаще используется «ять» с большой мачтой и высоким коромыслом. В дальнейшем — в первой половине XV в. — отмеченные (новые) черты указанных букв еще более усиливаются: с точки зрения частоты встречаемости, большей выразительности при выполнении и появления новых «законченных» вариантов. Еще более интенсивно увеличиваются ножки «д». В некоторых случаях можно наблюдать, как писцы стремятся превратить ножку «т» в нижний выносной элемент. Но этот вариант оказывается не самым удачным, поэтому ножка начинает расти не вниз, а вверх. В ряде случаев встречается трехножковый вариант «т». Использование вариантов «а» и «д» с выносными элементами, «ъ» с выносным элементом и большой перекладиной и «ять» с увеличенной мачтой и высоким «коромыслом» окончательно утверждается к 1440-м годам. Можно также заметить, что если «и» имеет угловатую форму, то ее корпус наклоняется в левую сторону, а корпус «н», выполненный также прямолинейными движениями, — в правый, т. е. каждая из них становится как бы зеркальным отражением другой. В отличие от полуустава, в более мелкой скорописи рост выносных элементов «а» и «д» не останавливается. Если в полууставе «ъ» может воспроизводится как с увеличенной, так и с короткой мачтой и перекладиной, а «ять» как с высоким, так и низким коромыслом, то в скорописи используются «ъ» почти исключительно с выносной мачтой и большой перекладиной и «ять» преимущественно с высоким «коромыслом». Подобные наблюдения можно продолжать и далее. Так вот, если убрать в мелком полууставном и скорописном письме выносные у «д», уменьшить выносную мачту и перекладину у

---

[29] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 86—87.

[30] Там же. С. 88.

«ъ», убрать спускающийся с левого края перекладины «т» загиб или же две крайние ножки этой буквы, уменьшить мачту и спустить вниз «коромысло» «ять», ликвидировать выносные «а», то эти буквы потеряют отчетливые дифференцирующие признаки. Буква «д» превратится в невыразительный треугольник. Неразборчивыми, а также очень похожими друг на друга, а значит, и малоразличимыми станут «ъ», правый элемент «ы», «ь» и «ять». Мачта и перекладина двухлинейной «т» затеряется среди вертикальных элементов других букв. Таким образом, мы, очевидно, имеем дело с теми же явлениями, что и в каролингском минускуле. И суть этого явления заключается в создании дифференцирующих признаков названных букв в письме маленького размера.

При изучении письма латинские палеографы обращают внимание на технику письма: типы и особенности держания материала и орудий для письма, особенности коррегирования последних. Наблюдения за техникой письма имеют отнюдь не абстрактный характер. Те или иные типы и особенности держания пера, а также материала для письма определяют типы движений — «начертывающий» (inscriptive) и «курсивный» (cursive) (Х. Калеварт)[31], форму движения пера, не говоря уже о «весе» письма и других его признаках[32], а также стиле[33]. Справедливо указывается, что употребление мелкого письма стало возможным благодаря использованию тонко оточенного пера (калам для этого не пригоден), допускающего незначительный нажим[34]. Между тем кириллическая палеография в этой области делает пока только первые шаги[35].

Как и в латинской палеографии, в кириллической следует найти прочные взаимосвязи не только между письмом и техникой письма, но также ими и писчим материалом.

В свете этого хотелось бы указать на одну интересную параллель. С XI в. в странах Западной Европы в связи с ростом городов начала чувствоваться потребность в развитии школ и образования, что увеличило спрос на книгу. Одновременно оживилась деятельность канцелярий, особенно городских. Все это определило повышенный спрос на материал для письма — и без того дорогой и дефицитный пергамент. Поиск таких форм письма, которые бы позволили экономно расходовать пергамент, привел к возникновению готического письма. Для него были

---

[31] *Киселёва.* Готический курсив XIII—XV вв. С. 12—13.

[32] *Малов.* Происхождение современного письма. С. 34, 48, 50 и др.

[33] *Мажуга В. И.* О технике средневекового латинского письма (конец VIII — XI в.). I // Вспомогательные исторические дисциплины. 1981. Вып. XII; *Он же.* О стиле раннесредневекового латинского письма и его зависимость от техники письма // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Вып. XVI и др.

[34] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 88.

[35] *Столярова Л. В.* Перо писца (к вопросу о технике письма в Древней Руси XI—XIV вв.) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919—1997). Т. II. СПб.; Псков, 1997; *Она же.* Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI—XVII вв.). М., 1999. С. 58—65; *Она же.* Как работал древнерусский книгописец? // Очерки феодальной России. 2-е изд. М., 2000. [Ч. 1].

характерны продолговатые пропорции букв, более тесное расположение букв и слов, уменьшенные междустрочные интервалы (в сравнении с предшественником готического письма — каролингским минускулом). По подсчетам ученых, даже раннеготическое письмо XII в. дало возможность увеличить количество букв на странице определенного формата на 12—15%, а развитое готическое письмо — на 50%[36]. Изменения в пропорциях букв определило использование особых приемов письма. В готическом письме для того, чтобы сохранить отчетливость форм букв, стали использовать приемы сочетания жирных и волосных (тонких) линий, излома линий. Все это достигалось при помощи использования пера со специальным (косым) срезом (так называемое готическое перо).

С этой точки зрения обращают на себя внимание отдельные признаки письма восточнославянских книг второй половины XIII—XIV в., а именно: вытянутость пропорций букв, их сжатость в строке. Такое письмо В.Н. Щепкин определял как «новый стильный» или «манерный» почерк[37]. Необходимо провести специальные подсчеты (на предмет размеров букв, их пропорций, расположения букв в строке, расстояния между строками), чтобы определить, порожден ли он «каллиграфическими потребностями», как считал В.Н. Щепкин, или же в основе этого письма лежат какие-то другие причины. Не исключено, что его появление следует связывать, так же как и в случае с готическом письмом, с особо острой нехваткой во второй половине XIII—XIV в. пергамента, и, как следствие этого, его экономией (бумага начинает очень медленно появляться с первой половины XIV в.).

В конце концов, назрела необходимость усилить «социологический» элемент кириллической палеографии, в частности посредством изучения методов обучения письму[38].

Именно эти моменты позволят более убедительно показать связь развития и распространения кириллического письма с общим историческим процессом.

Определенным образцом для изучения восточнославянской кириллической палеографии могут стать некоторые, в том числе обобщающие, работы по истории латинского письма, и в частности «Латинская палеография» А.Д. Люблинской (эта работа написана в соавторстве с Л.И. Киселёвой и В.Н. Маловым)[39].

Новый подход к изучению истории кириллического письма позволит более точно определиться с предметом кириллической палеографии, ее целями и задачами, выработать теорию этой области науки, что в результате даст возможность поставить ее на подлинно научные основы.

В то же время методический союз латинской и кириллической палеографии расширит сферу компаративистских исследований, и это будет очередным шагом в создании общей науки о письме.

---

[36] *Люблинская.* Латинская палеография. С. 98—101.

[37] *Щепкин.* Русская палеография. С. 128.

[38] *Романова.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. С. 35.

[39] *Люблинская.* Латинская палеография.

В. И. Гальцов (Калининград)

Государственный архивный фонд Московского царства (К истории архивного дела XVI—XVII вв.)

В 1948—1951 гг. Л. В. Черепнин опубликовал один из основных своих трудов «Русские феодальные архивы XIV—XV веков»[1], в котором смог проследить процесс концентрации фрагментов архивов удельных и великих княжеств в московском великокняжеском архиве, воссоздать историю формирования этого архива вплоть до того времени, когда начали складываться документальные собрания первых государственных учреждений — приказов.

Процесс формирования в XVI в. архивов приказов и других учреждений из-за фрагментарности сохранившихся документальных комплексов не поддается объективной реконструкции. По мнению большинства исследователей (А. Н. Ясинского, Н. П. Лихачева, С. А. Белокурова, И. А. Голубцова, С. О. Шмидта, А. А. Зимина и др.), до конца XVI в. наиболее ценные по содержанию, но не актуальные для делопроизводства дела Боярской думы и приказов поступали на хранение в так называемый Царский архив. В 1614 г. большая часть документов этого архива была отмечена в описи архива Посольского приказа[2].

Для обозначения документов, отложившихся в результате деятельности центрального и местного государственного аппарата XVII в., можно условно применить современное понятие «Государственный архивный фонд» (ныне «государственная часть Архивного фонда России») как совокупность документальных материалов, принадлежащих государству (за исключением документов, находившихся в монастырях, церквях, в частном владении). Современного понятия и слова «архив» в русском языке до XVIII в. не было, хотя еще с XI в. существовал специальный термин для библиотеки: «книгохранильница» или «книгохранительница»[3]. В XVI в. документальные ценности рассматривались как часть государственного (государева) имущества и поэтому определялись как казна (отсюда «казенка» — хранилище документов в приказах). С. О. Шмидт обратил внимание на существование еще одного малоизвестного и оригинального термина, аналогичного казне: «хранила царские». Так была названа царская казна на Земском соборе 1613 г., который постановил положить в нее «к докончальным и утвержденным грамотам» великих и удельных князей XIV—XVI вв. утвержденную грамоту избрания на царство Михаила Романова[4].

---

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М., 1951.

[2] Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. (Далее — Описи).

[3] Словарь русского языка XI—XVII вв. (К—Кругоярь). М., 1980. Вып. 7. С. 198.

[4] *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 5.

Ни в XVI в., ни в XVII в. архивы еще не были самостоятельными учреждениями. Более того, в приказах их лишь с оговорками можно назвать структурной частью (в постоянно действующих приказах это чаще всего «казенки», в которых хранились старые, как правило, утратившие значение в повседневном делопроизводстве документы). В большинстве же приказов архив — это не что иное, как законченные делопроизводством документы, хранящиеся в структурных подразделениях (столах, повытьях), т. е. «текущий» архив. Причем разница между архивом-казенкой и текущим архивом в большинстве приказов еще незначительная, так как в казенке, наряду со старыми, могли находится и документы, недавно поступившие в приказ, а в текущем архиве — дела прошлых лет и даже десятилетий.

По мере накопления огромного количества документов в течение XVII в. в наиболее важных приказах постепенно увеличивалось и количество казенок. Так, в Посольском приказе еще в начале XVII в. их было не менее двух[5]. В Поместном приказе к концу века уже большинство структурных частей учреждения (столов) имело свои казенки, в которых хранились только документы, тогда как для денег и других ценностей имелось специальное помещение. Эти казенки Поместного приказа уже не что иное, как настоящие архивохранилища столов или текущий архив учреждения[6]. Далеко не во всех учреждениях могли быть казенки-архивы. В Новгородской четверти, например, в 1626 г. документы хранились в сундуке и 4 коробьях, находившихся в большой палате приказа: сундук стоял на полу, а коробьи были поставлены на специально устроенные полки («полати»). Об этом свидетельствует опись архива Новгородской четверти, составленная сразу же после большого кремлевского пожара 1626 г.[7]

Итак, текущий архив был основным типом архива XVI—XVII вв. Его отличительная особенность — отсутствие четкого разграничения между документами, только что вышедшими из делопроизводства (актуальная часть архива) и документами прошлого (историческая часть архива).

В связи с этим возникает вопрос: что такое архивный документ в XVII в. и какая разница между ним и документом, находящимся в делопроизводстве? Можно полагать, что архивным во всех отношениях документ становился не столько тогда, когда попадал в текущий архив, но главным образом — когда его фиксировали в описи наряду с другими делами текущего года, вслед за материалами прошлых лет. Уже в процессе делопроизводства документы хранились в сундуках, ящиках и коробьях, на полках и шкафах (в конце XVII в.), находившихся в помещении повытий, столов или в казенках приказов, где они впоследствии могли остаться на

---

[5] Описи. С. 137.

[6] *Чернов А. В.* К истории Поместного приказа. (Внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды Моск. гос. историко-архивного инта. М., 1957. Т. 9. С. 222—223.

[7] Опись дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1905. Кн. 1, отд. V. С. 28—29; Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495—1718 гг. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1972. С. 65—138.

долговременное хранение, составив, таким образом, сначала актуальную часть архива, а по прошествии лет — и историческую. Такая особенность характерна как для архивов времени складывания приказного аппарата управления в XVI в., так и для архивов периода его расцвета в XVII в. Например, Царский архив в XVI в., как пишет С. О. Шмидт, «был таким отделением государственной канцелярии, которое по западноевропейской терминологии стали называть регистратурой»[8]. В то же время Царский архив был и «историческим» архивом, поскольку в нем хранились дела даже двухсотлетней давности. Однако суждение о том, что Царский архив был «ведомственным историческим архивом», строго говоря, не точно, если иметь в виду современное представление о ведомственном архиве или архиве учреждения как предназначенном для хранения и использования документальных материалов данного учреждения, группы учреждений одного ведомства до передачи их на хранение в государственный архив. Будучи и текущим, и историческим, Царский архив по своему значению и месту в государственном аппарате был скорее государственным, чем ведомственным, если учесть к тому же, что у него было несколько основных фондообразователей: Боярская дума, царская личная канцелярия (документы так называемой Постельной казны) и Посольский приказ.

Можно с уверенностью предположить, что наиболее старые документы, сохранявшие политическое, практическое, а иногда, возможно, и историческое значение, в приказных архивах выделялись. Однако регламентированного порядка и установленных для всех учреждений сроков передачи дел на хранение не было. Можно вслед за Н. Н. Оглоблиным, Д. Я. Самоквасовым, И. Ф. Колесниковым, И. Л. Маяковским говорить о том, что во многих архивах XVII в. хранились документы в основном 20—25 летней давности. Однако тезис о регулярном уничтожении в архивах старых, ненужных дел хотя теоретически правомерен для некоторых архивов, все-таки нуждается в более обоснованной аргументации, чем это сделал когда-то Д. Я. Самоквасов, ссылаясь на архивные описи XVII в.[9], которые, как известно, фиксируют состав и содержание архивов на определенный момент, но не дают ответа на вопрос о практике уничтожения архивных дел.

Документы архивов всегда были одним из важнейших инструментов политики: и в XIV—XV вв. (как убедительно показал Л. В. Черепнин), и в XVI в. Однако задача определения политического значения документа была поставлена приказными служащими по-настоящему лишь в XVII в., когда архивы заполнялись в основном массовыми ординарными документами приказной деятельности. Так, например, еще в начале XVII в. в архиве Посольского приказа во время его систематизации и описания в 1614—1615 гг. среди документов прошлых лет специально отделяли «государственные и посольские дела» от массы «приказных дел» — свидетельство того, как зарождалась экспертиза ценности документов[10]. И в других приказах во

---

[8] *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 181.

[9] *Самоквасов Д. Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII в. М., 1902. С. 11—12.

[10] Описи. С. 47, 137.

всех архивных описях наиболее подробно описывали самые важные в политическом отношении документы, для которых выделяли иногда особые хранилища.

На протяжении XVII в. наблюдался стремительный рост объема всего государственного архивного фонда, особенно после московского пожара 1626 г., уничтожившего существенную часть архивов приказов. Об этом росте можно судить, сопоставляя сохранившиеся описи приказных архивов.

В период расцвета приказной деятельности совершенствуется и архивное дело, важной частью которого становится порядок хранения и учета архивных дел. О хранении государственных (государевых) документов имелись специальные статьи в Судебнике 1550 г. (ст. 28, 41, 62, 69), в Соборном Уложении 1649 г. (глава X, ст. 11—13) и в специальных царских указах XVII в. Вырабатывалась практика систематизации и описания документов учреждений, попадавших на долговременное хранение. Широкое распространение в приказах получили различные описи документов («росписи», «переписи», «переписные книги», «переписные списки» и т. п.). Переписи документов по самым разным поводам стали обязательной частью приказной практики. В наиболее важных приказах время от времени проводили генеральное описание всего архива. Поводом для этого могли послужить различные обстоятельства. Так, приведение в порядок приказов после освобождения Москвы от поляков сопровождалось описанием некоторых архивов, то же повторилось после пожара 1626 г.[11] и в 1660-х гг.[12], когда приказы стали перестраивать в крупные учреждения с большим штатом и разветвленной структурой (описание архивов приказов Московского судного, Казенного двора, Печатного двора, Разрядного и др.). По инициативе А. Л. Ордина-Нащокина было проведено новое генеральное описание архива Посольского приказа, завершенное в 1673 г. составлением большой описи объемом в 1159 листов в десть[13]. В 1684 г. был вновь приведен в порядок архив Московского судного приказа, сильно пострадавший во время стрелецкого мятежа 1682 г.[14] В 1680 г. по царскому указу была даже предпринята попытка, правда не увенчавшаяся успехом, описать дела всех московских приказов[15].

Начиная с 1635 г. (царский указ от 24 августа) и до XVIII в. некоторые приказы стали передавать наиболее важные документы для большей сохранности в государственную казну. В ней хранились подлинные международные договоры и другие важные дипломатические документы из Посольского приказа, подлинный

---

[11] Опись архива Посольского приказа 1626 года. В 2-х ч. / Подгот. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 7.

[12] Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступит. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 30—31.

[13] Опись архива Посольского приказа 1673 года. В 2-х ч. / Подгот. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.

[14] Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов / Сост. Н. Г. Савич, ответ. ред. В. И. Буганов. М., 1976. С. 114, 314.

[15] *Гальцов В. И.* Архивные описи в приказном делопроизводстве XVII века // Историография и источниковедение архивного дела в СССР: Межвузовский сб. М., 1984. С. 9—10.

столбец Соборного Уложения 1649 г., «розыскные дела» из Разрядного приказа, документы следственного дела о стрелецком мятеже 1689 г. и т. п. Документы казны хранились под наблюдением казначеев и печатников, все сундуки и коробьи опечатывались царской воротной печатью, вместе с которыми висели «ярлыки» с краткими описями дел, все случаи изъятия документов из казны санкционировались царским указом, пополнение хранилища и все перемещения документов фиксировались в специальных описях, находившихся в Посольском приказе под наблюдением думных дьяков (архивохранилище казны было в ведении этого приказа). В определенном смысле это был Государственный архив России XVII в.[16] Так закладывались основы для организации в будущем первых исторических архивов России.

[16] *Гальцов В. И.* Государственный архив России в XVII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 112—114.

А. С. Иванов (Даугавпилс)

Источниковедческие и археографические аспекты реконструкции исторических комплексов источников

(отдел «Moscowitica-Ruthenica» в бывшем архиве Рижского магистрата)

В современном теоретическом источниковедении большое внимание уделяется комплексному подходу в изучении исторических источников, перекрестной проверке надежности и достоверности их информации, интерпретации свидетельств источников, а также при использовании источниковой информации для полноценной исторической реконструкции[1]. Однако в источниковедческой практике реализация комплексного подхода иногда приобретает упрощенные формы, а в результате и сам подход частично лишается реального содержания. Как правило, в исследованиях комплексный подход проявляется как одновременное (если не параллельное) использование ряда исторических источников, принадлежащих к разным видам, реже — типам, при этом могут применяться современные и довольно-таки оригинальные междисциплинарные методы извлечения и верификации их информации[2]. В сущности, такой подход в аналитической и синтетической критике источников не является новым, так как еще в XIX в. источниковеды-теоретики писали о взаимной проверке информации одних источников свидетельствами других источников, о констатации и восполнении пробелов в историческом материале, об историческом повествовании, опирающемся на максимально полную и всестороннюю источниковую базу[3].

Принципиально новым является положение современного источниковедения об исторических, объективных связях между источниками, которые образуют комплекс или систему[4]. Именно реконструкцию исторических, «естественных» комплексов источников и следует считать одной из приоритетных задач источниковедения и археографии, так как четкое установление комплекса — органической

---

[1] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 5—21; *Пронштейн А. П., Данилевский И. Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 62; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // *Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 50—53.

[2] См., например, доклады, представленные на международных конференциях «Комплексный подход в изучении Древней Руси»: Древняя Русь. 2003. № 4. С. 5—86; 2005. № 3. С. 5—120.

[3] *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 159—168; *Дройзен И. Г.* Историка. СПб., 2004 (1858). С. 223—229.

[4] *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 20—21; *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 52.

совокупности взаимосвязанных источников — является необходимым условием для применения новейших методов комплексной источниковедческой критики, решения задач атрибуции и датировки, раскрытия информативного потенциала источников, извлечения из них максимального объема информации, а также их всесторонней репрезентации в сборниках. Комплексный подход, заключающийся во всестороннем изучении исторических совокупностей источников, и определяет научный уровень исторических трудов и публикаций источников. Если исследование опирается на произвольную, пусть и обширную, выборку источников, историческую реконструкцию следует признать сомнительной. С другой стороны, непродуманный, нерепрезентативный отбор источников к публикации существенно снижает археографический уровень сборника и ограничивает возможности его дальнейшего использования в исторической науке.

Исторически сложившиеся комплексы источников уже стали объектом специального изучения в отдельных источниковедческих трудах[5], что позволяет выделить основные признаки такого естественного комплекса: общность происхождения источников; спонтанность формирования комплекса; иерархичность его структуры; наличие устойчивых связей между источниками. Таким образом, реконструкция комплекса источников означает воспроизведение среды их возникновения и контекста их дальнейшего исторического бытования[6], при этом в центре внимания источниковеда должны быть связи между источниками, складывавшиеся в процессе выполнения ими своих непосредственных, первичных функций[7].

Для верификации положений теоретического источниковедения подходит любой естественный комплекс исторических источников[8]. В данной статье — это коллекция, известная под историческим названием «*Moscowitica–Ruthenica*» (далее — *MR*). Комплекс источников отложился в бывшем архиве Рижского магис-

---

[5] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М., 1951; *Янин В. Л.* Указ. соч.

[6] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. Часть первая. С. 5—6.

[7] Об изучении источников в контексте их функционирования в реальной жизни прошлого см. подробнее: *Тартаковский А. Г.* Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3. С. 112—130.

[8] Частичная верификация комплексного подхода была уже проведена применительно к совокупности документов приказного делопроизводства, в которых всесторонне отразились различные аспекты истории ливонского города Динабурга, в 1656—1667 гг. находившегося под властью царя Алексея Михайловича. См.: *Иванов А., Кузнецов А.* Динабург в документах Российского государственного архива древних актов (1656—1666). Ч. 1, 2. Даугавпилс, 2002; *Иванов А.* К вопросу о повышении информативной отдачи документов приказного делопроизводства в исторических исследованиях // Проблемы источниковедения и историографии. Калининград, 2001. С. 22—27; *Иванов А. С., Кузнецов А. М.* Комплексный подход к изучению документов приказного делопроизводства // Древняя Русь. 2003. № 4. С. 30—31; *Иванов А. С., Варфоломеев А. Г.* Технология XML как инструмент компьютерного источниковедения // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. М.; Барнаул, 2005. С. 241—281.

трата, до начала 60-х гг. XX в. хранился в Рижском городском государственном архиве, а ныне находится в Латвийском государственном историческом архиве (далее — ЛГИА).

Выбор комплекса *MR* обусловлен прежде всего его исторической ценностью, обширностью и уникальностью, а также разнообразием видового состава: в него входят акты, переписка, делопроизводственные материалы, в которых отражены отношения Риги, Ливонии, Ганзы и немецких городов с русскими землями и княжествами, с Московским государством и с Великим княжеством литовским с 1191/92 г. до начала XVIII в.[9] С другой стороны, комплекс *MR* сам по себе является идеальным объектом для реконструкции, поскольку исторические источники, входящие в него, сохранились максимально полно. При этом хронологические, тематические и видовые границы комплекса могут быть установлены достаточно определенно и четко. Выбор комплекса *MR* обусловили и практические соображения: в настоящее время по инициативе администрации ЛГИА идет работа по подготовке публикации документов *MR*[10], состав которой должен соответствовать составу и структуре самого комплекса.

В определенном смысле любую публикацию исторических источников, которая претендует на полноту и всесторонность, можно рассматривать как попытку реконструкции комплекса источников. Комплекс *MR* имеет уже двухсотлетнюю историю функционирования в научном обороте[11]. Документы, преимущественно древнейшие, публиковались неоднократно в различных сборниках, то есть, в сущности, включались в самые различные комплексы и системы источников. Поэтому можно утверждать, что в ходе археографической деятельности были фактически верифицированы различные подходы к установлению комплексов источников.

---

[9] См. подробнее: *Иванов А. С.* «Moscowitica–Ruthenica» в Латвийском государственном историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот // Древняя Русь. 2004. № 3. С. 47—54; № 4. С. 94—106; *Ivanovs A.* Zespół dokumentów «Moscowitica–Ruthenica» w Łotewskim Państwowym Archiwum Historycznym // Zapiski Historyczne (Poświęcone historii Pomorza i krajów Bałtyckich). Toruń. 2006. T. LXXI. Zeszyt 2—3. S. 125—143.

[10] Больше половины документов из коллекции *MR* не были опубликованы и не использовались в исторических исследованиях. Некоторые документы до сих пор не датированы и не описаны. См., например: ЛГИА, ф. 8, оп. 4, № 6—58.

[11] Публикация документов комплекса *MR* началась в первой половине XIX в., когда были изданы древнейшие документальные памятники на древнерусском языке из архива Рижского магистрата. См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. № 1, 3, 8, 14, 16; [*Tobien E. S.*] Die aeltesten Tractate Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutschet und erlaeutert durch Dr. jur. E. S. Tobien // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, herausgegeben durch Dr. jur. E. S. Tobien. Bd. I: Die Prawda Russkaja und Die aeltesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 41—72 и др.

В археографической практике наиболее распространенным является исторический (в сущности, тематический) принцип определения состава публикуемых документов. На основе данного подхода в XIX в. были подготовлены издания источников по истории русско-ливонских отношений[12], а также многотомные документальные публикации по истории Ганзы[13], в которые включались отдельные документы из коллекции *MR*. Следует признать, что формирование публикаций по историческому принципу неизбежно приводит к весьма произвольному конструированию комплексов источников, так как цель подобных изданий чисто иллюстративная. Поэтому и возможности использования этих публикаций в исследованиях ограничены жестко заданной программой издания и априорной исторической интерпретацией, которую определяет не информация источников, а приоритеты определенной историографической школы.

Документальные памятники из коллекции *MR* широко представлены также в сборниках документов, состав которых отражает региональный подход к установлению комплексов источников[14]. В подобных публикациях исторический комплекс документов воспроизводится точнее и полнее, чем в тематических публикациях. Однако и в данном случае системы источников, представленные в сборниках, нельзя рассматривать в качестве полноценных реконструкций исторических комплексов документов. Нельзя отрицать, что сама принадлежность совокупности источников к определенной территории, региону, государственному образованию в рамках определенного периода уже подразумевает наличие некоторых устойчивых связей внутри этой совокупности. В то же время региональная выборка источников игнорирует более тесные, более значимые связи между источниками, сложившиеся, например, в делопроизводственной практике — в ходе документирования отношений между Ригой, немецкими городами, Ливонией, с одной стороны, и русскими, польскими и литовскими землями и городами, с другой стороны. Поэтому реконструкция комплекса является во многом формальной и искусственной.

В качестве реконструкций комплексов источников можно условно рассматривать и публикации определенных видов (или разновидностей) источников. Яркий пример — фундаментальное многотомное собрание документальных источников, в котором предполагалось опубликовать все без исключения акты, связанные с деятельностью государственных учреждений и органов городского самоуправления

---

[12] *Напьерский К. Е.* (сост.). Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868.

[13] Hansisches Urkundenbuch. Herausgegeben vom Verein für Hansische Geschichte. Bd. I. Halle, 1876; Bd. II. Halle, 1879; Bd. III. Halle, 1882—1886; Bd. IV. Halle, 1896; Bd. V. Leipzig, 1899; Bd. VI. Leipzig, 1905; Bd. IX. Leipzig, 1903; Bd. X. Leipzig, 1907. См. также сборники документов «Die Recesse und andere Akten der Hansetage (Hanserezesse)».

[14] *Бахрушин С. В.* (ред.). Памятники истории Великого Новгорода. М., 1909. С. 63—64, 73—74, 81—82; *Валк С. Н.* (ред.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 28—30, 34—36, 46, 57, 58, 65, 331, 332, 336; *Сумникова Т. А., Лопатин В. В.* (сост.). Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963; *Хорошкевич А. Л.* (сост.). Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. [I.] М., 1977; II. М., 1978; III. М., 1980.

Ливонии (за исключением юридических кодексов), а также частно-публичные документы[15]. Действительно, в собрание удалось включить многие важные документы из коллекции *MR*[16], однако степень полноты и всесторонности реконструкции комплекса следует признать недостаточной, так как состав публикации определен на основе формальных критериев.

История публикации документов комплекса *MR* показывает, что существует значительный разрыв между теорией и практикой источниковедения и археографии: в работе с источниками теория требует следовать принципу комплексности, всесторонности и полноты, на практике же лишь небольшая часть источников публикуется и, соответственно, интенсивно используется в исторических исследованиях[17]. Как правило, отбор источников носит случайный характер или производится по формальным признакам.

Итак, комплексный подход, заявленный в теории источниковедения, не был реализован в практике введения комплекса *MR* в научный оборот. Представляется, что основная причина разрыва теории и практики — подчинение археографической деятельности господствующим в исторической науке представлениям и интерпретациям: археографы вынуждены заниматься поисками примеров для иллюстрации положений своей школы в историографии[18]. Такие публикации источников напоминают хрестоматии[19]. Последовательная реализация иллюстративного (равно как и формально-видового или регионального) подхода в источниковедении и археографии приводит к тому, что исторические источники искусственно «вырываются» из контекста своей эпохи и своего исторического существования, игнорируется место документов в системе делопроизводства, что не позволяет полноценно раскрыть их специфические функции в процессе документирования отношений

---

[15] *Bunge Fr. G. von* (Hrsg.). Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (далее — LUB). Bd. I. Reval, 1853. S. III—X.

[16] См., например: LUB 6. Riga, 1873. № 2924, 2926, 2931, 2932, 2934, 2935, 2938—2940, 2942, 2945—2947, 2954, 2959, 2962, 2963, 2966, 2967, 2979, 2981, 2993, 2994, 3002, 3007, 3010, 3033, 3036, 3037, 3039, 3045, 3049, 3056—3059, 3061, 3062, 3068—3077, 3079, 3080, 3081, 3085, 3099, 3100.

[17] Отметим, что введение в активный научный оборот средневековых источников сильно зависит от качества и полноты их публикаций. Подтверждением тому могут служить многочисленные исторические труды, источниковая база которых обычно не выходит за рамки корпуса опубликованных источников. Именно это и определяет особую ответственность археографа, необходимость в археографической практике опираться на надежные реконструкции реальных комплексов источников.

[18] *Добрушкин Е. М.* Археографическая теория и источниковедческая практика (к вопросу о взаимосвязи) // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 131—132.

[19] *Зейд Т. Я.* Характеристика изданий письменных источников по истории феодализма в Латвии // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 359.

между Ригой, Ливонией и славянскими землями. При этом комплекс *MR* оказался рассредоточенным, «распыленным» по различным изданиям.

В качестве альтернативы иллюстративному подходу можно предложить метод «сплошного» издания и изучения естественных (реальных) исторических комплексов источников, что позволяет в значительной мере исключить элемент субъективности при отборе источников к публикации и при формировании источниковой базы исследования.

В отдельных случаях нет необходимости проводить какую-либо специальную работу по реконструкции исторических комплексов источников, так как, например, пофондовые издания документов могут опираться на существующие в наше время реальные исторические комплексы — архивные фонды[20]. В других случаях реконструкция исторических комплексов требует определенных усилий, при этом результаты работы зависят не только от настойчивости и квалификации источниковеда или археографа, но и от ряда объективных условий — рассредоточенности документов комплекса по различным фондам и архивохранилищам, степени его сохранности и полноты, наличия старых описей, регистров и других источников, на основе изучения которых можно воссоздать комплекс, и т. д. Нужно также учитывать и специфику самого комплекса, обусловленную его видовым составом, зависимостью от социальной, политической и культурной среды, в которой он изначально сформировался.

Несмотря на то, что разнообразие исторических комплексов существенно затрудняет выработку единых рекомендаций по их реконструкции, все же можно назвать самый общий подход, на основе которого возможно воссоздание утраченных документальных комплексов.

Последовательный исторический подход был успешно реализован еще в 40-е гг. XX в. академиком Л. В. Черепниным в работе по воссозданию цельных архивных фондов из русских феодальных архивов[21]. Этот подход можно назвать функциональным, поскольку существовавшая ранее система источников восстанавливается на основе тщательного изучения их функционирования в конкретных условиях своего времени. Естественно, что наибольшее внимание при этом уделяется месту каждого отдельного памятника в системе делопроизводства и документооборота, возникновению и дальнейшей эволюции архивных собраний, в которых отложились документы, истории текстов источников в связи с конкретно-историческими условиями их создания и использования.

Именно функциональный подход оказался наиболее плодотворным и в реконструкции комплекса *MR*. Надежность реконструкции обусловило наличие многообразных источников, содержащих информацию о складывании и эволюции

---

[20] См., например: Отбор исторических источников для публикации в различных типах и видах изданий документов. (Методические рекомендации). М., 1986. С. 55—59.

[21] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. К сожалению, идеи Л. В. Черепнина об органичных, системных связях источников, когда-то входивших в определенные комплексы, долгое время не были в полной мере востребованы в источниковедении и археографии.

комплекса, о его первоначальном составе и дальнейшей судьбе его документов. Пожалуй, важнейшим источником для реконструкции стали старые описи внешнего архива Рижского магистрата[22], в котором хранилась текущая делопроизводственная документация, концепты и отпуски документов, переписка, современные копии важнейших договоров и привилегий, регистры, инвентари и т. п., а также старые описи внутреннего («секретного») архива Рижского магистрата[23], в котором отложились подлинники важнейших документов, в том числе — и договорные грамоты с русскими городами, землями и княжествами. Изучение этих описей, а также опубликованных в XVIII—XIX вв. регистров документов[24], позволяет сделать вывод, что документы комплекса *MR* в ЛГИА сохранились вполне удовлетворительно, а отдельные утраты[25] не нарушают его целостности. Описи дают также возможность восстановить первоначальную структуру комплекса *MR*, изучить особенности систематизации документов в архиве[26].

В качестве дополнительных (альтернативных) источников для реконструкции использовались сами документы, входящие в комплекс. Изучение текстов источников, делопроизводственных и архивных помет, палеографических особенностей позволило прояснить характер системных и делопроизводственных связей внутри комплекса[27].

---

[22] ЛГИА. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 19. № 258 («*Verzeichnis vom Jahr 1599 über die im Rigaschen Archiv vorhandenen, auf den russische Verkehr und den Nowgoroder Hof bezüglichen aelteren Dokumente*»). См. также опись, составленную в первой половине XVII в.: ЛГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1482 (Caps. R IV, 1228—1615, *Ruthenica*); Д. 1483 (Caps. M III, 1558—1663, *Moscowitica*).

[23] ЛГИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59 («*Register der Privilegien der Stadt Riga auf Befehl des Rahts im J. 1507 angefertigt*»).

[24] См., например: [*Berens J. C.*] Verzeichnis der im dem Rigischen inneren Rathsarchiv bewahrten älteren Urkunden // Blatt zur Chronik von Riga mit angezeigten Urkunden. An den Grafen von Falckenstein. [Riga], 1780. S. XVII—XXVI; [*Napiersky K. E.* (Hrsg.)] Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder: Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's. Theil 1—2. Riga; Dorpat, 1833—1835.

[25] Например, пергаменный противень договора 1229 г. на латинском языке, скрепленный четырьмя печатями, а также современный перевод договора на нижненемецкий язык. Как свидетельствует опись 1599 г., эти утраченные документы еще в XVI в. хранились во внешнем архиве Рижского магистрата: «*1. Erstlich ist vorhanden* in originali, *unter 4. sigeln, in lateinischer sprach, der* Smolensker *Fried und Recht.* sub dato. 1229. *sampt. 2. Copien desselben. deutsch.*» (ЛГИА. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 19. № 258. Л. 2).

[26] См. подробнее: *Иванов А. С.* «Moscowitica–Ruthenica» в Латвийском... № 3. С. 51—52.

[27] Это дало возможность, в свою очередь, уточнить датировку некоторых документов. (См.: *Кузнецов А. М.* К вопросу о датировке списков А и Е торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Древняя Русь. 2005. № 3. С. 44—46; *Он же.* О датировке списка *В* торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. München, 2008, Jahrgang LIII. 2. S. 279—288; *Иванов А. С., Кузнецов А. М.* О логике доказательств в датировке

Результаты работы по реконструкции показывают, что состав комплекса *MR* обусловлен функциями высшего органа управления Риги — магистрата, в деятельности которого и возникла значительная часть документов комплекса. С другой стороны, характер группировки документальных материалов внутри комплекса обусловлен особенностями оборота документов в текущем делопроизводстве канцелярии Рижского магистрата и системой последующего хранения и учета документов во внешнем архиве магистрата. Именно поэтому ядром комплекса и стали документы отдела «*Moscowitica–Ruthenica*» бывшего внешнего архива[28]. Часть документов комплекса исторически отложилась во внутреннем архиве магистрата[29]. Отдельные документы комплекса попали в другие фонды[30]. В общей совокупности в комплекс входит около 900 документов на древнерусском, немецком, латинском, польском и шведском языках. Эти источники и составляют основу дипломатической публикации документов комплекса *MR*.

Однако работу по реконструкции комплекса *MR* нельзя считать завершенной, соответственно, границы и состав публикации определены только в общих чертах. Не исключена возможность выявления дополнительных документов в фондах и коллекциях ЛГИА[31]. С другой стороны, некоторые документы комплекса *MR* в свое время отложились в архивохранилищах в Дерпте, Кенигсберге, и других ганзейских городах[32]. О наличии системных связей между документами из различных архивохранилищ свидетельствуют источники комплекса *MR* — переписка Рижского магистрата, отпуски и концепты документов.

В связи с этим возникает вопрос о допустимых пределах расширения исторического комплекса источников в ходе его реконструкции. Документы, возникшие в результате деятельности различных учреждений и отложившиеся в различных архивах, безусловно, образуют единую систему, границы которой заданы систе-

---

и атрибуции письменных памятников: пример так называемого Договора неизвестного смоленского князя // Древняя Русь. 2007. № 3. С. 40—41 и др.) В развернутом виде уточненная датировка и атрибуция Смоленских актов будет обоснована в монографии и публикации источников, которая в настоящее время готовится к печати.

[28] ЛГИА. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 18. № 1—268; Ящ. 19. № 1—269; Ящ. 20. № 1—227. Всего 787 документов.

[29] ЛГИА. Ф. 8. Оп. 3. Capsula A. № 14—18, 41, 72; Capsula B. № 42; Capsula C. № 1—11, 23, 27, 34, 43; ЛГИА. Ф. 8. Оп. 4. № 6—58. Всего 76 документов.

[30] См., например, документы комплекса *MR*, попавшие в бывший архив Коллегии ландратов Лифляндии в дела «*Zur livländischen Diplomatik*»: ЛГИА. Ф. 214. Оп. 6. Д. 114. № 34, 62; Д. 115. № 79, 99; Д. 116. № 136, 140 и др.

[31] Центральный государственный архив Латвийской ССР: Краткий справочник. Ч. I (1220—1918). Рига, 1980. С. 66—68; *Bes L., Frankot E., Brand H.* (eds.). Baltic Connections: Archival Guide to the Maritime Relations of the Countries around the Baltic Sea (Including the Netherlands), 1450—1800. Vol. II: Latvia, Lithuania, the Netherlands. Leiden; Boston, 2007. P. 787—873.

[32] См., например: *Benninghoven F.* Liv-, est- un kurländische Urkundenregesten bis zum Jahre 1300. Hamburg, 1959.

мой отношений Рижского магистрата со своими корреспондентами, другими органами управления в Ливонии, с немецкими (ганзейскими) городами, с восточными соседями. В содержание большей части этих отношений входили вопросы посредничества Риги в торговле ганзейских городов с русскими, белорусскими, польскими и литовскими городами и землями. Соответственно, источники, хранящие свидетельства об этих отношениях, тематически связаны с комплексом *MR*. Однако подобное расширение комплекса может оказаться бесконечным. Поэтому целесообразно ограничить реконструкцию рамками, заданными в делопроизводственной и архивной практике магистрата в период становления и эволюции комплекса. Это позволяет идентифицировать комплекс *MR* с полной, исчерпывающей совокупностью документов, в свое время составлявшей самостоятельный отдел «*Moscowitica–Ruthenica*» в канцелярии и архиве Рижского магистрата.

Таким образом, адекватная реконструкция комплекса является необходимым условием для подготовки качественной публикации источников. Однако полноценная реконструкция не является самоцелью и для источниковеда. Точное установление комплекса необходимо для выработки адекватной стратегии исследования и выбора методов изучения как комплекса в целом, так и отдельных источников, входящих в него.

В качестве наиболее перспективных методов следует рассматривать методы компьютерной репрезентации, обработки и агрегированного анализа источниковой информации[33]. Применение данных методов при изучении достаточно обширных комплексов слабоструктурированных источников вполне оправданно, несмотря на сложность реализации подобного исследования, так как появляется реальная возможность повысить информативную отдачу источников, выявить новые, до сих пор не актуализированные аспекты их информации. На данной стадии изучения комплекса *MR* последний тезис во многом декларативен, однако имеющиеся наработки позволяют надеяться на его подтверждение.

Дальнейшая проверка заявленных подходов к реконструкции и изучению комплекса *MR* создаст условия для их применения в исследовании и публикации других больших групп взаимосвязанных документов с целью повышения качества изданий источников и надежности исторических реконструкций.

---

[33] См., например: *Иванов А. С., Кузнецов А. М.* Комплексный подход...; *Ivanovs A., Varfolomeyev A.* Editing and Exploratory Analysis of Medieval Documents by Means of XML Technologies: The Case of the Documentary Source Complex Moscowitica — Ruthenica // Humanities, Computers and Cultural Heritage. Amsterdam, 2005. P. 155—160; *Иванов А. С., Варфоломеев А. Г.* Технология XML...; *Они же.* О перспективах и пределах применения методов компьютерного источниковедения в медиевистике // Древняя Русь. 2005. № 3. С. 34—35.

К. В. Петров (Санкт-Петербург)

Уставная грамота великого князя Ивана Васильевича крестьянам волости Высокое Коломенского Уезда от 26 января 1536 г.: соотношение нормы акта и «пошлины»*

Сохранившийся комплекс уставных грамот относится ко времени конца XIV — начала XVII в. и насчитывает чуть менее двух десятков актов. Почти все известные нам уставные грамоты сравнительно давно изданы и хорошо известны в специальной литературе[1], некоторые акты обнаружены и опубликованы сравнительно недавно А. В. Антоновым и Ю. В. Анхимюком[2]. Причем, если Двинская 1397 г.[3] и Белозерская 1488 г.[4] уставные грамоты исследованы сравнительно хорошо, остальным актам уделяется значительно меньше внимания. С точки зрения организации органов местного управления, их функций и материального обеспечения («кормления») уставные грамоты анализировались А. А. Зими-

---

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 05-03-03534.

1 *Загоскин Н. М.* Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1875. Вып. 1—2; *Яковлев А. И.* Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. См. также перечень актов и их изданий: Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 222—223.

2 *Антонов А. В.* Рыльская уставная наместничья грамота 1549 г. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 65—70; *Анхимюк Ю. В.* Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 г. // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 286—292.

3 *Черепнин Л. В.* Происхождение собрания договорных грамот Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Исторические записки. М., 1946. Т. 19. С. 215—233; *Фетисов С. А.* К вопросу об аппарате местного управления Двинской уставной грамоты // Новгород и новгородская земля. История и археология. (Тезисы науч. конф.). Новгород, 1992. С. 178—180; *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 86.

4 *Алексеев Ю. Г.* Белозерская Уставная Грамота 1488 г. — закон Русского государства о местном управлении // Вестник СПб. ун-та. 1998. № 9. Сер. 2. Вып. 2. С. 3—17; *Он же.* Белозерская уставная грамота 1488 г. — первый законодательный акт единого русского государства // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тезисы докл. и сообщений Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 13—15; *Он же.* Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. XXIII. С. 208—222; *Он же.* Белозерская уставная грамота и некоторые вопросы социальной политики Ивана III // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рожд. Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 88—97; *Он же.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 102—128.

ным[5] и Т. И. Пашковой[6]; помимо этого проблемы соотношения уставных и кормленых грамот стали предметом исследований Б. Н. Флори[7] и, относительно недавно, А. В. Антонова[8].

Вопросы, которые будут рассмотрены в настоящей работе, имеют как частный, так и общий характер. В частности, представляется важным попытаться объяснить причину выдачи уставной грамоты. Вместе с тем изучение акта позволяет вновь рассмотреть важную проблему — соотношение норм уставных грамот XVI в. с «пошлиной», нормами обычного права. В послереволюционной историографии уставные грамоты было принято устойчиво именовать жалованными уставными грамотами. Однако в данном случае термин «жалованная» не является определяющим для содержания акта и не раскрывает повод и причины его издания[9].

Уставная грамота великого князя Ивана Васильевича крестьянам волости Высокое Коломенского уезда от 26 января 1536 г. впервые была опубликована в издании «Акты исторические»[10]; последнее по времени издание было осуществлено С. Н. Кистеревым в составе комплекса документов из архива Чудова монастыря[11].

В XVI в. Высоцкая (Высокое) волость представляла собой административно-территориальную единицу, состоявшую из села Высокое и деревень, исторически «тянувших» к этому селу. Волость располагалась в северо-восточной части Коломенского уезда; с северо-запада волость граничила с Московским уездом, с северо-востока — с Рязанским уездом, с юго-запада — с Холмской волостью Коло-

---

[5] *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 271—301.

[6] *Пашкова Т. И.* Хозяйственно-административные функции местных властей (наместников и волостелей) в первой половине XVI в. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрина. Тезисы докл. и сообщ. М., 1992. С. 150—151; *Она же.* Материалы к изучению персонального состава волостной администрации Русского государства второй половины XV — первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 136—171; *Она же.* Местное управление в Русском государстве 1 пол. XVI в. Наместники и волостели. М., 2000.

[7] *Флоря Б. Н.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI в. // АЕ за 1962 г. К 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 92—97; *Он же.* Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 109—126.

[8] *Антонов А. В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV — середины XVI вв. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 91—155.

[9] *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 266; *Мейчик Д. М.* Грамоты и другие акты XIV и XV в. в МАМЮ // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. СПб., 1884. Кн. 4. Отдел 2. С. 13; *Беляев П. И.* Источники древнерусских законодательных памятников (нач.) // Журнал Министерства Юстиции. 1899. № 9. С. 136—137; *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 87.

[10] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 137.

[11] *Кистерев С. Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 9. № 20. М., 2003. С. 84—86.

менского уезда, с юго-востока — с Крутинской волостью того же уезда[12]. Впервые волость — «село Высокое и з деревнями и з бортью» — упоминается в духовной грамоте Василия II 1461—1462 гг. в качестве наследственного имущества, переходящего княгине[13]. По вероятному предположению А. Б. Мазурова, после смерти старицы Марфы (княгини Марии Ярославны) в 1485 г. Высокое могло быть передано второй супруге Ивана III Софье Фоминичне, а в 1490-х гг., после ликвидации уделов, перейти в фонд великокняжеских сел[14].

Между 1505 и 1515 гг. волостелем в Высокое был назначен Федор Семенов сын Писарев. Термин сохранившейся кормленой грамоты «под братом его под Брюхом под Писаревым» можно толковать в двух аспектах: во-первых, что Ф. С. Писарев был назначен вторым волостелем в подчинение к брату, первому волостелю; во-вторых, назначение Брюхо Писарева состоялось до назначения Ф. С. Писарева. А. В. Антонов, проводя изучение формуляра кормленых грамот в связи с объемом публичных прав наместников и волостелей, пришел к важному выводу о том, что разница в формуляре была обусловлена объемом прав кормленщика: с «правом боярского суда» и без такового.[15] По мнению исследователя, Ф. С. Писарев был назначен волостелем «без права боярского суда»[16].

---

[12] *Кузнецов В. И.* Сельские поселения Коломенского уезда XVI— начала XVIII вв. // История сел и деревень Подмосковья XIV—XX вв. М., 1992. Вып. 1. С. 28—32; *Он же.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI—XVII вв.). М., 1993. С. 41; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV— первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. Табл. 3.

[13] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. № 61. М.; Л., 1950. С. 196.

[14] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV— первой трети XVI в. С. 138—139.

[15] Интересно, что лишь в одном случае, по наблюдению А. В. Антонова, в грамоте использован термин «суд боярский». Причем формуляр грамоты относится к типу кормленных грамот с ограниченным объемом полномочий (без права «боярского суда»). Грамота, выданная А. В. Карамышеву, может быть датирована 1497—1500 гг. А. В. Антонов полагает, что упоминание «боярского суда» в указанном акте обусловлено особыми заслугами А. В. Карамышева (*Антонов А. В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV— середины XVI вв. С. 95—96). Предложенная гипотеза не дает ответ на основной вопрос: каким был объем полномочий Карамышева — с правом «боярского суда» или без него? При всей важности работы А. В. Антонова нельзя не отметить, что исследователь жестко привязал географический фактор (определенный город) к практике назначения на кормление с правом «боярского суда» и без него (Там же. С. 92, 96). Подобная попытка делалась еще раньше Б. Н. Флорей (*Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV—XVI вв.). На недостатки этой гипотезы было справедливо указано Т. И. Пашковой, отметившей, что наделение правом «боярского суда» зависело в первую очередь от назначаемого лица (*Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 82—84).

[16] *Антонов А. В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV— середины XVI вв. С. 94.

Длительное время волость была «черной». Сохранились две сотные на волость: 1553/1554 г. с книг письма князя Юрия Мещерского и Леонтия Мансурова[17], и 29 мая 1561 г. с книг письма князя Андрея Ивановича Елецкого[18]. По подсчетам Е.П. Маматовой, в сотной 1553/1554 г. зафиксировано 267 дворов в 95 деревнях, 13 починках и 12 селищах[19]. В 1561—1562 гг. подати с волости поступали в четверть дьяка Василия Колзакова[20].

В ноябре 1562 г. волость была пожалована Московскому Чудову монастырю взамен села Спасского с деревнями в Вяземском стане Московского уезда, взятого под ямскую слободу[21]. По всей видимости, именно до ноября 1562 г. действовала уставная грамота 26 января 1536 г. Дальнейшая история волости связана с этим монастырем. В 1585/1586 г. власти Чудова монастыря собирали с волости 50 рублей девять алтын (с выти по рублю)[22]. В 1581 г. монастырским властям была выдана уставная таможенная грамота на село Высокое[23]. Этот акт был утерян, в связи с чем «с прежние с таможенные уставные грамоты» 24 января 1596 г. Чудову монастырю была выдана новая таможенная уставная грамота, подлинник которой был опубликован Е.П. Маматовой[24].

По своей структуре рассматриваемая уставная грамота состоит из начального протокола, основного текста и заключительных положений (эсхатокола). В основной части акта можно выделить 21 статью, совпадающую с делением на абзацы, которые условно делятся на несколько групп.

Первая группа статей (ст. [1—4]) фиксирует размеры местных сборов-«кормов» на содержание волостеля и его аппарата, состоящего, в соответствии со ст. [4], из тиуна, праведчика, доводчика. Причем волостель вправе менять лиц своего аппарата лишь по истечении одного года. Статьи [1—2] регулируют размеры местного налога («побор»), который следовало уплачивать по праздникам (Рождество, Великий день, Петров день) и «на въезд» — «кто что принесет». Адресатами налога были волостель (ст. [1]) и лица его аппарата (ст. [2]). Во всех случаях налог мог быть уплачен в натуральной форме либо, по желанию волостеля и должностных лиц его аппарата, в денежной форме. На основании ст. [3], новые починки и непашенные старые починки освобождались от уплаты указанного налога на время «урочных лет».

По нашим подсчетам, на 1553/1554 г. общий размер праздничного налога, получаемого волостелем за год, составлял чуть более 5 рублей, тиуна — 2,6 рубля,

---

[17] *Кистерев С.Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 гг. С. 104—108. № 33.

[18] Там же. С. 127—140. № 48.

[19] *Маматова Е.П.* Таможенная грамота 1596 г. на сельский торжок // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1962. Вып. 25. С. 348.

[20] Там же. С. 345.

[21] Там же.

[22] Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Сост. С.Н. Богатырев. М., 1996. С. 59.

[23] *Маматова Е.П.* Таможенная грамота 1596 г. … С. 350.

[24] Там же. С. 355—356.

праведчика — 5,7 рубля, доводчика — 3,8 рубля[25]. Приведенные вычисления сопоставимы с цифровыми данными, полученными Т. И. Пашковой, согласно которым устьянский волостель с тиуном, доводчиком и праведчиком (1539 г.) получал около 15 рублей праздничных кормов ежегодно[26]. Если наши расчеты верны, то на содержание волостеля и его аппарата шло примерно по 15—17 денег с деревни, то есть от 5 до 8,5 денег со двора.

Кратко остановлюсь на одном обстоятельстве, которое следует из приведенных нами расчетов: праздничный налог, получаемый праведчиком, был больше, нежели размеры того же налога в пользу волостеля. Б. Н. Флоря полагает, что разница между праведчиком и доводчиком, помимо прочего, состояла в том, что первый назначался великим князем, а второй — кормленщиком[27]. Эта позиция была недавно поддержана С. В. Стрельниковым[28]. Казалось, косвенным подтверждением того же мнения является указанная разница в величине праздничного налога в пользу волостеля и праведчика. Однако текст нашей уставной грамоты (ст. [4]) прямо указывает на то, что и доводчик и праведчик назначается волостелем. Таким образом, место и роль доводчика нуждается в дальнейшем изучении.

Вторая группа статей — ст. [5—6, 15] — устанавливает размеры пошлин за действия лиц аппарата волостеля. Третья группа статей — ст. [7—14, 17, 19] — регламентирует размеры судебных пошлин по делам, подведомственным волостелю, а также пошлин за совершение иных юридически значимых действий. Четвертая группа статей — ст. [16, 18, 20—21] — устанавливает общие требования порядка в волости и регламентирует деятельность должностных лиц не волостной администрации на территории волости.

В историографии существует устойчивая и давняя традиция в рассмотрении проблемы соотношения «закона», в данном случае норм уставной грамоты, и обычая, «пошлины». Все единодушны в том, что «закон» закреплял нормы обычая, то есть источником нормы «закона» был обычай. Этой позиции придерживались

---

[25] Из расчета 6 денег за 1 алтын; количество деревень (95) взято по сотной 1553/1554 г., селища и починки в расчет не принимались. Волостель — 80 денег с каждых 13 деревень, тиун — «вполы», праведчик — 12 денег с каждой деревни, доводчик — 8 денег с каждой деревни.

[26] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 45.

[27] *Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV—XVI вв. С. 123.

[28] *Стрельников С. В.* К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X—XVII вв. («правда», «праведчик», «недельщик») // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 68.

и придерживаются Н.Л. Дювернуа[29], Д.М. Мейчик, П.И. Беляев, М.Н. Ясинский[30], Ю.Г. Алексеев[31].

По своей природе обычай как источник права обладает рядом черт. Одна из них заключается в том, что он известен (общеизвестен) тем, кто им пользуется. С другой стороны, обычай меняется в зависимости от изменений в реальной жизненной обстановке в наиболее оптимальную сторону.

Можно было бы согласиться с мнением тех, кто считает, что в «законе» закреплялся обычай — в нескольких случаях. Во-первых, обычай мог нуждаться в закреплении, если на него нельзя ссылаться в судебных спорах. Однако в распоряжении исследователей есть большое количество данных, позволяющих утверждать, что ссылка на обычай в судах была обычной практикой. Во-вторых, обычай мог закрепляться в «законе» для предотвращения изменения обычая. Однако при этом обычай перестает быть регулятором общественных отношений и заменяется «законом», что, с учетом финансовой и административной слабости государства в XVI—XVII вв., представляется маловероятным.

Наконец, изучение судебных дел за первую половину XVI в. убеждает в том, что в указанный период судебный процесс регулировался практически исключительно нормами обычного права. При этом необходимости в их юридическом закреплении не возникало[32].

В связи с изложенным выше представляется, что нормы уставной грамоты крестьянам волости Высокое Коломенского уезда от 26 января 1536 г. не закрепляли обычай. Текст уставной грамоты был призван его изменить. В кормленой грамоте Ф.С. Писареву 1505—1515 гг. указывалось, что он жителей волости «ведает и ходит у вас по старой пошлине, как было преж сего»[33]. Почему же возникла необходимость в изменении «старой пошлины»?

Прежде всего, следует напомнить, что территория волости лесистая и, вследствие «худой земли» и заболоченности, малолюдная[34]. Вместе с тем через Высокое

---

[29] *Дювернуа Н.Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 266, 268.

[30] В отношении уставных грамот Великого княжества Литовского М.Н. Ясинский писал: «цель уставных грамот — подтвердить весь стародавний юридический и бытовой строй земли, имевший отношение к интересам государства» (*Ясинский М.Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства (начало) // Университетские известия. Киев, 1888. № 9. С. 75, 76).

[31] См.: *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа.

[32] *Петров К.В.* Судебные дела об убийствах в средневековой России (первая половина XVI в.): Процедуры и их правовые источники // Иван III и проблемы российской государственности. К 500-летию со дня смерти Ивана III (1505—2005). Мат-лы науч. конф. (в печати).

[33] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М., 1997. Т. 1. С. 180—181. № 212.

[34] *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV— первой трети XVI в. С. 89; *Мамаева Е.П.* Таможенная грамота 1596 г. … С. 346.

(115 км от Москвы) с давних времен пролегают две важнейшие дороги: одна — от Москвы до Коломны с развилкой в Высоком на Владимир по реке Клязьме, другая — «Болвановская дорога» от Москвы на Касимов[35].

Наконец, особое значение имеет время выдачи уставной грамоты — 1536 г. Исследователи отмечают среди последствий общеполитического кризиса 1530—1540-х гг. политическую нестабильность и падение авторитета правительства в глазах населения[36].

В советской историографии считалось вполне традиционным утверждение об усилении «феодального гнета». В рамках этой парадигмы можно говорить об изменении обычая в сторону увеличения норм сборов в пользу волостеля и его аппарата. Между тем, учитывая место и время издания уставной грамоты, это утверждение представляется сомнительным.

Представляется, что уставная грамота изменяла обычай в сторону облегчения налогового и иного бремени. Причины, побудившие это сделать, заключались, с одной стороны, в хозяйственном и географическом положении волости, а с другой стороны, грамота появилась в условиях политической нестабильности.

Ослабление центральной власти (в административном смысле) вело к ухудшению общей криминогенной ситуации, которую, впрочем, не следует непосредственно связывать с общеполитическим кризисом 1530—1540-х гг. Иначе говоря, ухудшение криминогенной ситуации вовсе не означает, что представители тех или иных политических группировок были непосредственно повинны в росте общеуголовных преступлений. В связи с этим, принимая во внимание финансовую слабость государства, состояние средств и путей сообщения, отсутствие эффективных современных механизмов и мер государственного воздействия на население, наиболее оптимальным средством было наделение жителей волости определенными льготами либо снижение налоговых и иных выплат с целью добиться лояльности населения.

---

[35] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. С. 89, 90, 428—429.

[36] *Кром М. М.* Политический кризис 30—40-х гг. XVI в. (постановка проблемы) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 14.

Ю. Д. Рыков (Москва)

Малоизвестная запись синодика Московского Архангельского собора о детях боярских, погибших в боях за рекой Ошитом во время похода русского войска из Казани и Свияжска в июне 1556 г.

Русские летописи и разрядные книги принадлежат к числу основных фактографических источников по военной истории России эпохи царя Ивана Васильевича Грозного, однако они отличаются той характерной особенностью, что почти ничего не сообщают нам о рядовых участниках тех или иных военных действий. В основном в этих источниках содержатся общие сведения о датах походов русских войск, приводятся данные о командном личном составе и структурном делении русских войск, даются описания боевых действий и их результаты. Не менее известные писцовые книги, Дворовая тетрадь и другие источники дают нам сведения о многих служилых землевладельцах эпохи правления первого царя России, но они, как правило, ничего не сообщают о конкретных военных походах, в которых принимали участие русские воины, где и когда эти воины были убиты или пленены. А конкретные сведения о рядовых участниках военных действий важны для исследования проблем персонального состава и эволюции Государева двора царя Ивана Грозного. Расширить имеющиеся в исторической науке представления о рядовых служилых людях этой эпохи во многом помогают записи синодиков о поминовении погибших воинов.

Настоящее сообщение посвящено малоизвестной поминальной записи рукописного синодика Московского кремлевского Архангельского собора о детях боярских, погибших в боях за Ошитом во время похода русского войска из Казани и из Свияжска в июне 1556 г. против восставших народов Среднего Поволжья. Данный поход был одним из эпизодов длительной вооруженной борьбы Российского государства за присоединение Среднего Поволжья к своей территории.

Как известно, 2 октября 1552 г. русской армией, возглавляемой царем Иваном Васильевичем Грозным, штурмом была взята Казань. Казанское ханство перестало существовать. Начавшееся уже в ноябре 1552 г. на территории бывшего Казанского ханства антимосковское повстанческое движение народов Среднего Поволжья было обусловлено прежде всего ростом национального самосознания в широких слоях различных народов Среднего Поволжья. Во главе движения встала феодальная знать бывшего Казанского ханства, не желавшая терять свои привилегии, власть и богатство. Движение повстанцев против «неверных» было поддержано исламским духовенством, а также мусульманскими государствами — Ногайской Ордой, Крымским и Астраханскими ханствами и Турцией.

Вооруженная борьба Российского государства с повстанческим движением в Среднем Поволжье в 1552—1557 гг. была направлена на присоединение края к своей территории. В отечественной историографии эта борьба получила название «Первой Черемисской войны», поскольку «черемисы» (марийцы) были основной повстанческой силой в борьбе с Россией.

Причины, движущие силы, характер и ход восстания народов Среднего Поволжья против царских войск в 50-х гг. XVI в. были довольно сложными на разных этапах восстания, что вызывало их неоднозначную трактовку отечественными историками XVIII—XX вв. Новейшие историки конца XX — начала XXI в. на основе проведенного ими детального анализа событий Первой Черемисской войны данное повстанческое движение народов Среднего Поволжья оценивают как национально-освободительное движение, как борьбу народов Среднего Поволжья за независимость и воссоздание Казанского ханства[1].

По заключению современных историков, повстанческое движение в период так называемой Первой Черемисской войны 1552—1557 гг. прошло три этапа.

Первый этап восстания был вызван нападением луговой и горной «черемисы», марийцев и чувашей на московских гонцов, купцов и боярских людей на Волге, а также попыткой арских татар во главе «с Тугаевыми детьми» сотворить «лихо» против русских. Все эти акции были жестоко подавлены царскими воеводами и войсками, оставленными на территории бывшего Казанского ханства. Успех подавления выступлений местного населения на данном этапе восстания был обусловлен тем, что они не были поддержаны широкими народными массами.

Второй этап восстания был вызван ростом национального самосознания народов Среднего Поволжья и характеризовался расширением географии восстания и количественным ростом повстанцев, сплотившихся ради освобождения. При этом социальные и национальные противоречия между народами Среднего Поволжья затихли и ушли на задний план. Поводом для возгорания восстания послужил сбор ясака в Луговой стороне Казанского края в декабре 1552 г. Царские сборщики ясака Мисюрь Лихарев и Иван Скуратов были убиты непокорными луговыми «черемисами» (марийцами). Отряды восставших марийцев вторглись на Арскую и Побережную сторону, где к ним присоединились татары и удмурты. Повстанцы, развивая военный успех, заняли подступы к Казани и разгромили два отряда посланных против них царских стрельцов и казаков. Затем они переправились на Горную сторону Волги, где разбили наголову русское войско под командованием воеводы Бориса Ивановича Салтыкова, захватив его в плен, и осадили русские города-крепости Свияжск и Васильсурск. Отряды повстанцев

---

[1] Историографической обзор литературы по этому вопросу дан в диссертациях А. Г. Бахтина и С. К. Свечникова (см.: *Бахтин А. Г.* Повстанческое движение в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. См. также: *Бахтин А. Г.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 139—145).

начали опустошать нижегородские, муромские и вятские деревни и села, осадив даже некоторые местные города[2].

Широкий размах повстанческого движения в Среднем Поволжье и его крупные успехи вызвали со стороны правительства Ивана Грозного целую серию военных походов против «мятежного» края. Уже весной 1553 г. на Вятку и Каму было послано царское войско под командованием Д. Ф. Адашева, чтобы «искати над ызм». Со своим войском, подкрепленным казаками, которые царским правительством были дополнительно посланы «сверху на Волгу», воевода Д. Ф. Адашев успешно «побивалъ на перевозехъ во многихъ мѣстѣхъ Казаньскыхъ и Нагайскыхъ людей, а живыхъ въ Казань къ воеводамъ прислалъ въ все лѣто 240 человѣкъ»[3]. В сентябре 1553 г. по приказу царя Ивана IV из Москвы в сторону Среднего Поволжья были отправлены три полка русской армии: большой, передовой и сторожевой. Большим полком командовали бояре и воеводы князь Семен Иванович Микулинский Пунков и Петр Васильевич Морозов, передовым — боярин Иван Васильевич Шереметев и окольничий и оружничий Лев Андреевич Салтыков, сторожевым — князь Андрей Михайлович Курбский и князь Михаил Иванович Воротынский. В Казани эти полки были доукомплектованы военными гарнизонами, стоявшими в Казани и Свияжске, а также городецкими и мещерскими людьми и служилыми татарами. На Николин день, т. е. 6 декабря 1553 г., русское войско выступило в поход из Нижнего Новгорода «на Луговую сторону и на Арские места» против восставших людей Казанского края, которые «не прямили» московскому государю[4]. По свидетельству

---

[2] О повстанческом движении в Среднем Поволжье в 1552—1557 гг. и о борьбе с ним царских войск см.: *Егоров Ф. [Е.]* Материал по истории народа Мари. Козьмодемьянск, 1929. С. 67—73; *Наякшин К. И.* К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 108—111; *Бурдей Г. Д.* Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье // Преподавание истории в школе. 1954. № 5. С. 27—36; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII вв. М., 1955. С. 364—365, 668—669; История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 107—110; *Тихомиров М. Н.* Русское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 91—115; *Дубровина Л. А.* Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980. С. 11—14; *Бахтин А. К.* К вопросу о причинах повстанческого движения в Марийском крае в 50-х гг. XVI в. // Марийский археографич. вестник. Йошкар-Ола, 1994. Вып. 4. С. 18—25; *Он же.* Повстанческое движение в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Он же.* К вопросу о характере и движущих силах восстания в 1552—1557 гг. в Среднем Поволжье // Марийский археографич. вестник. Йошкар-Ола, 1996. Вып. 6. С. 9—17; *Он же.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 139—155; *Димитриев В. Д.* Антимосковское движение в Казанской земле в 1552—1557 гг. и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа. Чебоксары, 1999. № 6. С. 111—123; *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002 и др.

[3] ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 231; М., 2005. Т. 20. Ч. 2. С. 541; М., 1965. Т. 29. С. 216.

[4] Разрядная книга 1475—1598 гг. / Под ред. и с предисл. В. И. Буганова [далее — РК 1475—1598 гг.]. М., 1966. С. 143—144; Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич;

русских летописей, поход царских войск продолжался четыре недели. «А война ихъ была отъ Казани и по Каму, а отъ Волги за Ошитъ, и за Оржумъ, и на Илитъ, и подъ Вятьскые волости, отъ Казани вверхъ по Камѣ пол-300»[5]. Войска Ивана IV воевали с повстанцами, что называется, «огнем и мечом». Они «побивали вездѣ и побили на боехъ и въ языки ихъ взяли че[с]тныхъ людей 6 человѣкъ, а въ полонъ взяли робятъ и женокъ Татарского полону 15 000. И городъ на Меше сожгли и людей въ немъ, немногыхъ заставъ, побили, а иные изъ него выбѣжали; и окрестные тутъ села всѣ повыжгли, и людей повыбили, и городъ до основанiа разорили»[6]. С этими свидетельствами согласуются в главном и показания князя А. М. Курбского, который лично участвовал в зимнем походе 1553—1554 гг. против «князей казанских», будучи воеводой сторожевого полка[7]. В ходе ожесточенных многочисленных сражений русских войск с повстанцами во время этого похода было убито «больши десяти тысящеи воинства бусурманского». В этих боях погибли и видные предводители повстанческого движения Янчура Измаильтянин, Алеко Черемисин и немало других казанских князей[8]. Вследствие побед царских войск участвовавшие в вооруженной борьбе горные «черемисы» и арские люди «били челом» и дали русским воеводам «правду» о служении царю[9].

Зимний поход царских войск 1553—1554 гг. и выход из вооруженной борьбы «черемис» Горной стороны и арских людей не сломили боевого духа повстанцев Луговой стороны Марийского края. Во главе широко развернувшегося повстанческого освободительного движения против русских войск на территории бывшего Казанского ханства встал сотник Мамич-Бердей, который, по сохранившимся народным преданиям, был сыном марийского мурзы. Центром повстанческого движения был сделан древний марийский город Чалым (Сендер). Повстанцы из числа

Под ред. и с предисл. В. И. Буганова. [далее — РК 1475—1605 гг.]. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 461—463.

[5] ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 239; Т. 20. Ч. 2. С. 547; С. 113, 227.

[6] ПСРЛ. Т. 13. С. 239; Т. 20. Ч. 2. С. 546—547; Т. 29. С. 227.

[7] Сочинения князя Курбского / Подгот. текста Г. З. Кунцевича; Под смотрением С. Ф. Платонова // РИБ. Т. 31. СПб., 1914. Стлб. 219—220, 226—227. Впрочем, князь Курбский из-за явной ошибки памяти (или незамеченной описки?) допустил в своем повествовании хронологическую неточность. Князь Андрей ошибочно написал, что данный поход русских войск на повстанцев якобы состоялся «по шестомъ лѣте» «после взятiя мѣста Казанского» (Там же. Стлб. 218—219).

[8] Там же. Стлб. 220.

[9] ПСРЛ. Т. 13. С. 239; Т. 20. Ч. 2. С. 547; Т. 29. С. 227. См. об этом также: *Димитриев В. Д.* Правда о предпосылках и процессе мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России // Известия Национальной Академии наук и искусств Чувашской республики. Гуманитарные науки-2000. Чебоксары, 2001. № 3. С. 3—83; *Свечников С. К.* Вхождение горных марийцев в состав Русского государства // Актуальные проблемы истории и литературы. Мат-лы республиканской межвуз. конф. «V Тарасовские чтения». Йошкар-Ола, 18—19 мая 2001 г. Йошкар-Ола, 2001. Вып. 1. С. 34—39 и др.

луговых «черемис» продолжили национально-освободительную борьбу против царских войск[10].

В сентябре 1554 г. царь Иван IV опять послал большой, передовой и сторожевой полки «в казанские места черемисы воевать на луговую сторону в Кокшагу». На сей раз армия царя имела сбор во Владимире и в «осенний» Николин день выступила в поход на Казань. Главным воеводой в этом походе был боярин князь Иван Федорович Мстиславский. Параллельно с этим войском из Галича «на Черемису» было также послано три полка (большой, передовой и сторожевой), которыми руководил Иван Петрович Хирон Яковлев. После встречи в пути двух армий все царские полки должны были вместе идти «на казанские места». В дальнейшем русские войска были разбиты по полкам на три посылки, которые посылались воеводами против повстанцев[11]. Описание битв и побед этого похода царских войск в Казанский край сохранили русские летописи[12].

8 сентября 1555 г., в день празднования Рождества Богородицы, царь Иван IV послал из Москвы в Казань двух воевод ярославских служилых князей А. М. Курбского и Ф. И. Троекурова, «а велел им государь ис Казани ходить воевать луговой черемисы». Вместе с князем Курбским и князем Троекуровым в походе из Казани должен был участвовать «с казанскими людьми з годовщики» воевода Федор Иванович Бутурлин, а из Свияжска «с свияжскими людьми» — воевода князь Семен Иванович Гагарин[13].

В апреле 1556 г. казанский наместник боярин князь Петр Иванович Шуйский отпустил «на побережныхъ людей и на Чалымский городокъ» воеводу боярина Петра Васильевича Морозова, который вновь добился здесь крупных военных успехов и даже сжег укрепленный Чалым[14]. Но повстанцы не сдавались и продолжали упорно и ожесточенно сопротивляться царским войскам.

В мае 1556 г. воевода боярин П. В. Морозов вместе с воеводой Ф. И. Бутурлиным предприняли новый успешный поход на «Арские места» против непокорных повстанцев[15].

На фоне этой серии военных походов русских войск в Среднее Поволжье июньский поход 1556 г. детей боярских, стрельцов и казаков из Казани и Свияжска против повстанцев являлся продолжением завоевательной политики царя Ивана IV на восточных окраинах Русского государства. Данный поход был лишь одним из важных эпизодов длительной вооруженной борьбы Ивана IV за присоединение земель бывшего Казанского ханства к территории Московского царства. Хронологически он происходил во время второго этапа восстания в Среднем Поволжье.

---

[10] См. об этом подробнее в литературе, указанной выше в сноске 2.
[11] РК 1475—1598 гг. С. 147—148; РК 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 475—478.
[12] ПСРЛ. Т. 13. С. 246; Т. 20. Ч. 2. С. 553; Т. 29. С. 232.
[13] РК 1475—1598 гг. С. 153; РК 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 500—501.
[14] ПСРЛ. Т. 13. С. 269—270; Т. 20. Ч. 2. С. 571; Т. 29. С. 246—247.
[15] ПСРЛ. Т. 13. С. 270; Т. 20. Ч. 2. С. 571—572; Т. 29. С. 247.

Третий этап восстания был связан с затуханием его размаха и подчинением царю Ивану IV повстанцев в 1557 г.

Круг письменных источников о многолетнем военном противостоянии народов Среднего Поволжья царским войскам сравнительно узок. Поэтому находка и введение в научный оборот каждого нового источника с дополнительной информацией по данной проблеме военной истории представляют немалый научный интерес. Таким источником, несомненно, является малоизвестная запись синодика Московского кремлевского Архангельского собора о поминании избранных детей боярских, погибших за Ошитом во время похода русской армии в 1556 г. Подобных поминальных записей в других известных нам синодиках не сохранилось, и эта уникальность еще более подчеркивает ее научное значение.

Данная поминальная запись входит составной частью в особый воинский раздел синодика Московского Архангельского собора и имеет следующий заголовок: «**Лѣта 7064-го дѣти боярские побиты в Казанских мѣстѣх за Ошитомъ**»[16]. Упомянутый в заголовке источника «Ошит», известный ныне как Ашит, — это левый приток р. Илеть, впадающей в р. Волгу с левой ее стороны. Ашит представляет собой небольшую реку, протекающую в живописной долине северо-западнее Казани на территории современного Атнинского района Республики Татарстан[17]. Представляется не лишним отметить, что заповедная местность возле верхней части течения р. Ашит постановлением Кабинета министров Республики Татарстан от 20 июня 2005 г. за № 295 объявлена государственным природным заказником регионального значения комплексного профиля под названием «Ашит». Согласно утвержденному Положению о данном заказнике, он образован «с целью сохранения естественных и искусственных экосистем реки Ашит и ее пойменных участков».

Как свидетельствует вышеуказанная поминальная запись, в июне 1556 г. за Ошитом, т. е. на правобережной стороне, как следует полагать, в разных ее местах[18] и происходили сражения русских воинов с повстанцами, и здесь сложили свои головы русские воины, записанные в воинский помянник синодика Архангельского собора.

Московский кремлевский Архангельский собор, которому принадлежал данный синодик, занимает особое место среди других московских храмов, так как он был посвящен Архистратигу Михаилу, главе Небесных бесплотных сил и покровителю воинов. Этот собор изначально служил усыпальницей московских государей — великих князей и царей — и играл очень важную роль в государственно-церковной жизни России. В Архангельском соборе постоянно проводились различные церковные службы, связанные с правящим домом московских государей: здесь от-

---

[16] РГБ. Собрание Отдела рукописей (ф. 218). № 1518. Л. 82.

[17] Местоположение р. Ошит (Ашит) и других рек данного бассейна см. на географической карте в книге А.Г. Бахтина «XV—XVI века в истории Марийского края» на с. 141.

[18] Основанием для этого мнения служит указание заголовка записи, в которой сказано, что дети боярские побиты «за Ошитом» не в одном каком-то определенном «казанском месте», а в «казанских мѣстѣх».

правляли обряды венчания и погребения великих князей и царей, совершались заздравные и заупокойные «списные» литургии и панихиды по членам Московского правящего дома. Наряду с этим в соборе устраивались и регулярные государственно-церковные поминовения «убиенных» русских воинов, погибших «за православную христианскую веру» в боях с «безбожниками», а также церковное поминовение соборных вкладчиков из числа представителей княжеских, боярских, дворянских, дьяческих и других родов. Заздравные и заупокойные поминовения в соборе осуществлялись на основании вечных и повседневных синодиков, которые с давних пор имелись в этом кремлевском храме[19]. Их существование подтверждается актовым материалом Московского кремлевского Архангельского собора[20].

В настоящее время из этих синодиков Московского кремлевского Архангельского собора известен лишь уникальный список вечного синодика начала XVII в. с позднейшими дополнениями[21]. Данный государственно-церковный синодик являлся действующим до XIX в. включительно. Синодик вплоть до Октябрьской революции находился в Архангельском соборе московского Кремля. Печатная информация об этом синодике давалась в дореволюционной литературе в составе церковных описаний Архангельского собора, а также в труде А. А. Дмитриевского, посвященном деятельности архиепископа Архангельского Арсения Елассонского[22], но по существу она не была востребована дореволюционной светской исторической наукой. После Октябрьской революции 1917 г. данный синодик при неизвестных нам обстоятельствах пропал из состава книжного собрания собора и «выплыл из небытия» лишь в сентябре 1965 г., поступив на хранение в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, преобразованной

---

[19] *Лебедев А. [Н.]* Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880; *Извеков Н. Д.* Московский придворный Архангельский собор. Сергиев Посад, 1916; *Мальцев М. В.* Почитание Святого Архангела Михаила в русской православной традиции. М., 1994; *Баталов А. Л., Маштафаров А. В.* Архангельский собор // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. Т. 3. С. 489—495; Архангельский собор Московского Кремля / Сост. и науч. ред. Н. А. Маясова. М., 2002; *Власова Т. Б.* Архангельский собор: Путеводитель. М., 2005 и др.

[20] Акты Российского государства: Акты московских монастырей и соборов. XV— начало XVII в. / Изд. подгот. Т. А. Алексинская, К. В. Баранов, А. В. Маштафаров, В. Д. Назаров, Ю. Д. Рыков; Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. № 14. С. 51; № 20. С. 61; № 21. С. 65; № 23. С. 72; № 24. С. 74.

[21] *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный рукописный синодик Московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в X—XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тезисы докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 26—28 января 1995 г. М., 1995. С. 497—505.

[22] *Лебедев А. [Н.]* Московский кафедральный Архангельский собор. С. 376—381; *Извеков Н. Д.* Московский придворный Архангельский собор. С. 150; *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря (с фототипическим портретом (иконою) архиепископа и его факсимиле на русском языке). Киев, 1899. С. 6—7. Примеч. 1.

в 1991 г. в Российскую Государственную библиотеку. Синодик Московского Архангельского собора был предложен к приобретению москвичкой Ю. Д. Суховой вместе с восемью другими коллекционными рукописями XVII—XIX вв.[23] Решением комиссии по комплектованию ОР ГБЛ данный синодик вместе с семью другими рукописями Ю. Д. Суховой был приобретен отделом[24]. Никакой своевременной печатной информации об этом ценном поступлении в состав рукописного фонда ОР ГБЛ сделано не было, поскольку из-за длительного описания больших и ценных необработанных собраний рукописных книг с целью подготовки к печати нового справочно-информационного издания «Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина»[25] печатные сведения о новых поступлениях рукописных книг в это государственное хранилище начиная с 1963 г. полностью прекратились, а имевшаяся в читальном зале ОР ГБЛ скудная машинописная информация об этом синодике[26] не привлекала к себе должного внимания исследователей. Поэтому благодаря печатным работам автора настоящей статьи 1994—1995 гг. данный синодик, по сути, повторно был введен в научный оборот[27].

Как уже отмечалось выше, июньский поход русской армии 1556 г. из Казани и Свияжска состоялся в связи с непрекращающимся антимосковским восстанием народов Среднего Поволжья. Из русских летописей известно, что в июне 1556 г. «ходилъ исъ Казани бояринъ Петръ ⟨...⟩ Васильевичь Морозовъ, да съ нимъ воевода Феодоръ Игнатьевичь Салтыковъ, да дѣти боярскые исъ Казани и изъ Свіязского города обои, и перемѣнные, и старые, и годовалщыкы, и Татаро-

---

[23] Запись от 15 сентября 1965 г. о предложении Ю. Д. Суховой Отделу рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина для приобретения 9 рукописных книг XVII—XIX вв., в том числе синодика Московского Архангельского собора в Книге предложений ОР ГБЛ за 1962—1969 гг. Л. 67 об. — 68. Предложение № 121.

[24] Запись о поступлении 24 сентября 1965 г. 8 рукописных книг XVII—XIX вв. от Ю. Д. Суховой содержится в книге поступлений № 6 ОР ГБЛ. Л. 8 об. — 9. Пост. № 82. 1—8. Синодик среди этих рукописей зарегистрирован под № 82.2. Одна из 9 предложенных рукописных книг (Сборник богослужебный XIX в.) как не имеющая научной ценности была возвращена.

[25] См. об этом: *Тиганова Л. В.* Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей (Рукописные собрания Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 148—160; [*Зимина В. Г., Тиганова Л. В.* Предисловие к разделу «Новые поступления»] // Записки Отдела рукописей / Гос. биб-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. М., 1979. Вып. 40. С. 126; Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель / Отв. ред. Ю. Д. Рыков. М., 1996. Т. 1. Вып. 3 (1948—1979). С. 18.

[26] См.: Рукописные книги, поступившие в 1965 году: Краткие сведения / Гос. биб-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. М., 1966 (Машинопись). С. 24. Пост. № 82.2.

[27] *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный рукописный синодик Московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями. С. 497—505; *Он же.* Запись в синодике Московского кремлевского Архангельского собора — новый источник по истории опричнины царя Ивана Грозного // Мир источниковедения: (Сб. в честь С. О. Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 47—57.

ве, и новокрещены, и казакы, и стрѣлцы за Арьское (поле. — *Ю. Р.*), за Ошитъ, и за Уржумъ, и къ Вяткѣ. И не доходили до Вяткы за пятдесятъ верстъ, и воевали безчислено много, и полонъ имали, женъкы да робята, а мужиковъ всѣхъ побивали; и пришли въ Казань, далъ Богъ, со всѣми людми здорово»[28]. Летописные источники весьма лаконичны. Кроме того, сообщая о человеческих потерях противника, они умалчивают о потерях русских воинов, сражавшихся во время этого похода против восставших марийцев, удмуртов, чувашей, татар и других народов Среднего Поволжья. Летописные источники отмечают лишь потери повстанцев. Официальный «Государев разряд» и разряды пространной редакции вообще не упоминают об этом летнем «хождении» русских воинов 1556 г. из Казани и из Свияжска за Арское поле, за Ошит, Уржум и в другие «казанские места»[29]. В отличие от летописных источников, князь А. М. Курбский в своем историческом повествовании свидетельствует, что на протяжении шестилетней войны с черемисскими повстанцами в ходе многочисленных битв «толикое множество въ то время погибѣ воиска христіянского, біющеся и воюющеся съ ними безпрестанно, иже вѣре неподобно»[30]. Однако и князь Андрей не указывает здесь ни одного имени из множественного числа русских воинов, погибших в боях с повстанцами Среднего Поволжья.

Сведения об отдельных рядовых участниках этого похода русской армии 1556 г. и сохранила упомянутая выше уникальная краткая поминальная запись, находящаяся в составе воинского раздела синодика Московского кремлевского Архангельского собора. Вслед за заголовком данной записи помещено государственно-церковное поминание 6 рядовых участников похода русского войска 1556 г., погибших в сражениях за Ошитом: Михаила Кузьминского, Ивана Чемерицкого, Данилы Сабурова, Василия Теприцкого, Игнатия Малыгина и инока Ионы Кочергина[31]. Включение имен этих детей боярских в состав воинского помянника данного собора, изначально имевшего важнейший государственно-церковный статус, подчеркивает исключительные воинские доблести перечисленных людей, заслуживших своей храбростью в борьбе с «иноверными» повстанцами новоприсоединенного Казанского края вечного церковного поминовения.

В наиболее полном так называемом Синодике по убиенным на бранях и в аналогичных текстах синодиков Московского Успенского кремлевского собора и Казанского Зилантова монастыря из названных шести детей боярских, погибших «в казанских местах за Ошитом», отмечен лишь один Михаил Кузьминский, «убиенный на Ошитке»[32]. Остальные пять «убиенных» русских воинов по этим синодикам

---

[28] ПСРЛ. Т. 13. С. 269—270; Т. 20. Ч. 2. С. 571—572; Т. 29. С. 247.

[29] См.: РК 1475—1598 гг. С. 153—160; РК 1475—1605 г. Т. 1. Ч. 3. С. 500—517.

[30] РИБ. Т. 31. Стлб. 219.

[31] РГБ. Собрание Отдела рукописей (ф. 218). № 1518. Л. 82.

[32] Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российских касающихся, изданная Николаем Новиковым. 2-е изд. [далее — ДРВ]. М., 1788. Ч. 6. С. 481, 497; [*Гавриил (Воскресенский).*

вообще не проходят, невзирая на наибольшую полноту данных синодиков, которая подчеркивалась в исторической литературе последнего времени. Уже только одними этими обстоятельствами подчеркивается очень важное источниковедческое значение церковной поминальной записи синодика Московского Архангельского собора о русских воинах, погибших в боях за Ошитом в июне 1556 г.

Проведенный нами специальный источниковедческий анализ записи помянника Архангельского собора с привлечением других исторических источников привел к выводу о ее исключительной ценности для истории рядового служилого дворянства и личного состава Государева двора эпохи Ивана Грозного и для военной истории России XVI в.

Поминальная запись синодика Московского Архангельского собора содержит известие о конкретных 6 детях боярских, принимавших участие в походе русской армии в июне 1556 г. против казанских повстанцев, который нашел довольно скудное отображение в известных нам исторических источниках.

Упомянутый некоторыми синодиками как погибший в сражении за Ошитом Михаил Кузьминский принадлежал к числу дворовых детей боярских, служивших в середине XVI в. по Владимиру вместе со своим отцом и братьями [33]. В Никифоровском списке с оригинала Дворовой тетради Ивана Грозного против имени Михаила Китоврасова сына Кузьминского была воспроизведена лаконичная дьячья помета: «умре» [34]. Эту помету можно прямо связывать с гибелью дворового сына боярского Михаила в одном из сражений за Ошитом в июне 1556 г. В другом, Музейском списке Дворовой тетради эта помета «умре» ошибочно, как мы покажем ниже, отнесена не к Михаилу, а к его отцу Китоврасу Кузьминскому [35].

В разрядных книгах времени правления Ивана IV сын боярский Михаил Китоврасов Кузьминский не записан, очевидно, по той простой причине, что он принадлежал к рядовому составу русского воинства и не занимал в армии никаких командных должностей, «стратилатских», как их обычно называл князь А. М. Курбский.

Отец убитого в одном из сражений за Ошитом Михаила Кузьминского Китоврас Иванов сын Кузьминский в крещении носил христианское имя Варфоломей [36]. Он являлся наследником старинного родового вотчинного села Кузьминского в

архимандрит]. Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов, на Зилантовой горе. Казань, 1833. С. 45; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 178.

[33] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин [далее — ТКиДТ]. М.; Л., 1950. С. 156. Л. 117 об.; ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 66.

[34] ТКиДТ. С. 156. Л. 117 об.

[35] ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 66.

[36] Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 855.

Юрьев-Польском уезде, которым ранее владели его отец и дед[37]. Владел он также и какими-то деревнями в этом уезде. По писцовой книге 1592—1594 гг. земель Троице-Сергиева монастыря в Юрьев-Польском уезде, составленной Яковом Петровичем Вельяминовым и подьячим Федором Андреевым, известен, в частности, вклад Варфоломея Китовраса Иванова сына Кузьминского вотчинной пустоши Городец-Шемякино в Кузьминском стане Юрьев-Польского уезда 13 декабря 1564 г. в Киржачский Благовещенский монастырь[38]. Вместе с тем сохранилась и его данная грамота 1565/66 г. о вкладе вотчинной деревни Городец и селища Филиппцово, находившихся в том же регионе, в тот же Киржачский Благовещенский монастырь[39]. В данной 1565/66 г. содержалось распоряжение вкладчика К. И. Кузьминского властям Киржачского Благовещенского монастыря, чтобы они молили Бога за него «при его животе». «А какъ будетъ Китоврасу время постричися, — написано было далее в грамоте, — и мнѣ, строителю старцу Константину… Китоврасо у Благовѣщенья постричь за тѣмъ же вкладомъ и въ сенаники и въ селники написать, да и погрести у Благовѣщенья. А душу его поминати, и кормъ по немъ кормити по двожды на годъ, чѣмъ Богъ пошлетъ». В счет этого вклада К. И. Кузьминский обязывал монахов записать также в данные синодики и членов своей семьи после их смерти и «погрести» их в том же Благовещенском монастыре[40].

К началу 60-х гг. XVI в. Китоврас Иванов сын Кузьминский был уже в пожилом возрасте, что отмечено позднейшей пометой разрядного служащего в Дворовой тетради словом «стар»[41]. Это позволяет думать, что погибший на поле брани за Ошитом Михаил Китоврасов сын в середине XVI в. был уже в зрелом возрасте. Вместе с тем вышеприведенные биографические данные о Варфоломее-Китоврасе Кузьминском наряду с выводом А. А. Зимина о времени крайнего срока использования Дворовой тетради до начала 1562 г.[42] убедительно свидетельствуют о том, что помета «умре» относится на самом деле к сыну Китовраса Михаилу, а не к Китоврасу.

Имя Михаила Кузьминского записано первым в поминальной родовой памяти детей боярских Кузьминских, включенной в состав синодика Московского крем-

---

[37] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1 / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М., 1951. № 155. С. 135; № 157. С. 141.

[38] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. С. 855.

[39] *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. М., 1917. № 806. С. 248 (список данной); *Он же.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 5 / Сост. Л. И. Шохин. М., 2002. № 132. С. 52 (подлинник данной).

[40] *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. № 806. С. 248; *Он же.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 5. № 132. С. 52. Строитель Константин, упомянутый во вкладной записи Китовраса, в списке настоятелей Киржачского Благовещенского монастыря П. М. Строевым не учтен (см.: *Строев П. [М.]* Списки иерархов и настоятелей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 701).

[41] ТКиДТ. С. 156. Л. 117 об.; ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 66.

[42] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 373.

левского Успенского собора 60-х гг. XVI в., однако это имя записано здесь без указания на «убиение» Михаила[43]. Отсутствие в помяннике указания на «убиение» Михаила само по себе еще ничего не говорит, ибо отсутствие указаний на «убиение» того или иного лица довольно характерное явление вообще для многих монастырских синодиков.

В XVI в. известны также и другие дворовые дети боярские Кузьминские, которые служили по Боровску, Можайску, Москве, Тарусе и Твери и являлись, очевидно, однородцами владимирских дворовых детей боярских Кузьминских[44]. Были Кузьминские в XVI в. и среди новгородских помещиков[45]. Родословных росписей Кузьминских, подававшихся в конце XVII в. представителями этого рода в Палату родословных дел при Разрядном приказе, к сожалению, не выявлено[46], что затрудняет определение степени их генеалогического родства.

Инок Иона Кочергин синодика Московского Архангельского собора, вероятно, происходил из рода дворовых детей боярских Кочергиных, служивших в середине XVI в. детьми боярскими по Москве и Юрьеву Польскому[47]. Были земельные владения у представителей фамилии Кочергиных и в Переяславском уезде[48]. Родословной детей боярских Кочергиных пока не выявлено, но вряд ли можно сомневаться, что эти Кочергины являются потомственными однородцами известного дьяка великой княгини Марьи Ярославны, а затем ее сына великого князя Московского и всея Руси Ивана III Якова Дмитриева сына Кочергина[49]. По предположению Ю. Г. Алексеева, этот дьяк начал свою службу еще при дворе великой княгини Софьи Витовтовны[50]. Среди дворовых детей боярских Кочергиных XVI в. обращают на себя особое внимание записанные в Дворовую тетрадь царя Ивана Грозного юрьевцы «Иванец да Замятня Васильевы дети Кочергины». В оригинале дворового списка служилых людей царя Ивана позднее против этих имен была сдела-

---

[43] ГИМ. Собрание. Московского Успенского собора. № 64. Л. 284.

[44] ТКиДТ. С. 128. Л. 96 об. С. 165. Л. 123. С. 174. Л. 129 об. С. 185. Л. 138 об. С. 198. Л. 148; ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 66, 69, 73, 78 об., 79, 84, 84 об.; см. также: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 127. Л. 481.

[45] Писцовые книги Деревской пятины 1550—1560-х гг. / Сост. К. В. Баранов // Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 5. С. 437 (см. по указателю).

[46] *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII века. М., 1996. С. 382.

[47] ТКиДТ. С. 128. Л. 96 об. С. 152. Л. 116 об.; ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 50, 50 об., 64.

[48] *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. № 835. С. 261. № 999. С. 343.

[49] *Веселовский С. Б.* Ономастикон: (Древнерусские имена, прозвища и фамилии). М., 1974. С. 161; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 243. № 87; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 132, 178, 284.

[50] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 178.

на дьячья помета: «Иванец умре. Замятня убит»[51]. Вполне вероятно, что умерший Иванец Кочергин Дворовой тетради и был тем самым иноком Ионой Кочергиным, погибшим в одном из боев за Ошитом с повстанцами во время июньского похода русской армии 1556 г. В пользу этого свидетельствует не только совпадение первой буквы светского и иноческого имени умершего, но и то обстоятельство, что Иваны при пострижении в монахи зачастую получали иноческое имя «Иона». Например, царь Иван Васильевич Грозный, как известно, при своем посмертном пострижении в монахи его последним духовником Феодосием Вяткой получил иноческое имя «Иона»[52]. Известный воевода боярин Иван Васильевич Большой Шереметев, постригшийся в Кирилло-Белозерском монастыре, в иноческом образе также носил имя Ионы[53]. Опричный дворецкий и боярин Иван Яковлевич Чеботов, постригшийся, очевидно, по принуждению Ивана Грозного в Ростовском Борисоглебском монастыре, именовался в монашестве иноком Ионой[54]. Число подобных примеров можно было бы весьма значительно умножить.

Вероятно, Иван Кочергин не был сразу убит в бою за Ошитом в июне 1556 г., а был только ранен и поэтому успел перед смертью принять обряд монашеского пострижения под именем «Иона». Как нам удалось установить, имя умершего инока Ионы Кочергина было занесено для церковного поминания также и в синодик Троице-Сергиева монастыря[55]. Данное синодичное поминание инока Ионы Кочергина в соборе Троицкого монастыря осуществлялось, очевидно, благодаря денежному вкладу, сделанному по его душе сородичами в обитель преподобного Сергия Радонежского «в наследие вечных благ». Определения «убиенный» после имени Ионы в данном троицком синодике нет, но, как было замечено выше, отсутствие в по-

---

[51] ТКиДТ. С. 152. Л. 116 об.; ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 64.

[52] См. об этом: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в архиве Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 202. С. 593—594; ПСРЛ. М., 2000. Т. 14. С. 2, 34—35; Там же. М., 1978. Т. 34. С. 229; ГИМ. Собрание Московского Успенского собора. № 64. Л. 7 об.; *Корецкий В.И.* Смерть Грозного царя // Вопросы истории. М., 1979. № 9. С. 93—95; и др.

[53] См. об этом: *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1883. Т. 1. С. 308, 332, 333; *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. Прил. 4. С. XLVII, LVII; Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Я.С. Лурье и Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 176, 178, 634; и др.

[54] См. об этом: *Титов А.А.* Вкладная и кормовая книга Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 34—35; Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 131 (Коллекция Ю.В. Татищева). Кор. 1. № 7. Л. 118 об.; *Сахаров И. [П.]* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отд. русской и славянской археологии Русского Археологич. об-ва. М., 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 69—70; *Кобрин В.Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографич. ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 83—84. Примеч. 1018; и др.

[55] РГБ. Главное собрание Троице-Сергиевой лавры (Ф. 304. I). № 40. Л. 15 об.

мянниках указаний на «убиение» того или иного лица — это довольно характерная черта для многих монастырских синодиков.

В разрядных книгах Иван Васильев сын Кочергин не упоминается, очевидно, по все той же простой причине, что он принадлежал к рядовому составу русского воинства и не занимал в армии никаких командных, «стратилатских», должностей.

Убитый брат Иванца Замятня Васильев сын Кочергин мог, между прочим, быть также участником похода русского войска против казанских повстанцев в июне 1556 г. Замятня Кочергин упомянут в разрядах в росписи свадьбы казанского «царя» Симеона Касаевича и Марии Андреевны Кутузовой 2 ноября 1553 г. как один из детей боярских, стеливших камку от столовой избы до свадебных саней[56]. Замятня на военной службе стоял, видимо, так же невысоко, как и его брат, и поэтому в разрядах его имя больше не встречается.

Из этого же дворянского рода Кочергиных, несомненно, происходили Андрей и Семен Кочергины, записанные в синодики опальных Ивана Грозного[57]. По мнению Р.Г. Скрынникова, они погибли по делу о так называемом заговоре боярина и конюшего И.П. Федорова[58]. Семен Кочергин упоминается в разрядах в 1556 и 1559 гг. лишь в скромной должности поддатни у рынд[59] и далее никак не проходит, что косвенно подтверждает сделанный нами выше вывод о низком служебном положении Кочергиных на государевой службе. Очевидно, близкими родичами убитому Замятне и умершему иноку Ионе доводились юрьевцы Иван Константинов сын Кочергин и его сын Афанасий, которые в 1565 г. заложили по кабальной грамоте Ивану Чудинову сыну Трофимову за 200 рублей «денег московских ходячих» сроком на один год половину своего вотчинного сельца Березника в Кривцове стане Юрьев-Польского уезда[60]. Еще ранее в 1564 г. Иван Константинов сын Кочергин передал в Переяславский Никольский на болоте монастырь свой небольшой «жеребий» в Переяславском уезде[61]. Афанасий Иванов сын Кочергин в 1568/69 г. являлся послухом у данной Василия Рюмы Ярцова сына Тимофеева в Переяславский Данилов монастырь[62].

Записанные далее как погибшие в июньском походе русской армии 1556 г. за Ошитом от казанских повстанцев в синодике Московского кремлевского Архангельского собора Иван Чемерицкий, Данила Сабуров, Василий Теприцкий и Игнатий Малыгин в наиболее полных синодиках Московского кремлевского Успен-

---

[56] РК 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 460.

[57] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 401; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 532.

[58] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 532.

[59] РК 1475—1598 гг. С. 157, 163, 182; РК 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 512; М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 10, 54.

[60] *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 5. № 198. С. 75.

[61] *Антонов А.В.* Перечни актов переяславских, ярославских, костромских и галичских монастырей и церквей XIV — начала XVII вв. // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. № 209. С. 76.

[62] *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». С. 55. № 139.

ского собора, Казанского Зилантова монастыря и так называемом «Синодике по убиенным на бранях» не упоминаются.

Дети боярские Малыгины известны в XV—XVI вв. как служилые землевладельцы по Ярославлю и Великому Новгороду. Старинные родовые вотчинные и поместные «гнезда» Малыгиных находились в Ярославском уезде и были описаны в 1567—1569 гг. государевыми писцами Василием Григорьевичем Фоминым и Григорием Никитичем Сукиным[63]. Записанный в воинский помянник 1556 г. Игнатий Малыгин как ярославский землевладелец в писцовых книгах 1567—1569 гг., естественно, уже не упоминается, однако в тексте этих книг среди многих ярославских землевладельцев-вотчинников фигурирует Матрена Тимофеева Малыгина с двумя сыновьями — Семейкой да Василием Игнатьевым сыном Малыгиными[64]. Из отчества детей Матрены ясно видно, что Семейка и Василий Малыгины — это дети убитого в июньском походе 1556 г. Игнатия Малыгина. Следовательно, Матрена Тимофеева Малыгина — это вдова Игнатия Малыгина, записанного в помянник русских воинов, погибших в боях за Ошитом в июне 1566 г. Наследникам убитого в бою русского воина Игнатия Малыгина принадлежало село Шелшодом, две деревни — Филиппково и Ростовки, полдеревни Деревенки и пустошь Поповской Починок. Согласно писцовой итоговой записи, вдове Игнатия Малыгина Матрене и ее сыновьям принадлежало «пашни шестьдесят чети да перелогу пятнатцеть чети середние земли, да пашни ж сорок пять чети, да перелогу одиннатцеть чети с осминою худые земли. И обоего пашни середние и худые и переложные земли сто тритцеть чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена сто дватцеть копен. Лесу пашенного десятина, а непашенного дватцеть десятин»[65]. Таким образом, вотчинное владение убитого ярославского сына боярского Игнатия Малыгина было сравнительно небольшим, что являлось следствием постоянного дробления их вотчинных владений между наследниками[66].

Дети боярские Теприцкие известны в XVI в. как служилые землевладельцы по Твери и Ярославлю, где находились их родовые вотчинные и поместные земельные «гнезда»[67]. Существовала родословная роспись Теприцких 1686—1688 гг., ко-

---

[63] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 192; *Он же.* Исследования по истории опричнины. С. 171; Писцовые книги Ярославского края XVI века. Вотчинные земли / Сост. В. Ю. Беликов, С. С. Ермолаев, Е. И. Колычева. СПб., 1999. С. 216—217 (см. по указателю); Писцовые книги Ярославского края XVI века. Поместные земли / Сост. В. Ю. Беликов, С. С. Ермолаев. СПб., 2000. С. 328—329 (см. по указателю).

[64] Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Вотчинные земли. С. 25—26. Л. 11—12.

[65] Там же. С. 26. Л. 12.

[66] Попутно заметим, что фамилия Малыгиных существовала и в XVII в. Помянники представителей этой фамилии XVII в. Федора и Григория Малыгиных содержатся в синодике Ярославского Спасо-Преображенского монастыря XVII в. (см.: *Титов А. А.* Синодик Ярославского Спасо-Преображенского монастыря. М., 1895. С. 20. Л. 123. С. 25. Л. 457 об.).

[67] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 316; Писцовые книги Ярославского края XVI века. Вотчинные земли. С. 333 (см. по указателю); Писцовые книги Ярославского края XVI века. Поместные земли. С. 328—329 (см. по указателю).

торая предоставлялась представителями рода в Палату родословных дел Разрядного приказа, однако она в настоящее время, к сожалению, не выявлена[68]. Погибший в одном из боев за Ошитом в июне 1566 г. сын боярский Василий Теприцкий в источниках прямо нигде не отмечен, однако среди ярославских и тверских служилых землевладельцев находится несколько лиц, тезоименитых убитому сыну боярскому. Имя «Василий Теприцкий» проходит по писцовым материалам XVI в. названных выше уездных территорий. Так, среди ярославских помещиков этого столетия известны Василий Андреевич, Василий Гаврилович и Василий Никитич Теприцкие, но они не могут рассматриваться нами как кандидаты для отождествления с убиенным за Ошитом сыном боярским Василием Теприцким, поскольку записаны как живые помещики в приправочном списке с писцовых книг 1567—1569 гг., составленных государевыми писцами Василием Григорьевичем Фоминым и Григорием Никитичем Сукиным[69].

Среди тверских служилых землевладельцев XVI в. известны два Василия Теприцких: Василий Григорьев сын и Василий Захарьин сын.

Сын боярский Василий Захарьин сын Теприцкий являлся тверским помещиком. По данным писцовой книги Тверского уезда 1539/40 г. этому Василию в тверской волости Кава принадлежали деревни Свищово и Подоприхино, а также половина деревни Чуриково. Другой же половиной деревни Чуриково владел Семен Михайлов сын Теприцкий[70]. Служилый землевладелец Василий Захарьин сын Теприцкий продолжал владеть этими же поселениями и в начале 50-х гг. XVI столетия. Однако, как извещает дозорная книга Тверского уезда 1551—1554 гг., помещика «Василия Захарьина в животе не стало, а (его поместные земли. — *Ю. Р.*) *нынеча* за его сыном за Куракою». Далее в этом источнике указано, что «Курака не служит, потому что мал, семи лет»[71]. Исходя из показаний данной дозорной книги, Василия Захарьина сына Теприцкого, несомненно, следует исключить из кандидатов для отождествления с Василием Теприцким воинского помянника.

Сын боярский Василий Григорьев сын Теприцкий также являлся тверским служилым землевладельцем. По данным Дворовой тетради Ивана Грозного, Василий Григорьев сын и его отец Григорий Юрьевич Теприцкие в 50-х гг. XVI в. служили дворовыми детьми боярскими по Твери, причем, согласно дьячьей помете в оригинале дворового списка, какое-то время они служили «у царицы»[72].

---

[68] *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII века. С. 312.

[69] Писцовые книги Ярославского края XVI века. Поместные земли. С. 151—152. Л. 221 об. С. 154. Л. 225 об. С. 153. Л. 224 об.

[70] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 56. Л. 111.

[71] Там же. С. 302. Л. 750 об. — 751.

[72] ТКиДТ. С. 196. Л. 146 об. В Музейском списке Дворовой тетради помета оригинала «у царицы» не скопирована (см.: ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 83 об.).

Дьячьи пометы в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., как определил А. А. Зимин, делались до начала 1562 г.[73] Поэтому под «царицей» Дворовой тетради следует иметь в виду, скорее всего, первую жену царя Ивана Васильевича Грозного Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву (ум. 17 августа 1560 г.)[74]. Во второй брак с кабардинской княжной Марией (Кученей) Темрюковной вдовый царь Иван вступил лишь 21 августа 1561 г.[75]

Об отце этого Василия Теприцкого Григории Юрьеве сыне Крекшине Теприцком известно, что в 1551—1554 гг. он был тверским помещиком в волости «Шейский уезд», где ему принадлежали сельцо Чуриково и 9 тянувших к этому селу деревень: Деньшино, Медведево, Степаново, Белуж, Михалево, Кочевыйково, Федорцово, Валяево и Полушкино. Помещичье владение насчитывало 161 четь «середней» земли в одном поле, с которых ежегодно накашивалось 445 копен сена. Таким образом, владение Г. Ю. Теприцкого было сравнительно небольшим.

Юридическим основанием для наследственного владения этой землей Г. Ю. Теприцким служила жалованная поместная грамота соправителя великого князя Московского Ивана III, великого князя Ивана Ивановича [Молодого. — *Ю. Р.*], выданная тверским детям боярским Теприцким или сыну боярскому Юрию Теприцкому на сельцо Чуриково с деревнями. Данная поместная грамота Теприцким позднее была подтверждена другим сыном Ивана III великим князем Василием Ивановичем[76]. Очевидно, поместную грамоту великого князя Ивана Ивановича Молодого детям боярским Теприцким или сыну боярскому Юрию Теприцкому можно датировать широким отрезком времени между 15 сентября 1485 г. и 7 марта 1490 г., когда великий князь Иван Иванович по воле своего отца великого князя Московского Ивана III находился на Тверском княжении[77]. Впрочем, С. М. Каштанов не без оснований полагает, что тверское правление великого князя Ивана Ивановича после марта 1488 г. фактически прекратилось из-за переезда Ивана Ивановича из Твери в Москву[78]. Если принять во внимание предположение С. М. Каштанова, то нижнюю границу датировки жалованной поместной грамоты Теприцким можно сдвинуть к марту 1488 г. Подтверждение («подпись») великим князем Василием Ивановичем поместной грамоты великого князя Ивана Ивановича Теприцким или Ю. Теприцкому могло состояться в период великого княжения Василия III на Москве (1505—1533). Вместе с тем, очевидно, можно думать и то, что такое подтверж-

---

[73] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 373.

[74] ПСРЛ. Т. 13. С. 328; Т. 29. С. 287—289.

[75] ПСРЛ. Т. 13. С. 333; Т. 29. С. 292.

[76] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 277. Л. 685 об. — 686.

[77] См.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 31—32, 47 и др. В ночь на 8 марта 1490 г. Иван Иванович Молодой умер.

[78] См.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 34.

дение могло быть сделано раньше, когда Василий Иванович после октября 1590 г. по воле своего отца, великого князя Московского и всея Руси Ивана III, стал новым тверским управителем. В последнем случае подтверждение Василия Ивановича могло состояться уже где-то в 90-х гг. XV в., но не ранее октября 1490 г., которым датируется первый «тверской» акт Василия Ивановича, выданный Григорию Осоке на управление половиной г. Зубцова в качестве кормленщика[79]. Указание дозорной книги Тверского уезда 1551—1554 гг. на то, что подтверждение («подпись») этой грамоты Теприцким было сделано *великим* князем Василием Ивановичем, может объясняться результатом редакторской работы составителей дозорной книги Тверского уезда, поскольку они осуществляли «дозор» уже во времена правления Ивана IV, т. е. после смерти *великого* князя Василия Ивановича. Жалованная поместная грамота великого князя Ивана Ивановича Молодого детям боярским Теприцким или Юрию Теприцкому учтена под 1485—1490 гг. в справочнике А. В. Антонова, однако отнесена им ошибочно к архиву помещиков Крекшиных[80], а не к архиву помещиков Теприцких[81]. Именование Григория Юрьевича Теприцкого «Крекшиным», которое смутило А. В. Антонова, — это не фамилия, а явно второе, прозвищное отчество[82] Г. Ю. Теприцкого, которое восходит ко второму, прозвищному имени его отца Юрия Теприцкого — «Крекша». Кстати, подчеркнем в этой связи, что в Дворовой тетради середины XVI в. Григорий Юрьев сын Теприцкого вообще записан без дополнительного именования его «Крекшиным» по прозвищу отца Юрия[83].

Совпадение имени сына дворового тверича Григория Юрьевича Крекшина Теприцкого Василия с именем погибшего в походе 1556 г. сына боярского Василия Теприцкого и отсутствие других претендентов на идентификацию невольно наводят на мысль, что «убиенный» Василий Теприцкий воинского помянника и дворовый сын боярский Василий Григорьев сын Теприцкий — по всей вероятности, одно и то же лицо.

В разрядных книгах XVI— начала XVII вв. дети боярские Теприцкие нигде не записаны, что свидетельствует о том, что они не занимали никаких командных «стратилатских» чинов на военной службе, а принадлежали к рядовому тверскому и ярославскому дворянству. Если наше предположение о тождестве Василия Теприцкого Дворовой тетради середины XVI в. и Василия Теприцкого синодика Московского Архангельского собора верно, то мы получаем уникальное дополнение для изучения дальнейшей судьбы члена Государева двора Василия Григо-

---

[79] См.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 35.

[80] *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. № 1499. С. 191.

[81] Там же. № 3186—3189. С. 399.

[82] Примеры аналогичного отчества «Крекшин» приведены Н. М. Тупиковым (см.: *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских собственных личных имен / Перепечатка с изд. 1903 г. М., 2004. С. 599).

[83] ТКиДТ. С. 196. Л. 146 об.; ГИМ. Музейское собрание. № 3417. Л. 83 об.

рьевича Теприцкого, ибо в списках Дворовой тетради против его имени никаких дьячих помет о смерти не имеется[84].

Данила Сабуров, записанный в помянник детей боярских, убитых за Ошитом во время июньского похода 1556 г., — это представитель старинного боярского рода Сабуровых, ведущего свое происхождение из костромского боярского рода Зёрновых, известного с начала XIV в.[85] В родословцах записано несколько лиц с именем «Данила Сабуров», которые a priori могут рассматриваться как кандидаты для отождествления с Данилой Сабуровым воинского помянника. Из этих кандидатов с убиенным Данилой Сабуровым можно идентифицировать лишь Данилу Елизаровича Вислоухова Сабурова. В Бархатной книге он показан как единственный сын Елизара Ивановича Вислоухова Сабурова, и в отношении его семейного положения указано: «бездетен»[86]. Отец Данилы Елизар Иванович Вислоухов Сабуров, как и родные братья отца — Отучь (Отук), Иван, Семен, Тимофей и Пантелей — сидели «на поместьях в Новегороде»[87]. Елизар Иванович Вислоухов Сабуров был самым выдающимся из братьев на военной службе. В 1582/83 г. мы видим его в разрядных книгах на годовой службе в Торопце, и в дальнейшем он упоминается в разрядах на командных «стратилатских» должностях как воевода в Ладоге и в Ивангороде вплоть до 1596/97 г.[88] Старший брат Елизара — Отучь Иванович Вислоухов Сабуров в 1552 г. был участником летнего казанского похода русской армии и, очевидно, был убит осенью 1552 г. под Казанью или при штурме крепости[89]. Поминание погибшего Отуча Вислоухова Сабурова с указанием его христианского

---

[84] Попутно заметим, что служилая фамилия Теприцких продолжала существовать и в XVII в. Так, в 1677/78 г. представитель этой фамилии Александр Осипович Теприцкий вместе с подьячим Иваном Ростовцем давал выпись на вотчинные монастырские владения архимандриту Боровского Пафнутьева монастыря Корнилию (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. № 771. С. 228). 27 сентября 1683 г. тому же Александру Осиповичу Теприцкому и подьячему Ивану Небогатому в Костромской уезд посылалась указная царская грамота об описании земель (Там же. С. 167. № 524). В синодике Ярославского Спасо-Преображенского монастыря XVII в. содержится помянник Иосифа Кузьмича Теприцкого, отца вышеупомянутого А. О. Теприцкого (см.: *Титов А. А.* Синодик Ярославского Спасо-Преображенского монастыря. С. 20. Л. 123).

[85] О роде Сабуровых подробнее см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 162—195; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 191—195.

[86] Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... [далее — БК]. М., 1787. Ч. 1. С. 243.

[87] Там же. С. 242. В одном из частных родословцев Данила Вислоухов Сабуров показан сыном Ивана Семеновича Вислоухова Сабурова (Родословная книга по трем спискам // Временник Московского Общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 257), но это, очевидно, результат путаницы.

[88] РК 1475—1598 гг. С. 377, 411, 468, 511, 534; РК 1475—1605 гг. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 89, 139, 225, 234; М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 19, 22, 117.

[89] БК. Ч. 1. С. 242; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 235.

имени «Матвей» было включено в синодик Московского кремлевского Успенского собора[90], синодик Казанского Зилантова монастыря[91] и в так называемый Синодик по убиеннным на бранях[92], однако в разрядных книгах Отучь Матвей Вислоухов Сабуров ни разу не записан, из чего следует, что никаких командных «стратилатских» чинов в русской армии этот новгородский сын боярский не занимал. Не проходят по разрядным книгам и другие братья Елизара. Сын боярский Данила Елизарович Вислоухов Сабуров также не упоминается в разрядах. Его имени нет ни в Тысячной книге 1550 г., ни в Дворовой тетради середины XVI в., из чего также можно заключить, что он принадлежал к рядовому дворянству из среды сведенцев, оказавшихся на новгородских землях после присоединения к Московскому государству территории Новгородской земли в правление великого князя Ивана III.

Все другие тезоименные Сабуровы, которые a priori могли бы рассматриваться как кандидаты для отождествления с «убиенным» в боях за Ошитом сыном боярским Данилой Сабуровым воинского помянника, должны быть отведены по хронологическим соображениям.

Одним из таких тезоименных кандидатов a priori является Данила Григорьевич Вислоухов Сабуров. В родословцах он записан как единственный сын Григория Юрьевича Вислоухова Сабурова. Против имени этого Данилы находится подозрительная помета «бездетен»[93]. Отец Данилы Григорий Юрьевич вместе с родными братьями Степаном, Василием и Богданом Вислоуховыми Сабуровыми сидели в XVI в. «на поместье во Пскове»[94]. Сын боярский Данила Григорьевич Вислоухов Сабуров записан в разрядах с именем-отчеством единственный раз под 1584/85 г. как воевода в Тетюшах[95]. Однако, по-видимому, он же записан без отчества воеводой в передовом полку после схода в Свияжске и Чебоксарах в 1582/83 г., вторым воеводой в казанском остроге вместе со своим родичем Богданом Юрьевичем Сабуровым в 1583/84 г. и осадным головой в Нижнем Новгороде в 1583/84 г.[96] В октябре 1584 г. Данила Сабуров местничал с князем Иваном Андреевичем Ноготковым. Как сообщают разряды, после этого октябрьского местничества Д. Сабуров «жил с полгода (в Москве. — *Ю. Р.*) и поехал на государеву службу, и там ево на государеве службе не стало»[97]. Следовательно, можно считать, что Д. Г. Вислоухов Сабуров скончался где-то около весны 1585 г. Исходя из таких убедительных показаний источника, сын боярский Д. Г. Вислоухов Сабуров должен быть, несо-

---

[90] ДРВ. Ч. 6. С. 478.

[91] [*Гавриил (Воскресенский), архимандрит*]. Историческое описание памятника... С. 41.

[92] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 178.

[93] БК. Ч. 1. С. 241.

[94] Там же.

[95] РК 1475—1598 гг. С. 349; РК 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 29.

[96] РК 1475—1598 гг. С. 337, 340, 348; РК 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 14, 17. В указателе имен к «Государеву разряду» 1598 г. Данила Сабуров указан ошибочно с отчеством «Гаврилович» (РК 1475—1598 гг. С. 584).

[97] РК 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 45—46.

мненно, исключен из числа кандидатов на отождествление с Данилой Сабуровым воинского помянника 1556 г.

Записанный в родословцах Данила Константинович Сверчков Сабуров, четвертый сын Константина Федоровича Сверчка Сабурова[98], по всей вероятности, также должен быть исключен из числа возможных кандидатов для отождествления с Данилой Сабуровым воинского помянника. О службах Д. К. Сверчкова Сабурова нам ничего не известно, что говорит о сравнительно низком служебном положении этого сына боярского. Его отец Константин Сверчок, в отличие от Данилы, упоминается в разрядных книгах под 1482 г. воеводой, стоявшим в Нижнем Новгороде для отражения предполагаемого набега на Русь «царя» Алегама[99], но больше о его ратной службе при дворе великого князя Московского Ивана III ничего не известно. Данила Константинович Сверчков Сабуров был женат и имел сына Ивана. Последний, как известно, до своей смерти в 1545/46 г. владел поместьем в Шелонской пятине Великого Новгорода[100]. Единоличное владение новгородским поместьем без отца косвенно свидетельствует в пользу того, что Д. К. Сверчкова Сабурова к этому времени уже не было в живых[101].

Упомянутый в родословцах как бездетный Данила Семенович Чурка Пешков Сабуров[102] также не может рассматриваться как кандидат для отождествления с Данилой Сабуровым воинского помянника, ибо он умер в конце XV в.[103]

Также должен быть исключен из числа кандидатов для отождествления Данила Федорович Папин Вислоухов Сабуров, который был 6-м сыном Федора Семеновича Папы Вислоухова Сабурова[104]. Д. Ф. Папин Вислоухов Сабуров пережил 1556 г., и летом 1571 г. мы встречаем его в числе поручителей по боярине князе И. Ф. Мстиславском[105].

Результаты нашего анализа убедительно показывают, что погибший в одном из сражений с повстанцами за Ошитом в июне 1566 г. Данила Сабуров был сыном боярским Данилой Елизаровичем Вислоуховым Сабуровым, происходившим из

---

[98] БК. Ч. 1. С. 245.

[99] РК 1475—1598 гг. С. 19—20; РК 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 25; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 190.

[100] БК. Ч. 1. С. 245; Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографическою комиссию. СПб., 1905. Т. 5. Стлб. 330; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 194, 212. Примеч. 244, 253.

[101] Наиболее позднее упоминание родных братьях Д. К. Сверчкова Сабурова в источниках относится к его младшему брату Ивану Константиновичу (пятому сыну К. Ф. Сверчка Сабурова), который погиб в зимнем походе на Казань в 1548 г. (ДРВ. Ч. 6. С. 469; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 191).

[102] БК. Ч. 1. С. 244.

[103] См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 171—172; *Он же*. Ономастикон. С. 357.

[104] БК. Ч. 1. Ч. 1. С. 243.

[105] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 гг. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 66, 70, 75.

числа потомков тех представителей рода Сабуровых, которые были сведены великокняжеской властью со своих старых родовых «гнезд» на вновь присоединенные при великом князе Иване III к Московскому государству новгородские земли.

Никаких сведений в источниках об «убиенном» сыне боярском Иване Чемерицком, да и вообще о конкретных представителях фамилии «Чемерицкие» в XVI в. пока не удалось обнаружить в известных нам исторических источниках. Родословной росписи детей боярских Чемерицких и каких-либо связанных с этой фамилией актов исследователям вплоть до настоящего времени не удалось обнаружить[106]. Несомненно, фамилия этого «убиенного» на Ошите воина была довольно редкой. Фамилия «Чемерицкие» не отмечена в известных словарях по исторической ономастике[107]. По всей вероятности, данная фамилия образована от топонимического названия и первоначально обозначала «происходящий из Чемерицы» или «уроженец Чемерицы». Нам, кажется, удалось определить место, откуда мог гипотетически происходить сын боярский Иван Чемерицкий и его однородцы. В правобережной части бассейна реки Оки находится речка Чемерица, приток реки Москвы, текущая на отрезке местности между верховьями реки Москвы до села Пахры[108]. Название данной речки упоминается среди гидронимов Раменской волости Коломенского уезда в писцовой книге этого уезда, составленной Данилом Петровичем Житовым и Федором Комыниным в 1577/78 г.[109] Слово «чемерица» зарегистрировано в Толковом словаре» В. И. Даля как ядовитое лесное растение[110]. По определению ботаников, чемерица представляет собой многолетнее растение из семейства лилейных с крупными остроконечными листьями, толстым корневищем и метелкой белых цветов[111]. Очевидно, название речки Чемерицы и образовано от обильного произрастания в ее долине вышеуказанной одноименной травы.

---

[106] См.: *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII века. С. 327, 397; *Он же.* Частные архивы русских феодалов XV— начала XVII века. С. 428, 552.

[107] *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 820; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 351; *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. М., 1993. С. 157 и др.

[108] См.: *Смолицкая Г. П.* Гидронимы бассейна Оки: (список рек и озер). М., 1976. С. 113.

[109] Писцовые книги Московского государства. Отд. 1. Ч. 1. С. 529.

[110] См.: *Даль В. [И].* Толковый словарь русского языка в четырех томах. М., 1991. Т. 4. С. 589.

[111] См.: *С. Р.* Чемерица // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 38а. С. 495; *Егорова Т. А.* Чемерица // Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1978. Т. 29. С. 62. См. также определения данного слова в словарях русского языка (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. Стлб. 1250; Словарь современного русского литературного языка / Под ред. Л. С. Ковтун, В. П. Петушкова. М.; Л., 1965. Т. 17. Стлб. 841—842; Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4. С. 661; *Ожегов С. И., Шведова О. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 880; и др.).

На основании вышеуказанных данных можно, очевидно, предполагать, что убитый в июньском походе 1556 г. на Ошите Иван Чемерицкий, по всей вероятности, принадлежал к мелкопоместным городовым детям боярским, служившим по Коломне. В известных писцовых книгах земельные владения Чемерицких не отмечены. Возможно, это вызвано тем, что поместье погибшего Ивана Чемерицкого из-за отсутствия у него близких родичей или их последующей смерти было возвращено в государственный фонд новой поместной раздачи. Отсутствие имени Ивана Чемерицкого в разрядных книгах XVI в. находит свое логическое объяснение в том, что этот сын боярский низко стоял по службе и командных, «стратилатских», чинов в армии никогда не занимал, находясь на положении рядового воина из провинции. Это обстоятельство подчеркивает уникальность записи о его смерти в бою во время похода русских войск в июне 1556 г.

Таким образом, поминальная запись детей боярских, погибших во время похода русской армии из Казани и Свияжска против казанских повстанцев в июне 1556 г., в большинстве случаев содержит уникальные сведения о судьбах этих лиц. Запись синодика Московского кремлевского Архангельского собора позволяет расшифровать и конкретизировать глухие пометы Дворовой тетради Ивана Грозного об убиении на войне того или иного служилого человека, давая о них новые биографические сведения. Запись дает также новые материалы для изучения генеалогии названных дворянских фамилий. Комплексный подход к изучению данной записи позволяет частично установить место дворовой службы этих участников похода, предоставляя в распоряжение ученых определенный материал для характеристики географии комплектования состава русского войска, принимавшего участие в походе 1556 г. из Казани и Свияжска. На основе проведенного анализа сведений поминальной записи синодика Московского Архангельского собора мы можем теперь констатировать, что среди участников июньского похода 1556 г. были владимирцы, новгородцы, тверичи, юрьевцы, ярославцы и, очевидно, коломничи. Разумеется, география комплектования русской армии, которая участвовала в восточном походе 1556 г. против повстанцев Казанского края, была более обширной, но запись синодика для определения более полного круга рядовых участников этого похода, конечно, недостаточно репрезентативна. Исключительно малое число погибших русских воинов в ходе боев с казанскими повстанцами в 1556 г., записанных в воинский помянник Архангельского собора, определяется, конечно, тем, что не все участники этого похода были удостоены воеводами и царем Иваном высокой чести быть вечно поминаемыми во время церковных служб в Московском кремлевском Архангельском соборе. В помянник Архангельского собора попали лишь особо отличившиеся в боях с казанскими повстанцами русские воины.

Подводя итоги нашего источниковедческого анализа, можно сделать вывод, что малоизвестная уникальная запись синодика Московского Архангельского собора об участниках похода русской армии в 1556 г. против казанских повстанцев является очень ценным источником, содержащим новый конкретный материал для ис-

торических и историко-генеалогических исследований по военной истории средневековой России и по истории российского дворянства.

С учетом большого научного значения проанализированной нами выше уникальной поминальной записи синодика Московского кремлевского Архангельского собора мы в качестве приложения к настоящему сообщению публикуем текст воинского помянника детей боярских, погибших в сражениях с повстанцами за Ошитом в июне 1556 г. В публикации все вышедшие из употребления старые кириллические буквы, за исключением «ѣ», передаются буквами современного гражданского алфавита. Буква «и» в случаях ее краткого произношения заменяется «й». Буква «ъ» в конце слов сохраняется только там, где она есть в тексте: при выносных согласных концевых буквах «ъ» не проставляется. Диграф «оу» при передаче буквы «у» в публикации сохраняется. При выносной согласной мягкой букве в круглых скобках добавляется буква «ь». Слова и начальные буквы имен поминаемых русских воинов, написанные в рукописи киноварью, передаются полужирным шрифтом. Киноварные расшифровки над именами поминаемых русских воинов в публикации вносятся в строку в квадратных скобках после имени поминаемого лица.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лѣта 7064-го дѣти боярские побиты в Казанскихъ мѣстѣхъ за Ошитомъ:

Михаила [Куз(ь)минской]. Ивана [Чемерицкого•]. Данила [Сабоуровъ]. Василия [Теприцкой]. Игнатия [Малыги*н*]. Инока Ионоу [Кочергин].

РГБ. Ф. 218. Собрание Отдела рукописей. № 1518. Л. 82.

• *Так в ркп.*

А. Л. Хорошкевич (Москва)

П. Одерборн о взятии Казани

В 1962 г. Л. В. Черепнин в качестве главного редактора сборника сочинений И. И. Полосина привлек меня к участию в этом издании. Благодаря этому мне довелось познакомиться с наследием этого ученого, что зародило интерес к так называемым запискам иностранцев о России. Тем самым Л. В. Черепнин, подобно М. Н. Тихомирову, определил сферу моих преимущественных занятий на оставшуюся жизнь. В личном архиве, который настоятельно требовала собирать М. М. Зайцева, бескорыстно преданная Сектору истории феодализма и его главе, сохранилось завизированное Л. В. Черепниным в 1967 г. обращение к всесильному тогда главе Редакционно-издательского совета АН СССР Е. Лихтенштейну с предложением о новом издании сочинения Штадена. Однако в это время, на излете хрущевской оттепели, оно не получило одобрения.

В начале 80-х годов В. Т. Пашуто, продолжая довоенную инициативу Б. Д. Грекова, поддержал программу публикации подобных «записок» в Издательстве МГУ. В рамках этой программы К. А. Морозовой, преподавательницей латинского языка в МГУ, был осуществлен первый перевод сочинения П. Одерборна «Ужасная жизнь Васильевича». Наспех скомпонованное собрание слухов, рассказов дипломатов Речи Посполитой и пленников, томившихся в Москве и других городах России после захвата царскими войсками Полоцка в 1563 г., но вернувшихся на родину с воцарением Федора, смешанное с античными и библейскими реминисценциями, а также выдержками из сочинений Антонио Поссевино и Яна Рокиты, диспутировавшего с Иваном Грозным, давно, со времен Н. М. Карамзина, известно в отечественной историографии, но никогда не было предметом специального изучения. Спешно написанное в период бескоролевья в Речи Посполитой, сочинение П. Одерборна имело целью прославить царя Федора как возможного претендента на трон Речи Посполитой в противоположность его отцу — тирану, для характеристики которого автор не поскупился на черные краски не только при описании опричнины или зверств царского войска в Ливонии, но и при изложении истории «казанского взятия».

Однако рассказ Одерборна о казанских войнах интересен не столько своей тональностью, сколько передачей трактовки их участниками событий и, вероятно, их потомками. Отделенные от времени написания развернутого публицистического памфлета четырьмя десятилетиями, события конца 40-х — начала 50-х годов обросли мифологическими подробностями, которые Одерборн изложил во второй книге своего сочинения, посвященной описанию войн «Васильевича». Упорно проводя идею наследственного фактора в характере и действиях «тирана», он подчеркивает преемственность казанской линии внешней политики от отца, который заставил казанцев «платить дань, сжег город Казань, построил хорошо защищен-

ную крепость Васильгород у слияния Волги и Суры», но «не одержал ожидаемой победы над самим народом». А казанцы, по словам автора, «изменив образ жизни, не кочуют по полям и лесам среди пастухов, не меняют с легкостью жилища, а, построив дома, занимаются сельским хозяйством и торговлей». Этому способствовали и природные условия «Казанского царства, которое, простираясь на очень большое пространство по берегам Волги на юг и восток, имеет обширнейшие и очень плодородные татарские поля».

Последовательность событий в рассказе о казанских войнах сбита. Сначала Одерборн рассказывает о походе «Васильевича» на «седьмой год», во время которого тот «прошел по всей этой области как победитель, атакуя и захватывая укрепления», но не сумел штурмом взять Казань, поскольку «город защищали... отборные отряды шибанцев и казаков, живших по соседству, и отряды конницы нагайцев и заволжцев». Подожженный город устоял, «татары сохранили свою свободу», а великий князь вернулся на родину, где был встречен «с невероятным ликованием». Но стал тщательно готовиться ко «второй осаде казанцев с моря и с суши». После чего предпринял «шестой поход». Важны, однако, не подсчеты походов, а рассказ о внутренней политике воинственного «Васильевича»: «его заботой было сохранение мира дома... Ведь сколько раз и какие большие награды он уже обещал и победителям в пределах Московии, и иностранцам по договору. Какую добычу, казалось, они могли бы унести, победив не казанцев, а покорив всю Татарию (с горьким сожалением восклицает автор). Но он ⟨...⟩ ничего не желал выполнить из обещанного после устранения опасности» (забегает вперед Одерборн).

В новом походе участвовала как знать, так и «люди низкого происхождения» «из самых отдаленных мест»: «князь ростовский Петр привел 4 тысячи человек, Иван Петрович... 12 тысяч, Казарин Дубровский... 18, Михаил Темрюкович — 3 тысячи». Кроме того, Василий Дмитриевич, Серебряный и другие князья — свыше 20 тысяч. Размеры войска и флота настолько испугали казанцев, что те не насыпали валов и не построили оборонительных башен. «Васильевичу, напротив, немецкие ремесленники изготовили несметное количество метательных орудий и много осадных машин». Однако осада затянулась, и под угрозой возвращения домой «некоторые начали советовать, чтобы Васильевич заключил с врагами мир». Начались мятежи в войске, которое «почти все было распущено самым позорным образом, так как все настоятельно просили о возвращении домой». Да и их глава вернулся в столицу «труднейшим путем через непроходимые леса и по топким болотам». А здесь объявил, что существует заговор против него и призвал его участников публично покаяться, пообещав прощение. Но нарушив его, жестоко с ними расправился (приказал «одних убить, других заточить в тюрьмы», воинов, поднявших шум в лагере под Казанью, «за измену...раздирали на части раскаленными щипцами... и топили»). «Некоторые говорили, что эти преступления выдумываются, что невинные мужи осуждаются ложно». Ужас, охвативший страну, не помешал царю вновь отправиться на Казань и на этот раз захватить разбитый пушками город, поделить земли между победителями, продать в рабство пленных.

Разумеется, рассказ Одерборна не лишен существенных ошибок. Так, он несомненно ошибается, именуя вновь образованное стрелецкое войско «опричниной» и связывая его организацию непосредственно с казанскими походами начала 50-х годов. Очевидна его ошибка и с приурочением заговора к этому же времени, хотя речь могла идти только о марте 1553 г. Главное же в рассказе Одерборна — мысль о нежелании царского воинства сражаться под Казанью. Если подробности осады Казани лишь немногими деталями дополняют картину, известную по летописям и «Казанской истории», то сведения о настроениях в войске во время нее раскрывают смутные намеки на эти же события, имеющиеся в «Казанской истории». Важно и то, что за четыре десятилетия память об этих «нестроениях» среди осаждавших не улетучилась, достигнув ушей литовского пастора, конечно, в несколько искаженном виде.

И. О. Тюменцев (Волгоград)

Документы и материалы тушинских наемников о событиях Смуты в России в 1607—1610 гг.

Начиная с 1607 г. в российской Смуте на стороне повстанцев стали принимать широкое участие иноземные наемники, которые оставили обширные документальные материалы, дневники и мемуары. До последнего времени исследователи использовали главным образом тексты мемуаров и дневников, а дошедшие до нас документы и письма применялись в основном для уточнения и иллюстрации данных нарративных источников. Причем памятники мемуаристики изучались отдельно друг от друга. В результате у исследователей не сложилось общего представления о документах и материалах, имевшихся в стане Лжедмитрия II и дошедших до нас, степени их разработанности и перспективах изучения. Именно поэтому мы сочли необходимым выполнить критический обзор выявленных документов, вышедших из Тушинского лагеря и попытаться наметить перспективные направления их дальнейшей разработки.

Немногие сохранившиеся документы и материалы из стана Лжедмитрия II так или иначе связаны с основными группировками наемного войска, поэтому их можно условно разбить на четыре основные группы: *1) документы Лжедмитрия II и наемников времен «гетманства» Н. Меховецкого, мемуары К. Буссова и Й. Будилы; 2) документы и сочинения приверженцев Р. Ружинского; 3) русский архив и дневник Я. Сапеги; 4) архив Мнишков и мемуары их сторонников.*

Документы Лжедмитрия II и наемников времен «гетманства» Н. Меховецкого, мемуары Й. Будилы. Архивные материалы времени зарождения движения самозванца сохранились очень плохо. Исследователям удалось найти лишь несколько посланий, написанных Н. Меховецким от имени Лжедмитрия II жителям Могилева 2 (12) июля 1607 г.[1], Сигизмунду III 20 (30) ноября 1607 г[2]., М. Вольскому 23 декабря (2 января) 1607 г.[3] и несколько писем наемников: М. Харлиньского К. Радзивиллу (?) 9 (19) октября 1607 г.[4], Ш. Харлиньского М. Радзивиллу 17 (27) октября 1607 г.[5], Ф. Тышкевича кн. А. Острожскому 22 октября (1 ноября) 1607 г.[6], С. Куровского пану Васковскому 20 (30) ноября 1607 г.[7], а также донесение Викен-

---

[1] Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины во Львове (ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 5. Ossolineum. № 168. Л. 527—527 об.

[2] Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 539—540.

[3] *Kraushar F.* Obrazy i wizerunki historicznie. Warszawa, 1906. S. 346—347.

[4] ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 1388. Л. 71—73.

[5] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD) Rkp. Arch. Radz. Dz. V. T. 44. № 193.

[6] ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 283—284 об.

[7] Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (BPAU PAN). Chart. № 342. Л. 512—518; Teki Naruszewicza № 103. Л. 725—728; ОР ЛНБ

тия Львовского о Лжедмитрии II 24 декабря (3 января) 1608 г.[8] и др. Имеется также несколько отписок воевод самозванца из пограничных городов[9] и «Новины» — сводки новостей о ситуации в России, собранных в Речи Посполитой[10]. Ценные данные о земельной политике Лжедмитрия II и его окружения на Севершине в 1607—1608 гг. можно почерпнуть из личного *архива помещиков Масловых*, который был обнаружен, исследован и опубликован Ф. И. Масловым в начале нынешнего века[11]. Выявленные источники, несмотря на их малочисленность, содержат важные данные о начальном периоде движения Лжедмитрия II и дают прочную основу для критики нарративных источников.

«История ложного Дмитрия» — записки мозырского хорунжего *Й. Будилы*, который одним из первых явился в стан самозванца в Стародубе, привлекают исследователей тем, что это взгляд на события человека, одно время близкого к первому гетману самозванца М. Меховецкому и не испытывавшего больших симпатий к кн. Р. Ружинскому и Мнишкам. Несмотря на то что в настоящее время в распоряжении исследователей имеются две научные публикации[12], памятник как исторический источник пока недостаточно изучен и его использование в исследованиях затруднено.

Сочинение было обнаружено во второй половине XVIII в. польским историком А. Нарушевичем в библиотеке Залуцких. Исследователь снял копию рукописи и использовал обширные извлечения из нее в своих разысканиях[13]. В конце XVIII в. библиотека Залуцких была вывезена в Санкт-Петербург в Императорскую публичную библиотеку, где во второй половине XIX в. Н. Коялович отыскал рукопись с «Историей Ложного Дмитрия», перевел на русский язык и опубликовал в первом томе «Русской исторической библиотеки». Он первым высказал предположение, что автором сочинения является мозырский хорунжий Ю. Будила — один из офицеров наемного войска самозванца, и эта атрибуция была принята большинством исследователей[14]. В 1937 г. К. Тышковский опубликовал краткий очерк биогра-

---

НАНУ. Ф. 5. № 5998/III. Уа. Л. 286.

[8] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1884. Т. 8. Стлб. 77—82.

[9] Отписка рославльского воеводы кн. Д. А. Горбатого-Мосальского мстиславльскому державцу П. Пацу в начале 1607 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 75. С. 101; *Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 326.

[10] ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III. Л. 253—254; № 168. Л. 540.

[11] *Маслов Ф. И.* Масловский архив 1569—1631 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1916. Кн. 2. Отд. 1. С. 1—128.

[12] *Budziło J.* Wojna moskiewska. Wrocław, 1995; [*Будила Й.*] История ложного Димитрия // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 81—364.

[13] BPAU PAN. Teki Naruszewicza. №. 214. S. 665—790 (копия); № 180. S. 525—530; № 192. S. 577—582; № 218. S. 829—830; № 245. S. 891—899, №. 283. S. 1015—1017 (извлечения).

[14] *Будила Й.* Указ. соч. Стлб. 81—364.

фии хорунжего в Польском биографическом словаре[15]. В 1995 г. Я. Былиньский и Й. Длугош в предисловии ко второму научному изданию «Истории ложного Дмитрия» дополнили и уточнили биографию наемника[16].

В начале XX в. следы рукописи «Истории ложного Дмитрия» затерялись. По этой причине польские историки Я. Былиньский и Й. Длугош, готовя второе научное издание памятника, были вынуждены положить в его основу текст издания Н. Кояловича, который сличили с копией и извлечениями А. Нарушевича. Исследователи обнаружили в издании Н. Кояловича ряд искажений и пропусков, вызванных цензурными соображениями, а также неточности в публикации польского текста и в переводе. Они не согласились с названием, которое дал при публикации произведения М. Коялович — «История Ложного Дмитрия» — и предпочли вернуться к названию, данному А. Нарушевичем: «Война московская, учиненная и продолжавшаяся по причине ложных Дмитриев 1603—1612 гг.» Все обнаруженные разночтения они поместили в примечаниях[17]. Некоторые вопросы Я. Былиньский и Й. Длугош оставили открытыми. Из вводной статьи осталось неясным, когда и с какой целью Ю. Будила написал свое произведение, правильно ли Н. Коялович «установил» его текст.

Несколько лет назад нам удалось отыскать и проанализировать считавшуюся утерянной рукопись ИПБ F. IV.33, из которой Н. Коялович извлек сочинение Й. Будилы[18]. Это сборник польских документальных и литературных материалов второй половины XVI — середины XVII в., который написан на бумаге 60—80 гг. XVII в.[19] разными чернилами и несколькими почерками. Начало утрачено, но восстановлено в XIX в. при реставрации и переплете рукописи в ИПБ, вероятно, по рукописи ИПБ F.IV. 119. Реставратор не обратил внимания, что, воссоздавая утраченное, он переписал и часть хорошо сохранившегося текста, в результате между реставрированной и древней частями рукописи имеется нестыковка и повтор текста. В верхней части правого края листов (начиная с л. 11) идет старая пагинация, в нижней части по середине — новая.

Л. 1—21. Описание венчания Марины Мнишек с представителем самозванца Афанасием Власьевым 29 ноября 1605 г. Ст. Гроховского.

Л. 21 об. — 25 об. Описания областей Московского государства.

Л. 26—64 об. «История Ложного Дмитрия».

Л. 65—67. Копии польских документов 1565—1588 гг.

Л. 67 об. — 68. Декларация и Универсал Сигизмунда III 1609 г.

Л. 68 об. — 80 об. Документы сапежинцев 1612—1614 гг.

---

[15] *Tyszkowski K.* Józef Budziło // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1937. T. 3. S. 101.

[16] *Byliński J., Długosz J.* Wstęp // *Budziło J.* Wojna moskiewska. Wrocław, 1995. S. 28—30.

[17] *Budziło J.* Wojna moskiewska.

[18] История ложного Дмитрия // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Польск. F. IV.33.

[19] *Дианова Т. В., Костюхина Л. М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. (По материалам Отдела рукописей ГИМ). М., 1980. № 1255—1257, 1261—1262.

Л. 81 — чистый.

Л. 81 об. — 110 об. Документы бывших наемных отрядов самозванца 1615—1616 гг.

Л. 111—123 об. История Лжедмитрия I Жмудина Товяньского[20].

Л. 124—126 об. Вотум Я. Замойского на сейме 1605 г.

Л. 127—188. Польские документы 1627 г.

«Описание областей Московского государства» слишком невелико, чтобы быть самостоятельным произведением. «Описание» и «История» написаны одним почерком и композиционно примыкают друг к другу. Эти наблюдения позволяют высказать предположение, что «Описание» является вводной частью к «Истории», подобно сходному описанию областей Московского государства в «Истории о Великом княжестве Московском» шведского дипломата Петра Петрея, впервые опубликованного в 1615 г.[21]

В текст «Истории» Й. Будилы вставлены войсковые документы сапежинцев 1608—1612 гг., и затем до 1613 г. прослеживается судьба бывших солдат наемного войска самозванца, плененных в Москве. Войсковые документы за 1612—1614 гг. и 1615—1616 гг., отделенные от «Истории» Й. Будилы копиями польских документов 1565—1588 гг., позволяют проследить судьбу тех наемников войска Лжедмитрия II, кто избежал плена, вернулся в Речь Посполитую и получил награды от короля. Композиционно эти документы тесно связаны с основным текстом «Истории» Й. Будилы и, по-видимому, являются ее прямым продолжением, которое было призвано подчеркнуть трагизм судьбы московских сидельцев, испытавших горечь плена и не получивших от короля достойных наград. Копии документов 1565—1588 гг., судя по всему, оказались в данном месте случайно при копировании и реставрации рукописи и разорвали текст «Истории» на две неравные части.

Маловероятно, чтобы Й. Будила занимался литературным трудом и широко использовал войсковые документы сапежинцев, находясь в плену в 1613—1619 гг. Скорее всего, он взялся за перо по возвращении из России с целью привлечь внимание властей к судьбе своей и своих товарищей по плену. Возможно, его работа каким-то образом связана с появлением второй редакции «Дневника» Я. Сапеги.

Проверка датировок событий в «Истории» Й. Будилы данными писем наемников конца 1607 г. показывает, что в первые месяцы пребывания в России (2 сентября — 24 ноября 1607 г.) он скрупулезно фиксировал главные события жизни

---

[20] На форзаце рукописи имеется запись почерком XIX в.: «На странице 111 помещена история самозванца, сочиненная Тованьским Жмудиным, напечатанная в Zycii Sapiechów изд. 1791 Когновицкого сходно до конца 113 листа на обороте. В рукописи рассказывается о событиях в Москве, избиении уличан, смерти Федора и избрании Годунова на листе 116 на об. слово bawince(?) sie, bowiem on...» Единственное упоминание рукописи Товяньского, которое нам удалось обнаружить: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. IV. С. 677.

[21] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // ЧОИДР. 1865. Кн. 4. Отд. III.

войска самозванца и точно их датировал[22]. К примеру, датировки событий в октябре 1607 г. в сочинении Й. Будилы и в письмах М. Харлецкого и С. Куровского полностью совпадают[23]. Последующие происшествия хорунжий описывал менее подробно, выбирая только самые важные, часто объединяя под одной датой события нескольких дней. Например, приход к Москве Лжедмитрия II в июне 1608 г., Ходынское сражение[24] и т. д. Эти наблюдения позволяют высказать предположение, что в работе над сочинением Й. Будила использовал свои дневниковые записи, которые вел во время своего пребывания в России. В первые месяцы, как это было у Я. Сапеги, он делал их довольно часто, затем все реже и реже, сосредотачиваясь на главном. Будучи на покое, он переработал эти записи, дополнил воспоминаниями, извлечениями из войсковых документов и других литературных и мемуарных источников. Все это сделало воспоминания хорунжего ценным источником о событиях Смутного времени в России 1607—1613 гг.

Документы и сочинения приверженцев Р. Ружинского сохранились значительно лучше чем материалы времен «гетманства» М. Меховецкого. В распоряжении исследователей имеются материалы переговоров наемников с Лжедмитрием II осенью 1609 — в первой половине 1610 г[25]., с Сигизмундом III, королевскими комиссарами, гетманом С. Жолкевским в конце 1609—1610 гг.[26] Имеются также отдельные документы посольств думного дьяка Ф. Лопухина в Речь Посполитую в начале 1609 г.[27] и боярина М. Г. Салтыкова к королю под Смоленск III в начале 1610 г.[28] Значительная часть этих материалов опубликована[29]. Большую ценность представляют отдельные грамоты самозванца, Р. Ружинского, А. Зборовского и других командиров наемного войска: например: грамоты Лжедмитрия II смоля-

---

[22] *Будила Й.* Указ. соч. Стлб. 124—129.

[23] Там же. Стлб. 125—126, 134; *List M.* Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 г. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 1388. Л. 70—71; *List S.* Kurowskiego do Waskowskiego 20 (30) listopada 1607 г. // Там же. № 5998/III Уа. Л. 286.

[24] *Будила Й.* Указ. соч. Стлб. 134—136.

[25] SRSPB. E. 8597. Рукопись является копийной книгой, в которую, по-видимому, в архиве канцлера Л. Сапеги в первой половине XVII в. были включены важнейшие польские дипломатические документы 1609—1610 г. К сожалению, она не имеет пагинации, что затрудняет точные ссылки. Ее описание выполнено А. Гиршбергом. См.: *Hirschberg A.* Z wycieczki naukowej do Szwecyi // Kwartalnik historichny. Lwów, 1896. S. 118—156.

[26] SRSPB. E. 8597.

[27] Посольство думного дьяка Лжедмитрия II Ф. В. Лопухина к Сигизмунду III январь-март 1609 г. // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142. С. 5—37.

[28] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Т. 4. № 180—181. С. 314—317; Сб. РИО. Т. 142. С. 58—75.

[29] Сб. РИО. Т. 142. С. 5—37; *Marchocki M.* Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 148—175.

нам 14 (24 апреля) 1608 г.[30], Карлу IX[31], письмо кн. Р. Н. Ружинского кн. В. В. Голицыну и И. С. Куракину 14 апреля 1608 г.[32], отписки воевод порубежных городов[33] и т. д. Содержащиеся в документах данные позволяют критически проанализировать показания ротмистра М. Мархоцкого — одного из ближайших соратников Р. Ружинского.

«История московской войны» М. Мархоцкого давно признана историками одним из лучших иностранных сочинений о Смуте и широко используется в исследованиях. Парадоксально, но памятник до сих пор остается практически неизученным в источниковедческом плане и ни разу научно не издан. Оригинал «Истории», по данным польских историков, хранится в Библиотеке Чарторижских. Выявлены четыре списка памятника[34]. Нам удалось разыскать еще два[35]. Сочинение издано только один раз в позапрошлом веке[36]. Недавно опубликован русский перевод этого издания[37]. Археографический анализ списков произведения пока не проводился. В тексте мемуаров имеются хронологические реалии, которые позволяют определить примерные сроки работы М. Мархоцкого над его сочинением. Рассказывая о прибытии в стан самозванца Петра Борковского, чтобы по поручению послов убедить наемников покинуть пределы России, мемуарист оговорился, что посланец позднее был хорунжим Сендомирским[38]. П. Борковский был хорошо знаком М. Мархоцкому, так как они вместе с ним ездили послами от московского войска на сейм в 1611 г. и затем избежали плена. По возвращении в Речь Посполитую П. Борковский принял участие в работе сейма 1615 г., участвовал в переговорах с русским послом Желябужским. В качестве хорунжего Сендомирского он упоминается с 1616 г. вплоть до его смерти в 1619 г.[39] Таким образом, «История» написана не ранее 1619 г. Упоминая об Александре Гонсевском, М. Мархоцкий вновь оговорился, что в момент написания мемуаров он являлся воеводой Смоленским. А. Гонсевский был назначен королем воеводой Смоленским в 1625 г. и оставался на этой должности до своей смерти в 1639 г.[40] Если учесть, что М. Мархоцкий

---

[30] *Бутурлин Д.* История смутного времени в России. СПб., 1841. Ч. 2. Прил. № 7.

[31] Elementa ad fontium editiones. Wyd. K. H. Talbot. Romae, 1962. S. 9.

[32] РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 218—221.

[33] Отписка ивангородского воеводы кн. И. Ф. Хованского коменданту Нарвы М. Олафсону в октябре 1608 г. // Stokholm. Riksarkivet. Extrenia. Moscovitica. Box 156.1; Послание псковского наместника кн. А. Ф. Засекина дерптскому державцу Бормовскому в июне 1609 г. о присылке вспомогательного войска // АИ. Т. 2. № 258. С. 271—281.

[34] Ibid.

[35] ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5268/I (здесь же находятся семейные документы Мархоцких № 4042/I); SRSPB. E. 8603. Фрагмент мемуаров М. Мархоцкого.

[36] *Marchocki M. S.* Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841.

[37] *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000.

[38] *Marchocki M. S.* Op. cit. S. 27.

[39] *Borkowski P. D.* // Polski Słownik biograficzny. Kraków, 1936. S. 336.

[40] *Gosiewski A.* // Polski Słownik biograficzny. Warszawa, 1959—1960. S. 339—340.

умер в 1636 г., можно прийти к заключению, что его мемуары написаны между 1625—1636 гг.

События русской Смуты в мемуарах М. Мархоцкого излагаются по годам и месяцам. Точно датированы лишь самые важные события: Болховское, Клушинское сражения, волнения в Тушине 20 марта 1610 г., взятие Смоленска 13 июня 1611 г.[41] Характер повествования и отсутствие точных дат событий дают основание предположить, что в распоряжении мемуариста не было дневниковых записей, которые он вел во время пребывания в России. Мемуарист пользовался в основном своими воспоминаниями. Прекрасная память и несомненный литературный дар позволили ему создать довольно точную, хотя и весьма субъективную, картину Смуты. Ценность мемуаров заключается в том, что это взгляд человека весьма осведомленного и близкого к кн. Р. Ружинскому и его солдатам.

Русский архив и дневник Я. Сапеги. В литературе давно выдвинута гипотеза, согласно которой в течение всего пребывания сапежинцев в России секретари Ян Сапеги вели дневник, а в его походной канцелярии сформировался обширный архив[42]. Архив Я. Сапеги, согласно гипотезе польских и российских историков XVIII—XX вв., накапливался в походной канцелярии предводителя наемных солдат в течение трех лет их пребывания в России — с лета 1608 г. по сентябрь 1611 г. После смерти Я. Сапеги 4 (14) сентября 1611 г. его солдаты вывезли документы вместе с телом своего гетмана и передали вдове. Затем, в течение XVII—XX вв., материалы архива были разделены и попали в различные коллекции, библиотеки и архивы России, Польши, Украины, Швеции[43].

Секретари гетмана почти ежедневно фиксировали в «Дневнике» получение важных документов, прибытие и отправку гонцов, перехваты вражеской почты, сообщали о допросах пленных и перебежчиков. Характер записей позволяет использовать «Дневник» в качестве своеобразной описи документов Яна Сапеги и определить степень сохранности его архива в обследованных коллекциях. Вероятно, поступавшие документы, на основе которых составлялась исходящая от гетмана корреспонденция, а также ее черновики в «архиве» Яна Сапеги не сохранялись. В Дневнике также имеются многочисленные упоминания о материалах войсковых собраний, посольств тушинцев к Лжедмитрию II, Сигизмунду III и т. д., которые, за редким исключением, отсутствуют в анализируемых коллекциях. Обильное использование этих материалов в записках бывших наемников М. Мархоцкого и Й. Будилы говорит о том, что эту часть архива Я. Сапеги его солдаты оставили у себя для переговоров с властями. Компрометирующие документы, по всей видимости, были ими уничтожены, а немногие оставшиеся попали архив литовского канцлера и были внесены в копийные книги.

---

[41] *Marchocki M. S.* Op. cit. S. 21—22, 66, 88, 121, 146—147.

[42] *Тюменцев И. О. и др.* Русский архив Я. Сапеги 1608—1611 гг.: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005.

[43] Там же.

В Дневнике, как показал анализ, фиксировалось получение писем Лжедмитрия II, М. Мнишек, Р. Рожинского, тушинских полковников, ротмистров, воевод, перехваты московских и троицких почтовых отправлений. Практически ничего не говорится о многочисленных челобитных и письмах тушинских бояр, служилых людей, посадских, крестьян, выявленных в рассматриваемых коллекциях. Пометы на обороте некоторых из документов позволяют судить о том, как велось делопроизводство в сапежинской канцелярии. Секретари иногда делали краткие записи о прочтении и копировании наиболее ценных материалов, указания, от кого получено письмо, кто его доставил, о чем написано в документе: «Троекуров просит лошадь», «Из Лук первый лист», «о хлебных запасах», «Долгорукий пишет келарю, сообщая обо всем...» и др. Из этих помет, как и из записей дневника, видно, что секретари Я. Сапеги явно испытывали трудности из-за языкового барьера и с трудом ориентировались в реалиях российской жизни. К примеру, на письме атамана С. Останкова они написали: «слуга монастырский (пишет) келарю...», на послании монахини Соломониды (Ржевской): «Сын боярский пишет чернице...», на отписке Г. Шишкина прямо указано: «Прочитано, но не понятно, кому написано». На некоторых письмах имеется резолюция о принятом решении, например: «Латавский, дай тому попу 2 руб.» или «Велеть их отпустить всех... в полки». Но, как следует из записи на одной из отписок, секретари в некоторых случаях просто не докладывали Я. Сапеге о содержании письма, полагая, что проситель зря его беспокоит: «Написано напрасно и не имеет такого значения, чтобы этим занимался Ян (Сапега)» или откладывали письмо как «ненужное». Не случайно такие челобитные и письма они использовали как «бумагу для заметок» для фиксации рабочей информации.

Отсутствие описей, беспорядочное расположение сапежинских бумаг в сохранившихся коллекциях показывают, что документы архива Я. Сапеги не систематизировались. Это во многом определило характер их использования в исторических исследованиях. Сапежинские документы обычно привлекались исследователями по отдельности, как источник дополнительных сведений или иллюстративный материал к мемуарам или летописям. Выявленный массив из более чем четырехсот документов, в сопоставлении с данными дневника, открывает возможность систематизации сапежинских бумаг по отдельным фондам и адресатам. Исходя из этого принципа мы распределили сапежинские документы по пяти основным разделам: 1) документы, вышедшие из центров повстанческого движения; 2) материалы из правительственного лагеря; 3) письма и челобитные из уездов, контролируемых сапежинцами; 4) переписка с руководством Речи Посполитой, польской администрацией в Москве и частными лицами в Литве; войсковые и личные документы. Внутри разделов мы выделили группы документов по наиболее важным адресатам, а иногда и по отдельным почтовым отправлениям. Достаточно полно в анализируемых коллекциях представлена переписка Яна Сапеги с Лжедмитрием II, М. Мнишек, Р. Рожинским, А. Зборовским, «воровскими» боярами, с тушинской администрацией в Замосковье в 1608—1609 гг., а также с руководством

Речи Посполитой в 1610—1611 гг. Значительно хуже сохранились в коллекциях документы царя В. Шуйского и его сторонников. Переписка Яна Сапеги с польской администрацией в Москве, семибоярщиной, вождями первого земского ополчения, с местными властями и населением в 1610—1611 гг., а также войсковые документы сохранились весьма фрагментарно, и о их содержании приходится в основном судить по скупым данным Дневника[44].

Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что, несмотря на более чем двухвековые разыскания в библиотеках и архивах, выявлена лишь небольшая часть документов архива Яна Сапеги. Гораздо больше материалов погибло или пока не найдено. Тем не менее немногие отысканные документы, будучи проанализированными в контексте с данными Дневника, позволяют провести комплексный анализ материалов русского «архива» Яна Сапеги и взаимопроверить содержащуюся в них информацию.

Архив Мнишков и мемуары вышедшие из их окружения. Активные организаторы первой самозванческой интриги и участники второй — Сендомирский воевода Ю. Мнишек с дочерью и сыновьями — собрали в семейном архиве много ценных материалов о Лжедмитриях I и II. В 1718, 1720, 1732 и 1736 гг. один из потомков Ю. Мнишка — великий маршалок коронный Мнишек требовал у русского правительства выполнить обещания, данные самозванцами его предкам[45], и в конце концов продал эти бумаги русскому правительству. В 1819 г. многие из них были опубликованы и вошли в научный оборот[46]. Нам удалось отыскать несколько ранее неизвестных писем Лжедмитрия II к «жене» и М. Мнишек, которые хранятся в Ску-Клостерском собрании Государственного архива Швеции[47]. Наибольшую ценность представляют жалованные письма, грамоты Лжедмитрия II Мнишкам, письма М. Мнишек к Сигизмунду III, Ю. Мнишку, влиятельным лицам в Речи Посполитой, которые проливают свет на позиции Мнишков и их приверженцев в движении самозванца.

Важные сведения о пребывании Мнишков в России содержит *Дневник Марины Мнишек 1604—1609 гг.*, который давно привлек внимание историков ценными записями, сделанными очевидцем русской Смуты по горячим следам событий. Начало научному изучению памятника положил польский историк Ян Альбертранди (1731—1808 гг.), который отыскал и скопировал рукопись для создаваемого

---

[44] *Тюменцев И. О. и др.* Русский архив Я. Сапеги 1608—1611 гг. ...

[45] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского: В 4 кн. М., 1989. Кн. III. Т. 12. Примеч. № 322. С. 66.

[46] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. В настоящее время они находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 149. Дела о самозванцах. Оп. 1. № 1—70. У себя Мнишки оставили копии, из которых была составлена особая рукопись переписки членов рода с коронованными особами и видными политическими деятелями (ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 2431/II).

[47] SRSPB. E. 8597.

по приказанию короля Станислава Понятовского собрания источников по истории Речи Посполитой. Копия Я. Альбертранди, в которой записи «Дневника» обрывались на 1607 г., легла в основу первых научных публикаций «Дневника» на языке оригинала и в русском переводе в 30—40 гг. XIX в.[48] Автор недавней научной публикации «Дневника» В. Н. Козляков полагает, что протографом для Я. Альбертранди послужила неизвестная рукопись Ватиканской библиотеки[49]. Предположение исследователя вызывает сомнения. В конце XIX — начале XX в. историк-иезуит П. Пирлинг вел специальные разыскания источников по истории Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек в Ватиканской библиотеке, но, как видно из его публикаций, не обнаружил никаких следов рукописи «Дневника Марины Мнишек»[50]. Я. Альбертранди, как известно, наряду с Ватиканской библиотекой много работал в Шведских архивах[51]. В конце прошлого века А. Гиршберг, описывая польские рукописи библиотеки и архива графов Брагге в Государственном архиве Швеции, отметил, что в одной из них имеется список «Дневника» Марины Мнишек[52]. Эта находка осталась незамеченной В. Н. Козляковым, и список не учтен при подготовке последнего научного издания памятника[53]. Нам удалось отыскать и проанализировать упомянутый А. Гиршбергом список «Дневника Марины Мнишек». У него отсутствует начало и, как в публикациях Н. Г. Устрялова и А. И. Тургенева, отсутствуют записи за 1607—1609 гг.[54] Вероятно, этот список в свое время послужил протографом для копии Я. Альбертранди.

Во второй половине XIX в. Александр Гиршберг отыскал в библиотеке кн. Чарторижских в Кракове более полный список «Дневника» и несколько обширных фрагментов. Выяснилось, что памятник имеет оригинальное продолжение за 1607—1609 гг., которое развеяло всякие сомнения относительно его ценности. Исследователь осуществил второе научное издание памятника на языке оригинала, которое до настоящего времени не утратило своего научного значения[55]. В рукописи № 1654 музея Чарторижских имелась приписка копииста В. Добецкого, из которой следовало, что она скопирована в 1774 г. «со старой оригинальной рукописи, писанной Диаментовским, который присутствовал при той революции»[56].

---

[48] Дневник Марины Мнишек и Послов Польских // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. 4. С. 1—109; Акты исторические, относящиеся к истории России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 155—196.

[49] *Козляков В. Н.* «Дневник Марины Мнишек» — памятник смутного времени // Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 13.

[50] Пирлинг П. Марина Мнишек после майского погрома // Русская старина. 1903. Февраль. С. 235—258; *Он же.* Дмитрий Самозванец. М., 1912.

[51] *Malinowski M., Przezdziecki A.* Op. cit. S. 345. Nota.

[52] *Hirschberg A.* Z wycieczki naukowej do Szwecyi. S. 142.

[53] *Козляков В. Н.* Указ. соч. С. 15—16.

[54] SRSPB. E. 8597. Л. 1—30.

[55] *Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwów, 1901.

[56] *Hirschberg A.* Polska a Moskwa. S. 5.

А. Гиршберг, основываясь на данных приписки, поддержал давно бытовавшее в литературе предположение, что автором «Дневника» является Вацлав Диаментовский — шляхтич из свиты Мнишков[57]. В конце 50-х годов XX столетия А. И. Копанев и А. Г. Маньков издали русский перевод фрагмента «Дневника» за 1606—1607 гг., выполненный по тексту публикации А. Гиршберга[58].

В библиотеке Оссолиньских во Львове А. Гиршберг обнаружил списки «Дневника» № 196 и № 2414, в которых имелись прямые указания на то, что его автором был известный купец и мемуарист начала XVII в. Станислав Немоевский. Сопоставление текста памятника с биографией и мемуарами С. Немоевского не оставило сомнений, что копиист намеренно фальсифицировал атрибуцию произведения[59].

В начале нынешнего века любитель русской истории — ярославский купец А. А. Титов получил копию «Дневника», снятую с рукописи музея Чарторижских № 1633, часть которой (записи за 1607—1609 гг.) опубликовал в переводе Я. Яворской[60]. Во вступительной статье А. А. Титов упомянул, что рукопись № 1633, в свою очередь, была копией, которую снял в 1817 г. Л. Голембиовский. Причем копиист оговорился, что переписал «Дневник» Авраама Рожнятовского — шляхтича из свиты Мнишков[61]. Эти данные позволили В. Кетжинскому пересмотреть ставшую уже традиционной атрибуцию произведения[62].

Недавно В. Н. Козляков вновь проанализировал списки и осуществил первый в русской историографии перевод полного текста «Дневника Марины Мнишек», снабдив его вводной статьей, приложениями и обширными комментариями. Новая публикация, несомненно, представляет значительный шаг вперед в изучении и использовании памятника как исторического источника. Вместе с тем некоторые подходы к публикации вызывают сомнения. К примеру, исследователь признал, что наиболее полным и добротным является текст «Дневника», изданный А. Гиршбергом (копия 1774 г.). Тем не менее в основу своего перевода положил текст копии, как он признает, менее полной рукописи музея Чарторижских № 1633 (копия 1817 г.), а текст А. Гиршберга привел в разночтениях. Причем из-за лакун текст Титовской копии пришлось выверять по микрофильму оригинала[63].

В приложении к тексту дневника М. Мнишек В. Н. Козляков издал прекрасную подборку писем из архива Мнишков, которая позволяет дополнить, проверить и

---

[57] *Hirschberg A.* Polska a Moskwa. S. 5.

[58] Восстание И. И. Болотникова. Документы и материалы / Сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. С. 165—175.

[59] *Hirschberg A.* Polska a Moskwa. S. 6.

[60] *Титов А.* Дневник Марины Мнишек (1607—1609 гг.). М., 1908. Переводчик установлен В. Н. Козляковым.

[61] *Титов А. А.* Дневник Марины Мнишек. С. 11.

[62] *Ketzyński W.* Dyaryusze Wacława Dyamentowskiego i Marcina Stadnickiego o wyprawie cara Dimitra // Przegląd historyczcny. 1908. T. 7. № 3. S. 265—275.

[63] *Козляков В. Н.* Дневник Марины Мнишек. Л., 1995. С. 17—18.

уточнить данные записей дневника. Этот комплекс может быть дополнен найденными нами письмами из переписки М. Мнишек с Я. Сапегой и Лжедмитрием II[64].

Дневник М. Мнишек открывает краткий очерк «О Дмитрии Ивановиче», в котором явно с чужих слов рассказывается о появлении самозванца и завоевании им «отчего престола» 1604—1605 гг.[65] Собственно дневниковые записи появляются в первой книге, посвященной событиям 1605—1606 гг., которые автор наблюдал как очевидец[66]. Будучи в ссылке в Ярославле в 1606—1608 гг., приближенный Мнишков был лишен возможности непосредственно наблюдать события русской Смуты, но, мечтая о свободе, он более-менее регулярно фиксировал в «Дневнике» то, что ему удалось разузнать[67]. Иногда ему удавалось скопировать или процитировать документы и письма, тайно присланные Ю. Мнишку в Ярославль. Так оказались сохранены для потомков отчеты о переговорах послов с боярами 9 и 23 июня 1606 г.[68], письмо неизвестного поляка 20 ноября 1607 г.[69], два письма Николая де Мелло 25 октября 1607 г. и 7 февраля 1608 г.[70], два письма пана Комаровского 9 и 28 февраля 1608 г.[71], послания Ю. Мнишека 8 июня 1608 г. и польских послов 19 мая и 1 августа 1608 г.[72] Осенью 1608 г. автор «Дневника» был освобожден из плена, побывал в лагерях приверженцев самозванца у Троицы и в Тушино, о которых оставил весьма ценные свидетельства, и в начале 1609 г. покинул Россию[73].

В литературе бытует мнение, что «Дневник» после его написания не подвергался литературной переработке[74]. Реалии текста не подтверждают этого вывода. В записи за 18 ноября 1608 г. говорится: «Но здесь об этом не упоминаю, потому что есть достоверные дневники, где все расписано по времени»[75]. Между записями за 26 и 27 марта 1607 г. имеется замечание: «Немало обрадовало нас это послание, но когда в дальнейшем ничего не последовало, и радость со временем прошла»[76]. «Досаждали нам также суровые морозы, лютые — почти всю зиму...»[77]. Помимо

---

[64] *Тупикова Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е.* Забытые письма М. Мнишек Я. Сапеге и его солдатам (Из русского архива гетмана Я. Сапеги) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения. 2004. Вып. 9. С. 114—121.

[65] Дневник Марины Мнишек. С. 25—30.

[66] Там же. С. 31—62.

[67] Там же. С. 62—122.

[68] Там же. С. 63—70.

[69] Там же. С. 97—100.

[70] Там же. С. 97—100, 105.

[71] Там же. С. 105—108.

[72] Там же. С. 113—114, 119—120.

[73] Там же. С. 122—134.

[74] *Смирнов И. И.* Обзор источников о восстании И. И. Болотникова // Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 39.

[75] Дневник Марины Мнишек. С. 127.

[76] Там же. С. 86.

[77] Там же. С. 106.

этого в «Дневнике» то и дело встречаются сообщения, начинающиеся со слов «В те дни..», «В то время...», «Тем временем...»[78]. Указанные замечания явно внесены в текст позже поденных записей и свидетельствуют о литературной обработке текста «Дневника» по возвращении на родину, которая, однако, не была радикальной и носила в основном уточняющий характер. Памятник содержит ценную информацию, которую можно использовать как «ариаднову» нить для уточнения хронологии и выяснения деталей многих событий 1606—1608 гг., и которая позволяет проследить изменения в умонастроениях людей того времени.

История Дмитрия царя московского и Марины Мнишек сразу же привлекла внимание исследователей, так как автором сочинения долгое время считался весьма осведомленный дворецкий Мнишков — Мартин Стадницкий[79]. Польский исследователь В. Кетжинский уточнил эту гипотезу, придя к выводу, что сочинение является компиляцией 60-х годов XVII в., в которой использованы «Дневник М. Мнишек» и, возможно, записки М. Стадницкого[80]. Рассказывая о злоключениях Марины Мнишек, у которой «жажда власти и мести была сильнее стыда и честности» и чья судьба «стала для всех предостережением», автор допустил много неточностей, которые показывают, что он никогда не был в Тушино и черпал свою информацию из вторых рук. К примеру, он утверждает, что М. Мнишек и ее отец выехали из Москвы и прибыли в Тушино в 1608 г. разными путями и что во время распада Тушинского лагеря И. Заруцкий будто бы увел казаков в Калугу и т. д. Яна Сапегу автор повествования называет то Литовским гетманом, то сыном Литовского гетмана. Первую осаду Москвы Лжедмитрием II путает со второй[81]. Сомнительно, чтобы эти ошибки допустил дворецкий Мнишков, сын которого был полковником в Тушине[82]. Компилятор, как видно из приведенных данных, использовал неизвестное позднее сочинение, автор которого явно черпал свою информацию из вторых рук.

Несмотря на то что большая часть тушинских документов утрачена, источниковедческий обзор сохранившихся архивных материалов и сочинений наемников позволяет отчасти восполнить потерянную информацию. В связи с этим особое значение имеет реконструкция архивов Мнишков 1604—1610 гг. и Яна Сапеги 1608—1611 гг., которые дают в распоряжение историков Смуты обширный массив документальных источников, вышедших из повстанческого лагеря. Аналогичную работу можно выполнить при изучении и издании сочинений Й. Будилы и

---

[78] *Смирнов И. И.* Обзор источников о восстании И. И. Болотникова. С. 75, 79, 110.

[79] История Дмитрия Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 129—174; № 6. С. 130—131, 177—222.

[80] *Ketzynski W.* Op. cit. S. 265—275; *Смирнов И. И.* Обзор источников. С. 38. Примеч.; *Долинин Н. П.* К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 467.

[81] История Дмитрия царя московского. С. 181—182, 191—192, 211.

[82] *Немоевский С.* Записки (1606—1608) // *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. 278—279, 287.

Н. Мархоцкого, которые необходимо дополнить документами переписки наемников 1607—1612 гг. Архивные материалы, будучи сопоставлены с данными дневников и мемуаров наемников, дают достаточно полные сведения о движении Лжедмитрия II и событиях в стране в 1607—1612 гг. Эти данные, собранные людьми М. Меховецкого, Р. Ружинского, Я. Сапеги и Ю. Мнишка, политические взгляды которых явно не совпадали, поддаются взаимной проверке, дополняют и уточняют содержащуюся в них информацию. Выявленный массив тушинских источников открывает возможность критически проанализировать данные правительственных источников, как документальных, так и нарративных, по-новому оценить информацию шведских и польских правительственных материалов, показания современников-иностранцев, что в конечном счете дает возможность с большей точностью судить о событиях Смуты в 1607—1610 гг. и выяснить роль, которую сыграло в нем движение самозванца.

И. В. Зайцев (Москва)

Новые османские документы по истории московско-османско-украинских отношений в конце 60-х — начале 70-х гг. XVII века

Казак в Запорогах, что пень при дорогах
Русская пословица XVII в.[1]

Часть I

(Введение и краткий предварительный перечень турецких документов, публикация документов на русском языке)

1. Али Уфки Бей — Войцех Бобовский

Около 1610 г. во Львове в тогдашней Польше родился человек по имени Войцех Бобовский[2]. Ему было суждено прожить крайне интересную, долгую жизнь, полную взлетов и падений. Мальчиком (вероятно, лет в 14) он попал в татарский плен, был продан в Османскую империю, около 20 лет пробыл рабом в Стамбуле, в качестве слуги одного из османских вельмож жил в Египте. Вероятно, в награду за хорошую службу получил вольную[3]. В Стамбуле Бобовский учился в специальной дворцовой школе для *ич-огланов*, своего рода пажей[4]. В Турции Бобовский получил имя Али Уфки[5]. Владел 17 языками (помимо турецкого) — родным польским и другими славянскими, немецким, француз-

---

[1] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. Вып. первый. I—II. СПб., 1899. С. 114.

[2] Я. Рейхман считает, что Бобовский происходил из Нового Санча (Nowego Sącza), хотя обычно и считается львовянином. В любом случае, он был уроженцем т. н. Малой Польши. *Reychman J.* Życie Polskie w Stambule w XVIII wieku. Warszawa, 1959. S. 124.

[3] *Babinger Fr.* Bobowski Wojciech z Bobowej h. Jaxa // Polski Słownik Biograficzny. T. II (Beyzym Jan — Brownsford Marja). Krakow, 1936. S. 156.

[4] *Reychman J.* Op. cit. S. 124.

[5] *Koçu R. E.* Ali Ufkî Bey // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul, 1959. S. 719. По-итальянски он называл себя Alberto Bobovio, по-латыни — Albertus Bobovius. Известны и другие его имена — Bobrowski, Bozonius, Bobonius и даже Bohonius (см.: *Behar C.* Ali Ufkî ve Mezmurlar. İstanbul, 1990. S. 9). Одну из арабских рукописей (ныне в BNF, Arabe 4645) он подписал именем Али б. Абдаллах ал-Ифранджи. См.: Bibliotheque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des Manuscrits Persans. I. Ancien Fonds. Par Francis Richard. Paris, 1989. P. 214. (Там же о рукописях Бобовского в Париже.)

ским, итальянским, латынью, греческим, арабским, персидским и т. д.[6] В 1671 г. во времена султана Мехмеда IV получил важную должность первого драгомана Порты (*баштерджюман*, как это называлось по-турецки)[7]. А. В. Фишер, очевидно, ошибочно считал, что Войцех Бобовский стал Али Беем, пашой Кафы(!)[8]. А. Мухлиньский считал, что, когда после притеснения татар в Польше хан Адиль-Гирей убеждал Порту вступиться за татар, а поляки стали подозревать татар в измене, именно Бобовский «разуверил поляков, представляя, что эти внушения Порты делались в том намерении, чтобы возбудить татар против Польши, когда правительство будет признавать их виновными»[9]. Он был первым из поляков и одним из первых европейцев, которые посетили Мекку и Медину[10]. Умер наш герой около 1675 г., точная дата нам неизвестна[11]. Уфки хорошо известен исследователям османской теории музыки (поначалу он даже был хормейстером пажеского хора при дворе, однако потом удален от дел за чрезмерное пристрастие к крепким напиткам). Подобно многим другим европейцам при османском дворе[12], он много занимался музыкой и даже оставил специальный трактат (Mezmurlar) на эту тему[13].

---

[6] *Kut T.* Ali Ufki Bey // İslâm Ansiklopedisi. Cilt 2. İstanbul, 1989. S. 456—457; *Behar C.* Op. cit. P. 11. В Бодлеянской библиотеке хранится семи-язычный (!) рукописный словарь, составленный Али Уфки (происходит из библиотеки голландца Якоба Голиуса, 1596—1667). В словарь вошли следующие языки: латынь, разговорный греческий, османский, татарский (возможно, казанский диалект), армянский, молдавский и, что особенно для нас важно, украинский. Ж. Дени вообще считал Бобовского украинцем. См.: *Deny J.* Le Ms. Marsh 187 de la Bodléienne et Albert Bobowski (Ali bey) // Proceedings of the Twenty-Third International Congress of Orientalists. Cambridge 21st—28th August 1954 / Ed. by D. Sinor. L., 1954. P. 207—208.

[7] *Babinger Fr.* Op. cit. P. 156; *Kut T.* Op. cit. P. 457; *Guboglu M.* Paleografia şi Diplomatica Turco-Osmana. Studiu şi Album. Bucureşti, 1958. P. 108, *Reychman J.* Op. cit. S. 205. Подробнее см.: *Behar C.* Op. cit. P. 15—17. О Бобовском см. также: Mecmua-yı Saz u Söz (Tıpkıbasım) / Hazırlayan Ş. Elçin. İstanbul, 1976. S. III, 209. Встречается мнение, что в начале 70-х гг. он был не главным, а лишь вторым терджюманом (См. *Behar C.* Ali Ufkî'nin Bilinmeyen Bir Musiki Elyazması «Mezmurlar» // Tarih ve Toplum. Kasım 1987. Cilt 8. Sayı 47. S. 44 (300).

[8] *Fisher A. W.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // Canadian-American Slavic Studies. VI, 4 (winter 1972). P. 587.

[9] *Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Одесса, 1902. С. 33.

[10] *Reychman J.* Op. cit. S. 125.

[11] *Babinger Fr.* Op. cit. P. 156; *Kut T.* Op. cit. P. 457.

[12] Подобно, например, своему последователю Дмитрию Кантемиру (1673—1723 гг.), также оставившему интереснейшее сочинение по музыке Ta'rīf 'ilm al-mūsīqā 'alā vejh mahsūs. См.: *Popescu-Judetz E.* Dimitrie Cantemir, Cartea stiinteimuzicii. Buc., 1973; *Meiseles G.* Rumanian interest in Arabic studies // Israel Oriental Studies. III. Tel Aviv, 1973. P. 252.

[13] Подробнее о месте его труда в истории османской музыки см.: *Behar C.* Ali Ufkî ve Mezmurlar; Ali Ufkî'nin Bilinmeyen Bir Musiki Elyazması «Mezmurlar», а также *Popescu-Judetz E.* Türk Musıki Kültürünün Anlamları / Çev. B. Aksoy. 2 Bas. İst., 1998. См. также англ. издание 1996 г. (Meanings in Turkish Musical Culture).

Однако, Бобовский известен не только как музыкант, его перу принадлежит крайне интересное описание дворца Топкапы[14]. Он много переводил, особенно любопытны его переводы Священного писания на турецкий язык (в 1664 г. он перевел на турецкий Библию)[15]. Занимался он и переводами с латыни и греческого для своих занятий византийской историей[16].

Мне представляется, что Бобовский по национальности был армянином. Армяне издавна жили во Львове, и, как правило, владели, помимо родного (армянского или особого армяно-кипчакского), и польским языком. Среди львовских армян встречается и схожая фамилия. Так, львовский городской переводчик и переводчик большого польского посольства в Стамбул (1667 г., во главе его стоял И. Радзеёвский) армянин Николай Байдулович, уезжая в Турцию, оставил временным городским переводчиком тоже армянина Киркора Бабовича. На проихождение Бобовского косвенно указывает и армянская часть его словаря (вряд ли он учил этот язык специально, скорее, знал его как родной). Особенно интересно, что польский историк XIX в. Л. Губерт упоминал о некоем армянине (не известном нам по имени), который в Стамбуле помог Радзеёвскому выведать, о чем именно говорили послы Петра Дорошенко на приеме у Мехмеда IV 6 июля 1667 г.[17] Я. Дашкевич и Э. Слушкевич предположили, что этим армянином мог быть сам Н. Байдулович или же другой, связанный с ним армянин. Мне кажется, что этим последним и мог быть Бобовский (ведь, как мы увидим, он очень интересовался казацкими делами)[18].

Рукописи Али-Бея оказались во многих мировых собраниях манускриптов[19]. Большая часть рукописного наследия Бобовского хранится в парижской Нацио-

---

[14] [Ali Ufkî] Topkapi [Texte imprimé]: relation du sérail du grand seigneur / Albertus Bobovius (éd.); Présentée et annot. par Annie Berthier, Stéphane Yerasimos. Arles: Actes Sud, 1999. Турецкое издание — Aldertus Bobovius ya da Santuri Ali Ufki Bey'in Anıları Topkapı Sarayi'nda Yaşam. İstanbul, 2002. См. также *Miller B.* The Palace School of Muhammad the Conqueror. Cambridge, 1941 P. 47f, 114; *Fisher C. G., Fisher A. W.* Topkapı Sarayı in the Mid-Seventeenth Century: Bobovis's Description // Archiwum Ottomanicum. 10 (1985) [1987]. P. 5—81.

[15] В этом начинании его финансово поддерживал Левинус Варнер (Levinus Warner) — резидент Генеральных Штатов в Османской империи. См.: *Flemming B.* Zwei Türkische Bibelhandschriften in Leiden als Mittelosmanische Sprachdenkmaäler // WZKM. Bd. LXXVI. 1986. S. 111—118; *Dankoff R.* An Ottoman Mentality. The World of Evliya Çelebi. Leiden; Boston, 2004. P. 167—168.

[16] *Hagen G.* Ottoman Understandings of the World in the Seventeenth Century. Afterword // *Dankoff R.* An Ottoman Mentality. The World of Evliya Çelebi. Leiden; Boston, 2004. P. 251—252.

[17] *L. Hubert.* Zatargi z Turcją i poselstwo Hier. Radziejowskiego 1667 r. // *L. Hubert.* Pamiętniki historyczne. T. 2. Warszawa, 1861. S. 124.

[18] *Дашкевич Я. Р., Слушкевич Э.* Два армянских документа XVII в. из львовских коллекций // Rocznik Orientalistyczny. Tom XXXV. Zeszyt 1. Warszawa, 1972. S. 108.

[19] См., например, *Rieu Ch.* Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L., 1888. P. 1 (где автор называет нашего героя 'Alī Beg Bobrovski), а также de Goeje Leyden Catalogue. Vol. V. # 2405; *Deny J.* Op. cit.; *Jacobowsky C. W.* Var Albertus Bobovius — Ali Bec, den lärde «Polniske Turcken» Miniatyrmalare? // Svenska Orientallskapets Arsbok. Stockholm, 1937. S. 39—50. Rec. Dawna Sztuka I. 1938. S. 247—249; *Mrozowska A.*,

нальной библиотеке. В 1670-х гг. в Стамбуле жил французский ученый-востоковед Антуан Галлан (1646—1715 гг.)[20]. Бобовский стал его учителем в турецком языке[21]. Именно Галлан, вероятно, и привез часть архива Бобовского в Париж. Один из манускриптов Али Уфки (Ancien Fonds № 221)[22], хранящийся в Национальной библиотеке Франции, представляет для нас особый интерес. Состав сборника довольно пестрый: первое произведение (fol. 1 recto) — Инша (Письмовник) Мухаммада б. Мухаммада Окчизаде (انشاء وقجی زاده)[23], затем «Tabula masorethica Alcorani», далее «Nota de la Relatione de le Provincie unite del Paese Basso, descritta dal conte Galeazzo Gualdo Priorato, stampato in Colonia, apresso di Pietro de la Place (1668 г., fol. 180 verso) и сочинение Кемаль-паши شروط الصلوة (fol. 222 verso). Интересующие нас документы были описаны Э. Блоше как «d'autres en russe, des relations de la Porte Ottomane avec la Russie, la traduction en turc d'un *oukase* du tsar Alexis Mikhaïlowitch, commerçant par le protocole traditionell des souverains de Moscou». На самом деле документы, сохранившиеся в сборнике Бобовского, много интереснее и богаче, чем можно себе представить, пользуясь этим указанием.

Наск особого рода, которым написан документ, совершенно тождественный почерку Бобовского[24]. Нет особого сомнения, что документы сборника Али Уфки переписаны самим владельцем[25].

Majda T. Rysunki Kostiumów Tureckich z Kolekcji Króla Stanisława Augusta w Gabinecie Rycin Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie. T. I. Katalog. Warszawa, 1973. S. VI. О рукописях Бобовского — Али Бея Уфки в Национальной библиотеке Франции см. также: Vers L'Orient.... P., 1983. P. 67—69, № 152, 153, 168.

[20] *Abdelhalim M.* Correspondance d'Antoine Galland. Paris, 1964. P. 121—122. Дневник А. Галлана публиковался также и по-турецки: см.: Antoine Galland İstanbul'a ait Günlük Hâtıralar (1672—1673). Şerhlerle Yayınlayan Charles Schefer. Cilt I (1672). Ankara, 1949.

[21] Бобовский общался с большим количеством известных людей того времени: протестантами — Levin Warner, Isaac Bazire, Isaac Barrow, сэром Paul Rycault, Thomas Smith, др. John Covel (или Covill), католиками — уже упомянутым А. Галланом (Antoine Galland), Fraçois de Mesgnien Meninski, капуцином Robert de Dreux, польским иезуитом Rutka (украинцем по происхождению). См.: *Deny J.* Op. cit. P. 208. Среди его знакомых были и другие поляки, например, польский посол в Стамбуле Шумовский (*Reychman J.* Op. cit. S. 125).

[22] Сборник состоит из 327 листов размером 25,5 × 18 см. Переплет из красной кожи с гербом Луи XV второй половины XVII в., Bibliothèque Nationale. Catalogue des Manuscrits Turcs par E. Blochet. I. Ancien Fonds № 1—396. Supplément № 1—572. Paris, 1932. P. 91—93.

[23] *Woodhead Ch.* Ottoman İnşa and the Art of Letter-writing. Influences upon the Career of the Nişancı and Prose Stylist Okçuzade (d. 1630) // The Journal of Ottoman Studies. VII—VIII. P. 143—159.

[24] См. образцы в Mecmua-yı Saz u Söz. S. 326, 328.

[25] Косвенным подтверждением того, что сборник принадлежал Бобовскому-Уфки, является то, что он содержит ноты, ведь музыка была профессией львовянина. На л. 234 об. (оборот концовки трактата Кемаль-паши) имеются нотные записи рукой Бобовского.

2. Запорожское казачество, Османская империя, Московское государство и Польша

«Едва ли не половина страниц южно-русской истории наполнена такими или иными отношениями к народам турецкого племени... Наши предки, в течение тысячелетия... то воевали с народами турецкого племени, то дружили с ними: женились, перемешивались в колонизации, менялись национальностями... и т. п.»[26]

Исторические связи запорожских казаков с Крымским ханством (а также через его посредство с Османской империей) зародились едва ли не с момента возникновения крымского юрта, причем далеко не всегда эти взаимоотношения были враждебными. В XVII в. казацкая история особенно тесно соприкасалась с историей ханства[27], причем войны, противостояние и взаимные набеги и грабеж с уводом пленных все чаще уступали место союзам и совместным операциям против соседей, а уже в начале следующего столетия Пылып Орлык в своей «Конституции» называет Крымское ханство гарантом украинского государства. У него же можно найти слова о sympathico amoris nexu (притягательный узел любви), который будто бы связывает украинцев и крымцев[28].

---

[26] *Кузьмичевский П.* Турецкие анекдоты в украинской народной словесности // Киевская старина. Год пятый. Т. XIV. Февраль 1886. Киев.

[27] Вот как писал об этом А. В. Фишер: «The Cossacks in the seventeenth century present a very complicated story, one that historians have as yet not clearly analyzed. They were divided into several groups, each acting, like the Tatars, in their own interest. While some allied themselves with Poland or Muscovy against the Muslims, others sided with the Tatars and the Ottomans» (*Fisher A. W.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // Canadian-American Slavic Studies. VI, 4 (winter 1972). P. 592).

[28] См. *Галенко А.* Лук та рушниця в лицарській символіці українського козацтва: парадокси козацької ідеології і проблема східного впливу // Mediaevalia Ucrainica: Ментальністьта Історія Ідей. Т. V. Київ, 1998. С. 94. История связей казачества с Османской империей также противоречива и драматична. См., например, публикации документов запорожско-османской и запорожско-крымской переписки: *Dorošenko D., Rypka A. J.* Polsko, Ukrajina, Krym a Vysoká Porta v První Pol. XVII. Stol. Praha, 1936 (Zvláštní otisk z Časopisu Národního Musea 1936); *Borschak É.* La lettre des zaporogues au Sultan // Revue des études slaves. 1950. T. 26. Fasc. 1—4. P. 99—105; Из истории международных связей Турции и Украины в середине XVII века. Грамота турецкого султана Мухаммеда IV гетману Войска Запорожского и всея Украины Богдану Хмельницкому февраля 1651 года (перевод Н. Ф. Катанова) // Гасырлар Авазы-Эхо Веков. № 1/2. Казань, 1997. С. 236—238 (об этой рукописи см.: *Катанов Н. Ф.* Императорского Казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд. Казань, 1900. С. 214 (№ 25) и 236 (№ 126); а также недавнюю публикацию Ю. Мыцыка: *Мицик Ю. А.* Національно-визвольна війна українського народу середини XVII ст. у першоджерелах // Український Історичний Журнал. № 6 (423). Листопад-Грудень 1998. Київ. С. 107, 111, 113—114, 115—116. В этом отношении интересно сравнить подлинные письма казаков османскому падишаху с литературными памятниками на эту тему. См.: *Харлампович К.* Листування запорозьких козаків із султаном // Студії

По словам Б. Н. Флори, уже на протяжении второй половины 20-х годов XVIII в. «отношения между запорожским казачеством и Крымом приобрели сложный, неоднозначный характер, столкновения и конфликты стали перемежаться моментами сотрудничества, склонность к которому у казаков проявлялась особенно заметно в периоды открытых столкновений с властью, уже в это время часть казаков стала рассматривать Крым как убежище, где можно укрыться в случае поражения казацкого восстания». В 40-е гг. совместные действия татар и запорожцев все более направлены в сторону московского пограничья[29].

Один из первых текстов казацко-татарской переписки — письмо гетмана Дм. Гуни к калге Ислам-Гирею (февраль 1638 г.) с просьбой о помощи — попал в руки поляков, благодаря чему и дошел до нас[30].

Еще в конце XVI в. казаки рассматриваются в Европе как сила, которую вполне можно использовать в борьбе с Османской империей. Так, в конце XVI в. имели место попытки привлечения казаков к антиосманской коалиции римским папой Климентом VIII[31]. Да и в Московском государстве в Сечи видели естественный буфер между миром христианства и миром ислама. Казаков хотели видеть защитниками Pax Christiana от того мира, который мусульмане называли «Дар-аль-ислам». Этот взгляд ярко отразился в сочинении московского автора Игнатия Римского-Корсакова (в 1673 г. он выполнял задание московского правительства: призывал запорожских казаков к борьбе с османско-крымскими полчищами) «Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству... противу нечестивым турком и татаром». Как престол Соломона был огражден золотыми львами, — пишет Римский, — так и на краю Русской земли стоят львы непозлащенные, но всякого злата дражайшие, — вы, мужественные запорожцы! «Вы персьми вашими аки необоримою стеною Российскую землю ограждаете и от навет нечестивых бисормян защищаете». Запорожцы борются с врагом, освобождают православных от плена. Вы мир «братии и сродникам вашим сотворяете, радость, веселие и безбедство приносите!». Вы «мир и тишину желанную породе российской оружием вашим крепце содеваете!». В этом панегирике хорошо видно желание Москвы. Недаром Алексей Михайлович посылал в запорож-

---

з Криму. I—IX. Київ, 1930 (Відбитки з «Записок Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук», № 89). С. 18—29. Прекрасные работы по османо-казацким связям написаны канадским исследователем В. Остапчуком (не приводим их здесь в силу недостатка места).

[29] *Флоря Б. Н.* Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Ucrainica et Belorossica. Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 53, 57.

[30] Мемуары, относящиеся к истории Южной России. Вып. 2. Киев, 1896. С. 244—245. (*Флоря Б. Н.* Запорожское казачество... С. 54).

[31] *Барвінський Е.* Причинки до історії зносин цїсаря Рудольфа II. і папи Климентия VIII з козаками в р. 1593 і 1594. Львів, 1896; *Плохий С. Н.* Политика Ватикана в Северном Причерноморье и украинское казачество в конце XVI в. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Межвуз. сб. науч. трудов. Ростов-на-Дону, 1986. С. 117—126.

ские полки образ Св. митрополита Алексия, «вашего [т. е. украинского. — *И. З.*] единостранника, черниговского родимца»[32]. Священная борьба против «бусурман» — лейтмотив этого произведения.

Однако далеко не всегда такие представления соответствовали действительности.

Османская историография, посвященная казакам, не велика. В 1722 г. в Москву посольством ездил *капыджибаши*[33] Мехмет-ага Нишли. Он составил по материалам своей поездки так называемое *сефарет-наме* (в данном случае своего рода османский аналог русского статейного списка)[34]. Сочинение это сохранилось в двух рукописных списках[35]. Один из манускриптов этого труда (университетский) входит в сборник, датируемый по одному из частей временем после 1188 г. х. (1774 г.). В этом сборнике среди других *сефарет-наме* и сочинений, посвященных отношениям Османской империи с Россией, Германией и другими европейскими странами, находится несколько трудов по казацкому вопросу (в той или иной мере его раскрывающих): **Memalik-i Moskova dair Kazak beyzadesinin takriri** (л. 62—77); сочинение (на л. 166—187) под названием **Tatar Hanları ve Çerkes ve Nogay ve Dağıstan ve Moskov ve Kazak ahvali**[36].

Особенно интересна османская точка зрения на развитие османо-казацких отношений. В письме великого везира Ахмета Кёпрёлю коронному подканцлеру А. Ольшовскому, написанному из Эдирнэ (3 октября 1671 г.)[37] были такие строки, ярко характеризующие официальную позицию Стамбула: «Козацкий народ с давних пор соединялся и обращался к панам крымским, через которых издавно оказал двери убежища цесарю целого света повиновение и долг. Что же касается упомянутого Дорошенка, то щедростью цесарской он одарен санджаком и кафтаном и по

---

[32] *Чистякова Е. В., Богданов А. П.* «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 94—95. Совершенно тождественно «Слову к православному и христоименитому запорожскому воинству... собранному противу нечестивым турком и татаром» (*Полоцкий С.* Вечеря душевная. М., 1683. Прил. л. 94; см.: *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая пол. XVII в. М., 1982. С. 206—207).

[33] Привратники (*капыджи*) — особое придворное подразделение, существовавшее в Крымском ханстве по аналогии с Османской империей, обеспечивавшее охрану ханского дворца, курьерские функции, обязанности охраны иностранных послов.

[34] См.: [*Faik Reşit Unat*] Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefaretnamesi // Tarih Vesikaları. Ankara, 1942—43. Cilt II. Sayı 10 (İlkkânun 1942). S. 284—299; Sayı 11 (Şubat 1943). S. 352—371; Sayı 12 (Nisan 1943). S. 462—471.

[35] Первый в т. н. библиотеке *Реван Одасы* в Музее Дворца Топкапы (№ 1313), а второй в Библиотеке Стамбульского университета (№ 270).

[36] Последнее сочинение может являться списком труда Кефеви, поскольку по содержанию, по всей видимости, посвящено тем же проблемам.

[37] Аналогичное по содержанию письмо (с той же датой) было послано Мехмедом IV королю Михаилу. См.: *Przeździecki* Podole, Wołyń, Ukraina. I. Wilno, 1841. S. 201—203.

приказанию цесарскому поставлен в тех краях гетманом, а сам он стал наивысшим из слуг»[38].

Одним из первых к теме взаимоотношений запорожцев с татарами и турками обратился Д. И. Эварницкий[39]. Однако порой историк недостаточно добросовестно относился к источникам, подгоняя факты по своему желанию[40]. Показательна в этом отношении разгромная рецензия А. М. Лазаревского на его труд «История запорожский казаков»[41].

Значительный подъем в изучении связей Украины и Османской империи наблюдался в 20-х гг. прошлого века в украинской историографии. Так, В. Дубровский упомянул о плане объединения всей Украины под протекторатом Турции (1665—1668 гг.). Историк обратил внимание на особую важность османских источников для данной темы при отсутствии украинских архивных документов, ненадежности польских и неполноты московских источников[42].

Нельзя сказать, чтобы тема украинско-османских дипломатических связей не вызывала интереса историков и потом[43]. Защищались диссертации (например, Джорджа Марча)[44].

Особенное внимание историков привлекали Черноморские походы запорожцев в конце XVI — первой трети XVII вв.[45] (см. работы А. Остапчука).

---

[38] *Woliński J.* Materiały do Dziejów Wojny Polsko-Tureckiej 1672—1676 // Studia i Meteriały do Historii Wojskowości. T. X. Cz. I. Warszawa, 1964. S. 230.

[39] См., например, *Ивонин Ю. Е.* Д. И. Яворницкий (Эварницкий) об отношениях запорожских казаков с татарами // Славяне и их соседи: Сб. тезисов 17 конф. памяти В. Д. Королюка. Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое Время. М., 1998. С. 54—56.

[40] Так например, было при описании им казацкого набега на Стамбул 9 июля 1623 г. В. М. Истрин подверг Д. И. Эварницкого очень жесткой критике, обвинив его в подгонке данных, невнимательном чтении Й. фон Хаммера. См.: *Истрин В. М.* Греческая запись о набеге казаков на Константинополь в начале XVII века // ЖМНП. 1898. Ч. 318. (июль) С. 42—48 (о набеге). С. 45—47.

[41] Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. 1896. Кн. 10. Отд. 4.

[42] *Дубровський В.* Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVIII ст. // Східній Світ. 1928. № 5. С. 174.

[43] В 1954 г., например, на 23-м Международном конгрессе востоковедов Акдес Нимет Курат прочитал доклад о роли казаков и Украины в османской истории, однако даже тезисы его не были опубликованы. См. *Kurat A. N.* Cossacks and the Ukraine in Ottoman Turkish History // Proceedings of the Twenty-Third International Congress of Orientalists. Cambridge, 21st—28th August 1954 / Ed. by D. Sinor. L., 1954. P. 203.

[44] *March G.* The Cossacks of Zaporozhe. Unpublished Ph. D. Dissertation. Georgetown University, 1965.

[45] См. анализ греческой записи рукою иеромонаха маленького монастыря на островке у западного побережья Черного моря Митрофана о казацких грабежах Месемврии в 1606, 1612, 1616 гг. (автор записи о казаках отзывался недружелюбно). См.: *Гранстрем Е. Э.* Заметка современника о набегах казаков на турецкие владения в начале XVII века // Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972. С. 37—40. Из недавних работ см.: *Мыцык Ю. А.* Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и

В последнее время появляются интересные работы, посвященные, в частности, истории некрасовцев[46].

3. Документы

I. [Л. 182 об.] Письмо П. Дорошенко[47] из Чигирина 10 канун-и эввель 1669 г. (18 шевваля 1080 г. х.)[48] османскому падишаху Мехмеду IV на турецком[49].

Крымского ханства в конце XVI — первой половине XVII в. (на материалах архивохранилищ IIHP) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Межвуз. сб. науч. трудов. Ростов-на-Дону, 1986. С. 126—137.

[46] *Yılmaz M.* Osmanlı Devleti'ne Sığınan Rus Kazaklarının Türkiye'deki 250 Yılı // XIII. Türk Tarih Kongresi. Bildiri Özetleri. Ankara, 1999. S. 190. Этот доклад М. Йылмаза был сделан на основе около 120 архивных документов.

[47] Родился Петро Дорошенко в 1627 г. в Чигирине. 11 октября 1665 г. был выбран наказным гетманом, а 16 января 1666 (т. е. через три месяца) получил гетманскую булаву. Был гетманом 10 лет до 1676 г. Переговоры с турками Дорошенко начал еще в 1667 г. В 1668 г. им было отправлено посольство наказного гетмана Михаила Портянки и генерального писаря Луки Бушкевича. Два турецких посольства (марта и августа 1669 г.) вручили гетману привилей, булаву, бунчук, прапор и др. знаки отличия. В Стамбул выслано посольство, составленное из представителей всех полков. Михаил Портянка стал первым постоянным представителем казаков в Стамбуле. См.: *Крипякевич И.* Гетьман Петро Дорошенко. Львів, 1925.

[48] Шевваль 1080 г. х. начался 22 февраля 1670 г., таким образом, дата документа — 11 марта 1670 г.

[49] О посылке послов Дорошенко к султану в 1669 г. и присылке санджаков в летописи Григория Грабянки сказано так: «Дорошенко, видя себе з Малороссийского Гетманства хитростию Многогрешного (егоже он на своем месцу Наказным Гетманом был устроил) отдаленна и презренна, лестию и обманою своею всю Старшину Заднепра Украинского подманувши, послал Портянку и прочиих при нем Козаков к Цару Турскому, просячи Его о санжаки. Цар Турецкий, Портянку удержавши, послал к Дорошенку Чауса, з ним же Дорошенко, мимоведомо своей старшини, пехоти тисящей шесть и компанеи комонника немало умовивши и изъеднавши, виправил за Чаусом, Судиею Белогруда. И аще Турчин не принимаше Дорошенка скоро, ведая его непостоянство, обаче прислал при Белогруде и своем Чаусе санжаки, повелевая Дорошенку сказати, что аще би мели ему тако зменити, яко Королеви Полскому и Венгерскому, то не может его зло минути» (Действия презельной и от начала поляков крававшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки, з найяснейших Королей Полских Владислава, потом и Каземира, в року 1648, отправоватися начатой и за лет десять по смерти Хмельницкого неоконченной, з розних летописцов и из диариуша, на той войне писанного, в граде Гадячу, трудом Григория Грабянки, собранная и самобитних старожилов сведительства утвержденная. Року 1710. Киев, 1854 (далее — Летопись Грабянки). С. 201. Там же (С. 203) — о посольстве Дорошенко в Стамбул после пленения Ю. Хмельницкого. Казацкие послы — Отуха из Умани и О. Ясенко — были приняты Мехмедом IV еще 6 июля 1667 г. Это посольство не упоминается в: *Dorošenko D., Rypka A. J.* Hejtman Petr Dorošenko a jeho turecká politika // Časopis Národního Musea № 107. Praha, 1933. 1—55. Хаммер т. 6. 198; *Jerliczka J.* Latopisiec albo kroniczka. T. 1. W-wa, 1853. S. 116; Droga

Подпись в пять строк:

شوکتلو و عظمتلو بادشاه علم بناه
حقیر بند سی
بترو دروشیقو قزاقلرک
حطمانی حالا

II. [Л. 182] Османский перевод письма Петру Дорошенко представителей польского короля и литовского великого князя Яна Гнинского[50], Николая Чехановича, Циприана Павло Берестовского[51], Марциана Огиньского[52], Александра Казимира Запольского, Станислава Ковалевского, а также и представителей московского царя Алексея Михайловича Афанасия Лаврентьевича [Ордина-Нащокина] и Ивана Савинова о прощении (31 тешрин-эввель 1669 г. — октябрь). Те же лица в польском написании упомянуты на Л. 181 об. [Pełnomocni Posłowie ÿ Comissarze Jan Gninski woiewoda Chełmiski Kowalewski // Grodecki Radzinski Starosta Mikolaÿ Zciechanowca Ciochanowieckÿ woiewoda ÿ Staro//sta Mscisławski Cÿprian Pawel Brzostowski Referendarz ÿ Pisar g W. X. Litew: //skiego Oszmianski Miadzichkÿ Starosta Marcÿan Zkozichk [почти полностью стерто] Oginski Kraÿczÿ // W.X. L. Rohacçewski Mscibowski Starosta Ałexander Kazimierz Zapolski Pod://komarзÿ woiewodçzch [2—3 буквы полностью выцвели] Sieradçkiego Stanislaw Kazimierç Kowalowski Lowcβÿ // woiewodçctwa Kiiowskiego

Wielci Pełnomocnÿ Posłowie Moskiewskÿ etc.]:

Заголовок: **لیه قرالک و موسقو جارک وکلاسندن [حطمان][53] بترو دروشیقو**
لیه جهرین [نام][54] قلعسنه کوندریلن [ ] عفو نامه‌لرک ترجمه سی بودر

III. [Л. 172 об.] Письмо кази аскера[55] и везира крымского хана П. Дорошенко от 30 августа 1669 г. на турецком. Чернила коричневые, выцветшие (как и на Л. 172).

---

pana posla Radzicjowskiego do Porty Othomańskiej // *Barącz S.* Pamiętnik dziejów polskich z aktów urzędowych lwowskich i z rękopismów. Lwów, 1855. S. 80.

[50] О Гнинском (Ян Трах Гнински), воеводе хелминском, «великом» после в 1672 г. см.: *Kryczyński S.* Bej barski. Szkic z dziejów Tatarów polskich w XVII w. // Rocznik Tatarski. T. II. Zamość, 1935. *Bartoszewicz J.* Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami. Warszawa, 1860. S. 129—147 (Послы польские в Турцию). С. 142 (№ 79).

[51] Литовский референдарь.

[52] Троцкий воевода.

[53] Над строкой.

[54] Зачеркнуто.

[55] Крымским казиаскером тогда, как будто бы, был Муртаза Али-эфенди. По крайней мере, незадолго до 1669 г. его неоднократно упоминает в своей книге Эвлия Челеби (см.: Книга Путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.) / Пер. и коммент. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 40, 44, 119). В конце июля 1672 г. в польских документах в качестве ханского везира упоминается Супхан Кази-ага (Suphan Kazy Aga) см.: *Woliński J.* Materiały do Dziejów Wojny Polsko-Tureckiej 1672—1676 // Studia i Meteriały do Historii Wojskowości. T. X. Cz. 1. Warszawa, 1964. S. 250.

Мелкий *насх*, многочисленные помарки. Бумага без филиграней. 9 строк. Заголовок этого письма на Л. 172.

Подпись в 3 строки с левого края: محب خيرخواه و دوستكز

تاتار خان حضرتلرنيک قضی
العسكر و وزيري

IV. [Л. 172 об.] Перевод с польского договора крымских беков, аг, мирз и проч. с казаками 26 августа 1669 г.

Заголовок: قريم[56] تاتارلرک و زابرده عسكر نيک [] تحالف و تعا[]هدي
[اله دلنجه يازلمغی][57] صور تنک ترجمه سی بودر

Подпись: محب و مخلص دوستلريكز
[؟جليل] جلتا بكلر اغالر و ميرزه‌لر
خصوصاً

Подписи в 2 строки арабицей: Ширин бек Кия-бек, Муртаза-бек, Барын Батырча-мирза, Карач-бек, Байр-Али-мирза, Сейид Ахмед-бек, Мухаммедча-мирза седжиут, Шейх-Али-бек ва саир джомле агалар.

V. [Л. 171][58] Лист вшит, бумага плотная, толстая, глянцевая идентична бумаге Л. 172. Черновик перевода на турецкий письма П. Дорошенко великому везиру Мустафе-паше. 33 строки. Чернила черные, почерк — очень мелкий насх, огромное количество исправлений и помарок.

Конец: جهرينده كانون آولک ۲۳ [59] كونده سنه عيسی عم ۱۶۶۹ بنده‌ء مخلص بترو

VI. [Л. 171 об.] Письмо П. Дорошенко к султану 10 канун-эль-эввеля 1669 (10 декабря) на турецком. На Л. 172 слева в три строки:

سعادتلو سلطانم حضرتلرنيک
حالص و مخلص قولي و دوستی
بترو دروشيقو[60]

На 17 строке дата: جهرينده ماه كانون اوّلک اوننجی كونده سنه ۱۶۶۹

VIII. Письмо крымского хана Адиль-Гирея Михаилу Ханенко[61] от 26 августа 1669 г., Бахчисарай. Чуть выцветшие коричневые чернила, бумага глянцевая, плотная. Почерк тот же (мелкий насх). Начало:

---

[56] Написано без **йа**.

[57] Вставка над строкой.

[58] В левом углу этот лист ошибочно помечен 172-м, однако потом исправлено.

[59] 23 декабря 1669 г.

[60] Каф в оригинале без точек.

[61] Михаил Ханенко был выбран на место Петра Суховся (запорожского писаря в прошлом, поставленного Адиль-Гиреем) в июле 1668 г. См.: *Крипякевич И.* Гетьман Петро Дорошенко. Львів, 1925. С. 8. Михаил Ханенко был выбран на место Петра Суховся (запорожского писаря в прошлом, поставленного Адиль-Гиреем) в июле 1668 г.

[1] بن كه قريم و نوغاي و چركس و آق كرمان و طات[62] و [Л. 172]
تامان و ساير عظيم اوردولرك حكم ضمير روشن علي الشان و عَلى القدرِ // [2]
سلطان عادل كراى خان يم سكا كه زابرده عسكرينك حتمانى ميحال حَانكڤو
دوستم سن [1 сл.з.][63]

تحيتيه[64] و سلامت يحيلريكزي بو
بونك اوزرينه // [3] [تمام اوملنه][66] يو للمغه ممكن اولدى حالا [2 сл.з.] و همل قريم[65]
عسكرى [بربرمزك][68] تحالف و تعاهد ايلدك [كه][67] و نتجه كه
باغلدق كه سز كله ابدا
//[4] دوستلق و محبت ايدجك يز و حالا نمونه ايچون سزه [بكلرمزدن][69] باترجه
ميرزه و قپو قوللريمزدن تايمان اغاي ايكسيزده عسكر ايله اوقراينه‌يه[70] دستيمزه

---

[62] О термине «тат» в крымских текстах см.: *Ivanics M.* Formal and Linguistic Peculiarities of the 17th century Crimean Tatar Letters Adressed to Princes of Transylvania // AO. Tomus XXIX (2). Budapest, 1975. P. 217—218. «Татская страна» (Тат-эли) упоминается и в османских документах. Так, в фирмане Мехмеда IV крымскому митрополиту Давиду (26 зульк'ада 1062 г.х. / 29 октября 1652 г.) (копия сохранилась в кадиаскерской книге Муртазы б. Музаффара за 1061—163 г. х.) он назван «состоящий митрополитом по моему Высочайшему берату над неверными Тат-эли и принадлежащих к нему местностей духовное лицо Давид». Там же упомянут и кади Тат-эли. Публикатор перевода текста Мурат Бей Биярсланов полагал, что Тат-эли — страна, «где живут неверные и мусульмане; по всей вероятности — кефийский и мангупский округи, где, как известно, жили христиане» (см.: Фирман Мухаммеда IV митрополиту (Крымскому) Давиду, последовавший в 1062 году от хиджры (в 1652 году Хр. лет.) // ИТУАК. № 7 (год третий). Симферополь, 1889. С. 81. О термине *мат* в крымских документах XVII в. как именовании жителей Южного берега Крыма — подданных османского султана см. Также: *Zihni A.* Z dziejów korespondencji dyplomatycznej między Krymem a Polską w XVII w. // Rocznik Tatarski. T. II. Zamość, 1935. S. 402.

[63] Ср. с русскими переводами писем Адиль-Гирея Переяславскому и Прилуцкому полковникам (апрель 1669 г.): «От меня наяснейшаго, наисилнейшаго и наиславнейшаго, волного великих орд хана Крымского, Адиль Гирея Нагайского, Черкесского и Бебогородского (sic!) и иных орд, татов и таманов, к тебе...», «От меня наяснейшаго, насилнейшаго и наиславнейшаго волных орд Адиль Гирея, хана Крымского, Нагайского, Черкесского и Белогородского и иных орд татов и таманов, до тебя...» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. VIII. 1668—1669. 1648—1657. СПб., 1875. № 52/7, 52/8).

[64] От ар. **تحيت** — привет, приветствие, поклон, благословение.

[65] Над *кафом* нет точек.

[66] Над строкой.

[67] Зачеркнуто.

[68] Вставка над строкой над знаком вставки (галочкой).

[69] Написано чрезвычайно мелко над строкой.

[70] Возможно именно такое прочтение (*Украйне*), при том, что османская форма названия Украина конца XVII в. — **اوقرانيه** (*Украние*) (см., напр., турецкую рукопись (Стамбул, 1739 г.) об осаде Чигирина (BNF Supplément Persan 927, f. 2v, где имя Дорошенко встречается в форме **دراشنقو**), а современная арабская форма **اوكرانيا**. См.: *Галенко О.*,

برهم سوكندمزه // [5] قرشو كوندردك لكن سزدن مرادم بودر كه بزه [امداد][71] لازم اولدقى زمان
بلا اعتذار دشمنمزه قرشو [1 б.з.] بزمله چقمك [2 б.з.] و// [6]
بناء نه آل عثمانمنه دروشيقويه[73] اتبّاع ايدمك باقى كلاي [مزبور][72] عسكريم ايله
پلەكدن ايلچيكز [1 сл.з.] على التفصيل // [7] تقرير ايليه سزه [قاد][74]

Конец: الله اصمر لدم باقجه[75] سراينده اغوستوس اينك ۲۶ كونده سنه
عيسى وم ۱۶۶۹

Слева чуть ниже две строки — подпись хана:

خير خواهكز
عادل كراى قريم خانى

«Ваш доброжелатель — Крымский хан Адиль-Гирей»

Еще чуть ниже с правой стороны листа:

تاتار خان حضرتلرندن ميحال خانكقو نام زابرده[78] حتماننه[77] [له دلنجه][76] يازدغى
مكتويك ترجمه سى در

«Перевод письма от его превосходительства татарского хана запорожскому гетману Михаилу Ханенко, написанного на польском».

Ниже еще одна строка:

تاتار خان حضرتلرنك [وزير — зачеркн.] قضى العسكر [و][79] وزيريندن
ميحال حانكقو نام زابرده حتمانه [له دلنجه يازدى][80] [كوند — зачеркн.]
مكتويك ترجمه سى

«Перевод письма от его превосходительства татарского хана, кази-аль-аскера и везира запорожскому гетману Михаилу Ханенко, написанного на польском».

Упомянутый посол хана на Украину — несомненно, тот самый *барын* Батырча-мирза, который подписал и договор беков и мирз Крыма с казаками.

IX. Письмо царя Алексея Михайловича османскому падишаху Мехмеду IV, 6 июля 1669 г. Слова в фигурных скобках — подписи мелким латинским курсивом или мелким турецким насхом под предшествующим словом (иногда рядом с ним, на полях). Буквы в квадратных скобках — вставленные под титлами или внесенные нами по смыслу. В оригинале титулы в начале письма размещены в две

Остапчук В., Хамрай О. Символіка Інституту сходознавства // Східний Світ. № 2 — 1995, 1 — 1996. [№ 6—7]. Київ. С. 174.

[71] Вставлено.

[72] Вставлено над строкой.

[73] Именно так — имя Дорошенко написано без *нуна*.

[74] Написано над строкой.

[75] Написано без нужных диакритических точек.

[76] Вставка над строкой.

[77] Sic ! — лишний *нун*.

[78] Написано не через *зейн*, а через *же*.

[79] Вставка над строкой.

[80] Вставка над строкой.

колонки. Филигрань на листе 169 *трилистник с двумя буквами «В» по сторонам* зафиксирована на документе 1671 г.[81]

[Л. 169]

Того вседержителя Б[о]га м[и]л[ос]тию мы веліки Гдрь ц[а]рь і велікӱ кнзь Алеχѣ {Alexio} Михайлович всеа велікїя и Малыя і Бѣлыя Роси [sic!] Самодержец і многих Гдртвъ і земел[ь] восточных и западных и сѣверных {شمالی} отчич і дѣдич і наслѣдник і гдры [1 буква зачеркнута] облаадател	Гамаюно подажателю [sic!] Магметь салтану гдрю констянтинополскому, анаталѣйскому, беломорскому, черноморскому и румскому, римскому, караманъскому і иных великому гдрю брату і доброму пріятелю ншему братствнное любителное поздравление

Н[ы]нешнего *роз* {١٧٧} году в генварѣ[82] мце нши великого гдря нашего царского величтва послы столникъ Афонасей Ивановічь Нестеров да діакъ Иван Вахромѣевъ возвратились о[т] вас великого гдря брата нщего ваше[го] салтанова величества с любителною грамотою {s liobitelnoi محبت نامه} и како ихъ пословъ пріем в посолствѣ так ї отпускъ по любви братственной междо нами великіми гдри впредь на умнеженіе [sic!] сосѣдственные дружбы учиненъ намъ великому гдрю црскому величеству от послов ншіхъ извѣстно сть [есть][83].

А что тѣ нши послы будучи с вашими брата нашего салтанова величества з ближнимі думными людми о великихъ гдрственных делах к постоянной сосѣдственной дружбѣ говорили и бывшего {ӱ bywβeho سابقا} хана крымского Магметь Гирѣя[84]

---

[81] См.: *Николаев Вс.* Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ. Т. I. Водяные знаки Оттоманской империи. София, 1954. С. 98, № 242.

[82] В рукописи — іенварѣ. РОЗ — в буквенном обозначении [7]177, т. е. 1669 год. Бобовский дублирует русскую цифирь арабскими цифрами.

[83] 12 июля 1667 г. из Москвы выехало новое (после посольства В. Тяпкина) посольство в Османскую империю. Возглавлял его стольник Афанасий Нестеров и дьяк Иван Вахромеев. Целью посольства было уведомить султана о заключении Андрусовского перемирия с Польшей. Вернулись Нестеров с Вахромеевым 17 февраля 1669 г. (подробнее см.: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. М., 1946 (УЗ МГУ. Вып. 94). С. 115, 118.

[84] Мехмед-Гирей IV (тахаллус, т. е. литературный псевдоним, его — *Кямили*) правил дважды: в 1642—1644 гг. и 1654—1665 гг. Родословная его такова: Мехмед-Гирей б. Селямет-Гирей б. Девлет-Гирей б. Мубарек-Гирей б. Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей. См.: *Ortekin H.* Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938. S. 11—12. Известен как неплохой поэт, автор оригинальных *шяхи*, приверженец суфизма.

{Hiriea i.e. Ghirai} нарушеніе шерти в правду обявляли [sic!], что он многою войною в украинные городы приходил и плѣнъ многой через немалое время учинилъ.

И ншего црского величества боярина Василыя Борисовічя Шереметева и иных ратных {ratnih zacnÿh} людей, нарушив обѣщаніе, в Крымъ взнял [sic!] {wział} и до сего времени держатъ в жестокой неволе в Крыме.

[Л. 169 об.]. И ншего црского вели:[85] послом в отвѣтах вашего салтанова вели: ближне {مقرن bliznie (слово معرب зачеркнуто)}[86] думные люди говори[ли]: естли, де, впредъ поисканіе к сосѣственной [sic!] дружбе покажетца и вше брата нашего салтанова вели: намѣреніе к непорушимой сосѣдственной дружбѣ на знакъ содержанія оуволненіи ис Крыму боярина нешего Василыя Борисовича Шереметева и с ыным московскимъ полоном об отпуске исполнено будет.

Да тѣм же ншимъ црского вели: послом ваши брата ншего великого гдря салтанова вели: ближнїе люди в ответѣх говорїли, что ваше салтаново вели: хотя быть с нами великим гдремъ в братцкой крѣпкой дружбѣ и любви указ свои {swoih}[87] Крымскому Адил Гирѣю хану послали под заповедью, чтоб онъ впредь на нши црского велі: украинные городы самъ войною не ходилъ і царевічей и мурзъ и татаръ не посылалъ, а буде онъ крымской ханъ с сего договору на наши великого гдря украины самъ поидетъ или кого пошлетъ, а мы велкій гдрь учнем о том к вше салтанову велич: писать, і ваше салтаново вели: ему Адил Гирѣю хану велите заказ учин[и]ть, чтоб между намі обоими великіми гдри братцкой дружбѣ от ево хановых ссоръ нелюбя {skorinelovja}[88] не учинилося и по отпускѣ к наму [sic !] великому гдрю к нашему црскому величеству от вас брата ншего великого гдря салтанова вели: тѣхъ наших царского[89] вели: вышеиманованных послов крымской новой Адил Гирѣй ханъ, прислушев [sic!] {disobedito} ваше брата ншего повелѣнье, присылал в нши црского вели: малоросийские городы брата своего калгу {hałga}[90]

---

[85] Бобовский двосточием последовательно передает сокращения слов. Далее эти случаи в примечаниях специально не оговариваются.

[86] Здесь переводчик, вероятно, описался: нужно **مقرب** (приближенный, близкий) или **مقرون** (присоединенный, близкий, сопровождаемый).

[87] Понял **свой** как **своих**.

[88] [?]

[89] На самом деле в тексте **цвсного**. Бобовский и далее часто передавал русское **р** на письме более привычным ему **в**.

[90] Этот институт достаточно хорошо известен на крымском материале. Османский дидактик второй половины XVII в. Хюсейн Хезарфенн в своем трактате «Изложение сути законов османской династии» дал весьма точное определение поста калги в современном ему Крымском ханстве: «Брат, который младше самого хана, является калгой. Он наследник престола. Тот, который младше калги-султана, — нуреддин. Каждый из них имеет свою резиденцию. Калга-султан пребывает в касаба, называемой Акмесджит… Нуреддин-султан обитает вблизи от деревни, называемой Качи…. У каждого из них имеется свой везир, дефтердар, кадий. Их [ханов] распоряжения по значимости не отличаются друг от друга. Однако право хутбы и чеканки монет имеет только его величество хан. Если калга и нуреддин становятся сераскерами (командирами войск), то они из военных

царевича со многими крымскими людми і ншимъ црского вели: украинным городомъ і людем многое разоренье учинили и полон поимали {iasir aldiler; polonom poimali}[91].

Однакожъ мы великій гдрь нше црское вели: по доношенью нших црского вели: пословъ о желанье к намъ великому гдрю вашей салтанова вели: братацкой [sic!] дружбы и любви и упреждаючи с ншей црского вели: любителною грамотою и с тѣми янычары посланъ ншъ црского вели: посланной жилецъ Афонасей Поросуковъ[92]. И вамъ бы брату ншему великому гдрю вашему салтанову вели: то от нас великого гдря царского вели: показанное добродѣяніе приняв в любов, с своей стороны братцкою дружбою такое ж сходителство учинить послати в Крымъ к Адил Гирѣю хану свое гдское повелѣние, чтобъ онъ крымской Адил Гирѣй ханъ отпустил ис Крыму к нашему црскому вели: боярина ншего Василья Борисовіча Шереметева[93] да кнзя Андрѣя Ромодановского и иныхъ нешего царского вели: ратных людей {ratnÿch woiennÿch} без окупу и на нши црско: вели: украинные также и в черкаские по сю сторону Днепра городы сам жъ войною не ходилъ и крымских царевичей и мурзъ и татаръ не посылалъ [Л. 170] и разорениа никакова чинити не велѣлъ.

трофеев получают одну десятую... Каждый из них самостоятелен в проведении своей политики, и на своих приказах, которые называются “ярлыки”, они ставят свою тугру и миндалевидную печать. Во время трапезы, так же как другие правители, вкушают еду в одиночестве. Если только появится какос-либо значитсльное лицо из султанской семьи или прибудет муфтий Кафы, то тогда сидят вместе...» (Орешкова 1990: 266; *Hezârfen Hüseyin Efendi* Telhîsü'l-beyân fî kavânîn-i Âl-i Osmân / Haz. S. İlgürel. Ankara, 1998. S. 170; см. также: Matuz 1970: 102; Зайончковский 1969: 20). Османский путешественник и писатель Эвлия Челеби, лично побывавший в Крыму, также описывает схожую картину (1666 г.): калга-султан назывался sağ vezîri, т. е. «правым» везиром (везиром правой руки) и управлял восточной частью Крыма, а нуреддин-султан являлся везиром «левой руки» и осуществлял власть над левой (западной частью) полуострова. В походе калга и нурсддин с беями также занимали соответственно правую и левую позиции относительно центра войска (Книга 1999: 44, 45, 16—17).

[91] В данном случае к польскому переводу выражения Бобовский добавил турецкий аналог в латинской транскрипции.

[92] Гонец Афанасий Поросуков, согласно сведениям Н. А. Смирнова, был отправлен в Османскую империю в апреле 1669 г., а вернулся 11 июня 1670 г. (см.: *Смирнов Н. А.* Указ. соч. С. 119). Выходные данные нашего текста позволяют несколько изменить первую дату. Комментируемое письмо — без сомнения, та грамота, которая была отправлена вместе с ним. Частично ее содержание, а также ответ султана пересказывает в своем труде Н. А. Смирнов (Там же). Афанасий Поросуков упоминается и в письме шейх-ульислама московскому патриарху 1090 г. х. (1679 г.) из сборника Феридун-бея. См.: *Смирнов В. Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903. С. 201.

[93] В тексте после этой фамилии — абзац, следующее слово начинается с большой буквы, хотя по смыслу это одно предложение.

А мы великиі гдрь наше црское величество, видав васъ брата нашего великого гдря вашего салтанова вели: к дружбе подвижность, учнемъ воздавать нашею гдрьскою братцкою[94] дружбою и любовью и полонъ {ÿ poloni ايسر}[95] бусурманские вѣры какъ турского, такъ и крымского взятья, ныне пребывающей в московскомъ гдрстве, противъ того ж в Крымъ отпустить велимъ вскоре, остерегая с вами братомъ ншимъ салтановымъ величествомъ непорушимо дружбу содержати также имѣющеся по утверженному соединенію {soedinieniu اتّحاد}[96] царства московского с корол[евством][97] полскимъ, в ближаншемъ [sic!] с вами братомъ ншимъ с вашимъ салтановым величеством в сосѣдстве будучи, нерозорванно содержать и во всемъ сохранити для порубеженыхъ [sic!] краевъ народовъ в купетцтвахъ и во всякихъ пожиточныхъ вещахъ ко умножению государства[мъ][98] нашимъ, какъ извыкли на свѣте всѣ гдрства во блгоутишин [sic!][99] торговыми пожитками от купецкихъ людей богатѣть и тѣмъ государские доходы приходятъ во умноженіе, и то бы бгухвалное дѣло {dieło} в народѣ нашею гдскою дружбою извѣстилось тѣмъ яниѣчарамъ турского полону отпускъ с Москвы учиненъ через[100] королевство полское и молдавск[ую][101] землю до Констянтинаполя, чтобы впред у тамош[него] народы в порубежных мѣстахъ ншею гдрскою общею дружбою утвердилис[ь] и обнадежились во блгоутищни [sic!] во вѣки пребывати и ссылкамъ любителнимъ через тоѣ страну бгополучнеѣ междо {mezdo, inter}[102] нами впредь быти. И о сего времени мы великіи гдрь нше црское вели: надѣемся учиненной полону вскоре розмѣны от вас великого гдря брата ншего вашего салтанова вели: приобрести ї желаем {y zelaiem ządaiem}[103] вамъ брату ншему великому салтанову величеству на ваших великихъ государствах многолѣтного здоровья и счасливого пребыванья, а посланного ншего царского вели: жилца Афонас[ь]я Поросукова изволити к нашему царскому вели: отпустить без задержания.

Да вам же брату ншему великому гдрю Магметь Салтанову вели: вѣдомо чинимъ: в прощлом [sic!] во *pos* {١٧۶} год[у] августа въ *кз* {26} ден[ь] писали мы великїй гдрь наше царское вели: в нашей црского вели: грамоте к вамъ брату ншему к великому гдю к Магметь Салтанову величеству с толмачом[104] с Васиым

---

[94] В тексте — **бßатцкою**.

[95] Транскрипция (Бобовский, вероятно, воспринял **ъ** как **ь**, отчего в транскрипции появилось ненужное окончание **і**) сопровождается турецким переводом слова *полон*, *раб-пленник*, *невольник (esir)*.

[96] Польский и турецкий аналоги русскому слову «союз», «единение».

[97] Концовка слова в скобках написана над строкой.

[98] Последние две буквы вынесены над строкой.

[99] Благоутишении или благоутишии.

[100] В тексте **чеßез**.

[101] Последние две буквы вынесены над строкой.

[102] Польский и латинский аналоги русского предлога **между**.

[103] Транскрипция русского слова и польский перевод (от **żądać** — требовать, хотеть).

[104] О слове *толмач* см.: *Németh J.* Zur Geschichte des Wortes *tolmácz* 'Dolmetscher' // Acta Orientalia. Tomus VIII. Budapest, 1958. P. 1—8.

{z Wasiliem} Даудовым[105], что мы великиї гдрь наше црское // [Л. 170 об.] вели:, хотя с вами братом ншимъ с великимъ гдрем с Магметь Салтановым велич: быти в братцкой крѣпкой дружбе и любви и вриятелских[106] ссылках свыше прежняго {swiße zawße}[107] также и по желанію[108] вшего Магметь Салтанова вели: указали послать к вам ншїе црского вели: потѣхи патнатцать птицъ кречатов и отдате[ъ] тѣ птице {ptÿtse ptaki} вашего брата нашего владѣниа в городе Азове {Azake}[109] азовскому пашѣ, а вам бы брату нашему великому гдрю Магметь Салтанову величеству тѣ нашие царского вели: потѣхи птицы кречаты велѣть тому азовском[у] пашѣ принать и ѧебѣ прислать, ї по отпуске от нашего царского вели: к вашем[у] салтанову вели: того вышеиманованного толмача Василья тѣ птицы в дороге за болшими непогодами[110] и за осеннимъ временем позамедлiих в Азов {w Azowi} не поспѣли, а нне мы великiи гдрь наше црское величество указали послать к вамъ брату ншему к великому гдрю Магметь Салтанову вели: тѣ птицы кречаты и ълити {y veliti}[111] нарочно наскоро с кречетникомъ з Данилом Григоровым с товарыщи і веѣли [sic!] ихъ отдать против прежнаго в Азовѣх {oddati protiw preznaho wazoweh

---

[105] Даудов Василий Александрович (род. ок. 1620 г.; ум. ок. 1701 г.) — московский приказной деятель, перс (или армянин-мусульманин) по происхождению, родом из Исфахана, вывезенный из Ирана московским посольством И. И. Лобанова-Ростовского, И. Комынина и В. Нефедьева (1653—1654 гг.) из Казвина. До этого служил у персидского шаха «по передней в стряпчих». Около 1656 г. (крещен 26 апреля) принял в Москве православие. До крещения его звали «Алимарцан Бабаев сын» (т. е. Али-Марджан Баба-оглы). Неоднократно бывал в Стамбуле с посольскими миссиями из Москвы. В 1667 г. был послан в Османскую империю вместе с Афанасием Нестеровым и дьяком Иваном Вахрамеевым, был в столице, Эдирне и других городах. Собрал там около 150 человек русского полона и вывел их на Дон, в Черкасский городок (выкуп пленных был одной из задач миссии, наряду с улаживанием дел вселенских патриархов). С собою вывез 14 человек. Здесь имеется в виду его посольство в Стамбул в 1669 г. Даудов ехал в сопровождении грека Мануила Иванова. Маршрут этого посольства пролегал через Польшу на Балканы — в Салоники и Ларс. См.: *Селифонтов Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия, Василья Александровича Даудова // Летопись занятий Археографической коммиссии за четыре года. Вып. 5. СПб., 1871. С. 1, 2, 5, 61—62, 88; *Гухман С. Н.* «Выезд ис службы ис Персии стольника Василья Александровича Даудова» — литературный памятник конца XVII в. // ТОДРЛ. Т. XLII. Л., 1989. С. 374, 375, 380—381. О Даудове см. также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.) Ч. 1 (А—З). СПб., 1992. С. 250—251.

[106] Sic! Либо пропущена буква **п** (*в приятельских*), либо переписчик принял **п** за **в**.

[107] Транскрипция русского слова **свыше** и польское **zawsze** (всегда).

[108] В тексте **пожеланію** написано вместе.

[109] Азак — турецкое название Азова. См.: *Baysun M. Cavid.* Azak // İslâm Ansiklopedisi. 2. Cilt. İstanbul, 1944. S. 85—89.

[110] После этого слова зачеркнутое слово **кречаты**.

[111] Искаженное на письме слово **велити**.

azakie} азовскому пашѣ[112]. І Вам бы брату нашему великому гдрю Магметь Салтанову величеству изволить дла принатія к нашему царскому величеству в любителной своей салтанова величества грамоте отписать с тѣм ж нашего царского величества посланньи [sic!] с Афонасемъ Поросуковым. Писанъ в гдтвиа ншего дворѣ в цртвующемъ велицем граде Москвѣ лѣта от создания миру *Зроз* {7177} мца июля *S* {Julÿ 6} дня.

Гамаюна подражателю Магмет Салтану гдрю костантинополскому, беломорско и чноморскому, анатолѣскому і иных великому гдрю брату и доброму приятелю наш[ему][113]

X. Перевод письма царя Алексея Михайловича османскому падишаху Мехмеду IV от 6 июля 1669 г. на турецкий язык. Лист 168 вклеен в переплет сборника длинной стороной так, что его верхний и правый края выходят за пределы обреза остальных страниц. Эти края подогнуты. Правое поле, кроме двух первых строк, чистое. Филигрань в виде трех фигур неясного назначения. Точной аналогии найти не удалось. Довольно близок водяной знак, учтенный на документе 1641 г.[114]

Чернила коричневые, вся правка подписная выполнена черными чернилами, но тем же почерком. На Л. 168 об. — 35 строк, на Л. 168 — 5.

Л. 168 об. На уровне строк 3—5 с правой стороны листа тем же мелким насхом, что и основной текст перевода, сделана приписка в 3 строки, которая является заголовком письма:

سنهُ[116] هجريه ۱۰۸۰ ماه شعبان[115] ۲۰ ده موسقو
جاردن ركاب همايونه[117] {ايلجي ايله} ابراز اولنان نامه
[118]{همايو} محبتک ترجمه سی بودر

---

[112] О роли ловчих птиц в дипломатическом этикете см.: *Симаков Г. Н.* Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998. С. 146—150. По сведениям Г. П. Дементьева, если, например, по пути из Москвы в Тегеран (во время посольства) какая-нибудь птица умирала, то посольство все же передавало шаху голову и крылья умершей птицы, и подарок считался сделанным (см. Там же. С. 149). См. также *Дмитриев Н. К.* Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича // Доклады АН СССР — В. Л., 1926. январь-февраль. С. 13—16.

[113] Непонятно, начало ли это следующего письма или же просто вариант-повторение начальных формул предшествующего текста — текст листе 170 об. на этом заканчивастся.

[114] См.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I. СПб., 1899. С. 412; Ч. III. Альбом снимков. Табл. CCCCLXVI, № 3539(б).

[115] Цифра 20 вписана над зачеркнутой датой 19.

[116] Слово **хиджрийе** вписано над строкой.

[117] Вписано над строкой.

[118] Зачеркнуто. Начало слова «августейший».

Это перевод дружественного письма, представленного вместе с послом к августейшему стремени от московского царя месяца ша'бана 20 года хиджры 1080[119]. 20 ша'бана 1080 г.х. — 13 января 1670 г.

Начало:

[3 стр.] **شوكتلو و** [.зачерк — **عظمتلو**] **عظمتلو سلطان صاحب قران شاه شاهان**
سلطان محمد [120][**خان**] **بن سلطان ابرهيم خان حضرتلرنيک حلالتنه اناطولي**[121]

Конец:

[4 стр.] **بو نامه تحرير اولندي**
[5 стр.] **تخت‌كاهمز موسقو شهرنده اولان سرايمز ده** [122]**سنهٔ** [123]
حضرت آدمدن ۷۱۷۷ ماه تموزک آلتنجی كونده

«Это письмо написано в нашей столицу городе Москва в нашем дворце в году от пророка Адама 7177 месяца теммуза в шестой день».

XI. Письмо П. Дорошенко великому везиру от июня (1669 г.?)[124]. Выглядит подлинником, в книгу (подобно письму Алексея Михайловича) не вшивалось (оно не сложено пополам, а вклеено в переплет таким образом, что вначале нужно сложить верхнюю четверть, а потом и правый край до формата конволюта). Скоропись конца XVII в., почерк очень близок почерку наказа Дорошенко Василию Лобойко (идентичен). Филигрань почти не видна (еле-еле видно рисунок розетки). Польский подстрочник к кириллице проставлен непоследовательно. На левом поле (оно чистое) после знака вставки в виде галки перпендикулярно основному тексту написана строка: **свою подачу и мѣстце мает за тим тие наяснѣйшо[го] цесаря его мл**. Сложно судить, к какому месту текста относится этот пассаж. Призыв к войне с Польшей, звучащий в письме, не остался втуне. Архимандрит афонского Ивирского монастыря писал из Бухареста в Москву 11 апреля 1670 г. газскому митрополиту: «Великий визирь агарян все еще находится в области Фессалоники, где, по своему обычаю, охотится и ожидает своего эпарха с Крита, чтобы затем отпра-

---

[119] Ша'бан 1080 г. х. начался 25 декабря (в среду) 1669 г. Таким образом, 20 число этого месяца — 13 января 1670 г. Именно в этот день письмо царя было привезено в Стамбул.

[120] Слово **хан** зачеркнуто коричневыми чернилами. Переводчик / переписчик поторопился и стал писать это слово вместо слова **сын**.

[121] Вся фраза зачеркнута черными чернилами.

[122] Слово **год** написано над строкой над зачеркнутой буквой.

[123] Чтение этого слова неуверенное.

[124] Июнем 1669 г. (первое число июня, суббота — 1 мухаррама 1080 г. х.) датируется письмо Мехмеда гетману Дорошенко, данное в «поле Буден Таган». Перевод его был доставлен в Москву только через 7 лет в октябре 1676 г. (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. XII. 1675—1676. СПб., 1882. Стлб. 759).

виться в Константинополь (другие же говорят, что они хотят идти в Адрианополь). В народе много говорят о походе, но никто еще не уверен — быть может, и в этом году не захотят собирать армию. Но все говорят, будто на уме у них — Польша»[125].

[Л. 167 об.] Ясневелможни[й] а мнѣ велце мцсѣ {miłostiewi} пне везиру пресветлой {preswietnoi} Порти Отоманско[й] мо велце мцѣ пне и приятелю.

Здоровя доброго и вшеляких щасливих {βtiastliwwih} помилностей {posmilnostei} од Гда Бга {od iedan boha} велможности вашой моему мцѣвему {miłostiewemu} пну у преимости тое[126] {moe} жичь [?] {zitsu} високих ласкъ {wisokiiu Lasku} вашой[127] везирской мсти мое[му] {moemu} велце мцвого пна не поедно кро[е?] знание {natezni — ?} о добралем доводии[?] {dowodi} кхд [i/ы] {khdi} в каждих потреб[а]хъ моих до наяснѣшого цесаря его мл. заповадною причиною и мудрою порадою вашой везирской млти, чого з войскомъ всѣмъ {z woiskomu wsiemu} запорозким жадалем {zadałem} одерживалем поли и свѣво {swiezo} тепер пошли моѣ с помилною {z pomisłmoiu} од наіаснѣшой {naiaβnieiβoho} цесара его мл. од правлены [sic!] зостали деклерациею и жнажадане {y znazadane} наше противко неприятеле на яснѣйшого [sic!] цесара его млси и наших за емирами {اَمِيْر} виразними наяснѣйшого цесаря его мл: стали нам по тудние {potuçsnie قوّة} орд[128] {ordu} Кримских посилки, с которими на за Днѣпру такъ {taku} мно[го] {mnohy} припомочи {pripomohi} б[о]жой {bozе} доказалисмо и жѣ [sic!] и войско все запорзкое в соединение {v swoiedinennie محلّله} пришло и под едини[м] регименто[м] нашъ склонилося {pod edinim reimentum naβeho skłoniłosia} и москалеви неприятелеви таки[й] {taki} дало одпоръ {odporu} же [или даже — *где*] из шкодою изанбю [?] {y hanboiu} своіеіи кнзм Ромодановским мусѣл {musieł} з наших украѣнних городов уходити, тое те дива и жѣ [sic!] щасливе на сторону нашу за щастем наяснѣйшого[129] цесаря его мл. Пресветной Порти Отоманской і {Ł}{a} мудрою ватою[130] везирской млсти стадеся {stadiesa} порадою. Теди особливе некому иншому толко {tolko}[131] ватою {waβoi}[132] везирской мл и дякую {y diakuiu} и зо всѣм запорозким всей пресветной порти Отоманской одслуговат {odsłuhowat}[133] обещую. Же еднакъ з иншое стороны, яко то од ляхов сподѣваем {spodiewaiem}

---

[125] *Фонкич Б. Л.* Письмо Дионисия Ивирита Паисию Лигириду // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 1997. С. 229.

[126] [далее зачеркнуто слово — *мое*, т. е. переписчик прочитал его по-латыни].

[127] Следующее слово [*моему*] и подстрочник к нему {moemu}, а следом и предлог *в* зачеркнуты.

[128] Или *орд*ц.

[129] *Я* в этом слове — как комбинация *і* и *а*.

[130] Вместо *вашою*.

[131] Последние два слова написаны один под другим с перерывом на слоги почти зеркально. Как мне кажется, это лишнее доказательство того, что подстрочник писался одновременно с основным текстом одним человеком.

[132] Следом одновременно зачеркнуто слово *млсти* и польский подстрочник к нему.

[133] Далсе зачеркнуто начало слова.

ся на логи [nabohÿ] и стисе {y stise} нехотячи жити в покою, на край нашъ неприятелско наступуют {nastupuiut} усилуючи не тилко вулности наши але и здовя {zdorowia} в остатку поодбирати. Таку прето {preto} вашѣ {waβi} везирское млти велце а унѣжоне упрошаю понежаж вѣдаю то добре же щекеулке {βegulke} повага {powaha} и мудрая обрада вашой везирской мл: у наяснѣйшоу цесаря его мл. пресвѣтной Порты Отоманской потуги в посилокъ нам виправление противко Ляхом неприятелем нашим. Велце а унѣжоне // [л. 167] упрошаю вашой везирской мл. абы негде инде толко противко ляхов и шли {ÿβli} а меновите до пна Григория рожог[о] {rozonoho} брата моего, которого противко лиахов головних неприятелей наших ординовалем боя назаднѣпру тут при помочи бжой а за щастем наяснѣшого цесара его мл: и всей просвѣтной Порти Отоманской маю такую надѣю, иж москал {Moskal} неприятеле наш, яко з ганбою {hanboiu} и утатою [sic!] {utratoiu} силъ своих сромотне почал почал утекати за першим наступованем на себе и далей не однесе потѣхи Бруховецких ижъ был двоедушник то есть[134] на двох деревах садлися {sadlisia}[135] отоеровал {otoiierował} житливом {zytcçliwom} свою и пресветной порти отоманской и москалеви потаемне без вѣд[о]мости всего войска запорозк[ого] своею здвадцною хитрою превротностю {prewrotnostio hergialik[136]} надолугал {nadoturał} для щекгулно[й] {βcegulnoiu particulare} гетманства уряди, в котором нѣекеди {niekiedi} войско запорозкое оно {onohu} яко насилного мѣть не хотѣло, яко теди онѣ превротностю своею стак великиму монархиму усиловал не стате с не жити такъ зане жисливою свою наяснѣйшиму цесарови его мл. пресветной Порти Отоманской и всему войску запорозкому таку одержал и на городи од вуйска запорозкого же окрутне з сего света од рукъ войскових зишолъ {ziβoł} а явако {a iawako} цале и всегда наяснѣйшому ц[е]сару его млти пресвѣтной порти Отоманской и вашой везирской мл: ласце думаючи {du faintsi} з войско[м] запорозким достаючи при наяснѣйшом цесару его мл. просвѣтной Порти Отоманской и ватою[137] везирской мл: заленивши мою з войском запорозским житливо зостаю.

Данъ с табору с под Зѣнкова {Zienkowa} июня вашой везирской млсти всего доба.[138]

Об одпусченс пословъ до насъ Бруховецкого велце вшой везирской мил. упрашаю.	Житливым {zÿtsliwÿm} приятелем Пето [sic!] Дорошенко гетман войска запорозкого.

---

[134] На правом поле рядом с этими словами — 2 строчки мелким насхом: داخی و شاکیرلر // کمال حرتیه

[135] Садился.

[136] Тур. Hercaîlik — переменчивость, непостоянство.

[137] Вашею.

[138] Ниже этой строки переписчик попытался воспроизвести дату документа, обозначенную кириллицей, но, видимо, принял ее за подпись, отчего она совершенно нечитаема.

XII. [Л. 166 об.] Перевод грамоты Дорошенко. Лист также вклеен в переплет длинной стороной разворотом (первоначально был вклеен правильно: об этом свидетельствует расположение текста, сгиб в середине, а также нумерация — номер проставлен так, что сейчас читается сверху вниз, а не слева направо). В принципе, это черновик перевода, очень много поправок и зачеркиваний, чернила черные, очень мелкий насх, рука та же, что и на л. 168 об. — 168 (перевод письма Алексея Михайловича султану) и 149 об. — 149. Все строки доведены до конца.

XIII. Перевод письма Алексея Михайловича Мехмеду IV апреля 1669 г. с упоминанием Ордина-Нащокина[139].

[Л. 166] В верхней части листа. Заголовок — **Epistola Tartarica**. Начало:

تکری تبارک و تعنک رحمتی و عنایتی برله ا[و]لو پادشاه خان هم ا[و]لو بک
آلکسی میخایلویچ جمله اولو و کوچک // [2] و آق اوروسک پناهی و کوب
یجه] و یلایتلرک و یرلرک مشرق و مغرب و شمال طرفنک آتا و — над стр.]
اجداددن اولاکلمش// [3] پادشاه و حکمدارینک خان اعظم حضرتلرنیک
اهیی پراصلاونک بکلریکی اتاناس ایوانویچ // [4]
سزه و اولو پادشاه سلطان محمّد حضرتلرنیک یقین آدمی قایممقام پاشا محبّتلق
بر [1—2 б. з.] سلام حلا تاریخ // [5] ۷۷۱۷ سنده افندیمز اولو پادشاه خان
اعظم حضرتلرنه بز الچیلر کلوب اعلام قلدق هر مصلحتدن // [6] اوترو اولو
پادشاه سلطان محمّد حضرتلرنیک بز[1 с. з.] [یقین] اولان کشیلری جوابنه وارغنده
بز[لر] [ایله] سویلیکز[140] [بزم ایله] // [7] ایسه جملسنی علام قلدق افندیمز
او: پا: جا:[142] اعظم افندیکز اولو پادشاه[141] سلط [sic!] محمّد حضرتلر یله
قرنداشلقده[143] // [8] و دوستلقده و محبّتکز قطعا شردن کون بودون خان اعظم لک
طرفندن نیقشیلق طلب ایدوب مسلمان دیننده // [9] یکیجری طایفسنده بش نفر

آدم زیلاج آتاناص پورصوقو[144] برله او: پا:سلط:[]
Конец: تختکاهنده مسقو تاریخ آوم وم ۷۷۱۷ یلده ابریل اینده

Под последней строкой очень мелко в одну строку по-итальянски: Arrivata a 19 Genvaro in Salonica 1670 in deci mesi. («Прибыло в Салоники 19 января 1670 в декаду»).

---

[139] Имеется в виду посольство в Стамбул Василия Даудова в 1669 г. (ехал в сопровождении грека Мануила Иванова). Маршрут этого посольства пролегал через Польшу на Балканы — в Салоники и Ларс. Данный текст — перевод письма царя, которое вез Даудов.

[140] Эта вставка написана под строкой чрезвычайно мелко.

[141] Слово *султан* не дописано.

[142] Это сокращение титула — اولو پادشاه خان. Причем точка стоит именно под *ха*, превращая ее в *джим*.

[143] Вместо *ха-э хаввез* — точка.

[144] Т. е. «жилец Афанасий Поросуков».

XIV. [Л. 166] Нижняя часть листа. Текст расположен так, как если бы лист был вшит в том перпендикулярно, а не так, как сейчас. Нижняя (теперь) часть листа занята славянской цифирью с подписями цифрами. Ниже надпись.

патира Іосаф Іеросолимскаго Москвитин

Iasaf Ierosolim-skago Moskwiti[n]

Славянская надпись (более крупная) сделана явно непривычной рукой. Вероятно, это попытка передать подпись в каком-либо документе. Слово патир мельче других. Польская надпись же более мелкая и сделана той же рукой, что и польские подстрочники и черновик перевода письма Алексея Михайловича в верхней части листа.

Текст на Л. 165 об. отношения к нашей теме не имеет. Текст написан той же рукой, мелким насхом. Это мирный договор Мурада с Венецией (**د خان عهد نامه دويره وندیق السلطان مرا**) с упоминанием послов **نیقوله و دُومُنِقوُ** (т. е. Николо и Доменико). Этот текст продолжается на Л. 165 и 164 об. (т. е. имеет европейское направление чтения страниц).

XV. Письмо царя Алексея Михайловича гетману Петру Дорошенко, 28 июля 1669 г. Слова в фигурных скобках — подписи мелким латинским курсивом или мелким турецким насхом под предшествующим словом (иногда рядом с ним, на полях). Буквы в квадратных скобках — вставленные под титлами или внесенные нами по смыслу. Нумерация листов сделана по восточной модели, тогда как текст расположен традиционно по-европейски, именно поэтому текст расположен на л. 151 об. (начало) — 149 об. (конец). Этому письму царя, вероятно, непосредственно предшествовало письмо от 14 июля 1669 г., отправленное с Афанасием Шиловым, с требованием не чинить задоров жителям Левобережья[145].

Л. 151 об.

Короны полские и великого княжества Литовского тамошние стороны Днепра гетману[146] Петру Дорошенку.

---

[145] Опубликовано. См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. VIII. 1668—1669. 1648—1657. СПб., 1875. № 110. С. 270—271.

[146] Гетман от немецкого Hauptman и польского Hetman. С 1648 г. глава казаков. О понятии гетман см.: *Okinshevych L.* Hetman // Encyclopedia of Ukraine. Vol. II. G—K / Ed. by V. Kubijovyč. Toronto; Buffalo; London, 1988. P. 142—143. О гетманщине см.: *Okinshevych L., Zhukovsky A.* Hetman State or Hetmanate // Encyclopedia of Ukraine. Vol. II. G—K / Ed. by V. Kubijovyč. Toronto; Buffalo; London, 1988. P. 145—147. См. также: *Хроненко І. В.* Спадковий гетьман в Україні II-ої половини XVII ст. // Лаврський Альманах. Вип. 2. Київ, 1999. Слово гетман (**حطمن**), насколько мне известно, едва ли не впервые появляется в сочинении Абдуллаха ибн Резвана (Абдуллаха Ризван-заде) «Летопись Кипчакской степи» (Тевāрūх̲-и Дешт-и Ḳипчāḳ) в 30-е гг. XVII в. (См. *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» (Тевāрūх̲-и Дешт-и Ḳипчāḳ) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. II. М., 1969. С. 23 (там же и *Масков кыралы*).

Божиею милостию[147] и облаадателя[148].

Коруны полские и великого княжества литовскаго тамошние стороны Днепра Гетману Петру Дорошенку о в нынешнем во *рот*ем году июля в *к* день к нам великому государю к нашему царскому величеству с посланники своими, зовущими[149] обозным с Федором Коробкоу[150] [Korowku] с товарыщи в листу твоем писано: об[ъ]являешь о свободженни брата твоего и sанше[го] великого государя нашего царского величества милосердие, что мы велиций государь наше царское величество брата твоего к тебе отпустит[ь] изволит нам великому государю нашему царскому величеству бъеш[ь] челом и [i] украинских малороских городов от Брюховецкой[151] позасланных нашего царского величества воевод и ратных людей, задержаных в Чигирине свободи[л] и к нам великому государю к нашему царскому величеству отпусти[л], чтоб наше царское величество против то[го] узников ваших и[з] нше[го] от великого гдра царствующаго града Москвы из Сибири[152] отпустит[ь] изволи[л]. И нам великому государю нашему царскому величеству известно чиниш[ь], что будто украинские люди желают смиренна[го][153] жития по стародавном[у] обыкновению своему, // [Л. 151] едино[го] гетманско[го] держатися начала и никакова зла нашего царского величества малоросийским городам не умышлят[ь].

А что ты, гетман, пишеш[ь], что нашего царского величества сее[ѣ] стороны Днепра подданно[й] нашего царского величества Демья[н] Игнатович[ъ] будто над городы и местечка и села войною пойдет невинных кровь пролитием насилітвует[154] и чтоб нам в: гд: нашему ц[а]рскому вч: ту начинающую брань делать заказати. И в нынешнем в *ороз* [м] году июля въ *к* день писал к нам ве: гд: ниш[155] ц: ве[156] войска запорожскаго[157] сее стороны Днепра Гетман Демьян Игнатович, что ты гетман Петр Дорошенко листы и універсалы свои на сю сторону Днепра к полковником к переясловско[му] и к прилуцком[у] присла[л] и приказывал[158] к нарад едина[го] ради гетманского начала и волностей также писал о непостве трех полков, которые

---

147 Далее пробел.

148 Sic!

149 Sic!

150 Федор Коробка (вместе с нежинским полковником Василием Золотаренко) был в посольстве Войска Запорожского в Борисове в начале 1660 г. при переговорах князя Н. И. Одоевского с польскими уполномоченными (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Книга VI. Т. 11—12. М., 1961. С. 83).

151 Слова **от Брюховецкой** написано над строкой.

152 Слова **из Сибири** написаны над строкой.

153 В оригинале написано **смирениа** с титлом. Бобовский, вероятно, неправильно понял слово.

154 Вместо **насильствует**.

155 Sic!

156 Это сокращение написано без обычного двоеточия.

157 **каго** написано над строкой.

158 Написано **приказыша**. Переписчик принял лежачую в за ш.

на рад не были: полтавского, миргородцкого, лубенского, что они на наши великого гд: грамоты и на ево гетмана Демияна Игнатовича листы ответу не дали. За обсылкою твоих же к ним листов, чтоб к нем[у] гетману Демияну Игнатовичю они не склонялися на-//[Л. 150 об.]зываючи [сь — ?], что мы вч[159]: гд: нше ц: ве: будто учинил[и] тебя обоих сторон гетманом и под нашу царско[го] вч: высоку[ю] руку в подданство приняли по прежнему, а дла подлинна[го] свидѣтелства к нам ве: гд: к нашм[у] ц: ве: о[н] Гетман Демьян Игнатовичь прислал полтавскогополковника листъ, а в листу тебя гетмана Петра Дорошенка и сеѣ стороны Днепра гетмано[м] имянуютъ. А ты, засылаючи людей своих с тоѣ стороны Днепра, учини[л] Задо-до кровопролития и войну междоусобную немалую и называ [далее непонятное место] ї тѣ три против нше полки Гетмана[160] Деяна[161] Игнатовича своеволным гетманом. И мы ве: гд: нше ц: ве: к тебѣ гетману в се[й] нше ц[а]рско[го] ве: грамоте велѣли отписати, что ты гетман, забыв ншего ве: гд: ишерь цр: вч: зъ братом нашим с великим гдрем съ его[162] королевским величеством Андрусовско[й] перемирн[ой] посолской договор и постановление, похот[я?] ходить в волностях своих, и жителем малоросиских городов впату и разорение приве[?] и андрусовском[у] посолском[у] договор[у] учинил противность, а по московско[му] утвержению и по андусовскому[163] посолскому договор[у] статьях написано имянно, что сеѣ стороны Днепра никоторых городов і мест х Коруне Полской і к великому княжеству литовском[у] не причитат[ь] и гетманом ншым никаким урадником никоторыми делы ни во что не вступатца // [Л. 150] и быти сеѣ стороны Днепра городом и мѣстам і всем[у] воіску запорожскому в подданстве у нас великого гдря у нашего цр: ве:, а той стороны Днепра быт[ь] х Коруне Полской і к Великому княжеству Литовскому, а гетман Демиян Игнатовичь по нашему царского ве: указ[у] на рад[е] в Глухове выбран волными гласы ѵриной сеѣ стороны Днепра свершенным гетманом и ншею ве: гд: ншего црского ве: грамотоѵ подтвержен и к тебе о том в ншей цр: ве: грамоте наперед сего писано. И тебѣ писа[ть] и называ[ть] ево своеволным гетманом не годитца. И тебе гетману Петру Дорошенку по том[у] андрусовскому посолскому договор[у] и по московском[у] утвержениѵ сеѣ стороны Днепра в городы и мѣста ни во что не вступатца и с Полт[а]вы и із Миръгородка и із Лубны и s ыных городов и мѣст полковников своих со всѣй старшиною вывесть к себѣ за Днепръ, а на се[й] сторонѣ Днепра гетману и[164] Демьану Игнатовичу о том ншъ ве: гд: указ послан же, что ему тамошние стороны Днепра в городы и мѣста, которые у тебя в послушанiі, не вступатца и противъ ощих[165] неприятелей стоять и отпор давать сопча, а что у нас ве: гд: у ншего ц: ве: посланцы твои бывше обозно[й] Федо[р] Коровка

---

159 Должно было бы быть **ве:.**

160 Бобовский систематически пишет руское **Г** как **F**, например, **Fетман**.

161 Sic!

162 Написано **с вего**.

163 Sic!

164 союз здесь лишний.

165 Sic!, вместо **общих**.

с товарыщи о дѣлех, о чемъ ты с ними наказалъ и о васней подали ивумацыю[166] за твоею рукою и печатью, и мы великиі государь наше црское величество, выслушав инфурмацы[ю], велѣли к тебѣ отписать в нше црского ве: грамоте, а [.....][167] привезены из ншихъ цр: вел: из сибирских городов, мы великиі // [Л. 149 об.] гдрь, пожалуем велимъ отпустить к тебе, а посланцов твоих бывше[х] обозного Федора Коробку с товарыщи велѣли к тебѣ отпустить. Писано гдрствиа нашего дворе в црствующем велицем граде Москвѣ лѣта от со[з]даниа мира ЗРОЗ июла КИ дня[168].

XVI. Далее написан турецкий текст теми же чернилами и, вероятно, той же рукой. Это перевод письма Алексея Михайловича гетману Дорошенко от 28 июля 1669 г. Двадцать шесть строк на л. 149 об. и десять на Л. 149. Строки пронумерованы нами. Начало: [Л. 149 об.]

[١] بن كه بعنايت الله عظيم سلطان و تسلر[170] و دوز[169] كبير آلكسيو ميحايلويج
جميع صفيد و كبير// [2][171] آق اوروسي ديارلرنيک مالكه و مشرقدن مغربه كلا
و شمالی‌دک پچه ممالک و ولايتلرک رادثی حليفسی و سلطانی هم افندسي هم
مسكا // [3]كه درقوس صوينک اوتوسنده له مملكتنک و لتوانيه امالتنک حتمانی
بطرو دوروشيقو سن بو [][]

Конец:

عظيم [السلام — над стр. со знаком вставки]
شهرستان و باي /[10 стр.] تحتمز موسقوده اولان سرايمز ده
[برد — над строкой] [1 б. зач.] سنه دنيا يرادللدن [كيازلدي — зач.]
٧١٧٧ [.зач پر] تموز اينک ٢٨ده[172] يازلدي

Т. е. «Написано в столице нашей городе Москве в нашем дворце в год от сотворения мира 7177 месяца теммуза в 28 день». Теммуз — июль.

XVII. После этого перевода на другой строке скорописью, теми же чернилами, рукой, близкой к другим кириллическим текстам. Слова в фигурных скобках — подписи мелким латинским курсивом или мелким турецким насхом под предшествующим словом (иногда рядом с ним, на полях). Буквы в квадратных скобках — вставленные под титлами или внесенные нами по смыслу. Наказ Василию Лобойко в Османскую империю. Нумерация в тексте начинается лишь со второго абзаца.

---

[166] Искаженное — **информацию**.

[167] Пробел в тексте.

[168] Т. е. 28 июля 7177 (1669) г.

[169] Этим словом *дож* для обозначения соответствующего венецианского титула Бобовский передавал незнакомое ему *князь*.

[170] Я затрудняюсь с определением этого слова: если только, это не неправильно переданная переписчиком транскрипция слова *царь*.

[171] Вероятно, пропущен союз.

[172] Над цифрой 28 и показателем местного падежа подписано يومنده т. е. «в день».

[Л. 149]

З Москвы {z Moskwi} через п[ана] {pana} Федора Коробку {Tedora Korowku} сия грамота везена а П[ан] Коробка впред себе з Киева чрез Волошина отдана.

Інформація {informazia} пну Василию Лобойкови {Loboikowi} бывшому полковникови Войска Запорзкого Калницкому во цесаря пресвѣтной Порты Отоманское от его млсти пана Петра Дорошенка[173] Гетмана войскъ Запорозских. Імонемъ {imienem imieniem} всего войска Запорозкого выправлѣному в поселству, даная сентеврия дня 9 {4}[174] року[175] {1669}. Наипервеи от его млсти пна Петра Дорошенка Гетмана и от всего Войска Запорозкого цесаря его млсти маестатови, яко найучтивѣй поклонъ наинизшой до лица землѣ одати, а да присланых санжаков {sangiakow} высвѣдчене високое ласки, яко наипокорнѣшое подякование {podiakowanie} пну Василіи Лобойко от Гетмана и всего войска Запорозкого перед маестатомъ цесарским упавши до ногъ // [Л. 148 об.] учинити маетъ.

2. Будетъ от его млсти пна Петра Дорошенка Гетмана и всего вой: запо: то[т] же {toi ze} поселъ Васили Лобойко в шелякую {w szelakoiu} приязни и житливую {zÿtcliwoiu} услугу отвѣрозати {otierowati} цеса: его: млсти на кождое его цес: росказан'е.

3. Донесетъ цесарови его млсти поселъ Войска Запо: тое, где же его мл пну Гетманъ Пе: До: собравши {zobrawβÿ} все Войско За: под Уманю {Imaniem}[176] для успокоенія людей[177] невстройных, а учынивши енералную раду, всему войску за гетманство былѣ {bÿli} подяковалѣ {podiakowali}, але з годными голосами старшына и вся чернь {tzernÿ, nefer}[178] Вой: Запо: заварже {zawarze} в той енералной войсковой радѣ знову, абы былъ {bÿli} его млсти пнъ Петро До: гетманомъ упросили.

4. Оповѣт {opoviet} це: его млс поселъ Войска Запо: и в его милти пна Алѣ Акгу Капуджы башу {Ali Agu kapugi baβu} в поселствѣ до всего Войска За: прибылого миле всѣ войскомъ <u>витали</u> {witali Jalwaro} и з милостиво цес: [2 б. з.] ласки присланый санджаки {sangiak} Войско Запорзкое принявши вдячне его

---

[173] Вместо кириллического **р** переписчик часто, как в этом слове, ставит **β**. Далее эти случаи не оговариваются.

[174] Написание цифры 4 оставляет сомнение. Возможно, это 9.

[175] Далее идут буквенные обозначения цифр, но они крайне искажены в написании.

[176] Возможно, что переписчик и переводчик не понял текст и принял название города Умань за слово **именем**.

[177] Далее на месте следующей строки пробел, где написано слово из транскрипции-подстрочника предыдущей строки (zobrawβÿ), таким образом, польский подстрочник писался одновременно с кириллическим украинским текстом, сразу же после написания строки (до написания следующей), или же переписывался вместе с готового текста с подстрочником (что, заметим, гораздо менее вероятно).

[178] Либо от **نفر** — личность, особь, человек, своего рода нумератив для обозначения людей (чаще с числительными, напр., сто [человек] солдат — юз нефер аскер), либо от **نفير** — куча, толпа.

млости пну Петру[179] Дорошенку како гетманови своему в руки оные вручило. // [Л. 148 об.]

5. Іменмъ {imenem} гетманскимъ и всего Войска За: пнъ {panu} Васили Лобойко маетъ це: его м: покорне просити о суровы заказ до Крыму, абы ханъ его мл: крымский недопускалъ ордам[ъ] под городы украинское землѣ {zemli} свояволне болей {wolei} чатъ {tozatiakin?} одправляти и людей украинских татаромъ загрозилъ в ясыръ забирати {w iasiri zabirati}.

6. Покорне зас{zas}просити[180] це: его м: о емиры[181], абы были о це: его м: до хана его м: и до пашѣ [do paβÿ] силистийского выданы мае, за которыми, щобы за першим листому[182] его м: Пе: тра[183] До: гетма: и всего Войска За: засланым без проволокъ жадных {zadnÿh} на помочъ если того потреба указовати метъ и колко потреба будетъ, прибывали орды {ordi} до е.м.п. Петр[184] До: Гет: Войска За:, а выйшодши на помочь радныхъ крывд[185] {krÿwdi} долегливостей {dolehliwosti} шарпанинъ {βarpanini} людем в землѣ украинской абы не чынили.

7. О том {otez} просити це: его: м: о росказане до хана же бы {zebÿ} он {onÿ} в шелякие вѣдомости засылалъ его м: пну Пет: До: Гет: Вой: Запо: от кого колвекъ {kolwiek} що {βto} нового у себе на писмах мѣл бы, а особливе если бы хто {kto} злох {zloh} якую кнуючы [Л. 147 об.] противно его м: п: Пет: До: Гет: и противко всего Войска За: хотбы {chodbÿ} землянинъ украинный а мимо ведомо и волю гетманскую и войсковую в Крымѣ до хана отзывалъся {odziwalisia}, абы ханъ его мл таковыхъ у себе листов неприимуючы, все щыре обявлялъ и присылал до его м: пна Пет: До: Гет: и всего Войска За:, также если бы хто украинский хотячы межы войскомъ и городами украинными учинити яковую замешанину и свояволне без вѣдомости гетманское и без позволеня войскового до хана одозвавшися {appelia/odzowawβÿsia}[186], просилъ о выслане до себе люду {liudu/peraintoloro}[187], абы ханъ его м: на таковых одезване[й] {odezwanie} и прозбу жадною мѣрою учинности {utchinnosti} в пущаню своих людей невысвѣдчановы о всем томъ знати давалъ его м: пну Пе: До : Гет: и всему Вой: Запо:

8. Обявити и то поселъ Войска Запо: це: его: ми: маетъ же значне {znatchinie} уже з москвитиномъ война гетманови и Войску Запо: зачынается кгды {khdy i.e. Gdÿ} на полкы заднепренне под Ргиментомъ гетманскимъ его м: пна Пет: До: зостаючые з московское руки войско наступуетъ. Тому в чесне {tekomu wtczesnie

---

[179] После слова **Петру** в строке стоит слово из подстрочника предыдущей строки **sangiak.** Это подтверждает наши соображения об одновременности текста и подстрочника.

[180] Подстрочником как будто разбито одно слово **заспросити**.

[181] От امر — приказ, повеление, эдикт.

[182] Возможно, нужно разделить на **листом у**.

[183] Бобовский сократил имя гетмана, но затем в конце строки дописал его.

[184] Окончание слова уходит в переплет.

[185] Окончание слова уходит в переплет.

[186] Кроме польского синонима приведен также латинский аналог.

[187] После слова **люду** в строке пропуск для написанного перевода.

wtczal} запобегаючы его: м. п: Пет: До: Гетманъ За: послалъ уже // [Л. 147] наместцу своемъ полковника Чегиринского з полкѣм Чегиринским {Tzehirinskoho z połkiem Tchehrinskim}, Подолским и орды Белагородское при нем з тисячу, для того, що наиболшей противко тых неприятелей в прудце {w prudtce} будет войска на посилок Войску Запо: потреба теды з тых мѣр {miar} пилно и покорне це: его: м: просити о розеслан'е {o rozesłanie} емировъ до хана и до пашѣ Сил:[188] же бы скоро дат его м: пнъ Гет:, до которого колвекъ з них любъ до хана люб до пашѣ Сил: знати и килко потребовати мет {potrebowatima} ордъ на помочъ, толко яко на прудшей прысылали войскъ своих за емиромъ це: до его м: пна Пет: До: Гет: Вой: Запо:

FINOS

XVIII. Следующий текст не дописан до конца листа. Сколько можно судить, это начало письма Дорошенко султану. Начинается сразу после слова «конец», относящегося к наказу Василию Лобойко. Чернила те же, почерк немного крупнее.

Наяснѣйшому, наипотужнѣйшому, незвитяжоному монарсѣ над монархами пану щасливе над панами земными пануючому в Бсурманских {biesurmanskih musułmanskih} и христянских земель повелителю вашой це: ми: нашому милостивому пану пану [sic!] и добродѣеви доброго от Гда Бга {Hospoda Boha} здоровя и щасливого царствованія у преимезычемъ {v preimie zitczimÿ}.

XIX. [Л. 146 об.] Перевод письма Дорошенко на турецкий

Лист 145 об. Занят уже текстами, не относящимися к украинским делам ни хронологически, ни территориально. Это письмо Георгию Бранковичу (جورجو برانقويچ).

В архиве премьер-министра (Başvekâlet Arşivi) среди документов Ибн уль-Эмина (Ибн уль-Эмин хариджие весикалары) хранится султанский *берат* (в оригинале *нишан-и шериф*), датируемый мухаррамом 1081 г. х. (Я. Рейхман ошибочно датировал его июнем 1660 г., на самом деле это конец мая-июнь 1670 г.[189]), в котором Петр Дорошенко утверждается главою казаков — барабашских («Барабаш»)[190],

---

[188] Силистринскому.

[189] Начался 21 мая, закончился 19 июня.

[190] Этимология этого слова, как показал О. Н. Трубачев, не тюркская, а происходит от библейского имени Варавва (в польской передаче Barabasz, распространившейся из Польши на Украину). *Трубачев О. Н.* Слово о Русской энциклопедии и некоторых библейских энциклопедических статьях // Православный палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 175.

сарыкамышских («Сарукамыш»)[191] и «поткалы»[192]. Сарыкамышские казаки — это казаки, жившие между Днепром и Южным Бугом. Казаков «поткалы» Я. Райхман считал днепровскими[193]. Я склонен рассматривать это письмо как ответ султана на корреспонденцию Петра. Термин «поткалы» получил вполне подробное объяснение[194].

[191] *Григорьев А. П.* К толкованию этнотопонимов «Сарыкамыш» и «Буткалы» // Совстская тюркология. 1974. № 1. С. 29. Сарыкамыш желтый, т. е. сухой камыш (о Запор Сечи). С. 30. Буткалы~путкалы от бютеке, бутак (пучок, трава, ветка) — «пучкастые», Хохлатые (по аналогии с рус. Хохол) от оселедцев казачьих.

[192] *Sertoğlu M.* Muhteva Bakımından Başvekâlet Arşivi. A., 1955.

[193] *Рейхман Я.* Турецькі архіви і їх значення для дослідження історії України // Архіви Україниою. № 4 (78). Київ, 1966. С. 14.

[194] На самом деле, «поткалы / буткалы» — по-русски «просяники», старинное тюркское слово, ругательство, означавшее, очевидно, пренебрежение к человеку, который не в состоянии добыть себе мясную пищу. См., напр., *Эвлия Челеби.* Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 254—255, примеч. 4; *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С. 79.

А. А. Фролов (Торжок)

К вопросу об источниках «Выписи из новгородских изгонных книг» и их датировке*

На документ, известный в современной научной литературе под названием «Выпись из новгородских изгонных книг», первым обратил внимание Е. Болховитинов, опубликовав одну из ее частей — «Роспись погостов» (далее — РП)[1]. П. Г. Бутков, разбирая вопрос о средневековой версте, датировал составление документа временем древнее XVII в.[2] Еще через семь лет РП перепечатал (по публикации Е. Болховитинова) К. А. Неволин[3]. Исследователю не был известен сам источник, и он полагал, что эту выпись сделал Е. Болховитинов на основе подлинных новгородских изгонных книг. В датировке РП К. А. Неволин согласился с П. Г. Бутковым, уточнив, что ее составление произошло не позднее заключения «Столбовского мира» 1617 г.[4]

Архивное дело МГАМИД, которым пользовался Е. Болховитинов, отыскал И. А. Голубцов[5]. Он обнаружил, что «Выпись» имеет и еще не опубликованную часть, которая непосредственно предшествует РП. Этой части дела, названной И. А. Голубцовым «Росписью дорог» (далее — РД), предшествовал заголовок: «Выписано из Новгородских изгонных книг: дороги и ямы, сколько от которого яму до которого городу и до урочища верст». РД содержит описание важнейших дорог русского Северо-Запада (Рис. 1). Ее И. А. Голубцов опубликовал полностью, ограничившись в отношении РП замечанием о весьма высокой точности публикации Болховитинова[6].

Обнаруженное И. А. Голубцовым архивное дело относится к 1703 году. Как справедливо полагал исследователь, его возникновение связано с мероприятиями по упорядочению дорог, вызванными постройкой Петербурга. Принимая во внимание характер почерка («без приказной размашистости»), обилие ошибок,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-57001а/ц.

[1] *Болховитинов Е.* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

[2] *Бутков П. Г.* Объяснение русских старинных мер, линейной и путевой // Журн. Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 8. С. 266.

[3] *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке // Записки Русского Географического общества. СПб., 1853. Т. 8. Приложение XIV.

[4] Там же. С. 34.

[5] РГАДА. Ф. 162. Почтовые дела. 1703 г. № 5. В публикации И. А. Голубцова ошибочно указано «фонд № 128».

[6] *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Т. 20. 1950. С. 271—302.

«свидетельствующих, что писец выписи мало следил за связью уже написанного с тем, что писал дальше» и то, что «Выпись» осталась без заверения, И. А. Голубцов считал «Выпись» списком, притом с весьма неясного для переписчика оригинала, изготовленным «не в порядке служебной переписки… как копия весьма нужного справочника»[7].

Исследователь установил, что РД в окончательной редакции сложилась в период с 1601 по 1609 гг.[8], что совпадает со временем работы над Большим Чертежом Русского государства. На датировку, предложенную И. А. Голубцовым для РП, повлияло его мнение о внутреннем единстве с РД в подходе к материалу. Уточняя наблюдения П. Г. Буткова и К. А. Неволина, он отметил, что в ней «без всяких оговорок даны по Водской пятине г. Корела и все его погосты… которые до 1595 и после 1609 г. были за Швецией»[9]. Естественно, РП он датировал в диапазоне 1595—1609 гг. Без должного внимания осталось то обстоятельство, что Корельский уезд также безраздельно относился к Водской пятине еще ранее — до нач. 1580-х гг.

Источниками «Выписи» исследователь назвал изгонные книги и счетные списки, заметив, что расстояния, указанные в РП, нередко отличаются от тех, что показаны в РД, а следовательно, «большая часть расстояний погостов не могла быть получена из такого документа, как «роспись дорог», а должна была быть выбрана непосредственно из самих изгонных ямских книг, а скорее из сказок ямщиков, возивших писцов, и, может быть, из сказок самих писцов»[10]. И. А. Голубцов обратил внимание и на то, что порядок, в котором в РП перечислены погосты, в разной степени совпадает с порядком новгородских писцовых книг: для погостов Бежецкой пятины отмечено полное совпадение в Белозерской половине с книгой письма В. А. Звенигородского 1580-х гг., в Тверской половине — близость к книге И. Д. Вельяминова 1540-х гг. Для Деревской, Обонежской и Водской пятин отмечена значительная близость к порядку погостов в книгах рубежа XV—XVI вв. и 1540-х годов. Более обстоятельное решение вопроса о связи РП с писцовыми книгами исследователь поставил в зависимость от публикации этих тогда еще почти не изданных источников.

Ознакомление с архивным делом позволяет откорректировать представления о «Выписи», сложившиеся в историографии. Дело имеет заголовок, который объясняет причину, по которой в нем оказались объединены различные документы: «Дело об отправлении Новгородской приказной палаты подьячего Юрья Водилова о учреждении для шествия государем в Новогородском, в Копорском и в Ямском уездах до Санкт-Петербурга по дороге ямов, с показанием описных книг поместьям, и во сколком расстоянии от места до места верст имеется в пяти Новгородских пятинах». Дело состоит из 4-х разделов: 1) «Список с подлинных описных

---

[7] *Голубцов И. А.* Указ. соч. С. 274.

[8] По присутствию сведений о ямах по дорогам, «отставленным» в 1596/97 г.; упоминанию ямов, устроенных в 1599/1600 г. и названных впервые в устройных книгах 1600/01 г.; описанию дорог на землях, утраченных Россией в 1609 г.: *Голубцов И. А.* Указ. соч. С. 278.

[9] Там же. С. 277.

[10] Там же. С. 276.

книг» 1703 г. (л. 1—20); 2) «Чертеж земель по реке Волхову вокруг города Ладоги» (л. 21—23)[11]; 3) «Выпись из новгородских изгонных книг» (л. 24—36); 4) устройные и переписные книги и именные росписи разных ямских слобод 1703 г. (л. 37—74). Естественно, что составитель дела имел в распоряжении документы именно новгородского делопроизводства. Однако о том, что в разделе 3 он поместил копию документа столетней давности, который состоял из двух частей (РД и РП), приходится сомневаться.

Иллюзия существования двух равнозначных частей, обладающих внутренним единством, происходит из того, что Е. Болховитинов по неясным соображениям опубликовал лишь РП, а И. А. Голубцов все, что не вошло в эту публикацию, отнес к РД и связал обе части с работами над Большим Чертежом. В действительности взаимосвязь между разными частями «Выписи» сложнее (Рис. 1). Она приводит сведения как минимум трех разных источников, причем текст сообщает об их существовании тремя разными способами. Об одном источнике известно из заголовка: «Выписано из Новгородских изгонных книг…» Далее следует описание отдельных дорог с расстояниями между расположенными на них городами и ямами.

Примерно в середине «подорожного» описания встречаем подзаголовок «По счетным спискам», который относится к вполне конкретному фрагменту текста, характеризующему удаление различных городов от Новгорода — во всех направлениях без группировки по дорогам. То, что счетные списки не имеют прямого отношения к изгонным книгам, использованным в описании дорог, ясно из расхождения в цифрах этих источников[12].

Затем возобновляется описание дорог, которое, надо полагать, было почерпнуто составителем из тех же изгонных книг, о которых речь идет в заголовке. Его замыкает РП, помещенная, по определению И. А. Голубцова, «под довольно странным подзаголовком»: «Да Новгородского ж уезду от Великого Новгорода дорога во все пять пятин, сколко от которого погоста верст». Нелепость подзаголовка объясняется, конечно же, стремлением составителя «вписать» РП в общую структуру документа и, как следствие, конструированием этого подзаголовка по той же модели, что и остальные, сообщающие о начале описания той или иной дороги. Умолчание об источниках РП позволяет предполагать, что они в начале XVIII в. не были известны составителю дела.

Таким образом, «Выпись» следует охарактеризовать как результат попытки обобщить сведения о дорогах, содержавшиеся в некоторых (возможно, случайно оказавшихся под рукой) документах Новгородской приказной палаты в начале XVIII в. Соглашаясь с датировкой, предложенной И. А. Голубцовым для изгонных книг и счетных списков, необходимо отметить, что РП в этом отношении нуждается в особом рассмотрении — как и в более пристальном изучении вопроса о ее источниках.

---

[11] *Кусов В. С.* Чертежи земли русской XVI—XVII вв. М., 1993. С. 210. № 744а.

[12] *Голубцов И. А.* Указ. соч. С. 275.

РП последовательно приводит сведения об удалении от Новгорода погостов Деревской, Бежецкой, Обонежской, Водской и Шелонской пятин. Помимо собственно городов, погостов и волостей, в РП упомянуты и ямские станции Большой Московской дороги и некоторые другие пункты. В отличие от административных единиц, коммуникационные «узлы» не снабжены данными об удалении от Новгорода. Кроме того, этих пунктов нет в писцовых книгах. Поэтому в сравнении структуры писцовых книг с РП они не участвуют. В прилагаемые таблицы они включены, но номеров не имеют.

Верхняя дата источника, из которого в РП попал перечень погостов, определяется по упоминанию в составе Деревской пятины Ясеновичского и Березовецкого погостов и волости Стерж, в середине 1560-х гг. безвозвратно переданных ко Ржеве Володимеровой[13]. Выясняя, какие писцовые книги сыграли роль такого источника, следует иметь в виду, что далеко не все новгородские писцовые книги XVI в. сохранились. Тем не менее определенное решение вопроса возможно. Наиболее явна связь РП с книгой поместных земель Бежецкой пятины начала 1540-х гг. письма И. Д. Вельяминова (позднее это Тверская половина пятины)[14]. Из 50 погостов писцовой книги 48 приведены в РП в том же порядке, один отсутствует[15]. К сожалению, по второй — Белозерской — половине пятины, описанной И. Я. Морозовым, сопоставимых данных нет. Но в части, касающейся Тверской половины, РП имеет весьма отдаленное сходство с книгой Ф. Ласкирева, описавшего ее в 1582/83 году, а книга Белозерской половины письма В. А. Звенигородского 1581/82 г., с которой сравнивал РП И. А. Голубцов, хоть и дает близкое сходство (из 45 погостов книги в том же порядке в РП расположено 40), но отличается в ряде интересных деталей. Так, в писцовой книге находятся рубрики «**Петровский и Кузмодемьянский** погост в Кушевере», «**Ильинский** погост в Мегрине», «Волочок Дершков. Погост **Покровский, Иванский и Никольский**», которым соответствуют в РП погосты «**Козмодемьянский** в Кушевере», «**Никольский** в Мегрине», «**Никольский и Покровский** на Волочке Дершкове». Расхождения в посвящениях погостских храмов являются серьезным свидетельством против прямой связи РП с оглавлением

---

[13] *Фролов А. А.* Деревская пятина. Предисловие // КПРГ. М., 2004. Вып. 2. С. 192—193. Строго говоря, волость Стерж вместе с волостями Буйцы, Лопастицы, Морева, Велила и Холмским погостом (все они упомянуты в разделе РП по Деревской пятине) выходят из состава Деревской пятины уже в нач. XVI в. Но на протяжении всего XVI в. эти земли, известные как Холмский уезд Новгородской земли, изредка фигурировали в делопроизводственной документации Деревской пятины, а иногда могли быть даже случайно отнесены к ней (*Фролов А. А.* Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI — начале XVIII века // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 114). Поэтому решающего значения факт выделения южных земель в Холмский уезд для датировки РП не имеет.

[14] НПК. СПб., 1906. Т. VI. Стлб. 35—564.

[15] В РП дважды назван Никольский в Слезкине погост. Разница в расстояниях указывает на то, что имеются в виду разные пункты (300 и 370 верст). Положение первого из них соответствует Покровскому в Слезкине погосту писцовой книги.

книги В. А. Звенигородского. Вероятнее всего, ее порядок просто очень близок не сохранившейся книге поместных земель И. Я. Морозова 1540-х годов.

Особый интерес вызывает сравнение РП с писцовыми книгами Деревской пятины. Сходство с книгами, составленными после 1551 года (1582, 1595, 1626 годов), отсутствует. Близок ей порядок приправочных книг 1550/51 г. Отдельные фрагменты совпадают с книгой конца XV в. Но наибольшее внимание привлекает комплекс книг 1540-х гг. Они сохранились лишь фрагментарно, в составе фонда Поместного приказа РГАДА, дело № 17150[16]. Тем не менее по имеющимся фрагментам (в подлиннике сохранилось 7 рубрик книги Г. Морозова и 11 рубрик книги Ж. Рябчикова) хорошо видно, что внутри обеих писцовых книг начала 1540-х гг. последовательность расположения рубрик повторяет порядок расположения погостов в книге конца XV в., несмотря на то что в последней погосты письма Г. Морозова встречаются вперемешку с погостами письма Ж. Рябчикова[17]. Последовательность совпадает не только в случае с пространственно близкими, но и со значительно удаленными друг от друга погостами[18]. Если соседство таких погостов в оглавлении книги конца XV в. логично объясняется историей комплектования этой рукописи[19], то в случае с книгами начала 1540-х годов это может быть только следствием механического повторения оглавления книги конца XV в. К сожалению, сделанные наблюдения не относятся к порядку, в котором расположены в сборнике № 17150 Холмские волости, описанные торопецким писцом А. Ульяниным. По-видимому, для реконструкции порядка рубрик в книге А. Ульянина оснований нет.

Итак, изложенные наблюдения дают основания реконструировать рубрикацию книг Ж. Рябчикова и Г. Морозова путем «расшивки» оглавления книги конца XV в., т. е. путем раздельной нумерации в ее оглавлении погостов, описанных в конце 1530-х гг. Г. Морозовым, с одной стороны, и Ж. Рябчиковым, с другой (Табл. 1)[20]. Нет точных данных для реконструкции положения в оглавлении книги Ж. Рябчикова Курского, Черенчицкого, Рамышевского, Устьянского и Рамышевского погостов Курского присуда, так как все они в оглавлении книги конца XV в. были помещены под общим заголовком «городок Курско». Отдельную проблему составляет положение в перечне погостов, описанных Ж. Рябчиковым, Березовецкого погоста (иногда он именуется волостью), так как в писцовой книге конца XV в. он был опи-

---

[16] ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 1—305.

[17] НПК. СПб., 1859. Т. I; НПК. СПб., 1862. Т. II.

[18] Как и в книге конца XV в., в книге Г. Морозова рядом помещены Крестецкий и Язвищский погосты, а в книге Ж. Рябчикова — Влажинский и Буховский.

[19] *Фролов А. А.* Особенности описания округов новгородской Деревской пятины 1495—1496 гг. // Восточная Европа в древности и Средневековье: проблемы источниковедения. XVII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, IV чтения памяти А. А. Зимина. Тез. докл. Ч. II. М., 2005. С. 277—279.

[20] Такая реконструкция была бы невозможна без специального изучения вопроса о перечне округов, в которых работали их писцовые комиссии: *Фролов А. А.* Структура писцовых книг рубежа 1530—1540-х гг. по данным комплекса источников конца XV — середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №3 (21). С. 113—114.

сан в составе Жабенского погоста и не представлял особой рубрики. К решению этой проблемы мы вернемся позднее.

Уместность выполненной реконструкции можно проверить благодаря тому, что при большинстве погостов, описание которых уцелело в сборнике № 17150, сохранилась нумерация, указывающая на позицию, которую эти рубрики занимали в соответствующих писцовых книгах. Мы обнаружим, что в книге Г. Морозова эти порядковые номера в точности совпадают с номерами в реконструированном списке. Для книги Ж. Рябчикова разница составляет 3 позиции: то есть какие-то 3 погоста из числа тех, которые описывал Ж. Рябчиков, не попали на место, которое, как ожидалось, они должны были занять в соответствии с реконструкцией.

Если предлагаемая реконструкция оглавлений в принципе верна, то такими погостами могли быть только первые восемь из списка погостов, описанных Ж. Рябчиковым, поскольку девятым идет Борковский, в отрывке книги Ж. Рябчикова снабженный номером 6. Иными словами, среди Заборовского, Ясеновичского, Посонского, Вельевского, Городенского, Короцкого, Жабенского и Молвятицкого какие-то три погоста в книге Ж. Рябчикова не были представлены либо оказались смещены в самый конец оглавления.

Помня об этом противоречии между нашей реконструкцией и позитивными данными, перейдем к сравнению реконструированных оглавлений книг начала 1540-х гг. с РП. Выясняется, что в РП сначала перечислены погосты только той территории, на которой работал Ж. Рябчиков, потом — Г. Морозов. Перечень замыкается административными центрами Холмского уезда, которые в писцовой книге конца XV в. входили в состав Деревской пятины, но в конце 1530-х гг. описывались торопецким писцом А. Ульяниным. Таким образом, композиция раздела РП по Деревской пятине задана общей структурой писцовых книг начала 1540-х гг. Более того, порядок погостов в реконструкции почти идеально совпадает с порядком РП. Обращают на себя внимание некоторые детали. Три погоста — Вельевский, Городенский и Короцкий — в РП помещены в самом конце списка погостов книги Ж. Рябчикова. И хотя в реконструкции им отведено место в самом начале списка (4, 5 и 6), они, как отмечалось выше, относятся к тем восьми погостам, из числа которых какие-то три по неизвестной причине были изъяты из надлежащего места и перемещены в конец книги либо вообще в ней отсутствовали.

Если теперь удастся установить, что три названные погоста оказались в самом конце книги Ж. Рябчикова не случайно, мы получим право утверждать, что составитель РП использовал в качестве основного источника по Деревской пятине именно писцовые книги начала 1540-х годов. С другой стороны, совпадение РП с порядком погостов в предложенной реконструкции будет означать точность этой реконструкции и подтвердит существование принципа «расшивки» оглавления книги конца XV в. при составлении книг начала 1540-х гг. Между тем объяснение «миграции» трех погостов действительно существует. Дело в том, что по данным Платежной книги 1543 г.[21] в этих погостах работал не только Ж. Рябчиков, но и князь

[21] ПКНЗ. Т. 4. С. 363, 366, 369, 373.

Борис Васильевич Ушатый. Известно, что в 7050 году (01.09.1541—31.08.1542 г.)[22] первый составил духовную грамоту, а вскоре умер[23]. Это дает основания предполагать, что на последнем этапе писцового описания в связи со смертельной болезнью Ж. Рябчикова князь Ушатый его заменял. В свете сказанного данные РП должны рассматриваться как свидетельство того, что результаты работы князя Ушатого были оформлены в особую книгу, подшитую сразу после книги Ж. Рябчикова.

Взаимное расположение погостов Курского присуда в РП позволяет уточнить их положение и в книге Ж. Рябчикова. Не нашло пока объяснения расхождение между реконструированным оглавлением писцовой книги Г. Морозова и РП в положении Млевского и Сеглинского погостов. Понедельский погост, содержавший крайне небольшой объем поместных земель, в оглавлении книги Ж. Рябчикова, судя по всему, отсутствовал. Соответствующие земли были описаны в других рубриках. В целом, из 56 пунктов, представленных в реконструированном оглавлении книг Деревской пятины начала 1540-х годов, положение 54 пунктов представлено в РП адекватно.

Объяснения требует двукратное упоминание в разделе РП по Деревской пятине Березовца. В первом случае «Березовской погост» помещен между Борковским и Листовским погостами, что совершенно не соответствует его пространственному положению. Второй раз «волость Березовец» названа среди Холмских волостей — между Стержем и Велилой. Находились ли соответствующие записи в оглавлениях писцовых книг Ж. Рябчикова и А. Ульянина? В поисках ответа на этот вопрос нужно помнить, что Березовец в послед. четв. XV в. — 1-й пол. XVI в. имел двойственный статус. После конфискации в 1470-х годах у Марфы Борецкой волость Березовец как самостоятельная административная единица была передана в кормление князю И. Ю. Патрикееву. Князь лишился этой волости в связи с опалой в январе 1499 г. (или несколькими неделями ранее)[24]. Поэтому в писцовой книге Деревской пятины конца XV в., рукопись которой составлялась в течение 1499 года[25], волость была механически включена в состав Жабенского погоста, хотя описание ее сохранило самостоятельность структуры. Вот почему в реконструкции оглавления книги Ж. Рябчикова Березовец не нашел себе места. Однако известно, что в конце 1530-х годов Березовский погост описывался именно Ж. Рябчиковым[26] в качестве самостоятельной административной единицы. Поэтому уместность первого упоминания Березовца в РП сомнений не вызывает. Более того, есть основания утверждать, что и в книге Ж. Рябчикова, использованной со-

---

[22] АФЗХ. Т. 2. М., 1956. № 165.

[23] Там же. № 168.

[24] Отдельные владения И. Ю. Патрикеев начал терять уже в декабре 1498 г.: *Кучкин В. А.* Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 165.

[25] *Фролов А. А.* Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495—1496 годов // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004. № 3(17). С. 55—69.

[26] ПКНЗ. Т. 4. С. 406, 407.

ставителем РП, Березовский погост находился в той же позиции. Дело в том, что сохранилось оглавление приправочной книги Ш. Благово, который в 1550/51 году описывал половину территории Ж. Рябчикова. Вторая половина этой территории была описана в 1550/51 году С. Огибаловым и А. Тургеневым. Установлено, что оглавления соответствующих приправочных книг были получены путем «расшивки» оглавления книги Ж. Рябчикова[27], вследствие чего в оглавлении книги Ш. Благово Березовский погост оказался между Жабенским и Листовским.

Надо полагать, что не найдя в оглавлении книги конца XV в. Березовского погоста, составитель книги Ж. Рябчикова сам определил для него место в своей рукописи, не совсем удачное с точки зрения географической близости к погостам, описанным до и после него. Присутствие Березовского погоста в указанной позиции в книге Ж. Рябчикова вступает в явное противоречие с данными о составе сборника № 17150. В нем сохранились последние листы описания Борковского и полное описание Листовского погостов, идущие подряд, однако Березовский погост между этими рубриками не упоминается. Разрешить данное противоречие можно, обратившись к тем же приправочным книгам 1550/51 г. Они свидетельствуют, что их составители использовали книги начала 1540-х годов, отличавшиеся по содержанию от сборника № 17150. В сборнике № 17150 отражены результаты некоторой перекомпоновки материала, связанной с привлечением дополнительных источников информации и передачей отдельных фрагментов писцовых описаний писцам других новгородских пятин или другой части Деревской пятины. Иногда с такой перекомпоновкой не были знакомы писцы 1550/51 года[28]. Следовательно, есть основания полагать, что Березовский погост находился в первоначальном варианте книги Ж. Рябчикова, известном и Ш. Благому, и составителю РП, но был изъят из «переработанного» варианта (сборник № 17150)[29], поскольку ведался вместе с другими волостями Холмского уезда, описанного А. Ульяниным. Отсюда и второе упоминание в РП Березовца среди этих волостей.

---

[27] Кстати, Вельевский, Городенский и Короцкий погосты занимают в оглавлении Ш. Благово ту же позицию, что и в РП, что дает дополнительные основания утверждать вторичность этой части РП относительно писцовых книг начала 1540-х гг.

[28] Например, сведения о поместье А. В. Квашнина в Шегринском погосте (район работ Г. Морозова) приведены в книге Ж. Рябчикова, поскольку его усадище находилось в Тухольском погосте, т. е. в районе работ последнего (ПКНЗ. Т. 4. С. 150—151). Между тем приправочная книга Б. Ансимова 1550/51 г., характеризуя тот же массив земель, отмечает: «**в подлинных книгах в Григорьеве писме Яковличя Морозова** с товарыщи доход с тех земель не писан» (ПКНЗ. Т. 5. С. 12). Следовательно, Б. Ансимов использовал такой вариант писцовой книги Г. Морозова, из которого соответствующий текст еще не был изъят и передан Ж. Рябчикову для включения в рубрику с землями Тухольского погоста.

[29] В связи с этим стоит заметить, что часть выписей из писцовых книг начала 1540-х гг. сделана с книг Г. Морозова 7047 года, в то время как другая часть — с книг Г. Морозова 7052 г. (ПКНЗ. Т. 4. С. 103—140). В случаях, когда по одному поместью есть выписи из обеих книг, можно обнаружить расхождения в деталях описания. Выписи из книги Ж. Рябчикова относят ее в основном к 7047 году, но известен один случай с датировкой 7050-м годом (ПКНЗ. Т. 4. С. 290).

Сравнение РП с книгами 1540-х гг. Водской и Шелонской пятин дает более сложную картину. Порядок описания погостов в книге С. Клушина — 22 погоста Водской пятины — происходит из расшивки оглавления книги 1500 г. В РП их взаимный порядок сохраняется (Табл. 2). Но, в отличие от Бежецкой и Деревской пятин, где РП композиционно сохраняет разбивку погостов по книгам 1540-х гг., в Водской пятине группы погостов книги С. Клушина чередуются с группами погостов книги Г. Валуева. Однозначному объяснению такое чередование не поддается, но нельзя исключать возможности перебивки листов источника РП при копировании в XVIII в.[30] Никакого сходства с порядком писцовых книг 1550-х и 1580-х годов Водской пятины РП не имеет[31].

Оглавление книги Г. Собакина — 23 погоста Шелонской пятины — не восходит к оглавлению книги конца XV в. и игнорирует реализованный в ней принцип группировки по уездам. Тем более очевидна связь РП с книгами 1540-х гг.: 21 погост книги Г. Собакина сохранил взаимное расположение в РП. Как и в Водской пятине, здесь в РП группы погостов книги Г. Собакина чередуются с группами погостов книги С. Свербеева[32]. Со структурой писцовых книг 1550-х и 1580-х гг. Шелонской пятины РП имеет мало общего[33].

Плохая сохранность писцовых книг 1540—1550-х гг. по Обонежской пятине не позволяет делать какие-либо наблюдения, однако совершенно ясно, что РП не могла опираться на порядок, в котором расположены погосты в книгах 1580-х годов[34].

Итак, результаты сравнения РП со структурой писцовых книг однозначно свидетельствуют, что ее составитель в качестве основного источника для перечня погостов использовал комплекс книг 1540-х годов. Однако так же уверенно можно теперь утверждать, что РП имела как минимум еще один источник сведений, поскольку ни названий ямов, ни расстояний от погостов до Новгорода писцовые книги не содержат. Вероятно, определение того, что это был за источник и к какому времени он относится, следует отложить до специального изучения вопросов о составе названных в нем пунктов и особенностях исчисления расстояний, показанных в РП. Поиск ответов на эти вопросы — дело ближайшего будущего.

---

[30] К такому предположению располагает не находящее объяснения ни в пространственной близости погостов, ни в особенностях административного деления, ни в истории писцовых работ 1530-х гг. «вторжение» в самое начало перечня погостов Копорского уезда (письмо Г. Валуева) шести или семи погостов Новгородского уезда, замыкавших список погостов уезда в книге С. Клушина. После этого ряд погостов Копорского уезда возобновляется (13 погостов, описаны Валуевым), после чего следуют все остальные погосты, описанные Клушиным (Ладожский, Ореховский и Корельский уезды). Группировка по 6—7 записей характерна для текста РП по Водской пятине, что наводит на мысль о соответствии этой цифры числу строк на одном листе в источнике РП (Табл. 3).

[31] КПРГ. Т. 2. С. 157—167.

[32] Размер таких групп неизвестен из-за неточных данных о распределении погостов между этими писцами.

[33] КПРГ. Т. 2. С. 395—422.

[34] Там же. С. 270—307.

Список иллюстраций

Рис. 1. Структура «Выписи из новгородских изгонных книг»

Список сокращений

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства
КПРГ — Каталог писцовых книг Русского государства
НПК — Новгородские писцовые книги
ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли

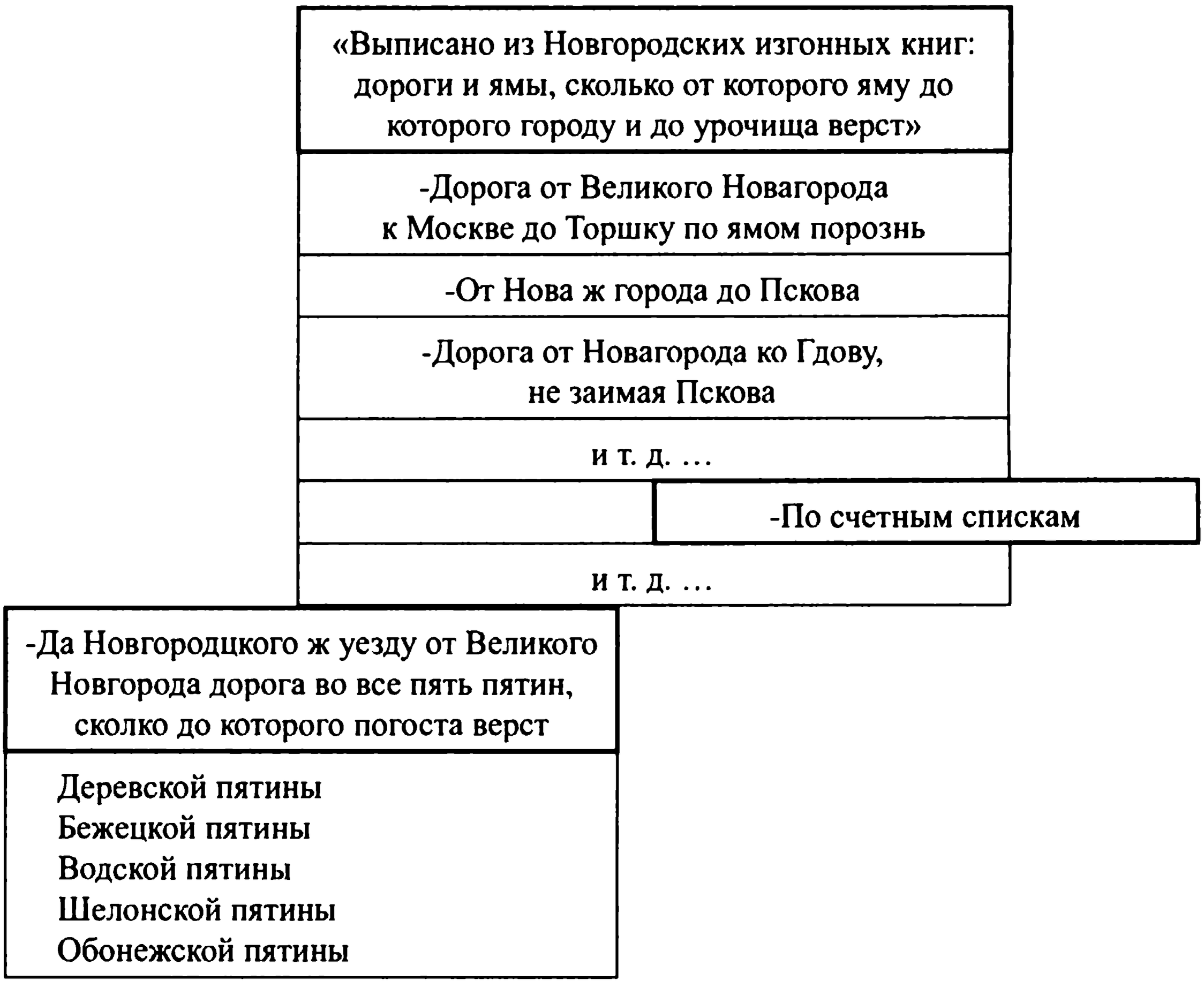


Рис. 1. Структура «Выписи из новгородских изгонных книг»

Таблица 1

Порядок перечисления пунктов в «Росписи погостов» и писцовых книгах Деревской пятины нач. 1540-х гг.

РП	Название пункта по РП	Оглавление ПК Ж. Рябчикова (реконструкция)	Оглавление ПК Г. Морозова (реконструкция)
1	Заборовский пог.	1	
2	Ясеновичский пог.	2	
3	Посонский пог.	3	
4	Жабенский пог.	7	
5	Молвятицкий пог.	8	
6	Борковский пог.	9	
	Щедковский стан		
7	Березовский пог.		
8	Листовский пог.	10(7)	
9	Тухольский пог.	11(8)	
10	Влажинский пог.	12(9)	
11	Буховский пог.	13(10)	
12	Семеновский пог.	14(11)	
13	Наволоцкий пог.	15(12)	
14	Понедельский пог.	поместья в др. рубриках	
15	Сытинский пог.	16(13)	
16	Холынский пог.	17(14)	
17	г. Деман и пог. Деманский	18(15)	
18	Полоновский пог.	19(16)	
19	Курско пог.	20	
20	Черенчицкий пог.	21	
21	Устьянский пог.	22	
22	Рамышевский пог.	23	
23	Налючский пог.	24	
24	Вельевский пог.	4	
25	Городенский пог.	5	
26	Короцкий пог.	6	
	Ям Валдай, ям Хотилов		
27	Коломенский пог.		1
28	Бологовский пог.		2
	Ям Едров		
29	Михайловский пог.		4
30	Нерецкий пог.		5

31	Ужинский пог.		6
32	Туренский пог.		7
33	Млевский пог.		3
34	Рютинский пог.		8
35	Великопороожский пог.		10
36	Березайский пог.		11
37	Боровицкий пог.		12
38	Сеглинский пог.		9
39	Пиросский пог.		13
40	Ситенский пог.		14
В том же погосте монастырь Никольский Боровно			
41	Налеский пог.		15
	Ям Яжолбицкий		
42	Яжелбицкий пог.		16
43	Еглинский пог.		17
44	Локотский пог.		18
45	Островский пог.		19
46	Черенчевичский пог.		20
47	Теребуновский пог.		21
48	Шегринский пог.		22
49	Полищский пог.		23
50	Оксоцкий пог.		24
51	Устьволомский пог.		25
52	Ручьевский пог.		26
53	Кременичский пог.		пн
	Ям Крестцы		
54	Крестецкий пог.		27
55	Язвищский пог.		28
56	Бельский пог.		29
57	Морозовичский пог.		30
58	Холовский пог.		31
59	Боженский пог.		32
Ям Бронница			
60	Бронничский пог.		пн
61	г. Холм		
62	вол. Стерж		
63	вол. Березовец		
64	вол. Велила		
65	вол. Буец		
66	вол. Лопастица		
67	вол. Морева		

Таблица 2

Порядок перечисления пунктов в «Росписи погостов» и писцовой книге Водской пятины письма С. Клушина нач. 1540-х гг.

РП	Название пункта по РП	Оглавление ПК
1	Кречневский пог.	1
2	Никольский Пидебский пог.	2
3	Заверяжье пог.	3
4	Егорьевский Лужский пог.	4
5	Дмитриевский Гдитцкий пог.	5
20	Ильинский Тигодский пог.	6
21	Солецкий на Волхове пог.	7
22	Ондрея Святого Грузинский пог.	8
23	Коломенский на Волхове пог.	9
нет	Онтоновский пог.	10
24	Петровский на Волхове пог.	11
25	Ивановский Пересжский пог.	12
40	присуд Ладожский, Городенский пог.	13
41	Ильинский на Волхове пог.	14
42	Федоровский Песотцкий пог.	15
43	Егорьевский Теребужский пог.	16
нет	в Ладожском уезде в Лопце	17
44	Михайловский на Волхове пог.	18
45	Никольский с Городища пог.	19
46	Присуд Ореховский. Спасский Городенский пог.	20
47	Воздвиженский Корбосельский пог.	21
49	Ивановский Куйвашский пог.	22

Сокращения, использованные в табл. 1—2: вол. — волость; г. — город; пог. — погост; пн — поместий нет. В столбцах 3 и 4 (Табл. 1) в поле данных жирным шрифтом обо-значены номера рубрик в отрывке подлинных писцовых книг Ж. Рябчикова и Г. Морозова (сборник № 17150).

Таблица 3

Группировка записей «Росписи погостов» по Водской пятине

№ группы записей	Писец	Число записей	Уезд
1	С. Клушин	5	Новгородский
2	Г. Валуев	7	Новгородский
3	Г. Валуев	5	Ямской
	Г. Валуев	2	Копорский
4	С. Клушин	7	Новгородский
5	Г. Валуев	13	Копорский
6-9 (?)	С. Клушин	9	Ладожский
	С. Клушин	7	Ореховский
	С. Клушин	8	Корельский

Примечание: расчет учитывает и те погосты, описание которых не сохранилось в писцовых книгах.

Е. Б. Французова (Москва)

Письменные источники о структуре псковских иконостасов в XVI в.*

Псковская земля, имевшая ярко выраженное культурно-историческое своеобразие, в 1510 г. окончательно вошла в состав единого Российского государства. Вполне понятно, что черты самобытности, присущие псковской культуре, православной в своей основе, далеко не сразу растворились в общенациональном религиозно-культурном пространстве. Многие десятилетия потребовались на завершение интеграционных процессов, на сведение отличительных свойств древней культуры к тому, что ныне принято называть региональными особенностями.

Исследователь имеет редкую возможность изучить многие аспекты культурно-исторического развития Псковской земли благодаря уникальному источнику — псковской писцовой книге 1584—1588 гг. писцов Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина[1]. Важной особенностью писцового описания 1584—1588 гг. было включение в текст писцовых книг инвентарных описей храмового имущества. Писцовые книги, составленные в ходе описания, сохранились в списках XVIII в. только по 8-ми уездам из общего числа 15-ти; не сохранилось и описания самого г. Пскова и его ближайшей округи. Но и те сведения, которые могут быть почерпнуты из уцелевших памятников, позволяют во многом уточнить представления о книжной и художественной культуре края в 80-х гг. XVI столетия, ретроспективно изучить более ранние культурно-исторические явления.

В центре внимания настоящей работы — внутреннее убранство псковских храмов, а именно — структура иконостасов. О составе деисусных чинов в храмах Псковской земли автором этих строк подготовлена отдельная статья, в которой предпринята попытка показать, что отмеченная историками искусства особенность — присутствие в псковских храмах XVI в. так называемого апостольского деисуса — была здесь явлением довольно широко распространенным и обусловленным непосредственными контактами домосковского Пскова с греческим миром, и в частности с Афоном[2]. Отличительные черты нижнего, «местного» яруса псковских иконостасов также заслуживают специального исследования.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 00-01-00141а.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827, 830. Обоснование датировки писцового описания Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина см.: *Французова Е. Б.* Описания церквей и монастырей Псковской земли в составе писцовых книг 1580-х гг. // Массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв. Мат-лы XII Всероссийской конф. Архангельск, 2002. С. 337—339.

[2] *Французова Е. Б.* Деисусные чины в храмах Псковской земли XVI в.: Местные особенности и общенациональные тенденции (по данным письменных источников) // Вестник

Сформировавшийся на территории Северо-Восточной Руси ансамбль «высокого» иконостаса, основоположниками которого были Феофан Грек и Андрей Рублев при участии, как полагают, митрополита Киприана, стал важнейшим культурным феноменом XV—XVI вв. Именно иконостасы рублевского типа определяли магистральное направление и московской художественной культуры в целом, и ее богословских идей.

Как выясняется, центрически упорядоченные четырехъярусные иконостасы, включавшие, помимо местного яруса, «чины» — деисусный, праздничный и пророческий — и представлявшие собой единый ансамбль, характерны далеко не для всех монастырских храмов Псковской земли, хотя именно монастыри были наиболее восприимчивы к новым культурным и идейным веяниям. Так, из пяти храмов, принадлежавших Псково-Печерскому монастырю, этому стандарту отвечала лишь церковь Богоматери Одигитрии на монастырском подворье в г. Пскове (1537)[3]. Между тем четырехъярусные иконостасы более или менее классического образца декорировали алтарные преграды древнего собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря и церкви Вознесения этой же обители (1527), собора Трех святителей Елеазаровой пустыни (1560—1570-е гг.) и церкви Петра и Павла Верхнеостровского монастыря (XVI в.), а также деревянной Покровской церкви Княжеозерского монастыря Выборского уезда. Судя по всему, такой же иконостас имел собор Иоанна Богослова Крыпецкого монастыря (ок. 1547), хотя туманная формулировка источника оставляет возможность иных интерпретаций. Скорее всего, четырехъярусным был и иконостас Спасо-Преображенского собора Великопустынского монастыря (не ранее 1577), однако из-за дефектности оригинала писцовой книги наличие там пророческого чина не может быть достоверно доказано[4].

Этим исчерпывается перечень монастырских храмов, следовавших лучшим столичным эталонам, из числа около 30, имеющих описи. Праотеческий чин не зафиксирован ни в одном из храмов Псковской земли. Для трапезных монастырских храмов характерно наличие только двухъярусного иконостаса с деисусным чином. Такая особенность трапезных храмов выявлена и на новгородском материале[5].

церковной истории. 2006. № 4. С. 122—141.

[3] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 164. Здесь и далее в скобках указывается время возведения каменных построек согласно датировкам Вл. В. Седова: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века // Архив архитектуры. Вып. 8. М., 1996. Строительство новых, каменных храмов, имеющих более просторный интерьер по сравнению с деревянными, как правило, сопровождалось созданием для них новых иконостасов или реконструкцией старых.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827. Л. 541 об.; Кн. 830. Л. 371 об. — 373 об., 394 об., 401, 428 об., 1250; *Французова Е. Б.* Петропавловский Верхнеостровский монастырь на Псковском озере в 1580-х годах // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 17. Псков, 2002. С. 59.

[5] *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы при архиепископе Макарии (1526—1542): Статистический аспект проблемы // Художественно-исторические памятники Можайска

В некоторых храмах алтарную преграду декорировали три яруса. В церкви Петра и Павла Середкина монастыря алтарная преграда имела два тябла: одно с деисусным чином, другое — с неким подобием праздничного, в который входили, помимо «Воскресения» (иконографическая композиция «Сошествие во ад»), «Богоявления» («Крещения») и «Рождества Христова», образы «Троицы Ветхозаветной» и «Всех святых». В храме Мальского монастыря на двух тяблах располагались ростовой деисус, состоявший из 13 икон, и пророческий чин с Богоматерью в среднике. Отсутствие праздничного ряда здесь компенсировалось отдельной иконой, местоположение которой в структуре иконостаса не вполне ясно: «Да Госпоцких праздников дванадесять на одной иконе». Иконостас Успенской церкви Кебского монастыря венчали деисусный и пророческий чины[6].

Храмы остальных монастырей имели только по одному тяблу (то есть иконостасы их были двухъярусными), причем подчас с довольно причудливым сочетанием икон. Так, в тябле храма Богородице-Рождественского монастыря г. Изборска помещались два разных деисуса, один из которых был двухрядным, совмещавшим чины деисусный и пророческий: «в тябле деисус на девяти иконох на красках; другой деисус пядницы на золоте на десяти иконох со апостолы и *с пророки*» (подчеркнуто мной. — *Е. Ф.*)[7]. Некоторые монастырские храмы вообще не имели тяблового иконостаса. Только местные ряды обнаруживаем в храме Никольского монастыря на Старом городище г. Изборска и в трапезном Успенском храме Середкина монастыря; в храме монастыря на Синичьих горах (впоследствии Святогорского), несмотря на наличие сравнительно большого числа икон, упоминаний о «чинах» и тяблах нет[8].

Из 10-ти городских храмов в провинциальных городах Псковской земли только два — собор Дмитрия Солунского в г. Гдове (1524—1527?) и Никольский собор в г. Острове (1542—1543) имели четырехъярусные иконостасы, соответствовавшие московской иконографической традиции[9]. Вместе с тем такие иконостасы встречались и в сельских приходских церквах на погостах. Их можно обнаружить по крайней мере в девяти сельских храмах (из 48-ми, имеющих описи и не разоренных). Четырехъярусные иконостасы имелись в храмах погостов Псковского уезда (Устья, Колпино, Новые Уситвы, Виделебье, Пруды, Славковичи), Изборского (Сенно), Выборского (Мыслогостицы, Ремда)[10]. Примечательно, что церкви на всех этих погостах, кроме последних двух, были каменными, следовательно, более просторными.

и русская культура XV—XVI веков (Мат-лы I Всероссийской конф. памяти святителя Макария). Можайск, 1993. С. 102.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827. Л. 758 об.; Кн. 830. Л. 197 об., 365—366.

[7] Города России XVI века. С. 182.

[8] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827. Л. 756 об. — 757, 1151—1152; Кн. 830. Л. 367—367 об.

[9] Города России XVI века. С. 168, 184.

[10] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 1144 об. — 1145, 1153 об. — 1154, 1149, 196 об., 791 об., 1261, 1257 об. — 1258; Кн. 827. Л. 752, 543 об. — 544 об.

Между тем в некоторых приходских храмах встречались иконостасы с одним местным рядом без деисуса или же двух- и трехъярусные, представлявшие собой случайный набор икон, идейно не объединенных в ансамбль.

В Успенской церкви г. Выбора, помимо местного яруса, обнаруживаем «в тябле» лишь образ «Спас Нерукотворный» над царскими вратами. Примерами отсутствия даже двухъярусного иконостаса могут служить и сельские церкви — Покровская погоста Заклинье и Успенская погоста Мелётово (обе — Псковского уезда)[11]. В последнем случае отсутствие развитого декора алтарной преграды, возможно, компенсировалось знаменитой фресковой росписью мелетовской церкви.

Во многих сельских храмах наличие второго и третьего ярусов «на тяблах» далеко не всегда знаменовало собой существование сколько-нибудь осмысленной иконографической программы. К примеру, в церкви Рождества Христова погоста Заборовье Островского уезда на единственном тябле *«в деисуса место»* (!) находились 3 иконы: «Воскресение», «Николай Чудотворец» и «Борис, Глеб и Николай Чудотворец»[12]. В церкви Рождества Богородицы погоста Старая Уситва на тябле помещались иконы «Воскресение», «Рождество Богородицы», «София Премудрость Божия», «Николай Чудотворец»; в церкви Николая Чудотворца погоста Печки — «Покров», «Три святителя», «Св. Георгий»; в церкви Ильи Пророка погоста Муравейно — «Страсти Христовы» (иконографическая композиция «Распятие»), «Благовещение», «Николай Чудотворец», «Св. Георгий» (все — Псковского уезда); в церкви Николая Чудотворца погоста Щемерицы Изборского уезда — «Воскресение», «Троица», «Рождество Христово», «Илья Пророк», «Св. Георгий» (возможно, последние четыре сюжета на одной доске), «Успение»; в церкви Успения Богородицы Дияцкого погоста Выборского уезда — «Спас», «Троица», «Успение», «Вознесение»[13].

В Георгиевской церкви погоста Печки Псковского уезда во втором и третьем регистрах иконостаса находились, согласно формулировке источника, «образы местные»: «В нижних тяблех шесть образов местных на золоте: образ Спасов, да Воскресение Христово, да Егорей страстотерпец, да Николы Чюдотворца, да Пречистые Богородицы, да Троицы Живоначалные, а перед ними шесть свечь, блюдцы на них медяны лужены. Да на верхних тяблех девять образов местных на красках, а перед ними девять свечь, перед ними девять блюд медяных полужены»[14]. «Местные» иконы находились и на двух тяблах церкви Космы и Дамиана г. Выбора[15]. По-видимому, на двух тяблах размещались иконы церкви Покрова Богородицы погоста Погостище Псковского уезда: «Покров», «Воскресение», два образа Николая Чудотворца, «Преображение», «Илья Пророк», «Косма и Дамиан»[16].

---

[11] Города России XVI века. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 192—193, 493 об.

[12] Там же. Кн. 827. Л. 955 об.

[13] Там же. Л. 753 об., 1298; Кн. 830. Л. 797 об. — 798, 1146 об., 1150 об. — 1151.

[14] Там же. Кн. 830. Л. 1143 об. — 1144.

[15] Города России XVI века. С. 189.

[16] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 794 об.

Как видим, тябла алтарных преград этих храмов служили местом экспозиции образов с наиболее распространенными в Псковской земле сюжетами «Сошествие во ад» и «Троица Ветхозаветная», храмовых икон, изображений некоторых других праздников, а также особо почитаемых в народе святых. В сравнении с приведенными примерами наиболее продуманным кажется «лаконичное» убранство алтарной преграды церкви Космы и Дамиана погоста Руски Псковского уезда. В нижнем ярусе ее находились храмовая икона «Косма и Дамиан» и выносной образ Богоматери, а «на тяблах» — обязательные еще в древности изображения Христа и Богоматери (в данном случае — «Одигитрии»), дополненные изображением самого чтимого на Руси святого — Николая Чудотворца[17].

Представляется очевидным, что подобные иконостасы иллюстрируют архаические формы убранства алтарной преграды, характерные для дорублевской эпохи. В летописях содержится указание на раннее бытование во Пскове алтарной преграды, декорированной, по-видимому, двумя тяблами (возможно, здесь, как и в некоторых из приведенных выше примеров, имелись в виду собственно не тябла-темплоны, а небольшие полки для образов) с иконами, изображающими наиболее популярные сюжеты. Повествуя о чудесном явлении, которое произошло в 1396 г. в церкви Бориса и Глеба во Пскове, Псковская первая летопись излагает это событие следующим образом: «...Икона написана Святая Троица и Воплощение Святыя Богородица изошла из своего места, *ис под верхняго тябла* (выделено мной. — *Е. Ф.*) на землю и облегоша образом на востокъ». Из более внятных повествований Псковских второй и третьей летописей явствует, что речь шла о двух иконах — «Троице» и «Воплощении» («Знамении»), которые, покинув свое место на верхнем тябле (или под ним), переместились на пол и развернулись в сторону алтаря[18]. По-видимому, продолжение традиции помещать на тяблах иконы излюбленных сюжетов мы можем наблюдать в иконостасах некоторых храмов Псковской земли в 80-х гг. XVI в. Разумеется, такие архаичные иконостасы обнаруживаются главным образом в храмах псковской провинции.

Помимо изучаемой писцовой книги, единственным письменным источником, который в массовом порядке зафиксировал внутреннее убранство сельских храмов XVI в., является дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589—1590 гг., опубликованная Н. И. Федышиным[19]. Однако описи храмов Вологодского уезда, имевшего давние контакты с Москвой и другими культурными центрами Северо-Восточной Руси, подобное явление выявить не позволяют. В 22-х храмах Вологодского уезда обнаруживаются традиционные двухъярусные иконостасы с

---

[17] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 793 об.

[18] Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 25; Вып. 2. М., 1955. С. 30, 108.

[19] Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 6—177.

деисусным рядом, преимущественно полнофигурным[20]. Сохранение архаических по составу иконостасов в псковской провинции — следствие позднего включения Псковской земли в культурную среду Русского государства.

Проникновение «московских» иконографических идей на местную почву порой создавало довольно причудливый сплав. В провинциальных храмах при наличии деисусного ряда другие тябла иной раз занимались все теми же «местными» иконами. Такое сочетание было свойственно даже некоторым городским церквам — Архангела Михаила в Гдове и Николая Чудотворца в Изборске. В первой из них на верхних тяблах помещались следующие иконы: «Преполовение праздника», «Николай Чудотворец», «Воскресение», снова «Николай Чудотворец», снова «Воскресение», «Троица», «Петр и Павел», «Архангелы Михаил и Гавриил», снова «Николай Чудотворец», «Покров». В Никольском соборе г. Изборска деисусный чин занимал верхний ярус, а на нижнем тябле стояли доски с изображениями «Воскресения», «Николая Чудотворца», «Архангела Гавриила», снова «Николая Чудотворца», «Крещения», опять «Николая Чудотворца», «Двунадесятых праздников», снова «Николая Чудотворца»[21]. В церкви Рождества Христова погоста Чирски Псковского уезда на тяблах, помимо деисуса, находились иконы «Спас», «Рождество Христово» и «Илья Пророк», а в церкви Ильи Пророка погоста Кулья того же уезда, помимо деисуса, — два образа «Воскресение»[22]. Иногда, как и в указанных выше монастырских храмах, при наличии деисуса и пророческого чина отсутствовал праздничный[23]. А в церкви на погосте Верхний Мост при наличии опять случайного набора икон на нижнем (или нижнем и среднем — из текста не вполне ясно) тябле, на верхнем помещался вполне «нормативный» пророческий ряд: «Воплощение Пречистые Богородицы с пророки, пятнатцать икон на золоте»[24].

---

[20] См.: *Филатов С. В.* Письменные источники о составе иконостасов XVI века // Архитектурное наследие и реставрация. [Вып. 1.] М., 1984. С. 126.

[21] Города России XVI века. С. 173, 180. Размер икон на нижнем тябле Никольского собора не указан. Если это были иконы небольшого размера, возможно, в данном случае мы наблюдаем формирование пядничного ряда. Однако и в некоторых других случаях, когда на алтарной преграде появлялись случайные иконографические композиции, особенно повторяющиеся, вероятно, речь идет о частных приношениях прихожан.

[22] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 796, 1153.

[23] Наличие только двух чинов — деисусного и пророческого — отмечено и в некоторых новгородских храмах XVI в.: *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы в XVI в., их состав и иконографические особенности // Русское искусство позднего средневековья: Образ и смысл. М., 1993. С. 62. Наиболее ранний сохранившийся памятник с изображением подобного иконостаса происходит из Московской Руси — на воздухе 1466 г., шитом супругой князя Михаила Андреевича Верейского, изображен Деисус, а над ним Богоматерь «Знамение» и полуфигуры 14 пророков: *Нарциссов В. В.* Воздух, шитый княгиней Еленой Верейской // Древнерусское искусство: Атрибуции и исследования. СПб., 1997. С. 212—232.

[24] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 1259 об. — 1260 об.

Происходило совмещение сюжетов на ярусах. Так, в Георгиевской церкви погоста Мда Гдовского уезда на верхнем тябле помещался пророческий чин из семи досок, а на нижнем — два чина: деисусный и праздничный, всего 23 доски. В храме Ильи Пророка погоста Выбуты Псковского уезда на тяблах обнаруживаем только один ряд: «Образ Спасов Вседержитель, около празники Господъские»[25] (здесь нелишне напомнить, что именно темплон с праздничным чином был первичен в убранстве алтарной преграды новгородского Софийского собора).

Стремление соответствовать столичным стандартам приводило к попыткам «восполнять иконографические пробелы», не отказываясь от элементов прежнего убранства алтарной преграды или же вообще не производя радикальных изменений в структуре иконостасов. В Богородице-Рождественском соборе Снетогорского монастыря, помимо ростового 21-фигурного деисуса, над северными вратами помещался семифигурный деисус, по-видимому, предшествовавший по времени созданию четырехъярусного иконостаса этого собора[26]. В Успенской церкви Печерского монастыря находились два деисуса, причем оба расположенные не по центру и оба предназначенные не для этого храма, а для погостов, основанных в миссионерских целях во время Ливонской войны печерским игуменом Корнилием на территории Дерптского епископства и возвращенные оттуда по условиям Ям-Запольского перемирия[27]. Отсутствие праздничного ряда в пещерном, имевшем низкие своды Успенском соборе компенсировалось помещавшейся у северных врат «у окна» иконой «Спасов образ да Господские празники»[28]. А в храме Николая Чудотворца Псколянского погоста Псковского уезда, на нижнем тябле которого располагался деисусный чин, на верхнем среди праздничных икон обнаруживаем «образ Пречистые Богородицы да дванадесять пророк» (иконографическая композиция «Похвала Богородицы»?), по-видимому, призванный компенсировать отсутствие пророческого ряда[29].

Приведенный здесь материал позволяет по-новому взглянуть на происхождение так называемой Походной церкви из Тверской картинной галереи, воспроизводившей облик иконостаса: в четырех регистрах памятника сверху вниз изображены праздничный, деисусный, местный ряды иконостаса и цокольный — роспись каменной алтарной преграды с фронтальными фигурами преподобных[30]. Такие алтарные преграды с росписями существовали под иконостасами XV—XVI вв. в ряде храмов Московской Руси; сохранилась такая преграда и в приделе Антония и Феодосия Киево-Печерских Успенского собора Псково-Печерского монастыря. Поскольку на иконе наиболее полно представлены псковские святые, а происходила она из тверской

---

[25] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827. Л. 360; Кн. 830. Л. 1142.

[26] Там же. Кн. 830. Л. 371 об., 377.

[27] Там же. Л. 1118—1119 об.

[28] Там же. Л. 1115.

[29] Там же. Л. 508, 1115.

[30] Воспроизведение: *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Псковская икона XIII—XVI веков. Альбом. Л., 1990. Каталог. № 148.

церкви Белая Троица, Г. В. Попов в свое время высказал предположение, что памятник был написан псковским художником, и связал его появление с именем Саввы, игумена Печерского монастыря, а позднее — епископа Тверского[31].

Впоследствии И. А. Шалина трансформировала это предположение в трогательную историю о заказе игуменом Саввой, «покидавшим родную обитель» и желавшим запечатлеть ее облик, келейного иконостаса, в миниатюре повторявшего композицию иконостаса Успенского собора Печерского монастыря[32]. К сожалению, исследовательница, которую интересовали прежде всего сюжеты, связанные с образами отшельников и преподобных, не обратила внимание на то, что деисусы в Успенском храме появились в результате эвакуации на завершающем этапе Ливонской войны, а ранее находились в построенных усилиями преп. Корнилия храмах на эстонской территории. Трудно сказать, существовали ли к началу 1570-х гг. в этом соборе более ранние деисусные чины, скорее — нет. Не обратила исследовательница внимания и на то, что в иконостасе Успенского собора отсутствовал праздничный ряд. Вместе с тем в поле ее зрения не попал и такой существенный факт, что пребывание игумена Саввы в Псково-Печерском монастыре было невероятно кратковременным. Его перевели туда из Снетогорского монастыря (где он также был игуменом) после казни преп. Корнилия, последовавшей в феврале 1570 г. В том же году или в следующем (по разным сведениям) он был хиротонисан во епископа Тверского[33]. Так что по этому памятнику вряд ли можно получить представление об облике интерьера Успенского собора Печерского монастыря.

Изучение описей имущества храмов Псковской земли показывает, однако, что подобная иконографическая композиция действительно могла иметь псковское происхождение. На это, помимо прочего, указывают помещенные в местном ярусе памятника в качестве «наместных» икон наиболее распространенные в псковских храмах сюжеты «Сошествие во ад» и «Троица Ветхозаветная». Далее, согласно описи Печерского монастыря, в трапезной палате церкви Благовещения значился миниатюрный иконостас: «Да среди трапезы у поставца Деисус на красках в киоте з Господскими празники и с пророки». Впервые соответствие этого описания иконографии «Походной церкви» отметил Ю. Г. Малков[34]. Можно привести и два других примера бытования названной композиции в интерьерах храмов Псковской

---

[31] *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери: XIV—XVI века. М., 1979. С. 236—237.

[32] *Шалина И. А.* О некоторых особенностях псковских монастырских иконостасов. Михайловская Пушкиниана. Вып. 12. По материалам конференции «История и традиции псковских монастырей в русской культуре». М., 2000. С. 25—30; *Она же.* Псковские монастырские иконостасы и их иконографические особенности // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 141—149.

[33] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 385, 442.

[34] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 1129 об.; *Малков Ю. Г.* Художественные памятники Псково-Печерского монастыря (материалы к исследованию) // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1988. С. 209.

земли. В церкви Петра и Павла погоста Рудница Гдовского уезда имелся трехъярусный иконостас. В верхнем ярусе находился семнадцатифигурный деисус. В среднем ярусе (на нижних тяблах) находились типичные для сельских церквей «местные» иконы — «Воскресение», «Николай Чудотворец и апостол Петр» и отдельно «Николай Чудотворец». А в нижнем, местном ярусе, «за правым крылосом» были помещены, во-первых, икона «Деисус» («образ Спасов на золоте, по сторонам образы Пречистая да Иван Предтечь со орхангелы и со апостолы») и, во-вторых, «*деисус невелик на золоте с празники и с пророки*». Аналогичным образом интересующая нас композиция была помещена и в Георгиевской церкви того же погоста: «Да против правого крылоса икона местная на золоте Егорей Страстотерпец в чюдесех. Да над ним ж *деисус невелик на золоте з празники и с пророки* (подчеркнуто мной. — *Е. Ф.*)». При этом в церкви на нижнем тябле был помещен одиннадцатифигурный деисус, а на «верхних» — опять-таки случайные иконы: «Покров», «Николай Чудотворец», «Три святителя»[35].

Думается, распространение композиции «Походная церковь» («Иконостас») на Псковской земле определялось прежде всего осознанием псковскими иконописцами несоответствия местных реалий религиозным и художественным идеям столицы, к середине XVI в. обретшим уже общерусское значение. Анализируя состав святых, изображенных на иконе из Тверской картинной галереи, Г. В. Попов отмечал присутствие там редких для того времени фигур московских святых — блаженных Максима (XV в.) и Василия (умер в 1552 г.). Это позволило ему связать появление иконы с известным фактом работы псковских художников в Москве после Великого московского пожара 1547 г. По-видимому, действительно, отправной точкой для появления памятника и послужило непосредственное знакомство псковских иконописцев с лучшими образцами московской живописи. Композиция «Походная церковь», воспроизводившая иконографический состав и структуру тяблового иконостаса, позволяла псковичам ощутить собственную прикосновенность к более высоким религиозно-культурным эталонам и удовлетворить потребность в духовном созерцании главной идеи иконостаса — моления Церкви небесной за Церковь земную.

Немаловажным было и чисто прикладное значение композиции: она служила в качестве образца для устройства новых иконостасов. Симптоматично, что такое изображение хранилось в Псково-Печерском монастыре. По не лишенному оснований предположению Ю. Г. Малкова, там при игумене Корнилии существовали иконописные мастерские, в задачу которых входило оформление интерьеров основанных им на эстонской территории православных храмов[36]. Бытование композиции «Походная церковь» на Псковской земле в XVI в. было одним из факторов происходивших тогда культурно-интеграционных процессов.

---

[35] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827. Л. 356—357, 358. Бытование подобных миниатюрных изображений иконостаса отмечено и в новгородских храмах XVI в., в частности в Вяжищском монастыре: *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы XVI в. С. 71.

[36] *Малков Ю. Г.* Указ. соч. С. 212.

Тем не менее появлению композиции в провинциальных сельских храмах можно найти и другое объяснение. Оно могло быть обусловлено обстоятельствами Ливонской войны, на переднем крае которой как раз и оказался Псков и его уезды. Нельзя исключить, что полки русских воинов, отправлявшиеся на поля сражений, сопровождались священниками со всем необходимым для совершения литургии и чина погребения, как это делалось в российской армии в более позднее время. Если это так, то композиция «Походная церковь» полностью оправдывала свое название. После неудачного окончания войны в 1582 г. какая-то часть богослужебных предметов, в том числе и иконы, могла попасть в местные храмы.

О. И. Дзярнович (Минск)

Образ Восточной Европы (Русь и Великое княжество Литовское) в прибалтийско-немецкой историографии XIII—XVI вв.

Специфика источников

Понятие прибалтийско-немецкой историографии XIII—XVI вв. охватывает такой специфический вид памятников, как хроники, которые создавались в Пруссии и Ливонии в Средневековье и раннем Новом времени[1]. Эти хроники рассматриваются историками преимущественно как нарративные источники. Между тем взгляд на них как на памятники историографии позволяет говорить о существовании концепции истории региона, которая, безусловно, дополнялась, но тем не менее сохраняла преемственность.

Средневековая историография являлась частью литературы, которая в свою очередь имела собственную теорию[2]. История относилась к одному из видов повествования (narrationes). Для текстов историографических имелось много места в границах средневековой учености и религиозности. История подчинялась риторике, из нее сделали один из литературных жанров. История была также методом изложения Святого Писания.

Атмосфера «священной войны»

Ранний период (XIII—XIV вв.) отображения Восточной Европы в прибалтийско-немецкой историографии связан с обоснованием идеи священной войны против язычников (Heidenkampf).

У Петра Дусбурга особенное место тут занимают эпитеты и определения врагов Ордена. Прежде всего внимание хроникера привлекают язычники (пруссы и литовцы), но только те, которые выступают против Ордена. Чаще всего они называются «сыновьями и дочерьми Белиала» (filius, filia Belial), «сыновьями погибели» (filius perdicionis)[3]. Эта последняя характеристика была использована Иоанном в его Евенгелии и пользовалась большой популярностью в церковных кругах для описания противников христианства и церкви. Для Генриха Латвийского литовцы

---

[1] Тут автор солидарен с позицией латвийского исследователя, см.: *Зутис Я.* Очерки по историографии Латвии. Ч. 1: Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

[2] См.: *Wenta J.* Badania nad dziejopisarstwem państwa zakonu krzyżackiego w Prusach // Piotr z Dusburga. Kronika Ziemi Pruskiej. Toruń, 2005. S. VII.

[3] Иоанн, 17:12.

традиционно были разбойниками — latrunculis Lethonum[4]. В «*Хронике Прусской земли*» содержатся также персональные характеристики великих князей литовских: Гедимин — «создающий видимость благочестия» (devocionem seductor), а Витень — «кощунственно бесчестит имя Христа».

Все, кто воюет с Орденом, — не только язычники, но и христиане, — воюют с верой христианской и Богом. Поэтому они являются носителями зла. Генрих Латвийский, ссылаясь на слова полоцкого князя Владимира, прямо указывает, что русские совсем не ставили цели крестить подвластных им язычников[5]. Петр из Дусбурга, описывая язычников, а также христианских врагов Ордена, обращался к арсеналу средств, используемых во времена первых крестовых походов[6]. Эти характеристики имеют свои источники в Библии и содержат эпитеты, которые можно найти в папских документах эпохи Крестовых походов, а также произведениях главных западнохристианских идеологов (Бернард из Клерво). Определенный хронологический парадокс состоит в том, что эти эпитеты из произведения XIV в. отображают сознание людей XI и первой половины XII вв. Но в XIII и XIV вв. уже существовал новый, более толерантный и приближенный к действительности образ неверных. «Старый образ», построенный на незнании реалий Ближнего Востока, должен был вызвать у крестоносцев ненависть, воодушевить на бескомпромисную борьбу с мусульманами. Опыт отношений с последними во многом скорректировал первоначальные представления европейских авторов о мусульманах, которые стали изображаться более сдержанно и с определенным признанием их достоинств. Почему же восточноевропейские враги Ордена в XIII и XIV вв. предстают на страницах прибалтийско-немецких хроник в обрамлении таких уже архаических клише?

Очевидно, что идеологи Ордена стремились показать, какую важную миссию выполняли крестоносцы в Восточной Европе и насколько христианство (западное) им благодарно. Тем более, что параллельно этому происходил упадок латинских государств в Палестине и процесс ликвидации Ордена тамплиеров. Но кроме того, цели Немецкого ордена в Восточной Европе казались более достижимыми, чем в Святой Земле, — цели той войны, которую можно назвать священной войной без Святой Земли[7]. И идеологическая кампания должна была обеспечить мобилизацию ресурсов в Европе для Ордена. Хотя, как известно, до проведения непосредственно крестовых походов на Русь не дошло[8]. Кроме того, следует отметить, что

---

[4] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. X, 1. Цит. по: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М., 2002. С. 79.

[5] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. XVI, 2.

[6] *Trupinda J.* Ideologia krucjatowa w Kronice Piotra z Dusburga. Gdańsk, 1999. S. 153, 157.

[7] *Карпини К.* Крестовые походы без Святой Земли: сакральность пространства во времена Миндаугаса // Тезисы Междунар. науч. конф. «Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: исторические и культурные связи и параллели». 11—12 декабря 2003 г. М., 2003. С. 23.

[8] См. подробнее: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. С. 14—24; *Сагановіч Г.* Русь у палітыцы крыжовых паходаў (XII—XIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавнішних часів до кінця XVIII ст.). Вып. 3. Київ, 2003. С. 69—78.

немецкие хронисты не отказывали в личном мужестве своим врагам, как это звучит при описании взятия Герцике, где воины Ордена «замок... захватили» и «убили некоторых смелых мужей — русских»: «die burg gewunnen sie in an. sie slûgen manchen rischen man»[9].

Географические реалии Руси были довольно хорошо известны немецким историографам Прибалтики. Подсчитано, что в немецких хрониках XIV — начала XV в. этноним или этникон «Русь» встречается 178 раз[10]. Для Петра из Дусбурга Русь относительно Пруссии начиналась за Мемелем (река Неман), который вытекает из «regno Russie». Еще одна великая река Восточной Европы — Двина, по словам автора Ливонской Рифмованной хроники, вытекает из Русской земли: «die Dune ein waz‚z‚er ist genant, des vluz‚ gêet von Rûz‚en lant»[11].

Для изучения истории становления Великого княжества Литовского (ВКЛ) весьма интересным представляется изменение отнесений тех или иных регионов к Руси или Литве. Как города Руси в хрониках первой трети XIV в. называются Полоцк, Витебск, Смоленск (самый восточный из названных городов); бесспорно к разряду русских относятся волынские Луцк и Владимир. Определенная вариантность возникает относительно Берестья (совр. Брест) и Каменца, хотя чаще всего их относят к русским городам (Rusen Brisik, Rusche Briske, Russchein Brysk, Kamieniec Ruthenicale). Само Подляшье — это «Русская земля».

Уже менее однозначен статус Городни (совр. Гродно). Впервые орденский рейд достиг Гродно в 1284 г., уже через год после начала «Литовской войны». Ландмагистр Конрад фон Тирберг переправился через Неман и занял Гродненский замок[12]. Обычно для немецких рыцарей Гродно находится в Литве[13]. Но как у Петра Дусбургского, так и у Виганда Марбургского жителями Гродно и околиц являются русины[14]. В связи с рейдом 1375 г. хронист пишет, что защитники Гродно «clamore vulgari Russen»[15]. А историко-культурное наследие Гродно, самобытная архитектурная школа XII в., безусловно, свидетельствуют о принадлежности города к восточно-христианской традиции с самого раннего периода его существования. Но какая-то двойственность в идентификации принадлежности Гродно для немецких авторов XIV в. остается[16].

---

[9] Atskaņu hronika / Livländische Reimchronik. Rīga, 1998. № 671—672. P. 55.

[10] См.: *Сагановіч Г.* Русь в прусских хрониках XIV—XV вв. // Славяне и их соседи. Средние века — раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. М., 1999. С. 100—104.

[11] Atskaņu hronika / Livländische Reimchronik. № 139. P. 44.

[12] См. дальнейшие рейды: *Petrus de Dusburg*. Chronicon terrae Prussiae // Scriptores Rerum Prussicarum (далее — SRP). Bd. I. Leipzig, 1861. P. 147—148, 160, 162—163, 170—171, 172, 175—176, 189, 214.

[13] *Петр Дусбург*. № 191, 266, 267, 292.

[14] SRP. Bd. II. Leipzig, 1863. S. 544, 605.

[15] SRP. Bd. II. S. 577.

[16] См. также: *Сагановіч Г.* «Русь» у вайне з Нямецкім ордэнам (канец XIII — пачатак XIV ст.) // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 8, сшытак 1—2 (14—15), снежань 2001.

Отмечено также, что хорошо известное немецким хронистам название «Русь» редко выступает как политоним, название же «Литва» чаще всего обозначает государство. «Русь» — это земля, регион, связанный с Литвой или соседний с ней[17]. Слово «Русь» также выполняет роль безусловного индикатора для конфессионального определения противника: «Rutenos et paganos»[18]. Для немецких хронистов XIV в. Великое княжество Литовское — это государство, которое объединило два народа: Литву и Русь. Петр из Дусбурга так определяет титул великого князя Гедимина: *regem Lethowinorum et Ruthenorum*[19].

Таким образом, прибалтийско-немецкие историографы высказали свою позицию по вопросу, который и сегодня возбуждает дискуссии, в первую очередь между современными белорусской и литовскими историографиями. Касается это возникновения и ранней истории Великого княжества Литовского, а также, в определенной степени, и этногенеза белоруссов.

Новая эпоха противостояний

После упадка традиции создания хроник в XV в эта историографическая практика вновь возродилась, чему поспособствовало начало Ливонской войны (Тидеман Бреденбах, Балтазар Руссов, Ёган Ренер, Соломон Геннинг, Франц Ниенштедт, Иоганн Лёмюллер, Лоренц Мюллер и др.). ВКЛ, когда о нем рассказывается и в период до Ливонской войны, имеет обычно или нейтральные оценки или выступает как союзник, что относится к первому десятилетию XVI в.

Но к России было другое отношение. Таллинский / ревельский патриот и пацифист, как его оценивают[20], ливонский историограф эстонского происхождения Балтазар Руссов (Рюссов) называл «московита» «розгами [бичем] всемогущего Бога». Союзный договор между ВКЛ и Ливонией Руссов характеризовал следующим образом: «...и этот союз, так как он был направлен против отца его (великого князя литовского Александра. — *О. Дз.*) жены, был подтвержден не только припечатанными грамотами, но и личными присягами в том, что они вместе хотели напасть со своим войском на московита, чему чрезвычайно радовались все литовцы и ливонцы»[21].

С. 10—11; *Siemiańczuk H.* Wiedza geograficzna w Zakonie krzyżackim o ziemiach białoruskich Wielkiego Księstwa Litewskiego w XIV wieku // Kancelarie krzyżackie. Stan badań i perspektywy badawcze. Malbork, 2002. S. 229.

17 *Сагановіч Г.* «Русь» у вайне з Нямецкім ордэнам. С. 11.

18 В различных вариантах у Виганда Марбургского: SRP. Bd. II. S. 559, 579, 590. Отчетливо синонимичность понятий «русский» и «православный» звучит еще в «Рифмованной хронике», см. подробней: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 193, 195.

19 *Dusburg* // SRP. Bd. I. P. 191.

20 *Brüggeman K.* Die «Chronica der Prouintz Lyfflandt» von Balthazar Rüssow. Ein lutheranischer Pastor als politischer Chronist // Kultutgeschichte der baltischen Länder in der Frühen Neuzeit. Mit einem Ausblick in die Moderne. Tübingen, 2003. S. 271.

21 *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. 2. Рига, 1879. С. 298.

Это несколько преувеличенная оценка событий войны 1500—1503 гг. Но, похоже, именно союз с ВКЛ характеризовался так положительно со стороны Руссова. Между тем в ливонских источниках сохраняется впечатление, что великий князь литовский Александр до конца не исполнил своих союзнических обязательств перед Ливонией в войне с Россией 1500—1503 гг. («*Schonne hysthorie*»). Б. Руссов настроен относительно России довольно критически, но, как искренний лютеранин, Руссов не скупится на критику Католической Церкви и католического клира, Ордена и епископов. Именно в результате их образа жизни и грехов Бог наказал страну войной[22].

Но все же есть один сюжет в отношениях государств региона, когда ливонские хронисты высказывают сдержанное неудовольствие от общей ситуации, — это торговля и ее свобода. В начале XVI в. действовало торговое эмбарго на поставку в Московское государство товаров военного назначения. Франц Ниенштадт так описывает обстоятельства одной сделки: «Помню я, что подмастерье, по имени Ганс Ферлинг, несколько панцирей тайно препроводил из Ливонии в Россию, но когда об этом узнали, то его изгнали из Ливонии, и он всю жизнь свою уже не смел показываться в этой стране, но должен был умереть в России»[23]. Почти сочувствие слышится в этих словах, хоть право Ливонии действительно было нарушено этой тайной продажей.

Знаком тревожного будущего для Ливонии стала в 1556 г. комета Фабрициуса. Как отметил в своей «*Хронике*» Балтазар Руссов, в это время происходил ландтаг в Вольмаре. Ливонские чины собрались на пиру, когда им принесли известие, что на небе появилась странная звезда, похожая своим хвостом на метлу. Сановники попросили одного дерптского каноника, который также присутствовал на празднестве, чтобы он, как человек ученый, вышел посмотреть на звезду и высказал бы свое мнение. Тогда каноник начал говорить, что он хорошо знает, что это такое — это комета, а она «обычно не предсказывает ничего хорошего»[24].

Прибалтийско-немецкая историография в XIII—XIV вв. прошла путь от идеологического обоснования экспансии до «обживания» в регионе и создания более адекватного образа соседей, содержащего важную для Ордена географическую и культурно-историческую информацию. Но более спокойный в военно-политичес-

---

[22] *Vahtre S.* Kroniki bałtyckie (inflanckie) XIII—XVIII wieku jako źródła historyczne // Zapiski Historyczne. T. XXXIV. Rok 1969. Zeszyt 4. S. 82.

[23] *Hieuitedm Ф.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 363. Подобные описания хрониста находят подтверждение и в документальных источниках, см. послание витебского воеводы Ивана Богдановича Сопеги Рижскому магистрату с благодарностью за возвращение из Риги витеблянина, который вопреки запретам продавал неприятелю кольчуги: Віцебска-Рыжскія акты XIII—XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплекса Ruthenica Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі). Вып. I: Дакументы гаспадарча-гандлёвыя, XV—XVI ст. / Падрыхтаваў Алег Дзярновіч. Мінск, 2005. № 2. С. 27—28, 61—67.

[24] *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 344.

ком смысле XV в. (после 1410 г.) стал и периодом упадка историографической практики. Новый период противостояний, начавшийся в середине XVI в., возродил, уже на более индивидуальной основе, традицию составления хроник. Эта возрожденная практика должна была дать ответы на вызовы времени и осмыслить те колоссальные, часто катастрофические, изменения, которые происходили в регионе. В значительной мере прибалтийско-немецкая историография второй половины XVI — начала XVII в. была подчинена конкретным задачам политического и военного момента.

Я. Г. Солодкин (Нижневартовск)

К истории создания Бельского летописца

Крупнейшим памятником общерусского провинциального летописания первой трети XVII в. может считаться Бельский летописец (далее — БЛ), введенный в научный оборот В. И. Корецким. По его заключению, принятому большинством исследователей, это произведение сложилось в начале 1630-х гг. в среде служилых людей западнорусских уездов, скорее всего «на Белой». На наш взгляд, к тому времени можно отнести первую, самую обширную часть памятника. Его концовка же появилась в начале последней трети «бунташного века»[1].

В единственном списке БЛ имеется немало лакун и ошибок. Так, в статье «О городе в Тарках» читаем: «привели пещаную городу, а другую дровяную»[2]. Речь, однако, должна идти о горе, как, например, в рассказе об осаде правительственными войсками Калуги; о песчаной горе упоминается в двух статьях летописца (Ст. 239, 245, 267). В конце произведения говорится «А город наряд» вместо «городовой наряд» (Ст. 266). Хотя явно имеется в виду одно и то же лицо, князь Василий Мосальский называется то Михаилом, то Федором Рубцом, а Катырев-Ростовский — вначале Иваном Петровичем, затем Михаилом Петровичем (Ст. 241—243). В заглавиях двух статей сказано «Пунцом», «Пунцо[ва]», а не «Пунтусова», как следом (Ст. 254—258. Ср.: Ст. 262, 265). Повествуя «О великом рву», летописец заметил: «около города Креми ⟨...⟩ от стены до стены же велел ров вычистить весь». Очевидно, здесь пропущено указание, которое находим в предыдущей статье, на царя Бориса Федоровича (239). Переписчик оставил место для отчества В. Плещеева, направленного в 1600/01 г. с М. Г. Салтыковым в Речь Посполитую, пропустил имя Д. М. Пожарского в статье о возникновении нижегородского ополчения (Ст. 239. Примеч. ж; Ст. 259. Ср.: Ст. 53. Примеч. э). Быть может, лакуна имеется в статье «О приходе Маринки», где сказано: «князь Александр Вишневецкой, да сендомирской (кто — не поясняется, о Ю. Мнишеке же упомянуто чуть ранее. — *Я. С.*), да брат родной красноставской» (Ст. 243). По свидетельству летописца, на Вырках погибли 4 тысячи «воров» и 6 было пленено (Ст. 245). Возможно, в последнем

---

[1] См.: *Солодкин Я. Г.* О происхождении Бельского летописца // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 19. С. 117—125; *Он же.* Летописец Бельский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 2. С. 234—236. О событиях 1664 г., которые нашли отражение в последней летописной статье (иногда принимаемой за приписку), см., напр.: *Галактионов И. В.* Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII века // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 46, 48, 50, 51, 53, 58; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 97.

[2] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 240. Далее ссылки на БЛ по этому изданию приводятся в тексте статьи с указанием страниц.

случае тоже должно было говориться о тысячах. В части с 1616/17 г. налицо несколько более или менее значительных пропусков (Ст. 265. Примеч. р, х; Ст. 266. Примеч. ы; Ст. 268. Примеч. б, д[3]; Ст. 271. Примеч. м.). Последний из них имеется в обстоятельном рассказе о Смоленской войне, почему, видимо, В. И. Корецкий и принял остальной текст за повествование о боевых действиях между Россией и Речью Посполитой в начале 1630-х гг.

Первый раздел БЛ, охватывающий статьи за 1598—1632 гг. (начало памятника утрачено[4]), скорее всего, сложился не позднее 1635 г. Ведь автор, в отличие от многих современников[5], умалчивает о возвращении на родину праха Василия Шуйского, хотя сообщает о перезахоронении Годуновых после свержения «расстриги» (Ст. 242)[6]. Данная часть летописца отличается стилистическим единством. Здесь нередко со значительными хронологическими разрывами употребляются одинаковые или сходные выражения, например: «И сведав (свидав)», «сведал» (Ст. 238, 242, 245, 246, 250, 252—255, 258, 266, 270), «всея (всей) Руския (Росийския) державы» (Ст. 238, 262), «запасы столовые (столовые запасы)» (Ст. 244, 252, 259), «скипетродержатель» (Ст. 238, 262), «наряд ломовой» (Ст. 263, 271), «великим именем назвася (не называть)» (Ст. 241, 248, 250. Ср.: Ст. 247), «выморя голодом (гладом)» (Ст. 254, 259)[7], «не могуще (могши, измогши) терпеть... тесноты (великие тесноты), тесноты терпеть, терпети» (Ст. 255, 259, 261, 262), «утеснение (великое утеснение), великие тесноты, тесноту, многую тесноту, утесняти» (Ст. 249—252, 254, 255, 257, 259, 261—263, 266, 267, 270), «конешное (конечное) разорение» (Ст. 250, 258), «коварство» (Ст. 251, 261), «вооружась (все) храбрым лицом (лицем)» (Ст. 246, 252), «Богородица, скорая помощница» (Ст. 245, 259)[8], «кровопролители (кровопролитники, кроволитцов, кровопролитцы)» (Ст. 245—248, 264. Ср. 244, 247, 249, 252, 255, 256, 258, 261, 263, 265), «за час (до, по) захожения

---

[3] Два последних из этих пропусков допущены в статье «О большом договоре с крымским цар[ем]», где говорится об отправке к хану посланника С. Тарбеева. Вместе с И. Басовым тот выехал в Крым осенью 1627 г. См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 134, 157, 438.

[4] *Корецкий В. И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // ВИ. 1971. № 5. С. 130, 139; *Он же.* Новая летопись о «смутном времени» // Знание — сила. 1972. № 1. С. 47 и др.

[5] См., напр.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1246. Примеч. 2; *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 149; ПСРЛ. Т. 34. С. 222; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец... С. 85.

[6] Ср.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 416; Русская Историческая Библиотека (далее — РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Стлб. 51, 160, 578, 651, 731, 812, 915. Ср.: Стлб. 535; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 66; Т. 34. С. 205; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 243; РГБ. Ф. 228. № 183. Л. 18 об.

[7] Ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 215.

[8] Дважды она называется вселенской (252, 253).

(захоженью) солньца (сольньца)» (Ст. 240, 247, 265, 267), «зашедши многие места (городы), заходить» (Ст. 240, 241, 244. Ср.: Ст. 246), «великою похвалою» (Ст. 261, 265), «в приближенье» (Ст. 242, 243), «Кремь (Креми, Кремли)» (Ст. 239, 256, 258, 261, 267, 268), «поворотили (поворотился)» (Ст. 249, 250, 255), «от приступа (Московского государства, города, Кром) отбили (отбил, отбить), прочь отбили» (Ст. 244, 254, 261—263), «завод», «воровской завод», «воровских завотчиков» (Ст. 244—247, 258), «злой совет (умысел)» (Ст. 245, 249, 251, 253, 261, 264. Ср.: Ст. 244), «царьского корени искоренителю», «царьских искоренителей» (Ст. 242, 246), «с царства (патриаршества) ссадили» (Ст. 242, 243, 256), «видячи» (Ст. 255, 258), «утверженным записем» (Ст. 240, 256); грамотам Лжедмитрия I Иову и Игнатию, посланию Гермогена предшествует оборот «сице (сицево)» (Ст. 242, 243, 259).

В последней летописной статье этих выражений нет, она явно написана другим автором, причем спустя примерно треть века. (Заметим, что в рассказе о Смоленской войне говорится об окольничем С. В. Прозоровском, а в концовке БЛ — его сыне, боярине Иване, который ранее называется князем, и только (Ст. 270, 271)[9]).

Обращает на себя внимание близость двух статей за 1599/1600 и 1624/25 гг.

О буре страшной.

Того же лета (Ст. 108. — *Я. С.*) бысть буря велика и страшна зело вельми. Восташа з западу от Литовского государства и вельми много лесу ломило и храмы и хоромы многие тою бурею ломило и розносило и до основанья.

О выходе горы. Того же лета в Хольмском уезде на озере на Бросне, сорок верст от Торопца, и ис того озера Бросна выходила из воды гора песчаная и стояла так дванадесят дней... опять опустилась по-прежнему на дно того озера и над нею глубины воды стало 7 сажень, как и преже того глубины на том месте было (Ст. 239).

Того же году (Ст. 133. — *Я. С.*) летом была буря велика велми, а взошла та буря з западныя страны из Литвы... лес ломило... и храмы Божыя и хоромы розносило до падошвы.

Того же лета в Таропецком уезде, сорок верст от Торопца, на озере на Бросне выходила гора со дна того озера пещаная... и опять опустилась ко дну того озера по-прежнему, а глубина воды над нею стало 7 сажень, как преже того была (Ст. 267).

---

[9] И. С. Прозоровскому было «сказано» боярство в 1657 г., за три года до смерти отца, получившего высший думный чин в самом начале царствования Алексея Михайловича. См.: *Бередников Я. И.* Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужеского монастыря. СПб., 1859. С. 96, 109; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 187. Примеч. 1; *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. С. XXVIII. Примеч. 1. Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 287.

Близки и статьи «О королевском крестопреступлении» (во время смоленского посольства), сражении под Александровой слободой, «московском разорении», походе 1617/18 г. Владислава к Москве: «...по совету папы римского и веру християнскую разорить и учинить веру в Московском государстве котолицкую»; «веру християнскую папрать по совету папы римского, и учинить в Московском государстве веру котолицкую»; «по совету папы римского хотячи веру християнскую разорить и учинить котолицкую веру»; «хотя Московское государство разорить и церкви Божия разрушить, и веру християнскую попрать, и учинить веру котолицкую по совету папы римского» (Ст. 251, 256, 258, 265; ср.: Ст. 261).

Первая часть БЛ охватывает события трех с половиной десятилетий, а учитывая, что в утраченных статьях памятника, по наблюдениям В. И. Корецкого, шла речь о закрепощении крестьян при Иване Грозном и угличском деле, — более полувека (превосходя в данном отношении Новый летописец). Поэтому можно думать, что начальный раздел произведения объединяет тематически однородные записи как минимум двух лиц, подвергшиеся редакторской правке.

Вопреки взгляду, что БЛ является местным[10], из выделенных заголовками 83 статей 23 статьи (Ст. 239, 240, 248, 250—251, 254, 257, 261—267, 269, 270), т. е. лишь 27,7 %, посвящены событиям на северо-западе Московского государства. Порой внимание в летописце уделяется происходящему в Подмосковье, Троице-Сергиевом монастыре, возле Смоленска, особенно в период его осады в 1632 г. (Ст. 239—243, 271). Во многих статьях речь идет о столичных событиях. Оказывается, Федор Иванович был погребен «подле отца своего у Архангела», в 1598/99 г. целиком выгорел Китай-город (кроме тюрьмы бражной у Варварских ворот), для нужд торговых людей вскоре там построили каменные лавки, при царе Борисе около Кремля (напротив Никольских и Фроловских ворот) появился великий ров, а «в Креми-городе... на площади колокольня каменная... в верху Иван Великий»; датский королевич «Еган» остановился в Китай-городе на посольском литовском дворе. В статье о «московском разорении» сказано, что сгорели Деревянный город, слободы за ним у Москвы-реки, Дорогомиловская слобода. Летописец подробно сообщает, где вспыхнул «великий пожар» 1626 г., что тогда выгорело в Китай-городе и Кремле. По свидетельству анонимного книжника, Бориса Годунова похоронили в Архангельском соборе, в приделе у Ивана Списателя, во время тушинской осады столицы четверть московской ржи стоила 7 рублей и больше[11], в 1623/24 г. после Рождества Христова в Москве шел дождь, сопровождаемый «великим» громом и молнией (Ст. 238—241, 252, 258, 266—268). Согласно БЛ, в 7 верстах от Москвы находятся Коломенское, Заборье,

---

[10] *Морозов Б. Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 90. Примеч. 41.

[11] По летописному свидетельству, в период великого голода при царе Борисе четверть хлеба стоила 2 рубля (Ст. 239). Ср.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 123, 127—129; Архив СПб. Ин-та истории РАН. К. 115. № 236. Л. 112; РНБ. Собр. Погодина. № 1563. Л. 105.

Ходынка, Хорошево, река Сетунка, а Лжедмитрий II расположился в 13 верстах от «царствующего града», у Спаса на Сходне (Ст. 244, 248, 255, 266).

Следует отказаться от представления, будто «местные» статьи были со временем присоединены к таким, где идет речь о событиях общерусского значения. Ведь помимо рассказов и заметок, посвященных происходившему «на Белой», в Торопецком, Ржевском и некоторых соседних уездах [«О буре страшной», «О выходе горы», «О розводе рубежей с Литовской зем[лей]», «Того же году» (о «поставлении» застав в Бельском и Торопецком уездах в 1602/03 г.), «О бельском взятье», «О торопецком приступе», «О луцком взятье» (зимой 1610/11 г.), «А луцком взятье» (летом того же года), «Тое ж зимы» (о приходе А. Просовецкого из-под Ивангорода в Ржевский уезд «на Малидова»), «О приходе под Торопец», «О посылке под Белую», «О полковнике Корсаке», «О выручке Андрея Палицына», «О побои ротмистра», «О п[рисылке] под [Белую]», «[О] посылке против королевича», «Того же месяца августа в 1 день» (о знамении, которое «видели на западной стране в Таропце»), «И сведав то окольничей и воеводы» (о взятии Дорогобужа и Белой в 1632 г.), «И в тот же Филипов пост» (об осаде тогда же Велижа и разорении Велижского уезда), «И тое же зимы» (о прибытии князя М. Белосельского «на Белую» к С. В. Прозоровскому), «Того же году летом» (о буре в Луцком, Торопецком, Бельском и Ржевском уездах), «Того ж лета» (о выходе горы на озере Бросна), «Того же лета» (из статьи «О приходе короля польскова под Смоленск», про начало осады Белой А. Госевским и Хвастовцом «с товарыщи») (Ст. 239, 240, 251, 254, 259, 261—267, 269—271)], известия о судьбах служилых людей этих уездов мы встречаем в более или менее пространных сообщениях, лишенных «локальной» окраски. Так, упомянув о занятии осенью 1606 г. И. Болотниковым Коломенского и Заборья, летописец заметил: «И в те поры пришли к Москве на помощь к царю Василью Ивановичю всеа Русии смолняне и беляне и иные городы порубежные». В конце большой статьи «А отпуске с Москвы Маринки» сказано, что боярин В. Т. Долгорукий проводил вдову Лжедмитрия I и ее отца, а также его «товарищей» до Нового торговища на Волге (близ Ржевы Владимировой), а далее отпустил с ними П. Мансурова; в 30 верстах от Белой, в селе Верховье, Марину, сендамирского воеводу «со всеми паны» «взяли» тушинцы во главе с князем В. Литвиновым-Мосальским «и к Вору поворотили»[12]. Из статьи «О бою под Торжком» узнаем, что летом 1609 г. к войскам М. В. Скопина-Шуйского присоединились торопецкие дворяне и дети боярские, служившие

---

[12] Ср.: Изборник… С. 418; ПСРЛ. Т. 34. С. 216. Любопытно, что в БЛ умалчивается о присяге белян «Вору» тогда, когда 18 августа 1608 г. тушинцы в Верховье захватили Марину, ее отца и их свиту (см. об этом: Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 732. Ср.: Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 10), там лишь сказано об «отложении» Пскова и всех порубежных городов (где стало известно о признании Ю. Мнишеком «царя Дмитрия» «зятем своим прежним») от Василия Шуйского; судя же по статье «О бою под Торжком», беляне сохраняли верность московскому правительству и оказали поддержку М. В. Скопину.

в Белой князь И. А. Хованский «з беляны же з дворяны и з детьми боярскими», князь Я. П. Барятинский «с смольняны и со брянчаны и с орловцы», входившими в состав смоленского гарнизона[13]. Повествуя о начале нижегородского ополчения, автор заметил, что боярин Д. М. Пожарский «учал збиратца... с понизовою силою и с разоренными городы... — [с] смольняны и з беляны, и з дорогобужаны, и вязмичи, и брянчаны, и с рославцы, и с иными». (Д. М. Пожарский, кстати, был пожалован в бояре два года спустя.) Про события, происходившие в Ржеве Владимировой и Бельском уезде, идет речь и в статье «О выручке Федора Шереметева» (посланном из Москвы к Пскову) (Ст. 244, 248—251, 259, 263, 264). Обратим внимание и на сходство заметки о «поставлении» застав в Бельском и Торопецком уездах «от литовскому рубежу» в 1602/03 г. с известиями об устройстве застав в течение двух последующих лет «по литовскому рубежу» от Путивля до Пскова, «по всему же литовскому рубежу межу городов» (Ст. 240, 241).

По допущению В. И. Корецкого, составитель летописца использовал устные рассказы служилых людей Бельского и соседних уездов[14]. Есть возможность конкретизировать эту мысль. Известно, что в 1614 г. в Белой служили дворяне и дети боярские — «тихвинские и торопецкие сидельцы»[15]. В БЛ же читаем о безуспешных осадах А. Госевским Торопца и шведами — Тихвинского монастыря (261—262). Быть может, соответствующие летописные заметки основаны на свидетельствах служилых людей, оборонявших Торопец и Тихвинскую обитель.

Если верить летописцу, во время осады Ельца осенью 1606 г. «купили чети сухарей по 9-ти рублей и больши», а под Калугу воеводы пришли из Москвы «на всеядной недели во вторник... и стали... против города у Еоргия на Пескех». На Вырке, что в 12 верстах от Калуги, пан С. Кохановский и Ю. Беззубцев «пошли [с] обозами мимо» полков И. И. Шуйского и Д. И. Мезецкого, дабы Болотникову «запасы многие... привести», но «воровской» «обоз розорвали». О сражении близ Болхова в 1608 г. рассказывается, что оно началось в субботу, когда армия царя Василия и отряды «Вора» бились в 20 верстах от города с утра до вечера; на следующий день самозванец переправился через реку, «поставил» обоз и прибыл в село Кобылино (от него до Болхова 15 верст) «позади полков Московского государства», «бой велик зело» окончился разгромом правительственных войск, потерявших «наряд и коши». Летом 1610 г. боярин Д. И. Шуйский, «прошедши Клушино три версты к Цареву Займищу», «стал табором», под который той же ночью пришли войска С. Жолкевского; разбив русских, поляки и «литва» вернулись «под

---

[13] Ср.: Повесть о победах... С. 9, 10, 13. Мысль В. И. Корецкого об использовании в БЛ записок местных служилых людей, воспринятая некоторыми историками (см.: *Буганов В. И.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 34. С. 6; *Ульяновский В. И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 130), может считаться не более чем догадкой.

[14] *Корецкий В. И.* Новое о крестьянском закрепощении... С. 130; *Он же*. Новая летопись... С. 47; *Он же*. Формирование крепостного права... С. 70.

[15] РИБ. М., 1912. Т. 28. Стлб. 298. См. также: *Побойнин И.* Торопецкая старина: Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века. М., 1902. С. 151.

астрог» у Царева Займища с пленными (Ст. 244, 245, 247, 255). Не принимал ли автор участия в этих событиях?

В БЛ отмечено, что в 1610 г. голова Иван Еропкин «с товарыщи» овладел Медынью, а в 1632 г. был назначен в Севск (Ст. 254, 269). Кажется маловероятным, что этот дворянин причастен к созданию летописца. Об И. Ф. Еропкине известно, что его отец, помещик Мещовского уезда, погиб возле Нарвы (Ругодива) через год после рождения сына, который в 1604 г., будучи жильцом, выставил в поход против Лжедмитрия I двух всадников[16]. Второе летописное упоминание о Еропкине, как и некоторые другие, скорее всего, заимствовано из «разрядов»[17].

Примечательно, что летописное указание на продолжительность царствования Федора Ивановича (12 лет 6 месяцев 6 дней) не имеет аналогий в сохранившихся источниках[18]. Оригинальны и известия о том, что Борис Годунов «сел на царство» 29 июля, в Ильин день (Ст. 238)[19], а 1 ноября 1599 г. было закончено строительство «города каменного» в Смоленске (Ст. 239)[20]. Приурочива-

---

[16] См.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 63; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1998. Т. 2. С. 146, 147.

[17] Считать, что «разряды» составляют основу БЛ (*Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 258), представляется опрометчивым, зависимость от них ощутима в сравнительно немногих статьях этого памятника, главным образом заключительных (241, 243—247, 253—254, 261—266, 268—271). Возможно, создателю БЛ были известны «росписи» полков и «наряда» первых недель Смоленской войны. Ср.: 269; *Сташевский Е.* Смоленская война 1632—1634 гг.: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 164—168, 171, 172, 174—178. Затруднительно решить, каким образом в распоряжение летописца попали отложившиеся, видимо, в патриаршей резиденции послания «расстриги» Иову и Игнатию, а также «эпистолия» Гермогена земским ополченцам. С точки зрения В. И. Корецкого, это сочинение прослывшего «новым исповедником» владыки могло оказаться на западной окраине России благодаря смолянам или, вероятно, белянам, сражавшимся с интервентами в рядах Второго ополчения (*Корецкий В. И.* Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник: 1975. М., 1976. С. 23). Но как тогда объяснить наличие в БЛ «писаний» Лжедмитрия I Иову и Игнатию?

[18] См.: *Солодкин Я. Г.* О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 45.

[19] Эта датировка неверна (*Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 200. Примеч. 86). Вопреки убеждению видного историка, приведенное выражение не всегда означает коронацию. См., напр.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 57, 58, 85; ПСРЛ. Т. 34. С. 195, 262. Ср.: С. 211, 219—221, 230—232, 236, 237, 241—243; Повесть о победах ... С. 35, 36; ПЛДР: Конец XVI— начало XVII веков. М., 1987. С. 328, 364, 376, 380—382, 422, 438.

[20] В других летописях это событие отнесено к 1599/1600 г., либо началу царствования Бориса Федоровича (ПСРЛ. Т. 14. С. 54; *Яковлев В. В.* Новгородско-псковская летопись 1630 г. // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 455), а в «разрядах» — к 1601/02 г. (РНБ. Эрмитажное собр. № 390. Л. 939).

ние в БЛ мороза, погубившего урожай, к 29 августа 1601 г. находит параллель в одном кратком летописце, только там вдобавок поясняется, что бедствие случилось на Усекновеньев день[21]. Известию о «поставлении» Царева-Борисова летом 1601 г. (Ст. 239) следует предпочесть свидетельства других источников о возведении крепости на Северском Донце двумя годами ранее[22]. Мятеж под Кромами отнесен в БЛ к 9 июня 1605 г., хотя далее говорится о прибытии самозванца в этот город 28 мая (Ст. 242). В действительности бунт в правительственных войсках, ставший роковым для Годуновых, произошел 7 мая, а Лжедмитрий I явился под стены Кром двенадцать дней спустя[23]. Мнишеки, в том числе невеста «расстриги» Марина, приехали в русскую столицу 2 мая[24], а не 23 апреля, как читаем в открытом В. И. Корецким летописце (Ст. 243). Убийство московского «цесаря» датируется там 16 вместо 17 мая. Согласно БЛ, Василия Шуйского нарекли царем 18 мая 1606 г. Точнее, это случилось через день[25]. Падение Тулы, приуроченное летописцем к 3 октября 1607 г., последовало неделю спустя. По свидетельству провинциального книжника, царь Василий женился той же осенью (Ст. 247). На самом деле свадьба старшего из Шуйских и княжны М. П. Буйносовой-Ростовской состоялась 17 января следующего года[26]. Болховское сражение 30 апреля — 1 мая 1608 г.[27] отнесено в БЛ к 4—5 мая того же года (Ст. 247). Явно ошибочно и летописное упоминание о подходе гетмана Жолкевского к Москве до низложения Василия Ивановича, 24 июля (Ст. 255). (Напомним, что Шуйского свергли с престола неделей ранее.) Нижегородское ополчение стало формироваться не зимой (Ст. 259), а осенью 1611 г. Риза Христова была доставлена в Москву 25 февраля 1625 г.[28], а не предыдущей осенью (Ст. 266—267). Хотя многие летописные датировки точны, указанные анахронизмы наводят на мысль, что многие свидетельства о событиях кануна и периода

---

[21] См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 120.

[22] См.: *Солодкин Я. Г.* Из ранней истории Царева-Борисова // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья: Сб. статей памяти проф. В. П. Загоровского (1925—1994). Воронеж, 2000. С. 81. Отметим, что один из основателей Царева-Борисова Семен Алфсрьев-Безнин в БЛ именуется Степаном.

[23] См.: *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1990. С. 134, 138.

[24] Там же. С. 200.

[25] *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 251, и др.

[26] См.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 174, 249. В «разрядах» сохранилось известие о небесном знамении 29 ноября 1601 г. (Там же. С. 181). Согласно БЛ, оно случилось девятью днями прежде (240).

[27] См.: *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 42—77.

[28] См.: *Белокуров С. А.* Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Феодоровичу в 1625 году // Сб. Моск. главного архива Министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. VIII.

«межъусобной брани» появились не по горячим следам, а спустя более или менее продолжительное время.

БЛ, однако, сохранил и записи, в которых нетрудно расслышать отзвуки пережитого сравнительно недавно. Так, Бориса Годунова, оказывается, нарекли царем зимой «в великий пост, на Федоровой неделе во вторник», «и тое же весны в великий же пост» новый московский государь отправил в Крым «в посланникех» Л. Лодыженского. Под 1600/01 г. читаем о приезде в российскую столицу из Речи Посполитой вести переговоры «о миру» канцлера Льва Сапеги, панов Миколы и Станислава, писаря Александра Корвин Госевского, четырех королевских «коморников», двенадцати королевских дворян, «пахоликов и купцов человек з двести»; той же зимой в великий пост, вслед за подписанием мира на 21,5 год, этих «великих послов» «отпустили» обратно, и вскоре, после Николина дня вешнего, «о докончанье миру» в Польшу выехали русские дипломаты М. Г. Салтыков, В. Плещеев, А. Власьев и П. Дмитриев. Летописец перечислил русских участников межевального съезда 1602/03 г. в Торопце и панов, сдавшихся ополченцам в Москве. По словам анонимного книжника, царь Борис умер 13 апреля 1605 г. «в суботу на другой недели по пасце, в 10-й час дни» и в схиме был наречен Боголепом. (В остальных нарративных источниках столь подробного сообщения о кончине преемника «блаженного» Федора Ивановича не встречается[29].) Из статьи «О приходе Маринки» узнаем, что «в великий пост на другой неделе» невеста первого самозванца, ее отец и другие паны достигли Лубни; в Москву, кроме купцов, прибыло 1200 поляков и «литвы». Согласно БЛ, 1 сентября 1625 г. Густав Адольф осадил Юрьев Ливонский, зимой того же года, «на всеядной недели, в воскресенье Христово», вторично женился Михаил Федорович; той же весной, во вторник шестой недели великого поста, в Москву приехал шведский посол, а «двора его немец было 47 человек». По замечанию летописца, «великий московский пожар» 1626 г. вспыхнул «на преполовеньев день в 9-м часу» (Ст. 238—241, 243, 261, 267)[30].

Итак, БЛ в части до 1635 г., со временем дополненной, объединяет записи, сделанные и по горячим следам событий, и спустя, вероятно, несколько лет (если не больше). Сочинение возникло на Северо-Западе России[31], при этом его статьи преимущественно посвящены явлениям не местного, а общерусского масштаба. Рассказы или заметки, в которых главным образом речь идет о судьбе «литовской украйны» Московского государства, следует признать синхронными тем записям, которые обнаруживают интерес к происходившему в «царствующем граде» и поблизости от него.

---

[29] См.: Изборник... С. 228; РИБ. Т. 13. Стлб. 727; ПСРЛ. Т. 14. С. 63; Т. 34. С. 205; ПЛДР. 328; БАН. 24. 5. 32. Л. 25 об.; РНБ. Софийское собр. № 1180. Л. 278; F. XVII. 17. Л. 470, и др.

[30] Ср.: РИБ. Т. 13. Стлб.152—154; ПСРЛ. Т. 14. С. 152; Т. 34. С. 220; *Яковлев В. В.* Новгородско-псковская летопись... С. 466, 467.

[31] Думаем, что летописец скорее был составлен не в Бельском уезде, как представлялось В. И. Корецкому, а в одном из соседних — Торопецком или Ржевском (*Солодкин Я. Г.* К локализации Бельского летописца // Клио: Журнал для ученых. 2001. № 3 (15). С. 26).

Д. А. Рыбаков (Киев)

«Временник Ивана Тимофеева» — историографический проект начала XVII века

«Временник Ивана Тимофеева» — произведение, казалось бы, не нуждающееся в специальном представлении. Однако, несмотря на более чем столетний опыт изучения текста и его широкое использование в научной литературе, ряд фундаментальных проблем текстологии и атрибуции остаются не раскрытыми.

С момента своего «второго обре́тения» в середине XIX века в библиотеке Флорищевой пустыни *Временник*• неоднократно фигурировал в работах историков и филологов как источник по истории начала XVII века и русского литературного языка своего времени. По сей день классическими остаются работы С. Ф. Платонова, П. Г. Васенко, О. А. Державиной и И. И. Полосина, рассматривавших *Временник* с точки зрения истории исторической мысли[1], исследования В. И. Корецкого, М. П. Лукичева, В. Б. Кобрина и Я. Г. Солодкина, уточнивших основные биографические вехи дьяка Ивана Тимофеева[2] — наиболее вероятного автора *Временника*, а также филологов-лингвистов А. Шёберга (Швеция) и В. И. Стрижаковой, проследивших стилистическую и вербально-статистическую специфику памятника[3]. Вовсе неизвестной в историографии проблемы остается работа американского исследователя Дениэла Роуленда, содержащая, на наш взгляд, небезынтересные выводы касательно идейной направленности ряда

• Тут и далее курсивом обозначены цитаты и заимствования из аутентичного текста.

[1] *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913; *Васенко П. Г.* Дьяк Иван Тимофеев, автор Временника (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли) // ЖМНП. 1908. № 3. Отд. 2; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951; *Полосин И. И.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. // Учен. зап. Московского Гос. пед. института. М., 1949. Т. 60. Вып. 2.

[2] *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986; *Лукичев М. П.* Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве // Советские архивы. 1982. № 3; *Кобрин В. Б.* Новое о дьяке Иване Тимофееве // Исторический архив. 1962. № 1; *Солодкин Я. Г.* Временник Ивана Тимофсева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002.

[3] *Sjöberg A.* Двуязычие и диглоссия на Руси в начале XVII в. Некоторые замечания о языке дьяка Ивана Тимофеева // Meddelanden från instutionen för slaviska och baltiska språk. Stockholm, 1979. № 20; *Стрижакова В. И.* Сложное именное и наречное словообразование во «Временнике» Ивана Тимофеева // Веснік Беларускага дзяржаўнага университета. Сер.: Філалогія, журналістыка, педагогіка і псіхологія. Мінск, 1973. № 3; *Она же.* К вопросу о словообразовательной синонимии: (На материале «Временника» Ивана Тимофсева) // Веснік Беларускага дзяржаўнага университета. 1974. № 1.

произведений о Смуте, в частности «Временника Ивана Тимофеева»[4]. Однако в поле зрения исследователей до сих пор не попала собственно история текста как такового и его герменевтика.

1. Атрибуция

Итак, первый вопрос, который нуждается в уточнении, это атрибуция текста. Имя Ивана Тимофеева дважды упоминалось современниками *Временника*. Впервые о нем заявил дьяк Записного приказа Тимофей Кудрявцев, занимавшийся в 1656 году по служебной линии поисками *временных и летописных книг*, автором которых был *книгочтец* (книгочей) дьяк Иван Тимофеев[5]. Несколькими годами позднее на полях рукописи был сделан комментарий с однозначной отсылкой на авторство Ивана Тимофеева (л. 277 об.). По сути, большинство исследователей строили свой анализ на основании безапелляционного доверия к этим двум утверждениям.

С легкой руки О. А. Державиной, подготовившей последнее издание *Временника* (1951), принято считать, что именно деятелями Записного приказа (1656—1657) тимофеевское *всесложение* было обретено, частично переписано и в конце концов получило свое историческое название — «Временник»[6].

Однако маргиналия на обороте листа 277 — *Новгородкиї митрополит Исидор понуждает бывающая предложити писанию дьяка Івана Тимовъева* — принадлежит редактору, правившему текст не ранее, чем через три десятилетия после его написания — не ранее 60-х годов XVII столетия. Кроме того, к деятельности Записного приказа эта маргиналия, скорее всего, отношения не имеет, так как последний прекратил свою деятельность еще в 1657 году. Хотя не исключено, что редакторы рукописи опирались на мнение экспертов, бывших у *государевой записки*.

Таким образом, авторство *Временника*, усвоенное по традиции дьяку Тимофееву, является первой проблемой, которая не может быть выяснена сегодня исходя из прямых данных текста и имеющегося в нашем распоряжении документального материала.

Впрочем, проблема атрибуции, на наш взгляд, может быть позитивно решена на основании герменевтики текста и при условии выяснения происхождения флорищевского кодекса. Кодикологический и палеографический анализ рукописи предоставляет достаточно материала для решения этой задачи.

В частности, текстология памятника наталкивает на следующие выводы:

---

[4] *Rowland D. B.* Muscovite Political Attitudes as Reflected in Early Seventeenth Century Tales about the Times of Troubles. A dissertation … in candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1976.

[5] *Белокуров С. А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. О Записном приказе. М., 1902.

[6] *Державина О. А.* «Дьяк Иван Тимофеев и его "Временник"». К этому мнению присоединился И. И. Полосин, но в свое время его отвергли первые исследователи *Временника* В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко.

α) Автор текста, судя по криптониму, Иоанн (*благодатноименный*), по нашим наблюдениям, если не новгородец по происхождению, то по крайней мере бóльшую часть своих исторических записок, составивших впоследствии *Временник*, писал именно в Новгороде Великом. Временной диапазон возникновения основного пласта текста 1615—1617 годы. Дополнение *Временника* исчерпалось в начале 1620-х годов, но главным образом после смерти Новгородского митрополита Исидора († 1619), который дважды в тексте упоминается как «заказчик».

β) Риторический пафос *Временника*, в котором повествование подчас ведется от имени *града святого великого*, указывает на то, что именно новгородская эпопея представляла едва ли не главнейшую суть повествования. Таким образом, часть «ниточек» происхождения текста ведет именно в Новгород, где и следует искать *самописчего* Иоанна.

γ) Обратим также внимание на ряд амбивалентных характеристик исторических персонажей, в чем проявляется, на наш взгляд, не просто субъективность, а служебная (политическая) заангажированность автора. Остановимся на этом подробнее.

Кроме общепризнанного святого Федора Ивановича и «ныне здравствующих» царя Михаила Романова и патриарха Филарета Никитича, особые дифирамбы посвящаются князьям Михаилу Воротынскому († 1572) и Михаилу Скопину-Шуйскому († 1610). К подчеркнуто негативным персонажам относятся цари Иван Грозный, Борис Годунов, Василий Шуйский, а также окольничий Василий Тащев. В 1610—1620-е годы единственным заинтересованным лицом в расстановке подобных «историографических» акцентов был князь боярин Иван Михайлович Воротынский († 1628) — сын Михайла Воротынского. Последний, несмотря на воинские заслуги (победу в знаменитой молодинской битве), в том же году был обвинен Грозным в крамоле и скончался в тяжких муках. Воротынский-сын долгое время был в опале при Годунове и возвратился в Москву лишь при Самозванце. Впоследствии Иван Воротынский был ближайшим сподвижником князя Михайла Скопина, с которым духовно породнился — князь Скопин был крестным отцом его сына Алексея. Именно на крестинах, судя по легенде, Скопин был отравлен «партией» Василия и Дмитрия Шуйских. Таким образом, Ивану Михайловичу Воротынскому было за что таить семейную обиду как на Грозного и Годунова, так и на Шуйского.

Из указанных в записке дьяка Тимофея Кудрявцева лиц, «подозреваемых» в хранении рукописи *Временника*, Воротынские выглядят наиболее заинтересованными в существовании нарративного памятника такой историко-политической заданности. Иными словами, *Временник*, выполнявший функции филиппики по отношению к вышеназванным антигероям, не мог не соответствовать «историческим» интересам князя Ивана Михайловича Воротынского. Если допустить, что автор маргиналии все же не ошибся в вопросе авторства, то Воротынскому действительно было за что *жаловать* дьяка Тимофеева, а тимофеевских *временных и летописных книг*, как предполагал Записной дьяк Кудрявцев, имело смысл чаять искать у Ивана Алексеевича Воротынского (внука).

Причастность к возникновению и функционированию *Временника* Воротынских разрешает и проблему отсутствия рецепции тимофеевского *всесложения* у современников. Действительно, до передачи в 1699 году рукописи в монастырское книгохранилище не было сделано ни одной копии текста. Судя по всему, *Временник* был для Воротынских (по крайней мере двух первых послеопричных поколений) чем-то вроде родового летописца, сертификата «исторической чести», а стало быть, место ему — в семейном архиве, а не в качестве публичного душеполезного чтения (вроде *Истории* Авраамия Палицына). Для историков своего времени такие заведения были недоступны, а владельцы пользовались ими весьма прецедентно. В результате рукопись несколько раз обновлялась (переписывались попорченные влагой фрагменты), редактировалась, возможно, наново переплеталась (вследствие чего нарушился порядок текста), но никогда не вводилась в историографический оборот.

Доподлинно известно, что государев дьяк Ивашко Тимофеев сын Семенов в 1620-е годы служил в Казанском приказе под началом князя Ивана Воротынского и мог искать в его лице высокого покровителя своего труда. Тимофей Кудрявцев упоминал в своей записке как потенциального хранителя *Временника* и князя Алексея Михайловича Львова, служившего, между прочим, в том же Казанском приказе одновременно с Тимофеевым[7].

Следующей проблемой, непосредственно связанной с атрибуцией, является история самого манускрипта — единственного содержащего текст *Временника*. Рукопись создавалась слоями в течении 1630—1680-х годов, пока не была передана на помин души в книгохранилище Флорищевой пустыни Владимирской епархии (1699). В работе над текстом принимали участие семь писцов и по меньшей мере два редактора. Ни один из семи почерков, которыми написан текст *Временника*, определенно не принадлежит дьяку Ивану Тимофееву († 1631).

Нами был обозначен круг людей, предположительно имевших отношение к составлению *Временника* после смерти дьяка Тимофеева (1631). Предпринятая в конце 2005 года архивная экспедиция в фонды РГАДА, ГИМ и ОР РГБ преследовала цель идентифицировать наиболее ранние почерка кодекса (в частности, «почерк 1» по классификации С. Ф. Платонова). Ожидаемых результатов достичь пока не удалось по объективным причинам — автографы «подозреваемых», как правило, не обнаруживают между собой должного сходства даже там, где обозначено «сам руку приложил» и тому подобные формулы. Таким образом, идентифицировать владельца «почерка № 1», написавшего в 1630-е годы большую часть рукописи (около 70 %), и проследить его служебные связи представляется делом будущего.

Определенно известно лишь имя последнего владельца манускрипта — *Евтифий Сидоров Попов* (л. 313). Возможно, досье этой особы предоставит материал для атрибуции *Временника* и истории его составления.

---

[7] *Корецкий В. И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 157.

2. Текст и метатекст

Причина историографической «невостребованности» *Временника* может быть объяснена также недостатком повествовательной целостности и риторической тяжеловесностью изложения, явно не популярной у современников (ср. стиль Аврамия Палицына, Алексея Михайловича или Аввакума). Впрочем, это лишь попытка объяснения отсутствия рецепции *Временника* в XVII веке.

Исключительно запутанный синтаксис и громоздкая (до «неудобочитаемости») лексика при ощутимой историографической образованности автора порождают немало спекуляций. Одной из таких спекуляций является выдвинутая в 1996 году гарвардским профессором Эдвардом Кинаном версия авторства *Временника*, согласно которой текст был написан архиепископом Арсением Элассонским (AAASS, 1996). В этой связи текст может быть интерпретирован как стилизованный перевод или плохо адаптированный для российской аудитории историко-апологетический трактат.

На наш взгляд, текстология *Временника* свидетельствует о несостоятельности данной версии по причине: *а)* мемуарного характера изложения, в которое явно не вписывается биография греко-украинского «эмигранта» Арсения; *б)* политической заангажированности дьяка Ивана Тимофеева, во многом определившей сюжетную историю *Временника* (о чем писалось выше); *в)* наконец, по причине отсутствия единой концепции и нарративной целостности текста, что указывает, скорее, на некий историографический проект автора, нежели законченное произведение, свойственное писателям *a la* Кир-Арсений. Аргументы contra versus могут быть умножены с учетом сравнительного анализа арсеньевских исторических мемуаров и его поэтического стиля.

Для аргументации своей гипотезы профессор Эдвард Кинан ссылается на лексический и грамматический анализ текста. Присутствующие в тексте грецизмы, латинизмы, «украинизмы», гапаксы и прочие признаки «сверхучености», по его мнению, никак не могут быть отнесены к литературной деятельности заурядного (или даже из ряда вон выходящего) московского приказного дьяка начала XVII века.

По нашим же наблюдениям (не претендующим на исчерпываемость по причине явного недостатка лингвистической подготовки) грецизмов в тексте *Временника* не более чем в обыденном московском *грамографе*, латинизмы — явление вполне естественное, так как Тимофеев был дьяком Пушкарского и Большого дворца приказов, а «украинизмы» — ни что иное, как полонизмы, присутствию которых в литературе эпохи Смуты удивляться не приходится.

Впрочем, текст действительно является абсолютно неудобочитаемым, что далеко не свойственно приказным «графоманам». В этой связи вопрос «сверхучености» автора также может быть разрешен на уровне изучения биографии дьяка Ивана Тимофеева, про ранний период жизни которого, в частности про образовательные студии, мы, в сущности, ничего не знаем.

Дьяк Иван Тимофеев, с моей точки зрения, по-прежнему остается наиболее вероятным автором *глаголемого Временника*.

3. Временник как нарратив

Очередной проблемой изучения *Временника* как продукта российской исторической культуры XVII века должно быть исследование историографического «почерка» автора, а также прецедента возникновения текста как такового.

Безусловно, политический кризис / гражданская война / интервенция начала XVII столетия в России были наиболее существенным фактором перелома историко-нарративных практик своего времени. По меткому замечанию В. О. Ключевского, *историческая мысль успешно растет из политых кровью развалин ⟨...⟩ бедствия гораздо лучше, чем книги и лекции, обучили людей истории*[8]. Историки эпохи Смуты вынуждены были искать новые формы исторического нарратива, тогда как старые, «летописно-хронографические», оказались крайне бедны для описания и размышления о том, чему современники были свидетелями и что вызывало живейший резонанс в читательской аудитории (по сути, в узком кругу «заказчиков»). Тем не менее проблема исторического изложения и повествовательного стиля *Временника* не объясняется одним лишь историографическим «экспериментом».

С одной стороны, автор почти не пользовался подручным историческим материалом. Кроме собственных впечатлений автора в тексте присутствует лишь информация, бывшая в то время как бы изустной: чудо Никиты Переяславского, сказание о новгородской иконе Знамение, версии об отравлении Ивана Грозного, Феодора Ивановича, Скопина-Шуйского и т. д. Ссылки на Священное Писание являются «дискурсивными» и положительно не свидетельствуют о реферировании конкретного книжного материала. Создается впечатление, что «писательская лаборатория» автора размещалась на его собственных коленях. Если признать уместными выводы, сделанные нами в одной из последних статей, о том, что бóльшая часть *Временника* была написана Тимофеевым в Новгороде Великом в последние наиболее **бедственные месяцы оккупации (1615-17)**, когда дьяк пребывал едва ли не в опале, то станет ясно, что условия работы далеко не способствовали тому, чтобы из черновых набросков и «мемуарных» записок сразу возникло монументальное историческое произведение[9]. Еще менее реально было бы требовать от автора компилятивного подхода. Впрочем, историки эпохи Смуты весьма неохотно прибегали к историческим компиляциям.

И все же автор *Временника* явно стремился к традиционности — по крайней мере, на уровне лексики изложения. Все неудобочитаемые словесные обороты, криптонимы и гапаксы суть попытки искусственной церковнославянизации светского языка. Автор выходил из хрестоматийного представления об истории Московского царства как фрагменте Священной истории, язык которой должен быть

---

[8] *Ключевский В. О.* Лекции по русской историографии. М., 1989. Т. 7. С. 91, 156.

[9] *Рибаков Д. О.* Судова «епопея» дяка Івана Тимофієва в світлі громадських взаємин у Новгороді Великому на початку XVII ст. (1611—1615) // Вісник Львівського університету. Львів, 2005.

выдержан в духе принципиально иной словесности, нежели язык приказной канцелярии или «подметной» публицистики.

Как светский дьяк автор (если им действительно был Ивашко Тимофеев Семенов) не обязан был владеть церковнославянским на уровне исторического сочинительства. Однако мастерское владение уникальным для современной российской литературы историческим методом изложения все же заставляет нас искать корни его учености, явно выходящие за пределы общедоступных *палей* и *азбуковников*.

Дополнительное затруднение для интерпретации *Временника* и выяснения контекста его происхождения имеет тот факт, что текст отразил, по сути, лишь черновые наброски автора, так и не дождавшиеся окончательной редакции и связанного монументального изложения. В составе *Временника* имплицитно присутствуют по меньшей мере три разных произведения. Их отличает не только значительный временной промежуток написания, но и задачи, с которыми автор брался за перо. Если первые листы рукописи с историей и предысторией царствования Ивана Грозного были написаны еще при жизни последнего Рюриковича, то дальнейшее повествование о первом самодержце автор писал уже в годы Смуты, подчеркивая историческую связь между опричным разорением и последующим политическим кризисом и интервенцией.

Отдельным нарративным блоком выступают фрагменты новгородской эпопеи в годы Смуты и шведской оккупации. Автор не обинуясь сообщает о том, что написать историю в проновгородском ключе его подтолкнул Новгородский митрополит Исидор. Возникновение данного фрагмента, судя по авторским намекам, имело место накануне заключения Столбовского мира, именно во время переговоров. Стало быть, новгородский сюжет писался не позднее 1617 года. Впрочем, тимофеевская «новгородиана» явно не была продолжением предыдущего повествования, иначе стоило ли оставлять на фоне *всеконечного разорения* такой нонсенс, как упоминание о нескончаемой идиллии царствования *освятованного* Федора Ивановича.

Написание истории Великого Новгорода осуществлялось по меньшей мере в два «захода» — при разных обстоятельствах и с разными интенциями. Автор не противоречит себе, заявляя, что, слоняясь по опустошенному *граду святому великому* (Новгороду), сам помыслил написать истории о том, *како в час всему разоршуся*. Причем инициатором такого рода «дискурса» стал не митрополит, а его собственная *мысль облакоподобная*. Прецедент, согласимся, весьма необычный для российской исторической литературы. Корни подобного историографического мышления, вероятно, также в сфере личной учености автора и его (само)образовании.

Выяснению этой проблемы еще предстоит уделить немало усилий, тщательно исследовав текст как с точки зрения герменевтики, так и литературного контекста. По моему глубокому убеждению, исследовательское поле при этом не должно ограничиваться рамками собственно московской и вообще кириллической книжности.

Отдельному литературному мотиву принадлежит повествование об общероссийской Смуте с ретроспективным обзором царствования Грозного и Годунова

(как прелюдии последующих бедствий). Кроме того, не позднее 1598 года датируются наиболее ранние историографические опыты автора, правда, написанные в более чем традиционном, даже клишированном, нарративном ключе и не имеющие практически ничего общего с основным повествованием.

Отдельно стоит рассматривать фрагменты, написанные после попытки Владислава IV вступить в свои политические права в Московии и возращения *трисвятейшего* Филарета в царствующий град (в кодексе последовательность этих событий нарушена). Первоначальное отношение этих фрагментов (равно как и двух *притч* в конце кодекса) к прочим метаблокам трудно установить определенно. Во всяком случае, сам *Временник* более походит на некий историографический проект (как заметил И. И. Полосин — *архив*), состоящий из отдельных тетрадок, записок, проб пера, нежели на специально подготовленный автором к «обнародованию» труд.

Набор разновременных и весьма отличных по задачам очерков был переписан и переплетен в один кодекс кем-то, определенно не автором, унаследовавшим этот «архив» в том состоянии, в котором он находился на начало 1620-х годов. Причем переписчик столь пунктуально отнесся к своему делу, что механически перенес в копию 1630-х годов даже явно анахроничные и несуразные сведения. Последующая редакция носила весьма косметический характер — исправлялись лишь описки, допущенные при восстановлении текста. Наконец, в 1660-е годы текст был вновь откорректирован, при этом в рукописи появилось оглавление и киноварные пометы, поменяли свое расположение и ряд фрагментов[10]. Однако в целом характер повествования сохранил авторскую несогласованность, что делает сохранившийся текст максимально аутентичным.

Ряд авторских деклараций в тексте свидетельствует все же о том, что автор планировал в будущем самостоятельно отредактировать и упорядочить разрозненные черновые заметки. Судя по всему, этим планам не суждено было сбыться, иначе стоило ли оставлять без редакции реплику с явными ожидательными коннотациями: *аще живи будем и обрящемся возможни, начнем о исправлении предварших своих писаний* ⟨...⟩, *аще не запнутся в коих стопы наша.* В результате *Временник* так и остался проектом — смелым, новаторским, но не реализованным моментом ранней российской историографии.

4. Исследовательская перспектива

Перед дальнейшим исследованием *Временника* с точки зрения истории идей и исторической мысли стоит разрешить следующие фундаментальные проблемы истории текста:

α) Выяснить происхождение единственной копии *Временника*, что позволило бы позитивно решить проблему авторства.

---

[10] См.: *Рибаков Д. О.*: Временник Івана Тимофієва: концепція «авторського архіву» (до питання про атрибуцію і контекст) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2004. Вип. 4. С. 348—382.

β) Раскрыть внутренние особенности динамики сюжета в соответствии с биографическими сведениями об авторе (если таковые соответствуют нашим данным о дьяке Иване Тимофееве).

γ) Предпринять анализ историографического почерка автора *Временника* в контексте современной ему европейской исторической литературы и публицистики. Проблема уникальности *Временника*, на мой взгляд, во многом объясняется неполнотой осуществлявшегося до сих пор сравнительного анализа текста.

А. Лавров (Париж)

Из исторического комментария к «Сборнику» Кирши Данилова

(« *Усы, удалы молотцы* »)

Среди стихотворений, завершающих «Сборник» Кирши Данилова, находятся «Усы, удалы молотцы»[1]. Сюжет песни вкратце таков: «Усы», происходящие из строгановского Нового Усолья, отличаются молодецкими замашками, но очень дурной репутацией. Они наведываются в гости к зажиточному «крестьянину» и набиваются на угощение, во время которого и переходят к вымогательству, подкрепленному угрозами. Для того чтобы добраться до «кубышечки» крестьянина, они разводят огонь и собираются пытать его. В это время сын-дурачок, недовольный тем, что отец копит деньги на зятьев, выдает «Усам» местонахождение кубышки. Забрав деньги, «Усы» уходят, пообещав напоследок наведаться еще раз:

Ах, мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя убьем, и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возмем[2].

Уже сам краткий пересказ содержания песни заставляет сделать одно замечание — кажется, что слушатели Кирши воспринимали всю историю как комическую, в то время как симпатии позднейшего читателя раздваиваются между «молотцами» и их жертвами.

Подобной раздвоенности не избежал и П. С. Богословский, посвятивший «Усам» специальное небольшое исследование. Богословский утверждает, что хо-

---

[1] В последние годы благодаря работам И. М. Шакинко и В. И. Байдина были достигнуты значительные успехи в реконструкции биографии Кирши Данилова (См.: *Шакинко И. М.* Таинственный Кирша // Уральский следопыт. 1992. № 8. С. 7—11; *Он же.* Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145—147; *Горелов А. А.* Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор. Т. XXVIII. СПб., 1995. С. 97—110; *Байдин В. И.* Кирша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 125—141; *Он же.* «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске. О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы. Екатеринбург, 2001. С. 73—100. Не касаясь здесь отдельных отождествлений, следует отметить главное для нашей темы — исторический Кирша жил в первой половине XVIII века и, следовательно, принадлежал к поколению, слышавшему о событиях конца XVII века от очевидцев.

[2] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд. М., 1977. С. 216—219, 350—351.

зяин имеет явные «буржуйские» черты, хотя тут же вынужден отметить, что в песне он всегда называется «крестьянином» (в более позднем варианте той же песни из сборника Чулкова хозяин назван «мужиком»)[3]. Таким образом, здесь скорее тематизируются не классовые противоречия, а презрение разбойника к простаку, живущему своим трудом. В пользу этого говорит и сходство песни об Усах с «разбойничьими», или, как стало принято их называть в советской фольклористике, «удалыми», песнями. Бытовые и исторические реалии песни, а также ее язык привели исследователя к выводу о пермском происхождении песни (иное мнение высказал в своей рецензии В. Чернышев)[4]. Один важный вопрос остался без ответа в работе П. С. Богословского — почему собственно молодцы-налетчики называются «Усами»? Сам автор предложил ряд объяснений. Во-первых, прозвище «Усы» может быть связано с Новым Усольем (его сопоставление двух разнокоренных слов несколько неубедительно). Во-вторых, большинство исторических лиц, носивших прозвище Ус (например соратник Разина Василий Ус), было «связано с вольным казачеством»[5].

Я полагаю, что загадку прозвища может обяснить история с нападением разбойничьей шайки на Кайгородок 15 мая 1690 г. Впервые это нападние с сюжетом песни связал тот же П. С. Богословский. Однако сама история нападения стала известна Богословскому по отписке из Соликамска на Верхотурье о разбойниках на Каме и в Кайгородке, опубликованной в «Собрании разных записок и сочинений»[6]. Пытаясь проверить и обосновать догадку Богословского, я обратился к неопубликованному следственному делу, позволяющему восстановить картину разгрома города.[7]

Разбойники подплыли к Кайгородку по Каме в стругах и напали на город «многолюдством, с ружейным нарядом, с пушками, и з затинными и з долгомерными

---

[3] *Богословский П. С.* Песня об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница. Пермь, 1928 (Пермский краеведческий сб. Вып. 4. С. 1—116). Фольклорист и краевед П. С. Богословский собирался посвятить «Сборнику» Кирши Данилова диссертационное исследование, которое осталось незаконченным из-за его ареста.

[4] Slavia 1932. № 1. С. 176—179.

[5] *Богословский П. С.* Песня об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница. С. 98—100.

[6] Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Первого, изданное Федором Туманским. Ч. II. СПб., 1787. Нападение на Кайгородок было совершено из строгановских вотчин, на что указывает упомянутое в песне Новое Усолье.

[7] Дело об участниках разбоев в Кайгородском, Вятском, Соликамском и Чердынском уездах // РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 3881. Л. 1—181. См. также отписку соликамского воеводы И. И. Нарышкина с изложением допроса разбойника Афанасия Выголова (РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 1. № 1735. Л. 8—9). Последняя отписка особенно интересна, поскольку Афанасий Выголов участвовал в нападении на Кайгородок и промышлял вместе со знаменитым разбойником Рычко.

пищальми и со всяким оружием и з знамены и з барабаны»[8]. Воевода Иван Лопухин, «собрався с людьми», вышел было из города навстречу разбойникам, но соратники его разбежались. Разбойники за «воеводою гонялись, и во двор к нему воровски вломились, и насильством вино у него пили...» — совершенно так же, как и в «Песне об Усах». После этого воеводу водили на Каму к стругам, показывали ему «грабленые животы и денги» и спрашивали, «есть ли де у него воеводы столько денег», после чего атаман выдал воеводе сто рублей[9]. Смысл последнего бахвальства остается не вполне ясным — вероятно, разбойники знали, что воевода является родственником царицы, и обращение с ним должно было бы демонстрировать показное почтение. После этого разбойники учинили настоящий разгром города — так, если бы его громило вражеское войско. Документы сообщают и о пакостях «женскому полу»[10]. Ничего подобного уральские города не переживали и в дальнейшем — за исключением, возможно, лета 1953 года, когда уголовники, освобожденные по той же самой амнистии, что и политические узники, захватывая поезда и речные суда, громили все на своем пути.

Показательно, что о громивших город разбойниках сообщается, что у них были выбриты бороды. «У того вора Поляны и у всех воров бороды бриты», — сообщил на допросе в Новгородском приказе Антон Гудецкий, привезший в Москву воеводскую отписку о происшедшем. Даже «взяв с собою тюремных сиделцов дву человек, которые в той тюрме сидели», разбойники не только дали им новое платье, но и обрили им бороды[11]. Были и другие отличительные знаки — сравнительно новая, неношеная одежда и флаги. Согласно все тому же свидетелю, «на тех ворах было кафтена суконные и китайчатые и кумшные, которые имали они на грабеже, на вы-

---

[8] Отписка воеводы Ивана Лопухина, до 22 июня 1690 г. // РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 3881. Л. 1.

[9] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. № 1735. Л. 9.

[10] Некоторую дополнительную информацию о разгроме города дают записки Адама Бранда и Избранта Идеса, посетивших Кайгородок два года спустя после разгрома. Особо интересно сообщение Адама Бранда, согласно которому нападавшие «хотя и православной веры», но «говорят на своем особом языке, ничего общего не имеющем с русским» — ясное указание на профессиональный язык. Примечательно, что Идес и Бранд, черпавшие свои сведения из первоисточника (их принимал все тот же воевода Иван Лопухин), записали разные версии конца этой истории. Если Идес, в полном соответствии с документальными источниками, записал, что разбойники «беспрепятственно отплыли вниз по Каме», и только некоторых из них впоследствии «в разных местах поймали, пытали и по их воровским заслугам наказали», то у Бранда присутствует более благоприятная для воеводы версия. Согласно ей, воевода успел «разбудить и поднять на ноги своих людей, после чего этот сброд опрометью бросился бежать вместе с захваченным добром» (*Избранд Идес, Адам Бранд*. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695 гг.) / Вступит. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967). Причины появления последней версии более чем понятны; но обращает на себя внимание и то, как быстро события в Кайгородке обросли различными версиями.

[11] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новых лет). Оп. 3. № 3881. Л. 14, 8 (допрос проходил 22 июня 1690 г.).

шеписанных розбоях у торговых людей» (вспомним об одежде Усов, их «смурых кафтанах с подпушечками с комчатыеми», воспетых Киршей). Кстати, на стругах у разбойников стояли «три знамена кумашные, красные»[12].

Первое объяснение напрашивается само собой. В условиях, когда разбой перерастал в уличные бои, необходимо было отличать своих от чужих, и дорогая неношеная одежда, особенно в сумерках, не была надежным признаком. Зато таким признаком были выбритые лица разбойников. Однако не все так просто. Обращение к источникам показывает, что бритые подбородки (при наличии растительности над верхней губой) были признаком перехода в казаки. Автор «Летописи Самовидца» с нескрываемым презрением рассказывает о «показачивании» некоторых достойных людей, примкнувших таким образом к движению Хмельницкого: «...И присяглiе бурмистрове, и райци своi уряди покидали, и бороды голили, и до того войска ишли: бо тiе себi зневагу держали, которiй бы з бородою неголеною у войску был. Так диаявол учинил себi смiх за людей статечних»[13].

Между брадобритием как внешним признаком «показачивания» и как признаком принадлежности к разбойничьей шайке не было серьезного противоречия. Тем более справедливо это для Русского Севера, где сами сообщества профессиональных разбойников внешне подражали организации казачьих сообществ — у них были свои атаманы и есаулы. В свое время это создало известные трудности в изучении профессиональной преступности в Московской Руси, потому что и мятежные крестьяне, и уже известные нам «усы» объединялись в сходные сообщества[14].

Представленная аргументация позволяет сделать некоторые выводы. Первый из них касается Кирши Данилова. Можно предполагать, что Кирша хорошо знал события, о которых пел[15]. Кроме того, «Песня» была и довольно ловко составлен-

---

[12] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новых лет). Оп. 3. № 3881. Л. 14, 10.

[13] Літопис Самовидця / Видання підгот. канд. філол. наук Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 57 (1649 г.). На это упоминание из исследователей обратил внимание, кажется, только В.А. Мякотин (*Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Т. 1. Вып. 1. Прага, 1924. С. 12).

[14] Кстати, документы дают нам другие имена атаманов, нежели «Песня об Усах», где упомянуты «Гришка-Мурышка, дворянской сын», «Афонас» и «Агафон». Согласно допросу Афанасия Выголова, «на воровсве... с ним были... в атаманех вятчанин Андрюшка Федоров, а в ясаулах брат сво... Оска». Но песня — не приказная отписка. Так попал в песню Григорий Мурышкин — реальное историческое лицо, действовавшее за полвека до описываемых событий (РГАДА. А.159 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. № 1735. Л. 8; *Аристов Н.Я.* Об историческом значении русских разбойничих песен. Воронеж, 1875. С. 34; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым (комментарий). С. 459).

[15] К сожалению, приходится отвергнуть версию, согласно которой жители Кайгородка были выманены на берег представлением, разыгранным скоморохами, чем воспользовались разбойники, начавшие грабить город. Кажется, склонявшийся к этой версии П.С. Богословский был введен в заблуждение старым переводом записок Избранда Идеса. В тексте записок речь идет лишь о барабанном бое и дудках, сопровождавших высадку.

ным текстом, потому что речь в ней как будто идет об ограблении одной семьи, а не целого города. При этом можно смело предположить, что песню пели скорее в Новом Усолье, нежели в Кайгородке, — одним словом, перед нами типичный памятник народной культуры раннего Нового времени, ориентированный на местную, локальную идентичность и высмеивающий простаков-соседей.

Второй вывод касается той глухой оппозиции, которую вызвало петровское бритье бород (исследователи часто забывают, что усы оставались нетронутыми). Обычно отсылка делается на нетерпимость по отношению к «латинянам» или на предрассудки по отношению к гомосексуалистам. Мне кажется, что современники разгрома Кайгородка видели в брадобритии непозволительное для царя и его окружения подражание внешнему виду «Усов». Понятно, что царь или бояре «показачиться» не могли, но их голые подбородки выглядели для современников более чем дурным тоном[16]. В качестве параллели можно привести возмущение, которое вызывало у Варлаама Шаламова увлечение части шестидесятников «блатными» песнями. А если искать более близкие аналогии, петровские усы выглядели примерно так же, как выглядят сейчас короткие кожаные куртки и массивные золотые цепи, — конечно, когда их надевают не те, кто таким образом маркирует свою социальную принадлежность, а, скажем, народные артисты или просто благонамеренные налогоплательщики. Речь шла об очень чувствительном нарушении поведенческого кода.

Русские источники не подтверждают подобного свидетельства (*Избранд Идес, Адам Бранд*. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695 гг.) / Вступит. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967; *Богословский П.С.* Песня об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница. С. 87). Исполнение «Песни об Усах» наследником скоморохов в этом случае вызывало бы двойной эффект, потому что напоминало и о набеге, и о предполагаемой роли скоморохов в нем.

[16] Важный материал о взаимодействии между миром профессиональной преступности и петровским государственным аппаратом собран Д.О. Серовым (*Серов Д.О.* Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996).

К. Зольдат (Кёльн)

«Академическая» публикация духовной грамоты Ивана IV

Духовная грамота Ивана Грозного 1572-го года является очень своеобразным документом, который после своей первой публикации Н. М. Карамзиным был опубликован еще три раза[1]. Во всех изданиях до середины XX в. публиковался только текст духовной, а другие тексты и общие характеристики рукописи, которые едва ли не интереснее самого текста, публиковались редко и ни разу не были полностью описаны[2]. Исключение — академическое издание духовной академиком Л. В. Черепниным в сборнике «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДДГ)[3].

Высокий уровень археографической обработки изданных в томе документов давно общепризнан в науке. Во-первых, надо отметить системный подход к уцелевшим драгоценным документальным свидетельствам. Изданы все грамоты, подлинники и списки, хранящиеся в разных архивах и собраниях рукописей, полностью воспроизведены тексты и пометы на лицевой и оборотной частях листов. Тщательно описаны рукописи с учетом исправлений, писцовых и архивных помет, а в исключительных случаях и примечания позднейших переписчиков. Сделаны единообразные краткие, но ясные и емкие палеографические характеристики, описания и датировки филиграней, произведен тонкий учет всей совокупности датирующих показаний как самих документов, так и синхронных материалов. Все это делает «Духовные и договорные грамоты» уникальными в корпусе прочих изданий документальных источников, осуществленных советскими историками в 1950—1970-е годы, публикация стала образцовой.

Как и остальные документы, духовная грамота Ивана Грозного в ДДГ издана по рукописи. В публикации зафиксированы ее особенности, которые дают нам основания для предположения о том, что текст является мистификацией XIX в. Этот

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российскаго, изд. пятое в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями, издание И. Ейнерлинга, книга III (томы IX, X, XI, XII). СПб., 1845. Кол. 178—184; Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 1, № 222. С. 371—389 (ДАИ); *Бахрушинъ С. В.* Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удельныхъ. М., 1909. С. 44—64.

[2] В ДАИ упомянут комментарий к духовной и напечатано введение. Карамзин вообще только опубликовал первую, «литературную», часть духовной. Бахрушин издал только сам текст без паратекста.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950.

тезис не нов[4], но мы попытаемся доказать его путем анализа паратекста, то есть тех частей, которые окружают сам текст завещания царя.

Разделение текста на текст и паратекст относится к приемам литературоведения, мы с паратекстом работаем методами литературоведения.

Как известно, текст духовной дошел до нас не в подлиннике, а в копии на бумаге с филигранью 1805 г.[5] В этом на первый взгляд нет ничего особенного. В XVIII и в начале XIX в. практика копирования древних памятников была распространена[6]. Отметим, что протограф, с которого переписывалась данная рукопись, исчез. Текст впервые упомянут в январе 1822 г. в письме Н. М. Карамзина А. Ф. Малиновскому: «Прошу еще прислать мне *духовную* Иоанна Грознаго и похвальное слово Годунову, доктора Фридека (или какъ его зовутъ?)»[7]. Ни в описи дел Посольского приказа 1614 г., ни в описи архива Посольского Приказа 1626 г., духовная грамота Ивана Грозного не отмечена[8].

После использования Карамзиным рукопись была возвращена Малиновскому, а тот хранил ее в своем собственном собрании. В его составе она поступила в древлехранилище МГАМИД, а ныне хранится в РГАДА, в составе фонда № 199 (Малиновского)[9]. Итак, Малиновский где-то нашел завещание и включил его в свое собрание. Но откуда он взял рукопись, что он об этом сообщил Карамзину, не известно.

Рукопись, по-видимому, создана между 1805 и 1821 гг., так как из письма Карамзина 1822 г. ясно, что Малиновский сообщил ему в одном из предыдуших посланий о существовании рукописи. Об этом свидетельствует и «История государства Российского» Карамзина: в девятом томе, напечатанном в начале 1821-го года[10],

---

[4] В новейшей биографии Ивана Грозного Изабель де Мадариага пишет о духовной: «He had already drafted a will, perhaps several times, but the only surviving text of any of his wills is an undated copy, made early in the nineteenth century, of an eighteenth-century copy of an earlier copy of a sixteenth-century original, and historians are not unanimous about when exactly Ivan may have dictated it, if it is in fact genuine» (*I. de Madariaga*. Ivan the Terrible. First Tsar of Russia. New Haven; London, 2005. P. 317). Немецкий литературовед и специалист по средневековью Вольф-Хейнрих Шмид сообщал нам, что в подлинности духовной сомневаются литературоведы Пушкинского дома, и петербургский литературовед Дмитрий Буланин подвердил нам это.

[5] ДДГ. С. 444.

[6] Карамзин во время работы над Историей часто просил у заведующего МГАМИД переписать и прислать ему источники. См.: Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву / Под ред. М. Н. Лонгинова. М., 1860.

[7] Письмо Карамзина Малиновскому, Санкт-Петербург, 29.1.1822 // Письма Карамзина. С. 59.

[8] Выдержки из описи Посольского приказа 1614 г. // ДДГ. С. 445—458; выдержки из описи Посольского приказа 1626 г. // ДДГ. С. 459—483.

[9] См. сигнатуру в ДДГ, с. 444: ЦГАДА, портфель Малиновского № 3-б, дело № 79.

[10] См. Письмо Карамзина Малиновскому, Санкт-Петербург, 20.1.1821 // Письма Карамзина. С. 50—51.

духовной Ивана Грозного нет, но она есть в Примечаниях, изданных после января 1822 г. Введение, или преамбула, завещания дает дополнительную информацию о том, как была создана рукопись духовной.

В академическом издании она опубликована впервые отдельно от комментариев:

«Духовная государя, царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, и прочая, и прочая, и прочая, сочинена самим около 7080-го от сотворения мира, а от рождества христова 1572 году и содержит завещание и наставление духовная, нравоучительная и политическая, зело благоразумныя и мудрыя, тут же и раздел государям, царевичам, сыновьям его, царевичу Иоанну Иоанновичу и царевичу Федору Иоанновичу.

Списана с копии, которая была списана с оригинальной сей духовной человеком искусным и любопытным, как примечания показует.

А. Курбатова.

Списана въ Санктпетербурге в апреле месяце 1739»[11].

Итак, кроме наличной копии завещания существовали якобы еще два или три списка с него. Существовал некий подлинник, с него была списана копия, с которой в свою очередь сделали копию с комментариями, с нее списали копию Курбатова, ставшей протографом копии 1805-го года. Или, как Изабель де Мадариага пишет: «an undated copy, made early in the nineteenth century, of an eigtheenth-century copy of an earlier copy of a sixteenth-century original»[12].

Что касается числа копий, сделанных с подлинника, то есть разные трактовки введения. Можно считать, что незнакомый переписчик в 1805 г. (или позже) сделал копию с текста 1739 г. Курбатова, который копировал комментированный список, сделанный с подлинника — в итоге получаются две пропавшие копии и пропавший подлинник. Так думает американский издатель духовной Р. Хоуса[13].

Немецкий историк Гюнтер Штёкль предполагал, что в 1805 г. неизвестное лицо списало текст со списка 1749-го года, который, в свою очередь, был сделан с копии Курбатова, который был автором комментариев к тексту духовной скопированного им подлинника. По такой гипотезе имеем три пропавших копии и исчезнувший подлинник[14].

Итак, пропали как минимум две копии и подлинник, а протограф копии 1805—1822 гг. пропал еще в начале XIX в., когда историки-любители активно собирали древние бумаги, составили комиссии для поиска рукописных книг и т. д.[15]

---

[11] ДДГ. С. 444.

[12] *Madariaga*. Ivan the Terrible. P. 317.

[13] The Testaments of the Grand Princes of Moscow, translated and edited with commentary by R.C. Howes. Ithaca; New York, 1967. P. 306.

[14] *Stökl Günther*. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972 (= Abhandlungen der rheinisch-westfälischen Akademie der Wissenschaften; 48). P. 14.

[15] О деятельностях любителей и архивных комиссий см.: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1982; *Он же.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку

Кто вообще написал введение — неизвестно и не решено, так как подпись неясна. Очевидно, что подпись стоит в родительном падеже, если считать невероятным то предположение, что копия сделана некой забытой в истории женщиной — А. Курбатовой. Интересна сама дата якобы написания преамбулы — апрель 1739-го года. В Петровскую эпоху существовал чиновник и «первый прибыльщик царя Петра» Алексей Курбатов, с которым соблазнительно отождествить А. Курбатова из введения. Только умер «прибыльщик» в 1721 г., почти на 20 лет раньше той даты, которой якобы датируется копия «1739 г.»[16].

Можно прочитать введение дословно, не считаясь с филигранью. В этом случае мы на время забываем о том, что текст был скопирован в 1805—1822 гг. неизвестным переписчиком. Тогда оно читается так: в 1739-ом году Алексей Курбатов, бывший «прибыльщик» Петра Великого, списал духовную грамоту Ивана Грозного с комментированной неизвестным человеком копии подлинника. Такое прочтение введения напоминает прием издательской фикции и литературной игры[17], в которой употребляются исторические имена (Иван Грозный, А. Курбатов), исторические даты (апрель 1739 г., 7080 г. от сотворения мира или 1572 от рождения Христа). Эти якобы исторические факты использованы с целью убедить читателей в том, что введение написано «искусным и любопытным человеком». Такие приемы знакомы из художественной литературы сентиментализма и романтизма, они известны в России с конца XVIII в. В рассказах и романах, оказавшихся издательской фикцией, собственный автор отходит на задный план, его авторство становится неясным и прячется под масками, являющимися литературной игрой[18].

Со своими пропавшими копиями, очевидно, фальшивыми числами и «мрачной» подписью введение читается как издательская фикция, как прием, часто употребляемый, например, Н. М. Карамзиным в его исторических рассказах. Во всех повестях Карамзина из «Московского журнала» используются подобные приемы. Например, в предисловии к «Марфе Посаднице» читаем: «Вот один из самых важнейших случаев российской истории! — говорит издатель сей повести. ⟨...⟩ В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и — сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный»[19]. Этот прием известен из «Повестей Белкина» Пушкина, из «Героя нашего времени»

Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988; *Он же.* Российская археография в конце XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999.

[16] *Соловьев С. М.* Сочинения в 18 книгах. Кн. VIII. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15—16. С. 479 и сл.

[17] Об игре в художественном тексте см.: *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 1998. С. 67—86.

[18] См.: *Küpper S.* Autorstrategien im Moskauer Konzeptualismus. Il'ja Kabakov, Lev Rubinštejn, Dmitrij A. Prigov. Frankfurt am Main, 2000 (Berliner slawistische Arbeiten; 11). S. 11—17.

[19] *Карамзин Н. М.* Марфа Посадница или Покорение Новагорода, Повести. Главы из «Истории государства Российского». Л., 1989. С. 36 и след.

Лермонтова, из «Рукописи, найденной в Сарагосе» графа Яна Потоцкого, опубликованной в 1805-ом году в Санкт-Петербурге, из других произведений русского и европейского сентиментализма и романтиизма.

Прием издательской фикции часто встречается в литературе, если автор хочет придать своему тексту дополнительный авторитет. Прием употребляется для манипуляции читателями, которые, конечно, знают, что именно автор написал этот текст, якобы им только найденный. Классический пример — роман «Имени Розы» Умберто Эко, в котором «издатель У. Эко» под заглавием «РАЗУМЕЕТСЯ, РУКОПИСЬ» замечает:

«16 августа 1968 года я приобрел книгу под названием "Записки отца Адсона из Мелька, переведенные на французский язык по изданию отца Ж. Мабийона" (Париж, типография Ласурсского аббатства, 1842). Автором перевода значился некий аббат Балле. В довольно бедном историческом комментарии сообщалось, что переводчик дословно следовал изданию рукописи XIV в., разысканной в библиотеке Мелькского монастыря знаменитым ученым семнадцатого столетия, столь много сделавшим для историографии ордена бенедиктинцев»[20].

«Я срочно написал предисловие и засунул свою повесть в четырехслойный конверт, защитив ее тремя другими повестями: я говорю, что Балле говорит; что Мабийон говорил, что Адсон сказал...»[21]. Эко признал позже, что читатели узнают, что текст является не подлинником, но фикцией[22].

По нашему мнению, аналогичный прием мы находим и во введении к духовной Ивана Грозного. А. Курбатов признает, что он списывал с копии, которая была сделана с оригинала, который видел копиист, «любопытный и искусный». Сама преамбула выступает в качестве издательской фикции эпохи сентиментализма и романтизма в литературе, как амплификация подлинности и аутентичности рукописи именно в начале XIX в.

Таким же образом функционирует и вторая часть паратекста — комментарий незнакомого переписчика. Хотя комментарии читаются как текст В. Н. Татищева и имеют с ним определенные стилистические аналогии, нет, на наш взгляд, прямых текстуальных свидетельств в пользу татищевского авторства комментариев.

К. В. Баранов в статье о Ростовских князьях утверждал, что Татищев был комментатором и переписчиком духовной[23]. Однако его текстологические отсылки не убедительны. Баранов называет три ссылки из бумаг Татищева на духовную

---

[20] http://umberto-eko.viv.ru/cont/umbekoro/2.html

[21] http://lib.ru/UMBEKO/ekopolo.txt

[22] Я об этом подробнее пишу в своей статье «Мифы российской медиевистики и духовное завещание Ивана Грозного 1572 года» // Мифы гуманитариев. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2006.

[23] *Баранов К. В.* Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. IX. С. 31—44.

грамоту Ивана Грозного. Две из них находятся в Татищевском списке Судебника 1550 г.[24], но обе отсутствуют в публикациях Судебника по спискам Татищева XVIII в. Они отсутствуют как в Миллеровском издании[25], так и в Новиковском переиздании[26], хотя Миллер во введении к изданию отмечал, что в тексте Татищева ничего не изменилось[27]. Однако в академическом издании Судебника 1968 г. эти ссылки на Духовную Ивана Грозного в татищевском списке приведены.

Вообще интересно, что ссылки Татищева на завещание Ивана Грозного имеют соответствия в комментариях к духовной, а не в самом ее тексте. И еще интереснее, что, по нашему мнению, ссылки в обратной зависимости: комментарии Татищева к Судебнику понятны только, если читатель знает комментарии к духовной грамоте. Текстологические признаки свидетельствуют о том, что комментарий к духовной был первым, комментарий же к Судебнику был создан на основе их комментариев.

Также обстоит дело и с третьей обнаруженной Барановым отсылкой. И она понятна, только если сначала читать комментарий к духовной грамоте, так как здесь говорится о скипетре царя немецким словом «Szepter»[28].

Самое важное, что можно сказать о комментарии, так это то, что он в нашем случае имеет ту же функцию, что и издательская фикция. Уже с классических времен пишут комментарии, если канонический текст не понятен. Комментарии, по мнению немецкого историка Яна Ассманна, объясняют смысл канонического текста в новые времена, отдаленные от периода его употребления или возникновения. Канонический текст обоснованный, неприкосновенный и непродолжаемый, поэтому он со временем и становится непонятным. С комментарием между текстом и читателем выступает еще одна инстанция — интерпретатор, возникает культура истолкования[29]. Комментарий находится в особенном отношении к тексту. Во-первых, он приспосабливает текст к новым условиям понимания; во-вторых, он продолжает и комментирует его[30]. Комментарий также объясняет семантические подвижки, гарантируя, что текст высказывает и то, что ожидается от него в новое

---

[24] *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 244, 345.

[25] Судебник государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768. С. 27.

[26] Судебник государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и Астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Издание второе в Университетской Типографии у Н. Новикова. М., 1786. С. 51.

[27] С. IV (введение Миллера к изданию).

[28] ДДГ. С. 433; *Татищев*. История российская. Т. 7. С. 433.

[29] *Assmann J.* Text und Kommentar. Einführung // *Assmann J., Gladigow B.* (Hrsg.). Text und Kommentar. München 1995 (= Beiträge zur Archäologie der literarischen Kommunikation; 4). S. 9—33.

[30] *Assmann J.* Text und Kommentar. S. 28.

время[31]. В-третьих, комментарий связан с установившейся традицией чтения, с введением герменевтики[32]. В герменевтическом процессе текст перекодируется и приспосабливается к новым горизонтам понятия и к новым коммуникационным обстоятельствам[33]. Если исходить из гипотезы Ассманна, что канонический текст стал непонятным из-за того, что его нельзя изменить, и поэтому нуждается в комментарии, то можно говорить и об обратном эффекте. В письменной культуре, в которой обычно работают с комментированными каноническими текстами, комментарии облагораживают текст и наличие комментария ведет к тому, что текст становится каноничным и неприкосновенным. Если даже текст публикуется уже с комментарием, то комментарий может вести к немедленной канонизации текста, утверждает его как достойного комментария и указывает на древность самого текста[34]. Кроме того, социологически он приписывает ему особенное значение тем, что он его амплифицирует[35]. На наш взгляд, именно этот эффект возникает в случае комментариев к духовной грамоте Ивана Грозного.

Комментарий к духовной можно разделить, с одной стороны, на три интерпретирующих примечания к первой части духовной грамоты, а с другой — на множество примечаний к раздельной части, преимущественно касающихся географии названных в завещании мест. Первым примечанием комментатор вводит себя самого в текст как историка и чуткого человека, который объясняет заметки царя о его изгнании таким образом: тот боялся лишения престола. Как свидетельство тому комментатор цитирует якобы «последнюю» духовную грамоту: «...зде изгнание не значит лишение престола, но ненависть на него, в последней же духовной. учиненной въ 7090 году, яснее, о сем говорит и мстить запрещает»[36]. Поскольку об этом тексте мы ничего не знаем, можно сказать, что этот текст является несуществующим источником. Он служит лишь для того, чтобы комментатору удалось представить себя историком.

Со следующими примечаниями комментатор показывает себя знатоком биографии царя: «скитание свое имянует, что изволил от страха бунтов жить в городе Старице, а более в Александровой слободе»[37]. «Зде упоминает он трех жон умерших, а именно: Анастасия Романовых, Мария Черкаских, Марфа Сабакиных, да живая Анна, по ней была Марфа Нагих, итого 5. А Курпский в "Истории" по-

---

[31] *Assmann J.* Text und Kommentar. S. 30.

[32] Ibid.

[33] *Raible W.* Arten des Kommentierens — Arten der Sinnbildung — Arten des Verstehens — Spielarten der generischen Intertextualität // *Assmann J., Gladigow B.* (Hrsg.). Text und Kommentar. München 1995 (= Beiträge zur Archäologie der literarischen Kommunikation; 4). S. 51—73.

[34] *Raible.* Arten des Kommentierens. S. 52.

[35] *Gruenwald I.* The Scripture-Effect. An Essay on the Sociology of the Interpretative Reading // *Assmann J., Gladigow B.* (Hrsg.). Text und Kommentar. S. 75—91.

[36] ДДГ. С. 427.

[37] Там же.

казует: прежде сея Анны бысть 5 жен»[38]. Он даже дает больше информации, чем текст, и называет свой источник. В следующем примечании о «скипетре» комментатор показывает свою профессиональную компетенцию и употребляет термин «регалия»[39].

Комментарии с объяснением терминов «путь» и «томга» побуждали Штёкля к предположению, что комментатор — названный во введении Алексей Курбатов, так как тот в своей функции прибыльщика имел дело с налогами[40].

Все географические примечания написаны одним стилем:

«Вислово сто, числяне и родницы что значит, мне неизвестно, однако ж видно, что некоторые слободы, к Москве принадлежащие, так именованы были, равно же село и луг Самсоновской, разве по старым книгам писцовым сыщется, понеже потом для церквей имена переменили»[41].

«Здесь многия городы упомянуты, кои ныне неизвестны. И болшая часть им же уступлены были частию к Полше, частию к Швеци токмо Сыренец и Новой городок, помнится, остались в руском владении, и по сему видно, что сия духовная писана прежде года, когда с полским королем он мир учинил, равно сему и Полоцк со всем уступлен к Литве тогда жь, чем видится»[42].

«Серенеск неизвестно, разве не описано ли вместо Серпейск»[43] и т. д.

Только последний комментарий переинтерпретирует текст: «Здесь из всех разделов оных государей видно было какую они от смятения опасность имеют, что хотя детем меншим доволныя уделы определяли, но все в розни, а не сплошь, дабы им неудобно было в скорости от всего удела войска собрать и государю какое-либо воспротивление учинить»[44]. Автор оказывается здесь не только профессиональным историком и знатоком, но еще и внимательным читателем и интерпретатором комментируемого текста. Он вводит собственное мнение и заставляет читателя доверять ему. Так он в последний раз пользуется случаем, придавая тексту достоверность своим примечанием.

В нашем анализе паратекста духовной грамоты Ивана Грозного выяснилось, что он выступает как риторическая амплификация самого текста. Введение является издательской фикцией и, таким образом, фиктивной и художественной частью паратекста с фиктивными «историческими» датами (1739, 1572), а также с фиктивными «историческими» персонажами, как то исторический Алексей Курбатов, на которого указывает подпись введения в родительном падеже, умерший за 20 лет до предполагаемой даты написания им текста.

---

[38] ДДГ. С. 433.
[39] Там же.
[40] *Stökl*. Testament und Siegel. S. 16.
[41] ДДГ. С. 431.
[42] Там же. С. 439.
[43] Там же. С. 442.
[44] Там же. С. 443.

Комментарий с древних времен является авторитетным приемом гуманитарных наук для канонизации самого текста. В случае духовной грамоты Ивана Грозного комментарий убеждает читателя в древности и достоверности как самого текста, так и паратекста, он подтверждает дату и причину написания текста и авторство Ивана Грозного. При анализе видно, что комментарий должен придать тексту дополнительную аутентичность. Та же аутентичность является и целью введения. Обе части паратекста имеют очевидные признаки литературной игры с текстом и стремления амплифицировать сам текст.

III

СОСЛОВНЫЕ СТРУКТУРЫ И ГОСУДАРСТВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ

(X — СЕРЕДИНА XIII ВВ.)

Е. А. Мельникова (Москва)

Ряд в «Сказании о призвании варягов» и его европейские и скандинавские параллели*

Исследование «Сказания о призвании варягов» в составе Повести временных лет и Новгородской первой летописи[1] позволило не только установить, что договор местной элиты с вождем скандинавского отряда Рюриком являлся ядром, вокруг которого сложилось Сказание[2], но и в определенной степени реконструировать основные положения этого договора[3]. Он заключался в условиях конфронтации племенных, славянских и финских объединений на фоне скандинавского присутствия в Ладожско-Ильменском регионе. Обращение к одному из сильных викингских отрядов, возможно, уже обосновавшемуся в округе[4], было естественным средством, с одной стороны, защиты от «находников» и нейтрализации оседающих в регионе скандинавов, с другой — формирования надплеменных властных институтов[5].

---

* Статья написана в рамках работы над проектом «Договоры с норманнами в Западной и Восточной Европе», поддержанным РГНФ (№ 09-01-00175а).

[1] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 19—20; М., 1998. Т. II. Стб. 13—15; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 106—107.

[2] Восходящее к новгородским преданиям времени, близкого к описываемым событиям, Сказание претерпело существенные изменения в период его устного бытования и — особенно — при его преобразовании в летописный, «исторический», текст, вероятно, в первой половине XI в. (*Мельникова Е. А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI — начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. М., 2007. С. 47—75). Наиболее существенным был перенос акцента с деяний Рюрика на «ряд», легитимизирующей его власть, в результате чего «сказание о Рюрике», повествование о героических деяниях викингского вождя, трансформировалось в «сказание о призвании», центром которого был «ряд».

[3] См. подробнее: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 г. М., 1991. С. 219—229; *Они же.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Вопр. истории. 1995. № 2. С. 44—57.

[4] Буквальное понимание летописной фразы «идоша за море к варягом» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 19; Т. II. Стб. 14; НПЛ. С. 106) не может служить безусловным доказательством прихода отряда Рюрика с берегов Балтики: этноним «варяг» в ПВЛ регулярно сопровождается определением «из-заморья».

[5] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси: особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 86.

Решение первой задачи — интеграции скандинавов в местном обществе находит аналогии в истории Англо-Саксонской Англии и Франции[6]. Между 878 и 890 гг. уэссекский король Альфред Великий заключил два договора с предводителем датского войска в Англии Гутрумом, второй из которых сохранился полностью на древнеанглийском и латинском языках[7]. В 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт Карл Простоватый пришел к соглашению с Роллоном (Хрольвом), вождем викингов, обосновавшихся в нижнем течении Сены[8]. Эти договоры содержат некоторые сходные с древнерусским «рядом» условия.

Во-первых, они легитимизируют расселение скандинавов на определенной, как правило, оговоренной в договоре территории. Первая же статья договора Альфреда с Гутрумом определяет границы расселения данов: «Первое — относительно наших границ: вверх по Темзе и затем вверх по Ли и вдоль Ли к ее истокам...»[9]. По Сен-Клерскому договору, Роллон получил в лен Руан и его окрестности. В результате этих договоров возникли новые территориально-политические образования: в Англии — Область датского права (Денло)[10], во Франции — герцогство Нормандия[11].

В Сказании летописец перечисляет города (во времена «призвания» еще не существовавшие, но маркирующие соответствующие племенные территории[12]),

---

[6] См. подробно: *Мельникова Е. А.* Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12—26.

[7] *Liebermann F.* Die Gesetze der Angel-Saxen. Halle a. Saale, 1898. Bd. I. S. 128—135. Первый договор упоминается Ассером: *Asser.* Vita Ælfredi regis Angul Saxonum. Cap. 56 // Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources / Ed. S. Keynes, M. Lapidge. L., 1983. См. о договорах: *Kershaw P.* The Alfred-Guthrum Treaty // Cultures in Contact: Scandinavian Settlement in England in the Ninth and Tenth Centuries. Brepols, 2000.

[8] Договор упомянут в грамоте Карла от 14 марта 918 г., жалующей Роллону земли в долине Сены «за защиту государства» («pro tutella regni»): Recueil des actes de Charles III le Simple, Roi de France / Ed. Ph. Lauer. P., 1940. T. I. P. 211, а также в сочинениях ряда англонормандских хронистов, прежде всего Дудона Сен-Кантенского (*Dudon de Saint-Quentin.* Historia Normannorum / Ed. J. Lair. Caen, 1865).

[9] *Davis R. H. C.* Alfred and Guthrum's Frontier // English Historical Review. 1982. Vol. 97. № 385. P. 803—810.

[10] *Hart C.* The Danelaw. L., 1992.

[11] *Musset L.* Naissance de la Normandie. Toulouse, 1970; *Bates D.* Normandy before 1066. L., 1982.

[12] *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов. Список городов анахроничен и соответствует представлениям летописцев конца XI — начала XII в. о центрах тех племен, которые участвовали в процедуре призвания. Поэтому А. А. Шахматов полагал, что перечень отсутствовал в Начальном своде и был включен только в Повесть временных лет (*Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 42). Однако несоответствие списка реалиям конца IX в. отнюдь не означает, что некие племенные центры не назывались в ранних (устных, а затем письменных) вариантах Сказания. Впрочем, достаточно было и наименования самих племен, чтобы летописец мог связать их с современными ему городами.

где Рюрик посадил своих мужей. Этот перечень — отголосок соответствующего условия — дает основания достаточно уверенно полагать, что «ряд» определял территорию, на которую распространялась власть «приглашенного» князя[13]. Он очерчивает ареал северо-западного государственного образования, охватывавшего территорию вдоль Балтийско-Волжского пути от Ладожско-Ильменского региона до Ярославского Поволжья с центром в Ладоге[14].

Во-вторых, расселившиеся согласно договору скандинавы должны были в дальнейшем противостоять набегам новых скандинавских отрядов, что не всегда оговаривалось специально, но подразумевалось обязательно. Так, в договоре Альфреда и Гутрума это условие не внесено в письменный текст, но при позднейших нападениях викингов Альфред очевидным образом рассчитывал на помощь осевших данов (хотя и не всегда получал ее). Отсутствие в летописи сообщений о новых нападениях «находников»-варягов после прихода Рюрика к власти свидетельствует не столько об их полном прекращении[15], сколько об убежденности летописца в том, что таких нападений — во всяком случае разрушительных, угрожавших «порядку» — больше не было.

В-третьих, во всех договорах проявляется стремление местной власти инкорпорировать скандинавов в свое общество. Главным условием соглашения в Ведморе, как рассказывает Ассер, было принятие Гутрумом и его приближенными христианства. По сообщению Дудона, французский договор также предусматривал крещение Роллона и его дружинников и принесение им присяги верности Карлу, т. е. включение осевших скандинавов в систему вассалитета. Ряд с Рюриком — в условиях язычества обеих сторон — оговаривал соблюдение варяжским правителем местных обычаев и норм права («судить по праву»).

Наконец, договоры регулировали отношения новопоселенцев с местным населением. В договоре Альфреда и Гутрума не только устанавливаются равные вергельды за убийство англо-сакса и дана, но и специальный раздел (ст. 5) определяет правила, которых должны придерживаться англо-саксы и даны при общении между собой.

Фактически все перечисленные условия обеспечивали интересы местных правителей и их подданных. Они были направлены на максимально возможное «обезвреживание» викингов и их аккультурацию. Проблема формирования властных

---

[13] Ср.: *Кучкин В. А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX—XIII вв. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71—80.

[14] *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 16—32.

[15] Из скандинавских источников известно, что такие походы в конце IX в. не прекратились совершенно, но большая их часть была направлена на побережья Восточной Балтики (см. подробнее: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988—1989 гг. М., 1991. С. 155—159).

структур ни в Англии, ни во Франции не стояла: государство сложилось здесь за несколько веков до викингских набегов. Условия договора Карла с Роллоном, которого Карл рассматривал как своего вассала, автоматически включали норманнов в социально-политическую структуру французского общества, и на Нормандское герцогство формально распространялись (другой вопрос, как они выполнялись) все имперские порядки. Англо-датский договор, напротив, носил характер партнерского, призванного установить мир и регламентировать взаимоотношения между местным населением и завоевателями, а его результатом стало возникновение самостоятельного, независимого от Уэссекса государственного образования — «Области датского права» (Денло), которое просуществовало около 50 лет и было поглощено формирующимся единым английским государством[16].

Договор с Рюриком по ряду позиций принадлежит к тому же типу договоров, что и западноевропейские: как и они, он легитимизировал расселение группы скандинавов на Северо-Западе Восточной Европы. Однако заключался он в принципиально иных условиях — в отсутствие не только сложившегося государства, но и сколько-нибудь сильной центральной власти, распространявшейся на обитавшие на этой территории племенные объединения, — у призывающих варягов племен отсутствовала «правда», что привело к «ратям великим и усобицам» между отдельными племенами.

Эта особенность договора с Рюриком и его особая роль как прецедента приглашения князя на правление многократно акцентируются летописцем. Он подчеркивает, что попытка «самим в собе володети», т. е. отсутствие единой верховной власти (князя), заканчивается усобицами, что единственный выход из раздоров был найден в поисках «собе князя, иже бы володел нами и судил по праву», что приглашенный князь должен установить (или восстановить?) «наряд», утраченный племенами. При этом деятельность князя ограничивается неким «рядом»[17], т. е. условиями договора, и «правом», в котором все исследователи усматривают местные правовые нормы.

Условия передачи князю власти рассматриваются как исключительно местное явление, не имеющее прямых параллелей в Скандинавии. В свое время я писала: «...в скандинавском материале выявляется ритуализированная процедура выбора конунга, которая наряду с другими элементами предполагает обмен клятвами верности, но отнюдь не соглашение сторон»[18]. Однако более детальное обращение к организации власти в Скандинавии в X — начале XI вв., как она описывается в королевских сагах конца XII—XIII в., обнаруживает определенное сходство «ряда» и соглашений при избрании конунга, аналогии просматриваются и в практике реализации этих соглашений.

---

[16] *Stenton F. M.* The Danes in England. Oxford, 1969; *Richards J. D.* Viking Age England. Charleston, 1991 (2000); *Sawyer P.* Scandinavians and the English in the Viking Age. Cambridge, 1995.

[17] ПСРЛ. Т. II. Стб. 14.

[18] *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов. С. 227.

В рассказах о шведских и ранних норвежских конунгах-Инглингах, основанных на генеалогической поэме скальда Тьодольва из Хвинира (вторая половина IX в.) и устной традиции, Снорри Стурлусон, систематически отмечая переход власти к новому правителю[19], лишь один раз упоминает о сопровождающем это событие ритуале: «В то время был обычай, что, когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто ее устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок… Затем он должен был встать, принять кубок, дать обет совершить что-то и осушить кубок. После этого его вели на престол, который раньше занимал его отец»[20]. Этот обычай сохранялся и много позже, в Исландии, и чаще всего таким обетом была клятва отомстить за смерть отца, если она была насильственной. Но к власти новые конунги, включая Харальда Прекрасноволосого (ум. 940/945), приходят чаще всего в результате борьбы с соперниками: «Харальд конунг прошел по всему Гаутланду, разоряя страну и дал много битв… и обычно одерживал победу… подчинил себе всю страну»[21]. Согласно Снорри, Харальд, имевший много сыновей, которые «были запальчивы и ссорились между собой», первым попытался упорядочить наследование власти: «Он дал своим сыновьям сан конунга и сделал законом, что каждый его потомок по мужской линии должен носит сан конунга… Он разделил между ними страну. Вингульмёрк, Раумарики, Вестфольд и Телемёрк он дал Олаву, Бьёрну, Сигтрюггу, Фроди и Торгислю… В каждом из этих фюльков он дал своим сыновьям половину своих доходов, а также право сидеть на престоле на ступеньку выше, чем ярлы, но на ступеньку ниже, чем он сам»[22]. Своему любимому сыну Эйрику Кровавая Секира он собирался передать свою верховную власть и возвел его «на свой престол», когда почувствовал, что слабеет. Однако уже при жизни Харальда большая часть его сыновей погибла в междоусобной борьбе, а провозглашение Эйрика верховным конунгом вызвало отделение Трёндалёга, где «на престол конунга сел» Хальвдан Черный, и Вика, где «люди… сделали верховным конунгом» Олава. После смерти Харальда Эйрик расправился с братьями, обеспечив себе единоличную власть в Норвегии. Но правил он недолго, т. к. в страну вернулся сын Харальда Хакон, который воспитывался в Англии (ок. 920—961).

Приход к власти Хакона осуществляется по особой модели. В условиях необходимости обеспечить себе поддержку знати и бондов в борьбе за власть, Хакон, по рассказу Снорри, прибегает к заключению соглашения с местной элитой, недовольной Эйриком. Он прибывает в Трёндалёг, договаривается о помощи с ярлом Сигурдом и созывает тинг. Сигурд предлагает бондам провозгласить Ха-

---

[19] *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 г. М., 2003. С. 48—92.

[20] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 31.

[21] Там же. С. 51.

[22] Там же. С. 61.

кона конунгом, после чего сам Хакон выступает с «программной речью»: «он просит бондов дать ему сан конунга, а также оказать ему поддержку и помощь в том, чтобы удержать этот сан. В обмен он обещал вернуть им в собственность их отчины»[23], отнятые Харальдом и Эйриком. Бонды обещают Хакону свою поддержку и собирают войско. Затем Хакон проезжает по другим важнейшим областям Норвегии, собирая тинги, на которых его провозглашают конунгом — на тех же условиях — и пополняют его войско, которое в результате одерживает победу над Эйриком.

Вокняжение Хакона имеет существенную особенность — он, хотя и имеет право на норвежский престол как сын Харальда Прекрасноволосого, фактически свергает легитимного правителя и узурпирует власть. Законность его власти обеспечивается избранием на тингах — в результате соглашения с бондами. Они поддерживают его в обмен на обещание возвратить им наследственные земли (одали), отнятие которых Харальдом имело для бондов тяжелые юридические последствия, поскольку именно владение одалем давало статус полноправных[24].

Аналогичным образом в противостоянии с правящими Норвегией хладирскими ярлами на областном тинге Трёндалёга, а затем на тингах других земель провозглашается конунгом Олав Трюггвасон (995 г.), позднее ту же процедуру проходит Олав Харальдссон (1015—1016 гг.). Их притязания на власть были более обоснованными, поскольку в обоих случаях верховными правителями Норвегии являлись хладирские ярлы, они же оба были потомками Харальда Прекрасноволосого. На тингах Олав Харальдссон «просил, чтобы бонды провозгласили его конунгом всей страны и обещал им за это сохранить старые законы и защищать страну от нападений иноземных войск и правителей»[25]. Важнейшим условием, таким образом, обеспечивающим претендентам на власть их избрание конунгами на тингах, является соблюдение «старых законов», т. е. тех порядков, норм и обычаев, которые гарантировали знати и бондам их права и статус.

Таким образом, Снорри предлагает две основные модели вокняжения норвежского правителя: завоевание власти в борьбе с соперниками (братьями) и заключение соглашения со знатью и бондами. Первую Снорри относит ко времени до правления Харальда Прекрасноволосого, т. е. до времени объединения Норвегии, вторую изображает доминирующий в период правления потомков Харальда[26]. Строгая хронологическая дистрибуция этих моделей, возможно, является конструкцией самого Снорри, для которого — как и для предшест-

---

[23] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 67.

[24] *Гуревич А. Я.* Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии // Скандинавский сборник. Таллинн, 1956. Вып. 2.

[25] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 186.

[26] По договоренности с норвежской знатью в Норвегию возвращается сын Олава Харальдссона Магнус (1036 г.); договор о соправительстве заключают Магнус и Харальд Суровый Правитель (1046 г.).

вующей исторической традиции — Харальд является знаковой фигурой, а его эпоха — переломной[27].

Важно для политической концепции Снорри и следствие договорного характера власти норвежских конунгов, которое он неоднократно подчеркивает. Наиболее яркий тому пример — речь упландского лагмана Торгнюра, в которой обосновывается право знати и бондов изгнать конунга, попирающего обычаи и нормы права предков[28]. Однако возможность изгнания конунга, нарушившего соглашение, заложена в самом договорном характере отношений между конунгом и населением страны — неисполнение обязательств одной стороной естественным образом влекло за собой отказ от своих обязательств другой стороной, и существование такой практики подтверждается рядом эпизодов в королевских сагах. Так, Олав Харальдссон, проводивший, несмотря на обещания, жесткую централизаторскую политику, вводивший христианство и жестоко каравший как знатных, так и бондов за неповиновение, вынужден был бежать из страны из-за ополчившихся на него бондов и погиб в сражении с ними, попытавшись два года спустя вернуть себе трон. Не менее показательна история Хакона Доброго. Приняв христианство в Англии, Хакон, став конунгом, отказывался принимать участие в ритуальных пирах и совершать жертвоприношения. Некоторое время это сходило ему с рук, но вскоре терпение бондов иссякло (уклонение Хакона от исполнения жреческих обязанностей было чревато неурожаями, природными катаклизмами и т. п.), и они, угрожая силой, принудили Хакона участвовать в пире и принести жертвы[29].

Таким образом, в Скандинавии эпохи викингов существует практика заключения соглашений между местной знатью и бондами с претендентами на верховную власть в стране. В условиях формирования национального государства, сопровождавшегося усилением централизации, сокращением прав и свобод как знати, так и бондов, введением податей и налогов, внедрением христианства, главным условием, обеспечивавшим претенденту широкую поддержку, было возвращение к «старым» обычаям и законам или их поддержание. Соглашение такого рода предполагало паритет: как знать и бонды должны были оказать военную помощь претенденту, так и он, приняв их помощь и став конунгом, обязан был выполнять свои обещания. Нарушение принятых на себя претендентом обязательств — если оно не подкреплялось достаточной силой (впрочем, даже обладая значительным войском, Олав Харальдссон не смог противостоять бондам Трёндалёга) — с неизбежностью вело к убийству или изгнанию конунга.

Ряд с Рюриком, в котором одним из условий становится соблюдение «права», как представляется, может быть сопоставлен с рассмотренными выше соглашени-

---

[27] *Bagge S.* Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heinskringla*. Berkeley, Los Angeles; Oxford, 1991.

[28] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 219—220. По мнению большинства исследователей, эта речь — авторский текст Снорри. См.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С. 151—153.

[29] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 76—77.

ями. Вождь скандинавского отряда, приглашенный или претендующий на власть, мог прочно утвердиться в иноэтничной среде, только придя к согласию с местной знатью. Это было тем более возможно, что их объединяли совместные интересы — максимально прибыльное и эффективное использование Балтийско-Волжского пути, по которому осуществлялась крупномасштабная дальняя торговля, и эксплуатация местного населения для участия в ней[30]. «Княжение» предполагало в первую очередь регулирование доступа к международной торговле и перераспределение получаемых доходов, для чего требовался контроль над племенными объединениями и поддержание между ними мира, поскольку межплеменные столкновения ставили под угрозу безопасность пути и торговых операций.

Вместе с тем ограничение права / обязанности «судить и рядить» «по праву», «по ряду по праву» обеспечивало определенную лимитацию деятельности князя существующими в местном обществе правовыми нормами и положениями самого «ряда». Это чрезвычайно важное условие ставило князя в зависимость от местного общества и стимулировало быструю интеграцию скандинавов в восточнославянскую среду[31].

---

[30] *Мельникова Е. А.* К типологии; *Она же.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX--XII веков. Казань, 1999. С. 80—87.

[31] Видимо, «ряд» с Рюриком заложил традиции приглашения князей и заключения с ними договоров (докончаний), что радикально отличало политическое устройство Новгородского княжества от других древнерусских княжеств: *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 61—62.

П. П. Толочко (Киев)

Любечская битва в источниках и историографии

В данной работе речь пойдет о двух рассказах о Любечской битве, содержащихся в «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи младшего извода. Несмотря на многократное обращение к ним исследователей, они и доныне являются предметом острых дискуссий. Историки продолжают спорить о дате Любечской битвы, которая по-разному и противоречиво определена в названных летописях, о численности войск противоборствующих сторон, о дате сражения, объеме и характере источников и др.

Наиболее полно эти летописные рассказы исследованы А. А. Шахматовым. В обобщенном виде его выводы сводятся к тому, что оба рассказа содержат существенные различия, обусловленные тем, что основываются на разных источниках, киевском и новгородском, что в Новгородской первой летописи слито описание битвы, взятое из «Повести временных лет», с описанием этой битвы по новгородскому источнику, что верной ее датой сражения следует считать 6524 год и др.[1]

Начнем с источников летописных рассказов. Отчасти они действительно различны. В то время как в «Повести временных лет» отражен киевский взгляд на событие, в Новгородской первой летописи значительную часть рассказа составляет новгородский. Речь идет о сюжете, повествующем о посылке Ярославом в лагерь Святополка своего лазутчика, о совете сторонника новгородского князя начать битву в ночь, о приказе Ярослава своей дружине повязать головы убрусами, чтобы новгородцы могли в темноте отличать своих от неприятелей[2].

В «Повести временных лет» описание подготовки к битве более реалистичное. Новгородцы высадились на левый берег Днепра не ночью, но «*заутра*», то есть до рассвета, причем по собственному усмотрению, а не по совету своего сторонника в Святополковом стане. Некоторые подробности в описании позиций киевской дружины — «*межи двцма озерома*», а также союзных им печенегов, находившихся за озером и не принявших участия в сражении, равно как и замечание о том, что дружина Святополка была прижата к озеру и проваливалась на еще неокрепшем его льду, указывают на то, что запись эта сделана если и не очевидцем события, то уж точно с его слов[3]. Для новгородца, писавшего много лет спустя, Любечская битва не столько конкретное событие, сколько красивая сказка, героизирующая Ярослава и новгородцев*.

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 191—193.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175.

[3] Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 96.

* И. А. Линниченко считал, что источником для описания Любечской битвы в Новгородской первой летописи была какая-то песня или былина новгородского происхожде-

Правда, есть в обоих рассказах и общие места. Это сообщения о трехмесячном стоянии противоборствующих сторон на разных берегах Днепра, о поношении киевским воеводой новгородцев и Ярослава, о том, что к моменту начала битвы «*бцбо уже в заморозъ*» («*Нача Днцпръ меръзнути*» — НПЛ), что новгородцы «*отрынуша лодьцы от берега*», а также о кровавой сече («*Бысть сьча зла*» — ПВЛ, НПЛ)[4]. А. А. Шахматов объяснял эти и некоторые другие общие места обоих рассказов взаимовлиянием новгородского и киевского летописаний. Вначале будто бы Начальный свод заимствовал эти сведения из Новгородского 1050 г., а затем составитель Новгородского свода XII в. (предположительно Герман Вята) воспользовался в своем труде свидетельствами «Повести временных лет»[5].

Разумеется, теоретически такая сложная конструкция взаимозависимости киевского и новгородского летописаний возможна. Весь вопрос только в том, как это доказать. Ведь принимая тезис зависимости Начального свода от Новгородского и полагая, что в последнем уже был оригинальный новгородский рассказ о Любечской битве, необходимо ответить на вопрос, почему его не оказалось в киевской летописи. И традиционной ссылкой на то, что киевский летописец намеренно «закрыл» глаза на него, как это всегда в подобных случаях утверждал А. А. Шахматов, здесь не обойтись.

Думается, случилось это по той простой причине, что новгородский сводчик внес этот рассказ в летопись не в середине XI в., а значительно позже, возможно, только в 30-е годы XII в. Ведь очевидно же, что из двух рассказов о Любечской битве, по-разному передающих ее ход, один литературный. И конечно, это не киевский, зафиксировавший это событие, скорее всего, во время составления Древнейшего свода, то есть тогда, когда еще живы были многие его участники, а летопись составлялась под присмотром самого Ярослава Мудрого*.

Внимательное прочтение статьи 6524 г., как она записана в Комиссионном списке, свидетельствует, что Любечская битва для новгородского автора была далеким прошлым, которое он пытался восстановить на основании киевских записей и, возможно, каких-то новгородских преданий.

В книге «Ярослав Мудрый» автор этих строк высказал предположение, что новгородский рассказ основан не столько на новгородской традиции, как полагали А. А. Шахматов и А. И. Линниченко, сколько на заимствовании киевских известий об этой и последующих битвах Ярослава со Святополком[6]. Здесь следует

ния, поскольку в нем содержится ряд эпических деталей (*Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV в. Киев, 1884. С. 91—93).

[4] Там же.

[5] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 188—191, 500—504.

* Н. Н. Ильин полагал, что новгородский вариант несет на себе признаки литературного происхождения, а киевский, наоборот, содержит подробности, идущие от воспоминаний современников, а может быть и участников событий (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источники. М., 1957. С. 142).

[6] *Толочко Петро.* Ярослав Мудрий. Киев, 2002. С. 51.

сказать, что не только между ними, но также между Ярославом и Мстиславом. Как известно, Лиственская битва 1024 г., согласно киевскому летописцу, также произошла в ночное время. Мстислав «*с вечера исполчивъ дружину*». С наступлением ночи — «*и бывши нащи*» — он перешел в наступление и одержал победу. При этом летописец отметил, что «*бысть сьча силна*»[7]. Аналогично происходили события Любечской битвы и по Новгородской версии. Ярослав «*того вечера перевозися на ону страну Днцпра*», а «*тои нащи поидоша на сцчю*», которая была «*зла*»[8].

Продолжение Новгородского рассказа о Любечской битве почти буквально списано с рассказа о третьем сражении между Ярославом и Святополком, которое состоялось на Альте. Комиссионный список: «*И бысть сцча зла, оже за рукы емлюцеся сцчаху и по удолиемъ кровь тячаше*»[9]. «Повесть временных лет»: «*Бысть сцча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче сечахуся, и ступишася трижды, яко по удольемь крови тещи*»[10]. Приведенное выражение совершенно справедливо считается распространенным литературным клише при описании битв, однако свое начало оно берет именно с рассказа об Альтском сражении[11].

Заимствованием в Новгородской первой летописи следует считать и фразу: «*Мнозц вцрнии видяху ангелы божиа помогающа Ярославу*»[12]. В «Повести временных лет» этих слов нет, но они есть в Паремийном чтении Борису и Глебу: «*И мнози видяху верни ангелы, помогающа Ярославу*», — откуда, несомненно, их и выписал новгородский сводчик.

Компиляцией из «Повести временных лет» является также и свидетельство о дальнейшей судьбе Святополка: «*И бцжа Святополкъ в Печенцгы, и бысть межи Чехы и Ляхы, никим же гонимъ пропаде оканныи, и тако злц живот свои сконча*»[13].

В пользу того, что новгородский рассказ Любечской битвы является поздней компиляцией киевских описаний, свидетельствует и плохая проинформованность ее автора. Будь это современник событий 1015—1016 гг., как полагал А. А. Шахматов, он не стал бы утверждать, что Ярослав уже после Любечской битвы прочно утвердился в Киеве. Он обязательно отметил бы неудачу Ярослава на Буге и его бегство в Новгород, а также сообщил бы о втором походе на Киев и третьем сражении со Святополком. В Новгородской летописи ничего этого нет не потому, что она, как утверждал А. А. Шахматов, «закрывает глаза на дальнейшие события», а потому, что для летописца, писавшего в XII в., они уже, по-видимому, не представ-

---

[7] ПВЛ. Ч. 1. С. 100.
[8] НПЛ. С. 175.
[9] Там же.
[10] ПВЛ. Ч. 1. С. 98.
[11] ПВЛ. Ч. 2. М.; Л., 1950; *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. Чтение в Обществе истории и древностей российских. СПб., 1902. Кн. 4. С. 12, 21—22.
[12] НПЛ. С. 175.
[13] Там же.

ляли сколько-нибудь значительного интереса[14]. Для него утверждение Ярослава на киевском столе — единовременный акт, который целиком укладывался в 6524 г.* Не случайно статья этого года начинается с сообщения о финале борьбы Ярослава со Святополком: «*В лцто 6524. Бысть сцча у Любця, и одолцц Ярославъ; а Святополкъ бьжа в Ляхы*»[15].

В пользу литературного и достаточно позднего происхождения новгородского рассказа о Любечской битве свидетельствует и такая его подробность, как уточнение имени воеводы, корившего низким происхождением новгородцев и хромотой их князя Ярослава. Это Волчий Хвост. Списать из киевского рассказа эту подробность новгородский летописец не мог. Ее там нет и, что существенно, не могло быть. Волчий Хвост служил воеводой у Владимира Святославича и после 984 г. больше не упоминается в летописи. К моменту Любечской битвы его, скорее всего, вообще не было в живых.

Но что говорить о киевских событиях, если новгородский рассказчик не всегда обнаруживает осведомленность о событиях, происходивших в его собственном городе. О том, что Ярослав перед вторым походом на Киев собрал «*от мужа по 4 куны, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен*», а с варягами рассчитался за помощь скотом, мы узнаем вовсе не из Новгородской первой летописи, а из «Повести временных лет»[16]. А. А. Шахматов, правда, считал, что в ранней новгородской летописи эти сведения были, но сводчик 1050 г. выпустил их для того, чтобы рассказать о них ниже, однако подтвердить это сколько-нибудь убедительными аргументами не смог. «Ниже» их тоже не оказалось. Да и вряд ли эти сведения следует считать исключительно новгородскими. О них определенно знали в Киеве, куда дважды приходили обладатели этих гривен, собранных с новгородцев, а многие, вероятно, и навсегда осели в нем вместе со своим князем Ярославом.

Больше оснований относить к новгородскому свидетельство об одарении Ярославом участников похода на Киев, оказавших ему помощь в утверждении на киевском столе. «*Нача вои свои дцлитц, старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнц, а новгородцомъ по 10 гривенъ всцмъ*»[17]. А. А. Шахматов, пытаясь обосновать существование древнего Новгородского свода 1050 г., аргументировал свою мысль и этим свидетельством, полагая, что оно могло быть зафиксировано тогда, когда еще живы были в памяти новгородцев эти события. Наверное могло, но это совершенно не означает, что его письменная фиксация произошла обязательно в связи с составлением свода 1050 г. Это могло случиться и раньше.

---

[14] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 506.

* Ближе к киевским изложены события, связанные с борьбой Ярослава и Святополка за Киев, в Софийской первой летописи, которая, как полагают ее исследователи, отразила древнюю летопись. А. А. Шахматов называл ее «Софийским временником».

[15] НПЛ. С. 174.

[16] ПВЛ. Ч. 1. С. 97.

[17] НПЛ. С. 175.

Что касается внесения этого свидетельства в летописный свод, то, видимо, произошло это не раньше конца XI — нач. XII в. Как известно, после перечисления щедрых даров новгородцам летописец особо подчеркнул, что они получили от Ярослава еще «правду и устав»: «*Давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: "По сей грамотцѣ ходите, якоже списах вамъ, такоже держите"*»[18]. Вслед за этой фразой в летописи помещен текст «Правды Русской», но не той, которую дал новгородцам Ярослав, а той, что утверждена его сыновьями в 1072 г. в Вышгороде. А. А. Шахматов был убежден, что в древнем Новгородском своде 1050 г. на этом месте находилась Ярославова грамота, которую затем, при составлении общерусского свода 1423 г. в Москве, по политическим мотивам заменили «Правдой Русской». Из общерусского статья 1016 г. была перенесена в Новгородский свод 1448 г.[19]

Думается, это слишком искусственное объяснение. Не понятно, почему по «политическим» соображениям «Правда» Ярослава была хуже краткой редакции «Правды Русской». Проще предположить, что статья 6524 г. Новгородской первой летописи вместе с продолжившей ее «Правдой Русской» явилась результатом сводческой работы 30-х годов XII в. Разумеется, это не исключает наличия каких-то более ранних новгородских записей о дарах Ярослава, но никак не может являться аргументом в пользу того, что они подтверждают существование Новгородского свода 1050 г. Как известно, в Софийской первой летописи также содержится «Правда Русская», а не текст Ярославовой грамоты. Правда, здесь она помещена не после рассказа о Любечской битве, как в Новгородской первой, а вслед за описанием поражения Святополка на Альте.

В исторической литературе неоднократно предпринимались попытки объяснить различия киевского и новгородского рассказов разным отношением их авторов к Ярославу. И. А. Линниченко казалось, что в киевском варианте описания битвы заметна определенная сдержанность по отношению Ярослава и даже некоторая сочувственность к Святополку[20]. Н. И. Ильин не обнаружил признаков расположенности к Ярославу и враждебности к Святополку ни в одном из вариантов. Наоборот, присутствие в рассказе фразы о хромоте, скорее, свидетельствует о предвзятости киевского источника к Ярославу[21]. А. А. Шахматов считал оба описания Любечской битвы сочувственными к Ярославу[22].

Нет полной ясности и с хронологией событий, связанных с Любечской битвой. В «Повести временных лет» о них повествуется под двумя годами — 1015 и 1016-м. Завершение статьи 1015 г. сообщает, что уже в этом году началось противостояние Ярослава и Святополка у Любеча: «*Слышавъ же Святополкъ, идуща Ярослава, пристрои бещисла вои, Русь и печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю*

---

[18] НПЛ. С. 175—176.

[19] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 508.

[20] *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши... Киев, 1884. С. 91—93.

[21] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. С. 142—143.

[22] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 505.

об онъ полъ Днцпра, а Ярославъ объ сю»[23]. В начале статьи 1016 г. это известие повторено еще раз.

В Новгородской первой летописи рассказ о Любечской битве помещен в статье 1016 г., хотя некоторые события, описанные в ней (конфликт между новгородцами и варягами, прибытие в Новгород гонца из Киева от Предславы, «вече на поле») явно произошли еще в 1015 г. Из буквального прочтения этой статьи можно сделать вывод, что и сама битва состоялась в 1015 г. Узнав о смерти Владимира, которая случилась 15 июля 1015 г., Ярослав быстро уладил конфликт с новгородцами, заручился их поддержкой и немедля выступил в поход на Святополка*.

А. А. Шахматов выразил серьезное сомнение в том, что Любечская битва имела место в 1015 г. Согласно ему, она произошла поздней осенью 1016 г. В пользу этого свидетельствует якобы слишком малый промежуток времени между смертью Владимира и поздней осенью 1015 г., которого Ярославу не хватило бы для сборов в поход. Между тем только на подготовку похода требовалось несколько месяцев, в течение которых были бы произведены денежные сборы в Новгороде и могли быть наняты варяги за морем. Если прибавить к этому еще и трехмесячное противостояние Ярослава и Святополка у Любеча, поход никак не мог состояться в 1015 г., даже если и предположить, что Ярослав начал готовиться к нему в сентябре 1015 г. после убиения Глеба[24].

М. С. Грушевский также не считал возможным относить Любечскую битву к 1015 г. Правда, в отличие от А. А. Шахматова, он полагал, что она произошла не в начале зимы 1016 г., а весной того же года[25].

Н. Г. Бережков, обратив внимание на повтор сообщения о приходе Ярослава к Любечу в начале летописной статьи 6524 г., полагал, что оно здесь является ненужным. В первоначальном рассказе его и не было, равно как и обозначения «*В лцто 6524*». Любечская битва датировалась в нем началом зимы 6523 г., и только так и может быть датирована, если считаться с прямым свидетельством летописи[26].

Вывод Н. Г. Бережкова не поставил точку в споре исследователей о дате Любечской битвы. В вышедшей в 1965 г. обстоятельной работе Л. В. Черепнина, посвященной общественно-политическим отношениям в Древней Руси и Русской Правде, утверждается, что Любечская битва, как и последовавшая за ней выдача Ярославом новгородцам «правды и устава», относится к 1016 г.[27] Согласно

---

[23] ПВЛ. Ч. 1. С. 96.

* Л. В. Черепнин полагал, что согласие новгородцев на киевский поход было получено после обещания Ярослава выдать им денежное вознаграждение и грамоту с какими-то политическими гарантиями. (Чит.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 132.)

[24] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 503.

[25] *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 2. Киев, 1992. С. 10.

[26] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 225.

[27] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... С. 133—137.

Б. А. Рыбакову оба эти события датируются 1015 г. Отнесение их в Новгородской первой летописи к 1016 г. он считал ошибочным[28].

В 1984 г. обоснованию «поздней» даты Любечской битвы посвятил специальную работу А. В. Назаренко[29]. Приняв аргументы А. А. Шахматова, он попытался поддержать их анализом исторических событий, как они отражены в «Хронике» Титмара Мерзебургского. Сделать это оказалось чрезвычайно трудно, поскольку у названного хрониста на этот счет конкретных сведений нет. Фраза Титмара о том, что после смерти Владимира третий его сын, сидевший до того в темнице, «бросив жену, бежал к тестю» (Болеславу. — *П. Т.*), не достаточно информативна. А. В. Назаренко справедливо отмечает, что в Титмара ничего не говорится о княжении Святополка в Киеве до взятия города Болеславом в августе 1018 г.[30] Но ведь отсутствие информации у хрониста, никогда не бывавшего в Киеве и писавшего со слов немецких наемников в стане Болеслава, не может быть свидетельством отсутствия события. При этом сам А. В. Назаренко как будто не сомневается в том, что Святополк таки сидел на киевском столе после смерти Владимира, если полагает, что он «*бцжа в Ляхы*» только после Любечской битвы глубокой осенью или зимой 1016 г.[31] Не переоценивая источниковые возможности «Хроники» Титмара в решении вопроса о дате Любечской битвы, следует признать, что ее сообщение о бегстве Святополка к Болеславу по смерти Владимира, скорее, свидетельствует в пользу 1015 г., чем 1016-го*.

Таким образом, мнения исследователей относительно точной даты Любечской битвы разделились между осенью 1015 и осенью 1016 гг. Весна 1016 г. как время сражения не может серьезно обсуждаться ввиду четкого свидетельства обоих летописных рассказов о том, что во время битвы уже начинались морозы. Разумеется, это не обязательно «поздняя осень», на чем настаивал А. А. Шахматов, вполне возможно, что и ранняя зима, поскольку в эти широты морозы приходят значительно позже, чем в северные, нередко только в декабре. Конечно, подобное сомнение не слишком рушит расчеты А. А. Шахматова, но они не кажутся убедительными и по целому ряду других соображений.

Прежде всего, нельзя согласиться с ним в том, что Ярослав начал готовиться к походу на Киев не раньше сентября 1015 г., то есть только после убиения Глеба,

---

[28] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 408.

[29] *Назаренко Л. В.* О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники. М., 1984. С. 13—19.

[30] Там же. С. 15.

[31] Там же. С. 18.

* А. В. Назаренко почему-то придает большее значение не единственному более-менее конкретному сообщению Титмара, способному хоть как-то приблизится к определению даты Любечской битвы (имеется ввиду свидетельство о бегстве Святополка к Болеславу вскоре после смерти Владимира), а известиям о взаимоотношениях между Германией, Польшей и Русью, в которых нет и такой информации. При этом исследователь доверяет летописной версии о времени Любечской битвы (1016 г.), забывая уточнить, что речь идет лишь о свидетельстве Новгородской первой летописи. (*Назаренко А. В.* О датировке... С. 13—15, 19.)

которое случилось 5 сентября. Летописи не дают для этого никаких оснований. Мысль о походе на Святополка возникла у него «*в ту же нощь*», когда он получил донесение из Киева от сестры Предславы, в котором сообщалось об убийстве одного Бориса (в «Сказании об убийстве Бориса и Глеба» оно датируется 24 июлем) и только о намерении расправы над Глебом: «*Отець ти умерлъ, а Святополкъ сцдить ти Киевцц, убивъ Бориса, а на Глцба посла, а блюдися его повелику*»[32]. В Новгородской первой летописи известие от Предславы об избиении братьев имеет форму множественного числа — «*отець ти умерлъ, а братья ти избиена*», но это определенно следует отнести на счет позднейшей редакции.

Наверное, сборы в поход заняли у Ярослава определенное время. Но почему обязательно несколько месяцев? А. А. Шахматов объяснял столь продолжительный срок сборов тем, что, во-первых, нужно было нанять варягов за морем, а во-вторых, получить с новгородцев указанный (правда, в рассказе о втором походе на Святополка) денежный сбор[33].

Что касается найма варягов, то это уже было сделано раньше. Ярослав нанял их готовясь к отражению похода на Новгород Владимира Святославича. В связи с скоропостижной смертью киевского князя поход этот не состоялся и варяги маялись без дела в Новгороде: «*насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ*» — как заметил летописец. Восстание новгородцев, приведшее к избиению варягов на Парамоновом дворе, не следует понимать как поголовное их уничтожение. Да и сколько их могло находиться на одном новгородском дворе? Не была масштабной и месть Ярослава новгородцам. Видимо, он казнил только нескольких главных зачинщиков этого побоища: «*И позва к собцц нарочитыцц мужи, иже бяху исстцкли варягы, и обольстивъ я, исцче*»[34].

В Новгородской первой летописи содержится загадочная фраза: «*Собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исцче*»[35]. На первый взгляд она свидетель-ствует о массовой казни и именно так понималась многими исследователями*. В действительности словосочетание «*вои славны тысящу*» означает не количество казненных, а их социальную принадлежность. Речь идет, скорее всего, о «лучших» или «вящих» людях новгородских, недовольных своеволием варягов[36]. К такому выводу склонялся в свое время Л. В. Черепнин. «Слова Новгородской I летописи, — писал он, — надо, очевидно, понимать не в том смысле, что погибла тысяча славных во-

---

[32] ПВЛ. Ч. 1. С. 95.

[33] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 503; Н. Н. Ильин не разделял мнение А. А. Шахматова о том, что упоминаемый в летописной статье 1018 г. денежный сбор следует отнести ко времени первого похода Ярослава на Киев (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. С. 143—144).

[34] ПВЛ. 1996. С. 62.

[35] НПЛ. С. 174.

* Н. Н. Ильин по этому поводу заметил, что урон в 1000 человек был равносилен полному разгрому для любой из представленных на вече партий.

[36] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. С. 131.

инов, а в том, что подверглись избиению знатные военачальники, возглавлявшие подразделения войсковой "тысячи"»[37]. Н. Н. Ильину казалось, что группа этих «нарочитых мужей» была многочисленной, но ведь не все принадлежавшие к ней были «*исцчены*». Как отмечается в летописи, «*друзии бьжаща изъ града*»[38].

О необходимости длительного времени на сбор с новгородцев денежного взноса, что определенно имело место не только при подготовке второго похода, но и первого, вообще говорить не приходится. Для этого достаточно было нескольких дней, особенно если учесть, что основными «дарителями» были бояре и представители княжеской администрации. Сыграло здесь свою роль и покаяние Ярослава, после чего новгородцы и варяги откликнулись на его призыв идти на Киев. Ни о каком новом приглашении варягов из-за моря летописец не говорит.

Видимо, не стоит слишком буквально воспринимать свидетельство летописи о трехмесячном противостоянии Ярослава и Святополка у Любеча. А. А. Шахматов вопрошал: «Как могла наступить осень 1016 года после трехмесячного стояния Святополкова и Ярославова войск друг против друга, начавшегося осенью 1015 г.?»[39]. Более уместен был бы в этом случае другой вопрос. Почему Ярослав, имея на подготовку похода почти полтора года, только к заморозкам следующего года поспел на юг Руси?

В принципе, трехмесячное стояние противоборствующих сторон на обоих берегах Днепра лишено всякого смысла. Ведь Святополк не преградил Ярославу путь на Киев. Последний мог спокойно продолжить его и, что называется, голыми руками взять киевский стол. Да древнерусская военная практика и не знает больше подобных примеров. Даже города не подвергались столь длительной осаде. Скорее всего, летописец здесь ошибся. В «Истории» В. Н. Татищева говорится о том, что стояние длилось «*до трех седмиц*», то есть трех недель[40]. Трудно сказать, имел ли он на этот счет какое-то древнее свидетельство, но его «*три седмицы*» кажутся более реалистичными, чем три месяца «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи. В действительности, стояние у Любеча было еще менее продолжительным.

Дополнительные данные о событиях, связанных с первым походом Ярослава на Святополка содержится в «Пряди об Эймунде». Разумеется, это не хроника и полностью доверяться этому литературному произведению не стоит, но неразумно было бы и пренебречь им. Тем более, что общая картина битвы в «Пряди» очень близка к той, которая содержится в «Повести временных лет». Братья сошлись там, где был большой лес у реки, и поставили свои шатры на разных ее берегах. Четыре ночи противники не предпринимали никаких действий. После этого варяги идут к Ярославу и вынуждают его ускорить сражение[41]. Как видим, в саге отмечено всего

---

[37] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... С. 132.

[38] НПЛ. С. 174.

[39] Шахматов А. А. Разыскания... С. 359.

[40] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 73.

[41] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С. 109.

четырехдневное противостояние дружин Ярослава и Святополка, после которого началось сражение.

Сказанное выше позволяет скорее принять летописную дату Любечской битвы, чем усомниться в ней. В этом случае на подготовку к ней у Ярослава было около четырех месяцев*. Не так много, чтобы не надо было спешить, что и отражено в летописи, но и не так мало, чтобы сражение у Любеча вообще не могло состояться в 1015 г. Перенос его в следующий — 1016 г., на чем настаивал А. А. Шахматов, невозможен уже хотя бы потому, что Ярослав не стал бы так долго (почти полтора года) ждать своего часа, при этом кормить и оплачивать тысячный корпус варягов.

Предметом постоянного обсуждения исследователями является также вопрос о численности войск, участвовавших с обеих сторон в Любечской битве. Абсолютные цифры летописцы приводят только по отношению к дружине Ярослава: «*И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочих вои 40 000*»[42]. В Новгородской первой летописи названы более скромные цифры. Варягов все та же тысяча, а «прочих», то есть новгородцев, еще три тысячи — вместе четыре. «*И събра вои 4000: Варягъ бяшеть тясяща, а новъгородцовъ 3000*»[43]. Что касается киевских сил, водимых Святополком, то они обозначены словом «*бесщисла*».

Обе цифры вызывали сомнения у исследователей. Первая им казалась чрезмерно большой, вторая слишком скромной[44]. Каких либо дополнительных данных для определения точного числа сил, участвовавших в Любечской битве, у нас нет. Ближе к реальному, по-видимому, является свидетельство новгородских летописцев. И не только потому, что они располагали более надежной информацией, но и потому, что цифра 40 тыс. воинов для Новгорода начала XI в. вообще невероятна. Такое войско не просто было бы собрать и снарядить и в целом от всей Руси.

О численности киевской дружины, кроме определения «*бесщисла*», никаких данных в летописи нет. В «Пряди об Эймунде», после рассказа о расположении войск противоборствующих сторон на обоих берегах реки, говорится, что «разница по силам была между ними невелика». О том, в чью пользу склонялась эта разница, в саге не говорится. Ярославу казалось, что киевские силы слишком малы, а Эймунд, наоборот, полагал, что они постоянно пополняются, тогда как новгородские тают вследствие ухода воев в свои волости[45].

В целом, видимо, в Любечской битве с обеих сторон было задействовано 8 тыс. воинов, может быть несколько больше. В любом случае, для начала XI в. это было относительно масштабное сражение.

---

* Согласно Н. Н. Ильину, между утверждением Святополка на киевском столе и изгнанием его Ярославом прошло не более трех месяцев (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. С. 144).

[42] ПВЛ. 1996. С. 62.

[43] НПЛ. С. 175.

[44] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. Киев, 1992. С. 10.

[45] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги... С. 109.

Нуждается в объяснении также известие о том, что новгородцы, высадившись на левый берег Днепра, «*отринуша лодьци от берега*». Эта эпическая подробность Любечской битвы присутствует как в киевском, так и новгородском рассказе. Она, по-видимому, должна была подчеркнуть решительность Ярослава и его воинства, не допускавших и мысли о возможном поражении, однако с практической точки зрения кажется совершенно нелепой. Ведь флот Ярославу был нужен и в случае победы — плыть дальше к Киеву, и в случае поражения — возвращаться назад в Новгород. И вряд ли Ярослав и его окружение проявили бы такое беспечное легкомыслие.

Его и не было, хотя исследователи охотно отмечают эту подробность как исторический факт*. А что же было? Разъяснение этому известию находится в «Пряди об Эймунде». Корабли действительно были «*отринуты*» от места высадки новгородцев и варягов, но не с тем, чтобы их унесло течение Днепра, а чтобы в случае неудачного исхода сражения они не оказались легкой добычей противной стороны. В разговоре с Ярославом варяжский воевода Эймунд заметил: «Мы норманы, дело делали: мы отвели вверх по реке все наши корабли с боевым снаряжением»[46]. Вряд ли приходится сомневаться в том, что это было и решением Ярослава.

Из всего сказанного выше следует, что, несмотря на определенную разноголосицу киевского и новгородского рассказов о Любечской битве, в исторической основе они близки между собой. Причем близость эта (в значительной степени и текстуальная) обусловлена исключительно зависимостью новгородского рассказа от киевского. Последний представляет собой историческую хронику, созданную, что называется, по свежим следам событий, тогда как новгородский — несомненно литературное произведение, созданное из временного далека, на основании киевских записей и новгородского предания.

---

* Н. Н. Ильин объяснял этот маневр военной тактикой того времени, когда наступающая сторона, переправившись через реку, отталкивала от берега свои ладьи, чтобы отрезать робким возможность отступления (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. С. 138).

[46] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги... С. 109.

А. В. Назаренко (Москва)

«Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии*

Проблема политического строя древнейшей Руси прочно входила в круг научных интересов Л. В. Черепнина. Изучая междукняжеские отношения, исследователь пришел к выводу, что они, будучи феодальными по сути, лишь скрывались под династически-родовой формой[1]. Не вдаваясь здесь в дискуссию на данную тему, заметим только, что если даже смотреть на династические порядки внутри древнерусского княжеского рода лишь как на формальную оболочку, это все равно не снимает вопроса, отражала или нет ее эволюция сущностные общественно-политические процессы. Не говорим уже о том, что именно династически-родовая конъюнктура отражена в письменных источниках много полнее, чем какие-либо другие стороны общественной жизни Древней Руси. В династической же истории княжеского дома раздел Руси между сыновьями киевского князя Ярослава Мудрого (1019—1054), предпринятый по завещанию последнего (так называемый *ряд Ярославль*), сыграл, как известно, эпохальную роль.

Сообщение Повести временных лет о «ряде» Ярослава неоднократно обсуждалось в науке[2]. И это понятно, поскольку уделы Ярославичей, их границы так или иначе послужили исходной точкой формирования будущей территориально-политической структуры Руси — земель-княжений XII в., а само завещание Ярослава Владимировича рассматривалось впоследствии (например, на известном Любечском съезде 1097 г.) как безусловное правовое основание существования этих земель в качестве отчин соответствующих ветвей княжеского

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общественные институты в историческом процессе: Механизмы функционирования, конфликты, реформы, революции» (проект «Политические институты и верховная власть в домонгольской Руси»).

[1] Назовем только несколько работ последних лет жизни ученого: *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // ИЗ. 1972. Т. 89. С. 353—408; *Он же.* Русь: спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 126—251 (особенно с. 131—187); *Он же.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь: черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 23—50.

[2] В качестве примера назовем только недавние работы: *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 31—35; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 150—176; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 434—443.

семейства[3]. Среди прочего внимание исследователей привлекали два момента, связанные с «рядом» 1054 г.: сеньорат (или, по-древнерусской терминологии, старейшинство) Изяслава, старшего из оставшихся на тот момент пятерых Ярославичей, и довольно отчетливо выступающие в источниках солидарные действия трех старших Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода, что производило впечатление их соправления (в историографии такая политическая структура получила не слишком удачное условное название «триумвирата», или «триархии» Ярославичей).

Вместе с тем если о старейшинстве Изяслава в летописном тексте «ряда» Ярослава говорится, то о каких-либо особых взимоотношениях трех старших Ярославичей в нем нет ни слова. Вот к чему сводится завещание, если опустить открывающее его общенравственное наставление блюсти братскую любовь: «В лето 6562. Преставися великыи князь Русьскыи Ярослав. И еще бо живущу ему наряди сыны своя, рек им: ⟨...⟩ Се же поручаю в собе место стол стареишему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыев, сего послушаите, яко послушасте мене, да то вы будеть в мене место. А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смолинеск. И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити, рек Изяславу: Аще кто хощеть обидети брата своего, то ты помагаи, его же обидять»[4]. Сеньорат Изяслава прямо прокламируется, причем киевский князь призван быть гарантом устанавливаемого династического порядка: именно к нему обращен призыв «помагати, его же обидять».

О существовании же «триумвирата» заключают, исходя из «нераздельности общих действий по обороне Русской земли и по внутренним делам ее трех стар-

---

[3] ПСРЛ. Л., 1928. 2-е изд. Т. 1. Стлб. 256—257; СПб., 1908. 2-е изд. Т. 2. Стлб. 230—231.

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 161; Т. 2. Стлб. 149—150. После слов «Всеволоду Переяславль» в Комиссионном списке Новгородской I летописи младшего извода (НПЛ. С. 182), Новгородской IV и в Софийской I летописей (ПСРЛ. СПб., 1915. 2-е изд. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 117; М., 2001. 2-е изд. Т. 6. Вып. 1. Стлб. 181) и некоторых других читается: «а Игорю Володимерь». Это чтение отсутствует во всех главных списках Повести временных лет, кроме Академического, в который заимствовано, очевидно, из новгородско-софийского летописания. По догадке А. А. Шахматова, упоминание о Волыни как уделе Игоря присутствовало в Начальном своде 1090-х годов, но было исключено в Повести из желания «дать отпор притязаниям Давыда Игоревича на Владимир» (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1: Вводная часть, текст, примечания. С. XXV и 385. Примеч. к с. 204, с. 18). Вряд ли, однако, это так, поскольку упоминание о Волыни Игоря сохранилось в резюмирующем сообщении под следующим, 6563 г. Скорее, текст общего архетипа всех сохранившихся списков Повести был дефектен, но из этого вовсе не следует заключать, будто упоминание об Игоре в статье 6562 г. было вставлено на основании статьи 6565 (1057) г., где его уделом названа Волынь, как думает Л. Мюллер (Die Nestorchronik / Ins Deutsche übers. von L. Müller. München, 2001. S. 198. Anm. 5 [Handbuch zur Nestorchronik / Hrsg. von L. Müller. Bd. 4; Forum Slavicum. Bd. 56]). Полагаем, в утраченном оригинале Повести такое упоминание в тексте «ряда» Ярослава имелось. Так или иначе, в том, что Игорь получил по завещанию отца именно Волынь, сомневаться не приходится.

ших Ярославичей»[5]. Однако эти общие действия — победа над торками (1060 г.)[6], разделение Смоленска (очевидно, в смысле разделения смоленских даней) на три части после смерти Игоря (1060 г.)[7], борьба с полоцким князем Всеславом Брячиславичем (1067 г.)[8], неудачный поход против половцев (1068 г.)[9], издание Правды Ярославичей[10] и перенесение мощей свв. Бориса и Глеба (1072 г.)[11] — имели место уже после смерти младших Ярославичей: Вячеслава в 1057, а Игоря в 1060 г.[12] Для периода между 1054 и 1060 гг. таких общих действий всего лишь два: перевод Игоря из Волыни в Смоленск после смерти на смоленском столе Вячеслава и решение об освобождении из заточения и пострижении в монахи Судислава, дяди Ярославичей (1059 г.). Но в сообщении о переводе Игоря на новый стол в 1057 г. старшие Ярославичи как субъект действия вовсе не названы; сказано лишь, что «посадиша Игоря Смолиньске». Эта лапидарная формула очень напоминает сообщение о разделе Смоленска: «И по сем разделиша Смоленеск на три части». Поэтому можно думать, что и выражение «Изяслав, и Святослав, и Всеволод высадиша стрыя своего ис поруба»[13] также есть всего лишь редакторская экспликация составителем Начального свода первоначальной краткой заметки: «Высадиша Судислава ис поруба», каковой вид она, заметим, и имеет в Синодальном списке Новгородской первой летописи[14]. В таком случае неопределенно-личное 3-е лицо множественного числа аориста «посадиша», «разделиша», «высадиша», скорее всего, подразумевало всю совокупность наличных Ярославичей, т. е., применительно к событиям 1057 и 1059 гг., и Игоря в том числе; братья действовали совокупно в соответствии с завещанием отца: «пребываите мирно, послушающе брат брата». Это, в свою очередь, означало бы, что представление о выделенном положении среди братии не только киевского князя Изяслава, но еще и троих старших Ярославичей *in corpore* по отношению к двум младшим братьям, не находит себе надежной опоры в летописных текстах.

---

[5] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993. С. 42.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 163; Т. 2. Стлб. 151—152.

[7] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Стлб. 118; Т. 6. Вып. 1. Стлб. 182.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 166—167; Т. 2. Стлб. 155—156.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 167—170; Т. 2. Стлб. 156—160.

[10] См. заголовок перед статьей 19 Краткой Правды: «Правда уставлена Руськои земли, егда ся совокупил Изяслав, Святослав, Всеволод» — и аналогичный текст в статье 2 Пространной Правды (Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 48, 64).

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 181; Т. 2. Стлб. 171; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 55.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 162—163; Т. 2. Стлб. 151.

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 162; Т. 2. Стлб. 151.

[14] НПЛ. С. 17. Точно так же составитель Тверской летописи редактирует фразу о разделе Смоленска: «И разделиша Ярославичи Смоленеск себе на три части» (ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стлб. 153).

На первый взгляд, такое заключение выглядит естественным и ожидаемым, потому что не очень понятно, каким образом наряду с индивидуальным сеньоратом мог сосуществовать и действовать еще и коллективный, каким образом троевластие Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского могло сочетаться с какими бы то ни было реальными политическими прерогативами Изяслава в масштабе всей Руси в соответствии с его сеньоратом. Иными словами, одновременное учреждение завещанием Ярослава Мудрого и того и другого представить себе трудно. И тем не менее дело обстояло, надо думать, именно так. В этом убеждает нас сравнительно-типологический материал, который проливает дополнительный, пусть и косвенный, свет на указанные сложности.

В отечественной литературе вскользь уже указывалось на аналогии, которые имеются для «ряда» Ярослава в династических установлениях Древнечешского и Древнепольского государств, а именно на завещания чешского князя Бржетислава I (1034—1055) и польского князя Болеслава III Кривоустого (1102—1138)[15]. Действительно, распоряжения относительно престолонаследия, сделанные в этих завещаниях, имели в виду ту или иную форму сеньората и в этом смысле могут быть типологически сближены с завещанием Ярослава Владимировича. Однако детального сопоставления завещаний Бржетислава I, Болеслава III и Ярослава Мудрого в науке все еще не проведено; не предвосхищая его результатов[16], обратимся здесь к реалиям из другой части средневековой Европы, которым пока вообще не уделяли внимания в связи с древнерусской проблематикой.

Отправной точкой наших наблюдений служит бросающийся в глаза «чересполосный» характер уделов трех старших Ярославичей: Киев и Новгород Изяслава разделены Смоленском Вячеслава, Чернигов и Тмутаракань Святослава — степью, Переяславль и Ростов Всеволода — вятичскими землями Черниговского удела Святослава[17]. Эта территориальная структура необычна; например, в упомянутых разделах по завещаниям Бржетислава I (если таковой вообще был) и Болеслава III она не находит себе никакого соответствия. Зато такие соответствия имеются в династических разделах Франкского государства VI—IX вв., где этот феномен выражен даже более ярко, а главное — находит себе убедительное объяснение.

---

[15] См., например: *Пресняков А. Е.* Указ соч. С. 38—39; *Толочко А. П.* Указ. соч. С. 26, 34; и др.

[16] Предварительная попытка в этом направлении предпринята нами в другой работе: *Назаренко А. В.* Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2007.

[17] В самóм завещании Ярослава Мудрого, как оно донесено до нас летописями, о судьбе Новгорода, Ростова и Тмутаракани ничего не говорится; судьба эта восстанавливается по другим разрозненным данным второй половины 1050—1060-х годов, которые подтверждают свидетельство перечня киевских князей из Комиссионного списка Новгородской I летописи: «И преставися Ярослав ⟨...⟩ и взя вятшии Изяслав Киев и Новгород и ины городы многы Киевьскыя в пределех; а Святослав Чернигов и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволжье» (НПЛ. С. 469).

Хронологически первым в ряду франкских разделов стоит раздел 511 г. по завещанию короля Хлодвига, создателя Франкской державы. Каждый из четырех сыновей Хлодвига получил, по сообщению Григория Турского (ум. в 593/4 г.), «равную долю» («aequa lance») отцовских владений[18], но при том так, что территориально единым оказался только удел Хлодомера, старшего сына Хлодвига от второго брака с Хродехильдой, тогда как уделы Теодерика, старшего сына Хлодвига от первого брака, а также Хильдеберта и Хлотаря, единоутробных младших братьев Хлодомера, оказались разбиты каждый на две части (см. карту 1)[19].

Принцип, приведший к такому итогу, недвусмысленно угадывается: каждый из братьев должен был получить часть не просто в наследии отца, а непременно в некоей базовой центральной области, которую составляли исходные земли франков до 480 г. вместе с провинциально-римским «королевством» Сиагрия, которое было захвачено Хлодвигом в 480 г. В источниках эта область получила наименование *Francia* — Франкия в собственном смысле, в отличие от присоединенных позже Аквитании, Алемании, Бургундии, Новемпопуланы (т. е. Гаскони) и Прованса, которые в своей совокупности также именовались в источниках Франкией — в широком смысле слова. Более того, резиденции братьев — Реймс Теодерика, Орлеан Хлодомера, Париж Хильдеберта и Суассон Хлотаря — концентрировались в еще более узком и фискально насыщенном регионе, а именно между Верхним Маасом и Средней Луарой. В силу принципа равенства уделов (по их доходности) на четыре части пришлось поделить и захваченную впоследствии и пока не до конца освоенную Аквитанию (к югу и западу от Луары), так что возникла ярко выраженная владельческая чересполосица[20].

---

[18] *Gregorii Turonensis* Opera. Hannover, 1937—1951. T. 1: Libri historiarum X / Ed. B. Krusch, W. Levison. Cap. III, 1 (MGH SRM. T. 1/1); *Григорий Турский*. История франков / Изд. подгот. В. Д. Савукова. М., 1987. С. 62 (III).

[19] Описания уделов по завещанию 511 г., как и по обсуждающимся ниже договорам 561 и 567/8 гг., ни у Григория Турского, главного источника по истории франков VI в., ни в других текстах не сохранилось; их границы восстанавливаются — впрочем, с достаточной определенностью — по сумме данных, в том числе из описания позднейших событий у самого Григория; см. остающуюся итоговой работу на эту тему: *Ewig E.* Die fränkischen Teilungen und Teilreiche (511—613). Mainz, 1953 (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz. Die geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Jg. 1952. № 9) (перепечатано в кн.: *Ewig E.* Spätantikes und fränkisches Gallien / Hrsg. H. Atsma. Bd. 1. München, 1976 [Beihefte zu Francia. Bd. 3/1]). Именно на результаты Э. Эвига, за исключением ряда собственных наблюдений, мы и опираемся в наших построениях и картографических реконструкциях. Карты, прилагаемые к изданию В. Д. Савуковой (*Григорий Турский*... С. 324—325), заимствованы из старой историографии и в деталях не всегда надежны.

[20] Аналогию (которую мы здесь детальнее не обсуждаем) представляет и раздел по духовной великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1389 г.). Каждый из взрослых сыновей великого князя (исключая больного Ивана) получал отдельную долю («жеребий») в землях собственно Московского княжества и отдельную — в приобретенных московскими князьями землях («куплях»). Из-за этого также образовались чересполосные уделы:

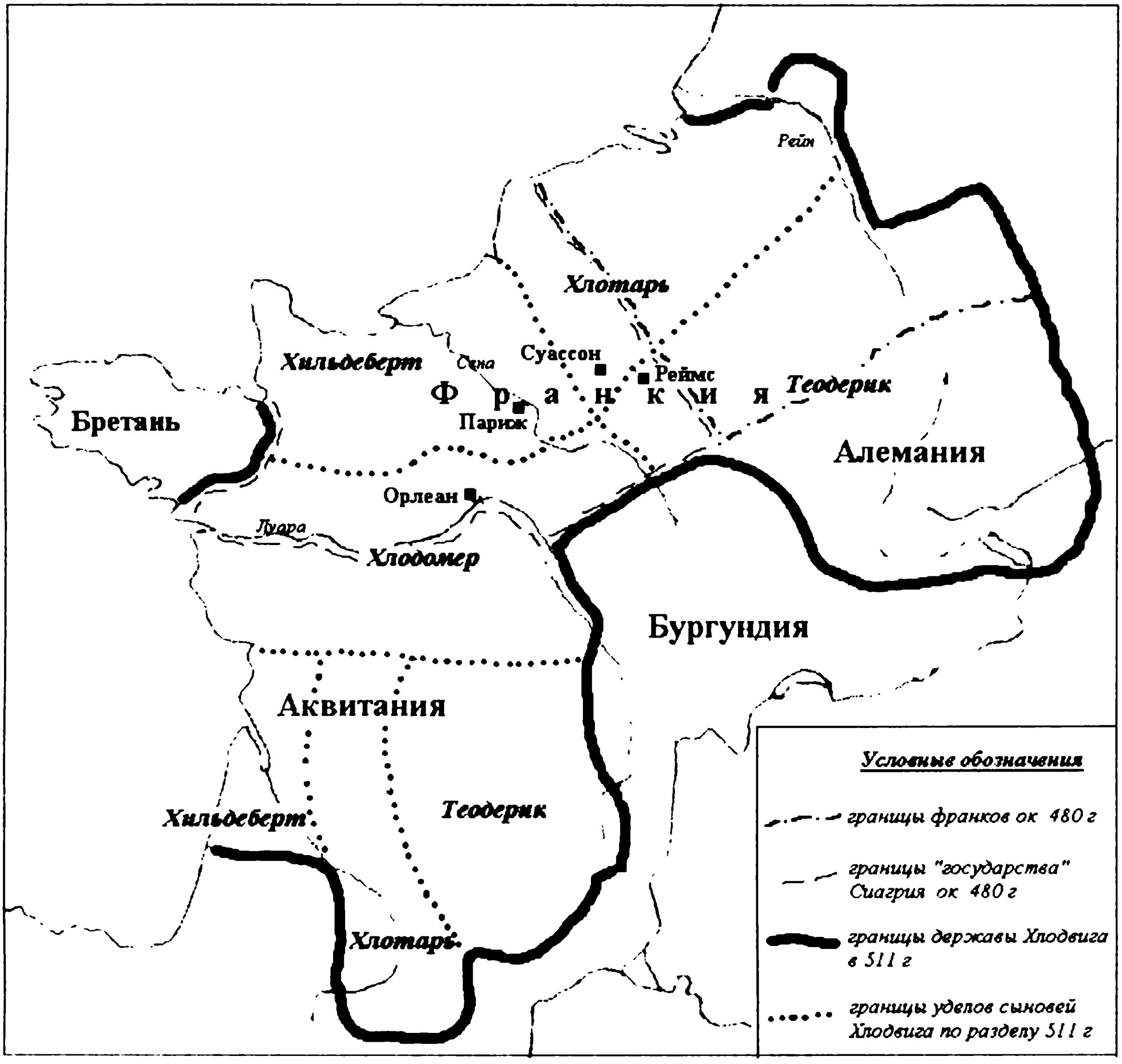


Рис. 1. Раздел Франкского государства по смерти Хлодвига в 511 г.

Показательно, что следующий, случившийся в 562 г. раздел между четырьмя сыновьями Хлотаря (умершего в декабре 561 г.), который к 558 г. стал единолич-ным правителем всего Франкского королевства, применительно к обозначенной центральной области явно следовал тому же принципу, восходя к прецеденту 511 г. — каждый из четырех получил удел с одной из названных выше столиц: даже явно обделенный младший Хильперик, сын Хлотаря от второго брака, получил Суассон (отцовский стол по разделу 511 г.). Трое старших единоутробных братьев, вероятно, стремились избежать чересполосицы, но это удалось только в отношении Хариберта и Гунтрамна, в то время как владения Сигиберта, младшего в этой

Звенигород и Галич (Юрий), Можайск и Белоозеро (Андрей), Дмитров и Углече поле (Петр) (ДДГ. № 12).

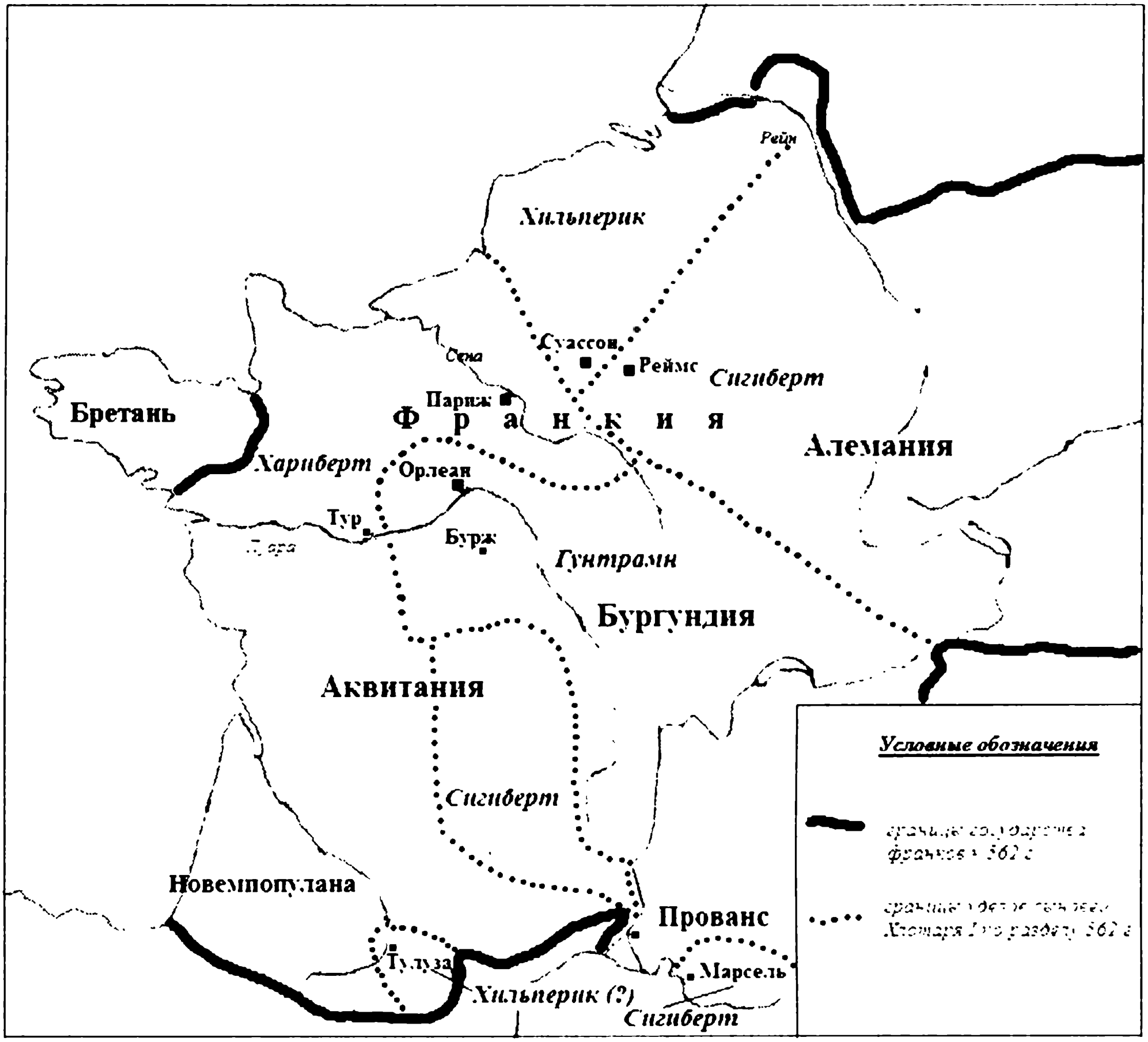


Рис. 2. Раздел Франкского государства по смерти Хлотаря I в 561 г.

тройке, помимо главного удела со столицей в Реймсе, включали еще аквитанский и провансальский (с центром в Марселе: остальная часть Прованса с Арлем и Авиньоном принадлежала Гунтрамну) анклавы (см. карту 2).

Еще более показателен раздел, имевший место вскоре, в 567/8 г., после смерти Хариберта. Владения умершего брата рассматривались не *grosso modo*, а по отдельности в своих составных частях: особо делилась натрое часть, входившая во Франкию (при этом стольный Париж с непосредственно прилегавшей к нему областью также подлежал особому разделу), особо — аквитанская, особо — завоеванная уже после Хлодвига Новемпопулана (см. карту 3).

Возникшая в результате лоскутная структура не могла быть стабильной и немедленно привела к тяжелым междоусобным конфликтам. Однако для нас важно отметить сам принцип раздела, который покоился на основополагающем для ди-

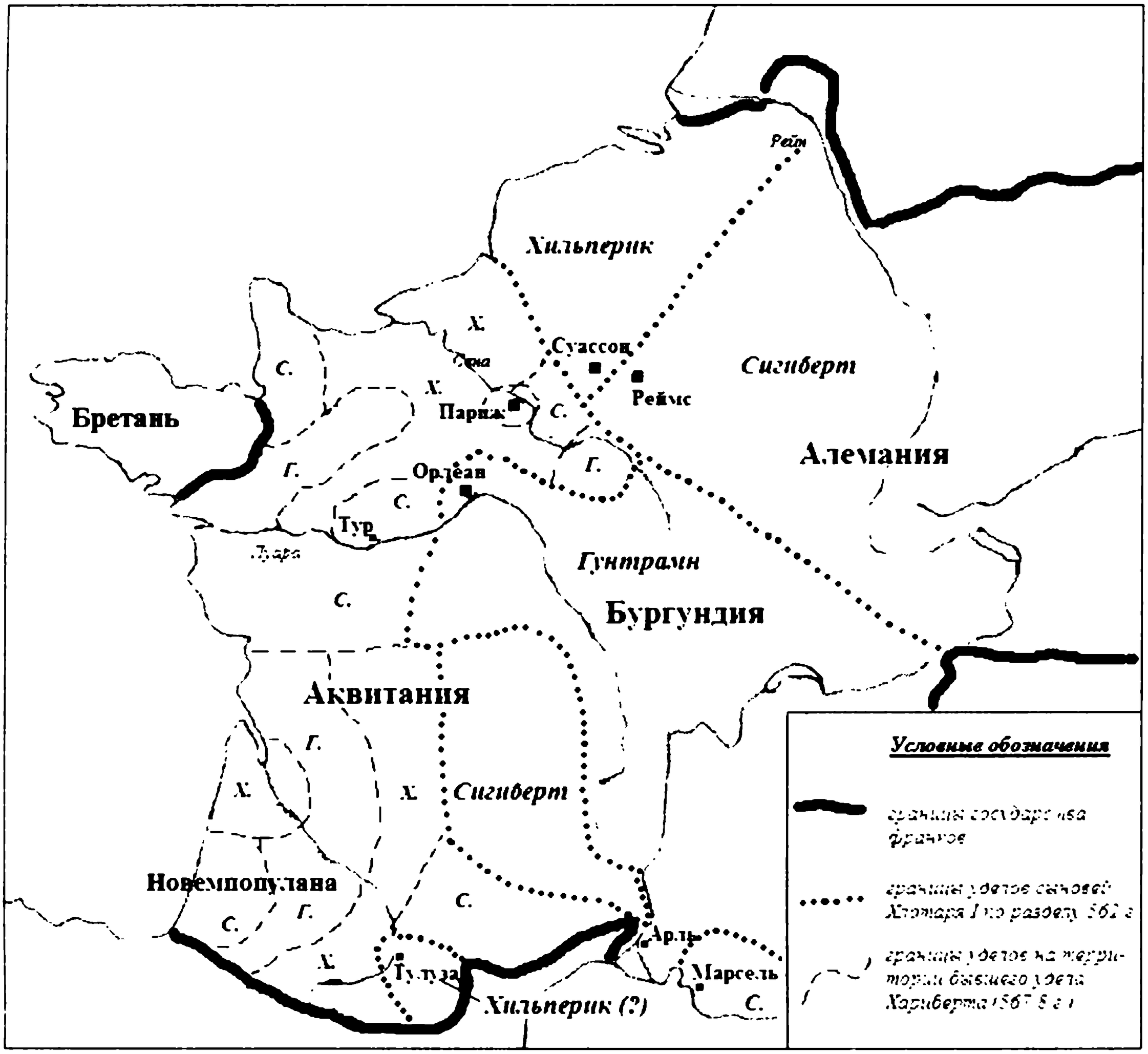


Рис. 3. Раздел владений короля Хариберта после его смерти в 567 г.

настического сознания франков понятии родового совладения — так называемом *corpus fratrum:* все сыновья умершего отца имели право на долю в его наследстве, первоначально — равную[21]; впрочем, с большей или меньшей отчетливостью родовое совладение прослеживается во многих раннесредневековых династиях —

[21] Попытку оспорить эту устоявшуюся точку зрения и усмотреть в разделе 511 г. всего лишь политический компромисс *ad hoc* (*Wood I.* Kings, Kingdoms and Consent // Early Medieval Kingship / Ed. P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds, 1977. P. 6—29) нельзя признать удачной. Участники этой дискуссии, конечно же, вряд ли знакомы с древнерусской проблематикой, но взгляд русиста сразу же отметит роковое сходство с давнишней полемикой между сторонниками «родовой теории» междукняжеских отношений, идущей от С.М. Соловьева, и последователями В.И. Сергеевича, убежденными, будто все в этих отношениях регулировалось конкретным договором. Бесплодно абсолютизировать основанную на обычном праве династическую традицию, сплошь и рядом скреплявшуюся еще и особым догово-

особенно на Руси, что, собственно, и делает франкский материал столь показательным для русиста[22].

Этот принцип сохранялся у франков и при Каролингах, причем был настолько прочно укоренен, что в нем ничего не изменила даже коронация Карла Великого (768—814) императорским венцом в 800 г., хотя противоречие между родовым совладением и неделимостью императорского звания было очевидно[23]. В 806 г. Карл издал завещательное распоряжение, в котором предполагал раздел Франкской державы после своей смерти на примерно равные части между тремя сыновьями — Карлом, Пиппином и Людовиком (см. рис. 4); в науке этот документ получил название «*Divisio regnorum*» («Размежевание королевств»)[24].

Никаких распоряжений относительно императорского титула или какого бы то ни было иного, пусть только формального сеньората старшего из братьев, а именно Карла, документ не содержит. Удел Карла отличался, однако, тем, что включал в себя целиком всю прежнюю Франкию в узком смысле в обеих ее половинах — западной (Нейстрия) и восточной (Австразия). Это обстоятельство может показаться принципиальным, так как предыдущий раздел между самим Карлом Великим и его братом Карломанном после смерти их отца короля Пиппина III в 768 г. оставлял (если не говорить о деталях) Австразию за Карломанном, а Нейстрию — за Карлом, т. е. воспроизводил раздел в предыдущем поколении Каролингов: между старшими сыновьями умершего в 741 г. Карла Мартелла — Карломанном и Пиппином[25]. Однако Карл Великий вовсе не имел идеи неделимости Франкии в узком смысле, как можно было бы подумать; это видно из его распоряжения, что в случае ранней смерти его сына Карла королевство последнего делится между братьями Пиппином и Людовиком по границе раздела 768 г. между Карломанном и Карлом[26]. То, что в основе «*Divisio regnorum*» лежала традиционная идеология *corpus fratrum* видно еще и по следующему факту: заботу о судьбе папства император возлагал на всех троих сыновей совокупно[27] (хотя Рим и вся Папская область находились в уделе Пиппина), причем особо оговаривал, что границы уделов проведены им именно так, а не иначе еще и с тем, чтобы Карл и Людовик, владея соот-

---

ром, противопоставляя ее столь же абсолютизированной договорной практике, которая, разумеется, не жила вне представлений о династическом легитимизме.

[22] На это последнее обстоятельство нам уже приходилось указывать: *Назаренко А. В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // ДГ, 1985 год. М., 1986. С. 149—157; *Он же.* Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2001. Т. 1: Древняя Русь. С. 500—508.

[23] *Назаренко А. В.* Империя Карла Великого — идеологическая фикция или политический эксперимент? // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 11—24.

[24] MGH Capp. Hannover, 1883. T. 1 / Ed. A. Boretius. № 45. P. 126—130.

[25] *Einhardi* Vita Karoli Magni / Ed. O. Holder-Egger. Hannover, 1911. Cap. 3. P. 6 (MGH SRG. [T. 25]).

[26] MGH Capp. T. 1. N 45. Cap. 4. P. 127—128.

[27] Ibid. Cap. 15. P. 129.

Рис. 4. Разделы Франкской державы по завещаниям Карла Великого (806 г.) и Людовика Благочестивого (817 г.)

ветствующими перевалами через Альпы, имели удобную возможность при случае прийти на помощь Пиппину[28].

В этом отношении весьма замечателен резкий контраст «*Divisio regnorum*» Карла Великого с аналогичным документом его сына и преемника императора Людовика Благочестивого (814—840). Оказавшись единоличным наследником империи (упомянутые выше Пиппин и Карл умерли еще при жизни отца, в 810 и 811 гг. соответственно), Людовик в 817 г., вскоре после восшествия на престол, в свою очередь издал завещание, которое упорядочивало взаимоотношения между тремя его сыновьями — Лотарем, Пиппином и Людовиком. По этому завещанию, по-

[28] MGH Capp. T. 1. № 45. Cap. 3. P. 127.

лучившему название «*Ordinatio imperii*» («Устроение империи»), Лотарь, будучи старшим, наследовал не только императорский титул отца, но и львиную долю его владений, тогда как его братьям доставались относительно небольшие уделы: Пиппину — Аквитания, Людовику — Бавария[29] (см. рис. 4). Хотя оба последних титуловались королями, но должны были признать верховную власть Лотаря: «После нашей кончины да получат (Пиппин и Людовик. — *А. Н.*) королевскую власть под рукой старшего брата»[30]. Перед нами очевидная попытка перейти от *corpus fratrum* — братского совладения в его радикальной первоначальной форме — к безусловному сеньорату.

В силу ряда обстоятельств, вдаваться в которые здесь не место, завещанию Людовика Благочестивого не суждено было осуществиться. Лотарь, попытавшийся было после смерти отца в 840 г. настаивать на принципах «*Ordinatio imperii*», потерпел поражение от братьев Людовика Немецкого и Карла Лысого (сын Людовика Благочестивого от второго брака, родившийся после 817 г.; Пиппин Аквитанский умер в 838 г.). Результатом компромисса между братьями стал знаменитый Верденский договор 843 г., предполагавший возврат к традиционному династическому разделу на равные части, причем — и на это следует обратить особое внимание в контексте нашей темы — снова, как в меровингские времена, разделу на три части подверглась и территория коренной Франкии[31] (см. рис. 5). Это обстоятельство подчеркивало неудачу сеньората: императорский титул Лотаря превращался в пустую формальность.

В свете изложенных здесь, по необходимости бегло, типологических наблюдений раздел Руси в 1054 г. по завещанию Ярослава Мудрого производит двойственное впечатление.

С одной стороны, по своим размерам, экономическому и военному потенциалу удел Изяслава Киевского выглядит доминирующим. Бесспорно, ресурсы собственно Киевской земли того времени, включавшей Погорину и Турово-Берестейскую область, в совокупности с Новгородом намного превосходили ресурсы, скажем, Святославова Черниговского удела, половину которого к тому же территориально составляла хозяйственно и даже политически еще недостаточно освоенная к середине XI в. земля вятичей. В этом отношении «ряд» Ярослава сходствует с разделом у франков согласно «*Ordinatio imperii*» императора Людовика Благочестивого, являвшимся попыткой установить эффективный сеньорат, не отменяя, однако, совершенно обычая наделять всех сыновей. Это заставляет всерьез отнестись к трафаретному

---

[29] MGH Capp. T. 1. № 136. P. 270—273.

[30] «⟨...⟩ post decessum nostrum sub seniore fratre regali potestate potiantur» (Ibid. P. 271).

[31] Annales Bertiniani / Ed. G. Waitz. Hannover, 1883. P. 29—30 (MGH SRG. [T. 5]); Regesta imperii / Hrsg. von J. Böhmer, neu bearb. von E. Mühlbacher, J. Lechner. Innsbruck, 1908. Bd. 1: Die Regesten des Kaiserreiches unter den Karolingern, 715—918. № 1103a (здесь указаны прочие источники); *Ganshof F. L.* Zur Entstehungsgeschichte und Bedeutung des Vertrages von Verdun (843) // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Köln; Wien, 1956. Jg. 12. S. 313—330.

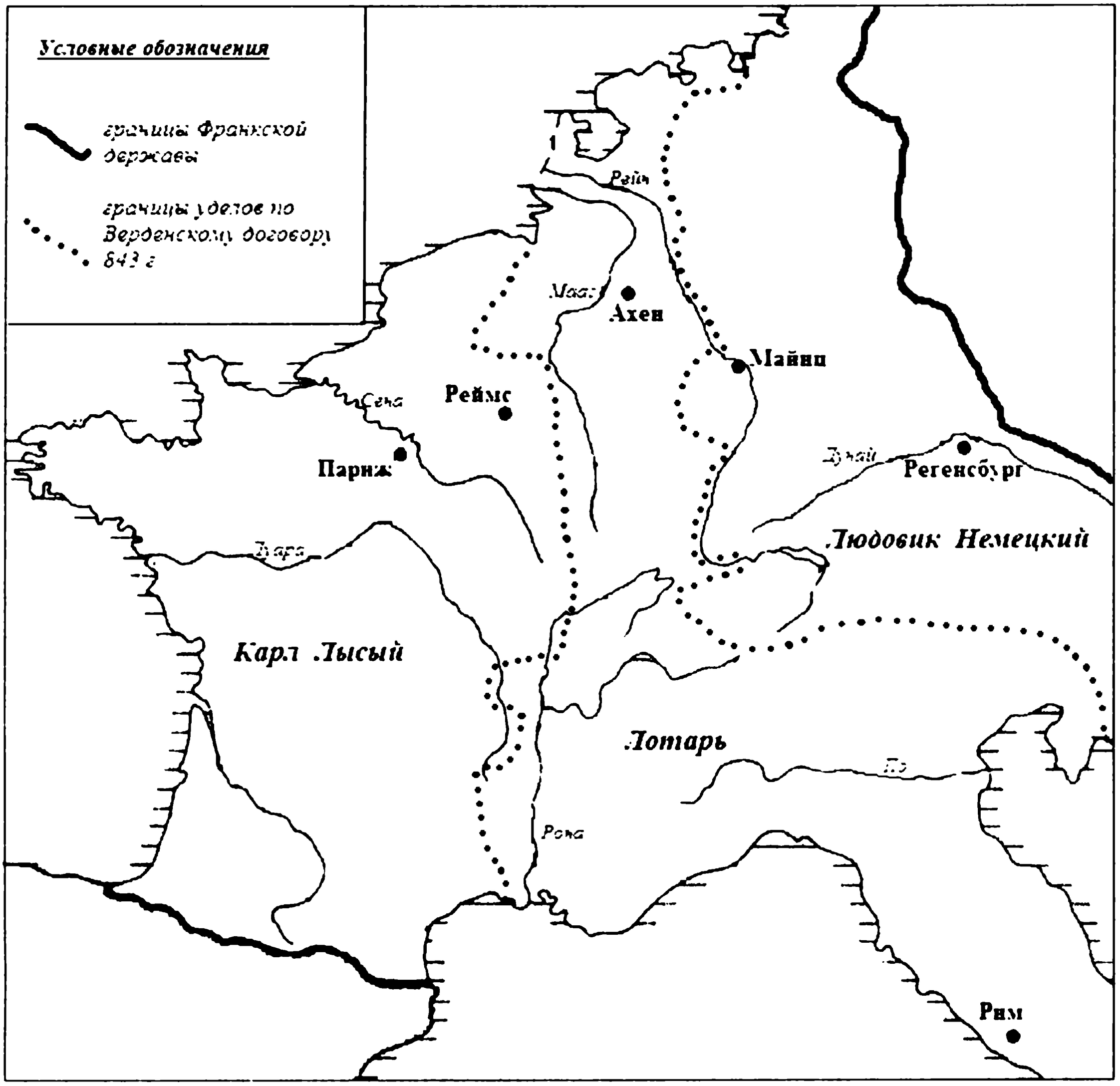


Рис. 5. Раздел Франкской державы между сыновьями императора Людовика Благочестивого по Верденскому договору 843 г.

сообщению летописи, что Изяслав должен был, по замыслу Ярослава, стать для братьев «во отца место», хотя конкретное содержание постулируемых этой формулой общерусских полномочий Изяслава остается неясным. Для сопоставления их с отдельными довольно четко прописанными позициями «*Ordinatio*» Людовика, например с пунктом о верховном надзоре Лотаря за справедливостью внутреннего управления в уделах младших братьев[32], просто не хватает данных.

С другой стороны, характер уделов трех старших Ярославичей сближает Ярославов «ряд» не с «модернистским» проектом Людовика Благочестивого, а, напро-

[32] MGH Capp. T. 1. № 136. Cap. 10. P. 272.

тив, — с архаическими чересполосными разделами у франков эпохи Меровингов. Если исходить из этого параллелизма, то складывается впечатление, что в середине XI в. в Среднем Поднепровье имелась какая-то выделенная область, в которой непременно должны были получить уделы Изяслав, Святослав и Всеволод. Эту область естественно отождествить с так называемой Русской землей в узком смысле слова, так что в «ряде Ярославле» позволительно было бы усматривать некоторый дополнительный довод в пользу существования такой «Русской земли» в X—XI, а не только в XII в.[33] Вместе с тем, в отличие от франкских разделов VI в. и более поздних, уделы Ярославичей в «Русской земле» вовсе не выглядят равноценными. Восточные пределы последней очертить трудно, но даже если они обнимали Курское Посемье, входившее в Переяславский удел Всеволода, все равно сравнивать, например, переяславскую и киевскую части «Русской земли» явно не приходится. Младшие же Ярославичи, Вячеслав и Игорь, вовсе остались без уделов в «Русской земле». Едва ли потому, что это было практически не осуществимо. Так, например, Белгород середины XI в., будучи к тому времени епархиальным центром и представляя собой, судя по археологическим данным, весьма внушительный городской центр[34], несомненно, мог бы стать и княжеским столом. Следовательно, такое неравноправие братьев входило в замысел Ярослава, являясь шагом от *corpus fratrum* в его чистом первоначальном виде к сеньорату.

Еще одной традиционалистской чертой порядка, установленного «рядом» Ярослава, может служить раздел Смоленска Ярославичами[35] в 1060 г. Завещание Лю-

---

[33] Относительно «Русской земли» отсылаем к последней специальной работе на эту тему, где приведена и более ранняя литература: *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 74—100. Функциональное сходство среднеднепровской области, включавшей Киев, Чернигов и Переяславль, с ядром Франкии вокруг Реймса, Суассона, Парижа и Орлеана немаловажно ввиду возобновления в недавнее время попыток новыми аргументами подкрепить мнение Д. С. Лихачева о «Русской земле» в узком смысле как позднем феномене — не ранее XII столетия (*Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // Там же. С. 101—116). Мысль о связи «триумвирата» Ярославичей с их совладением «Русской землей» впервые высказал, кажется, А. Н. Насонов, но ход его рассуждений был иным, нежели наш: историк шел не от специфики уделов старших Ярославичей к понятию «Русской земли», а наоборот — от «Русской земли» как данности, которая должна была пролить свет на характер названных уделов (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и формирование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951. С. 51).

[34] См., например: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 67—68.

[35] Остроумная догадка, будто Смоленск мог быть поделен не между тремя Ярославичами, как принято думать, а между малолетними сыновьями покойных смоленских князей — Борисом Вячеславичем и Давыдом и Всеволодом Игоревичами (*Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ. 1985. № 11. С. 25—26), думается, обречена остаться экзотическим особым мнением: названные княжичи к 1060 г. едва достигли возраста 5—7 лет, что делало, по древнерусским понятиям, выделение им особых владений преждевременным.

довика предусматривало в таких случаях совсем иной порядок действий: по смерти кого-либо из младших братьев Лотарь призван был обеспечить одному из сыновей покойного наследование в уделе отца; если же покойный оказывался бездетен, то его удел должен был перейти в руки Лотаря[36]. Королевства младших сыновей Людовика Благочестивого задумывались в качестве патримониев-отчин, тогда как уделы Ярославичей — нет (судя по смене удела Игорем); эти королевства не подлежали разделу даже в случае их выморочного характера, тогда как Смоленский удел был разделен, даже и не будучи выморочным. Раздел Смоленска Ярославичами имеет аналогию в упомянутом разделе Парижа и удела короля Хариберта в целом в 567/8 г., а также в традиционалистских установлениях «*Divisio regnorum*» 806 г., которые предписывали именно разделы — правда, только в случае, если умерший не имел наследника[37]. В отличие от Смоленска, о судьбе Волыни по уходе оттуда Игоря в 1057 г. надежных сведений нет. Тот факт, что после бегства Изяслава из Руси в 1068 г. в Новгороде, бывшем до этого под Изяславом, садится Святославич Глеб[38], а на Волыни — Всеволодович Владимир[39], вроде бы дает основание думать, что Волынь после 1057 г. перешла под власть Изяслава. Тогда мы имели бы случай, напоминающий норму сеньората в смысле «*Ordinatio imperii*». Но подумаем, так ли это? Не видно причин предполагать, что между 1057 и 1060 гг. произошла какая-то коренная перестройка взаимоотношений между Ярославичами, которая и обусловила разницу в участи Волыни и Смоленска. Значит, Смоленский удел сам по себе отличался от Волынского. Чем же?

Трудно не заметить, что Ярославов «ряд» явно апеллировал к разделу Руси по Городецкому договору 1026 г., согласно которому Ярослав получал днепровское Правобережье с Киевом, а его младший брат Мстислав — Левобережье с Черниговом[40]. В 1054 г. левобережный удел Мстислава оказался поделен между Святославом и Всеволодом Ярославичами. Хотя мы не знаем о Городецком договоре ничего, кроме того что Ярослав и Мстислав «разделиста по Днепр Русьскую землю»[41], но этого достаточно, чтобы понять: Волынь ни в коем случае не могла относиться к владениям Мстислава Черниговского, в то время как по крайней мере существенная часть Смоленской волости (к югу от Днепра)[42], вполне вероятно, к

---

[36] MGH Capp. T. 1. № 136. Cap. 14—15. P. 272—273.

[37] Ibid. № 45. Cap. 4—5. P. 128.

[38] НПЛ. С. 17 (под 1069 г.), 470 (перечнь «А се князи Великого Новагорода»).

[39] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 247 (по убедительной в данном случае традиционной хронологии «путей» Мономаха его переход «и-Смолиньска... Володимерю тое же зимы» следует относить к зиме 1068—1069 гг.).

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 149; Т. 2. Стлб. 137.

[41] В этом смысле допустимо думать, что Ростовская волость, отошедшая к Переяславлю по завещанию Ярослава Мудрого, могла входить во владения Мстислава так же, как и приданная в 1054 г. Чернигову Тмутаракань.

[42] См. убедительные соображения о первоначальном объеме Смоленской волости в 1054 г. (*Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 43—52).

ним принадлежала. Если Ярослав Мудрый в своем «ряде» сыновьям в самом деле отталкивался от предыдущего раздела 1026 г. (а это типично для прецедентного правового сознания средневекового человека), то Волынь оказывалась выделенной из части Ярослава, а Смоленская волость — из частей Ярослава и Мстислава совместно. Та же логика подсказывала, что освободившаяся в 1057 г. Волынь должна отойти к Изяславу, а освободившийся в 1060 г. Смоленск — быть поделен между Изяславом и преемниками части Мстислава Владимировича, т. е. Святославом и Всеволодом. Коль скоро это так, единоличное наследование Изяславом Волыни не имеет отношения к его старейшинству. Это также означает, что Смоленск вряд ли был поделен (что бы ни понимать под этим разделом) на три *равные* части, как иногда полагают, исходя из наблюдения, что сумма смоленской дани в 1078 г. (300 гривен золота) была кратна трем[43].

Таким образом, хотя преимущественное положение Изяслава Ярославича по сравнению с братьями проведено «рядом» Ярослава последовательно как внутри пятерки в целом, так и внутри тройки старших, оно оказывается характерным образом уравновешено самим выделением еще и этой тройки, наличие которой заметно «архаизирует» задуманный Ярославом вариант сеньората, придавая ему «смазанный», компромиссный характер. О причинах тому гадать не приходится, они лежат на поверхности. Во-первых, Ярослав должен был учитывать неудачный опыт радикальной ломки традиции родового совладения, который имел место в Польше при Болеславе I (992—1025) и, кажется, на Руси при Владимире Святославиче (978—1015)[44]. Как далеко могло завести сопротивление такой ломке со стороны обойденных членов княжеского семейства, Ярослав убедился самолично, содействуя возвращению в Польшу Оттона, одного из лишенных уде-

---

[43] *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве»... С. 26. Примеч. 58; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 441.

[44] Болеслав определенно отказался, а Владимир предположительно намерен был отказаться от традиционного раздела державы между всеми взрослыми сыновьями в пользу единовластия одного из сыновей, пусть и не старшего, а выделявшегося по другому династическому принципу: Мешко II был сыном Болеслава I от дочери германского императора Оттона II, а Борис — сыном Владимира, по-видимому, от представительницы болгарского царского семейства. О десигнации Бориса в качестве киевского столонаследника, кроме данных, приведенных нами в другом месте (*Назаренко А. В.* Порядок престолонаследия... С. 512. Примеч. 36), свидетельствует также практически одновременное возмущение старших Владимировичей — Святополка Туровского и Ярослава Новгородского — против отца: первого — ок. 1013, второго — в 1014 г. О стремлении Владимира Святославича «византинизировать» порядок престолонаследия на Руси, т. е. установить в той или иной форме единовластие киевского князя, убедительно пишет А. Поппэ, который, однако, совершенно напрасно, по нашему мнению, старается связать это стремление с гипотетическим происхождением Бориса и Глеба Владимировичей от Анны, сестры византийских императоров Василия II и Константина VIII (см., например: *Поппэ А.* Феофано Новгородская // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 115—117).

ла братьев Ме́шка II[45], и наблюдая распад Польского государства после смерти последнего в 1034 г. Во-вторых, междоусобие Владимировичей на Руси в 1015—1019 гг., активнейшим участником которого был сам Ярослав, показало, насколько важно не только обеспечить главенство киевского князя, но и суметь оградить младших братьев от насилия со стороны сидящего в Киеве старшего. Идейный пафос первых текстов борисо-глебского цикла (возникших в 1060-е годы летописной повести об убиении Бориса и Глеба и Сказания о святых братьях-страстотерпцах) — послушание младших князей старшему и справедливость старшего по отношению к младшим — и есть идеология умеренного сеньората, который имелся в виду «рядом» Ярослава. Двое из четырех младших братьев Изяслава Ярославича, которые имели столы совсем рядом с Киевом и делили со старшим честь совладения «Русской землей» в узком смысле, должны были, по мысли Ярослава, не столько ограничивать сеньорат Изяслава, сколько стабилизировать его, гарантируя от возможных злоупотреблений со стороны киевского сениора. Ведь и сам сеньорат был вовсе не ступенью на пути к единовластию (как невольно представляется сознанию современного человека), а именно способом гарантировать мирное братское совладение, которое одно только и было легитимной формой сохранения государственного единства в представлении людей того времени[46]. Вот почему действия княжеской власти в рамках сеньората описаны печерским летописцем как общие, коллективные действия всей братии Ярославичей, а не только старейшего или трех старших из них, хотя и сеньорат киевского князя, и своеобразный «триумвират» киевского, черниговского и переяславского князей, как мы стремились показать, являлись составными частями «ряда Ярославля» 1054 г.

---

[45] *Wiponis* Gesta Chuonradi imperatoris. Cap. 9, 29 // Die Werke *Wipos* / Hrsg. H. Bresslau. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915. P. 32, 48 (MGH SRG. [T. 61]); *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 38.

[46] На этот счет, что характерно, существует принципиальное недопонимание и в западной медиевистике. Так, один из ведущих современных специалистов, обсуждая *«Ordinatio imperii»* 817 г., недоумевает, почему проблема неделимости державы формулируется в совсем неадекватных формулах, почему с разделами пытаются бороться путем усовершенствования практики разделов, тогда как надо было бы дать государственно-политическое определение нового качества державы, из которой выделяются уделы («Nicht die Qualität des zu verteilenden *Regnum* wurde neu definiert, sondern lediglich ein Divisionsmodus abweichend von der Tradition gefunden»); в этом автору видится «теоретический недостаток» (Theoriedefizit) (*Fried J.* Der Weg in die Geschichte: Die Ursprünge Deutschlands bis 1024. 2. Aufl. Berlin, 1998. S. 434 [Ullstein-Buch. № 26517]). Но дело как раз в том и заключается, что сеньорат — это не способ преодоления разделов, а совершенно напротив — способ их утверждения, несмотря на ставшую очевидной необходимость институционализировать единство державы.

А. Селарт (Тарту)

Власть русских князей в Прибалтике в XI—XIII вв.: источники и интерпретация*

Прибалтика находилась испокон веков в орбите интересов многих политических сил. Разные культуры, формы правления и народы оставили в течение нескольких столетий на землях восточного побережья Балтийского моря свой след. В то же время Прибалтика со временем завоевала место в культурном и историческом сознании других народов региона. Это место, разумеется, не является политически нейтральным. Оно является в то же время представлением о «своей», вообразимой или действительной, и, как правило, положительно оцененной роли во взаимоотношениях власти и местного населения в регионе.

Кому должна принадлежать власть в Прибалтике? Это вопрос, на который и сегодня предлагаются разные ответы. Одной из возможностей обосновать «свое» притязание на власть всегда была историческая аргументация: кто «первым» контролировал эту землю?

Среди письменных источников, освещающих историю стран Балтии до эпохи крестовых походов (XIII в.), крайне скудные сведения древнерусских летописцев занимают центральное место. Поэтому традиционно главной темой политической истории X—XII вв. современной территории Эстонии и Латвии стало взаимоотношение этого региона с древнерусскими князьями. Уже в 1559 году, во время Ливонской войны, послы датского короля утверждали в Москве, что Эстляндия является исконной землей короля Дании. В ответ на это московские дипломаты отыскали летописи и вычитали оттуда, что «в году 6035 [!] Георгий Владимирович одержал в Ливонии победу над не-немцами,[1] сделал их всех данниками и т. д.»[2]. Местных письменных источников, относящихся к этому периоду (X—XII вв.), нет. Использование скандинавских саг связано с большими источниковедческими трудностями, а о латинских источниках можно говорить только с рубежа XII—XIII вв. В летописях чудь называют одним из народов, встречающихся в истории Древнерусского государства, упоминается она и как податное население русских князей. Отдельные представители чуди занимали в окружении древнерусских князей видное положение. Примерно с 1030 г., когда великий князь Ярослав Владимирович организовал военный поход на территорию Эстонии, завоевал находившееся на месте современного Тарту древнее городище и основал там свой опорный пункт Юрьев, летописцы говорят о военных

---

* Статья подготовлена при поддержке «Eesti Teadusfond» (гранты № 5514 и 09054E).

[1] «Не-немец» (*undeutsch*), здесь немецкий перевод русского слово «чудь».

[2] Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit / Hrsg. C. Schirren. Bd. 2. Reval, 1884. № 112. S. 100. Ср.: Franz Nyenstädt's Livländische Chronik nebst dessen Handbuch // Monumenta Livoniae antiquae. Bd. 2. Riga; Leipzig, 1839. S. 9—10.

походах русских князей против чуди[3], которые, как правило (но не всегда), определяются как успешные для русских. В написанной в 1220-х годах на латинском языке хронике Генриха Латвийского также упоминаются военные походы князей Руси на земли Эстонии, однако о постоянном владычестве русских князей над территорией Эстонии или какой-нибудь ее частью вычитать из хроники не удается. История восточной части современной Латвии отражается в летописях еще меньше, чем история Эстонии[4]. Латгалия была, по-видимому, связана прежде всего с Полоцким княжеством, но местная Полоцкая летописная традиция либо отсутствовала, либо не сохранилась. Зато хроника Генриха повествует о данничестве ливов в отношении полоцкого князя, о православных придвинских князьях в Кокнесе и Ерсике, а также о православии, принятом в северо-восточной Латгалии из Пскова.

Эти скудные сообщения источников оставляют простор для домысливания. Информация древнерусских летописей о чуди и древней Латвии получила распространение в научном мире в XVIII в. благодаря посредничеству немецких историков, работавших в Петербурге[5]. В первых трактовках Прибалтика рассматривалась до XIII в. как провинция Руси, куда русские князья ходили собирать дань и подавлять спорадические волнения[6]. Вопрос о былой «независимости» тогдашних крепостных эстонцев и латышей для многих литераторов, видимо, не мог даже возникнуть[7]. В результате завоеваний Петра I из Эстляндии и Лифляндии сфор-

---

[3] В летописях упоминается: 6538 Юрьев; 6562 Кедипив; 6568 сосолы, Юрьев; 6619 Очела; 6621 на Бору; 6624 Медвежья Голова; 6638; 6639 в Клине; 6641 Юрьев; 6687 Очела; 6720 Търма; 6722 Воробеин.

[4] В летописях упоминается: 6614 Зимигола; 6708 Логыгола.

[5] *Bayer G.S.* Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter a.c. DCCCXLVIII ex scriptoribus septemtrionalibus // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Vol. 10. 1738. P. 371—419; Sammlung Russischer Geschichte / Hrsg. G.F. Müller. Bd. 1. St. Petersburg, 1732—1735. S. 114—115, 118, 186—187; Bd. 5. St. Petersburg, 1760—1761. S. 369; Rurik. Namen und Anfang der russischen Monarchie // St. Petersburgisches Journal. Bd. 1. 1776. S. 41—54.

[6] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 358; Т. 2. М.; Л., 1963. С. 77, 241; *Gruber J. D.* Origines Livoniae sacrae et civilis, seu chronicon Livonicum vetus. Francofurti et Lipsiae, 1740. [Посвящение], p. [8] ср. Praefatio p. vii; *Gadebusch F.K.* Livländische Jahrbücher. Erster Theil von 1030—1561. Bd. 1. Riga, 1780. S. 2—14; *Schlözer A.L., Gebhardi L.A.* Geschichte von Litauen, Kurland und Liefland. Halle, 1785. S. 311—312. Ср.: *Kruse F.* Ur-Geschichte des Esthnischen Volksstammes und der Kaiserlich Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Curland überhaupt, bis zur Einführung der christlichen Religion. M., 1846. S. 450—578. См.: *Kupffer C.* Geschichte als Gedächtnis. Der livländische Historiker und Jurist Friedrich Konrad Gadebusch (1719—1788). Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 99—101.

[7] *Hupel A.W.* Ueber Nestors Zeugnis von Russlands altem Rechte auf Liefland // Vermischte Aufsätze, und Urtheile über gelehrte Werke, aus Licht gestellt von unterschiedenen Verfassern in und um Liefland. Bd. 1, № 2. Riga, 1776. S. 52—63; *von Jannau H.* Geschichte der Sklaverey, und Charakter der Bauern in Lief- und Ehstland. Riga, 1786. S. 5; *Idem.* Geschichte von Lief- und Ehstland pragmatisch vorgetragen. Bd. 1. Riga, 1793. S. 14, 19, 20—21, 27.

мировалась автономная провинция России, древней истории которой особенная политическая роль не отводилась.

Положение кардинально изменилось в XIX в. Культурная, экономическая и политическая эмансипация эстонцев и латышей повлекла за собой их острое противостояние с прибалтийско-немецкой знатью остзейских провинций. Зарождающаяся национальная эстонская и латвийская историография подчеркивала древний, золотой «век независимости» до крестовых походов, которому был положен резкий и жестокий конец «немецким» порабощением. Параллельно националистические круги России требовали ликвидации особого остзейского порядка и проведения политики русификации Прибалтики. Эта дискуссия получила яркое выражение и в историографии применительно к XI—XIII вв. Важным стал вопрос, кому, «немцам» или «русским», принадлежит в Прибалтике приоритет господства и введения христианства. Уже Николай Карамзин подчеркивал, что русские не распространяли христианство путем насилия, как это сделали немцы[8]. Приоритет православия подчеркивали, например, православный рижский епископ Филарет (1805—1866)[9], Николай Данилевский (1822—1885)[10] и многие другие. Балтийское море рассматривалось как естественная граница России, которая изначально определила его восточное побережье под владычество русских князей и царей. Немцы, поляки и шведы были случайными, временными владельцами этой земли, а местные племена вообще не шли в счет как политический фактор[11]. Похожие, как правило, остро противонемецкие точки зрения представляла также местная, балто-русская историческая продукция[12]. Право-

---

[8] *Карамзин Н.* История государства Российскаго. Кн. 1. СПб., 1842. Т. 1 С. 69, 141, 148; Т. 2. С. 13, 107; Т. 3. С. 53.

[9] [*Филарет*]. Откуда коренные жители Лифляндии первоначально получили христианство, с востока или запада? // Москвитянин. Т. 4. 1843. С. 85—102; *Чистович И.* История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санктпетербургской епархий. СПб., 1856. С. 124—127.

[10] *Данилевский Н.* Россия и Европа. М., 1991. С. 29, 224, 295—296.

[11] *Соловьев С. М.* Псков и Ливония // Московский Сборник. Т. 1. 1852. С. 247—249; *Он же.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 109, 117, 206, 357, 387, 396, 403, 413, 578, 616, 620; *Самарин Ю.* Сочинения. Т. 7. М., 1889. С. 3—19, 150; *Погодин М.* Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену. М., 1869. См.: *Иванов А.* Преемственность русской историографической традиции в освещении отношений России и Латвии (до 1917 г.) // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. № 6/1. 2003. С. 62—68; *Brüggemann K.* An Enemy's «Outpost» or «Our West»? Some Remarks about the Discourse of Russian Pribaltika in the Russian Empire and the Soviet Union // Ethnic Images and Stereotypes — Where is the Border Line? (Russian-Baltic Cross-Cultural Relations). Narva, 2007. P. 81—98.

[12] [*Чешихин Е.*] История Ливонии с древнейших времен. Т. 1. Рига, 1884. С. ii-v, 9, 23—26, 56—66; *Он же.* Краткая история Прибалтийского края. Рига, 1894; *Будилович А. С.* Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? // Ревель. Русский исторический журнал. Т. 1. 1991. С. 50—94 (1-е изд. 1907 г.); *Сивицкий С. Н.* К двухсотлетию Русского владычества в Прибалтийском крае 1710—1910 гг. Рига, 1910; *Пшеничников П. Г.* Русские в

славные эстонские авторы совмещали русскую ориентацию с локальной национальной романтикой[13].

В профессиональной прибалтийско-немецкой историографии придерживались в общем осторожно сформулированной точки зрения, согласно которой эвентуальная зависимость древних эстов от русских являлась временной, в начале же XIII в. не было уже никакого подданства или регулярного данничества. Также подчеркивалось, что ввиду скудности источников невозможно делать какие-либо определенные выводы[14]. Фридрих фон Кейслер (1856—1924) основательно проработал вопрос верховной власти Древней Руси в Прибалтике[15]. Сосредоточившись на со-

---

Прибалтийском крае (Исторический очерк). Рига, 1910; *Ефратова Л. Л.* Прибалтийский край. СПб., 1912. С. 6—9. См.: *Розенберг Т.* Русско-балтийская историография во 2-й половине XIX — начале XX века // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн, 2000. С. 140—145; *Rosenberg T.* Die russische baltische Historiographie in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder / Hrsg. O. Mertelsmann. Hamburg, 2005. S. 77—108.

[13] [*Пороменский Е.*?] Eesti ehk Tschudi rahwas // Eesti rahwa kalender se 1855 aasta peale. Riga, 1855. Lk. 41—50; [*Пороменский Е.*?] Mõnned teadused Lätlaste ja Eestirahwa ussust enne Ristiussu wõtmist. Õigest ussust Lätlaste ja Eestirahwa seas // Eesti rahwa kalender se 1856 aasta peale. Riga, 1855. Lk. 24—51; *Kuhstein K. A.* Üks ramat Wannast rahwast, essimenne pool. Tartu, 1865. Lk. 7 vrd. 15—16; *Lindenberg J.* Wenne rahwas ja Wenne riik. Rija, 1872. Lk. 6, 53; *Трусман Г.* Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884. С. 162—183; *Tisik K.* 988—1888. Wene rahwa ristimise 900 jubeli aasta. Tallinn, 1888; [*Юрьенс И. А.*] Прибалтийский край под русской властью. Рига, 1910; Baltimaa Wene walitsuse all. J.A. Jurjens'i järele Wene keelest K.K. Riia, 1910. Ср.: *Костомаров Н. И.* Русская республика. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. М.; Смоленск, 1994. С. 250—255; *Saal A.* Üleüldine Isamaa ajalugu. Kd. 1. Rakwere, 1873. Lk. 121—126. См.: *Назарова Е. Л.* Ю. Трусман о православии и католичестве в Ливонии XII—XIII вв. // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. М., 1991. С. 15—17; *Kļaviņš K.* Die Interpretationen des Mittelalters in Lettland während des nationalen Erwachens der Letten // Baltica. № 3. 2000. S. 10—21.

[14] *A. v. Richter.* Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. Theil 1. Bd. 1. Riga, 1857. S. 39—44; *Bonnell E.* Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhundert bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. S. 1—43; *Schiemann Th.* Russland, Polen und Litauen bis ins 17. Jahrhundert. Bd. 2. Berlin, 1887. S. 5—6; *Арбузов Л. А.* [sen.] Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 6—8; *Arbusow L.* [jun.] Frügheschichte Lettlands. Riga, 1933. S. 43—45; *Laakmann H.* Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit // Baltische Lande. Bd. 1: Ostbaltische Frühzeit / Hrsg. C. Engel. Leipzig, 1939. S. 239—242; *Wittram R.* Baltische Geschichte. Die Ostseelande Livland, Estland, Kurland 1180—1918. Darmstadt, 1973. S. 13—15; *Hellmann M.* Die Beziehungen zwischen dem Ostbaltikum und der Kiever Rus' vom 10.—13. Jahrhundert // Second Conference on Baltic Studies / R. Šilbajoris et al. (eds.). Norman, 1971. S. 76—78.

[15] *von Keussler F.* Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen in XIII. Jahrhundert. St. Petersburg, 1897; *фон Кейслер Ф.* Окончание

бытиях конца XII и начала XIII вв., он пришел к выводу, что в то время, когда на Двине ливы и латгалы являлись податными Полоцка или Пскова (этим вся зависимость и ограничивалась), древние эсты были независимыми. По поводу более раннего времени источники не позволяют делать выводов о том, какой была степень зависимости и как долго длились периоды обложения данью. Также невозможно доказать, будто русские распространяли среди эстонцев христианство. Кейслера остро критиковал Алексей Сапунов (1851—1924)[16]. Он утверждал, что поскольку между странами Балтии и Россией отсутствует естественная граница, то невозможно согласиться ни с одним основным выводом Кейслера. Он также обвинял Кейслера в русофобских политических взглядах, которые якобы и обусловили результаты упомянутого исследования. Он подчеркивал, что прибалтийско-немецкие авторы XVIII в. признавали верховную власть России над древними эстами. Кейслер в своей ответной статье[17] опроверг оценки Сапунова, продемонстрировав, что его источники не применимы при изучении событий XII—XIII вв., а тем самым его критика во многом политизирована.

Первые эстонские и латышские историки исходили методически скорее из прибалтийско-немецкой, чем из русской традиции[18]. На эстонских авторов оказала также влияние финская школа, которая подчеркивала важную роль финских народов (чуди) в возникновении Древнерусского государства и в его ранней истории[19].

В XX в. рассмотрение темы оставалась в общих чертах в рамках тех же направлений. С одной стороны, Прибалтика рассматривалась как исконно русская земля[20], с другой стороны, отрицалась неизменная и обширная верховная власть древнерусских князей на восточном побережье Балтийского моря[21]. Латвийская

первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетий. СПб., 1900. Ср.: *von Transehe-Roseneck A.* Die Eingeborenen Altlivlands im 13. Jahrhundert // Baltische Monatsschrift. Bd. 43. 1896. S. 225.

[16] *Сапунов А.* Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетий // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. VIIIe série: classe historico-philologique. T. 3. №. 1. 1898. С. 79—132.

[17] *von Keussler F.* Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert in der Beleuchtigung des Herrn A. Ssapunov. Eine Entgegnung. St. Petersburg, 1898.

[18] *Hurt J.* Pildid Isamaa sündinud asjust. Tartu, 1879. Lk. 43—44; *Reiman V.* Eesti ajalugu. Tallinn, 1920. Lk. 14—15. Ср.: *Семенов П.* Эсты (культурно-исторический очерк) // Эсты и Латыши, их история и быт. М., 1916. С. 145—150.

[19] *Prants H.* Soomesugu rahwad Weneriigi rajamisel. Tallinn, 1911, ср.: *Snellman A. H.* Itämeren suomalaiset itsenäisyytensä aikana. Helsinki, 1896.

[20] Например, *Шмурло Е. Ф.* Курс Русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). СПб., 1998. С. 31—32, 169, 303; *von Taube M.* Russische und Litauische Fürsten an der Düna zur Zeit de deutschen Eroberung Livlands (XII. und XIII. Jahrhundert) // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N.F. Bd. 11. 1935. S. 367—503.

[21] *Kruus H.* Vene siseareng ja Eesti idapoolsed suhted XI ja XII sajandil // Eesti ajalugu. Kd. 1. Toim. H. Moora. Tartu, 1935. Lk. 257—261; *Ojamaa M., A. ja T. Varmas* [Х. Моора, А. и Л. Аннист]. Eesti ajalugu. Stokholm, 1946. Lk. 46—47. Ср.: *Зутис Я.* Русско-эстонские

историография подчеркивала, что русское влияние слабо отразилось в источниках, разработав точку зрения о местном происхождении православных князей Ерсики, а также Кокнесе[22]. При этом в Советской Прибалтике по меньшей мере в 1950-е годы нормальный (даже в рамках марксизма) исследовательский подход к этому кругу проблем не был возможен. По требованию властей стала обязательной эсхатологическая схема об извечной дружбе народов Советского Союза с русским народом и об их историческом долге перед ним[23]. Прибалтику следовало рассматривать как исконные земли России, а упомянутые в летописях военные походы превратились в явления классовой борьбы. Все положительные результаты развития стали возможными только в результате прогрессивного русского влияния[24]. На местах должны были писать об этом исследователи (например, Артур Вассар, Харри Моора[25], Теодор Зейд), которые, конечно, не могли верить тому, о чем сами писали[26]. Только в конце 1950-х годов стала возмож-

---

отношения в IX—XIV вв. // Историк-Марксист. 1940. № 3 (79). С. 39—56; *Готье Ю.* Балтийский вопрос в XIII—XVI веках // Историк-Марксист. 1941. № 6 (94). С. 89.

[22] См. об этом: *Laur W.* Überlegungen zur Herkunft des Wissewalde (Vsevolod) von Gerzike (Jersika) // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 35. 1986. S. 503—515. См. также: *Назарова Е. Л.* Русско-латгальские контакты в XII—XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсики и Кокнесе // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992—1993 годы. М., 1995. С. 182—196; *Она же.* Регион Западной Двины в эпоху смены политического влияния. Конец XII в. // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. С. 71—82.

[23] *Tillett L.* The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, 1969; Nationality Group Survival in Multi-Ethnic States. Shifting Support Patterns the Soviet Baltic Region / Ed. E. Allworth. New York; London, 1972.

[24] *Казакова Н., Шаскольский И.* Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945. С. 3—21; *Šaskolski I.* Eesti rahva poliitilise ajaloo algperioodist // Eesti Bolševik. 1947. № 5. Lk. 72—87; *Мандель С. З.* Прибалтика и Русь в XII—XIII вв.: Тез. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947; *Шаскольский И.* Против извращений начальной истории города Таллина // Большевик Эстонии. 1952. № 5. С. 32—40; Очерки истории СССР. Период феодализма X—XV вв. Т. 1. М., 1953. С. 317, 336—337, 686—692, 784—785, 816—823. Ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 71—83, ср. с. 161.

[25] Хотя Х. Моора был обвинен в «буржуазном национализме», он не был репрессирован. Ценой его свободы было, наверно, его сотрудничество с органами госбезопасности. См.: *Jürjo I.* Pagulus ja Nõukogude Eesti. Vaateid KGB, EKP ja VEKSA arhiivimaterjalide põhjal. Tallinn, 1996. Lk. 94, 132, 184, 207.

[26] *Moora H.* Eesti-Vene suhteist IX—XIII sajandil // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Teaduslik Sessioon 23.—29. Aprillini 1947. E: Ühiskonnateaduste osakonna istungid. Tartu, 1948. Lk. 20—48; *Kleis R.* Uurimisülesandeid Eesti-Vene suhete ajaloo alalt // Ibid. Lk. 6—7; *Maamägi V., Vassar A.* Kümme aastat ajalooteadust Nõukogude Eestis (Eesti ajaloo küsimusi) // Nõukogude teaduse arengust Eesti NSV-s. Tallinn, 1950. Lk. 11—51; *Моора Х.* Юго-восточная Эстония в составе Киевского государства // История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1952. С. 30—33; *Зейд Т.* Героическая борьба прибалтийских народностей при помощи русского народа против немецкой агрессии в XIII в. // История Латвийской ССР. Т. 1. Рига, 1952. С. 78—112; *Vassar A.* Eesti

ной осторожная критика прорусской, иногда до абсурда, концепции балтийской истории[27].

В 1960—1970-х годах эстонские и латвийские историки возвратились к сформулированным до второй мировой войны позициям национального романтизма, частично модифицируя их[28]. Эстонские и латышские авторы, которые могли сбежать от советских войск на Запад, открыто критиковали русификационные тенденции советской историографии[29]. Обрусение малых прибалтийско-финских

NSV ajaloo feodalismi ajajärgu periodiseerimisest // Eesti NSV ajaloo periodiseerimisest. Tallinn, 1954. Lk. 23—34; *Idem*. Eesti maad muistse Vene riigi koosseisus // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Kd. 3. 1954. Lk. 167—181; *Idem*. Poliitiline ajalugu IX—XII sajandil // Eesti NSV ajalugu. Kd. 1. Tallinn, 1955. Lk. 94—10, ср. с изданием: *Бассар А.* Политическая история в IX—XII веках // История Эстонской ССР. Т. 1. Таллин, 1961. С. 106—114, где самые яркие пассажи уже отсутствуют. См.: *Kļaviņš K.* Die Idee des Mittelalters als Beispiel des wechselnden Wertesystems in Lettland während des 20. Jahrhunderts // Baltica. № 1. 2001. S. 17—26; *Veispak T.* Ajalooteadusest kui venestuse ideoloogia kandjast (1944—1952) // Looming. 1990. № 9. Lk. 1260—1268; *Undusk J.* Retooriline sund Eesti nõukogude ajalookirjutuses // Võim ja kultuur. Tartu, 2003. Lk. 41—68; *Rebas H.* Dependence and opposition. Problems in Soviet Estonian Historiography in the late 1940s and early 1950s // Journal of Baltic Studies. Vol. 36. 2005. P. 423—448; *Вийрес А.* История Эстонии в сталинских тисках // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 157—172.

[27] *Miller V.* Vajame õiget, marksistlikku Eesti NSV ajalugu // Looming. 1957. № 1. Lk. 155—158. Впервые с этой критикой выступали русские историки, см.: Sirp ja Vasar. № 43. 26.10.1956. Lk. 7.

[28] *Trummal V.* Eestlaste poliitiline ajalugu IX sajandist XIII sajandi alguseni // Eesti NSV ajalugu. Kd. 1. Tallinn, 1976. Lk. 26—30; *Idem*. Vanimast ajaloost // Tartu ajalugu. Koost. R. Pullat. Tallinn, 1980. Lk. 18—26; *Лиги Х.* Феодальные повинности эстонских крестьян (до начала XIX века). Таллин, 1968. С. 15—18; *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. Lk. 309—310; *Tõnisson E.* Külaühiskonna väljakujunemine // Eesti talurahva ajalugu. Tallinn, 1992. Lk. 114; *Кениньш И.* История Латвии с древнейших времен до конца XIX века. Рига, 1995. С. 24—25, 36—37; *Кяупа З. и др.* История Балтийских стран. Таллинн, 1999. С. 32. См.: *Ligi P.* Ühiskondlikest oludest Eesti alal hilispronksi- ja rauaajal // Muinasaja teadus. Kd. 3. Tallinn, 1995. Lk. 182—191, 246—248; *Valk H.* Estland im 11.—13. Jahrhundert. Neuere Aspekte aus Sicht der Archäologie // Forschungen zur baltischen Geschichte. Bd. 3. 2008.

[29] *Spekke A.* History of Latvia. Stockholm, 1951. P. 117; *Riismandel V.* Kompartei Eesti ajalugu võltsimas // Tulimuld. Kd. 4. 1953. Lk. 246—250; *Blumfeldt E.* Estonian-Russian relations from the IX—XIII century // Charisteria Iohanni Kõpp octogenario oblata. Holmiae, 1954. P. 200—222, ср.: *Noonan T.S.* The Nature of Medieval Russian-Estonian Relations, 850—1015 // Baltic History / Ed. A. Ziedonis a.o. Columbus, 1974. P. 13—20; *Blumfeldt E.* [Рец. на:] *Johansen P.* Nordische Mission // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 3. 1954. S. 290—291; *Idem*. Umwertung der Geschichte in Sowjet-Estland // Die baltischen Völker in ihrer europäischen Verpflichtung / Hrsg. H. von Rimscha. Hannover-Döhren, 1958. S. 3—17; *Arens I.* Zur Frage der ältesten Berührungen mit dem Christentum // Estonia Christiana eximio domino Iohanni Kõpp nonaginta annos feliciter explenti. Holmiae, 1965. S. 25—43.

народов России в XIX—XX в. подвело эстонцев к вопросу, существовали бы в наши дни эстонцы вообще как самостоятельная нация, не будь крестоносных завоеваний и в результате их насильственного включения в культурный мир католичества, а в более поздней перспективе — в культурный мир лютеранства?[30] Один эстонский историк-любитель дошел даже, отождествив древнюю чудь с современными эстонцами, до идеи «тысячелетней государственности Эстонии», трактуя Древнерусское государство как финно-эстонское[31]. В древнерусских князьях увидели предшественников советских оккупантов XX в.[32] Зато в России созданные в 1950-х годах под административным нажимом трактовки сохранили в последующих десятилетиях авторитет, причем эта точка зрения получила дальнейшее развитие[33]. В восстановившей независимость Балтии составлены с четкой политической ориентацией компиляции, которые доказывают всесторонний приоритет русских в Эстонии и Латвии[34].

ср.: *Loorits O.* Zur christlichen Terminologie bei den Esten, Liven und Letten // Issanda kiriku tööpõllul. Piiskop J. O. Laurile seitsmekümnendaks sünnipäevaks. [Stockholm], 1962. S. 200—218; *Inno K.* Ajaloolis-geograafiline ülevaade Baltikumist, eriti Eestist // Tulimuld. Kd. 28. 1977. Lk. 201—202.

[30] Например, *Tarvel E.* Iseolemine // Looming. 1993. № 5. Lk. 694.

[31] *Haabsaar E.* Uus vaade Eesti ja Vana-Vene varasemale ajaloole // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Humanitaar- ja sotsiaalteadused. Kd. 45. 1996. Lk. 151—182.

[32] *Piirimäe H.* Die Entwicklung Dorpats zu einem Zentrum von Wissenschaft und Kultur // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat / Hrsg. H. Piirimäe, C. Sommerhage. Tartu, 1998. Lk. 13—14.

[33] *Пашуто В.* Очерки истории СССР XII—XIII вв. М., 1960. С. 47—48, 86—93; *Новосельцев А. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11—127; *Шаскольский И. П.* Русские источники по истории восточной Прибалтики IX—XVII вв. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 9—11; *Он же.* Эстония и Древняя Русь // Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971. С. 115—132; *Новосельцев А., Пашуто В., Черепнин Л.* Пути развития феодализма (Закавказе, Средяя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 252, 320; *Šaskolski I.* Venäjan ja Itameren kysymys 1100—1400 luvulla // Historiallinen Arkisto. № 66. 1973. S. 6—25; *Рогов А. И.* Экономическое и культурное развитие народов Прибалтики накануне немецкого завоевания (состояние изучения проблематики) // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 101—109; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 15—20; *Проскурякова Г. В., Лабутина И. К.* Борьба с немецкими рыцарями и обособление от Новгорода // Псков. Очерки истории. Л., 1990. С. 14. См.: *Kuujo E., Kirkinen H.* Baltiasta ja Suomesta asuneiden heimojen osallistuminen itämeren alueen kysymysten katkaisuun 1100-ja 1200-luvulla // Historiallinen Arkisto. № 69. 1975. S. 30—46.

[34] *Ксенофонтов Ю.* Русские в Эстонии // Русские в странах Балтии: настоящее и будущее. Таллин, 1998. С. 6—11; *Преображенский В.* Русские в Латвии. Исторический очерк. Конец XII — начало XIII в. // Русские в Латвии. История и современность. Вып. 1. Рига, 1992. С. 5—16, ср.: *Пухляк О., Борисов Д.* Русские в Латвии со средневековья до конца XIX века. Рига, 2003. С. 4—11.

Таким образом, очень большая часть историографии, рассматривающая связь древнерусской истории и истории Балтии, имеет четкую политическую направленность. Исследователи сознательно или бессознательно исходят из своего (пред-) убеждения в том, каково «естественное состояние» Прибалтики: независимость или нахождение под властью какого-нибудь соседа. Даже эвентуально возможная «исторически правильная» трактовка темы неизбежно приобретает политическую напряженность, и ее приверженца можно обвинять в сознательном принятии политических точек зрения. Причем все противоположные публикации опираются на одну и ту же, фактически очень скудную, базу источников. Дискуссии подпитывают также разные представления о методиках исторических исследований, смысловые различия в используемых понятиях. Сравнивая историографию России и Западной Европы, видим, сколь различны по смыслам такие ключевые понятия, как «государство» или «город». Основная трудность заключается в том, что при описании истории IX—XIII вв. трудно отказаться мыслить современными терминами. В какой степени при описании средневековой ситуации вообще применимы понятия «суверенность», «(не)зависимость», «государство», «народ» и т. д.? Точно так же на взаимоотношения средневековых политических сообществ норовят перенести моральные оценки нового времени. Важно также не забывать, что политическая история и история этногенеза, этнической самоидентификации — совсем разные вопросы.

Источниковедческие успехи последних десятилетий сделали фактически невозможным поверхностное, чисто фактографическое, рассмотрение средневековых текстов. В той же мере традиционные методы исторической науки показали свою продуктивность при анализе средневековых источников. Летописная чудь не представляет собой только население современной Эстонии. Область расселения племен, называемых чудью, была значительно шире, и слово «чудь» не являлось строгим этническим термином[35]. Еще в XVI в. в русских источниках чудью называли население западной части Водской пятины, и во время Ливонской войны

---

[35] *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 189—199; *Ligi P.* National romanticism in archaeology: the paradigm of slavonic colonization in North-west Russia // Fennoscandia archaeologica. Vol. 10. 1993. P. 31—39, ср. дискуссию: Ibid. Vol. 11. 1994. P. 87—112; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Русь и Чудь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и балтийского региона в первом тысячелетии н. э. // Балто-славянские исследования. Т. 9, 1988—1996. М., 1997. С. 40—50; *Петрухин В. Я., Раевский Д. Д.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1997. С. 239, 317—318, 327; *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997; *Назарова Е. Л.* Эсты и «чудь» в русских летописях // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 79—82. См.: *Korpela J.* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomah. Jyväskylä, 1995; *Selirand J.* Vom sowjetischen Panslawismus bei der Behandlung der Vorgeschichte der Ostseefinnen // Congressus primus historiae fenno-ugricae. Historia Fenno-ugrica. Vol. 1. № 2. Oulu, 1996. S. 397—402; *Grünthal R.* Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki, 1997.

в русском языке «чухна» и «латыш» были в обиходе почти как синонимы[36]. Неустойчивым является локализация многих встречающихся в летописях топонимов[37]. Если отождествление Юрьева с Тарту и идентификация Медвежьей Головы с Отепя практически неспоримы, то, например, Очела может отождествляться с Адселом Северо-Восточной Латгалии или с Вирумаа (Северная Эстония)[38]. Летописный «Клин» мог находиться в Новгородской земле[39], в Водской пятине, или же в причудском Вайга в Эстонии[40]. Выдвинуты также предположения, что здесь мы имеем дело вовсе не с топонимом, а с названием боевого порядка войска[41]. Место, называемое *Търма*, могло находиться близ Раквере (*Tõrma*), на северо-западном побережье Чудского озера (*Torma*) или на Водской земле (Торма). Неустойчивы и многие даты, например 1030 (год основания Юрьева)[42], 1054 (год похода Остромира)[43].

Проблематичным является также использование в качестве источника саги об Олаве Трюггвасоне, которая повествует о скандинавском аристократе, находившемся на службе у новгородского князя и возглавившего в 970-х годах поход в *Эйстланд*, чтобы собирать дани и подати. Сюжет саги нельзя рассматривать как фактический[44]. Встречающиеся в повествовании, возможно, имена балтийского происхождения, а отнюдь не финского[45]. И даже в случае Хроники Генриха необходимо принять во внимание, что одной из ее целей является доказать легитимность власти рижских крестоносцев. Хроника подчеркивает, что русские не восприняли христианскую миссионерскую деятельность всерьез. Полоцкий князь добровольно отказался от дани ливов, а русские князья, которые пытались утвердиться в Эстонии, были узурпаторами.

---

[36] *Selart A.* Pärnu Liivi sõja aegse Vene halduskeskusena // Pärnumaa ajalugu. Kd. 5. Artiklite kogumik № 3. Pärnu, 2002. Lk. 25.

[37] *Moora A.* Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964. Lk. 32.

[38] *Tarvel E.* Kas Otšela tšuudid olid Koivalinna eestlased? // Keel ja Kirjandus. Kd. 18. 1975. Lk. 549—553.

[39] *Янин В.Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 71—72.

[40] *Назарова Е.Л.* О топониме *Клин* в Новгородской первой летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.

[41] *Кирпичников А.Н.* О летописном термине «Клин» // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей к 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 85—87.

[42] *Тваури А.* Следы города Юрьева с 1030 по 1061 в культурном слое нынешнего Тарту // Псков в Российской и Европейской истории. Т. 1. М., 2003. С. 240—244.

[43] *Назарова Е.Л.* Заметки к истории похода на чудь 1054 // Норна у источника судьбы. М., 2001. С. 282—288.

[44] *Джаксон Т.Н.* «Сбор русской дани» в конце X в. в Эйстландь по скандинавским источникам // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 23—28.

[45] *Zilmer K.* 'He drowned in Holmr's sea — his cargo-ship drifted to the Sea-bottom, only three came out alive'. Records and representations of Baltic traffic in the Viking age and the early Middle Ages in early Nordic sources. Tartu, 2005. S. 294.

Столь же существенным является вопрос о том, как истолковывать упомянутые в источниках военные походы и данничество? Означает ли изолированно встречающееся скупое упоминание в летописи военного похода либо постоянное завоевание какой-то территории, либо наказание восставших или же перед нами однократный, опустошительный набег? Означают ли военные походы, когда в результате осады городища осажденные уплатили выкуп или дань[46], политическую связанность региона с Древнерусским государством? Ответы на эти вопросы в значительной мере зависят не только от политических предпочтений авторов, но и от той историографической традиции, в рамках которой они получили образование и приобрели, так сказать, фоновые знания. Постоянное использование исторических документов в политических дискуссиях выдвигает особенно высокие требования к профессиональной ответственности историка.

[46] *Jussila O.* Das vierte finnisch-sowjetische Historiker-Symposium in Moskau 1974 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 23. 1975. S. 636—638; *Leimus I.* Raha Eestis AD 1200. Margad, nogaatad, oseringid // Tuna. 2002. № 4. Lk. 44.

Н. Ф. Котляр (Киев)

Племенная знать в процессе складывания господствующего слоя Галицко-Волынской Руси

Политическое могущество галицкого, да и любого другого великого боярства основывалось на его богатстве, прежде всего на земельных владениях. Сама тема возникновения боярского, т. е. крупного, землевладения на Руси принадлежит к числу наиболее сложных в науке. До сих пор она удовлетворительно не объяснена историками, главным образом из-за скупости и противоречивости свидетельств источников. Неясной остается даже хронология этого явления.

Проблеме формирования господствующего класса Древней Руси посвящена поистине необозримая научная литература. Не углубляясь в тонкости и детали историографии вопроса, замечу, что ныне большинство исследователей согласны в мысли, что вместе с боярами и дружинниками этот класс создавала племенная знать, продолжительное время эволюционировавшая в своем социальном развитии, а также немногочисленные выходцы из других слоев общества. Не потеряло научной актуальности давнее мнение В. В. Мавродина, согласно которому в процессе феодализации Древнерусского государства «обе прослойки складывающегося господствующего класса феодалов… должны были быть слиты воедино. Грани между ними стирались… Сливалось “княжое” и “земское” боярство»[1]. Уверенно писал о превращении родовой и племенной знати в бояр и Б. А. Рыбаков[2].

Не претендуя на универсальное решение этой проблемы, попробую определить, хотя бы приблизительно и косвенным путем, время складывания боярской земельной собственности в Галицко-Волынской Руси. Тем самым осветить главную тему — время и обстоятельства складывания боярской прослойки господствующего слоя Руси. Речь пойдет о времени активизации боярства как политической силы. Ведь это могло произойти лишь тогда, когда феодалы превратились в крупных землевладельцев, накопили богатства, обзавелись собственными отрядами вооруженных людей.

Воспользуюсь преимущественно сведениями источников, касающихся галицкого боярства: оно намного активнее, чем волынское, вмешивалось в политическую жизнь своей земли и Галицко-Волынского княжества в целом. Для этого существовали веские причины, главная же кроется, вероятно, в особенностях происхождения боярского сословия (об этом будет сказано ниже) и традиционной слабости центральной власти в Галицком княжестве второй половины XII в.

Киевская летопись 40-х — начала 50-х годов XII в., возможно, пользовавшаяся какими-то галицкими источниками, вообще не упоминает об участии галицких

---

[1] *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 324.

[2] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 474.

бояр в государственных делах княжества. Все вопросы внутренней и внешней политики единолично решал основатель Галицкого княжества Володимирко (Владимир) Володаревич, по крайней мере, летопись не называет рядом с ним его «мужей», советников и министериалов. Правда, источник дает основания думать, что с самого начала кое-кто среди местных бояр был недоволен властным князем. В 1145 г. «галичане», в которых можно усматривать как бояр, так и городскую верхушку, воспользовавшись отсутствием князя, позвали на его место Ивана Берладника[3]. Склоняюсь к мнению, что это все же были бояре.

Положение изменилось, если буквально верить летописи, как будто внезапно, с началом княжения его сына Ярослава. На следующий день после смерти отца (в конце 1152 г.) Ярослав Владимирович просит вернуться с дороги киевского посла Петра Бориславича, с которым грубо обошелся Володимирко. «И види [Петр] Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его [вокруг]»[4]. Эти «мужи», т. е. великие галицкие бояре, быстро овладевают властью в княжестве и берут верх над Ярославом.

Уже в следующем 1153 г. во время наступления киевского князя Изяслава Мстиславича на Галицкую землю, перед битвой с ним, «галичьскии же мужи почаша молвити князю своему Ярославу: “Ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будеть отець твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы свои сложити”... И так послаша князя своего прочь, а сами поѣхаша биться»[5]. В этих горделивых словах проступает пренебрежение молодым князем и стремление самостоятельно вершить военные дела. Вскоре после этого бояре возьмутся и за прочие государственные вопросы.

Оказывается, на начало 50-х годов XII в. в Галицком княжестве уже успела сложиться земельная аристократия. Краткое свидетельство киевского летописца проливает свет не только на высокий социальный статус боярства в Галицкой земле, но и на отношения сюзеренитета-вассалитета, сформировавшиеся там. Выходит, что уже вокруг Володимирка были эти «галицкие мужи», которых он «кормилъ и любилъ».

Существуют различные толкования древнерусского понятия «кормление». Одни историки видели в «кормленщиках» своеобразных ранних помещиков, — им, мол, давали земли за службу или по другим соображениям (из милости сюзерена; для создания вассального окружения и пр.). Другие, и такая мысль разделяется большинством ученых, полагают, что сюзерен предоставлял вассалу не имение, а лишь права на «держание» городов и сел и получение от них доходов[6].

Подобное толкование термина «кормление», на мой взгляд, неоднократно подтверждается источниками. Так, около 1235 г. Даниил Галицкий «прия землю

---

[3] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 226.

[4] Там же. С. 319.

[5] Там же. С. 321.

[6] *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Пути развития феодализма. М., 1972. С. 161.

Галицкую и розда городы бояромъ и воеводамъ, бяше корма у нихъ много»[7]. А вскоре после Батыевого нашествия на Русь Даниил послал своего стольника Якова к боярину Доброславу, самовольно захватившему власть в Галичине, с наказом: «Чернѣговскыхъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, приимати, но дати волости галицкымъ»[8].

Эти «корма» бояре получали натурой (продуктовыми и меховыми данями) и деньгами. Как справедливо заметил В. Т. Пашуто, «кормление» и есть подручничество. Так постепенно развивалась на Руси система сюзеренитета-вассалитета[9]. Трудно сомневаться в том, что вассалы стремились завладеть как самими волостями, так и городами, из которых получали «корм». И часто достигали успеха: им жаловали также сами эти города и земли.

Попутно отмечу, что вопрос о «кормлении» до сих не представляется ученым вполне ясным. Действительно, если бояре пользовались «кормами» от того или иного города или волости, то возникает законный вопрос: каким образом поступали им эти доходы, чьими руками они взимались? Вряд ли это делали княжьи тиуны или прочие магистраты сюзерена. Вероятнее всего, «корм» собирали сами «кормленщики» и их люди, используя при этом метод внеэкономического принуждения, иначе говоря — силу. Но в этом случае приходится признать, что упомянутые города и волости находились в условном владении «кормленщиков», — ведь эксплуатация зависимого населения в форме ренты представляет один из главных признаков феодального землевладения.

Следует также заметить, что исследование характера и типов боярского землевладения усложняется самой спецификой феодальной земельной собственности — ее размеры и рамки весьма условны, а источники оставляют возможность различных, бывает даже противоположных по смыслу, толкований. Как писал известный исследователь проблемы, феодальная собственность могла иметь и точные параметры, и конкретные размеры, но вовсе не обязательно. Например, сеньор мог оставить за собой какую-то часть феодальной ренты, а вассал мог получить в качестве феода (условного держания, лена) землю с крестьянами от другого сеньора, т. е. делался держателем земли сразу от двух или более сеньоров, стоявших над ним[10].

В связи с проблемой «кормления» и, главное, с той большой политической ролью, которую играло боярство в западнорусских землях, особенно в Галицкой, находится и вопрос об источниках формирования крупного боярского землевладения. С ним прямо связан и другой вопрос: почему столь молниеносно, уже в

---

[7] Галицько-Волинський літопис / Дослідження. Текст. Коментар. за ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 96.

[8] Галицько-Волинський літопис. С. 103.

[9] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 52.

[10] *Сказкин С. Л.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 125—126.

первые годы существования Галицкого княжества, бояре выступают на социально-политическую сцену в качестве могущественных и практически не зависимых от своего государя деятелей?

Известно, что великие галицкие бояре чувствовали и вели себя как подлинные хозяева своей земли. Они жили в роскоши, носили дорогую иноземную одежду, золотые цепи и прочие украшения (что вообще-то было характерно для средневековья), драгоценное оружие, ездили на чудесных, привезенных из Венгрии и стран Востока лошадях. Бояре строили для себя не то что дворцы, а настоящие замки. В местечке Судовая Вишня возле Львова археологи раскопали прекрасно укрепленный феодальный замок, куда в 1230 г. бояре Молибоговичи решили заманить Даниила Романовича, чтобы убить его. Князя спас лишь случай[11].

Тот замок XII—XIII вв. раскопал львовский археолог А. А. Ратич. Ученый открыл мощные земляные валы, в которых сохранились остатки деревянных креплений, подобных тем, которые находятся в валах Киева, Чернигова, Новгорода, Рязани и других крупных древнерусских городов[12]. В подобном замке боярские слуги и дружинники могли выдержать осаду сильного, даже княжеского, войска. Материалы археологических раскопок и Галицко-Волынская летопись свидетельствуют, что в замках бояре накапливали значительные запасы продовольствия и оружия.

Дошло до того, что, воспользовавшись боярской смутой, слабостью и непопулярностью в народе приведенных боярами Игоревичей, в Галиче в 1213 г. вокняжился… великий боярин Владислав![13] (с. 81). Это было неслыханным и циничным нарушением законов феодальной и сословной иерархии, в соответствии с которыми князем мог быть лишь рожденный им — член династии Рюриковичей. Впервые на Руси боярин стал князем, пусть и ненадолго (в следующем году его сбросил с престола венгерский король), и это лишний раз свидетельствует об огромной силе, гордости и нахальстве галицких олигархов.

Издавна в науке бытует мысль о том, что существовало несколько источников формирования боярского землевладения. Отметив, что на Руси, как и повсюду в Европе, крупная собственность вырастала на развалинах мелкой, авторитетный историк назвал в качестве одного из главных ее источников пожалование населенной земли в вотчину государем. Ученый воздал должное и другой форме складывания боярских имений — экспроприации, хотя и не считал насильственный захват феодалами основным способом образования крупного землевладения в Киевской Руси. Он видел этот способ в действии сугубо экономических факторов, благодаря чему владения менее удачливых общинников таяли, как снежная глыба под весенним дождем, в пользу более счастливых, которые с течением времени и становились большими феодалами[14].

---

[11] Галицько-Волинський літопис. С. 93.

[12] *Ратич А. А.* Древнерусские городища в Судовой Вишне // Тезисы докл. сов. делегации на I Международном конгрессе славянской археологии. М., 1968. С. 39—41.

[13] Галицько-Волинський літопис. С. 81.

[14] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1933. С. 39, 41.

К этим способам накапливания земельных владений современная наука прибавила разве что приобретение. В. Л. Янин считает, что главным путем развития вотчинной собственности феодалов была покупка земли у общинников. Он думает, что подобный метод прогрессировал в течение XII—XIII вв., если уж документы того времени фиксируют активное участие бояр в денежном обращении[15]. Но эти слова могут быть справедливыми разве что в отношении Новгородской земли того времени. Представляется в высшей степени сомнительным, чтобы галицкие бояре, постоянно посягавшие на земли, добро и даже жизнь своего князя, могли утруждать себя покупкой земли у общинников, которых они презирали и над которыми всячески издевались. Олигархи просто отнимали землю у крестьян, хорошо еще, если оставляли их в живых.

Существует еще одна концепция источников формирования крупной земельной собственности в Древней Руси. Она принадлежит Б. А. Рыбакову. Считая вотчину первичным очагом феодализма, ученый видит ее корни во владениях племенной знати, превратившейся в процессе развития феодального способа производства в вотчинников-феодалов. «К этому можно добавить некоторое количество захватов и бенефициальных пожалований со стороны высшей княжеской власти и ее дружинников»[16].

Конечно же, было бы наивным и неверным искать главную и универсальную причину возникновения крупного землевладения на Руси. Понятно, что в каждом конкретном случае, в определенных социальных, экономических и культурных условиях, превалировала какая-то одна из них. Однако относительно Галицкой земли названный Рыбаковым источник складывания боярского землевладения представляется мне наиболее вероятным и основным.

Историки неоднократно отмечали слабость центральной власти, засилье бояр в Галицкой земле, недостаточную централизацию княжества, что, на мой взгляд, и стало главной причиной относительно позднего завершения формирования ее государственной территории. Как известно, Галицкое княжество сложилось, в сравнении с другими южнорусскими княжествами, довольно поздно — к середине XII в.[17] Княжеская власть в нем была недостаточно сильной, что и позволило перераставшей в феодальную знать племенной аристократии сохранить и приумножить свои земли за счет княжеских пожалований, покупки (достаточно, впрочем, редкой), систематического и постоянного захвата общинных земель. Но не всюду племенная знать могла влиться в общественную структуру княжеств. Речь пойдет о так называемой Болоховской земле.

Согласно известиям Галицко-Волынской летописи XIII в., а также актового материала XVI в., Болоховская земля была расположена в верхнем течении Южного

---

[15] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 272.

[16] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 472.

[17] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 75—117.

Буга, бассейнах рек Горыни, Случи и Тетерева[18]. Летописи называют восемь болоховских городов: Деревич, Губин, Кобудь, Кедрин, Кудин, Городец, Божский и Дядьков. Упоминания о Болоховской земле в Киевской летописи XII в. слишком неопределенны, дабы судить о ее социально-политическом статусе и отношениях с соседями, прежде всего с галицкими князьями. Вот одно из таких упоминаний. Во время войны за киевский великокняжеский стол между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким в 1150 г. «приде Изяславу вѣсть, оже Володимиръ [князь галицкий] уже перешел Болохово, идеть [на помощьЮрию] мимо Мунаревъ к Володареву»[19].

Этот летописный текст исследователям до сих пор не удалось привязать к карте. М. П. Погодин полагал, что в нем речь идет о городах на галицкой дороге в Киев. Их последовательность: Болохов, Мунарев, Володарев[20]. Однако нет уверенности в том, был ли Болохов городом, а не названием местности (земли). Н. П. Барсов называл Мунарев городом в Болоховской земле, но не привел доказательств своего мнения[21]. Точно так же не представляется возможным конкретизировать упоминание о Болохове в летописном известии 1170 г. о борьбе Мстислава Изяславича киевского с Давидом Ростиславичем смоленским[22].

На мой взгляд, свидетельства Галицко-Волынского летописного извода за 30—50-е годы XIII в. позволяют в самых общих чертах определить расположение Болоховской земли, назвать ее города (пусть и не все), а также бросить свет на ее социальную структуру и общественное устройство.

Зимой 1232/33 г. Даниил Романович воевал с венгерским королевичем Андреем, захватившим было Галич. В ходе этой войны «Данилови же снемшюся съ братомъ, и постиже и [врагов] у Шумьска, и повѣстоваста с ними о рѣку Велью; бѣ бо с королевичемь Александръ и Глѣбь Зеремѣевичь[23], и инии князи болоховьстии и угоръ множество»[24]. Итак, с первой минуты появления на страницах летописи XIII в. болоховские князья — все вместе! — противостоят Даниилу Романовичу. Через несколько лет, в начале 1236 г., видим этих «князей» в союзе с галицкими и прочими боярами, воевавшими Волынскую землю: «Прийдоша галичане [бояре] на Каменець, и вси болоховстии князи с ними, и повоеваша по Хомору, и пойдоша къ Каменцю, и вземше полонъ великъ пойдоша». Но в сражении у Каменца

---

[18] *Дашкевич Н. П.* Болоховская земля и ее значение в русской истории. Киев, 1876; *Он же.* Еще разыскания о Болоховце и болоховцах. Киев, 1899; *Терещук К. І.* До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, и др.

[19] Летопись по Ипатскому списку. С. 228.

[20] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV. М., 1850. С. 176.

[21] *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли. Вильна, 1865. С. 130.

[22] Летопись по Ипатскому списку. С. 376.

[23] Галицкие бояре.

[24] Галицько-Волинський літопис. С. 95.

«побѣжени быша невернии галичане и вси князи болоховстии изоимани быша, и приведоша я въ Володимеръ ко князю Данилови»[25].

Тогда болоховские «князья» сумели освободиться из плена, вероятно принеся присягу на верность Романовичам. В середине 30-х годов князь прочно удерживал инициативу в соперничестве с Венгрией и боярской оппозицией за Галицкую землю и в 1238 г. утвердился на столе Галича, восстановив основанное его отцом Романом Галицко-Волынское княжество.

Монгольское нашествие на Русь повсеместно ослабило княжескую власть, потерявшую в кровопролитных и неравных боях цвет рыцарства, множество воинов и ополченцев. Вновь подняли головы не раз битые, но так и не подавленные окончательно великие галицкие бояре. Они призывают на княжение покорного им Ростислава Михайловича из Чернигова, давнего врага Романовичей. А болоховские «князья» с радостью поддерживают княжича и галицких олигархов. Вскоре после того, как орды Батыя покинули Галицко-Волынскую Русь, осенью 1238 г., «Ростиславъ събралъ князи болоховьскые и останокъ галичанъ[26], прийде ко Бакотѣ», городу на Днестре, южному рубежу Галицкого княжества. Даниил послал против Ростислава своего воеводу Кирилла, и тот отбросил врага за Днепр, после чего Романовичи перешли в решительное наступление на болоховских «князей».

Тогда, вероятно, Даниил решил раз и навсегда укротить болоховских сепаратистов. Сначала он «устребился на ня: грады ихъ огневи предасть и гребля ихъ роскопа», затопив эти расположенные в низменности города и крепости. Князь «поима грады ихъ: Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Городець, Божьскый, Дядьковъ…» Далее он «пленивъ землю Болоховъскую и пожегъ, оставили бо ихъ татарове, да имь оруть пшеницу и проса. Данилъ же на ня болшу вразъду держа, яко от татаръ надежу имѣаху»[27].

Жестокость, с которой Даниил Романович уничтожил, в сущности, Болоховскую землю, объясняется прислужничеством болоховских «князей» перед Ордой — а это был самый страшный грех в глазах древнерусского общества. Конечно же, при этом пострадали не только и не столько эти «князья», а громадная масса простых людей, не бывших ни в чем виноватыми перед Романовичами. Но такой была логика господствующего класса — и не только Даниила, да и вообще не только в средневековье.

В течение первой половины 40-х годов Даниил Романович последовательно и настойчиво добивается восстановления единства Галицко-Волынского княжества и подводит черту летом 1245 г. возле г. Ярослава в битве с Ростиславом Михайловичем, приведшим венгерское и польское войска, отряды враждебных Романовичам бояр. Победа в сражении позволила Даниилу, наконец, ликвидировать боярскую оппозицию его власти в государстве. Затем придет очередь болоховских «князей» сидевших на галицко-волынском порубежье. Внешне пассивные в то время, они продолжали угрожать Романовичам.

---

[25] Галицько-Волинський літопис. С. 98.

[26] Уцелевших в борьбе с Романовичами бояр.

[27] Галицько-Волинський літопис. С. 104.

Поэтому, как только галицко-волынский государь одержал первую победу над татарами Куремсы возле Кременца, он воспользовался ее плодами для того, чтобы окончательно уничтожить «людей татарских» — союзников и подручников Орды. Зимой 1254/55 г. «по рати Кремяницькой Куремсинѣ... воевахуть людие Данилови и Василкови Болоховъ, Лвови[28]— Побожье и люди татарскыа»[29]. Вновь основной удар галицко-волынской рати пришелся на Болоховскую землю. А осенью 1255 г. Даниил послал своего другого сына Шварно на «вся городы, сѣдящиа за татары». Из контекста летописного сообщения выходит, что тогда воины Шварно разгромили и Болоховскую землю[30]. Важно отметить, что в этом последнем известии источника о Болоховской земле ее «князья» уже не упомянуты. Вероятно, они были истреблены или брошены в «поруб» во время карательных походов Романовичей на Болохово в 1241 г.

Болоховским «князьям» посвящена немалая научная литература. Одно время некоторые считали их почему-то волохами или торками, но большинство историков убеждено в их славянском происхождении. Упрощенным следует считать взгляд на болоховских «князей» как на местных, преимущественно галицких, бояр, помилованных татарами и за это признавших власть Орды и служивших ей. Нельзя согласиться и с мнением, будто они были какими-то мелкими провинциальными Рюриковичами, чудом уцелевшими на рубеже Галичины и Волыни. Ведь Рюриковичей летописцы обязательно называют по именам, фиксируют даты их рождения и смерти (даже если княжич прожил всего несколько дней), но главное — никогда не говорят о них в общем, не различая имен!

На мой взгляд, ближе всех к истине оказывается давняя версия М. С. Грушевского, согласно которой болоховские князья «репрезентантами княжеско-дружинного строя... не были, а были князьями в значении перед-дружинном»[31]. Эти слова следует помнить, стремясь разобраться в общественном строе Болоховской земли и статусе ее загадочных «князей».

Расположенная на рубежах трех южнорусских земель: Галицкой, Киевской и Волынской, в области, где политическое влияние их князей было минимальным, Болоховская земля, вероятно, пребывала вне политической структуры древнерусского общества. Характерно, что изучавший ее Грушевский затруднялся определить политическую принадлежность или хотя бы тяготение этой земли к какому бы то ни было княжеству. В своей ранней работе он считал ее «юго-западным краем старой Киевской земли»[32], но в позднейшей — порубежной областью трех только что названных земель[33]. Думаю, что именно благодаря своему местоположению Болоховская земля, территория которой к тому же была рассечена большими и ма-

---

[28] Старшего сына Даниила Льва.

[29] Галицько-Волинський літопис. С. 120.

[30] Там же.

[31] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. III. Львів, 1905. С. 157.

[32] *Грушевский М.* Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891. С. 451.

[33] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. III. С. 155.

лыми реками и их притоками, оставалась независимой в процессе складывания государственной структуры Киевской Руси.

На мой взгляд, Болоховская земля в природном и социально-экономическом отношениях была теснее всего связана с Галицкой. Последняя же принадлежала к числу русских земель, которые сформировались позже других: во второй половине XII в. В течение этого века Галицкая земля развилась из территорий двух волостей: Теребовльской и Перемышльской, которыми владели тогда князья династии Галицких Ростиславичей. Лишь в начале XII в. в центральной части Галицкой земли возникли новые очаги феодальной концентрации — Звенигород и Галич. Даже в начале XIII в. она оставалась еще недостаточно социально-экономически и политически консолидированной[34]. Не случайно, как только погиб в 1205 г. великий князь Роман Мстиславич, эта земля вновь дробится и погружается в пучину удельной раздробленности. Слабость центральной власти в Галицкой земле была основной причиной того, что ее окраины почти не ощущали этой власти, тем более — области, расположенные в зонах влияния сразу нескольких княжеств.

Поэтому существуют основания допускать, что в течение длительного времени Болоховская земля просто оставалась неокняженной, не признавая власти какого-либо государя в Южной Руси. В ней могли сохраняться еще и в XIII в. общественные отношения, присущие поздней фазе существования родо-племенного строя. Недаром летописец ни разу не называет по имени какого-либо болоховского «князя» (обычно пишет: «вси князи болоховьстии»): можно думать, тамошнее общество пребывало на той стадии эволюции, когда власть князя не сделалась еще наследственной, а сам он не отделился от массы народа, не поднялся даже над племенной верхушкой.

Нетрудно понять, что этот заповедник родо-племеннного строя (другим подобным ему анклавом была земля бродников в междуречье Днестра и Дуная) сидел костью в горле и у киевского, и у галицкого, и у волынского князей. Вероятно, какое-то время болоховским «князьям» удавалось балансировать между государями окружавших их земель. Кризис настал вскоре после нашествия орд Батыя на Русь, когда Болоховская земля была завоевана и разорена галицко-волынским войском. А во второй половине 50-х годов была, скорее всего, просто присоединена ко княжеству Романовичей.

Именно как «людей татарьскыхъ» Даниил громил болоховских «князей» в течение 40—50-х годов. Поэтому приходится признать односторонней и, в сущности, неверной мысль старой историографии, четче всего выраженную Грушевским, — мол, эти «князья» пострадали даже не за сотрудничество с Ордой, а будто бы за то, что возглавили антикняжеское народное движение[35].

Но в подобных мнениях историков прошлого кроется объективно верная, пусть и скрытая мысль: дело окняжения свободной от государственной власти Болоховской земли, как следует из летописи, уже давно занимало Даниила Ро-

---

[34] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории... С. 75—117.

[35] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. III. С. 158—161.

мановича — не случайно он однажды бросил Болеславу мазовецкому, претендовавшему на власть над Болоховым и даже посадившему в «поруб» ее «князей», двусмысленные — и столь многозначительные! — слова: «Не суть вои твои, но суть особнии князи!»[36] Эти саркастические слова ясно свидетельствуют о том, что еще каких-то «особниих!» князей в своей державе старший Романович не был намерен терпеть.

[36] Галицько-Волинський літопис. С. 104. Эти слова поставлены летописцем среди рассказа о первом истребительном походе Романовичем в Болоховскую землю 1241 г.

Ю. А. Артамонов (Москва)

«Черноризьци почаша множитися и манастыреве починаху быти»

(О начальном этапе монастырского строительства в Древней Руси)

В исторической науке тема возникновения и функционирования древнерусских монастырей в первые десятилетия после принятия христианства представляет собой сложную и дискуссионную проблему. Действительно, с одной стороны, в специальной литературе признается факт появления на Руси монастырей уже в конце X — первой половине XI в., а с другой — отсутствует ясность в вопросе о том, что представляли собой первые обители: кто выступал инициатором их создания, кем были заселены, за счет чего существовали?

Главная причина этих трудностей заключается в очевидном дефиците прямых свидетельств письменных источников. «К сожалению, — писал А. В. Карташев, — сохранившиеся у нас памятники проливают очень слабый свет на историю первоначального распространения христианской церкви по лицу земли русской, далеко недостаточный для изображения отчетливой исторической картины»[1]. Исключением является история Киево-Печерского монастыря, которая сравнительно полно описана в летописных и агиографических памятниках XI—XIII вв. Не случайно в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей древнейшая история монастырского строительства на Руси часто излагается в связи с историей именно этой обители. Так, например, Р. П. Кейси в своей работе, посвященной истории древнерусского монашества, отметив, что «происхождение монастырской жизни в России неизвестно», сразу переходит к изложению событий, связанных с основанием Киево-Печерского монастыря[2]. В отечественной историографии такой подход к изложению начальной истории русского монашества в свое время попытался обосновать профессор Московской духовной академии П. С. Казанский. Полагая, как и большинство современных ему исследователей, что первые монастыри в Киеве были основаны по инициативе церковных иерархов, пришедших на Русь из Византии, он писал: «Печерская обитель основана и устроена русскими, и оттого сделалась началом и рассадником русского иночества... на этом основании историю русского монашества мы должны начинать с истории Печерской обители»[3]. Между тем необходимо иметь в виду, что возникновению Киево-Печерского монастыря предшествовал почти

---

[1] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 1. С. 145.

[2] *Casey R. P.* Early Russian Monasticism // Orientalia Christiana Periodica. T. 19. 1953. P. 372—423.

[3] *Казанский П. С.* Начало монашества в России // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1850. Ч. IX. С. 568; *Он же.* История православно-

полувековой период христианизации восточнославянского общества, который был отмечен распространением идеологии монашества.

Первые шаги в научном изучении истории монастырского строительства в Древней Руси были сделаны еще в первой половине XIX в. представителями формирующейся российской церковно-исторической науки, а также историками-краеведами — основоположниками «киевознания»[4]. Таким образом, история изучения вопроса насчитывает уже почти 200 лет. За истекший период было высказано немало суждений о том, как происходило становление монашеской жизни на Руси. Однако все они могут быть сведены к четырем основным точкам зрения.

1. Согласно первой, озвученной еще в самом начале XIX в. митрополитом Платоном, первые монастыри возникли на Руси благодаря усердию «набожных и уединенных пустынников», основывавших скромные монашеские поселения («малые пустыньки»), которые со временем «помалу возрастали и в знатность приходили». При этом отмечалось, что первые русские иноки «содержание свое получали работою своих рук», занимаясь земледелием и ремеслами («художеством»), получая подаяние от мирян[5]. В начале XX в. эта гипотеза получила свое развитие в связи крупномасштабными раскопками в Киеве в 1912—1914 гг., производившимися в Зверинецких пещерах — крупном подземном монастырском комплексе неподалеку от Михайловского Выдубецкого монастыря. Так, И. М. Каманин, посвятивший пещерам на Зверинце специальное исследование, предположил, что «первобытной формой» монашествования на Руси были пещерные поселения аскетов-отшельников: «Вблизи всех древних пещерных храмов и монастырей возникают наземные; иначе говоря, пещерные монастыри, вследствие возникшей потребности в расширении, с увеличением числа братии и молящихся, выходят на гору, на поверхность земли, на свет, т. е. пещерные монастыри дают жизнь наземным»[6]. Эта точка зрения пользуется известной популярностью и сегодня. В ее основе лежит предположение о типологическом сходстве истории становления монашества на Востоке и в Древней Руси, смысл которого заключается в том, что появлению крупных киновиальных монастырей предшествовали поселения отшельников. Так было в Египте, Сирии, Палестине, Каппадокии, позже на Афоне, то же происходило и на Руси. «Первоначально, — пишет, например, М. И. Бълхова, — как и на Востоке, на Руси появляются отдельные отшельнические кельи (пещеры), а уже с середины XI в.

го русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры св. Троицы преподобным Сергием. М., 1855. С. 8.

[4] В XIX в. термином «киевознание» называли историческое краеведение Киева. См.: *Максимович М. А.* Собрание сочинений. Т. II. Отделы: историко-топографический, археологический и этнографический. Киев, 1877. С. 50.

[5] При этом митрополит Платон писал: «Но редко монастыри получали свое основание от набожных князей, от бояр и от знаменитых людей, также и от самих епископов» (*Платон (Левшин)* Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, митрополитом Московским. М., 1805. С. 59).

[6] *Каманин И.* Зверинецкие пещеры в Киеве, их древность и святость. Киев, 1914. С. 11.

возникают собственно монастыри»[7]. В качестве доказательства исследователи, как правило, апеллируют к истории Киево-Печерской обители, возникшей, как известно, из небольшой пещерки-келии, выкопанной преподобным Антонием Печерским[8]. При этом, однако, не учитывается тот факт, что зарождение отшельничества на Востоке было связано с гонениями на христианство, а условием его широкого распространения в IV—V вв. стала сравнительно высокая степень христианизации общества периода поздней античности. На Руси же ситуация была принципиально иной: христианство здесь было введено по инициативе государственной власти и первоначально воспринято весьма узкой прослойкой древнерусского общества — знатью, купечеством, состоятельными горожанами.

2. Согласно второй гипотезе, строительство древнейших монастырей на Руси следует связывать с деятельностью греческих монахов-миссионеров, пришедших на Русь сразу после крещения. Одним из первых это мнение высказал еп. Амвросий в своей «Истории российской иерархии». Согласно его точке зрения, уже в 988 г. усилиями митрополита Михаила был основан Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве, а пришедшие с ним монахи тогда же положили начало Киево-Межигорской обители. Мнение это было поддержано и развито митр. Евгением, который предположил, что примеру Михаила последовали и главы первых русских епархий, учрежденных митрополитом Леонтом уже в 992 г. «Каждый епархиальный епископ, — писал автор знаменитых "Описаний", — без сомнения, тогда имел также кафедральный свой монастырь...»[9]. Эту точку зрения разделяли митр. Макарий (Булгаков) и П.С. Казанский. Ее можно встретить и в работах исследователей XX столетия[10].

Данная гипотеза базируется на предположении о том, что христианизация восточнославянского общества была главной задачей первых пастырей, пришедших на Русь из Византии, которые и должны были выступить с инициативой строительства первых монастырей. Источником, позволяющим связать историю возникновения ряда обителей с деятельностью первых церковных иерархов и монахов-миссионеров, являются устные предания, письменная фиксация которых относится к XVI—XVII вв. Примером тому может служить история основания Михайловского

---

[7] *Бълхова М.И.* Монастыри на Руси XI — середины XIV века // Монашество и монастыри в России. XI—XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н.В. Синицына. М., 2002. С. 34.

[8] «Древнейшую форму монашества, — пишет Н.В. Синицына, — можно реконструировать, скорее, по рассказам ПВЛ о пещере Илариона, в которой поселился прп. Антоний, придя на Русь с Афона, и предполагать, что этой формой могло быть пещерное отшельничество» (*Синицына Н.В.* Русское монашество и монастыри. X—XVII вв. // ПЭ. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 306).

[9] *Евгений (Болховитинов).* Описание Киево-Печерской Лавры // Вибрані праці з історії Киева / Упор., вст. ст. та додатки Тетяни Ананьевої. Киев, 1995. С. 273.

[10] «Князь Владимир принес православие, и вместе с ним пришло к нам и монашество. Сначала это были монастыри основанные греками» (*Rouet de Journel M.-J.* Monachisme et monasteres russes. Paris, 1952. P. 18). Кроме того, см.: *Комеч А.И.* Русские монастыри: История и культура X—XVII столетия. М., 2001. С. 11.

Златоверхого монастыря, изложенная в Синопсисе — памятнике XVII в., составленном по инициативе архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля. Здесь со ссылкой на рассказ киевских старожилов («носится же и сия повесть еще от старых людей») повествуется о том, что с холма, где позже возник Михайловский Златоверхий монастырь, был свержен идол Перуна. По приказу князя Владимира его привязали к конскому хвосту, сволокли к берегу Днепра, а затем бросили в воду. С высоты холма до реки поверженного идола сопровождали двадцать человек, которые должны были бить его палицами, «не яко чувственное древо, но да поругаются бесу, иже чрез него народ человеческий прелщаше». Впоследствии этот путь люди стали называть «чортово беремище». Заканчивается рассказ следующей сентенцией: «Того ради поведают, яко первый при Владимире митрополит Михаил, посадив иноков на горе не далече от того чортова беремища, на свое имя и церковь святого архистратига Михаила созда, сея ради вины, яко с небесе святый архистратиг Михаил чорта низверже, тако и зде он же помог от горы чорта в болване бывшего низврещи»[11]. Для того чтобы согласовать это предание с сообщением Повести временных лет о закладке каменной «церкви святого Михаила Златоверхой Святополком князем» в 1108 г., составителю пришлось дать следующее пояснение — «бе бо на томь месте изперва древянная». Доверяя рассказу Синопсиса, большинство исследователей первой половины — середины XIX в. писали о том, что митрополит Михаил построил деревянную церковь архистратига Михаила, положив начало одному из древнейших в России монастырей, а князь Святополк Изяславич в 1108 г. воздвиг на этом месте каменный храм[12]. Схожим образом интерпретировалось предание об основании Выдубецкого монастыря в память о потоплении выплывавшего из Днепровских вод идола.

3. Оригинальный взгляд на историю возникновения древнейших русских обителей высказал в своей «Истории русской церкви» Е. Е. Голубинский. Согласно его гипотезе, первые монастыри основывались группами монахов путем строительства келий при приходских церквях. Таким образом черноризцы, во-первых, имели возможность посещать церковные службы, а во-вторых, получать подаяние от приходящих в храм мирян. В подтверждение своей гипотезы ученый сослался на данные новгородских писцовых книг второй половины XVI в., где имеются упоминания о монашеских келиях и чернецах, живущих при приходских церквях. Называя такие обители «монастырями несобственными» («ненастоящими»), ученый полагал, что они являлись «древнейшей и первичной» формой коллективного

---

[11] Синопсис или краткое описание от различных летописцев о начале славенского народа, о первых Киевский князьях, и о житии Святого Благоверного и Великого князя Владимира, всея России первейшего самодержца, и о Его Наследниках, даже до Благочестивейшего Государя Царя и Великого князя Федора Алексеевича, самодержца Всероссийского. СПб., 1798. С. 76—77.

[12] См., например: *Берлинский М. Ф.* История города Киева от основания его до настоящего времени // Історія міста Києва / Підг. тексту до друку, вступ. ст., коммент. М. Ю. Брайчевського. Київ, 1991. С. 37; *Максимович М. А.* Указ. соч. С. 103.

монашествования на Руси. «Необходимо думать, — писал он, — что до появления собственных монастырей у нас была форма монастырей несобственных, — монастырьков или монашеских слободок при приходских церквях»[13]. Такого рода монастырей, по мнению Е. Е. Голубинского, в Древней Руси было очень много, и представляли они «явление самое обычное». Что же касается времени появления монастырей «собственных» или «настоящих», руководствующихся в своей жизнедеятельности нормами монашеских уставов, то он определял его «второй половиной правления Ярослава». Эта гипотеза Е. Е. Голубинского нашла поддержку у ряда авторитетных исследователей русской церковной истории[14]; в то же время у нее появились и свои оппоненты. Так, немецкий исследователь Л. Г. Гётц назвал данную реконструкцию «искусственным объяснением», отметив, что христианизация Руси исходила не от народа, а от «государственной власти», а следовательно, не было и потребности в создании тех многочисленных «монастырьков», о которых писал Е. Е. Голубинский[15]. Не вполне корректным выглядит и применение ученым метода исторической ретроспекции, а именно: перенесение новгородских реалий XV—XVI вв. на древнерусскую почву[16].

4. Согласно четвертой точке зрения, решающая роль в деле строительства первых монастырей на Руси принадлежала княжеской власти. Уже Л. К. Гётц отмечал, что одной из главных задач, стоящих перед князем Владимиром, было создание церквей и епархий, при которых должны были строиться «жилые дома» (Wohnhouser) «для действующего духовенства, епископа, священника и низшего клира». А поскольку среди пришедших на Русь священнослужителей большая часть была представлена монашествующими, постольку «в этих епископских резиденциях, домах клириков или священников мы должны, вероятно, видеть первые “монастыри”, то есть места проживания монахов-миссионеров Руси»[17].

---

[13] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1. Кн. 2. С. 557.

[14] См.: *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской церкви. М., 2001. С. 81; *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 238; *Смолич И. К.* Русское монашество. М., 1997. С. 24.

[15] *Goetz L. K.* Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904. S. 4.

[16] «Ретроспекция Голубинского, — замечает Н. В. Синицына, — основана на источниках не только отстоящих хронологически почти на половину тысячелетия, но и происходящих из другого географического региона» (*Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 306).

[17] В подтверждение своей точки зрения Л. К. Гётц ссылается на следующий фрагмент летописной статьи 6599 (1091) г.: «В се же время виде Стефан, иже бысть в него место игуменъ, в се же время бысть епископъ, виде въ своемь манастыри». Слова летописи «въ своемь манастыри» («in seinem Kloster») немецкий исследователь понимает как указание на собственную резиденцию епископа («in seiner bischoflichen Residenz») (*Goetz L. K.* Указ. соч. S. 4). Однако такая интерпретация является ошибочной, поскольку речь в данном случае идет о Кловском монастыре в Киеве, который был заложен Стефаном вскоре после его изгнания из Киево-Печерского монастыря в 1078 г. Епископом же во Владимире-Волынском он стал значительно позже, около 1090 г. Таким образом, Кловский монастырь был «своим» для Стефана задолго до его поставления в епископы.

Исследователь отмечал, что основанные князьями монастыри в летописях нередко именуются «епископиями». Об основании князьями первых монастырей на Руси писал также Н. М. Никольский[18]. Свое дальнейшее развитие эта точка зрения получила в работах Я. Н. Щапова, который доказал, что «церковная организация была учреждена на Руси по инициативе княжеской власти» и первоначально «не имела собственных источников существования, обеспечивалась князем из тех материальных средств, которыми он располагал»[19]. Это, по его мнению, определяло зависимое положение древнерусской церкви от светской власти, которая брала на себя инициативу в деле христианизации древнерусского общества. Отсюда был сделан вывод о том, «что большинство киевских монастырей XI—XII вв. — это ктиторские монастыри, теснее связанные с княжескими династиями, правившими в Киеве, чем с митрополичьей властью»[20]. Несмотря на убедительность исходных положений, этот вывод Я. Н. Щапова нельзя признать вполне точным.

Исходя из того, что христианство на Руси долгое время было «в основном городской религией, верой аристократического общества»[21], мы полагаем, что уже в конце X — начале XI в. представители древнерусской знати, руководствуясь примером собственных князей и тех традиций, которые существовали в Византии, должны были активно включиться в процесс церковного строительства. «Следуя примеру правителя и обычаю, известному из Византии, — пишет польский историк А. В. Поппе, — почти каждый знатный горожанин стремился воздвигнуть храм на собственном дворе, сначала, наверное, с целью наглядной демонстрации своих религиозных убеждений и лояльности власти»[22]. Специфика этого процесса заключалась в том, что подавляющая часть из построенных в этот период церквей были частные, то есть предназначались для удовлетворения религиозных запросов одной семьи (рода).

О масштабах строительства частных церквей в Киеве свидетельствует сообщение Хроники Титмара Мерзебургского о том, что к моменту завоевания города польским князем Болеславом I Храбрым (август 1018 г.) в нем насчитывалось «более четырехсот церквей»[23]. О гибели почти 600 киевских церквей в результате июньского пожара 1124 г. сообщает Лаврентьевская летопись: «Бысть пожаръ великъ Кыеве

---

[18] *Никольский Н. М.* История русской церкви. Рязань, 1930. С. 43.

[19] *Щапов Я. Н.* Церковь и становление древнерусской государственности // Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 146—147.

[20] *Щапов Я. Н.* Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Там же. М., 2004. С. 67.

[21] П. С. Стефанович, посвятивший изучению данной проблемы специальную работу, справедливо отмечает, что «христианство, пришедшее на Русь как внешний импульс, начало проникновение в толщу народной культуры с завоевания знати — верхнего, наиболее мобильного, просвещенного и "открытого" слоя общества» (*Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 41).

[22] *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. London, 1982. P. 353.

[23] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 143.

городе, яко погоревшю ему мало не всему по два дьни по Подолью и по Горе, яко церквии единехъ изгоре близь 6 сотъ»[24]. Столь значительное число храмов в одном городе трудно объяснить, если не принять во внимание тот факт, что средневековые авторы учитывали не только приходские, но и частные церкви знати.

О домовых церквях в Киеве сообщает Киево-Печерский патерик. Из рассказа об Алимпии Иконописце мы узнаем о неком состоятельном киевлянине, который «церковь собе постави» на Подоле[25]. Здесь же рассказывается и о другом «христолюбце», который для своей церкви заказал преподобному Алимпию икону к празднику Успения Богородицы. Однако ввиду болезни монах не смог выполнить эту работу. Заказчик, не получив икону к установленному сроку, ночью отправился в церковь («отверзе двери церкви») для того, чтобы покаяться в собственной нерасторопности. Здесь он и увидел «икону сияющу на месте своем», после чего, преисполненный радости, побежал будить домашних, которые «текоша въ церковь съ свещами и с кандилы». «Как можно понять из этого рассказа, — замечает П. С. Стефанович, — церковь, об украшении которой заботился "господин" той иконы, была частной, то есть была предназначена именно для господина и его "домашних" и составляла часть его имения (он держал у себя ключи от церкви)»[26]. В числе «домашних» мы видим и церковных служителей, которые «с кандилы» идут в церковь засвидетельствовать чудо[27].

Церковное строительство людьми состоятельными было характерно и для других городов Руси. Так, в Житии Феодосия Печерского, написанного монахом Нестором (начало XII в.[28]), рассказывается о том, как правитель Курска, пораженный смирением и набожностью юного Феодосия, «повеле же емоу, да пребываеть оу него въ церкви». При этом владелец церкви принял на себя обязанность по содержанию отрока. «Вдасть же емоу и одежю светьлоу» — замечает агиограф[29]. О широком распространении частных церквей в Древней Руси свидетельствуют «Ответы Георгия, митрополита Киевского», недавно опубликованные А. А. Туриловым[30]. В ответе 54 читаем: «Аще оу кого ц(е)рквица будет в дому, достоитъ в неи литоургисати, а не кр(с)тити детеи ноли въ зборнои ц(е)ркви».

---

[24] ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стлб. 293.

[25] *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. С. 175—178.

[26] *Стефанович П. С.* Указ. соч. С. 47.

[27] *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 178—179.

[28] О датировке Жития Феодосия Печерского началом XII в. см.: *Артамонов Ю. А.* Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л. В. Столярова; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2003. С. 253—273.

[29] Успенский сборник XII—XIII вв. / Подгот. к печ. О. А. Князевская и др. М., 1971. С. 78.

[30] Текст, носящий заглавие «Неведомых словес изложено Георгиемъ митрополитом Киевьскымъ. Герману игоумену въпрашающу, оному поведающу», по мнению издателя, является древнейшим «в ряду русских вопрошаний XI—XIII вв». Его первоначальную редакцию А. А. Турилов датирует третьей четвертью XI в. (*Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «воп-

Частные церкви знати располагались на территории городских усадеб. Основным строительным материалом для них было дерево. Это могли быть как простейшие постройки — «клети», наподобие той, которую князь Ярослав первоначально поставил над могилами своих братьев Бориса и Глеба, так и весьма значительные сооружения, «украшенные всею красотой» и имеющие несколько «верхов»[31]. Все зависело от финансовых возможностей владельца. Вероятно, имели место и случаи пристройки церковных клетей к уже существующим жилым помещениям. Одно из древнейших упоминаний о частной церкви, обратившее на себя внимание П. С. Стефановича[32], содержится в статье 6390 (882) г. Повести временных лет: летописец, определяя местоположение могилы Аскольда относительно современной ему топографии Киева, пишет, что на этом месте находится «ныне Олъминъ дворъ», где Олма поставил церковь святого Николая[33]. Заметим, что строительство храмов в усадьбах знати в период христианизации хорошо известно на примере западнославянских государств: Великой Моравии, Чехии, Польши[34].

Первое время для совершения богослужения приглашались по преимуществу византийские или болгарские священники, большинство из которых были монахами. Не связанные узами брака, они были наиболее мобильной и активной в деле христианского просвещения неофитов прослойкой средневекового общества. Содержание монахов при частных церквях было выгодно их владельцам, поскольку, во-первых, не требовало дополнительных расходов на содержание семей священнослужителей, а во-вторых, считалось, что молитва инока более угодна Богу, нежели приходского священника («бельца»)[35]. Поэтому следует полагать, что в

рошание» // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 211—262).

[31] См.: *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. II. С. 90—91.

[32] *Стефанович П. С.* Указ. соч. С. 47.

[33] ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стлб. 23. По мнению А. В. Кузьмина, строительство церкви св. Николая следует относить к середине — второй трети XI в. (*Кузьмин А. В.* Боярский двор как историко-топографический комментарий летописца XI века // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. М. Ю. Люстров. М., 2000. Сб. 10. С. 44—51).

[34] См.: Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии, и Польше // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 132—141; Христианство в Древнепольском и Древнечешском государстве во 2-й половине X — 1-й половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 190—266.

[35] Подобное отношение к монахам сложилось еще в Византии, где уже в XII в. к ним перешла исповедь и отпущение грехов. Уважение к молитве монаха здесь было настолько велико, что существовало мнение, будто один монах может избавить от загробных мучений 150 грешников (*Соколов И. И.* Состояние монашества в Византийской Церкви с середины XI до начала XIII века (842—1204): Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. С. 63).

первые десятилетия после крещения Руси монашеское священство было явлением весьма распространенным. Как известно, первый русский митрополит Иларион до посвящения в сан был «мнихом и пресвитером», то есть иеромонахом дворцовой церкви в великокняжеском селе Берестово[36].

Люди состоятельные имели возможность не только строить просторные и богато украшенные храмы, но и увеличить число служащих в них людей. В этой ситуации возникала необходимость организации внутренней жизни общины, превращению монаха-священника в игумена — руководителя и духовного наставника братии. Таким образом, возникало некое подобие монастыря. Эта «трансформация» является причиной того, что древнерусские авторы порой не делали различия между понятиями «церковь» и «монастырь». Это хорошо видно на примере построенного Ярославом Мудрым монастыря св. Георгия, который в сообщении летописной статьи 6571 (1063) г. о смерти и погребении князя Судислава назван «церковью святого Георгия»[37]. Показательным в данном случае является и свидетельство Ипатьевской летописи под 6594 (1086) г.: «Всеволодъ заложи церковь святаго Андрея при Иване преподобномь митрополите, створи оу церкви тоя манастырь»[38].

Таким образом, первые монастыри на Руси представляли собой сравнительно небольшие группы иноков[39], которые жили за счет богатых семей города, оправляя службу в их домовых церквях-обителях. Такие монастыри были связаны с ктитором (владельцем церкви) и его потомками не только самим фактом своего возникновения, но и материальным содержанием, которое долгое время выражалось в отчислении определенной доли от доходов семьи. Экономическая зависимость такого монастыря от владельца была причиной его закрытости для других членов общества, что затрудняло приток новых жертвователей. Как известно, убогий вид и бедная одежда стали причиной того, что преп. Феодосий, обойдя все киевские монастыри, не был принят ни в одном из них. Но и пострижение людей среднего достатка, по всей видимости, было делом не столь простым: следовало либо получить согласие владельца, либо заручиться покровительством влиятельного человека. Так, для того чтобы постричь мать Феодосия в монастыре св. Николая, Антоний должен был «въвестить о ней княгини»[40].

Со временем количество частных обителей неуклонно возрастало, что дало основание летописцу говорить о монастырях, построенных на деньги людей знатных, как о явлении весьма распространенном: «Мнози бо манастыри от цесарь и от бо-

---

[36] *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 90.

[37] ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стлб. 163.

[38] ПСРЛ. М., 2001. Т. II. Стлб. 197.

[39] Согласно XIV новелле императора Льва VI, в монастыре должно было проживать не менее трех монахов (*Каждан А. П.* Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 51).

[40] Успенский сборник XII—XIII вв. С. 79.

яръ и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бденьемь»[41]. Для многих иноков получение места в боярском или княжеском монастыре было весьма привлекательным. Не случайно, характеризуя современных ему монахов, Даниил Заточник говорит, что «они обходят села и дома славных мира сего, аки пси ласкосердии». Схожая ситуация в этот период наблюдалась и на Востоке, где обилие небольших частных монастырей придавало византийскому монашеству в целом не корпоративный, а семейный облик[42]. Так, уже в первые десятилетия после принятия христианства на Руси начинает формироваться институт так называемой частной церкви («право патроната»).

Таким образом, трудно согласиться с мнением Я. Н. Щапова о том, что «основание монастырей в русских городах XI—XIII вв. было тесно связано с деятельностью князей, сидевших на соответствующих столах, в меньшей мере — с местной боярской аристократией»[43]. Дело не в том, что активность «боярской аристократии» в деле монастырского строительства была ниже, а в том, что в летописях преимущественно упоминаются монастыри княжеские, как правило, в связи с сообщениями о погребении или пострижении представителей семейства Рюриковичей. Полагаем, что в действительности количество обителей, основанных на средства людей состоятельных, значительно превосходило число княжеских монастырей.

---

[41] ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стлб. 159.

[42] *Каждан А. П.* Указ. соч. С. 70. X—XI вв. были временем расцвета византийского монашества. «Постройка новых монастырей сделалась своего рода манией. Всякий, кто только имел возможность, считал ее чуть ли не главной своей обязанностью. Монастыри строили: императоры, патриархи, вельможи, чиновники, белое духовенство, лица монашествующие, стратиоты и крестьяне; строили их безразлично и мужчины, и женщины; строили, наконец, богачи и бедняки. Последние, в случае экономической несостоятельности, прибегали к корпоративности и воздвигали монастыри в сообществе с другими» (*Соколов И. И.* Указ. соч. С. 107).

[43] Это мнение Я. Н. Щапова сегодня разделяют большинство исследователей. «Итак, уже в этот период развития монастырей в Древней Руси, — пишет, например, М. И. Бълхова, — можно увидеть определенную зависимость между политическим устройством исследуемых территорий и монастырским строительством. Так, где существовала сильная княжеская власть, обители создавались преимущественно на княжеские средства и находились в полной их зависимости» (*Бълхова М. И.* Указ. соч. С. 32). Ту же мысль высказывает Н. В. Синицына: «В целом в Киеве преобладали монастыри, созданные князьями» (*Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 307).

П. И. Гайденко (Казань)

О церковном участии во внутридинастическом конфликте Ярославичей 1073 г.

То, что не только византийское, но и русское духовенство было замешано в конфликте Ярославичей, или по крайней мере приняло участие в формировании обстоятельств, приведших к смещению Изяслава с Киевского стола, нам видится очевидным. Конечно, никак нельзя говорить о том, что Византия каким-то образом навязывала Руси свою государственно-политическую волю. Однако практические задачи, стоявшие перед Константинополем в отношении восточных славян[1], дают основания предположить, что греческий епископат вполне мог привлекаться к решению этих проблем.

Укажем еще на ряд обстоятельств, свидетельствующих об этом. Во-первых, необходимо помнить, что в этот период Киевская Русь представляла собой не единое, «унитарное», государство, а союз по меньшей мере трех княжеств, возглавляемых старшими Ярославичами. Это лишало великого киевского князя реальных рычагов управления всей территорией Руси, в том числе и полноценного влияния на церковные структуры[2]. Во-вторых, отношения Изяслава с церковью до 1073 г. носили противоречивый характер. Повидимому, даже к 1073 г. между ним и Печерским монастырем существовали какие-то неразрешенные противоречия. Однако однозначного ответа на вопрос об искренности связей между Изяславом и обителью Антония и Феодосия пока что нет. В-третьих, канонизация Бориса и Глеба (1072 г.) имела явный отпечаток княжеских и церковных[3] интересов. Наивно видеть здесь волеизъявление «христианского» народа[4]. Дело даже не только в том, что иници-

---

[1] «...Византия не имела никакой возможности силой навязать русским князьям свою волю. Практические задачи Византийской политики по отношению к Руси определялись двумя целями: 1) добиваться русской военной помощи и 2) сохранять зависимость русской церкви от константинопольского патриархата» (*Левченко М. В.* Очерки по истории Русско-Византийских отношений. М., 1956. С. 441).

[2] Так, например, Д. Г. Хрусталёв верно обращает внимание на то, что межкняжеское противостояние и противостояние между киевскими князьями и частью церковных институтов в первой половине 70-х годов XI в. выразилось и в том, что помимо Киева митрополии зафиксированы в Переславле и Чернигове (*Хрусталёв Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 10).

[3] Для русской церковной иерархии представлялась возможность заявить о себе не только перед собственными князьями, но и перед Константинополем и Римом (См.: *Филист Р. М.* История «преступлений» Святополка окаянного. Минск, 1990. С. 84).

[4] «...Именно народ, так сказать, признал святых в князьях Борисе и Глебе...» (*Волков В.* Русская монархия // Regnum Aeternum. М., 1996. С. 16).

атором прославления выступали князья, а не церковные иерархи[5]. Важнее иное: мы не знаем, кому из князей канонизация была безусловно выгодна. Как отметил Филист, прославление Бориса и Глеба впервые привлекло многочисленную киевскую знать к участию в церковных торжествах. Впервые духовенство уравнивается с княжеским окружением[6]. Отраженное же на страницах летописи неверие митрополита в святость братьев[7] и, в противовес ему, приветствие происходящего русскими монастырями в лице их игуменов служит дополнительным подтверждением противоречивых отношений внутри церкви к канонизации страстотерпцев, свидетельствует о независимости монастырей от митрополита.

В этом отношении любопытно житие Бориса и Глеба, составленное, по мнению Н. Н. Ильина, к моменту перенесения их мощей[8], во всяком случае, не ранее как в эпоху Ярославичей[9], и, по сути, бросавшее тень на Изяслава и его потомков. По всей видимости, к 1072 г. помимо жития была написана и икона святых братьев[10]. Согласно этому житию Святополк объявлялся «убийцей» братьев Бориса и Глеба. Местом его пребывания указывалась Польша и «пустынное место» между Чехией и Польшей[11]. Подобные обстоятельства присутствовали в истории Изяслава. После бегства из Киева в 1068 г. он ищет и находит приют и помощь в Польше[12] (подобно тому, как это сделал Святополк), и не менее интересно то, что его сын носит имя «окаянного» князя[13]. Нельзя было придумать лучшего обоснования для действий Святослава и Всеволода Ярославичей, для их претензий на киевский великокняжеский стол.

---

[5] Так, например, С. Я. Сендерович обращал внимание на молчание более ранних источников о мученичестве Бориса и Глеба: «нуждается в объяснении, почему Иларион в своей историософской проповеди, произнесенной в середине XI в., не упоминает Бориса и Глеба» (*Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры: Древняя Русь. М., 2000. Т. 1. С. 488). Что же касается упоминания Бориса и Глеба в качестве святых в «Похвале и памяти Владимиру» Мниха Иакова, то М. Х. Алешковский, вслед за А. А. Шахматовым, утверждает, что эта запись «является поздней вставкой» (*Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 86).

[6] См.: *Филист Р. М.* Указ. соч. С. 84—85.

[7] «...митрополита ужасть обиде, бе бо не тверд верою...» (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 182).

[8] «Интерес к Борису и Глебу должен был особенно оживиться перед торжественным перенесением их мощей в 1074 г. К этом моменту и в связи с ним, надо полагать, и было составлено «Сказание» (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник: Опыт анализа. М., 1957. С. 28).

[9] См.: *Алешковский М. Х.* Указ. соч. С. 84—85.

[10] См.: *Айналов Д. В.* Миниатюры «Сказания» о святых Бориса и Глеба Сильвестровского сборника. СПб., 1911. С. 14—15.

[11] «И не можаше терпети на единомь месте, и пробеже Лядскую землю гоним гневом Божиемь. И прибеже в пустыню межю Чехы и Ляхы...» (Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 344—346).

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 142—143, 171, 173.

[13] Там же. Стлб. 200.

На то, что польская карта была успешно разыграна в 1072—1073 гг., могут указывать сношения черниговского князя с германским императором. А. В. Назаренко обращал внимание на то, что накануне размолвки Ярославичей 1073 г. на переговорах с Генрихом IV в 1070 г., через год после вступления Изяслава и Болеслава в Киев, Святослав Черниговский поддерживал антипольскую линию[14]. По-видимому, возвращение старшего брата в столицу не входило в планы двух других Ярославичей. Как известно, «в древнерусской литературе в принципе отсутствует представление об индивидуальном авторстве»[15]. Так что с анонимных создателей этих текстов снималась всякая ответственность за возможные политические следствия легенды о «злодеяниях» Святополка. Примечательно еще одно обстоятельство. При всей категоричности отношения церкви к поступкам и личности Святополка, эпитет «окаянный» в контексте жития имеет прежде всего смысловые значения «бедности», «жалости», «сожаления», но никак не «проклятия»[16]. Именно эти смыслы фиксируют словари Срезневского и Дьяченко[17].

Свидетельством в пользу того, что Чернигов мог вести активную деятельность в церковной среде, может служить черниговская вставка в Начальном своде (1095 г.) под 6576 г. о победе Святослава над половцами, о чем подробно пишет А. А. Шахматов[18]. Здесь также хотелось бы задаться вопросом: случайно ли Киево-Печерский летописный свод завершается 1073 г. (годом внутридинастического «переворота»), именно тогда, когда отношения между великим князем и монастырем как будто бы нормализуются?

Выявленная И. Н. Данилевским эволюция сообщений о Борисе и Глебе[19] также может указывать на их генетическую связь с событиями внутридинастического переворота 1073 г. Он привел к смещению Изяслава и занятию киевского стола Святославом. Что лишь еще раз подтверждает верность гипотезы о фальсификации большинства известий о Святополке. Фрагменты Начального свода, сохранившиеся в 1 Новгородской летописи старшего извода, не знают вины Святополка, не знают и его окончательного бегства и гибели в Польше или неких пустынных местах между польскими и чешскими землями[20]. Возможно, перед нами наиболее ранний пример мифологизации прошлого. При всех отрицательных сторонах это-

---

[14] *Назаренко А. В.* О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 186.

[15] *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002. С. 88.

[16] *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 34—36.

[17] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 2003. Т. 2. Стлб. 640; *Дьяченко Г.* прот. Полный церковно-славянский словарь. М., 2000. С. 378.

[18] См.: *Шахматов А. А.* История русского летописания: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 128.

[19] См.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 68—70.

[20] Святополк спасается в противоположном от Польши направлении: «И бежя Святополк в Печенегы, а Ярослав иде Кыеву» (ПСРЛ. Т. 3. С. 15).

го явления, мы должны признать, что празднования в честь Бориса и Глеба отразили процесс развития исторического сознания на Руси[21].

Учитывая церковное происхождение известий о Борисе и Глебе, ряд разногласий между Киево-Печерским монастырем и Изяславом[22], а также напряженность, существовавшую в треугольнике великий князь — митрополия — Печерский монастырь, нельзя не признать церковного участия в событиях 1072—1073 гг.

Впрочем, мы склонны считать, что участие церкви во внутридинастическом конфликте не ограничивалось только 1073 г. По-видимому, ее помощь в борьбе с Изяславом использовалась его противниками еще несколько лет. Попытаемся это доказать.

Обычно появление апологетической антилатинской литературы на Руси связывается с обострением религиозно-политического противостояния между Римом и Византией. Эта позиция была в свое время поддержана Б. Я. Раммом. В принципе, он верно указал, что борьба с латинством была связана и с внутренними проблемами Руси. Но автор полагал, что превалировали в этом религиозно-догматические и политические интересы русских людей, видевших «прямую опасность распространения католической веры на Руси»[23]. Эта позиция нам представляется упрощенной и по своей сути повторяет церковно-догматическую версию интерпретации событий 1068—1075 гг[24]. В основной массе русские люди еще малограмотны, а литература — роскошь, доступная церкви и наиболее состоятельным слоям древнерусского общества. К тому же, если согласиться с положениями Рамма, а позже и А. В. Понырко[25] о том, что послания Феодосия (хотя это нам видится весьма сомнительным) принадлежат преподобному печерскому игумену, то нельзя не признать, что «ересь» латинства заключается не столько в его вероучительных «искажениях» христианских истин, сколько в том, что католики едят совместно с кошками и собаками и употребляют в пищу «бобровые хвосты», чего «не запо-

---

[21] «...с X—XI вв. — и народные, и христианские по происхождению праздники все более отражают развивающееся историческое сознание» (*Петков Н. А.* Древнерусские праздники как основа эстетической целостности культуры XI—XVI вв. // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры: Сб. ст. М., 1988. Ч. 1. С. 105).

[22] Хотя формально в 1072 г. конфликт между Изяславом и Печерским монастырем был исчерпан, едва ли можно говорить о полном примирении сторон. Наверняка некоторая напряженность в отношениях печерских игуменов и Изяслава могла сохраниться.

[23] *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV веках. М., 1959. С. 61.

[24] «Среди иных причин изгнания Изяслава из Киева немаловажным было чуждое, враждебное народу полонофильство, его склонность к католичеству» (*Оксиюк И. Ф.* Первые столетия христианства на Руси и Латинский Запад // Тысячелетие крещения Руси. Междунар. церковно-историческая конф. Материалы. Киев, 21—28 июля 1986 г. М., 1988. Т. 1. С. 175).

[25] «Мы остаемся при мнении, что авторство Феодосия Печерского по отношению к двум посланиям ко князю Изяславу остается не поколебленным» (*Понырко А. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 12).

ведовали апостолы»[26]. Эти явно надуманные обвинения в адрес латинства к догматике никакого отношения не имеют и если уж и считаются «нарушениями», то канонического плана. Впрочем, и в таком случае абсурдность приводившихся в послании доводов с христианской точки зрения очевидна[27]. Почти талмудическая скрупулезность «обвинений» в адрес католиков в определенном смысле входит в противоречие с другим письмом Феодосия — «Посланием о неделе»[28]. К тому же сама ПВЛ не дает никаких оснований утверждать, что русских людей вообще волновали догматические проблемы[29]. Что можно говорить о низших слоях общества, если религиозные интересы великого князя были ограничены вопросами, касающимися трапезы и сопутствующей ей обрядности?

Рамм преувеличил проблемы католической «угрозы» для древнерусского государства, проистекавшей, по мнению историка, из «западной ориентации» Изясла-

---

[26] «Вере же латынской не приобщаться, не соблюдать их обычаев, и от причастия их отвращаться, и никакого учения их слушать, и всех их обычаев и нравов гнушаться и блюстись; дочерей своих не давать за них замуж, ни у кого дочерей не брать; не кланяться им, не брататься с ним, не целоваться, и из одной посуды не есть и не пить с ним, и не брать у них пищи. Им же, когда они просят у нас есть или пить Бога ради, давать есть и пить, но из их собственной посуды. Если же не будет у них посуды, давать из своей, только потом, вымыв, сотворишь над ней молитву. Ибо неправедно веруют и нечисто живут, едят со псами и кошками, пьют свою мочу и едят ящериц, черепах и коней диких, и ослов, и удавленину, и мертвечину, и медвежатину, и бобровое мясо и бобровый хвост» (Послание о вере латинской. Того же Феодосия к тому же Изяславу // *Понырко А. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 22).

[27] В отношении кошера решение первого Апостольского Собора говорило: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здравы» [Деян. 15,28—29]. Что же касается пищи вообще, то Священное Писание определяет «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» [Деян. 10,15]. Ни о какой «скверне» бобровых хвостов, ящериц, медвежатины или диких коней не может быть и речи.

[28] Надуманность обвинений в адрес католиков (особенно по поводу пищи) в данном послании, пожалуй, особенно заметна при его сравнении со вторым письмом Феодосия. Отвечая на вопрос Изяслава о том, можно ли есть в воскресный день забитую в воскресение скотину, он пишет: «Тот кто сказал тебе не резать в неделю скотину, не есть той убоины мяса, сказал это не от Святого писания, но своему измышлению» (Послание о неделе. Вопрошание князя Изяслава, сына Ярослава, внука Владимира, к игумену Печерского монастыря Феодосию // *Понырко А. В.* Указ. соч. С. 20). В случае с грехами латинян Феодосий впадал в подобное же «мудрствование».

[29] О неудовлетворительном состоянии религиозной жизни Киева очень хорошо пишет древнерусское летописание под 1068 г. Горожан в конце XI в. более привлекали скоморохи и игры, чем божественные службы (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 167—170). А наличие династических связей с Западной Европой еще раз указывает на то, что в своих политических устремлениях русские князья XI—XII вв. менее всего были озабочены проблемами догматических разногласий между Римом и Византией.

ва[30]. Русь до XII в. в своих отношениях с Римом не обременяла себя богословскими разногласиями западноевропейского и византийского христианства[31]. Более того, отношения Руси и католического мира были дружественными[32]. Между тем, говоря о братьях, необходимо заметить, что и Святослав, был близок с Германией не меньше опального Изяслава, будучи связан брачными узами с Одой, сестрой епископа Бурхарда. Однако принципиальная позиция церкви здесь почему-то никак не дала о себе знать[33]. Необходимо отдать должное посланию митрополита Иоанна II, считавшего, подобно Феодосию, недопустимым выдавать княжеских дочерей в те страны, «идеже служат опреснокы и сьверноеденью не отметаються». Правда, в случае с митрополичьими упреками проглядывается наличие каких-то разногласий Всеволода с Иоанном II, по сути, вмешивавшимся своими замечаниями в жизнь киевского великокняжеского двора, или же с Константинополем, стремившимся в этот период к сближению с Римским престолом, находившимся во вражде с Генрихом IV (по всей видимости, брак дочери Всеволода с германским императорским домом не вписывался в планы Византии)[34]. Однако не стоит преувеличивать степень вмешательства Византии в политическую жизнь Руси[35]. В случае же с Феодосием послание осознанно или, наоборот, невольно прокладывало путь к великому княжению Всеволоду, который был единственным из Ярославичей, чья кровь в то время еще не была породнена с западноевропейскими дворами и выгодно, с церковной позиции, связывала род младшего Ярославича с византийским императором.

---

[30] См.: *Рамм Б. Я.* Указ соч. С. 61.

[31] «До XII—XIII вв. Русь не отрицала первенство римского папы, из-за которого формально разошлись восточная и западная церкви. И если все же предпочтение было отдано, то, вероятно, этому предшествовала борьба религиозных идей, исторических и политических мотивов» (*Оргиш В. П.* Древняя Русь: Образование Киевского государства и введение христианства. Минск, 1988. С. 97).

[32] «...Отношения с латинской церковью оставались в целом дружественными, несмотря на постоянно набиравшую силу полемику» (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 50).

[33] Прав В. В. Похлёбкин, считавший что «в выдвижении Святослава впервые сыграла политическую роль русская церковь» (*Похлёбкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Ведомства внешней политики и их руководители. М., 1992. С. 31). И поэтому неудивительно и ее предвзятое отношение к Изяславу. Между тем ни о какой прокатолической политике Изяслава в 1068 г. не может быть и речи.

[34] См.: *Понырко А. В.* Указ. соч. С. 28.

[35] «В действительности угрозы независимости Руси со стороны Византии никогда не существовало. Огромное расстояние, отделявшее мировую империю от восточнославянских земель, практически исключало возможность применения его военной силы для давления на Киевскую Русь. ⟨...⟩ Не могла Византия всерьез рассчитывать на политический сюзеренитет над Русью и с помощью христианизации. Несколько византийских церковных иерархов на всю огромную восточнославянскую страну не в состоянии были обеспечить реализацию имперских амбиций византийского двора» (см.: *Толочко П. П.* Киев — соперник Константинополя // Южная Русь и Византия: Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов). Киев, 1991. С. 7).

Как и в Византии, в Киевской Руси, при решении спорных политических проблем богословие при посредстве монастырей принимало на себя идеологические функции[36]. В целом же сомнительно считать, чтобы эти послания действительно имели своей целью укрепление религиозной нравственности в роде Рюриковичей. Разрыв с католическими странами не мог состояться не только по причине тесных брачных связей Рюриковичей с латинским Западом[37], но и потому, что таковой разрыв просто едва ли мог входить в планы Ярославичей. Как только борьба внуков крестителя Руси прекращается — исчезает и апологетическая литература (≈ до 1112 г.). Ни о какой случайности здесь говорить не приходится. Как хорошо заметила М.С. Киселёва, «внутри этой учительной позиции (церкви и церковных книжников. — *П. Г.*) постепенно выкристаллизовывалась иная, на первый взгляд, сходная, но по существу противоположная ей. Книжник был еще и идеологом. ⟨...⟩ Идеология довлела русской книжности»[38].

Апологетические произведения были рассчитаны не на широкого «читателя», а на конкретные страты Руси, способные к проповеди или (и) восприятию книжной информации и церковного слова, то есть на тех, кто собственно и формировал политический климат восточнославянского общества. Во всяком случае, древнерусская письменность, как это хорошо доказывал М.Н. Тихомиров, явление городской культуры[39]. Нижняя планка грамотности ограничивалась ремесленниками и, возможно, некоторыми категориями княжьих и боярских слуг. Апологетическая и подобная ей литература со времен проповедей Иллариона функционировала на Руси как общественно-политическая[40]. Тем более это могло проявиться в период борьбы Святослава и Всеволода с их неугомонным старшим братом Изяславом. Мы можем говорить об использовании церкви для формирования выгодного княжеской власти идейного и политического климата в городском обществе. В агио-

---

[36] См.: *Хвостова К.В.* Спорные вопросы византийской земельной собственности // Византийский временник — BYZANTINA XPONIKA. М., 2005. С. 19; *Долгов В.В.* Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI—XVI вв. Ижевск, 2004. С. 50.

[37] «...Из 38 сохранившихся данных о браках Рюриковичей в XI в. 8 случаев подают на Германию, 2 — на Францию, 5 — на скандинавские королевства и Англию, 7 — на Польшу, 6 — на Венгрию, 3 брака — с половецкими принцессами, 1 — с византийской принцессой и 2 — с представителями византийской аристократии... Итак, 27 браков с католическим Западом, 3 — с Византией и 3 — с половцами» (*Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998. С. 28).

[38] *Киселёва М.С.* Древнерусские книжники и власть // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 127.

[39] *Тихомиров М.Н.* Городская письменность в Древней Руси X—XVIII вв. // *Тихомиров М.Н.* Русская культура X—XVIII веков: Сб. ст. М., 1968. С. 31.

[40] См.: *Николаева Т.М.* Торжественная речь Иллариона // Studien zur russischen sprache und literatur des 11.—18. Jahrhunderrts. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1997. P. 341—351.

графии это нашло свое выражение в житии Бориса и Глеба, в апологетической литературе — в посланиях второй половины XI в., а в церковно-административной области — в появлении трех митрополий.

Конечно же, канонизация Бориса и Глеба не была единственной причиной для съезда Ярославичей, возможно, высшего органа управления Русью[41]. По всей видимости, она была лишь средством, знаменем иных целей, носившим глубоко политический, а не религиозный характер. Что могло быть главной целью братьев?

Чтобы ответить на этот вопрос, предстоит решить еще одну непростую задачу. Уже стало традиционным считать, что как раз в это время принимается знаменитая Правда Ярославичей. Именно для ее утверждения устраивались торжества и высшая иерархия в лице митрополита, епископов и игуменов главных монастырей Руси впервые была привлечена к принятию нового законодательного акта[42]. Устоявшееся в историографии мнение утверждает, что поводом для принятия Правды стали массовые волнения, охватившие, главным образом, северные районы Руси, а так же необходимость защиты феодального хозяйства[43]. Между тем то, что это обстоятельство являлось единственной причиной создания новой редакции Правды, нам видится сомнительным. Как заметил В. И. Сергеевич, «деятельности этих князей принадлежат не все ее статьи, а не более четырех первых»[44]. К тому же вопросы, заданные исследователем, вообще ставят под сомнение широкую практическую значимость этого кодекса[45]. Впрочем, высказанные им сомнения требуют своего ответа. Переформулируем проблему: кому было выгодно и необходимо принятие этой Правды Ярославичей, отразившей существенное усиление карательной функции государства?[46]

Правда санкционировала не княжескую власть вообще, а именно великокняжескую[47]. Принятие этого документа определяло юридическое преимущество ве-

---

[41] Как пишет Р. Л. Хачатуров, в условиях разделенности государства по смерти Ярослава Мудрого «в государственном механизме особое значение приобретают межкняжеские съезды» (*Хачатуров Р. Л.* Становление права (На материале Киевской Руси). Тбилиси, 1988. С. 193).

[42] См.: *Толочко П. П.* Древняя Русь: Очерк социально-политической истории. Киев, 1987. С. 90.

[43] См.: *Юшков С. В.* Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 298—299.

[44] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 42.

[45] «Кому было нужно в старину учиться читать Русскую Правду? Учиться читать священные книги нужно было всем, их читали и знали даже на память. А Русскую Правду? Кому она была нужна? Практического значения она не имела... С нею имели дело только переписчики книг, эти светочи нашего древнего просвещения» (Там же. С. 73—74).

[46] Как отмечал Р. Л. Хачатуров, для XI в. характерно усиление карательной функции государства (см.: *Хачатуров Р. Л.* Указ. соч. С. 244).

[47] Почти невероятно предположить, чтобы князья уделов подчинялись нормам этого права, имевшего довольно трудный для прочтения и понимания текст, на что обращал внимание

ликого князя. Поэтому единственным виновником принятия этого документа мог быть исключительно Изяслав, стремившийся, по-видимому, хоть как-то распространить свою власть на остальные уделы посредством свободного изъявления и согласия братьев. Отчасти этому способствовал и культ страстотерпцев, оказывавших беззлобное послушание старшему брату вплоть до своей мученической (по Житию) смерти[48]. Между тем, по всей видимости, двусмысленность ситуации вокруг прославления Бориса и Глеба и последовавшие за этим события указывают на то, что Изяслав оказался неспособным завладеть политической инициативой на съезде князей.

Таким образом, события внутрицерковной и политической жизни были обусловлены не влиянием Константинополя и степенью зависимости древнерусских кафедр от Вселенского патриарха, как это принято традиционно считать в церковной историографии, а внутриполитическими процессами на самой Руси[49].

Сергеевич. Абсурдно думать, что без новой редакции Правды князья не были способны справиться с народными мятежами, тем более что основная тяжесть волнений выпала на земли Изяслава. Если даже и предположить, что Правда Ярославичей помимо всего и унифицировала право (см.: *Юшков С. В.* Указ. соч. С. 286), то заинтересованной стороной вернее было бы называть не всех братьев, а именно старшего. Обратим внимание, например, на то, что, наказывая восставших в 1071 г. суздальских смердов, боярин Ян Вышатич даже не пробует руководствоваться какими-либо нормами права, а опирается на некую «божественную справедливость», требующую наказать виновных и здесь, на земле, и в будущей жизни. К тому же наказания, примененные к виновникам мятежа, не были прописаны нормами Правды (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 176—178).

[48] Таким образом, тест жития Бориса и Глеба носил противоречивый характер, с одной стороны, делая самые неприязненные намеки в сторону Изяслава и его сына, а с другой — поддерживая принцип послушания младших братьев даже такому «окаяному» старшему брату. По крайней мере, единственным, кто сумел извлечь из конфликта Ярославичей максимальную выгоду, был Печерский монастырь.

[49] «...обе митрополии являлись продуктом определенной политической обстановки и перестали существовать, когда эта обстановка изменилась» (*Поппэ А. В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. М., 1968. Вып. 28. С. 104).

П. В. Лукин (Москва)

События в Киеве в 1069 г. и «рыночные собрания» в Древней Руси и у западных славян*

В летописном рассказе о восстании в Киеве в 1068 г. и его последствиях есть одно весьма загадочное сообщение. После того как вернувшийся в «мать городов русских» Изяслав Ярославич утвердился на своем столе, первое, что он сделал, — это, как указывается в статье ПВЛ под следующим 1069 г., «възгна торгъ на гору».

Зачем князю нужно было переносить «торгъ» (рынок, торговую площадь[1]), в тексте источника не объясняется. Естественно, это место в летописи многократно и подробно обсуждалось в историографии, причем дискуссия, главным образом, разворачивалась вокруг вопроса о связи этой княжеской акции с деятельностью киевского веча; ведь, согласно летописи, во время восстания «людье Кыевстии прибѣгоша Кыеву и створиша вѣче на торговищи...»[2]. Однако до настоящего времени четкого и однозначного ответа на поставленный в заглавии нашей работы вопрос нет. У исследователей нет единства во мнениях относительно *сущности* акции Изяслава (что было перенесено: именно торг как таковой; торг как центр социальных связей; торг как наиболее удобное место для проведения вечевых собраний; торг как регулярная вечевая площадь). Разные, в том числе взаимоисключающие, соображения высказывались и о ее *причинах* (от предположения о репрессивной акции по отношению к киевлянам до идеи о легализации таким образом веча как высшего института власти киевской «общины»)[3]. Главной причиной этих расхождений, несомненно, является крайняя

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 05-01-01074а и № 08-01-00440а) и фонда Gerda Henkel Stiftung. Работа представляет собой исправленный вариант статьи «Зачем Изяслав Ярославич "възгна торгъ на гору?" К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве», опубликованной в сб.: Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

[1] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. С. 1054—1055.

[2] ПСРЛ. Т. I. Стлб. 170.

[3] Различные точки зрения см.: *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция) // *Татищев В. Н.* Собр. Соч.: В 8 т. М., 1995. Т. II, III. С. 86; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II—III. С. 50; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1—2 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1993. С. 706, примеч.; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 80, сноска; *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 74, 312; *Воронин Н. Н.* Восстание смердов в XI веке // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 61; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 487; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на

лаконичность сообщения, открывающая большой простор для разнообразных, часто противоречащих друг другу интерпретаций. Несмотря на прозвучавший недавно и, в принципе, совершенно верный призыв М. Б. Свердлова «вновь... вернуться к тексту ПВЛ»[4], это в данном случае, к сожалению, вряд ли может принести существенные результаты: информация, которую мог бы предоставить этот фрагмент летописного текста *сам по себе*, поколениями исследователей, обращавшихся к нему, по-видимому, исчерпана. Поэтому помочь ответить на поставленные вопросы может лишь существенное расширение источниковой базы. Речь идет о сравнительно-историческом подходе: сопоставлении известия ПВЛ с некоторыми дошедшими до нас сведениями о традиционных местах проведения «народных собраний» у западных славян: ободритов и, главным образом, поморян. Нужно учитывать еще и то обстоятельство, что в русских городах XII—XIII вв. «торг» вовсе не был традиционным местом проведения вечевых собраний, которые в это время упоминаются довольно часто, так что ситуация 1068—1069 гг. требует объяснения.

О том, что у ободритов «народные собрания» проводились на рыночных площадях и, вероятно, в определенные дни (хотя указание на воскресенье, вероятно, связано с поздним христианским влиянием[5]), ясно свидетельствует рассказ автора «Славянской хроники», немецкого священника Гельмольда из Бозау († 1177 г.). Рассказывая о своей поездке к славянам в 1155—1156 гг. в свите епископа Героль-

да, он описал собрание в Любеке, на котором немецкие миссионеры убеждали при-

---

Руси. М., 1955. С. 100; *Он же.* Древнерусские города. М., 1956. С. 189; *Мавродин В. В.* Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв. М., 1961. С. 66; *Rahbek Schmidt K.* Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 133—134; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 179; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 26; *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 33). S. 51; *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 145; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 212; *Banaszkiewicz J. Pons mercati, gradus lignei* i inne. Uwagi o znaku władzy słowiańskich // Discernere vera ac falsa. Prace ofiarowane Józefowi Szymańskiemu w sześdziesiąta rocznicę urodzin (Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska. Vol. XLV. Sectio F). Lublin, 1990. S. 80—81, przyp.; *Сагайдак М. А.* Давньокиївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991. С. 23; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 192, 193, 193, сноска; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 454—455.

[4] *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 454.

[5] См. о днях недели у Гельмольда: *Modzelewski K* Culte et justice. Lieux d'assemblée des tribus germaniques et slaves // Annales. Histoire, Sciences sociales. 1999. Mai-juin. 54e Année. № 3; *Idem.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 494, przyp.

сутствовавших во главе с князем Прибиславом славян принять христианство: «В ближайшее воскресенье весь народ /этой/ земли собрался на любекскую рыночную площадь, и господин епископ, придя /сюда/, обратился к народу со словами побуждения, чтобы, оставив идолов, они почитали единого Бога, который на небесах... И когда он (епископ. — *П. Л.*) закончил /свою/ речь к народу, Прибислав сказал с согласия остальных...»[6]. Обращает на себя внимание, очевидно, весьма широкий состав участников собрания: в Любек явно пришли люди со всей округи («universus populus terre»), и тамошняя рыночная площадь («forum Lubicense») была, надо полагать, единственным пространством, где они могли разместиться. Однако из этого сообщения остается все же неясно, были ли рыночные площади *постоянным* местом «народных собраний» у ободритов или использовались в зависимости от обстоятельств.

Чешский историк Д. Тршештик предположил, что рыночные собрания имели место в Великой Моравии. По его мнению, упоминающийся в арабских источниках «торг моравов» «мог быть связан со сроком, в который происходило собрание "всех моравских людей"», о котором идет речь в «Житии Мефодия»[7]. Однако предположение Д. Тршештика остается лишь догадкой (хотя и весьма вероятной), поскольку в самом «Житии Мефодия» ничего ни о связи собрания мораван с рынком, ни вообще о месте его проведения не говорится: «Събьравъше же вьсѧ люди Моравьскыѧ велѧхѫ прочисти прѣдъ ними Епистольѫ, да бышѧ слышали изгьнанье его... (Мефодия. — *П. Л.*)»[8].

«Рыночные собрания», по-видимому, собирались в раннее Средневековье и в городах Силезии, где они, по мнению Л. Лечиевича, сменили более архаические сходки в местах культа[9].

---

[6] С некоторыми поправками цитируется перевод Л. В. Разумовской по изданию: *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 187. В оригинале: «Proxima die dominica convenit universus populus terre ad forum Lubicense, et veniens domnus episcopus habuit verbum exhortacionis ad plebem, ut relictis ydolis colerent unum Deum, qui est in celis, et perceptа baptismatis gratia renunciarent operibus malignis, predis scilicet et interfectionibus christianorum. Cumque perorasset ad plebem, innuentibus ceteris ait Pribizlaus...» (*Helmoldi* presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum / Rec. B. Schmeidler // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi. Hannoverae, 1937. Lib. I. Cap. 83. Conversio Pribizlai. S. 160—161.)

[7] *Třeštík D.* «Trh Moravanů» — ustřední trh Staré Moravy // Československý časopis historický. 1973. Č. 6. R. XXI. S. 887.

[8] Żywoty Konstantyna i Metodego (obszerne) // Ed. T. Lehr-Spławiński. Poznań, 1959. S. 117. Собрание было созвано в связи с конфликтом Мефодия и немецкого духовенства в Моравии; «Епистолья» — папское послание (см.: *Флоря Б. Н.* Комментарии к Житию Мефодия // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 163—164).

[9] *Leciejewicz L.* «In pago Silensi, vocabulo hoc a quodam monte... sibi indito». O funkcji miejsc kultu pogańskiego w systemie politycznym Słowian zachodnich doby plemiennej // Śląski kwartalnik historyczny Sobótka. 1987. R. XLII. Nr. 2. S. 134.

Гораздо более подробные сведения мы имеем о поморских славянах. Они также относятся к XII в. и содержатся в житиях немецкого епископа Оттона Бамбергского, написанных в 40—50-е гг. XII в. О его миссионерских поездках на побережье Балтийского моря в 1124 и 1128 гг. сохранились обстоятельные повествования в посвященных ему трех агиографических произведениях, написанных анонимным Прюфенингским монахом, Эбоном и Гербордом[10].

Прежде всего, выясняется, что в поморских городах обычным делом были так называемые рыночные собрания. Авторы жизнеописаний епископа Оттона упоминают их неоднократно. Остановимся только на самых ярких описаниях. В ходе второго путешествия Оттон посетил Вологощ, славянский город к западу от Одры. Этот эпизод, подробный рассказ о котором сдержится в «Диалоге» Герборда, представляет собой чрезвычайно живую картину общественной жизни поморянского города. Для нас важна именно она, а не фактическое его содержание, подробности которого вполне могли быть и измышлены миссионерами, чтобы высмеять идеологического противника. Как рассказывает агиограф, некий местный жрец, весьма раздосадованный конкуренцией со стороны христианских проповедников, «вошел в соседний лес и стоял в возвышенном месте у дороги среди скопления кустов одетый в жреческие одежды, и рано утром обратился к некоему крестьянину, шедшему из села на рынок...»[11]. Ничтоже сумняшеся, жрец объявил наивному простаку, что он и есть местный бог, от которого отказались неблагодарные жители Вологощи. Крестьянин поверил и, «войдя в город, начал возвещать о видении». «Народ, — по словам Герборда, — поверил, и снова, и снова окружая /этого/ человека, они принуждали многократно рассказывать одно и то же, взволнованные, разумеется, необычайным знамением»[12]. Дело кончилось тем, что туда же (очевидно, на рыночную площадь) явился сам жрец, «как бы незнакомый для всех», и истолковал видение таким образом, чтобы всем стало ясно: во избежание «божественного» гнева миссионеров под угрозой смерти нельзя пускать в город[13]. Согласно Эбону, когда крестьянин «божью волю» «с

---

[10] Современная источниковедческая характеристика этих памятников: *Petersohn J.* Einleitung. III. Quellen und Vorlage // Die Prüfeninger Vita Bischofs Ottos I. von Bamberg nach der Fassung der Großen Österreichischen Legendars. Hannover, 1999 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. LXXI).

[11] *Herbordi.* Dialogus de vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis // Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. est K. Liman. Warszawa, 1974. T. VII. Fasc. 3. II. 26 (далее — Herbordus). III. 4. S. 156 (...nocturno tempore vicinam silvam ingressus et in loco ediciori secus viam inter condensa fruticum sacerdotalibus indutus astabat, et mane summo quondam rusticum de rure ad forum gradientem... alloqiutur...). Здесь и далее перевод текстов из житий еп. Оттона Бамбергского мой.

[12] Ibid. (Deinde abiens in civitatem cepit annunciare visionem... Credidit populus, iterumque atque iterum circumdantes hominem eadem sepius narrare cogebant moti videlicet monstri novitiate).

[13] Ibid. S. 156—157.

величайшей поспешностью объявил горожанам, они, единодушно собравшись, стали пытаться исполнить приказание своего бога»[14].

Здесь раскрывается стихийный механизм «рыночных собраний», с одной стороны, и их полная открытость, с другой. Мы видим, что инициатором собрания стал простой крестьянин, пришедший в город торговать. Для организации собрания, принявшего весьма серьезные решения (категорический отказ допускать в город епископа Оттона, чья деятельность была уже одобрена западнопоморским князем Вартиславом, в юрисдикции которого, пусть и во многом эфемерной, находился город; смертная казнь для любого, кто «пришедших ночью или тайком примет в своем доме»[15]), оказалось достаточно «необычайного знамения» — для моментального распространения известия о нем лучшего места, чем рынок, конечно, не было. Ясно и то, что такое стихийное собрание с трудом могло контролироваться властями. Мы, к сожалению, не знаем, какими средствами княжеская власть в Поморье боролась с этими проявлениями коллективной социально-политической активности (в частности, был ли испробован такой нетривиальный способ, как перенос рыночной площади с целью лучшего контроля ситуации): пространные повествования трех агиографов — это своего рода «луч света в темном царстве» истории поморских славян, письменные источники по которой и до, и после миссии Оттона Бамбергского отличаются чрезвычайной бедностью. Известно, однако, что уже во второй половине XII в. в Западном Поморье местными князьями было введено централизованное каштелянское управление по польскому образцу, практически сводившее на нет традиционную роль «народных собраний»[16].

Таким образом, у поморских славян и, по-видимому, ободритов «народные собрания», проходившие на городских рыночных площадях, были обычным явлением. Однако остается еще вопрос: использовали ли их от случая к случаю как одно из самых удобных мест для такого рода форумов, или рынки были регулярным, общепринятым для них местом? В житиях Оттона Бамбергского содержится, на наш взгляд, информация, которая явно свидетельствует в пользу второго варианта.

Когда Оттон Бамбергский вторично прибыл в вернувшийся к язычеству Щецин, он, согласно авторам житий, презрев грозившую ему опасность, немедленно обратился к проповеди. Как свидетельствует Герборд, местом для нее стала рыночная площадь. В связи с этим агиограф сообщает чрезвычайно важные для нас подробности: «...епископ в сопровождении соратников устремился в густейшие толпы язычников в центр рыночной площади. Были же там деревянные ступени, с которых глашатаи и представители власти имели обыкновение произносить речи к

---

[14] Ebo. III. 7. S. 108 (Quod cum rusticus ille summa festinatione civibus denuntiassent, illi unanimiter adunati, mandatum dei sui peragere conabantur).

[15] Herbordus. III. 4. S. 157 (...nocte vel clam intrantes quisquam tecto reciperet...).

[16] См.: *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław etc., 1962. S. 283—286.

народу. Стоя на которых, слуга Евангелия начал речь...»[17]. По сути, о том же говорит и Эбон, вновь, правда, не называющий место проведения собрания в Щецине «рынком»: «Были же там большие и по языческому обычаю обнесенные стенами пирамиды. Итак, когда народ собрался, благочестивый проповедник, поднявшись вместе со своими спутниками на одну пирамиду, через своего переводчика Адальберта начал открывать заблуждающимся путь истины и грозить вечной погибелью, если они не раскаются в этом отступничестве»[18]. Отличие от сообщения Герборда здесь только в том, что Эбон именует возвышение, с которого епископ обращался к местным жителям, не «ступенями» (gradus), а «пирамидами» (piramides) и дает более детальное их описание[19]. Л. Лечиевич полагает, что это были «постоянные трибуны, с которых обращались к народу»[20].

Таким образом, становится ясно, что на рыночной площади было оборудовано специальное место для вечевых собраний с соответствующей «инфраструктурой». О том, что это было серьезное сооружение, а не наспех устроенный помост, свидетельствует рассказ Герборда о попытке щецинского языческого жреца прямо на собрании расправиться с Оттоном: «...когда все умолкли, и слово увещевания бóльшая часть (собравшихся. — *П. Л.*) охотно слушала, вдруг один из жрецов, муж Велиала, исполненный ярости, толстый и высокий, упорно пролезая в середину толпы, держал в своей руке *камбутту*[21], и, вздыхая и пыхтя,

---

[17] Herbordus. III. 17. S. 179 (...in confertissimas turbas paganorum ministris comitantibus in medium forum sese intulit episcopus. Erant autem ibi gradus lignei, de quibus precones et magistrates ad populum concionari soliti errant. In quibus stans minister euangelii sermonem cepit...).

[18] Ebo. III. 15. S. 122 (Erant autem illic piramides magne et in altum more paganico murate. Coadunato itaque populo, pius predicator super unam cum sociis suis ascendens piramidem, per interpretem suum Adalbertum cepit errantibus viam veritatis, et nisi ab hac resipiscerent apostasia, eternum comminari interitum).

[19] В «Прюфенингском житии» эпизод изложен очень кратко: «...епископ встал неподвижно на возвышенном месте в городе для того, чтобы обратиться к народу... Именно в это место и в это время собралась многочисленная толпа людей послушать, что он, наконец, желает им сказать» (S. Ottonis episcopi Babenbergensis Vita Priefflingensis // MPH. Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. K. Liman. Warszawa, 1966. T. VII. Fasc. 1. III. 8. S. 66) (...episcopus locuturus ad plebem in excelso urbis constitit loco... Quo videlicet loco et tempore copiosa hominum multitudo, quid tandem loqui gestiat, auditura convenit). Выражение excelso urbis... loco, по-видимому, связано с библейской фразой из Притч 9, 14 (см.: Die Prüfeninger Vita Bischof Ottos I. von Bamberg nach der Fassung des Großen Österreichischen Legendars. S. 124, ann.), из чего, конечно, не следует, что рыночная площадь и на самом деле не могла находиться на возвышенном месте.

[20] *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław etc., 1962. S. 275. См. также: *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen... S. 231.

[21] По мнению Я. Банашкевича, «камбутта» представляла собой жреческий жезл, а удары им носили символический характер: жрец таким образом требовал слова; см.: *Banaszkiewicz J. Pons mercati, gradus lignei* i inne. S. 87—88; см. также: *Idem.* Otto z Bambergu i *pontifex idolorum*. O urządzeniu i obyczajach miejsca wiecowego pogańskiego Szczecina //

добрался до самых ступеней, и, подняв руку, один и другой раз очень сильно ударил по колонне ступеней»[22]. По-видимому, сооружение, точный облик которого установить на основании не во всем ясного свидетельства Герборда трудно, было по крайней мере выше человеческого роста. Я. Банашкевич сопоставляет конструкцию на щецинском рынке с псковской вечевой степенью[23]. Если говорить в целом, возможность такого сопоставления сомнений не вызывает. Функционально эти сооружения близки: и в Щецине, и во Пскове они представляли собой важнейшую часть инфраструктуры «народных собраний». Как отмечает И. К. Лабутина, упоминающаяся в трех статьях Псковской I летописи второй половины XV — начала XVI в. степень — «сооружение, связанное с микротопографией псковского веча». Из летописных данных следует, что «на степени были места для сидения». Весьма возможно, что похожи они были и по внешнему виду (который, естественно, вытекал из функциональной необходимости). В 1979 г. во время раскопок в южной оконечности Детинца Псковского кремля было «раскрыто каменное сооружение в виде полукольца диаметром около 6 м», датируется оно XIV— началом XVI в. Автор находки В. Д. Белецкий считает, что это «остатки вечевой степени»[24]. На основании археологических и письменных данных И. К. Лабутина предположила, что псковская вечевая степень представляла собой конструкцию «типа помоста или трибуны».[25] Это, конечно, явная параллель к щецинским «ступеням / пирамиде» (разница только в материале: щецинская конструкция была деревянной, псковская степень — каменной). Однако псковская вечевая площадь, на которой стояла степень, находилась не на торгу, располагавшемся к югу от Домантовой стены, а, по-видимому, на так называемом буе (буевище) — площади у церкви св. Троицы у южной стены Крома[26]. Так, по крайней мере, обстояло дело начиная с XIV в., но для более раннего времени у нас нет сведений о топографии псковского веча.

Biedni i bogaci. Studia z dziejów społeczeństwa i kultury ofiarowane Bronisławowi Geremkowi w 60. rocznicę urodzin. Warszawa, 1992. S. 280—281; *Boroń P.* Słowiańskie wiece plemienne. S. 83.

[22] Herbordus. III. 18. В оригинале: Cumque omnes conticuissent et verbum exhortacionis pars maxima libenter audiret, ecce unus sacerdotum, vir Belial, plenus furore, pinguis et procerus, in medium turbe sese fortiter, intrudens canbucam suam manu gestabat spiransque et anhelans usque ad ipsos gradus accessit levataque manu semel et bis columpnam graduum validissime percussit.

[23] *Banaszkiewicz J. Pons mercati, gradus lignei* i inne. S. 87—88; см. также: *Idem.* Otto z Bambergu i *pontifex idolorum*. O urządzeniu i obyczajach miejsca wiccowego pogańskiego Szczecina // Biedni i bogaci. Studia z dziejów społeczeństwa i kultury ofiarowane Bronisławowi Geremkowi w 60. rocznicę urodzin. Warszawa, 1992. S. 280.

[24] *Белецкий В.Д.* Раскопки в Пскове на всчевой площади // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 3.

[25] *Лабутина И. К.* Историческая топография... С. 244.

[26] Там же. С. 46—47 (карта), 105, 244.

Вернемся к проблеме «рыночных собраний». Разумеется, факт проведения «народных собраний» на рынке не исключает того, что при необходимости они могли происходить и в других местах, но явно свидетельствует о том, что рыночные площади в раннее время использовались с этой целью не случайно, а, скорее всего, в соответствии с устоявшейся традицией.

Примечательно и еще одно обстоятельство. Из описаний Эбона и Герборда хорошо видно, насколько свободно вели себя щецинцы на «рыночном собрании», не стесняясь выражать и словами, и жестами отрицательное отношение к проповеднику, которого, напомним, поддерживала княжеская власть. И совершенно другой, гораздо более мирной и даже благостной атмосферой характеризуется другое, состоявшееся после «рыночного», собрание в Щецине, на котором, собственно, и было решено принять христианство. Для участия в нем бамбергский епископ, по данным источников, «взошел на гору Триглава в центре города, где находилась резиденция князя»[27], а не отправился на рынок. Вполне возможно, конечно, что использование для этого совещания возвышенности, связанной в сознании щецинцев с местным языческим божеством, имело и какое-то сакральное значение (в собрании участвовали и жрецы); ясно, однако, что соседство с княжеской резиденцией было неслучайным. Власти были крайне заинтересованы в исходе дела и, разумеется, стремились контролировать ход обсуждения.

Параллель приведенных выше сведений о западных славянах с известием ПВЛ поражает[28]. М. Б. Свердлов совершенно справедливо обратил внимание на то, что гипотеза об экономическом характере акции Изяслава (контроль над торговлей, купцами и т. п.) неубедительна хотя бы потому, что, судя по информации «Хроники» Титмара Мерзебургского, в Киеве уже в начале XI в. было

---

[27] Ebo. III. 16. S. 123 (...antistes Domini montem Trigelawi in media civitate, ubi sedes erat ducis, ascendit...).

[28] Конечно, поиск параллелей киевскому собранию «на торговище» и псковской вечевой степени не должен ограничиваться славянским миром. Так, немецкий исследователь Вернер Мюллер посвятил специальную главу своей монографии о «сакральном городе» именно ступенчатым сооружениям на городских площадях средневековой Западной Европы (очень часто именно рыночных площадях), так называемым перронам, которые использовались как важнейший элемент инфраструктуры городских собраний и других общественных мероприятий. Любопытно, что автор, во-первых, считает эти сооружения явлением, характерным почти исключительно для городов, находившихся недалеко от Атлантического побережья (Бельгия, Люксембург и т. д.), во-вторых, рассматривая принцип и характер использования ступенчатых «перронов» как сугубо автохтонные феномены, восходящие к началу борьбы западноевропейских городов за свободу, саму конструктивную идею он связывает с влиянием византийской архитектуры. При этом полностью игнорируются прямые указания на наличие соответствующих сооружений у западных славян-язычников, что не вполне совместимо с этими предположениями (см.: *Müller W.* Die heilige Stadt. Roma quadrata, himmlisches Jerusalem und die Mythe vom Weltnabel. Stuttgart, 1961. S. 196—227).

восемь рынков[29]. Маловероятно, что через несколько десятков лет их число уменьшилось. Поэтому перенос одного из рынков вряд ли давал какие-то монопольные преимущества князю. Следовательно, Изяслав стремился перенести не вообще рынок, а именно определенный рынок. Поэтому речь может идти только о переносе рыночной площади как места вечевых собраний. Если принять во внимание западнославянские данные, становится очевидной невероятность и предположения И. Я. Фроянова о том, что акция Изяслава якобы вводила киевское вече в круг высших государственных институтов[30]: ведь именно «рыночные собрания» отличались особой свободой и независимостью по отношению к княжеской власти. Разумеется, полностью отождествлять киевское вече «на торговище» и западнопоморские «рыночные собрания» нельзя. Несмотря на то, что хронологически последние фиксируются позднее, типологически, по-видимому, это явления более архаичные. Так, например, вопреки распространенному мнению, нет никаких данных о том, что в киевском вече в 1068 и 1069 гг. участвовали сельские жители (хотя полностью исключать этого нельзя). В высшей степени существенно, однако, что собрание на рынке принципиально могло быть только открытым: если не принимать решения, то уж присутствовать на нем и так или иначе влиять на ход обсуждения мог кто угодно. Поэтому нельзя исключать, что Изяслав ставил цель и определенного контроля над составом и процедурой собраний.

Итак, представляется, что в Киеве в 1068—1069 гг. имели место «рыночные собрания», вероятно, схожие с теми, которые наблюдали в XII в. немецкие миссионеры в городах Западного Поморья. Вполне возможно, что на торговой площади столицы Руси («торговище») существовала и определенная инфраструктура для таких собраний. Поскольку Изяслав Ярославич потерял власть в результате волнений, апогеем которых стало вече «на торговище», он, естественно, должен был стремиться не допустить повторения подобных событий в будущем. Поэтому он прибег к целой серии репрессивных мер: от расправы с замешанными в волнениях лицами до ликвидации самой инфраструктуры «рыночных собраний».

Остается только добавить, что в конечном счете акция Изяслава осталась паллиативом. На определенное время она обеспечила, по-видимому, необходимый результат: мы ничего не слышим о самостоятельной политической активности киевлян по меньшей мере вплоть до конца княжения Всеволода Ярославича, а следующее собрание киевских горожан относится только к 1113 г.[31] Однако уже в середине XII в., в обстановке политической раздробленности и почти непрерывных конфликтов между представителями разных линий династии Рюриковичей, в летописях вновь появляются упоминания о вечевых собраниях в Киеве, действу-

---

[29] См.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 454—455.

[30] См.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт. С. 192, 193, 193, сноска.

[31] См. подробнее об этом: *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 113.

ющих совершенно независимо по отношению к княжеской власти. Хотя проходят они в разных местах города (на дворе у св. Софии, у Туровой божницы, «под Угорским»), киевляне не забывают и о «торговище» на Подоле. Так, именно там они «повергоша пороуганью» тело убитого ими князя Игоря Ольговича[32]: можно, следовательно, полагать, что киевский «торг» в какой-то момент вновь оказался на старом месте[33].

---

[32] ПСРЛ. Т. II. Стлб. 353.

[33] В VI выпуске киевского альманаха Ruthenica появился подписанный инициалами П. П. обзор сборника «Средневековая Русь», где был опубликован первый вариант настоящей статьи. Автор обзора в довольно развязной манере обсуждает мою работу, причем выясняется, что либо он ее плохо читал, либо не смог понять содержания. Так, П. П. приписывает мне мысль о том, что рыночная площадь была «единственным санкционированным пространством» в Киеве для народных собраний и предлагает подумать над тем, сколько «вообще "пространств", кроме рынка, могло существовать в средневековом городе» (Огляди // Ruthenica. Київ, 2007. Вип. 6. С. 475). Первого тезиса в моей статье нет, а размышлять над советом П. П. не нужно, так как именно рыночные собрания являются исключительной редкостью на Руси, вече обычно собиралось на площадях у княжеских дворов или соборов. Автор обзора утверждает также, что я отвечаю на поставленный в статье вопрос якобы «точно так же, как... П.П. Толочко в работе 1983 г.». В действительности, в вышедшей в 1983 г. книге «Древний Киев» последний, хотя и писал о том, что Изяслав Ярославич (который почему-то назван «великим князем», хотя такого титула Изяслав не носил) этим «преследовал цель поставить под контроль правительства одно из важнейших средоточий общественной жизни Киева», во-первых, не объяснял, что конкретно подразумевается под «средоточием», во-вторых, тут же соглашался с В.Т. Пашуто в том, что эта акция имела целью «затруднить влияние купечества на простых людей» (*Толочко П.П.* Древний Киев. С. 212). Как видим, позиция П.П. Толочко представляет собой эклектическое соединение высказывавшихся в предшествующей историографии мнений и не имеет ничего общего с главной идеей работы автора этих строк, основанной на совсем других источниках.

П. С. Стефанович (Москва)

Боярское «право отъезда» в домонгольской Руси*

Известно, что в средневековой удельной Руси бояре и вообще служилые люди могли оставлять службу одному князю и переходить на службу к другому. Ряд случаев такого рода *переходов*, зафиксированных в источниках, происходящих из Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., давно отмечен историками и традиционно интерпретируется как свидетельство обладания боярами так называемым правом *отъезда*. Формально-юридическим выражением этого права считается формула, которая встречается во многих межкняжеских договорах XIV— первой половины XVI в.: «а боярам и слугам межи нас вольным воля» (с небольшими отклонениями в наборе и порядке слов).

Отталкиваясь от этой формулы, русские историки XIX в. предложили концепцию «вольной» боярской службы, которая подразумевала, что вплоть до объединения русских земель Москвой служба бояр была «вольной» и «бродячей» (в отличие от тяглой других разрядов населения), а принцип обязательности службы установился только постепенно, вследствие «оседания» дружины — процесса, начавшегося уже в домонгольскую эпоху, и целенаправленной борьбы с «правом отказа» московских князей. Классический вид эта концепция обрела в трудах В. И. Сергеевича. Согласно его высказываниям, указанный пункт договоров «точно» выражал «старинные свободные отношения бояр к князьям». «Предоставляя свободу боярам и слугам, — писал он, — князья предоставляют им тем самым и право свободного перехода от службы князя на службу другого. Это право обозначается в памятниках словом “отъезд”»[1]. Сергеевич не разбирал подробно источники до нач. XIV в. и сосредоточил внимание на политике московских князей.

В советской историографии концепция «вольной» боярской службы была в общих чертах воспринята, но связана с идеей о том, что отношения князей и представителей служилой знати строились на вассально-ленных принципах, то есть договор «вольного» боярина с князем трактовался как «вассальный» на условиях «лена». С этой точки зрения предпринимались попытки уточнить происхождение и сущность «права отъезда». Так, по мнению М. Б. Свердлова, с феодализацией в XI—XIII вв. «дружинный кодекс чести» становится «детерменирован не морально-этическими нормами “верности”, как в родо-племенном обществе», а материальными интересами; среди новых «феодальных форм отношений князя и вассалов» М. Б. Свердлов называет и «отъезд как разрыв вассальных отношений»[2].

---

* I would like to acknowledge support received from the INTAS, which contributed to this article. Автор признателен за поддержку данного исследования фондом INTAS.

[1] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 1. СПб., 1909. С. 373, 375.

[2] *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 215.

Тезис о фундаментальном значении «права отъезда» бояр, так или иначе связанного с их «вольностью», в средневековой Руси стал в отечественной историографии общепринятым. Только С. Б. Веселовский высказал серьезные сомнения в обоснованности этого тезиса (в неоконченной статье, которая была опубликована уже после его смерти). Ссылаясь на наблюдения М. П. Погодина[3], Веселовский утверждал, что и в XII—XIII вв. служба дружинников князьям была нередко наследственной, а «уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением». Двор московских князей, исследованию которого Веселовский посвятил многие годы и который он был склонен рассматривать как типичный в основных чертах для удельного времени, представлялся ему «медленно складывающимся и крепким организмом, а отнюдь не случайным сбродом случайных людей». В этом организме «место» и «честь» каждого служилого человека были обусловлены заслугами не столько его личными, сколько его рода, и были, таким образом, результатом наследственной службы ряда поколений. Кроме того, служилых людей, особенно не самых знатных, привязывали к определенному княжеству и землевладельческие интересы. В этих условиях, по мнению Веселовского, «право отъезда» не могло иметь того принципиального значения, которое ему приписывается историками.

«Право отъезда» знало также и другие существенные ограничения. Во-первых, оно действовало только между союзными князьями. «Не только в XIV—XV вв., но и раньше, — писал Веселовский, — отъезд к князю, не связанному с покидаемым князем договором, и тем более отъезд к князю враждебному, находившемуся в "розмирье", т. е. в состоянии войны, всегда считался изменой и навлекал на отъехавшего боярина самые суровые наказания». Во-вторых, Веселовский представлял отъезд как сложную юридическую процедуру. По его мнению, это был «практический вывод из юридического акта — расторжения дружинником договора о службе князю». На это служилый человек шел только тогда, когда у него были очень веские причины («обида») и он был уверен, что за ним нет никакой «вины». Если князь, согласно неписанному «служебному договору», имел право «в вине» боярина «опалиться» на него, наложить на него свой «гнев» и «казнить» его по своему усмотрению, то боярин имел право прибегнуть — как к крайнему средству — к отъезду[4]. Таким образом, в изображении Веселовского отъезд предстает исключительной мерой, на которую решались очень немногие и только в крайнем случае.

В недавнее время мысль С. Б. Веселовского поддержал немецкий исследователь Хартмут Рюсс, который, разбирая зафиксированные в источниках XIV—XV вв. случаи боярских отъездов, подчеркнул их исключительный характер и заявил, что

---

[3] См.: *Погодин М. П.* О наследственности древних санов (1054—1240) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. В. Калачов. Кн. I. М., 1850. Отделение I. Особ. с. 77—78, 94—95.

[4] *Веселовский С. Б.* Очерк образования московского боярства // *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466, 468, 469, 471, 476—477.

«существование абсолютного права знати на свободный отъезд, совершенно независимого от согласия князя и в отрыве от договоренностей с ним — это давний научный миф...»; такого права «никогда в русской истории не существовало». По его мнению, «неограниченной вольности знати противостоял принцип верности по отношению к вождю дружины и князю», который он считает возможным возводить к древнейшему периоду русской истории и даже к эпохе славянского единства[5].

Суждения С. Б. Веселовского о порядке взаимоотношений князя и служилой знати оказали, видимо, влияние на Л. В. Черепнина, который попытался примирить эти суждения с традиционным тезисом о «боярской свободе». Признавая в принципе существование права отъезда в XIV—XV вв., он в то же время указывал, что «жизнь вносила поправки в правовые нормы»: «в случае "коромолы" бояр князья нарушали и свободу вассального договора, и неприкосновенность вотчин опальных... Так разрыв служебных и поземельных отношений, провозглашенный для бояр княжескими докончаниями, находил на практике серьезный корректив»[6].

Как видно из этого короткого обзора, существующие в историографии представления о праве отъезда складывались главным образом на основе материалов XIV—XV вв. Однако вне зависимости от того, каких взглядов придерживаются историки — признают ли важнейшую роль этого права или оценивают его значение скептически, они часто ссылаются на «исконность» и «традиционность» либо самого права, либо поддерживающих или опровергающих его принципов отношений правителя и знати (вольность или верность). Между тем специальных исследований об отъездах или переходах бояр и дружинников на материалах домонгольского времени в историографии не предпринималось. Были сделаны лишь некоторые наблюдения о преемственности боярской службы, в результате которых выяснилось, что на Руси в X — начале XIII в. были как случаи наследственной службы боярских родов на протяжении нескольких поколений князьям, представлявшим отдельную ветвь династии Рюриковичей, так и случаи, когда один боярин или представители разных поколений одного боярского рода оказывались на службе у князей разных ветвей[7]. Мы попытались обобщить имеющиеся для домонгольского времени (главным образом, в летописях) упоминания и описания фактов «перемены лояльности» представителями знати, то есть разрыва отношений между князем и знатным чело-

---

[5] *Rüss H., Herren und Diener.* Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.—17. Jahrhundert. Köln etc., 1994. S. 263, 275, 284—285, 275—276.

[6] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 209—210.

[7] См. указанные выше работы М. П. Погодина, а также наблюдения С. М. Соловьёва в первых двух томах «Истории России с древнейших времен» (впервые вышедших в свет в 1851—1852 гг.): *Соловьёв С. М.* Сочинения. Кн. I. М., 1988. Ср. также более новую работу: *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. Л., 1979.

веком и перехода со службы одному князю на службу другому, с точки зрения того, насколько они соответствуют позднейшему «праву отъезда».

В «Повести временных лет» дважды описывается уход знатного человека с княжеской службы. Следуя хронологическому принципу изложения, первым в ряду случаев разрыва отношений между князем и его «мужами» можно считать уход Аскольда и Дира от Рюрика. Под 6370 (862) г. после рассказа о «призвании варягов» и установлении власти Рюрика говорится: «и беста у него 2 мужа не племени его, нъ болярина, и та испросистася ко Цесарюграду съ родъмь своимь». Далее сообщается о том, что эти два мужа обосновались в Киеве и что их звали Аскольд и Дир[8].

Нельзя сомневаться, что в данном сообщении мы имеем дело с более или менее правдоподобной реконструкцией летописца начала XII в., который, руководствуясь определенными историко-политическими соображениями, перерабатывал свои источники, прежде всего летопись, условно названную А. А. Шахматовым «Начальный свод» и дошедшую до нас в составе Новгородской первой летописи[9]. В этой последней в статье 6362 г. говорится о приходе Аскольда и Дира в Киев независимо от призвания варягов в Новгород, и они предстают самостоятельными князьями[10]. В бояр Рюрика Аскольд и Дир были превращены только книжником, писавшим более чем через два столетия после излагаемых им событий. Он же описал разрыв между «мужами» и их князем с помощью слова «испросистася». Глагол «изпросити(ся)», который несколько раз используется, в частности, в Киевском своде кон. XII в. (в составе Ипатьевской летописи) для описания того, как «младшие» князья *выпрашивают* нечто у «старших» или *отпрашиваются* у них куда-либо, употреблялся совершенно нейтрально, и едва ли можно увидеть нечто формально-юридическое в его содержании[11]. Очевидно, для летописца за отъездом Аскольда и Дира от Рюрика не стояло ничего больше, как просто просьба бояр, которая была обращена к князю и удовлетворена им. Таким образом, сам факт ухода бояр с княжеской службы подается как нечто вполне естественное (во всяком случае, по ретроспективным представлениям книжника начала XII в. об условиях конца IX в.), но разглядеть за этим фактом какие-либо общие теоретические или правовые принципы и основания не удается.

Следующий эпизод разрыва отношений между князем и его «мужем» изложен более подробно, и подозревать здесь целенаправленную реконструкцию оснований

---

[8] Приводим текст в реконструкции А. А. Шахматова, так как в древнейших летописях, содержащих «Повесть временных лет», в этом месте есть существенные разночтения: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 599. Ср.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Л., 1926. Стлб. 20—21; Т. 2. СПб., 1908. Стлб. 15.

[9] Ср.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древних русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 213.

[10] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 106—107.

[11] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. IV. М., 1991. С. 76. Здесь приведены и примеры из Ипатьевской летописи.

нет. Речь идет о предательстве воеводой Блудом своего князя — Ярополка Святославича (рассказ помещен под 6488 (980) г. как в летописях, отразивших «Повесть временных лет», так и в Новгородской первой летописи младшего извода). Как известно, во время междоусобной войны и осады Киева войсками князя Владимира, брата Ярополка, Блуд, соблазненный «многою честью», которую ему обещал Владимир, перешел на сторону последнего. Совершенно ясно, что этот «переход» не был реализацией какого-либо специального права боярина. Летописец, опираясь на библейские тексты, оценивает весь эпизод как «лесть», которую боярин замыслил «на князя своего»; его вывод и осуждение однозначны: перейдя на сторону Владимира, воевода «преда князя своего» «на пагубленье» — «горьше суть бесов таковии»[12]. Вряд ли поступок Блуда мог как-то иначе оцениваться и участниками тех событий. Во всяком случае, уже договорившись с Владимиром, воевода вплоть до убийства Ярополка, коварно подстроенного им, находился со своим князем, «льстя ему», как замечает летописец, и никак не сообщая ему о своем «переходе». В то же время летописец (явно из дидактических соображений) рассказывает, что один из дружинников Ярополка Варяжко оставался до конца верен своему князю, а после его смерти бежал «в печенеги» и «многа воева» против Владимира. Можно признать, что в древнейшее время в принципе были возможны два варианта поведения — «прагматический» (Блуда) и «идеалистический» (Варяжки), но нельзя сомневаться, что с христианской точки зрения книжника приемлем был только второй вариант и что переход от одного князя к другому во время войны между ними расценивался как измена.

Последний вывод заставляет вспомнить наблюдения С. Б. Веселовского об ограничениях, которые знало «право отъезда». Историк указывал не только на невозможность перехода во время войны, но и на понятия «вины», «обиды», «гнева» и «казни», которые были важнее для строя отношений князя и служилой знати, чем «отъезд». Действительно, древнейшие источники об «отъезде» или «переходе» ничего не знают, однако о боярской «вине» и княжеском «гневе» сообщают. Так, известно, например, что Ярослав Владимирович «Мудрый» «гневася» на своего новгородского посадника Константина Добрынича и что этот «гнев» обернулся для боярина гибелью. Может быть, самостоятельность, проявленная Константином во время событий 1018 г. в Новгороде[13], а может быть, смерть сына Ярослава Ильи, которого князь оставил в Новгороде, видимо, на попечение Константина, стали причиной опалы боярина. Новгородская первая летопись младшего извода сообщает лишь: «И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новегороде, и умре. И потомъ разгневася Ярославъ на Коснятина и заточи ѝ, а сына своего Володимира посади въ Новегороде»[14], а более поздние летописи добавляют, что на третий год заточения боярин был убит по приказанию князя[15].

---

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 76—77.

[13] Там же. Стлб. 143.

[14] НПЛ. С. 161.

[15] См., например: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1915. С. 110; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 374. Подробнее см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 69. О датировке

Из рассказа «Жития Феодосия» об одном из посмертных чудес святого узнаем, что в результате опалы знатный человек мог лишиться не только своего «места» в составе княжеского двора, но и личной свободы: некий боярин был «въ гневе велице от князя», который грозился его «на поточение посълати», но после того, как боярин помолился Феодосию, тот ему явился во сне и обещал, что утром князь призовет его, «не имый гнева ни единого же на тя, нъ и пакы въ свое место устроить тя», что и исполнилось[16].

На основании одного короткого сообщения Киево-Печерского Патерика можно сделать вывод, что без доказанной «вины» силовые действия князя в отношении боярства считались неоправданными. Автор рассказа «О Прохоре черноризци» осудил «многа насилия», которые творил Святополк Изяславич в Киеве, «домы силных до основаниа *без вины* искоренив, имениа многих отъем»[17].

К сожалению, эти данные слишком отрывочны для того, чтобы составить сколько-нибудь ясное мнение о строе дружинных отношений, но несомненен, по крайней мере, сам факт существования представлений о долге службы и наказания за провинность, которое теоретически нуждается в обосновании. Эти представления должны были создавать определенный контекст для «права отъезда» (если допустить его существование) или, во всяком случае, влиять на порядок ухода боярина с княжеской службы.

Наблюдения над древнейшими данными подтверждаются и несколько более информативными, хотя все равно отрывочными свидетельствами так называемого Киевского свода конца XII в., Галицко-Волынской летописи (в составе Ипатьевской) и владимирской (в составе Лаврентьевской).

В этих летописях, нередко довольно подробно описывающих перипетии распрей князей Рюриковичей, в которых, естественно, были замешаны и княжеские «мужи», никогда не упоминаются слова «отъезд» или «переход». В то же время ситуации, когда один боярин или группа бояр покидает службу князя, а возможно, и переходит на службу к другому, описываются неоднократно. Причин, по которым бояре оставляют и/или меняют господина, выявляется несколько: либо измена, то есть предательство «своего» князя и «переветы» с его врагами, либо смена князей (как правило, вследствие смерти князя или же ухода из города одного князя и прихода другого в том случае, если бояре остаются в этом городе, а не следуют за ушедшим князем), либо изгнание самим князем кого-то из своей дружины, или же, наконец, бояре, координируя так или иначе свои действия с населением города и земли, выгоняют одного князя и приглашают другого[18]. Случаи последнего рода,

---

посадничества и смерти Константина ср. также: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 488—489.

[16] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 131—132.

[17] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб. 1911. С. 126.

[18] Оговоримся, что особняком стоит наемничество, которое, естественно, подразумевает уход наемника по окончании заранее оговоренного срока службы. Ср. специально о наемниках на службе киевских князей (главным образом, варягах) в

характерные особенно для Новгорода и Галича, очевидно, с «правом отъезда» ничего общего не имеют, и мы говорить здесь о них не будем. Не стоит специально останавливаться и на описаниях измены, потому что летописцы при этом всегда делают упор на долге верной службы, а точка зрения обвиняемых, которые, как можно было бы теоретически допустить, и могли бы ссылаться на какие-то свои права, в том числе и «право отъезда», остается совершенно неизвестной (именно так, с явной ориентацией на рассказ о Блуде, излагается, например, история предательства киевскими боярами Игоря Ольговича в 1146 г.[19]).

Случаи, когда князья выгоняют своих бояр, важны для нас тем, что свидетельствуют о значении понятий «вины» и «гнева» как конститутивных для строя отношений князя и знати и — по крайней мере в некоторых случаях — определяющих порядок ухода боярина с княжеской службы. Ссылки на эти понятия присутствуют не всегда, но тогда, когда они есть, они говорят о том, что уход видного боярина от князя был событием неординарным, болезненным для обеих сторон и едва ли мог происходить так просто, как описан уход Аскольда и Дира от Рюрика.

Так, в 1169 г. бояре Петр и Нестер Бориславичи стали ссорить князя Давыда Ростиславича с Мстиславом Изяславичем (тогда занимавшим киевский стол), «занеже, — объясняет летописец такое поведение бояр, — бяше Мьстиславъ, озлобивъ я, отпустилъ отъ себе про ту вину», что их холопы украли княжеских коней[20]. Бояре, которые служили одному князю, но были «отпущены» им, стали пытаться не только выслужиться перед другим князем, но и стравить его с их предыдущим господином. Очевидно, их разрыв с князем не был простой формальностью и имел весьма неприятные политические последствия[21].

В Галицко-Волынской летописи под 6734 (1226) г. рассказывается о том, как произошел разрыв между Мстиславом Мстиславичем «Удатным» и галицким боярином Жирославом. Жирослав напугал других бояр сообщением, что князь собирается их «предати» половцам «на избитье», и они ушли из Галича. В результате Мстислав был вынужден оправдываться перед боярами, клясться им, что был «всуе оклеветан», и «обличать» Жирослава. Только после этого князь «изгна» боярина «от себе», и тот, обвиненный летописцем во «льсти» и клевете «на господина своего», перешел к Изяславу Мстиславичу смоленскому[22]. Князь оказался перед сложным выбором — либо смириться с уходом многих бояр, либо пойти на разрыв отношений с одним из них, но явно выделяющимся в их среде (судя по другим ле-

---

сравнительно-историческом контексте: *Żmudzki P.* Najemnicy na Rusi i w krajach sąsiednich w X—XII w. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXI. 2004. 4. S. 5—28.

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 324—326.

[20] Там же. Стлб. 541—543.

[21] Об этом эпизоде и оценке поведения Петра Бориславича см. подробнее: *Стефанович П. С.* Религиозно-этические аспекты отношений князя и знати в домонгольской Руси // Отечественная история. 2004. № 1. С. 10—14.

[22] ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 747—748. В данном случае летописная датировка, видимо, соответствует действительной.

тописным сведениям о Ярославе). Однако этот разрыв, очевидно, не дался легко ни Мстиславу, ни Ярославу и не был их частным делом, так как под «обличением» надо понимать некую публичную «судебную» процедуру.

Наиболее сложны и неясны те случаи, когда со сменой одного князя другим перед выбором оказывалась и дружина — уходить или оставаться. Сложность в том, что за скупыми сообщениями летописи, лишь констатирующей факт, трудно разглядеть мотивы, которыми руководствовались бояре, принимая то или иное решение, и понять, были ли какие-то традиции и нормы, регулировавшие преемственность власти и элиты. «Нормальным» следует, очевидно, признать тот порядок, когда смена власти происходила естественным образом — после смерти отца к сыну или по межкняжескому соглашению — и дружина сохраняла положение, приобретенное при прошлом князе, при его преемнике. На такой нормальный порядок, видимо, очень рассчитывал в 1146 г. Игорь Ольгович, когда предлагал виднейшим киевским боярам сохранить за ними те места, которые они занимали при его старшем брате. Согласно летописи, Игорь таким образом пытался договориться с боярами: «Игорь же по[зв]а Улеба и Ивана Воитишича и рече има, како еста была у брата моего, тако же будете у мене, а Улебови рече, держи ты тысячю, какъ е[с]и у брата моего держалъ»[23]. Расчет Игоря, как известно, не оправдался, и бояре его предали.

Однако, как известно, в условиях удельного порядка передача власти происходила далеко не всегда гладко, и в этом случае многое, если не все, зависело от конкретной политической ситуации и мощности сил, вовлеченных в нее (князь, город, знать, возможно внешние силы). Судя по материалам XII — начала XIII в., в случае, если между князьями, претендующими на тот или иной стол, был конфликт и одному из князей приходилось уходить, едва ли его дружина уходила с ним в полном составе. Например, из рассказа о том, как Изяслав Мстиславич возвращался в Киев, занятый Юрием Долгоруким, выясняется, что, хотя многие бояре Изяслава предпочли разделить изгнание со своим князем обладанию своими «жизнями» в Киевщине, часть дружины не покидала с ним родной земли (когда Изяслав вошел в Киевскую землю, выяснилось, что здесь его ждет «дружина многое множество» — те, кто не ушел с ним при изгнании, но остался ему верен[24]). Зимой 1146—1147 гг. Святослав Ольгович был вынужден бежать из своего Новгорода-Северского, «дружина же его — они по нем идоша, а друзии осташа его...»[25].

У князей часто упоминаются «приятели» в тех городах, в которых они когда-то сидели и/или на которые претендовали. Зачастую дружина только и ждет возвращения князя в свою «отчину» и готова оказать ему поддержку, потому что установление власти князя, пришедшего извне, как правило, не значило ничего хорошего для нее — ведь с новым князем приходили его бояре, и предстояла перегруппировка знати и передел кормлений. Разумеется, всегда был риск, что бояре ушедшего князя договорятся на устраивающих их условиях с новым князем и не поддержат вернув-

---

[23] ПСРЛ. Т. 2. Стл. 324.

[24] Там же. Стл. 412—413.

[25] Там же. Стл. 334.

шегося старого князя. Например, так произошло с Ярославом Святополчичем, когда он в 1118 г. покинул свой отчинный Владимир-Волынский, а «бояры его отступиша от него», и в 1123 г. возвращение в этот город закончилось для него гибелью[26].

С другой стороны, у нового князя могли и не сложиться отношения со старой дружиной. Так, например, было в Дорогобуже в начале 1170 г., когда после смерти тамошнего князя Владимира Андреевича к городу подошел Владимир Мстиславич, претендуя на эту «волость». Сначала «дружина Андреевича не пустиша его в городъ», но после того как он ей целовал крест, «якоже ми на вас на позрети лихомъ», князь был впущен. Вопреки крестоцелованию Владимир «уклонися на имение и на села» (очевидно, умершего князя и его бояр), и дружина была вынуждена уйти вместе с вдовой ее бывшего князя в Вышгород к князю Давыду Ростиславичу[27].

Эту ситуацию, очевидно, нельзя описать как «отъезд» в том смысле, какой вкладывают в это слово историки, опирающиеся на данные XIV—XV вв. Уход дружины, не сумевшей договориться с новым князем, или расставание уходящего князя и остающейся в своей «родной» земле дружины — такого рода перемены служебных отношений являются вынужденными, по необходимости, а не по какому-либо праву. К тому же, во всех этих случаях «перемена лояльности» осуществляется не отдельными представителями дружины, а коллективно — либо всей дружиной, либо ее значительной частью.

Конечно, надо допускать, что при смене князей на столе, когда бояре должны были заново выстраивать отношения с преемником предыдущего князя, кто-то из них принимал новые условия, а кто-то — иногда даже один или несколько бояр — оставались недовольны. Это недовольство тоже могло вести к «переходу». Так можно объяснить примеры, когда один боярин или представители разных поколений одного боярского рода оказываются на службе у князей разных ветвей рода Рюриковичей. К сожалению, мы не имеем данных, чтобы рассуждать о том, как понимались и оформлялись такого рода «переходы». Можно только сказать, что в принципе они были возможны. Однако общие соображения и приведенные данные заставляют оговориться, что в любом случае всякий разрыв служилого человека с князем и/или его родным городом был крайне неприятен и болезненен для всех тех, кого он затрагивал.

Нельзя сомневаться в том, что бояре имели определенную самостоятельность в отношениях с князем. Здесь не место обсуждать корни и сущность этой самостоятельности, и, оставаясь в рамках нашей темы, заметим только, что никто в принципе не ставил под сомнение право бояр решать свою судьбу самим, в том числе переходить из одного города в другой и со службы одному князю к другому. Можно называть это вольностью или свободой, но совершенно ошибочно считать это исключительной особенностью боярского статуса. Менять условия и адресат службы (разумеется, на согласованных условиях) — это было право любого свободного «мужа». Выражением этого права было, например, и право крестьянского

---

[26] ПСРЛ. Т. 2. Стл. 285.

[27] Там же. Стл. 546—547.

«выхода», которое в четких формах фиксируется приблизительно тогда же, когда отливается в формулу княжеских докончаний и боярское право «отъезда», то есть к XV в. Дифференциация этого права на «выход» и «отъезд», фиксация и повторение его связаны уже с новыми условиями, в которых проходило объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы, и было бы, с нашей точки зрения, неправильно проецировать эти условия на более раннее время. Право на «перемену лояльности» было естественным и признавалось «по умолчанию» на протяжении всего средневековья, но просто позднее на нем был сделан акцент, потому что оно начало осознаваться как некая проблема. В домонгольское время «проблемными» осознавались другие вопросы во взаимоотношениях князя и служилой знати — прежде всего, как обеспечить выполнение тех обязанностей, которые лежали на каждой стороне, и как разрешить конфликты в случае неисполнения этих обязательств. Именно поэтому в источниках, когда затрагивается сфера этих отношений, заходит речь не о вольности или договоре, а о боярской службе и «вине» (самой страшной — «лести») или княжеских «любви» и «гневе». Игнорировать или отодвигать на задний план эти воззрения, настаивая на праве «отъезда» как *институте*, служившем фундаментом «вольной» боярской службы, было бы, с нашей точки зрения, тоже ошибочно. Такая логика ведет в конечном итоге к представлению о «бродячих» дружинах и «вольных» «вассалах», поступающих по договору на службу к князьям с правом когда угодно покинуть ее, которое С. Б. Веселовский считал неверным для XIV—XV вв. и которое нельзя признать адекватным и для X—XIII вв. Основания и формы отношений князя и служилой знати были гораздо сложнее, а специфика этих отношений была обусловлена тем особым значением, которое в них приобретал принцип верности, и тем, что они складывались в контексте осуществления элитой власти и господства.

А. П. Толочко (Киев)

Канцлер, митрополит и летописец: действительно ли митрополитом Кириллом был печатник Даниила Романовича?

Гипотеза о тождестве митрополита киевского Кирилла II и Кирилла, печатника князя Даниила Романовича, придуманная, кажется, еще Филаретом и сразу же понравившаяся[1], бытует в литературе подчас как совершенно доказанный факт. Емкую и весьма сдержанную ее оценку дал Анджей Поппэ:

> *Впервые Кирилл упоминается как поставленный, но еще не рукоположенный митрополит в 1242/1243 г., в окружении галицко-волынского князя Даниила. Номинально будучи великим князем киевским... Даниил утвердил на вдовствующую митрополию кандидатуру Кирилла, который, надо думать, перед тем был избран собором епископов и игуменов, оказавшихся в пределах досягаемости. Мысль о тождестве нового митрополита, возможно русского по происхождению, с печатником Даниила, также носившим имя Кирилл, является всего лишь гипотезой, имеющей под собой некоторые основания, хотя именно тождество имен заметно ее ослабляет*[2].

Эти наблюдения есть смысл развить. Гипотеза о тождестве печатника Кирилла и митрополита Кирилла обосновывается, надо думать, несколькими соображениями. Во-первых, тождеством имен; во-вторых, близостью обоих к Даниилу Романовичу; и, наконец, тем обстоятельством, что на страницах летописи печатник и митрополит разминулись: они упоминаются в разных сообщениях и при том так, что когда на сцене появляется митрополит, с нее сходит печатник. Каждое из них уязвимо. Попробуем взвесить их заново, начав с основного.

Ирония А. Поппэ об ослаблении гипотезы о тождестве людей тождеством имен направлена, без сомнения, против явления, метко названного Фр. Томпсоном «мо-

---

[1] *Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его поставления до начала XV века. Киев, 1913. С. 159—192. См., впрочем, скептическую ремарку М. С. Грушевского (*Грушевський М. С.* Історія України-Русі. Т. 3. Львів, 1905. С. 267, прімеч. 3).

[2] *Поппэ А.* Митрополиты киевские и всея Руси (988—1305 гг.). Приложение к: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 486, где и литература; *Furhmann J. T.* Metropolitan Cyril II (1242—1281) and the Politics of Accommodation // Jahbücher für Geschichte Osteuropas. 24, 2. 1976. S. 161—172. Для меня осталась недоступной специальная работа: *Stökl G.* Kanzler und Metropolit // Studien zur ältesten Geschichte Osteuropas. Bd. 3. Gedankband für Heinrich Felix Schmid = Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas 5. Wien, 1966. S. 150—174.

нопросопоманией» нашей дисциплины[3]. В литературе известны десятки примеров, когда, встретив в источниках одинаковые имена, исследователи выстраивали гипотезы о том, что за ними скрывается один и тот же человек[4]. Но в нашем случае это не просто ослабляет гипотезу, но оказывается ее фатальным дефектом, странным образом не замеченным ее приверженцами.

Общие соображения подсказывают, что один и тот же человек, упомянутый разными источниками или в различных местах одного источника, будет, скорее, упомянут под одним именем, чем под разными. Справедливо, хотя и в гораздо меньшем количестве случаев, и обратное: встречая одинаковые имена, можно предположить, что имеем дело с одним и тем же человеком. На такой небезупречной логике и основаны гипотезы о тождестве двух Иоаннов, двух Петров, двух Кириллов. Наш случай, однако, иного порядка.

Печатник Кирилл, как он предстает из летописи, — лицо светское, вероятно, боярин, предводительствующий войсками и участвующий в сражениях. Следовательно, Кирилл — его крестильное имя. Само по себе поставление княжеских «слуг» епископами не уникально: например, владимирский епископ Никифор был в миру Станилом и «слугой Василька». Двойное имя здесь — красноречивый след. Чтобы принять сан, Кирилл должен был бы прежде принять постриг, а значит, и сменить имя. Об этом, в частности, писал Макарий (Булгаков), чье замечание, упрятанное в приложении к 3-му тому[5], вероятно, прошло незамеченным для большинства последующих исследователей, склонных к тому же легкомысленно пренебрегать подобного рода аргументами[6]. Таким образом, совпадение

---

[3] *Thomson F.J.* Bulgarian Contribution to re Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myth and the Enigma // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13. 1988/1989. P. 232—233.

[4] Непосредственно к нашей теме относится гипотеза С. Томашевского о том, что известный из *Лавр.* летописи игумен Спасского монастыря в Киеве Петр и «архиепископ Петр», выступавший на Лионском соборе — одно лицо (см.: *Томашівський С.* Предтеча Ісидора. Петро Акерович незнаний митрополит руський (1241—1245) // Analecta ordinis s. Basilii Magni. T. 2. Жовква, 1927. С. 221—313), он же Петр Акерович (боярин, известный из другого сообщения *Лавр.*)

Еще одна гипотеза представляет собой совершенного «двойника» разбираемой тут. А. Генсерский пытался обосновать, что «седельничий» Даниила Иван Михалкович позднее стал холмским епископом Иваном, а также — автором одного из «сводов», вошедших в *ГВл* (*Генсьорський А.І.* Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958. С. 91—94). Среди доказательств — уже знакомый аргумент, что на страницах летописи седельничего Ивана сменяет епископ Иван.

[5] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Т. 3. М., 1995. С. 413.

[6] Йозеф Фурман, например, оценил его как «неубедительный» и, в лучшем случае, «thought provoking, but scarcely conclusive. For any number of reasons the Hypatian chronicle might have used Cyril's name as metropolitan to refer to him even before he became metropolitan» (*Furhmann J. T.* Metropolitan Cyril II. S. 162, № 5). Что бы это могли быть за «соображения», заставившие летописца задним числом именовать боярина именем митрополита, и сколько их числом, исследователь, однако, не уточнил.

имен не только не делает возможным превращение печатника в митрополита, но исключает его[7]. Как это ни парадоксально, гипотеза, например, о дворском Андрее как митрополите Кирилле выглядела бы гораздо более убедительной, хотя и равно недоказуемой.

Разумеется, и из этого правила, как из всякого другого, были исключения[8]. Но были они чрезвычайно редки, касались пострижения владетельных особ, и нет никаких причин полагать, что, нарекая митрополита, последовали бы отступлению, а не общему правилу. Причины сохранения крестильного имени при пострижении в литературе не обозначены. Можно, однако, предполагать, что это было все же «новое» имя, то есть имя иного святого, одноименного тому, в честь которого крестили. Чин пострижения в монахи предполагает наречение нового имени либо начинающегося на ту же букву, что и мирское имя, либо — по святому, в день которого производится пострижение. Есть основания утверждать, что первая традиция не практиковалась на Руси до XIV в.[9] В некоторых редких случаях, следовательно, могло произойти и так, что пострижение попадало на день одноименного святого (или даже специально приурочивалось к нему), каковое имя и давали постригаемому[10].

Гипотезу о тождестве двух Кириллов могло бы спасти допущение, что печатник был лицом духовным (как это и предполагал Д. С. Лихачев[11]). В этом случае проблема имен как будто бы снимается. Но так ли это? Предположим, что печатник Кирилл действительно был священником. В этом случае обретаем редкостную по

---

[7] Ср. поэтому странное замечание Д. С. Лихачева, поддержавшего мысль о тождестве: «правдоподобность его не вызывает сомнений: совпадение имени “печатника” Кирилла, действовавшего по летописи в 1241 г., и имени Кирилла, названного в летописи под 1243 г. “митрополитом”... думается, не случайно» (*Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. Т. 5. С. 50).

[8] См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 176, примеч. 4.

[9] См.: *Сазонов С. В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Вып. 4. Ростов, 1994. С. 16—24; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Агиография и выбор имени в Древней Руси // Славяноведение. 2005. № 4. С. 29—30.

[10] Существует, впрочем, известный пример жития Феодосия, согласно которому будущего святого Феодосием нарекли еще при крещении. Есть, впрочем, основания сомневаться в достоверности этого известия. Нестор, скорее всего, не знал крестильного имени святого, а сцена крещения Феодосия («Прозвутеръ же, видѣвъ дѣтища и сьрьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада Богу датися, Феодосиемь того нарицаеть») имеет ярко выраженную тенденцию: подчеркнуть изначальную уготованность Феодосия для монашеского подвига (Феодосий — «данный, посвященный Богу»).

[11] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947. С. 263. Исследователь настаивал, что это якобы «можно заметить по разным косвенным признакам». Разумеется, никаких косвенных признаков не существует, наличные же указывают на светский статус Кирилла.

точности совпадения деталей аналогию в ситуации конца следующего века. Печатником (и одновременно духовником) Дмитрия Ивановича московского был Митяй (Дмитрий)[12]. Именно его князь предназначил в будущие митрополиты, для чего Митяй был «акы нужею» приведен в храм и пострижен в монахи. При этом печатник Митяй получил новое монашеское имя — Михаил, под которым и известен впоследствии в византийских документах[13].

Но существует и «нарративный аргумент»: печатник и митрополит не фигурируют в одних сообщениях летописи и притом митрополит упоминается после печатника. Это может означать, что Кирилл «сменил должность». На самом деле это не так. Присмотримся к тексту внимательнее. Печатник Кирилл упоминается только в одном эпизоде летописи, так что, строго говоря, он и не мог бы не «разминуться» с митрополитом. После возвращения на Русь, Даниил обнаружил, что он, по существу, уже и не князь: боꙗре же Галичьстии Данила кнѕемь собѣ наѕывахоу. а самѣ всю ѕемлю держахоу[14]. Бояре разобрали себе земли, налоги и подати. Вот здесь летопись и застает печатника Кирилла: он послан был князем исписати грабительства неч҆тивыхъ боꙗръ[15]. Во время ревизии в Бакоте печатника застает Ростислав Михайлович с болоховскими князьями и галичанами, и Кирилл вынужден оборонять от них город. Затем Кирилл участвует в походе на болоховских князей, причем руководит отрядом в три тысячи пехотинцев и триста всадников[16]. Хронология этих событий неопределенна и устанавливается приблизительно, но, надо думать, завершение приходится на 1242 г.: в конце эпизода Даниил Романович узнает, ꙗко Тотарове. вышли соуть. и ѕемлѣ Оугорьское. идоуть в ѕемлю Галичькоую[17]. Следующий эпизод вводится летописцем формулой «в то же время» (значит, с его точки зрения, происходил он одновременно с вышеописанным), и действительно, события состоялись в том же 1242 г., как можно судить из следующего замечания: Данилоу же. боудоущоу во Холмѣ. прибѣже к немоу Половчинъ его Актаи. рекыи ꙗко Батыи воротилъс есть иѕо Оугоръ[18]. Это если и не та же самая весть, о которой говорится выше, то, во всяком случае, весть о том же событии — возвращении монголов из Венгрии в 1242 г. Именно здесь и появляется митрополит Кирилл: узнав о татарах, Даниил «затворяет» Холм и отправляется к брату Васильку, поима с собою Коурила митрополита[19].

---

[12] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000. С. 98.

[13] Там же. С. 98—99.

[14] ПСРЛ. Т. 2. С. 789.

[15] Там же. С. 791.

[16] Там же. С. 792.

[17] Там же. С. 793.

[18] Там же. С. 794.

[19] Полагаем поэтому неточным бытующее в литературе мнение, будто митрополит Кирилл впервые упомянут под 1243 г. Такова дата, позднее проставленная в *Ипат.* списке. Хронология *Ипат.* не соответствует реальной.

Как бы ни читать эти сообщения, никак нельзя заключить, что между ними прошло значительное количество времени. По существу, и печатник Кирилл, и митрополит Кирилл фигурируют в сообщениях об одних и тех же событиях[20].

Как справедливо отмечает А. Поппэ, уже даже одно назначение митрополита предполагало хотя бы имитацию собора епископов. Трудно только согласиться с тем, что такой собор из «оказавшихся в пределах досягаемости» епископов мог быть созван. Не только потому, что для него в плотном летописном повествовании не остается временной ниши. На самом деле мы знаем епископов, именно «оказавшихся в пределах досягаемости» Даниила непосредственно перед известием о митрополите. И эти епископы едва ли удовлетворили бы желание князя. В уже разобраном сообщении упоминается, что епископ Артемий галицкий бежал вместе с Ростиславом Михайловичем, а перемышльский епископ также «коромоловал» в пользу Ростислава и «бегал» от Данилового дворского[21]. Судя по всему, был еще один епископ — Асаф угровский, упомянутый в статье 1223 г., который близко этого времени попытался сам сесть на митрополичий престол и за это был «извержен», а епископия оказалась переведена в Холм[22], откуда по совпадению и выезжает Даниил с Кириллом. Теоретически во владениях Романовичей оставался еще епископ — владимирский, но он один, разумеется, не мог бы составить собора[23], само проведение которого к тому же среди болоховской войны, отпора Ростиславу и татарской угрозы сомнительно.

Более того, нет никакой уверенности в том, что упомянутый в 1242 г. как митрополит Кирилл действительно стал митрополитом именно в этом году. Исследователи зачастую распространяют на *ГВл* общее впечатление о работе летописцев, согласно которому записи делались либо в год события, либо близко к нему, так что последовательность изложения соответствует в целом последовательности происходившего. На самом деле автор *ГВл* обещал читателю забегать вперед и отступать назад в своем повествовании[24] и действительно следовал этому правилу. Многим его персонажам даны определения как бы «задним числом». Вот только несколько характерных примеров: непосредственно перед указанным признанием (ок. 1252 г.) летописец сообщил, что Миндовг прислал к Даниилу с предложением мира под предлогом свойства (хот любви w сватьствѣ)[25]. Шварн Данилович

---

[20] Ср. краткое замечание Е. Голубинского: «Печатник Кирилл представляется нам как человек военный почти одновременно с тем, как избран был митрополит» (*Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 2, 1-я пол. СПб., 1906. С. 53, примеч. 1).

[21] ПСРЛ. Т. 2. С. 795.

[22] Об этой статье и о датировке упомянутых в ней событий см.: *Толочко П.* Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания // Ruthenica. 4. 2005. С. 47—53.

[23] Не ясно, был ли на владимирской кафедре епископ в интересующее нас время. Им мог бы быть Никифор Станило, упомянутый в общем перечне владимирских епископов под 1223 г., но установить абсолютную хронологию для его святительства не представляется возможным (см.: *Толочко П.* Статья 6731 года Галицко-Волынской. С. 50).

[24] См.: ПСРЛ. Т. 2. С. 820.

[25] Там же.

действительно женился на дочери Миндовга, но ок. 1254/55 г.[26] Очень показательна ремарка, сделанная среди событий 1207—1208 гг., о том, что дочь венгерского короля Андрея Елизавета (только что родившаяся) не только овдовела, но и стала святой: юже нъінѣ сто҃у нарѣаютъ ⟨...⟩ много бо послоужи. Бв҃н по моужи своемь[27]. Ближе к нашей теме епископов: уже продемонстрировано, что, например, статья 1223 г. содержит сведения о епископах, получивших сан гораздо позднее, да и была составлена не ранее 1260 г.[28] Таких известий, отсылающих читателя к позднейшим событиям, довольно много, и они хорошо известны исследователям *ГВл.*

Едва ли стоит сомневаться, что поставление Кирилла находится в связи с неудачной попыткой угровского епископа Асафа «скочити» на митрополью, его свержением и последующим переводом епископии в Холм. Именно эти события и могли подать Даниилу мысль о возможности «назначить» митрополита, как он назначил епископа (холмского). Изгнание угровского епископа летописец дважды в различных местах своего труда ставит в связь с основанием Холма, унаследовавшего епископию[29]. Город был заложен, скорее всего, ок. 1238 г. и, как мы видели, к 1242 г. уже в каких-то формах существовал[30]. Но перевод епископии бессмысленен без соборной церкви, а ярко описанное широкомасштабное строительство церквей в Холме состоялось много позже: вероятнее всего, после возвращения Даниила из Орды через Киев в 1246 г. (поскольку именно из Киева и Овруча были вывезены потребовавшиеся для украшения храмов иконы и колокола). К этому же времени, как справедливо полагает А. Поппэ, относится и поездка Кирилла в Никею за патриаршим утверждением[31]. По существу, это и есть первое «документальное» известие о митрополите Кирилле. Поэтому представляется ошибочным широко бытующее в литературе мнение, будто Даниил назначил Кирилла митрополитом в 1242 г. и только через четыре года отправил поставляться в Никею. Если на Руси были сколько-нибудь осведомлены о делах «в Греции», попытки поставить митрополита ранее были бы абсурдны: патриарший престол пустовал с 1240 по 1244 г., и всякое поставление было бы незаконным[32]. У Даниила и без того хватало конфликтов с епископами, чтобы осложнять их еще и схизмой.

---

[26] *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań etc., 2002. S. 125.

[27] ПСРЛ. Т. 2. С. 723. О хронологических приметах этих записей см.: *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Mittheilungen der Ševčenko-Geselschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1901. Bd. XLI, III, 11.

[28] *Толочко П.* Статья 6731 года. С. 50—51.

[29] Там же. С. 51.

[30] Даже и это неочевидно. Уже после наших событий, начиная рассказ о нападении ятвягов, летописец отмечает: и еще бо Холмоу. не поставленоу бывшю. Даниломъ (ПСРЛ. Т. 2. С. 799).

[31] *Поппэ А.* Митрополиты киевские и всея Руси. С. 468.

[32] Еще одно хронологическое «совпадение»: в 1245 г. в Лионе появляется «архиепископ Петр», которого исследователи полагают либо самозванным, либо поставленным кем-то из князей (кандидатуры здесь различны) митрополитом. Надо думать, все три «митрополита» — Асаф, Петр и Кирил — предпринимают попытки утвердиться на престоле вскоре после 1244 г., когда появляется патриарх и становится возможным

Совпадение поставления Кирилла с возвращением Даниила из Орды, вероятно, не случайно. Поездка — вопреки опасениям — оказалась весьма успешной: главный соперник Даниила Михаил Всеволодович был устранен (устраненным оказался и Ярослав Всеволодович, непосредственно перед 1246 г. владевший Киевом[33]), сам Даниил получил какие-то заверения и гарантии его власти на обозримое будущее. После возвращения он ведет себя как владетель Киева: распоряжается его реликвиями; свое новое положение демонстрирует строительством новой столицы и т. д. В своем новом качестве он мог отважится (и действительно, получал подобие канонического права как владетель столичного города) и на назначение митрополита.

Наконец, еще несколько наблюдений над известиями, где фигурирует печатник Кирилл. Речь в них идет о возвращении растерянного княжеского имущества, попавшего в чужие руки. Поэтому здесь действуют представители княжеского двора, и поэтому особое внимание уделяется их должностям. Кроме печатника, следует напомнить, действует еще Яков — стольник, а также Андрей — дворский (а с противной стороны — Володислав, «принявший тысячу» галицкую от Ростислава). Это единственное в своем роде место летописи с такой концентрацией княжеских должностей. И неспроста: после возвращения у князя просто не оставалось иных сторонников, кроме нескольких ближайших «дворян». Именно поэтому они все названы с должностями. Это же может объяснить и почему для второго из Кирилов сделано ретроспективное уточнение, что он — митрополит: чтобы отличить его от фигурирующего в том же сообщении Кирилла-печатника.

Убедительность гипотезы о печатнике, ставшем митрополитом, во многом зависит от впечатления, неоднократно отмеченного в литературе, особой близости митрополита Кирилла к Даниилу Романовичу. Такая близость, вероятно, мыслится как продолжение верной службы печатника[34]. Но так ли близок был митрополит к князю?

Д. С. Лихачев пишет об этом общеизвестном факте в странных выражениях: «Не будем вдаваться в подробности отношений Кирилла и Даниила. Как известно, отношения эти были очень тесными»[35]. В подробности, однако, «вдаться» следовало бы, поскольку из них сразу же выясняется, что никаких особо тесных отношений и не было. Биография митрополита, как она восстанавливается по источникам,

---

получить утверждение. На Руси не было сомнений в том, что митрополит должен поставляться именно Никейским патриархом: два предшественника Кирилла — Кирилл и Иосиф — были рукоположены в Никее (см.: *Поппэ А.* Митрополиты киевские и всея Руси. С. 464—468).

[33] Как это явствует из замечания Плано Карпини.

[34] Характерны преувеличения писавших об этом исследователей. Например: «Кириллу *неоднократно* (курсив мой. — *А. Т.*) приходилось выполнять сложные дипломатические поручения Даниила *еще прежде* своего поставления в митрополиты» (*Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. С. 50; тождественно в: *Лихачев Д. С.* Русские летописи. С. 263).

[35] Там же.

говорит скорее об отсутствии симпатии между князем и митрополитом[36]. После поставления в Никее Кирилл ни разу не упомянут в *ГВл*. Зато он вскоре обнаруживается на северо-востоке Руси и вступает в тесные отношения с тамошними князьями, проводя большую часть своего времени на севере и наезжая в Южную Русь только время от времени[37] (документированно только раз — в 1273—1276 гг.).

Предполагаемая близость печатника-митрополита к князю породила дальнейшие домыслы. Так, Йозеф Фурман писал: «Ясно, что Кирилл был доверенным сотрудником Даниила и что, сделав его печатником, а затем и митрополитом, Даниил избрал человека, от которого ожидал политики, согласующейся с княжескими интересами в Галиче и на Волыни»[38]. Под «княжеской политикой», которой якобы должен был следовать избранный в митрополиты канцлер, Йозеф Фурман, как и некоторые его предшественники, понимает проект церковной унии, о котором якобы и князь, и митрополит сговаривались еще в 1242 г. Никаких оснований так думать, разумеется, сохранившиеся источники не дают[39]. Если бы это было так, то зачем Кирилл в 1246 г. (через четыре года после договоренностей) отправился получать ставление в Никею к православному патриарху? Будучи сторонником унии, он мог бы получить ставление «на Западе» или же (если нужно было соблюсти декор) от латинского патриарха в Константинополе. Традиционная точка зрения, усматривавшая причину охлаждения митрополита к Даниилу в заигрывании князя с идеей унии, как кажется, гораздо лучше объясняет дело.

Эти обстоятельства жизни Кирилла заставляют с глубоким скепсисом отнестись к еще одной гипотезе, связанной с отождествлением печатника и митрополита. Еще в 1941 г. Л. В. Черепнин в замечательной статье о Галицко-Волынской летописи предположил, что печатник Кирилл был одним из ее авторов[40]. Раз появившись,

---

[36] *Поппэ А.* Митрополиты киевские и всея Руси. С. 468—469.

[37] См. сводку известий в: *Furhmann J. T.* Metropolitan Cyril II. S. 166–167.

[38] Ibid. S. 163.

[39] Доказательство «западных» вкусов нового митрополита Йозеф Фурман усматривает в том, что на пути в Никею Кирилл проезжал через Венгрию! Ср. замечание Е. Голубинского: «Как относился к этому делу сношений Даниила с папой митрополит Кирилл, мы *вовсе и совершенно* (выделено мною. — *А. Т.*) не имеем никаких положительный сведений» (*Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 2, 1-я пол. С. 86). На основании наблюдений над позднейшим поведением митрополита Голубинский все же склонялся к мнению, что Кирилл не одобрял переговоров об унии.

[40] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. Т. 13. М., 1941. С. 251. Автора не смутило, что сам «летописец» он датировал 1256—1257 гг., так как его идея состояла в том, что летописец представлял собой обработку кратких повестей. Иногда эту мысль несправедливо присывают М. С. Грушевскому, высказавшему только осторожную догадку «чи літописець не був одним з "писарів" княжої канцелярії, помічником печатника і учасником його походу на Бакоту» (*Грушевський М. С.* Історія української літератури. Т. 3. Київ, 1993. С. 165). Интересно, что А. И. Генсерский, признавая тождество печатника и митрополита, тем не менее дословно воспроизвел мысль Грушевского о сотруднике канцлера как авторе летописи (*Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис

догадка может только обрастать новыми догадками. Д. С. Лихачев, руководствуясь подсказками М. Д. Приселкова (отождествлявшего печатника и митрополита и приписавшего ему заказ «свода 1281 г.»)[41], приписал митрополиту-печатнику перенесение некой «галицкой литературной традиции» на Северо-Восток Руси[42]. Предыдущий (до переселения) литературный опыт Кирилла, по Лихачеву, принадлежит к числу курьезов: «Насколько мы можем судить по кратким заметкам Ипатьевской летописи... "печатник" Кирилл выполнял и *чисто литературные* (курсив мой. — *А. Т.*) поручения Даниила. Даниил послал Кирилла в Бакоту "исписати грабительства нечестивых бояр"»[43]. Едва ли лучшей (вопреки намерениям) получилась характеристика писателя у В. Т. Пашуто: «Вполне светское недавнее прошлое митрополита благотворно отразилось на созданном труде, оказавшемся свободным от обычного в летописании той поры налета церковщины»[44]. Но и такие сомнительные достоинства обеспечили Кириллу персональную статью в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»[45].

Канцлер, ставший митрополитом, конечно, весьма соблазнительная кандидатура на роль летописца. Проблема, однако, состоит в том, что, какого бы времени ни были фактические и даже документальные материалы, легшие в основу повествования *ГВл*, эта часть летописи оформлялась после 1260 и, вероятно, ближе к 1266 г., то есть уже тогда, когда митрополит покинул Волынь и прочно обосновался на севере Руси[46]. Печатник Кирилл, даже если он и стал митрополитом и

(процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958. С. 76). Утверждения, что митрополит Кирилл был автором *ГВл* можно встретить и в работах на совершенно иные темы, см., например: *Ђура Харди.* О протоку људи и путним правцима југоисточне Европе средином XIII века // Зборник Матице српске за историју. 67—68. Нови Сад, 2003. С. 40—41.

41 *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. М., 1996. С. 258.

42 *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. С. 51—56; *Он же.* Русские летописи. С. 265—267. См. фактические возражения: *Ostrowski D.* The Galician-Volhynian Chronicle, the Life of Alexander Nevskii and the Thirteenth-Century Military Tale // Paleoslavica. XV. № 2. 2007. P. 307—324. Статья Лихачева, написанная, как кажется, «по случаю» окончательного присоединения Западной Украины, оказалась весьма влиятельной; «галицкая традиция» в житии Александра Ярославича отмечается едва ли не всеми исследователями, затрагивающими сюжет; из последних работ см.: *Navrotskaya A.* Aleksandr Nevskii: Hagiography and National Biography // Cahiers du monde russe. 46, 1—2. 2005. P. 299.

43 *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. С. 50.

44 *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 91.

45 *Творогов О. В.* Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 225—227.

46 *Орлов А.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Изв. Отд. русского языка и словесности АН СССР. Т. 31. 1928. С. 93—126; *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис. С. 13—14; *Толочко П. П.* Давньоруські літописи і літописці XI—XIII ст. Київ, 2005. С. 329. Дин Ворт на основании линвистических данных категорически утверждал, что, что бы ни предполагали историки, единственным существенным рубежом в *ГВл* является 1260—1261 гг. (*Dean S. Worth.* Linguistics and Historiography: A Problem of Dating in

даже если этот митрополит обладал какими-либо литературными способностями, физически не мог принять участия в составлении *ГВл.*

Отказ от гипотез, подобных отождествлению печатника Кирилла и митрополита Кирилла, всегда сопряжен с подсознательным чувством потери чрезвычайно яркой личности, в нашем случае — канцлера, митрополита и писателя в одном лице. Компенсацией за утрату здесь, как и в других случаях, оказывается то очевидное обстоятельство, что вместо одной в итоге получаем три ярких личности: двух Кириллов (печатника и митрополита) и одного анонимного летописца.

the Galician-Volhynian Chronicle // *Dean S. Worth.* On the Structure and History of Russian. Selected Essays // Slavstishche Beiträge. Bd. 10. München, 1977. P. 232), и совсем недавно этот вывод получил подкрепление дополнительными лингвистическими наблюдениями (см.: *Khristova D. S.* Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle // Russian History / Histoire Russe. 33. 2—4. 2006. P. 313—331).

Т. Л. Вилкул (Киев)

«От мала и до велика». К происхождению книжной формулы

Устойчивое сочетание «от мала и до велика» в литературе, посвященной вечевым собраниям и выступлениям народа, является, можно сказать, своеобразным символом вечевых собраний. По крайней мере, в многочисленных историях древнерусских представительных органов, написаных в XIX—XX вв., часто само собою разумелось, что в вече принимали участие все «от мала и до велика». Но, как и многие знаковые высказывания, такое утверждение оказалось слишком прямолинейным, а истолкование значения чересчур уверенным. Картина, наблюдаемая в источниках, гораздо менее однозначна. «От мала и до велика» сравнительно низкочастотный оборот, по комплексу значений близко стоит к выражению «весь градъ». Использовался в церковно-книжной литературе и летописных сводах, а также в некоторых памятниках права древнерусского периода, в частности, в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленской епархии и в договоре Новгорода с Ярославом Ярославичем 1270 г.[1] Встречается в описаниях многолюдных собраний, в том числе вечевых, но может означать состав войска[2], все население города в буквальном смысле слова, вплоть до младенцев, однажды применяется для наиболее полного перечисления идеальных явлений, а именно «нелюбья» (договор 1270 г.)[3].

Составитель ПВЛ использовал выражение «от мала и до велика» единственный раз в повествовании 1078 г. о походе Изяслава и Всеволода Ярославичей под Чернигов (Изяслав «повеле сбирати вои от мала и до велика»)[4]. Лаврентьевская летопись за XII в. также содержит всего лишь одно сообщение — о собрании ростовцев, суздальцев и представителей иных городов после убийства Андрея Боголюбского для избрания князя: «...уведевше же смерть княжю рос-

---

[1] Уставную грамоту Ростислава Мстиславича Смоленской епархии см.: Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1952. С. 42; договор Новгорода с Ярославом Ярославичем 1270 г.: Там же. С. 140; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 13.

[2] Это отмечалось в: *Прохазка Е. А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. XLII. 1989. С. 233.

[3] В договоре Новгорода с Ярославом Ярославичем 1270 г. «Нелюбье» — то есть, трения, раздор: «все нелюбье отложити и от мала и от велика», формула несколько изменена («и от... и от»).

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 201. При этом выражения нет ни в серии пророчеств о Христе перед крещением Владимира Святославича, ни в самом описании крещения, а, как увидим далее, именно в пророчествах о приходе Христа чаще всего использовались ветхо- и новозаветные цитаты с этой формулой.

товци и сужьдалци и переяславци и вся дружина от мала до велика, съехашася к Володимерю»[5]. В Ипатьевской летописи XII в. выражение встречается несколько чаще — 6 раз. Под 1147 г. — дважды в рассказе о вече: «кияном же всимъ сьшедшимся от мала и до велика к святеи Софьи на дворъ, въставшем же имъ въ вечи», — и далее, в речи князя, призыве собирать войско: «доспеваите от мала и до велика»[6]. Под 1148 г. в эпизоде приглашения новгородцев на обед к Изяславу Мстиславичу («посласта по улицамъ кликати зовучи къ князю на обедъ от мала и до велика»)[7], в 1185 г. в описании войска половцев из драматического рассказа об Игоревом походе («собравшеся от мала и до велика, стояхуть на онои стороне рекы Сюурлия»)[8] и 1194 г. в записи о встрече киевлянами нового князя Рюрика Ростиславича («изидоша противу ему со кресты митрополитъ игумени вси и кияни вси от мала и до велика с радостью великою»)[9]. Кроме того, статья 1175 г. содержит общий с Лаврентьевской текст об избрании князя людьми Владимиро-Суздальской земли. Лаврентьевская летопись за XIII в. помещает оборот 4 раза. Дважды под 1206 г., в описании пышной встречи Константина Всеволодича новгородцами, а затем — в рассказе о возвращении во Владимир из Новгорода и приветствии этого же князя его братьями и владимирцами[10]. В 1230 г. также сообщается о встрече ростовцами нового епископа Кирилла[11]. Под 1240 г. выражение содержится в записи о взятии татарами Киева («взяша Кыевъ татарове... а люди от мала и до велика вся убиша мечем»)[12]. В Галицко-Волынской летописи находим 8 примеров. Все они приходятся на вторую половину века, то есть, видимо, связаны с последним составителем свода[13]. Речь идет об «избиении» татарами жителей польского города Судомира (оборот встречается 2 раза), взятии литвой Дорогичина, а поляками — Переворска, оглашении перед владимирцами

---

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 372—373. Этот фрагмент имеется и в Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 595.

[6] ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 348—349.

[7] Там же. Стлб. 369.

[8] Там же. Стлб. 639.

[9] Хлебниковский список: от млада и до велика. Там же. Стлб. 681.

[10] «И изидоша со кресты противу ему с честью великою множство народа съ епископомъ Митрофаном от мала и до велика, и бысть радость велика Новеграде» (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 423). «И сретоша и... вся братя его... и вси мужи отца его и горожане вси от мала и до велика» (Там же. Стлб. 428).

[11] «Изидоша же на сретенье Кирилово князь и княгыни и боляре, и вси мужи ростовьскыя, и игумени и попове и святыя зборныя церкве клиросъ и вси гражане от мала и до велика, и введоша и с великою честью в святую зборную церковь святыя Богородица» (Там же. Стлб. 453).

[12] Там же. Стлб. 470.

[13] Галицко-Волынская летопись, судя по языковым данным и особенностям работы с источниками, состоит из двух основных частей: галицкой (холмской) и волынской. Оборот часто использовался как раз волынским сводчиком, кроме последнего известия о смерти степанского князя, поскольку оно находится в приписках к своду.

завещания Володимира Васильковича, похоронах Володимира, встрече Мстислава Даниловича и проводах степанского князя Ивана[14] (последний фрагмент — в приписке к своду). В Новгородской первой летописи оборот появляется в 1197 г., и до конца XIII в. можно назвать три примера. Первый (1197 г.) — в описании разрешения конфликтной ситуации. Возврат в город свояка суздальского князя Всеволода Юрьевича, Ярослава Володимирича, после недолгого княжения черниговского княжича исчерпал конфликт с Суздалем. Всеволод Юрьевич отпустил посадника и остальных новгородцев, которых держал в плену. «И вси придоша невредженн ничимь же, и ради быша Новегороде вси от мала и до велика»[15]. В 1270 г. новгородцы мобилизовали не только город, но и волость для отпора князю Ярославу Ярославичу[16]. Под 1299 г. выражение встречается в описании избрания архиепископа «всем городом» «от мала и до велика»[17].

Итак, высказывание сравнительно редко, и, что весьма существенно, появляется преимущественно в летописных повестях с обильным использованием книжной топики или торжественных описаниях встреч и прощаний. Например, в Лаврентьевской летописи за XIII в.: 3 торжественных встречи из 4-х упоминаний, последнее же выражение в статье 1240 г. обусловлено, скорее всего, заимствова-

---

[14] Под 1261 г. причащались перед выходом к татарам церковники, потом «бояре с женами и с детми, таже вси от мала и до велика» жители польского города Судомира, но покорение не помогло, татары «исекоша же все от мала и до велика» (ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 854—855). Под 1274 г. литва взяла Дорогичин, «избиша и все от мала и до велика» (Там же. Стлб. 871). Под 1281 г. «Лестько» (Лешко) пошел войной на Льва Даниловича, взял у него городок Переворск, «исече и люди в нем вси от мала и до велика» (Стлб. 882). Далее, под 1287 г. бездетный Володимир Василькович по завещанию отдал свои земли двоюродному брату Мстиславу Даниловичу. Мстислав «созва бояры володимерьскыя брата своего, и местиче русци и немце, и повеле передо всими чести грамоту братну о даньи земле и всех городовъ... и слышаша вси от мала и до велика» (Стлб. 905). Под 1289 умер Володимир Василькович, «горожаномъ же от мала и до велика, мужи и жены и дети с плачемь великимъ проводиша своего господина» (Стлб. 918). Нового князя Мстислава «сретоша его горожане со кресты от мала и до велика и прияша и с радостью великою» (Стлб. 931). Кроме того, в сообщении под 1292 г. о смерти степанского князя Ивана Глебовича: «плакахуся по немь вси людье от мала и до велика» (Стлб. 938).

[15] Новгородская Первая Летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 43 (ПСРЛ. Т. 3. М., 2001). Ярослав Владимирович приходился Всеволоду Юрьевичу зятем и был ставленником суздальского князя. У Всеволода поздно начали рождаться сыновья, поэтому он одно время делал ставку на мужа своей дочери.

[16] «И совкупися в Новъгородъ вся волость Новгородьская, пльсковичи, ладожане, корела, ижера, вожане; и идоша в Голино от мала и до велика, и стояша неделю на бродс» (Новгородская Первая. С. 89).

[17] «Възлюбиша всь градъ от мала и до велика Богомъ назнамснана мужа блага и смирена... и созвонивше вече у святеи Софеи». Только по Новгородской первой летописи младшей редакции, в старшей редакции нет «весь град от мала и до велика». Ср.: Новгородская Первая. С. 90, 330.

нием библейского фрагмента[18]. Галицко-Волынская летопись — вообще один из наиболее «книжных» летописных сводов, да и в Новгородской первой книжные образцы проявляются гораздо чаще с конца XII в. В Ипатьевском своде за XII в. одно описание встречи, другие примеры использования выражения — в летописных повестях. Так, статья 1147 г., где «от мала и до велика» встречается дважды, весьма проработана в литературном отношении. Здесь помещена обширная повесть об убиении Игоря Ольговича, насыщенная цитатами из библейских текстов и некоторых других источников[19]. В годовой статье 1148 г., по моим наблюдениям, имеются заимствования из Александрии Хронографической, а также, по-видимому, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия[20]. Хронографические тексты заимствованы и в повести об Игоревом походе 1185 г.[21] Все сказанное заставляет думать, что мы имеем дело с книжным выражением. Сравнение показывает, что «от мала и до велика» — оборот преимущественно библейский. Он имеется в славянских переводах ветхозаветных книг (например: 1 Ц. 5:9, 1 Ц. 30:2, 1 Ц. 30:19; 4 Ц. 23:2, 4 Ц. 25:26; Иса. 22:5, Иса. 22:24; Иер. 8:10, Иер. 31:34, Иер. 42:1, Иер. 42:8, Варух 1:4, Иона 3:7[22]) и Апостола (ДА 8:10, Евр. 8:11). Что еще важнее, при-

---

[18] Ср. 4 Ц. 24:8 «и отроцы его около обседяху градъ»; несколько ранее, 4 Ц. 23:2, читается «и вси людие от мала и до велика». В. Н. Перетц считал, что в известии о взятии Киева использована книга Судей, но в Суд. 20:37 — «весь градъ»: «избиша весь градъ остриемъ меча». См.: *Перетцъ В. Н.* До питання про літературні джерела давньоукраїнського літопису // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний зб. на пошану акад. М. С. Грушевського. Київ, 1928. № 76. Ч. II. С. 214.

[19] Борисо-глебского цикла и др. См., например: *Podskalsky G.* Principal Aspects and Problems of Theology in Kievan Rus' // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XI. № 3/4. 1987. P. 270—286. В статье 1147 г. использована также Александрия: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. XIII. Cambridge (Mass.), 2005. № 1. P. 67—68.

[20] *Вилкул Т. Л.* «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) (в печати). Вставки из Александрии продолжаются в Киевском своде вплоть до статьи 1197 г. и, по-видимому, сделаны одной рукой. Кстати сказать, «от мала и до велика» встречается в основном именно на тех участках текста, где и заимствования из Александрии.

[21] А именно, Александрия и «История иудейской войны». Кроме того, составитель Киевского свода XII в., как и многие другие летописцы, перплетал заимствования из хронографических текстов с библейскими.

[22] Острожская Библия. Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго завета по языку словенску. Фототип. переизд. текста с изд. 1581 года. М.; Л., 1988. Л. 125 об., 139, 139 об.; 183, 184 об.; 77/2 об. (2 раза); 97/2 об., 108/2, 113/2, 122/2, 168/2. (В Острожской Библии пагинация страниц имест четыре точки отсчета, которыми служат начало, Псалтырь, Евангелия и Апостол, 2-ю часть обозначаю как 77/2 об. или 99/2). Привожу здесь ссылки на довольно позднюю Острожскую Библию, так как вплоть до позднего средневековья — начала Нового времени славянская Библия не была собрана в одну книгу и ветхозаветные тексты разбросаны по многочисленным рукописным сборникам и в большей части не изданы. Вместе с тем текст более или менее устойчив, хотя в поздних изданиях, в том

сутствует в чтениях служебных, которые имели возможность слышать все верующие. В Апостоле — полный апракос ДА 8:10 (чтения вторника 3 недели после Пасхи) и Евр. 8:11 (чтения 30 понедельника после Пятидесятницы)[23]. В Паремейнике Иона 3:7 — 4-е, а Иер. 31:34 — 14-е, предпоследнее, чтение Великой субботы. Не удивительно, что Иер. 31:34: «И не имут научитися к тому кождо ближняго своего, глаголя, яко вси уведят мя от мала и до велика, рече Господь, яко милостивъ буду безакониемъ ихъ, и грех ихъ не имамь помянути к тому» — было весьма популярной в древнерусское время цитатой[24]. Текст повторен в Послании ап. Павла к Евреям и часто использовался в серии свидетельств о приходе Христа. В том числе он приводится в «Слове о законе и благодати»[25], одном из слов Кирилла Туровского[26], в книге Косьмы Индикоплова[27], в Хронике Георгия Амартола[28].

В строго хронографических текстах[29] выражение «от мала и до велика» встречается очень редко, в большинстве из них вообще отсутствует. По существу, оборот

числе Острожской, Елизаветинской Библии, некоторые формулы, в том числе «от мала и до велика», в ряде случаев изменены (изменение не в сторону учащения).

[23] Матичин Апостол (XIII век) / Приредили Радмила Ковачевић, Димитрије Стефановић. Београд, 1979. Л. 163г. Первое чтение, на тот же день, имеется также и в кратком апракосе: Струмички (македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век / Подгот. Блахова Емилие, Хауптова Зое. Скопје, 1990. Л. 10b.

[24] Цитируется по списку Паремейника последней четв. XV в. из собрания Златоверхого Михайловского монастыря. НБУ. Ф. 307 (Золот-Мих.) № 433, п/1639. Л. 83в—83г. Тот же текст в Григоровичевом Паремейнике рубежа XII—XIII вв.: Григоровичев Паримејник / Сост. Рибарова Зденка, Хауптова Зое. Скопје, 1998. Л. 91 (здесь: «от малыхъ до великыхъ», в вариантах указано, что в Лобковском Паремейнике «...до велика»).

[25] «По пророчеству: и научить кождо искреняго своего, и человекъ брата своего глаголя: познаи Господа, яко оуведять мя от малых до великааго». «Слово о законе и благодати», по рукописи Син-591, л. 175б. Эта рукопись (единственный список первой редакции, по классификации А. М. Молдована) была неоднократно опубликована, см., например: Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. 1. М., 1986; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

[26] Отмечено в: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.: В 10 т. М., 1988. Т. 1. С. 384.

[27] «Яко вси уведять мя от мала и до велика ихь, яко милостивъ буду неправдамъ ихь и греховъ их к тому не помяну, и сего въспоминаеть апостолъ, яже къ евреомь в послании» (Книга нарицаема Косьма Индикоплов. М., 1997. 71:13—15).

[28] «Не имуть учити искрьняго своего и кождо ихъ брата своего сведаи Господа, яко вси побояться мене от мала и до велика, яко милостивъ буду о гресехъ ихъ и о неправдах» (*Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Пг., 1920. 215:1). Второй пример встречается также в пророчествах о Христе, но здесь пересказ приведенной ранее точной цитаты. «Великии же Германъ (патриарх. — *Т. В.*) рече: "послушаи, о царю. Господу Богу нашему Исусу Христу плотию явившемуся и съ человекы поживе и всеми видену бывшу, вси бо то боятся мене, веща, от мала даже и до велика их..."»; ГА 469:20—21.

[29] То есть в светской или небиблейской части, состоящей в основном из переводов Амартола, Малалы, Флавия и Александрии. Хотя, разумеется, в Хронографах присутствуют обширные включения из книг Ветхого Завета.

имеется только в Хронике Амартола, притом оба примера связаны с библейскими реминисценциями. В Хронике Иоанна Малалы, «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия и Александрии Хронографической выражение не отмечено. Кроме того, в переводе «Истории иудейской войны» встретился неформульный оборот с тем же содержанием: «от исподних до връхних»[30]. Это означает, что источником летописцев были не хронографические, а библейские книги[31].

Если исходить из ПВЛ, где выражение относится к уникальным, поначалу оно не пользовалось у летописцев популярностью. Чаще встречается с конца XII в., в XII—XIII вв. спорадически появляется в памятниках права. Притом, что интересно, именно в тех правовых документах, где можно было бы ожидать проявления церковно-книжной топики — в Уставной грамоте Смоленской епархии и договоре, написанном новгородским писцом, питавшим пристрастие к книжным словесам[32]. Представляет интерес то, что летописцы не используют его в наиболее торжественных или катастрофических ситуациях. Например, в Галицко-Волынской летописи выражение присутствует в описании взятия в общем второстепенных для галицкого и волынского летописцев городов: Судомира, Дорогичина, Переворска. Такое же явление наблюдается и в Лаврентьевской летописи за XIII в. «От мала и до велика» не найдем в повести о взятии татарами Владимира и Суздаля 1237 г., но обнаружим в краткой статье об осаде Киева 1240 г.[33] Возможно, это свидетельствует о некоей иерархии выражений, хотя жесткой закономерности здесь не прослеживается и случайное распределение нельзя исключать.

---

[30] См.: *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. Л. 215:17 (новое издание текста: «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1. М., 2004. Л. 370б:16).

[31] Еще одним косвенным подтверждением тому служит то обстоятельство, что в первой, галицкой, части Галицко-Волынской летописи, составитель которой интенсивно использовал Хронограф, формула «от мала и до велика» не встречается.

[32] Писал его, по-видимому, летописец и секретарь архиепископов Спиридона и Далмата, по классификации А. А. Гиппиуса. Он вел летописные записи в 1226—1274 гг. *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сб. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 9—10.

[33] Правда, в этой статье Лавр, по-видимому, цитата из 4-й книги Царств, см. выше.

А. А. Кузнецов (Нижний Новгород)

Брак Юрия Всеволодовича 1211 г. в общерусских политических отношениях

Данная статья представляет собой цепь сюжетов, связанных между собой историей брака владимирского князя Юрия Всеволодовича и теми последствиями, которые он имел.

Причины брака Юрия Всеволодовича в 1211 г. уходят корнями в события предшествующего пятилетия. В них переплелись борьба владимирского князя Всеволода Большое Гнездо за Переяславль-Русский, давление на Рязанскую землю, перераспределение влияния между Смоленском, Владимиром-на-Клязьме и Черниговом.

В 1206 г. Всеволод Чермный изгнал из Переяславля-Русского сына владимирского князя Ярослава. Переяславль занял сын Всеволода Черниговского, Михаил[1]. Ответный поход Всеволода Большое Гнездо на обидчиков сына в 1207 г. привел к захвату рязанских князей, обвиненных в тайном союзе с Черниговом (ЛЛ. Стлб. 429—430). В историографии встречается утверждение, что карательная акция в Рязанской земле стала военно-политическим поражением Всеволода Большое Гнездо: ведь замышлялся грандиозный поход против Всеволода Чермного. Изучение фактов позволяет поставить это представление под сомнение. Во время похода по Рязанской земле, взяв Пронск, Всеволод Юрьевич захватил жену пронского князя Кира Михаила, ранее бежавшего к тестю Всеволоду Чермному[2] и так нейтрализовал Всеволода Чермного. Узнав, что Всеволод Юрьевич воюет в Рязанской земле, Рюрик Ростиславич выгнал Всеволода Чермного из Киева (ЛЛ. Стлб. 432—433). В этой согласованности хотелось бы видеть проявление владимирско-смоленского союза. Всеволод Большое Гнездо ответил на изгнание сына из Переяславля установлением контроля над Рязанским княжеством, разгромом города зятя черниговского князя и пленением дочери последнего. А в итоге князь Всеволод Чермный был изгнан из Киева смоленскими князьями.

Возможный смоленско-владимирский союз действовал до вокняжения в 1208 г. в Новгороде Мстислава Удатного. В 1209 г. рязанские князья Кир Михаил и Изяслав Владимирович, разорявшие Подмосковье, были отброшены Юрием Всеволодовичем (ЛЛ. Стлб. 434). Их нападение было связано с тем, что силы Всеволода Юрьевича были задействованы против Мстислава Удатного в Новгороде (ЛЛ. Стлб. 435; НПЛ. С. 51—52, 249). К 1210 г. Всеволод Юрьевич был в изоляции:

---

[1] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (далее в основном тексте статьи — ЛЛ). Стлб. 427—428.

[2] Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. III. М., 2000 (далее в основном тексте статьи — НПЛ). С. 50, 248.

не было мира с Черниговом, потерян форпост влияния на юге Руси — Переяславль, Ростиславичи утвердились в Новгороде, приковывала силы Рязань. В свою очередь, в подобном затруднительном положении оказался Всеволод Чермный. С политической сцены сошел Рюрик Ростиславич, а Всеволод Чермный закрепился в Киеве. И все это происходило на фоне общерусского доминирования Ростиславичей, не дававших уверенности в обладании Киевом. Всеволод Чермный не имел мира с владимирским князем, державшим в заложницах его дочь.

Воспользовавшись тем, что владимирский князь и он сам оказались в изоляции, Всеволод Чермный предложил Всеволоду Юрьевичу мир через митрополита Матфея в 1210 г.[3] Закрепили мир свадьбой Юрия Всеволодовича и Агафьи, дочери черниговского князя.

Особую роль в реконструкции событий, связанных с браком детей двух Всеволодов, играют известия В. Н. Татищева. В историографии до сих пор обсуждается вопрос о двух визитах митрополита Матфея и поездке Константина Всеволодовича в Киев за невестой брату. Дипломатический характер миссии митрополита Матфея можно осветить, пользуясь лишь сведениями В. Н. Татищева (в летописях таких известий нет). Он сообщил о двух посольствах митрополита Матфея в 1210 г. и 1211 г.[4] Годовую статью ЛЛ об одном посольстве Н. Г. Бережков, используя Воскресенскую летопись, датировал 6718 мартовским годом[5]. Воскресенская летопись повторила сведение с косвенной датирующей информацией, содержащееся в Московском летописном своде. Там сообщается, что визит митрополита Матфея был зимой, что он после договоренностей с Всеволодом III провел Рождественскую службу в соборной церкви святой Богородицы во Владимире[6]. Датировка миссии митрополита Матфея во Владимир важна для выяснения последовательности событий в 1210—1211 гг.

Согласование двух дат — «смерти» Рюрика Ростиславича и визита во Владимир митрополита Матфея — позволяет дать иную картину событий в 1210—1211 гг. на юге Руси. Сведения о первом посольстве у В. Н. Татищева близки к летописным сообщениям: Всеволод Святославич просит мира, пытается облегчить участь рязанских епископа, князей и их жен, эти желания выполняются частично. В летописях сообщается, что после одной успешной миссии Матфея Всеволод Чермный вокняжился в Киеве, а Рюрик — в Чернигове, что той же весной (ЛЛ. Стлб. 435) половцы разоряли окрестности Переяславля. Похоже написано у В. Н. Татищева, но его известие, более пространное и детализированное, предшествует сообщению о смерти Рюрика Ростиславича. Затем В. Н. Татищев повествует о втором посольстве Матфея.

---

[3] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 108.

[4] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 183, 185; М.; Л., 1964. Т. IV. С. 340, 341.

[5] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 103.

[6] ПСРЛ. Т. 25. С. 108.

Сообщение В. Н. Татищева о втором посольстве несет дополнительную информацию, которой нет в летописях:

«Всеволод, опасаясь великого князя Всеволода Юрьевича, паки послал к нему митрополита Матфея просить о мире и о любви. Митрополит же, пришед, упросил Всеволода, чтоб ему позволял быть на Киеве и мир с ним учинил. А при том учинили договор о браке дочери Всеволода Чермнаго за Юрия Всеволодовича, понеже первая его княгиня умре. И послал Всеволод Юрьевич в Киев сына своего Констянтина со княгинею и бояры знатнейших с женами и со многими дарами невестке своей. Всеволод же Святославич, приняв Констянтина с честию великою, и держал их в Киеве до весны во всяком довольствии»[7].

В I редакции II части «Истории Российской» Татищев дал это же сообщение более кратко:

«Князь же великий Всеволод киевский посла к великому князю Всеволоду Юрьевичу о любви и мире митрополита Матфея. И учиниша мир, помолвиша дщерь его за Юрия Всеволодовича володимерского. И посла Всеволод в Киев сына своего Константина со княгинею, посла же бояр многих со женами по дщерь Всеволожу. И князь великий Всеволод Святославич прият я с честию и держа я у себя до весны»[8].

В этом варианте нет важного замечания, что Юрий Всеволодович второй раз вступал в брак, а оно могло бы объяснить, почему князь в возрасте 23-х лет только-только женился. Как бы соблазнительно ни было объяснить безбрачие Юрия Всеволодовича до 23-х лет, отсутствие подобного сведения в I-й редакции труда В. Н. Татищева и в летописных источниках не позволяет принять эту догадку историка XVIII в. В отличие от нее, указание В. Н. Татищева на поездку в Киев Константина с княгиней за невестой Юрию Всеволодовичу повторено дважды — и в I-й, и во II-й редакциях, но отсутствует в летописных источниках. Вероятнее всего, оно также является авторским объяснением историка XVIII в.

Уникальная информация о втором посольстве митрополита Матфея может быть лишь повтором сведений о все том же декабрьском его визите во Владимир, почерпнутых из не дошедшего до нас источника. Объединение общераспространенного в летописях сведения о «первом» посольстве Матфея во Владимир и уникальной информации о «втором» его посольстве позволили В. Н. Татищеву избежать хронологических неувязок. При соединении этих двух известий с реалиями, почерпнутыми в летописях и у В. Н. Татищева, получается, казалось бы, цельная картина: в апреле 1210 г. «умер» Рюрик Ростиславич, Киев оставался вакантным до вокняжения там Всеволода Чермного; Всеволод Чермный, добившись вожделенного Киева, поспешил уладить свои отношения с тезкой из Владимира и направил туда митрополита Матфея; Матфей добился от Всеволода Большое Гнездо подтверждения права Всеволода Чермного на киевский стол, освобождения рязанских княгинь, женитьбы сына Юрия на дочери Всеволода Чермного и поездки «доброй

---

[7] *Татищев В. Н.* Т. III. С. 185.

[8] Там же. Т. IV. С. 341.

воли» Константина в Киев в начале январского 1211 г.; Юрий Всеволодович женился на дочери Всеволода Чермного; половцы напали на Переяславль. Однако митрополит Матфей зимой 1210/1211 гг. один раз ездил во Владимир.

Тезис о том, что «два посольства» митрополита Матфея во Владимир у В. Н. Татищева есть одна дипломатическая миссия, подкрепляется хронологическими соображениями и текстовыми реалиями. По данным Московского великокняжеского свода конца XV в. имеется твердая дата посольства митрополита Матфея — это декабрь 1210 г. (датировка по Н. Г. Бережкову), а в апреле 1211 г. уже состоялся брак Юрия Всеволодовича с дочерью Всеволода Чермного. То есть за 4 месяца митрополит Матфей должен был съездить к Всеволоду Святославичу в Киев, вернуться обратно, получить согласие Всеволода Юрьевича на брак его сына, уехать обратно вместе с Константином Всеволодовичем, пробывшим в Киеве до весны, когда он сопровождал свадебный поезд. Ясно, что отведенного источниками времени для этого мало. Сам В. Н. Татищев, вероятно, затруднялся, куда поместить сведение о посольстве Матфея после соглашения о браке, скрепившем мир владимирского и черниговского князей. Это сведение было вставлено после известия о «смерти» Рюрика Ростиславича.

Брак детей обоих Всеволодов позволил начать нормализацию в Рязанском княжестве. Жену Кира Михаила, дочь Всеволода Чермного, вместе с другими рязанскими княгинями сразу отпустили из плена[9]. Самих рязанских князей Всеволод Большое Гнездо придерживал во Владимирской земле. Лишь Юрий Всеволодович в 1212 г., заняв владимирский стол, освободил рязанских князей (ЛЛ. Стлб. 437). В 1217 г., после битвы на Липице, рязанский князь Глеб убил двоюродных и родного братьев в Исадах (ЛЛ. С. 440—441; НПЛ. С. 58). Упоминания Глеба в летописях можно связать со смоленскими князьями: 1196 г. — он, зять смоленского князя Давыда, воевал на его стороне против Ольговичей[10], 1207 г. — он выдал родичей Всеволоду Юрьевичу, обвинив их в союзе с Черниговом (а в это время, узнав о разгроме Рязани, Рюрик Ростиславич изгнал из Киева Всеволода Чермного); 1217 г. (после Липицы, где смоленские князья нанесли удар Ярославу и Юрию Всеволодовичам, а последний был ориентирован на Чернигов) — Исады. Там погибли князья, побывавшие во владимирском плену или сопротивлявшиеся в 1207—1210 гг. владимирскому князю. Последних (Изяслава Владимировича и Кира Михаила) ждала «амнистия» после примирения Всеволодов. Таким образом, в Исадах погибли рязанские князья, ориентированные на Чернигов. Если так, то Глеб к 1211 г. из союзника владимирского князя стал его явным врагом, поскольку тот начал сближение с Черниговом. С другой стороны, активность Глеба, трижды зафиксированная в летописях, все время была связана с успехами смоленских князей. После вторичного вокняжения Юрия Всеволодовича во Владимире в 1218 г. он стал способствовать восстановлению справедливости в Рязанском княжестве.

---

[9] ПСРЛ. Т. 25. С. 108.

[10] ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стлб. 691.

В 1219 г. братоубийцы Глеб и Константин Владимировичи попытались с помощью половцев утвердиться в Рязанском княжестве, но были разбиты войсками Ингваря и его братьев, избежавших Исад (ЛЛ. Стлб. 444)[11]. В следующем году Ингварь Игоревич обратился за подмогой к владимирскому князю, чтобы совершить превентивный поход на половцев. Юрий Всеволодович помог в совершении этого удачного похода[12]. Все исследователи, изучавшие историю Рязанского княжества, этот эпизод трактовали как акцию Ингваря Игоревича против союзников Владимировичей — половцев. Присоединяясь к данной точке зрения, надо указать на то, что своей помощью Юрий Всеволодович выразил отношение к событиям в Исадах в 1217 г. В этой помощи нельзя видеть проявление верховенства владимирского князя над рязанскими князьями. Это утверждение важно, поскольку в историографии владимирский князь Юрий критикуется за отказ от ответственности за своих рязанских «вассалов», когда те обратились за помощью в конце 1237 г. Однако в источниках не повествуется о связях какого-либо характера между владимирскими и рязанскими князьями в период 1221—1236 гг. То есть отношения Владимирского и Рязанского княжеств в это время носили равноправный и равнообязательный характер, чему немало способствовал брак Юрия с дочерью черниговского князя, другая дочь которого была до 1217 г. за Киром Михаилом.

Завершая обзор отношений Юрия Всеволодовича с Рязанью, надо отметить и то, что, вопреки сложившемуся стереотипу, Юрий Всеволодович не был заинтересован в ослаблении Рязани ордами Батыя и в условиях цейтнота в начале зимы 1238 г. послал наспех собранную рать на помощь Рязани. Это войско, соединившись с рязанцами, дало бой монголам в Рязанской земле у Коломны (НПЛ. С. 75, 286—287). Кстати, лишь рязанские князья и Юрий Всеволодович с родственниками стали единственными представителями рода Рюриковичей (насколько об этом позволяют судить источники; также надо вспомнить о юном козельском князе), погибшими в борьбе с монгольским нашествием на рубеже 1230—1240-х гг. Основа паритетных отношений Юрия Всеволодовича с рязанскими князьями была заложена в 1211 г. его браком.

Есть все основания считать, что с миром 1210—1211 гг. к владимирскому князю вернулся Переяславль-Русский. Этот город — центр княжества — был предметом спора между черниговским и владимирским Всеволодами с 1206 г. При заключении черниговско-владимирского мира 1210—1211 гг. в летописях судьба Переяславля не оговаривалась, но уже в 1213 г. Юрий Всеволодович отправил брата Владимира в Переяславль, «на отчину свою» (ЛЛ. Стлб. 438). Этот текст доброкачественного источника делает весьма сомнительным «известие» Татищева о том, что Юрий сделал это по согласованию с Всеволодом Чермным[13]. Видимо, для Татищева несомненным было то, что Всеволод Чермный владел Переяславлем и после 1213 г. Ради

---

[11] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания... С. 106.

[12] ПСРЛ. Т. 25. С. 116.

[13] *Татищев В. Н.* Т. III. С. 188.

этого он пошел и на конструирование даты смерти Всеволода Чермного — 1215 г.[14], заменившей достоверную летописную дату смерти князя — 1212 г.[15] Получение Переяславля владимирским князем позволяет пересмотреть условия мира 1210—1211 гг. Вместо абстрактного допущения, что владимирский князь ограничился признанием своей власти со стороны черниговского и одновременно киевского «коллеги», надо указать на то, что он получил Переяславль, сохранил контроль над Рязанским княжеством (рязанские князья в плену), обеспечил союз против Ростиславичей. До 1230 г. Переяславль точно не уходил из рук владимирского князя. По крайней мере, в 1227 г. в Переяславль был направлен племянник Юрия — Всеволод Константинович (ЛЛ. Стлб. 450), чуть позже на краткое время — брат Юрия Святослав Всеволодович (ЛЛ. Стлб. 451).

Брак Юрия характеризует политику Всеволода Юрьевича, продолженную и ощутимую по последствиям и после его смерти. В 1189 г. Всеволод выдал за Ростислава Рюриковича Верхуславу (ЛЛ. Стлб. 407). Затем в 1196 г. Константин Всеволодович женился на дочери смоленского князя Мстислава Романовича[16]. В 1213 г. Ярослав, возможно, продолжая эту брачную линию, женился на дочери Мстислава Удатного[17]. Черниговская линия браков, начатая в 1187 г. дочерью Всеславой (ЛЛ. Стлб. 405), актуализировалась браком Юрия Всеволодовича; в 1215 г. Владимир женился на дочери Глеба Святославича (ЛЛ. Стлб. 438).

Брачная политика Всеволода Великого после его смерти привела к расколу Всеволодовичей, закончившемуся в 1216 г. битвой на Липице. Юрий пришел к ней ориентированным на союз с Черниговом. Он поддержал брата Ярослава против смоленских Ростиславичей, после занятия Киева стремящихся утвердиться и в Новгороде. Источники не позволяют утверждать, что Мстислав Удатный имел единственной целью спасти Новгород от своего злокозненного зятя Ярослава. Ведь для этого не надо было вести против него дружины брата Владимира Мстиславича с псковичами, Владимира Рюриковича, сына киевского князя Романа Мстиславича — Всеволода[18]. Доказательства недостоверности сведения Московского летописного свода о том, что Владимир Рюрикович выдвинулся на соединение с Мстиславом Удатным из Переяславля, в данной работе не приводятся из-за ограничений в объеме.

Брак Юрия решил многие проблемы и знаменовал крупный поворот в политике его отца: от союза с Ростиславичами и конфронтации с Ольговичами к сближению

---

[14] Там же. Т. III. С. 192; Т. IV. С. 346.

[15] *Кузнецов А. А.* Дата смерти Всеволода Чермного и политические отношения на юге Руси в 1210-е годы // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. IV Чтения памяти докт. ист. наук А. А. Зимина. 19—22 апреля 2005 г. Тезисы докл. Ч. I. М., 2005. С. 97—100.

[16] ПСРЛ. Т. 25. С. 95.

[17] ПСРЛ. Т. 38. М., 1989. С. 165; *Кучкин В. А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985. М., 1986. С. 74—75.

[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 110—111.

с последними. После смерти обоих Всеволодов в 1212 г. власть перешла в руки их детей: во Владимирском княжестве — к Юрию Всеволодовичу (за исключением кратковременного княжения Константина в 1216—1218 гг.), в Черниговском княжестве — Михаилу Всеволодовичу. Соответственно, Юрий приходился Михаилу зятем, а тот ему шурином. Отношения между ними складывались бесконфликтно до 1224—1225 гг. Виновником разлада оказался Ярослав Всеволодович. Возможно, в своих действиях с Черниговом он руководствовался чувством личной обиды на Михаила Черниговского. Ведь Всеволод Чермный в 1206 г. выгнал Ярослава из Переяславля и поставил туда сына Михаила. И вот пути Ярослава и Михаила скрестились в борьбе за Новгород в 1224—1225 гг.

Спор за Новгород между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем начался с похода Юрия Всеволодовича на Новгород. Сведения о нем есть в НПЛ. В очередной раз малолетний Всеволод, сын Юрия Всеволодовича, бежал из Новгорода в Торжок. Вскоре в Торжке собрались владимирский князь Юрий. его брат Ярослав, племянник Василько Константинович и шурин Михаил Черниговский. В ходе переговоров удалось договориться, что в Новгород будет направлен Михаил Черниговский (НПЛ. С. 63—64, 267—268). Это было вынужденной уступкой со стороны владимирского князя, поскольку НПЛ отмечает, что он, уходя, сделал много «пакостей» новгородцам. Сведения НПЛ Н. Г. Бережков датировал зимой 1224/1225 г. Затем в 1225 г. Михаил Всеволодович нанес визит к Юрию Всеволодовичу, с которым он договорился о компенсации убытков, причиненных им зимой 1224/1225 г. После этого Михаил прибыл в Новгород и заявил о своем уходе (НПЛ. С. 64, 268, 269).

В историографии последних лет нет попыток увязать визит Михаила к Юрию и его последовавший уход из Новгорода. Самое большее, констатируется уход Михаила Всеволодовича из-за недовольства положением княжеской власти в Новгороде[19].

Реконструкция событий может быть такова. Владимирский князь, столкнувшись с упорством новгородцев, не желавших принимать его малолетнего сына, вынужденно согласился на формальное признание своей власти над Новгородом, рекомендовав удобного всем Михаила Всеволодовича. Затем причинил Новгороду такие убытки, что новоявленный новгородский князь поспешил во Владимир договариваться с зятем. Поэтому можно указать на то, что Юрий Всеволодович продолжил борьбу за северную вольницу и заставил шурина покинуть ее. Возможно, важным козырем Юрия Всеволодовича стала обстановка в Черниговской земле, где Михаилу Всеволодовичу противостоял Олег Курский. Против Олега и состоялся поход владимирского князя в 1226 г. (ЛЛ. Стлб. 448). При этом владимирский князь не имел в своем арсенале средств, чтобы добиться признания своей власти в Новгороде и назначать туда своих ставленников. В ситуации политического вакуума и появилась фигура Ярослава Всеволодовича, которого новгородцы позвали после ухода Михаила Всеволодовича (НПЛ. С. 64, 269). Одновременно с этим

[19] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 195.

Юрий Всеволодович продолжал примирять Ольговичей. Зимой 1228 г. Всеволод Константинович женился на дочери Олега Курского[20], чуть раньше дочь Михаила Черниговского вышла за Василька Константиновича (ЛЛ. Стлб. 450). Эти браки, продолжавшие политику отца, позволяли Юрию сохранить баланс между Михаилом и Олегом и сдерживать первого. А в Новгороде, вопреки расхожему мнению, Юрий помогал брату Ярославу и мешал утвердиться там шурину Михаилу. Тем не менее в 1229 г. Михаил вытеснил Ярослава из Новгорода (НПЛ. С. 67—68, 274). В 1230 г. митрополит по просьбе киевского князя мирил Михаила с Юрием, Ярославом и их племянниками (ЛЛ. Стлб. 445—446). Этот факт ставит под сомнение утверждение, что в 1229 г. Юрий и Ярослав поссорились (ЛЛ. Стлб. 451—452), поскольку первый якобы способствовал утверждению шурина в Новгороде. В этом случае не пришлось бы мирить Юрия и Михаила. Летописи не дают оснований для выстраивания такой связи между вокняжением Михаила в Новгороде и ссоре Юрия с Ярославом.

Во второй половине 1220-х гг. шло преодоление черниговской ориентации в политике Юрия. Закончился этот процесс браком сына Юрия и дочери киевского князя Владимира Рюриковича в 1230 г. (ЛЛ. Стлб. 453—454). Михаил с этого времени повел открытую борьбу за Киев с Владимиром Рюриковичем и, очевидно, блокировал Переяславль. Поэтому сведения о нем исчезли из летописания Северо-Восточной Руси.

Брак Юрия Всеволодовича в 1210—1211 гг. имел весьма ощутимые последствия. Он способствовал преодолению кризиса в отношениях Владимира и Чернигова, вернул владимирскому князю Переяславль-Южный, а черниговскому правителю — дочь и безопасность зятя Кира Михаила. Налаживание отношений владимирского князя с Рязанью позволило привести их к паритету при Юрии Всеволодовиче. В то же время стабилизация положения в Рязанской земле путем договоренностей о ней между владимирским и черниговским князьями в определенной мере способствовала гнусной попытке Глеба, ориентированного на Смоленск, в 1217 г. захватить власть. Однако то же уважительное отношение Юрия к Рязани позволило восстановить мир и справедливость в Рязанской земле. Поскольку брачные связи играли важную роль в политических отношениях Древней Руси, то надо указать, что брак Юрия Всеволодовича, наряду с другими, способствовал тому, что он на Липице оказался в стане врагов смоленских князей. Как было показано выше, брак Юрия Всеволодовича влиял на борьбу за Новгород и конфликты в Черниговской земле. Все это позволяет говорить о том, что политические отношения на Руси в 1210—1220-х гг. испытали большое влияние политического брака детей двух Всеволодов — Владимирского и Черниговского — в 1211 гг.

---

[20] ПСРЛ. Т. 25. С. 122—123.

IV

СОСЛОВИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ

(СЕРЕДИНА XIII — XV ВВ.)

М. С. Мейер (Москва)

К характеристике социальной организации государств евразийского типа (на примере Османской империи)

Изучение истории складывания Османской империи, крупнейшей позднесредневековой державы Старого света, позволяет выделить как некоторые общие черты подобных политических образований на Западе и Востоке, так и специфические особенности из отдельных разновидностей.

Прежде всего хотелось бы отметить, что принципы, на которых строилась Османская империя, были типичны для докапиталистических государств евразийского типа. Их важнейшей особенностью можно считать устойчивое сосуществование коллективов с разными моделями производящего хозяйства. Иными словами, присутствие в рамках единого политического организма как оседлого земледельческого населения, так и номадов. Наиболее устойчивым и жизнеспособным образцом подобных образований в средние века была Византийская империя. Ее фактическими преемниками в дальнейшем стали Россия и Османская империя. Разумеется, типологическая общность таких государств не означает полного сходства их политических или социальных структур, идентичности их исторических судеб.

Если сопоставлять Россию и Османскую державу (в ее основных частях — Анатолия, Балканы, Большая Сирия, Египет) в переходный период от Средневековья к Новому времени, то ясно видны различия, порожденные их географическим расположением. В то время как во владении московских государей оказались в основном лесные и лесостепные низменности Евразии, стамбульским падишахам достались земли более южных районов, преимущественно горнолесных массивов, засушливых степей и полупустынь. Поэтому в первом случае можно говорить о довольно слабой заселенности и освоенности территорий, во втором — об относительной перенаселенности и нехватке площадей для хозяйственной деятельности. С указанным обстоятельством связаны, очевидно, и отличия во взаимоотношениях землевладельцев и непосредственных производителей. Для Османской империи характерна явно большая степень свободы и самостоятельности крестьян по сравнению с российской действительностью того времени. Другое отличие состоит в неодинаковом территориальном размещении земледельческого и кочевого населения. Если для российского варианта характерна заметная отдаленность центров земледелия от районов кочевого хозяйствования, то османо-турецкая действительность характеризовалась тесной чересполосицей представителей разных хозяйственных типов и, следовательно, большей повседневной неустойчивостью социального мира.

Представляется, что появление таких крупных политических образований, как Русское государство и Османская держава, возможно при наличии опреде-

ленных условий, обеспечивающих необходимый импульс для их формирования. Применительно к османской истории (как, впрочем, и российской) таким обстоятельством можно считать мощную миграционную волну кочевых, преимущественно тюрко-язычных, племен. Их движение из глубин Центральной Азии началось в X—XI вв. и было многократно усилено в ходе монгольских завоеваний XIII в. В результате в Передней Азии, которая традиционно выступала как зона контактов и противоборства христианского и мусульманского миров, сложилась весьма напряженная ситуация. Она отличалась накалом этнорелигиозных противоречий между местными обитателями и иноязычными пришельцами и способствовала распространению в среде последних повышенной воинственности и стремления к новым захватам, что дополнялось духом религиозного (исламского) прозелитизма.

Существовавшие к этому времени на территории Передней Азии и Юго-Восточной Европы государственные образования (в том числе христианские государства Закавказья, Византийская империя и отпавшие от нее балканские княжества и царства) в силу внутренней социально-политической нестабильности оказались не в состоянии противостоять этой миграционной волне и были ею сметены.

Складывание Османского государства в какой-то степени ускорилось и вызовом христианской Европы, где с XIII в. успешно возобновилась Реконкиста (наступление на позиции мусульман в зоне Средиземноморья). Османские правители приняли этот вызов, взяв на себя роль лидера мусульманского мира и гаранта его позиций и интересов. Успех им принесла политика завоеваний, направленная на запад, против христианских правителей Юго-Восточной и Центральной Европы. Попутно отметим, что складывание Российской империи началось благодаря экспансии, обращенной на восток, к землям ханств, которые образовались после распада Золотой Орды. Освоение захваченных земель требовало от завоевателей знакомства с опытом местной политической жизни и постепенного усвоения цивилизационных достижений народов, попавших в орбиту их власти. Результатом указанного процесса стал своеобразный симбиоз политических и социально-экономических институтов автохтонного и пришлого населения. Современные исследователи полагают, что Османское государство в период своего становления отличалось соединением трех различных традиций общественно-политической жизни (тюрко-монгольской, ирано-исламской и византийской), представление о которых было получено в ходе миграции тюркоязычных племенных объединений с востока на запад[1]. Несколько иной симбиоз (византийских, славянских и тюрко-монгольских традиций) отмечается и в истории России[2].

Образованию Османской державы благоприятствовало и то обстоятельство, что продвижение тюркских *гази* (борцов за веру) на Балканы совпало по вре-

---

[1] *Inalcik H.* Osmanlı Imparatorluğuna Giriş. Örfi-Sultani Hukuk ve Fatih'in Kanunları // Ankara Universitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. Cilt XIII, n. 2. 1958. C. 102—126.

[2] Об этом см.: *Мейер М. С.* Евразийство в начале и в конце своего пути // Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 208—216.

мени с важными переменами в жизни Европы. Этот период известен как эпоха Ренессанса. Она была отмечена не только высокими достижениями в области культуры и искусства, но и важными технологическими новациями, ломавшими традиционные устои средневековой Европы. Среди них особо хотелось бы выделить начавшийся переход к использованию огнестрельного оружия. Новации «пороховой революции» стали быстро известны и туркам-османам. Успешное освоение османской армией огнестрельного оружия стало возможным благодаря разнообразным контактам с европейцами. Своеобразным выражением подобных контактов можно считать широкое использование выходцев из христианского населения Балкан в янычарском войске благодаря так называемому кровному налогу (*девширме*).

Активное применение артиллерии, а затем и ручного оружия (типа аркебуз и мушкетов) считается важнейшей предпосылкой победоносных походов турецких войск[3]. Военные успехи в свою очередь обеспечивали широкое расширение султанских владений в Европе и Азии. Если в сражениях с европейцами исход боя обычно решал численный перевес османцев, то в военных кампаниях в Азии именно использование «огненного боя» обеспечивало быстрый разгром противника. Достаточно вспомнить победу армии султана Мехмеда II Фатиха над войсками правителя туркменского государства Аккоюнлу Узун Хасана вблизи Эрзинджана в 1473 г., сокрушительное поражение приверженцев иранского шаха Исмаила в сражении с армией Селима I на Чалдыранской равнине в 1514 г., явное военно-техническое и тактическое превосходство османцев над мамлюкскими войсками в битве у Мардж Дабика под Халебом в 1516 г.[4]

Показательно и то, что уже в конце XV — начале XVI в. турки как специалисты по использованию огнестрельного оружия высоко ценились во многих странах Азии и Африки. Это обстоятельство часто определяло характер взаимоотношений Стамбула с мусульманскими государствами Центральной и Южной Азии. В обмен на готовность признать верховенство османских султанов или согласие выступать в качестве союзника против общего врага султанское правительство («Высокая Порта» или просто Порта) посылало военных специалистов, разнообразное огнестрельное оружие и солдат, умеющих им пользоваться. За пряности, шелка и хлопчатобумажные ткани, за сахарный тростник и жемчуга османские власти платили бронзовыми пушками и солдатами. Постоянный спрос на турецких воинов, «руми», как их называли в Азии, способствовал повышению престижа и влияния Стамбула[5].

---

[3] *Inalcik H.* Osmanlılarda Ateşli Silâhlar // Belleten. Cilt XXI, n. 83. Ankara, 1967. C. 508—512; *Idem.* The Social-Political Effects of the Diffusion of Fire-Arms in the Middle East // War, Technology and Society in the Middle East / Ed. by V. Parry, S. Yapp. L., 1975. C. 347—410.

[4] *Yücel Y., Sevim A.* Tükiye Tarihi. Cilt II. Osmanlı Dönemi (1300—1566). Ankara, 1990. C. 171—176, 239—241, 247—248.

[5] Подробнее см.: *Мейер М. С.* Османское присутствие в южных морях // Востоковеды — востоковеду. М., 2000. С. 42—63.

Разумеется, успешное становление Османской империи определялось не только удачным стечением обстоятельств. Решающее значение имели специфика политической организации и особенности внутренней и внешней политики султанского двора.

Как и другие мировые империи того времени, держава Османов даже на начальных этапах своего существования (вторая половина XV — первая половина XVI в.) выступала как политическое объединение хозяйственно-атомизированного, этнически и религиозно гетерогенного общества. Единство и централизация власти достигались и поддерживались здесь главным образом внеэкономическими средствами, что предполагало преимущественное развитие социально-политических институтов. По мере расширения границ империи задачи контроля и управления столь сложным конгломератом народов и племен при традиционных средствах коммуникации становились все более трудновыполнимыми. Этим, кстати, объясняется весьма недолгий срок существования многих крупных политических образований, созданных усилиями отдельных выдающихся завоевателей на Востоке и распавшихся после их смерти. Такова, к примеру, судьба империи Тимура, равно как и державы Великих Сельджукидов и ее ответвления в Анатолии — государства Сельджукидов Малой Азии, правители которой были непосредственными предшественниками османских султанов[6]. Однако последние были знакомы и с опытом управления византийских василевсов, сумевших сохранять свою власть в течение многих веков над обширной территорией в Европе и Азии.

Позитивный и негативный опыт предшественников и современников, несомненно, во многом определял усилия османских правителей по обеспечению устойчивости своего государства. Характеризуя социальную структуру османо-турецкого социума, хотелось бы выделить две ее отличительные черты. Одна из них состоит в том, что при достаточно четком разделении общества (оно отразилось как в законодательных актах, так и в сознании самих османцев) на две основные социальные категории — управляющих (чаще называемых *аскери*, т. е. военных) и *райю* (податное население), границы между ними оставались относительно легко преодолеваемыми. Другими словами, вплоть до XVIII в. сохранялись достаточно большие возможности как для вертикальной мобильности, так и социальной деградации (перехода из рядов *райи* в *аскери* и наоборот). Это состояние, безусловно, связано с постоянной нацеленностью Османской державы на военное противостояние. Такая же воинственность была характерна, на мой взгляд, и для России той же эпохи, но степень вертикальной мобильности была значительно меньше, а ее возможности заметно уже.

Если вертикальное членение османского общества было достаточно простым, то горизонтальное его членение отличалось не только разнообразием, но и весьма сложным соподчинением разных социальных групп. Исследователи полагают, что Мехмеду II Фатиху (1451—1481) и его приемникам удалось найти оптималь-

---

[6] Об этом см.: *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941; *Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. L., 1968.

ный вариант баланса различных групп внутри управляющей общности, который обеспечивал безусловное верховенство султанской власти. В основе этого баланса лежало сложное взаимодействие трех основных категорий — «людей меча» (османский термин *сейфие*), «людей пера» (*калемие* или чиновный люд) и «ученых мужей» (*ильмие* — лица духовного звания и судейские чины), каждая из которых воспроизводилась особой социально-политической структурой. Первая была представлена тимарной системой, которая обеспечивала существование многочисленного конного ополчения за счет раздачи служебных земельных пожалований (*тимаров*). Условием их держания было, как правило, участие «конно и оружно» в военных экспедициях. Вторая структура обеспечивала регулярное пополнение аппарата государственной власти за счет *капыкулу* (государевых рабов, иначе *гулямов*) — обращенных в ислам лиц рабского статуса: военных пленников, купленных невольников, а также христианских подростков, собранных из разных османских провинций по «кровному налогу». Именно из *гулямов* набирались кадры для государственной службы, начиная от дворцовых слуг и янычар и кончая правителями областей и министрами двора. Иерархически организованная система духовных училищ (*медресе*) обеспечивала Османскую державу достаточным количеством улемов, которые могли происходить как из семей *аскери*, так и *райи*. Здесь главным критерием были мусульманское вероисповедание и ученость (наличие соответствующего документа о полученном образовании).

Место и роль каждой категории внутри правящей верхушки были строго регламентированы. «Люди меча» (иначе *спахи*) являлись в большинстве своем мусульманами по рождению и наследовали свои права и обязанности от родителей. Хотя они были призваны сыграть важнейшую роль в военных кампаниях и в обеспечении порядка и спокойствия на территории своих держаний, возможности их проникновения в ряды политической элиты были сведены до минимума. Столь же лимитированными оставались их возможности хозяйственного использования выделенных им земельных пожалований и эксплуатации крестьян, обрабатывавших земли их *тимаров*. Довольно низкий уровень доходов от таких владений для основной массы *спахи* определял их заинтересованность в постоянном участии в завоевательных экспедициях, что могло существенно улучшить материальное состояние «людей меча» за счет грабежа покоренного населения и захвата пленников.

«Государевы рабы», составлявшие основную массу «людей пера», представляли собой людей, насильственно вырванных из их традиционной социальной среды и обращенных в ислам. Такая практика позволяла османским правителям более уверенно держать в повиновении весь аппарат власти. Чтобы в такой среде не могла сложиться придворная аристократия, которая была бы серьезной помехой для деспотической власти султанов, было предписано, дабы дети «государевых рабов» не наследовали посты своих отцов, но переходили в категорию *сейфие*[7].

---

[7] Об организации османской правящей элиты см.: *Akdağ M.* Türkiye'nin Içtimai ve Iktisadi Tarihi. Cilt 2. Ankara, 1971. C. 369—379; *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age, 1300—1600. L., 1973. C. 89—120.

Другой мерой по ограничению самовластия *капыкулу* стало привлечение к государственной службе представителей знатоков мусульманского права из числа *улемов*. Последние, в качестве судей — кадиев и их помощников (*наибов*), должны были следить за соблюдением как норм шариата, так и султанских установлений — *канунов*, что позволило им осуществлять контроль за сохранением равновесия между интересами *сипахи* и *капыкулу*. Тем самым они получили право решающего голоса в реализации принципа адалет, т. е. справедливости государственной власти. В итоге внутри правящей верхушки сложился определенный порядок, при котором «государевы рабы» должны были уравновешивать центробежные тенденции провинциальных *сипахи*, а *улемы* ограничивать произвол *капыкулу*. Устойчивость подобного баланса обеспечивала эффективность работы государственного механизма и укрепляла власть Порты[8].

Столь же много внимания уделяли султанские власти вопросам управления райей. Значительные размеры территории и явное преобладание местного населения над завоевателями создавали благоприятные условия для активного сопротивления попыткам тех или иных представителей правящей верхушки усилить угнетение народа. Учитывая это обстоятельство, султанский двор не стремился к унификации положения своих подданных, но предпочитал подчеркивать различия между ними. Обособляя и противопоставляя отдельные группы *райи* за счет предоставления им особого налогового и правового статуса, власти стремились свести к минимуму возможности общего противодействия своей политики.

Внутри *райи* возникло строго регулируемое разделение на ряд категорий, различавшихся по основным занятиям, образу жизни, религиозной принадлежности и даже форме и цвету одежды. Подданные делились на мусульман и немусульман, горожан и сельских жителей, оседлых и кочевников. Среди деревенского населения различались земледельцы, обрабатывавшие собственно государственные земли (в частности земли, отведенные для посадки риса или выращивания различных технических культур) и приписанные к определенным условным пожалованиям, а также крестьяне, выполнявшие определенные государственные повинности (охрана горных перевалов, обслуживание караванных стоянок, почтовой службы).

Существование в границах империи огромной массы немусульман с их негативным отношением к турецко-мусульманским завоевателям обусловило появление во второй половине XV в. религиозных общин (*миллетов*) — греко-православной, армяно-григорианской и иудейской. Каждая из них располагала некоторой автономией, необходимой для обеспечения религиозно-культурных запросов своих членов, сбора налогов, оказания взаимопомощи и поддержания порядка внутри каждого такого коллектива[9]. Создание системы *миллетов* обычно интерпретируется исследователями как конкретное выражение принципа толерантности, присущего

---

[8] Подробнее см.: *Barnes J. P.* An Introduction to Religious Foundations in the Ottoman Empire. Leiden, 1986.

[9] Об этом см.: Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society / Ed. by B. Braude, B. Lewis. Vol. 1—2. N. Y., 1982.

политике большинства правителей мировых империй. Но в данном случае важно отметить, что османские власти заботились не только о *миллетах*. Они стремились сохранить также общинное самоуправление в деревне и принимали меры к возможно более полному включению торгово-ремесленного населения городов в цеховые объединения (*эснафы*). Учитывая подобную практику, можно заключить, что османская политическая система строилась на сочетании методов централизованного и децентрализованного управления.

Османская модель организации управления имперского пространства, предполагавшая утверждение единой власти в центре и одновременное сохранение известной автономии на местах, обеспечивала ту гибкость государственного механизма, которая позволяла ему легче приспосабливаться к изменяющимся условиям и довольно быстро регенерировать свои порядки даже после тяжелых потрясений. Примером тому может служить кризисная ситуация, сложившаяся после разгрома армии султана Баязида I (1389—1403). Исход Анкарской битвы 1402 г. поставил под угрозу дальнейшее существование Османского государства, поскольку Тимур восстановил независимость только что покоренных малоазийских княжеств (*бейликов*) и разделил резко сократившиеся османские владения в Анатолии между сыновьями попавшего к нему в плен Баязида. После ухода Тимура из Малой Азии началась затяжная междоусобная война за султанский престол. Своей высшей точки кризис достиг в 1415—1416 гг. в связи с восстанием под руководством шейха Бедреддина Симави, в которое были вовлечены значительные массы крестьянства, кочевников, низших звеньев османского воинства. Тем не менее за короткое время султану Мехмеду I (1413—1421) ценой жестоких репрессий и временного отказа от новых завоеваний удалось стабилизировать ситуацию и восстановить способность Османского государства к продолжению экспансионистского курса.

Типичной чертой традиционных восточных империй, в том числе и Османской державы, следует признать активное вмешательство государства в социально-экономическую жизнь общества. В рассматриваемой нами модели данное обстоятельство особенно явственно проявилось в мерах, направленных на развитие городов.

В условиях постоянного сосуществования и противоборства кочевников и оседлого населения в рамках одного государства город представлял собой не только оплот центральной власти и место реализации прибавочного продукта, но и необходимую предпосылку для нормального процесса общественного производства. Именно он обеспечивал относительную политическую стабильность в регионе и давал некоторые гарантии для развития земледелия и расширения торговых связей в рамках постоянно действующего «треугольника сил» (деревня — город — кочевники). Выступая как особый социально-экономический и политический организм в структуре государства, город отражал и важнейшую особенность Османской державы — внутреннюю разобщенность и отсутствие органического единства. Он состоял из ряда самостоятельных единиц — кварталов (*махалле*), живших обособленной жизнью и отличавшихся друг от друга по профессиональным, а зачастую и

по этно-конфессиональным признакам. В подобных условиях государство, взяв на себя определенные экономические и социальные функции, осуществляло взаимосвязь различных групп городского населения и тем самым сводило на нет возможности возникновения муниципальных организаций.

Османские султаны, как и их предшественники — арабские, сельджукские, монгольские правители ближневосточных империй, уделяли много внимания городам. Среди мер, способствовавших активизации городской жизни, немалое значение имело установление государственного контроля за поставками продовольствия и сырья, необходимого для городских ремесленников. Узость внутреннего рынка, обусловленная натуральным характером сельского хозяйства, слабым развитием транспортных средств и отсутствием безопасности на дорогах, создавали большие трудности в снабжении городов продуктами питания и сырьем для ремесленников. В этой ситуации османские власти практиковали жесткую регламентацию торговли зерном, мясом и прочим продовольствием, а также централизованное распределение сырья между соответствующими цеховыми объединениями ремесленников[10].

Сохранились многочисленные распоряжения Порты относительно соблюдения рыночных цен, недопущения злоупотреблений при изготовлении и продаже ремесленных изделий. Городам предоставлялись некоторые налоговые и иные льготы. Хотя их полный объем еще неизвестен, можно предполагать, что уровень материального существования горожан был несколько выше, а «норма эксплуатации» — несколько ниже, чем крестьян.

Важнейшим инструментом государственной политики по развитию городов стали *вакуфные* учреждения. Они создавались за счет недвижимого или движимого имущества, доходы с которого, согласно воле завещателя, должны были быть обращены на религиозные и благотворительные цели. Власти стремились использовать *вакфы* для решения сложных задач, стоявших перед ними и связанных со скорейшим освоением завоеванных территорий, обеспечением занятости и удовлетворением социокультурных потребностей горожан, преодолением внутренней разобщенности городского общества путем духовного единения на основе норм ислама. Практика основания многочисленных культурно-религиозных центров (имаретов), в чем-то схожих с христианскими монастырями, являлась общей чертой мусульманской городской традиции, которая сложилась задолго до образования Османской державы. Стремились ей следовать и его первые правители, но особое значение она приобрела с началом широкой экспансии на Балканах.

Во имя упрочения своих позиций во вновь завоеванных балканских землях султанские власти охотно шли на значительные пожертвования в пользу *вакфов*, передавая в их распоряжение различные доходы с сельского населения, сборы с городского имущества, таможенные пошлины. В итоге *вакфы* превратились в крупнейших городских собственников, которым принадлежала основная масса общественных и производственных помещений, а также значительная часть жилого

[10] *Inalcik H.* The Ottoman Empire... C. 140—162.

фонда в городах. Средства, полученные от местного населения, расходовались на сооружение объектов общественного назначения — школ, бань, больниц, домов призрения, библиотек, на прокладку и ремонт каналов, на решение проблем с обеспечением городских жителей питьевой водой. Хотя непосредственной целью подобного строительства было умножение доходов *вакфов*, а также утверждение влияния ислама, объективно оно в какой-то мере удовлетворяло социально-культурные запросы местного населения[11]. Учитывая, что объем аналогичной деятельности самого государства оставался незначительным, следует признать несомненно положительную роль *вакуфных* учреждений в жизни османских городов.

Изучение истории *вакфов* выводит исследователей на более общую проблему, связанную с ролью ислама в османской истории. При создании своего государства первые султаны использовали существовавшие в Передней Азии традиции общественной жизни. Как бы они ни различались между собой, у них есть и определенные общие черты. Одной из них следует считать стремление к соединению светской и духовной власти. Свое выражение эта тенденция нашла и в Османской империи, где военно-бюрократическая система во главе с султаном (падишахом) сосуществовала с сословием *улемов*, выступавших в качестве носителей идеалов теократии. Преодоление сложившейся дихотомии и объединение двух структур в единой системе «царства и веры» (*дин-и девлет*) достигалось путем провозглашения султана «тенью бога на земле» и одновременно за счет включения основной массы *улемов* в состав управляющей общности. При этом соотношение светского и духовного начал в общественной жизни не оставалось неизменным.

Видимо, на раннем этапе османской истории, в период начавшихся завоевательных походов, носители светской и духовной власти — военный предводитель (бей) и шейх дервишского ордена — выступали как равные по возможностям и влиянию руководители. Брак основателя Османского государства Осман-бея с дочерью шейха дервишской обители Эдебали выступает как своеобразный символ этого равновесия и как ранняя попытка обеспечить соединение светского и духовного начала.

В дальнейшем военные предводители превратились в султанов. Место еретических дервишских шейхов заняли представители ученого сословия (*ильмие*). Из среды *улемов* вышли первые османские *везиры*. Благодаря усилиям *улемов* суннитский толк ислама приобрел господствующее влияние в Османском государстве. Однако и тюрко-монгольская и византийская традиции, утверждавшие примат светской власти над духовной, продолжали оказывать свое влияние на политику османских султанов. В этой связи особого внимания заслуживает фигура *кадиаскера* — самого влиятельного духовного лица в османской властной иерархии до середины XV в. Существование института высшего воинского судьи означало, что компетенция шариатских судов была ограничена главным образом сферой граж-

---

[11] *Мейер М. С.* Роль вакфов в развитии Османской империи в XV—XVI вв. // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 4—21; *Mutafchieva V.* Le Vakif — un aspect de la structure socio-economique de l'Empire Ottoman (XVe — XVIIe s.). Sofia, 1981. P. 185—221.

данского права и рассмотрением дел податного населения, тогда как вопросы, касавшиеся представителей категории *аскери*, решались *кадиаскерами*.

Особенно много жалоб на ущемление шариата относится ко времени правления Баязида I, предпринявшего первую, но неудачную попытку превратить Османское государство в империю. Согласно традиции, существующей в турецкой историографии, эпоха Баязида считается временем больших новшеств, связанных, в частности, с укреплением государственной казны, введением новых налогов, основанных на принципе *урф* (по воле государя и на основе традиции), началом переписей податного населения и учреждением писцовых книг. При нем в широких масштабах стала развиваться система *капыкулу*[12]. После смерти Баязида этот процесс был приостановлен и роль *улемов* в управлении страной резко возросла. Вместе с тем размежевание функций светской и духовной власти остается достаточно четким, о чем свидетельствует возникновение института *шейхульислама* (ведущего духовного авторитета). Наличие в османской политической системе фигуры, в чем-то альтернативной аббасидским халифам, существовавшим при дворе правителей мамлюкского Египта, показывает сохранение примата светского начала в политике османских властей. Еще сильнее эта тенденция проявилась в период правления Мехмеда II Фатиха, с деятельностью которого связано начавшееся последовательное превращение Османской державы в мировую империю. Среди различных мероприятий султана, направленных на расширение собственной власти, особое место занимает составление сводов общих и провинциальных законоположений (*канунname*).

С точки зрения сторонников теократических начал в управлении государством, эти кодексы представляли собой новшество, умалявшее роль мусульманского права — шариата, поскольку султанские законы, базировавшиеся на нормах обычного права, иногда существенно расходились с шариатскими догмами, которыми руководствовались кадии. Приверженцы реформаторского курса Мехмеда II противопоставляли им свою концепцию взаимосвязи светского и духовного начал. Согласно ей, для нормального функционирования государства необходима общественная гармония, при которой каждый человек должен занимать свое место. Такая гармония достигается благодаря повелителю, выбранному богом. Повелитель в своей деятельности опирается на божественные предначертания, представляющие собой нормы шариата и собственный государственный разум. Первые определяют порядок материального и духовного мира, второй помогает этот порядок поддерживать. Отсюда вытекает необходимость власти и могущества повелителя, призванного определять место каждого человека в обществе. Последнее достигается посредством законов (*канунов*). Они должны обеспечить социальный порядок, безопасность людей и справедливость[13]. В подобных трактатах, оправдывавших курс на утверждение единоличной власти правителя, отчетливо видна прагматичность взглядов тех, кто определял направленность действий властей в XV—XVI вв. Они

---

[12] *Beldiceanu N.* Bayazet I // Les Hommes d'Etat celebres. T. III. Paris, 1970. P. 300—303.

[13] См. в частности: Tursun bey. Tarih-I Ebul- Fath. Hazırlıyan A. M. Tulun. Istanbul, 1977.

помогают лучше понять динамизм и эффективность внутренней политики создателей Османской империи.

Таким образом, можно констатировать, что социальная организация Османской империи определялась рядом факторов, обусловивших как некоторые общие, так и специфические черты этого варианта докапиталистических государств евразийского типа. Вероятно, первым из них следует считать само географическое положение империи «Великого Турка», которая начала складываться в зоне наиболее тесных контактов и противоборства христианской Европы и мусульманского Востока. Данное обстоятельство определило и ориентацию османских правителей на военное противостояние с европейскими государствами. Поэтому структура османо-турецкого социума отличалась высоким удельным весом рабского и неполноправного компонентов, сильными вертикальными связями (кровно-родственными, религиозными, земляческими) и слабым развитием широких социальных общностей, опирающихся на горизонтальные (сословно-классовые) связи. В своем устоявшемся виде она обеспечивала султанским властям более или менее эффективное управление подчиненным населением.

Столь же важное значение имело совокупное влияние разных традиций политической жизни на курс первых османских правителей. Учет опыта предшественников определил несомненный прагматизм решений представителей правящей верхушки. Он отразился и в методах управления, основанных на сочетании норм шариата и султанских канунов, и в особенностях структуры государственной власти, допускавшей определенную автономию на местах при ярко выраженном единовластии в центре. Третьим фактором следует считать стереотипность представлений, определявших мышление османской элиты. Как и Россия, империя «Великого Турка» в эпоху ее рассвета располагала значительными человеческими и материальными ресурсами, что позволяло ей выступать как самодостаточному образованию, способному существовать практически независимо от внешнего мира. Показательно, что османские правители, ведя в течение длительного времени военные действия против христианской Европы, не проявляли какого-либо интереса к жизни европейских стран[14]. Новаторский дух многих их начинаний не предполагал отказа от традиционных взглядов на характер создаваемого государственного организма и его назначение. Эти представления утверждали примат политической силы в организации жизни общества, деспотическую и одновременно патерналистскую власть султана над его подданными, сохранение прежних форм коллективной ответственности, представленных сельской общиной, городским кварталом, цеховыми объединениями ремесленников и торговцев, религиозным миллетом. Все это означало, что как султанские министры, так и сами правители империи видели свой идеал в достижениях прошлых эпох и пытались воспроизвести их и в новых условиях.

---

[14] Об этом подробнее см.: *Lewis B.* The Muslim Discovery of Europe. L., 1982.

В. Д. Назаров (Москва)

Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов)*

Предлагаемый текст мотивируется историографической ситуацией, логикой в постановке актуальных аналитических задач. В самом деле, в сложных процессах складывания Российского централизованного (единого) государства формированию знати, «политического класса» тогдашнего общества, принадлежит центральное место. И понятно, что на первом месте здесь титулованная аристократия, олицетворявшая традиционных носителей государственной власти. На рубеже XIV—XV вв. фиксируется не менее трех-четырех типов княжеств и довольно пестрое сообщество Рюриковичей девяти княжеских домов (десяти, если добавим смоленских князей). В начале XVI в. мы имеем дело с относительно единообразным слоем титулованной «первостатейной» и второстепенной знати в составе двора московского великого князя. Нас сейчас не интересует политическая конкретика: в литературе многократно описаны сюжеты, связанные с присоединением (мирным образом или же насильственно) ранее самостоятельных, полусамостоятельных княжеств, иных государственных образований к Московскому великому княжению. Здесь, конечно, немало дискуссионных вопросов, но они требуют специального рассмотрения. В данной работе мы систематизируем имеющиеся в литературе наблюдения, а главное — данные источников по следующим сюжетам: ранги княжеских владений и статусы князей в соответствии с традиционными взглядами на них современников, отразившимися в совокупности терминов; эволюция смыслов данных терминов на протяжении названного времени. Сразу уточним. В рамках сформулированной постановки проблемы XV столетие «раздвигает» свои хронологические границы: для нас оно начинается в 1389 г. и заканчивается в декабре 1503 г. Первую дату определяет завещание московского великого князя Дмитрия Ивановича — оно зафиксировало наследственный характер владения Великим княжеством Владимирским старшим из наследников завещателя, тем самым решительно изменив политический контекст межкняжеских отношений в Северо-Восточной Руси. Вторая хронологическая граница устанавливается годом духовной грамоты великого князя Ивана III. В ней содержатся принципиальные новации в определении статуса удельных княжеств и обобщенное определение служилых князей.

Историографический повод заключен для нас в своеобразной «нечувствительности» исследователей к терминологии источников. В особенности это относится к «уделам» и «служилым» или «служебным» князьям[1]. Приведем несколько

* Статья подготовлена по проекту, поддержанному РГНФ (грант № 06-01-00055а).

[1] В источниках XV в. намного чаще употребляется термин «служебный князь», в XVI в. ему на смену приходит «служилый князь». Понятия синонимичны и далее в тексте мы используем их как синонимы.

примеров. В монографии А. А. Зимина, опубликованной посмертно и вобравшей в себя многолетние разыскания автора, нетрудно обнаружить противоречивость ряда построений, известную размытость интересующих нас понятий. Правда, термин «удел» как княжество «младших родичей» великого князя (в нашем случае Василия III) вполне определенен по смыслу и как бы не подлежит изменениям: удельные князья суть олицетворение феодальной раздробленности. И именно на него «примеряет» автор те или другие черты родовых владений служебных князей. Специальный раздел книги («Служилые князья Юго-Западной Руси и Дума») представляет коллективный портрет служилых князей московских государей. Это князья Белевские, Воротынские, Одоевские, отчасти Мезецкие (все Рюриковичи), родовые вотчины которых располагались в верховьях Оки (отсюда их наименование верховскими князьями), а также в бассейне средней и нижней Угры. Такое построение подталкивает читателя к выводу о том, что этот феномен российской действительности был длительным и устойчивым только в данном регионе, а на всем остальном пространстве Северо-Восточной Руси был редким и плохо различимым явлением. Противоречивость ряда важных формулировок и оценок ведет к тому же. Зимин то считает служебных князей особой корпорацией, в которую включаются и из которой исключаются те или другие княжеские кланы, то полагает, что в первой трети XVI в. служилые князья не составляли единой и сплоченной корпорации. Не прояснена ситуация с княжескими суверенными правами. Что, собственно, под ними понимается? Они то предшествуют статусной позиции служилых князей (утеряв суверенные права, группы княжат переходят на положение служебных владетелей), то сопровождают и сопрягаются с этой позицией. Не спасают формулы типа «остатков суверенных прав», «положение, близкое к служебным князьям» (все о князьях Микулинских) и аналогичные[2]. В книге В. Б. Кобрина неопределенность подобных высказываний выражена, пожалуй, заметнее. Наличие некоторых княжеских прав (не всегда с уточняющим эпитетом — суверенных) фиксируется исследователем едва ли не у большинства княжеских домов Рюриковичей Северо-Восточной Руси. Но это ничего не добавляет к конкретному наполнению этих прав. К тому же сам термин «служилые князья» применяется в таких случаях автором совсем нечасто. Нет и ясного различения удела от владений служилого князя (на примере кн. И. В. Горбатого-Шуйского)[3].

---

[2] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 35—36, 67, 69, 75, 92, 109—111, 122—124, 127, 129, 132—133, 137—146 и др.

[3] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 52—63 и др. Ученица А. А. Зимина М. Е. Бычкова довела слабые пункты построений учителя почти до абсурда: по ее мнению, феномен служилых князей — краткое явление в российской социально-политической действительности первой четверти XVI в., заимствованное к тому же из реалий Великого княжества Литовского (*Бычкова М. Е.* Правящий класс Русского государства // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: Границы сословия. М., 1997. С. 239—244, и в особенности с. 242).

Аналогичные противоречивые оценки фигурируют и в литературе последних лет. Так, С. В. Стрельников полагает, что Ростовское княжение целиком вошло в состав Владимирского великого княжества еще в середине XIV в., оказавшись под властью Калиты. И в том же веке ростовские князья превратились в служилых князей московских великих князей[4]. А как быть с тем, что текстам XIV в. сам термин (служебный князь) неизвестен? Как быть с фактом получения ханского ярлыка ростовским князем в начале 1360-х гг.? Мы не знаем ни одного случая ханского пожалования князьям такого рода. В XIV в. обнаруживает М. И. Давыдов в качестве служилых князей на службе у московских великих князей отдельных представителей княжеского дома стародубских (на Клязьме) Рюриковичей[5]. Но ведь просто факт военной службы какого-то титулованного лица главе иного княжества не превращает первого в служебного князя последнего без необходимых иных характеристик. Равным образом, владельческая принадлежность определенного княжества тому или другому титулованному лицу не фиксирует статус последнего без дополнительных данных о качестве его собственнических прав и властных прерогатив, без фактов его политической и служебной биографии, генеалогических связей и т. п. В этом же плане ряд наблюдений А. А. Горского вызывает сомнения, а его заключительные выводы малоинформативны[6].

Не менее удивительные трансформации происходят порой с термином «удел». Вообще за словом стоит более чем двухвековая историографическая инерция: с ним обычно жестко сопрягают такие понятия как «удельно-вотчинное раздробление», «удельный сепаратизм», противодействие процессам объединения, централизации и т. п. Так, Ю. Г. Алексеев в главе «Конец удельной системы» весьма кратко излагает события в жизни двух действительных уделов (князя Михаила Андреевича и его сына Василия Верейского, бежавшего в Литву в 1483 г.), подробнее пишет о заключительном этапе в ликвидации новгородского боярства, о событиях на западной границе и в Пскове. Но еще пространнее описание автором «падения последнего независимого от Москвы русского княжества» — речь идет о Тверском княжении. Как соотносится эта оценка с определением тверского великого князя Михаила Борисовича «последним настоящим удельным князем на

---

[4] *Стрельников С. В.* Об особенностях политической истории Ростовской земли в XIV—XV вв. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 9—11 и др. Эти выводы автор повторил в книге // *Он же.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009 (см.: гл. V).

[5] *Давыдов М. И.* Стародуб Ряполовский в XIII — 70-х гг XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладения. Автореферат диссертации на соискание кандидата исторических наук. Владимир, 2004. С. 14—15 и др.

[6] *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 146—170, особенно С. 166—170; см. также: *Чеченков П. В.* Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007.

Руси», нам решительно непонятно. Добавим, что по второму договору Ивана III с князем Михаилом последний именуется «молодшим братом» Ивана, но никак не «подручником»[7].

Сказанное определяет построение работы. Мы попытаемся последовательно описать типы княжеств и княжеских статусов, их эволюцию в терминах эпохи при максимально возможной мобилизации источников. Но не забудем, что сохранившаяся документальная база крайне невелика, а главное — фрагментарна, так что отдельные упущения здесь неизбежны. И еще. В 1389 г. «стольная», ранее не наследуемая автоматически часть Владимирского великого княжения в границах на середину XIV в., превратилась в наследуемое владение московских великих князей. Что означало ликвидацию слабо структурированной иерархии князей, когда великий князь Владимирский был вассалом золотоордынского хана и одновременно «старейшим» (главным) среди всех «стольных» и великих князей Северо-Восточной Руси. После 1389 г. и формально складывается совокупность самостоятельных княжений, юридически независимых друг от друга, причем каждое из них находилось в прямой зависимости от Золотой Орды. К ним добавим Рязанское княжество (в ранге великого), Смоленское (в ранге великого до его завоевания в 1404 г. Великим княжеством Литовским) и уцелевшие части Брянского княжения. Все они в XIV в. не входили в государственно-политическую систему Великого княжества Владимирского. Теперь о нашем отношении к пониманию «суверенных прав» князей в указанное время. Для XV в. это понятие сугубо конкретно и описывается дополняющими друг друга признаками, каждый из которых фиксирует реализацию прерогатив князя в той или другой сфере. С некоторой условностью следует говорить о внешнеполитическом измерении суверенитета, включающем сферы сношений с ханом Орды, отношений с соседними государствами (Великим княжеством Литовским прежде всего), связей великих князей с равностатусными главами самостоятельных княжений. Не менее важна полнота прав такого великого князя или князя иного ранга во внутриполитических проявлениях. Это область взаимоотношений великих и удельных князей, великих и служебных князей, князей любого ранга и их вассалов (бояр и «слуг вольных», а затем бояр и детей боярских); наконец, это сфера реализации властных функций князей разного статуса в отношении податного люда города и деревни («суд и дань»). Именно системное по возможности описание сформулированных характеристик в их переплетении дает представление о пределах суверенных прав всех названных выше князей.

Итак, в конце XIV в. на политической карте Северо-Восточной Руси существовали великие княжения Московское, Тверское, Нижегородско-Суздальское (до лета-осени 1392 г.), стольные княжества Ярославское, выделившееся из него Можайское[8], Ростовское (в том или другом объеме), Стародубское (на Клязьме), а также Рязанское великое княжение, Пронское великое княжество (Белозерское утратило

---

[7] *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 140—156, особенно 151—156.

[8] О нем см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 302—304.

самостоятельность еще до весны 1389 г.). Ранг названных княжений фиксируется прежде всего уцелевшими докончаниями — московско-тверскими(пять грамот), московско-рязанскими (четыре договора), литовско-тверскими (два документа), литовско-рязанским и литовско-пронским (по одному тексту), литовско-московскими (два договора). Сохранился также проект договора между двумя нижегородско-суздальскими князьями и князем Дмитрием Шемякой в краткий момент реставрации самостоятельного Нижегородско-Суздальского княжества (текст датирован нами второй половиной сентября — началом октября 1445 г.[9]).

Сначала о княжествах, от которых не уцелели тексты межкняжеских отношений с четким определением статуса их глав. Юридически самостоятельное существование Ярославского княжения несомненно. Оно документируется летописными известиями о поездке в Орду в 1412 г. кн. Ивана Васильевича Ярославского, о «чудесах новоявленных чудотворцев» (родоначальников княжеского дома ярославских Рюриковичей), сопровождавшихся включением Ярославского княжества в состав Российского государства в 1462/63 г., о смерти в апреле 1471 г. князя «Александра Федоровича Ярославского»,[10] а также записями в рукописях с упоминанием ярославских «великих» и просто князей (кн. Ивана Васильевича, кн. Василия Ивановича, кн. Ивана Федоровича)[11].

Докончания московских князей конца 1440-х — начала 1470-х гг., завещание Василия II подтверждают данный факт. В них упомянут «посол татарьской», который «придет…въ Ярославль», а также «выход, … все пошлины, …ордыньские проторы», «тцаревъ выход», «татарщина»[12]. Такие формулы типичны именно для самостоятельных княжений (хотя бы формально), главы которых получали на свой «стол» ярлык от хана и сами уплачивали дань в Орду. Перемены в субъектах верховной собственности на фигурирующие в документах ярославские территории приводили к усложнению процедур или иному порядку ордынских платежей с них, но не к изменению статуса Ярославского княжества (до 1463 г.). Последние публикации и исследования прояснили хронологию, а также ряд спорных вопросов ликвидации его самостоятельности[13].

---

[9] *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 74—80, особенно см.: С. 78—80.

[10] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 486; М., 2004. Т. 23. С. 157—158; М., 2000. Т.24. С. 188.

[11] *Турилов А. А.* Малоизвестные письменные источники о ярославских князьях конца XIV — первой половины XV в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. VII. С. 131—142.

[12] ДДГ. № 44. С. 128; № 48. С. 146, 147; № 70. С. 233—236, 238, 240, 242—246, 248, 249.

[13] АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 312. С. 302—303 и 340—342 (коммент. А. В. Антонова и К. В. Баранова к жалованной грамоте 1464 г.); *Назаров В. Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992. С. 131—134; Баранов К. В. Иоанн Агафонович, созиратай Ярославской земли (эпизод из истории присоединения Ярославля) // История и культура Ростовской земли. 2002.

Правда, многие конкретные сюжеты эволюции Ярославского княжения в конце XIV — середине XV в. остаются нераскрытыми в силу крайней скудости источников. Но основная тенденция в исторических судьбах ярославских Рюриковичей очевидна — на протяжении 1410-х — 1460-х гг. различные ветви и линии их княжеского дома разными путями и в разное время превращались в служилых князей московских государей (см. ниже).

Один из вариантов — намечаемая пунктиром история моложских князей, младшей ветви ярославских Рюриковичей. Их княжество, по наблюдениям В. А. Кучкина, во второй половине XIV в. превратились из удела Ярославского княжества в самостоятельное княжение (см.: прим. 8). В первой половине XV в. (скорее всего, не позднее 1445 г., а возможно, еще в середине 1410-х гг.) они стали служилыми князьями московских великих князей с сохранением родовых земель (см. ниже).

Схожую эволюцию проделали стародубские (на Клязьме) Рюриковичи. Во второй половине XIV — первой четверти XV в. их княжество несомненно обладало хотя бы формальной самостоятельностью. Причем наряду с владениями четырех ветвей княжеского дома (они имели, скорее всего, наследственный характер) существовала ненаследуемая территория (Алексин стан) «стольного города» княжества, которой управлял старший в роду князь. Последний имел здесь также определенные традицией права распоряжения отдельными поселениями и угодьями (прежде всего в интересах рода в целом; имеем ввиду поминальные вклады «всему своему роду»), что не отменяло коллективных прав клана в целом на эти земли[14]. Но уже где-то с 1420-х гг. представители разных линий княжеского дома стародубских Рюриковичей переходят в состав служилых князей московских монархов (см. ниже).

Наиболее сложна для реконструкции история Ростовская княжества. В контексте задачи данной статьи нам достаточно подчеркнуть следующие обстоятельства. Во-первых, включение в перечень «стольных» князей («...кождо отъ своихъ градовъ съ своими плъкы...»), составивших рать союзников под водительством москоского великого князя Дмитрия Ивановича в походе на Тверь в 1375 г., трех ростовских князей из обеих ветвей клана (кн. Андрей Федорович Ростовский из Сретенской ветви и родные братья Василий и Александр Константиновичи из Борисоглебской). Во-вторых, наличие чеканки монет в Ростове в конце XIV — начале XV вв., как двуименных (из князей Сретенской ветви фигурируют имена кн. Андрея

Ростов, 2003. С. 343—351. Решительно не можем объяснить, почему А. И. Филюшкин прошел мимо названной здесь литературы вопроса (см. также: *Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. М., 1999. Вып. 5) и воспроизвел точку зрения Л. В. Черепнина конца 1950-х гг., которая, естественно, и не могла учесть новых фактов и интерпретаций (*Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 203—204).

[14] *Кучкин В. А.* Указ.соч. С. 256—262; *Назаров В. Д.* Акты XV века из архива суздальскиого Спасо-Евфимьева монастыря // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 10—12; *Он же.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции 29 сентября — 1 октября 1998 г. М., 2000. С. 29—58.

Федоровича и его сына Федора, из Борисоглебской — имена двоюродных братьев, кн. Андрея Александровича и кн. Константина Владимировича), так и выпущенных от имени только одного князя (кн. Федора Андреевича из Сретенского клана ростовских князей). Дошли до нашего времени также экземпляры монет с нечитаемыми именами князей двух типов (в том числе в оформлении, свойственном Борисоглебским князьям). Но при любом варианте выпуск монет — прежде всего прерогатива глав формально самостоятельных княжеств, в ряде случаев глав уделов, но никогда служебных князей. В-третьих, показательна заключительная часть извлечения из ростовского владычного свода (в так наз. Московской Академической летописи): она содержит в целом однотипные известия о смерти ростовских князей обеих линий (четырех из числа князей Сретенской ветви и двух из Борисоглебской) за 1404—1415 гг. Б. М. Клосс справедливо уточнил выводы А. А. Шахматова, подчеркнув, что нить собственно ростовских статей прерывается именно в 1415 г., хотя летопись продолжена до 1419 г. (отсутствуют, в частности, статьи о смерти ростовского епископа Григория в 1416 г. и поставлении на эту кафедру Дионисия в 1418 г.). Наконец, в-четвертых, в псковских летописях есть ряд в целом дополняющих друг друга сообщений о пребывании в Пскове в первой четверти XV в. в качестве служилых князей ростовских Рюриковичей обеих ветвей. Таковыми были кн. Александр Федорович (в 1409—1412 и в 1421—1423 гг., из Сретенской ветви), а также братья кн. Андрей и Федор Александровичи (в 1415—1417 и в 1417—1420 гг., из Борисоглебской линии)[15].

Необходимы некоторые пояснения. Несомненно, что в Псков ростовские князья попали по рекомендации («из руки»), и под патронатом московского великого князя. В ряде случаев из Пскова они уезжали в Москву, но город, из которого они приезжали во Псков, чаще не указывался, когда же он известен, то это — Ростов. Кроме того, из четырех князей, от чьего имени чеканились монеты, в служилых князьях побывал лишь один. Так, кн. Александр Федорович был внуком и сыном князей Сретенской ветви на монетах (кн. Андрея Федоровича и его сына Федора), но монет с его именем нет. Нет монет с именем кн. Федора Александровича (из Борисоглебской ветви), пребывание же его брата, кн. Андрея на «княжем дворе» в Пскове предшествовало, скорее всего, времени, когда он возглавил этот клан ростовских князей. Сообразуя приведенные сведения, полагаем, что Ростовское княжество сохраняло формальную самостоятельность (надо думать, в обеих половинах) на протяжении первых десятилетий XV в., постепенно утрачивая ее со второй половины 1410-х гг. Эволюция ростовских Рюриковичей в служилых князей московских государей была длительной и, скорее всего, неодинаковой по темпам и формам перемен для представителей обеих ветвей клана (см. ниже).

---

[15] *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 88—96; ПСРЛ. М., 1907. Т. 1. С. К—L (введение Б. М. Клосса). Стб. 537—540; М., 2003. Т. 5. Вып 1. С. 33—35; М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 35—39, 117—120 (в отдельных случаях датировки разных псковских летописей расходятся между собой, причем использованы разные стили — мартовский или сентябрьский); Т. 15. Стб. 110—111.

Нижегородско-Суздальское княжество после продажи ярлыка на него ханом Василию I трижды переживало реставрацию своей самостоятельности. В двух случаях это было связано с деятельностью кн. Даниила Борисовича (из средней ветви клана): с 1409 г. (или 1410) до начала 1415 гг. и с 1423 (скорее, 1424) по март 1428 гг. (проблема статуса кн. Александра Ивановича и его княжения в 1419—1423 гг. остается спорной)[16]. При этом не сохранились (если они существовали) его докончания с московскими великими князьями, из которых были бы ясны в деталях прерогативы кн. Даниила, его статусный ранг, территориальные пределы его суверенитета. Принципиальный источник его власти в целом ясен — ханское пожалование (ярлык). Третий эпизод реставрации Нижегородско-Суздальского княжества (мы датируем его июнем 1445 — февралем 1446 г.) оставил документальный след: проект договора кн. В. Ю. и Ф. Ю. Шуйских (из старшей линии в старшей ветви княжеского дома суздальских Рюриковичей) с кн. Дмитриевичем Шемякой, реально правившем в Москве в конце июля — начале октября 1445 г.[17] Из текста очевиден союзно-вассальный тип отношений (с акцентом именно на союзном характере связей) глав самостоятельных княжеств — Великого Московского и Нижегородско-Суздальского. Вассальные черты проступают в ранговом различии (княжение Шуйских не называется «великим») и в статусном неравенстве (в терминах «политического родства» братья признают себя сыном и племянником Шемяки), а отчасти в служебных обязательствах, связанных с условиями союза.

Но важнее нормы, фиксирующие суверенитет В. Ю. и Ф. Ю. Шуйских. В его внешнеполитическом измерении решающей является статья об отношениях с Ордой («Орда намъ знати собою»). К ней примыкает обязательство кн. Д. Ю. Шемяки устранить все имевшие место вмешательства московских князей и бояр в поземельные структуры реставрированного княжения и не допускать подобных действий впредь. К внутриполитическим характеристикам суверенитета относятся исчерпанность территории княжества (помимо Нижнего Новгорода, Суздаля и Городца в его составе упомянута Вятка), а также полная независимость братьев от московских государей в юридических источниках их властных прерогатив и прав верховной собственности на княжение. Таковыми источниками были ханский ярлык и наследственные права кн. Шуйских как членов клана суздальских Рюриковичей. При всем том ведущая тенденция определилась давно: представители разных ветвей и линий княжеского дома становились служилыми князьями московского государя (в различных обстоятельствах и чаще в индивидуальном порядке) с 1390-х гг. Ускорение таких трансформаций наметилось после 1428 г., но в первой половине 1440-х ситуация осложнилась. Тем не менее восьмимесячная реставрация княжества в 1445—1446 г. не изменила вектора социальной эволюции суздальских князей[18] (см. ниже).

---

[16] *Горский А. А.* Указ.соч. С.153—155, 161—164.

[17] *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой. С. 67—82.

[18] ДДГ. № 40. С. 119—120; *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой. С. 44—73. Не рассматриваем здесь вопрос о характере соправительства

Пронское княжество, скорее всего, приобрело статус великого еще в начале 1370-х гг., после годичного пребывания на рязанском великокняжеском столе пронского князя Владимира Ярославича (это произошло в 1371 г. при решающей поддержке Дмитрия Донского). Его сын Иван в 1402 г. именовался «великим князем». В 1408 г. с помощью татар он захватил Рязань, но несмотря на военную удачу не задержался там надолго. Впрочем, Иван Владимирович сохранил свой ранг «великого князя», а соответственно и статус своего княжества. В 1427 г. «великий князь Иван Владимирович… дался в службу» великому князю литовскому Витовту. Сохранилась его крестоцеловальная грамота с элементами договорной, в которой емко сформулированы служебные обязательства кн. Ивана по отношению к Витовту (тот именуется «господином и осподарем» пронского князя), как военные, так и дипломатические, но только в сфере внешних сношений. Литовский правитель не имел никакого отношения к внутренней жизни Пронского княжества и не делегировал кн. Ивану какие-либо властные прерогативы (они у него были до написания грамоты)[19].

В 1430-е гг. во время княжеских усобиц в Литовском государстве его правители утратили свой патронат по отношению к пронским князьям (а также и рязанским). Сколь длительным было существование Пронского княжества, точно неизвестно. Следует учесть специфику источников. В летописях известия о пронском князе Иване исчезают после января 1417 г. (тогда состоялась «на Москве» свадьба его дочери со старшим сыном Василия I, кн. Иваном). Московско-рязанские докончания дошли до нас в экземплярах московских государей (1402 г., 1447 г.), из-за чего территориальный состав Рязанского княжения описан в них весьма выборочно. Договор 1434 г., наоборот, сохранился в списке рязанского князя. В нем в составе его княжения фигурируют Пронск и «Проньские волости», причем ниже упомянут «князь… проньский съ его братьею», с которым кн. Иван Федорович «взял любовь». Сейчас не так важно, как согласуются приведенные сведения — здесь возможны разные объяснения. Существеннее, что примерно такая же формула содержится в договоре 1447 г. Скорее всего, в обоих случаях речь идет о пронском князе Федоре Ивановиче и его братьях, кн. Иване и Андрее. Сам Федор в ранней редакции родословной книги именуется «великим князем». К январю 1483 г. Пронск с волостями был возвращен в Рязанское княжение, причем город и волости вошли в состав владений рязанского великого князя Ивана, старшего сына великого князя Василия Ивановича. Князья же Пронские утратили полностью родовые земли. С конца XV в. они вошли в высшие страты московского двора, но так и не составили свою территориально-клановую корпорацию служилых князей (по дан-

---

братьев (оно в силу конкретных обстоятельств уникально) — он разобран нами в цитируемой статье.

[19] ДДГ. № 19. С. 53; № 26. С. 68—69 (тождественный акт совершил и великий князь рязанский Иван Федорович: Там же: № 25. С. 67—68); ПСРЛ. Т. 15. Стб. 480—481; Т. 23. С. 142; Т. 24, С. 173—174.

ным середины XVI в. представители разных линий кн. Пронских фиксируются по пяти уездам)[20].

Московско-тверские докончания системно характеризуют главные черты статуса великих княжеств XV в. в их взаимных отношениях. Это союзные договора равноправных, одного ранга контрагентов (речь идет именно о юридическом равноправии). Исключение здесь представляет лишь последний договор Ивана III с кн. Михаилом Борисовичем (см. ниже). Субъекты договоренностей — великие князья обоих княжеств, их младшие партнеры — поименно названные старшие сыновья монархов и их «молодшие братья», а также безыменная «меньшая братия». Их присутствие в тексте во многом формально (никто из них не прикладывал к грамотам своих печатей, то есть не участвовал в ратификации докончаний), но соответствовало традиционным представлениям о клановой солидарности членов княжеского дома, об их иерархии, о разных проявлениях групповой (коллективной) земельной собственности князей одного дома. Объектами соглашений стали сословные группы привилегированных и податных слоев населения (среди первых — служебные князья, бояре и слуги вольные), сферы деятельности, представляющие обоюдный интерес (внешняя политика, торговля, обложение налогами, взимание таможенных сборов, «сместной» суд и т. п.), собственно территории княжеств.

Стороны взаимно гарантировали целостность княжений. Это включало фиксацию главных составляющих каждого из них, обоюдный отказ от претензий на них в случае провокационных выдач ярлыков в Орде, определение традиционных рубежей (для Твери со времени правления кн. Михаила Ярославича, для Москвы — кн. Ивана Даниловича Калиты), судебные разбирательства при наличии территориальных претензий в пограничных зонах. Поскольку Новгород включался в состав владений московского князя (в подразумеваемой его ипостаси владимирского великого князя), постольку тверской князь обязывался «блюсти» новгородские рубежи и «жить» с Новгородом в соответствии с традициями взаимоотношений с ним, начиная с кн. Александра Михайловича, как он «жил без великого княжения» (здесь имеется ввиду время правления кн. Александра, когда он лишился стола Владимирского великого княжества).

Полная самостоятельность контрагентов во «внутриполитическом» измерении суверенитета (к сказанному выше добавим, что принцип равенства сторон соблюдался в «сместных судах», в порядке налогообложения и взимания торговых пошлин) дополнялась их равноправием во внешнеполитической сфере. Здесь показательны два обстоятельства. Во-первых, независимость в сношениях с Ордой («к Орде... и ко царю путь чист...»), а во-вторых — оборонительный характер союзного договора. Равные в целом военные обязательства сторон характеризовались при наступательных действиях хана с «татарской ратью», а также «литвы...

---

[20] ДДГ. № 19. С. 53—54; № 33. С. 84, 85; № 47. С. 143; № 84. С. 333, 338; РИИР. М., 1971. Вып. 2. С. 43—44; ТКДТ. С. 56, 59, 70, 148, 151, 175, 183; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 116—117 (с отдельными неточностями).

немцев...ляхов»[21]. Подчеркнем, что в мирное время на первый план выступали иные международные обязательства тверских монархов. Из договоров кн. Бориса Александровна с Витовтом и великим князем литовским Казимиром следует, что Тверь (при полном внутреннем суверенитете) оставалась в той или иной мере под патронатом Литвы. Договор Василия II с Казимиром зафиксировал это обстоятельство[22].

Слом традиции равноправных отношений зарегистрировал второй договор кн. Михаила Борисовича с Иваном III незадолго до ликвидации самостоятельности Тверского княжества в сентябре 1485 г. Этот факт давно отмечен в литературе. Подчеркнем два обстоятельства. Первое — статусное неравенство кн. Михаила, хотя он сохраняет ранг «великого князя»: он «молодший брат» и «старейшего брата» Ивана III, и «старейшего брата» кн. Ивана Ивановича Молодого, наследника и соправителя московского государя. И отец, и сын также были «великими князьями». Союзно-вассальный характер отношений кн. Михаила с московским правителем несомненен. Второе обстоятельство — подробная роспись всех новых обязательство кн. Михаила именно во внешнеполитической сфере при сохранении в целом традиционных норм и статей московско-тверских отношений[23].

Отметим еще один нюанс, фиксирующий, скорее всего, эволюцию формулы описания принадлежащих московскому великому князю территорий. В договоре 1399 г. она такова: «наша очина Москва, и великое княжение, и велики Новъгород...». В двух случаях употребления этой формулы в тексте докончания налицо два союза «и», в одном случае первое «и» отсутствует. Договор 1439 г. дошел до нас в тверском экземпляре (притом не полном), так что в нем этот текст отсутствует. В докончании же 1456 г. интересующая нас формула читается (в экземпляре Василия II) так: «наша вотчина великое княжение Москва и Новгород Велики...». В этом же виде она встречается в договоре Ивана III с кн. Михаилом начала 1460-х гг. (не принимаем сейчас во внимание буквенных разночтений)[24]. Полагаем, что перед нами смысловые различия, отразившие изменения в понимании московскими государями структуры своей государственной территории. В первом случае формула триедина: «наша очина Москва» (то есть, собственно Московское княжение), «и великое княжение» (подразумевается Владимирское), «и Велики Новъгород»

---

[21] ДДГ. № 15. С. 41—42; № 37. С. 105—106; № 59. С. 186—191; № 63. С. 202—207.

[22] Там же. № 23. С. 62—63 (кн. Борис Александрович обязуется быть «заодинъ» с Витовтом, «при его стороне и пособляти... ему на всякого»); № 53. С. 161; № 54. С. 163—164 (докончание кн. Бориса Александровича с Казимиром зафиксировало более нейтральные формы патроната).

[23] Там же. № 79. С. 295—300 (в экземпляре кн. Михаила Борисовича утрачено начало).

[24] ДДГ. №. 15, С. 41, 42; № 59, С. 189, 190; № 69, С. 205, 206. Во втором докончании Ивана III с кн. Михаилом Борисовичем поновлениям подверглись формуляр договора в целом и ряд статей, в том числе, анализируемая нами формула. Обоснование датировки договора именно 1399 г. См.: *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середние XV в.// Историческая география России. XП — начала XX в. М., 1975. С. 50—56. С нею позднее согласился В. А. Кучкин.

(как принадлежность владимирского великокняжеского стола). Во второй версии формула включает два объекта: «наша вотчина великое княжение Москва» (иными словами, территории Владимирского и Московского великих княжеств слились в неразделимое целое в текстах договоров внешнеполитического характера), «и Новгород Велики» (в соответствии с прежней традицией). Если предлагаемая гипотеза верна, то следы схожих смысловых перемен должны отразиться и в иных межкняжеских докончаниях (см. ниже).

Рязано-московские докончания демонстрируют иной вариант эволюции взаимоотношений двух великих княжеств. Уже договор 1402 г., фиксируя равенство рангов (два великих князя, два великих княжения), содержит указания на союзно-вассальный тип связей рязанского князя с московским государем. Это, прежде всего, неравенство статусов, сформулированное в политической терминологии родства: Василий I «брат старейший» рязанскому кн. Федору Ольговичу, «брату молодшему». Последний статусно равен двум московским удельным князьям, двоюродному дяде и младшему брату московского великого князя. Под определенный московский контроль попали ряд направлений внешнеполитической деятельности Рязани, ее связи с соседними княжествами. В первом случае это Орда и отчасти Литва. Кн. Федор обязуется «не пристати…к татаром никоторою хитростью», извещать о послах хана в Рязань, о своих посланниках в Орду, о любой информации оттуда. Заключение же договора с Витовтом по его инициативе в принципе возможно, но после совета («думы») с Василием I. В соседях рязанского князя были черниговские Рюриковичи в Новосили и Тарусе, а также пронский князь Иван Владимирович. По отношению ко всем упомянутым лицам Василий I выступал в роли верховного арбитра, в конечном счете обеспечивавшего исполнение проигравшей стороной решений третейского суда по спорным делам разных юрисдикций. Собственно союзные обязательства кн. Федора прописаны скупо («быти ти с нами везде заодин»), военные службы специально не упомянуты. При этом за рязанским князем сохраняется вся полнота властных прерогатив во внутриполитическом измерении, его уведомления о сношениях с Ордой не отменяют значения ярлыка как источника власти рязанского монарха, равно как его наследственных прав на княжество[25].

Докончания 1434 и 1447 гг. (если исключить вполне конкретные коллизии, связанные с ожесточенной княжеской борьбой в клане московских Рюриковичей) сохранили и развили союзно-вассальный тип связей рязанского великого князя с московскими великими князьями Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем. В соглашении 1434 г. впервые в московско-рязанских грамотах появляется статья о военно-служебных обязательствах кн. Ивана Федоровича, в принципе традиционная по своему содержанию: рязанский князь «без ослушанья» отправляется в поход вместе с московским государем, при отправке кн. Юрием войск во главе с воеводами кн. Иван Федорович также отправляет своих воевод с отрядами. Новелла содержит также обязательство московского великого князя «боро-

[25] ДДГ. №. 19, С. 53—55.

нить» своего «братанича». Именно такой статус усваивает докончание рязанскому великому князю, соответственно кн. Юрий Дмитриевич именуется его «дядей». В договоре 1447 г. кн. Иван Федорович фигурирует как «молодший брат» московского кн. Василия II, «брата старейшего». Эти различия демонстрируют, сколь внимательными были составители документов при определении статусных позиций «родства» к поколенному счету[26]. Включение в договор сыновей кн. Юрия (в 1434 г.) и трех московских удельных князей (в 1447 г.) вполне традиционно для докончания контрагентов в ранге великих князей. Соглашение 1447 г. фактически повторило статью о военно-служебных обязательствах кн. Ивана Федоровича, но заметно расширило текст с обязательствами Василия II «боронить» кн. Ивана. Московский князь в случае нападения войск во главе с литовским великим князем на Рязань обязывался выступить лично, при действиях же литовских воевод мог ограничиться отправкой на помощь своих военачальников[27].

В договоре 1434 г. возможные внешнеполитические действия кн. Ивана как союзника-вассала кн. Юрия Дмитриевича прописаны примерно в том же объеме, что и в докончании 1402 г. За одним исключением: при наличии запрета «приставать... к татаром» в соглашении отсутствует новелла об обязанностях рязанского князя сообщать в Москву всю информацию о своих сношениях с Ордой и вообще об Орде. Сокращение это можно, видимо, объяснить краткостью пребывания кн. Юрия на великокняжеском столе (чуть более двух месяцев), и соответственно, поспешностью в подготовке текста договора. Но, быть может, изъятие статьи просто констатировало или неэффективность подобного контроля со стороны Москвы, или нежелание Рязани его продолжать. В условиях нарастающего развала Золотой Орды поддержание даже нерегулярных каких-то связей с разными Чингисидами оставалось для Рязани с ее распахнутой южной границей необходимым направлением внешних усилий. Нет этой новеллы и в докончании 1447 г. В нем, правда, намного детальнее и притом не единожды описаны обязанности рязанского князя как вассала-союзника Василия II во внешнеполитической сфере. Коротко говоря, кн. Иван фактически лишался здесь самостоятельности. Он должен был следовать за «старейшим братом» при любом повороте московской внешней политики: он не мог быть в «миру и любви» с любым «недругом» Василия II , предлагавшиеся ему договоры он имел право заключать только после совета («думы») с московским государем и с обязательной статьей о том, что он, рязанский великий князь, с московским великим князем «один человек». Специально оговаривался запрет «пристати...никоторою хитростью» «к литве, к татаром». Правда, здесь таится неясность. Понятия «мира и любви» предполагают письменную фиксацию таких

---

[26] Василий I и его родной брат, Юрий Дмитриевич, принадлежали к одному поколению московских Рюриковичей, а Федор Ольгович и Иван Федорович (отец и сын) к двум коленам рязанских князей с разницей в одно поколение. Отсюда «дядя» и «братанич». Соглашение 1447 г. уравняло позиции: сын Василия I договаривался с сыном Федора Ольговича.

[27] ДДГ. № 33. С. 84; № 47. С. 142—143.

договорных отношений, но тогда к каким «татаром» они могли быть применимы? Для второй четверти XV в. подобный переворот в сознании и в документальном оформлении сношений русских князей с Ордой, а точнее уже с Ордами, преждевременен. Формально или реально правившие в это время в разных Ордах Чингизиды «жаловали» своих «улусников» из Рюриковичей, но не договаривались с ними в документально фиксируемой форме. В том же докончании 1447 г. нет прямых обязательства Василия II по военной защите рязанского князя и его княжения от нападений ордынцев в отличие от аналогичных обязанностей в отношении Литвы. Уже после ликвидации ордынской зависимости в 1480 г. Иван III в договоре 1483 г. с новым рязанским великим князем обязывался «за него стояти» и «боронити» его в случае «обид» со стороны «царя или царевича», который «будет в нашей земле». Имелись в виду правители Касимовского ханства, служившие московскому государю, но защита Рязани от татарских набегов извне подразумевалась общей нормой о военной помощи и заступничестве.

Подчеркнем, что тенденция разрастания союзно-вассальных обязательств рязанского князя в его отношениях с московским великим князем несомненна. Параллельно усиливаются патрональные черты в действиях московского государя в отношении главы Рязанского княжества: докончания 1434 и 1447 гг. сравнительно подробно говорят о роли московского монарха как верховного арбитра в делах, решаемых третейским или «сместным» судами. Но все это относится к межкняжеским отношениям, к сфере внешнеполитических связей, причем формально рязанский князь и здесь сохраняет свои полномочия. И тем более сказанное не дезавуирует правовые основания и полноту властных прерогатив рязанского правителя по отношению к территории и к населению своего княжества[28].

Резюмируя, подчеркнем следующее. Докончания глав великих (самостоятельных) княжеств в идеале фиксировали ранговое равноправие сторон как юридически полноправных субъектов договорного процесса. Предметом соглашений становились разнообразные их интересы — внешнеполитические, военные, торговые, судебно-правовые и иные. Изначально союзный тип договоров вследствие фактического неравенства сторон (по размеру территорий и численности населения, военному потенциалу и т. п.), а также в силу политической конъюнктуры неизбежно эволюционировал в направлении союзно-вассальных отношений. При сохранении прежних рангов княжеств в докончаниях появляется формула статусного неравенства правящих князей (выраженная в терминологии родства) и определяются вассальные обязанности «молодших братьев» исключительно в сфере межкняжеских и «международных» отношений, в т. ч. военные. В случае Москвы и Твери на подобные изменения понадобилось более 80 лет, московско-рязанский вариант в XV в. унаследовал и развил случившиеся еще в XIV в. перемены. При всех ограничениях суверенитета самостоятельных князей («молодшей братьи») в его внешнеполитическом измерении, в договорах никак не лимитировалась полнота их прав и прерогатив на территории и население своих княжеств, в них не было

[28] ДДГ. № 33. С. 84—86; № 47. С. 142—145; № 76. С. 284—285, 288.

юридических оснований для вмешательств московских государей в земельно-государственные структуры этих княжеств. Источниками суверенитета тверских и рязанских государей служили ханские пожалования (в той или иной форме) и наследственные права представителей правящей линии в рамках этих княжеских домов. Показательно, что до 1480 г. неизвестны случаи ликвидации самостоятельных княжеств в ходе военных действий. Поход московской рати к Нижнему Новгороду в 1392 г. был демонстрацией силы при наличии купленного в Орде ярлыка на Нижегородско-Суздальское княжение, но военных столкновений так и не случилось (позднее, в 1410-е гг., в 1445 г. вооруженная борьба велась, причем стороны опирались в своих претензиях на пожалования соперничающих ордынских «партий»). «Стольные» княжения утрачивали в XV в. самостоятельность или какие-то территории в результате имущественных сделок (в известных нам случаях речь идет о купле-продаже), в конечном счете так или иначе санкционированных тем или другим ханом. Тверское же княжество как самостоятельное образование прекратило существование в сентябре 1485 г. в результате похода московского войска и осады Твери (тверской князь Михаил Борисович бежал в Литву), а последний рязанский суверен, кн. Иван Иванович, приходившийся по женской линии внучатым племянником Василию Ш, был арестован по приказу московского государя (скорее всего, зимой 1520/21 г.). Позднее, во время масштабного набега войск крымского хана Мухаммед-Гирея в августе 1521 г., он сумел бежать из заключения в Литву[29].

Вассальные «обременения» глав самостоятельных княжеств по видимости сближали их с удельными князьями из княжеского дома московских Рюриковичей. У них был один адрес служебных обязательств (московский великий князь), в существенных моментах были схожи сами вассальные обязанности. И тем не менее такое уподобление во многом внешнее: перед нами непересекающиеся параллели развития двух разных типов (рангов) княжеств, правда, с одним вектором эволюции — их поглощения Великим княжеством Московским.

Обращаясь к удельным князьям, удивимся парадоксу: огромному числу работ о них разных жанров и неодинаковых по качеству противостоят буквально единичные случаи употребления этого словосочетания в источниках. Для XV в., если мы не ошибаемся, известен единственный пример. В «Записи, что тянет душегубством в Москве» (памятник датируется различно, но в любом случае между 1425—1461 гг.), «князья удельные» упомянуты в четырех статьях[30]. Чуть чаще они фигурируют в текстах XVI в. Конечно, это несоответствие скорее мнимость, чем реальность: сравнительно многочисленным докончаниям московских великих князей с их родственниками XV в. прочно знакомы термин «удел» и их владельцы, названные в тексте по имени и отчеству. Аналогична ситуация применительно к текстам XIV в., причем речь идет и о княжеских договорах, и о нарративах. «Удел» впервые фигурирует в договоре 1348 г. трех сыновей Ивана Калиты, а немногим позднее, в статье 1365 г. (в известии о смерти тверского Рюриковича, кн. Семе-

[29] *Зимин А. А.* Указ.соч. С. 115—116.

[30] АСЭИ. Т. III. № 12. С. 28.

на Константиновича), он фиксируется в Рогожском летописце. Еще раз в нем же упоминаются «уделы» в статье 1388 г., в рассказе о замирении князей Нижегородско-Суздальского княжества[31]. Иными словами, очень редки памятники, в которых обезличенное употребление «князей удельных» соответствовало бы содержанию и направленности текста. При описании конкретных ситуаций с реальными лицами такого уровня этикет эпохи требовал полного их именования с нередким указанием на степень родства с правящим князем. Определение же статусной категории этих персон в терминах сословной стратификации было излишним.

Впрочем, термин «удел» не был жестко привязан к княжеской среде. В середине XV в. на Двине в купчей грамоте объект сделки (перевесье и пожня) характеризовался формулой: «чимъ владелъ Онъчифоръ по уделу отьча своего…». Память о дьяке Троице-Сергиева монастыря Вороне (составлена в 1460-е-1470-е гг.), объясняя, почему его отец не получил родовых вотчин в Переяславском уезде, формулирует причины следующим образом: «А Воронину отцу удела в тех землях не было за тем, что ся дал при отце своем в холопи, до мору» (т. е., до 1425 г. — *В. Н.*). Боярин А. М. Плещеев и его жена Елена в 1491 г. «дали есми по любви… село Елизаровское (в Переяславле — *В. Н.*) сыну своему Ивану в удел, зань же ему мало моих земель досталось». Участие супруги в данном случае в завещании мужа легко объяснимо. Елизаровское было ее приданым и по нормам обычного наследственного права оставалось после смерти супруга ее собственностью, по крайней мере при ее жизни[32]. Еще дважды термин «удел» фигурирует в документации Белозерщины. В грамоте 1460-х гг. упомянут «удел» И. Д. Монастырева в документе по сложному обмену земель между родственниками (два брата и их мать). В конце XV — начале XVI в. кн. А. Д. Кемский купил у родного брата «его удел в Кеме»[33]. Ни кн. Афанасий, ни его брат Федор (из княжеского дома белозерских Рюриковичей) не относились к числу удельных князей, прямых вассалов московских государей, они не были кровными родственниками ни Ивана III, ни Василия III. Приведенные примеры четко фиксируют два смысловых значения термина: сам дележ («дел», «удел») отцом подлежащей разделу родовой земельной собственности, «отчины» (двинская грамота); доля (часть) родовых владений, полученная в результате такого раздела лицами, имеющими на то наследственные права. Добавим еще одно на-

---

[31] ДДГ. № 2. С. 12; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 79, 154. Датировка договора 1348 г. принадлежит В. А. Кучкину.

[32] АСЭИ. Т. 1. № 391. С. 284; № 562. С. 439; ГВНП. № 179 С. 218. О А. М. Плещеве и Ворониных см.: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966. С. 55—57, 60—62, 74—77 и др.; *Зимин А. А.* Указ.соч. С. 195—197, 199 и др. А. М. Плещеев был женат на дочери Якова Казака Ивановича Кошкина, из старомосковского боярского рода Захарьиных-Кошкиных.

[33] АСЭИ. Т. II. М., 1958. № 184. С. 116; № 295. С. 250. Еще один случай зафиксирован документом из архива Иосифо-Волоколамского монастыря. Власти обители купили ок. 1507—1509 гг. у М. И. Губина Бартенева его вотчину в Рузском уезде (3 деревни и 2 селища), которая определена в тексте как «удел брата его» (АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 39, С. 40—41).

блюдение: термин широко известен в территориальном аспекте, но используется в статусно престижных слоях вотчинников совсем нечасто, намного реже «отчины».

Иная ситуация в среде властительных князей разного уровня. Здесь термин «удел» бытует с середины XIV в., к нему нередко обращаются при регулировании отношений собственности и властных прерогатив внутри княжеской семьи (династии), внутри княжеского дома. Речь идет о правоустанавливающих документах двух типов. С одной стороны, завещания великих или самостоятельных князей, а также удельных их сородичей. С другой стороны, это докончания первых со вторыми. К сожалению, до нашего времени уцелела лишь документация московского великокняжеского архива (и то неполностью), так что судить о статусе удельных владетелей мы можем лишь на московских материалах (договор 1496 г. рязанских князей является единственным исключением). Сначала о самом термине. Изначальный смысл понятия «удел» — юридически равностатусные доли (части) «отчины», Московского княжества («Москвы»), доставшиеся трем братьям по «розделу» их отца, великого князя Ивана Даниловича Калиты. Согласно его завещанию, княжества братьев были практически равны и по размерам полученных владений, что отразило их докончание 1348 г., в котором, как говорилось выше, термин «удел» встречается впервые (генетическую связь терминологии двух этих документов впервые подчеркнул, как кажется, С. М. Каштанов). То, чем «сступились» Семену «на старейшинство» младшие братья было сравнительно невелико. В том же договоре термин «удел» используется также для обозначения княжеств братьев в статьях, определявших прерогативы князей в отношении собственных земель и в сферах, где пересекались их интересы: дань в Орду, судебные дела и ряд других. Нормы, регулировавшие взаимные права и обязательства сыновей Калиты, перечислены С. М. Каштановым (он насчитал 13 таких статей). При анализе договора московских Рюриковичей следующего поколения он выделил новые разделы, касающиеся в том числе «сместных» владений[34].

Оба значения сохраняются в последующей документации. Так, духовная Дмитрия Донского 1389 г. делит его «отчину» между пятью поименно названными наследниками (из них Иван был больным и вскоре умер) и возможным шестым, который родился уже после оформления завещания. В состав «отчины» входили две трети Московского княжества, а также «великое княжение» и приравненные к нему в определенном смысле «купли» кн. Ивана Калиты. В перечнях получаемых каждым сыном территорий из обеих частей «отчины» термина «удел» нет. Он по-

---

[34] ДДГ. № 1. С. 7—10; № 2. С. 11—12; *Каштанов С. М.* Русский «удел» XIV—XVI вв., как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвященные памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1983. С. 46—48. Ряд наблюдений автора может быть оспорен (частью это и делается ниже), но в принципе это тема отдельной работы. См. также нашу статью «Князья удельные» // Большая Российская энциклопедия в 30 томах. М., 2009. Т. 14. С. 354—456.

является в статье, где идет речь о передаче вдове Дмитрия Донского волостей и сел из княжений их сыновей. Здесь понятие «удела» жестко сопряжено с наследственными долями всех братьев в двух третях Московского княжества. Это же относится и к статье, устанавливающей размер ордынской дани с них. Однако в других разделах, определявших позицию матери как верховного арбитра при переделах земель вследствие смерти кого-либо из сыновей или других причин, устанавливавших ее судебный суверенитет над завещанными ей волостями, «удел» фигурирует как некое обобщение всех владений каждого сына. Иными словами, «удел» здесь синоним всего «княжества» любого наследника, включая старшего сына великого князя Василия Дмитриевича[35].

Противоречиво завещание Василия II. Перечень подлежащих разделу городов и волостей открывается словами: «А сына своего стареишого Ивана благословляю своею отчиною, великим княженьем», далее же названы объекты из собственно Московского княжества (треть Москвы с городскими станами, Коломна), из традиционно великокняжеских (Владимир, Переяславль, Кострома), из купель Калиты (Галич), а также из многочисленных «примыслов» Василия I и завещателя, включая земли бывших московских уделов. При этом источники и способы приобретения прав на названные объекты не указаны. В объемном же разделе передаваемых вдове из владений всех сыновей волостей, сел и слобод фигурируют уже «уделы». Так, из «удела сына...Ивана» великой княгине полагалось около 40 объектов в шести городах с уездами, из которых только Коломну можно соотнести с «удельной» традицией в рамках Московского княжества. Остальные города были великокняжескими (Переяславль. Юрьев, Кострома) или «примыслами». Иначе говоря, владения, наследуемые Иваном III, именуются в разных разделах то «великим княжением», то «уделом», хотя синонимичность этих понятий к 1462 г., казалось, была исключена. Налицо использование архаизирующего понятия с оглядкой на формуляр и лексику завещания деда[36]. Духовная Ивана III подобных казусов не знает — все получаемое Василием III обозначается «великим княжением». Термин «удел» применим только к владениям младших сыновей завещателя, а именно в статьях, регулирующих их отношениях со старшим братом[37].

Княжеские договоры подтверждают и частью детализируют эти наблюдения. В докончаниях великих князей с главами Серпуховского удела, заключенных обеими сторонами с 1360-х по 1450-е гг. на протяжении жизни трех поколений, обнаруживаются следующие тенденции. Применительно к владениям «старейшего брата» термин «удел» используется, как правило, в формуле «мой удел и все мое великое княжение» (впервые в первом договоре Дмитрия Донского с кн. Владимиром Андреевичем) и в статьях, определяющих нормы их взаимоотношений. В конкретных перечнях состава владений великих князей обычно присутствуют выражения, характеризующие источник и способ получения прав на них: «чем мя благословил

---

[35] ДДГ. № 12, С. 33—35.

[36] Там же. № 61. С. 194, 196—197.

[37] ДДГ. № 89. С. 354—362.

отец мой», «что ми дал Бог», «что яз примыслил», «чем ты сступился», «что яз взял у недругов своих». При этом понятие «великое княжение» вместе с «отчиной» постепенно распространяется на все перечисляемые объекты. Правда, в статье о закреплении за наследниками великого князя земель в случае его смерти использована формула «мой удел и все великое княжение» с перечислением городов на территории собственно Московского княжества (в том числе в грамотах 1450-х гг.), которое традиционно именовалось «уделом». Но общий вектор эволюции несомнен. «Удел» не употребляется более в качестве самостоятельного, особого понятия в отношении любых объектов великокняжеской собственности, ситуации, где он используется в составе формулы, постоянно сокращаются, место «удела» частью занимает «отчина», а выражение «мое великое княжение и отчина», фигурирующее в текстах чаще всего, закрепляет владельческую и административно-судебную однородность всех территорий под властью великого князя. И наоборот, владения серпуховских князей именуются только «уделами», включая все новые приобретения за пределами начального ядра. И здесь «отчина» начинает соседствовать с «уделом», медленно его вытесняя. Одно из важных проявлений этого процесса — рождение новой формулы пожалования удельного князя великим: «Что яз пожаловал, дал тобе в вотчину и в вудел…» (в отдельных случаях говорится об уступке — «что яз (или «отец мой») сступился»). Формула появляется в договоре Василия I с кн. Владимиром Андреевичем (датируется В. А. Кучкиным 1406 г.), заменяет более раннюю («дал» или «пожаловал в удел») и сохраняется в позднейших докончаниях. На наш взгляд, ее содержательный план в сфере интересов удельного князя прозрачен: «удел», как унаследованная им доля, апеллирует к предшествующим поколениям и к традиции, понятие «отчины» укрепляет наследственные права жалуемого лица, его жены и его сыновей на новое приобретение. Интересы же великих князей соблюдены самой фиксацией способа передачи этого владения своим родственникам — вассалам в качестве именно пожалования[38].

Договоры Василия II с представителями еще двух линий московских удельных князей подтверждают эти наблюдения. «Удел» применительно к каким-то объектам собственности великого князя использован в них буквально в единичных случаях, причем в сочетании с «отчиной» и с «великим княжением» — в докончаниях 1428 г. с галичским князем Юрием Дмитриевичем (в контексте отсылки на духовную Дмитрию Донского) и 1435 г. с его сыном Василием Косым (датировка А. А. Зимина). В большинстве статей «отчина» заменяет «удел» в обозначении владений удельного князя в этих и других договорах великого князя с иными лицами из галичско-звенигородской ветви — с кн. Д. Ю. Шемякой и Д. Ю. Красным[39]. Еще выразительнее тексты соглашений Василия II с сыновьями можайского удельного князя Андрея Дмитриевича, Иваном и Михаилом. Здесь термин «удел» весь-

---

[38] ДДГ. № 5. С. 20—21; № 11. С. 31—32; № 13. С. 37—38; № 16. С. 43—44; № 27. С. 70—71; № 45. С. 129—133, 135—139; № 56. С. 169—174; № 58. С. 179—185.

[39] Там же. № 28. С. 64—66; № 30. С. 76—77; № 35. С. 90—93 и др.; № 36. С. 101—104; № 38. С. 107—108, 110, 113 и др.

ма редко сопрягается уже с городами и волостями удельных правителей (на его месте фигурирует «отчина») и притом почти исключительно в формуле пожалования («в вотчину и в вудел»). Показательно, что в докончании 1447 г. с кн. Иваном Василий II «жалует» ему Бежецкий Верх именно «въ отчину» (термин «удел» отсутствует)[40]. В текстах соглашений Ивана III с кн. Михаилом термин «удел» фигурирует, если не ошибаемся, только в формуле пожалований (как правило, прежних, по преимуществу Василия II, теперь лишь подтверждаемых новым великим князем)[41]. Договор двух рязанских князей 1496 г. не добавляет здесь ничего нового: «удел» используется только применительно к территориям младшего брата и лишь в некоторых статьях, в частности о «сместном суде»[42].

Показательна эволюция интересующей нас терминологии в докончаниях Ивана III с младшими братьями. В первом его соглашении с кн. Андреем Большим (мы датируем документ 1465—1469 гг.) «удел» фигурирует дважды: так именуется княжество кн. Андрея в статье о «невступании» великого князя в земли брата, а также в статье об уплате ордынского выхода. Чаще говорится об «отчине» кн. Андрея, а в разделе, посвященном Москве, речь идет о «трети» серпуховского князя Владимира Андреевича, завещанной Василием II сыновьям Юрию и Андрею «по половинам». Характерно, что термина «удел» нет в этой статье, а ведь его первоначальная фиксация была связана с коллективной собственностью сыновей Ивана Калиты на Москву и ее округу. Понятно, что «удела» нет в статьях, относящихся к владениям Ивана III: они почти исключительно обозначаются как «великое княжение» безотносительно к предшествующей владельческой истории любой его части (изредка и как бы дополнительно они квалифицируются как «отчина»). Исключение тут одно — в Москве Ивану Ш досталась «треть», разумеется «великокняжеская», принадлежавшая ранее Василию II[43].

Серия договоров великого князя с кн. Андреем Большим и Борисом (1473, 1481, 1486 гг.) демонстрирует заметно иное использование политико-юридической лексики. Территории удельных княжеств во всех статьях обозначаются исключительно как «отчина» того или другого князя, исключение опять одно — доли в столице (половина «трети» у Андрея и «год» князя Ивана Можайского у Бориса). В пяти грамотах применительно к части этих княжеств фигурирует «удел», но только в формуле пожалования удельных князей их старшим братом: «что яз пожаловал, дал тебе в вотчину и в вудел». В докончании 1472 г. с кн. Андреем нет факта пожалования со стороны великого князя, соответственно исчезает и сам термин. Но «удел» обнаруживается в докончаниях в перечнях городов и волостей Ивана III, правда, лишь в тех особых случаях, когда упоминаются владения умерших братьев. Речь идет об уделах кн. Юрия (умер в сентябре 1472 г.) и кн. Андрея Меньшого

---

[40] ДДГ. № 31. С. 81—82; № 41. С. 122; № 42. С. 123—124; № 43. С. 125—126; № 44. С. 127—128; № 48. С. 146—147; № 55. С. 165—168.

[41] Там же. № 64, С. 208—211; № 65. С. 212—214; № 67. С. 217—220 и др.

[42] Там же. № 84. С. 334—340.

[43] Там же. № 66. С. 215—216.

(скончался в июле 1481 г.). Наличие здесь термина сугубо ситуативно, так как налицо прямая отсылка к завещанию Василия II (именно в нем был определен состав уделов Юрия и Андрея Меньшого), а косвенная — к завещаниям самих удельных князей. Но это лишь предыстория, теперь же их земли становились частью «великого княжения», то есть частью однородного под властью великого князя пространства. И их, как и вообще все великое княжение, Андрей и Борис обязывались «блюсти» и под старшим братом, и под его наследниками[44].

В договорах Василия III с его младшими братьями термины «удел» уже нет вообще, его место занимает «отчина». Владение же самого государя определяются исключительно как «великое княжение» с редким вкраплением «отчины». Такую лексическую ситуацию фиксирует июньское докончание 1504 г. Василия III с кн. Юрием, главой Дмитровского удельного княжества. Оно отстоит от завещания их отца, Ивана III, всего на полгода, но в двух статьях, тематически схожих в обоих памятниках, соглашение последовательно использует понятие «отчины», а духовная грамота применяет в этих же местах «удел»[45]. Вполне логичный финал определившейся уже в середине XV в. тенденции: младшие сыновья Ивана III не получали от старшего брата никаких территориальных придач, соответственно исчезла и формула о пожаловании «в вотчину и в вудел». Но, как известно, в реальной жизни продолжали существовать удельные княжества и удельные князья, а сами термины, хотя и редко, встречаются в разных источниках XVI в. Последнее точно датированное употребление термина «удел», если мы не ошибаемся, относится к марту 1585 г.[46].

Какие же причины стояли за этими терминологическими переменами в политико-юридической лексике составителей и завещаний властвующих лиц (великих и удельных князей), и их докончаний? Определенное значение имели типологические и формулярные различия упомянутых документов. Так, договора опера-

---

[44] ДДГ. № 69. С. 225—226, 228—231 и др.; № 70. С. 233—236 и др.; № 72. С. 252—255 и др.; № 73, С. 269—275; № 81. С. 316—321; № 82. С. 323—328.

[45] Там же. № 89. С. 361—362; № 90. С. 364—369. Термина нет также в комплексе грамот, дополнявших договор 1504 г. и в докончании тех же лиц 1531 г. — Там же. № 92—97. С. 370—406; № 101. С. 416—419. О дате духовной Ивана III см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — середины XVI в. М., 1967. С. 197—202 и след.

[46] ДДГ. № 104. С. 428, 429, 440, 441, 444 (проект завещания Ивана IV); Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 104 (второе послание Ивана IV кн. А. М. Курбскому); Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 176—177 (ст. 100 Судебника 1550 г.); Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 181; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1987. Ч. III (формулярник писем от имени митрополита). Термины также встречаются в некоторых княжеских родословиях второй трети XVI в., см.: ПСРЛ. М., 2001. Т. 7, С. 238—239; М., 2004. Т. 24. С. 230; РИИР. Вып. 2. С. 11—13, 28, 83—84, 101; АСЭИ. Т. III. № 84. С. 115 (жалованная грамота «царевича князя Дмитрия Ивановича Угличского» игумену угличского Покровского монастыря от 17 марта 1585 г. содержит следующий текст: «Доколь Бог благословит и государь, царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси укажет нам на Углече на уделе быти»).

тивнее отражали модификации во взаимоотношениях князей, а главное, быстрее улавливали изменения в представлениях московских Рюриковичей разного статуса о пределах их властных прерогатив по отношению к структурно неоднородным по происхождению территориям. К примеру, в завещании Василия II есть случай (о нем шла речь выше) архаичного употребления понятия «удел» применительно к владениям старшего сына, хотя в лексике докончаний подобного практически не было за 20—25 лет до того. Из практики XVI в. известно, что духовные грамоты великих и удельных князей составлялись, сообразуясь каждый раз с формуляром, лексикой и, конечно, конкретными распоряжениями родительских завещаний. Отсюда известная инерционность таких документов. Отметим также, что понятие «отчина» раньше проникло и интенсивнее вытесняло термин «удел» из текстов договоров с удельными князьями новых поколений. Выделяются два периода — 1430-х-начала 1450-х гг. и 1470-х—1480-х гг., годы деятельности поколений внуков и правнуков Дмитрия Донского. Консервативнее всего выглядят докончания с князьями серпуховской линии московских Рюриковичей. Мотивы перемен описываются гипотетически, прямых свидетельств по этой проблеме нет.

Скорее всего, имманентно присущий понятию «удел» смысл — равное и равноправное участие всех сыновей-князей в разделе недвижимого наследства отца — все сильнее расходился с государственно-политическими и владельческими реалиями. Первая веха — завещание Дмитрия Донского. В нем принцип равенства соблюден лишь применительно к исконной территории Московского княжества (но не самой Москвы и тянувших к ней станов: из двух третей, доли отца в столице с округой, старший сын, великий князь Василий I получил половину), где каждому из наследников достался город с уездом (Дмитров здесь приравнен статусно к Коломне, Звенигороду и Можайску). Сугубо формально правило равенства долей наследников соблюдено и во втором списке подлежащих разделу земель. К старшему сыну перешло Владимирское великое княжение, остальные получили по городу с уездом из числа «купель» Ивана Калиты[47]. Ни по площади, ни по численности населения, ни по удобству расположения последние не могли сравниваться с доставшимися Василию I владениями. Неделимость земель Владимирского стола распространилась затем — с отдельными и притом временными отступлениями — на новые великокняжеские приобретения. Практика пожалований «в вотчину и в вудел», заметная с конца XIV — начала XV в., и стала формой своеобразной компенсации удельным князьям, особенно при необходимости поддерживать военно-политическое единство княжеского дома московских Рюриковичей. Позднее тенденция к неравенству раздела только нарастала, причем по двум направлениям. Ведущее — многократное увеличение доли главного наследника, старшего сына, обычно являвшегося соправителем и великим князем в последние годы жизни отца. Апогей будет достигнут в завеща-

[47] Приведенные факты относятся к сыновьям Дмитрия Донского Василию, Юрию, Андрею и Петру. Исключены Иван (недееспособный по состоянию здоровья) и Константин (в момент написания завещания он еще не родился).

нии Ивана III. Второй аспект — неравенство уделов младших сыновей. Оно уже вполне ощутимо в духовной грамоте Василия II: составные («не в одной меже») княжества Юрия и Андрея Большого примерно равны (хотя Юрий в целом получил больше) и они значительно превосходят владения Бориса и Андрея Меньшого. Примерно та же ситуация с сыновьями Ивана III: двум старшим после Василия III (Юрию и Дмитрию Жилке) досталось и существенно больше объектов собственности, чем двум младшим, Семену и Андрею.

В таком контексте терминологическая экспансия понятия «мое/свое великое княжение» на любые принадлежащие великому князю земли естественна: она фиксирует границы его прерогатив и административно-государственную однородность находящихся под его властью территорий. Но в разобранных докончаниях этот термин «работает» не сам по себе, а в связке с «отчиной» применительно к удельным княжествам. В отличие от «удела» понятие «отчины» не обременено прямыми коннотациями с завещанием Калиты и докончанием трех его сыновей. Оно в принципе фиксирует родовое происхождение владения, не содержит отсылок к условиям раздела наследства между князьями и просто «регистрирует» права удельного князя как «отчича». В итоге описанная выше эволюция терминов оказалась приемлемой в том или другом отношении для всех заинтересованных сторон.

Правовой статус владений удельных князей был разным. Наиболее обеспеченными в юридическом плане были территории, доставшиеся тому или иному главе удела по завещанию отца. Нарушение его прав на эти земли со стороны великого князя было крайне редким явлением, в обычном порядке он их подтверждал. Определенную «законность» такие посягательства обретали только в случаях враждебной политики или военных действий удельного князя против «старейшего брата». При таком ходе дел возникала прямая угроза территориальной целостности самого великого княжества. Подобные конфликты заканчивались или примирением сторон (тогда младший брат гарантированно возвращал или закреплял полученные от отца владения), или ликвидацией удела с арестом или бегством в Великое княжество Литовское удельного князя. Позднее части конфискованного княжения попадали нередко в состав вновь образованных уделов. Напомним, не входя в детали, что реализация коллективной (кланово-групповой) собственности московских Рюриковичей на Москву и «городские станы» происходила в специфических и меняющихся во времени формах. Устойчивость изначального территориального ядра московских уделов хорошо иллюстрируется на примере князей серпуховской линии. Представители четырех поколений названной отрасли удельных князей сохраняли за собой с небольшими изменениями и на протяжении более чем стал лет первые земли удела, выделенные по завещанию Калиты[48].

Более ограниченными в пользу «старейшего брата» были права глав уделов на пожалованные «в вотчину и в вудел» территории. Судя по докончаниям, «брат ста-

[48] Менее продолжительной была история удела кн. Андрея Дмитриевича и его двух сыновей. В одном случае ее длительность составляла немногим более 50 лет, в другом — ок. 90 лет.

рейший» довольно свободно распоряжался судьбой им же пожалованных земель. Так что они нередко возвращались в собственность великого князя в одних случаях с заменой удельному князю иными владениями, в других — без компенсации, причем причины этих действий, как правило, не указываются. Реальные их мотивы в условиях длительной княжеской междоусобицы (мы датируем ее 1425—1456 гг.) обычно понятны, они диктовались конкретными политическими обстоятельствами. Но в известных нам примерах такие пожалования редко задерживались в уделах более, чем на 10 лет (лишь в отдельных случаях срок был длительнее), притом не только в условиях межкняжеских войн. С точки зрения внутренней жизни удельного княжества это было значимой особенностью, так или иначе влиявшей на характер взаимоотношений местных «благородных» сословных групп (бояр, вольных слуг, затем детей боярских) и удельного суверена, прежде всего в сфере военной службы.

Различия в источниках прав удельного князя на разные части своего княжества (отец, более далекий прямой предок или же великий князь, «брат старейший») не влияли на объем его властных прерогатив в отношении земель любого владельческого статуса, а также податного населения. В границах удела он был верховным собственником земли в качестве правителя — суверена, высшей судебной инстанцией для всех землевладельцев, в том числе и тех, кто служил великому князю. В его судебной и податной подведомственности находились все и притом любые группы сельского и городского непривилегированного населения. От его имени выдавались иммунитетные грамоты. Собранный его данщиками ордынский «выход» (дань) глава удела отдавал великому князю, размеры же дани, а иногда и сроки передачи фиксировались в их договорах. В них же в отдельных статьях говорилось о взаимном запрете приобретать земельную недвижимость («села»), держать закладней, предусматривался третейский суд по делам между великокняжеским и удельным населением. Иными словами, удельный князь обладал всей полнотой суверенных прав в их «внутреннем измерении».

Иначе обстояло дело в области межкняжеских отношений и внешних сношений. Уделы были частью целого (великого или «стольного» княжества), а потому суверенитет их глав неизбежно ограничивался. Правда, родственно-клановая форма взаимоотношений великих и удельных князей формально как бы сглаживала их реальное неравенство в данной сфере. Отметим следующее обстоятельство. Докончания конца XIV — начала XV в. дошли до нас, как правило, не в полном наборе экземпляров договаривающихся сторон. Соответственно, интересующие нас статьи сформированы в них по преимуществу как обязанности и права одной их них. Но принцип взаимности очевиден, как только мы имеем дело с двумя текстами одного договора, исходящими от имени обоих контрагентов. Нет никаких разумных оснований полагать, что этот принцип не соблюдался немногим ранее. Итак, не позднее 1390 г. состав взаимных обязательств великого князя и удельного был таков: «добра…хотети во всем», быть «другом другу» и «недругом недругу» договаривающихся сторон и «быти везде заодин», а главное — «не канчивати ни

с кем без нашего веданья». С некоторыми поновлениями и дополнениями в основном стилистического свойства, данный раздел просуществовал около ста лет. Но имели место и смысловые изменения, подчеркивавшие, прежде всего, долженствования удельного князя. Не позднее 1428 г. зафиксирована его обязанность «сложить целованье» по любым заключенным ранее договорам. Эта норма затем стали обычной в текстах докончаний. Уже в начале 1470-х гг. становится односторонним обязательством глав уделов быть «другом другу» и «недругом недругу» великого князя, именно ему «добра... хотети во всем» и с ним «бытии заодин». Правда, норма о незаключении соглашений без взаимного «веданья» дополняется с 1430-х гг. обещанием великого князя включать «брата молодшего» в новые докончания с иными контрагентами. Но сам факт появления такой статьи говорит о неравноправности их позиций[49].

Но с кем, собственно, могли «канчивать» самостоятельно удельные князья? Однозначно исключались при нормальном ходе дел главы иных самостоятельных княжеств, а тем более, удельные князья этих княжений. «Молодшие братья» московских правителей фигурировали в московско-тверских договорах (равно как и главы тверских уделов), но только как младшие и, по существу, безмолвные участники: они не удостоверяли своими печатями ратификацию докончания, и почти наверняка помимо них происходила подготовка текста соглашений (см. выше). Исключениями могли стать порубежные конфликты в тех случаях, когда территории удела были пограничными. Но в договорах с Тверью XV в. прямых таких фактов как будто нет. В принципе, можно допустить наличие докончаний удельных князей одного княжеского дома между собой. В некотором смысле соглашение сыновей Калиты таковым и было (см. выше). Но XV веку они неизвестны за одним исключением. Речь идет о предварительном договоре московских удельных князей Михаила Андреевича и Василия Ярославича с аналогичными по статусу на дату докончания (это середина 1447 г.) князьями — Дмитрием Юрьевичем Шемякой и Иваном Андреевичем. Яростные противники Василия II в борьбе за великокняжеский стол обязывались «бить челом» и заключить с ним докончание на условиях этого предварительного соглашения[50]. Документ был порожден особыми обстоятельствами, делать выводы на его основании о распространенности подобной практики нельзя. В принципе должна была быть активней роль удельных князей в выработке и подписании договоров между великим князем и главами иных уделов. Действительные формы это обретало в случаях соглашений с бывшими политическими и военными врагами (как показала практика, обычно и будущими противниками) правящего монарха. Есть примеры, когда соучастие удельных князей, сторонников великого князя, было реальным и вполне ощутимым в политическом плане (прежде всего в 1428—1435 гг., 1446—1449 гг.). Но за вычетом этих грозных, мятежных лет, у дого-

---

[49] ДДГ. № 11. С. 31; № 13. С. 37; № 14. С. 40; № 24. С. 63—66; № 34. С. 187; № 35. С. 89—90; № 65. С. 212—213; № 69. С. 225, 227; № 70. С. 232—233, 235; № 82. С. 322—323, 325—326; № 90. С. 364—367.

[50] ДДГ. № 46. С. 140—142.

ворной активности правителей уделов оставался в наличии единственный адрес — «старейший брат», московский великий князь. Но и здесь в подавляющем числе случаев инициативной стороной выступал именно правящий в Московском великом княжении монарх. Добавим, что к концу XV в. удельные князья и формально полностью исключены из текстов международных договоренностей.

Из сказанного очевидны весьма значительные ограничения (формальные и реальные) прав удельных суверенов в этой области. При все том они продолжали оставаться субъектами (пусть второстепенными и пассивными) правоотношений в рамках сферы внешних сношений. Помимо других важных признаков, эта особенность четко фиксирует принципиальную разницу статусов глав великих или «стольных» княжеств и князей удельных. Об этом же говорят общие формулы, описывающие соотнесенность статусов и властных прерогатив в докончаниях глав великих княжеств и уделов. Первые не просто «великие князья», но «старейшие братья» (даже если по поколенному счету были младшими родственниками своих контрагентов, чаще племянниками), а в отдельных случаях — «в отца место». Вторые же именно «князья» без любых эпитетов и «младшая братья». Они обязывались «держать честно и грозно, без обиды» и самого великого князя все его владения (т. е., под угрозой наказания при нарушении условий договора), он же должен был «держать» «молодшую братью» и их уделы «в братстве, любви, чести и без обиды» (со второй трети XV в. в соглашениях здесь нередко добавлялось обещание «жаловати их» и «печаловиться» о них). Еще с конца XIV в. в практику также входит употребление термина «господин» удельными князьями в отношении великих.

Здесь необходимо небольшое историографическое отступление. Совсем недавно А. И. Филюшкин обратился к сюжету появления титула «государь» применительно к Ивану III. Его наблюдения и методы анализа требуют весьма значительных поправок и уточнений. Первое и главное — автор смешал разнотипные документальные тексты, отражающие разные сегменты жизни русского общества середины — второй половины XV в., неправомерно сузил хронологические рамки (и тем самым ушел от проблемы устойчивости формуляров и лексики разных документов). Исследователь поспешен в своих решительных выводах. Вот пример, цитирую: «Вообще определение ***господин*** в отношении князя было характерно для новгородских грамот XIV—XV вв. От него до ***государя*** был один шаг. Впервые термин «господин» при Иване III был употреблен в его соглашении с углицким князем Андреем Васильевичем (не ранее 12 сентября 1472 г.). Надо также упомянуть обращение новгородцев к Ивану III «господин в Коростынском договоре 1471 г. Сочетание «господин и осподарь» употреблено в клятвенной записи Д. Д. Холмского (1474 г.)»[51]. Тут почти все или ошибочно, или неполно, или неточно.

По порядку. Новгородские договорные грамоты XIV в. с тверскими князьями (автор о них упоминает) содержат термин «господин», но только применительно к великому князю (в его ипостаси великого князя Владимирского) и только в новгородском экземпляре соглашения в текстах, как бы подразумевающих обращение Ве-

[51] *Филюшкин А. И.* Указ. соч. С. 66.

ликого Новгорода к контрагенту. Аналогична ситуация с новгородско-московскими докончаниями: договор новгородцев с Дмитрием Донским и кн. Владимиром Андреевичем сохранился в московском экземпляре и там нет «господина». А уже в двух договорах Василия II с Новгородом (1435 и 1456 гг.) термин появляется в новгородских экземплярах соглашения в одном и том же месте, абсолютно идентичном тексту Коростынского договора[52]. Лексика же летописного рассказа о событиях 1477 г. не может быть просто привлечена в этом плане без дополнительных текстологических аргументов и без дополнительного анализа особенностей нарратива. Далее. Не работает пример с кн. Холмским. Крестоцеловальная запись дана не тверским удельным князем (он перестал им быть, переехав в Москву), не служилым князем с индивидуальным статусом в Московском великом княжении (он не получил, насколько известно, от Ивана III пожалований земель «в вотчину и в вудел»), а князем на службе у московского монарха, притом в фамильно-родовом плане одиночкой. Для него Иван III действительно был «осподарем». И, наконец, о понятии «господин» в докончаниях с удельными князьями. Во-первых, при Иване III термин впервые фиксируется в договоре с кн. Михаилом Андреевичем. Во-вторых, кн. Андрей Большой еще трижды мог сделать в докончаниях пресловутый «один шаг» к именованию старшего брата «государем», но не сделал его ни в 1473, ни в 1481 г., ни в 1486 г. Равно как и все остальные главы московских уделов в 1460—1480-е гг. А вообще традиция именования великого князя «господином» в статьях, как бы предусматривающих обращение к нему, и притом именно в экземплярах удельных князей, датируется никак не позднее 1390 г. С этого времени все договоры великих и удельных князей всех линий в экземплярах, составленных от имени последних, содержали это слово (единственное исключение — докончание 1428 г. 13-летнего великого князя, «старейшего брата» Василия II и его дяди, почти 50-летнего «брата молодшего», кн. Юрия Дмитриевича)[53]. Докончания московских правителей с их «молодшей братьей» не могли использовать понятия «господаря» в отношении первых по принципиальным основаниям типа их взаимоотношений — договорного, вассально-союзного. Добавим, что использование «осподаря» в соглашениях Василия II и младших сыновей кн. Юрия, во-первых, никак не характеризует тип взаимоотношений обеих сторон (и Василий, и братья «осподари» только в отношении к их вассалам, отправляющимся с ними в поход). А во-вторых, то был лишь кратковременный эпизод, более не повторявшийся (договор 1434 г. с обоими Юрьевичами, 1436 г. — с Дмитрием Шемякой)[54]. Позднее в этих статьях на месте «осподарей» фигурируют князья.

---

[52] ГВНП. М.; Л., 1949. №. 16. С. 31; № 19. С. 35; № 22. С. 40 (в московском экземпляре «господина», естественно, нет).

[53] ДДГ. № 14. С. 40; № 16. С. 44—45; № 24. С. 63—65; № 64. С.210—211; № 67. С. 219—221; № 69. С. 227—229 и др.; № 70. С. 235—236, 239—241 и др.; «72. С. 254—257, 260—262 и др.; № 75, С. 280—283; № 82. С. 326—328. Заметим, что духовные грамоты (кн. Михаила Андреевича, кн. Ивана Рузского 1503 г.) не относятся к документам, фиксирующим договорный тип отношений великих и удельных князей.

[54] Там же. № 34. С. 88; № 35. С. 90. С. 364, 366, 368.

«Государь» появляется единственный раз в докончании 1504 г. будущего Василия III с братом Юрием, но им назван не старший брат, а Иван III: «По благословению и по повелению государя и отца нашего Иоанна Божиею милостию государя всеа Руси и великого князя...». Понятно, что к договорной практике московских Рюриковичей между собой этот текст отношения не имеет. Второй, более ранний случай фиксируется не докончанием, но жалованной меновной грамотой 1497 г. Ивана III удельным князьям, своим племянникам: «Мы, Иван, Божиею милостию государь всеа Руси и великий князь, пожаловали есмя...». Ясно, что и данный текст не относится к документации договорного типа московских князей[55].

Резюмируя, подчеркнем значительную инерционность формуляра, лексики договорной документации и описываемых ею взаимоотношений великих и удельных князей из числа московских Рюриковичей. По многим внутренним и внешним, социо-экономическим, политическим, культурным факторам уделы и статусная категория удельных князей была неизбежной и необходимой ступенью в развитии общества и государства. Здесь не место разбирать эту сложную проблему с нелегкой историографической судьбой. В рамках работы важно подчеркнуть одно: в перспективах складывающегося единого (централизованного) Российского государства и уделы, и удельные князья, олицетворявшие тип вассально-союзных отношений внутри родовых кланов (княжеских домов), были обречены на ликвидацию естественным (смерть главы удела без наследников) или насильственным путем. Сказанное относится к Москве. Нет ни одного факта прямой трансформации московского Рюриковича из статуса удельного князя на позиции служилого князя или же иных статусных чинов в государевом дворе. Служилые князья — «индивидуалы» начала XVI в. из московского рода (кн. С. И. и В. С. Стародубские, сын и внук кн. Ивана Андреевича, можайского удельного князя; кн. Василий Шемячич, внук Дмитрия Шемяки) обрели этот статус в Москве только после длительного пребывания в этом качестве в Великом княжестве Литовском. Примерно за 100 лет, с середины XV по третью четверть XVI в., семеро московских удельных князей умерли насильственной смертью в заключении, были отравлены или казнены.

Иная ситуация с удельными князьями других княжеств Северо-Восточной Руси. Их поглощение Москвой на тех или иных условиях влекло за собой довольно быструю трансформацию членов местных княжеских домов в иное статусное качество, а именно их превращение в служилых князей московского великого князя. Что же говорят источники об этой категории титулованной элиты российского общества XV в.?

Начнем с московско-тверских, московско-рязанских, литовско-московских, литовско-тверских договоров. В эту же группу соглашений между княжествами од-

---

[55] ДДГ. № 85. С. 341; № 90. С. 364, 366, 368. Подробнее см.: *Назаров В. Д.* Великий князь московский: «господин» удельных князей или их «господарь»? (Полемические заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 236—243.

ного ранга включаем проект докончания суздальских князей с московским князем Д. Ю. Шемякой. возникший в совсем особых обстоятельствах[56]. Впервые интересующая нас группа князей фигурирует в московско-тверском соглашении 1399 г. (о датировке см. выше)[57], которое сохранилось только в московском экземпляре. В начале заключительного раздела говорится: «А кто моих (т. е. Василия I. — *В. Н.*) князей отъедет к тобе, кого ми Бог поручил и моей братьи молодшей, в тех ти вочины не вступатися, ни твоим детем, ни твоим братаничем, ни под нашею братьею меншею, ни под нашими детми». Всех реальных и потенциальных удельных князей, кровных сородичей великих князей, названных по именам и не названных в тексте исключаем из состава этой группы князей. Очевидно, что «мои князья» Василия I и есть та категория, которая немногим позднее в аналогичных документах будет именоваться «князьями служебными». Такая формула налицо в соглашениях Василия II и тверского великого князья Бориса Александровича 1456 г., (в московском и тверском экземплярах), Ивана III с тверским великим князем Михаилом Борисовичем 1462—1464 гг.[58]

Итак, служебные князья отделены от удельных владетелей и от основной массы служилых вассалов-бояр и вольных слуг. В этом перекрестии и нащупываются особенности их статуса. Они, индивидуально или коллективно, не были субъектами договорных отношений между великими или аналогичными им по рангу княжениями. Они, как бояре и вольные слуги, — объекты отдельных клаузул таких договоров. В отличие же от последних, к ним неприменимо право свободного отъезда с сохранением родовых владений. Понятно почему. Их отъезд к иному сюзерену со своими вотчинами означал бы произвольные перемены в государственных границах, так как вместе со служебными князьями и их землями «уходили» бы «суд и дань», а соответственно — имело бы место несанкционированное в Сарае нарушение системы ордынских ярлыков. В случае же с боярами и вольными слугами сохранение за ними их вотчин не приводило к таким последствия: «суд и дань» оставались в границах прерогатив прежнего сюзерена. Клаузула о «невступании» московских и тверских князей в вотчины служебных владетелей при перемене ими суверена означала на практике конфискацию таких земель прежним сюзереном. В договоре середины 80-х гг. XV в. Ивана III и Михаила Борисовича эта норма сформулирована яснее. Наш тезис вызвал резкую полемику со стороны В. А. Кучкина[59]. Оставляя детальный ответ для более удобного случая, отметим только следующее.

---

[56] Развернутый вариант данного раздела опубликован: *Назаров В. Д.* «Господарь, князь великий», служилые князья и государев двор в России XV века // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. См. также: *Он же.* Князья служилые // Большая Российская Энциклопедия в 30 томах. М., 2009. С. 352—354.

[57] ДДГ. № 15. С. 41—43.

[58] ДДГ. № 59. С.188—189, 191; № 63. С. 204, 207.

[59] ДДГ. № 79. С. 298; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. М., 2003. С. 316—319.

Прежде всего, неприемлема манера дискуссии, когда оппоненту приписываются отсутствующие в его тексте положения, а затем они «успешно» опровергаются. Далее. Автор не заметил всего остального содержания нашей статьи, где рассмотрены максимально полно вопросы статуса служебных князей в двух ипостасях их существования. Князь на службе у великого или удельного князя и служилый князь — это не один, а два глубоко различных персонажа социального ландшафта российского общества XV в.

Не сохранились московско-ярославские, московско-ростовские или московско-стародубские докончания. Весьма совоеобразен договор кн. Дмитрия Шемяки с кн. В. Ю. и Ф. Ю. Шуйскими. Соглашаясь в целом с датировкой докончания и отдельными его характеристиками, данными В. А. Кучкиным и Б. Н. Флорей, отметим, что перед нами проект договора, предложенный братьями и предварительно ратифицированный Шемякой[60]. Контрагенты соглашения — самостоятельные и в принципе близкие по рангу княжества при статусном неравенстве князей (о других особенностях договора — см. выше). Ближайшая параллель — московско-тверское докончание 1375 г. и московско-рязанские соглашения конца XIV—XV в.[61] Лейтмотив документа — возвращение к традициям времен Дмитрия Донского и суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича. В таком хронологическом контексте (1360—1380 гг.) служилых князей нет. Они фигурируют лишь как реальность середины XV в., которая подлежит устранению в границах возрожденного самостоятельного Нижегородско-Суздальского княжества (любые приобретения на его территории московских служебных князей и бояр объявлялись недействительными)[62].

Московско-рязанские соглашения выводят нас за пределы бывшего Владимирского великого княжения. В их тексте нет прямых указаний на служилых князей договаривающихся сторон. Отъезд на Рязань служебных князей из Москвы не был актуальным, наличие служилых князей в Рязанском княжении проблематично. Одна клаузула отчасти напоминает разобранную выше норму: рязанские суверены обязывались не принимать и не держать «мещерских князей», которые «не имуть правити» московскому монарху[63].

Заметно чаще упоминаются служебные князья в докончаниях великих и удельных князей московского дома (эти грамоты дошли до нас в наибольшем числе). Рассмотрим их последовательно. Впервые термин «князи служебные» встречается

---

[60] *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с Нижегородско-Суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 205—216; *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой. С. 34—82.

[61] ДДГ. № 9. С. 25—26, 28; № 10. С. 29, 30; № 19. С. 52—55; № 33. С. 85—86 и др.

[62] Там же. № 40. С. 119—120.

[63] Там же. № 33. С. 85; № 47. С. 144; № 76. С. 286, 289. В литовско-тверских соглашениях второй четверти XV в. речь уже шла о запрете перехода в Литву с вотчинами не столько служилых, сколько тверских удельных князей: Там же. № 23. С. 62; № 54. С. 163, 164. Московско-литовские договора здесь мало информативны.

в договоре 1428 г. Василия II с его дядей, звенигородским князем Юрием Дмитриевичем. Последний обязывался не принимать служебных князей Василия II «с вотчинами собе в службу». Если переход состоялся, то такие князья не имели права «вступаться в свою вотчину». В соглашении 1433 г. текст уточнен: служебные князья при отъезде к удельному суверену лишаются своих вотчин. Отметим, что докончание 1390 г. князя Юрия с великим князем Василием I этой нормы не знало[64]. Клаузула соответствовала характеру отношений старшего и младшего партнеров (тот не мог претендовать на равенство позиций) и была связана с главными факторами трансформации ранее самостоятельных или полу-самостоятельных князей в служебных. При сохранении ими родовых владений (хотя бы частью), утеря прежнего статуса неизбежно сопрягалась с ордынской санкцией. Сношения же с Ордой были исключительной прерогативой московского государя. Иначе говоря, в пределах Московского великого княжества и присоединенных к нему территорий служилые князья изначально и в идеале могли быть на службе только у великого князя. Последующим докончаниям Василия Темного с сыновьями князя Юрия (Василием Косым, Дмитрием Шемякой, Дмитрием Красным) эта формула известна чаще в кратком виде: удельные владетели обязывались «князей со очинами не приимати». Сокращение понятно, поскольку норма была хорошо известна. Иногда добавлялось: «а примешь, и он вотчины лишен»[65]. Краткая формула естественна еще и потому, что понятия «служебные князья», «князья с вотчинами» и просто князья (но не великие и не удельные) употреблялись в отдельных договорах синонимично.

Договору Василия I и его брата князя Андрея Дмитриевича, текст о служилых князьях неизвестен. Отсутствует эта норма и в первом докончании сыновей кн. Андрея, Ивана и Михаила с Василием II от марта 1434 г. Впервые статья появляется в соглашении 1445 г. и затем постоянно присутствует в грамотах московского суверена с удельными князьями этой линии. Клаузула существует в кратком варианте, но в двух подвидах: братья обязуются не принимать «князей служебных со очинами» или же просто «князей со очинами»[66].

Позднее всего статья о служебных князьях проникла в тексты докончаний московских правителей с удельными князьями серпуховской линии. Тексты соглашений XIV — начала XV в. Владимира Андреевича серпуховского или связанные с ним, не знают служебных князей вообще. Нет нормы в первом из известных нам (начала 1433 г.) договоров Василия II с кн. Василием Ярославичем, внуком князя Владимира и единственным наследником по мужской линии. В докончаниях названных лиц 1447 г., 1453—1454 и 1456 гг. статья присутствует в привычном облике: Василий Ярославич берет на себя одностороннее обязательство не принимать

---

[64] ДДГ. № 14. С. 39—40; № 24. С. 65, 67; № 30. С. 77, 79.

[65] Там жс. № 34. С. 88; № 35. С. 91, 94, 97, 99; № 36. С. 101, 104; № 38. С. 109, 111, 114, 116.

[66] Там же. № 41. С. 122; № 42. С. 124; № 44. С. 128; № 48. С. 147; № 55. С. 166, 168; № 64. С. 209. 211 и т. д.

служебных князей Василия II с вотчинами[67]. Заметим здесь, что общераспространенность данной клаузулы вызывалась не в последнюю очередь увеличившимися масштабами самого феномена служилых князей — их численность, судя по всему, заметно возросла к середине XV в.

Анализ докончаний с удельными князьями завершим договорами Ивана III с младшими братьями. К сожалению, не сохранились соглашения с рано умершим дмитровским удельным князем Юрием. В остальных грамотах запрет приема служилых князей с вотчинами фигурирует в традиционном виде. Единственная новость — отсутствие статьи в первом докончании Ивана III с угличским князем Андреем Большим[68]. Вряд ли за этим стояли какие-либо политические мотивы. Важно помнить, что после 1480 г. страна обрела в международном измерении полный государственный суверенитет. Россия, далее, превращалась постепенно в единое по территории государство, причем ликвидация ранее самостоятельных и полусамостоятельных княжеств, иных государственных образований происходила по преимуществу в 1470—1480 гг. насильственными (военными) методами. Среди многих и разноплановых последствий данного многослойного процесса отметим сейчас лишь два. Во-первых, несомненно быстрыми темпами росла численность служилых князей. Во-вторых, статья о неприеме их с вотчинами удельными князьями приобретала иное звучание: она исключала саму возможность не контролируемого верховной властью расширения удельных княжеств, гарантируя территориальную целостность государства.

Еще рельефнее оба указанных аспекта проявились в тексте завещания Ивана III. Он не единожды обращался в нем к теме служебных князей. Старшему сыну и соправителю, князю Василию Ивановичу, передаются «к великому княжению» все верховские князья с их вотчинами (хотя они и не названы здесь служилыми), князь Ф. И. Бельский с пожалованными ему землями (его отъезд к младшим сыновьям Ивана III «или х кому ни буди» влек конфискацию его владений в пользу Василия III, причем сам князь прямо не назван служилым), схожие в некоторых отношениях со служебными князьями локальные группы князей (по преимуществу иноэтничные) в Нижнем Новгороде, Мещере, Вятской земле. Суммарная статья о служилых князьях как бы завершает перечень тех регионов, где была укоренена эта группировка российской знати. Текст клаузулы максимально обобщен: в ней фигурируют вообще все «служебные князья в Московской земле и во Тферской земле». Для них строго обязательна служба Василию III, и только тогда они сохраняют за собой вотчины на прежних условиях (имеются в виду родовые их владения). Отъезд к «меньшим детем» завещателя

---

[67] ДДГ. № 5. С. 11, 13, 16, 17; № 27. С. 71; № 45. С. 131, 134, 136, 139; № 56. С. 171, 173—174; № 58. С. 182, 185; *Назаров В. Д.* Дмитровский удел... С. 57—58 (здесь уточнена датировка двух последних докончаний).

[68] Там же. № 66. С. 214—217; № 69. С. 226, 229, 232; № 70. С. 234, 236, 238, 241, 244, 246; № 72. С. 254, 257, 260, 262, 265, 267; № 73. С. 270 и др.

или «х кому ни буди» означал бесспорный переход вотчин такого князя к московскому правителю[69].

Духовная Ивана III суммирует правовые нормы межкняжеских докончаний, не внося ничего принципиально нового. Но вот что характерно: на первый план в ней выдвинуто требование службы главному наследнику уходящего государя, то, что в текстах договорных грамот несомненно подразумевалось, но прямо не формулировалось. Еще раз подчеркнем: по завещанию Ивана III служебные князья — значительная по численности группировка титулованной российской знати, которая вовсе не ограничивается верховскими князьями. Территориально они присутствуют в границах всего исторического ядра Российского государства — в Московской и Тверской землях. Показательно, что интересующий нас феномен определяется в завещании и как собственно служебные князья, и как князья с дополняющим эпитетом по названию области, и как просто князья (князь Ф. И. Бельский). Такой параллелизм в терминах, отчасти нам уже известный, позволяет качественно расширить источниковую базу. Речь идет о договоре Василия Темного с кн. Иваном Васильевичем, родоначальником фамилии Горбатых-Шуйских (из потомков второго по старшинству сына нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича, Семена). Здесь необходимо небольшое историографическое отступление. Даже в новейшей литературе это соглашение трактуется в плане политической и военной борьбы за территории бывшего Нижегородско-Суздальского княжения. Так, Зимин увидел в этом договоре «как бы ответ» на рассмотренный выше проект докончания Шемяки с двумя братьями Шуйскими. Аргументов он не привел. Кобрин в итоге довольно детального анализа (ряд его наблюдений верен) пришел к следующему выводу: соглашение «зафиксировало окончательное присоединение Суздальско-Нижегородского княжества к складывающемуся единому государству». Но, во-первых, в грамоте речь идет только о территории Городца и отдельных селах в суздальском окологородье — сравнительно незначительной части всего княжества. А, во-вторых, — что куда важнее — подобные документы не имели прямого отношения к вопросу о присоединении или неприсоединении Нижегородско-Суздальского княжения или его части к Москве. Проблема государственно-владельческой принадлежности в середине XV в. (как ранее, так и позднее, до 1480 г.) решалась путем получения соответствующих ханских ярлыков. Межкняжеские докончания регулировали разнообразные отношения в правовых границах принятых (пусть только формально, а порой и задним числом) в Орде вердиктов. Огорчительны досадные для такого внимательного исследователя иные неточности и ошибки. Так, князь Иван Васильевич не был на момент заключения договора старшим в роде. В старшей линии, среди потомков кн. Василия Дмитриевича Кирдяпы, в этом колене, несомненно, был жив кн. Федор Юрьевич. Да и в своей линии Иван не был старейшим: его старший брат, князь Александр Васильевич, упомянут здравствующим в тексте договора. Слишком общо, а потому и неточно

[69] ДДГ. № 89. С. 355, 356, 357. Термины «служилые князья» и «служебные князья» — синонимичны, причем в текстах XV в. чаще фигурирует второй вариант.

изложены судьбы княжения после 1392 г. Наконец, противоречива характеристика статуса кн. Ивана Васильевича: Кобрин называет его «вассалом, а то и подданным» Василия Темного[70]. Подобная неопределенность неоправданна. Договорный тип отношений, полнота прав кн. Ивана на родовые владения и подвластное население исключают трактовку зависимости городецкого князя как подданства. Он был могущественным вассалом московского властителя.

Какие статьи грамоты позволяют квалифицировать князя Ивана Горбатого служебным князем Василия II? Их несколько. В одном случае следует говорить о текстуальном и смысловом параллелизме с межкняжескими докончаниями. Они запрещали обоюдно (двум великим князьям) или односторонне (удельным владетелям) принимать служебных князей с вотчинами. В нашем договоре князь Иван Васильевич обязывался при любых обстоятельствах «не отступать» от Василия Темного и его детей, тем более к его недругу. Отъезд кн. Ивана влек за собой безусловную и окончательную конфискацию владений городецкого князя в пользу московского правителя и его детей, а также санкции со стороны церковных властей[71]. Иными словами, общая норма межкняжеских соглашений развернута здесь к служебному князю (отсюда акцент на конфискацию) и вписана в реальный контекст завершающего этапа войны в московском княжеском доме (отсюда церковные санкции и акцент на неотъезде к «недругам» Василия II). К тому же само докончание действовало в системе иных договоров, запрещавших прием служебных князей лояльными или союзными Василию Темному владетелями. Второй признак — отсутствие этой клаузулы как обязательства князя Ивана Горбатого. Иными словами, он исключен из той сферы регулирования межкняжеских отношений, в которой присутствовали великие и удельные князья. Исключен потому, что сам был именно служебным князем московского великого князя.

Третий показатель — соотнесенность титулов и обязательств обеих сторон. Кобрин писал об этом, но недостаточно подчеркнул значение данных формул. Принципиально важно, что в грамоте нигде не использованы определения родственно-вассального характера. Василий Темный для кн. Ивана Горбатого в ключевых статьях договора — «господарь, князь великий», а не «отец, дядя или брат старейший», городецкий владетель обязывается «держать честно и грозно» Василия II, его детей, его великое княжение. Московский же великий князь обязывался только «жаловати» Ивана Васильевича «и блюсти его вотчину», именуя его в необходимых случаях просто князем. В аналогичных статьях соглашений с удельными московскими князьями терминологический ряд, как мы видели, совсем иной: они — «молодшая братья» московского властителя, который обещался их «держати в братстве, и в любви, во чти, без обиды» (иногда здесь могло добавляться «печалование»), «блюсти» их владения, жаловать новыми землями. Иными словами, вассалитет служебных князей принципиально иного уровня, чем московских удельных. Четвертый признак (он содержательно связан с предыдущим) —

---

[70] *Зимин А. А.* Указ.соч. С. 67, 69; *Кобрин В. Б.* Указ. соч. С. 51—52.

[71] ДДГ. № 52. С. 156, 158.

«вотчина и удел» князя Ивана Горбатого определялись в грамоте как пожалование великого князя («чем мя пожаловал»). В данном случае факт пожалования вполне реален, он связан с княжеской смутой в целом и сложной государственно-владельческой историей Нижегородско-Суздальского княжения, его отдельных частей в 40-е гг. XV в. Но в принципе «пожалование» могло быть формальным актом, который просто фиксировал смену субъекта верховного государственного суверенитета при непрерывности реального владения тем или иным служилым князем родовыми землями. Выражение «вотчина и удел» применительно ко кн. Ивану означало и возвращение его родовой части, и пожалование выморочной доли его родного брата, кн. Андрея Лугвицы, и некоторые иные пожалования со стороны Василия II. Правовой источник основных владений удельных князей из московских Рюриковичей был иным — давние или совсем недавние распоряжения московских великих князей о распределении уделов среди своих наследников (см. выше).

Следующая (пятая) существенная особенность нашего документа характеризует служебные обязанности кн. Ивана Горбатого. На первый взгляд, содержание статьи не слишком отличается от аналогичных текстов в докончаниях с удельными суверенами. Более того, там она нередко расписана детальнее, в трех или даже четырех пунктах (к примеру, в договорах с кн. Василием Ярославичем). В анализируемой грамоте налицо всего две клаузулы, и в каждой фигурирует понятие великокняжеской «службы»: на нее отправляется «без ослушанья» князь Иван по распоряжению Василия II или его старшего сына (также именуемого великим князем), на нее же он идет, когда «на конь всядет» кто-либо из московских великих князей[72]. Все это присутствует в договорах с удельными владетелями, но, по видимости, как бы с незначительным отличием: в них прямо не указан термин «служба». Удельные князья «идут без ослушания», куда их посылает великий князь; вместе с ним они «садятся на конь» или по распоряжению сюзерена посылают с его воеводой своего (естественно, во главе отряда воинников). То, чем они занимаются во время этих акций, и есть военная служба, вполне естественная в рамках вассально-союзных отношений удельных властителей с московским великим князем. Летописи неоднократно фиксируют подобные факты. И тем не менее акцент в договорах скорее делается на «союзном» характере выполнения ими своих обязанностей. Отсюда отсутствие термина «служба», причем личное участие удельных князей не всегда необходимо (в случае отправки удельного воеводы с военачальниками великого князя). Для князя Ивана Горбатого обязательно его личное участие в походах. С чем и связано последовательное применение термина «служба» и опущение клаузулы о посылке воевод (хотя, конечно, воеводы у него были). Князь Иван Васильевич — служебный князь, а потому его обязанности перед сюзереном и определяются прежде всего понятиями «службы».

Итак, суверенные права городецкого князя неразличимы в межкняжеских отношениях Северо-Восточной Руси, а тем более в международной сфере. Орда для него исключалась полностью (как, впрочем, и для удельных князей): он обязывал-

[72] ДДГ. № 52. С. 154—159.

ся выдать все старые и новые ханские ярлыки. Казалось бы, участие князя Ивана в договорах с иными князьями предусматривалась нормой, в которой он обязывался «не канчивати ни с кем, ни съсылатися» без великого князя и его детей. Но с кем и о чем он мог договариваться? Совершенно исключались великие и «стольные» князья (тверской, рязанский, ярославский), не было, по существу, предмета для договорных отношений с московскими удельными владетелями. Оставались лишь ближние и дальние сородичи, причем объектом соглашений могли стать прежде всего взаимные претензии на родовые земли, и только после того, как родственники окажутся в той же статусной позиции, что и кн. Иван Горбатый — а именно служебных князей московского властителя. Грамота, кстати, намекала на такую перспективу: родные братья князя Ивана, Александр (Глазатый, родоначальник Глазатых-Шуйских и Барбашиных) и Василий (Гребенка), могли получить свои «жеребьи по старине» в «жалованье» от великого князя после того, как «добьют ему челом». С кн. Александром, скорее всего, так и произошло. В описи царского архива XVI в. упомянута в 147 ящике «жаловальная грамота князю Александру Ивановичю Глазатому в докончанье» (отчество надо полагать испорченным). Несохранившийся документ был близок почти наверняка к разбираемому договору (характерно определение: «жаловальная грамота… в докончанье»). И не исключено, что кн. Александр и Иван заключили затем между собой соглашение, регулировавшее их права на родовые земли[73].

Суверенитет князя Ивана Васильевича имел, прежде всего, «внутреннее» измерение: он определялся полнотой прав над подвластными ему землями и населением, степенью его автономности от власти великого князя. В границах его «удела и вотчины» городецкому князю целиком принадлежали «суд и дань по земле и воде», включая сбор ордынского выхода «по описи по людям» (в Орду его платил, конечно же, великий князь; остается неясным, кто был должен осуществить новое описание). В неизбежных спорных делах между населением великого княжества и владений кн. Ивана Горбатого он и великий князь назначали своих судей. При несогласии последних грамота именует в качестве третейского судьи самого митрополита Иону. Московский государь обязывался «не всылать» на территории городецкого князя своих приставов ни по каким делам. Кн. Иван был сюзереном местной корпорации бояр, детей боярских, вольных слуг. Показателем полноты его прав здесь была взаимная с великим князем обязанность гарантировать этим группам право свободного отъезда. Правда, налицо и односторонние обязательства кн. Ивана Васильевича: только он был должен «блюсти как своих» бояр и детей боярских, живущих в его владениях, но служащих великому князю или его детям; только он не имел права «держать закладней» в великом княжестве; он же обеспечивал гостям великого князя торговлю «без зацепок и без пакости» в своей вотчине[74].

---

[73] ДДГ. С. 156, 158. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 32.

[74] ДДГ. № 52. С. 157—159.

Докончание Василия Темного с кн. Иваном Горбатым едва ли не исчерпывающе описывает нам права, обязанности, статус служебного князя в его индивидуальном бытии. Но тот же договор намекает на возможность территориально-групповой формы существования служебных князей, когда говорит о родных братьях кн. Ивана. Отмеченная выше терминологическая нечувствительность источников (в них взаимозаменяемы понятия «служебные князья», просто «князья» или «князья» с определением по названию территории) позволяет увереннее настаивать на данном тезисе. По документации государева двора середины XVI в., по законодательным актам того же времени территориально-княжеские группы прекрасно известны (перечень дворовых осени 1547 г., Тысячная книга, Дворовая тетрадь, майский соборный приговор 1551 г., январский приговор 1562 г.). При всей остроте внутренних противоречий в условиях формирующегося Российского централизованного государства их консолидировали общее происхождение, сохранение родственно-клановых прав на вотчины, общие интересы (материальные, социальные, служебные, политические) в противовес иным аналогичным группировкам, а отчасти центральной власти. Середина XVI в. — последний период в жизни этого феномена российской действительности. Его рождение и развитие происходило главным образом в конце XIV—XV в., как вполне зрелое явление социальной градации общества его фиксирует походный список дворовых 1495 г. В его начальной части последовательно расположены перечни князей Оболенских, Суздальских, Стародубских, Ростовских, Ярославских, общим числом более 40 лиц. В цитированном тексте завещания Ивана III о «служебных князьях всей Московской и Тферской земли» правильно видеть прежде всего территориально-клановые княжеские группы и лишь во вторую очередь отдельных титулованных лиц с персональным статусом, по преимуществу знатных выходцев из Литвы (типа кн. Ф. И. Бельского)[75].

Если ход нашей мысли верен, то перед нами не два разных сословных качества, а одна сословно-статусная позиция (категория). Это не означает, что между служебными князьями в индивидуальном виде и в их коллективном обличии не было

---

[75] *Назаров В. Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию ак. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 53—54; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 55, 57—58, 61—64, 117—124; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. С. 31—33, 55 (новейший анализ приговора 1551 г. см.: *Назаров В. Д.* Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России. Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга,. 2003. С. 16—35); РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 24—26 (анализ титулованных лиц, сопровождавших Ивана III в последней поездке в Новгород в 1495—1496 г. см.: *Назаров В. Д.* О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 189—206).

различий. Поясним сразу, что члены территориально-клановых групп в большинстве жизненных ситуаций выступали индивидуально. Отличия же, надо полагать, проявлялись по ряду направлений. Во-первых, в способе фиксации отношений с великим князем: у служебных князей — «индивидуалов» он был почти наверняка документальным, по крайней мере, изначально. Из чего вовсе не следует, что формуляр и содержание таких договоров всегда были тождественными разобранному выше. Вряд ли текстовая форма считалась обязательной нормой при фиксации вассальных связей территориально-клановых групп служилых князей с сюзереном. В их варианте права и обязанности (для группы в целом и для каждого ее члена) могли на практике закрепляться устной традицией (политической и правовой). Соответственно, их служба сюзерену реализовывалась коллективно и персонально. Второе направление — взаимные права и обязательства на родовые вотчинные жеребьи. В рамках княжеских группировок родственно-клановые ограничения на право распоряжения родовыми вотчинами были строже и, возможно, детальнее, чем в случае с индивидуальными служебными князьями. Наконец, владения и тех и других князей рассматривались как пожалования великого князя, но, возможно, не у всех князей-«индивидуалов» они квалифицировались как «вотчина-удел» (как в примере с кн. Иваном Горбатым), понятие же «удел» не имело никакого отношения к землям клановых княжеских групп. В этом, в частности, проявлялись заметные различия в объеме прерогатив служилых князей разных видов на земли и податное население.

Казалось бы, однозначно может быть определена их историческая эволюция: от индивидуального бытия к территориально-групповым объединениям, от почти полного суверенитета (в его «внутреннем» измерении) к его серьезному или максимальному ограничению. В предельном обобщении, опуская реальный ход событий, так оно и есть. Финал как будто фиксируется списком дворовых 1495 г. В перечне 1495 г. до княжеских списков названы семь титулованных персон, из которых лишь одну (кн. Ф. И. Бельский) можно с несомненностью причислить к категории служилых князей. Остальные шесть (князья Патрикеевы, Булгаковы, Холмские), составляя ближайшее окружение московского государя, не причислялись к служебным князьям. Хотя бы потому, что даже самые влиятельные из них не имели родовых или пожалованных «вотчин-уделов». Вся остальная титулованная знать (за вычетом нескольких лиц среди думных чинов и немногих молодых княжат), все исконные Рюриковичи всей Северо-Восточной Руси в перечне 1495 г. расписаны по территориально-клановым группам и именно в таком качестве считались служебными князьями в соответствии с текстом завещания Ивана III). Бояре «Тверской земли», записанные в отдельной рубрике, сплошь представлены титулованными персонами, и только к ним может быть отнесено упоминание в завещании Ивана III о служебных князьях в этой земле. Показательно, что в перечне суздальских князей фигурируют представители всех трех линий этого княжеского дома, включая потомков тех, кто был враждебен Москве в середине XV в. или же был тогда служебным князем-«индивидуалом». Так, в списке присутствует один из сыновей кн. Ивана Горбатого, Борис[76].

[76] РК 1475—1598 гг. С. 24—26.

Но разве сказанное отменяет возможность иной эволюции? Разве не могли какие-то кланы Рюриковичей обрести сразу статус служебных князей в составе целых групп? Обратимся к источникам, но сначала небольшое пояснение. Привлекаемые нами летописные и иные нарративные, а также и документальные известия сугубо лапидарны и лишь сочетание несомненных и предполагаемых фактов позволяет строить гипотезы относительно принадлежности к служебным князьям отдельных Рюриковичей или их групп. Таковых главных признаков два — военная служба московскому великому князю и сохранение хотя бы части родовых владений.

Показательны под этим углом зрения сведения синодика московского Успенского собора об убитых в июле 1445 г., когда Василий II в сражении под Суздалем потерпел жестокое поражение от сыновей казанского хана. Княжеская часть этого пространного списка содержит двенадцать человек, из которых десять — ярославские Рюриковичи. Имя или отчество одного из них передано с явной ошибкой, и потому он нами не идентифицирован. Из остальных семь представляют младшую, моложскую ветвь княжеского дома. Из простого перечисления имен и фамилий следуют, тем не менее, два важных вывода. Во-первых, названы лица трех поколений (колен) из двух ведущих линий этого моложского клана — князья Прозоровские, Сицкие, Шуморовские. Во-вторых, последовательность имен полностью соответствует тогдашним представлениям о родовом старшинстве. Первыми идут два князя старшего поколения, причем указаны они в порядке старшинства линий (кн. И. Ф. Прозоровский и его двоюродный брат, кн. Г. И. Шуморовский), затем названы персоны среднего поколения опять-таки по старшинству линий (родные братья князья Б. С. и П. С. Сицкие, а также кн. Ю. И. Прозоровский), в младшем поколении фигурируют двое сыновей последнего. Несомненно, что участие моложских Рюриковичей в этом трагическом событии не исчерпывалось только павшими князьями. В таком случае перед нами типичный пример коллективной военной службы сюзерену со стороны территориально-клановой группы служебных князей. Иначе очень трудно объяснить столь масштабное участие Моложских князей в действиях московской рати при отсутствии представителей старшей ветви ярославских Рюриковичей. Добавим факт: потомки указанных выше фамилий Моложских князей обладали вотчинами в родовом гнезде в первой половине — середине XVI в. Теперь припомним историю Мологи. В. А. Кучкин показал, что эта часть Ярославского княжества рано выделилась в самостоятельное княжество. Судьбы верховного суверенитета над ним решалась, надо думать, особыми ханскими ярлыками. Соответственно, к 1445 г. неявным для нас способом верховные права на Мологу перешли к московскому государю, а князья-вотчичи превратились в московских служебных князей в территориально-клановом варианте. Показательно, что двое иных ярославских князей в синодике — кн. Ю. К. и А. Ю. Шаховские (отец и сын) — представляют младшую линию в потомстве кн. Глеба Васильевича Ярославского, другие представители которой (князья Засекины) уступили свои жеребьи в Романове (ярославском уделе) московской великой княгине[77]. Сообщение

[77] ДРВ. М., 1788. Ч. 6. С. 457—458, 459; Кучкин В. А. Указ.соч. С. 285—286 и сл.

родословной книги ранней редакции проясняет, почему в синодике нет имен из младшей линии моложских князей. Дело не в фортуне или воинском мастерстве, а совсем в ином: князь Андрей Львович Дуло (родоначальник князей Дуловых) «отъехал во Тверь, потому и вотчины отстал». Подчеркнем три обстоятельства. Князь Андрей из того же поколения, что и павшие в 1445 г. князья И.Ф. Прозоровский и Г.И. Шуморовский (он приходился им двоюродным братом). Далее, он лишился вотчины в полном соответствии с разобранной выше статьей княжеских докончаний о неприеме служилых князей с вотчинами. Наконец, уход Дуловых с родовых владений оказался окончательным и ничего не прибавил им, а скорее убавил в служебно-статусном измерении. Они явно не превратились в служебных князей великого тверского князя Бориса Александровича, в середине XVI в. никто из них не был отобран в тысячники, записаны же они дворовыми детьми боярскими по Зубцову и Ржеву в Дворовой тетради. Разряды за весь XVI в. не зафиксировали ни одного значимого назначения кого-либо из этой фамилии [78].

Можно догадываться, что перелом в судьбах Мологи и моложских князей произошел где-то в начале XV в. Поздняя Тверская летопись сохранила подробные тексты сообщений 1411 и 1415 гг. о походах против враждебных Москве суздальских князей. Источник статей — московский или московский в ростовской обработке, притом ранний (удержано мартовское летоисчисление). В первом случае рассказано о сражении при Лыскове, в котором в московскую рать во главе с кн. Петром Дмитриевичем (удельный дмитровский князь, младший брат Василия I) входили отряды князей ростовских, ярославских, суздальских. Лояльная часть суздальских Рюриковичей к 1411 г. никак не могла находиться в статусе просто союзных московскому государю князей. После 1392 г., когда Василий I купил в Орде ярлык на Нижегородско-Суздальское княжение и занял его столицу, это однозначно исключалось. Поэтому правильнее и князей ярославских, равно как и ростовских, наряду с суздальскими Рюриковичами «московской ориентации» относить к числу служебных. В соответствии с известными нам нормами они идут в поход по распоряжению великого князя и «под рукою» его младшего брата. Уместно в ярославских князьях этого известия видеть в первую очередь представителей моложской ветви. Это, конечно, не более, чем гипотеза, аргументируемая косвенными показаниями. В статье 1415 г. поход против увеличившейся антимосковской коалиции суздальских князей возглавил звенигородский удельный кн. Юрий Дмитриевич, под началом которого (помимо собственного отряда) два князя из серпуховской линии московских удельных князей, а также вновь ярославские и ростовские Рюриковичи. И в этом случае более вероятно видеть и в тех, и в других служебных князей [79].

Бегло отметим иные подобные факты. В бою на Лыскове в 1411 г. на московской стороне пал кн. Даниил Васильевич, младший сын кн. Василия Кирдяпы (из старшей линии нижегородско-суздальских Рюриковичей). Весной 1434 г. служеб-

---

[78] РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 111; ТКДТ. (см. по указателю); РК 1475—1598 гг. (см. по указателю).

[79] ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. С. 485, 487.

ным князем Василия II весьма вероятно был кн. Андрей Андреевич Ногтев, из младшей ветви того же княжеского дома. В Успенском синодике перечень павших в 1445 г. открывает имя князя Бориса Васильевича Суздальского, младшего брата хорошо нам знакомого кн. Ивана Горбатого. Если присовокупить, что на московской стороне участвовала в походе 1411 г. какая-то группа суздальских Рюриковичей против двух своих сородичей, то мысль о крайне сложной, противоречивой эволюции членов этого княжеского дома в рамках статусной категории служебных князей на протяжении XV в. не покажется чрезмерно смелой. При всем том представители этого княжеского дома вплоть до последней трети XV в. выступали по преимуществу в роли служилых князей-«индивидуалов». Догадываемся, что служилыми князьями — «индивидуалами» Василия I были в период мирных отношений в конце XIV — начале XV в. суздальские Рюриковичи старших поколений. В групповом варианте служебных князей пребывали, скорее всего, в первой половине — середине XV в. стародубские Рюриковичи (возможно, с рядом интересных особенностей; этому посвящена наши особые работы, частью уже изданные), видимо, часть князей ростовских и т. д.[80] Впрочем, эти конкретные сюжеты требуют специального рассмотрения.

Как соотносились служебные князья с двором московских великих князей? Помимо логики, историографической традиции решение этого вопроса для нас необходимо в силу многократного обращения к перечню дворовых 1495 г. Хотя в литературе нет прямого и развернутого решения проблемы, преобладает тенденция вывести служебных князей за пределы структур государева двора. Для Зимина, в частности, втягивание верховских служилых князей в верхние слои формирующейся в первой половине XVI в. знати происходило путем их включения в думные чины. В этом он видел некий качественный момент в истории этой корпорации. Вряд ли это так. Сама композиция Дворовой тетради не дает оснований для подобных выводов: перечень служебных князей (при любом его понимании) открывает раздел с подзаголовком «князи и дети боярские дворовые». Сколь ни значимо бы было для конкретного лица пожалование в думный чин, в общем плане оно озна-

---

[80] ПСРЛ. Т. 15. С. 485; ДРВ. Ч. 6. С. 457; *Назаров В. Д.* Князья Ногтевы-Суздальские в XV в. (по материалам архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря) // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1996. Вып. 4. С. 80—82; *он же.* Акты XV в. из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 3—13, 15—21. *Он же.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции. 29 сент.—1 окт. 1998 г. М., 2000. С. 29—58; *он же.* Князья Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства (фамильный портрет в родовом интерьере и социополитическом контексте) // Государев двор в истории России XV—XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции. 30.X — 01.XI. 2003 г., Александров. Владимир, 2006. С. 32—85.

чало только переход члена двора из одной статусной позиции в другую. Пример с князем В. И. Воротынским выразителен. Вряд ли сузились его права на часть родовых земель по сравнению с младшими родными братьями князьями М. И. и А. И. Воротынскими после того, как он около 1550 г. стал боярином[81].

Этот тезис будет справедлив и для конца XV в. Структура списка 1495 г. в целом напоминает композицию Дворовой тетради. Правда, термины «двор», «дворовые» в перечне 1495 г. отсутствуют, но сомневаться в том, что перед нами перечисление лиц из числа дворовых, нет ни малейших оснований. Интересующий нас раздел озаглавлен «князи и дети боярские с великим князем» (речь идет о последней поездке Ивана III в Великий Новгород)[82]. За вычетом эпитета «дворовые» и указания на конкретную ситуацию заголовок полностью схож с Дворовой тетрадью. В начале раздела помещены князья: служебные-«индивидуалы» (князь Ф. И. Бельский), входящие в ближайшее окружение государя, а затем — территориально-клановые группы служебных князей (см. выше). Иными словами, не позднее второй половины XV в. служилые князья стали органической частью государева двора, что не могло не повлиять на характер вассальных связей. В том же перечне 1495 г. думных и дворцовых высокостатусных чинов названы двое ярославских Рюриковичей (боярин князь Семен Романович и дворецкий князь Петр Васильевич Великий) и один стародубский (боярин князь Семен Меньшой Иванович Ряполовский). Их ближайшие родственники фигурируют в территориально-клановых группах. Вряд ли только что названные лица при получении боярства или должности дворецкого автоматически утрачивали права на родовые вотчины и соответствующие признаки служебных князей в их территориально-групповом варианте.

Несколько иная ситуация с тверскими Рюриковичами. Б. Н. Флоря показал особенности полуавтономного статуса Тверского княжества (земли) в составе Российского централизованного государства, сохранявшиеся в течение нескольких десятилетий. Не считая некоторых неточностей («Тверская земля» удерживала свое единство еще в 1501 г., о чем свидетельствует разряд «отпуска» в Тверь Иваном III своего сына, великого князя Василия), автор прошел мимо вопроса о служебных князьях Тверской земли[83]. О них, как мы знаем, говорит духовная Ивана III. Со-

---

[81] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 123, 124, 144—146 и др.; ТКДТ. С. 117—124.

[82] РК 1475—1598 гг. С. 25.

[83] *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 282—287; РК 1475—1598 гг. С. 31. В разряде названы «у великого князя Василья во Твери воеводы» (в том числе кн. В. А Микулинский, причем в этом случае без прямого указания на его боярский чин), окольничие, дворецкий князь В. И. Голенин. Подробный анализ разрядной записи в связи со спецификой сословной структуры и институтов власти на рубеже XV—XVI вв. см.: *Назаров В. Д.* «Князь великий Василий Иванович всея Руси» — соправитель Ивана III // Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 182—185;

отнеся этот текст с известными князьями тверского дома, выясняем: в разрядных назначениях 1480-х—1509 гг. фигурирует четыре персоны, а чаще три. Это князья В. А. Микулинский, М. Ф. Микулинский, О. А. Дорогобужский и А. С. Чернятинский (упомянут один раз). Из трех первых двое известны как воеводы с тверской силой в последние годы самостоятельности Тверского княжения. Они, князья М. Ф. Микулинский (Телятевский; в разных текстах он именовался под той или другой фамилией) и О. А. Дорогобужский наряду с М. Д. Холмским и А. Б. Микулинским были удельными суверенами в последнее десятилетие самостоятельности Тверского княжества. А. Б. Микулинский и О. А. Дорогобужский в 1485 г. отъехали к Ивану III еще до московско-тверской войны. Судя по характеру пожалований, в Москве они стали служебными князьями-«индивидуалами», лишившись временно родовых земель. После падения независимости Твери на положение служилых князей перешли и другие представители тверского княжеского дома, в немалой мере сохранив или восстановив (как отъехавшие в 1485 г. персоны) родовые владения. Особенности положения служебных князей в 1485—1490 гг., когда тверским великим князем был старший сын, соправитель и наследник Ивана III, Иван Иванович Молодой, не вполне ясны. После его смерти ситуация проясняется. Автономность тверского двора порождала, судя по походному списку двора Ивана III 1495 г., своеобычное соединение статусных характеристик тверского думского боярства и служилых князей у целой клановой группы местных Рюриковичей — князя М. Ф. Телятевского (Микулинского), его сына Ивана, В. А. Микулинского и О. А. Дорогобужского [84]

Подобные факты не были специфично тверскими и не приурочивались только к концу XV в. Трое братьев, князей Ряполовских (Иван, Семен и Дмитрий Ивановичи), были наверняка служилыми князьями Василия II в 40-е гг. XV в., что фиксируется давно и хорошо известными летописными известиями 1446—1447 гг. о княжеской войне в доме московских Рюриковичей. Князь Дмитрий был несомненным думным боярином Ивана III не позднее осени 1462 г. (а скорее всего, стал им еще при Василии Темном), сохраняя родовые вотчины. Князь Семен Ряполовский был «на старейшинстве» в родовом гнезде стародубских Рюриковичей и притом бывал на наместничестве от великого князя [85]. Сочетание всех этих признаков лишний раз демонстрирует, сколь сложной и противоречивой, примеряющейся каждый раз к конкретным обстоятельствам была эволюция служебных князей. Кстати, по указаниям разных источников стародубские Рюриковичи входили в государев двор

Лукичев М. П., Назаров В. Д. Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 85, 96.

[84] ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 321; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 318; Т. 5. С. 498; РК 1475—1598 гг. С. 20, 21, 23, 26, 30, 31, 33, 44; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 357—358 (с рядом неверных фактов и интерпретаций).

[85] Назаров *В. Д.* Князья Пожарские и Ряполовские по новым документам из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1996, Вып. 4. С. 74—76, 78—79; *он же.* Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьена монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 3, 5—7, 9—11.

задолго до 1495 г., а возможно, с конца 1420-х гг. Предполагаем также, что боярин в конце 1490-х гг., князь Д. А. Пенко имел статус служилого князя-«индивидуала» (родовые земли с высоким владельческим рангом располагались в Закубенье) и именно в такой позиции прожил последние годы его отец, последний «стольный» ярославский князь — Александр Федорович Брюхатый.

Не менее выразителен пример с князьями Оболенскими. Оставляем в стороне их судьбы в XIV в., хотя прямое отождествление их эволюции с судьбами стародубских Рюриковичей (так в книге А. А. Зимина) вряд ли верно. В том числе потому, что те и другие входили в разные системы великих княжений и ордынских ярлыков, вследствие чего их подчинение Москве происходило по-разному. В XV столетии оболенские Рюриковичи являют нам пример едва ли не самой многочисленной территориально-клановой группы служебных князей, представители которой составляют заметную долю в титулованной части государева двора. Они не позднее 30-х гг. XV в. служили московским великим князьям в воеводских и «синклитских» (думных) чинах. Текст судного разбирательства конца XV в. о том, что «пристав ⟨...⟩ к ним в Оболенск государя великого князя не въежжал», при любой его трактовке означал наличие у князей Оболенских по крайней мере до 1496 г. суверенных судебно-административных прав на родовые земли и подвластное население. Приведенная цитата практически полностью соответствует аналогичной статье докончания Василия Темного с князем Иваном Горбатым[86]. Но у последнего она сопрягалась с полным объемом суверенитета в его «внутреннем» измерении. Вряд ли именно так было у князей Оболенских. Но те из оболенских Рюриковичей, кто служил московским правителям, были несомненно их служебными князьями, естественно, за вычетом тех, кто по разным причинам попал на службу в московские уделы.

Итак, служебные князья в Северо-Восточной Руси XV столетия были не малозаметным и малораспространенным явлением, имевшим к тому же весьма ограниченный ареал бытования, но вполне обычным, привычным обществу феноменом социальной и политической действительности. Решающие признаки этой прослойки знати размещались в координатах служебно-вассальных связей с московским государем в индивидуальном и групповом вариантах (а не вассально-союзных, как в случае удельных князей московской династии), фактического отсутствия прерогатив субъекта равностатусных межкняжеских и тем более международных отношений (московские удельные князья так или иначе были субъектами правоотношений в межкняжеской сфере), суверенных прав (с меняющимся объемом) на родовые вотчины и подвластное население при верховном суверенитете московских великих князей (ведь они «жаловали» служебным князьям их же родовые земли). Служебные князья известны как в индивидуальном обличии, так и в варианте территориально-родственной группы. Случаи пожалования знат-

---

[86] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 43, 44, 48—50, 52—54 и др.; *Кобрин В. Б.* Указ. соч. С. 58, 59; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 607, 607а. С. 507, 513; ДДГ. № 52. Отметим, что кн. Федор Андреевич Оболенский погиб в сражении под Белёвым в 1437 г. в составе московской великокняжеской рати.

ным эмигрантам земель «в вотчину и в удел» (т. е. в наследственно закрепленное владение) и соответственно появления новых служебных князей-«индивидуалов» известны лишь с двух последних десятилетий XV в.

Совокупность служебных князей вряд ли верно определять как корпорацию. И дело здесь не в заметной разнице суверенных прав служебных князей («индивидуалов» и соединенных в родственные коллективы), но в практическом отсутствии сильных горизонтальных связей, скрепляющих единство такой корпорации перед лицом монарха и другими стратами знати. На наш взгляд, точнее всего здесь будет понятие сословно-статусной категории (позиции). В ее границах налицо относительно механическое соединение служебных князей-«индивидуалов» и объединенных в территориально-родственные группы. Вот последние — с рядом ограничений — могут быть квалифицированы в качестве локальных корпораций служебных князей. Особенно в тех случаях, когда княжеские родовые вотчины исчерпывали базу светского землевладения в той или другой местности. Понятие сословно-статусной категории при определенной текучести институциональных признаков служебных князей позволяет уверенно их отделять от собственно удельных князей, титулованных лиц, так или иначе утративших связи с родовыми вотчинами и сородичами, наконец, от нетитулованной знати.

Следующий этап их исторической эволюции связан с завершением княжеской «смуты» в доме московских Рюриковичей в начале 1450-х гг. Не считая Великого княжества Литовского, у служебных князей остался практически один адрес исполнения их социальной и политической роли — Московский великий князь.

Существенно, что служебные князья едва ли не изначально включались в структуры государева двора. В его границах они также проделали сложную эволюцию, в результате которой к исходу XV в. территориально-клановые формы бытования служебных князей стали господствующими. Помимо прочего, это имело принципиально важные последствия с точки зрения статуса: эрозия подданства на рубеже столетий все более разъедала ткань их вассально-служебных связей с московским великим князем. Нарастало разнообразное их сближение с иной титулованной и нетитулованной знатью, расширяются сферы службы, теперь уже не только военной или административной.

Последняя треть XV в. — начало XVI в. — период наибольшего развития категории служилых князей (в обеих формах их существования) как социально-политического феномена русского общества и Российского государства. И одновременно — начало ее заката. Правда, массовый переход на рубеже столетий в Россию порубежных удельных и служилых князей Великого княжеств Литовского с родовыми и пожалованными вотчинами (и Рюриковичей, и Гедиминовичей) подкрепил и продлил функционирование этого сословно-статусного института на несколько десятилетий. Разнообразя, возможно, его типологию (сочетание князей-«индивидуалов» с крайне малочисленными фамильно-родовыми группами).

Причины медленного, но неизбежного отмирания категории служилых князей очевидны. В бурной политической жизни Северо-Восточной Руси 2-й половины

XIV в. эта категория была апробирована и востребована как работающий способ адаптации владетельных князей Северо-Восточной Руси разного уровня ведущими политическими центрами — прежде всего Москвой, но также и Тверью. Именно в составе двора московских монархов служилые князья всех княжеских домов Рюриковичей Северо-Восточной Руси постепенно становились ведущим элементом формирующейся общероссийской титулованной знати и в генеалогическом плане, и по численности (разные фамилии Гедиминовичей ни по отдельности, ни в совокупности не составляли территориально-клановой корпорации). Представители разных княжеских домов преобладали с определенного момента в думно-дворцовых чинах двора, занимали весьма заметные позиции в высоких сословно-статусных стратах новой структуры двора, постепенно формировавшейся в 1-й половине XVI в. При этом их карьеры определялись прежде всего личными служебными успехами, авторитетом семьи и лишь в последнюю очередь значимостью родового клана в целом. Внутри него актуализировались (при необходимости) поземельные связи по поводу родовых владений, а также по поводу родового поминального культа и его материального обеспечения. Большую роль в такой эволюции сыграло разъединение в служебном плане служилых князей и их бывших нетитулованных вассалов в моменты подчинения ранее самостоятельных княжений московскому монарху.

Резюмируя, скажем, что очевидные статусные различия великих (стольных), удельных и служилых князей как бы фиксируют в сжатом виде главные этапы в судьбах самостоятельных и удельных княжеств Северо-Восточной Руси в процессе их присоединения/поглощения Московским княжеством. При одной оговорке — в строгом смысле слова уделы неотделимы от самостоятельных княжений, их судьбы нерасторжимы. Вектор эволюции их правителей в пределах Северо-Восточной Руси, по существу, один — непосредственный или опосредованный (к примеру, после пребывания в Великом княжестве Литовском), одномоментный или растянутый во времени переход в категорию московских служилых князей (обоих видов). Длительной исторической перспективы с середины XV в. не было только у уделов Московского княжества и их владельцев.

М. С. Черкасова (Вологда)

Новгород и Вологда в XIV—XV вв.

Данная статья первоначально задумывалась как «Вологда в новгородско-княжеских отношениях». Именно такой ракурс рассмотрения задают, во-первых, последовательные упоминания Вологды в числе «волостей новгородских» в докончаниях республики с великими князьями XIII—XV вв., во-вторых, факты неуклонного проникновения последних в данный район на всем протяжении указанного периода. В таком русле (как объекты взаимодействия либо совмещения разных порядков управления) изучается статус других сместных владений республики и Владимирского великого княжества (Бежецкого Верха, Волока Ламского, Торжка). Однако ход работы склонил автора к тому, чтобы сосредоточиться в предлагаемой статье в основном на новгородской «составляющей» в истории старой Вологды. Считаем наш выбор оправданным с учетом несомненных успехов сельской[1] и городской[2] археологии Вологодчины за последние десятилетия. Опираясь на них, попытаемся соединить ряд уже известных фактов с собственными наблюдениями и подходами.

На современных археологических картах район Вологды и верхней Сухоны фигурирует среди других земель, в культурном слое которых обнаружены остатки построек, круговая керамика, проушные топоры, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, кресты и образки, денарии. Это свидетельствует, как пишет Н. А. Макаров, о единстве материальной культуры Древней Руси на всей ее территории и

---

[1] *Башенькин А. Н.* Археологические источники о сельских поселениях // Родословие вологодской деревни / Сост. П. А. Колесников. Вологда, 1990; Кубенское озеро: Взгляд сквозь тысячелетия. Вологда, 2001; *Макаров Н. А., Захаров С. Д.* Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII — начале XIII в. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 131—150; *Недомолкина Н. Г.* Векса — предшественница Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 47—77.

[2] Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961; *Башенькин А. Н., Кукушкин И. П.* Древняя Вологда // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 30—45; *Никитин И. Ф.* Ранние средневековые находки из города Вологды // Там же. С. 46—53; *Кукушкин И. П.* Вологодское городище // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 36—46; *Он же.* Археологические исследования в Вологодском Кремле // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 5—13; *Он же.* Первая находка прикладной печати в Вологде // Послужить Северу. Историко-художественный и краеведческий сб. Вологда, 1995. С. 75—78; *Суворов А. В.* Два каменных образка XIII—XIV вв. из культурного слоя г. Вологды // Региональные аспекты исторического пути православия. Вологда, 2001. С. 91—98; *Макаров Н. А., Суворов А. В.* Новые находки каменных образов и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера // Российская археология. 2001. № 3. С. 111—117.

стабильности внутренних торговых связей в X—XIII вв.[3] Тот же исследователь считает, что территориально-административные структуры XV—XVI вв. не обязательно полностью повторяют размещение древнерусских погостов и становищ, хотя общая сеть промысловых, торговых и даннических путей, достигшая самых удаленных районов Европейского Севера, и система опорных пунктов, необходимых для контроля над этими территориями и обеспечения дальних экспедиций, сформировалась в относительно ранний период — XII—XIII вв.[4] Обращение к комплексу окладных, приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома и писцово-переписной документации государственного происхождения XVI—XVII вв. показывает административно-территориальную структуру обширного Вологодского уезда во вполне сложившемся виде. При этом бросается в глаза разнообразие единиц, на которые он членился: половины, трети, станы, станки, волости (их более всего — 70!), улусцы, углы, концы. Полагаем, что такая пестрота больших и малых единиц, каждая из которых требует специального изучения и локализации, в какой-то степени является наследием предшествующей истории Вологодской земли в XIII—XV вв.

В кадастровых описаниях XVII в. известны наименования компактных территорий Вологодчины типа «княж Ивановская вотчина Пенкова» или «Малютинское поместье Скуратова», образование которых так или иначе было обусловлено конкретными фактами социально-политической истории XVI в. И хотя персоналии, давшие имена отдельным землям уезда, в XVII в. уже ушли в прошлое, такое их обозначение надолго закрепилось в источниках[5]. Считаем, что ничуть не слабее оказалась закрепленной в них и первичная сетка административно-налогового устроения Вологодской земли. В повторяющихся записях окладных книг об уплате церковной дани и пошлин приходы Вологодского уезда группируются по-разному: в волости, в десятины либо в определенные районы типа «Сухонское Поречье», «вотчина Пенкова», «поместье Скуратова». Удалось заметить, что в каждой из приводимых ниже волостей встречаются один-два прихода с наименованием «*погост на стану*, а на нем церковь такая-то» либо «*погост, что было становище*». Назовем волости: Водожская, Комельская, Кубенская, Лежский Волок, Обнорская, Ракульская, Тошенская, Ухтюжская, Южская, Янгосарская. Очерчиваемая ими территория в источниках XVI—XVII вв. именовалась: Вологодское окологородье,

---

[3] *Макаров Н. А.* Колонизация Русского Севера в X—XIII вв.: Некоторые итоги археологических исследований // Новгородский археологический сб. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1994. С. 156—166; *Он же.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. (По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М., 1997. С. 162.

[4] *Макаров Н. А.* Колонизация Русского Севера... С. 166.

[5] ОР РНБ. Основное собр. рукоп. книги. Q.IV.105. Л. 41—42; Q.IV.106. Л. 73—80; Гос. архив Вологодской обл. Ф. 948 (Вологодский архиерейский дом). Оп. 1. Кн. 5. Л. 56 об., 58; Вологодский гос. историко-архитектурный и художеств. музей-заповедник. Колл. рукоп. книг. Кн. 57. Л. 1, 59 об., 62, 94 и др.

Городской стан, Первая половина уезда. Упоминания о становищах, скорее всего, ретроспективно указывают на места остановок государственных и церковных агентов во время объездов окружающей территории для сбора дани. На этой почве в обширном регионе восточнее Белозерья известны вооруженные конфликты новгородских и ростово-суздальских дружин уже в 1160-е годы. Столкновение 1169 г., когда дружина Даньслава Лазутинича сначала собрала свою дань, а потом на «суздальских смердах» взяла другую, свидетельствует о неустойчивом еще территориальном разграничении судебно-податных округов между Новгородом и Низовской землей. А. Н. Насонов считает, что конфликт произошел «на Белоозере», понимаемом им широко, включая пространство Вологды и Сухоны[6]. А. В. Куза склоняется больше к Белоозеру как проторенной дороге для новгородцев на их путях за данью на Севере[7]. Н. А. Макаров также предположил, что новгородские владения на Вологде возникают в результате проникновения колонистов с запада, пересекавших Шексну и двигавшихся далее на восток через Волок Славенский или какой-либо другой волок на Шекснинско-Сухонском водоразделе[8].

Систематизация сведений о погостах-становищах и их последующее картографирование позволит вычленить первоначальные пункты административно-налогового закрепления вологодских волостей. Возможно, фиксируемый в окладных архиерейских книгах XVII в. погост *Рождества Пречистые на стану* в волости Тошне (трактуемой нами вслед за В. А. Кучкиным как правый приток р. Вологды) был местом сбора «сорочка», указанного в уставной грамоте кн. Святослава Ольговича 1136/37 г[9]. Однако на Тошне археологических памятников до сих пор не обнаружено. На карте А. Н. Насонова Вологда, Векшенга и Тотьма (отождествляемая им с «Тошьней» устава 1136/37 г.) маркируют крайнюю южную кромку «новгородских даней» в Заволочье[10]. Отсутствие Вологды в уставной грамоте кн. Святослава Ольговича А. В. Куза объясняет тем, что в этот момент она еще не получила важного значения, но уже через короткий промежуток времени, судя по археологическим данным, переросла в большой населенный пункт вблизи ростовского рубежа[11].

Известно, что отдельные причты в средневековой Руси (в том числе и Пермско-Вологодской епархии) были освобождены по жалованным грамотам церковных иерархов от взиманий в архиерейскую казну[12], однако большая часть приходов

---

[6] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 170, 172, 175.

[7] *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 191—192.

[8] *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин... С. 167.

[9] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 148; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 89, примеч. 257.

[10] *Насонов А. Н.* «Русская Земля»... Карта между с. 160 и 161.

[11] *Куза А. В.* Указ. статья. С. 191.

[12] Подробнее об этом см.: *Назаров В. Д.* Полюдье и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии

вносила в нее полагающийся состав поборов, сформулированных в жалованных грамотах в отрицательной форме («не надобе им...»). Регулярная выплата с вологодских приходов «рождественской дани, данских пошлин, соборной гривны и алтына дворецкого» нашла отражение не только в окладных книгах владычных казначеев XVII в., но и в документации *среднего* звена — записных книгах поповских старост, заказчиков, десятских и *низшего* звена — приходских попов второй половины XVII — начала XVIII в.

Не берясь здесь за выяснение сложной административно-политической принадлежности разных частей Вологодской земли, сосредоточим внимание на Вологде как городском центре XIII—XV вв., опираясь на тот же самый ретроспективный метод. По писцовым и переписным книгам XVII в. наблюдается устойчивое разделение Вологды на Город, Верхний посад, Нижний посад и Заречье. До сих пор в Вологде вполне устойчивы такие урбонимы прежнего времени, как Старое городище, Ленивый торг, Гора, Дол (верхний, нижний), Хрулев ручей, Кайсаров ручей, Числиха, Рощенье, Обухово, Козлена, Глинки, верхние и нижние слободы. В двух имеющих принципиальное значение для истории Вологды центрах — Ленивой площадке и Соборной горке — археологами были обнаружены вещи, бытовавшие в древней Руси как в XII, так и в XIII в.[13] Это отражает процесс возникновения и дальнейшего роста Вологды на обширном пространстве из нескольких отдельных поселков.

В документах XVII в. наблюдается разделение всей церковной структуры Вологды на группу ружных церквей в Городе (в том числе и на Старом городище) и на *три трети* (типа позднейших благочиний), включавших посадские церкви. Среди ружных церквей выделялась наиболее многочисленная группа «государевых» и меньшая — общеземских. Первые существовали на средства таможенной избы, получаемые на основе ежегодных правительственных предписаний, вторые — на средства мирского «ларца». Помимо третей, источники архиерейского происхождения (и некоторые книги — дозорные 1616/17 г., переписные 1680-х гг.) оперируют еще и *сороками*, которые требуют специального изучения, но в основном они совпадали с приходскими территориальными единицами.

Две трети локализуются на правобережье (Успенская и Владимирская), а третья в Заречье (Мироносицкая) — см. схему в конце статьи. Сильно огрубляя нашу рабочую гипотезу, можно было бы сказать, что территории, очерчиваемые совокупностью церквей каждой из третей, восходили ко времени разделения Вологды на три части — новгородскую (Успенская треть), княжескую (Владимирская треть, в церковном отношении — митрополичья) и ростовскую (Мироносицкая треть). Но дело обстоит сложнее, потому что на всей территории Старого городища и старого посада («Верхний посад» XVI—XVII вв., часть приходов которого вошла в Успен-

---

феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докл. и сообщ. М., 1988. Вып. 1. С. 163—170.

[13] *Бацепкин А. Н., Кукушкин И. П.* Древняя Вологда. С. 43; *Никитинский И. Ф.* Ранние средневековые находки... С. 49, 51.

скую, а часть — во Владимирскую трети) в XIV—XV вв. внедрялся политический и церковный правопорядок Владимирского великого княжества. Приведенные в научной литературе наблюдения П. Д. Малыгина (по Торжку) и С. З. Чернова (по Волоку Ламскому) во многом основаны на представлениях о территориальном разграничении новгородских и княжеских частей в них (с соответствующими прерогативами и налоговыми отчислениями в пользу княжеских агентов, с одной стороны, и посадников как представителей новгородской административно-судебной системы, с другой)[14]. А. В. Куза писал о «половинчатом» статусе (в смысле взаимного административно-податного размежевания) Волока Ламского и Торжка как наиболее уязвимых для княжеского внедрения владений Новгорода[15]. В. Д. Назаров на основе анализа бежецких актов из архива Троице-Сергиева монастыря 1440-х годов показал противостояние посадничьего суда здесь проездному суду наместников московского великого князя. Исследователь не склонен выводить возможное документальное разделение этих прерогатив, идущее со времени княжения Ивана Калиты, из чисто территориального признака[16].

Из территориального разграничения исходили и формулы новгородско-княжеских докончаний о том, чтобы князь держал тиуна на своей половине, а Новгород посадника — на своей половине. Применительно к Вологде наиболее раннее указание на возможное существование княжеского тиуна здесь содержится в докончании Новгорода с вел. кн. Михаилом Ярославичем 1305—1307 гг. Выраженное в отрицательной форме запрета князю держать здесь своего тиуна, данное положение вызвало неоднозначную оценку в литературе. В. А. Кучкин видел в нем (и в ряде других фактов) указание на проникновение княжеских владений и власти в Вологду уже в начале XIV в. В. Л. Янин же посчитал эту мысль недостаточно аргументированной, хотя сам запрет князю держать своего тиуна здесь расценил как весьма знаменательный, свидетельствующий о каких-то недавних попытках ввести подобный статус не только для Волока Ламского и Торжка, но и для Вологды[17]. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Пока же в качестве одного из

---

[14] *Малыгин П. Д.* Новый Торг — Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XII—XIII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и Раннее Новое время (XI—XVIII вв.): Тезисы докл. науч. конф. М., 1996. С. 78—82; *Он же.* Средневековые исторические параллели Торжка и Пскова // Псков в российской и европейской истории (К 1100 летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 157—165; *Он же.* Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 92—93; *Чернов С. З.* Новгородские и великокняжеские «половины» Волока Ламского в XIII—XV вв. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 75—99.

[15] *Куза А. В.* Указ. статья. С. 163.

[16] *Назаров В. Д.* О проездном суде наместников в средневековой Руси // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед. 1987. М., 1989. С. 91.

[17] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 125—127; *Янин В. Л.* Из истории новгородско-московских отношений в XV в. // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. М., 2004. С. 304, примеч. 53.

возможных путей его углубления стоит напомнить факт нападения кн. Святослава Ярославича «с тферици» на новгородские волости Волок, Бежицы и Вологду в 1273 г.[18] И хотя летописные известия об этом событии очень лаконичны (в некоторых летописях отмечено участие татар в нападении 1273 г. на Вологду), не исключено его понимание как отвоевание князем себе, в данном случае, части Вологды. Тогда яснее становится попытка князей в последующие 30 лет внедрить на ней своего тиуна.

На территориальном разграничении новгородских и княжеских владений на Вологде настаивали и соглашения между ними и 1318, 1435 гг., хотя не всегда размежевания проводились в действительности. В договоре 1318 г. находим указание на наличие сел княгини Василисы (вдовы великого князя Андрея Александровича), купленных ею на Вологде до 1318 г. Селами на Вологде могли владеть также сыновья, княгиня и бояре Михаила Ярославича. Приобретенные тверичами вологодские села должны были быть возвращены по условиям соглашения 1318 г. «святой Софии»[19]. Возможно, о территориальном разграничении следует говорить применительно не только к сельской, но и городской территории Вологды.

Попытаемся сделать это, обращаясь к фактам церковного строительства. Помимо церкви Воскресения Христова на Ленивой площадке и Троицкого монастыря на Кайсарове ручье, существовавших уже в XII в., согласно позднейшей «Повести и чудесах» Герасима Вологодского[20], одним из ранних храмов Вологды являлась церковь Богородицы. На ее освящение 15 августа 1303 г. приезжал новгородский епископ Феоктист (внимание на это событие обратил В. А. Кучкин)[21]. Считаем, что данное мероприятие было сопоставимо по значению с освящением ростовским епископом Тарасием соборной церкви Богородицы в Устюге в 1290 г[22]. Подобными акциями закреплялась церковная юрисдикция для соседних регионов: ростовская в Устюжской земле и новгородская в части Вологодской земли. Промежуточных членений между ними на обширном Сухоно-Двинском пространстве как будто не было, а границу можно предположительно провести в районе погоста Векшенга на средней Сухоне (назван по одноименной реке, ее

---

[18] См., например: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 322; Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стлб. 354—355.

[19] *Кучкин В. А.* Последний договор Михаила Ярославича Тверского // Михаил Тверской: Личность, эпоха, наследие. Мат-лы междунар. науч. конф. Тверь, 1999. С. 45, 55; *Он же.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 56.

[20] *Васильев Ю. С.* Герасим Вологодский и начало города Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 588—600 (статья), 601—619 (публикация самой Повести); Гос. архив Вологодской обл. Ф. 496 (Консистория). Оп. 4. Кн. 1; Кн. 2. Л. 217, 246 (клировые ведомости названных церквей 1848—1850 гг. с историческими справками, относящими их начало к XII в.).

[21] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории... С. 125—126 и примеч. 6.

[22] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 49.

правом притоке), упомянутого как новгородского в уставной грамоте кн. Святослава Ольговича 1136/37 г.

Не существует проблемы с локализацией церкви Богородицы в Вологде, поскольку она (в перестроенном виде) сохранилась до нашего времени, а в XVI—XVII вв. являлась не только главным храмом существовавшего здесь монастыря (Успенского Горнего девичьего), но одновременно приходским для прилегающих посадских дворов. В данной части Вологды археолог А. В. Никитин отметил некоторые слои предмонгольского времени, сильную неравномерность и широкую распространенность жилой застройки, «островное» залегание культурного слоя, наличие больших незаселенных пространств. Первоначальное городище, считает он, могло быть у впадения Хрулева ручья в реку, оно имело равнинное и открытое положение, а покатый склон к реке делал это место неудобным для поселения[23].

Отправной точкой в наших предположениях о новгородской и княжеской половинах Вологды в XIV—XV вв. является известная в литературе летописная запись о том, что 1 марта 1492 г. Иван III по совету с московским митрополитом Зосимой и новгородским владыкой Геннадием передал пошлины с церквей здесь, в городе и на посаде, прежде находившихся под юрисдикцией новгородского архиепископа, а также митрополичьих церквей в городе и на посаде в ведение епископа Пермского Филофея[24]. Напомним, что, несмотря на отказ Новгорода от Вологды по Яжелбицкому договору 1456 г., в Коростынском соглашении 1471 г. юрисдикция новгородского архиерея над вологодскими церквами еще признавалась («а на Волоце и на Вологде владыце церкви и десятина и пошлина своя ведати по старине»)[25]. До 1492 г. церковь Богородицы могла утратить свое соборное значение главной для группы церквей новгородской юрисдикции. При описании пожара в Вологде в 1486 г. в перечне пострадавших семи церквей соборной названа церковь Воскресения[26]. Несомненно, это Воскресенский собор на Ленивой площадке, на возвышенном берегу реки. По крайней мере с конца XV в. он входил в состав комплекса архиерейских построек — храмовых и административных, расположенного внутри старой Вологодской крепости (догрозненского времени). Раскопками И. П. Кукушкина здесь были обнаружены элементы линии укреплений второй половины XV — середины XVI в., а керамика с этого места и вовсе датируется началом XV в.[27] В период опричнины архиерейский центр Вологды был перенесен с Ленивой площади на Соборную гору ниже по течению реки, а значение кафедрального перешло к Софийскому собору.

---

[23] *Никитин А. В.* Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологды. Вологда, 1961. С. 10—11, 19.

[24] ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 287—288; Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 128.

[25] ГВНП. № 26. С. 46. В московском противне Коростынского договора этого постановления нет.

[26] *Клосс Б. М.* Вологодско-пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 269.

[27] *Кукушкин И. П.* Вологодское городище. С. 38—41.

Возвращаясь к известию Вологодско-Пермской летописи о пожаре в 1486 г., отметим, что в нем речь идет о двух половинах посада — одна из них сгорела 10 мая, а другая 11 мая. Возможно, имеются в виду чисто «арифметические половины» (по количеству дворов, по одной половине их число указано — 330), но с учетом отмеченной передачи в ведение Филофея Пермского пошлин с новгородских церквей в городе и на посаде и митрополичьих церквей в городе и на посаде в 1492 г. не исключено, что и в записи о пожаре 1486 г. подразумеваются две различные половины неукрепленной территории Вологды — население одной составляло прихожан церквей новгородской юрисдикции, а другой — прихожан церквей митрополичьих. Соответствовало ли церковному и гражданское управление здесь, то есть было ли и оно разделенным между агентами разных административно-судебных систем, трудно сказать.

Дополним наше соображение относительно новгородской принадлежности части Вологды еще одним наблюдением. Когда к концу XV в. число церквей в Вологде возросло, Богородицкую церковь, впервые освященную еще в 1303 г., стали называть «старой». Возле нее возник монастырь, позднее запустевший и возрожденный лишь в 1590 г. В 1499 г. в Вологде сгорела церковь *Пречистые старая* со всем узорочьем и с ыконами и с кузнью и с книгами ***да и монастырь*** весь, да 30 дворов»[28]. В начале XVI в. церковь Богородицы уже имела придел во имя Сергия Радонежского (либо в монастыре Успения Богородицы была возведена отдельно стоящая церковь во имя этого общерусского святого). В одной вкладной записи на рукописном Прологе 1516 г. говорится, что писец данной книги Прохор Вологжанин Трифонов сын «по милости Божии из Великого Новогорода от Воскресения Христова из монастыря з Деревяницы... послал сия книги Прологи на Вологду к Пречистой Богоматери честного и славного ея *Успения рекомой **старой*** и преподобного чудотворца Сергия в дом лета 7024 месяца июня 20. Аминь»[29]. Существует и более поздняя вкладная надпись на старопечатном Октоихе (издание Андроника Тимофеева Невежи 1593/94 г.) вологжанина Ивашки Осифова сына «в дом Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ее ***Успения рекомой старой***, преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Сергия Радонежского чудотворца»[30].

Суммируя известие 1303 г. об освящении в Вологде новгородским владыкой церкви Богородицы с ее же именованием в конце XV—XVI вв. «Пречистые старая», мы склонны связывать район церкви Успения Богородицы (на возвышенном месте по обе стороны от Хрулева ручья) с его новгородской принадлежностью по крайней мере в отношении церковном. Здесь мог находиться владычный наместник или десятильник и вершиться владычный суд[31].

---

[28] ПСРЛ. Т. XXVI. С. 291—292; Т. XXXIII. Здесь и далее выделено курсивом мною. — *М. Ч.*

[29] ОР РГБ. Ф. 354 (Вологодское собрание). Кн. 19.

[30] Рукописная книга XVI—XVIII веков в фондах Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина. Каталог. Вологда, 1980. С. 13. № 1.

[31] *Васильев Ю. С.* Герасим Вологодский и начало города Вологды. С. 597.

Что же касается группы церквей митрополичьей юрисдикции на Вологде, то сведения о них в XV в. сводятся к двум фактам. Первый — это пожалование Василием II по благословению митрополита Ионы наволока Дулепова в Кубенской волости вологодской церкви Василия Кесарийского (примерно в 1448 г.), подтверждаемого последовательно кн. Андреем Меньшим, Иваном III, а также митрополитами Феодосием, Филиппом и Геронтием[32]. Церковь Василия Великого не сохранилась, но по писцовым описаниям и окладным книгам XVII в. располагалась «на площади», то есть на Ленивой площадке, вблизи от соборной церкви Воскресения Христова (см. схему в конце статьи). Второй факт — это находка И. П. Кукушкиным в 1993 г. в старой части города двусторонней прикладной «печати Зазирки», предположительно усвояемой им на основе грамот в АФЗХ митрополичьему слуге середины XV в. Парфению Зазирке[33]. Состав же самих митрополичьих церквей может быть установлен по перечню сгоревших в пожар 1486 г. — помимо двух расположенных на Ленивой площади (соборной Воскресения и Собора Св. Богородицы), это были церкви, построенные ниже по течению реки — Вознесение, Благовещение, Рождество Христово, Покров Св. Богородицы, Иоанна Предтечи, упоминаемые в XVII в. частью в группе ружных в Городе, а частью — в составе Владимирской трети. Имеется также ряд сведений о бесспорной поддержке московскими митрополитами вновь основанных монастырей в южной части Вологодской земли (Павлова Обнорского, Корнилия Комельского) и в части Заозерья, но они требуют специального рассмотрения, как и вопрос о собственно митрополичьем землевладении на Севере вообще.

Известное по новгородско-княжеским докончаниям XIII—XV вв. отнесение Вологды к волостям новгородским можно подкрепить единственным указанием на *вологодских посадников*, «их приказников и всех пошлинников». Оно встречается в жалованной проезжей грамоте Новгородской республики Троице-Сергиеву монастырю на имя игумена Мартиниана (был троицким настоятелем в 1448—1454 гг.)[34]. Датировка грамоты (февраль-август 1450 г. — по сочетанию в ней имен посадника Дмитрия Васильевича, тысяцкого Михаила Андреевича и владыки Евфимия) была обоснована В. Л. Яниным[35]. И. М. Людин без особой аргументации относил ее выдачу ко времени незадолго до Яжелбицкого мира[36]. Вологодские посадники

---

[32] *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906. С. 445—446; *Маштафаров А. В.* Вологодская грамота XV в. // Советские архивы. 1974. № 6. С. 103—104.

[33] *Кукушкин И. П.* Первая находка прикладной печати в Вологде. С. 75—78; *Макаров Н. А., Суворов А. В.* Новые находки каменных образов... С. 116.

[34] АСЭИ. Т. 1. № 220.

[35] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 366—367, 373—374.

[36] *Людин И. М.* Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории московско-новгородских отношений XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. Т. V. М., 1956. С. 293.

фигурируют в данном документе наряду с двинскими, резиденция которых была в Холмогорах.

В этой подлинной и роскошной грамоте, скрепленной восемью вислыми печатями, не раз опубликованной, украшающей цветные суперобложки лучших сфрагистических изданий, речь шла о беспошлинном проезде монастырских возов зимой и 11-ти ладей летом с Вологды на Двину, Холмогоры и Неноксу. Новгородская грамота Троице была выдана «*по старой грамоте по жалованной*», в которой, скорее всего, тоже содержалось указание на вологодских посадников. Правда, приведенный оборот кажется нам не очень-то новгородским, для последнего было характерно другое сочетание слов: «по старой пошлине по крестному целованию». Если все же допустить, что и старая жалованная грамота адресовалась Троице, то некоторую правдоподобность такому факту придает явно архаичное указание местонахождения обители — «на Маковце». Архаизирующим элементом следует признать и формулу «приказники» по аналогии с заказниками, перевозниками русских актов до 1460-х годов, но опять-таки в большей степени для Северо-Восточной Руси, а не Новгородской.

Срок выдачи «старой грамоты» можно было бы ограничить периодом между московско-новгородским соглашением 1435 г. и 1450 г. В ней могли фигурировать тот же самый владыка Евфимий, занявший святительскую кафедру в 1434 г., и степенной посадник Дмитрий Васильевич, впервые известный в таком качестве в 1437—1438 гг.[37] Дополнительным аргументом, не позволяющим отодвинуть раннюю границу предполагаемой грамоты до 1435 г., является то соображение, что вряд ли Сергиеву монастырю столь масштабное торговое мероприятие на 11 ладьях было под силу в первые 50—70 лет существования, ведь в 1420—1430-е годы он только еще формируется как экономически значимая единица. Складывание основного комплекса хлеборобных сел корпорации в Переславле, Радонеже, Дмитрове, Угличе, Бежецке, Костроме к середине XV в. сдва завершилось.

При всей бесспорной подлинности грамоты, нас смущает количество ладей (11 !), указанное в ней применительно к одному монастырю, хотя бы и Троицкому. Это ведь целый торговый караван (в XV в. известны приходы в Ревель из ганзейских городов флотилий из 12—15 судов)[38]. Не имелась ли в виду какая-то другая (не троицкая, а послужившая для нее в 1450 г. образцом) жалованная грамота Новгорода, адресованная купцам (неким «лодейникам») и трактующая вопросы их торговли от Вологды до Двины, ссылка на которую затем была удержана в документе, выданном Троице в 1450 г.? Известны экономические трудности, переживаемые Новгородом в 1436—1445 гг., связанные с голодом, перебоями в снабжении его хлебом и солью из Прибалтийских портов в силу ряда причин (неурожаи, дороговизна, обострение отношений Новгорода с Орденом, с одной стороны, и ганзей-

---

[37] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. С. 373.

[38] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963. С. 249—250.

ско-датских торговых отношений, с другой)[39]. Новгород мог в этих условиях для облегчения своего положения активизировать торговлю в Двинском направлении, тем более что солеварение в Неноксе уже велось, хотя и не столь интенсивно, как в XVI—XVII вв. Об этом можно предполагать на основании уставной грамоты кн. Святослава Ольговича 1136/37 г. («...а на мори от чрена и от салгы по пузу») и Двинской уставной грамоты 1397 г. (с гостей двинских наместники в Устюге и Вологде брали «два пуза соли с лодьи, а с воза по белке, а того боле не емлют у них ничего»)[40]. К 1450 г. как возможному сроку выдачи новгородской грамоты Троице склоняет и то совпадение, что договор Новгорода с Ганзой о семилетнем перемирии был подписан 1 марта 1450 г. тем же посадником Дмитрием Васильевичем и тысяцким Михаилом Андреевичем[41].

В 1448—1450 гг. Василий II блокировал движение торговых судов на Вологде и Устюге, и в этих условиях пожалование Новгородом грамоты Троице-Сергиеву монастырю могло диктоваться намерением Новгородской республики обезопасить ведение торговли своими сторонниками от Вологды до Двины. И не был ли здесь Троицкий монастырь неким «голкипером», под эгидой которого осуществлялось прохождение торговой флотилии из 11 судов от Вологды до Двины (1 троицкая + 10 каких-то еще «вологодских»)? Не исключено, что одной какой-нибудь ладьей монастырь и перевозил здесь свой хлеб и другие товары, но остальные суда просто проходили вслед за Троицким, и беспошлинный режим их прохождения в пределах «новгородской Вологды» был предписан высшими должностными лицами республики вологодским посадникам, их приказникам и пошлинникам. В условиях обострения новгородско-московского соперничества за Двину Василий II опирался на Кирилло-Белозерский монастырь, а Новгород — на Троицкий. При этом каждая корпорация получала от соответствующих властей заверения в поддержке. Тревожная обстановка на Сухоно-Двинском пути в кирилловской грамоте Василия II высказана так: «Коли не тихо в земле, ино и Кирилова монастыря лодья с Вологды на Оустюг и на Двину не ходила же с товаром»[42]. Не менее отчетливо острота военно-политических отношений Новгорода и Москвы отражена в новгородской грамоте: «А вы, бояре двинскии и житьи люди и купцы бороните купчину Сергеева монастыря; хотя коли будет Новгород Великии с которыми сторонами не мирен, а вы блюдите монастырского купчину и его людей как своих, занеж весь господин

---

[39] *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 249, 321; *Казакова Н. А.* Из истории отношений Новгорода с Ганзой в XV в. // Историч. записки. М., 1949. Т. 28. С. 128, 130—131; *Она же.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 120.

[40] Древнерусские княжеские уставы. С. 148; ГВНП. № 88. С. 145; АСЭИ. Т. 3. № 7 — статья 14. С. 21—22. В «пуз» входило 1,5 пуда ржи и 3 пуда соли.

[41] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. С. 373—374; *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 123. Н. А. Казакова писала об организованном характере объединения новгородских купцов, лодочников, возчиков и носильщиков (*Казакова Н. А.* Указ. статья. С. 120—121).

[42] АСЭИ. Т. 2. № 102.

Великии Новгород жаловал Сергеев монастырь держать своим»[43]. Близкие интонации находим и в жалованной грамоте Соловецкому монастырю (по датировке В.Л. Янина март — начало августа 1468 г.): «А боронити игумена и всих старчев всим Великим Новымгородом»[44]. Так Новгородское государство пыталось укрепить свое положение (торговое и политическое) на начальном и конечном участках обширного Сухоно-Двинского пути.

Помимо термина «**вологодские посадники**», в новгородской грамоте Троице наряду с таможенными освобождениями упоминается одно явно налоговое — «подоральное» (правильнее — поральное). Это может свидетельствовать о наличии не только самих новгородских агентов, ведавших вопросами торгового суда в подведомственной им части Вологды и волости, но, возможно, и о поземельном налогообложении в пределах новгородских владений на Вологодчине. В грамоте сиротам Терпилова погоста посадничье (и тысяцкого) поральное включало 40 бел, 4 сева муки и 10 хлебов[45].

Наше соображение о том, что в 1450 г. Троицкий монастырь проводил с Вологды на Двину одну ладью, попробуем расширить обращением ко второй новгородской жалованной грамоте Троице (по датировке В.Л. Янина — 1474—1475 гг.) на беспошлинную торговлю на Двине, Орлеце и всей Двинской земле. Вопреки постановлению Яжелбицкого договора 1456 г. «вечным грамотам не быть, а печати быть князей великих», вторая новгородская грамота Троице была выдана, как и первая, на вече на Ярославле дворе и скреплена восемью печатями[46]. В акте почему-то нет ссылки на предшествующее пожалование, зато повторяется принцип несудимости участников экспедиции от посадников и воевод (на Двине и Орлеце) и их людей, содержится такой же состав налоговых и таможенных освобождений (причем одно из них — «поральное» — написано более исправно, нежели в первой грамоте — «подоральное»), совпадает и размер штрафной санкции за нарушение — 50 руб., но бросается в глаза скромный масштаб монастырской экспедиции — отнюдь не 11 ладей, а лишь одна — «жаловалная», хотя к 1470-м годам общий экономический потенциал Троицкой корпорации несомненно возрос.

Во второй новгородской грамоте Троице не упоминались ни вологодские посадники, ни сама Вологда, на которую, как заметил С.М. Каштанов, Новгород уже не решался претендовать[47]. Представляет особый интерес последняя фраза доку-

---

[43] ГВНП. № 95; АСЭИ. Т. 1. № 220. В Лаврской ризнице в XIX в. хранился ковш новгородского посадника Григория Кирилловича Посахно, который, возможно, был вкладным, но вопрос этот остается открытым (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. С. 357—358).

[44] ГВНП. № 96. С. 151; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. С. 377—378.

[45] ГВНП. № 89.

[46] ГВНП. № 101; АСЭИ. Т. 1. № 453; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. С. 381.

[47] *Каштанов С.М.* Внутренняя торговля и спрос крупных землевладельцев на предметы потребления в XIV—XV веках // История СССР. 1977. № 1. С. 154.

мента: «А ся им наша жаловалная грамота дана на другую лодью, в лето 6985»[48]. Не показывает ли это вновь, что в более ранней грамоте Новгорода Троице имелось в виду прохождение одного троицкого судна, а в 1474/75 г. «жалованный» его статус был распространен на вторую ладью? В XVI — начале XVII в. двинская экспедиция Троицы состояла: из одного насада с подвоском (1548 г.), двух насадов (1554 г.), четырех насадов (1582, 1615 гг.)[49]. Во всяком случае 11-ти судов мы и в более позднее время отнюдь не видим.

На основании полного сходства состава таможенных пошлин новгородской грамоты Троицкому монастырю 1474/75 г. и грамоты Ивана III Кирилло-Белозерскому монастырю на беспошлинную торговлю «в нашей отчине Двинской земле» в январе 1480 г., выданной непосредственно в Великом Новгороде, С. М. Каштанов предположил, что Новгород Великий мог пожаловать в 1470-е годы аналогичную троицкой грамоту и Кириллову монастырю, которая в 1480 г. послужила прототипом грамоты Ивана III[50]. Однако никаких упоминаний о новгородском пожаловании Кириллову монастырю в архиве последнего не имеется. А может по типу второй новгородской грамоты Троице была оформлена аналогичная от имени Ивана III Кириллову монастырю «в нашей отчине Великом Новгороде», как в ней говорится ? И не только ему одному. Заметим, что такой же в точности формуляр имеет и жалованная проезжая грамота вел. кн. Ивана Васильевича Спасо-Прилуцкому монастырю на беспошлинную торговлю в Двинской земле 5 февраля 1534 г., только в ней вместо ладьи фигурирует насад[51]. Значит, и в XVI в. текст новгородской жалованной грамоты мог использоваться в московских учреждениях для оформления актов северным монастырям.

Стоит напомнить одно наблюдение И. М. Людина относительно второй новгородской грамоты Троице, датируемой им 1476/77 г. Автор и вовсе считал ее московской, при написании которой использовался сборник специально подобранных актов, содержащий Двинскую уставную грамоту. Затем жалованная проезжая грамота была лишь оформлена в Новгороде прикреплением печатей[52]. Анахронизмом в ней Людин считал упоминание Орлеца, который как опорный пункт Двинского восстания 1397/98 г. после его подавления перестал существовать, но фигурировал как раз в Двинской уставной грамоте 1397/98 г. Однако Орлец упоминается при описании рейдов кн. Дм. Шемяки по Двине в 1453 г., отмечен он и в третьем списке Двинских земель 1471 г.[53]

---

[48] АСЭИ. Т. 1. № 453 (И. А. Голубцов отметил, что в дате цифра единиц практически не видна из-за сильного загрязнения).

[49] См.: *Кириченко Л. А.* Торговые экспедиции Троице-Сергиева монастыря конца XVI — начала XVII в. // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Мат-лы III междунар. конф. Сергиев Посад, 2004. С. 52—55.

[50] АСЭИ. Т. 2. № 256.

[51] Старая Вологда. XII — начало XX в. Сборник документов. Вологда, 2004. № 182.

[52] *Людин И. М.* Указ. статья. С. 293.

[53] Устюжский летописный свод. С. 81—82; АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 33.

Неожиданно всплывший и, казалось бы, побочный сюжет о новгородско-троицких контактах все же имеет некоторое отношение и к Вологде XV в. Парадоксально звучит, но одним из каналов проникновения в нее культа Сергия Радонежского мог быть именно Новгород. В этой связи обратим внимание на одно место из былины «Василий Буслаев и новгородцы», где послы отправляются в «тот монастырь Сергеев» к крестному отцу героя, Старчищу Пилигримищу. Облачившись в многопудовое снаряжение, старец идет в Новгород, где крестник обходится с ним весьма неблагодарно:

Щелкнул как крестного батюшку
Тою осью железною.
Железною осью сорокапудовою.
От единого удара Васильева
Крестовому батюшке *славу поют*[54].

Сюжет о причинении смерти новгородским героем монаху какого-то не своего монастыря отражает напряженное новгородско-московское противостояние в середине XV в., по-своему выраженное также и в приведенных выше грамотах: Василия II Кириллову монастырю, а Новгорода — Троицкому. Фразу «славу поют» можно понимать не только как деликатный намек на смерть пришлого монаха, но и как указание на почитание святости, привнесенной в Новгород извне, что во второй половине XV в. произойдет здесь с культом Сергия Радонежского. Знакомство образованных кругов Новгорода с его Житием могло произойти в связи с пребыванием здесь Пахомия Логофета, автора житий многих русских святых, в том числе и новгородского Варлама Хутынского[55]. Распространению почитания Сергия в разных землях Руси способствовало и расширение внутренних экономических связей[56]. Известна одна грамота Ивана III 1462—1466 гг. на Шексну и Белоозеро о беспошлинном провозе товаров и запасов в знаменитый монастырь на Троицын день и к «Сергиеве године»[57]. Через крупные троицкие села Медну и Кунганово-Хотунецкое, стоявшие «в Торжку на Тферском рубеже», проходили ратные люди и воеводы из Москвы в Новгород и Псков. Еще одна дорога вела из центра до с. Прилуки и Углича на Волге, а далее — в Тверь и Новгород[58].

Напомним, что уже в конце XV в. храм Успения Богородицы в Вологде имел придел в честь Сергия Радонежского. В этой же части старого города отмечена церковь пророка Ильи, упомянутая впервые еще в 1486 г.[59], вокруг которой в XVI в. известен Ильинский монастырь с храмом Варлама Хутынского. Его почитание во

---

[54] Былины. Большая серия «Библиотеки поэта». Л., 1986. С. 288—289.

[55] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI вв. Ч. 2. Л—Я. Л., 1989. С. 167—168 (автор статьи — Г. М. Прохоров).

[56] *Каштанов С. М.* Указ. статья. С. 147; АСЭИ. Т. 1. № 292, 297.

[57] АСЭИ. Т. 1. № 318.

[58] АСЭИ. Т. 1. № 405, 418, 433.

[59] *Клосс Б. М.* Указ. статья. С. 269.

второй половине XV в., в свою очередь, начало распространяться из Новгорода за его пределами.

В сближении образов двух этих святых можно усмотреть и чисто новгородскую черту, и проявление явного идеологического компромисса Новгорода с Москвой. В Новгородском кремле, в ансамбле архиерейского двора, была построена церковь в честь С. Радонежского, упомянутая в «Семисоборной росписи». Как дата постройки в Летописи Авраамки указан в 1459 г., а во второй Новгородской летописи — 1463 г. В.Л. Янин отмечает принципиальное значение этой даты для самой росписи, указывающей на время, ранее которого она не могла быть составлена[60]. Вскоре после завершения строительства церковь С. Радонежского была расписана. На ее северо-восточном пилоне было помещено изображение небесного патрона заказчика (новгородского владыки Ионы) — пророка Ионы — вместе с Сергием Радонежским и новгородским святым Варламом Хутынским[61]. Изображение Варлама и Сергия во второй половине XV в. было помещено и в церкви Симеона Богоприимца Новгородского Зверина монастыря, построенной в 1468 г. во избавление «от мора железою» (Сергий в паре со Св. Христофором, а Варлам — с новгородским архиеп. Ионой)[62]. В работах искусствоведов отмечается, что в новгородском искусстве вообще были распространены парные изображения В. Хутынского и С. Радонежского (например, на так называемых софийских святцах-таблетках)[63]. В альбоме В.Н. Лазарева приводится таблетка с изображением с одной стороны Воздвижения, а с другой — Харитона Исповедника, Варлама и Сергия. При новгородском архиепископе Ионе мог быть основан Сплавский монастырь (в промежутке между 1466—1470 гг.) с церквями Симеона Богоприимца, Сергия Радонежского и Евстратия Великого[64].

Любопытно, что в той же самой части Вологды, помимо Успенского монастыря с ц. Сергия Радонежского и Ильинского монастыря с ц. Варлама Хутынского, имелся также и Воздвиженский монастырь с ц. Онуфрия Великого и приделом Ионы митрополита московского (примерное расположение ц. Воздвижения, впер-

---

[60] *Янин В.Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108, 111.

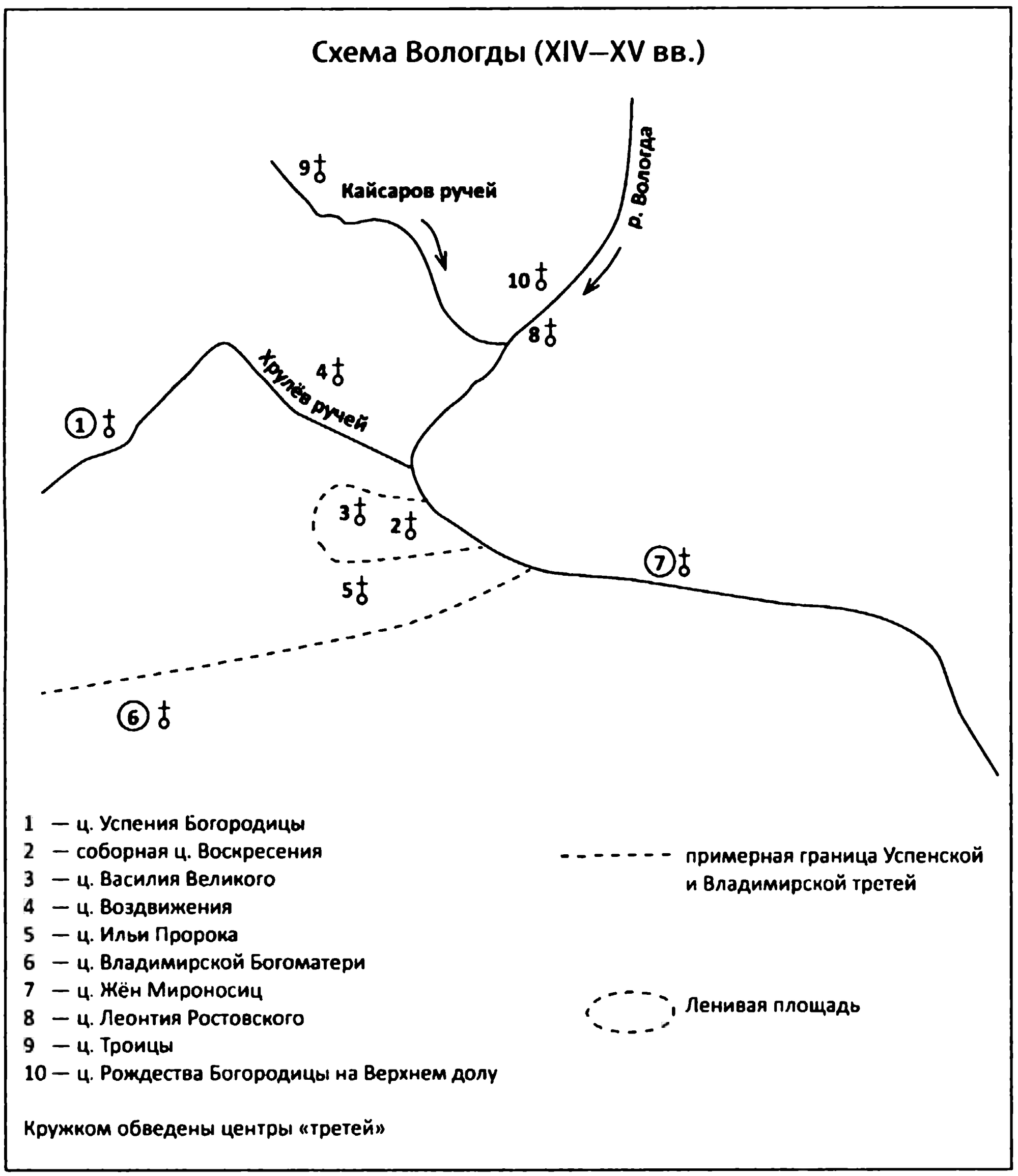
[61] *Ромашкевич Т.А.* Роспись церкви Сергия Радонежского в Новгородском детинце // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 225—236; *Лившиц Л.И.* Монументальная живопись Новгорода XIV—XV вв. М., 1987. С. 39—40.

[62] *Герасимов Н.Н.* Фрески церкви Симеона Богоприимца в Новгородском Зверине монастыре // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. М., 1979. С. 248; *Колпакова Г.С.* О росписи церкви Симеона Богоприимца в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980. С. 300, 303. Выражаю признательность И.Ю. Анкудинову за сведения о фресках Зверина монастыря. — *М. Ч.*

[63] *Ромашкевич Т.А.* Указ. статья. С. 227; *Лазарев В.Н.* Страницы истории Новгородской живописи (Двусторонние таблетки из собора Св. Софии в Новгороде) — альбом № 3. М., 1977.

[64] *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. 800-летию Нередицы посвящается. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 126. № 15.

вые упомянутой в 1486 г., см. на схеме в конце статьи). Изображение св. Онуфрия также отмечено на софийских таблетках. Приведенное же храмоименование в Воздвиженском монастыре Вологды (как и сочетание образов Варлама и Сергия) можно считать своеобразным идеологическим компромиссом, примирением Новгорода с Москвой в конце XV—XVI в. Бесспорное свидетельство существования монастыря имеется только для церкви Богородицы по концу XV в., в отношении двух других церквей — Ильи Пророка и Воздвижения — данные о монастырях относятся к XVI—XVII вв., но не исключено, что обители здесь существовали и ранее, обозначая таким образом крайние точки новгородского пространства в Вологде XIV—XV вв. — северную, западную и южную.



С. З. Чернов (Москва)

Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336—1456 гг.). Княжеские земли в центре удела

Предлагаемое вниманию читателей исследование продолжает изучение Радонежского удела, располагавшегося на северо-востоке Московского княжества. Общие задачи этой работы были сформулированы мной в статье, в которой Радонеж был рассмотрен в контексте других уделов Московского княжества (1370—1390-е гг.), возникших в эпоху активного развития вотчинного землевладения[1]. Здесь же мне хотелось сконцентрировать внимание на анатомии княжеского хозяйства, благо, документы, археологические данные и микрорегиональный метод изучения исторических территорий[2] дают нам в руки много новых фактов и наблюдений на этот счет.

Как свидетельствуют имеющиеся материалы, в первой четверти XV в. большая часть земель Радонежской волости (наряду с нею в удел входили волости Бели и Тешилов, села в Московских городских станах и половина Угличского княжества) принадлежала непосредственно князьям. Об их землевладении мы можем судить на основе различных источников. К периоду существования удела (ок. 1372—1373—1456 г.) относятся данные духовных грамот кн. Владимира Андреевича (начало 1404 — май 1406 гг.)[3], который передал удел своему сыну Андрею (11.05.1410 — осень 1425 г.), и кнг. Елены Ольгердовны (08.02.1433 — сентябрь 1437 гг.)[4], жалованные грамоты, выданные кн. Василием Ярославичем Боровским[5], а также упоминания «*княжей земли*» в актах, связанных с вотчинным землевладением[6]. Ко второй половине XV в. — первой половине XVI в. относятся акты, отражающие великокняжеское дворцовое хозяйство, сформировавшееся на основе княжеских владений[7]. «*Выпись межевая*» 1542/1543 г. описывает границы «*земель великого князя*», незадолго до того поступивших в поместную раздачу[8]. Причем, в отличие

---

[1] *Чернов С. З.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1332—1456). Постановка задач комплексного исследования // Древняя Русь. 2007. № 4. С. 44—49.

[2] *Чернов С. З.* Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: новые возможности, проблемы, перспективы // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 237—274.

[3] ДДГ. № 17. Датировка по: *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV начала XV в. // ВИД. XXV. СПб., 1994. С. 69.

[4] ДДГ. № 28.

[5] АСЭИ. Т. 1. № 52, 99, 175, 255, 256.

[6] Там же. № 6, 17.

[7] Там же. № 277, 424.

[8] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 624. Л. 1—43.

от перечисленных выше источников, содержащих данные об отдельных владениях, «Выпись» позволяет очертить земельные владения на широкой площади (рис. 2, 3).

В актах первой половины XV в. земли радонежского князя (в отличие от вотчин и монастырских владений) именуются «*княжей землей*». Так, в «данной» грамоте Афонасея Елизаровича на Гбаловское селище говорится: «*А отвод земли от княжие: от реки Консеры в Торгошу...*»[9]. В другой грамоте, которая, так же как и предыдущая, относится ко времени игумена Никона († 17.11.1427 г.), читаем: «*От княжие земли по Дмитроково болото... по княжь лес...*»[10].

Наиболее ранний документ, проливающий свет на внутреннее устройство княжеского хозяйства в Радонеже, содержится в жалованной грамоте князя Василия Ярославича Боровского 6953 (01.09.1444—31.8.1445 г.[11]), которая была дана незадолго до вспышки феодальной войны, последовавшей после поражения русских войск от татар под Суздалем. Князь Василий Ярославич передал Троицкому монастырю «*свое село Киясовское, и с хлебом и с серебром и со всем с тем, что к тому селу потягло из старины, а как было за моим дедом за князем Володимером Андреевичем*»[12].

Таким образом, из грамоты прямо следует, что княжеское село существовало в Радонежской волости уже при кн. Владимире Андреевиче (1372/1373—1410 гг.). Приведенный в ней перечень иммунитетных прав монастыря позволяет судить о наборе повинностей этого села в период, когда оно входило в княжеский домен. Помимо дани, мыта[13] и тамги, о существовании которых нам уже известно из духовной кн. Владимира Андреевича, в грамоте упоминаются следующие повинности: «*ям*», «*подвода*», «*писчая белка*», «*коня моего кормити*», «*лугов моих косити*», «*седелное дело*» и иные «*пошлины*»[14]. Таким образом, принадлежавшее князю село несло повинности, связанные с перепиcью земель и ямской гоньбой, причем последнее было естественно для поселения, которое, как мы увидим, лежало между двумя Переяславскими дорогами. «*Седелное дело*», отмеченное в грамоте, заставляет вспомнить то место в духовной кн. Владимира Андреевича, где говорится: «*А что мое стадо седелное, кони, и лошаки, и жеребци, и кобыльѣ стадо, а то дал есмь кн(я)г(и)нѣ своеи... А что есмь стада подавал дѣтем своим, и тѣ стада дѣтем моимъ*»[15]. Судя по всему, вблизи с. Киясовского выпасалось одно из таких княжеских стад, включавшее ездовых лошадей.

---

[9] АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 6.

[10] Там же. № 17.

[11] Дата по: *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение: Сб. статей. М., 1979. С. 196. Если подписавший грамоту «Ондрей Федорович» Голтяев, то она могла быть подписана до его гибели в Суздальском бою 7.07.1445 г.

[12] АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 175.

[13] В 1540 г. упоминаются «Радонежские мытчики» (*Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. М., 1996. С. 170).

[14] АСЭИ. Т. 1. № 175.

[15] ДДГ. № 17. С. 50.

Из этого документа можно извлечь также данные о характере княжеской юрисдикции в волости в целом. «*А наместници мои радонежские*, — говорится в грамоте, — *х тем людем* (т. е. населению переданного монастырю села) *не всылают ни по что, ни судят их, ни тивуни их, ни праведчики, ни доводчики к ним не въежщают* (так. — *С. Ч.*) *ни по что, ни кормов у них не емлют*»[16]. Указание на наместника, сидящего в Радонеже, говорит о том, что и в составе Боровско-Серпуховского княжества (кон. 1432—25.—4.1433 — 1456 гг.) городок Радонеж оставался административным центром примыкавших к нему волостей. По существу, это был тот же удел, что и в период княжения Андрея Владимировича, но не имеющий своего особого суверена.

Весьма информативно упоминание в грамоте на с. Киясовское «*волостных людей*», споры которых с монастырем должен был разбирать наместник. Это не единственное указание на наличие в Радонеже в первой половине XV в. волостной организации, подчиненной княжеской администрации. В жалованной грамоте князя Василия Ярославича на д. Голковъскую читаем: «*А смешается суд Воронцовым людем* (речь идет о вотчиннике Воронце Степанове. — *С. Ч.*) *с волостными людми, и волостели мои судят, а Воронец с ними судит, или кому прикажет а прибытком ся делят*»[17]. В права волостеля входило наделение «*волостных*» людей освободившимися участками волостных земель, а также осуществление других земельных операций.

Свидетельством одной из таких операций является меновная «*радонежского волостеля*» Ивана Прокофьевича, которая была им дана «*по государя своего слову князь Василья Ярославича и по его грамоте*». По этой грамоте монастырская пустошь обменивалась на княжескую «*пустошь Белухинскую с селицком Хриповским*», которая располагалась вблизи городка Радонежа. В качестве послухов со стороны волости грамоту подписали «*Логинко сотник*», «*Малашко радонежец городчянин*» и «*Олфер доводчик*»[18].

Волостная организация упоминается и после ликвидации Радонежского удела и перехода земель радонежских князей московским государям. Так, по жалованной грамоте 1462—1466 гг. Иван III «*дал... в дом к святей живоначалной Троице... деревню свою Кондратовскую волостную радонежскую, что была за Геннадием Бутурлиным*»[19].

Таковы данные источников, которые позволяют заглянуть несколько глубже обобщающего указания грамот первой половины XV в. на «*княжую землю*». Под

---

[16] АСЭИ. Т. 1. № 175.

[17] Там же. № 52.

[18] АСЭИ. Т. 1. № 256 и противень № 255. Локализацию Белухинской пустоши см.: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 424. Рис. 7, № 60.

[19] АСЭИ. Т. 1. № 309. См.: *Назаров В. Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 180—189.

покровом этой общей характеристики удается различить несколько типов княжеских земель (быть может, и не исчерпывающих всего их разнообразия), для каждого из которых свойственны определенная направленность хозяйства, особенности управления, характер землепользования и набор повинностей основной части проживающего на ней населения. Среди таких типов укажу на села, в которых имелась княжеская запашка («*с хлебом и с серебром*») и коневодческое хозяйство, промысловые бортные деревни, основной повинностью которых являлся оброк медом и воском[20], и, наконец, «*волостные земли*», вносившие в княжескую казну оброк и управлявшиеся посредством волостной организации. Таким образом, в Радонеже фиксируется ряд черт «служебной организации», предполагающей несение лично свободным и похолопленным населением тягла в форме специализированных служб по обеспечению княжеского хозяйства (бортники, бобровники, сокольники, рыболовы, огородники, садовники, мастера ремесленных специальностей и т. д.), наследственная прикрепленность к земле с правом ухода без земли, обеспечение служебниками как собственно княжеского хозяйства, так и ряда «государственных» функций[21].

После «поимания» в 1456 г. князя Василия Ярославича и его заточения в Угличе княжеские владения в Радонеже перешли к великому князю Василию Васильевичу. В его жалованной грамоте игумену Вассиану на села Троицкого монастыря, датирующейся 1456—1462 гг., упоминается «*волостель радонежский*», а также «*праветщики*» и «*волостелины доводщики*», из чего можно заключить, что городок Радонеж оставался центром судопроизводства и управления на территории бывшего удела, в том числе на «*волостных землях*»[22].

Последовавшая зимой 1461/1462 г. расправа над детьми боярскими Василия Ярославича, пытавшимися вызволить своего князя из заточения, подвела черту под историей удела. Это событие не могло не отразиться на внутреннем устройстве Радонежа, которое в период правления Ивана III подверглось определенным изменениям. Возможно, эти изменения маркируются известиями источников о «*Радонежском уезде*» (впервые в грамоте 1473 г.)[23] и великокняжеском селе Воздвиженском — центре будущей дворцовой волостки (впервые — в грамоте 1474 г.)[24].

Следует, однако, учесть, что документ, рисующий наиболее полно картину управления Радонежем при Иване III, был составлен в первые годы правления этого государя (1462—1466 гг.). К этому моменту не прошло и десяти лет со времени ликвидации удела, социальная структура податного населения вряд ли успела измениться существенно, а характер управления и внутреннего устройства недалеко ушел от удельного времени. В грамоте податное население Радонежа делится на «*городцких*», «*волостных*», «*боярских*» и «*монастырских*» людей. Так же, как

---

[20] «Радунежские бортники з д(е)р(е)вн(я)ми и з бортью» (ДДГ. № 17. С. 48).

[21] *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

[22] АСЭИ. Т. 1. № 260.

[23] Там же. № 417.

[24] Там же. № 424.

и князь Василий Ярославич, Иван III освобождает «*монастырских людей*» от уплаты «*яма*», «*подвода*», а также торговых пошлин — «*тамги*» и «*мыта*», к которым, в дополнении к списку 1444—1445 гг., добавлены «*костки*» и «*восмичное*», пошлины весьма древнего происхождения, вряд ли являвшиеся нововведением. Освобождение от «*дани*» не оговорено. Зато в грамоте дается подробный перечень феодальных повинностей «*городских*» и «*волостных*» людей, от которых освобождались «*монастырские*» люди. Если первые из них, связанные с обслуживанием княжеского стада, были известны нам по грамоте 1444—1445 гг., то остальные (которые, скорее всего, не были введены великими князьями, а существовали ранее) нам известны лишь из цитируемого документа: «*ни коня моего не ставят, ни портного не делают* (в списке 1641 г. — "*не дают*"), *ни к сотцкому, ни к дворетцкому* (правильное чтение, сохранившееся в списке 1641 г. — "*дворскому*") *не тянут, и ни в которые протори, ни в ям, ни в пятенное тем людем монастырским не надобе*». Далее в грамоте разъясняется порядок клеймения коней: «*пятно держит игумен тем людем у своего приказника*», «*радонежьской пятенник к тем людем не въезжает, ни пошлин своих не берет, ни коней не пятнит*». Во второй части документа содержатся позиции о судебном иммунитете монастырских владений и порядке «*сместного*» суда «*городским людем или волостным с монастырским человеком*»[25].

Для понимания структуры землевладения удела первостепенное значение имеет реконструкция географии княжеского землевладения. К сожалению, в нашем распоряжении мало прямых известий первой половины XV в., поэтому приходится обращаться к ретроспективному методу. Это относится, в частности, к ближайшим **окрестностям городка Радонежа**, подробное описание которых имеется лишь в Выписи межевой 1542/1543 г. Выпись, составленная через 90 лет после ликвидации удела, фиксирует в окрестностях городка Радонежа и с. Здвиженского (ныне село Воздвиженское) обширный массив «*земель великого князя*» (рис. 1, 2)[26], который, как можно предполагать, восходит к владениям князя Василия Ярославича.

Как уже говорилось, имеется лишь одно прямое свидетельство о владениях радонежского князя в пределах этого массива — меновная грамота на волостную Белухинскую пустошь, локализуемую в его восточной части (рис. 7, № 143)[27]. Однако приведенные выше данные о характере внутреннего устройства Радонежа при Иване III, а также известия о селе Здвиженском как центре владений великого князя[28] свидетельствующие о неизменности типа землевладения на его землях, заставляет утвердиться в высказанном предположении.

---

[25] АСЭИ. Т. 1. № 309.

[26] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 624. Л. 4—7, 17—23.

[27] АСЭИ. Т. 1. № 255, 256.

[28] Так 27 августа 1474 г. в ходе мены земель между великим князем и Троицким монастырем Иван III «*взял их земли на Воре к своему селу къ Здвиженскому*». Несколько ранее великий князь «*взял два лужка монастырьских на Воре на Вздвиженской сторонѣ*» (АСЭИ. Т. 1. № 424, 355).

Северная граница «*земель великого князя*», описанная в 1542/1543 г., локализуется на основе повторных межеваний Л. А. Кологривова и Д. Скирина 1624 г.[29], А. Ю. Бестужева и В. Домашнева 1680 г.[30], И. И. Вердеревского и А. Юрьева 1684 г.[31] Как показало нанесение на современную карту указанных описаний[32], межа 1542/1543 г. начиналась от р. Пажи к северу от городка Радонежа и, обогнув владения Троицкого монастыря (деревни Лисицино и Дуденево), вела вверх по ручью Подмаш до «*Большой дороги до Переславки*». Земли к югу от этой межи описаны так: «*направе земля великого князя деревни Максимовской, да Тереховской, да городка Радонежа, да деревни Рогачевой да Офонасевы, да деревни Пустые*» (рис. 2)[33].

Что же собой представляли эти земли? Об этом можно судить по описанию 1617 г., составленному в связи с их передачей Троице-Сергиеву монастырю[34]. Локализация данных 1617 г. с учетом межеваний 1623[35] и 1624 гг.[36] показывает (табл. 1), что к городку Радонежу относилась как территория к северу от него (вплоть до описанной межи), так и междуречье рек Пажи и Вори, служившей в XV—XVI вв. границей волости Бели. На северо-западе земли городка граничили с вотчинным слц. Коростьковым (рис. 2).

Наряду с землями собственно городка Радонежа в описании 1617 года фигурирует 12 пустошей, которые были отданы «*городецким охотником* (ямщиками. — *С. Ч.*) *на выгон*»[37]. До мора и разорения, постигших Радонежский край в 1570-е гг., это были малодворные деревни. В частности, к северу от земель городка Радонежа располагались деревни Сартаково Гусеникова тож и Терехово Ханская Демишкино тож (деревня Тереховская, упомянутая в 1542/1543 г.), к северо-востоку — известные по выписи 1542/1543 г. деревни Пустое Фомино, Рогачево, а также Окуловская Бутырино, к востоку — д. Могильцы. На некотором удалении от основного массива государевых земель, между слц. Коростьковым и Хотьковским монастырем, лежали Головково и Путятино (рис. 6, № 95).

К югу и юго-востоку от земель городка Радонежа в XVI—XVII вв. располагалась **Воздвиженская дворцовая волостка**, которая сформировалась на основе «*земель великого князя*», тянувших к с. Здвиженскому в 1542/1543 г. (рис. 3, № 1, 6, 17, 24—26) Для определения территории этой волостки в нашем распоряжении имеется ее полное описание, содержащееся в перечневой книге 1646 г., а также разделы межевых книг 1680 и 1684 гг., очерчивающие ее границы[38]. Идентифи-

---

[29] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 260. Л. 156—169 об.

[30] Там же. Кн. 273. Л. 94—121 об.

[31] Там же. Кн. 275. Л. 146—165.

[32] *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... С. 413—438; Карта-вкладыш. Рис. 5, № 47, 54, 55; Рис. 6.

[33] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 624. Л. 22 об.

[34] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 258. № 55. Л. 227—239.

[35] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 530. Л. 260—262.

[36] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 685. Л. 924—988.

[37] Там же. Кн. 258. № 55. Л. 234—238 об.

[38] *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 6.

кация упоминаемых в переписной книге селений с современными ориентирами показала (табл. 2), что дворцовые земли распространялись от с. Воздвиженского вниз по р. Паже (деревни Голнево, Дятлово, Панино и др.), а также вдоль левого берега р. Вори, по которой в XV в. проходил рубеж княжества (деревни Яковлевская, Трескова, Гарасимово). От места слияния рек Вори и Торгоши «*государевы*» (дворцовые) земли в XVII в. тянулись вверх по р. Торгоше на протяжении 10 км (деревни Серкова, Шолкова, Киримова, Ратова с мельницей, Еремино, Охотино, Байкова, Дедушково, Костькова).

Как свидетельствует межевая книга 1680 г., Торгоша служила границей воздвиженских земель. В первой половине XV в. по ней же пролегала граница Радонежского княжества с землями волости Корзенев и переяславскими землями. На севере, близ д. Костьковой, волостка примыкала к землям с. Подсосенья, принадлежавшего Троицкому монастырю. В глубине от реки Торгоши располагались дворцовые селения Волково, Степурино, Куроедово, Вихрево. 20 из 37 селений городка Радонежа и Воздвиженской волостки были выявлены археологически. На всех селищах зафиксирован культурный слой XV—XVI вв., а на 8, помимо этого, и слой XIV в. Судя по результатам археологических обследований, в XV в. поселений было больше, чем в середине XVII в., т. к. ряд селений запустели ко времени составления описаний 1617 и 1646 гг. (см. табл. 2).

Для того чтобы установить, в какой части границы Воздвиженской волостки отражают пределы, в которых располагались «*земли великого князя*» в 1542/1543 г., обратимся к Выписи (рис. 2, 3). Северная граница интересующего нас массива земель пролегала в 1542/1543 г. от Большой Переславской дороги, уже фигурировавшей в нашем изложении, до р. Торгоши. Выпись перечисляет вдоль этой границы следующие владения: «*великого князя земля Онтипинские деревни*» (рис. 2, № 28 — дворцовая д. Алешкова в 1646 г.), «*Иванова земля Тененева*», «*Костина земля Шеина*» (рис. 3, № 26 — слц. Кудрявцево государево, фиксируемая на чертежах 1660—1676 гг.)[39], «*Григорьева земля Тененева*» (д. Степанково стольника Михаила Кутузова в 1680 г.)[40], «*подключникова земля Ортемова д. Столыпина*» (рис. 3, № 24 — пуст. Столыпина «*государева*» 1680 г.), «*княж Володимерова земля Воротынского*», «*великого князя земля Здвиженского села Роговские деревни*» (рис. 3, № 9, 11, 17 — пуст. Рогова 1680 г.), «*земля великого князя княж Володимерова поместья Ивановича Воротынского д. Костьковы*»[41] (рис. 3, № 11 — дворцовая д. Костькова в 1646 г.). Из этого перечня можно сделать вывод, что территории, которые в XVII в. составляли северную окраину Воздвиженской волостки, в 1542/43 г. либо имели статус «*земель великого князя*» (д. Роговская, д. Онтипинская), либо утратили его относительно недавно (поместье князя В. И. Воротын-

---

[39] РГАДА. Ф. 27. Ч. III. Д. 484. № 11, 17, 18.

[40] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 273. Л. 102 об.

[41] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 624. Л. 4—7. Локализовано: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 5, № 1—21.

ского, отец которого князь И. М. Воротынский отъехал к Москве в 1487 г.)[42], либо находились во владении слуг «*под дворским*» (д. Столыпина). Таким образом, северная граница земель «*великого князя*», тянувших в конце XV — первой половине XVI вв. к с. Здвиженскому, очерчивается достаточно уверенно (табл. 2).

Южную границу земель этого великокняжеского села удается определить не только на 1542/1543 г., но и на 1524/1525 г. и даже более ранний период. Перед тем, как обратиться к анализу этих ранних текстов, необходимо отметить, что южная граница Воздвиженских земель была весьма точно (с измерение расстояний в саженях) описана в 1680 г.[43] От устья р. Торгоши межа вела вверх по р. Воре, а затем, у пустоши Яковлевской, поворачивала на юг по Анцифоровскому и Ивановскому оврагам. Обогнув земли государевых пустошей Обротовой, Ивановской, Кроткой и д. Голыгиной, межа выводила к «*Переславской старой дороге*» (в 3,5 км от Радонежа)[44].

Приведем теперь описание этой границы (оно велось в обратном порядке) по Выписи 1542/1543 г.: «*Да с дороги* ("*Старые дороги Переславки*", как о ней сказано в тексте Выписи выше. — *С. Ч.*) *направо валовою межою по ямам к болоту да возле болота к дороге ж к Новой к Переславской* (трассе Ярославского шоссе. — *С. Ч.*). *Да через дорогу возле другое болото валовою межою до Остриловского врага. Да изо врага направо дорогою до Онцыѣарова селица до монастырского*»[45]. В приведенном тексте имеется ценное указание на Остриловский враг, который в 1680 г. носил уже иное название — Ивановский. В 1524/1525 г. по этой же меже «*мужи*» вел. кн. Василия III «*роз(ъ)ехали есмя землю великого кн(я)зя Здвиженского села д(е)р(е)вни Голыгина*» с землей Троицкого монастыря села Боркова, относившегося к волости Воря. Разъезд вел также как и в 1542/1543 г. «*Остриловским врагом*»[46].

Локализовав южную границу Воздвиженских земель на 1524—1543 гг., можно обратиться к жалованной меновой грамоте Ивана III от 27.08.1474 г. Из нее следует, что великий князь произвел обмен с монастырем и взял троицкие «*земли на Воре к своему селу къ Здвиженскому Остриловское селище с лугом Потапиевским, да селище Бритое, да Кроткое, да Токмаково, да Щитниково, с лесы и с луги, и с пожнями, со всем тем, что к ним изстарины потягло...*»[47]. Все названные в грамоте селища локализуются в пределах Воздвиженской волостки первой половины XVI в. (табл. 2): Остриловское селище — к северу от одноименного оврага,

---

[42] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988. С. 133, 146.

[43] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 273. Л. 112—121 об. Локализована: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 6, № 61—86.

[44] Локализовано: *Чернов С. З.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. М., 1987. С. 81.

[45] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 624. Л. 10 об.

[46] АРГ. № 247. Локализовано: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 5, № 74—76.

[47] АСЭИ. Т. 1. № 424.

Потапиевский луг (он сохранился в памяти местного населения) — между Остриловским селищем и р. Ворей[48]. Селище Бритое — это пуст. Обротова (1680 г.), обратившаяся в XIX в. в лесное урочище «Бритва»[49], на котором выявлено поселение XV—XVI вв. И, наконец, селище Кроткое соответствует одноименной пустоши, отмежеванной в 1680[50].

Итак, до 1474 г. великокняжеские земли, относившиеся к с. Здвиженскому, включали за р. Ворей лишь д. Голыгино (рис. 7, № 168). Можно полагать, что также обстояло дело и в период существования Радонежского удела. На это указывает то обстоятельство, что вотчина Троицкого монастыря, отошедшая к с. Здвиженскому в 1474 г., возникла в первой половине XV в. Входившая в нее «*земля Потаповская*» была выменена Троицей у Стромынского монастыря около 1432/1433 г.[51], «*Токмаково*» и «*Щитниковской враг*» упоминаются в отводной на село Нефедьевское (Рахманово) (1392—1427 гг.), которое относилось к волости Воря[52].

Проделанный разбор показывает, что к селу Воздвиженскому во второй половине XV в. тянули обширные владения по берегам рек Воря и Торгоша, общая площадь которых составляла 3780 га или 3460 дес. (рис. 7, 8).

Обратимся к владениям князей в центральной части Радонежской волости — землям села Киясовского (рис. 5), которое было дано в Троице-Сергиев монастырь кн. Василием Ярославичем в 1444/1445 г.[53] В жалованной грамоте Ивана III 1462—1466 г. и описании вотчин монастыря 1504/1505 г. село Киясовское фигурирует под именем «*Киясово*»[54]. В 1504/1505 г. в селе было 11 крестьянских дворов[55], В грамоте 1526 г., наряду с прежним названием села, появляется его модификация («*Кѣясовское*»)[56], а начиная с 1542/1543 г. село фигурирует в источниках, как «*Кесово*»[57]. Под 1557 г. монастырский летописец сообщает: «*постави церковь древяную на Кѣсове чюдотворца Алексѣя митрополита*»[58]. В 1584—1586 гг. о ней говорится: «*церковь Алексея человека Божия древяна вверх да предел преподоб-*

---

[48] «*Потапов луг*» (*Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 7, № 184). Луг «Потапиевский» в 1574 г. Иван IV вновь выменял у Троицкого монастыря к с. Воздвиженскому (АСЭИ. Т. 1. С. 597).

[49] *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 7, № 153.

[50] В XIX в. лес «Кротков» (Там же. Рис. 7, № 187).

[51] АСЭИ. Т. 1. № 75.

[52] Там же. № 9.

[53] Там же. № 175.

[54] Там же. № 309, 649.

[55] К нему тянуло 8 деревень — монастырские приобретений разных лет, которые лежали за пределами земель с. Киясовского: Большое и Малое Коростьково — близ Радонежа, Подушкино — к северо-востоку от Хотькова монастыря, Макарова — близ с. Благовещенья (АСЭИ. Т. 1. № 646).

[56] АРГ. № 274.

[57] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 624. Л. 6.

[58] *Бычков А. Ф.* Краткий летописец Свято-Троицкие Сергиевы лавры // Летопись занятий Археографической комиссии за 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. Приложение. С. 21.

ного Сергия Радонежского чудотворца»[59]. В 1593—1594 гг. в селе имелся «*двор монастырский*» и 4 двора крестьян[60].

После смутного времени село несколько изменило свое местоположение. Об этом можно заключить из сообщения писцовой книги 1623/1624 г.: «*с. Кесово а в нем двор монастырский. Да на том же поле д. Кесово стала внове после писцов. Да крестьян 7 дворов, 60 десятин пашни, лесом поросло 435 десятин, сена 100 копен*»[61]. Дополнительные подробности мы находим в писцовой книге 1684 г., которая описывает село в период хозяйственного подъема: «*селцо Кесово на прудах: двор монастырской, да двор скотцкой, крестьян 7 дворов, пашни монастырские 628 четвертей в поле, а в дву потомуж*, (сена. — *С. Ч.*) *3410 копен*»[62]. Около трети этих обширных покосов (341 десятина), которые были редкостью на моренной гряде, располагались в долине р. Сизинихи (правый приток р. Кончуры), протекавшей по широкой котловине доледникового происхождения (106 га или 97 десятин — расчитано по современной карте)[63]. Интересно отметить, что мимо этой котловины пролегала Переяславская дорога, проложенная в конце XIV в. из Радонежа на Троицкий монастырь. Даже если размеры покосов в XV в. были не столь велики, эти данные хорошо согласуются с приводившимся выше свидетельством о княжеском стаде в Киясовском.

Место запустевшего к XIX в. села иеромонах Арсений определял «в 4 верстах от Лавры по Старой Московской дороге»[64]. Е. Е. Голубинский, отметив, что по грамоте имп. Елизаветы Петровны к селу относилось 6 деревень, добавляет: «Когда после 1752 г. запустело, не имеем сведений»[65]. Обращение к источникам позволяет уточнить время запустения села и его местоположение. По 1-й ревизии (1725—1728 гг.) в «*селе Кесове*» числилось 386 душ. Ко времени 2-й (1748 г.) ревизии население села резко сократилось и насчитывало 17 душ, а по 3-ей (1774—1776 гг.) — составляло 27 душ[66]. «*Д. Кесова*» показана на плане 1784 г. на правом берегу ручья Сизинихи, выше по течению от места перехода через него Московской дороги, вблизи устроенного на ручье пруда[67]. К 1812 г. д. Кесово прекратило существование[68], а к середине XIX в. поля ее заросли лесом[69].

---

[59] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 244, 245. См. также: С. 79.

[60] Там же. С. 285.

[61] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 260. Л. 173.

[62] Там же. Кн. 275. Л. 115 об. Судя по рисунку на чертеже 1660—1676 гг. в этот период в сельце уже не было церкви (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. IV. № 33, 37).

[63] Хохлов луг сохранился (*Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 7, № 106).

[64] *Арсений.* Казанская и Ильинская церкви Ильинского прихода // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. Ч. 5. Смесь, № 11. С. 30; *Он же*. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя преподобного Сергия // ЛЗАК. Вып. VII. СПб., 1877. С. 10.

[65] *Голубинский Е. Е.* Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С. 346, 347. Грамот имп. Елизаветы Петровны // ЧОИДР. 1865. IV. Смесь. С. 125.

[66] РГАДА. Ф. 248. Д. 1161. Л. 234; Ф. 350. Оп. 2. Кн. 1846. Л. 37 об.; Ф. 16. Д. 570. Л. 6 об.

[67] РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189, близ земельной дачи № 516.

[68] Маршрутная карта Ярославского тракта (ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21373).

[69] Топографич. карта Московской губ. 1860 г. (ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387. Ряд II. Л. 6, 7).

В настоящее время возвышенность, на которой располагалось это древнее радонежское село, занята предприятием «67-й километр» и недоступно для исследования. Лишь на небольшом пространстве вдоль ручья, в 250 м севернее дамбы пруда и места деревни XVIII в., удалось выявить культурный слой XIV—XVI вв.[70] Таким образом, местоположение с. Киясовского-Кесова до его передвижки в начале XVII в. установлено (рис. 5, № 75).

Судя по Выписи 1542/1543 г., владения с. Кесова граничили на западе с великокняжескими землями и монастырским с. Морозовым, а на юге — с землями городка Радонежа и монастырским с. Рязанцами, на востоке — с Воздвиженской волосткой (рис. 5)[71]. О северной границе — с с. Клементьевским — есть данные лишь за 1684 г.[72] Есть основания полагать, что она восходит к XV в. — в 1478—1485 гг. в северной части Кесовских земель размещались монастырские «селища» «*Настасьинское*» и «*Филимоновское*»[73]. Итак владения с. Киясовского располагались в центре Радонежской волости по обе стороны Переяславской дороги и имело площадь 1450 га или 1327 десятин (рис. 5). Перед нами типичное для последней четверти XIV — первой четверти XV вв. крупное княжеское владение[74].

Запись об истории села сохранилась в Кормовой книге 1592 г.: «*село Кесово с деревнями 102 выти с четвертью, а дали то село с деревнями и с пустоши Корнилиевски князья Василий да Ярослав*»[75]. Начиная с иеромонаха Арсения, исследователи сопоставляли эту запись с сохранившемся в архиве Троицкого монастыря списком с жалованной грамоты кн. Василия Ярославича игумену Зиновию (1432—1445 гг.) на пуст. Корнилово. «*Что моя пустошь в Радонеже у их монастыря Корнилово* — говорится в этой грамоте — *и с тое деи пустоши давали оброка з году на год по полтине и яз их тою пустошью пожаловал и с оброком*»[76]. Если вслед за Кормовой книгой, помещать пустошь в пределах земель с. Кесова[77], исключив

---

[70] *Чернов С. З.* Отчет за 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 6694. С. 4.

[71] *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... Рис. 5, №№ 24—32, 53. В монастырском архиве не сохранилось акта на передачу Рязанцев, поэтому его принадлежность в первой половине XV в. неизвестна. С. Рязанцы отсутствует в перечне троицких вотчин в грамоте Ивана III 1462—1466 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 309) и появляется в грамоте 1481 г. (АСЭИ. Т. 1. № 494) (*Веселовский С. Б.* Черновики исследования о хозяйстве Троице-Сергиева монастыря // Архив РАН в г. Москве. Ф. 620. Оп. I. Д. 20. л. 44 об.). В 1503/1504 г. в селе было 23 двора (АСЭИ, Т. 1, № 649).

[72] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 275. Л. 98 об. — 100 об.

[73] АСЭИ. Т. 1, № 468.

[74] Для сравнения укажем площади княжеских сел в районе Волока Ламского: Рюховское Льняниковского стана (первое известие духовной Ивана Калиты) — 1864 дес., Покровское Сестринского стана — 2520 дес., с. Локныш Локнышского стана — 1820 дес.

[75] *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. Ч. 1—2. М., 1889. С. 40.

[76] АСЭИ. Т. 1, № 99.

[77] С локализациями (*Арсений.* Казанская ... с. 31. См. также: *Веселовский С. Б.* Черновики ... Л. 42) нельзя согласиться, так как данные участки лежат за пределами землепользования Кесова.

из последних Настасьинское и Филимоновское селища, то зона поиска сократится. Пустоше Корнилиевской скорее всего соответствует селище «67-й километр — 2» (рис. 5, № 77). В пользу такой идентификации говорит то, что расположенная поблизости земельная дача («Кесовские пруды») после секуляризации была сохранена за монастырем[78], а также то, что на селище найдена лишь серая (второй половины XIV в.) и красноглиняная грубая керамика (первой половины XV в.), а посуда, типичная для последней четверти XV — XVI вв., не зафиксирована[79].

Проведенное исследование позволяет составить представление о характере княжеского землевладения первой половины XV в. в южной части Радонежской волости. Закономерно теперь задаться вопросом о том, как складывались эти земельные владения. Для ответа на этот вопрос следует обратиться к археологическим данным, используя для датировок закрытые комплексы[80].

Древнейшие поселения в округе Радонежа возникли в последней четверти XIII в. — первой четверти XIV в. Материалы этого времени прослежены на селище Лешково-8, расположенном на ручье Оржавец к востоку от Радонежа, у подножья моренной возвышенности, известной позднее в летописи как «гора над Радонежем» (Рис. 7, западнее № 148). На протяжении первой половины XIV в. на этом ручье возникло еще два поселения — Лешково-2 на поле Могильцы (пустошь Могилки описания 1617 г. — см. табл. 1) и Лешково-9 на поле Ржавец (рис. 7, № 141, 148)[81]. Третье поселение располагалось в 2 км к юго-западу от ручья Ржавец, на междуречье Вори и Пажи (Голыгино-2 у завода пластмасс — рис. 7, № 169). В 2 км к северо-востоку от ручья Ржавец, на моренной возвышенности, на водоразделе притоков реки Пажи и Торгоши, располагалось поселение, следы которого фиксируются в виде селища Лешково-4 (рис. 7, № 143). В 1984 г. здесь была исследована наземная постройка (не менее 7 м в длину) с керамикой, близкой Лешкову-2[82], обнаружена заготовка свинцовой печати XIV в. — редкая находка, маркирующая присутствие лица княжеской администрации. Центральное поселение этой груп-

---

[78] РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189, № 545; Ф. 1354. Оп. 859. Д. К-56. См. также план 1911 г. (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 2. Ч. 15, 16, № 318).

[79] *Чернов С. З.* Отчет за 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6988. С. 11 - 13, 40—42.

[80] Выделяются следующие хронологические этапы бытования керамики: первая половина XIV в. (тип Лешково-2), третья четверть XIV в. (тип Дубинкин лес-1 и Семхоз-4), четвертая четверть XIV в. (тип Шавыкин монастырь), первая и вторая четверти XV в. (тип Михайловское-2), третья четверть XV в. (Воскресенский погост), последняя четверть XV в. (тип Коломенское) (Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991).

[81] Об этой древнейшей группе селения см.: *Чернов С. З.* Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в конце XIII — первой половине XIV в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 4. М., 2001.

[82] *Чернов С. З.* Отчет за 1984 г. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1, № 11172. С. 48—87. Опубликовано: *Чернов С. З.* К хронологии Московской керамики XIII — середины XV вв. // Московская керамика... С. 130. Табл. 167.

пы располагалось на месте современного села Радонеж. Материалы XIV в. (серая керамика) фиксируется на селище Радонеж-1 (рис. 13, № 115) от церкви Преображения на западе до дома 42 на востоке (рис. 7, № 115).

Селище Радонеж-1 идентифицируется с «*селом*» «*Радонежьское*», упоминаемым в духовных грамотах Ивана Даниловича Калиты[83], селище Лешково-4 — с волостной пустошью Белухинской (грамота 1454 — 10.07.1456 гг. на эту пустошь уже упоминалась)[84]. Со стороны Троицкого монастыря в обмене участвовал «*келарь старой*» Ларион, действовавший «*по благословению*» «*игумена Васьяна*», а со стороны Радонежской администрации «*радонежский волостель*» Иван Прокофьевич, действовавший «*по слову осударя своего князя Василья Ярославича*»[85]. Таким образом, в середине XV в. хозяйственные угодья на месте селения Белухинского находились в распоряжении радонежского волостеля. Весьма вероятно, что в XIV в. это селение входило в радонежскую волость. Селище Голыгино-2 идентифицируется с деревней Гольнево, входившей в 1646 г. в Воздвиженскую волостку[86].

Все эти ранние поселения концентрировались близ «*села Радонежьское*», тогда как остальная территория будущего удела оставалась практически незаселенной. В связи с этим их можно интерпретировать как селения великокняжеской волости «*Радонежьское*», которая упоминается в духовных грамотах Ивана Даниловича Калиты.

Материалы первой половины (скорее всего, второй четверти) XIV в. выявлены на поселении, примыкающем к Хотькову монастырю, селище на поле Борисски, расположенном на моренной возвышенности, господствующей над долиной р. Пажи в районе монастыря (рис. 6, № 90, 102), и на небольшом поселении на р. Торгоше (селище в быв. д. Костьково), близ того места, где эту реку пересекала древняя Переяславская дорога (рис. 8, № 176). Северная часть территории позднейшего Радонежского удела, расположенная в бассейне реки Кончуры, в первой половине XIV в. не была заселена[87].

Об освоении этих территорий в 1330-е годы, происходившей по воле великого московского князя, Епифаний Премудрый пишет: «*намѣстника постави въ ней* (в волости Радонеж. — *С. Ч.*) *Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обѣщася тако же велику дати. Ея же ради льготы собрашяся мнози*»[88].

---

[83] ДДГ. С. 8,9.

[84] План селища Лешково-4 и обоснование его идентификации с Белухинской пустошью см.: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт... С. 418, 423—425

[85] АСЭИ. Т. 1. № 255, 256. С. 184, 185.

[86] *Чернов С. З.* Отчет за 1984 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1, № 11172. С. 22, 29—30.

[87] Керамика типа Лешково-2 обнаружена лишь на селище у поселка Козья горка на восточной окраине г. Сергиев Посад, которое идентифицируется с селением Окулова Носарева (АСЭИ. Т. 1. № 17).

[88] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. ., 1998. С. 304.

В период существования удела княгини Ульяны (1340—1360-е гг.) ареал расселения резко расширился, однако сеть селений осталась разреженной. Возникли поселения на месте села Киясова (селище «67-й километр»-1) и Никольского Поддубского (селище Семхоз-4) в центральной части Радонежа (рис. 11, № 76, 55). Началось освоение северной части Радонежа в районе Троицкого монастыря (Клементьево — рис. 5, № 16). Таким образом, поселения, которые в эпоху кн. Владимира Андреевича стали крупнейшими княжескими селами центрального и северного Радонежа, возникли еще в период, когда Радонеж принадлежал великой княгине Ульяне.

С переходом Радонежа в удел кн. Владимира Андреевича (1372—1374— 1410 гг.) землевладельческая структура периферийной московской волости (обширное ядро «волостных» земель и боярские вотчины на окраине) начинает развиваться и усложняться. Возникают новые селения, которые маркируются керамическими коллекциями с серой керамикой типа Шавыкина монастыря. К северу от Радонежа, вверх по течению р. Пажи основываются селения, известные в XV—XVI вв. как деревни Дуденева (селище Филимоново-5) и Огафоново (селище Филимоново-4), к северо-востоку — Пустая (селище Филимоново-4 на поляне «Осёлок») (рис. 7, № 136, 110, 137), к югу, на р. Воре, — селение на Марьине горе (Радонеж-8 у пионерлагеря «Восток») и поселения, известные в XVII в. как деревни Яковлевская (селище Воздвиженское-6 у мельницы) и Трескова (Воздвиженское-7 у поляны Пустошка, где найден бронзовый квадрифолийный наперстный крест XV—XVI вв.) (рис. 7, № 124, 161, 162). Вдоль Переяславской дороги, пролегающей в направлении Торгоши, возникают поселения, известные позднее как Столыпино, Рогово, Дедушково (рис. 8, № 183, 182, 177). Растет число селений в районе села Киясова (селища «67-й километр»2, у ц/у совхоза «Конкурсный» — рис. 5, № 77, 78).

О специализации княжеских селений уже говорилось на примере села Киясовского. Еще один факт на этот счет был получен при раскопках Столыпина. В слоях рубежа XIV—XV вв. на этом 1—2-х дворном поселении было выявлено производство по выплавке железа из болотной руды.

Перед нами археологически фиксируемые результаты активного освоения непосредственно принадлежащих князю земель новообразованного удела.

Применительно к первой половине XV в. (керамические комплексы типа Михайловское-2), когда археологические данные могут быть уверенно идентифицированы со свидетельствами актов, мы наблюдаем сложение на княжеских землях разветвленной сети поселений, центрами которых являются княжеские села (рис. 4—8). О существовании села Киясовского до 1410 г. имеется указание письменных источников. Села Клементьево (раскопки 1981 г.) и Никольское Поддубское (раскопки 1994 г.) именно в этот период формируется как крупные поселения[89]. Появление села Воздвиженского в первой четверти XV в. недавно удалось

---

[89] *Чернов С. З.* Отчет 1981 г. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8554. *Чернов С. З.* Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С. 60—96.

документировать археологически[90]. Тогда же складывается сеть поселений по нижнему течению р. Пажи и р. Воре.

Село Радонежское в последней четверти XIV в. обращается в городок Радонеж. К западу от древнего храма Рождества Пречистые (его некрополь археологически зафиксирован близ колокольни Преображенской церкви 1840 г.), на мысу, глубоко вдающемся в пойму р. Пажи, возводятся укрепления. Резко возрастают размеры посада. Ярким свидетельством этого процесса является появление в самом начале XV в. (документировано монетами второй половины княжения вел. кн. Василия Дмитриевича (1389—1425) и керамической коллекцией) новой обширной части посада (селища Радонеж-2 на Афанасовом поле — рис. 7, № 116)[91]. Общие размеры посада (ареал распространения красной грубой керамики) достигают к середине XV в. 590 тыс. кв. м (59 га), что сопоставимо с площадью посада такого нового города конца XIV в. как Руза. Упоминания наместника Радонежа в грамоте 1444/1445 г. и «*радонежца городчанина*» в 1454—1456 гг. подтверждает городской характер этого поселения.

В XV в. начинает складываться сеть дорог, связывающих Радонеж с Троицким монастырем (новое направление Переяславской дороги), Дмитровом, Покровским в Хотькове монастырем, центрами волостей Тешилов (ныне д. Тешилово) и Инобож (ныне с. Васильевское), Шернским городком (ныне д. Могутово) и Стромынским монастырем (рис. 7).

На фоне этих признаков формирования города симптоматичными представляются аналогии между структурами землевладения Радонежа и городов, возникших в древнерусскую пору. Так, в непосредственной близости от Москвы и Волока Ламского (в пределах городских станов) не позднее первой половины XIV в. складываются группы княжеских сел и прилегающих к ним селений, земли которых расходились от города к периферии в форме секторов или долей. Возникновение села Воздвиженского с прилегающими поселениями (3460 десятин) а также сел Киясово, Клементьево, Панино, Княжее в центральном и северном Радонеже (5579 десятин) может трактоваться как формирование массива княжеских земель, типологически близкого подгородным домениальным станам. В итоге наиболее удобные для земледелия южные склоны и центральная часть летописной «горы над Радонежем» (моренная возвышенность с широколиственно-еловыми лесами) оказались в зоне княжеского землевладения.

Ценность данных по княжеским землям Радонежа состоит в том, что они позволяют весьма точно датировать создание и функционирование подобных структур периодом между 1375 и 1456 гг. и сделать вывод, что в последней четверти XIV в. во вновь создаваемых уделах сложились такие же структуры княжеского земле-

---

[90] Коллекция, собранная к северу от места древней церкви Воздвижения, на бровке коренного берега р. Пажи (*Чернов С. З.* Отчет 1994 г. Ч. 3. // Архив ИА РАН. Р-1, №. 19705. С. 5—8; рис. 163—181).

[91] *Чернов С. З.* Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997—1998 гг. // Российская археология. 2000. № 1. С. 63—81.

владения, которые за столетие до этого складывались близ городов, возникших в домонгольский период.

В среднем и верхнем течении р. Пажи, к северу от городка Радонеж, в последней четверти XIV — первой половине XV в. сложился обширный район вотчинного землевладения бояр и вольных слуг радонежских князей Владимира Андреевича и Андрея Владимировича (владения Кучецких, Копниных, Воронца Степанова и др.)[92].

К 1424 г. в Радонежской волости (позднее северная ее часть почти полностью перешла к Троицкому монастырю), общая площадь которой равнялась 22 875 га или 20 938 десятин, княжеские земли составляли 66 % (с учетом *служних* земель), вотчины 20 %, 4 % принадлежало монастырям и по 10 % земель нам не известен тип владения[93]. Чем вызван столь низкий процент вотчин по сравнению с такими классическими старовотчинными станами как Сестринский и Локнышский Волока Ламского или Кинела в Переяславле? Причина видится в том, что модель ускоренного развития вотчинного землевладения, типичная для периферийной волости, действовала в Радонеже лишь в 1350—1370-е гг. (владения Морозовых и Бяконтовых в Белях, Елизара родоначальника Беклемишевых и Княжниных на севере Радонежа). С переходом в 1372—1373 гг. Радонежа в состав удела кн. Владимира Андреевича здесь начала действовать иная модель, которая предполагала формирование нескольких секторов княжеских владений вокруг вновь созданного удельного города. Новые вотчины, которые принадлежали боярам и вольным слугам радонежских князей, развивались на пространстве, ограниченном пределами лишь одного сектора, расположенного к северо-западу от удельного центра.

В Радонеже удается выделить и такую трудно уловимую форму землевладения как владения княжеских «*слуг под дворским*». В 1470—1480-е гг. эти земли фиксируются на пограничье княжеских сел (с тянувшими к ним волостными деревнями) и района вотчинного землевладения. Таков, например, очаг владений «*слуг под дворским*» в верховьях речки Подмаш, лежавший между княжеским селом Никольским Поддубским и боярщинами Копниных и Кучецких (рис. 5). Слугам раздавались небольшие 1—2-х дворные селения (или земельные участки на которые нужно было «*назвать*» крестьян) с земельным клином по 15—30 десятин.

Изучение Радонежа показывает, что даже в период активного развития вотчинного землевладения — второй половине XIV — первой половине XV в. — княжеское землевладение, включавшее села, волостные земли, земли служебных организаций, а также служние земли, не только сохранялось, но и активно развивалось.

---

[92] Вотчинам Радонежа автор планирует посвятить серию статей.

[93] Неясен характер землевладения к югу и западу от Хотькова монастыря (1650 га или 1510 дес.), в районе д. Рязанцы (318 га или 291 дес.), села Богородского (позднее монастырь Богородицы под сосной — 350 га или 320 дес.), д. Павловской при впадении Торгоши в Ворю (175 га или 160 дес.) — всего 2493 га или 2281 десятин.

Таблица 1

Княжеские земли близ городка Радонеж

Рисунки в графах 2 и 3 даны по изданию: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. Рисунки в графе 3 — по настоящей статье.

Описание 1617 г.	Прочие описания XVII—XVIII вв.	Данные микротопонимии XIX—XX вв.	Идентифицируется с археологическим памятником (селищем)
Земли городка Радонежа		поле Карининские полосы (рис. 7, № 24)	Радонеж-4 (на поле Карининские полосы, у шоссе на Репихово) (рис. 7, № 120)
Земли городка Радонежа			Радонеж-5 (к западу от с. Радонеж) (рис. 7, № 121)
Земли городка Радонежа		поле Поповы кусты (рис. 7, № 27)	Радонеж-6 (на поле Поповы кусты, у шоссе на Репихово) (рис. 7, № 122).
Земли городка Радонежа		Прислонские полосы (рис. 7, № 29)	Радонеж-7 (на поле Прислонские полосы, у шоссе на Репихово) (рис. 7, № 123).
Земли городка Радонежа			Радонеж-8 (на Марьиной горе, у пионерлагеря «Восток») (рис. 7, № 124).
Земли городка Радонежа			Радонеж-11 (у Морозовской дороги) (рис. 2, 127).
Земли городка Радонежа			Радонеж-12 (на Радонежской горе).

Земли городка Радонежа			Радонеж-13 (Севернее Радонежской горы) (рис. 7, № 129).
Земли городка Радонежа			Радонеж-14 (у Глиняного оврага-1 на трассе ЛЭП) (рис. 2, № 130).
Земли городка Радонежа			Радонеж-15 (у Глиняного оврага-2 на трассе ЛЭП) (рис. 2, № 131).
Могилки	Границы пустоши отмежеваны в 1617 и 1624 г. рис. 6, VII, VIII, № 3	поле Могильцы (Могилки) Рис. 7, № 225)	Лешково-2 (на поле Могильцы) (рис. 7, № 141).
земли пуст. Могилки			Лешково-10 (на поле Нижняя Лопата) (рис. 7, западнее № 148).
земли пуст. Могилки			Лешково-7 (в кв.17) (рис. 2, № 146).
Селиванов Борок Жеребцы тож	не локализовано		
Кашканово	не локализовано		
Головкова	пуст. Головково	Головкова пустошь дворцовой канцелярии (1768) рис. 7, № 83	не обследована
Путятино Пятино тож	Пуст.Пятино локализуется по межеванию 1624 г. (РГАДА. Ф. 1209. Д. 685. Л. 907) — рис. 6, № 7	южная часть Головковой пустоши дворцовой канцелярии (см. выше)	не обследована

Окуловская Бутырино тож	Локализуется по межеванию1680 г., где показана в споре государевых крестьян и Троице-Сергиева монастыря (рис. 6, № 81, 8)		Радонеж-19 (на трассе ЛЭП в кв.48) (рис. 2, № 135).
Попоичи	Не локализована		
Пустое Фомино	Пуст.Фомина и Омельянова государева локализуется по межевой 1680 г. (рис. 6, № 43а)	за вычетом территории пуст. Омельяновой (см. локализация ниже) Фомину можно связывать с полем Иваниха (рис. 7, № 246) у оврага «Фоминской» (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 859. Д. С-64, 1768 г.)	Радонеж-16 (на поле Иваниха у бетонки к г. Хотьково) (рис. 2, № 132).
	пуст. Омельянова	Омельянова локализуется в районе рощи Омельяновка (рис. 7, № 325),	Радонеж-17, 18 (на трассе ЛЭП в кв. 49) (рис. 2, № 133, 134).
Токмаково Гнездишкино тож	Не локализована		
Сартаково Гусенниково тож	пустошь Гусенникова отмежеванная 1768 г. в ходе генерального межевания	поле и луг Гусинцы (рис. 7, № 41—42)	Радонеж-9 (на быв. поле Гусинцы» на территории с/т Подмосковье) (рис. 7, № 125).
Терехово Ханская Демишкино тож	Локализуется по выписи межевой 1542/43 г. (рис. 5, № 47)		Радонеж-10 (у дороги к устью р. Подмаш).
Подчесное другие Поповичи Рогачево тож	пустошь Поповка локализуется по межеванию 1624 г. (РГАДА. Ф. 1209. Д. 685. Л. 928 об.). Рис. 6, № 43б.	поляна Осёлок	Морозово-2 (на поляне Оселок в кв.12) (рис. 7, № 137).

Таблица 2

Княжеские земли близ села Воздвиженского

Описание 1646 г.	Прочие описания	Данные микротопонимии XIX—XX вв.	Идентифицируется с археологическим памятником (селищем)
с. Здвиженское а в нем церковь Всемирное Воздвижение че стнаго Креста, во дворе поп, государева двора сторожи 3 двора, крестьян 60 дворов, 1 двор пуст		село	Воздвиженское-1 (в с. Воздвиженское) (рис. 7, № 155)
д. Голнево за бродом на р. Воре крестьян 7 дворов (далее принадлежность дворов крестьянам не оговаривается)	В 1617 г. описана се верная граница земель «государевой пуст. Голнево» (рис. 6, № 15, № 33) «Галневская» мельница по ландкарте 1740 г. (РГАДА. Ф. 192. Д. 2)	Между 1812 и 1813гг., на месте деревни возникает господский двор помещиков Грузиновых, сохранявшийся до 1920-х гг. (рис. 7, № 186)	Голыгино-2 (у завода пластмасс) (рис. 7, № 169)
д. Ананьино Филиповская Дятлово тож на реке на Воре, 5 дворов, 1 двор пуст	д. Дятлова по 3-й ревизии 1762-65 гг. (РГАДА. Ф. 16, Д. 570. Л. 7).	Располагалась вблизи д. Голыгино, т. к. в 1800 г. последняя описана как «Голыгина, Дятлова тож» (ЦГВИА. Ф. ВУА, Д. 18861.Л. 93)	Воздвиженское-2 (в урочище Виселицы) (рис. 7, № 157)
д. Панино на реке на Воре, 6 дворов	В 1631 -33 гг. упоминаются луга церкви с. Воздвиженское «под деревнею Паниною от мельницы Голыгинское по реке по Воре 50 копен, да по реке Воре против деревни Панинской 10 копен» (В. И., Г. И. Холмогоровы. Материалы... Вып. 5. С. 110)	Эти луга идентифицируются по плану 1860-х гг. (рис. 7, 184, 193)	Воздвиженское-4 (близ устья р.Пажи) (рис. 7, № 159)

Земли Воздвиженской дворцовой волости			Воздвиженское-12 (между с.Радонеж и с. Воздвиженское) (рис. 7, № 166)
Земли Воздвиженской дворцовой волости			Воздвиженскос-3 (у Стрелецких могил) (рис. 7, № 157)
Земли Воздвиженской дворцовой волости			Воздвиженскос-5 (у газопровода) (рис. 7, № 160)
Земли Воздвиженской дворцовой волости			Воздвиженское-10 (у пионерлагеря им.В.Котика) (рис. 7, № 164)
д. Антипино на реке на Воре, 5 дворов (идентифицируется по порядку описания)	Пуст.Яковлевская, государева 1680 г. (РГАДА. Ф.1209. Д. 273, л. 112 об., 113), рис. 6, № 91	мельница Базарнова (рис. 7, № 151)	Воздвиженское-6 (у быв.мельницы Базарнова) (рис. 7, № 161)
д. Тресково Рогатаново на реке Воре, 4 двора, 1 пуст	Пуст.Трескова, государева 1680 г. (РГАДА. Ф. 1209. Д. 273. Л. 112 об.), рис. 6, № 60		Воздвиженскос-8 (на поляне Пустошка) XVII в. (рис. 2, № 163). Рядом выявлено селище Воздвиженскос-7 (близ поляны Пустошка) XIV XVI вв. (рис. 7, № 162).
д. Гарасимова на враге на Гарасимовском, 2 двора, 1 пуст	Пуст. Гарасимова, государева 1680 г. (РГАДА. Ф.1209. Д. 273. Л. 112), рис. 6, № 61		не выявлено
д. Черково на враге на Черковском	д. Серкова, государева 1680 г. (РГАДА. Ф. 1209. Д. 273. Л.110 об.)	Серьковский луг (рис. 7, № 203)	Шелково-2 (у Серковского луга) (рис. 7, № 192).

д. Шолково на реке Торгоше, 6 дворов		д. Шелково	Шелково-1 (в д. Шелково) (рис. 7, № 191).
д. Волково на враге на Зиновковском, 2 двора		Локализована по урочищу Волки, оставленному (рис. 6, № 63) за помещицей А.И. Мухановой в 1862 г. (рис. 7, № 164)	Воздвиженское-13 (на овраге Коломино). Западнее расположено Воздвиженское-11 (в урочище Угольница) — видимо, следы временного поселения (рис. 7, № 165).
д. Алешково на враге на Алешковском, 6 дворов	д. Олешково, государева 1680 г. (РГАДА. Ф.1209. Д. 273. Л. 102) (рис. 6, № 64)	бывшее поле Заднее Лешково (Рис. 7, № 237). в середине XIX в. деревня перенесена на Ярославское шоссе нынешнее место	Лешково-3 (в урочище Лешково в кв.13) (рис. 2, № 142).
д., что была пуст. Хрятец Тереховская Сидорково тож на рекс Паже, 4 двора	В 1624 г. крестьяне «с.Здвиженского д. Сидорковой» отводили земли д. Короськовой от государевых земель (РГАДА.Ф. 1209. Д. 625. Л. 907).	Локализуется по Сидоровскому оврагу (РГАДА.Ф. 1354. Оп. 859. Д. С- 64.1768 г.) и Сидоровским лугам (рис. 7, № 76).	Филимоново-1 к западу от д. Филимоново, на территории садового товарищества (рис. 6, № 96).
д. Ильино, 4 двора	Показана на чертеже 1660--1676 гг. как «дворцовая деревня Ильина в ней 6 дворов» (РГАДА. Ф. 27 . Д. 484. ч. IV. № 10)	Показана на карте 1860 г. к западу от д. Гаврилково (ЦГВИА. ф. ВУА. Д.21387. Л. 6, 7) Ликвидирована во второй половине XIX в. после эпидемии	в урочище Ильинское поле (западнее д. Гаврилково).

д. Гаврилково, 6 дворов	Показана на чертеже 1660—1676 гг. как "дворцовая деревня Гаврилково а в ней 5 дворов" (РГАДА. Ф. 27 . Д. 484. ч. IV. № 10)	д. Гаврилково	селище в д Гаврилково
д. Лисицыно, 2 двора	Показана на чертеже 1660—1676 гг. как "дворцовая деревня Лисицына 2 двора" (РГАДА. Ф. 27 . Д. 484. ч. IV. № 10)	к югу от д. Гаврилково	не выявлено
д. Дедерки, 3 двора (Д. Дедерлинская Выпись межевая 1542/1543 -- рис. 5, № 64)	Показана на чертеже 1660 1676 гг. как "дворцовая деревня Дедерки 2 двора" (РГАДА. Ф. 27 . Д. 484. ч. IV. № 10)	к юго-востоку от д. Гаврилково	не выявлено
д. Глинково, 3 двора		не локализована	
д. Семушкина	д. Семушки государева 1680 г. (РГАДА. Ф.1209. Д. 273. рис. 6, № 66) Показана на чертежах 1660—1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 33, 37)	поле Семушки	Матренки-3 (в урочище Семушки) (рис. 5, № 81).
д. Степурино на речке Мисалкс, 5 дворов	д. Степурино показана на чертежах 1660—1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 11, 17, 18)	д. Степурина показана на карте 1945 г. ликвидирована в 1950-е гг.	на месте быв. д. Степурино (рис.8, № 181).
д. Еремина на речке на Торгоше, 8 дворов	д. Еремина показана на чертежах 1660- -1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Ч. III, Д. 11, 17, 18)	д. Еремина	в д. Еремина (рис. 8, № 195).

д. Детушково на речке Торгоше, 8 дворов	д. Дедушково показана на чертеже 1660– 1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 11)	д. Дедушково показана на карте 1945 г. ликвидирована в 1960-е гг.	на месте д. Дедушково (рис. 8, № 177).
д . Куроедово, 8 дворов	д. Куроедово, 4 двора показана на чертеже 1660–1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 11)	д. Кредово показана на карте 1945 г. ликвидирована в 1960-е гг.	на месте д. Кредово (рис. 8, № 180).
д. Вихорево Лихорево, 6 дворов	д. Вихарево, 8 дворов показана на чертеже 1660 – 1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 11)	д. Вихрево	в д. Вихрево (рис. 8, № 178).
д. Степаново, 8 дворов	д. Степаново, 3 двора показана на чертеже 1660–1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 17)	поле к югу от д.Варавино	к югу от д. Варавино (рис. 8, № 188).
д. Байково на речке на Торгоше, 4 двора	д. Байково, 3 двора показана на чертеже 1660—1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 11)	Байков луг между д. Охотино и быв. д. Дедушково	Охотино-2 (у Байкова луга) (рис. 8, № 185).
д. Лохонино Ахотино тож, 4 двора	д. Охотино, 3 двора показана на чертеже 1660—1676 гг. (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. III, Д. 17)	д. Охотино	Охотино-1 (в д Охотино) (рис. 8, № 186).
д. Костяково Костьково во тож, 6 дворов		д. Костьково показана на карте 1945 г. ликвидирована в 1960-е гг.	на месте д. Костьково (рис. 8, № 176).

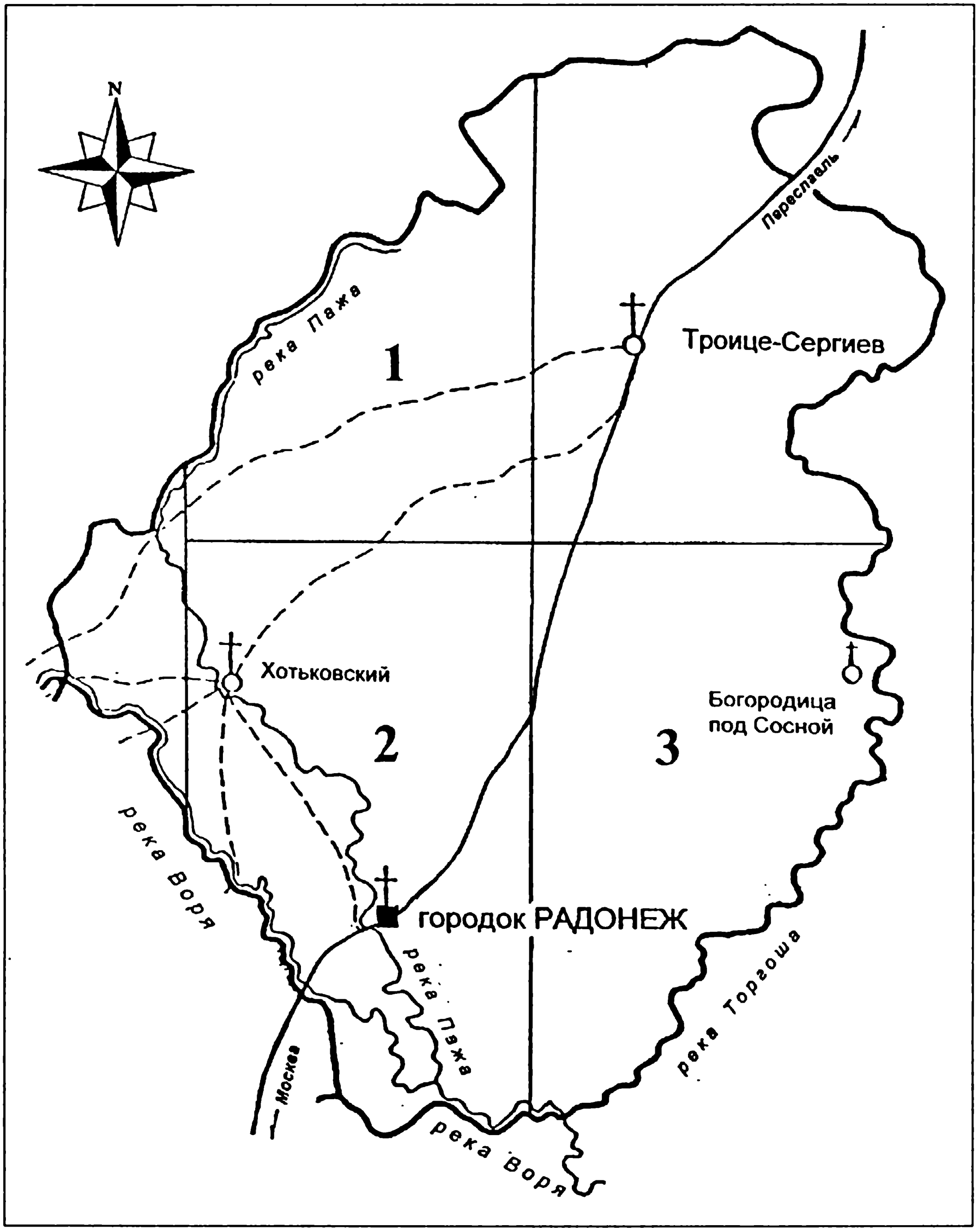


Рис. 1. Радонежская волость по данным Выписи межевой 1542/1543 г. Схема расположения листов карты.

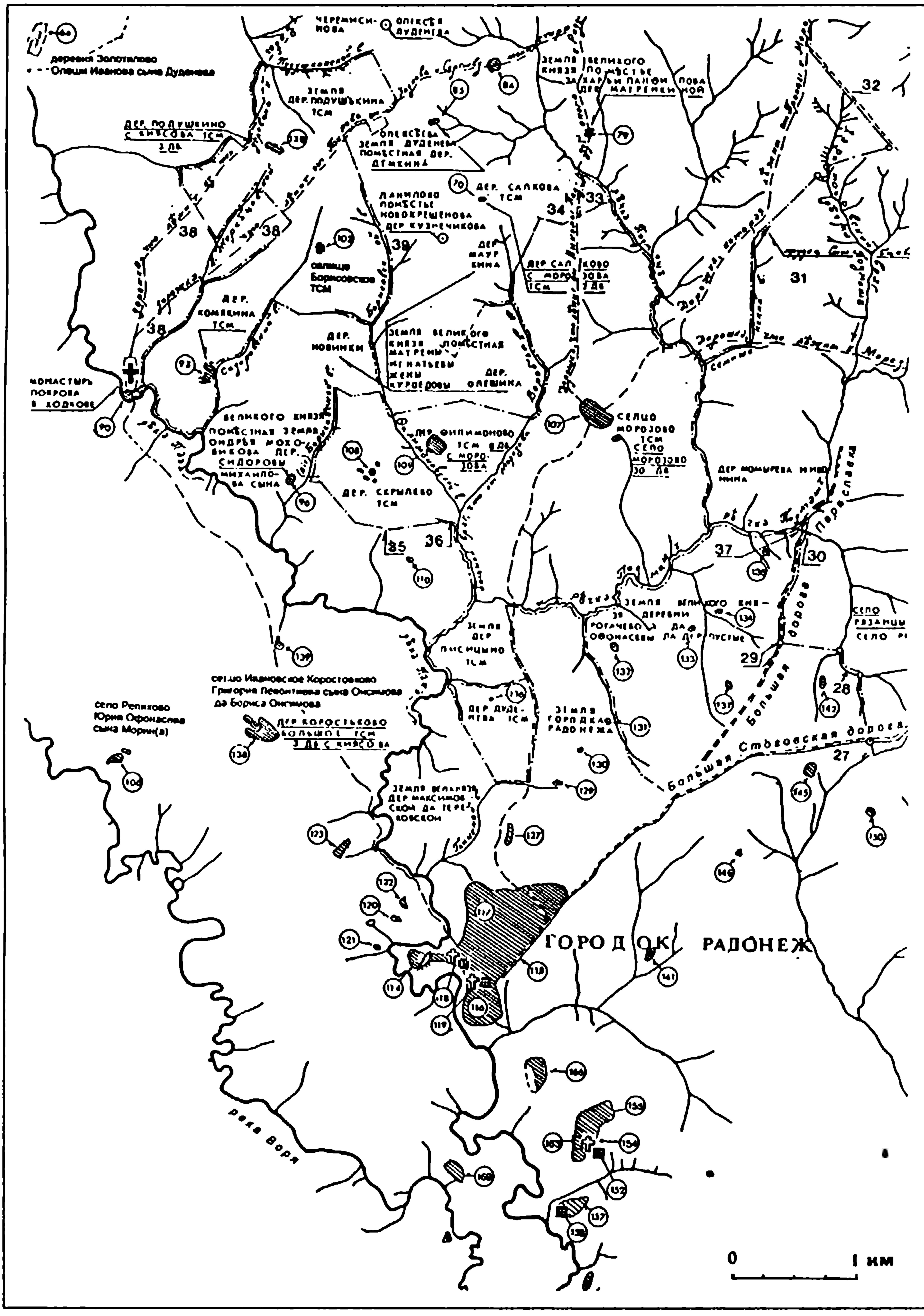

деревня Золотилово
ЗЕМЛЯ ДЕР. ПОДУШКИНА ТСМ
ДАНИЛОВО ПОМЕСТЬЕ НОВОКРЕШЕНОВА ДЕР КУЗНЕЧИКОВА
ДЕР. САЛКОВА ТСМ
селище Борисовское ТСМ
МОНАСТЫРЬ ПОКРОВА В ХОДКОВЕ
ДЕР. НОВИНКИ
СЕЛЦО МОРОЗОВО ТСМ
ДЕР. СЕРЫЛЕВО ТСМ
ЗЕМЛЯ ДЕР ПИСЦЫНО ТСМ
ЗЕМЛЯ ГОРОДКА РАДОНЕЖА
село Репихово Юрия Офонасьева сына Морин(а)
ДЕР КОРОСТЬКОВО БОЛЬШОЕ ТСМ
Переславка
Большая дорога
ГОРОДОК РАДОНЕЖ
река Воря
0
1 км

Рис. 2

Рис. 2. Радонежская волость по данным Выписи межевой 1542/1543 г. Лист 2. Юго-запад (городок Радонеж, с. Морозово). Условные обозначения см. на рис. 3.

I — селища, содержащие культурные слои послед. четв. XV—XVI вв.; II — селища, содержащие культурные слои послед. четв. XV—XVI в., границы которых определены приблизительно; III — грунтовые могильники XV—XVI вв.; IV — № памятника археологии (список памятников см. ниже); V — церкви; VI — ручьи и овраги; VII — пруды; VIII — дороги; IX — большие дороги; X — болота; XI — мельницы; XII — границы владений Троице-Сергиева монастыря по «Выписи межевой» 1542/1543 г. письма Р.Д. Дашкова, Ф.Г. Адашева и Т.М. Дубровина, локализуемые точно; XIII — границы владений Троице-Сергиева монастыря по «Выписи межевой» 1542/1543 г., локализуемые приблизительно; XIV — поселения, их владельцы и географические объекты, упоминаемые в «Выписи межевой» 1542/1543 г.; XV — поселения, упоминаемые в «Перечневой выписи» о селах и деревнях Троице-Сергиева монастыря 1503/1504 г. В.И. Голенина; XVI — границы владений, не описанные в «Выписи межевой» и реконструируемые на основании данных более позднего времени; XVII — «Роз(ъ)ездъ Міхаила Васил(ь)ева с(ы)на Тучкова, что роз(ъ)езжал Радонеж з Дмитровом» 1504 г., около 16 июня; XVIII — названия поселений, упоминаемые в разъезде 1504 г.; XIX — границы Радонежского уезда с Переславским и Переславского с Дмитровским, восстанавливаемые на основании данных XVI—XVII вв.; XX — поселения и пустоши, локализуемые точно, но археологически не выявленные.

Описание 1542/1543 г.: Межа Троицкой земли от Воздвиженской волостки (от д. Коськово на р. Торгоше до Большой Переславской дороги) (окончание; начало см. на рис. 5. Лист 3): 26 — да изо врага направо взножью вверх возле Ивановою землю Тененева до Костиной земли Шеина и до Григорьевы земли Тененева; 27 — во взнож до Болшие дороги до Стоговские да з дороги ручьем вниз; 28 — из ручья налево по ямам возле по великого князя земли Онтипинские деревни; 29 — до Переславские дороги до камени; 30 — Болшою дорогою направо до речи до Подмаши.

Межа Троицкой земли от земель великого князя в центре Радонежа: 31 — земля троецкая села Клементьевского; 32 — дорожка старая, что лежит на Большую дорогу на Переславскую; 33 — земля троицкая деревни Салковой; 34 — земля великого князя поместная Матрены Игнатьевы жены Куросдова деревни Мауркиной; 35 — через Инобожскую дорогу, что лежит к городку Радонежу; 36 — во враг, в роднику; 37 — до Болшои дороги до Переславки; 38 — монастырская земля великого князя Покрова в Хоткове; 39 — земля великого князя Данилова поместья Новокрещенова деревни Кузнечкова да Сувора Данилова сына Толмачева.

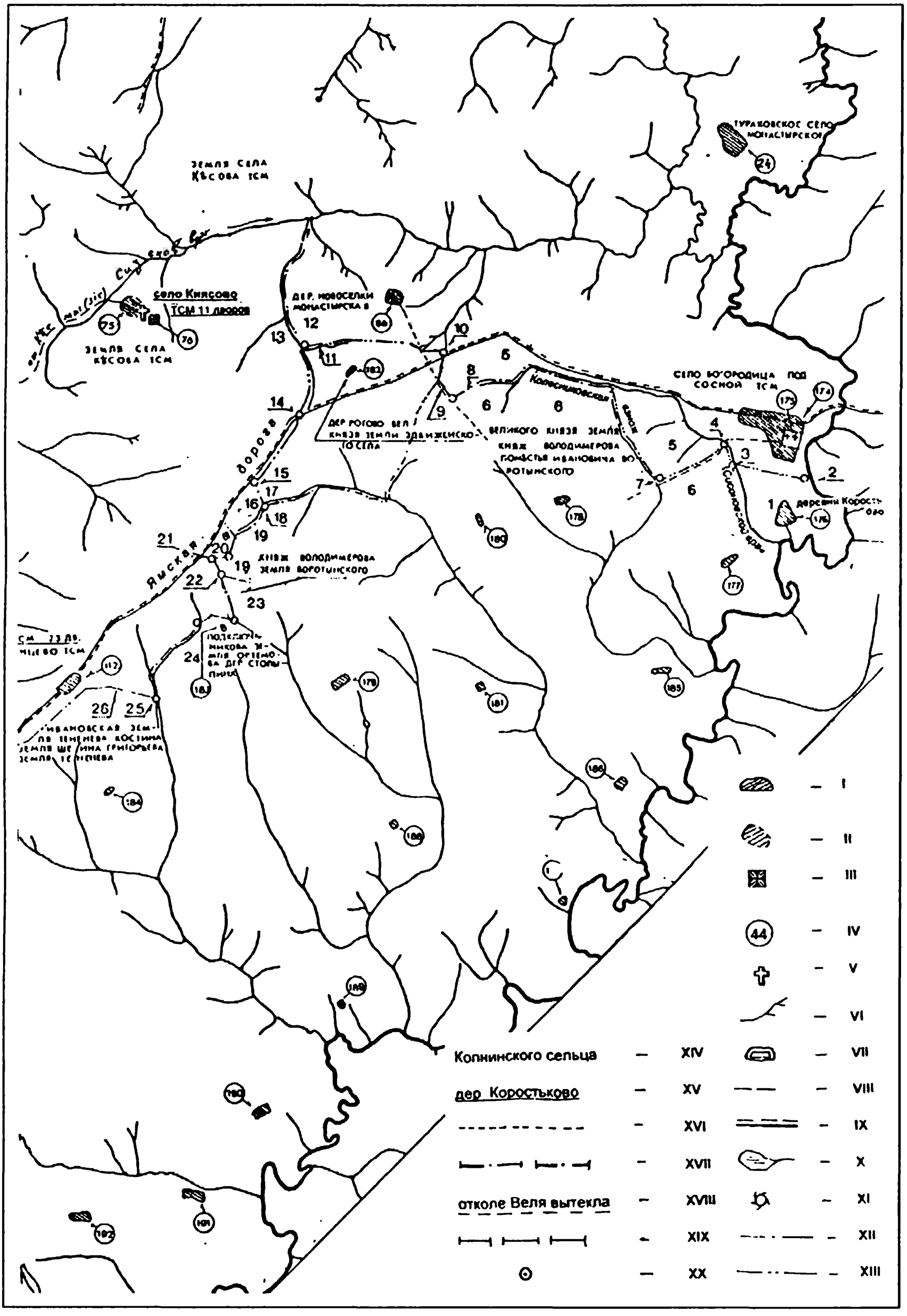

Земля села Кѣсова ТСМ
село Князово ТСМ 11 дворов
Земля села Кѣсова ТСМ
Дер. Новоселки монастырска в
Дер. Рогово вел. князя земли Здвиженского села
Великого князя земля княж. Володимерова помѣстья Ивановича Воротынского
Княж. Володимерова земля Воротынского
Ямская дорога
Село Богородица под Сосной ТСМ
Тураковское село монастырское
Сосновской брак
Колесниковская
Ивановская земля Тенеева Костина
Земля Шеина Григорьева
Земля Тенеева
Копнинского сельца — XIV
дер. Коростьково — XV
— XVI
— XVII
отколе Веля вытекла — XVIII
— XIX
— XX
— I
— II
— III
— IV
— V
— VI
— VII
— VIII
— IX
— X
— XI
— XII
— XIII

Рис. 3

Рис. 3. Радонежская волость по данным Выписи межевой 1542/1543 г. Лист 3. Юго-восток (село Киясово, восточная часть Воздвиженской волостки, монастырь Богородица под сосной). Условные обозначения см. на рис. 2.

Описание 1542/1543 г.: Межа Троицкой земли от Воздвиженской волостки (от д. Короськово на р. Торгоше до Большой Переславской дороги): 1 — великого князя земля княжъ Володимерова помѣстья Ивановича Воротынского деревня Коростькова; 2 — с угора отъ березы от ямъ старою межею; 3 — во врагъ в Сисоновской да врагом вверх; 4 — дорошкою налево; 5 — монастырская земля Тураковского села; 6 — великого князя земля княжъ Володимерова помѣстья; 7 — да от дорошки направо взножью Колесниковъскою; 8 — да изо взножи налево по старым же ямам; 9 — дорогою направо до великого князя земли Здвиженского села деревни рогова; 10 — через дорогу по ямам же по старым конец взножи, до другие взножи; 11 — да взножью в Сизенов враг, на уворот вверх возле Роговскую землю; 12 — (земля) монастырские деревни Новоселки; 13 — (земля) Кесовского села (монастырского); 14 — да изо врага через дорогу на два камени; 15 — съ ямские дороги межою г Бурнаковском[у] селищу; 16 — земля Бурнаковская; 17 — земля Роговские деревни; 18 — через Кузницовский враг; 19 — вотчинная земля Федоровых детей Княжнина; 20 — земля монастырская Резанцевского села; 21 — к полю к пашенному Резанцевского села да возле поля на уворот; 22 — до старые до валовые межи до княж Володимеровы земли Воротынского; 23 — княж Володимерова земля Воротынского; 24 — до подключниковой земли до Ортемовой деревни Столыпина; 25 — врагом вниз до Ивановы земли Тененева (окончание описания межи см. на рис. 4. лист 5).

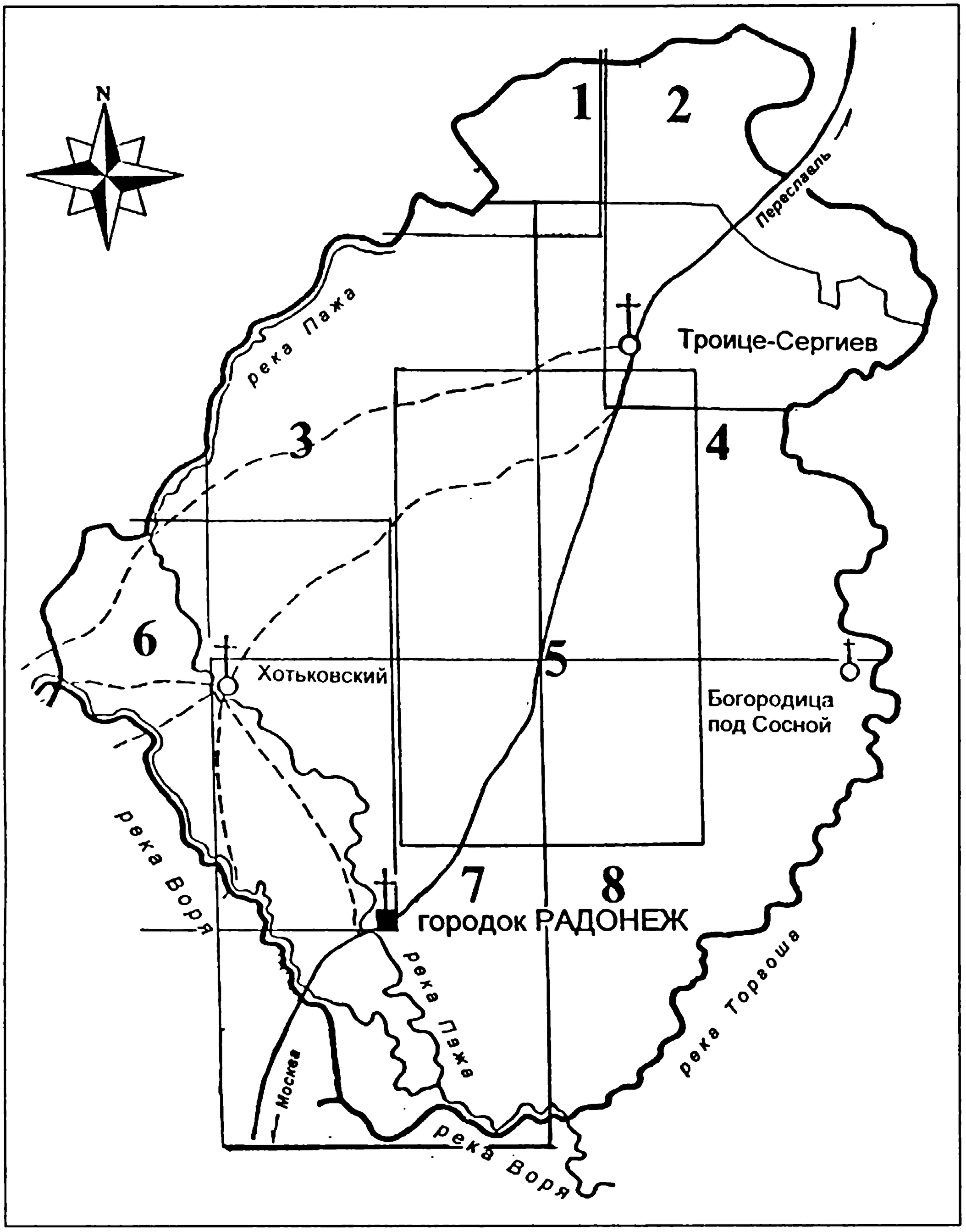
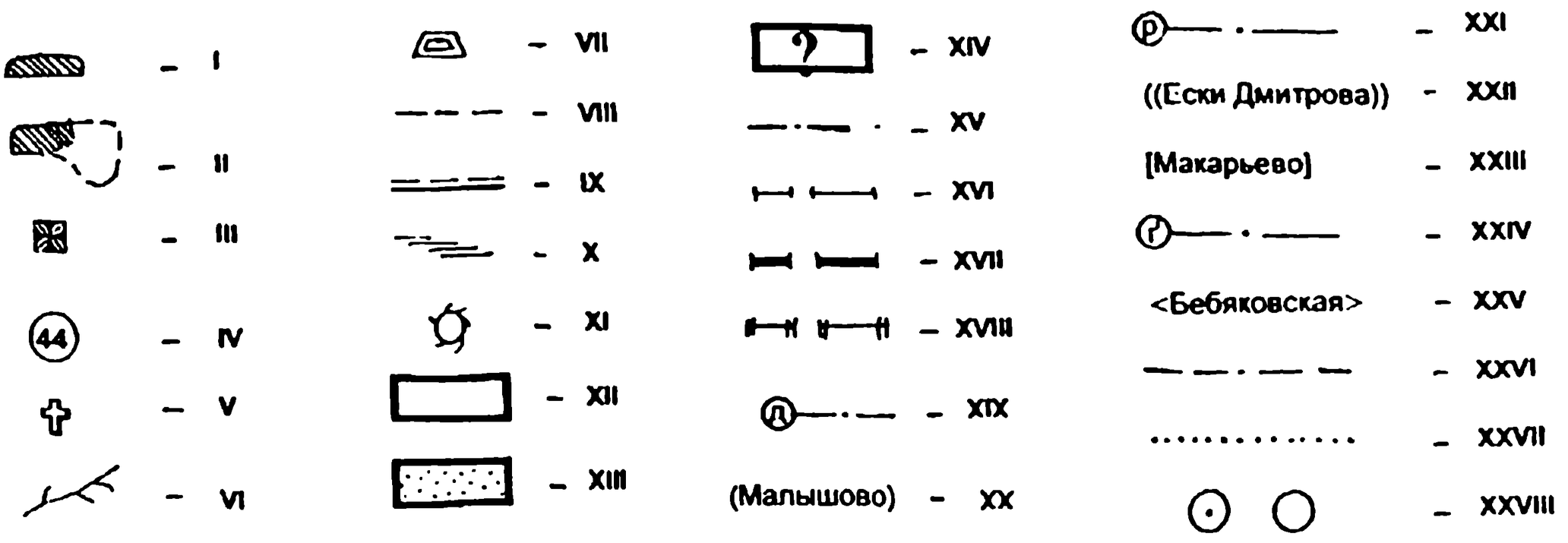

N
1
2
Переславль
река Пажа
Троице-Сергиев
3
4
6
5
Хотьковский
Богородица
под Сосной
река Воря
7
8
городок РАДОНЕЖ
река Пажа
река Торгоша
Москва
река Воря

Рис. 4.

Рис. 4. Радонежская волость по данным актов XV в. Схема расположения листов.

I — селища, содержащие культурные слои перв. — третьей четв. XV в.; II — селища, содержащие культурные слои перв. — третьей четв. XV в. (пределы распространения слоя показаны штриховкой) и в послед. четв. XV — XVI вв. расширившиеся (границы показаны пунктиром); III — грунтовые могильники XV—XVI вв.; IV — № памятника археологии (список см. ниже); V — церкви; VI — центры волостей и станов; VII — пруды; VIII — дороги; IX — большие дороги; X — болота; XI — мельницы; XII — вотчинные владения; XIII — княжеские владения; XIV — территории, характер владения которых не установлен; XV — границы владений; XVI — границы Радонежского удела с Дмитровским уделом и Переславскими станами; XVII — участки границ Радонежского удела, локализуемые по актам 1400—1456 гг.; XVIII — границы станов Переславского уезда; XIX — «отвод земли» по духовной грамоте Марии Васильевны, вдовы Василия Борисовича Кошнина 17.09.1478 г. (АСЭИ. Т. 1. № 457); XX — поселения, их владельцы и географические объекты, упоминаемые в духовной грамоте Марии Васильевны Кошниной; XXI — «розвод землям великого князя с монастырскими землями» по разъезжей грамоте (ок. 1478—1485) Дмитрия Очи (АСЭИ. Т. 1. № 468); XXII — поселения, их владельцы и географические объекты, упоминаемые в разъезжей грамоте Дмитрия Очи; XXIII — поселения, названия которых восстанавливаются предположительно, на основе упоминаний в источниках, датируемых после 1456 г.; XXIV — отвод Мишутинских пустошей Василия Борисовича Кошнина по Судному списку (1492—1494) по тяжбе Троице-Сергиева монастыря старца Маркела с Антоном Гладким (АСЭИ. Т. 1. № 571); XXV — земли, упоминаемые в Судном списке 1492—1494 гг.: 1—7 — земли «великого князя», находящиеся в споре с монастырем: 1 — Кожевниково, 2 — Федорково, 3 — Ртищово, а жил... на том селище на Ртищове крестьянин великого князя Ивашко Ртищо; 4 — Васискино, а жил на том селище Василь Пантелеев, 5 — Сарынчиковская... а жил на том селище Семен Сарычка, 6 — Щуклино... а жил на том селище Александр Щуклин, Трофимов отец, 7 — селищо Гридино, а жил на нем Гридя Патрекеев; 8—11 — «земли монастырские»: 8 — Ореховская, 9 — Пронятинская, 10 — Чернятинская, 11 — Соляниково; XXVI — границы, локализуемые ретроспективно, по источникам, датируемым после 1456 г.; XXVII — границы, локализуемые предположительно; XXVIII — поселения и пустоши, локализуемые точно, но археологически не выявленные.

Условные знаки и подрисуночная подпись к рис. 4 - 8



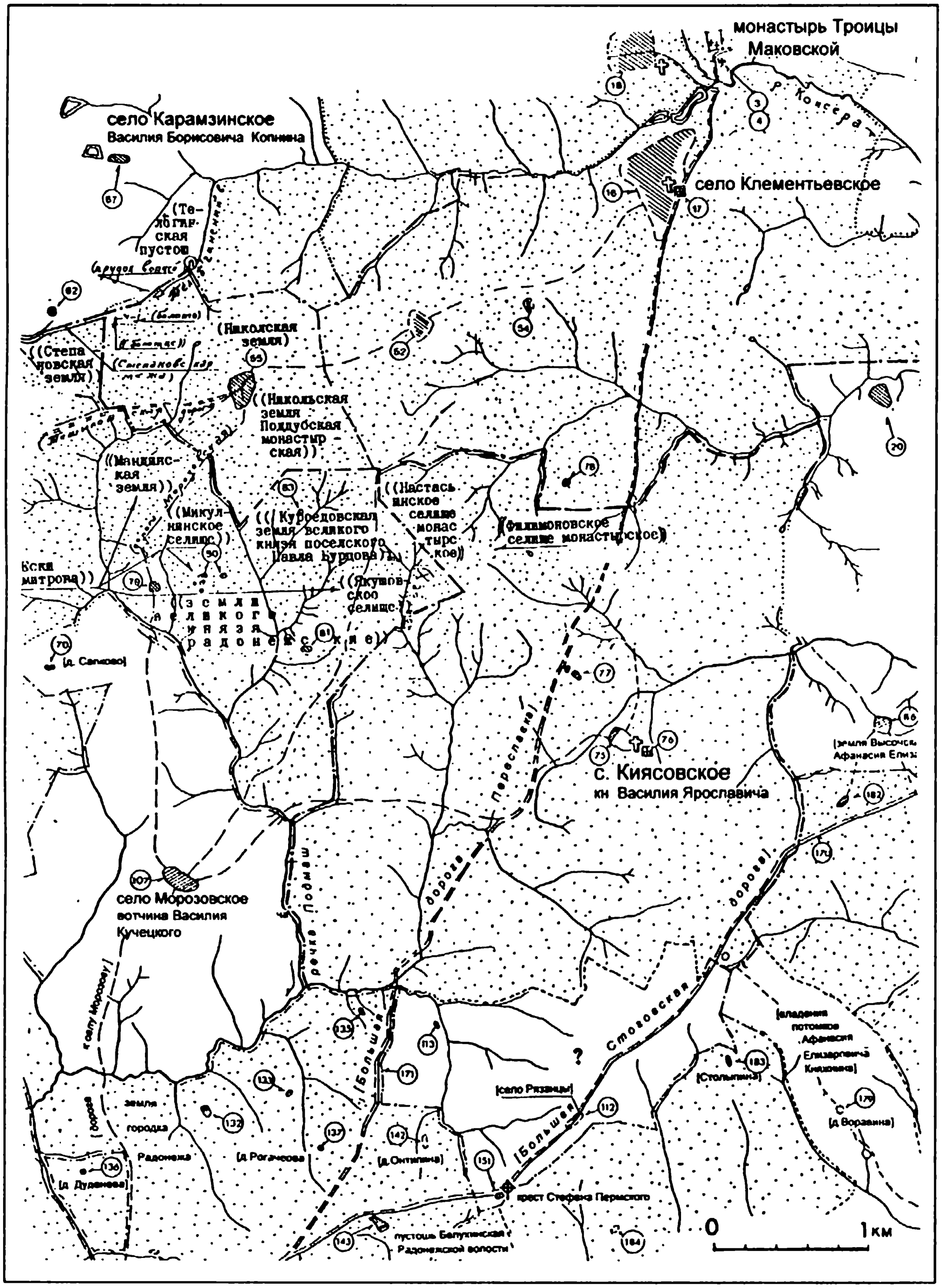


Рис. 5. Радонежская волость по данным актов XV в. Лист 5. Центр волости (земли княжеского села Киясовского и «земли великого князя» в районе с. Никольского Поддубского). Условные обозначения см. на рис. 7.

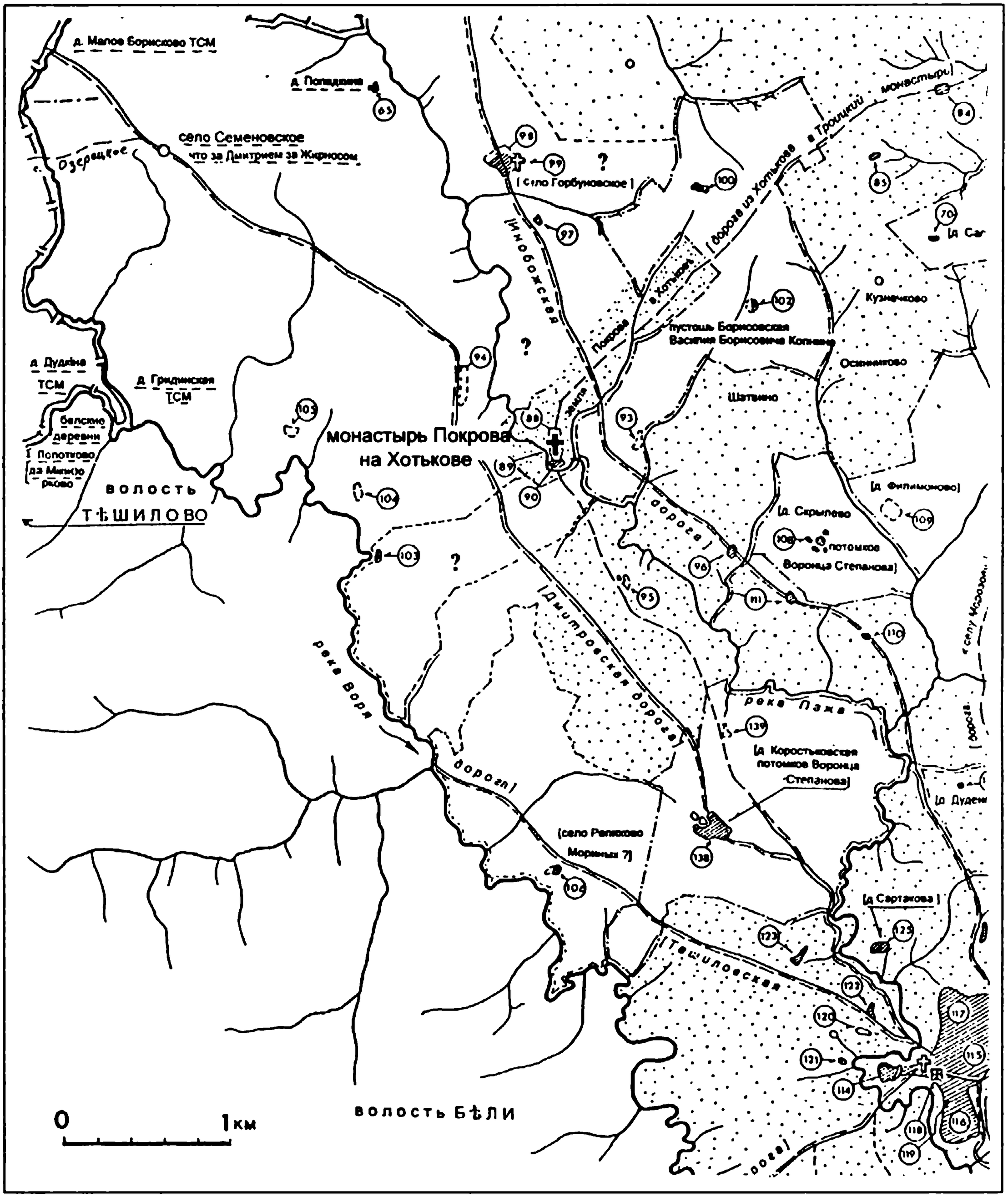


Рис. 6. Радонежская волость по данным актов XV в. Лист 6. Запад волости (окрестности Покровского в Хотькове монастыря и граница с волостями Тешилово и Бели). Условные обозначения см. на рис. 7.

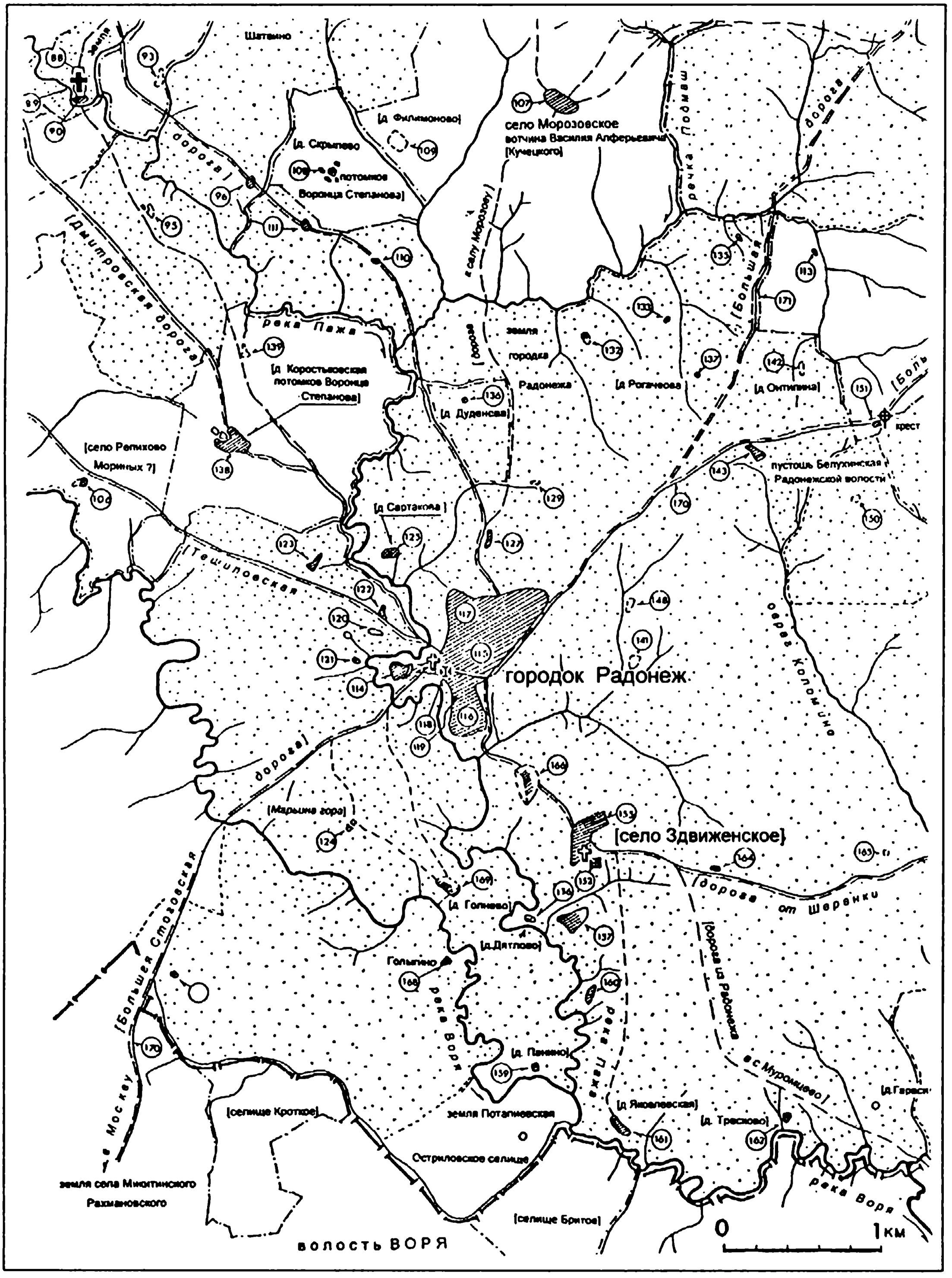


Рис. 7. Радонежская волость по данным актов XV в. Лист 7. Юг волости (окрестности городка Радонежа и села Здвиженского). Условные обозначения см. на рис. 7.

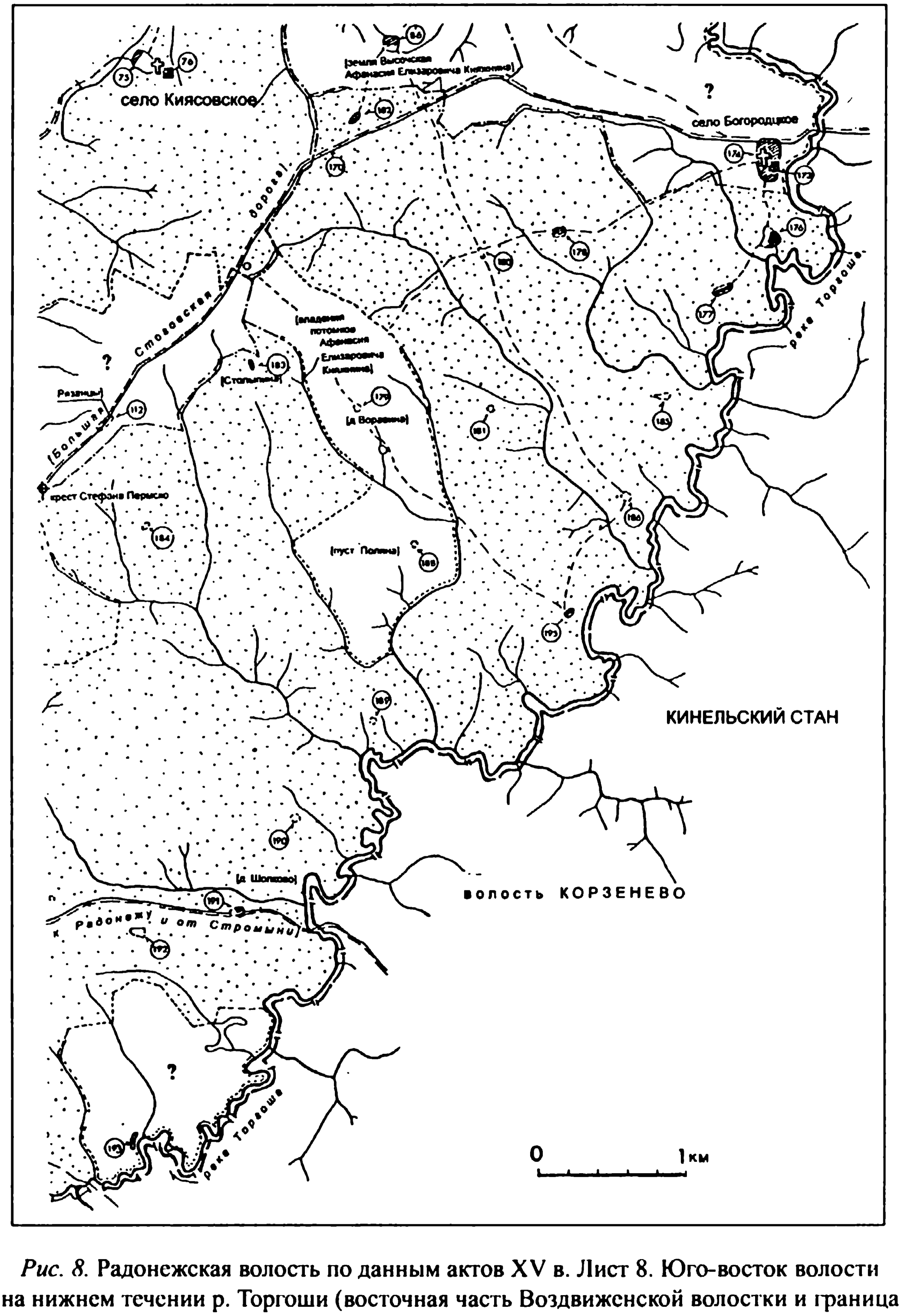


Рис. 8. Радонежская волость по данным актов XV в. Лист 8. Юго-восток волости на нижнем течении р. Торгоши (восточная часть Воздвиженской волостки и граница с Кинельским станом Переславского уезда и волостью Корзенево Московского уезда). Условные обозначения см. на рис. 7.

Список памятников археологии

1 — исторический культурный слой Троице-Сергиева монастыря; 2 — некрополь Троице-Сергиева монастыря; 3 — исторический культурный слой Подольного монастыря; 4 — некрополь Подольного монастыря; 5 — исторический культурный слой на землях Троице-Сергиевой лавры; 6 — исторический культурный слой Служней слободы; 7 — некрополь при Христорождественской церкви Верхней Служней слободы; 8 — исторический культурный слой Кукуевой слободы; 9 — некрополь при церкви Воскресения Словущаго в Кукуевской слободе; 10 — исторический культурный слой Штатной слободы (на ул. Академика Фаворского); 11 — исторический культурный слой Стрелецкой и Пушкарской (Ильинской) слобод; 12 — некрополь при Ильинской и Казанской церквах; 13 — исторический культурный слой Иконной (Вознесенской) слободы; 14 — некрополь при церкви Вознесения; 15 — исторический культурный слой Рыбной слободы; 16 — селище на ул. Клементьевской; 17 — некрополь при Успенской церкви в Клементьеве; 18 — селище на ул. Кировской (быв. ул. Дмитровской); 19 — селище у Кукуевского кладбища; 20 — селище в пос. Афанасьевском; 21 — селище у быв. ул. Вифаниевской (Комсомольской); 22 — селище у слияния рек Карбуги и Кончуры (у в/ч 52566); 23 — селище в д. Чарково; 24 — селище в д. Тураково 25 — грунтовый могильник в урочище Могильцы близ д. Зубачево; 26 — Селище Зубачево-1 (в урочище Могильцы); 27 — селище Зубачево-2 (к югу от урочища Могильцы); 28 — селище Северный поселок-1; 29 — селище Северный поселок-2; 30 — селище у пос. Козья горка; 31 — селище у Скитов-1; 32 — селище у Скитов-2; 33 — селище у пос. НИРП-1 (к югу от поселка); 34 — селище в д. Наугольное; 35 — селище в д. Степково; 36 — селище Деулино-1 (в с. Деулино); 37 — грунтовый могильник у церкви Спаса Нерукотворного в с. Деулино; 38 — селище Деулино-2 (между с. Деулино и д. Степково на Козловской поляне); 39 — селище к северу от Гражданского поселка; 40 — селище у микрорайона Углич; 41 — селище у Скоропусковского завода-1; 42 — селище на месте бывшей д. Сальниковой; 43 — селище Благовещенье-1 (в с. Благовещенье); 44 — грунтовый могильник при церкви Благовещения в с. Благовещенье; 45 — селище Благовещенье-2 (в урочище Люшино); 46 — селище в д. Бебяково; 47 — селище в д. Воронцово; 48 — селище Голькове1 (в д. Голькове); 49 — селище Голькове-2 (между д. Баркановo и д. Голькове); 50 — селище Голькове-3 (на дороге из д. Голькове в г. Сергиев Посад); 51 — селище на территории садовых участков МИД; 52 — селище Семхоз-1 (на ул. Ворошилова); 53 — селище Семхоз-2 (к востоку от поселка); 54 — селище Семхоз-3 (к востоку от поселка); 55 — селище Семхоз-4 (на ул. Комсомольской); 56 — грунтовый могильник на селище Семхоз-4 (на ул. Комсомольской); 57 — селище в Копнинском лесу-1 (у Копнинского пруда); 58 — селище в Копнинском лесу-2 (к западу от Копнинского пруда на поляне Юрьевка); 59 — селище в Копнинском лесу-3 (на линии электропередач поселка ОРГРЭС); 60 — селище в Копнинском лесу-4 (к северо-востоку от Копнинского пруда); 61 — селище в Копнинском лесу-5 (на линии электропередач Москва-Рыбинск); 62 — селище на ул. Бардина поселка Семхоз; 63 — местонахождение в урочище Абис (Обыз); 64 — селище Золотилово-1 (в д. Золотилово); 65 — селище Золотилово-2 (у дачного поселка Мечта-1); 66 — селище Золотилово-3 (у дачного поселка Мечта-2); 67 — селище в дачном поселке Министерства внешней торговли; 68 — селище в урочище Ильинское поле; 69 — селище в д. Гаврилково; 70 — селище у Сальниковой будки; 71 — селище Шапилово-1 (в д. Шапилово); 72 — селище Шапилово-2 (к востоку от д. Шапилово); 73 — селище Шапилово-3 (на дороге на д. Ворохобино); 74 — селище Шапилово-4 (к юго-западу от д. Шапилово); 75 — селище у завода «67-й км»-1 (Кесово);

76 — грунтовый могильник на селище у завода «67-й км» (Кесово); 77 — селище у завода «67-й км»-2 (близ Хохлова луга); 78 — селище у центральной усадьбы совхоза «Конкурсный»; 79 — селище Матренки-1 (в д. Матренки); 80 — селище Матренки-2 (на Репниковом поле); 81 — селище Матренки-3 (в урочище Семушки); 82 — селище Матренки-4 (у «Дачи Гергенштейна»-1); 83 — селище Матренки-5 (у «Дачи Гергенштейна»-2); 84 — селище Машино-1 (в д. Машино); 85 — селище Машино-2 (между д. Машино и д. Подушкино); 86 — селище в д. Высоково; 87 — селище в селе Глинково; 88 — исторический культурный слой Покровского Хотькова монастыря; 89 — некрополь Покровского Хотькова монастыря; 90 — селище у Покровского Хотькова монастыря (южнее Водяных ворот); 91 — селище напротив Покровского Хотькова монастыря; 92 — селище на ул. 1-я Хотьковская (Бобыльская слобода); 93 — селище на ул. Комякинской г. Хотьково; 94 — селище на ул. 2-я Митино г. Хотьково; 95 — селище у завода Лакокрасочных покрытий; 96 — селище Филимоново-1; 97 — селище на ул. 2-я Лесная г. Хотьково; 98 — селище на ул. Горбуновской г. Хотьково; 99 — грунтовый могильник при церкви быв. слц. Горбуновского; 100 — селище Подушкино-1 (в д. Подушкино); 102 — селище Подушкино-2 (на быв. поле Бориски в с/т Парус); 103 — селище на ул. Репина г. Хотьково; 104 — селище на ул. Пионерская г. Хотьково; 105 — селище на ул. Пархоменко г. Хотьково; 106 — селище в д. Репихово; 107 — селище Морозово-1 (на территории 3-ей Слободы д. Морозово); 108 — селище Филимоново-2 (к юго-западу от д. Филимоново); 109 — селище Филимоново-3 (в д. Филимоново); 110 — селище Филимоново-4 (к югу от д. Филимоново); 111 — селище Филимоново-6 (близ ЛЭП Москва — Рыбинск); 112 — селище Рязанцы-1 (в д. Рязанцы); 113 — селище Рязанцы-3 (Рязанцы-Подмош); 114 — городище в с. Радонеж (Крепость Радонежа); 115 — селище Радонеж-1 (Посад Радонежа. Центральная часть); 116 — селище Радонеж-2. (Посад Радонежа. Южная часть); 117 — селище Радонеж-3. (Посад Радонежа. Северная часть); 118 — грунтовый могильник у Спасо-Преображенской церкви в с. Радонеж; 119 — грунтовый могильник в урочище Погост на Афанасовом поле; 120 — селище Радонеж-4 (на поле Карининские полосы, у шоссе на Репихово); 121 — селище Радонеж-5 (к западу от с. Радонеж); 122 — селище Радонеж-6 (на поле Поповы кусты, у шоссе на Репихово); 123 — селище Радонеж-7 (на поле Прислонские полосы, у шоссе на Репихово); 124 — селище Радонеж-8 (на Марьиной горе, у пионерлагеря «Восток»); 125 — селище Радонеж-9 (на быв. поле «Гусинцы» на территории с/т Подмосковье); 126 — селище Радонеж-10 (Софряково, у дороги к устью р. Подмаш); 127 — селище Радонеж-11 (у Морозовской дороги); 128 — селище Радонеж-12 (на Радонежской горе); 129 — селище Радонеж-13 (Севернее Радонежской горы); 130 — селище Радонеж-14 (у Глиняного оврага-1 на трассе ЛЭП); 131 — селище Радонеж-15 (у Глиняного оврага-2 на трассе ЛЭП); 132 — селище Радонеж-16 (на поле Иваниха у бетонки к г. Хотьково); 133 — селище Радонеж-17 (Фомино-1 на трассе ЛЭП в кв. 49); 134 — селище Радонеж-18 (Фомино-2 на трассе ЛЭП в кв. 49); 135 — селище Радонеж-19 (Окуловское Буторино на трассе ЛЭП в кв. 48); 136 — селище Филимоново-5 (в пустоши Дуденевой); 137 — селище Морозово-2 (на поляне Оселок в кв. 12); 138 — селище Короськово-1 (в д. Короськово); 139 — селище Короськово-2 (к северу от очистных сооружений); 140 — селище Лешково-1 (к северу от д. Лешково); 141 — селище Лешково-2 (в урочище Могильцы); 142 — селище Лешково-3 (в урочище Лешково в кв. 13); 143 — селище Лешково-4 (в кв. 13); 144 — селище Лешково-5 (в кв. 12); 145 — селище Лешково-6 (на поляне в кв. 13); 146 — селище Лешково-7 (в кв. 17); 147- селище Лешково-8 (на поле Верхняя Лопата); 148 — селище Лешково-9 (на поле Ржавец); 149 — селище Лешково-10 (на поле Нижняя Лопата); 150 — селище на месте д. Кутузово; 151 — селище Рязанцы-3

(у часовни Крест); 152 — грунтовый могильник при быв. часовне на кладбище в с. Воздвиженском; 153 — государев путевой дворец в с. Воздвиженском; 154 — государев хозяйственный двор в с. Воздвиженском; 155 — селище Воздвиженское-1 (в с. Воздвиженском); 156 — селище Воздвиженское-2 (в урочище Виселицы); 157 — селище Воздвиженское-3 (у Стрелецких могил); 158 — грунтовый могильник в урочище «Стрелецкие могилы»; 159 — селище Воздвиженское-4 (близ устья р. Пажи); 160 — селище Воздвиженское-5 (у газопровода); 161 — селище Воздвиженское-6 (у быв. мельницы); 162 — селище Воздвиженское-7 (близ поляны Пустошка); 163 — селище Воздвиженское-8 (на поляне Пустошка); 164 — селище Воздвиженское-10 (у пионерлагеря им. В. Котика); 165 — селище Воздвиженское-11 (в урочище Угольница); 166 — селище Воздвиженское-12 (между с. Радонеж и с. Воздвиженское); 167 — селище Воздвиженское-13 (на овраге Коломино); 168 — селище Голыгино-1 (в д. Голыгино); 169 — селище Голыгино-2 (у завода «Пластмасс»); 170 — древняя Переяславская дорога; 171 — старая Переяславская дорога; 172 — урочище Курган на лугу Пажа; 173 — некрополь при церкви Успения с. Подсосенье; 174 — селище Подсосенье-1 (в с. Подсосенье); 175 — исторический культурный слой на месте монастыря Успения Богородицы (в с. Подсосенье); 176 — селище Подсосенье-2 (на месте быв. д. Коськово); 177 — селище Подсосенье-3 (на месте быв. д. Дедушково); 178 — селище в д. Вихрево; 179 — селище в д. Варавино; 180 — селище на месте быв. д. Кредово; 181 — селище на месте быв. д. Степурина; 182 — селище в лесу Рогово; 183 — селище Столыпино; 184 — селище у Базы МГРИ-2 (у нового Ярославского шоссе); 185 — селище Малое Охотино-2 (у Байкова луга); 186 — селище Малое Охотино-1 (в д. Малое Охотино); 187 — селище в д. Еремино; 188 — селище к югу от д. Варавино; 189 — селище на Ратовой горе; 190 — селище в д. Киримово; 191 — селище Шелково-1 (в д. Шелково); 192 — селище Шелково-2 (у Серковского луга); 193 — селище Воздвиженское-9 (близ Павловского оврага); 194 — Ратова мельница и пруд.

Ю. В. Селезнев (Воронеж)

К вопросу о статусе Серпуховского княжества в конце XIV столетия

Статус Серпуховского княжества как одного из уделов великого княжества Московского неоднократно привлекал внимание исследователей.

Л. В. Черепнин наиболее тщательно рассмотрел взаимоотношения Дмитрия Донского и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского в связи с внутри- и внешнеполитической обстановкой конца XIV в.[1] Земельные владения князя Владимира рассмотрены В. А. Кучкиным[2]. Особенности статуса Серпуховского княжества на примере его участия в отношениях 1360—1410-х гг. освещены в статье А. Л. Хорошкевич[3].

В то же время осталось не учтенным отношение Серпуховского князя к власти Орды. Это объясняется тем фактом, что письменные источники не упоминают о сколько-нибудь значимых политических акциях Владимира Андреевича, выходящих за рамки основной линии великих князей Дмитрия Ивановича и его сына Василия I.

Однако пролить свет на статус Серпуховского княжества могут, на наш взгляд, нумизматический материал и сведения о выплатах дани.

В первую очередь необходимо отметить, что денежное обращение русских княжеств в XIII—XIV вв. носило самостоятельный характер. Оно не зависело от денежной системы Джучиева Улуса. Ордынский «выход» выплачивался в виде слитков. Ордынские монеты не обращались на территории центральных земель Руси. В основном серебряная ордынская монета в конце XIII—XIV вв. наводнила Среднее и Нижнее Поволжье, южнорусские степи, Крым, Северный Кавказ. Но на Русь она практически не проникала. Только земли русских княжеств по Верхнему Дону и Северскому Донцу, рязанские земли и южные районы Нижегородского княжества знали обращение золотоордынского дирхема[4].

Центральные же русские княжества — Московское, Тверское, большая часть Нижегородского, Новгородские и Псковские земли до конца XIV в. не знают массового монетного обращения вообще. Ни свои, ни западные, ни золотоордынские монеты здесь не встречаются.

Монетная чеканка на Руси возобновляется в конце XIV в. Почти одновременно в Московском, Суздале-Нижегородском и Рязанском княжествах возникают собс-

---

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л. 1948. С. 31—45, 63—75.

[2] *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8.

[3] *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV — начале XV века // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 170—174.

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 45—70.

твенные монетные дворы. Чуть позже собственный чекан начинает Тверское великое княжество.

Монеты начальной чеканки Московского великого княжества имели на лицевой стороне монет легенды с именем хана Токтамыша. Этот факт наиболее ярко свидетельствует о политической зависимости княжества от Орды[5]. Помещение имени хана на монетах Московского княжества говорит о санкции на это Сарая. Таким образом, в отличие от Рязани или Нижнего Новгорода, Москва получила разрешение на помещение имени хана на своих монетах. С одной стороны, это свидетельствует о большей политической зависимости Москвы от Орды в вопросе чеканки. С другой стороны, княжества, начавшие чеканку без санкции Сарая, нарушали прерогативы хана и оказывались в оппозиции к нему. Проводником ордынской политики на Руси становился князь Московский

Уделы Московского княжества, чеканившие свои монеты (Серпуховской, Дмитровский и Можайский), в большинстве своем не помещали на них никаких символов ордынской зависимости. Это объясняется тем фактом, что сношения с Сараем они обязаны были осуществлять посредством Москвы.

Система монетной чеканки, установившаяся на Руси в XIV — первой трети XV вв., ярко иллюстрирует важнейшее изменение в русско-ордынских отношениях. Удельные князья постепенно теряют право на утверждение их владений в Орде. Это право переходит к великим князьям, и прежде всего Московскому и Всея Руси. И этот их статус четко прослеживается по монетной чеканке в столице и уделах Московского княжества[6].

И здесь важно подчеркнуть, что исключение составляют монеты Владимира Андреевича Серпуховского. Ряд оборотных сторон его монет оформлен так же, как и московских: помещена арабская легенда с именем Токтамыша. Это ставит его монеты в один ряд с монетами Москвы. То есть выражена явная претензия на более высокий статус княжества в составе Московского государства (по сравнению с другими уделами), а также на особые, возможно независимые от великого князя, отношения с Сараем. Кроме того, права на чеканку монеты с довольно высоким статусом Владимир Серпуховской мог получить как владетель трети столицы княжества — Москвы. Однако после 1399 г. чеканка в Серпуховском княжестве прекращается, что свидетельствует о преодолении центральным московским правительством относительных противоречий в отношении с уделом[7].

Указанные факты вполне согласуются с данными духовной Серпуховского князя и договорных грамот Владимира Андреевича с Дмитрием Донским и его сыном Василием. В этих документах князь Владимир обязуется внести сумму причитающейся с его удела дани не в московскую ее часть, а в великокняжеский

---

[5] *Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 141.

[6] Подробнее см.: *Селезнев Ю.В.* Монетная чеканка на Руси и изменение статуса княжеств в эпоху Куликовской битвы (конец XIV — первая треть XV вв.) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 242—246.

[7] *Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. С. 82—83.

Владимирский «выход»: «А коли выидет дань великого князя ко Орде в пять тысяч рублев, имется дани детем моим и княгини моеи и их уделом триста рублев и двадцать рублев»[8].

То есть на основе данных нумизматики и сведений о выплатах в Орды можно сделать вывод, что статус Серпуховского княжества явно выше других уделов Московского княжества. В первую очередь, Владимир Андреевич имеет право, как и Московский князь, надчеканки имени ордынского правителя. Во-вторых, ордынский «выход» с территории Серпуховского княжества поступает не в московскую казну, а является частью владимирской (общерусской) дани, что выводит серпуховского князя из-под юрисдикции князя Московского и делает его подотчетным князю Владимирскому. И данное положение не меняется даже после прекращения самостоятельной чеканки в Серпухове, что свидетельствует о сохранении высокого статуса княжества после указанного времени. Данное обстоятельство, на наш взгляд, могло способствовать дальнейшему росту статуса княжества и даже выхода его территории из состава Московского в случае перехода ярлыка на великое княжество Владимирское в руки не московской династии.

[8] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950. С. 31, 38, 49.

А. А. Горский (Москва)

К вопросу о времени перехода Ростовского княжества под власть московских князей*

Княжество со столицей в Ростове выделилось из состава Суздальской земли и управлялось потомками одного из внуков Всеволода Большое Гнездо — Василька Константиновича[1]. В 20-х гг. XIV в. там княжили братья Федор и Константин Васильевичи: старшему Федору принадлежала так называемая Стретенская половина г. Ростова (и соответствующая ей часть княжества), Константину — Борисоглебская[2]. Позднее Стретенская половина оказалась в руках московских князей, а зимой 1473—1474 гг. ростовские князья продали Ивану III Борисоглебскую половину[3].

В отношении хронологии перехода Ростовского княжества под московскую власть в историографии существует несколько точек зрения. 1. Стретенская половина отошла к Москве при Василии II, суверенитет Борисоглебской был ликвидирован в 1474 г.[4] 2. Стретенская половина была отторгнута в 1332 г., Борисоглебская присоединена в 1474 г.[5] 3. Все Ростовское княжество оказалось под властью Ивана Калиты (как великого князя владимирского) в 1328 г., местные князья перешли на положение служебных (т. е. держали часть территории княжества уже как пожалование от великого князя)[6]; в начале 30-х гг. XV в. произошло устранение ростовских князей от судебного управления, а зимой 1473—1474 гг. покупка остатков их отчинных владений[7].

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01064).

1 *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 100—101, 120, 264.

2 Там же. С. 264—267.

3 ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 194 (Типографская летопись); *Кучкин В. А.* Формирование… С. 267.

4 *Янин В. Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // Исторические записки. Т. 108. М., 1982.

5 *Кучкин В. А.* Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.; *Он же.* Формирование… С. 267—268.

6 О статусе служилых князей см.: *Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999.

7 *Стрельников С. В.* Об особенностях политической истории Ростовской земли в XIV—XV вв. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003; то же в кн.: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 152—166.

Относительно приобретения определенных прав на Ростовское княжество Иваном Калитой имеются два свидетельства. Степенная книга (1560-е гг.) и вслед за ней летописец конца XVI в., говоря о продаже части Ростова Ивану III в 1474 г., поясняют, что «первая же половина Ростова к Москвѣ соединися при великомъ князѣ Иване Даниловичѣ»[8]. В «Житии Сергия Радонежского», написанном Епифанием Премудрым в начале XV в., говорится (в связи с рассказом о детских годах игумена — уроженца Ростовского княжества), что «егда бысть великаа рать татарьскаа, глаголемаа Федорчюкова Туралыкова, егда по ней за год единъ наста насилование, сирѣчь княжение великое досталося князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталося и княжение Ростовьское к Москвѣ. Увы, увы, и тогда граду Ростову, паче же и князем ихъ, яко отъася от нихъ власть, и княжение и имѣние, и честь, и слава, и все прочаа потягну к Москвѣ»[9]. «Федорчукова рать» — карательный поход, последовавший за антиордынским восстанием в Твери 1327 г., — имел место зимой 1327—1328 гг.[10] После него Иван Данилович получил от хана Узбека половину княжения Владимирского[11]. Соответственно, переход Ростовского княжения к Калите, исходя из сообщения Жития, следует датировать 1328 г.[12] Житие говорит как будто бы обо всем Ростовском княжении, а не о половине[13]; но нельзя исключать, что агиограф, целью которого было описание жизни Сергия, а не точное изложение территориально-политических перемен в Ростовском княжестве (упоминаемом только в связи с детством героя произведения), мог опустить такую деталь[14]. В последующие годы правления Калиты и в княжение его сыновей Семена (1340—1353) и Ивана

---

[8] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 247; *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М., 1955. С. 259. На наличие этого известия в Степенной книге обратил внимание А. С. Усачев (*Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., 2009. С. 342).

[9] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 303.

[10] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стлб. 43—44 (Рогожский летописец); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 98.

[11] Новгородская первая летопись... С. 469; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 140—141.

[12] В. А. Кучкин полагает, что присоединение Стретенской половины произошло в 1332 г., когда Иван Калита получил все великое княжение (по смерти Александра Васильевича Суздальского, владевшего в 1328—1331 гг. второй его половиной) (*Кучкин В. А.* Земельные приобретения... С. 189). Но Житие Сергия Радонежского прямо говорит, что «княжение ростовское» «досталось к Москве» «за год един» после «Федорчуковой рати» (ср.: *Стрельников С. В.* Об особенностях... С. 9).

[13] Это служит одним из аргументов в пользу гипотезы о переходе под московскую власть в 1328 г. *всего* Ростовского княжества (*Стрельников В. С.* Об особенностях... С. 9).

[14] Ср.: *Кучкин В. А.* Земельные приобретения... С. 188. Если во время написания Жития (конец первой четверти XV в.) под властью московских князей находилось уже все Ростовское княжество (что представляется наиболее вероятным — см. ниже), агиограф вполне мог интерпретировать имеющуюся у него информацию о «насиловании» Ростова как относящуюся к княжеству в целом.

(1353—1359) ростовский князь Константин Васильевич упоминается четырежды: зимой 1339—1340 гг. он участвует по повелению великого князя в русско-ордынском походе на Смоленск[15], зимой 1340—1341 гг. — в походе нового великого князя Семена на Торжок[16], в 1342 г. ездит в Орду после воцарения нового хана Джанибека[17], в 1349 г. выдает свою дочь за литовского князя Люборта Гедиминовича с разрешения великого князя Семена[18]. Первые два и последнее из этих известий не дают надежных данных о статусе Константина: среди участников похода на Смоленск и Торжок упоминаются несомненно суверенные князья[19] — суздальский, ярославский, юрьевский, но не исключено, что и служебный князь мог быть назван в этих перечнях; с другой стороны, санкция великого князя на брак ростовской княжны не говорит обязательно о несуверенности Константина, поскольку такое же разрешение в том же году Семен Иванович давал на брак с великим князем литовским Ольгердом тверской княжны, т. е. представительницы несомненно самостоятельного княжества. Но вот сообщение о поездке Константина Васильевича в Орду в 1342 г., бесспорно, свидетельствует о его суверенном положении: правом самостоятельного сношения с Ордой служебные князья не обладали[20]. При воцарении нового хана было необходимо обновление ярлыков на княжение, и визит ростовского князя к Джанибеку означает, что его владельческие права регулировались Ордой, а не великим князем владимирским[21]. Причем такая ситуация сохранялась как минимум до начала 60-х гг. XIV в., поскольку под 1361 г. Константин Васильевич еще раз упоминается среди князей, ездивших за ярлыками в Орду после восшествия на престол нового хана[22].

Таким образом, следует полагать, что в 1328 г. вместе с половиной великого княжения Иван Калита получил Стретенскую половину ростовского княжества[23]; Борисоглебская половина осталась за местными князьями.

---

[15] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стлб. 52.

[16] Там же. Стлб. 53.

[17] Там же. Стлб. 54.

[18] Там же. Стлб. 59.

[19] Речь идет, разумеется, об относительном суверенитете, так как владетельные князья Северо-Восточной Руси зависели от великого князя владимирского и от хана Орды. Но, в отличие от служебных князей, их владельческие права регулировались не великим князем, а ханом.

[20] См.: *Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 187.

[21] Ср.: *Кучкин В. А.* Земельные приобретения... С. 188. В летописном известии о поездке русских князей в Орду после воцарения Джанибека упоминаются, помимо ростовского князя, только самостоятельные князья — суздальский, тверской и ярославский.

[22] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стлб. 70—71.

[23] По вероятному предположению С. В. Гордилина, урезание владельческих прав ростовских князей было связано с поддержкой ростовскими Васильевичами в предшествующие годы впавших в немилость в Орде князей тверских (*Гордилин С. В.* Ростовское боярство в I четверти XIV в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002).

Как уже неоднократно указывалось в литературе[24], традиционное представление, что до продажи ростовскими князьями Борисоглебской половины в 1474 г. эта часть княжества оставалась суверенной, наталкивается на противоречащие ему данные источников. В духовной грамоте Василия II (1461—1462 гг.) говорится о передаче Ростова «со всѣмь, что к нему потягло» великой княгине Марии Ярославне, а про ростовских князей сказано: «а князи ростовские что вѣдали при мнѣ, при великом князи, и ини по тому и держат и при моеи княгинѣ, а княгиня моя из них в то не въступается»[25]. Если бы владельческие права ростовских князей регулировались Ордой, формулировки «что вѣдали при мнѣ», «по тому и держат и при моеи княгинѣ», «в то не въступатися» были бы невозможны; по смыслу текста следует, что «держат» ростовские князья свои владения от великого князя. Известны две жалованные грамоты Василия II Троице-Сергиеву монастырю на рыбные ловли в Ростовском озере и на двор в Ростове. В одной в качестве местных властей упоминаются «наместники мои ростовские»[26], в другой — «князи ростовские», но из текста следует, что последние могут осуществлять суд только совместно с «вопчими судьями» великого князя[27]. Считать ли, что эти грамоты относятся к разным территориям — одна к земле, входящей в Стретенскую половину Ростовского княжества (принадлежащую великому князю), другая — в Борисоглебскую (где правили местные князья), либо полагать, что они разновременны и указывают на лишение Василием II ростовских князей в начале 30-х гг. XV в. судебных прерогатив[28], — очевидно, что ростовские князья обладали в своих владениях ограниченным суверенитетом: великий князь имел право на пожалование монастырю территорий, на которые распространялось право их суда (и без того не полное)[29]. Таким образом, уже при Василии II ростовские князья находились на положении служебных, источником их прав была воля великого князя московского. Когда же они утратили самостоятельность?

В тверском летописании под 1411 и 1414 гг. «ростовские князи» упоминаются среди участников московских походов против нижегородских князей, пользовавшихся поддержкой Орды[30]. Рядом с ними названы князья «суздальские» и «яро-

---

[24] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 60—63; *Стрельников С. В.* Об особенностях...

[25] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее ДДГ). М.; Л., 1950. № 61. С. 195.

[26] Акты социально-экономической истории XIV—XV вв. М., 1952. Т. 1. № 98. С. 79.

[27] Там же. № 107. С. 85.

[28] *Стрельников С. В.* Об особенностях... С. 11—14. В. Б. Кобрин, наоборот, полагал, что грамота с упоминанием ростовских князей отражает расширение их судебных прерогатив, осуществленное великим князем в 1446—1448 гг. с целью поиска союзников в борьбе с Дмитрием Шемякой (*Кобрин В. Б.* Указ. соч. С. 61—62).

[29] Ср.: *Стрельников С. В.* Об особенностях... С. 11—14.

[30] ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стлб. 485, 487 (Тверской сборник).

славские». Первые с 1392 г. находились на положении служебных[31], под «ярославскими» же имеются в виду, скорее всего, князья моложской ветви ярославского дома, также находившиеся в это время в статусе служебных князей Василия I[32]. В 1398 г. во время московско-новгородской войны за двинские земли сын ростовского князя Андрея Федоровича Федор Андреевич выступал в качестве военачальника, присланного великим князем Василием[33]. Таким образом, уже в эпоху Василия I ростовские князья, скорее всего, являлись князьями служебными.

В духовной грамоте Ивана III (1503 г.), в разделе, посвященном содержанию татарских послов, упоминаются «послы татарские, которые придут къ Москвѣ, и ко Тфѣри, и к Новугороду к Нижнему, и къ Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани къ Старои, и къ Перевитску ко княж Федоровскому жеребью Рязанского»[34]. Речь идет о ранее самостоятельных княжествах, куда по традиции могли приходить из государств — наследников Орды особые послы. Тверь и часть Рязанского княжества — Старая Рязань и Перевитск — были недавними приобретениями Ивана III[35]. Ярославское княжество потеряло самостоятельность в 1463 г.[36], Нижний Новгород и Таруса перестали быть центрами суверенных княжеств в 1392 г.[37] Следовательно, перечень городов, князья которых имеют самостоятельные сношения с Ордой, «отсылает» к периоду ранее 1392 г. Ростова в этом перечне нет — очевидно, ростовские князья утратили суверенитет прежде этого времени.

В московско-тверском договоре 1375 г., заключенном после капитуляции Михаила Александровича Тверского перед коалиционным войском во главе с Дмитрием Ивановичем Московским, оговаривается неприкосновенность владений союзников Москвы: «А князи велиции крестьяньстии и ярославьстии с нами один человѣкъ. А их ти не обидети. А имеешь их обидети, нам, дозря их правды, боронитися с нима от тобе с одиного. А имут тобе обидѣти нам, дозря твоие правды, боронитися с тобою от них с одиного»[38]. Ростовские князья, так же как и ярославские, являвшиеся непосредственными соседями Тверского княжества, не упомянуты[39]. Меж-

---

[31] *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004.

[32] *Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 190—192.

[33] Новгородская первая летопись... С. 391—393 («а от князя великаго присхалъ на Двину в засаду князь Федоръ Ростовьскыи городка блюсти и судити и пошлинъ имати»).

[34] ДДГ. № 89. С. 362.

[35] Там же. С. 357.

[36] *Назаров В. Д.* О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.

[37] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 119—123; *Он же.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств...; *Он же.* Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 153—160.

[38] ДДГ. № 9. С. 26.

[39] Под «великими князьями» они не могли подразумеваться, так как не имели великокняжеского титула. Его носителями были участвовавшие в походе на Тверь князья

ду тем в походе на Тверь они участвовали[40]. Скорее всего, территория Ростовского княжества уже в это время мыслилась как целиком великокняжеская, а местные князья — как служащие великому князю.

Таким образом, потерю суверенитета Борисоглебской половины Ростова следует относить ко времени между 1361 (когда ростовский князь Константин Васильевич ездил за ярлыком в Орду) и 1375 гг. В этот период была только одна ситуация, подходящая для изменения статуса Ростовского княжения. В начале 1360 г., вскоре после смерти великого князя владимирского и князя московского Ивана Ивановича (13 ноября 1359 г.), «вси князи Роуськыи» отправились к только что воцарившемуся в Орде хану Наврузу. Великое княжение хан передал не сыну Ивана Ивановича Дмитрию (которому было всего 9 лет), а суздальскому князю Дмитрию Константиновичу[41]. При этом Стретенская половина Ростова была изъята из состава великокняжеских владений и возвращена ростовскому князю Константину Васильевичу[42], т. е. Ростовское княжество восстанавливалось в объеме, существовавшем до 1328 г.[43] Однако московским правящим кругам удалось быстро изменить ситуацию, воспользовавшись противоборством разных группировок в Орде (где разворачивалась усобица — «замятня»). В 1362 г. был получен ярлык на великое княжение для Дмитрия Ивановича от одного из претендентов на престол — Мюрида (Мурата). В следующем 1363 г. аналогичный ярлык выдал московскому князю другой хан — Абдулла (фактическим правителем при котором был эмир Мамай)[44]. После этого Константин Васильевич был выведен из Ростова и переведен в Устюг, центр северных (двинско-сухонских) владений ростовских князей; ростовским князем стал при военной поддержке Москвы племянник Константина — Андрей Федорович[45].

Очевидно, именно по ярлыку «Мамаева царя» Абдуллы Ростовское княжество полностью переходило под власть великого князя, а ростовские князья стали его служебными князьями. Мамай, стремясь в борьбе за власть в Орде заручиться поддержкой русских вассалов, согласился дать московскому князю больше, чем годом ранее Мюрид, возвратив в состав великого княжения Стретенскую половину Ростова и добавив к нему вторую, Борисоглебскую. Андрей Федорович, в свою

нижегородский и черниговский (брянский), а также не принимавшие участия, но союзные тогда Москве рязанский и пронский князья.

[40] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110—111.

[41] Там же. Стб. 68—69.

[42] Там же. Стб. 69; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 269.

[43] Одновременно было восстановлено как самостоятельное Галицкое княжество, одна из «купель» Ивана Калиты (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стлб. 69; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 244—248).

[44] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стлб. 72—74; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 81.

[45] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стлб. 74; Т. 1. М., 1962. Стлб. 532—533 (Московская Академическая летопись); *Кучкин В. А.* Формирование... С. 269—270, 276—279.

очередь, ради получения в обход дяди ростовского княжения поступился суверенными правами в пользу великого князя[46].

[46] Чеканка ростовскими князьями в первой четверти XV в. своей монеты (*Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 88—97) не может быть аргументом в пользу их суверенного положения. Так, известны монеты суздальского князя Дмитрия Борисовича периода, когда он являлся служебным князем Василия I (см.: *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств... С. 148). Упоминание Андрея Федоровича рядом с суверенными князьями (тверским, рязанским и ярославским) в Житии Стефана Пермского (Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 210) может быть связано с тем, что и герой Жития, и его автор (Епифаний Премудрый) начинали свою монашескую жизнь в Ростове (и при этом князе). Отсутствие упоминаний Ростова в духовных грамотах Дмитрия Донского и Василия I объясняется, как справедливо отметил С. В. Стрельников (*Стрельников С. В.* Об особенностях... С. 10), тем, что он входил в понятие «великого княжения» (целиком передаваемого великими князьями сыновьям-наследникам). Специальное упоминание Ростова в духовной Василия II потребовалось, потому что великий князь завещал Ростов не Ивану III в составе великого княжения, а своей княгине.

Ф. М. Шабульдо (Киев)

Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в.*

Рассматриваемая проблема известна в историографии давно, но специально еще не исследовалась. До сих пор не выяснены некоторые характерные черты кондоминиума, не установлены достаточно точно его хронологические рамки, место и роль во взаимоотношениях сообществ кочевников и оседлого земледельческого населения на межгосударственном уровне в позднесредневековой Восточной Европе.

По этой, видимо, причине в научных трудах кондоминиум в украинских землях XIV в. либо полностью игнорируется (при этом присущие ему признаки нередко относятся на счет безраздельного господства Золотой Орды), либо рассматривается исключительно в фактографическом аспекте[1].

Наиболее характерные черты кондоминиума назвал еще на рубеже XIX—XX веков Михаил Грушевский в фундаментальном труде по истории Украины-Руси. Исследователь, правда, не сгруппировал и не обозначил эти черты специальным термином. Но он впервые обратил внимание на присущее им своеобразие, указал на то, что они были результатом определенного компромисса, пытался определить их хронологические рамки. Тем самым М. Грушевский, как представляется сейчас, попытался обозначить особый этап во взаимоотношениях крупнейших государств Центрально-Восточной Европы в XIV в. Сказанным, думается, определяется значимость сделанного М. Грушевским в этом направлении.

Если соответствующие его замечания резюмировать, то получим следующие выводы. Согласно М. Грушевскому, сущность явления, названного позже кондоминиумом, — это компромисс между Золотой Ордой, в зависимости от которой находились земли Украины-Руси, и Литвой или Польшей, претендовавших на владение

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Американского совета научных обществ (American Council of Learned Societies) как часть исследования о ярлыках крымских ханов на украинские земли XV—XVI вв.

[1] См.: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 32—36; *Pelenski Ja.* The contest between Lithuania and the Golden Horde in the fourteenth century for supremacy over Eastern Europe // *Idem*. The contest for the legacy of Kievan Rus'. New York, 1998. P. 134; *Rowell S. C.* Iš viduramžių ūkų kylanti Lietuva. Pagonių imperija Rytų ir Vidurio Europoje, 1295—1345. Vilnius, 2001. S. 121—123, 126. По меньшей мере парадоксальной является трактовка кондоминиума Е. Русиной, которая видит в нем основное средство расширения владений Литовского государства за счет Золотой Орды. См.: *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 59—62; *Она же*. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 80—81, 84—88.

этими землями. В результате достигнутого компромисса спорная территория попадала в двойную зависимость: как от утвердившейся в ее пределах литовской или польской администрации, так и от власти золотоордынского хана, сохранившееся верховенство которой реализовалось в виде дани. М. Грушевский не исключал, что подобный компромисс мог быть достигнут между Ольгердом и Мамаем в начале 1370-х годов[2]. Но он также утверждал, что бывшее Галицко-Волынское княжество пребывало в статусе, определяемом двусторонними компромиссными соглашениями еще с 1340-х годов, причем как литовская, так и польская его части, а затем также Киевское княжество и Подолье, которое «как и другие украинско-русские земли Великого княжества Литовского номинально признавало татарское верховенство над собою вплоть до конца XIV в. или даже позднее»[3].

Окончательный вывод М. Грушевского относительно времени и других исторических обстоятельств возникновения кондоминиума более убедителен. «Вел[икое] княжество Литовское получило свои отношения к татарам, можно сказать, в наследство с украинскими землями вместе. Выше я говорил, — подчеркнул ученый, — что Любарт, завладевая наследством Юрия-Болеслава, должен был одновременно упорядочить свои отношения к Татарской орде, которая признавала за собою определенные права верховенства над галицко-волынскими землями. Должен был оплачивать определенные контрибуции, как оплачивали и другие литовские князья с тех украинских земель, которые Татары считали подвластными себе, и как оплачивало также и польское правительство — Казимир, например, когда хотел быть в согласии с Татарами»[4]. Упразднение кондоминиума М. Грушевский связывал с прекращением зависимости украинских земель от Орды, конкретно — с выдачей в 1398 году золотоордынским ханом Токтамышем великому князю литовскому Витовту жалованного ярлыка на земли южной Руси или же с окончательным распадом ордынского государства[5]. Определенные им таким образом рамки существования кондоминиума в хронологическом измерении соответствуют: нижняя — приблизительно 1340 г., а верхняя — концу 90-х годов XIV в. или даже середине 20-х годов XV в.

Разгром академического центра украинской медиевистики в 1930 г. и последующая идеологизация исторической науки сделали невозможным дальнейшее изучение проблемы кондоминимума в Украине. Оно, однако, продолжалось в Польше, где на рубеже XIX—XX в. и особенно в межвоенный период был сделан ряд замечаний, кое в чем проясняющих как природу кондоминиума, так и обстоятельства его возникновения[6]. Их ценность отнюдь не уменьшает тот факт, что они, по большей части, маргинальны.

---

[2] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. IV. Київ; Львів, 1907 (перевид.: Київ, 1993). С. 83.

[3] Там же. С. 92, 82—87.

[4] *Грушевський М.* Указ. соч. С. 312.

[5] Там же. С. 85, 87.

[6] *Stadnicki K.* Koryjat Gedyminowicz i Koryjatowicze // Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Historyczno-Filizoficznego Akademii Umiejętności. T. VII. Kraków, 1877.

Почти все польские историки признавали сюзеренитет Золотой Орды над Киевским княжеством, а также польской и литовской частями Подолья в XIV в.[7], свидетельством чего была выплата населением этих земель ежегодной ордынской дани — факт, трактуемый ими как непременное условие сохранения мира и союза с Ордой. О замечаниях и суждениях некоторых из них следует сказать особо.

В 1927 г. Феликс Конечный, анализируя содержание ярлыка-послания хана Токтамыша к польскому королю Владиславу-Ягайлу от 20 мая 1393 г., заметил, что ордынская правящая элита придерживалась принципа: «"выход" тяготеет над краем, а не над князем»; поэтому даже в случае перехода края из-под власти Рюриковичей под власть Гедиминовичей дань по-прежнему должна была взиматься в пользу Белой Орды. Само послание Токтамыша — это напоминание Владиславу-Ягайлу о необходимости уплаты дани; в случае удовлетворения своего требования хан предлагал военную помощь на основе взаимности. На ханские притязания последовал отказ, с чем вскоре должен был примириться и Токтамыш, и его сын Джелаледдин (Zeledyn), а затем в 1419 г. и могущественный эмир Эдигей[8]. Ф. Конечный рассматривал послание Токтамыша всего лишь как документ, характеризующий литовско-польско-ордынские отношения в начале 1390-х годов, а не как источник, освещающий также их более раннюю стадию, т. е. отношения кондоминиума, которые как таковые остались ему неизвестны.

В 1938 г. Хенрик Пашкевич, полемизируя с Ю. Пузыной по поводу политической роли Кориатовичей в начале их правления в Подольской земле, не исключал «возможности овладения Кориатовичами Каменцем, Смотричем и др[угими] городами за цену признания ханского верховенства и выплаты традиционной дани».

S. 1—146; *Jablonowski A.* Historia Rusi południowej do upadku Rzeczypospolitej Polskiej. Kraków, 1912; *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze // Ateneum Wileńskie. R. VII. Wilno, 1930. S. 425—454; *Kuczyński S. M.* Sine Wody. (Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r.), [w:] tenże. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1965. S. 135—179 (первое изд. [w:] Księga ku czci O. Haleckiego. Warszawa, 1935. S. 81—141); *Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze oraz sprawa podolska // Ateneum Wileńskie. R. XI. Wilno, 1936. S. 57—97; *Paszkiewicz H.* Pierwsze wystąpienia Korjatowiczów na widownie dziejowej [w:] tenże. O genezie i wartości Krewa. Warszawa, 1938. S. 264—299; *Krakowski S.* Korjatowicze i sprawa podolska w XIV w. w oświetleniu najnowszej historiografji polskiej // Ateneum Wileńskie. R. XIII. Wilno, 1938. S. 250—274.

[7] Особую позицию относительно статуса Подолья в XIV в. занял А. Прохаска, утверждавший, что Польша и подвластное ей Малое (западное) Подолье не платили «выход» Орде, если же это делали Кориатовичи с Малого Подолья, то по своей воле. В то же время литовское Подолье выплачивало ордынскую дань, чему есть документальные свидетельства; оно определенно поступало так во времена Ольгерда. *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 r. // Przegląd Historyczny. T. XV. 1912. S. 262, 263. См. реплику Ф. Конечного об обоснованности этого мнения: *Koneczny F.* Geneza urosczczeń... S. 195. Not. 4.

[8] *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi litewskiej // Ateneum Wileńskie. R. 3. Wilno, 1925—1926. S. 4, 5.

Статус Кориатовичей в Подолье Х. Пашкевич был склонен приравнять к статусу Владимира Ольгердовича Киевского и некоторых других украинских властителей XIV в., отождествляя их с известными примерами двойной зависимости «мелких князей», в частности со статусом Юрия Наримантовича в Кременце, определенным польско-литовским договором 1352 г.[9] Он также отмечал, что «были они (т. е. примеры двойной зависимости. — *Ф. Ш.*) обычно проявлением компромисса двух противоборствущих сил», имели локальный и временный характер, подчеркивал противоречивость политических интересов Литвы и Орды в различных частях Руси[10]. Им же было высказано предположение, что союзнические отношения между Литвой и Ордой существовали уже во времена Узбека и Гедимина[11]. Относительно Киевского княжества Х. Пашкевич придерживался мнения о его зависимости от Литвы (начиная с 1330-х годов) и одновременно от Орды вплоть до конца XIV в., чему свидетельством было, как он считал вслед за М. Грушевским и М. Гумовским, изображение татарской тамги на монетах киевского князя Владимира Ольгердовича[12].

Едва начатое изучение кондоминума так и не было завершено: после 1930-х годов никто из исследователей им не интересовался. Редкие случаи упоминания этого термина в трудах современных историков не могут, конечно, быть приняты за научную разработку проблемы. Все эти обстоятельства побуждают снова обратиться к кондоминиуму как к объекту исследования.

Приступая к этой работе, прежде всего констатируем (вслед за М. Грушевским), что кондоминиум — это прямой результат компромиссных соглашений между правителями Золотой Орды, Литвы и Польши относительно их спорных владений в землях Украины-Руси. Он был характерен лишь для некоторых ее территорий — Волыни, Галицкой Руси, Киевщины и, вероятно, Подолья Кориатовичей. Компромиссная договоренность действительно была необходимым условием для установления мирных и союзнических отношений между золотоордынским ханом и монархами Польши или Литвы. Поскольку в «треугольнике» политического соперничества (Золотая Орда — Литва — Польша) все стороны искали себе союзника, то одна из них — будь то Литва или Польша — временами и попеременно оказывались в числе либо «приятелей», либо «неприятелей» Золотой Орды. Поэтому существование кондоминиума в конкретных украинских землях было не постоянным, а скорее дискретным; он также никогда не охватывал их в целом, тем более одновременно.

---

[9] В акте этот статус определен следующим образом: «А кремянець держати юрью наримонътовичю, ѡ(т) кнѧзий литовьскыхъ. и ѡ(т) короля за в. ле(т). а города не рубити а коли миръ станеть юрью кнѧзю города лишитиса». См.: Грамоти XIV ст. / Упорядк. М. М. Пещак. Київ, 1974. С. 30.

[10] *Paszkiewicz H.* O genezie i wartości Krewa. S. 275—276, 274. Przypis 4.

[11] *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. T. 1: Litwa i Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa, 1933. S. 335.

[12] *Paszkiewicz H.* O genezie i wartości Krewa. S. 194.

Главным условием существования кондоминиума была выплата регулярной дани ханам Золотой Орды с земель, ранее ей подвластных, но затем инкорпорированных в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского. Формально-правовым основанием для этой практики служило признание правителями Польши и Литвы верховенства власти хана над польскими или литовскими владениями в Украине-Руси. При этом польские администраторы и литовские династы в украинских землях не меняли своего сюзерена и не превращались в ханских вассалов (ленников), а продолжали оставаться в рамках прежних феодальных структур военно-политической иерархии. Достаточным доказательством тому является уже упоминавшийся ярлык Токтамыша от 20 мая 1393 г.[13], который был определенно адресован Владиславу I Ягайлу как главе унитарного польско-литовского государства и правящей в Литве династии, а не его отдельным вассалам, как должно было бы быть в противном случае.

По-видимому, кондоминиум предполагал присутствие баскаков в землях, на которые он распространялся. И в самом деле, летописные источники под 1331 годом сообщают о нападении вблизи Чернигова отряда киевского князя Федора (весьма вероятного брата Гедимина) и баскака на эскорт новгородского епископа Василия Калики[14]. Примерно тем же временем датируются сведения летописной повести «О Подолье» о баскаках, в ведении которых находился сбор регулярной дани с населения Подольской земли до прихода туда литовских князей Кориатовичей[15].

---

[13] В ярлыке хан, в сущности, предложил Владиславу-Ягайле вернуться к кондоминатным отношениям, то есть на двусторонней основе решить вопросы о мире, союзе и возобновлении выплаты дани. Примечательно, что посланцы вручили ярлык королю в Кракове, хотя его адресатами являлись две не названные поименно особы (возможно, Ягайло и Витовт), и там же получили на него ответ («отправу»). Лишь затем они были направлены в Луцк к Витовту, наместнику Ягайла в Великом княжестве Литовском в то время. См.: Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1430, wydal Fr. Piekosiński // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XV. Kraków, 1896. S. 162; *Koneczny F.* Geneza uroszczeń... S. 198.

[14] Новгородская первая летопись / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 344; Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1863. Т. 15. Стлб. 68; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.; Л., 1949. С. 170. О самом рассказе см.: *Batura R.* Lietuva kovoje prieš Aukso Orda. Nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenų. Vilnius, 1975. S. 182—200. О политической подоплеке описываемых в нем событий: *Rowell S. C.* Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295—1345. Cambridge, 1994. P. 160—163; *Ейзо М.* Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владычество в 1330—1331 гг. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 207—217.

[15] ПСРЛ. Т. 17. С. 81—82, 99, 278, 496; Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 66—67, 74—75; 102, 207, 228—229. Повесть умалчивает о политических функциях баскаков в Подолье. Она также не дает ответа на вопросы: были ли лишены они этих функций полностью или частично, когда и при каких обстоятельствах это произошло? Другое ее известие — о прекращении Кориатовичами выплаты дани с Подолья сразу

Однако определить, на каком именно основании пребывали баскаки в Киевском и Подольском княжествах в 30-х и в начале 40-х годов XIV в. — как функционеры еще не демонтированной повсеместно на Руси системы баскачества или же в связи с кондоминатным статусом этих княжеств, — сейчас весьма затруднительно. Причина этого кроется в разногласии мнений относительно даты окончательной ликвидации баскачества в княжествах и землях Северо-Восточной Руси[16], а также в недостаточности сведений о функционировании этой системы в землях Украины-Руси в первой половине XIV в.

Поскольку межгосударственные соглашения о кондоминиуме заключались на определенный срок, его условия должны были письменно фиксироваться. Однако акты такого рода неизвестны. Тем не менее вероятность их составления в прошлом нельзя исключать полностью — в пользу этого предположения говорят явные следы кондомината в ярлыках крымских ханов, выданных в первой половине XVI в. польско-литовским монархам на украинские земли[17]. Разумеется, под влиянием

после вокняжения — может быть правдивым для 1346—1347 и ряда последующих годов, когда Кориатовичи могли воспользоваться ослаблением Орды, чтобы распространять свою власть южнее и восточнее первоначальных своих владений в этом крае. Ведь в 1346 и 1347 гг. население Крыма, Северного Причерноморья и Прикаспия пострадало от эпидемии чумы, вследствие чего система управления ордынского государства в этих ареалах могла быть какое-то время недееспособной. Вместе с тем второе известие повести не соответствует военно-политической ситуации в этом регионе в начале 1350-х годов, когда здесь доминировали Золотая Орда и Литва, заключившие антипольский союз (*Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i 1. połowie XV wieku // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu / Red. F. Kiryk. Kraków, 2000. S. 17—18). Видимо поэтому его не воспринимали всерьез О. Якубовский (*Jakubowski A.* Historia Rusi Poludniowej. S. 83), А. Прохаска (*Prochaska A.* Podole lennem Korony. Kraków, 1895. S. 1—2, 4), С. Кучиньский (*Kuczyński S. M.* Op. cit. S. 157. Not. 136).

[16] В 1952 г. А. Зимин выдвинул тезис об усилении освободительной борьбы на Руси в начале XIV в. как причине отзыва из ее пределов баскаков, чьи функции по сбору дани были переданы местным князьям (*Зимин А. А.* Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в северо-восточной Руси // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 5. 1952. С. 61—65). Это мнение оспорил Ч. Гальперин, утверждавший, что баскаков заменили послы и даруги в связи с потребностями дальнейшего развития управленческих структур Орды. Исследователь не определяет временные рамки этой замены, но отмечает, что дольше всего баскаки удерживались в пограничных со степью княжествах, в частности в Рязанском до третьей четверти XIV в. (*Halperin Ch. J.* Russua and the Golden Horde: the Mongol Impact on the Medieval Russian History. Bloomington, 1985. P. 37—40).

[17] См. публикации ярлыков: 1) Хаджи Гирея от 22.09.1461 г. (*Gołębiowski J.* Dzieje Polski za panowania Kazimirza, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa, 1848. S. 230—231. Not. 587; *Барвінський Б.* Історичні причинки. Розвідки, замітки і матеріали до історії України-Руси. II. Львів, 1909. С. 11—18). 2) Менгли Гирея 1472 г. (*Gołębiowski J.* Dzieje Polski za panowania Kaźmirza, Jana Olbrachta i Alexandra. S. 232—233. Not. 588; *Барвінський Б.* Указ. соч. С. 11—16, 18—21). 3) Менгли Гирея от 2.07.1507 г. (Акты, относящиеся

постоянно меняющейся специфики взаимоотношений субъектов соглашения содержание ярлыков XVI в. должно значительно отличаться от содержания подобных им актов XIV в., тем не менее оно позволяет составить представление о наиболее общих и существенных чертах кондоминиума предшествующих времен. К примеру, наличие в ярлыках крымских ханов традиционного списка городов Южной Руси, пожалованных некогда золотоордынскими ханами правителям Литвы, наталкивает на мысль, что и в первичных соглашениях о кондоминиуме каким-то образом обозначалась территория, которую Орда уступала своему «приятелю» на условиях совместного владения. Другие статьи и клаузулы крымских ярлыков дают основание предполагать наличие в исходных актах такого рода также официальной версии о причинах изменения политико-административного статуса присоединяемых территорий, условий, на которых они признавались собственностью нового властителя, указания на степень полноты его владельческих прав, а также стоимости и срока доставки дани в Орду [18]. Еще одна непременная и важная статья (или группа статей) должна была содержать взаимные обязательства обеих сторон, прежде всего военные.

О военных обязательствах договорных «приятелей» Орды времен кондомината источники позволяют сказать более конкретно. В крымских ярлыках-докончаниях первой половины XVI в. реализация соответствующей статьи предусматривается как совместная, но отнюдь не взаимная акция: лишь хан обязуется предоставить

к истории Западной России, собр. и изд. Археографической комиссиею. Т. 2. СПб., 1848. С. 4—5; Lietuvos Metrika. Knyga № 8 (1499—1514). Vilnius, 1995. S. 83—84). 4) Менгли Гирея от 3.02.1514 г. (Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469—1515). Akta i listy / Wyd. i szkicem historyczn. poprz. K. Pułaski. Kraków; Warszawa, 1881. S. 420—422.); 5) Мухаммед Гирея, предъявленный Саадет Гиреем в 1532 г. (Lietuvos Metrika. Knyga № 15 (1528—1538). Vilnius, 2002. S. 191—193). 6) Сахиб Гирея 1535 г. (Lietuvos Metrika. Knyga № 15. S. 235—238); 7) Давлет Гирея 1552 г. (Книга посольская Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572) / Изд. кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М., 1843. С. 65—70). О типах этих ярлыков см.: *Шабульдо Ф. М.* Договірні ярлики кримського хана Мегмед Гірея на українські землі // Український археографічний щорічник. Вип. 10—11. Київ, 2006.

[18] Сведения об ордынской дани времен кондомината содержит инструкция от 27 ноября 1500 г. великого князя литовского Александра Ягеллона киевскому воеводе Дмитрию Путятичу, назначенному послом в Крым. Документ показывает, что литовская сторона была согласна выплачивать ежегодную дань («поголовщину») с феодально зависимых крестьян («людей») трех крупнейших украинских земель Великого княжества Литовского, которые тогда являлись главными объектами военных действий Крымского ханства. В инструкции, в частности, значится: «А его м(и)л(о)сть г(о)с(по)д(а)ръ нашъ, про тебе, брата своего, хочеть то вчынити со своих людеи, с князких и с панъских, и з бояръскихъ, земли Киевъское и Волынъское, и Подолское, с кажъдог(о) ч(е)л(о)века головы велить тобе тры деньги давати в каждыи год» (Lietuvos Metrika (1427—1506). Knyga № 5 / Parengė E. Banionis. Vilnius, 1993. S. 155, 162).

военную помощь против литовского «неприятеля»[19]. Однако в 1393 г. хан Золотой Орды Токтамыш предложил свою военную помощь польскому королю Владиславу II Ягайлу действительно на взаимной основе[20]. С другой стороны, летописи свидетельствуют о неоднократных случаях навязывания Ордой военной помощи зависимым от ханской власти князьям Руси[21], а также участия их военных дружин в ордынских походах, что было особенно характерно для периода безраздельного господства Золотой Орды в Восточной Европе.

Напрашивается вывод, что предоставление ордынских войск ханским вассалам и правителям соседних стран было обычной практикой властей Золотой Орды. Более того, она, видимо, была традиционной для ее общества, большую часть которого составляли кочевники-скотоводы, природными условиями самой среды обитания и образом своей жизни подготовленные к профессии конных воинов[22]. На ее фоне контрастно выделяются военные обязательства договорных «приятелей» Золотой Орды времен существования кондоминиума, которые предусматривали участие их войск в инициированных Ордою походах. Например, в перемирной

---

[19] Например, в ярлыке Менгли Гирея от 28.07.1514 г.: «...везде на всякого его неприятеля быти намъ с ним заодинъ... Тѣж на неприятѣля его, великого кнзя московского, мы, Мѣндли Кгирѣи-царъ, со в[си]ми дѣтьми и людми своими, всимъ воискомъ своимъ, королю великому кнзю Жикгимонту маємъ помочни нынѣ и завжды и напотомъ. Такъжѣ и на иныхъ неприятѣлѣи его, коли пришлет к намъ жадаючи ѡ люди маємъ ему помоч давати сумою людеи колко ему будет надоби» (Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 567). Подобно и в ярлыке Давлет Гирея 1552 г.: «А маемъ приятелю его приятелем быть, а неприятелю его неприятелем, и где бы кольвекъ неприятель его былъ, тутъ маемъ напротивъ тому неприятелеви за одинъ быть, и напротивъку его за одно стоять» (Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 66).

[20] В ярлыке значится: «Как ѡтць нашь какъ ѡци ваши были заѡдно послы сылали межи собою а мы такоже хочемъ с вами быти. Аже будеть ва(м) надобѣ помочь на кого на ворога вашого азъ самъ єсмь готовъ за того тобѣ на помочь всею моєю силою а толко вѣсть намъ даите. А коли па(к) потомъ коли намъ бы надобѣ вы намъ таковиже будете». Цит. по: Грамоти XIV ст. С. 113.

[21] Например, запись под 1277 г. о распоряжении эмира Ногая волынским князьям: «Всегда мь жалуоете на Литвоу, осе же вы дал есмь рать и воеводу с ними Мамъшъя, поидете же с ним на вороги своя» (Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Стлб. 876).

[22] По этой причине Орда вряд ли испытывала недостаток в воинах, по крайней мере до начала 1360-х годов. Наоборот, проблема их избытка как часть другой проблемы — перенаселенности степей Евразии, губительной для социума номадов, — постоянно возникала перед ордынскими правителям. Обе проблемы решались при помощи миграции части кочевого населения в соседние страны, нуждавшиеся в услугах степных воинов, почти беспрерывных войн с Ираном, военных походов на Русь, Литву и Польшу, увеличения пастбищ путем захвата земель в Галицком Понизовье и в верховьях Дона. Сравни: *Кульпин Э. С.* Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). М., 1998. С. 90—95, 99—100; *Он же*. Борьба за природные ресурсы в XI—XV вв. // Природа и самоорганизация общества. М., 2002. С. 125—129.

грамоте Гедиминовичей с королем польским Казимиром III 1352 г., составленной в кратковременный период литовско-ордынского кондоминиума в 1350—1353 гг., содержится прямое указание на то, что в случае похода ордынских войск на Польшу Гедиминовичи, имеющие владения на Руси (в данном случае на Волыни и, может быть, в какой-то части Подольской земли), должны были присоединиться к ним в обязательном порядке, вопреки даже своему желанию. За ними, однако, признавалось право не участвовать в походах Орды на подвластную Польскому королевству Галицкую Русь («Львовскую землю»)[23].

Таким образом, ханская власть, чтобы сохранить свои господствующие позиции в Восточной Европе, вынуждена была пойти на определенные уступки политическим соперникам. Она согласилась на переход под непосредственное управление властей Литвы и Польши части ранее подвластных ей территорий Украины-Руси, но при этом добилась сохранности важнейших компонентов прежнего *status quo*, обеспечивавших ее господствующее положение в Восточной Европе, — права на получение регулярной дани с населения этих территорий и обязательного участия его вооруженных формирований в инициированных ею же военных походах. Таким образом были сохранены основные традиционные для «кочевых империй» формы присущего им экзополитарного способа эксплуатации земледельческих народов, а также политического контроля, хотя, очевидно, не столь жесткого, как раньше. В свою очередь, литовский и польский суверены, признав данническую зависимость от Орды новоприобретенных земель и согласившись на определенные военные обязательства относительно Золотой Орды, получили взамен как минимум мирные отношения с нею и возможность инкорпорировать эти земли в состав своих государств.

Специфика кондоминиума дает основание считать период его существования переходной стадией в системе межгосударственных отношений сообществ кочевых скотоводов и оседлого земледельческого населения Восточной Европы в позднее средневековье, а также в процессе вытеснения верховной власти хана Золотой Орды над землями Украины-Руси верховной властью правителей Польского королевства и Великого княжества Литовского. Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что кондоминатный статус некоторые украинские земли получили в то время, когда в Восточной Европе установилось неустойчивое равновесие главных противоборствующих политических сил. В первой половине XIV в. Золотая Орда, благодаря превосходству в материальных и людских ресурсах, все еще господствовала в этом регионе. Но она уже не могла успешно противостоять Великому княжеству Литовскому, Польскому королевству и союзной с ним Венгрии, вступивших в борьбу за подвластные ей земли Украины-Руси и добившихся определенных успехов. Сохранить в неприкосновенности свои владения на западе Орде препятствовали как все более усиливавшиеся центробежные тенденции в политической жизни «кочевой империи», так и необходимость концентрировать войска на Кавказе в связи с перманентными войнами с хулагуидским Ираном.

---

[23] Грамоти XIV ст. С. 30: «Аже поидуть та[та]рове на львовьскую землю тогда руси на львовцѣ не помагати аже поидуть та[та]рове на лѧхы тогда руси невол҃ поити ис татары».

В настоящее время имеется возможность уточнить предложенные М. Грушевским хронологические рамки кондоминиума в украинских землях, в частности несколько увеличить его историческую ретроспективу. Сделать это позволяет постулат о необходимости наличия суверенного статуса у правящих династий государств, заключающих соглашение о союзе и совместном владении спорной территорией. Как уже отмечалось, М. Грушевский считал, что впервые кондоминиум утвердился в Галицко-Волынской Руси с вокняжением в ней в 1340 г. Любарта-Дмитрия Гедиминовича, которому пришлось урегулировать известным способом свои отношения с Ордой. Видимо, из-за недостаточной в то время изученности конкретно-исторических обстоятельств политической борьбы за Галицко-Волынське княжество в середине 1320-х годов ученый не учел, что то же самое должен был сделать предшественник Любарта на галицко-волынском троне княжич Болеслав из мазовецких Пястов, внук галицко-волынского князя Юрия I Львовича и креатура польского короля Владислава Локетека[24]. В политическом аспекте Болеслав-Юрий II был фигурой не менее компромиссной, чем Любарт. Как известно, он вокняжился в Галичине и на Волыни в конце 1324 г. во многом благодаря военной поддержке польского короля и компромиссу между Владиславом Локетеком и «королем литвинов и многих русских» Гедимином, конкурентами в борьбе за Галицко-Волынскую Русь. Как и Любарт, но на полтора десятилетия ранее, Болеслав-Юрий II был вынужден испрашивать у золотоордынского хана Узбека санкцию на владение галицко-волынским троном и согласиться на регулярную выплату дани со своего княжества[25].

Следующий 1325 г. — первый полный год правления Болеслава-Юрия в Галицко-Волынском княжестве, когда, по всей вероятности, были реализованы все политические и экономические условия польско-ордынского компромисса. Этот же год был также первым полным годом правления в Киеве вассала Гедимина, вероятнее всего, его младшего брата Федора, что также стало возможным не только в результате успешного похода войск Великого княжества Литовского в Киевское Поднепровье весной 1324 г., но и благодаря достигнутому вскоре соглашению между Вильно и Сараем. Учитывая эти обстоятельства, 1325 г. следует признать годом первоначального учреждения кондоминиума в таких крупнейших землях Украины-Руси, как Галицко-Волынская и Киевская. Полагаем, что, вероятнее всего, в

---

[24] Родившийся приблизительно в 1310 г., Болеслав был старшим сыном Марии Юрьевны и Тройдена I, князя черского (в Мазовии) (*Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 242—247).

[25] Об этом сообщает хроника Иоанна Витодурани (Johannis Vitodurani Chronicon / Hrsg. von Vyss // Archiv für schweizerische Geschichte. T. XI. S. 165), в точности сведений которой сомневался М. Грушевский (*Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. IV. С. 528). Примечательным в этой связи представляется тот факт, что в 1340 г. представители галицко-волынского боярства просили в Орде войско для похода на Польшу под тем предлогом, что король Казимир III, захватив после смерти Болеслава-Юрия II княжество, задержал выплату обычной ордынской дани (Noty kronikarskie z XIV w. oraz fragment Kroniki katedralnej krakowskiej // Kronika Jana z Czarnkowa. Kraków, 2001. S. 14).

1351 году, в связи с заключением направленного против Польского королевства литовско-ордынского союза, кондаминатный статус был распространен также на владения князей Кориатовичей в Подольской земле.

Окончательное упразднение кондоминиума в украинских землях следует датировать 1362 г. Оно было одним из результатов осуществленной летом-осенью того же года успешной антиордынской кампании Великого княжества Литовского на юге Днепровского левобережья и правобережья и скоординированного с ней антиджучидского выступления темника Мамая в Приазовье и Поволжье. Фрагментарная по своему характеру информация нескольких нумизматических, документальных и нарративных источников позволяет все-таки утверждать, что, вероятнее всего, в конце 1362 г. Мамай, захватив Сарай ал-Джедид и временно узурпировав верховную власть в Золотой Орде, выдал от имени хана-марионетки Абдуллы (Абдуллаха) великому князю литовскому Ольгерду, своему патрону зимой 1361/2 г. и затем союзнику по антиджучидским акциям, жалованный ярлык на земли Южной Руси и некоторые золотоордынские территории.

Давно замечено, что традиционным способом изготовления последующих подобных ярлыков — как золотоордынских (не сохранившихся), так и крымских (в большинстве своем они дошли до нас в виде копий XVI в.) — было копирование их основного содержания[26]. Поэтому весьма вероятно, что список городов и территорий, пожалованных некогда Мамаем, не претерпел существенных изменений до начала XVI в.[27] Учитывая это обстоятельство, берем на себя смелость утверждать, что уже Мамаевым ярлыком был санкционирован переход под власть Ольгерда целого ряда территорий и крупнейших городов в первую очередь Украины-Руси (земли Киевская, Владимирская и Луцкая на Волыни, Подольская, северские и черниговские города). В нем должны были значиться также отдельные города и земли Северо-Восточной Руси (например, находившиеся на литовско-московском порубежье Смоленск, Брянск, Верховские княжества на Оке, рязанский Переяславль), на большинство которых Великое княжество Литовское претендовало еще в 30—50-х годах XIV в. Кроме того, под власть Ольгерда была передана часть государственной территории Золотой Орды (с городами Тула, Ябгу-город, Караул,

---

[26] *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі (До питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків, 1928. № 2. С. 171; (переизд.: Східний світ. Київ, 1993. С. 134).

[27] *Шабульдо Ф.* Про ярлик Мамая на землі України-Руси (постановка і спроба розв'язання проблеми) // Держави, суспільства, культури: Схід і Захід. Збірник на пошану Ярослава Пеленського / Нац. АН України, Інститут європейських досліджень, Східноєвропейський дослідний інститут ім. В. К. Липинського. Нью-Йорк: Видавництво Росс, 2004. С. 1025—1059; *Он же*. Ярлыки крымских ханов на земли Южной Руси (Украины) XV—XVI вв. как исторический источник // Восточная Европа в древности и средневековье. 17-е Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, 4-е Чтения памяти докт. ист. наук А. А. Зимина. Москва, 19—22 апреля 2005 г. М., 2005. С. 285—288; *Он же*. Чи існував ярлик Мамая на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 100—122 (http:www.history.org.ua/vidan/2005/Sha100/a.htm).

Балаклы, Дашев, Качибеев и др.). В целом, в 1362 г. по ярлыку Мамая к Великому княжеству Литовскому отошел довольно широкий пояс земель всей лесостепной и частично степной зон Днестровско-Донского междуречья, ограниченный с юга на Правобережье течением Днепра, начиная от Киева и вплоть до его устья, а на Левобережье руслами Ворсклы и Тихой Сосны[28].

Вероятнее всего, указанная в Мамаевом ярлыке территория была передана новому владельцу в полную собственность, на не ограниченное никакими рамками время[29]. В восходящих к нему ярлыках крымских ханов XV—XVI вв. в подобных случаях специально оговаривается, что названные в списке города передаются вместе «со всими выходы и з данми, из землями и водами», т. е. на праве полной собственности. Таким образом, Мамаев ярлык полностью упразднял политическую и экономическую зависимость от Золотой Орды присоединяемой к Великому княжеству Литовскому Южной Руси (Украины), а вместе с нею и существовавший ранее в украинских землях кондоминатный статус — также полностью и, как показал ход дальнейших событий, навсегда*.

Сформулированный вывод противоречит устоявшемуся мнению о том, что удельные династы Ольгердовичи и Гедиминовичи, правившие на исходе XIV в. в крупнейших украинских землях (прежде всего Подольской и Киевской), были в той или иной мере зависимы от ханской власти и продолжали уплачивать дань Золотой

---

[28] Подробнее см.: *Шабульдо Ф. М.* Возвращаясь к Синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. // Славяне и их соседи. Сб. тезисов 17 конф. памяти В. Д. Королюка. М., 1998. С. 145—146; *Он же.* Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання. Київ, 1998; *Он же.* Наративні джерела і перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя // Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI—XVIII. Київ, 2000. С. 57—74; *Он же.* Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. С. 100—122.

[29] В старейших имеющихся в наличии ярлыках (1461, 1472, 1507 гг.) само пожалование, как и позднейшие его подтверждения, имели межличностный и вместе с тем межгосударственный характер: крымские ханы жаловали от своего имени города и земли как великим князьям литовским Кейстутовичам (Витовту, Жигимонту I) и польским королям Ягеллонам (Казимиру и Жигимонту Старому), так и правящей в Литве династии в целом («к Литовской земли столцу дали есмо») или же просто Великому княжеству Литовскому. Срок владения в них не обозначен, но уже в ярлыке-докончании Менгли Гирея от 28.07.1514 г., по видимому впервые, применена следующая формулировка: «...Жигимонту, королю и великому князю, и его сыном и наследником держати во покои...» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 564—571), которая впоследствии в разных модификациях стала для таких документов обычной.

* Здесь не рассматриваются попытки некоторых правителей восточноевропейских орд (в первую очередь Улуг-Мухаммеда и Сейид-Ахмета), а также Крымского ханства реставрировать в 1430—1450-х годах и на рубеже XV—XVI вв. отношения кондоминиума на Киевщине, Северщине или же в целом в Украине. Эти попытки совершались при иной геополитической ситуации в восточноевропейском регионе, они выходят за хронологические рамки статьи и поэтому заслуживают специального изучения.

Орде регулярно или спорадически вплоть до выдачи в 1398 году Токтамышем жалованного ярлыка на земли Руси великому князю литовскому Витовту. Это мнение базируется на двух фактах: во-первых, на упоминании в нескольких грамотах князей Кориатовичей об общеземском сборе ордынской дани, от которой частновладельческие крестьяне в пожалованных и подтверждаемых ими имениях не освобождались, а, как оговаривалось в тексте, в случае, если такая необходимость возникнет, обязывались ее платить[30]; во-вторых, на наличии на монетах киевского князя Владимира Ольгердовича (1362—1394) элемента символики джучидских дирхемов — так называемой плетенки, орнаментального узора, в котором первые исследователи видели татарскую тамгу, символ верховной власти хана[31]. Если первый факт воспринимался историками обычно как свидетельство продолжения практики сбора ордынской дани в Подольской земле, то второй — как символ политической и, следовательно, экономической зависимости Среднего Поднепровья от Орды[32].

Следует признать, что некоторые исследователи-источниковеды относительно плетенки на киевских монетах придерживались другого мнения. Его впервые, еще в 1930 году, высказал Н. П. Лихачев, и, по его мнению, плетенка является не тамгой, а всего лишь орнаментаментальным рисунком, который встречается на джучидских дирхемах наряду с настоящей тамгой[33]. Однако из-за слабой изученности

---

[30] Подтвердительная грамота Александра Кориатовича Смотрицкому доминиканскому монастырю от 17.03.1375 г.: «Што жь коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро имеють тако же тии люди дати» (*Розов В.* Украинские грамоты. Киев, 1928. С. 19—20). Жалованная грамота Константина и Федора Кориатовичей своему слуге Немире от 19.09.1388 г.: «A також štož koli vsi zemljane imut davati dan' u Tatary to serebro imjut daty Nemyryny lude» (Текст грамоты: *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. V. 1997. S. 170. Aneks I). Жалованная грамота Федора Кориатовича слуге Бедрышке от 1.06.1392 г.: «Tylko kiedy wszyscy ziemianie będą dawać dań w Tatary, tedy serebro mają dawać» (*Молчановский Н.* Указ. соч. С. 225—226. Прим. 2). Грамоту Свидригайла Ольгердовича доминиканскому монастырю в Каменце от 30.05.1401 г. (*Chmiel A.* Zbior dokumentów znajdących się w bibliotece hr. Przezdzeckich w Warszawie. Kraków, 1890. S. 11), где также упомянуто ордынское «серебро», в данном случае не учитываем, ибо она более связана с политической ситуацией, сложившейся после разгрома войск Витовта на Ворскле в 1399 г., чем с победоносной для Великого княжества Литовского Синеводской битвой 1362 г.

[31] *Антонович В. Б.* О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира // Труды III-го Археологич. съезда в Киеве в 1874 году. Т. 2. Киев, 1878. С. 151—157; *Болсуновский К.* Монеты киевских князей XIV ст. Опыт историко-нумизматического исследования. Киев, 1909. С. 8—9; *Gumowski M.* Numizmatyka wieków srednich. Kraków, 1920. S. 68.

[32] Данное мнение разделял и автор этих строк: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 105. Сравни, например: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. М., 1980. С. 146—148; *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 61—62.

[33] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Вып. 2. 1930. С. 101—105; *Соболева Н. А.* К вопросу о монетах

ордынско-литовских политических отношений второй половины XIV в. в советской историографии это мнение не приобрело надлежащего значения. Теперь же, в свете новых научных фактов и выводов, традиционное мнение о хронологическом рубеже прекращения ордынского «выхода» с украинских земель предстает уже не столь незыблимым как раньше, более того, его истинность не подтверждается.

Если обратиться к грамотам подольских князей, то прежде всего следует отметить, что в них речь идет исключительно о вероятности сбора ордынской дани в Подольской земле, а не о практике ее регулярной уплаты. К тому же, эта вероятность упоминается далеко не во всех известных грамотах Кориатовичей. О ней, в частности, умалчивает привилей Юрия Кориатовича от 7 ноября 1374 г., выданный горожанам Каменца на магдебургское право. Но в этом документе имеется специальное указание на то, что каменчане, «высидев двадцать лет воли», обязаны были «давать плат», судя по сроку льготы, вероятнее всего, в казну князя, а не Орды[34]. В тексте же оригинала подтвердительной грамоты Федора Кориатовича от 20 июня 1391 г. соответствующее предложение было отредактировано таким образом, что вместо и сверху подчищенных слов «у Татары» вписано «на мь», причем во всех трех случаях[35]. Похоже на то, что к тому времени правители Подольской земли уже не верили в возможность возвращения к прежнему режиму ее даннической зависимости от Золотой Орды.

Что же касается вопроса о том, что именно изображено на монетах XIV в. — тамга или плетенка, то в контексте рассмотренных выше документальных данных о литовско-ордынских отношениях второй половины XIV века мнение Н. П. Лихачева и его последователей в пользу второй версии представляется более убедительным и предпочтительным.

Современная нумизматика также располагает рядом доказательств, которые указывают на излишнюю категоричность, если не ошибочность, вывода первых исследователей монет киевского князя Владимира Ольгердовича (1362—1394). Они показывают, что, во-первых, ордынская символика характерна лишь для первых двух наиболее архаичных типов киевских монет XIV в. Их датируют по разному: в одном случае 1350—1363 годами[36], в другом иследователь считает, что выпуск этих монет

Владимира Ольгердовича (по нумизматическим материалам ГИМ) // Нумизматика и эпиграфия. Т. 8. 1970. С. 86; *Котляр Н. Ф.* Монеты Владимира Ольгердовича // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 4. 1971. С. 52.

[34] *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). Киев, 1885. С. 206—209 (текст привилея).

[35] *Груша А.* Невядомая грамата Федара Карыятавіча за 1391 г. // Бсларускі гістарычны агляд. Т. 8, сшыткі 1—2 (14—15). 2001. С. 123—135. Исправленный текст имеет такой вид: «Иже то, што жь коли имуть вси землане дань давати на мь или посла поднима*т*, то пана Гринькови люде также имѣють дань дати на мь и посла поднимати, пакли быхомъ коли тоѣ дани на мь не дали, а собѣю имали, тогды панъ Гринько также имѣет собѣ взати ту дань на своихъ людех».

[36] *Хромов К.* О монетной чеканке на территории Киевского княжества в 50-е годы XIV века («Киевские» подражания монетам Джанибека) // Проблеми охорони та відновлення

закончился в середине — конце 1380-х годов[37]. Уже один этот факт делает главный аргумент тезиса о зависимости Киевского княжества от Орды до конца XIV в. явно недостаточным. Во-вторых, довольно раннее появление среди продукции, отчеканенной в Киеве, монеты переходного 2-го типа с золотоордынской и местной (христианской) символикой, в свою очередь, указывает на то, что в Киеве период двусторонних подражаний ордынским дирхемам закончился еще раньше, до середины 1370-х годов[38]. Следовательно, после этого рубежа говорить о зависимости Киевского княжества от Орды на основании его монет не приходится.

В-третьих, все заимствования из ордынской символики на киевских монетах — от двусторонних легенд до отдельных элементов оформления поля монеты, как и выдержанное в определенных пропорциях соотношение их весовых категорий с джучидскими дирхемами — большинство исследователей трактуют в настоящее время как следствие скорее экономических мотивов, чем политических и напрямую связывают с необходимостью считаться на первых порах с устоявшимися традициями обращения джучидских дирхемов в восточноевропейском регионе[39]. К тому же подражания дирхемам, характерные для наиболее ранних киевских монет, — явление не единичного порядка, оно свойственно также наиболее древним монетам княжеств Литовской и Московской Руси второй половины XIV — начала XV в.[40] Причину их производства нумизматы видят в острой нехватке серебряных

фортифікаційних споруд Київської землі. Міжнародна науково-практична конф. Київ, 26—27 травня 2005 р. Київ, 2005. С. 129.

[37] *Козубовский Г.* Центры монетной чеканки на Украине в XIV ст. (Киев, Новгород-Северский, Орда) // Mennice między Bałtykiem a Morzem Czarnym — wspólnota dziejów. Supraśl. 10—12.09.1998. Materiały z III międzynarodowej konf. Numizmatycznej. Warszawa, 1998. S. 34. Автор выражает благодарность киевскому археологу и нумизмату Г. А. Козубовскому за предоставленную библиографическую информацию и консультации по вопросам нумизматики, использованные в этой статье.

[38] *Kozubowski G.* Monety księstwa kijowskiego w XIV w. // Wiadomości Numizmatyczne. R. XXXVIII. 1994. Z. 3—4 (149—150). S. 129—130.

[39] *Козубовский Г.* Центры монетной чеканки на Украине в XIV ст. (Киев, Новгород-Северский, Орда) // Mennice między Bałtykiem a Morzem Czarnym — wspólnota dziejów. Supraśl. 10—12.09.1998. Materiały z III międzynarodowej konf. Numizmatycznej. Warszawa, 1998. S. 34—36. Сравни: *Він же*. Синьоводська битва 1362 р. і зміни у грошовому обігу Південной Русі-України // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. С. 96.

[40] Из 13 монет чеканки новгород-северского князя Дмитрия-Корибута (1380—1393) несколько имеют подражание реверсу дирхема Мухаммед Буляка 772—773 гг. х. (1370/1371 и 1371/1372 гг.). См.: *Козубовський Г. А.* Сіверські монети XIV ст. Київ, 1992. Монеты с подражаниями изготовлялись «в дотоктамышевскую эпоху» в Нижнем Новгороде и Суздале (*Фёдоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 15, 153, 247), возможно в Мордовии (*Фёдоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. IV. 1963. С. 181), в Рязани. Последние датируются второй половиной 80-х годов XIV в. (*Янин В. Л., Янина С. А.* Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. Ч. 1. М., 1955. С. 121). По мнению Г. А. Фёдорова-Давыдова, ордынская символика на монетах княжеств

монет на Руси в период феодальных войн и междоусобиц в Золотой Орде 60—70-х годов XIV в.

В-четвертых, изображение плетенки на монетах 3-го типа, определенно атрибутируемых киевскому князю Владимиру Ольгердовичу (1362—1394) и датируемых 1380-ми годами, увеличено и трансформировано таким образом, что из рядового элемента поля основной стороны монет предшествующих типов она превратилась в один из главных его элементов оформления. Трансформированной плетенкой киевские монеты этого типа отличаются как от золотоордынских, так и от современных им монет правителя Польши и Литвы Владислава I Ягайла[41], а также правителей княжеств Северо-Восточной Руси. О причине ее появления на некоторых монетах Владимира Ольгердовича можно судить лишь предположительно. Возможно, данный факт связан с намерением местных чеканщиков придать им некоторое сходство с джучидскими дирхемами и тем самым указать на определенную преемственную связь киевских монет с золотоордынскими[42]. Примечательно, что на монетах Владимира Ольгердовича последующих (четырех) типов изображение плетенки отсутствует. Тем не менее именно наличие ее на монетах 3-го типа послужило основанием для ошибочного, как сейчас представляется, вывода о зависимости Киевского княжества от Орды во времена правления Владимира Ольгердовича.

Для большинства земель Украины (Киевской, Волынской и, вероятно, Подольской) упразднение кондоминатного статуса означало окончательную ликвидацию их политической и даннической зависимости от Золотой Орды и одновременно инкорпорацию в состав Великого княжества Литовского. Подобные изменения, следует полагать, произошли также в Чернигово-Северщине и большей части Верховских княжеств на Оке, которые также оказались под сюзеренитетом великого князя литовского по Мамаевому ярлыку.

Северо-Восточной Руси являлалась формой выражения их вассалитета относительно Золотой Орды. Вместе с тем исследователь признавал, что монеты с двухсторонними подражаниями «чеканились в экономических целях» и что «среди экономических мотивов этой чеканки не последнюю роль играла эксплуатация монетной регалии». См.: *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. С. 251; *Он же.* О некоторых спорных вопросах русской нумизматики // Великий Новгород в истории средневековой Европы. С. 448.

[41] *Ivanauskas E., Douchis R. J.* Coins of Lithuania. 1386—1707. Vilnius: Columbia, 1999. P. 15—18.

[42] Компромиссное мнение относительно плетенки высказали З. Волкайте-Куликаускене и А. Лухтан. Они видели в ней «тамгообразный знак» или «татарскую тамгу» и считали, что первоначально «тамга являлась символом зависимости от Золотой Орды, а в дальнейшем, с ослаблением власти ордынских ханов, тамга-плетенка еще сохранялась некоторое время, но уже лишь как декоративный элемент» (*Волкайте-Куликаускене Р., Лухтан А.* Редкие монеты из Восточной Литвы // Советская археология. 1981. № 4. С. 268). Выводы Н. П. Лихачева, Н. А. Соболевой и Н. Ф. Котляра о плетенке, по-видимому, были авторам неизвестны.

По-видимому, в начале 1360-х годов прекратилось *de facto* и поступление ордынской дани с Галицкой земли и Малого Подолья, подвластных Короне Польской (первая с 1349, второе примерно с 1355 г.)[43]. Именно такой исход их прежней зависимости от Орды следует из вывода об отсутствии у Мамая в начале его деятельности как правителя отделившейся от Сарая причерноморско-крымской Орды необходимых предпосылок, чтобы реально претендовать на дань с этих земель. Источники показывают, что первую половину 1360-х годов он был вынужден посвятить утверждению своей власти в Крыму и степях Северного Причерноморья[44]. Попытки добиться дани Мамай мог предпринять лишь снова захватив Сарай ал-Джедид (в начале и в конце 1370-х годов). По всей вероятности, их объектом было избрано Малое Подолье, на что указывают антиордынские действия Юрия Кориатовича в низовье Днестра в 1374 г. и Александра Кориатовича в 1380 г. (в историографии признается, что в том году он погиб в схватке с татарами). Дипломатические акции хана Токтамыша, предпринятые в 1382 и 1393 годах с целью восстановления режима кондоминиума в землях Украины-Руси, указывают на неудачу попыток Мамая. Но и акции Токтамыша, как известно, также оказались безуспешными.

Таким образом, в 1362 г. было покончено не только с кондоминиумом в украинских землях как остаточным явлением их былой зависимости от Золотой Орды, но и подведена черта под более чем столетним периодом пребывания Украины-Руси в евразийском «Pax Mongolica», созданы политические предпосылки для ее возвращения в культурный круг западноевропейской цивилизации.

---

[43] Новейшее мнение о начале зависимости западного Подолья от Польского королевства: *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i 1. połowie XV wicku. S. 18.

[44] Крымом Мамай овладел только в конце августа 1365 г. (*Ґаленко О.* Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 137. Примеч. №46). По мнению А.П. Григорьева, Мамай после бегства из Нового Сарая в начале 1363 г. (или в 1364 и даже 1365 г., как считают другие исследователи) до 1366 г. боролся за власть со своим соперником в западных улусах Кильдибеком, внуком хана Узбека. Его мнение отрицает В. А. Сидоренко. См.: *Григорьев.* Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 3. Л., 1983. С. 31—32; *Сидоренко В. А.* Хронология правлений золотоордынских ханов 1357—1380 гг. // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 284—285.

И. К. Лабутина (Псков)

«На городе» в тексте Псковской судной грамоты

В Псковской судной грамоте нередко — в характеристике тех или иных ситуаций — содержатся указания на место действия (на торгу, на улице, во дворе, в пиру и др.), от чего могло зависеть и юридическое решение вопроса. Определение, применительно к территории Пскова, мест событий, учтенных ПСГ, позволяет живее понять особенности ситуаций. В свою очередь, данные ПСГ обогащают знания о различных объектах исторической топографии Пскова как местах, связанных с теми или иными прецедентами, повлиявшими на сложение норм, отраженных в законодательстве Пскова[1].

Целью данного небольшого очерка является анализ значения предложно-именного сочетания **на городе**, употребленного в ПСГ однажды: в ст. 47. Две соседние статьи, 46 и 47, рассматривают случаи купли (добросовестным покупателем, как считает большинство исследователей) пропавшего (украденного) имущества. Ст. 46 имеет ввиду покупку на торгу. Текст ст. 47 таков: «*А кто что купил **на чюжей земли** или **на городе**, или **найдеть где**, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу*»[2]. Предшествующая ст. 46 требовала в случае обнаружения истцом своей пропавшей вещи присяги от купившего на торгу («*правда дать на том, что чисто на торгу купил, а с татем не поделился, а сам не украл*»). Важным являлось отсутствие подозрений в воровстве («*ни пословицы не было будеть*»[3]). Таким образом, разница между статьями касается прежде всего мест приобретения вещи. В ст. 47 это купля «на чюжеи земли» или «на городе» или случайная находка в неопределенном месте. Места приобретения ст. 47 отличаются от «торга» ст. 46 меньшей публичностью, отсутствием свидетелей. Это относится и к случаю неожиданной находки, и купли «на чюжеи земли». Наличие в одном ряду с ними адреса **на городе** заставляет считать его не стандартным местом купли-продажи, каким был городской торг.

Сравнение с предшествующим и последующим законодательством показывает, что формула «*на чюжей земли*» восходит к древнерусскому периоду (так, А. А. Зимин считал, что ст. 47 ПСГ основывается на ст. 39 Пространной Правды, предполагавшей, что процедура свода в чужой земле «*ис (с)воего города*» не проводится)[4].

---

[1] *Лабутина И. К.* Историко-топографический комментарий к Псковской судной грамоте // Псковская судная грамота и российская правовая традиция: Труды межрегион. науч. конф., посвящ. 600-летнему юбилею Псковской судной грамоты. Псков, 1997. С. 22—26.

[2] Псковская судная грамота // Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 336.

[3] Там же. С. 336, 366.

[4] Русская Правда // Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. С. 112, 125; Псковская судная грамота / Пер., историко-правовой обзор и текстол. коммент. А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. II. М., 1953. С. 356.

Но ни в Правде Русской, ни в Судебнике 1497 г., важнейшим источником которого была Псковская судная грамота (и ст. 47 которого о купле-продаже «на чюжеи земли» координировалась со ст. 47 ПСГ)[5], нет ни слова о возможном приобретении имущества **на городе**[6]. Вероятно, древнерусская правовая традиция не знала прецедента купли, который можно было бы обозначить оборотом **«на городе»**. Судебник 1497 г. тоже не воспринял этого обозначения. Таким образом, сочетание **на городе** для определения одного из возможных мест приобретения вещи (вне торга) является особенностью текста именно Псковской судной грамоты.

Немногие существующие толкования первой части ст. 47 ПСГ (о месте купли) показывают, что переводчики и комментаторы понимали формулу **на городе** как **в городе** (своем, но не на торгу, или чужом)[7].

И все же для понимания значения сочетания **на городе** пока не привлечены все возможные данные. В частности, не использованы материалы псковских письменных источников, близких по времени и происхождению Псковской судной грамоте. Обратимся к синхронным оформлению Псковской судной грамоты летописным и актовым текстам XIV — нач. XVI вв.

Псковские летописи дают многочисленные примеры употребления имени существительного нарицательного **город (град)**, относящиеся к самому Пскову. Очевидны следующие значения: 1) крупный населенный пункт (Псков) (1476 — «*...слали на всякъ станъ емоу кормъ из **града** и мед и вологу...*»[8]); 2) вся укрепленная часть Пскова (крепость) (1510 — «*...мы на государя своего руки подняти и в*

---

[5] Псковская судная грамота / Новый пер. и коммент. Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева // ИЗ. Т. 6. М., 1940. С. 278—279; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М., 1948. С. 437, 443, 447; Псковская судная грамота / Пер. ... А. А. Зимина. С. 283, 356

[6] Пространная редакция. Суд Ярославль Володимерич. Правда Руськая // Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 66, ст. 39; Судебник 1497 года // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 60, ст. 47.

[7] *Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев*, 1940, перевод — «...в чужой земле, в городе...» (Псковская судная грамота / Новый пер. и коммент. Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева. С.336); *И. Д. Мартысевич*, 1951, перевод — «...в чужой земле или в городе...» (*Мартысевич И. Д.* Псковская судная грамота. Историко-юридическое иссл. М., 1951. С. 159); *И. И. Полосин*, 1952, комментарий — «речь, конечно, идет о русской земле и о русском городе, но за пределами господарства Псковского» (Псковская судная грамота / Пер. и коммент. проф. И. И. Полосина // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. XLV. Кафедра истории СССР. Вып. 3. М., 1952. С. 79; *А. А. Зимин*, 1953, перевод — «...в городе (но не торгу) или в чужой стороне» (Псковская судная грамота / Пер. ... А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. II. С. 311), комментарий — «На чюжеи земли» — т. е. на земле, не входящей в состав Древнего Пскова; «на городе» — где-либо в городе (не на торгу)» (Там же. С. 356); *В. М. Клеандрова*, 1984, комментарий — «...в чужой земле или в городе (не на торгу)» (Псковская судная грамота // Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. С. 367).

[8] Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. Вып. II. М., 1955. С. 208.

городе заперетися не хотим...»[9]); 3) внутренняя крепость, место святой Троицы (1337 — «*...путь положиша пространенъ къ святеи Троицы [**на город**]*»[10]).

Ознакомление со всем комплексом летописных известий о городе, позволяет выяснить, что историко-топографическое содержание понятия **город** (в первых двух значениях) не оставалось неизменным. Возведение новых линий укреплений, что в XIV—XV вв. происходило трижды (1309, 1374/1375, 1465 гг.), расширяло пространство города, и крепость получала новые внешние обводы стен[11]. Предложно-именное сочетание **на городе** нигде в летописях применительно к понятию **город** в первых двух значениях не встречено.

Третье из отмеченных значений понятия **город** имело свои особенности как по историко-топографическому содержанию понятия, так и по его употреблению. Считаю необходимым привести сводку летописных известий, касающихся понятия в третьем его значении.

«*В лето 6845 (1337)... Того же лета Шолога посадникъ с мужи псковичи... путь положиша пространенъ къ святеи Троицы [**на город**]*»[12]. Аналогичны известия 2 и 3 летописей[13].

«*В лето 6909 (1400/1401)... и зделаша... дроугии костеръ **в куту города**...*»[14]. В 1 летописи: «*В лето 6908... (1399/1400)... псковичи того же лета поставиша другии костеръ **в кутъ Крема** на стрелицы*»[15].

«*В лето 6941... Того же лета* (1433)*... месяца июля в 3 день... загореся два костра **на Крому**, **единъ в куту города**, а другии на персехъ от Великия реки...*»[16]. Под той же полной датой во 2-й летописи: «*...загореся два костра **на Крому**, Кутнеи да на персех от Великои реки...*». В 3-й летописи под той же датой: «*...загореся два костра, единъ **коуть города въ Крему**, а дроугеи на першех от Великои реке...*»[17].

«*В лето 6960* (1451/1452)*... оурядиша стену камену **в городе на Креому** у персеи, от великих воротъ, возле всхода, до Малых воротъ...*»[18]. Аналогичное сообщение — в 3 летописи[19]. Известие 2-й летописи датировано 6959 годом и не упоминает **город** («*...поставлена бысть стена новая **на Крому** в охабни...*»[20]).

«*В лето 7011* (1502)*... Да поидоша подо Псков... со всем замышлением и с поушками... И почаше погании поушками бити на дом святыя Троица... и много поуш-*

---

[9] Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 94.

[10] Там же. С. 17.

[11] *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М., 1985. С. 33, 34, 39, 40, 42—43, рис. 7, 45—47, рис. 9, 52—53, 58—59, 71—72, 76, 80—84, 240—244, 245.

[12] Там же. С. 17.

[13] Там же. Вып. II. С. 24; 92.

[14] Там же. С. 31.

[15] Там же. Вып. I. С. 26.

[16] Псковские летописи. Вып. I. С. 40—41.

[17] Там же. Вып. II. С. 44, 127.

[18] Там же. Вып. I. С. 50.

[19] Там же. Вып. II. С. 139.

[20] Там же. С. 48.

ками били ***на город*** *(****городок*** *— сп. Об.)* ***на Кром****; а детенца богъ оублюде и святая троица...»*[21].

Эти и ряд других известий позволяют считать понятия **детинец**, **город**, **Кром** (**Креом**, **Крем**) синонимами (во всяком случае, для периода конца XIV — начала XVI вв.). Их территории совпадали[22]. Таким образом, территория **города** (в третьем значении) оставалась для названного периода стабильной, хотя модернизация укреплений в этой части крепости имела место.

Понятие **город** (в узком, третьем значении) дважды употребляется с предлогом **на** в сочетаниях с глаголами **проложити** (путь) — «*...къ святеи Троицы* ***на город***» (1337) и **бити** — «*...поушками били* ***на город***» (1502). В отличие от ПСГ, слово **город** употреблено здесь в винительном падеже. Но для его синонима (**Кром**) летопись дает примеры сочетания с предлогом **на** в местном падеже (в известиях 6941 г. — «*два костра* ***на Крому***», 6959 г. — «*стена новая* ***на Крому***»). Подобное сочетание применялось летописцами и для указания на местоположение клетей (1421/1422)[23], на место пожара (1496)[24].

Летописные данные существенно дополняются свидетельствами псковских актов XV в. Духовные грамоты Акилины, Евфросина, Никиты Хова, Ульяны, Осипа содержат оборот **на городе** в контексте, отличном от ст. 47 Псковской судной грамоты, где речь идет о возможной купле **на городе**. В текстах этих грамот содержатся завещательные распоряжения, касающиеся имущества, принадлежавшего частным лицам и хранившегося **на городе**. Вот выдержки из этих актов, полные тексты которых опубликованы.

Духовная Акилины, жены князя Федора (1417—1421 гг.): «*...се азъ раба бжья Кюлена... оучинихъ радъ животу своему и оцне своеи и двору своемоу и клети своеи* ***на городе*** *и исадоу своемоу и всемоу сполоу что ни есть... и животъ и клеть моя* ***на городе*** *верхъ однымы двермы на боуи и дворъ мои у стго Михаила оу Городечкомъ кончи а то даю моужеви своему Федороу в одерень...»*[25].

На городе находилась клеть, принадлежавшая Акилине и завещавшаяся ею «в одерень» своему мужу князю Федору.

Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского (до 1479 г.): «*...Се азъ рабъ Божий Ефросинъ, инокъ, ходя при животе своемъ учинихъ крепость манастырскому житию, и отчине своей, и исадомъ своимъ, и клетемъ* ***на городе****, и сполу что ни есть: а то приказываю отцю своему духовному игумену Харлампию... и всей яже о Христе братьи своей... а из того житиа окручати братью изобчя...»*[26].

---

[21] Псковские летописи. Вып. I. С. 87.

[22] *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова. С. 32, 34, 43, 48—52.

[23] Псковские летописи. Вып. II. С. 38.

[24] Там же. Вып. I. С. 82.

[25] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 72—73, № 33.

[26] ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 83, № 108.

Клети **на городе**, принадлежавшие Евфросину, завещаются им, наряду с другими владениями, игумену и братии монастыря Трех святителей.

Духовная Никиты Хова (1491—1496 гг.): «...*Се аз раб божии Никита Ховъ при животе учиних раб* (*рад — сп. 1680 г.*) *животу своему и всему чему ни есть... А клеть свою* ***на огороде*** (***городе*** *— сп. 1680 г.*) *и что есть в клети то даю жене своеи Катерины и дщери своеи Оксеньи и внуки своеи Зеновьи и то имъ в одерень...*»[27].

Клеть **на городе** завещается «в одерень» жене, дочери, внучке. То же относится к содержимому клети («*что есть в клети*»).

После текста в списке 1680 г. сообщается о судьбе клети и ее содержимого: «*У подлинно даной назаде написано: а клеть* ***на городе*** *продали ис пословицы, а доложив нас князь псковского Василья Феодоровичь и посадников и тамныхъ господе на сенех да и животное, что было в клети, то все поделили по третие, а соцкои был Феодеръ з Запсковья от господе генваря 31 Филип пар*»[28].

Духовная Ульяны (XV в.): «...*Се аз раба божия Ульяна ходя при своем животу учинихъ ряд животу своему, да и селу своему, что на Кухви в Овсищах, да и клети своеи* ***на город*** (так в ркп., возможно следует читать «на городе» — Мар.) *да и платью своему верхне и исподне и всему сполу, что ни есть... А что клеть* ***на городе****, то даю племяннику своему Давыду, да что ни есть у клети, то все Давыду, да и платья свое верхнея и исподнея да и живот свои весь даю Давыду в одерень по своему животу...*»[29].

Духовная Осипа (XV в.): «...*Се аз раб божии Осипе, отходя сего света учи-них ряд животу своему и отчине своеи. Дах живот свои и отчину свою дщерма своима Ефимъи и Настахе и жене своеи Миподоры и клеть* ***на городе*** *и двор на Завеличье и пожни две в Устьях...*»[30].

Клеть **на городе** завещается двум дочерям и жене. Условия завещания конкретно для клети не оговариваются.

Все авторы духовных грамот, имевшие дворы во Пскове, владели еще клетями **на городе**, где хранилось их движимое имущество. Обычно (по трем грамотам, где это специально оговорено) клети и хранимое в них передавалось родственникам «в одерень». Известен случай продажи клети после смерти завещателя и раздела «животного» из нее между наследниками под контролем власти (грамоты Никиты Хова).

В завещании инока Евфросина все имущество, в том числе и клети **на городе** должно было быть передано игумену монастыря, где монашествовал Евфросин.

Все владельцы клетей на городе были землевладельцами и, вероятно, имели достаточно высокий имущественный социальный статус. Совершенно определенно это относится к Акилине, жене князя Федора, прихожанке церкви Воздвижения на княжем дворе во Пскове, а также Евфросину и Ульяне (духовником ее был священник церкви Воздвижения).

---

[27] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... С. 69—71, № 30.

[28] Там же. С. 70.

[29] Там же. С. 74, № 34.

[30] Там же. С. 75, № 35.

В одной из духовных грамот XIV—XV вв., автор которой Симеон жил за пределами Пскова, встречаем аналогичное рассматриваемому сочетание: «*...А приказываю присматривать живот своего и жене своеи и брату своему Василью. А даю ему у половины подклета* ***на городке*** *свою половину, да у подклети то мое что ни есть, то ему от меня в одерень за приказ*»[31].

«Городок» в Смолинской губе, упоминаемый в Духовной Симеона, локализуется у д. Борохново, где по археологическим данным известно городище[32]. Таким образом, обычай укрывать имущество («животное») в защищенном месте прослеживается не только во Пскове, но и в Псковской земле. Предложно-именное сочетание **на городке** соответствует псковской модели **на городе** и употребляется, как и в псковских духовных, для указания на местоположение помещения для хранения имущества.

Согласно грамоте Пскова Риге 1463—1465 гг. (ГВНП, № 336), во Пскове **на городе** же хранилось «*за печяттью*» имущество («*живот*») некоего рижанина Ивана, убитого на территории Пскова, выданное властями его брату Иволту[33]. Очень вероятно, что помимо частных клетей на городе имелись и государственные помещения. «*За печяттью*» грамоты № 336 вызывает в памяти «клеть... за зомком» ст. 1 ПСГ как защищаемое законом имущество.

Итак, оборот **на городе** в псковских летописях, как и в псковских частных актах, имеет совершенно определенный адрес, выясняемый благодаря синонимичности обозначений **город** (как внутренняя крепость), **детинец**, **Кром**. Важным связующим для этих понятий, помимо приведенных выше летописных примеров, является наименование построек для хранения имущества — **клети** (в летописи — **клети на Крому**, в грамотах — **клети на городе**). Ни один двор во Пскове XIV—XV вв., в отличие от клетей, не находится «на городе». Достаточно соотносятся, хотя и без подробностей, данные о том, что хранилось в клетях. В грамотах: «*что есть в клети*» («*животное, что было в клети*») — Духовная Никиты Хова и приписка к ней; «*что ни есть в клети*» — Духовная Ульяны. В летописях: «*...старых лет клети всякого обилиа изнасыпани на Крому*» — 1421/1422;[34] «*...клетей много погорело, и ржы много и платья... а рожь горелую сыпали в малые воротца на Пскову рекоу...*» — 1496[35].

Судя по грамотам и летописям, в клетях могло находиться разное движимое имущество, в первую очередь запасы ржи, но и другие продукты («всякое обилие»), а также платье. Все это относилось к «животному», иногда разделявшемуся

---

[31] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... С. 56—57, № 14.

[32] *Харлашов Б. Н.* О социальном составе населения псковских губ в XV в. // Псковская судная грамота и российская правовая традиция. С. 42.

[33] ГВНП / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 323.

[34] Псковские летописи. Вып. II. С. 38.

[35] Там же. Вып. I. С. 82.

между наследниками, как по завещанию Никиты Хова. Псковская судная грамота включала в «животное» и серебро, украшения, платье (ст. 14)[36].

В 1510 г., в ходе событий, связанных с присоединением Пскова к Москве, клети были убраны из Крома[37].

Клети **на городе** известны по археологическим раскопкам в северной части Псковского кремля[38]. Вероятно, обычай автономного хранения имущества на городе возник не ранее, чем была вынесена из детинца жилая застройка, и в то же время опасность разорения посада требовала создания запасов в защищенном месте. По-видимому, устройство клетей произошло не позднее XIII в., и побудительной причиной была военная нестабильность.

В заключение отметим, что для псковичей в XIV—XV вв. выражение **на городе** было ясным и определенным. Оно означало — «на Крому», «в детинце». Эта формула не нуждается в переводе, но, учитывая употребление слова и в других значениях, может быть сопровождена комментарием. Ст. 47 ПСГ употребляет оборот **на городе** с глаголами **купити** и имеет ввиду покупку **на городе**, т. е. **на Крому**, **в детинце**. Неопределенное толкование «где-то в городе», тем более — «в чужом городе», не может быть принято.

Дополнительным подтверждением существования в псковской речи не менее двух значений слова «город» является известие Новгородской первой летописи, относящееся к 1314/1315 г. «*В лето 6822... Тои же зимы хлеб бялие дорогъ в Новгороде; а в Пльскове почали бяху грабити недобрии людие села и* ***дворы в городе*** *и* ***клети на городе***...»[39].

Такое различение **в городе** и **на городе** сложилось, вероятно, с развитием Пскова. Сочетание **на городе**, возможно, является более старшим и восходит к периоду, когда во Пскове существовало одно укрепление. Для древнерусской поры это детинец, ставший ядром Крома. Наличие укреплений позволяло называть его городом. Высокое положение мыса при впадении Псковы в Великую относительно окружающей территории способствовало формированию сочетания с предлогом **на**: **на городе**.

Наконец, вернусь к ст. 47 ПСГ. О какой купле-продаже **на городе** могла идти речь? Уже отмечалось, что названная статья имеет в виду необычные, случайные приобретения — не на торгу. Во Пскове, кроме главного места торга — у Довмонтовой стены, рядом с княжим двором, были и другие торжища[40]. Но письменные источники не называют фактов торговли под стенами Троицкого собора и на других участках Крома. Единственным местом купли, как представляется, могли быть

---

[36] Псковская судная грамота // Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. С. 333.

[37] Псковские летописи. Вып. II. С. 225.

[38] *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища в 1977—1978 гг. // Древнерусские города. М., 1981. С. 40, 41, 45, 59, 60; *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова... С. 126.

[39] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 94, 335—336.

[40] *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова... С. 103—106, 142.

клети. Случай продажи клети на городе известен по Духовной Никиты Хова. «Животное» из клети имели право продать его владельцы или наследники, которым оно передавалось «в одерень». Но, повидимому, случаи таких продаж не были часты.

Т. В. Круглова (Псков)

Об одном фрагменте великокняжеского летописания конца XV века

Вопросы истории великокняжеского летописания конца XV в. неоднократно поднимались в научной литературе[1]. Определен круг летописей, сохранивших фрагменты этого летописания. Великокняжеское летописание, по мнению Я. С. Лурье, дошло «в более или менее полном виде»: *как продолжение Свода 1479 г.* (Московский свод по Уваровскому списку — далее МУв., Симеоновская летопись — далее Сим.); *в виде фрагментов за 80—90 гг.*, присоединенных к сводам неофициального характера (Сокращенные своды Погодинского и Мазуринского вида — далее Пог. и Маз., Типографско-Синодальная редакция — далее Тип. Син., Прилуцкий список летописного свода 1479 г. — далее Прил., Софийская I по списку Царского — далее СІЦ), *в соединении с местным летописанием* (Новгородская летопись по Хронографическому списку — далее НХр., Вологодско-Пермская летопись — далее ВП.)[2]. Во всех перечисленных летописях содержится один и тот же текст с некоторыми редакционными изменениями, что позволило исследователям провести работу по выявлению редакций великокняжеского свода конца XV в. Однако выводы существенно различаются.

По мнению С. М. Каштанова, в конце XV в. было создано два летописных свода: 1493 и 1495 гг., которые дошли в составе Сокращенных сводов[3]. Я. С. Лурье считал их не сводами, а редакциям одного великокняжеского свода конца XV в.[4] Он предположил существование двух версий великокняжеского свода: редакция первой половины 90-х гг. XV в. (около 1493 г.), которая сохранилась в составе МУв., Пог., а также отчасти в СІЦ; редакция второй половины 90-х гг. XV в. (после

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 367; *Кравченко А. В.* Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 379—381; *Каштанов С. М.* О списках двух неопубликованных сводов (1493—1495 гг.) // Проблемы источниковедения. Вып. 8. М., 1959. С. 447—465; *Лурье Я. С.* Новые памятники русского летописания конца XV в. (к выходу в свет тт. XXVII и XXVIII ПСРЛ) // История СССР. 1964. № 6. С. 119—125; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начало XVIII вв. М., 1969. С. 311; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. М., 1976. С. 242—247; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. XIV—XV вв. М., 1984. С. 283—312; *Кистерев С. Н.* Хронологические заметки о летописании рубежа XV—XVI веков // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 19—30.

[2] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 247.

[3] *Каштанов С. М.* О списках двух неопубликованных летописных сводов. С. 463—465.

[4] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 247.

1495 г.), представленная Маз., Сим., НХр., Лихачевским видом «Летописца от 72-х язык» (далее — Лих.), Прил., Тип.Син., ВП[5]. Следующая редакция великокняжеского свода была создана в 1500 г. Небольшой фрагмент этой редакции сохранился в Новгородской Уваровской летописи (далее — НУв.) и в Новгородской летописи по списку Дубровского (далее — НД)[6]. Все редакции отражали политические изменения, которые происходили тогда в Русском государстве.

Иная картина представлена в работах Б. М. Клосса и В. Д. Назарова[7]. Рассматривая летописные версии похода на Угру, исследователи пришли к выводу о том, что ранняя версия великокняжеского летописания сохранилась в Лих., доводившем свое повествование до августа 1488 г.[8] Синодальный список Маз. (№ 963) отражает официальную редакцию великокняжеского свода 1491 г. Причем Син. № 963 и Маз. представляют собой более ранний этап (между 1491—1493 гг.) соединения великокняжеского летописания с ростовским владычным сводом, МУв. и Пог. — более поздний этап, испытавший вторичное обращение к ростовскому летописанию[9].

В научной литературе был определен также характер великокняжеского свода. Это была официальная московская летопись, в которой нашли отражения военные походы, дипломатические сношения, борьба с оппозицией, взаимоотношения с Новгородом и Тверью, события в княжеской семье Ивана III, строительные работы в Москве, а также в других городах Русского государства. Однако при анализе великокняжеского летописания конца XV в. не все тексты и фрагменты были привлечены.

Сложный по своему составу Тверской сборник (далее — Тв.) является летописным памятником XVI в., хотя дошел до наших дней в трех списках западно-русского происхождения XVII в.[10] Составителем Тв. принято считать жителя Ростовской земли, который работал над своим произведением в 1534 г.[11] В самом конце Тв., вслед за тверским летописным текстом, находится небольшой фрагмент, содержащий несколько погодных известий за 1485—1499 гг. Он начинается с рассказа о взятии Твери (под 1485 г), а завершается повествованием о казни князя Семена Ряполовского (январь 1499 г.). Этим известием заканчивается текст Тв. Фрагмент содержит 13 погодных статей. События 7001, 7002 годов изложены в двух погодных записях. Летописный фрагмент Тв. содержит: описание походов на Тверь, на

---

[5] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 247—250.

[6] Там же. С. 253—254.

[7] *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 110—112; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. С. 283—312.

[8] Там же. С. 287—291.

[9] Там же. С. 301—302.

[10] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. С. VII—VIII.

[11] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. С. 61—63.

Казань и в Литовскую землю; сообщение об аресте князей Андрея Васильевича и Федора Бельского; сведения о преставлении митрополита Геронтия, великого князя Ивана Ивановича, братьев Ивана III князей Андрея и Бориса Васильевичей; описание пожаров в Москве, Костроме; сообщения о дипломатических переговорах с Литвой, об обручении великой княжны Елены с великим князем Литовским Александром; рассказ о поездке Ивана III в Новгород; сообщения о поставлении митрополита Симона, об уходе с владычной кафедры Силуана Крутицкого, о причащении бывшего митрополита Зосимы в Троице-Сергиевом монастыре; говорится о казни боярских детей, среди которых был Владимир Гусев; сообщается о казни князя Семена Ряполовского. Все события, изложенные в этом фрагменте, восходят к великокняжескому летописанию конца XV в., известному по МУв, Сим., Пог. и Маз., Прил., СІЦ., Тип.Син., Тип.Ак., СІІ, Львов., ВП.

Однако чтения летописного фрагмента заключительной части Тв. находят параллели не в этих летописях, а во Владимирском летописце (далее — Вл.). Этот летописный памятник дошел до нашего времени в двух списках середины — второй половины XVI в. (Синодальный и Чертковский)[12]. В научной литературе давно определено, что основным источником летописного текста в начальной части Вл. является сокращенная версия Троицкой летописи[13]. При составлении летописи в качестве вспомогательных источников использовались Новгородская четвертая летопись[14] и московское летописание, основанное на одном из московских великокняжеских сводов[15]. Но вопрос о том, что представлял собой этот великокняжеский свод, в литературе не ставился.

Текст Вл. доведен до 7031(1523) г. Известия великокняжеского летописания излагаются в этом летописце на протяжении всего XV и первой четверти XVI в. Сравнительный анализ заключительной части Тв. и параллельного текста Вл. показал, что оба памятника в чтениях статей за 1485—1499 гг. имеют много совпадений и общих чтений, но не зависят один от другого, а восходят к общему протографу. При этом каждая из них самостоятельно обращается к этому источнику, по-своему передавая его содержание. По этой причине наряду с большим количеством общих чтений в Тв. и Вл. имеется ряд специфических и индивидуальных чтений. Многие из этих чтений восходят к их общему протографу, другие (редакционного характера) связаны с историей создания этих летописных памятников. Общий протограф Тв и Вл. в статьях за 1485—1499 гг. представлял собой сокращенную редакцию великокняжеского свода. Однако, несмотря на значительные сокращения пространного повествования, в их общем тексте сохранились чтения, восходящие к

---

[12] ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 3—5.

[13] Словарь книжников и книжности. Вып. 2. Ч. 2. С. 17—18; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 25—30, 36—44; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 135—146.

[14] *Муравьева Л. Л.* Новгородские известия Владимирского летописца // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 37—40; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи. С. 27—28.

[15] Словарь книжников и книжности. Вып. 2. Ч. 2. С. 17.

великокняжеской летописи. Для выявления этих протографичных чтений важно не столько сходство с известными редакциями великокняжеского летописания конца XV в., сколько те избыточные и оригинальные чтения, которые читаются в Тв.-Вл.

Выделяются **три группы** таких чтений. **Первую группу** составляют **хронологические комментарии** к событиям, изложенным в великокняжеском летописании конца XV в. Эти комментарии либо отсутствуют в летописях великокняжеской традиции, либо заменены другими.

Общий текст Тв. и Вл. содержит 5 оригинальных дневных дат:

8 декабря 1492 г. — дата ареста князя Федора Ивановича Бельского «на Луху»[16]. В летописях великокняжеской традиции этой даты нет, но называется время казни Ивана Лукомского, по навету которого был арестован Федор Бельской. Иван Лукомский, Матиас толмач и два торговых человека из Смоленска были казнены: «Тое же зимы, генваря 31». Так читается в Сим., Маз., Тип. Ак.[17] В Беляевском списке Пог., СІЦ, Прил., Тип. Син., СІІ, Львов. число опущено: «Тое же зимы, генваря»[18].

31 марта 1493 г. — дата пожара в Костроме[19]. Остальные летописи сообщают, что пожар в Костроме был: «Тоя же весны въ вербную суботу»[20], что хронологически соответствовало 30 марта. О том, какая дата является более верной, будет сказано ниже.

15 апреля 1493 г. — дата пожара в Москве. Кроме того, в Тв.-Вл. дневная дата имеет дополнение: «противу Радуницы усопших»[21]. В Сим. это событие датируется 17 апреля[22]. В остальных летописях оно отнесено к 16 апреля[23]. В летописях великокняжеской традиции пожар случился на Радоницу[24]. 16 апреля 1493 г., действительно, приходилось на вторник. О причине расхождения в датах также будет сказано ниже.

26 мая 1494 г. — дата кончины («преставися») князя Бориса Васильевича Волоцкого[25]. В остальных летописях приведена дата прибытия гроба с телом умер-

---

[16] ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 501; Т. 30. С. 137 (в Вл. это известие под 7000 г.).

[17] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 277; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 364; М., 2000. Т. 24. С. 238.

[18] Там же. Т. 27. С. 293; Т. 24. С. 211; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 158; М., 1994. Т. 39. С. 167; М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 335; М., 2005. Т. 20. С. 359.

[19] Там же. Т. 15. Стлб. 501; Т. 30. С. 138.

[20] Там же. Т. 18. С. 278; Т. 27. С. 293, 365; Т. 39. С. 167; Т. 28. С. 158; Т. 24. С. 211, 239; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 337; Т. 20. С. 359.

[21] Там же. Т. 15. Стлб. 501; Т. 30. С. 138.

[22] Там же. Т. 18. С. 278.

[23] Там же. Т. 27. С. 293, 365; Т. 39. С. 167; Т. 28. С. 158; Т. 24. С. 211, 239; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 337; Т. 20. С. 359.

[24] Там же. Т. 18. С. 278; Т. 27. С. 293, 365; Т. 39. С. 167; Т. 28. С. 158; Т. 24. С. 211, 239; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 337; Т. 20. С. 359.

[25] Там же. Т. 15. Стлб. 501; Т. 30. С. 138.

шего князя в Москву («привезоша с Волока») и погребения его («положиша») в Архангельском соборе, что состоялось 29 мая, в четверг[26].

31 января 1499 г. — дата ареста («поималъ князь великий») князя Ивана Юрьевича Патрикеева, его сыновей Василия и Ивана, а также зятя Семена Ряполовского[27]. Кроме того, эта дата имеется в Тип.Син.[28] В этой группе летописей (Тв.-Вл.-Тип.Ак.) сообщается также, что казнь последнего состоялась 5 февраля. В СІЦ, СП, Львов., в НУв., во фрагменте НД имеется только время казни — 5 февраля[29].

В четырех случаях в общем тексте Тв.-Вл. дневная дата отсутствует, но скрывается за хронологическим комментарием, содержащим указание на церковный календарь:

«В великий мясоед», т. е. в мясопустную неделю, которая приходилась в 1494 г. на 2 февраля, состоялось заключение мира с Литвой: «докончание взяли и миръ, и обручали великого князя дщерь Олену за великого князя Литовского Александра»[30]. В остальных летописях хронологически обозначены иные события: прибытие литовских послов (17 января), обручение княжны Елены (в четверг, 6 февраля), отъезд послов с отпущенными пленными (в среду 12 февраля). Посольство из Великого княжества Литовского находилось в Москве с 17 января до 12 февраля[31]. Посольские книги сообщают, что 2 февраля, в воскресный день, великий князь Иван Васильевич дал послам торжественную аудиенцию, на которой они подали верительную грамоту от имени великого князя Литовского Александра, предложили мир «любовь и докончянье» и просили руки великой княжны Елены. Великий князь дал свое предварительное согласие: «И мы, съ Божиею волею, хотимъ с вашым государем то дело делати; как Бог захочет, так то дело будеть» и пригласил послов на пир[32]. Переговоры по различным вопросам мира и обручения проходили до этого дня и после.

«По Крещении» «въ той же день», т. е. 6 января 1495 г. «въ вторникъ», великая княжна Елена Ивановна покинула Москву и оправилась в Литву[33]. В Тип.Ак., СІЦ, СП, Львов. 6 января во вторник прибыли послы, а через неделю во вторник 13 января великий князь Иван Васильевич отпустил свою дочь в Литву[34]. В Тип.Син.-

---

[26] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 27. С. 336; Т. 39. С. 168; Т. 28. С. 159; Т. 24. С. 213; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 341; Т. 20. С. 361.

[27] Там же. Т. 15. Стлб. 504; Т. 30. С. 139.

[28] Там же. Т. 24. С. 214.

[29] Там же. Т. 39. С. 172; Т. 6. Вып. 2. Стб. 357; Т. 20. С. 368; Т. 43. С. 211.

[30] Там же. Т. 15. Стлб. 502; Т. 30. С. 138.

[31] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 101—102.

[32] Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. № 24. С. 122.

[33] ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 502; Т. 30. С. 138.

[34] Там же. Т. 24. С. 240; Т. 39. С. 169; Т. 6. Вып. 2. С. 343; Т. 20. С. 362.

Прил. в этом месте ошибка: 13 января обозначается четвергом[35]. В Маз. отъезд княжны состоялся 15 января в четверг[36].

В четверг 6-ой недели поста, канун Благовещения, что соответствует 24 марта 1496 г., Иван III возвратился из Новгорода в Москву[37]. В Тип.Ак., СІЦ, СП говорится о прибытии Ивана III в Москву 24 марта в четверг, в Львов. помещена неверная дата 20 марта[38]. Даты совпадают, но их хронологическое определение различается. В Тв.-Вл. нет дневной даты, только хронологический комментарий к ней.

«По Рождестве Христове», т. е. после 25 декабря 1497 г. были арестованы Владимир Гусев, Афонасий Яропкин, Иван Хруль Палецкий, Федор Стромилов и Поярка Рунов брат[39]. Также читается в Тип.Син.[40] В СІЦ, СП, Львов, НУв., во фрагменте НД говорится, что великий князь в декабре «восполелся» на своего сына и на боярских детей (точной даты нет), а 27 декабря «в тои спалке» арестованные были казнены[41]. Арест в соответствии с этим мог состояться 26 декабря, а на следующий день произошла скоропалительная казнь опальных.

Таким образом, общий текст Тв.-Вл. содержит оригинальные хронологические сведения, которые восходят к великокняжескому летописанию конца XV в. Пять дневных дат (8 декабря, 31 марта, 15 апреля, 26 мая, 31 января) относятся к реальным событиям, о которых рассказывается в великокняжеском летописании: арест Федора Бельского, арест князя Ивана Юрьевича с родственниками, смерть князя Бориса Волоцкого, пожары в Костроме и Москве. Две даты, скрытые за церковным комментарием (2 февраля, 24 марта), проверяются и подтверждаются летописями великокняжеской традиции. Дата казни опальных бояр (26 декабря) восстанавливается из анализа событий, изложенных в двух редакциях одной погодной статьи. Дата отъезда княжны Елены Ивановны (вторник, 6 января) находится в противоречии ко всем остальным летописям, восходящим к великокняжескому летописанию.

В Вл. почти нет хронологических комментариев, отличных от Тверского сборника, за исключением двух моментов.

Известие о поставлении митрополита Зосимы в Синодальном списке Вл. ошибочно отнесено к 26 января, в то время как в Чертковском списке приводится правильная дата — 26 сентября 1490 г. В Тв. этого сообщения нет[42].

В Вл. под 1489 г. сообщается о кончине митрополита Геронтия, которая случилось в «канун Вознесеньева дни»[43]. Подобное обозначение даты смерти митрополита не оригинально, оно имеется в Тип.Ак. (под 6998 г.), содержащей окончание

---

[35] ПСРЛ. Т. 24. С. 213; Т. 28. С. 160.
[36] Там же. Т. 27. С. 366.
[37] Там же. Т. 15. Стлб. 502; Т. 30. С. 139.
[38] Там же. Т. 24. С. 242; Т. 39. С. 170; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 346; Т. 20. С. 363.
[39] Там же. Т. 15. Стлб. 503—504; Т. 30. С. 139.
[40] Там же. Т. 24. С. 214.
[41] Там же. Т. 39. С. 172; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 352; Т. 20. С. 366; Т. 43. С. 211.
[42] Там же. Т. 15. Стлб. 500; Т. 30. С. 137.
[43] Там же. Т. 30. С. 137.

ростовского свода 1489 г., а также в СП-Льв. (под 6997 г.)[44]. В летописях великокняжеской традиции приводится развернутая дневная дата — 28 мая в среду в 11 часов дня[45], что неверно. На самом деле 28 мая — день празднования Вознесения Господня, приходилось на четверг, так как Пасха в 1489 г. году была 19 апреля. Среда действительно была 27 мая, накануне Вознесения. Таким образом, чтение Вл., Тип.Ак., СП-Льв. исправнее. В Тв. это известие отсутствует.

В Тв., напротив, кроме общих чтений с Вл., есть свои оригинальные записи хронологии событий. Так, по отношению к 6-ти дневным датам приводится расширенное обозначение дат по церковному календарю:

14 июля 1487 г., на память Св. Апостола Акилы, в Казань были отправлены Мухамед-Амин и великокняжеский наместник Д. В. Шеин[46].

31 марта 1493 г., «против» дня Марии Египетской, вспыхнул пожар в Костроме.

15 апреля 1493 г., «против» Свв. мучениц Ирины, Агапии и Хионии, случился пожар в Москве.

16 июля 1493 г., на память Свв. Отцов первого вселенского собора в Никеи, перед днем Св. Елены, разразилась гроза в Москве.

28 июля 1493 г., на память Свв. Апостолов Прохора, Никанора, Тимона и Пармена, начался второй пожар в Москве.

6 ноября 1493 г., на память Свв. Отец Павла Исповедника и Варлама Чудотворца, скончался князь Андрей Васильевич Углечский[47].

Пять последних известий объединены одной погодной статьей, четыре из которых касаются экстремальных ситуаций и природных катаклизмов, произошедших в течение весны-лета 1493 г. Интерес к подобным событиям был вызван ожиданием конца света на рубеже столетий. Может быть, поэтому смерть Андрея Волоцкого в этом тексте ошибочно датирована тем же 7001 г.

Упоминание дней памяти святых для обозначения дневных дат довольно часто встречается в текстах конца XV в., относящихся к великокняжескому летописанию. Примеров подобного обозначения дневных дат можно привести много:

23 марта 1480 г., на память Пр. Никона, родился Юрий, сын великого князя Ивана Васильевича (МУв.)[48];

6 октября 1481 г., на память Св. Апостола Фомы, родился Дмитрий, сын великого князя Ивана Васильевича (МУв.-Пог., в Сим. — опущено)[49];

10 октября 1483 г., на память Св. мученика Евлампия, родился Дмитрий, сын князя Ивана Ивановича (Пог.-Маз., Сим., Тип.Син., Прил., СII)[50];

---

[44] ПСРЛ. Т. 24. С. 237; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 325; Т. 20. С. 354.

[45] Там же. Т. 18. С. 272; Т. 27. С. 288, 359—360; Т. 39. С. 164.

[46] Там же. Т. 15. Стлб. 500.

[47] Там же. Т. 15. Стлб. 501

[48] Там же. Т. 25. Стлб. 326—327.

[49] Там же. Т. 25. Стлб. 329; Т. 27. С. 285.

[50] Там же. Т. 27. С. 286, 358; Т. 18. С. 270; Т. 24. С. 204; Т. 28. С. 152; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 317; Т. 8. С. 215.

9 февраля 1485 г., на память Св. мученика Никифора, родился Иван, сын Ивана Ивановича (Лих.)[51];

15 января 1489 г., на память Свв. Павла Фивейского и Ивана Кущника, состоялось поставление Тихона на владычную кафедру в Ростов (Прил.)[52];

9 августа 1489 г., на память Св. Апостола Матфея, произошло освящение ц. Благовещения на княжьем дворе (Пог., Сим., Тип.Син., СП, в Маз.-Прил. ошибочно Апостола Тимофея)[53];

20 августа 1489 г., на память Св. Пророка Самуила, состоялось освящение придела в ц. Благовещения (Пог.-Маз., Сим., Тип.Син., Прил.,СП)[54];

В сентябре 1491 г., на память Св. Сергия Радонежского (т. е. 25 сентября), произошло перенесение торга от Троицы в Радонеж (Маз., Сим., Тип.Син., Прил.)[55];

26 апреля 1497 г., на память Св. Стефана, Пермского епископа, выпал снег в Москве (Тип.Син.)[56];

5 февраля 1499 г., на память Св. мученицы Агафьи, был казнен князь Семена Ряполовский (Тип.Син.)[57];

14 июля 1500 г., на память Св. Апостола Акилы, произошло сражение на реке Ведроше (Тип.Син, СП)[58].

Чтения фрагмента Тверского сборника не выбиваются из этой традиции и свидетельствуют о близости к великокняжескому летописанию. Обращает на себя внимание употребление в тексте Тв.-Вл. слова «противу» во временном значении («накануне»), а не в общепринятом пространственном значении («напротив», «навстречу»). Это слово используется для дополнительной характеристики дневных дат по церковному календарю только в описании трагических событий весны-лета 1493 г.: в Тв. (дважды)[59] и в Вл. (один раз)[60].

Первый раз «противу» в значении «накануне» применяется в известии о пожаре в Костроме. В Тв. и Вл. имеется дневная дата пожара — 31 марта, которая отсутствует в летописях великокняжеского круга. Но в Тв. эта дневная дата сопровождается еще одним комментарием: «противу» (т. е. накануне) дня Марии Египетской, память которой отмечается 1 апреля. В Вл. дополнительная характеристика дневной даты отсутствует. Таким образом, по сведениям Тв. пожар в Костроме произошел 31 марта, накануне дня памяти Марии Египетской. В летописях вели-

---

[51] *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига в летописании конца XV в. С. 287.

[52] ПСРЛ. Т. 28. С. 154.

[53] Там же. Т. 27. С. 289; Т. 18. С. 272; Т. 24. С. 206; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 326; Т. 27. С. 360; Т. 28. С. 154.

[54] Там же. Т. 27. С. 289, 360; Т. 18. С. 272; Т. 24. С. 206; Т. 28. С. 154; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 326.

[55] Там же. Т. 27. С. 362; Т. 18. С. 275; Т. 24. С. 209; Т. 28. С. 156.

[56] Там же. Т. 24. С. 214.

[57] Там же. Т. 24. С. 214.

[58] Там же. Т. 24. С. 214; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 363.

[59] Там же. Т. 15. Стлб. 501.

[60] Там же. Т. 30. С. 138.

кокняжеской традиции нет дневной даты, а пожар в Костроме случился «в вербную субботу»[61], т. е. 30 марта, так как вербное воскресенье в 1493 г. приходилось на 31 марта. Какая дата пожара правильная? Мне кажется, что дата Тв.-Вл. близка к действительности, так как здесь помещены два точных хронологических определения (дневная дата и комментарий по церковному календарю), не противоречащие друг другу, а дополняющие.

Второй раз слово «против» во временном значении в Тв. встречается в описании пожара в Москве в том же 1493 г. В общем тексте Тв.-Вл. сообщается, что пожар начался 15 апреля в 3 часа ночи. В Тв. к этой дневной дате добавлены еще два комментария (в Вл. сохранился только второй из них):

— «*против* святых мучениц Ирины, Агапии, Хионии», память которым отмечалась 16 апреля;

— «*против* Радуници усопших», что бывает «вь вторник». День поминания усопших (Радоница) в 1493 г. приходился на вторник 16 апреля.

Таким образом, пожар в Москве, по общему тексту Тв.-Вл., был 15 апреля в понедельник, накануне Радоницы, которая в этом году совпала с днем памяти Свв. мучениц. В летописях великокняжеской традиции оба комментария с использованием слова «против» отсутствуют и приведена другая дневная дата: в Сим. — 17 апреля[62], в остальных — 16 апреля[63]. Но и здесь имеется свой дополнительный комментарий: «на Радуници». Разночтения в обозначении дневной даты могли появиться в результате позднейшего редактирования и сокращения пространного рассказа великокняжеской летописи. Пропуск слова «против» и упоминание Свв. мучениц привели к появлению даты 16 апреля. По той же причине вышло так, что пожар случился во вторник на Радоницу. Тв.-Вл. представляют более ранний вариант хронологии московского пожара весной 1493 г.

Использование слова «против» во временном значении для обозначения даты часто встречается в памятниках, содержащих великокняжеское летописание, а также в ростовском своде 1489 г. при изложении известий великокняжеского летописания:

12 февраля 1446 г. Дмитрий Шемяка изгоном взял Москву (МУв.): «и приидоша февраля месяца в 12 в суботу в 9 час нощи противу недели, иже о блуднем»[64].

22 апреля 1467 г. «в среду 4 недели по Пасце, противу четверка, в 5 час нощи…» скончалась великая княгиня Мария Борисовна, жена Ивана III (Тип.)[65]. В МУв.,

---

[61] ПСРЛ. Т. 27. С. 293, 365; Т. 18. С. 278; Т. 24. С. 211; Т. 28. С. 158; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 337; Т. 20. С. 359; Т. 8. С. 226.

[62] Там же. Т. 18. С. 278.

[63] Там же. Т. 27. С. 293, 365; Т. 24. С. 211; Т. 28. С. 158; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 337; Т. 20. С. 359; Т. 8. С. 226.

[64] Там же. Т. 25. С. 264.

[65] Там же. Т. 24. С. 186.

Ерм. сообщается, что княгиня умерла 22 апреля в 3 часа ночи, но слово «противу» опущено[66].

23 мая 1468 г. «в понедельник противоу вторника в 3 час нощи» случился пожар в Москве (Тип.)[67]. В МУв. сообщается, что пожар был 23 мая в 2 часа ночи, слово «противу» опущено[68].

В 1472 г. «противу же соуботы нощи той, противоу Спасова дни» татары отступили от русских рубежей (Тип.)[69]. 31 июля 1472 г. действительно было в пятницу.

4 апреля 1473 г. «в пятоую неделю поста, в третей час нощи противу понеделника» начался пожар в Москве (Тип.)[70]. 4 апреля 1473 г. — воскресенье. В МУв. слово «противу» опущено: «в неделю 5-ю поста, еже глаголется похвальнаа, в 4 час нощи» [71].

25 марта 1479 г. «в 8 час нощи противу дне събора архаггела Гаврила» родился Василий, сын великого князя Ивана Васильевича (1 ч. 5 мин.) (МУв.)[72]. 26 март — собор Архангела Гавриила.

9 сентября 1479 г. «в 6 час нощи с четверга противу пятници» случился пожар в Москве (МУв., Маз, ВП) [73]. 9 сентября — четверг.

9 февраля 1485 г., «на масленице, на осмом часу против середы» родился Иван, сын великого князя Ивана Ивановича (Лих.)[74]. 9 февраля — среда. Здесь сбой хронологии. Вечер вторника — 8 февраля.

5 июня 1490 г. «противу недели в 3 час нощи» скончался великокняжеский дьяк Василий Мамырев (СП-Льв., Увар.)[75]. В ВП опущено слово «противу», дается другое чтение: «с суботы на неделю», но в тексте используется слово «противу» в значении «напротив» в сообщении о расположении гробницы относительно Никонова гроба[76]. 5 июля приходилось на субботу.

Все случаи использования слова «противу» во временном значении используются в описании событий, которые произошли вечером или ночью, при смене одного дня другим. Чтения Тв. сборника выполнены в той же традиции и отражают особенности текста протографа, потерянные при последующем редактировании.

В Тв. имеется еще одно избыточное чтение хронологического плана. Под 7004 г. в этой летописи помещены две версии рассказа о поездке великого князя Ивана Васильевича в Новгород. В одной из них сообщается о возвращении великого князя в Москву. В общем тексте Тв.-Вл. это событие датируется четвергом 6 недели поста

---

[66] ПСРЛ. Т. 25. С. 279; М., 2004. Т. 23. С. 158.
[67] Там же. Т. 24. С. 187.
[68] Там же. Т. 25. С. 281.
[69] Там же. Т. 24. С. 193.
[70] Там же. Т. 24. С. 193.
[71] Там же. Т. 25. С. 300.
[72] Там же. Т. 25. С. 323.
[73] Там же. Т. 25. С. 326; Т. 27. С. 354; Т. 26. С. 261.
[74] *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига в летописании конца XV в. С. 287.
[75] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 328; Т. 20. С. 355.
[76] Там же. Т. 26. С. 280.

накануне Благовещения[77]. Но только Тв. имеет добавочную фразу: «*а Благовещениев день был в пятницу на 6-й недели*» поста, что соответствует действительности. И в этом случае чтение Тв. ничем не отличается от великокняжеского летописания, в котором на это обстоятельство летописцы иногда обращали внимание. Примеры:

— в 1459 г. «Благовещение бысть на велик день» (МУв.)[78];

— в 1478 г. «был Благовещениев день на светлои неделе в среду» (МУв.)[79].

Справедливо отметила Н. Г. Гришина, разбирая вопрос о кириопасхе, что эти совпадения больше интересовали летописцев XIV—XV вв., чем их собратьев по перу, живших в XVI—XVII вв.[80] Этот вывод можно с успехом применить в нашем случае. Сохранившийся в Тв. комментарий по поводу дня Благовещения восходит к пространному тексту великокняжеского летописания конца XV в.

Таким образом, избыточные чтения хронологического характера в общем тексте Тв.-Вл. тесно связаны с великокняжеским летописанием как в содержательном плане (касаются событий, которые там описывались), так и в стилистическом отношении (применялись те же приемы для обозначения дневных дат).

Вторая группа избыточных чтений общего текста Тв.-Вл. содержит два **комментария по поводу мест погребения** умерших лиц. В Вл. под 1489 г. сообщается о смерти митрополита Геронтия, который был «положен» в церкви Успения Богородицы «подле Филиппа митрополита»[81]. В Тв. известие о смерти Геронтия предельно краткое, нет никаких указаний на место погребения митрополита[82]. В летописях, содержащих великокняжеское летописание за конец XV в., место положения гробницы умершего митрополита «в соборной церкви Успения Пречистыя» Богородицы определяется иначе: «на северной стране»[83]. После освящения в 1479 г. нового здания Успенского собора гробница Филиппа была помещена на прежнее место, у северной стены храма, рядом с захоронением митрополита Ионы[84]. Там же установили гроб скончавшегося митрополита Геронтия. Таким образом, и сообщение Вл., и комментарий летописей великокняжеской традиции соответствовали действительности. Дело в другом: когда возник тот комментарий, который сохранился в Вл.? Не исключено, что добавление о размещении гробницы митрополита Геронтия, рядом с захоронением митрополита Филиппа, принадлежит перу составителя Вл. Подобным образом он отметил местоположение гроба митрополита Симона (его смерть в Вл. ошибочно датируется 28 мая 1509 г., на самом деле он умер 30 апреля 1511 г.): «положен бысть у Успениа святеи Богородици

---

[77] ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 502; Т. 30. С. 139.

[78] Там же. Т. 25. С. 275.

[79] Там же. Т. 25. С. 323.

[80] *Гришина Н. Г.* К вопросу об известии о кириопасхе 1380 г. Рогожского летописца и других русских летописей // Мир истории. 2005. № 2.

[81] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[82] Там же. Т. 15. Стлб. 500.

[83] Там же. Т. 18. С. 272; Т. 27. С. 288; Т. 24. С. 206; Т. 28. С. 154; Т. 6.

[84] Там же. Т. 25. С. 325.

в соборнои церкви, подле Филиппа митрополита»[85]. По мнению Т. Д. Пановой, захоронение митрополита Симона располагалось в одном ряду с Ионой, Филиппом и Геронтием[86].

Особого внимания заслуживает второй комментарий. В Тв.-Вл. под 1490 г. помещено известие о смерти великого князя Ивана Ивановича Молодого, старшего сына Ивана III. В Вл. содержится дата смерти — 7 марта, но не сообщается о месте погребения[87]. В Тв. говорится, что князь был положен в московском Архангельском соборе: «*на десной стране, у столпа*»[88]. В летописях великокняжеской традиции вместо этого комментария помещена общая фраза: «*иде же прародители его лежат*»[89]. В то же время в сообщении о смерти удельного князя Андрея Углечского эти летописи более конкретны: «и положиша… у северских дверей»[90]. Местоположение гробницы Бориса Васильевича Волоцкого в Архангельском храме в летописях великокняжеской традиции, а также в Тв.-Вл. не комментируется вовсе.

Согласно последнему исследованию некрополя Архангельского собора, гробница Андрея Васильевича Угличского располагалась у северной стены храма[91]. Это соответствует указанию летописей великокняжеской традиции. Захоронение Ивана Ивановича Молодого находится у южной стены, рядом с гробом его прадеда Василия I[92]. Современное местоположение гробницы старшего сына Ивана III не соответствует комментарию Тв.: «на десной стране, у столпа». Вероятно, в Тв. сохранилось указание на место первоначального погребения Ивана Молодого в старом Архангельском соборе. При перенесении гробниц во вновь построенное в 1505—1508 гг. здание их размещение было изменено. Так, гробница Ивана Ивановича от столба была перенесена к южной стене и расположена рядом с Василием Дмитриевичем, о чем сообщает СП: «возле южную стену» положили «великого князя Василия Дмитриевича, да с ним положиша правнука его великого князя Ивана Ивановича»[93]. Вскоре рядом с отцом будет похоронен его сын Дмитрий Иванович[94]. Погребений у столбов нового Архангельского собора в то время еще не было. Не исключено, что общая фраза летописей великокняжеской традиции — «иде же прародители его лежат» — отражает более поздние изменения в местоположении гробницы. Тогда эта редакция великокняжеской летописи не могла появиться ранее 1505 г., когда был разобран старый Архангельский храм, а его погребения вре-

---

[85] ПСРЛ. Т. 30. С. 140.

[86] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 22—24.

[87] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[88] Там же. Т. 15. Стлб. 500.

[89] Там же. Т. 18. С. 273; Т. 27. С. 289, 360; Т. 28. С. 154; Т. 24 . С. 206; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 327; Т. 20. С. 354; Т. 26. С. 280.

[90] Там же. Т. 27. С. 294, 366; Т. 39. С. 168; Т. 28. С. 159; Т. 24 . С. 212; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 339; Т. 20. С. 360.

[91] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы. С. 52, 83 (рис. 26).

[92] Там же. С. 51, 83 (рис. 26).

[93] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стлб. 381; Т. 20. С. 379.

[94] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы. С. 55, 83 (рис. 26).

менно размещены в церкви Ивана Лествичника в Кремле. Самым ранним списком, сохранившим текст великокняжеского летописания за конец XV в., является Мазуринский список Сокращенного свода. Летописный текст, доведенный до 1495 г., написан на бумаге, сорт которой датируется 1495—1514 гг.[95] Местоположение гробницы Андрея Васильевича Угличского в Архангельском соборе не претерпело изменений, поэтому в летописях великокняжеской традиции сообщение о ее размещении осталось неизменным. Таким образом, в Тв. сохранились следы ранней редакции великокняжеского летописания, выполненной не позднее 1505—1508 гг.

Третья группа избыточных чтений Тв.-Вл. касается упоминаний конкретных исторических лиц: членов семьи великого князя Ивана III, воевод, наместников, казанских царей. В этой группе особое место занимают два известия.

В сообщении о походе на Тверь в Тв. под 1485 г. приводится состав участников: первыми названы братья великого князя Андрей и Борис Васильевичи, за ними следует старший сын великого князя Иван Иванович: «а с ним были братиа его, князь Андрей да князь Борис Василиевичь, да сынь его князь великий Ивань Иванович»[96]. В летописях, содержащих великокняжеское летописание за последнюю четверть XV в., порядок иной. Имя старшего сына Ивана III поставлено впереди имен младших братьев Ивана III[97]. Во Вл. этого перечня нет совсем[98].

В летописной статье Тв.-Вл. за 1495—1496 гг. содержится два известия о поездке Ивана III в Новгород, которые различаются своим содержанием и редакцией. В первом из них сообщается о дне отбытия Ивана Васильевича в Новгород (20 октября 1495 г.) и о времени его возвращения в Москву: на 6-й неделе поста в четверг, накануне дня Благовещения, которое приходится на пятницу 6-й недели поста[99]. В Вл. сохранилась небольшая часть этого известия в конце погодной статьи. Второе известие Тв.-Вл. более подробное: 20 октября, во вторник, пошел Иван Васильевич в Новгород, «да с ним сын его князь Юрый, да внук его князь Дмитрей»[100]. В Москве с великой княгиней Иван III оставил своего сына князя Василия с меньшею братьею[101]. В летописях великокняжеской традиции порядок лиц, сопровождавших Ивана Васильевича в Новгород, был другой: первым называется внук Ивана III Дмитрий, а за ним следует имя сына великого князя Юрия Ивановича[102]. Чтение, подобное Тв.-Вл., сохранилось также в Прил. и ВП[103]. В ВП после этого сообщения подробно рассказывается о пребывании князя в Новгороде

---

[95] ПСРЛ. Т. 27. С. 11.

[96] Там же. Т. 15. Стлб. 500.

[97] Там же. Т. 18. С. 271; Т. 27. С. 287; 358; Т. 39. С. 163; Т. 24. С. 204; Т. 28. С. 153; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 322; Т. 20. С. 352; Т. 26. С. 277.

[98] Там же. Т. 30. С. 137.

[99] Там же. Т. 15. Стлб. 502.

[100] Там же. Т. 15. Стлб. 502; Т. 30. С. 138.

[101] Там же. Т. 15. Стлб. 502; Т. 30. С. 138.

[102] Там же. Т. 24. С. 241; Т. 39. С. 170; Т. 6. Вып. 2. Стлб. 345; Т. 20. С. 363.

[103] Там же. Т. 28. С. 160; Т. 26. С. 290.

и о его возвращении в Москву 24 марта в четверг, но без хронологических комментариев Тв.-Вл. Очевидно, что известие о поездке великого князя в Новгород в Тв., Вл., Прил. и ВП отражает более раннюю запись великокняжеской летописи. Эта редакция была сделана до 1498 г., когда внук Дмитрий Иванович был объявлен соправителем деда великого князя Ивана Васильевича, а его старший сын Василий и жена София были подвергнуты опале, и до 1502 года, когда Василий Иванович был поставлен на великое княжение.

Таким образом, в летописном фрагменте Тв.-Вл. за 1486—1499 гг. сохранилась сокращенная версия великокняжеского московского летописания, избыточные и оригинальные чтения которой восходят к протографу и отражают его раннюю редакцию, выполненную не позднее 1498—1502 гг. Тв. более исправно предает текст общего с Вл. протографа. Во Вл. этот текст подвергнут дополнительному сокращению, но фрагмент ранней редакции великокняжеского летописания значительно шире, чем тот, что представлен в Тв. Группа летописей великокняжеской традиции отражает более позднюю редакцию, которая появилась вскоре после 1505—1508 гг.

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)

К вопросу о достоверности свидетельства Геннадия Гонзова о ереси «жидовская мудръствующих»

Одной из популярных в историографии тем является феномен «ереси жидовствующих», которая возмутила религиозную и культурную ситуацию на Руси в последней четверти XV — начале XVI в. Уровень источниковедческой разработки немногочисленных источников об этом уникальном в истории средневековой Руси явлении значительно отстает от уровня культурологических обобщений и интерпретаций при всем многообразии точек зрения.

Апологетический тон трудов церковных историков, склонных некритически принимать известия «Просветителя» и посланий Иосифа Волоцкого[1], на рубеже XIX—XX веков сменился стремлением исследовать проблему на основании всего доступного круга источников в контексте религиозной истории Восточной Европы XIV—XV вв.[2] Академическое издание основных источников и появление фундаментальной монографии Я. С. Лурье на долгие годы сформировали подход в отношении восприятия ереси в исследовательской среде, который может быть определен как скептический[3].

Я. С. Лурье делил противоеретические произведения на две группы: обличительные, которым отказывал в доверии, и полемические, дающие более убедительные представления о взглядах еретиков[4]. Он полагал, что все обвинения в «жидовстве», которые адресовал еретикам Иосиф Волоцкий, являются недостоверными. По этой причине он ввел в научный оборот термин «новогородско-московская ересь». Американская исследовательница Я. Р. Хоулетт посвятила свою статью анализу самого раннего источника: Посланию митрополита Геннадия Прохору епископу

---

[1] См.: *Руднев Н. А.* Рассуждения о ересях и расколах. М., 1838; *Макарий* (*Булгаков*). История русской церкви. Т. VI. СПб., 1870. С. 82—86; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. II. Ч. 1. М., 1900. С. 585—600 и др.

[2] См.: О ереси жидовствующих. М., 1902; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903. С. 396—428; *Сперанский М. Н.* Псалтырь жидовствующих // ЧОИДР. 1907. Т. II. Отд. II; *Ильинский Ф. И.* Русские богумилы XV в. // Богословский вестник. 1905. Т. II; *Боцяновский В. Ф.* Богоискатели. СПб., 1911. С. 1—21; *Бедржицкий Л.* Литературная деятельность жидовствующих // ЖМНП. 1912. Т. III. и мн. др.

[3] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. (далее — АФЕД). М.; Л., 1955; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.

[4] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. С. 122—127, 154—178. Работа Я. С. Лурье стала наиболее полным выражением скептической традиции в изучении ереси, оформившейся в либеральной историографии конца XIX — начала XX вв.

Сарскому[5]. Она сделала вывод о том, что использовать свидетельство Геннадия как доказательство существования определенного еретического движения нельзя, поскольку обвинения противоречивы и не объединены общей темой[6]. По выражению Алена де Либера: «Историки... сделали вывод о нечестности и глупости цензоров, поскольку не увидели в их действиях техники, называемой нами сегодня "техникой амальгамирования"»[7].

Напомним, что новгородский владыка оставил свидетельства о ереси в тексте 5 посланий[8]. Наиболее раннее — послание епископу Прохору Сарскому не содержит даты, но по косвенным признакам относится к 1487 г., послание Нифонту Суздальскому датировано январем 1488 г.; послание бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу — февралем 1489 г.; послание митрополиту Зосиме и послание собору епископов — октябрем 1490 г.[9] Кроме того, сохранились две грамоты Ивана III и митрополита Геннадия, адресованные архиепископу Геннадию и датированные февралем 1489 г. Остановимся на вопросе о степени достоверности свидетельства новгородского архиепископа относительно природы обнаруженной им ереси.

В Послании Прохору содержатся обвинения еретиков: в жидовствовании, в маркианстве и мессалианстве, недостойном служении литургии, нарушениях правил исповеди, предпочтении иудейской хронологии христианской и неверии в близкий конец света. В Послании Нифонту Суздальскому добавляются обвинения в поругании креста, искажении иконописных образов, использовании языческой символики плодородия в нательном кресте. В послании Иосафу Оболенскому опять фигурируют обвинения в жидовствовании, мессалианстве, нарушениях обязанностей духовника, спекуляциях на слухах о близком конце света. Послание митрополиту Зосиме не содержит новых обвинений, зато в послании собору епископов Геннадий пополняет набор обвинений: стригольничеством (по признаку непризнания церковной иерархии, обвиняемой в поставлении на мзде), поруганием икон, нарушением покаяния и невыполнением ранее наложенных епитимий. В Соборном приговоре 1490 г. как ересь квалифицируются факты хуления и поругания икон, хуления Христа, Богоматери, святых, отрицание авторитета семи Вселенских соборов, нарушения постов, почитание субботы паче Воскресения, неверие Вознесению Христа, причем все обвинения охарактеризованы как «жидовский обычай». В Поучении митрополита Зосимы еретики обвиняются: в держании отреченных

---

[5] *Хоулетт Я. Р.* Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудръствующих» // ТОДРЛ. Т. XLVI. СПб., 1993. С. 53—61.

[6] Там же. С. 69—70.

[7] *Ален де Либера.* Средневековое мышление. М., 2004. С. 131. См.: «Существующее мнение, что из посланий Геннадия следует второстепенность и даже маргинальность «еврейского фактора, само, быть может, испытало влияние стремления уменьшить вес этого фактора в развитии ереси». *Раба Й.* «Жидовствующие» ли? История задушевной мысли // Russia Mediaevalis. Т. X, 1. München, 2001. S. 127.

[8] Послание неизвестному гипотетически также атрибутируется Геннадию, сохранилось в отрывке: РГБ. Муз. 3271. Л. 5 об. — 6. Опубликовано: АФЕД. С. 388—391.

[9] Все тексты посланий изданы: АФЕД. С. 309—312; С. 312—313; С. 315—320; 373—379.

книг, ветхозаветничестве, хвалении жидовской веры, хулении Христа и Богородицы, иконоборчестве, хулении чудотворцев Петра, Алексея, Леонтия и Сергия и других. Вопрос о степени достоверности этих обвинений не может быть снят простым указанием на их тенденциозность, поскольку и в соборном приговоре, и в «Поучении» Зосимы фигурируют не только ссылки на послания Геннадия, но и на свидетелей [10].

Все адресованные еретикам обвинения можно разделить на две группы: теоретические, т. е. имеющие соответствия в статьях кормчих книг, и практические, порожденные нарушениями литургической, исповедальной, дисциплинарной практик. Силлогистический метод обвинений возможен лишь в отношении первой группы обвинений. Обвинения второй группы могут восходить либо к непониманию Геннадием особенностей церковной жизни в Новгороде (сюжет с обрезанием Христа на клейме иконы Преображение Господне [11], возможно, отказ новгородцев от почитания Леонтия Ростовского, московских чудотворцев Петра, Алексея, Сергия Радонежского, а также различия в практике поставления священнослужителей), либо отражают действительно имевшие место сознательные нарушения предписанных церковью норм. Как выразился Геннадий: «А что сказывал Самсонко, что в подлинники писано, то было уметь ли так сказывати, толко бы того не делал сам?» [12]. Обвинения в «жидовствовании» содержатся во всех указанных документах [13].

Как следует из Послания Сарскому епископу Прохору, обвинения в жидовстве основываются на сведениях, которые получены от раскаявшегося еретика попа Наума. «Да что есми послал грамоту, да и подлинник к митрополиту, что и ты тамо узришь все, что ся как чинило, и как ли превращены псалмы на их обычай. И толко

---

[10] См.: «А что перед нами в соборе здешние люди добрыя да и священници свидетельствовали на вас на лице о вашем безчинии...» (АФЕД. С. 383). «И сташа на том соборе с ними лице на лице людие мнози да и священници и сведетелствоваша на них о их ересях и о хуле и о поругании над святыми иконами, как ся что о них чинило зде на Москве» (АФЕД. С. 385).

[11] См. подробный анализ этого сюжета: *Голейзовский Н. К.* Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия // Византийский временник. Т. 41. М., 1980. С. 125—140. Есть основания полагать, что факты поругания икон, о которых сообщает архиепископ Геннадий (АФЕД. С. 380), могут находить объяснение в различии традиций иконопочитания Северо-Восточной Руси и Новгорода. Например, культ Успения Богородицы не был популярен в Новгороде, где особенным почитанием пользовался культ Софии.

[12] АФЕД. С. 380.

[13] См.: АФЕД. (Послание Генадия Прохору Сарскому, 1487) С. 310 — «жидовская мудръствующих»; (Грамоты великого князя Ивана III и митрополита Геронтия архиепископу Геннадию. 1489) С. 314 — «жидовскую веру величают, а нашу веру православную Христову хулят»; Послание Геннадия Иоасафу. 1489. С. 316 — «жидовская мудръствующие»; Послание Геннадия митрополиту Зосиме. 1490. С. 375 — «хвалят жидовскую веру»; С. 376 — «да и в жидовскую веру стали»; Соборный приговор 1490. С. 383 — «Ино все то чинили есте по обычаю жидовскому», «за те ваша жидовьскиа дела»; Поучение митрополита Зосимы. 1490. С. 384 — «веру жидовскую хвалят».

бы поп Наум не положил покаания, да в христианство опять не захотел, ино бы как мощно уведати по их клятве, как они отметаются своих велений?»[14] Показания попа Наума не имели решающего значения для изобличения лиц, заподозренных в еретичестве. Согласно евангельской цитате, легшей в основу норм святительского суда: «Пред двема или треми свидетели да станет всяк глагол» (Мф. 18.16). В ответных посланиях Геннадию великий князь Иван III и митрополит Геронтий признали справедливость лишь тех обвинений, которые были подкреплены показаниями других свидетелей, кроме попа Наума: «...и яз, с своим отцем митрополитом и с епископы и со всем собором, по твоему списку, розсудили, что поп Григорей Семеновской, да поп Ересим Николской, да попов Григориев сын Самсонко диак, по правилом царьскым, дошли градские казни, потому что на них есть свидетельства в твоем списке; а на Гридю на Борисоглебского в твоем списке свидетельства нет, опрочи попа Наума»[15]. «А Гридя диак не дошел ещо, по правилом, градские казни, потому что на него один свидетель, поп Наум»[16]. Позднее эта норма была подтверждена авторитетом «Стоглава»: «Наипаче же греховныа вины судятся по священным правилом ни ротою, ни клятвою, но достоверными свидетели и многыми послухы»[17].

Полагают, что термин «жидовствующий» употреблялся как синоним ереси и применялся очень широко для обвинения лиц, не имеющих отношения к иудаизму[18]. Распространено также мнение, что обвинение в «жидовствовании» могло маркировать рационалистическое начало в ересеучении[19]. Согласно другому мнению название ереси могло отражать ветхозаветническую устремленность новгородских священнослужителей[20]. Наконец, не исключают исследователи и корыстного мотива со стороны архиепископа Геннадия, который намеренно использовал обвинения в «жидовстве», дабы скрыть от ортодоксов свои контакты с «латинянами».[21]

В известных на Руси сочинениях Епифания Кипрского и Тимофея Пресвитера, а также в «Епитоме ересей» Иоанна Дамаскина иудаизм является одним из четырех

---

[14] АФЕД. С. 310.

[15] Там же. С. 314.

[16] Там же. С. 315.

[17] *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2001. С. 359.

[18] *Хоулетт Я. Р.* Указ. соч. С. 68.

[19] *Seebohm T. M.* Ratio und Charisma. Ansätze und Ausbidung eines philosophischen und wissenschaftlichen Weltverständnisses im Moskauer Russian. Bonn, 1977. S. 214—217; *Кочнев Н.* Още към въпроса за същноста на ереста на юдействувщите на Балканите и в Русия през IX—XV вв. // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1992. С. 75—78.

[20] *Кореневский А.* «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 134—137.

[21] *Klier J. D.* Judaizing Without Jews? // UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. III. Culture end Identity in Muscovy, 1359—1584. M., 1997. P. 341.

архетипов, из которых происходят все многочисленные ереси[22]. Иудейских ересей указывается семь: книжники, фарисеи, саддукеи, имероваптисты или «по вся дни крещающися», оссины, нассариеи, иродиане[23]. Эта классификация восходит к временам Евангелистов[24]. Однако мы не можем разделить уверенность Я. Р. Хоулетт в том, что данное обстоятельство может иметь отношение к обвинению еретиков в «жидовствовании»[25].

Обвинения в «жидовстве» широко использовались в качестве инструмента меж- и внутриконфессиональной полемики. Традиционно они включались в антилатинские полемические трактаты. Можно также полагать, что «жидовин» являлось употребляемым в быту бранным словом[26].

Очевидно, что стремившиеся к осуждению обвиняемых в ереси Геннадий и архиереи, участвовавшие в соборе 1490 года, прибегли к обвинению в «жидовствовании», желая использовать санкции, предусмотренные каноническим правом: «...и за те ваша злыа жидовьскиа дела по божественным и священным правилом святых апостол и святых отец господин преосвященный Зосима митрополит всея Руси и о святом дусе сынове его и съслужебници, Тихон архиепископ Ростовскый да вси епископи и весь иже о них божественый събор, вас всех ересников осудиша, а вас священиков из сану извергоша, и всех вкупе от святыя церкви отлучиша»[27].

Канонические правила (70-е правило св. апостол, 29-е, 33-е, 37-е правила Лаодикийского собора), известные на русской почве, предусматривают ситуацию, когда в «жидовствовании» обвиняется христианин, празднующий субботу вместе с иудеями. Например, 70 Правило святых апостол гласит: «Аще который епископ или прозвитор, или диакон, или всяк священнического чину постится со июдеи или празднует с ними, или приимет от них праздника их честь, рекше, опреснокы

---

[22] *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. (Далее ДРК) Т. 1. Вып. 3. СПб., 1907. С. 646—647; *Иоанн Дамаскин*. О ста ересях вкратце // Творения преп. Иоанна Дамаскина. М., 2002. С. 124.

[23] *Бенешевич В. Н.* Указ. соч. С. 650—652; *Иоанн Дамаскин*. Указ. соч. С. 126.

[24] См.: *Смирнов А. В.* Мессианские ожидания и верования иудеев около времени Рождества Христова // Ветхозаветные апокрифы. Приложение. М., 2001. С. 673—711. Воспроизведение казанского издания 1899 г.

[25] М. А. Цветков все же полагает, что сочинения Епифания Кипрского и Тимофея Константинопольского могли послужить архиепископу Геннадию основанием для обвинений в жидовстве (*Цветков М. А.* Собор 1488 г. на новгородских еретиков (по Посланию архиепископа Геннадия епископу Нифонту Суздальскому и грамотам великого князя Ивана III и митрополита Геронтия архиепископу Геннадию) // Новгородский исторический сборник. 10 (20). СПб., 2005. С. 122). Однако данные тексты, в отличие от нижеприведенных канонических правил, не могут служить основанием для того, чтобы квалифицировать отклонения от веры как уклонение в иудаизм. Ср.: ДРК. С. 646, 648—652.

[26] *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 186.

[27] АФЕД. С. 383—384.

или ино что, таковых да извержется, мирский же человек да отлучится»[28]. Исходя из канонических правил, следует признать, что обвинения в «жидовствовании» мог навлечь на себя тот, кто сознательно предпочитал какие-то элементы иудейского вероучения истинам христианской веры.

Существовала ли в древнерусском церковном праве норма, предусматривавшая более суровое наказание за «жидовствование»? Норма византийского «Прохирона», включавшегося под наименованием «Закон градский» в виде особой главы в русские Кормчие содержало Правило 32, которое формулируется следующим образом: «Аще жидовин дерзнет развратити от християнскы помысл, главней муце повинен есть»[29]. То есть единственным основанием для расправы выступает факт прозелитизма. Иосиф Волоцкий в Посланиях епископу Нифонту Суздальскому и архимандриту Митрофану Андронниковскому настаивал на необходимости смертной казни еретиков именно на том основании, что они отступники от христианства[30]. Отметим, что в практике католической церкви впервые определение еретиков в качестве отступников (диссидентов) было дано на соборе в Вероне в 1184 г.[31]

Одним из главных доводов скептиков в пользу недостоверности обвинений в «жидовствовании» заключается в том, что отрицается сама возможность иудейского прозелитизма. Г. М. Прохоров выдвинул гипотезу о том, что прозелитизм, несвойственный представителям талмудической версии иудаизма, мог исходить от представителей караимских общин[32]. Эта гипотеза в целом не получила поддержки исследователей. Между тем религиозная жизнь еврейских общин в Крыму и на Северном Кавказе характеризуется как «дораввинистический иудаизм», в котором прозелитизм являлся условием выживания[33].

Известны случаи, когда в районах совместного проживания христиан и иудеев в Византии и в Болгарии возникали синкретические иудейско-христианские группы[34]. Хотя в пределах Древней Руси практически не было иудейского населения, участие иудейских купцов в торговле с Новгородом зафиксировано в летописях[35]. В период XI—XV вв. отмечаются факты довольно интенсивного русско-еврейского

---

[28] РНБ. Сол. 477/496. Л. 322 (кон. XV в.). Соф. собр. № 1173. Л. 69 об., 70, 71.

[29] РНБ. Ф. II. 119. Л. 116 об.

[30] Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 163—164, 171—172, 176—177.

[31] *Segl P.* Mediavistische Haresieforschung // Die Aktualitat des Mittelalters. Herausforderungen. Historische-politische Analysen. Bochum, 2000. S. 112.

[32] *Прохоров Г. М.* Прения Григория Паламы с «хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 339.

[33] *Ачкинази И. В.* Крымчаки. Историко-этнографические очерки. Симферополь, 2000. С. 55; *Еманов А. Г.* Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII—XV вв.) // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 114.

[34] *Мелиоранский Б.* К истории противоцерковных движений в Македонии в XIV в. // Stephanos (сб. ст. в честь Ф. Ф. Соколова). СПб., 1895.

[35] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 425.

культурного общения[36]. В русских Кормчих традиционно включались чины присоединения к православной вере желавших креститься иудеев[37].

А. В. Занемонец обратил внимание на один из актов Константинопольского патриархата, датированный 1337 годом. В нем речь идет о деле некоего Хиония, который обвинялся в том, что он «принял суждения тамошних иудеев»[38]. Ближайшую аналогию обвинениям в жидовствовании обнаруживаем в приговорах Тырновских соборов 1350 и 1360 гг. в Болгарии, о которых сообщается в «Житии Феодосия Тырновского»[39].

Представляется, что со стороны новгородских священнослужителей главным побудительным мотивом был не зарождавшийся интерес к светскому образованию[40], но религиозный мотив, связанный с ожиданием обещанного церковным преданием конца света. Уже в послании 1487 г. Геннадий определенно указывает на то, что в центре конфликта оказалась конкуренция иудейской и христианской традиций летосчисления по остроактуальному вопросу о конце света[41]. Именно этот интерес инициировал контакты новгородского духовенства с учеными иудеями. Даже прозвище ересеарха Схарии — Скара отражает астрологический подтекст, поскольку в южнославянской книжности «скарами» именовались таблицы для расчета Пасхи. Между эсхатологическими настроениями и составлением пасхалий существовала тесная связь[42]. Различие между христианской и иудейской традициями очень значительно. Согласно Септуагинте, число лет от Адама до Потопа составляло 2242 г., а по масоретскому тексту — 1656 лет, год воплощения Христа, соответственно, приходился на 5500 и 3760-й соответственно[43].

---

[36] Библиография по этой проблеме см.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 392—412.

[37] РНБ. F. II. 119. Начало XV в. «Чин како подобает приимати приходящих от жидов». Л. 161 об. — 165 об. Позволим обратить внимание на то, что непременным условием крещения выступало условие добровольности: «И сии от жидов приходит к вере крестьянской никоея же ради нужа, ни беды. Ни страха, ни искушения, ни нищеты ради, ни долга. Иль напасти на нь, аще глет сам, то на мя воздвизаемыя и чести ради мирьскыя и добродеяния некое обстованного илю отинудь которыя убо пользы иль заступления ради человеческа иль зависти ради и свара некоего бывшаго…». См. также: РНБ. Q. II. 49. Гл. 79. «Чин како подобает приимати приходящих от жидов к вере христианской». Л. 265-—270 об. первая половина XV в.

[38] *Занемонец А. В.* Дело Хиония: к истории византийских «жидовствующих» // Византийский временник. Т. 63 (88). С. 317—323. Интересно, что, как и новгородские «жидовствующие», Хионий прибег к обвинениям в адрес высшего духовенства г. Фессалоник и дело разбиралось в синоде Константинополя с участием представителей императора и патриарха Иоанна Калики. На суде выяснилась лживость обвинений.

[39] *Ангелов Д.* Богомильство в Болгарии. М., 1954. С. 154—155.

[40] *Seebohm T. M.* Ratio und Charisma. S. 516.

[41] АФЕД. С. 311.

[42] *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 130.

[43] *Пентковский А.* Календарная традиция Древней Руси // Символ. № 22. 1989. С. 167.

Архиепископ Геннадий указывал, что в момент, когда, согласно христианскому летосчислению, до ожидавшегося с истечением 7-й тысячи лет от сотворения мира конца света оставалось три года, то по иудейской календарной традиции, на которую опирались еретики, шел 5228 год от сотворения мира[44]. Представления о связи между окончанием седьмой тысячи и наступлением конца света широко распространилось в кругах духовенства. Это представление базировалось на традиции записей в пасхалиях, ряде текстов, принадлежавших святоотеческой традиции. Смущение начало проникать в умы задолго до роковой даты. В послании Ростовскому архиепископу Иоасафу Геннадий просил прислать книги, которые «у еретиков все есть»: Селивестр папа Римский, Афанасий Александрийский, Слово Козьмы пресвитера на богомилов, Послания патриарха Фотия Болгарскому князю Борису, библейские книги Пророчества, Бытия, Царства, Притчи, Менандр, Исус Сирахов, Логика, Дионисей Ареопагит[45]. Этот список немало смущал исследователей, поскольку из всех названных сочинений к еретическим можно причислить разве что «Логику» Моисея Маймонида и «Тайную Тайных»[46]. Оба последних сочинения носят на себе следы перевода с еврейского, и современные исследователи не сомневаются в их принадлежности «жидовствующим»[47]. На наш взгляд, эти принадлежавшие к ортодоксальной традиции сочинения, помимо того, что «все они касаются острых и спорных вопросов в истории церкви»[48], объединяет единство темы. В них присутствуют тексты, в которых можно установить связь между исходом седьмой тысячи лет и наступлением конца света.

Геннадий и другие противники ереси испытывали немало сомнений, вызванных спорами о конце света в 7000-ом году[49]. При этом одни, как, например, митрополит Зосима, находили опору в текстах «Диоптры» (фрагмент об антихристе и Страшном суде)[50]. В трактате «О летах седьмой тысячи» Дмитрий Траханиот

---

[44] См.: «Да что которые лета у нас украли еретици жидовьскыми числы, и в те лета которые цари, или папы, или патриархи писаны по именом, ино тех где вмещати?». АФЕД. С. 318, 311.

[45] АФЕД. С. 320.

[46] ВМЧ. Сильвестр — 2 января; Афанасий Александрийский — 18 января и 2 мая; Слово Козьмы — 31 августа; Послания Фотия — 31 августа; Дионисий Ареопагит — 3 октября. См. также: *Лурье Я. С.* Новгородские еретики и русская письменность // АФЕД. С. 140.

[47] См.: *Таубе М.* Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь жидовствующих // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 246. *Багно В. Е.* За Аристотелевыми вратами (древнерусская и кастильская версии краткой редакции «Тайная Тайных») // ТОДРЛ. Т. LIV. СПб., 2003. С. 188.

[48] *Лурье Я. С.* Новгородские еретики и русская письменность // АФЕД. С. 138.

[49] АФЕД. С. 311—312, 318—319. См. также: *Лурье Я. С.* Послания Геннадия Новгородского и вопрос о «конце мира» в XV в. // Harvard Ukrainian Studies. Камень Краеугѣльнъ. Vol. XIX. 1995. С. 358—374.

[50] См.: РГБ. Троицкое собрание № 122. Вторая пол. XV в. Л. 275—288. Сборник принадлежал митрополиту Зосиме. РГБ. Волок. 507. (1514 г.) Л. 61 об. — 72. Сборник Нила Полева.

доказывал, что, хотя «никто не весь числа веку», но все же дата конца света должна быть связана с «седьмеричностью»[51]. Ортодоксальная позиция опровергала суеверные переживания, основывавшиеся на мнении, что светопреставление последует в 7000-ом году. Но при этом сохранялась вера в мистическое значение числа 7 и эсхатологические ожидания мало теряли в своей актуальности. В предисловии к своей пасхалии Пермский епископ Филофей писал: «...и сего ради не смущаемся о сем братья, того бо ради писах, не гли: и еще умилосердится милостивый Христос Бог наш и попустит нам грешным нечто мало ожидая нашего обращения и покаяния, а всяко бо чаем братье на скончании седмыя тысуща пришествиа Христова страшнаго и грознаго или проявления некоего, ничто же бо весть того, токмо един Бог. Зане ж сам Господь учеником гля, яко зима кончина приидет, сия седмаго века скорбь проявляя и инце, бо глаголет, се стоить седмый век, да уже концю быти, да того ради, брате, кождо нас внимаемь себе и будем готови на всяк час ожидающии страшнаго смертнаго часа и втораго грознаго пришествиа Христова»[52].

В таком ракурсе интерес иудеев в отношении перспектив, открывавшихся при дворе Ивана III, вполне очевиден. Это следует в первую очередь из сведений, содержащихся в «Послании Геннадия митрополиту Зосиме» (1490 г.). Геннадий писал митрополиту Зосиме о возбуждении среди киевских иудеев, вызванном слухами о переносе церквей в Москве: «Здесе приехал жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне христианин, да мне сказывал за столом во все люди: понарядился, деи, есми из Кеева к Москве, ино ми, деи, почали жидове лаяти: "Събака, деи, ты ся куды нарядил? Князь, деи, великий на Москве церкви из града все выметал вон"; а сказывал то пред твоим сыном боярьским пред Вяткою: ино каково то безчередие и нечесть государьству великому учинена!»[53]. Прямые указания на активные контакты между иудеями и окружением великого князя содержатся в разных источниках. В том же «Послании» архиепископ Геннадий упоминает об анонимном «жидовине-еретике», который прибыл в Новгород в свите князя Михаила Олельковича[54]. О «жидовине Захарие Скаре» около 1488 г. предупреждал русского посла в Крыму Д. В. Шеина инок Савва[55]. Наконец, сохранилась переписка, которую вел в 1481—1491 гг. Иван III с таманским князем Захарией Гвизольфи, именуя его в первом послании «жидовином» и приглашая на службу в Москву[56]. Исследования последних лет доказывают реальность ересеарха Схарии и его тождество с ки-

---

[51] *Плигузов А. И., Тихонюк И. А.* Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию о седмеричности счисления лет // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 30—38.

[52] РГБ. Муз. собр. № 3271. Л. 61 об.

[53] АФЕД. С. 377.

[54] Там же. С. 375.

[55] «Послание инока Саввы на жидов и на еретики» / Публ. С. А. Белокурова // Чтения ОИДР. 1902. Т. III. Отд. II.

[56] Сборник Исторического общества (РИО). Т. 41. 1884. С. 41, 71, 77, 114, 309.

евским астрологом Захарией Бен-Аароном[57]. Князь Михаил Олелькович, в свите которого ересиарх Схария впервые прибыл в Новгород, был двоюродным братом Ивана III и мог рекомендовать московскому двору известного астролога. В высшей степени знаменательно, что Иван III забрал из Новгорода и поставил протопопами кремлевских Архангельского и Успенского соборов Алексея и Дениса, которых Иосиф Волоцкий относил к видным ересеархам.

Даже если отрицать связь между наличием переводов с еврейского и ересью[58], обостренный интерес к иудейской традиции, равно как и всплеск антииудейской полемики, нуждается в объяснении. Во всяком случае, приходиться принять во внимание два факта: 1) переводы с еврейского предназначались не для нужд иудейских общин, а для высокоинтеллектуального читателя; 2) переводы, выполненные в Западной Руси, были прочитаны, переписаны и снабжены комментариями в Московской Руси[59].

Установка на прозелитизм вполне могла исходить от представителей еврейского рационализма, которые вследствие конфликта с раввинами были лишены традиционных каналов влияния на еврейское население. Иудейская мистика в период средневековья могла выступать не чужеродным телом, но органической составной частью ересеучений[60]. Впрочем, мы не склонны придавать этому элементу решающего значения. Как явствует из послания Геннадия Прохору, еретики добивались наибольшего эффекта, апеллируя к хорошо известным на Руси текстам — «жидовским десятословием людей прельщают»[61]. Десять заповедей от пророка Моисея помещались в составе Кормчих книг[62]. Вырванные из контекста правил и толкований, эти заповеди могли провоцировать сомнения в догмате о Троице, иконопочитании, содержали прямое предписание о почитании субботы.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что значение первичных фактов следует признать за теми обвинениями, которые несут на себе следы исторических реалий, те же обвинения, которым обнаруживаются параллели в статьях кормчих книг, очевидно, приходится отнести на счет применения средневековым инквизитором техники амальгамирования.

Что же стояло за обвинениями в маркианской и мессалианской ереси? Под наименование мессалианства в средние века попадало большое количество разно-

---

[57] *Taube M.* The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // W. Moskovich et al. (eds.). Jews and Slavs 3. Jerusalem, 1995. P. 168—198; *Лурье Я. С.* Источники по истории «новоявившейся новгородской ереси» («жидовствующих») // W. Moskovich et al. (eds.). Jews and Slavs 3. Jerusalem, 1995. P. 199—223.

[58] *Лурье Я. С.* Источники по истории «новоявившейся новгородской ереси». С. 199—223; *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 184—185.

[59] *Таубе М.* Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь жидовствующих // IN MEMORIAN: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 239—240.

[60] *Werner E.* Religion und Gesellschaft im Mittelalter. Spoleto, 1995. S. 606.

[61] АФЕД. С. 310.

[62] См.: Сол. 477/496 кон. XV в. Л. 369 об. — 373, гл. 101. Избрание от Закона Богом данного израильтом Моисеом пророком о суде и о правде.

родных ересей[63]. Там, где Я. С. Лурье и Хоулетт усматривают противоречие в аргументации Геннадия и на этом основании отказывают ему в доверии, М. А. Цветков замечает, что новгородский архиепископ «только говорит о еретиках "жидовская мудръствующих", использующих конспиративные приемы мессалиан и маркиан и идеологию этих еретических движений»[64]. Архиепископ Геннадий, говоря о мессалианах, помещает в Послании Прохору следующий пассаж: «Сия же въспоминаем твоему боголюбию, еже сам не невеси и того ради речена быша да удобь обретаема будут, яко тако имут в патриархии лежащая книгы: кто убо не отвержется в толика пресечениа разделивши и самем себя проклинающим еще не отинудь ума изступил, писаное бо на них слово исполнится яве: "Погрузи. господи. и раздели языкы их"»[65]. Я. Р. Хоулетт, по-видимому, решила, что под патриархией Геннадий разумел русскую митрополию[66]. Между тем это точная цитата из Тимофея Константинопольского (неопознанная в публикации Я. С. Лурье), которая предваряет статьи против маркиан[67].

Трудно сказать определенно, какая Кормчая книга находилась перед Геннадием, поскольку целый ряд кормчих содержал интересующие нас главы, но, конечно, это не кормчая, которую указывает Хоулетт — РНБ. Сол. собр. № 1065/1165, поскольку там номера глав отсутствуют. В Послании Прохору Геннадий советовал отыскать главы о мессалианах в кормчей Сарского епископа[68] или великого князя. Весьма вероятно, что под кормчей великого князя имелась в виду Новгородская Синодальная кормчая, которая хранилась в Софийском доме и была вывезена после ареста владыки Феофила в Москву[69]. Основаниями для обвинений в мессалианстве послужили факты самовольного поставления в священники, ложные клятвы в непричастности к ереси и т. д., о которых писал Геннадий. М. А. Цветков полагал, что Геннадий под попами, которых «еретики ставили», имел в виду соборных попов,

---

[63] См.: «В промежутке 4 и 14 вв. проталкивать антисоциальные, антисакраментальные (то есть отрицающие церковные таинства) и дуалистические интерпретации монашеского идеала станут всяческого рода и образа мессалиане — "пелагиане Востока"» (*Мейендорф И.* Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001. С. 308).

[64] *Цветков М. А.* Послание архиепископа Геннадия Новгородского епископу Прохору Сарскому в контексте с новгородскими кормчими конца XV — начала XVI вв. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. С. 188—189.

[65] АФЕД. С. 310.

[66] *Хоулетт Я. Р.* Указ. соч. С. 63.

[67] См.: ДРК. С. 733; *Цветков М. А.* Послание архиепископа Геннадия. С. 186; ГИМ. Син. 132. Л. 418 (Новгородская Синодальная кормчая); РНБ. Сол. 1056/1165 Л. 268.

[68] Возможно, это была Кормчая Чудовской редакции. См.: *Демкова Н. С., Якунина С. А.* Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института // ТОДРЛ. Т. 43. СПб., 1990. С. 337. Искомых глав сочинения Тимофея Константинопольского там действительно нет.

[69] См. ГИМ. Син. 132. Правила о мессалианах находятся на Л. 418 об. — 420 об.

рекомендовавших владыке кандидатов в епископы для поставления[70]. Практика поставления священнослужителей в период до XV в. известна очень плохо. Можно полагать, что существовала разница между поставлением священнослужителей в Новгороде и в сельской местности. В отношении последней утвердилась практика, когда «архиерей только экзаменовал кандидатов, предложенных ему прихожанами, и поставляет к церкви тех, кто «грамоте горазд и чювствен»[71]. В Новгороде, по-видимому, практика поставления определялась отношениями уличанских общин, которые предлагали кандидатов, соборным духовенством и светскими чиновниками архиепископа. Ко времени архиепископства Геннадия отношения между тремя этими силами являлись неупорядоченными. Канонической основой для обвинений Геннадия в самовольном поставлении в попы послужили 2, 3, 4-е правила святых апостол и 6-е правило 4-го Вселенского собора. Последнее запрещало служение без согласия епископа даже канонически поставленным священникам[72]. Уличанские общины в Новгороде традиционно выбирали священнослужителей, а последние искали у них своего места, не брезгуя подкупом и лестью. Об этом полстолетия спустя свидетельствует 14-й вопрос «Стоглава». «В Новегороде в Великом попы и дьяконы, и дияки, и пономари, и проскурници, и притворяне, уличане к церкви приимают и на них емлют денги великие — на попе рублев пятнадцать, а на ином двадцать, а у иного тридцать, да с тем идут к владыке всею улицею. а толко владыка попа пришлет х которой церкви, хотя грамоте горазд и чювствен, а толко многих денег уличаном не даст, и они его не примут»[73]. При этом канонические правила о поставлении священнослужителей часто нарушались. Геннадию было от чего прийти в отчаяние, экаменуя ставленников, которые обнаруживали лишь слабое знакомство с Псалтырью и необходимыми в богослужении текстами[74].

Заслуживает внимания и само наименование «жидовствующих» еретиками. Известно, что еретиком, следуя строго каноническим правилам, может быть признан лишь тот, чье учение подверглось осуждению на церковном соборе[75]. Стри-

---

[70] *Цветков М. А.* Послание архиепископа Новгородского епископу Прохору Сарскому. С. 189.

[71] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. М., 2002. С. 252.

[72] *Пихоя Р. Г.* Пермская кормчая // Общественное сознание эпохи феодализма. Новосибирск, 1990. С. 173—174.

[73] *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 309.

[74] См.: Грамота Геннадия митрополиту Симону. ГИМ. Епарх. 416 (677) Сборник эпистолярно-толковый. 1540-е гг. Л. 10—17. Изд.: Древняя Российская Вифлиофика. М., 1790. Ч. 14. № 22. С. 244—250.

[75] В соответствии с канонами православной церкви все отступники разделяются на 1) еретиков, 2) раскольников, 3) парасинагогов. 1-е правило Василия Великого со ссылкой на древних отцов церкви гласит: «Еретиками назвали они совершенно отторгшихся, и в самой вере отчюждившихся; раскольниками, разделившихся в мнениях о некоторых предметах церковных, и о вопросах, допускающих уврачевание; а самочинными сборищами, собрания, составляемыя непокорными пресвитерами, или епископами, и ненаученным

гольничество, главным мотивом которого был протест против симонии и, более широко, против дисциплинарной власти епископа, никогда не было признано ересью, но трактовалось как раскол, осужденный посланиями константинопольского патриарха и русских митрополитов[76]. По этой причине покаяние чернеца Захара делало для него возможным возвращение в лоно церкви. Как явствует из Послания Геннадия собору епископов, чернец Захар, принеся покаянное рукописание, получил право причащаться. Между тем «жидовствующие» еще в 1488 году были подвергнуты извержению из сана, отлучению и проклятию и «градской казни»[77]. Необходимость применения по отношению к нераскаявшимся еретикам смертной казни, ссылаясь на 32 главу «Закона Градского» («Прохирона»), позднее отстаивал Иосиф Волоцкий[78]. При этом Иосиф стремился уравнять нормы памятника византийского законодательства с авторитетом церковных канонов. Другую опору для обоснования необходимости огненной казни еретиков Иосиф пытался отыскать в эпизоде «Жития Льва Катанского»[79]. Последний памятник интересен тем, что посредником между волхвом Гелиодором и дьяволом выступает иудей, что дает прямую параллель с ересью жидовствующих[80]. В то же время совершенно не использовались ссылки на теорию и практику католической инквизиции, которой живо интересовался архиепископ Геннадий.

Обстоятельства, при которых произошло соборное осуждение «жидовская мудрьствующих», чрезвычайно интересны. На протяжении двух лет новгородский архиепископ безуспешно пытался добиться осуждения лиц, уличенных в ереси в процессе дознания и бежавших из Новгорода в Москву. Многочисленные факты о кощунствах и нарушениях со стороны еретиков, о которых сообщал в своих посланиях Геннадий, не находили в Москве отклика[81]. Ситуацию переломили, по-

---

народом». Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. II. М., 2001. С. 367. Митрополит Макарий дает несколько другую дифференциацию: 1) отступники, вина которых не прощается, ибо «попрали сына Божия, скверну возмнили кровь заветную, еюже освятились, и укорили Духа благодати» (Евр. 10, 29); 2) еретики, которые хотя не отреклись совершенно от христианской веры, но отвергают и низвращают ее в основных ея догматах; 3) отщепенцы или раскольники, которые, «хотя не искажают догматов веры, но не покоряются церковной власти». Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Догматическое богословие. Т. II. М., 1999. (репринт. воспроизв. изд. СПб., 1883) С. 198—200.

[76] Послание митрополита Фотия в Псков включалось в состав Кормчей книги см.: ОСРК F.II.80. Л. 671— 673 об.

[77] АФЕД. С. 313—315.

[78] Просветитель. Казань, 1855. С. 537—538.

[79] «Житие Льва Катанского» помещалось в славянских минеях под 20 февраля, см.: *Архиепископ Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Т. III. М., 1997 (репринт.). С. 77—78.

[80] *Каждан А. П.* История византийской литературы (650—850 гг.). СПб., 2002. С. 383.

[81] См.: «И которые еретики здесь были покаалися, да и действа свои писали сами на собя своими руками, и ти, послышив то, что на Москве живут еретики в ослабе, да и в церковь

видимому, послания митрополиту Зосиме и собору епископов. В них Геннадий уже делает упор на страшную опасность, которой угрожает церкви сослужение высшего духовенства с изобличенными в ереси. «Да с теми-то попы служили архимандриты, и игумены, и протопопы и священники многие; а писано в божественных правилех, — сам болши ведаешь, господин отец наш, — святых апостол правило 10: "Аще кто с неприобщающимися любо и в дому помолится, да отлучится"; также святых апостол правило 11: "Иже с изверженым, причетником сый, яко с причетником помолится, да и сам извержен будет"; пакы святых апостол правило 45: "Епископ, или поп, или диакон, сь еретикы помолився, да отлучится; аще ли повелел им будет что действовати, яко причетником, да извержется"; также правило 70 святых апостол: "Аще который епископ, или презвитер, или диакон, или всяк священнического чина, постится з жиды и празнует с ними, или приимет от них часть опреснока в день празника им, или что таково сътворит, да извержется, мирский же человек да отлучится"; пакы правило святого апостола Павла 12: "Еллинскым баснем последующе, или жидовскым обычаем, аще не отступят от того, да извергутся"»[82].

Глава русской церкви и весь освященный собор оказались перед угрозой потери священнической харизмы. Если обвинения Геннадия в еретичестве протопопов, служивших на Москве, а тем паче в великокняжеском Архангельском соборе, имели под собой хоть какие-то основания, то иерархия и столичное духовенство подпадали под действие апостольских правил, которые предписывали извержение от сана и отлучение. Смириться с подобной угрозой владыки не могли даже перед лицом явно сочувствовавшего «жидовская мудрьствующим» великого князя. Недаром новгородский владыка возлагал свои надежды на архиерейский собор, который собрался в Москве, чтобы поставить епископа на вдовствующую Коломенскую кафедру. Лишенный прямым запрещением великого князя возможности принять участие в заседаниях собора, Геннадий последовательно отказывался дать повольную грамоту на избрание не названного по имени кандидата. «А что, господине, хощеши владыку ставити коломенского, а не управив дела еретическаго: а ведь не из-ыные земли добывати на владычество человека! А тутошним еще ти с обыском учинити: которые будут с теми еретики служили, или приобщались и соводворялись с ними, и то тем розные опитемьи: иному отлучение писано, а иному

и в олтарь ходили невозбранно. А иные де и служили там: Гаврилко поп и Михайловы улице, тот, деи, служил на Москве, а Денис поп — тот в Архангеле служил, да на литургии, деи, за престолом плясал, да и кресту ся наругал; ино о том в божественных правилех писано: "Аще кто смутит церквью в время божественыа литургиа, главной казни повинен есть"» (АФЕД. С. 375).

[82] АФЕД. С. 376. Ближайшую аналогию употребление 10 и 11 апостольских правил в полемическом контексте находит в Окружном послании митрополита Фотия православному духовенству и мирянам Великого княжества Литовского (1415—1416 гг.). См.: *Фотий митрополит Киевский и всея Руси.* Сочинения. Книга глаголемая Фотиос. М., 2005. С. 129.

извержение до конца»[83]. Как явствует из «Поучения» митрополита Зосимы, изобличение лиц, обвиненных Геннадием в еретичестве, произошло внезапно: «В лета державы самодержьца и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси и егда снидошася архиепископ и епископи в святую великую соборную церковь на Москве, в храм великого архангела Михаила и въсхотеша служити святую службу ради душам помяновениа благородных великих князей и великих княгынь и всего их рода благочестивых, и ту в храме обретеся поп Денис новгородец, стояше в ризах, хотя с ними вместе служити. И реша ему от всех епископов слово поносно, ркущи ему: "Изыди, человече, изо олтаря, недостоин еси соборне служити с святыми епископы: пришли на вас речи недобры еще при Геронтии митрополите всея Руси, а не на одного тебе, да и списки дел ваших и грамоты от Генадиа архиепископа Новгородского пришли на вас"»[84]. Затем владыки и весь освященный собор собрались в митрополичьей палате и известили великого князя о необходимости обыска ереси. Столкнувшись с ясно выраженной волей священного собора, Иван III был вынужден объявить обыск еретиков. По-видимому, розыскные мероприятия, допрос свидетелей и подозреваемых заняли несколько дней.

---

[83] АФЕД. С. 378.

[84] Там же. С. 384.

Е. В. Русина (Киев)

Проблемы политической лояльности православного населения Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв.

Вопрос о политических симпатиях православного населения Литовского государства, в XIV—XVI вв. объединявшего в своем составе основной массив нынешних украинских и белорусских земель, без всякого сомнения, принадлежит к числу тех научных проблем, которые только в последнее время стали объектом серьезного внимания отечественных специалистов. В итоге и поныне существует обширное поле для дискуссий относительно того, каким на разных исторических этапах было отношение численно преобладавшего в Великом княжестве Литовском православного населения к его политической верхушке: то ли жители «руських», по терминологии того времени, земель были искренне преданы своим иноверным государям, то ли втайне симпатизировали их традиционным соперникам — великим князьям московским, то ли в этой среде господствовал тот индифферентизм, глашатаем которого в художественной литературе стал пушкинский Варлаам: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли» («Борис Годунов»).

Очевидно, что этот вопрос был в принципе чужд советской историографии, в которой доминировала москвоцентричная схема исторической эволюции народов, населявших СССР. Любое отклонение от этой умозрительной схемы имплицитно рассматривалось как тупиковая историческая модель. Понятно, что подобный подход не стимулировал объективный анализ процессов, происходивших на территории Великого княжества Литовского — полиэтничного и поликонфессионального государства, чуждого религиозной нетерпимости и любых форм ортодоксии, с широкой региональной автономией, гарантиями личных и сословных прав. Вопреки привлекательности этой модели социального и государственного устройства, Москва и Вильно объявлялись потенциально неравнозначными центрами объединения восточнославянских земель (в противном случае, утверждал В. Т. Пашуто, возражая И. Б. Грекову, «мы должны будем отождествить по существу политику Дмитрия Донского и Ольгерда... Но источники — против такого отождествления»)[1].

Парадоксально, но в каком-то смысле такие представления коррелируют с московскими идеологемами XVI в., которые в принципе существенно повлияли на позднейшие историографические схемы. По крайней мере, представляется интересным, что в написанном от лица князя М. Воротынского послании Ивана Грозного польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду-Августу

---

[1] *Пашуто В. Т.* Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 28

утверждается, что «наших великих государей вольное царское самодержавство — не как ваше убогое королевство»[2].

В свете всего вышесказанного довольно симптоматично, что пионерами в изучении очерченной проблематики стали зарубежные исследователи — Освальд Бакус и Хорст Яблоновский, чьи работы увидели свет в 50-е годы прошлого столетия.

Спустя почти 40 лет затронутый ими круг вопросов был поднят в постсоветской историографии — разумею под этим прежде всего работы М. М. Крома. Объектом внимания в этот период стала вполне определенная ситуация политического выбора, которая сложилась на восточнославянских землях Великого княжества Литовского на рубеже XV—XVI вв. ввиду резкого усиления внешнеполитической активности Москвы, чьи правители встали на путь собирания своей древнерусской «отчины». Соответственно, население пограничных с Россией регионов оказалось на политическом распутье; ему пришлось выбирать между Вильно и Москвой, или, как фигурально очертил данную дилемму в названии одной из своих статей польский исследователь И. Граля, «между колпаком Витовта и шапкой Мономаха»[3].

Как известно, в этот период Москва оказалась в политическом выигрыше: к ней отошли расположенные на Верхней Оке верховские княжества и северские земли. Что касается позиции местного населения, то вопрос о ней в советской историографии был решен однозначно. В этом смысле наследовалась точка зрения А. М. Лазаревского, который считал, что «без всякой войны, в силу одного тяготения родственных народностей друг к другу, Северская земля отделилась от Литвы и соединилась с Московским государством»[4]. И хотя на самом деле ситуация в регионе была весьма непростой[5], свидетельства целого ряда источников игнорировались, местное население рассматривалось как надежный союзник Москвы, а сам этот «стихийно сложившийся» альянс трактовался как «самая прочная из антиягеллонских коалиций»[6].

Другой особенностью советской историографии было то, что ситуация выбора, реально возникшая перед Литовской Русью только в конце XV в., когда Московское государство достаточно окрепло для решения масштабных внешнеполитических задач, проецировалась на более ранние исторические периоды, вплоть до середины XIV в. — времени перехода украинских земель в состав Великого

---

[2] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 259—260.

[3] *Grala H.* Kołpak Witołdowy czy czapka Monomacha? // Католицизм в России и православие в Польше (XI—XX вв.). Варшава, 1997. С. 51—67.

[4] *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 1: Полк Стародубский. Киев, 1889. С. 1.

[5] Подробнее см.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995; *Русина О.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

[6] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 89, 253.

княжества Литовского. Как известно, в источниках практически не содержится информации об отношении обитателей Юго-Западной Руси к утверждению в регионе литовцев — и это давно уже стало основанием для представлений, что «украинские земли переходили под литовское верховенство либо добровольно, либо, как минимум, — при пассивности местного населения»[7]. Правда, кое-где (в Киеве, Коршеве) имели место не разъясненные летописцами конфликты — и именно они произвольно трактовались в советской историографии как борьба промосковских и пролитовских группировок[8].

Такая же тенденциозность наблюдалась и в трактовке выездов литовской знати[9]; как известно, на протяжении XIV—XVI вв. Московское княжество активно «вбирало» в себя «отходы» внутриполитической борьбы в соседнем Литовском государстве (хотя перебежчики, как правило, не укоренялись на территории Московии). Тем не менее все эти выезды толковались в категориях промосковских симпатий широких масс населения Великого княжества Литовского — порой с такой же обескураживающей прямотой, каковая отличала составителей родословия Глинских из Румянцевского собрания, которые в конце XVI в. комментировали переход князя Михаила Глинского на московскую службу фразой: «И иново пути Глинским тово лутче не ведаем»[10].

При этом как-то забывалось, что у XV—XVI вв. движение эмигрантов имело двусторонний характер — хотя, понятно, выезды великорусских князей и бояр в Великое княжество Литовское никогда не трактовались в литературе как индикатор тяготения населения Северо-Восточной Руси к Вильно. Между тем время от времени и здесь имели место массовые выезды — как, например, в годы феодальной войны второй четверти XV в. и вскоре после ее завершения. Для большинства выехавших в Литву в данный период это событие стало лишь коротким эпизодом в их политической биографии; однако сын Шемяки Иван Шемячич и его союзник Иван Можайский, бежав во владения Казимира Ягеллончика в середине 1450-х годов, нашли в Литве свою вторую родину, получив обширные владения на Северщине. Кроме того, их сыновья сыграли весьма заметную роль в судьбах этого региона, перейдя на рубеже XV—XVI вв. на сторону Ивана III.

Современные исследования показывают, что их позиция вступила в противоречие с позицией местного населения, которую ныне принято очерчивать термином «государственный патриотизм», утвердившимся в украинской историографии со времен М. С. Грушевского. Представляется, однако, что для характеристики сред-

---

[7] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 4. Київ; Львів, 1907. С. 94.

[8] См., например: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 65.

[9] Ср. критические ремарки: *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 204. Примеч. 20.

[10] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки ОР ГБЛ. Вып. 38. М., 1977. С. 121.

невековых реалий он менее применим, чем термин «политическая лояльность» — прежде всего ввиду отсутствия четких манифестаций того, что, собственно, понимали под «отечеством» обитатели Литовской Руси.

Принимая во внимание размеры Великого княжества Литовского и низкую мобильность тогдашнего населения, есть все основания полагать, что в сознании последнего превалировало осознание своей принадлежности к определенной «малой родине». Как свидетельство этого можно было бы привести упоминание о «Дольней Руси», вышедшее из-под пера автора «Сказания о исхождении Святого Духа» (1511 г.)[11] — писаря литовской великокняжеской канцелярии Василия Никольского, чьи предки были выходцами из Черниговщины; однако следует иметь в виду, что появлению этого произведения, написанного в Сербии по просьбе воеводы Стефана Якшича, предшествовали участие Никольского в восстании Михаила Глинского (1508 г.) и вынужденный переход на московскую службу[12]. Так что упоминание Никольским своего «нижнерусского» происхождения было довольно естественным для человека, порвавшего со своей «политической родиной» и еще не вполне освоившегося с ролью «московита». Это, соответственно, означает, что данный случай никак нельзя признать характерным и репрезентативным; очевидно, только целенаправленное изучение сохранившихся исторических данных может дать в перспективе понимание того, что именно в XIV—XVI вв. жители Великого княжества Литовского воспринимали как свою родину.

Следует также отметить, что, оперируя термином «патриотизм», трудно удержаться от его толкования в современном смысле; обратной же стороной такого осовремененного патриотизма выступают анахроничные представления о неких средневековых формах коллаборационизма, чьи проявления, в зависимости от контекста, оправдываются или осуждаются. Так, например, позитивные оценки литовских князей в белорусско-литовских летописях XV в., в создании которых участвовали и украинские книжники, в современной украинской литературе порой осуждаются как «проявление глубокой деморализации украинских и белорусских книжников, которые и мечтать перестали о какой-либо государственности для своих народов»[13].

С другой стороны, «сотрудничество» боярства Юго-Западной Руси с литовцами при продвижении последних на восточнославянские земли в XIV в. научно санкционируется тем, что оно руководствовалось некими «национальными интересами» — по-видимому, такими же иллюзорными, как и пресловутые «политические программы» литовских князей. В отношении последних следует заметить, что в литературе

---

[11] Опубл.: *Покровский Ф. И.* Послание Василия, пресвитера Никольского из Дольней Руси, об исхождении Св. Духа // Изв. Отд. русского языка и словесности. 1908. Т. 13. Кн. 3. С. 91—126.

[12] Детальнее см.: *Русина Е. В.* Знакомый незнакомец: Василий Никольский en famille // Славяноведение. 2000. № 2. С. 69—74.

[13] Цитирую комментарий С. К. Росовецкого, помещенный в: *Грушевський М.* Історія української літератури. Київ, 1995. Т. 5. Кн. 1. С. 248.

до сих пор тиражируются утверждения о том, что в своей деятельности литовские князья руководствовались якобы «заимствованной у феодальных кругов древнерусских земель политической программой восстановления былого единства Руси»[14].

Авторы подобных утверждений, как правило, апеллируют к авторитету Хенрика Ловмяньского, который считал возможным «присвоение» Ольгердом великорусской программы государственного объединения всех «руських» земель[15], основываясь лишь на известном требовании, выдвинутом представителями Ольгерда во время переговоров с Орденом в 1358 г. — чтобы «вся Русь прямо принадлежала Литве». При этом, однако, сам Х. Ловмяньский настаивал на том, что «эти слова следует рассматривать в их общем контексте... Слова "вся Русь" здесь можно разуметь не в общем, а в частном значении всех тех "руських" земель, которые лежали между Литвой и черноморской степью», куда должен был переместиться Орден[16].

В пользу наличия у литовских князей «определенной политической программы по русскому вопросу» не могут свидетельствовать и летописные повествования о битве на Ворскле: упомянутый в них замысел Витовта сесть «на княженьи на великом на Москве на всеи Руской земли»[17] самим Ловмяньским был признан фантастическим[18]; что же касается популярной среди исследователей версии Никоновского летописного свода[19], то, как было справедливо отмечено американским исследователем Я. Пеленским, масштабный политический проект, приписанный Витовту составителями этой летописи, отражал их собственные экспансионистские идеи и должен был подкрепить традицией тогдашние замыслы московских политиков[20].

Немаловажным аспектом проблемы политических ориентаций населения «руських» земель Великого княжества Литовского в XV—XVI вв. есть вопрос о

---

[14] *Шабульдо Ф. М.* Указ. соч. С. 8—9.

[15] *Ловмяньский Х.* Русско-литовские отношения в XIV—XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 272—273. См. также последнее переиздание данной работы: Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 394.

[16] *Ловмяньский Х.* Указ. соч. С. 272; Из истории русской культуры. С. 393—394.

[17] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 450. Отметим, что масштабность данного замысла делает его привлекательным с точки зрения альтернативной истории. См., например: *Ермолаев И. П.* Роль золотоордынского фактора в становлении Российского самодержавия // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII ст.): Тезисы докл. и сообщ. междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. М., 2005. С. 138.

[18] *Ловмяньский Х.* Указ. соч. С. 273; Из истории русской культуры. С. 394.

[19] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. С. 172—173.

[20] *Pelenski J.* The Contest between Lithuania and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // *Idem*. The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. New York, 1998. P. 141.

том, сформировалась ли в этот период идея «великого княжества Русского» как его политического идеала или альтернативной политической модели, способной реализовать его чаяния. Ныне интерес к этому сюжету актуализирован постсоветской политической конъюнктурой; в частности, в украинской историографии его порой пытаются увязать с проектом Гадячского соглашения 1658 г., усматривают в идее этого княжества проявление «украинского национального самосознания», одну из реинкарнаций украинской государственной идеи и пр.[21]

Однако источники не дают оснований для таких далеко идущих выводов. Термин «великое княжество Русское» появляется в них в связи с низложением великого князя литовского Свидригайло и узурпацией власти в ВКЛ его двоюродным братом Сигизмундом Кейстутовичем (1432 г.). Это переворот имел верхушечный характер, и после провозглашения Сигизмунда великим князем его верховенство было признано лишь в собственно Литве; прочие же земли сохранили верность свергнутому Свидригайло.

Этот раскол между центром державы и ее «русской» периферией был истолкован современником-летописцем в этнополитических категориях: «Княжив великии князь Швитригаило два годы без дву месяцеи... и не управляше земли. Литва ж посадиша великаго князя Жидимонта [Сигизмунда] Кестутевича на великое княженье на Вилни и на Троцех месяца сентября в первыи день. И прииде Швитригаило на Полтеск и на Смоленеск, и князи рустие и бояре посадиша князя Швитригаила на великое княженье Русское»[22] (сам Свидригайло при этом сохранял свою прежнюю великокняжескую титулатуру).

Второе упоминание указанного «княженья» в источниках относится к середине 1430-х гг., когда в противостоянии Сигизмунда и Свидригайло наметился очевидный перелом. После поражения в битве у реки Святой (1435 г.) последнему изменили ливонцы, а затем он утратил поддержку и прочих традиционных союзников: как утверждается в белорусско-литовских летописях, жители Полоцка и Витебска, «не чуя себе помощи ниотколе», перешли на сторону Сигизмунда — после чего и без того весьма эфемерное «великое княжество Руськое» прекратило свое существование: «начал князь великии Жидимонт княжити на великом княжении на Литовском и на русском»[23].

Принципиальным является то, что оба утверждения принадлежат одному и тому же белорусско-литовскому книжнику; как видим, введение им в оборот термина «великое княжество Руськое» было связано с переходом на сторону Свидригайло Полоцка и Смоленска, а «изъятие» его из лексикона (или, точнее, возвраще-

---

[21] Следует отметить, что данные представления восходят к работам В. Б. Антоновича, трактовавшего эпоху литовского политического верховенства как период противостояния и открытой борьбы двух национальных «начал», литовского и русского. Подробнее см.: Міжконфесійні взаємини й суспільно-політичні рухи XV — початку XVI ст. на теренах України // Український історичний журнал. 2006. № 3.

[22] Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 34, 57, 76, 106, 141 и др.

[23] Там же. С. 58, 77, 108, 143 и др.

ние к традиционной титулатуре литовских государей) — с утратой Свидригайло Смоленска, Витебска и Полоцка. Таким образом, в восприятии летописца, «великое княжество Руськое» охватывало только север Литовской Руси — земли вокруг Смоленска и Полоцка. Очевидно, что этот регион не может служить «территориальным эквивалентом» той масштабной «руською» (а тем более — украинской) национальной идеи, выразителем которой принято считать Свидригайло. Это заставляет вспомнить характеристику, данную ему и Сигизмунду Кейстутовичу польским историком В. Каменецким, который назвал обоих князей «соперниками, которым исследователи стремятся навязать этнополитические программы»[24].

Еще более иллюзорными представляются утверждения о существовании идеи «великого княжества Руського» в XVI в. Ее глашатаем при этом объявляется иеродиакон Исайя Каменчанин, отправившийся в Москву в 1561 г. с целью поиска и печатания книг для «нашего народа християнского руского литовского да и руского московского». Очевидно, что при всем разнообразии трактовок миссии Исайи (как культурной, дипломатической, шпионской[25]) невозможно интерпретировать его упоминание о «нашем государстве христианском руском Великом князстве Литовском» как некое предвестие еще не существующего «государства христианского Руского Великого»[26]. Соответственно, нет оснований для утверждения о циркулировании подобной идеи в среде интеллектуалов XVI в.

Так же безосновательна мысль, что в начале XVI в. «Русское княжество» с центром Киеве стремился создать мятежный князь Михаил Глинский. Источником подобных представлений служит «Хроника» польского историографа Мацея Стрыйковского, где утверждается, что брат Михаила, Василий Глинский, призывал жителей киевских «пригородков» присоединяться к повстанцам под лозунгом перенесения столицы Великого княжества Литовского на Русь и воссоздания «Киевской монархии», чем «совратил многих бояр киевских, а некоторые ему и присягнули»[27]. Параллельно, по словам хрониста, сам Михаил Глинский якобы осаждал Слуцк, чтобы принудить к замужеству с ним вдову Семена Михайловича Слуцкого, княгиню Анастасию, и получить таким образом наследственные права на Киев.

Лишь в последнее время была выявлена шаткость данных «Хроники»: анализ синхронных восстанию источников, проделанный М. Кромом[28], продемонстрировал, что известие Стрыйковского об осаде Слуцка Глинским является легендарным

---

[24] *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie w XV wieku. Warszawa, 1947. S. 105.

[25] Ср.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 444—448; *Синицына Н. В.* Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек: (Из истории русской культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 195—208; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 251—257, 341—342.

[26] Интерпретация предложена А. Л. Хорошкевич: *Choroszkiewicz A.* O misji Izajasza do Moskwy — raz jeszcze // Aetas media aetas moderna. Warszawa, 2000. S. 413—414.

[27] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Cz. 2. Warszawa, 1846. S. 346—347.

[28] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 127.

(возможно, оно заимствовано из семейных преданий князей Слуцких, с которыми хронист был знаком лично). Одновременно исследователь предположил, что в версии Стрыйковского нашли отражение и реальные события — стремление крымского хана Менгли-Гирея привлечь к себе на службу Глинских обещанием «посадити на Киеве и на всех пригородках киевских и беречь их от короля»[29]. Как бы там ни было, очевидно, что известие «Хроники» фиксирует не факты, а киевские реминисценции ее автора, которые, в силу их воздействия на позднее украинское летописание, представляют самостоятельный научный интерес.

Все сказанное отнюдь не означает, что в Великом княжестве Литовском практически не было ни промосковских настроений, ни прецедентов политической ориентированности на Москву. Они, бесспорно, были — хотя объяснение им нужно, очевидно, искать не в зародившемся уже в те далекие времена «чувстве семьи единой».

Как правило, контакты с Москвой имели семейную, династическую подоплеку — как в случае с потомками Владимира Ольгердовича, который еще в конце XIV в. в поисках политической поддержки, по язвительному замечанию литовского летописца, «бегал на Москву и тем пробегал отчизну свою Киев»[30]. Известно, что в 1481 г. князья Михаил Олелькович, Федор Иванович Бельский и Иван Юрьевич Гольшанский составили заговор, который, в силу скупости источников, до сих пор остается непроясненным в смысле намерений его участников[31]. Так, остается только гадать, насколько достоверна версия Софийской летописи, согласно которой организаторы «заговора князей» планировали оторвать от Литвы земли по р. Березину и перейти с ними на сторону Москвы[32]. В частности, М. М. Кром выдвинул предположение (производное, как нам представляется, от замечания А. Е. Преснякова[33]), что упоминание о р. Березине в контексте намерений заговорщиков появилось случайно, в силу того, что владения Гольшанських располагались на притоке Березины р. Ольшанке[34]. Однако это предположение игнорирует тот факт, что в XV—XVI вв. Березина считалась естественным рубежом между Литвой и Русью. Впервые это отметил польский хронист Ян Длугош; в дальнейшем к этому представлению охотно апеллировали политики (так, в 1499 г. Иван III требовал от Александра Литовского «русских панств всех от Литвы, аж по Березину реку», а в 1549 г. московские бояре заявляли литовским послам: предки Ивана

---

[29] Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 33. С. 40.

[30] Хроника Быховца // ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 162.

[31] Подробнее см.: *Krupska A.* W sprawie genezy tzw. spisku książąt litewskich w 1480—1481 roku: Przyczynek do dziejów walki o «dominium Russiae» // Roczniki Historyczne. 1982. S. 121—146; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 72—77.

[32] Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 233.

[33] См.: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. I: Западная Русь и Литовско-Русское государство. С. 154.

[34] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 74—75.

Грозного владели всеми русскими городами, «а рубеж был тем городом с Литовской землею по Березыню»)[35].

Очевидно, что даже такие, незначительные на первый взгляд, текстологические нюансы свидетельствуют о большом научном потенциале заявленной проблематики — а то, что интерес к ней заметно возрос в последнее время, позволяет надеяться на появление объективных, неполитизированных исследований, способных приблизить нас к пониманию реалий «литовского» периода восточнославянской истории.

---

[35] См.: *Ochmański J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981. S. 71—72. Ср. также: *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1989. Кн. 3. С. 604; *Мицик Ю.* Літопис Яна Бінвільського // Наукові записки НаУКМА. Київ, 2002. Т. 20: Історичні науки. Ч. 2. С. 66.

В. Б. Перхавко (Москва)

О быте средневекового русского купечества

Бытовая сторона жизни торговых людей русского средневековья (особенно для периода ранее XVI в.) пока остается недостаточно изученной. И прежде всего из-за весьма ограниченной источниковой базы. В письменных источниках X—XI вв. почти нет свидетельств о быте первых представителей зарождавшегося тогда на Руси купечества, поэтому при его реконструкции приходится полагаться в основном на археологические материалы.

Своеобразные купеческие казармы каркасно-столбовой конструкции раскопаны на Староладожском поселении. «Большой дом» горизонта Е-1 и обширный комплекс горизонта Д служили в 890—960-х гг. пристанищем для воинов и купцов, выходцев из Скандинавии. В их заполнении найдены импортные вещи: игральная шашка-«король», стеклянные, сердоликовые и хрустальные бусы. При возведении в конце IX в. «большого дома» (постройки № 9) площадью 120 кв. м были использованы детали разобранного морского судна — доски и шпангоуты[1].

Погребения X в., в инвентаре которых наряду с оружием, украшениями присутствуют монеты, весы и гирьки, концентрируются у открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП), которые обычно сравнивают с североевропейскими «виками» и называют древнерусскими протогородами: Старая Ладога, Рюриково городище, Сарское городище, Большое Тимерево, Петровское, Михайловское, Гнездово, Шестовицы[2]. Именно там нередко оставались на зимний период воины-купцы и существовали наряду с постоянными их временные лагеря-стоянки. Такие сезонные стоянки торговцев обнаружены в районе Гнездова на Верхнем Днепре и у Сарского городища (Сарское 2), в окрестностях Ростова Великого[3].

Уже с X в. начинается процесс оседания воинов-торговцев в различных центрах Руси. Некоторые из них предпочли перейти к более стабильной жизни, обзавестись собственным домом, семьей. При выделении среди остатков раскопанных жилищ

---

[1] *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 16, 17; *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 93; *Рябинин Е. А.* Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973—1985 гг. // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. статей. Памяти О. И. Давидан. СПб., 2002. С. 15—29. Рис. 3—6.

[2] См. о раскопках открытых торгово-ремесленных поселений, именующихся в западноевропейской историографии «виками»: *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 222—276.

[3] См.: *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 90—102.

комплексов, которые могли принадлежать купцам, археологи ориентируются на находки импортных изделий, привозных монет, торгового инвентаря. В Новгороде Великом, Смоленске и Пскове учитывается также содержание берестяных грамот, найденных в подобных городских усадьбах. Лишь с XVI в. при локализации купеческих домов можно использовать материалы писцовых книг.

Человек, связанный с внешней торговлей, очевидно, проживал в середине X столетия в усадьбе на киевском Подоле, в которой обнаружены византийская монета императора Романа I (921—944), косточки персиков, семена дынь, скорлупа грецких орехов, гирьки-разновески. В пределах еще одной более поздней усадьбы Киева конца XI — начала XII в. археологи обнаружили, наряду с византийской монетой, свинцовую вислую печать протопроедра Евстафия из Новгорода, керамический и стеклянный импорт из Византии. Как предположил П. П. Толочко, это «остатки торгового подворья новгородских купцов», проживавших у храма св. Михаила («Новгородской божницы»)[4]. По его же мнению, в одну купеческую усадьбу XIII в. входили два дома, остатки которых были вскрыты М. К. Каргером в 1946 г. на ул. Большая Житомирская. В них находились, в частности, фрагменты византийских амфор, хрустальные бусы, несколько трубчатых висячих замков, железный безмен, емкости для хранения зерна и прочих продуктов. Такой же характер, по всей видимости, имела углубленная двухкамерная постройка XIII в., представлявшая собой хозяйственные клети и раскопанная в Киеве, у бывшего Михайловского монастыря. Ее владелец когда-то хранил там серебряную монетную гривну киевского типа, бронзовые миниатюрные весы, свинцовые гирьки, свыше 1300 бусин из горного хрусталя и сердолика[5]. Археологическая экспедиция под руководством П. П. Толочко раскопала в 1967 г. на ул. Большая Житомирская еще один подклет купеческого дома в виде сруба размерами 4,6 × 5,4 м, углубленного на 1,8 м. В углу этого помещения находились остатки деревянного боченка, наполненного товаром — янтарем[6]. Вместе с тем трудно судить о социальной принадлежности владельца одного из жилищ на детинце древнего Киева лишь на основании находки весов, которые могли применяться и торговцем, и ремесленником, и в феодальном хозяйстве.

Появление купеческих дворов в древнерусских городах с X и особенно XI—XII вв. свидетельствовало о стабилизации имущественного и социального положения купечества. Б. А. Тимощук отождествил с жилищами торговцев несколько клетей, входивших в конструкцию оборонительного вала древнерусского городи-

---

[4] *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Киева. Київ, 1972. С. 117; *Он же.* Торговля древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 366; *Он же.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 171—173.

[5] *Толочко П. П.* Торговля древнего Киева. С. 368—370; Менее вероятно отождествление этих построек М. К. Каргером с жилищами ремесленников. См.: *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 323—328, 339.

[6] *Толочко П. П.* Торговля древнего Киева. С. 370, 371; *Сагайдак М. А.* Великий город Ярослава. Киев, 1982. С. 85.

ща-пристани Воинь на правом берегу р. Сула (Полтавская обл.) и содержавших византийские монеты, гирьки, амфоры, железные заклепки от ладей, запасы пшеницы и ржи[7]. В восточной части древнего Владимира-на-Клязьме раскопано подвальное помещение (размерами 5,5—6,0 × 5,5—6,0 м, глубиной 1,5 м) от наземной жилой постройки, принадлежавшей, по мнению археолога Ю. Э. Жарнова, купцу и сгоревшей предположительно в феврале 1238 г., во время нападения войска Батыя[8]. Находки весов с набором гирек все же недостаточно для подобной идентификации владельца жилища, как и одного коромысла весов в столбовой постройке XI в., вскрытой археологами во Пскове[9]. В предварительной публикации утверждалось о купеческой принадлежности «южного» двора в раскопе на ул. Ленина во Пскове, в пределах которого обнаружены берестяные грамоты № 6 и 7 второй половины XIII в., однако после более тщательного анализа материалов раскопок исследователи пришли к выводу о том, что в нем проживали землевладельцы[10].

По письменным источникам известно о проживании на Руси (в Киеве, Владимире Волынском, Новгороде, Смоленске и других центрах) купцов иностранного происхождения[11]. На берестяной грамоте № 11 из усадьбы Б, раскопанной в Смоленске на улице Соболева, имеется надпись, выполненная скандинавским младшерунического алфавитом: «Вискар (Висгейр?) взял (приобрел) этот участок земли». Она датируется 60—90-ми гг. XII в. Обнаруженные на этой усадьбе три берестяные грамоты с поминальными записями, кресты-тельники из морских раковин, накладки на переплет и книжная застежка, фрагменты цепи для паникадила позволили Н. И. Асташовой предположить о связи ее жителей «с церковью, а возможно, и со службой мер и весов»[12]. Впрочем, торговцы могли селиться и на дворах, принадлежавших и феодалам, и духовенству.

Основная проблема заключается в том, что на Руси торговыми операциями занимались не только купцы-профессионалы, но и представители других слоев насе-

---

[7] *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966; *Тимощук Б. А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 233, 234.

[8] *Жарнов Ю. Э.* Раскопки в «Ветчаном городе» Владимира // АО 1993. М., 1994. С. 61, 62.

[9] *Закурина Т. Ю.* Раскоп XI на ул. Ленина // Археологическое изучение Пскова. 1989. Псков, 1990. С. 92.

[10] См.: *Колосова И. О., Козлов С. Э.* Раскоп XIII на ул. Ленина // История и археология Пскова и Псковской земли. 1988. Псков, 1989. С. 93—95; Ср.: *Зализняк А. А., Колосова И. О., Лабутина И. К.* Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // РА. 1993. № 1. С. 209; *Лабутина И. К., Колосова И. О.* Дворы с берестяными грамотами в составе восточной части Застенья (по материалам раскопок на ул. Ленина в Пскове) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 203.

[11] См.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 84, 89—92.

[12] *Асташова Н. И.* Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 41—43; *Она же.* Усадебные комплексы Смоленска с находками берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 207—209.

ления (ремесленники, духовенство, доверенные лица феодалов), поэтому находки одних лишь весов и предметов импорта не позволяют сделать однозначный вывод о принадлежности того или иного городского двора. На усадьбе Б, раскопанной в напластованиях середины XII в. в Старой Руссе, зафиксированы остатки сруба-пятистенка площадью 50 кв. м и открыта берестяная грамота № 34, содержащая перечень мужских и женских имен должников. Такие же долговые расписки представляют собой старорусские грамоты № 5—23 и 36 (20—50-е гг. XII в.) из усадьбы А, где найдены 211 обломков деревянных палочек с зарубками — счетных бирок, свыше 500 фрагментов железных цренов (противней для выпаривания соли), дорогие женские украшения. Автор еще одного письма на бересте (№ 35), обнаруженного там же, некий Ралослав дает указание своему брату и (либо) складнику Хотеславу забрать деньги у какого-то торговца-скупщика: «Възьми у прасъла 2 гривене и 5 коуно». По мнению В. Г. Мироновой, эта усадьба принадлежала «семье владетельного ростовщика», занимавшейся добычей и сбытом соли[13]. Несколько берестяных грамот с текстами торгового содержания найдены при вскрытии усадьбы А в Торжке (на Воздвиженском 1А раскопе), между третьим и вторым ярусом мостовых (дендродаты 1187—1197 гг.): «От Маноуиле къ Събыне поклание. Продале есьмъ паволокоу… (гр)ивьнь…» (№ 2); «У Хотуна сроцеке» (№ 3)[14]. В них идет речь о продаже шелка и операциях с пушниной (сорочек — товарная единица меха), поэтому вполне вероятна купеческая принадлежность усадьбы.

Сложности с атрибуцией владельцев древнерусских жилищ, раскапываемых археологами, дали основание М. Г. Рабиновичу сделать пессимистическое заключение: «Археологическими раскопками пока не вскрыто ни одной усадьбы, которую можно было бесспорно определить как усадьбу купца. Возможно, что богатые купеческие усадьбы по характеру своему приближались к усадьбам феодалов, имели множество жилых и хозяйственных построек»[15]. С его мнением можно отчасти согласиться. Вместе с тем ряд дворов в Новгороде Великом и по содержанию найденных в них берестяных грамот, и по ассортименту находок, бесспорно, принадлежали купцам, хотя кое-кто из исследователей (например, П. И. Засурцев) и проявлял осторожность в определении их принадлежности. Лишь одна из многочисленных деревянных построек, открытых на Неревском раскопе, с уверенностью атрибутировалась как

---

[13] *Миронова В. Г.* Берестяные грамоты из Старой Руссы (находки 1985 г.) // СА. 1990. № 2. С. 216—225; *Она же.* История археологического изучения Старой Руссы // Материалы по истории Новгорода. 1988. М., 1990. С. 214—217; *Торопова Е. В.* Археологический контекст берестяных грамот № 33—36 из Старой Руссы // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 174—176; *Торопова Е. В., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты № 33—36 из Старой Руссы // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* НГБ (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 116—119.

[14] *Малыгин П. Д., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты № 1—19 из Торжка // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* НГБ (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 121—123.

[15] *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1985. С. 162; *Он же.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 31.

дом торговца. Среди его остатков, раскопанных на усадьбе «Е» в напластованиях 30-х гг. XII в., обнаружены хрустальные, янтарные и стеклянные бусы, костяные и деревянные гребни, по количеству явно превышавшие потребности одной семьи и предназначенные, по всей видимости, для продажи[16]. В найденной здесь же берестяной грамоте № 105 некий Семен сообщает адресату Кулотке (очевидно, хозяину дома) о возврате ему долга в Переяславле через третье лицо — Лазовку[17]. Торговый человек Кулотка, проживая на боярской усадьбе, находился в какой-то зависимости от ее владельца и входил в кончанскую административную систему организации новгородского населения. Вот почему при раскопках древнейшего Неревского конца обнаружилось скопление боярских усадеб.

Свободные же купцы относились к сотенному населению, проживавшему первоначально вне концов Великого Новгорода. Их усадьбы выделены Е. А. Рыбиной в других местах города — на Бояновском, Славенском, Дубошине, Троицком раскопах[18]. Зажиточный купец проживал во второй половине XII — первой трети XIII в. на усадьбе А, частично вскрытой на Бояновском (Лубяницком) раскопе. Там найдены восемь берестяных грамот торгового содержания, более 1000 кусочков янтаря, большое количество пряслиц для прядения из розового и фиолетового овручского шифера, бронзовые складные весы. В одной из грамот (№ 438) приводится перечень различных товаров (ножи, подошвы и прочие заготовки для кожаной обуви, гребни), в другой (№ 442) содержится информация о стоимости ржи. Наиболее интересна по содержанию грамота № 439, найденная там же, в слоях рубежа XII—XIII вв. Безымянный автор письма извещает в ней своего компаньона Спирока, очевидно владельца усадьбы, о том, что уже «распродал олово, свинец и клепание все» (то есть товары, поступавшие в Новгород из Западной Европы) и закупил три круга воска, поэтому ему уж нет необходимости ехать в Суздаль. Здесь же упомянуты имена еще двух складников — Матейки и Пруса. Хозяин этой усадьбы был связан также с ювелирным производством. XIV в. датируются две купеческие усадьбы на Дубошином и Славенском раскопах, в которых выявлены остатки ремесленного производства, разнообразные импортные вещи (рейнская керамика, оправы для зеркал, фрагменты тканей и др.). Однако ни одна из них пока полностью не раскопана, посему не хватает материалов для реконструкции их облика. В усадьбе А на Славенском раскопе наряду с западноевропейскими вещами XIV в. (рейнской керамикой и другими предметами импорта) выявлены следы деревообделочного, кожевенного, ткацкого и ювелирного производств. С заморской торговлей был, несомненно, связан владелец усадьбы, где в слое 60—70-х гг. XIV в. обнаружена свинцовая товарная пломба из Турнэ. Такие пломбы привешивались к рулонам (поставам) дорогого западноевропейского сукна.

---

[16] *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 116.

[17] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1953—1954). М., 1958. С. 34, 35.

[18] *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 114—121; *Она же.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 269—277.

Дома торговцев, как и других представителей населения Москвы (боярства, ремесленников), сооружались в XII—XIV вв. исключительно из дерева. Древнейший (по письменным свидетельствам) купеческий каменный дом был построен в Москве родоначальником известной династии Тараканових. Согласно Львовской летописи, в 1471 г. «Торокан купець заложи себе палаты кирпичны в граде Москве у градной стены у Фроловских ворот, единого лета и сведе»[19]. По утверждению В. П. Выголова, использование при описании строительства палат глагола «сводить» свидетельствует о «наличии в них сводчатых перекрытий»[20] . Он же опроверг распространившееся в литературе мнение о локализации усадьбы Таракана слева от Фроловских ворот, при въезде в Кремль[21]. Там же в 1485—1486 гг. появились каменные палаты обоярившейся семьи гостей-сурожан Ховриных-Головиных. Напротив своего двора великокняжеский казначей В. Г. Ховрин еще около 1440 г. поставил домовой каменный храм Воздвиженья Честного Креста, а после его гибели во время пожара — новую одноименную церковь, в технике смешанной каменно-кирпичной кладки[22]. В Кремле до конца XV в. проживали и другие богатейшие московские купцы — Антоновы, Афанасьевы, Г. Петров, переселенные по повелению Ивана III в 1490-е гг. на посад[23]. Представители купечества проживали на детинце и в других городах Руси, например в Муроме, что засвидетельствовано под 6859 (1351) г. в Рогожском летописце: «Тое же весны князь Муромьскыи Юрьи Ярославич[ъ] обнови градъ свою отчину Муромъ, запустевши издавна отъ пръвыхъ князеи, и постави дворъ свои въ гроде, тако же и бояре яего и велможи и купци и чреные люди. И составиша двора своя и церкви святыя обновиша и украсиша иконами и книгами»[24]. Кстати, муромские купцы сохраняли за собой в крепости небольшие по площади осадные дворы и в XVII столетии.

В одном из вариантов былины о Садко герой, разбогатев и женившись, возвел себе «палаты белокаменны» и сам приглашал на пир «всех своих купцей богатыих новгородскиих… всех-то господ он своих новгородскиих»[25]. Однако древнейший купеческий дом из камня появился в Новгороде Великом позже, чем в Москве, лишь в XVI в., и принадлежал богатой семье гостей-сурожан Тараканових, переселенных властями в конце XV в. из столицы Руси на берега Волхова[26]. В Новгороде и Пскове

---

[19] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20 Ч. 1. С. 282; Аналогичное известие помещено в Софийской II летописи. См.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 191.

[20] *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 105.

[21] Там же; Ср.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1990. С. 194; *Сквордов Н. А.* Археология и топография Москвы. М., 1913. С. 169.

[22] Подробнее см.: *Перхавко В. Б.* Гость и боярин великого князя // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сб., посвящ. чл.-кор. РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 194—195.

[23] См.: *Флоря Б. Н.* Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV — начале XVI в. // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 111—115.

[24] ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стлб. 60.

[25] Былины / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986. С. 273.

[26] *Янин В. Л.* К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» // СА. 1981. № 3. С. 85—96.

периодически мостились не только улицы, но и рыночные площади, хотя это и не спасало полностью их от грязи, особенно весной и осенью.

Сохранились лишь отдельные упоминания о сельских усадьбах зажиточных купцов, появившихся не позже XIV в. Самые ранние свидетельства о купеческом землевладении в Московском и Суздальско-Нижегородском княжествах относятся к эпохе Дмитрия Донского, когда упоминаются села москвича-сурожанина Некомата и гостя Тараса Петрова из Нижнего Новгорода. Под 1375 г. в летописях помещено сообщение о бегстве из Москвы в Тверь не поладивших с московским князем сына тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и богатого гостя-сурожанина Некомата (судя по имени, видимо, грека по происхождению). Вскоре Некомат отправился в Золотую Орду за ярлыком на великое княжение для тверского князя Михаила Александровича. Он успешно справился с поручением нового благодетеля, вернувшись в Тверь в июле 1375 г. с ханским ярлыком и ордынским послом Ачихожею. Но в августе Дмитрий Иванович разбил войска Михаила Александровича и силой заставил его отказаться от великого княжения, затем приказал конфисковать села Ивана Васильевича и Некомата, а позднее казнил и самих изменников-перебежчиков[27].

Поплатившийся своей головой за политические интриги, Некомат, разумеется, был далеко не единственным землевладельцем из купеческой среды. Приблизительно тогда же зажиточный нижегородский гость Тарас Петров приобрел себе «вотчины у великаго князя за Кудьмою рекою, на речке на Сундоваке, шесть сел: Садово, в нем церковь Бориса и Глеба, да Ряховское, Запрудное, Заляпчиково, да Мухарни»[28]. Впоследствии его сельские владения были разорены татарами, что стало одной из причин переезда Петрова на жительство в Москву. С известными в XV в. купеческими фамилиями связаны названия ряда подмосковных сел — Саларева, Тропарева, Ховрина. Сохранилась купчая грамота 1491—1492 гг. на приобретение Дмитрием Владимировичем Ховриным у гостя-сурожанина Федора Даниловича Саларева деревни Красулинской в Подмосковье. Несколько крупных земельных владений в Дмитровском уезде — села Старое Ермолинское, Куноки, Спасское-Семеновское — принадлежали богатой купеческой династии Ермолиных[29]. Занимаясь торговыми делами и часто отправляясь в дальние поездки, гости-сурожане, понятно, не имели возможности постоянно проживать в собственных вотчинах и возлагали контроль за выполнением крестьянами феодальных повинностей на своих слуг-управляющих или сельских старост.

Более информативные материалы о землевладениях новгородских купцов, отложившиеся в писцовых книгах конца XV — начала XVI в., обобщены А.М. Гневу-

---

[27] ДДГ. М.; Л., 1950. № 9. С. 27.

[28] *Гацискій А.С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 15—16; *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. 3-е изд. М., 1902. С. 120—121, 539.

[29] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 444—445, 596, 601, 630; *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 27—29, 112.

шевым, В. Н. Бернадским и Л. В. Даниловой[30]. Согласно писцовой книге Шелонской пятины (ок. 1498 г.), самый большой двор в деревне Сковородка Ширского погоста принадлежал ранее ее владельцу купцу Роману Окинфову, получавшему с крестьян «денег гривна да 2 денги, а мелкого дохода: 10 боранов, 27 сыров, 13 пятков без горсти лну; а из хлеба четверть...»[31]. Такой же оброк поступал из сельских владений и другим представителям зажиточного новгородского купечества, например, Семену Болотову — «три коробьи ржы, три коробьи овса, коробья ячмени, коробья пшеници» (с деревни Нашское из четырех дворов)[32]. Домашние городские хозяйства таких купцов-землевладельцев носили замкнутый натуральный характер.

Будучи православными людьми, купцы, следуя церковным предписаниям, придерживались ограничений в питании во время постов[33]. Охотничью добычу церковь требовала употреблять в пищу только после закалывания. В церковном поучении начала XV в. «князем и боярам и детем боярским и гостем и всем людем городцкым и селскым» предписывалось: «Изымав зайца, и ты поколи в горло, да выточи кровь, а тетерев или иную птицю съестную изымав, и ты зарежи живу, а котораа птица увязла в силце, да удавилася, и вы бы тое не ели...»[34].

Конечно же, не только дом, но и стол зажиточного купца был заметно иным, чем у рядового торгово-ремесленного населения. Принявший на склоне лет постриг в Троице-Сергиевском монастыре при игумене Досифее (1446—1447) богатый московский гость Дмитрий (в иночестве — Дионисий) Ермолин, протестуя против монастырских порядков и положений общежительного устава, отказывался участвовать в общей, довольно скромной и однообразной трапезе. «Что имам сотворити, яко хлеба вашего и варения не могу ясти? А ведаешь сам, яко вырастохом во своих домах, не таковыми снедми питающеся», — объяснял свое поведение старец Дионисий («Слово о Дмитрии Ермолине» из III расширенной Пахомиевской редакции «Жития Сергия Радонежского»). Когда же хлеб, мед, пиво, рыбу и прочие кушанья приносили из трапезной прямо в его келью, он выбрасывал снедь, говоря с пренебрежением, что «собаки наши такова... не ели»[35].

Издавна на Руси употреблялись напитки из меда, прежде всего сыто (сыта), хлебный ржаной квас, а также пиво местного приготовления. Сыто (медвяной взвар) получали путем кипячения воды вместе с медом. А домашнее пиво (пив-

---

[30] См.: *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения к Москве. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг. Киев, 1915. Ч. 1. С. 317—318; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 191—199; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 161—166, 346—349.

[31] НПК. СПб., 1905. Т. V. Стлб. 11—112.

[32] НПК. СПб., 1868. Т. III. 1-я половина. Стлб. 95.

[33] См. о пищевом рационе во время поста: *Лещенко В. Ю.* Русская семья (XI—XIX вв.). СПб., 2004. С. 362—372.

[34] РИБ. 1908. Т. 6. Ч. 1. № 134. Стлб. 923.

[35] *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 443.

цо, полупиво) варили в глиняных сосудах-корчагах из солода и хмеля[36]. Пиво и сыто, наряду с брагой, пользовались особой популярностью на коллективных пирах-братчинах, которые устраивали члены купеческих корпораций. Купцы, торговавшие с Византией, надо думать, ранее других слоев городского населения приобщились к заморским виноградным винам. Общаясь с ганзейским купечеством в Новгороде и Пскове, выезжая в страны Балтики, местные торговые люди почувствовали вкус немецкого пива, рейнского вина. Но опьянеть можно было и при чрезмерном употреблении меда (так именовался в источниках напиток, в который добавлялся при варке хмель), пива и даже кваса; пьяниц порой именовали «квасниками» (Пандекты Никона Черноризца XIV в.)[37].

С XII в. на Руси известны корчмы — постоялые дворы, где продавались крепкие напитки и нередко останавливались купцы. В уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. в Копысе упоминается содержатель корчмы — «корчьмит»[38]. Слово «корчма» применялось и по отношению к самим горячительным напиткам, от злоупотребления которыми предостерегается в «Предисловии честного покаяния» из сборника конца XIV в. (РНБ. Соф. № 1262): «О(т)верзи(с) пьянства, а не пития... О(т)верзися корчьмы варити, а не пии корчьмы»[39]. «Церковные правила о челяди, холопах, изгоях, смердах» причисляли к грешникам тех, кто варил «корчьму и прикуп корчемныи» получал[40]. Псковская Судная грамота XIV—XV вв. предписывала «княжим людем по дворам корчмы не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро ни в корец, ни бочкою меду не продовати»[41]. Это ограничение, естественно, не распространялось на остальных горожан. Во Пскове известна и немецкая корчма, куда, должно быть, также заглядывали торговые люди. Быть может, с определенной долей преувеличения повествует о буднях москвичей венецианский дипломат Амброджо Контарини, побывавший в столице Руси в 1476—1477 гг.: «Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу»[42].

Кое-кто из торговцев порой терял голову из-за пагубной страсти к хмельным напиткам. Именно о таких опустившихся людях говорит автор «Слова о Хме-

---

[36] См. о древнерусских напитках: *Арциховский А. В.* Пища и утварь // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. Материальная культура. М., 1970. С. 303—305; *Лещенко В. Ю.* Указ. соч. С. 390—392.

[37] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. I. С. 208.

[38] Древнерусские княжеские уставы / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 143; Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 214, 219.

[39] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I. С. 373.

[40] Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 3. Отд. II. С. 50.

[41] Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. С. 342.

[42] Барбаро и Контарини о России / Вступит. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 228—229.

ле» (XV в.): «А иже познается со мною купец, доспею его скорбна, в утле клобуце, в ветсе свите, в издраных сапозех. А у людей имет куны заимовати, ани ему не дадут, видя его пианьчива»[43].

Сложнее обстояли дела с питанием купцов во время длительных торговых поездок, особенно в заморские страны, о чем свидетельствуют сами средневековые путешественники. Они не могли запастись на всю дорогу в большом объеме продовольствием, которое летом быстро портилось и к тому же отягащало купеческую поклажу. Дорожные запасы обычно состояли из сушеной рыбы, сухарей, пшена. Зимой можно было взять с собой и замороженное мясо. Между тем продукты, привычные купцам, порой было очень трудно приобрести в безлюдных степных районах и у кочевников южнорусских степей (печенегов, половцев). И православным людям приходилось там пить кумыс, хотя по христианским канонам кобылье молоко считалось запретным напитком[44].

Вспоминая о привычной домашней пище (баранине, говядине, курятине, рыбе, свинине), тверской купец Афанасий Никитин с удивлением отмечал в «Хожении за три моря», как индийцы вместо нее употребляют преимущественно рис (брынец), не пользуясь ни ножами, ни ложками. Трудно было ему понять, как можно кормить коней сдобренной приправами овощной смесью (кхичри) с сахаром, который, будучи заморским явством слишком дорого стоил на Руси. Какие-то из индийских напитков он отождествлял с русскими брагой и сытой. Ограбленному еще в начале путешествия тверитянину приходилось экономить на слишком дорогой, по его мнению, пище в Индии, затрачивая по два с половиной алтына в день на питание и отказываясь от вина и сыта. А во время месячного поста Никитин вообще ограничивал свой дневной рацион двухразовым приемом хлеба и воды, не употребляя ни мяса, ни «ничего скоромнаго, никакие естры бесерменские». А с местными блюдами из риса, овощей, кокосового ореха, разнообразных пряностей (муската, гвоздики, перца и др.) он имел не раз возможность познакомиться на индийских постоялых дворах, где, по его словам, «ести варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни (очевидно, рабыни. — *В. П.*), и спят с гостми»[45]. Такие индуистские подворья для путников назывались «патхв-сала» (приют странника) и «дхарма-сала» (дом благочестия), а в мусульманских землях средневековой Индии и в Персии — «завийя»[46].

Еще в более сложных бытовых условиях находились средневековые купцы в пути. Далеко не всегда им удавалось разместиться на постой в населенных пунк-

---

[43] Русская бытовая повесть XV—XVII вв. / Сост., вступит. ст. и коммент. А.Н. Ужанкова. М., 1991. С. 83; Это конкретное предостережение купцов, как и представителей других социальных групп, имеется не во всех редакциях «Слова о Хмеле». Ср.: ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 578—580.

[44] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 104—105.

[45] Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я.С. Лурье, Л.С. Семенов. Л., 1986. С. 10—12, 14, 20, 23—24.

[46] Там же. С. 151. Примеч. 83.

тах, нередко приходилось ночевать под открытым небом, в телегах, шатрах либо шалашах. Константинопольские купцы советовали французскому дипломату Гильому Рубруку, проезжавшему в 1253 г. через Судак (итальянская Солдайя, летописный Сурож), приобрести «крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха»[47].

Вот как описывает одежду русских людей, перевозивших через Дон ордынских послов и купцов, Гильом Рубрук: «Мужчины носят епанчи, как и немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием»[48]. Такие плащи-епанчи, длинные кафтаны и островерхие шапки можно увидеть на западноевропейских изображениях русских купцов XV—XVI вв.

Как отечественные, так и зарубежные источники в большинстве своем позволяют в самых общих чертах представить будничную жизнь купеческой верхушки средневековой Руси, которая существенно отличалась от бытовых условий рядового торгово-ремесленного населения. Естественно, далеко не все выводы и наблюдения, изложенные в нашей статье, бесспорны. В изучении культурно-бытового облика средневекового русского купечества сделаны лишь первые шаги. Немало еще предстоит прояснить, уточнить, детализировать.

---

[47] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 89.

[48] Там же. С. 108.

Б. Ф. Рахимзянов (Казань)

Мещерский юрт в контексте взаимоотношений Москвы и Крыма (конец XV — начало XVI в.)

В конце XV — начале XVI в. Московская Русь и Крымское ханство находились в тесном взаимодействии, вызванном вначале борьбой с общим врагом — Большой Ордой, а после ее разгрома — уже взаимным соперничеством в рамках борьбы за «ордынское наследство». Важную роль в этих взаимоотношениях играл Мещерский юрт («Касимовское ханство») — именно в этот период здесь правит крымская династия Гиреев (1486—1512 гг.).

К середине 80-х годов XV века на территории Дешт-и-Кипчака создается и успешно действует союз Великого княжества всея Руси (Москвы), Крымского ханства и Казани. Основной целью этого союза был контроль над объединением кочевников, известным под названием «Большая Орда». После «стояния на Угре» прекращается выплата туда дани. Это значительно усилило положение формирующегося Русского государства на международной арене. В 1487 году была взята Казань, и на казанский престол был посажен московский ставленник Мухаммад-Амин, который правил в Казани до 1495 года. Ханство фактически было превращено в российский протекторат. Иван III смог уже формально, а не только фактически повысить свой государственный статус. Выплата дани в Казань была прекращена; московский государь добавил в титул формулу «князь Болгарский»; в переписке казанский хан — Чингизид стал называться его братом, т. е. равновеликим монархом. «Казанский вопрос» временно отошел на второй план.

Настало время более плотно заняться сотрудничеством с Крымским ханством. Несмотря на заключенный еще в 1480 году московско-крымский союз, Менгли-Гирей лавировал между Москвой и Литвой. Задачей московской внешней политики было склонить крымского хана на свою сторону. Решению этой проблемы помогали различные средства.

В 1486 году касимовский престол был предоставлен Нур-Даулету, первому представителю крымской династии Гиреев в Касимовском ханстве. Нур-Даулет и родоначальник касимовских султанов Улуг-Мухаммад являлись по тюркской традиции довольно близкими родственниками не только как Джучиды вообще, но и как представители конкретной ветви внутри этой династии. Точнее, Улуг-Мухаммад был двоюродным дядей Хаджи-Гирея, отца Нур-Даулета. Крымская и казанская ветви Джучидов были сходны и в своей политической судьбе: и Хаджи-Гирей (первый крымский хан), и Улуг-Мухаммад (фактически первый казанский правитель) являлись изгнанниками из Сарая и поэтому, по всей видимости, питали к представителям большеордынской и астраханской династий не самые теплые чувства. Видимо,

именно поэтому источники не содержат никакой информации о недовольстве среди касимовской высшей знати в связи со сменой потомков Улуг-Мухаммада на Гиреев, чего не скажешь о последующей смене династии на большеордынскую.

По сведениям «Нового летописца», в 1480 году, во время нашествия хана Большой Орды Ахмада на Россию, когда тот стоял на реке Угре, Иван III послал Нур-Даулета с воеводой Василием Ноздреватым напасть на Сарай, или Юрт Батыев, — столицу Большой Орды; Нур-Даулет, по сведению летописца, доплыл на лодках до Орды и разгромил ее; удачное нападение на Сарай и было причиной того, что Ахмад бежал с реки Угры[1]. Об этом же говорят и Софийская I летопись и Новгородская IV летопись[2]. Насколько верно это сообщение: действительно ли Нур-Даулет нападал на Орду и Ахмад бежал, пораженный слухом о бедствии, постигшем его дома, или же поход Нур-Даулета — не более чем выдумка летописцев, и Ахмад удалился с Угры вследствии сильных морозов и недостатка в одежде, сказавшейся у его людей (как сообщает, например, Софийская II летопись: «Дмитриева же дни стала зима и реки все стали, и мрази (морозы. — *Б. Р.*) велики, яко не мощи зрети: тогда царь убояся и с Татары побежа прочь, ноября 11: бяху бо Татарове наги и босы, ободралися»[3]), выяснить трудно. Возможно, обе причины имели место.

В 1486 году Нур-Даулету был пожалован Иваном III титул царя Городецкого или Касимовского[4]. Начинается наиболее активное его использование как в военном, так и в политическом плане. В течение 1487—1490 годов Нур-Даулет постоянно участвовал в походах против «Ахматовых детей»[5].

Это хорошо демонстрирует статус Касимовского ханства как вассального государства. В период за 1486—1490 гг. (годы правления Нур-Даулета в Касимове) он сам появлялся там лишь эпизодически, в основном находясь в районе военных действий на границе с Большой Ордой. Вместе с ним находилась как высшая прослойка крупнейших феодалов ханства — «царевы Нордоулатовы уланы и князья», так и простые служилые татары — «казаки». В ханстве, на территории Мещеры, находились лишь те его жители, которые не были связаны с военным искусством. А гражданские лица в государствах — наследниках Золотой Орды — традиционно занимали низшее положение по сравнению с военными.

И в то же время другие факты говорят нам о некоторых элементах независимости крымских выходцев в Касимове, о неоднозначности статуса Мещеры в системе позднезолотоордынских государств. По всей видимости, ханы и султаны получали за каждое участие в военных походах и действиях и одноразовые компенсации[6].

---

[1] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 15.

[2] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 134, 153; СПб., 1853. Т. 6. С. 35.

[3] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 231.

[4] ДДГ. М.; Л., 1950. № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328.

[5] См.: Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 13. С. 46, 49, 51; № 17. С. 60; № 18. С. 61, 62; № 20. С. 73; № 19. С. 63, 65, 66; № 22. С. 78; № 24. С. 88—89; № 34. С. 147.

[6] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. — начало XVI в. М., 2001. С. 300.

Так, возможно, следует трактовать «запись», сделанную, скорее всего, Федорым Карповым в 1492 г.: «Да колкижды князь велики царя Нурдоулата посылывал на Поле царева для дела Менгли-Гиреева, и колко Саталгана царевича, Нурдоулатова царева сына, посылывал да и рузскую рать ***и колко татар и русь жалует, того деля и гибели им полские платит*** (выделено мной. — *Б. Р.*), ино колко того разойдется»[7]. Возмещая проторы и убытки, связанные с выходом в Поле в августе 1492 г., великий князь поручал данную миссию не специальным лицам, а послу в Крым (что очень показательно), который одновременно со своими дипломатическими функциями должен был выполнять обязанности финансового агента государя внутри страны.

Функция Касимовского ханства как династического противовеса Казани и Крыму ярко видна на примере политического использования Нур-Даулета московским руководством. Фактически Нур-Даулет являлся послушным вассалом великого князя. Ивану III было очень выгодно держать в своих руках бывшего крымского хана, имевшего на юрт Хаджи-Гирея не меньшие права, чем Менгли-Гирей[8]. Это обстоятельство заставляло Менгли-Гирея с недоверием относиться к пребыванию своего старшего брата в Русском государстве. Переписка между великим князем и крымским ханом по этому вопросу началась еще в 1482 году. В посольстве от Ивана III к Менгли-Гирею, посланному 15 марта 1482 года с боярином Ю. И. Шестаком, в предполагаемой речи Ю. И. Шестака к крымскому хану упоминается, что ранее Менгли-Гирей просил отпустить к нему в Крым Нур-Даулета. Якобы Иван III выполнил это требование, однако после того, как к Ивану III пришел новый ярлык от Менгли-Гирея, великий князь «осадил его у собя, истому своей земле чинит тобя деля…»[9]. Непонятно, правда, как соотносятся эти противоречивые действия друг с другом — возможно, что второй ярлык от Менгли-Гирея пришел тогда, когда Нур-Даулет либо был в пути по дороге в Крым, либо еще только собирался туда отбыть, и его либо остановили, либо перехватили в дороге. Однако, учитывая специфику источника (русский посол далеко не всегда должен был говорить правду о реальном состоянии дел в Русском государстве), можно предположить, что вся эта неразбериха с двумя противоречащими друг другу ярлыками Менгли-Гирея — не более, чем хитрая дипломатическая уловка Ивана III, который просто не был заинтересован в отпуске Нур-Даулета в Крым.

Заинтересованность в Нур-Даулете проявил и сын Ахмада, хан Большой Орды Муртаза. В октябре 1487 г., когда Нур-Даулет был касимовским царем, Муртаза прислал сразу два ярлыка — к Ивану III и к Нур-Даулету. В ярлыке к Ивану III (1487 г.) Муртаза в довольно жесткой форме требует отпустить к нему в Большую Орду Нур-Даулета, так как он хочет поставить его крымским ханом вместо его

---

[7] Сборник РИО. Т. 41. № 75. С. 370.

[8] *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 187.

[9] Сборник РИО. Т. 41. № 7. С. 30—31.

«недруга» Менгли-Гирея[10]. В ярлыке к самому Нур-Даулету (1487 г.) Муртаза в совершенно ином тоне, крайне вежливо и даже льстиво, в витиеватых восточных выражениях приглашает Нур-Даулета к себе, не указывая причин этого приглашения[11]. Однако из посольства от Ивана III к Менгли-Гирею, посланному с Д. Шеиным 23 октября 1487 года, мы узнаем, что Иван III не пустил посла Муртазы к Нур-Даулету в Касимов, а также изъял оба ярлыка и послал их к Менгли-Гирею[12].

Из этого же посольства становится ясно, что в 1487 году Менгли-Гирей вновь просил Ивана III о возвращении Нур-Даулета в Крым, объясняя эту просьбу желанием, чтобы «о своем юрте стати заодин против своих недругов»[13]. Об этом же Менгли-Гирей отправил ярлык к самому Нур-Даулету[14]. Однако Иван III не отправил ярлыка Менгли-Гирея к Нур-Даулету и отказался отпустить его под тем предлогом, что его призывает к себе и Муртаза «на твое (Менгли-Гирея. — *Б. Р.*) лихо»[15]. Из-за этого Менгли-Гирей в октябре 1487 — марте 1488 гг. даже посылал своих людей к Нур-Даулету в Русское государство, чтобы в случае, если Нур-Даулета крымские послы увидят в одном месте с великим князем, то крымцы скажут пару слов Нур-Даулету. Если же их не увидят вместе, то беседа не состоится[16]. Портить отношения с Россией и связываться напрямую с Нур-Даулетом без посредничества великого князя Менгли-Гирей не решался.

Тогда в сентябре 1489 года Менгли-Гирей, выдавая свои действительные опасения, стал просить «Нурдовлата царя к правде привести и укрепити», чтобы он над ним «царства не хотел»[17]. При этом Менгли-Гирей вновь повторил просьбу об отпуске брата в Крым. Иван III ответил пространным рассуждением о вреде иметь в одном государстве двух государей, напомнив своему союзнику бывшую вражду между братьями после смерти Хаджи-Гирея: «Ино тобе ведомо из старины, от дед и от отцов ваших: на одном юрте два осподаря бывали ли? А где и бывали будут два осподаря на одном юрте, ино которое добро меж их было? А брата твоего Нурдовлата царя как ми укрепити? Здесе мне и правду даст, как бы ему над тобою царства не хотети; а коли он тамо будет с тобою вместе, и мне по чему ведати, что будет у него в мысли? Ведаешь сам, с Нурдовлатом со царем одного отца дети вы, а опосле отца вашего Ази-Гирея царя колко лет брат твой Нурдовлат на царстве был, а те же люди ему служили, которые ныне у тобя. Ино почему ведати, у всех ли у твоих людей одна мысль, все ли тобя хотят на твоем осподарьстве, или которые захотят брата твоего Нурдовлата царя на том юрте; и какими делы будет межи вами

---

[10] Сборник РИО. Т. 41. № 19. С. 68—69; СГГД. М., 1894. Ч. 5. № 5. С. 3; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 199.

[11] Сборник РИО. Т. 41. № 19. С. 69—70; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 199—200.

[12] Сборник РИО. Т. 41. № 19. С. 63.

[13] Там же. № 19. С. 64.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 64, 67.

[16] Там же. № 20. С. 73—74.

[17] Там же. № 21. С. 75.

розньс братом с твоим с Нурдовлатом со царем, ино твоему делу тогда которое добро будет?»[18]. В заключение Иван III уведомил Менгли-Гирея, что он не говорил с Нур-Даулетом по этому вопросу и не передаст ему ярлыка брата, «доколе к нам свою мысль отпишешь»[19].

Хотя в случае повторения просьбы великий князь и обещал отпустить Нур-Даулета в Крым, но было совершенно ясно, что в дипломатически вежливой форме выражался категорический отказ. Так, по-видимому, понял слова великого князя и Менгли-Гирей, который больше не обращался к нему с просьбой об отпуске брата. Уже в грамоте Ивана III к Менгли-Гирею, отправленной 29 октября 1489 года, сообщается, что дело о Нур-Даулете и его отпуске в Крым отложено, так как Менгли-Гирей не проявил настойчивости в требовании его отпуска[20].

Учитывая чрезвычайную полезность Нур-Даулета как в политическом, так и в военном плане, московское правительство не жалело своего жалования для него — вместе с Касимовым Нур-Даулет с какого-то времени владел и Каширой[21]. Правда, после его устранения с должности касимовского владельца и схода с политической сцены в конце 1490 — начале 1491 гг. он был лишен Каширы[22].

Нур-Даулет еще достаточно долго жил в Касимове, в то время как его сын Сатылган был там владетельным царевичем (султаном). В августе 1498 года к нему приезжал посол Менгли-Гирея Шавал с царским «поминком и поклоном»[23]. По всей видимости, в последние годы жизни Нур-Даулет был тяжело болен. В ноябре 1502 года его болезнь крайне обострилась[24]. 22 сентября 1503 года в «Памяти И. И. Ощерину», посланному с посольством в Крым, содержится информация о том, что Нур-Даулет умер[25]. По всей вероятности, Нур-Даулет умер в 1503 году. 16 мая 1504 года Сатылган прислал к великому князю людей спросить разрешения, можно ли послать в Крым «кости» его отца Нур-Даулета[26]. Об этом Сатылгана просил его дядя Менгли-Гирей[27]. Обращаясь непосредственно к великому князю, крымский хан просит выслать в Крым также и «болшую жену» Нур-Даулета, «Коуратью Мадыкову дочерь болшую»[28]. Эта просьба была выполнена зимой 1504/05 г.[29] Таким образом, Нур-Даулет похоронен не в Касимове, как многие другие касимовские владельцы, а в Крыму.

---

[18] Сборник РИО. Т. 41. № 21. С. 76.
[19] Там же.
[20] Там же. № 22. С. 78.
[21] Там же. № 35. С. 151.
[22] Там же.
[23] Там же. №. 58. С. 270; № 59. С. 278.
[24] Там же. № 87. С. 446.
[25] Там же. № 92. С. 491.
[26] Там же. № 96. С. 512—514.
[27] Там же. № 100. С. 544.
[28] Там же. № 100. С. 544.
[29] Там же. № 101. С. 553.

Итак, Нур-Даулет являлся касимовским ханом в 1486—1490 гг. Умер он в 1503 году. Нур-Даулет являлся грозным оружием внешней политики Москвы как по отношению к Крымскому ханству (династические претензии на ханский престол), так и по отношению к Большой Орде «Ахматовых детей» (активные военные действия на границе с Ордой). Вообще можно отметить, что существует большое различие между теми касимовскими правителями, которые обладали действительными правами на ханский престол в другом государстве (в Казани, в Крыму), и теми, кто таковыми не обладал. Первые (Нур-Даулет, Касим), несомненно, предпочитались Москвой при назначении на должность касимовского владельца, являясь важной картой в сложных дипломатических играх. Вторые же (Данияр, Сатылган, Джанай и др.) использовались лишь в военных акциях.

Таким образом, к началу 90-х годов XV века были достигнуты очень крупные успехи в деле распространения московского влияния среди татарских ханств; Крым последовательно вовлекался в орбиту московской политики.

Сын Нур-Даулета Сатылган вступил в должность касимовского султана в 1490 году[30]. Сатылган не обладал фактическими династическими правами на какой-либо джучидский престол, и поэтому московское правительство использует его лишь в военных акциях, в основном против «Ахматовых детей» — ханов Большой Орды, сыновей Ахмада. Когда не намечалось ничего серьезного во внешней политике Москвы, российское правительство при удобном случае просто отправляло касимовских владельцев с их татарами на фронт военных действий, полагая, что лучше пусть льется кровь неверных «бусурман», нежели христианская. Помощь касимовских правителей, обладавших мощной конницей и служивших важным инструментом военного воздействия на политику соседних государств, нельзя недооценивать.

Впервые Сатылган участвует в походе против Большой Орды вместе со своим отцом Нур-Даулетом в апреле 1490 года[31]. Интересно, что в следующем посольстве от Ивана III к Менгли-Гирею (28 октября 1490 года) сообщается, что ранней весной (видимо, как раз в апреле 1490 года) под Большую Орду был послан лишь Сатылган, без Нур-Даулета, но со своими уланами и князьями[32]. Возможно, что в апреле 1490 года лишь предполагалось послать Нур-Даулета, но сделать этого по каким-либо причинам не удалось (например, из-за ухудшившегося состояния здоровья), и под Орду пошел лишь Сатылган со своими приближенными (князьями и уланами). Предполагалось, что Сатылган должен участвовать в военной операции с апреля и до зимы 1490/91 г. (заметим, что все это время касимовский царевич отсутствовал бы в своем «уделе» — Касимовском ханстве, равно как и высшая прослойка феодалов ханства), однако Сатылган, не дождавшись ответного письма от Менгли-Гирея, ушел «к собе» (в Касимов) раньше, чем требовалось.

---

[30] Государственный архив России XVI столетия. М., 1978. С. 39; Сборник РИО. Т. 41. № 24. С. 88—89; ДДГ. № 84. С. 333.

[31] Сборник РИО. Т. 41. № 24. С. 88, 89.

[32] Там же. № 27. С. 98—99, 101.

В апреле следующего (1491) года Менгли-Гирей требует, чтобы великий князь побыстрее послал ему на помощь против «Ахматовых детей» «казанских казаков», а также «Нурдовлатовых царевых казаков» во главе с царевичем Сатылганом[33]. Как видим, казанские подданные в годы российского протектората над Казанским ханством рассматривались Москвой как такие же вассалы, каковыми являлись для нее касимовцы. Эту просьбу хан повторил в мае[34]. Иван III 21 июня 1491 года сообщает, что он послал Сатылгана с его людьми, а также и российское войско, под Большую Орду[35]. Царевич Сатылган выехал 3 июня 1491 года. Приказ от великого князя был таков: в случае нападения Большой Орды на Крымское ханство они должны выступить против «Ахматовых детей». Сатылгану приказано поддерживать связь с Менгли-Гиреем. В ноябре 1491 года Менгли-Гирей подтвердил факт присутствия Сатылгана с войском на границе с Большой Ордой[36].

В марте 1492 года, из «Памяти Ивану Лобану-Колычеву», являвшемуся послом в Крыму, становится ясно, что Сатылган ушел из-под Орды рано. В объяснение этого поступка царевича Иван III говорит Менгли-Гирею, что произошел инцидент с разведывательной группой Сатылгана, князем Тонкачем: на него напали люди некоего мурзы Мусеки, которые перебили и пленили некоторых людей Сатылгана. Поэтому сам Сатылган отступил, однако оставил на «Поле» уланов, князей и казаков, послав их под Орду. По словам великого князя, они все лето «воевали» Орду[37].

В июле 1501 года Сатылган находился не в Касимове и не под Ордой, а в Москве, причем находился под стражей. Это мы узнаем из «Грамоты Менгли-Гирея Ивану III» (23 июля 1501 года)[38]. Причин заключения Сатылгана в документах не указывается. Менгли-Гирей сообщает великому князю, что сейчас (в 1501 году) Сатылган очень необходим для участия в военных действиях против «Ахматовых детей». Поэтому он просит освободить из заключения Сатылгана[39].

Из-за заключения Сатылгана под стражу его дружина осталась без предводителя, и поэтому из посольства в Крым (отправлено 30 августа 1501 года), из «Грамоты Ивана III к Менгли-Гирею», узнаем, что против «Ахматовых детей» Шейх-Ахмада и Сеид-Махмуда были посланы лишь «царевы Нордоулатовы уланы и князи и казаки» без царевича, а также казанский хан Мухаммад-Амин[40].

В «Памяти И. Ощерину» (22 сентября 1503 года) говорится о смерти Нур-Даулета и о том, что великий князь хочет жаловать Сатылгана Касимовым (сентябрь 1503 г.)[41].

---

[33] Сборник РИО. Т. 41. № 28. С. 105.
[34] Там же. № 29. С. 110, 111.
[35] Там же. № 30. С. 115, 116.
[36] Там же. № 32. С. 124; см. также: ПСРЛ. Т. 6. С. 38; СПб., 1859. Т. 8. С. 223.
[37] Сборник РИО. Т. 41. № 34. С. 141.
[38] Там же. № 72. С. 362.
[39] Там же. № 72. С. 362.
[40] Там же. № 75. С. 370.
[41] Там же. № 92. С. 491.

Попытаемся разобраться в этой истории с Сатылганом и его заключением под стражу. Вероятно, что приблизительно в 1501 году или чуть раньше Сатылган начал тайные дипломатические переговоры с иностранными подданными (либо главами государств, либо с высшей правящей прослойкой); возможно, что это были сыновья Менгли-Гирея, которые еще при его жизни фактически вышли из-под контроля отца и даже самостоятельно совершали набеги на русские земли. Суть этих переговоров прояснить нет возможности из-за отсутствия репрезентативных источников. Для бдительных агентов московского правительства эти отношения не остались тайной, и Сатылган был, по всей вероятности, уличен в нарушении шертной грамоты, связывавшей «служилых» татарских царевичей с московским великим князем: удельные властители были лишены права вести самостоятельную внешнюю политику, и вся их дипломатическая переписка должна была прочитываться Посольским приказом. За это он был «поиман», лишен Касимова и заключен под стражу в Москве. Примерно такая же история произошла позже и с Шах-Али. Однако просьба Менгли-Гирея об освобождении племянника, а также его полезность в военных делах вынудили Ивана III помиловать Сатылгана (возможно, что здесь сыграла свою роль и смерть Нур-Даулета, и освобождение Сатылгана явилось своего рода «амнистией»), и он вновь был пожалован Касимовым в сентябре 1503 года. В мае 1504 года Сатылган уже вновь является касимовским владельцем[42]. 16 мая 1504 года Иван III заверил Менгли-Гирея, что в случае похода против Менгли-Гирея ногаев он отпустит против них Сатылгана вместе с его братом Джанаем[43].

Менгли-Гирей не зря в 1501 и 1502 годах так просил великого князя освободить Сатылгана и послать его против «Ахматовых детей». В это время крымский хан наносил последние массированные удары по улусам Большой Орды; итогом этой военной кампании стал разгром ее ставки (историография обычно обозначает это событие как «полный разгром» Большой Орды) в 1502 году. И хотя Сатылган не смог принять участия в этих заключительных акциях, тем не менее Касимовское ханство и его татарская конница сыграли значительную роль в подготовке падения орды «Ахматовых детей».

Летом 1506 года великий князь послал войско к Мурому, для наблюдения за действиями казанского хана Мухаммад-Амина[44]. В составе этого войска был и Сатылган. Это последнее упоминание о Сатылгане в документах. Вероятно, вскоре после этого (в конце 1506 г.) царевич умер.

Итак, примерные годы правления Сатылгана в Касимове — 1490—1506. Родной брат Сатылгана Джанай управлял Касимовым с конца 1506 по 1512 год[45]. Он участвовал лишь в военных акциях Василия III.

---

[42] Сборник РИО. Т. 41. № 96. С. 512—514.

[43] Там же.

[44] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 37; *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 35.

[45] *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга... С. 49.

Дипломатическая переписка содержит интересные данные о статусе Мещерского юрта. Сторонними тюркскими правителями (теми, кто никогда не правил ни в Мещере, ни в Казани) конца XV — начала XVI вв. Мещера (Касимовское ханство) и Казань (Казанское ханство) зачастую воспринимались как равнозначные «места», что говорит нам о некоем сходстве в статусе этих образований. Так, «ногайский» царевич Ах-Курт писал Василию III в 1508 г.: «И коли пожалуешь ***из тех из дву юртов*** (выделено мной. — *Б. Р.*) меня, и ты бы...»[46]. Из контекста документа становится ясно, что Ах-Курт просит «дать» ему либо Казань, либо Мещеру («два юрта»). Мещера названа «юртом», что является в тюркской традиции синонимом слова «государство». Соответственно, Касимовское ханство представлялось тюркским современникам как государственное образование. Русские уделы, к которым часто относят Касимовское ханство, таковыми не являлись и так, соответственно, не воспринимались. Казань в указанный период была под российским протекторатом, а Мещера была под сюзеренитетом великого князя московского все время своего существования. Так что данный тезис, на мой взгляд, является вполне обоснованным и ни в коей мере не претендует на радикализм.

Как равнозначные «места» пыталось представить Казань и Касимов и московское руководство. Так, в общении с Литвой Василий III так объяснял в 1517 г. польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Казимировичу обстановку вокруг Казани: «...ино, Жигимонте (Сигизмунд. — *Б. Р.*), то говоришь негораздо ведая, что отец наш великий государь (Иван III. — *Б. Р.*) землю Казанскую отдал неверным. Ино то делается так: еще было от прародителей наших и при предкех наших и при отце нашем и ныне при нас, в ***наших государствех*** по тем местом живут цари и царевичи ***нашим жалованьем***, да иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даем в ***своих государствех*** места свое жалованье»[47]. Сравните с тем, что говорится о Мещере: «...А Мещерская земля в ***нашем государстве***, и тем местом жалуем мы царей и царевичев, и они на тех местех на ***нашем жалованье*** живут, а нам служат»[48]. И казанцы, и касимовцы «живут» московским «жалованьем» и «служат» Москве, и Казань, и Касимов являются московской собственностью («наши государства») — такая картина вырисовывается исходя из данных дипломатической переписки с Литвой. «И ты, Жигимонте, тому не дивися, от прародителей наших и при отце нашем и при нас в наших государствех такие обычаи водятся»[49] — «по-доброму» вразумлял Василий III своего геополитического конкурента по объединению всех русских земель под единым патронатом, говоря о системе вассальных татарских образований на территории Московской Руси, намекая: роль основного объединителя — за мной, я воссоздаю ордынскую систему на территории Северо-Восточной Руси, претендуя не только

---

[46] Сборник РИО. СПб., 1895. Т. 95. № 1. С. 11—15.
[47] Сборник РИО. СПб., 1882. Т. 35. № 85. С. 530.
[48] Там же. С. 531.
[49] Там же.

на главенство над всеми русскими землями, но и в целом на верховенство над всей территорией бывшей Золотой Орды.

Со смертью Джаная в 1512 году «крымская династия» окончила свое пребывание на касимовском престоле.

Правление Гиреев оставило существенный след в истории Мещерского юрта. Даже через пять лет после окончания пребывания этой династии в Мещере, в 1517 году, крымский хан Мухаммад-Гирей воспринимал ее как свой «юрт». «А из старины тот юрт наш»[50] — заявлял хан заменявшему посла подъячему Мите Иванову[51]. Так же воспринималось Касимовское ханство и крымской знатью[52]. Поэтому, когда в 1512 г. Василий III посадил в Касимове представителя враждебной Крыму большеордынской династии, это вызвало общее возмущение в «Тахтамышевом царевом юрте» — «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?»[53].

Клан Ширин, занимавший в Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырех кланов, имел к ней особо «ревнивое» отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее»[54]. В связи со сменой династии Ширины начали, по сути, настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру[55]. Мухаммад-Гирей писал Василию III в 1517 г.: «...а что наши люди летось и нынеча Мещеру воевали, и за то яз и вперед не имаюся, хоти яз с братом своим с великим князем буду в дружбе и в братстве, ино мне самому на Мещеру не думати, и хоти и детей своих уйму, а людей ми своих не мочи уняти: пришли на меня землею все, что им меня не слушати в том. А Ширины опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати, за то что нынеча на Мещере наш недруг, ***а из старины тот юрт наш*** (выделено мной. — *Б. Р.*). И нынеча брат мой князь великий о чем у меня на Мещеру не просит брата или сына... и толко то по старине не будет, и то всегды быти воеваной Мещере. А ведь мы ведаем, что нынеча на Мещере не человек, и людей в Мещере бесерменьи (мусульман. — *Б. Р.*) нет никого, ино не у кого жити, и то б брату моему великому князю внятны мои речи были. А колко о том царевиче не пишу к великому князю, и он ко мне не отпишет. А то пак слыхано ли, что бесерменину бесерменин бесерменина в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поимали в Мещере, а того у

---

[50] Сборник РИО. Т. 95. № 21. С. 377.

[51] Так же Гирси смотрели и на Казань (Сборник РИО. СПб., 1895. Т. 95. № 38. С. 679, 696).

[52] В 1516 г. крымский мирза Бахтияр писал Василию III: «...сам гораздо знаешь, что ***Мещерской юрт государя моего царев*** (выделено мной. — *Б. Р.*)» (Сборник РИО. Т. 95. № 14. С. 251).

[53] Сборник РИО. Т. 95. № 30. С. 520.

[54] Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 10. С. 75.

[55] Сборник РИО. Т. 95. № 21. С. 377; № 30. С. 520.

нас и в писанье нет, что бесермена продати, а наши люди мещерскую бесерменью и попродали, а все тому рняся, ***что не наш род на Мещере государь***... А князи городетцкие и мне приказывали, и не одинова, ***чтоб наш род был им государь***»[56]. По всей видимости, после смены династии в Касимове значительная часть касимовской знати крымского происхождения отъехала обратно в Крым — «и людей в Мещере бесерменьи нет никого, ино не у кого жити». При походе Ширинов на Мещеру в плен бралось не только русское население, но и мусульманское, на что крымский хан сетует как на вынужденную меру. Видимо, какая-то часть населения (верхней страты, несомненно) — «Нур-Довлатовы и Касымовы слуги» — «князи городетцкие», уже привыкшая к крымцам и нашедшая с ними общий язык, была недовольна сменой династии в Касимове и хотела возвращения Гиреев.

В 1517 г. диван (совет карача-беков) отказал в согласии на союз с Москвой, выставив одним из условий коалиции смещение с Мещеры «недруга» Шах-Али и замену его одним из сыновей Менгли-Гирея. Об этом отказе Мухаммад-Гирей писал Василию III: «...и Шырын, и Аргын и Барын и Кипчак карачи князи наши в головах и все уланы и князи роты и правды не учинили»[57].

В этом же году в связи с давней распрей между ханом Мухаммад-Гиреем и его братом султаном Ахмад-Гиреем поднялся вопрос об «опочиве» для Ахмада в России. Еще в 1515 г. Василий III обещал принять Ахмада с детьми и со всеми людьми, обещая ему и свободный отъезд в случае его желания[58]. В декабре 1517 г. вопрос ставился определеннее: Ахмаду была обещана Мещера[59]. Правда, Василий III готов был принять Ахмада только в крайнем случае: «если на царевича будет нужа велика, и нелзе ему там дотоле быти», только в этом случае посол должен был решительно говорить с Ахмадом об «опочиве». Учитывая враждебные, в целом, в этот период отношения с Крымом, в Москве не доверяли даже противникам хана (противниками они могли оставаться недолго, а недоверие в отношении «неверных» — факт для средневековья очень устойчивый). Причем Василий III таким шагом намеревался убить сразу двух зайцев: предоставить «место» в своей земле оппозиционному хану султану и в то же время удовлетворить требования Мухаммад-Гирея о предоставлении Мещеры во владение одному из его сыновей[60]. Кроме Касимова Ахмаду обещали и Каширу; в случае, если бы султан прислал своего сына Геммета, то Мещерский Городок великий князь был согласен дать и ему[61].

Общий настрой Крыма в отношении Касимовского ханства в первой четверти XVI в. Мухаммад-Гирей выразил так: «...а будет на Мещере не нашему роду быти, ***ино у нас на то миру нет***»[62].

---

[56] Сборник РИО. Т. 95. № 21. С. 377—378.
[57] Там же. С. 388.
[58] Там же. № 12. С. 211—212.
[59] Там же. № 23. С. 419—420.
[60] Там же. С. 419.
[61] Там же. № 30. С. 509; № 31. С. 542, 557, 559; № 32. С. 569—571; № 33. С. 600—605.
[62] Там же. № 21. С. 380.

При всем этом бесспорным являлся факт принадлежности Мещеры Москве как «вотчины» московского великого князя[63].

С 1512 г. в Мещерском Городке сидели потомки ханов Большой Орды. Это естественно. До тех пор, пока Крымское ханство занимало более или менее дружественную позицию по отношению к Русскому государству и было его союзником в борьбе с Большой Ордой, возможность держать в Касимове крымских выходцев сохранялась, но как только его позиция переменилась, их пребывание там стало опасным для Василия III.

Таким образом, не стоит преувеличивать степень зависимости Касимовского ханства от Русского государства. Как известно, в XV — начале XVI в. для государств — наследников Золотой Орды, русских княжеств, а также для сложившейся на их основе Московской Руси была характерна сложная система взаимосвязей, в которой доминирующей чертой их отношений была взаимозависимость. Именно поэтому Касимовское ханство, будучи частью «вотчины» московского великого князя, даже в 1517 году могло одновременно восприниматься крымским ханом Мухаммад-Гиреем как свой «юрт».

Некоторые данные говорят нам о равнозначности статусов Касимовского и Казанского ханств. При этом никем не ставится под сомнение важная роль Казани в системе позднезолотоордынских государств.

В структуре российских служилых уделов, которые были широко представлены в Московии изучаемого периода (Кашира, Серпухов, Звенигород, Юрьев-Польский, Романов), Мещера имела наивысший ранг. В отличие от других городов подобного рода, Касимов предоставлялся только Джучидам — высшей категории золотоордынской знати.

---

[63] В договоре великого князя московского Ивана Васильевича (Ивана III) с великим князем литовским Александром Казимировичем от 1494 г. последний признавал, что Мещера является вотчиной Ивана Васильевича (ДДГ. С. 330; См. также: Сборник РИО. Т. 35. № 24. С. 127, 130).

V

СОСЛОВИЯ, ИНСТИТУТЫ И САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ В РОССИИ

(XVI — середина XVII вв.)

М. М. Кром (Санкт-Петербург)

«Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в.

Начиная с XIII в. в западноевропейской мысли получило распространение учение Аристотеля об общем благе как высшей цели политической деятельности. Эта идея античного философа была не чужда некоторым русским книжникам начала XVI в.: так, в послании Федора Карпова митрополиту Даниилу есть прямые ссылки на «Этику» Аристотеля (по предположению некоторых исследователей, Карпову была известна и «Политика»); в этом сочинении говорится о «деле народном» (калька лат. «res publica»), погибающем от излишнего «долготерпения», о «деле опщем человеческом», приходящем в упадок под действием пороков; стремление «чинить пользу» противопоставляется царящим в мире своекорыстию и неблагодарности[1].

Однако еще за 20 или 30 лет до того, как Ф. И. Карпов взялся за перо, сходная мысль о служении неким высшим общим интересам уже прозвучала — правда, в более прагматичной, лишенной литературных красот формулировке — из уст Ивана III. Показательно, что запись этих слов содержится в документах дипломатического ведомства — того самого, в котором служил и Ф. Карпов. В 1502 г., согласно записи в посольской книге сношений с Литвой, Иван III послал дьяка Ивана Телешова с наказными «речами» к своему сыну князю Дмитрию, осаждавшему тогда Смоленск. Великий князь потребовал от сына и воевод: «И вы бы за тем дела не откладывали, уповая на Бога и на живоначальную Троицу, и на пречистую Его Матерь, и на святых чудотворец, и на родительскую молитву, города бы есте Смоленска доставали и *дело наше и земское* делали, посмотря по делу, как вас Бог вразумит и как вам Бог поможет...»[2].

Происхождение выделенного мною выражения — «дело наше (т. е. великого князя. — *М. К.*) и земское» остается неясным. Если учесть, что при Иване III на русской дипломатической службе подвизалось немало греков (казначей Д. В. Ховрин, Траханиоты, Ралевы)[3], то можно предположить здесь некоторое влияние греческой терминологии (ср. греч. «τά πολιτικά» — «государственные и общественные дела»). Впрочем, если это предположение трудно доказать, то связь указанного выражения с великокняжеской канцелярией вполне очевидна.

---

[1] Памятники литературы древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 510, 516.

[2] Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 335. (Здесь и далее курсив мой. — *М. К.*).

[3] См.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 74, 247—248.

Частое употребление слова «дело» в процитированных выше наказных «речах» Ивана III — характерная черта канцелярского языка. В небольшой по объему челобитной Ивана Яганова на имя Ивана IV, написанной около 1534 г., слово «дело» встречается 17 раз. Есть там и интересующее нас выражение: напоминая о своих заслугах (тайного осведомителя при дворе удельного князя Юрия Дмитровского), Яганов писал: «И яз, государь, ищучи *государева дела и земсково*, да з дмитровцы неколько своего животишка истерял»[4]. Примечательно, что он выражал свою преданность не только великому князю, но и «земле», т. е. стране: «тобе, государю, служу и земле твоей добра хочу»[5].

В первой половине XVI в. выражение «дело государево и земское» употреблялось еще редко. Как правило, ратная служба, военные походы именовались тогда «делом великого князя»[6], но уже с середины XVI в., со времени казанских походов 1549—1552 гг., широкое распространение получает именно формула «дело государево и земское». Вот, например, как в разрядной книге излагается принятое в июле 1549 г. решение о выступлении царя Ивана IV в очередной казанский поход: «...царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии, положа упование на Бога и на пречистую Богородицу, и на великих чюдотворец, приговорил з бояры, как ему *своего дела и земского* беречи и делати над Казанью... И приговорил царь и великий князь, аже даст Бог, итти ему самому х Казани зимою и *дела своего и земского* беречи, сколка ему милосердый Бог поможет»[7]. Торжественность момента была подчеркнута речью, с которой Иван IV и митрополит Макарий перед выступлением в поход обратились к боярам, воеводам и всем служилым людям. В речи говорилось о том, что «царь и великий князь идет *на свое дело и на земское* х Козани и *дела своего и земского* беречи, сколько ему милосердый Бог поможет», а от бояр, воевод и рядовых воинов требовалось, чтобы они «государю царю и великому князю и *за все православное християнство* служили, сколько им Бог поможет, и розни бы... меж их однолично никоторые не было». Царская речь заканчивалась призывом «*для земского дела*» забыть на время похода о личных и родовых счетах и служить там, куда кого пошлют[8]. Впоследствии все крупные военные кампании 1550—1570-х годов (особенно с личным участием царя) неизменно именовались «делом государевым и земским»[9].

---

[4] *Кром М. М.* Челобитная и «запись» Ивана Яганова // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 22

[5] Там же. С. 23.

[6] См. разрядные записи 1500, 1502, 1513, 1540 гг.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 30, 35, 51, 97, 101. То же выражение («великого князя дело») употреблено при перечислении воеводских назначений указанных лет и в более ранней редакции разрядной книги 1560-х гг. (*Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 27, 32, 52, 108, 110). Поэтому можно предполагать, что эти записи сохранили словоупотребление первой половины XVI в.

[7] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 120.

[8] Там же. С. 122.

[9] Там же. С. 135, 178, 243, 251, 258, 280, 286.

Вполне вероятно, что первоначально выражение «дело государево и земское», означающее высшие интересы государя и страны, появилось в придворной бюрократической среде. Но уже к середине XVI в. оно получило более широкое распространение, стало устойчивым словосочетанием (топосом) и в таком качестве проникло в летописание. Так, в памятнике первой половины 1550-х гг., Летописце начала царства, под 1540 г. говорится о том, что «князь Иван Васильевич Шуйский на митрополита и на бояр учал гнев держати и к великому князю не ездити, ни з бояры советовати о *государьских делех и о земских*»[10].

Еще выразительнее пассаж, появившийся в более поздней редакции той же летописи под 1538 г. Осуждая боярские распри в годы малолетства Ивана IV, летописец замечает: «И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не *государьскым, ни земьскым*»[11]. Общегосударственная «польза», выраженная двуединой формулой «государское и земское [дело]» противопоставлена здесь (как и в послании Ф. Карпова) своекорыстным и клановым интересам боярских правителей.

Интересно наблюдать, как интересующая нас формула постепенно становилась все более универсальной, охватывая новые стороны политической деятельности: если ранее «делом государским и земским» именовались преимущественно военные походы, то во второй половине столетия оно стало обозначать все государственные дела в целом[12].

Статус «земских дел» в середине XVI в. явно повысился: во-первых, они стали упоминаться самостоятельно, перестав быть только дополнением к «государевым делам»; во-вторых, важным новшеством следует считать появление выражения «великие земские дела». Вот как излагает летопись распоряжения царя в январе 1565 года, в момент учреждения опричнины: «Государьство же свое Московское, воинство и суд, и управу, и *всякие дела земские* приказал ведати и делати бояром своим... а ратные каковы будут вести или *земские великие дела*, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити»[13].

Итак, за полвека с небольшим интересующая нас формула проделала значительную эволюцию: будучи вначале необязательным дополнением к «делу» великого князя или царя, «дела земские» со временем приобретают самостоятельное значение и даже становятся «великими земскими делами», включая в себя все важнейшие вопросы управления страной. Названная эволюция имела прямое отношение к генезису так называемых «земских соборов» в России.

---

[10] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 37.

[11] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 126. Большая подборка летописных цитат с упоминанием «дел государевых и земских» приведена в кн.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 64.

[12] Новацией 1560-х годов можно считать отделение ратных дел от земских, см.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 339 («о всяких делех о воинских и о земских»), 399 («дела воинские и всякие земские дела»).

[13] Там же. С. 395.

Хотя проблеме зарождения соборной практики посвящена обширная литература[14], нельзя сказать, что факторы, вызвавшие ее к жизни, полностью прояснены. В частности, недостаточное, на мой взгляд, внимание обращалось на тот факт, что подобные государственные совещания расширенного состава созывались в периоды, когда монархия переживала серьезные кризисы. Так, созванный в феврале 1549 г. «собор примирения», который исследователи считают первым земским собором[15], подвел черту под эпохой «боярского правления» и был призван консолидировать придворную элиту после затяжного политического кризиса, вызванного фактической недееспособностью юного Ивана IV[16]. Самый представительный в XVI столетии собор 1566 г. был созван, по обоснованному мнению Р. Г. Скрынникова, в условиях наметившегося кризиса опричной политики и попыток царя найти опору в более широких слоях общества, в среде дворянства и богатого купечества[17]. Пресечение династии в 1598 г. повлекло за собой избрание нового царя, Бориса Годунова, оформленное соборным решением[18]. Наконец, в 1611—1612 гг., в период междуцарствия, «совет всея земли», созданный сначала первым, а затем вторым ополчением[19], пытался сосредоточить в своих руках правительственные функции и тем самым заполнить вакуум власти, возникший после свержения Василия Шуйского.

Но при всей важности институциональных условий для развития соборной практики во второй половине XVI — начале XVII вв. нельзя не заметить параллельного формирования идеологии «земского дела». Редко употреблявшаяся в начале XVI в. формула «дело государево и земское» получила широкое распространение в 50-е годы; в 1560-х годах речь шла уже о «великих земских делах». Дальнейшее развитие «земской» идеи видно в деятельности второго ополчения на завершающем этапе Смуты. Так, в грамоте в Соль Вычегодскую, отправленной 11 ноября 1612 г., князья Д. М. Пожарский и Д. Т. Трубецкой от имени «всей земли» сообщали радостную весть об освобождении Москвы и призывали местные сольвычегодские власти «радеть и промышлять» о «земских... и о всяких делах», регулярно извещая обо всем руководителей ополчения в Москве и советуясь с ними, «покаместа нам всем Бог даст на Московское государьство государя по совету всей

---

[14] См.: *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 42—69; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 120—261; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... (здесь же подробная библиография).

[15] *Шмидт С. О.* Становление... С. 151—156; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 68—78.

[16] См.: *Кром М. М.* Политический кризис 30—40-х годов XVI века (Постановка проблемы) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 3—19.

[17] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 516.

[18] О соборе 1598 г. см.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 133—147.

[19] Там же. С. 173, 179—186.

земли». А «*для земсково вопчево дела*» сольвычегодцы должны были прислать в Москву пять выборных человек[20].

Таким образом, формирование идеологии общего («земского») дела и становление соборной практики в Российском государстве середины XVI — начала XVII вв. — это две стороны одного процесса. Наличие этой долговременной тенденции (действовавшей по крайней мере до середины XVII в.[21]) не позволяет согласиться с весьма распространенным в научной литературе мнением, будто утверждение неограниченного самодержавия (или абсолютизма) явилось главным итогом XVI века в истории страны.

---

[20] Цит. по: *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 238.

[21] Об эволюции идеи общего блага в связи с развитием соборной практики в России XVI—XVII вв. см. подробнее: *Krom M.* «Die Sache des Herrschers und des Landes»: Das Aufkommen der öffentlichen Politik in Russland im 16. und 17. Jahrhundert // «Politik»: Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit / Hrsg. von W. Steinmetz. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 206—225.

Ю. Кяупене (Вильнюс)

Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV—XVI веках

На стыке средних веков и раннего нового времени в Европе происходили сложные процессы изменения средневекового государственного и общественного строя, образования новых социальных и политических структур. На отдельных территориях в силу исторических обстоятельств зарождающиеся новые структуры приобретали свойственные черты.

Великое княжество Литовское являлось государством, в общественной жизни которого можно отчетливо проследить сосредоточение таких особенностей. Одна из таких особенностей — *политический народ* Великого княжества Литовского — и является объектом данного сообщения[1].

В регионе Центрально-Восточной Европы на государственной территории, расположенной в зоне соприкосновения двух ветвей христианской цивилизации, в течение XV—XVI веков создалось социополитическое образование, не имевшее в чистом виде аналогов как на Западе, так и на Востоке Европы, — *политический народ* Великого княжества Литовского.

Понятие *политический народ* не встречается в источниках XV—XVI вв. Историки XX в. позаимствовали это понятие и ввели в историографию, воспользовавшись языком политической философии. По поводу целесообразности употребления понятия *политический народ* в исторических исследованиях общественной жизни раннего нового времени до сих пор высказываются разные мнения.

Исследователи, которые убеждены, что историк обязан идти следом за источниками, подражать их языку, утверждают, что к прошлому времени не следует применять новых понятий и терминов. Сторонники другой исследовательской стратегии — конструктивизма — создают свой концептуальный аппарат, более приближенный к современному языку, и вводят новые понятия, которые по смыслу не противоречат языку источников. В такой ситуации современный историк каждый раз, когда возникают терминологические проблемы подобного рода, обязан сам решать сложный вопрос мотивированного выбора исследовательской стратегии.

---

[1] Статья основана на обобщении исследований, изложенном в: *Jūratė Kiaupienė*. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės politinė tauta — Vidurio Rytų Europos sociopolitinis fenomenas: susiformavimas ir kaita ankstyvaisiais naujaisiais laikais [Политический народ Великого княжества Литовского — социополитический феномен Центрально-Восточной Европы: формирование и развитие в раннее новое время], Habilitacijos procedūrai teikiamų mokslo darbų apžvalga. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Kaunas, 2005. P. 3—27.

В тех случаях, когда историк преследует цель не только описать конкретный общественный слой или прослойку и его поведение в определенное время, но и намерен выявить общие черты, которые сплачивали этот слой, выделяли его в общественной жизни, правомерно использование исследовательской стратегии конструктивизма.

Руководствуясь такими соображениями, понятие *политический народ* обоснованно можно применить в процессе изучения социополитического образования, или феномена, сложившегося в сословном обществе Великого княжества Литовского.

В историографии по вопросу понятия *политический народ* высказываются разные суждения. Одни исследователи отождествляют понятие *политический народ* с понятием *боярское сословие*. По моему убеждению, такое слияние двух по сути разных образований необоснованно. Представители боярского сословия входили в состав *политического народа* на основе свободного выбора. Полноправными членами *политического народа* становились лишь те представители боярского сословия, которые сознательно и целенаправленно принимали участие в публичной жизни общества и государства.

Основными критериями распознания принадлежности конкретной личности к *политическому народу* могли бы быть следующие:

служба в аппарате государственного управления и судопроизводства. От позиции и решений таких представителей общества зависело его благополучие и развитие;

постоянное осмысленное активное участие в общественно-политической жизни общества: участие в работе сеймов, поветовых сеймиков и т. п.;

разнообразная творческая деятельность, которая имела прямое воздействие на развитие государственного и гражданского сознания общества.

Так, понимая данный социополитический феномен, невозможно представить его величину в численном изображении. Возможно только проследить общую тенденцию увеличения или уменьшения *политического народа*, тенденции изменений его персонального склада на отдельных отрезках времени.

Политический народ Великого княжества Литовского сложился и приобрел характерные черты в определенном физическом и ментальном пространстве в определенное время.

Под понятием пространства подразумевается среда, в которой протекала, приобретала характерные формы и способы выражения публичная и частная жизнь боярского сословия Великого княжества Литовского, представители которого имели возможность стать полноправными членами *политического народа*.

Источники свидетельствуют, что члены *политического народа* Великого княжества Литовского воспринимали его как Отечество, с которым отождествлялись, и сами о себе писали — «Мы, Литва», «Мы, народ Литвы»[2].

---

[2] В переводе с польского языка источников раннего нового времени словосочетание «My, naród litewski» в смысловом отношении может означать «литовский народ» и «народ Литвы». Исторически сложившийся мультиэтнический состав *политического народа*

Одновременно Отечество *политического народа* Великого княжества Литовского являлось составной частью международного пространства, которое в современной историографии определяется как восточная часть Центральной Европы[3]. Изменения ситуации в данном регионе и вокруг него непосредственно воздействовали как на процесс складывания *политического народа* Великого княжества Литовского, так и на его идеологическую направленность.

С другой стороны, широкая, разноплановая среда политических, дипломатических и военных интересов и контактов, одновременная активная деятельность представителей изучаемого социополитического образования как в Восточном, так и в Западном геополитическом пространстве в раннее Новое время придавали *политическому народу* и его культуре характерные черты.

Время появления и роста *политического народа* Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы при помощи условных дат можно определить как двухсотлетний период, охватывающий 1386—1588 гг.

Предпосылки зарождения данного феномена прослеживаются в последней четверти XIV века. Непосредственным толчком явились два взаимосвязанных события, которые основательно изменили внутреннее и внешнее положение средневекового Литовского государства и общества, предопределили направление дальнейшего развития.

В 1386—1387 гг. была заключена династическая уния Великого княжества Литовского с Польским королевством и одновременно начался процесс христианизации языческой части литовского общества.

Юридическую и материальную основу исследуемого процесса создал привилей короля Польского и Великого князя Литовского Ягайлы 1387 г., данный новокрещенным литовским боярам католикам. Таким образом, в обществе Великого княжества Литовского были созданы предпосылки роста и укрепления привилегированного слоя, который стал организационным и духовным ядром *политического народа*.

В скором времени состоявшийся раздел власти внутри правящей династии Гедиминовичей и укрепление князя Витовта на престоле Великого княжества Литовского (при сохранении статуса наивысшего князя для Ягайлы) ускорили процесс образования *политического народа*.

Витовт, став самостоятельным правителем, стараясь укрепить полноту своей власти и нейтрализовать давление польской политической элиты, усиливал имущественные, административные и политические позиции литовской знати и боярства, что объективно ускорило процесс складывания боярского сословия.

Великого княжества Литовского наводит на мысль, что современники имели в виду словосочетание «народ Литвы».

[3] Концепция Центрально-Восточной Европы изложена: Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T. 1—2. Redakcja: Jerzy Kłoczowski. Lublin, 2000.

Достижению цели государя Великого княжества служила практика раздачи земельных пожалований и должностей в создающемся аппарате государственного правления и судопроизводства католической знати и боярству. Разнообразная и активная внешняя политика Витовта, его стремление добиться замены статуса Великого княжества на королевство также стимулировало боярство, укрепляло его заинтересованность участием в общественной и государственной жизни, меняла приоритеты. Перед представителями боярского сословия открывались новые возможности. Они могли выбирать путь служителя католической церкви, которая быстро росла и укрепляла свои общественные позиции, получить доходное место в аппарате государственной или судебной власти.

Внутренняя и внешняя политика Витовта в скором времени принесла плоды. Литовская католическая знать и боярство не только укрепили свои позиции, они становились сословием и опорой власти (тенденция особенно усилилась после поражения в битве на р. Ворскле в 1399 г., где погибло большое число представителей династии Гедиминовичей), приобретали опыт самостоятельного решения государственных дел и статус партнера правящей династии.

Ядро *политического народа*, которое на первых порах составляла литовская католическая знать, сплоченная вокруг династии Гедиминовичей, разрасталось, в его состав входили представители рядовых бояр, все более ощутимую заинтересованность участия в публичной жизни государства проявляла православная знать и боярство, проживавшие на землях Руси, входивших в состав Великого княжества Литовского. Политика великих князей, начиная от привилея 1434 г., была направлена на это (акт 1563 г., формально уравнявший права православных и католиков Великого княжества Литовского, не создавал нового положения, а лишь юридически оформил состояние, существовавшее в обществе).

Благоприятное воздействие на темпы, масштабы роста и сплочение *политического народа* Великого княжества Литовского в первой половине XVI в. имело распространение в боярской среде системы клиентальных отношений[4]. Сложившиеся традиции политического клиентализма позволили избежать внутреннего раскола, острой конфронтации между знатью и рядовым боярством. Внутренне сплоченный *политический народ*, имевший своих признанных лидеров из числа знати, был сильнее, более устойчив к внешнему воздействию (это было особенно важно в процессе переговоров с представителями властной польской элиты об условиях

---

[4] Теоретическая модель системы клиентальных отношений в Европе раннего Нового времени представлена в исследованиях: Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit / Hrsg. von A. Mączak, Mitarbeit von E. Müller-Luckner. München, 1988; *Mączak A.* Klientela. Nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI—XVIII w. Warszawa, 1994; *Idem.* Nierówna przyjaźń. Układy klientalne w perspektywie historycznej. Wrocław, 2003.

Фактографический материал по Великому княжеству Литовскому в XVI в. изложен в: Kiaupienė Jūratė. «Mes, Lietuva». Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorija XVI a. (viešasis ir privatus gyvenimas), Summary: *«We, Lithuania». The Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century (public and private life).* Vilnius, 2003. P. 136—164.

заключения Люблинской унии 1569 г.). Политический клиентализм усиливал общность самосознания, воспитывал государственный патриотизм и привязанность к Великому княжеству Литовскому. В такой среде созревала общественно-политическая мысль, которая нашла яркое выражение в литературном творчестве представителей *политического народа* в XVI в.

Рост и усиление данного социополитического феномена находились в прямой зависимости как от степени напряжения общественно-политической жизни, так и внешних угроз. Темпы роста *политического народа*, его сплоченность и стойкость особенно усиливались тогда, когда возникала угроза государству и обществу.

Это отчетливо прослеживается с конца XV в., когда начались почти непрерывные войны с Великим княжеством Московским, а боярское общество столкнулось с первыми ощутимыми территориальными и имущественными потерями. Общество, продолжительное время живущее в состоянии войны, приобретает характерные черты. Война в XVI в. сплотила боярское общество Великого княжества Литовского. Негативные экономические и социальные последствия, угроза территориальной целостности государства усиливали политическое и гражданское самосознание, привлекали новых членов *политического народа*, представителей разных слоев боярского сословия.

Другая, не менее опасная угроза исходила от партнера — политической элиты Польши, которая добивалась полной инкорпорации Великого княжества Литовского. В первой половине XVI в. этому все менее противились и представители обеими государствами правящей династии Гедиминовичей-Ягеллонов.

И в данным случае угроза государственному суверенитету сплачивала боярское сословие, усиливала его патриотизм и ответственность, подталкивала принять активное участие в реформировании общественной и политической жизни, его модернизации.

Благоприятное воздействие на социополитическую активность боярства Великого княжества и на рост самосознания *политического народа* имели в XVI в. распространенные выезды на учебу в университеты Европы эпохи Ренессанса и познавательные посещения знаменитых мест. Образовательные поездки являлись важным средством коммуникации с внешним миром и внутренней коммуникации в среде *политического народа* Великого княжества Литовского.

Сыновья знати посылались на учебу с целью приобретения знаний и практических навыков управления государством и его репрезентации. Сопровождавшие их многочисленные представители среднего и мелкого боярства также имели возможность получить образование, которое успешно применяли, возвратившись на родину. Европейское образование предоставляло широкие возможности служебной и творческой деятельности.

Публичная жизнь общества являлась средой, в которой протекал процесс становления *политического народа* Великого княжества Литовского и развивалась, приобретала характерные черты и способы выражения политическая культура.

Особенной, отличительной чертой разнородного по этническому и территориальному составу, вероисповедованию и культуре исследуемого социополитического образования, названного *политическим народом*, являлась привязанность его членов ко всех их сплотившему государству — Великому княжеству Литовскому.

Другой, не менее важной особенностью можно назвать тот факт, что интеллектуальные ценности, созданные представителями *политического народа* Великого княжества Литовского в раннее Новое время, стали ментальным наследством, актуальным для нескольких современных народов Центрально-Восточной Европы, историческим наследством, которое находит свое место в общественном и политическом развитии нескольких современных государств.

П. В. Чеченков (Нижний Новгород)

Восточное порубежье Русского государства в московско-казанском противостоянии (власть и социальные структуры)

Проблемам взаимоотношений Русского государства и Казанского ханства посвящено немало работ. Однако чаще всего наибольший интерес вызывали военные действий. Во второй половине XX в. много было сделано в плане изучения восточного направления дипломатии Москвы в контексте международных отношений XV—XVI вв. Традиционно меньше внимания уделяется положению отдельных регионов России, находящихся на острие военного-политического противостояния. В настоящей работе хотелось бы обратиться к некоторым аспектам того воздействия, которое оказывала власть на положение в восточных районах страны в период существования Казанского ханства.

Уже во время его образования в середине XV в. ясно обозначилась та область, которая наиболее часто подвергалась агрессии со стороны Казани. Это районы Галича, Унжи, Поволжье от Костромы до восточных пределов Нижегородского края, нижняя Ока. Первостепенными центрами обороны стали Кострома, Нижний Новгород и Муром. Из них особое значение придавалось Мурому. В роли плацдарма, ресурсной базы для наступления на Казань выступал Нижний Новгород. В противостоянии набегам он также занимал ключевое положение, так как являлся центральным звеном в системе восточных крепостей и к тому же был наиболее выдвинут в сторону Казани[1]. Поэтому процессы, происходившие в нижегородском регионе, представляют значительный интерес.

Судя по фрагментарно сохранившимся данным, состояние этих земель в середине XV в. было крайне тяжелым. Сказывалась полувековая борьба за присоединение к Московскому княжеству и почти годовое «сидение» в Нижнем Новгороде вместе со своей ордой хана Улуг-Мухаммеда[2]. Надо полагать, что значительное

---

[1] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в ситуации московско-казанского противостояния // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Сб. науч. ст. и сообщений междунар. науч. конф. Казань, 2005. С. 240—243; *Он же.* Казанское порубежье во внешней политике Русского государства первой трети XVI в. // Мининские чтения: Мат-лы науч. конф. Нижний Новгород, 2005. С. 150—165.

[2] *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 140—170; *Пудалов Б. М.* Борьба за Нижегородский край в первой трети XV в. (Новый источник) // Поволжье в средние века: Тезисы докл. Всероссийской науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Г. А. Федорова-Давыдова. Нижний Новгород, 2001. С. 132—134; *Чеченков П. В.* Золотая Орда и Нижегородская земля в конце XIV — первой четверти XV вв. // Там же. С. 130—131;

число местных бояр и вольных слуг, которые должны были бы противостоять внешней опасности, полегло в периодически происходивших стычках. Экономические ресурсы служилого населения были подорваны военными действия. Характерным документом, по-видимому, является заемная кабала Семена Степанова сына Разнежского — один из немногих сохранившихся документов того времени. При архимандрите Малахии (первая половина XV в.) Степан занял у братии Благовещенского монастыря двадцать рублей серебром на год под залог своей вотчины. Как следует из текста, Семену понадобились средства в связи со сборами на войну. В грамоте предусматривался переход вотчины монастырю при невозвращении долга, поскольку Семен может умереть «в осаде». Опасения, скорее всего, сбылись, поскольку по выписи с писцовых книг 1509—1510 гг. известно, что Разнежье осталось за монастырем[3].

В таком состоянии Нижегородский край не мог обеспечить не только безопасность внутренних областей Русского государства, но и собственную защиту. Возникновение на восточных границах враждебного и нестабильного соседа требовало от Москвы не только усиления военной службы в указанных городах, отправки сюда войск в периоды обострения ситуации, но и проведения мероприятий, направленных на создание в самом регионе надежной основы наступательных операций и противодействия внешним вторжениям.

При Иване III, с началом конфискаций земель в Новгороде Великом, стали происходить массовые испомещения новгородских «сведенцев» в восточных уездах, в том числе в Нижегородском и Муромском. С. Б. Веселовский по документам XVI—XVII вв. выделил на территории первого из них сорок шесть новгородских фамилий. Нам в дополнение к этому списку удалось наметить еще шестнадцать фамилий[4].

В дальнейшем перевод сюда служилых людей из ненадежных, с точки зрения московских правящих кругов, западных и северо-западных окраин стал обычной практикой. Возможно, восточное порубежье было затронуто «выводом» из Смоленска, начавшимся в конце 1514 — начале 1515 г. В частности, после этой даты на московскую службу из Смоленска попали Бобоедовы. Часть из них, как известно,

---

Он же. Утверждение власти московского великого князя в нижегородских землях (первая половина XV в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти В. Т. Пашуто, IV Чтения памяти А. А. Зимина. М., 2005. Ч. 2. С. 279—282; *Он же.* К вопросу об экономическом развитии Нижегородского края в конце XIV — первой половине XVI вв. // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1. Нижний Новгород, 2005. С. 156—159.

[3] АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 236, 237. С. 206 — 207.

[4] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси Т. 1. М.; Л., 1947. С. 321—322; *Чеченков И. В.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV — середине XVI в. // Cahiers du monde russe. Vol. 46. 2005. № 1—2, janvier-juin. P. 133—146; *Он же.* Иван III и укрепление власти Москвы в Поволжье // Иван III и проблемы российской государственности: К 500-летию со дня смерти Ивана III. Мат-лы межд. науч. конф. СПбГУ, 25—26 ноября 2005 г. (в печати).

была размещена в Юрьеве[5]. В 50—70-х гг. XVI в. в Нижегородском уезде владели поместьями Якуш Антонов сын и Гаврила Яковлев сын Бобоедовы[6]. Новым источником пополнения стала Ливонская война.

В самом скором времени после первых переселений источники начинают сообщать об использовании нижегородцев в военных и дипломатических миссиях на казанском направлении. Летописи неоднократно упоминают об участии детей боярских Нижнего Новгорода и Мурома в операциях против казанских татар[7]. Списки убитых в сражениях XVI—XVII вв., опубликованные М. Е. Бычковой под условным названием «Синодик по убиенных во брани», содержат перечень погибших в «казанское взятие», где самое большое место занимают фамилии «нижегородцев»[8].

В 1492 г. в Казань был послан Колупай Приклонский[9]. Федко Тимофеев сын Девочкин «Новогородець» (Новгорода Нижнего) 4 октября 1535 г. прибыл в Москву к Ивану IV и его матери Елене Глинской из Казани с вестью об очередном перевороте в ханской столице[10]. В Тысячной книге и Дворовой тетради Приклонские записаны по Владимиру, а Девочкины по Суздалю[11]. При этом среди нижегородских землевладельцев XVI — начала XVII в. встречается довольно много Приклонских (в том числе Колупай) и несколько Девочкиных[12]. Среди детей бо-

---

[5] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 238.

[6] АСЗ. Т. 1. М., 1997. № 31. С. 31; *Антонов А. В.* Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII вв. // Русский дипломатарий (далее — РД). Вып. 7. М., 2001. № 148. С. 244.

[7] ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 231—232; Т. 12. М., 1965. С. 242—243; Т. 13. М., 1965. С. 179, 477—478; Т. 20. 2-я пол. СПб., 1914. С. 494—495, 550.

[8] Синодик по убиенных во брани // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. Приложение. С. 175—178.

[9] АСЗ. Т. 1. С. 337.

[10] ПСРЛ. Т. 20. 2-я пол. С. 442.

[11] Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950 (далее — ТКДТ). С. 71, 65, 153—154, 155.

[12] Девочкины: Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. А. К. Кабанова // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. 14. Нижний Новгород, 1913 (далее — Кабанов). № 15. С. 18; АФЗХ. М., 1961. Ч. 3. № 26. С. 49; *Антонов А. В.* Нижегородские поместные акты конца XVI — начала XVII вв. // РД. Вып. 5. М., 1999. № 142, 145. С. 243; № 167. С. 248. Приклонские: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII вв. // РД. Вып. 7. М., 2001. № 35. С. 425; № 49. С. 428; АСЗ. М., 2002. Т. 3. № 343, 346, 347. С. 282—284; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998 (далее — АССЕМ). № 131. С. 261—162; Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 579. Оп. 589. Д. 609. Л. 1; РГАДА. Ф. 1209. Нижний Новгород. № 456/20868. Ч. 1. Л. 173; Стлб. № 510/20899. Л. 33, 183—189; *Антонов А. В.* К начальной истории нижегородского ополчения // РД. Вып. 6. С. 231—232. № 8.II.

ярских городовых в сохранившихся фрагментах десятни по Нижнему Новгороду апреля 1569 г. фигурирует четверо Приклонских[13]. «Синодик по убиенных во брани» называет четверых Девочкиных, погибших в 1571 г. среди «нижегородцев»[14]. Как видим, Приклонские и Девочкины были тесным образом связаны с Нижегородским уездом.

В создавшихся условиях у местных служилых людей складывались разнообразные социальные связи, сплачивавшие представителей разных уездов и формировавшие определенную пограничную среду. Дворянские роды и отдельные их члены могли владеть землями одновременно в нескольких порубежных уездах. Например, стрелецкий голова Даниил Парфеньев сын Хохлов имел в 1560 г. поместья в Гороховецком, Нижегородском и Костромском уездах[15]. Колупай Михайлов сын Приклонский и его потомок Михаил Колупаев сын владели землями как в Нижегородском, так и Муромском уездах[16].

Обладание «нижегородцами» владениями в Муромском уезде и наоборот, по-видимому, было распространенным явлением. Осорьины являлись известными муромскими дворянами, но у некоторых представителей их рода в 20—90-х гг. XVI в. были «старые» поместья в Березопольском стане Нижегородского уезда[17].

Многочисленны упоминания источников о Доможировых в Нижегородском уезде. Среди них известен Борис Шихов (Иванов) Доможиров. Ряд свидетельств связывает его имя с Нижним Новгородом[18]. В 1609/10 г. от его имени была составлена данная зятю Григорию Андрееву сыну Алябьева на приданую вотчину своей дочери Василисы в Муромском уезде[19].

Фиксируют источники в Нижегородском уезде Зубатых. Описи архива Печерского монастыря упоминают Кутая Зубатого, привлекавшегося в качестве третейского судьи около 20 июля 1554 г. Выписи с нижегородских дозорных книг 1571/72 г. называют Кутая (Китая), его сына Федора, Богдана Иванова сына, Игнатия Михайлова сына Зубатого. Федор Китаев сын Зубатого «нижегородец» погиб в 1571 г. во время набега крымского хана Девлет-Гирея на Москву. В тоже время

---

[13] *Кротов М. Г.* Опыт реконструкции десятен: по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. Приложение 2. С. 85—86.

[14] Синодик по убиенных... С. 183, 184

[15] АСЗ. Т. 1. № 290. С. 282—283.

[16] АСЗ. Т. 1. № 225, 232. С. 198, 208—209; Т. 3. № 343. С. 282—283; ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 609. Л. 1.

[17] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 114, 115. С. 150—151, 493, примеч. 114; ТКДТ. С. 157; *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV—XVII вв. // РД. Вып. 8. М., 2002. № 2360—2368. С. 297—298; АСЗ. Т. 2. М., 1998. № 337, 338. С. 297—298.

[18] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004. С. 75—76.

[19] *Антонов А. В.* Частные архивы ... № 39. С. 13.

Давыд Головин сын Зубатого продал в 1569/70 г. Григорию Внукову сыну Языкову две трети села Приклоны в Муромском уезде[20].

Как известно, служилый человек мог владеть землями в разных уездах, при этом он нес службу по одному «городу», являясь членом данной служилой корпорации. Помимо приведенных выше случаев владения землями в соседних уездах членами одного рода, имеются свидетельства, указывающие на представителей одной фамилии, числившихся по соседним «служилым городам». Упоминавшиеся выше Хохловы связаны в основном с Гороховцом и Нижним Новгородом, где у них были владения[21]. Записями поминаний убитых в сражениях, фиксируется Суббота Третьяков сын Хохлов «нижегородец», который пал во время набега крымского хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. Среди сказок 1628 г. нижегородских дворян о службе в 1606—1610 гг. есть свидетельства Василия Андреева сына Хохлова о своем отце Андрее Данилове (по-видимому, сыне стрелецкого головы Даниила Парфенева). При этом в тех же списках погибших обнаруживается Афанасий Иванов сын Хохлов «муромец», убитый в «казанское взятие» 1552 г.[22]

Прослеживаются связи в местном управлении, так, муромские дворяне часто получали нижегородские кормления. Наместником Нижнего Новгорода в 1468 г. был Михаил Киселев[23]. Федор Михайлович Киселев, по-видимому, сын наместника, был около 1470—1485 гг. муромским вотчинником. В 1481—1482 гг. Федор Киселев описывал Нижегородский уезд. Киселев Семен Федорович записан в Дворовой тетради по Мурому. Недоросли Степан и Афанасий Федоровы дети с матерью Марией получили в сентябре 1547 г. ввозную на поместье отца в Муромском уезде. Иван Григорьев сын Киселев был около 1464—1473 гг. держателем митрополичьих пустошей в том же уезде, а Григорий Иванов сын в 70-х — начале 80-х гг. XV в. — пустошей Спасо-Евфимьева монастыря в Нижегородском уезде, в районе Гороховца[24]. Таким образом, Киселевы были представителями верхушки муромских детей боярских.

Между 1485 и 1505 г. жалованную кормленную на Гороховец получил Борис Игнатьев сын Елизаров[25]. Гороховец до начала третьего, а может быть, начала четвертого десятилетий XVI в., судя по всему, являлся центром волости Нижегород-

---

[20] *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Указ. соч. № 49. С. 428; № 3672. С. 459; *Антонов А. В.* Нижегородские поместные акты... № 97. С. 233; № 144. С. 243. Синодик по убиенных во брани... С. 184.

[21] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. ... С. 73—75.

[22] Синодик по убиенных... С. 176, 184; *Антонов А. В.* К начальной истории нижегородского ополчения // РД. Вып. 6. М., 2000. № 8.VI. С. 226—227.

[23] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. ... С. 66—67.

[24] АФЗХ. Т. 1. № 228. С. 201; № 240. С. 207—208; АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 398. С. 290—291; Т. 3. № 497, 499. С. 475—476; ТКДТ. С. 157; АСЗ. Т. 1. № 104. С. 79.

[25] *Антонов А. В.* Частные архивы... № 940. С. 123.

ского уезда[26]. В конце XVI — начале XVII в. Елизаровы были дворовыми детьми боярскими по Мурому[27].

Гороховецким волостелем в 1497/98 г. был Константин Симанский[28]. К концу XVI — началу XVII в. у Симанских были владения в Муромском уезде[29].

Между ноябрем 1505 г. и маем 1506 г. кормленную на Гороховец получил Прокофий Матвеевич Апраксин «под Яковом под Скамонтовым» (т. е. после него)[30]. Позднее Федор Апраксин, как узнаем из указной грамоты от 9 апреля 1548 г., был ключником Нижнего Новгорода[31]. Судя по показаниям родословной росписи, старший брат Прокофия Апраксина, Ярец, выехал из Рязани в Москву при Иване III и был пожалован вотчинами в Муроме, Влдадимире и Стародубе. Младшие братья Иван и Прокофий, вероятно, последовали примеру Ярца и получили там же земли. Во всяком случае, внукам Прокофия была выдана 20 июля 1564 г. отдельная выпись на владения в Муромском уезде против их поместья в Стародубском. «Синодик по убиенных во брани» включает имена Рюмы Иванова сына и Богдана Матвеева сына Апраксиных «муромцев»[32].

Из упоминавшихся выше Осорьиных Терентию и Степану Матвеевым детям адресована жалованная грамота Ивана III «моим волостелям» от 14 декабря 1500 г. с установлением взимаемых кормов и пошлин в Гороховце[33]. Василий Степанов сын Осорьин был ключником Нижнего Новгорода в октябре 1539 г., а Иван Степанов сын Осорьин в 1541 — начале 1542 г.[34]

Во второй половине XVI — начале XVII в. в Муромском уезде владели землями Языковы[35]. На имя Филиппа Мещеринова сына Языкова в 1548/49 г. и Карпа Ан-

---

[26] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. ... С. 31—36.

[27] *Антонов А. В.* Частные архивы... № 941, 942. С. 123; ТКДТ. С. 157—158; Боярские списки последней четверти XV — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М., 1979. С. 152, 189, 218; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России в XVI—XVII вв. М., 2004. С. 233, 256, 274, 329, 390.

[28] АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 489. С. 528—529.

[29] *Антонов А. В.* Частные архивы... № 2931, 2932. С. 368.

[30] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. № 72. С. 61. О датировке см.: *Антонов А. В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV—XVI вв. // РД. Вып. 3. М., 1998. С. 114.

[31] Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова Монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 88. С. 100—101.

[32] Синодик по убиенных... С. 176, 184.

[33] АСЭИ. Т. 3. № 114. С. 150.

[34] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1—2. СПб., 1895. № XII. С. 224; *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Указ. соч. № 38. С. 426; Сборник Муханова. 2-е изд., доп. СПб., 1866. № 287. С. 576—577; *Кабанов*. № 19. С. 24—25; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России Т. 1. Киев, 1860 Т. 1. № 75. С. 209—210.

[35] АСЗ. Т. 1. № 309. С. 300—301; *Антонов А. В.* Частные архивы... № 3669, 3673, 3675, 3678, 3680, 3681. С. 458—460.

дреевича Языкова в 1550 г. были оформлены жалованные кормленные грамоты на «половину ключа в Нижнем Новгороде»[36].

Иван Семенов сын Аристов в 1537 г. был дворским Нижнего Новгорода. Об Аристовых известно немного, но Лаврентий Аристов был в 1609/10 г. городовым приказчиком Мурома[37]. Эту должность, как известно, занимали местные дети боярские.

Наблюдается формирование личных связей (приобретение поместий, участие в «послухах», браки). Константин Русинов сын Доможирова вместе с тещей Марией, вдовой Мирослава Головина, заложил в 1559/60 г. сельцо в Муромском уезде Василию Степанову сыну Осорьина. Последний в 1539 г. был ключником Нижнего Новгорода на пару с Русином Михайловым сын Доможирова, по-видимому, отцом Константина[38].

Как уже отмечалось, Давыд Головин сын Зубатого продал в 1569/70 г. две трети села Приклоны в Муромском уезде Григорию Внукову сыну Языкова[39]. Другой Языков — Рюма в октябре 1498 г. участвовал в «разъезде» земель Нижегородского Печерского монастыря и некого Ивана Бортенева в Нижегородском уезде. В разъезжей грамоте указана смежная земля Остафия Молвянинова[40]. А Молвянинов Семен Петрович в 1460/61 г. был послухом при составлении купчей Михаила Колупаева сына Приклонского на деревню Прудец Муромского уезда[41]. Как видим, контактами с муромцами отличились нижегородцы из Доможировых, Зубатого и Приклонских. Их объединяет то, что, помимо владений в Нижегородском, у представителей этих фамилий были земли и в Муромском уезде.

Члены соседних служилых корпораций совместно несли военную, в том числе и приграничную, службу. Нижегородский землевладелец Строй Григорьевич Лачинов должен был годовать в 1553 г. во вновь выстроенном городе Шацке в Мещере. Его родной брат Мокий был годовым в том же Шацке в 1557/58 г.[42] Строй по какой-то причине не смог в 1553 г. быть в Шацке и вместо него службу исполняли Юрий Филиппов сын Осорьин и Борис Хохлов[43]. В том же Шацке в 1573/74 г. был наместником Сусло Приклонский[44]. К Полоцкому походу 1563 г. «чебоксарских людей» в количестве 236 человек собирали вместе Михаил Колупаев (Приклонский) и Иван

---

[36] АСЗ. Т. 1. № 310. С. 301; № 311. С. 302 (акт интерполирован).

[37] *Антонов А. В.* Частные архивы... № 2742. С. 344.

[38] Там же. № 2365. С. 298; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. № XII. С. 224.

[39] *Антонов А. В.* Частные архивы... № 3672. С. 459.

[40] АСЭИ. Т. 3. № 305. С. 334.

[41] АСЗ. Т. 1. № 232. С. 208—209.

[42] *Лукичев М. П., Назаров В. Д.* Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 100, 107—108 (№ 5); АСЗ. Т. 3. № 205. С. 169; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 139, 169.

[43] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 145.

[44] АСЗ. Т. 1. № 237—239; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 267.

Елизаров, представитель известных муромских дворян[45]. Список детей боярских, назначенных на службу с головой Андреем Михайловым сыном Колупаева (Приклонским), содержит имена четырех Языковых, по-видимому, также из муромцев[46].

Тесно сплоченное во владельческом и служебном отношении дворянство соседних порубежных уездов было ориентировано на защиту восточной границы Российского государства. Насколько позволяют нам судить источники, такое положение явилось результатом политики, проводимой правящими кругами Москвы в течение ряда десятилетий. В результате к середине XVI в. сложилась достаточно многочисленная и боеспособная нижегородская служилая корпорация. Данный факт зафиксирован в книге Полоцкого похода 1563 г., которая упоминает об участии 350-ти детей боярских нижегородцев. В сравнении с количеством служилых людей других уездов, это одна из наиболее значительных групп. Также достойно представлены Муром (40 человек дворовых и 350 городовых) и Кострома (430 дворовых и городовых и еще 315)[47].

На примере нижегородского региона видно, что власть на уровне уезда еще до реформ середины XVI в. в основном контролировалась местным порубежным служилым сообществом. Его члены назначались на различные должности, порой даже наместников, как Михаил Киселев. В целом это был не характерный случай, так как в XV — первой половине XVI в. нижегородскими наместниками становились члены государева двора, которых можно причислить к княжеско-боярской элите[48]. Должности волостелей, ключников, дворских, городовых приказчиков систематически получали местные дети боярские. За отсутствием нижегородских десятен по этому периоду и соответствующего раздела в Дворовой тетради и Тысячной книге, эти данные позволяют наблюдать появление наиболее влиятельных дворянских родов.

Молчание о нижегородцах списков, фиксирующих «лучшую» часть детей боярских, отсутствие разделения нижегородцев на «дворовых» и «городовых» в росписи Полоцкого похода 1563 г. свидетельствует о невыработанности структуры данной служилой корпорации. Характерен пример Михаила Колупаева и Андрея Михайлова Приклонских, которые смогли стать членами государева двора, а Михаил попал и в число тысячников. Однако занять это привилегированное положение они смогли, только будучи записаны по Владимиру, где у них были земли[49]. При этом прочие владения и родственные связи у них оставались в Нижегородском уезде.

---

[45] Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подгот. К. В. Петров. СПб., 2004. С. 42; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 127.

[46] АСЗ. Т. 1. №. 233. С. 209.

[47] Книга Полоцкого похода 1563 г. ... С. 39, 42; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода... С. 126, 127.

[48] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. ... С. 64—71.

[49] Сохранились сведения о покупке к июлю 1527 г. Колупаем Приклонским сц. Коврылево во Владимирском у. См.: АСЗ. Т. 1. № 226. С. 199.

Вместе с тем ясно, что когда в XVII в. в нижегородской служилой корпорации обозначилась обычная для уездных сообществ иерархия, возникла она не на пустом месте. Трудные годы существования на военном положении способствовали постепенной консолидации и выделению наиболее успешных в служебном отношении родов, представители которых чаще других фиксировались сохранившимися источниками, поскольку эти люди занимали наиболее активные позиции, получали ответственные поручения, новые земли, кормления, должности, отличались большими связями. В этом отношении сведения о персональном составе местного управления особенно показательны. Среди нижегородцев во второй половине XV—XVI вв. обозначились роды, членов которых замечаем на разных должностях на протяжении десятилетий. Ряд родов представлен среди ключников более чем одним лицом: Бровцыны (Брейцыны), Осорьины, Доможировы, Языковы. Представители некоторых фамилий обнаруживаются и среди волостелей, и среди ключников. Это Осорьины, Апраксины, Доможировы, Девочкины. Интересно, что в первых трех случаях ключниками выступают дети бывших волостелей. Четверо или пятеро Жедринских в течении XVI в. были городовыми приказчиками, а Андрей Алексеев и Василий Михайловы дважды. Алферий Жедринский в 1519 был дворским, а в 1539/40 — городовым приказчиком. Савелий Алферьев сын Жедринский в 70-х гг. XVI в. являлся ключником Нижнего Новгорода[50].

О том, что это не какое-либо традиционное доминирование отдельных фамилий, берущее свое начало в предшествующую эпоху, т. е. в период существования Нижегородского княжества, можно судить по тому положению, которое заняли выходцы из Новгорода Великого и их потомки: Бровцыны (Брейцыны), Левской (Ляцкий), Ружанинов, Полонский, Савельев.

Особенно выделились Доможировы. После присоединения Новгорода к Московскому государству своих владений лишились богатые новгородцы братья Матвей, Михаил и Федор Константиновы Доможировы. По-видимому, «сведены» они и их родственники были в Нижний Новгород. К их числу нужно относить Максима (гороховецкого волостеля первой трети XVI в.) и Гаврилу Матвеева сына (балахнинского волостеля 1538 г.). У их детей были владения в Нижегородском уезде. Этот род кроме двух волостелей дал в XVI в. трех ключников и двух городовых приказчиков. Наиболее заметен ключник Борис Шихов (Иванов) сын. О нем в нашем распоряжении более всего информации. Он получил 25 августа 1577 г. послушную («жалованную») грамоту «на вотчину за осадное сиденье», а 20 февраля 1583 г. — город Орлов на Вятке в кормление. Борис Доможиров отмечен в разрядных книгах как голова на Иртыше в 90-х гг. XVI в. Род Бориса записан в синодике Благовещенского монастыря Нижнего Новгорода. Из выдвинувшихся в течении XV—XVI вв. детей боярских именно Борис попал в состав выборного дворянства по Нижнему Новгороду, впервые зафиксированного боярским списком 1602—1603 гг.[51]

---

[50] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. ... С. 72—111.

[51] *Антонов А. В.* Частные архивы... № 39. С. 13; № 872, 873. С. 114, 115; Нижегородский летописец / Работа А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. С. 35; Разрядная книга

Данные по XVII в. говорят о том, что Доможировы сохранили свое положение и относились к верхушке местного служилого сообщества. В первой половине XVII в. в состав выборного дворянства вошли Жедринские, Приклонские и Зубатые. Из пяти-шести родов, составивших ядро нижегородского «выбора», три известны нам по материалам периода противоборства с Казанским ханством — Доможировы, Жедринские и Приклонские[52]. Эта элитарная группировка давала наибольшее число своих представителей в состав «выбора», являлась основой нижегородских окладчиков, обладала наиболее высокими поместными и денежными окладами[53].

Порубежное положение влияло на структуру и функции власти на местном уровне. Так, довольно раннее появление здесь городовых приказчиков, на наш взгляд, связано с военной угрозой. С. М. Каштанов, полемизируя с Н. Е. Носовым, пришел к отрицанию причинной связи между татарскими набегами и возникновением института городовых приказчиков. По его мнению, появление этой должности в Нижегородском крае вызвано двумя обстоятельствами. Присоединение Волоцкого удела к великокняжеской «отчине» вызвало недовольство князя Юрия Дмитровского, которого обычно поддерживали Шуйские. Поэтому в 1514—1515 гг. одновременно обнаруживаются городовые приказчики в районе Волоцкого удела и «родового гнезда Шуйских — Суздальской земле». Кроме того, «Суздальский и Нижегородский край» был одним из центров, с которых началась новая волна закрепостительного процесса в XVI в., что и способствовало появлению здесь интересующего нас в данный момент органа власти[54]. Нам представляется несколько неосторожным для первой половины XVI в. смешивание нижегородской и суздальской территорий. В экономическом, административно-территориальном планах это были разные регионы. Не заметно в данный период особого влияния Шуйских или роста крепостничества в Нижегородском крае. Безусловно, возникновение института городовых приказчиков связано с потребностью создания централизованного государственного аппарата. И если появилась эта должность не сразу во всех частях государства, то и конкретные причины, подтолкнувшие к ее учреждению, могли быть разными. Для Нижегородского региона речь может идти о татарской угрозе. Она отвлекала наместников от повседневных забот, но в таком стратегически важном районе, безусловно, должен был царить порядок, и его части обеспечивали городовые приказчики[55].

1475—1598 гг. С. 487, 505, 514; Боярские списки... Ч. 1. С. 218; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора... С. 274; Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В. И. Ленина. Ф. 1. Оп. 2. № 37 (Р/1040). Л. 41.

[52] Еще три рода — это Соловцовы, кн. Болховские, Онучины.

[53] Благодарю А. П. Павлова за возможность ознакомления с его неопубликованной статьей «Нижегородское дворянство и государев двор в первой половине XVII в.».

[54] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России в первой половине XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 134—148.

[55] *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. ... С. 96—105.

Не случайной кажется и передача с началом «царских» походов на Казань нижегородским воеводам гражданской власти. Воеводам были приданы судебные и административно-финансовые функции. Полномочия в этом плане у воевод стали даже более обширны, чем ранее у наместников. Тем самым правительство добивалось централизации власти в уезде, ранее раздробленной между множеством инстанций и обессиленной недостатками кормленной системы[56].

Таким образом, даже тот минимум источников по обозначенной проблеме, которым мы располагаем, позволяет сделать вывод о проводившихся Москвой мероприятиях по созданию на восточном порубежье надежной социальной и организационной опоры своей внешней политике. В результате, в период московско-казанского противостояния сложилась основа нижегородской служилой корпорации. Выделились наиболее заметные в служебном отношении роды, ставшие в первых рядах нижегородского дворянства.

[56] Там же. С. 111—115.

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербург)

Кто из нас варвар, бусурманин, союзник Сатаны? Эпистолярный поединок Ивана Грозного и Стефана Батория 1581 г.

Иван Грозный известен как один из самых блестящих полемистов своего времени. Склонность царя к дискуссиям была обусловлена тем, что для Ивана IV было мало покарать преступника — государь считал необходимым при этом его исправить и переубедить, доказать справедливость наказания. И публичный или эпистолярный спор должен был служить основанием последующей кары со стороны государя, если она, конечно, была возможна. Как отметил Д. С. Лихачев, «Грозный — политический деятель, темпераментно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей мере, чем террором и приказами»[1]. Тем самым царь одерживал верх над оппонентом (по крайней мере, в собственных глазах) дважды: в споре и в решении судьбы контрагента. Единственный случай, когда Иван Васильевич «вчистую» проиграл эпистолярный поединок, был его обмен посланиями с королем Речи Посполитой Стефаном Баторием в 1581 г.

В 1581 г. было ясно, что Ливонская война идет к своему концу и что ее результат будет для России неблагоприятным. Проигрывая на полях сражений, царь перешел в наступление там, где чувствовал себя очень уверенно — в эпистолярной сфере. 30 июня 1581 г. он отправил с гонцом И. Комыниным грамоту к Стефану Баторию[2]. Воинственным был уже сам прескрипт к грамоте. В нем Грозный противопоставил природу своей власти правлению Батория. Источник владычества православного царя — Божья воля («*...всесодержительные десницы Его непобедимыя милостью*, мы, смиренный Иоан Васильевич, сподобихомъся носители быти крестоносныя хоругви креста Христова Росейскаго Царствия»). Согласно библейской семиотике, десница Бога служила символом его всемогущества и силы (*Исх. 15:6*; *Пс. 20:9; 76:11*)[3]. Царь Иван объявлял себя непосредственно водимым Господней рукой. Этому противополагался король Стефан, который и правителем-то стал не «Божь-

---

[1] *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 185.

[2] Грамота Ивана IV к Стефану Баторию от 29 июня 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 42 об. — 64 об. (без конца); Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / Изд. М. Погодиным и Д. Дубенским. М., 1845 (далее — КПМ-II). № 68. С. 140—157; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 213—238.

[3] Ср.: «Десница Господня вознесе мя» (*Пс. 117:16*); «Аз бо есм Бог твой, укрепивый тя, и помогох ти, и утвердих тя десницею моею праведною» (*Ис. 41:10*).

ей волей», а «мятежным человеческим хотением». Все политические претензии Батория были названы «превозношеньем и безмерьем».

Основной идеей послания было противопоставление истинного христианского государя, Ивана IV, Стефану Баторию, ставшему государем «не по христианскому обычаю» и, соответственно, ведущего себя, как не подобает настоящему монарху. Баторий назван «государем хуже бусурманских», потому что он является виновником войны и пролития христианской крови. Если выполнить условия короля — отдать ему и Ливонию, и пограничные города, и еще деньги, то Речь Посполитая усилится настолько, что сможет завоевать Русь и обязательно нападет на нее. Это ли поведение подлинного христианского правителя, гневно вопрошал Грозный?

Перечислив традиционные проступки Стефана (несоблюдение договоров, прежде всего перемирия 1578 г., и попытка «примазаться» к прирожденным государям, встать на одну доску с ними), Грозный в послании 1581 г. добавил кое-что новое. Особенно царя возмутило королевское требование денежной контрибуции: «А что подъему просишь, и то вставлено з бесерменского обычая, такие запросы просят татарове, а в хрестьянских господарствах того не ведется».

На родство Батория с «бусурманами» также указывало неправильное оформление документов для послов и надругательство воинов виленского воеводы над мертвыми под Соколом: солдаты срезали у трупов с брюшины подкожный жир, что в европейских средневековых армиях использовался как основа для изготовления лекарств. Грозный же расценил это как извлечение из животов внутренностей для волхования, гадания, то есть обвинил армию Батория в языческих мистериях. А ведь «хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и *подобно варваром* деяти» (sic! — *А. Ф.*: обвинение в варварстве звучит из уст московского правителя в адрес европейского короля!).

Участие в королевских походах на Русь изменников, «Иуд», таких как Курбский, Заболоцкий и Тетерин еще больше дискредитировало Стефана: «А надеешься не на воинство, на израду!» На связь Батория с дьявольскими силами указывает и терминология, которую царь применяет к исходящим от короля мирным инициативам: «Ино то что за мир? То прелесть!» «Прелестью» на Руси обычно называли лукавый обман, козни дьявола, грех, свершаемый по наущению Сатаны.

Иван IV помещал свое противостояние со Стефаном Баторием в контекст Священной и церковной истории: одолением пророка Моисея на Амалика, снятием осады Иерусалима ассирийским царем Сеннахеримом (Синахерибом) в 701 г. до н. э., спасением Иерусалима от нашествия персидского царя Хосрова (Хоздроя) и его полководца Шахрбараза (Сарвара) в 626 г., победой императора Константина над мятежным цезарем Максенцием в 312 г.

Царем были отобраны действительно знаковые события, образы которых неоднократно привлекались древнерусской книжностью для доказательства богоизбранного характера русской истории, Божьей помощи и покровительства над великими князьями и их подданными.

1) **Амалик.** Перед сражением израильтян и амаликитян в Рефидиме во исполнение Божественного предначертания Моисей избрал сильнейших воинов и поставил во главе их Иисуса Навина. Во время битвы Моисей чудесным образом помогал евреям, взывая к Господу (*Исх. 17:9*). Моисей, Аарон и Ор взошли на верх холма, «**и бысть егда воздвизаше Мѡѷсей рѹцѣ, ѡдолѣваше Ісраиль: егда же ѡпѹскаше рѹцѣ, ѡдолѣваше Амаликъ**» (*Исх. 17:11*). Руки Моисея отяжелели, и тогда Аарон и Ор посадили его на камень и стали с разных сторон держать его руки на весу, «...**и быша Мѡѷсеѡвы рѹцѣ ѹкрѣплены до захожденіа солнца**», что и привело к победе Иисуса над Амаликом (*Исх. 17:12—13*).

Для древнерусских книжников, как показано А. В. Каравашкиным, было несомненно, что молитвенное положение рук Моисея (Оранта), согласно христианским толкованиям, прообразовывало Крест, силою которого, как отмечается в послании, и были одержаны победы русских войск во главе с царем[4].

2) **Синахериб.** С историей осады Иерусалима Синахерибом связан образ Ангела Господня, который по молитве благочестивого государя чудесным путем истребит его врагов. Этот образ возник в ветхозаветных сказаниях о борьбе иудейского царя Езекии (725—697 гг. до н. э.) с Ассирией (*4 Цар. 19:35*). Он получил широкое распространение в Св. Писании (*Сирах. 48:24*; *2 Пар. 32:21*; *Ис. 37:36*; *1 Мак. 7:41*; *2 Мак. 15:22*) и вошел в древнерусскую литературу.

3) **Хоздрой.** Речь идет о византийской легенде о чудесном спасении Царьграда от нашествия персидского царя Хосрова II силой Богородичных Святынь. Император Ираклий I, будучи не в силах защитить город, обратился к Богородице с молитвой о заступничестве («В руку Богоматерницы оставляю град и сына моего»), и она укрыла город своей ризой. Персы и их союзники авары в 626 г. потерпели под стенами Царьграда поражение. Прозревший от демонстрации могущества христианской веры полководец Сарвар даже обратился с письмом к императору Ираклию, что он напал на город не своей волей, а по приказу Хосрова, которого вскоре постигла постыдная смерть.

Легенды о видении Богородицы над городом, осажденным неприятелем, были популярны в европейской книжности (их обзор см. в работе польского исследователя М. Гебаровича)[5]. Именно к данному сюжету из византийской истории, как показано М. Плюхановой, восходили другие распространенные легенды о заступничестве Богородицы, в частности о богородичных иконах[6].

4) **Максентий.** Согласно легенде, по дороге к месту битвы с мятежным императором Максенцием (280—312) осенью 312 г. император Константин (272—337)

---

[4] *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 247; см. также: *Каравашкин А. В., Филюшкин А. И.* События и лица Священной истории в посланиях Ивана Грозного и Андрея Курбского (опыт герменевтического комментария) // Русская религиозность: проблемы изучения. СПб., 2000. С. 84—92.

[5] Подробнее см.: *Gębarowicz M.* Mater Misericordiae — Pokrow — Pokrowa. Wrocław, 1986.

[6] *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 43, 73.

увидел в небесах крест в виде монограммы из двух греческих букв: χ—ρ. Вместе с ним была явлена надпись «Hoc vince», переводимая как «Сим победиши».

Так произошло обращение Константина в христианство. Он сделал явившуюся в видении монограмму собственной эмблемой и поместил ее на свой лабарум[7]. На материи штандарта был изображен портрет Константина, а вместо традиционного имперского орла находилась монограмма χ—ρ (с тех пор называемая «крест Константина»). Именно этот знак и принес победу над Максенцием. Он стал первым общепринятым символом христианской веры и знаком победы и спасения. Значение «креста Константина» в идеологии средневековой Руси подробно рассматривалось И. С. Чичуровым, М. Плюхановой, А. В. Каравашкиным[8].

В заключение Иван писал Стефану: «Ты же послушлив, якоже онагр конь, убо на брань готов: от Господи же помощь!» Образ восшествия на осла (у древних евреев — боевого животного), а затем на коня был связан с семиотикой выступления царя-мессии на святое дело[9]. Отсюда, собственно, и происходило известное в средневековой Руси и Литве выражение «всесть на конь» как обозначение выступление государя на брань с врагом. Поскольку Стефан претендовал на изображение войны с Россией как богоугодного дела, царь высмеивал именно данную сторону символики: Баторий сравнивается не с боевым конем, а с диким ослом — онагром, отличающимся знаменитым ослиным упрямством. Никакой богоугодности и священной символики в воинственных устремлениях Стефана нет, он ведет себя как упрямый дикий осел — что ж, восклицает царь, Бог в помощь!

Царь выражал полную уверенность, что помощь Христа будет на стороне московского государя, и предлагал Стефану, пока не поздно, заключить перемирие на разумных условиях. Иначе — пусть будет война на 40, 50 лет, и «гонцам меж нами не ходить».

Польский король принял вызов. Ответ Батория на оскорбительное послание царя привез гонец Матвей Превоский. Иван IV встретил его в Старице 8 сентября 1581 г. Гонец подал грамоту от Стефана и две книги. С ним также была грамота от панов рад к боярам, И. Ф. Мстиславскому с товарищами[10]. Однако до переговоров

---

[7] Лабарум — императорский штандарт, по форме аналогичный традиционному римскому вексиллуму (кусок прямоугольной материи на древке, укрепленный на перпендикулярной перекладине).

[8] *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991; *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 105—144; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 252—254.

[9] Ср.: «Се царь твой грядет на тебя праведен и спасаяй, той кроток, и вседе на подъяремчика и жребца юна» (*Зах. 9:9*); «Приведоста осла и жребя, и возложиша верх ею ризы своея, и вседе верх их» (*Мф. 21:7*).

[10] Грамота панов рад боярам от 2 августа 1581 г. // КПМ-II. № 75. С. 206—209. В грамоте Иван IV обвиняется в лукавстве, лицемерных заявлениях о стремлении к миру, которые сочетаются с нападением на «Днепровские замки» Дуюровну, Оршу, Копысь, Шклов, Могилев, Радом. Поход, видимо, носил характер набега: русские пришли и, «как волк урываючи, борзо з земли его королевское милости вышли». Паны заявляли, что всей

с боярами Превоского не допустили. Царь прочел ответ Батория и 15 сентября отправил гонца обратно в Речь Посполитую[11].

Грамота Батория от 2 августа 1581 г.[12] содержала пространный концептуальный ответ короля. Помимо возражений на конкретные политические претензии и изложения «польско-литовского» видения причин ливонского конфликта, Стефан выступил с «духовной бранью» против Московита. И этим его послание наиболее интересно. Между монархами пошел спор, каким же должен быть «христианский государь» и кто из полемистов больше соответствует этому статусу.

Король был согласен трактовать полемику не как личный спор монархов, а как конфликт миров: «...всему свету справы твои спросные и поганские суть явны». «Свет», к которому в своем послании периодически апеллировал царь (особенно при обличении «бусурманства» Батория), противопоставлен другому «свету» — подлинно христианскому, в котором царские «справы» расцениваются как «поганские».

Себя Стефан однозначно причислял к праведным, христианским монархам. Своей миссией как христианина король считал вытягивание московского царя из болота невежества, грехов и заблуждений. При этом аналогом увязшего в трясине «небаченья» Грозного Баторий видел «немую тварь от разуму всего и от баченья отдаленую, осла албо вола» (так король отыгрался за сравнение с онагром в последних строках царского послания). Но, сетовал Стефан, Иван Васильевич из-за своей «гнюсности» неспособен «прозрети» и извлечь из своих глаз бревно.

Далее Баторий издевался над апелляциями Грозного к Св. Писанию: («Ты, яко правдивый чоловек, в которого устах псалмы беспрестанну суть...»), и сравнивал реальное поведение царя с провозглашаемыми Московитом христианскими принципами. Ты, царь, элементарно «прав хрестьянских и побожных не разумеешь». Все, что умели московитские правители — «фалш, зрада крови, присяжство, розбойство». Грозный и его род объявлен происходящим из «теста тиранского», что

душой стремятся к миру и готовы ходатайствовать о нем перед королем, но при нынешнем поведении московского государя никакое перемирие невозможно.

[11] Отчет о приеме гонца М. Превоского, сентябрь 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 250, 263, 264, 265, 350. Правда, до родной земли гонец не доехал, а был арестован. 17 марта 1582 г. Стефан посылал Грозному запрос о местонахождении Превоского с просьбой отпустить его домой — Грамота Стефана Батория Ивану IV от 17 марта 1582 г. // КПМ-II. № 88. С. 246. Запрос опоздал: Превоский был отпущен из России в феврале 1582 г., сразу после заключения Ям-Запольского перемирия. С ним была отправлена краткая грамота, в которой царь разъяснял, что не ответил на послание Батория со «многие укорительные и жестокие слова», потому что «нине меж нас сталосе мирное постановенье, и нам, Государям великим, о таких делах, которие гнев воздвигают, писати не пригоже» — Грамота Ивана IV Стефану Баторию от февраля 1582 г. // КПМ-II. № 90. С. 248. Таким образом, царь официально отказался от полемики и тем самым потерпел поражение в эпистолярном поединке с польским королем.

[12] Грамота Стефана Батория Ивану IV от 2 августа 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 265 об. — 350; КПМ-II. № 74. С. 177—206.

Баторий иллюстрировал рассказом о том, как Иван III вызвал мирных новгородцев якобы на беседу и их коварно замучил. «Добывание Новгорода» король сравнил с дьявольским обманом: «...яко и чорт Адама и Еву яблоком частовал». Сам Грозный назван «Фараоне Московский», чье сердце «затвержено» для подлинного христианства. Король утверждал, что «терпел тебе Бог так долго», что царь этим соблазнился и думал, что так будет всегда. Но наступает час расплаты!

Особым насмешкам подверглись ссылки Грозного на Божье покровительство русскому оружию. Король так комментировал поражение московитов под Кесью: «Але Бог всемогущий, судья справедливый, которого ты воли будучи противный, имя Его Святое так часто надаремне берешь, войско твое малым почтом нашых людей... роспрошил и побил, дела твои и вси речи военные, которые там были, до рук подал!» Баторий утверждал, что Бог покровительствует не московитам, а войскам Речи Посполитой, которых он и ведет «крепкой своею рукою». А царское «двоедушное сердце» никак не может быть удостоено помощи Господа! «Покой», который царь обещал Ливонии, Баторий саркастически оценил как «розвадил еси так и въспокоил, яко волк чинит овъцам, пожираючи их».

Москва была объявлена Стефаном удаленной от христианского мира. Московиты не участвуют в работе христианских церковных соборов. Их сфера общения — басурманский мир, татары, ногаи и прочие неверные и язычники. Ни в одной стране, даже у язычников, правители так не издеваются над иноземными послами, утверждал король.

Насмешкам подверглись и титул Ивана IV («Тытулы твои долгие, незличоные, которыми болшей до смеху тебе... люди бачные во всих панствах християнских побуждаешь»), и даже русский герб с двуглавым орлом, который хуже кукушки: «И бедная кокош перед ястребом с горлом птенца своя крилами своими окривает, а ты, орле о жвух головах, бо ея так печатает, хороняешсе!» Наконец, сам Грозный объявлен «ненастоящим царем» в силу неправильности московского ритуала прихода к власти: нормальный монарх должен быть помазан на королевство, принять присягу подданных и в дальнейшем с ними обязательно советоваться, созывать сеймы и т. д. А вот этого в Московской земле нет. В ней — неверная, нехристианская система власти.

Исторические аргументы Грозного Баторий отметал с пренебрежением: «...чтеши правдивых летописцов, а не тверди басен бахоров твоих». Король назвал небылицей легенду о происхождении Рюриковичей от Пруса, брата Августа кесаря. Еще более резко король ответил на обвинения в связях с басурманством: польские короли — праведные христиане, а вот московские князья с неверными «кровь мешали», это твои предки «за подножки узседаючим на конь Царем Перекопским были, которые кобылье молоко, што уканyло на гриву татарских шкап, лизали...».

Послание также содержало ряд прямых оскорблений, перед которыми меркли привычные ругательства Грозного. Баторий язвительно бросал в лицо царя: «Просим тебе, на яве ж то молвиш, чи ли се тебе по похмелю снит?»; или: «О никчем-

ный чоловече, што то бредишь!»; или: «Оморный чоловече, ядовитый потварцо чужого сумненья, злый сторожу своего!» Наконец, король смеялся над потугами Ивана IV приписать себе родовитое происхождение: московит — не более чем сын «нашей изменницы», княжны Елены Глинской. Большего оскорбления для Грозного, чем усомниться в его происхождении, хотя бы и просто умолчав об отцовстве Василия III, трудно было и представить.

Сравнение с антигероями прошлого Стефан парировал своими историческими аналогиями тирану-московиту: «А будеш же ты нас чоловек тых обычаев приров-нывал до Сенахерибов, Амелехов, Максентыушов, сам — Каиме, Флаварисе, Фараоне и Ироде — Антиоше!» Рассмотрим подробнее библейские образы, к которым обращался Баторий для разоблачения царя Ивана.

1) **Каин.** Знаменитый библейский братоубийца, образ которого был нарицательным, для средневековых теологов выступал прежде всего символом неверия. Бог не принял жертвы Каина, поскольку тот был «зол» и «неправеден» (*Мф. 23:25*; *1 Ин. 3:12*). Согласно апостольским посланиям, «Каиновым путем» идут лжеучения (*Иуд. 11*). Популярная в средневековье книга «Зеркало спасения» приводила следующие типологические ряды поступков Каина: они сравнивались с предательством Иуды, покушением Саула на Давида и даже в косвенном виде с казнью Христа неверными (Мария оплакивает Христа, так же как Ева оплакивала убитого Каином Авеля).

Таким образом, типологически сближая Ивана IV и Каина, Баторий опровергал тезис о богоугодности поступков царя и, напротив, относил их к лжеучениям и деяниям неверных, поступкам, неугодным Господу.

2) **Флаварис.** Античный тиран Акрагаса (Агригентиума), упоминаемый Аристотелем в «Политике» как образец деспота. Правил в 570—554 гг. до н. э.[13]

3) **Фараон.** Традиционно выступал как образ поработителя христиан, наказанный Богом враг иудеев. С Фараоном связано так называемое египетское пленение народа Израиля. Несмотря на все пророчества, объявлявшие Фараону волю господа, он упорствовал и говорил: «Кто есть, Егоже послушаю гласа, яко отпустити имам сыны Исраилевы, не вем Господа, и Израиля не отпущу» (*Исх. 5:2*). Точно так же ведет себя, с точки зрения Батория, и Иван IV, упорствуя в своих заблуждениях, несмотря на все кары, которые Иисус обрушил на московитов.

4) **Ирод Антипа.** Сын Ирода Великого, тетрарх Галилеи и Переи во времена Иисуса Христа. Образ Ирода связан со многими грехами, сходными с теми, которые совершал Иван Грозный: убийства праведников (ср. казнь Иоанна Крестителя, *Мф. 14:9—10*); аморальные поступки в сфере семейных отношений (женитьба на своей племяннице и невестке Иродиаде). Ирод не увидел в Иисусе истинного Бога и после издевательств отослал к Пилату, из-за чего считался соучастником убийства Христа (*Лк. 23:9—12*; *Деян. 4:27*). Так, с точки зрения Батория, Иван IV неспособен видеть истину и его за это ждет та же кара, что и Ирода, который был свергнут и лишен власти.

---

[13] За консультации о Флаварисе благодарю Д. Слоана и В. Риана.

5) **Голиаф.** Воин-великан из воска филистимлян, сраженный в бою пастухом Давидом (*1 Цар. 17:1—10*). Голиаф выступал символом грубой, несправедливой силы и был побежден слабым пастухом, которому помог Бог. Сравнивая Грозного с Голиафом, Баторий намекает на его слабость — несмотря на кажущуюся мощь, московиты будут побеждены, потому что Бог не на их стороне.

6) **«Олофернов слуга».** Олоферн — собирательный образ врага Бога. В Библии он назван военачальником ассирийского царя Навуходоносора. По приказу своего злого господина Олоферн и его слуги разоряли и порабощали мирную соседнюю страну: «И разори вся пределы их, и дубравы их изсече, и бе заповедание ему: истребити всех богов земли, яко да самому единому Навуходоносору послужат вси роды, и вси языци, и вси племена их, да призывают его в бога» (*Иудифь 3:8*). Называя Ивана Грозного «слугой Олоферна», Баторий выстраивал целый ряд сравнений: царь разоряет чужую страну, как Олоферн, при этом он выступает против христианской веры и хочет сам стать для народов вместо бога (в «божественном» понимании сути русской автократии обвиняли московских великих князей многие иностранные авторы, начиная с Герберштейна). Олоферна постигла Господня кара через женщину, праведницу Юдифь — опять-таки, в целом ряде иностранных сочинений, в которых тема «Иван Грозный и женщины» была весьма популярной, говорилось, что Бог «обличал тирана» через слабое существо женщины.

Стефан рекомендовал царю внимательно читать 50-й псалом и молить прошения и помилования у Бога, как Закхей и Антиох. 50 псалом предназначался для тех, кто согрешил и, придя в себя, раскаивается и просит помилования. Он содержал слова исповедания и покаяния, донесенные до Давида пророком Нафаном[14]. Тема обличения пророка Нафана вообще была популярна у полемических противников Грозного. Ее привлекал в своем третьем послании царю Курбский. С образом Нафана в переписке Грозного и Курбского историки, как правило, сближали образ священника Сильвестра, неофициального царского духовника (об этом писали С. О. Шмидт и А. Н. Гробовский)[15].

2) **Закхей.** Начальник сборщиков податей (мытарей) в Иерихоне, богатый иудей. Когда Иисус пришел в город, то Закхей, будучи малого роста, чтобы лучше его видеть, взобрался на смоковницу. Проходя мимо мытаря, Христос велел сойти ему с дерева и принять Мессию у себя дома. Сборщик податей с радостью это исполнил, что вызвало ропот народа: мытарей считали грешниками, людьми жестокими и нечистоплотными на руку. Закхей же поклялся Иисусу раздать нищим половину имущества, а всем, кого он обидел, воздать вчетверо. После чего

---

[14] *Афанасий Великий.* Из послания к Маркеллину об истолковании псалмов. С. 23.

[15] *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 370; *Он же.* Становление московского самодержавства. М., 1973. С. 87; *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр: (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 181—185, 196.

Господь объявил его спасенным, хотя до покаяния мытарю угрожала погибель души (*Лк. 9:1—10*). Позже он стал первым епископом в Кесарии Палестинской. Легенда о Закхее считается примером милости Бога и возможности спасения через покаяние даже самых отъявленных грешников. Именно для этого она привлечена Стефаном. Образ Закхея для призыва царя к покаянию привлекал в своем третьем послании и Курбский [16].

3) **Антиох.** По всей видимости, Баторий имел в виду Антиоха IV Эпифана, царя государства Селевкидов в 175—164 гг. до н. э., который пытался ввести насильственную эллинизацию иудеев, что привело к восстаниям. Упоминаемый Стефаном эпизод, кажется, связан с восстанием под руководством сына иудейского священника Маттафии Иуды в 167—165 гг. Антиох потерпел поражение, кроме того, он был «недепо побежден от Пръскыя земля, да опять поваженье створив, и от многого унынна разболевся, и глагола к велможам своим: "Отступил еси сын от очию моею, и низъпадох печалию моею многою: ныне убо въспомянух злых, ихже сътворих в Иерусалиме, и уразумех, яко тех обретох злая си. И погыбаю в земли чюждеи"» [17]. Видимо, это и есть покаяние Антиоха, о котором говорит Стефан Баторий: неправедный и грешный государь перед гибелью осознает, что кара ему послана за свершенные ранее преступления.

Чувствуя свое полное моральное превосходство, в конце послания Баторий даже вызвал Ивана Васильевича на дуэль: «...сами з собою учинимо два — так меньше крови хрестиянское будет пролито».

Выслушав грамоту Батория, 15 сентября царь отпустил Превоского без традиционного приглашения к государеву столу. Гонец уехал в тот же день с царской грамотой, написанной «жестоко» [18]. Судьба привезенных им двух «книжек» и грамот к боярам в русской посольской книге не отражена. Царской грамоты также, увы, нет. Превоский не доехал до границы — его держали до 18 февраля 1582 г. в Можайске, ожидая возвращения посольства Д. Елецкого и Р. Алферьева, которое выехало в Ям Запольский заключать перемирие. После возвращения Елецкого 11 февраля с известием, что переговоры оказались результативны, у Превоского отобрали «жестоко» написанную грамоту к Стефану, вручили отписку — что, раз вышло доброе дело, грамота, «исполнена укоризненных и жестоких словес», не нужна [19]. К сожалению, ответ царя Баторию не попал в посольские книги и не сохранился.

---

[16] The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. 1564—1579 / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955. P. 200; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Примеч. № 2. С. 408.

[17] Летописец Еллинский и Римский: Текст. СПб., 2000. С. 185—186.

[18] Отчет о приеме гонца Речи Посполитой Матвея Прозоровского, сентябрь 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 350.

[19] Наказ приставу Дементию Яковлеву, посланному в феврале 1582 г. в Можайск отбирать царскую грамоту у королевского посла М. Проворского // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. Л. 35, 36 об. — 38.

Вопреки посольскому обычаю, вышеописанная грамота Батория никогда не цитировалась в последующих актах переписки царя и короля. Грозный, таким образом, проигнорировал инвективы, прозвучавшие от имени Стефана, не стал ввязываться в спор. Означало ли это, что он молчаливо признал свой проигрыш в полемике, получив столь резкий отпор, будучи побит своим же оружием — оружием эпистолярных обличений на основе экзегетических аллюзий?

М. Перри (Бирмингем)

Народные мнения и слухи о царе (1630—1650 гг.)

В 1945 г. Л. В. Черепнин опубликовал содержательную статью под заглавием «"Смута" и историография XVII века»[1]. В своей статье ученый рассматривал русское летописание о событиях начала XVII века. В разделе, «"Новый Летописец" и социально-политическая действительность 20—30-х годов XVII века» Л. В. Черепнин убедительно показал, что настроения русских людей 1620-х годов оказали огромное влияние на идеологию автора Нового Летописца 1630 года. Такие темы Смутного времени, как самозванчество и прочность правящей династии, по мнению историка, являлись злободневными и своевременными в 20-х годах XVII века[2].

Главным источником для характеристики настроений народных масс в царствование Михаила Федоровича служили Л. В. Черепнину процессы о слове и деле государеве — политические дела, изданные Н. Я. Новомбергским в 1911 г.[3] Л. В. Черепнин одним из первых ввел в научный оборот этот материал. В своей статье ученый характеризовал его как «почти не использованный исследователями»[4]. Опираясь на следственные дела, опубликованные в сборнике Новомбергского, автор обратил внимание читателей на широко распространенные в 1620-х годах толки о том, что царь Дмитрий жив, на появление новых самозванцев, на ожидания новой польской интервенции и на «непригожие» слова о родственниках царя Михаила (о его матери Марфе Ивановне и, после возвращения из польского плена в 1619 года, его отце Филарете Никитиче)[5].

---

[1] *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 81—128.

[2] Там же. С. 103—107.

[3] *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. Т. I. М., 1911. Репринтное издание. М., 2004.

[4] *Черепнин Л. В.* «Смута»... С. 103. Уже до Л. В. Черепнина материалами Новомбергского пользовался С. В. Бахрушин, в статье написанной в 1920-е годы, но опубликованной только в 1987 г.: *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 87—118. После Л. В. Черепнина другие ученые ссылались на собрание Новомбергского. См., например: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 68—69, 77; *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 10, 18, 21—22; *Perrie M.* Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: the false tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 233—235; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 9—166.

[5] *Черепнин Л. В.* «Смута»... С. 103—107.

Свой анализ следственных дел о слове и деле государевых Л. В. Черепнин довел только до 1630 г., года окончания Нового Летописца. В настоящем очерке, основываясь главным образом на делах, опубликованных в том же сборнике Новомберг-ского, я собираюсь выяснить народное мнение в 1630—50 годах, т. е. в последний период царствования Михаила Федоровича и первые годы царствования Алексея Михайловича, включая период городских восстаний 1648—50 гг.

После 1630-го года политическая ситуация в стране действительно изменилась во многих отношениях. С начала 1630-х годов слухи о живом царе Дмитрии затихли (царевичу Дмитрию Ивановичу Углицкому было бы 50 лет в 1632 г., и он являлся уже не таким привлекательным претендентом на престол, как молодой герой 1605 г.). Смерть патриарха Филарета в 1633 г. положила конец самим «непригожим» словам о царской семье. И после заключения Поляновского мирного договора в 1634 г. еще не было серьезных опасений нового польского вторжения в Россию.

Однако что касается самозванчества, здесь положение немножко сложнее. По мнению Л. В. Черепнина, «в 20—30-х гг. появлялись новые претенденты на царский престол»[6]. Но те три случая, замеченные Л. В. Черепниным за 1626—29 гг., являются скорее примерами феномена народного самозванчества,[7] чем политически опасными претендентами на государственную власть. Подобные случаи мы находим и после 1630-го года. Например, в 1640 г. старец Барщевского монастыря Аврамий Родионов извещал, что «есть де в монастыре у них крылошанин Селиверст Романов, и называется он царем». Выявилось, что старец Селиверст был пьян, когда он «говорил де так, что он, Селиверст, всей братье, и вкладчикам, и крестьянам царь»[8]. В 1644 г. тюремный сиделец Потапка Васильев «стегнул рукавом в шутках тюремного ж сидельца Савку Терскаго, и он де молыл: “как де ты, страдник, на царя руку поднимаешь?”». Савка также говорил: «Как де ты царя бьешь?»[9] В третьем эпизоде, в 1648 г., отставленный московский кормовой иноземец Ивашко Чеповицкой «просил пить вина у донского казака у Алешки Алексеева на большом кабаке в чарочном амбаре и говорил де: “дай пить вина, я де государь, царь”»[10].

Во всех этих случаях «самозванцы» не присваивали себе имя конкретного царя или царевича. Обычно их заявления были разовыми, сделанными в пьяном виде или в шутку. С нашей точки зрения, все эти высказывания являются совсем безобидными, но власти очень жестко реагировали на них. Очевидно, опыт «настоящего» самозванчества Смутного времени напугал правительство Романовых, и оно боялось повторения династических распрей.

Но в 1640-х годах мы находим и «настоящих» самозванцев: это два «царевича» Ивана Дмитриевича, и два лже-Шуйских. (Следуя примеру самозванцев Смутного времени, все эти лжецаревичи называли себя сыновьями царей из другого рода,

---

[6] *Черепнин Л. В.* «Смута»... С. 104.

[7] Термин П. В. Лукина: см. *Лукин П. В.* Народные представления... С. 103—169.

[8] *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. I. № 203. С. 355.

[9] Там же. № 273. С. 515—516.

[10] Там же. № 315. С. 569—570.

чем правящая династия.) Первым лже-Иваном Дмитриевичем был сын польского шляхтича Дмитрия Лубы. Этот самозванец был воспитан в Польше с детства как «царевич» неким паном Белинским, который называл его сыном Марины Мнишек и Лжедмитрия II, будто бы спасенным от казни в Москве в 1614 г. Впоследствии поляки заключили его в иезуитском монастыре в Бресте Литовском. В 1644 г. он был привезен польским посольством в Москву, но вскоре отпущен обратно в Польшу[11]. Второй «Иван Дмитриевич» объявился в 1644—46 гг. в Крыму, а потом в Константинополе. Он оказался казаком Иваном Вергуненком (по другим источникам, Озунколом или Озонкулом), взятым в плен татарами, а затем проданным ими в рабство в Кафу. Там он назвался царевичем. Он был расспрошен крымским царем, который прислал его в Константинополь, где его посадили в тюрьму[12].

Первый Лже-Шуйский называл себя Семионом, сыном царя Василия. Он объявился в Польше, а потом в Молдавии. Молдавский господарь сообщил в Россию о самозванце, и московское правительство послало Б. М. Дубровского в Молдавию с приказом убить его[13]. Другим Лже-Шуйским был известный Тимошка Акундинов (Акиндинов, Анкидинов, Анкудинов), выдававший себя за царевича Ивана Васильевича Шуйского в 1640-х годах в Молдавии, Турции, Болгарии, Венеции, Риме, Венгрии, Польше и на Украине. Впоследствии он оказался в Швеции. В 1652 г. он приехал в Гольштинию, откуда был привезен в Москву и казнен в 1653 г.[14]

Все эти самозванцы действовали вне пределов России. Они все искали помощи у зарубежных правителей, а некоторые из них (Вергун, Акундинов) надеялись также на поддержку русских людей. Такой поддержки они не получили; но московское правительство хорошо знало, что Лжедмитрии Смутного времени получили поддержку у поляков, и поэтому русские послы упорно разыскивали этих новых самозванцев 1640-х годов, объявившихся за границей.

Что касается «непригожих речей» о царской семье после 1630 г., то они главным образом относятся к вопросу о престолонаследии. Первый сын царя Михаила Федоровича, царевич Алексей, родился только в 1629 г. Матримониальная жизнь царя Михаила оказалась сложной. Первая его невеста Мария Хлопова была отстранена благодаря дворцовым интригам. Мария Долгорукая, его первая жена, умерла бездетной в 1625 г. В 1626 г. царь вступил во второй брак, с Евдокией Стрешневой, но долгожданный царевич не сразу появился на свет.

---

[11] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1961. С. 248—254, 460—463.

[12] Там же. С. 248, 463—466; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы: В 3 т. Т. II. 1633—1673. М., 1968. С. 142—143, 147—149, 171—172, 181—183.

[13] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V. С. 249—250, 465—466; Исторические связи... Т. II. С. 39, 41—42; *Лукин П. В.* Народные представления... С. 106—107.

[14] О Тимошке Акундинове см., например, *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды... С. 70—76.

Народ ожидал наследника не только из соображений прочности династии, но также из надежд на царскую «милость»: амнистию для тюремных сидельцев и выход для крестьян. В ноябре 1628 г., после рождения двух царевен, тюремный сиделец сын боярский Свиридка Духонин выражал другому арестанту, стрельцу Фирсику Шмараеву, надежду на рождение наследника: «“как де государыня царица родит государя царевича, и им де в те поры государева милость будет, государь их пожалует, велит их всех из тюрьмы распустить; а будет де государыня родит царевну, ино де худо будет”. И он де Фирсик против того молвил: кому будет худо? И Свиридко де ему, Фирсику, сказал: худо будет государю»[15]. В январе 1633 г. холоп Алешка Еремин, побежавший от боярина своего Ивана Чуфарова, вспомнил: «Как де дал нам Бог, родился царевич князь Алексей Михайлович, и ставили де у Ивана Чуфарова кр. его горницу и стали кр. говорить: дал де нам Бог, родился царевич, будет де нам выход»[16].

В некоторых случаях такие надежды на свободу не оправдались. В июне 1629 г., например, после рождения царевича Алексея, тюремные сидельцы в Шацке роптали о том, что ожидаемой «государевой милости» не было. Разбойник Петрушка Анисимов извещал на саратовского стрельца Федьку Игнатьева, что тот сказал: «Бог де нам дал г. ц. А. М., а для де той радости г. нас не пожаловал, из тюрьмы выпустить не велел, и мы де станем у Бога просить, чтобы г. Бог дал другого царевича, либо де г. пожалует для другого царевича, велит нас из тюрьмы выпустить»[17].

Второй царевич, Иван Михайлович, родился в 1633 г., но вскоре стали распространяться слухи о том, что оба царевичи — «подменные». В 1632/33 г. в Новгороде на подворье Хутынского монастыря на слова черного дьякона Тимофея Брюханова «Да споди де здоров был г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. и б. г. ц. к. А. М.» архимандрит Феодорит ответил: «Бог де то ведает, что прямой-ли царевич, на удачу де не подметный-ли?»[18]. Впоследствии в этом деле оказалось, что дворцовый дьяк Иван Дмитриев сказал: «То де обычное дело, на Москве де, не тайно говорят и про другого царевича кн. Ивана Михайловича»[19].

В народе объясняли подмену тем, что из-за поздней женитьбы царя царица могла рождать только девочек. На масленицу 1633 г., по доносу тюремного сидельца Стеньки Форафонова, черная старица Марфа Жилина говорила на рынке в Курске: «Глупые де мужики, которые быков припущают к коровам об молоду и те де коровы рожают быки; а как де бы припущали об исходе, ино б рожали все телицы. Государь де царь женился об исходе, и государыня де царица рожает царевны; а как де бы государь царь женился об молоду, и государыня де царица рожала все царевичи. И государь де царь хотел царицу постричь в черницы, а что де государь царевич

---

[15] *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. I. № 44. С. 51.
[16] Там же. № 56. С. 71.
[17] Там же. № 172. С. 314.
[18] Там же. № 61. С. 106.
[19] Там же. С. 109.

Алексей Михайлович, и тот царевич подменный»[20]. Этот любопытный слух о подмененном царевиче во многом напоминает рассказы самозванцев Смутного времени. По «автобиографии» казацкого «царевича» Петра, например, «настоящий» сын царя Федора Ивановича был подменен девочкой (царевной Феодосией Федоровной). Но курский вариант слуха не мог служить основой для самозванчества, так как здесь «настоящий» царский ребенок был девочкой, подмененной мальчиком (очевидно, царевича Алексея подложили вместо новорожденной царской дочери). При глубоко патриархальном строе России XVII в. самозванная царевна не могла стать серьезным претендентом на престол.

Не удивительно, что в 1645 г., после смерти царя Михаила Федоровича, мы находим слухи о том, что Алексей Михайлович — не прямой царь. В октябре 1645 г. некий старец-колодник говорил о новом царе: «Слуга де я небесного царя а не земного а се де не от премово царского корени от премово де царского корени был царевич князь Иван Михайлович»[21]. В этом слухе действительно была основа для самозванчества (царевич Иван Михайлович умер малолетним в 1639 г.), но никакой лже-Иван, чудесно спасенный от смерти, не объявился в царствование Алексея Михайловича.

Идея о том, что Алексей Михайлович — не прямой царь, выражалась также в других формах. По слухам, записанным шведским резидентом Поммеренингом, князь С. И. Шаховской говорил, что Алексей — незаконнорожденный[22]. Возможным альтернативным кандидатом на трон, по мнению некоторых русских людей, был датский королевич Вальдемар, жених царевны Ирины Михайловны[23]. По мнению других, Алексей не был «прямым» царем потому, что его не избрал Земский собор. В декабре 1645 г. крестьянин Ивашка Ушаков доносил на своего помещика Михайла Пушкина, будто тот говорил, что царь Алексей Михайлович «на московском государстве учинился не по их выбору»[24].

В принципе Алексей признавался законным наследником. Правда, во время московского восстания 1648 г. появились обвинения в том, что царь — «не прямой государь», причем с совершенно невероятным авторством: будто эти слова принадлежали воспитателю царя, боярину Борису Ивановичу Морозову[25].

Большинство «непригожих речей» о новом царе затрагивало не его законность, а скорее его политику. Весной 1646 г., согласно извету ефремовца сына боярского Лактюшки Некрасова, сын боярский Ивашка Ефанов говорил: «...о чем де они ему,

---

[20] Там же. № 57. С. 74. О слухах об Алексаее Михайловиче как подмененном царевиче см.: *Perrie M.* Substituted tsarcviches and cnemy agents: the case of Archimandritc Fedorit (1635—1636) // Russian History / Histoire Russe. Vol. 34 (2007). P. 365—381.

[21] Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 233.

[22] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. II. М.; Л., 1948. С. 8.

[23] Там же.

[24] *Новомберrский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. I. № 211. С. 370.

[25] *Смирнов П. П.* Посадские люди... Т. II. С. 212—213.

г., не бьют челом, и он де, г., за них не стоит»[26]. Не случайно, кажется, московское восстание 1648 г. началось с того, что царь отказался принять челобитье народа с жалобами на насилия Л. С. Плещеева.

Для крестьян и тюремных сидельцев главным вопросом, как всегда, являлась их личная свобода. В декабре 1646 г. тюремный сиделец беглый крестьянин Демка Муковнин, согласно извету других сидельцев, говорил: «Кляну де я государя, чтоб ему пропасть; прежние де государи выход давали и тюрьмам роспуск бывал, а нынешний де г. к нам немилостив»[27]. Очень похожий случай произошел в 1650 г. Тюремный сиделец холоп Афонька Андропов доносил на своих товарищей, что они говорили: «При прежних де государях бывали выходы, а при нынешнем государе выходов нет»[28].

Во время московского восстания 1648 г. народ осуждал царя главным образом за его близость к боярину Б. И. Морозову. По словам анонимного шведского сочинения о событиях в Москве в 1648 г., москвичи «готовы были и его царское величество до тех пор считать изменником, пока не добьются, согласно его (царя) обещанию, высылки Морозова от двора и из города»[29]. И в январе 1649 г., согласно доносчику, закладчик Савинко Корепин говорил «про государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии непригожие речи, государь де молодой глуп, а глядит де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского, они де всем владеют, и сам де он государь то все ведает и знает да молчит, чорт де у него ум отнял»[30].

Во время псковского восстания 1650 г. также распространялось мнение, что молодой царь находится под влиянием бояр. Вдова Хавроньица говорила, что «государь млад и слушаетца бояр, стоит де за немец, а не за православных хрестьян, на что де было на царство садитца, и хлеб хотел немцам выдать, и оне де псковичи стали за правду»[31].

Но иногда горожане считали самого царя ответственным за политику его правительства. Весной 1650 г. новгородский воевода кн. Ф. А. Хилков написал боярину Б. И. Морозову, что новгородцы «приходя народом говорят слова непригожие что бутто государь об них не радеет, денгами подмогает и хлебом кормит Немецкие

---

[26] *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. I. № 116. С. 189.

[27] Там же. № 120. С. 198.

[28] Там же. № 149. С. 249.

[29] Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М.; Л., 1936. № 3. С. 58—59.

[30] Там же. № 15. С. 87. Об интерпретации этих слов, см.: *Kivelson V. A.* The devil stole his mind: the tsar and the 1648 Moscow uprising // American Historical Review. Vol. 98 (1993). P. 733—756; *Perrie M.* Indecent, unseemly and inappropriate words: popular criticisms of the tsar, 1648—50 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 58. 2001. P. 143—149.

[31] Цит. по: *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 129. Толчком к восстаниям 1650 г. в Новгороде и в Пскове послужила продажа ржи шведам русским правительством.

земли»[32]. В Пскове мы также находим «непригожие слова», направленные против самого царя. В июле 1650 г. стрелец Федор Сорокоалтынов говорил: «Хотя бы и сам государь был под городом Псковом, и то бы (ему) пульку в брюхо ввязили»[33]. 26 июля на Земском соборе царь объявил, что псковичи «про него великого государя говорили непристойные речи, чего и помыслить страшно»[34]. И 18 сентября псковский воевода кн. В. П. Львов сообщал царю, что поп Евсей с другими вождями восстания «говорили про тебя, великого государя, и пренеоборимую твою государеву скипетродержаву, что и уму человеческому не вместимо, и слышати страшно, не токмо что к тебе, великому государю, писати»[35].

Но, несмотря на эти отдельные «непригожие слова» о царе Алексее Михайловиче, в общем городские восстания 1648—1650 гг. составляли «бунты во имя царя»[36], направленные преимущественно против «изменников — бояр» и «сильных» людей. В некоторых случаях горожане даже верили, что царь был их союзником в борьбе с «изменниками». В провинциальных городах в 1648 г. ходили слухи о государевых грамотах и указах, призывающих на расправу с местной элитой. В Воронеже стрелец Гаврила Волуйский говорил, что «есть грамота — воеводу и голов и шильников бить и грабить»[37]. В Новосиле ямщик Васька Бочек говорил, «что указал де г. по городам приказных людей побивать каменьем»[38]. И в Устюге Великом поступил донос, что церковный дьячек Игнашка Яхлаков «носил бумагу согнута, а говорил во весь мир, что де пришла государева грамота с Москвы, а велено де на Устюге по той государеве грамоте 17 дворов грабить»[39].

Все эти грамоты и указы, конечно, были или вымышленными, или подложными — но есть и случаи противоположного характера: настоящие царские грамоты, которые восставшие горожане объявили «поддельными»[40]. В Томске, например, когда в 1649 г. воевода О. И. Щербатый всенародно читал в соборной церкви царские грамоты с осуждениями восстания, казаки называли их не прямыми, ложными и даже «воровскими»[41]. Подобные события случились и в Новгороде, и во Пскове в 1650 г. Когда 26 марта дворянин Яков Соловцов принес в Новгород госу-

---

[32] Цит. по: *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 337.

[33] Там же. С. 114.

[34] Там же. С. 266.

[35] Там же. С. 302.

[36] Термин американского историка Даниела Фильда: *Field D.* Rebels in the name of the tsar. Boston, 1976. Русский перевод «бунтовщики во имя царя», см.: *Покровский Н. Н.* Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 151.

[37] *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 137.

[38] *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. I. № 312. С. 567.

[39] Городские восстания в Московском государстве XVII в. № 29. С. 143.

[40] Об этих двух явлениях см. подробнее: *Perrie M.* Popular monarchism in mid-17th-century Russia: the politics of the 'sovereign's gramoty' // Московская Русь: специфика развития / Ред. Дюла Свак. Будапешт, 2003. С. 135—142.

[41] *Покровский Н. Н.* Томск 1648—1649 гг. С. 276—281.

дареву грамоту, которая называла новгородцев мятежниками, горожане говорили, что эта грамота была «не прямою, воровскою»[42]. Летом 1650 г. епископ Рафаил приехал во Псков с царскими грамотами, а «псковичи многие государевы грамоты лживили»[43]. Во всех этих случаях содержание царских грамот — даже тогда, когда они включали уступки — являлось неприемлемым для восставших. Грамоты казались несправедливыми и поэтому неистинными, ведь царь был источником справедливости, и его «настоящие» указы должны были соответствовать народному чувству правды.

Во Пскове в 1650 г. горожане даже не верили, что карательная экспедиция кн. И. Н. Хованского пришла в город по царскому указу[44]. В июне распространялся слух, что царь спасся от боярского заговора в Москве и бежал в Литву[45]. Некий литвин говорил, что «государь де ныне в Литве наймует людей и к вам, псковичем, хочет с людми итти на помочь»[46]. В этих слухах ясно отражается квазифольклорное представление о молодом царе как жертве боярской измены и заступнике народа в борьбе за справедливость.

Рассмотрение этих материалов приводит к выводу, что к середине XVII века новая династия Романовых уже преодолела большинство тех трудностей, которые — как правильно отметил Л. В. Черепнин — она испытывала в 1620-е годы. Угроза самозванчества значительно ослабла после 1630 г. Внутри России большинство случаев наименования себя царем являлись безобидными примерами феномена народного самозванчества. «Настоящие» самозванцы объявлялись вне пределов России, а не получали поддержки от русских людей. Вопрос о престолонаследии беспокоил народ даже после рождения царевича Алексея Михайловича в 1629 г. Но, несмотря на слухи о «подменном» царевиче, по смерти Михаила Федоровича в 1645 г. Алексея признали как законного наследника, и преемственность династии была обеспечена. В 1648—50 гг. действительно проявился новый социальный кризис, но городским восстаниям не сопутствовал кризис династический. Отдельные «непригожие слова» были направлены прямо против самого царя, но вообще главными виновниками несправедливости восставшие горожане считали «изменников-бояр» и «сильных людей». Восстания 1648—50 гг. являлись «бунтами во имя царя» и тем самым свидетельствовали не только о сохранении авторитета института монархии, но также и о прочности династии Романовых.

---

[42] «Мятежное время»: Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. СПб.; Кишинев, 2001. № 61. С. 158.

[43] *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. С. 304.

[44] Там же. С. 302.

[45] Там же. С. 105, 114, 378—379.

[46] Там же. С. 282.

О. Г. Усенко (Тверь)

Монархическое самозванчество в России XVII века: новые факты и общая картина

В научной литературе преобладает мнение (не всегда формулируемое открыто), что российское монархическое самозванчество XVII в. было феноменом, так сказать, «бунтарским», «народным», «восточнославянским» и «православным»[1].

---

[1] См.: *Щербатов М. М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774; *Соловьев С. М.* Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 2. Стлб. 265—281; *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994; *Он же.* Самозванцы и пророки. М., 1997; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995 (1-е изд.: СПб., 1899); *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII—XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3; Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974; *Панченко А. М.* «Народная модель» истории в набросках Толстого о Петровской эпохе // Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 80—82; *Он же.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 25—33 (1-е изд.: Л., 1984); *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983; *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *Он же.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988; *Ингерфлом К. С.* Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII—XX вв.) // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991; *Дорофеев В. В.* Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994; *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII—XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3; *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; *Низовский А. Ю.* Русские самозванцы. М., 1999; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000; *Мауль В. Я.* Харизма и бунт: Психологическая природа народных движений в России XVII—XVIII веков. Томск, 2003; *Ингерфлом К.* Между мифом и логосом: действие. Рождение политической репрезентации власти в России // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. М., 2003. Кн. 2; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2004; *Арканникова М. С.* Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005; *Avrich P.* Russian Rebels. N. Y., 1972; *Bercé Y.-M.* Le roi caché: Sauveurs et imposteurs. Paris, 1990; *Ingerflom C. S.* Entre le mythe et la parole: l'action: Naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // Annales: Histoire, Siences sociales. 1996. № 4; *Perry M.*

Однако многих исследователей интересуют лишь те лжемонархи, которые были связаны с антиправительственными выступлениями. Но, главное, пока еще известны не все случаи монархического самозванчества в России XVII в. Нужно восполнить этот пробел, иначе мы не выясним, насколько близко к истине изложенное выше мнение.

В данной работе будет представлен полный список российских лжемонархов 1601—1700 гг. и обобщены основные сведения об их связях с движениями протеста и социальном статусе на момент «проявления» (первой демонстрации мифической ипостаси) в России.

Исследовательский подход базируется на тезисе, что не каждый, кто называет себя «царем / царевной», «государем / государыней» и т. д., заслуживает квалификации «лжемонарх (псевдомонарх, самозванец монархического типа)»[2].

Самозванец вообще — это дееспособный и правоспособный индивид, который:

1) знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намеками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно — взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих), и все это делал прежде всего для того, чтобы лично воспользоваться плодами своих усилий;

2) начав однажды играть новую роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями — до момента публичного отказа от новой ипостаси (под принуждением) или до своей смерти; выстраивал свое дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже общался с ними нерегулярно и тайно;

3) притязал на новый статус, объективно не имея на то никаких прав, причем его заявления были признаны в целом недостоверными и необоснованными как современниками, так и потомками (историками), и даже если он убедил на время какую-то часть людей, то в конце концов был разоблачен как обманщик (неважно — при жизни или после его смерти);

Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995; *Idem.* Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack «Tsareviches» in Seventeenth Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000; *Idem.* Samozvanchestvo Reconsidered: «Calling Oneself a Tsar» in Seventeenth-Century Russia // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / New Directions and Results in International Russistics. Budapest, 2005; *Szvák G.* False tsars. Boulder; Wayne, 2000.

[2] См.: *Усенко О. Г.* Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. 2002. № 5—6. С. 39—51.

4) воспринимал себя в новом качестве и/или так воспринимался другими не «в шутку», а «всерьез», не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни;

5) претендовал на статус, входивший в число привычных, известных или хотя бы принципиально возможных для членов данного социума, прилагал к себе эпитеты, не вызывавшие недоумения или смеха у окружающих, т. е. стремился (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в данном обществе[3].

Лжемонарх — это самозванец, который не только выдает себя за верховного правителя отдельного государства или члена его фамилии (в нее входят ближайшие родственники и свойственники монарха), но также стремится получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо добивается признания со стороны официальных властей, либо создает свою собственную, автономную сферу властвования (вербует сторонников и добивается того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его «подданные»).

От лжемонархов нужно отличать людей, произносивших «непригожие речи», — бахвалов и болтунов, которые если не забывали тут же о своих притязаниях на высочайший статус, то больше их не повторяли, а напротив, отрекались от сказанного и ничем не подкрепляли его[4].

Российскими следует, очевидно, считать лишь тех лжемонархов, которые в своей мифической ипостаси не просто находились на территории Российского государства (по состоянию границ в данный момент), но хотя бы недолго пребывали там на свободе непосредственно перед «проявлением».

Соответственно, за рамками исследования оказываются: 1) российские подданные, которые в новом качестве действовали только за границей; 2) самозваные конкуренты московского государя из числа иноземцев, так и не побывавшие в России; 3) представители двух первых групп, которые уже после «проявления» оказались на территории Российского государства как арестанты[5].

По моим подсчетам, в России XVII в. было 29 лжемонархов. Вот их перечень, составленный по хронологическому принципу (в квадратных скобках указан период бытия самозванца в его мифической ипостаси на российской земле — от «проявления» или приезда до саморазоблачения, а если такового не было, то до смерти или отъезда за границу; все даты приводятся по старому стилю; знак вопроса означает гипотетичность данных):

1. «Царевич Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий I [13 октября 1604 — 17 мая 1606] — Григорий (в миру Юрий Богданов сын Отрепьев)?, россий-

---

[3] В связи с этим нельзя относить к самозванцам сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек. Во-первых, Иван так и не достиг совершеннолетия. Во-вторых, его сызмальства воспитывали как царевича, и эта роль была у него единственной, т. е. не было отказа от реального статуса в пользу мифического.

[4] См.: *Усенко О. Г.* Новые данные о лжемонархах в России XVII века // Вестник Московского ун-та. Серия 8: История. 2006. № 2. С. 120.

[5] См.: Там же. С. 119—120.

ский подданный?, русский?, христианин (православный)?, беглый монах?, участник восстания[6].

2. «Царевич Пётр, сын царя Федора Ивановича» [зима 1605/1606 — 10 октября 1607] — Илья (Илейка) Иванов сын Коровин (он же Горчаков) по прозвищу Муромец, российский подданный, русский?, христианин (православный), «товарищ» (слуга?) «вольного» казака, участник восстания[7].

---

[6] Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 366—381, 424—425; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 25—70, 162—186; О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 64—122, 176, 188, 217, 223, 277—331, 339, 343; Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 29—102, 110, 115, 141, 150, 175, 217—235, 286, 295—311; *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 24, 26—30; *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 24—26, 29, 105, 152—153; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века: 1601—1608: Сб. док-тов. М., 2003. № 14, 17, 19, 33, 65; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 56—273; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 390—442; *Ширлинг.* Дмитрий Самозванец. Ростов н/Д., 1998 (1-е изд.: М., 1912); *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 162—191; *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России...; *Васильев П. П.* Тайны русской истории конца XVI — начала XVII в. М., 1990. С. 83—141; Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 235—240; СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 685—686; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты. Киев, 1993. Ч. 1—2; *Он же.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993; *Он же.* Царское венчание Лжедмитрия I: между Западом и Востоком? // Россия XV—XVIII столетий: Сб. науч. статей. Волгоград; СПб., 2001. С. 76—92; *Он же.* Смутное время. М., 2006; *Лаврентьев А. В.* Царевич — царь — цесарь. СПб., 2001; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 139—149, 152, 161, 164—171; *Даннинг Ч.* Царь Дмитрий // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 39—57; *Bercé Y.-M.* Op. cit. P. 82—114; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 32—179, 239—250; *Szvák G.* Op. cit. P. 7—25.

[7] Дневник Марины Мнишек. С. 71, 76, 81, 96, 99—105; О начале войн и смут в Московии. С. 125, 128, 131, 137, 140—144, 179, 330—332, 335, 501—502; Хроники Смутного времени. С. 91—99, 184—185, 215, 238—241, 258, 310—317, 440; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 35—36; Народное движение... № 15, 19, 42, 48, 56—58, 65, 108, 111, 114, 155, 189, 209, 216; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 347—359; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 435—436, 462—469; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 213—215, 220—222, 230; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 172—193, 365—492; *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 36—88; Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков... С. 52—64, 327—352; *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России... С. 187—190; *Тюменцев И. О.* Русские самозванцы... С. 213—221, 239—241, 249; *Он же.* Смута в России... С. 54—61, 73—79, 99—100; *Логинова А. С.* Начальный этап движения «царевича Петра» // Науч. труды Нижневартовского гос. пед ин-та: Серия «История». 2002. Вып. 2. С. 78—85; *Она же.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 4—83, 118—131, 149—185; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 90—97, 133—144, 147—153, 163—164, 168—181; *Idem.* Pretenders in the Name... P. 244—246; *Szvák G.* Op. cit. P. 32—34, 41.

3. «Царевич Иван по прозвищу Август, сын царя Ивана IV» [лето 1606 — лето / осень 1608] — российский подданный?, восточный славянин?, христианин (православный)?, «вольный» казак?, участник восстания[8].

4. «Царевич Фёдор, сын царя Фёдора Ивановича» [лето 1606? — перед 14 апреля 1608] — российский подданный?, восточный славянин?, христианин (православный)?, «вольный» казак?, участник восстания[9].

5. «Царь Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий II [12 июля 1607 — 11 декабря 1610] — подданный Речи Посполитой?, еврей?, христианин (православный)?, бродяга?, участник восстания[10].

6. «Царевич Лаврентий, сын царевича Ивана Ивановича» [осень 1607 / начало 1608? — лето / осень 1608] — российский подданный?, христианин (православный)?, «вольный» казак?, участник восстания[11].

---

[8] ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 138—139; Хроники Смутного времени. С. 332; Народное движение... № 132, 163; Berthold-Ignace de Sainte-Anne. Histoire de l'établissement de la Mission de Perse par les Pères Carmes-Déchaussés (de l'année 1604 à 1612). Brussels, 1885. P. 151—153, 182—201; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 452—453; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 244—253; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 60; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 6, 83—90, 149, 176; *Усенко О. Г.* 17 самозванцев у русского трона // Родина. 2004. № 5. С. 68; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 131—135, 175—176, 179—181; *Idem.* Pretenders in the Name... P. 246—247; *Szvák G.* Op. cit. P. 41.

[9] Хроники Смутного времени. С. 318; Памятники Смутного времени: Тушинский вор: личность, окружение, время. М., 2001. С. 429; Berthold-Ignace de Sainte-Anne. Op. cit. P. 151; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 359; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 214, 230; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 112; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 5, 6, 83, 176; *Усенко О. Г.* 17 самозванцев... С. 68; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 174—178; *Idem.* Pretenders in the Name... P. 247; *Szvák G.* Op. cit. P. 38, 41.

[10] ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 386—393, 402—403, 406—407; Дневник Марины Мнишек. С. 97—134, 186—191; О начале войн и смут в Московии. С. 147—148, 333—360; Хроники Смутного времени. С. 21, 74, 81—82, 93, 96—144 и сл.; Памятники Смутного времени...; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 38—39, 61, 69, 99, 153—154, 330—331; *Мархоцкий Н.* Указ. соч. С. 27—86, 108—110, 150—175; Народное движение... № 19, 209; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 456—600; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 360—619; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 228—289; *Тюменцев И. О.* Русские самозванцы... С. 241—252; *Он же.* Смута в России... С. 79 и сл.; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 3—4, 14—15, 21, 40—53 и сл.; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 133—134, 157—228, 239—250; *Szvák G.* Op. cit. P. 34—43.

[11] ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 138—139; Хроники Смутного времени. С. 332; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 469; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 359, 452—453; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 214; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 244—246, 253; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 60; *Он же.* К истории калужского периода движения Лжедмитрия II // Россия XV—XVIII столетий. С. 93—135; *Он же.* Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II: 1607— начало 1610 года // Иноземцы в России в XV—XVII веках. М., 2006. С. 270—283; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»...

7—13. «Царевичи, сыновья царя Фёдора Ивановича» — «Василий», «Гавриил», «Ерофей», «Клементий», «Мартын», «Савелий», «Симеон» [1607? — лето / осень 1608?] — христиане (православные)?, «вольные» казаки?, участники восстания[12].

14. «Царевич Осиновик, сын царевича Ивана Ивановича» [зима / весна? — лето 1608] — христианин (православный)?, «вольный» казак?, участник восстания[13].

15. «Царь Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий III [начало 1611 — 20 мая 1612] — Сидор (Исидор) или Матвей?, российский подданный?, русский?, христианин (православный)?, беглый дьякон или дьяк?, участник восстания[14].

16. «Царь Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий IV [1611? — начало? 1612] — Гурий?, христианин (православный)?, участник восстания[15].

17. «Султан Ахия (Иахия, Якия), в крещении Александр, великий князь Оттоманский, сын турецкого султана Магомета (Мехмеда) III»; «князь черногорский»

С. 6, 83—84, 87—90, 149, 176; *Усенко О. Г.* 17 самозванцев... С. 68; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176—181; *Idem.* Pretenders in the Name... P. 246—247; *Szvák G.* Op. cit. P. 41.

[12] Восстание И. Болотникова: Док-ты и мат-лы. М., 1959. С. 229; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 469; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 359; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 214; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 60; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 83; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176—178; *Idem.* Pretenders in the Name... P. 247; *Szvák G.* Op. cit. P. 41.

[13] Хроники Смутного времени. С. 332; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 452; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 244, 253; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 60; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 87—90, 176; *Усенко О. Г.* 17 самозванцев... С. 68; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176—179; *Idem.* Pretenders in the Name... P. 247; *Szvák G.* Op. cit. P. 41.

[14] ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 158—161; О начале войн и смут в Московии. С. 217, 360—362, 367; Хроники Смутного времени. С. 363, 367, 516; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 164—166, 172, 191—192, 205—206, 210—211, 215, 240—245; Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5. Ч. 1. С. 139—140; *Щербатов М. М.* Указ. соч. С. 173—177; *Евгений* (*Болховитинов*). История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 1. С. 263—271; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 634, 646—649; Кн. 5. С. 329—330; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 699—701, 738; *Седов П. В.* Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 22—33; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 6, 8, 91—105, 117, 133, 135—136, 177, 181—183; *Кобзарева Е. И.* Указ. соч. С. 107—109, 118, 129—130, 137—138, 164—171, 202, 206—207, 214—215, 220—223, 242, 384—385; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 211—217; *Szvák G.* Op. cit. P. 43—44.

[15] ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 138—139; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 645; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 64; *Логинова А. С.* Провинциальные «лжецаревичи»... С. 149; *Усенко О. Г.* Новые данные... С. 123—125; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176; *Szvák G.* Op. cit. P. 45.

[2 декабря 1625 — конец августа / сентябрь? 1626] — османский подданный?, христианин (православный)?, путешественник[16].

18. «Московский царевич» (Иван, сын царя Дмитрия Ивановича и царицы Марии Юрьевны Мнишек?) [вторая половина июня 1641 — начало 1642?] — Мануил Сеферов сын, по прозвищу Дербинский, персидский или польский подданный?, армянин, христианин (член армяно-григорианской церкви), путешественник, арестант («за приставом»)[17].

19. «Царевич Иван, сын царя Дмитрия Ивановича и царицы Марии Юрьевны Мнишек» [между 13 июля 1645 и 30 января 1676] — христианин (православный)?, бродяга[18].

20. «Прямой потомок царя Александра Македонского, помазанник Божий» [перед 10 августа — после 18 сентября 1665] — Андрей Николаев сын по прозвищу Греченин, османский подданный, грек, христианин (православный), служилый иноземец без жалованья[19].

21. «Крымский хан» [между 14 сентября 1666 и концом августа 1667?] — Тарас Авдеев сын Сизиков, российский подданный, русский?, христианин (православный)?, военнослужащий (драгун), разбойник?[20].

22. «Царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича» [начало августа? 1670 — перед 6 июня? 1671] — российский подданный?, христианин (православный)?, бродяга?, участник восстания[21].

---

[16] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1625 г. Д. 2; Ф. 89. 1637 г. Д. 1. Л. 362; *Кулиш П. А.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. С. 148—153, 157—286; Хроники Смутного времени. С. 408; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 5. С. 424—428; *Макушев В. В.* Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI веках // ЖМНП. 1872. № 10. С. 324; *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 60—61 (1-е изд.: СПб., 1884); *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2. С. 208—209; *Усенко О. Г.* Ототоманус, или Сын турецкого султана // Родина. 2006. № 6. С. 45—52.

[17] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 152. Л. 5, 11—21, 26—29, 35—49, 53—61, 79—82; *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 261; *Усенко О. Г.* Новые данные... С. 126—131; *Он же.* «Московский царевич» и «потомок Македонского» // Родина. 2006. № 7. С. 50—53.

[18] *Булгарин Ф. В.* Марина Мнишек, супруга Димитрия Самозванца // Русская старина: Литературно-исторический альманах. М., 1992. Вып. 2. С. 140, примеч.; *Думин С.* Царица Марина // Родина. 1994. № 5. С. 55.

[19] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 576. Л. 299—324; *Усенко О. Г.* Новые данные... С. 131—134; *Он же.* «Московский царевич» и «потомок Македонского». С. 53—54.

[20] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14 (Столбцы Севского стола). Д. 222. Л. 77, 353—355 об.; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. (далее — КВСР). М., 1959. Т. 2, ч. 2. № 161; М., 1976. Т. 4. № 168; *Усенко О. Г.* Новые данные... С. 134—135; *Он же.* «Московский царевич» и «потомок Македонского». С. 54.

[21] РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. Картон 344. Д. 792; *Койэт Б.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 446; КВСР. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. № 63, 83, 92, 119, 121, 124, 171, 277, 327; Т. 2. Ч. 2. № 127, 143; М., 1962. Т. 3.

23. «Святой»? [лето 1666 — октябрь 1671?]; «царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича» [1/12 августа — 2/11 октября 1671] — Иван Алексеев сын Клеопин, российский подданный, русский, христианин (православный), дворянин (сын боярский) без поместного оклада[22].

24. «Царевич Симеон, сын царя Алексея Михайловича» [конец октября / начало ноября? 1673 — 15? сентября 1674]; «князь Семён Еремеев сын Вишневецкий, брат польского короля Михаила Корибута» [15? сентября 1674] — Семен Иванов сын Воробьев, российский подданный, украинец?, христианин (православный), донской «бурлак», разбойник?, позднее участник бунта[23].

№ 81, 318; Записки приказных людей конца XVII века // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 258; Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С. 123; *Щербатов М. М.* Указ. соч. С. 189—197; *Соловьёв С. М.* Заметки о самозванцах... Стлб. 271; *Он же.* Соч. М., 1991. Кн. 6. С. 298—299; *Костомаров Н. И.* Самозванцы и пророки. С. 198; *Иловайский Д. И.* История России. М., 1905. Т. 5. С. 355; *Тхоржевский С. И.* Стенька Разин. Пг., 1923. С. 83; *Сменцовский М.* К истории казни Ст. Разина // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 132; *Лебедев В. И.* Крестьянская война под предводительством Степана Разина: 1667—1671 гг. М., 1955. С. 97; *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 140; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 139; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 80—84, 87—88; *Панченко А. М.* Русская культура... С. 25; *Чистякова Е. В., Соловьёв В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 54—56; *Буганов В. И.* «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 30—31; *Ингерфлом К.* Указ. соч. С. 68—71, 74—75, 79—80, 83—85; *Арканникова М. С.* Указ. соч. С. 99, 106, 201; *Усенко О. Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и общество в русском общественном сознании. М., 1999. С. 84—88; *Он же.* Новые данные... С. 125; *Он же.* Бродячие дети второго Романова // Родина. 2006. № 8. С. 60—62; *Perrie M.* Pretenders in the Name... P. 249—252; *Szvák G.* Op. cit. P. 74—75.

[22] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 341, 541; *Соловьёв С. М.* Соч. М., 1991. Кн. 7. С. 128—129; *Он же.* Самозванец Ивашка Клеопин // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. Отдел V. С. 1—2; *Побойнин И. И.* Торопецкая старина. Торопец, 2004. С. 132—133 (1-е изд.: М., 1902); *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 85; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 124—125; *Усенко О. Г.* Бродячие дети второго Романова. С. 62—63; *Perrie M.* Samozvanchestvo Reconsidered... P. 95—96; *Szvák G.* Op. cit. P. 77.

[23] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1673 г. Д. 40; 1674 г. Д. 6, 11; Оп. 3. Д. 304, 306; Оп. 4. Д. 19, 21—23; Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 12. Д. 3. Док. № 2, 16, 18, 20, 22, 24; Ф. 229. Оп. 2. Д. 23; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1826. Ч. 4. № 89, 90, 94—96, 99; Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. № 560, 566, 567, 578, 581, 589; Акты исторические... СПб., 1842. Т. 4. № 247; Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стлб. 1014—1015, 1019—1023; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России... СПб., 1879. Т. 11. № 109, 110, 113, 119, 147, 170, 184, 199; КВСР. Т. 3. № 263, 273; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 6. С. 440—446, 453—455, 458—459; *Костомаров Н. И.* Самозванцы и пророки. С. 172—199; *Эварницкий Д. И.* Указ. соч. С. 456—479; *Иловайский Д. И.* История России. Указ. соч. С. 384—388; *Сменцовский М.* Указ. соч. С. 130—132; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 85—87; *Голикова Н. Б.* Организация политического сыска в России XVI—XVII вв. // Государственные учреждения России

25. «Царевич Матвей Леванович (Леонович) Дадиани, сын царя Мегрелии» (Левана II? Левана III?) [весна/лето 1681? — 14 июня 1682] — подданный одного из грузинских государств?, грузин?, христианин (член грузинской церкви)?, княжич?, путешественник?, участник волнения[24].

26. «Побочный сын польского короля Яна III Собеского» [весна 1682/1683?] — Бризасье, именное прозвище — Поляк (Brisacier le Polonais), французский подданный, француз, христианин (католик)?, путешественник, вынужденный эмигрант[25].

27. «Царь Пётр, сын царя Алексея Михайловича» [25/30? марта — 28 апреля 1690] — Терентий Прокофьев сын Чумаков, российский подданный, русский, христианин (православный)?, посадский человек, бродяга[26].

28. «Царевич Иван, сын царя Ивана IV» [21—26 октября 1690]; «бог»? [21 октября 1690 — после 13 января 1691] — Иван Васильев сын, российский подданный, русский, христианин (православный — старовер?), бродяга-нищий, арестант (в тюрьме)[27].

29. «Первый капитан (капитан первой роты) Преображенского полка Пётр Алексеев» (= царь Петр I) [7—31? января 1697] — Тимофей Евтифиев сын Кобыл-

---

XVI—XVIII вв. М., 1991. С. 23; *Усенко О. Г.* Об отношении народных масс... С. 88—89; *Он же.* Царевич Симеон из Запорожья // Родина. 2006. № 9. С. 31—38; *Perrie M.* Pretenders in the Name... P. 252—253; *Szvák G.* Op. cit. P. 77—79.

[24] Записки приказных людей... С. 267, 371; *Медведев С. А.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 121—122; Восстание в Москве 1682 года: Сб. доктов. М., 1976. С. 279; ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 529; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 79—80; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 7. С. 280, 323—324; *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. С. XXII—XXIII, примеч. 86; *Козловский И. П.* Сильвестр Медведев. С. 119; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 205—206; *Богданов А. П.* Летописец и историк конца XVII века. М., 1994. С. 117; *Он же.* От летописания к исследованию. М., 1995. С. 271; *Усенко О. Г.* Фальшивый принц и нищий царевич // Родина. 2006. № 10. С. 57—59.

[25] *Choisy F.-T. de.* Mémoires pour servir à l'histoire de Louis XIV. Paris, 1979. P. 77—78, 212—216, 398); Mémoires de madame la marquise de Montespan. Paris, 1829. T. 2. P. 48—51; *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Фортуну»: Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 250—251; *Усенко О. Г.* Фальшивый принц и нищий царевич. С. 59—61.

[26] РГАДА. Ф. 159. Оп. 2, ч. 2. Д. 4078а; *Усенко О. Г.* Новые данные... С. 135—137; *Он же.* Царь Пётр — пропойца из Рославля // Родина. 2006. № 12. С. 68—69.

[27] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 1304; *Зенбицкий П.* Сумасшедший самозванец // Живая старина. 1907. Вып. 3. С. 153—157; *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994. С. 90—91; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 125—127; *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество. М., 2002. С. 122—123; *Усенко О. Г.* Царь Пётр — пропойца из Рославля. С. 69—71.

кин, российский подданный, русский?, христианин (православный), посадский человек в торговой поездке[28].

Всего с 1601 по 1800 г. в России, по моим подсчетам, было 147 лжемонархов. значит самозванцы XVII в. составляют от их числа 20%.

Среди лжемонархов XVII в. 16 чел. (55%) — участники Смуты. В правление Михаила Романова действовали 2 чел., Алексея — 6, Федора — 1, Ивана V и Петра I — 4.

С учетом гипотетических данных российскими подданными были, как минимум, 13 самозванцев (45%), к восточным славянам принадлежали не менее 11 (из них 8 — к русским). Среди известных иноземцев (6 чел.) присутствуют еврей, армянин, грек, грузин и француз.

Судя по всему, все самозванцы — христиане, при этом 93% (27 чел.) — православные; из них лишь один был, вероятно, «старовером».

К социальным «низам» принадлежали, как минимум, 25 лжемонархов (86%). Благородным происхождением (но не богатством) отличались лишь трое (о Лжедмитрии IV данных нет).

Хотя бы минимальная поддержка в России была у 21 лжемонарха (72%), но после 1613 г. действовали только 5 из них — Т. Сизиков, разинский «царевич Алексей», С. Воробьев, «М. Дадиани», Т. Кобылкин. Однако Сизиков и Кобылкин пользовались поддержкой окружающих ради личной корысти. Из 19-ти же участников светских выступлений протеста лишь трое действовали после Смуты; в этой группе доминируют участники восстаний[29] (17 чел.), но лишь один из них — не современник Смуты.

В XVII в. среди лжемонархов не было женщин (в XVIII в. — 8), не было повторных (после саморазоблачения) случаев монархического самозванства с новым именем и/или статусом (в XVIII в. — 5) и отмечены лишь два случая монархическо-религиозного самозванства (в XVIII в. — 18). Зато один самозванец (Лжедмитрий I) подчинил на время всю страну и еще один (Лжедмитрий II) — значительную часть ее (в XVIII в. имел место лишь второй вариант — случай с Е. И. Пугачевым).

Итак, монархическое самозванчество в России XVII в. не было чисто местным продуктом, как не являлось продуктом исключительно восточнославянской, православной и народной культуры. Далеко не всегда оно было и проявлением бунтарства.

---

[28] РГАДА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 17; Ф. 210. Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 1613. Л. 255—263; Ф. 371. Оп. 2. Д. 482, 530; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 7. С. 563; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 113; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 128—134; *Усенко О. Г.* Повесть о капитане Копейкине // Родина. 2007. № 1. С. 34—38.

[29] О разнице между «восстанием», «бунтом» и «волнением» см.: *Усенко О. Г.* Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 67—68.

Б. Н. Флоря (Москва)

Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII века

Капитальное исследование Л. В. Черепнина, посвященное истории Земских соборов[1], стало важной вехой в истории изучения этого важного явления истории России XVI—XVII вв. Многие стороны их деятельности получили в этом труде исчерпывающую характеристику. Вместе с тем это исследование заложило серьезный фундамент и для продолжения исследования ряда важных вопросов.

Один из них — это вопрос о роли выборных представителей сословий, собиравшихся на Земские соборы, в решении внешнеполитических задач, стоявших перед Русским государством в первой половине XVII в. Обнаружение ряда документальных свидетельств, которые остались неизвестными автору книги о Земских соборах, оправдывает, как представляется, повторное обращение к этой теме.

В исследовании Л. В. Черепнина на широком круге источников показано, что в первые годы правления царя Михаила Земский собор был одним из высших органов власти, принимавшим решения по многим важным вопросам и своим авторитетом обеспечивавшим их выполнение.

Может быть, приведен ряд свидетельств об участии Земского собора и в решении важных вопросов внешней политики. Так, 31 августа 1615 г. на заседании Земского собора[2] было принято решение «послати от... бояр и окольничьих и от всяких людей всего великого Российского царствия в больших послех на съезд» с представителями Речи Посполитой И. М. Воротынского, А. Ю. Сицкого и А. В. Измайлова[3]. Важность такого решения очевидна и в комментариях не нуждается.

В конце 1616 г. Земский собор рассматривал вопрос об условиях мира со Швецией. На переговорах сложилась ситуация, когда следовало принять одно из двух возможных решений: или добиться возвращения всей Новгородской земли, занятой шведами, выплатив им крупные денежные суммы, или заключить мир, уступив шведам часть этой территории. 11 сентября 1616 г. царь передал это дело на рассмотрение Земского собора. Участники собора «о том промеж себя говорили долгое время и советовали на всякие мысли». В итоге было принято решение усту-

---

[1] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

[2] Царь «приговорил з богомольцы своими митрополиты и архиепископы и сь епископы и со всем освященным собором и з бояры, и с окольничими, и з думными дьяки, и с стольники и з дворяны большими и с стряпчими и из городов з дворяны и з детьми боярскими и з головы стрелецкими и з гостьми и со всякими служилыми и жилецкими людьми на соборе».

[3] РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 30. Л. 1.

пить шведам часть новгородской земли, так как «многих денег никакими обычаи собрати на тот [срок] не с кого»[4].

Огромную, до сих пор не оцененную роль сыграл Земский собор во время похода королевича Владислава в 1617—1618 гг. Это не был обычный военный поход. Королевич шел с войском занять русский трон, на который он был избран московскими «чинами» в августе 1610 г. Его сопровождали патриарх Игнатий и смоленский архиепископ Сергий и особый «двор» его русских сторонников. В декабре 1616 г., готовясь выступить в поход, Владислав обратился с воззванием ко всем жителям Русского государства. Напоминая о своем избрании на русский трон и принесенной ему присяге, он призывал русских людей «добити вскоре челом и служити ему», как своему законному государю. Владислав обещал, что православная вера «отнюдь ни в чем не будет нарушена», дети боярские сохранят свои вотчины и поместья и будут получать денежное жалованье. Он обещал, что посланное им войско будет «оберегать» всех, кто принесет ему присягу на верность[5].

Когда в сентябре 1617 г. королевич с войском подошел к Смоленску, был предпринят новый важный шаг. По свидетельству участника похода Якуба Собеского, 30 сентября (н. ст.) в Москву был отправлен королевский посланец Ян Гридич с двумя грамотами — одна из них была адресована русским боярам, другая — Михаилу Федоровичу[6]. В документе под названием «Универсал королевича его милости Владислва до Михаила Федоровича Романова писанни», «царь» Владислав, напоминая, что Михаил Федорович в свое время принес ему присягу «с товарищи своими, з стольники», предлагал ему добровольно отказаться от трона и покаяться в своих «винах» перед своим государем, который обещал проявить к нему свое «милосердие»[7].

Ответ на послание был отправлен Владиславу от имени «всех чинов всяких людей всех Российских государств»[8]. По свидетельству Я. Собеского, послание, доставленное в королевский лагерь под Вязьмой в начале ноября н. ст., имело большое количество подписей[9]. Подписи эти принадлежали, очевидно, участникам Земского собора, которые, приняв в начале лета решение о сборе на организацию

---

[4] *Черепнин Л. В.* Земские соборы… С. 224—225.

[5] Несколько расходящиеся между собой тексты этого обращения см.: АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 66—68; Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materialów do historii stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III / Wyd. A. Hirschberg. Lwow. 1901. S. 367—369.

[6] Приношу благодарность И. Грале за возможность познакомиться с неопубликованным текстом дневника похода Владислава, написанного Якубом Собеским.

[7] Muzeum Narodowe w Krakowie. Dział: zbiory Czartoryjskich (далее — Czart), rkp. 2101, k. 161—162. В противоречии со свидетельством Я. Собеского грамота датирована 3 октября н. ст. Вероятно, 30 сентября было принято решение о посылке грамот.

[8] Его текст см.: Czart. 2101, k. 141—160. Это копия послания, внесенная в Посольскую книгу Литовской метрики.

[9] Свидетельство Я. Собеского подтверждается более поздним русским сообщением, что королевичу «грамотами за всех чинов людей руками и за печатьми от Московского государства отказано» — РГАДА. Ф. 79. Кн. 33. Л. 50 об.

обороны страны нового чрезвычайного налога «пятины», продолжали оставаться в Москве, как и предполагал в свое время Л. В. Черепнин[10].

В послании говорилось о том, как Сигизмунд III в нарушение мирных соглашений оказал поддержку Лжедмитрию I, не выполнил условий соглашения, заключенного с Василием Шуйским в 1608 г., не выполнил и обещаний, заключавшихся в «статейном листе», который он прислал к московским «чинам», убеждая их избрать Владислава, и стал через изменников-тушинцев «прельщати» русских людей, чтобы они подчинились власти короля, а Владислава, вопреки обещанию, не прислал в Москву. Вступившие в Москву польско-литовские войска стали облагать население непомерными налогами, «насильство и позоры всякие учали чинить», «церкви божии» осквернили. Попытки их образумить и добиться приезда Владислава оказались безуспешными. Напротив, польско-литовские войска и русские «изменники» Москву «выжгли и высекли не крестьянским обычаем». А Сигизмунд III, вопреки достигнутым договоренностям, арестовал послов из Москвы, взял и разорил Смоленск. «И та отца вашего, — писали Владиславу русские чины, — неправда и разорение Московскому государству не токмо нам, и всем пограничным государем ведома».

После этого все жители Русского государства «меж себе союзный совет учинили и крестным целованьем укрепились» «стояти всем единомышленно против вас и на Московское государство государем тебя, — писали они, обращаясь к Владиславу, — никак не хотети». О принятых решениях неоднократно извещали и короля, и панов рад. На переговорах под Смоленском в 1615 г. русские «великие» послы снова Владиславу «ото всего великого Российского государства накрепко отказали». Московские «чины» подтверждали свою верность ранее принятым решениям. О избрании королевича, писали они, «поминати и слушати николи не хотим, и в мысль то нашу нине и вперед николи не придет, но нине последнии и подлинныи наш всех Росиискиx государств ото всяких людеи тебе отказ».

Напрасно Владислав в своем «универсале» называет Михаила Федоровича своим «холопом». У себя в Польше и в Литве королевич не может так назвать и «обышного шляхтича», а Михаил Федорович — помазанник Божий, равный по сану польскому королю, находится «в братьцкои дружбе и в любви» со многими государями. То, что он «не от царского корени», не имеет значения. Такими были многие византийские императоры, начиная с Феодосия Великого.

В заключительной части послания участники Земского собора подчеркивали свою верность избранному ими царю и выражали свою готовность против Владислава «стояти и битися» — за царя и «за нашу природу и за жены наши и детеи и за отьчьство». «И в мысли того не держи, — снова обращались они к Владиславу, — и никакими мерами не надейся, что тобе Московского государства, покаместа мы все и дети наши живы, доступити». Людей, которые посмеют снова привозить от Владислава подобные письма, в послании обещали «розными злыми позорными казньми казнити».

---

[10] *Черепнин Л. В.* Земские соборы… С. 227—228.

В тревожной обстановке, когда пограничные крепости Дорогобуж и Вязьма сдались без боя войску Владислава, такое решительное выступление участников Земского собора имело, как представляется, огромное значение, содействуя сплочению русского общества в борьбе с внешним врагом.

Летом 1618 г., когда, перезимовав в Вязьме, армия Владислава двинулась на восток, к Москве, снова усилились попытки побудить русских людей подчиниться королевичу. По свидетельству Я. Собеского, 20 августа н. ст., когда по приказу Владислава была освобождена группа пленных, с них было взято обязательство доставить секретно в Москву грамоты от королевича и его русских сторонников — «бояр наших московских». Грамота Владислава, адресованная «всяким чинам Московского государства», сохранилась в оригинале, скрепленном царской печатью[11]. Королевич жаловался, что советники Михаила таят от русских людей его «листы», опровергал их обвинения, что он пришел «на разорение православные крестьянские веры», и обещал не только сохранить старые права, но и «прибавляти новые» «по приговору з вами, бояры, и зо всею землею». Как представляется, ответом на это послание стало заседание Земского собора, собравшееся 8 сентября. На нем было принято решение «на Москве в осаде сидеть и с королевичем и с польскими и с литовскими людьми битися». Были приняты меры по организации обороны столицы[12].

Другой документ, посланный в Москву, исходил от духовных и светских лиц — сторонников Владислава и был также адресован «всяких чинов людем Московского государства», и был подписан его думным дьяком Василием Яновым[13]. Изменникам отослали их грамоту, «разодрав», а на обороте были написаны «укорительные слова»: так, подписавшего грамоту Василия Янова сравнивали с братоубийцей Каином[14].

По-видимому, когда армия Владислава в сентябре 1618 г. подошла к Москве, королевич еще раз обратился к русским «чинам», «устрашивая войной»[15]. Грамота была возвращена королевичу с записью на обороте: «Многажды отказали тебе и ныне отказываем, отнюдь себе на Московское государство не надейся... жалования твоего не хотим и гроз твоих не боимся»[16].

Начальная часть дела о посылке русских представителей на мирные переговоры, завершившиеся заключением Деулинского перемирия, не сохранилась. В настоящем своем виде оно начинается с фрагмента грамоты членов боярской думы комиссарам Речи Посполитой. В грамоте читаем, что бояре били челом царю, что-

---

[11] СГГД. Ч. III. М., 1822. № 39. С. 167—169.

[12] *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 228.

[13] Об этом, ныне утраченном, документе см.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1979. С. 140.

[14] См. об этом в грамоте Василия Янова от 18 сентября 1618 г.: Polska a Moskwa... S. 377—378.

[15] Запись об этом, ныне утраченном, документе см.: Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. С. 247.

[16] Там же.

бы тот «поволил нам, бояром, и всем думным людем, и всему российскому государству» отправить послов на переговоры с комиссарами. Извещая комиссаров, что согласие царя получено и послы для ведения переговоров назначены, составители грамоты подчеркивали, что они будут вести переговоры «по приказу братьи нашеи, царского величества бояр, и всего великого Росийского государства»[17].

Употребленные здесь формулировки дают основание полагать, что и само решение о начале мирных переговоров с представителями Польско-Литовского государства, и возможные условия мирного соглашения были результатом обсуждения этих вопросов на Земском соборе. Вероятно, одним из условий такого соглашения должен был быть отказ Владислава от притязаний на русский трон. Во время переговоров русские послы должны были заявить, что если в мирном договоре не будет такого условия, то «всем государством на нас за то станут»[18].

Как справедливо отметил Л. В. Черепнин, в эти первые годы правления Михаила Федоровича сложилось вообще представление, что решение важных внешнеполитических вопросов должно предприниматься при участии Земского собора. Так, когда в 1617 г. английский посол Д. Меррик ходатайствовал о предоставлении английским купцам права свободной торговли с Ираном, то царь «приговорил» с боярами, что «такова дела ныне не учинити без совету всего государства» и что решение царь примет позднее «со всеми своих великих российских государств людьми»[19].

В отечественной исторической литературе является общепризнанным, что с приездом Филарета в Москву роль Земских соборов в политической жизни России серьезно изменилась. Вопросы, которые ранее относили к компетенции Земских соборов, правительство Филарета решало, не обращаясь к этому институту. Когда в 1620 г. Д. Меррик снова поднял вопрос о предоставлении английским купцам права торговать с Ираном, правительство ограничилось расспросом «гостей» и фактически отказало английскому дипломату, не созывая Земского собора[20]. В течение ряда лет Земские соборы не созывались. Лишь в октябре 1621 г. был созван собор для обсуждения вопроса о войне с Речью Посполитой. Сохранившиеся в посольских делах материалы, касающиеся предыстории собора и его проведения, позволяют судить о том, каково было теперь его место в решении стоявших перед властью внешнеполитических задач.

В июле 1621 г. царь «советовал с отцом своим» патриархом Филаретом «о литовском деле». На этом совещании шла речь о том, что польско-литовская сторона постоянно нарушает условия мирного договора, а между тем Речь Посполитая ока-

---

[17] РГАДА. Ф. 79. Кн. 33. Л. 7 об. — 10.

[18] Там же. Л. 63.

[19] *Черепнин Л. В.* Земские соборы… С. 226—227.

[20] См. об этом *Черепнин Л. В.* Земские соборы… С. 236. В жалованную грамоту английским купцам, выданную после расспроса «гостей», пункт о торговле с Ираном не был включен. Текст этого документа см. РГАДА. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Кн. 7. Л. 511 об. — 525.

залась в тяжелом положении — в состоянии войны и со Швецией, и с Османской империей, а «турской салтан к государю пишет чтоб с ним стояти на польского заодин». Из этого царь и патриарх сделали вывод, что «ныне над ними (т. е. польскими и литовскими людьми) государю промышлять время». На совещании было принято и одно практическое решение — «послать в Литву к паном-радом о их неправдах от своих государевых бояр, и они б в том исправились»[21]. Смысл шага, который хотели предпринять в Москве, в свете данной на совещании общей оценки международной ситуации, совершенно ясен — отказ польско-литовской стороны удовлетворить русские требования мог послужить достаточным основанием для объявления войны Речи Посполитой.

В том же месяце воеводам пограничной Вязьмы было предписано сообщить сенаторам Речи Посполитой, что к ним направляется русский гонец Г. Борняков[22]. В конце сентября в новой грамоте воеводам этой крепости сообщалось, что «ныне по нашему указу бояр наших гонец Григореи Борняков отпущен и велено ему ехати в Вязму, не мешкая нигде ни часу»[23]. Однако затем эти слова в черновике грамоты были зачеркнуты, очевидно, потому, что было принято решение о созыве Земского собора, на обсуждение которого должен был быть вынесен вопрос об отношениях с Польско-Литовским государством.

9 октября царь и патриарх приняли решение о созыве Земского собора «о литовском деле» 12 октября в Грановитой палате[24]. Перед собравшимися представителями сословий был зачитан текст большой царской речи[25].

Начальную часть царской речи составляло подробное описание всех «неправд» польско-литовской стороны начиная с 1601 г. В этой части обращает на себя внимание высокая оценка действий русских чинов в особо тяжелых, неблагоприятных для Русского государства ситуациях. О выступлениях ополчений здесь говорилось: «И тем своим дородством и храбростью и по братье своей любовью и жаленьем во всех государствах многую славу и похвалу себе получили, что у таких сильных неприятелей такое великое государство из рук вырвали»[26].

Высоко оценивались и действия русских людей во время похода Владислава. «И вы, бояре, и дворяне, и всякие люди, — говорилось в царской речи, — ево прелести не поверили, и гроз никаких не убоялися, стали все против ево единомысленно и отказывали ему накрепко»[27]. Эти похвалы должны были, очевидно, побудить представителей сословий к благоприятному восприятию последующих разделов царской

---

[21] РГАДА. Ф. 79. 1621 г. № 1. Л. 1.

[22] Там же. Л. 19 и сл.

[23] Там же. Л. 68.

[24] Там же. Л. 80.

[25] Черновик «речи» с правкой см.: Там же. Л. 81—126. Он в ряде отношений существенно отличается от записи в разрядных книгах, использованной в монографии Л. В. Черепнина. Подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н.* О земском соборе 1621 г. // История СССР. 1981. № 4.

[26] Там же. Л. 90—91.

[27] Там же. Л. 95.

«речи». Длинный и обстоятельный перечень польских и литовских неправд завершался утверждением, что власти Речи Посполитой «хотят Московского государства доступати и мир порушити, и только б на них ныне не турская и крымская война, и оне б давно войну и кровь всчали»[28]. Далее подробно описывалось тяжелое положение Речи Посполитой, оказавшейся в состоянии войны одновременно с Османской империей, Крымом и Швецией, о том, что войска султана Османа окружили польскую армию во главе с Владиславом в лагере под Хотином, а войска Густава-Адольфа осаждают Ригу[29]. Несмотря на то, что их государство оказалось в столь тяжелом положении, польские и литовские люди «к Московскому государству исправления не покажут никоторого и задоров делать не престават». Царь решил потребовать от панов-рад прекращения «неправд», а если они и на этот раз этого не сделают, то станет окончательно ясно, что не желают соблюдать мирный договор, и царю ничего не останется иного, как «за свою государскую честь и государство свое против полсково короля стояти и неправды его мстити»[30].

В царской речи приводился ряд доводов в пользу такого решения. Во-первых, в ней указывалось, что войну надо вести теперь, пока «Полше и Литве война и теснота от Турского и от Крымского и от Свейсково», а если «им от недругов по-облегчает хоти мало», придется все равно вести войну, но в положении гораздо менее благоприятном[31]. Во-вторых, слушателям ясно давалось понять, что в будущей войне у России найдутся союзники. Султан Осман через своего посланника Фому Кантакузина «тово просит, чтоб государь стоял с ним на польского короля заодин», то же предлагает и крымский хан, а Густав-Адольф о том же писал к царю «с великим прошением двожды»[32]. К этому добавлялся еще один важный довод. Если теперь не выступить против Речи Посполитой в союзе с Османской империей и Крымом, «то вперед бы с Турским и с Крымским не войти в большую недружбу»[33]. Не случайно в одном из мест царской «речи» специально цитировались высказывания хана, что он хочет, чтобы царь, выполняя союзное соглашение, выступил против польского короля: «а не учнет государь стояти на полсково короля с ними вместе, и то будет всякой правде нарушенье»[34]. Если предложения хана и султана были переданы в «речи» достаточно точно, то сообщение, что Густав Адольф предлагает царю свой союз, совсем не соответствовало действительности: такие предложения были сделаны в 1620 г., тогда же отклонены русской стороной и более не возобновлялись[35].

---

[28] РГАДА. Ф. 79. 1621 г. Л. 114.

[29] Там же. Л. 116, 120.

[30] Там же. Л. 124—125.

[31] Там же. Л. 125.

[32] Там же. Л. 116—117, 119—120.

[33] Там же. Л. 125—126.

[34] Там же. Л. 117.

[35] См. об этом: *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 100—101, 123—124, 149—150, 158—159.

Усилия, затраченные на созыв собора и подготовку царской речи, не пропали даром: собравшиеся на собор представители сословий одобрили предложения царя и выразили готовность участвовать в войне и дать деньги на ее проведение[36].

Принятые на соборе решения дали возможность членам боярской думы обратиться к сенаторам Речи Посполитой не только от своего имени, но и от имени русских «чинов».

В грамоте говорилось, что приехавшие из Речи Посполитой посланники «ни о котором добром деле не объявили», а привезенное ими «писмо» «нам и всем людем Московского государства в конечную в сердечную досаду... учинилось»[37]. После длительного перечня «неправд» с польско-литовской стороны следовало требование немедленно принять меры для их исправления. Если это не будет сделано, то «мы, царского величества бояре, и все люди Московского государства за ваши неправды болши того терпеть не будем и за честь великого государя нашего... и за свое отечество и земли стояти и неправды ваши мстити будем»[38]. С этой грамотой 14 октября Г. Борняков был послан в Речь Посполитую[39].

Старания, затраченные на написание царской речи, отсрочка отъезда Г. Борнякова до завершения работы собора показывают, что его созыв вовсе не был простой формальностью и мнение представителей сословий имело для правительства патриарха Филарета значение. Вместе с тем сопоставление свидетельств о соборе 1621 г. и соборах более раннего времени показывает, что роль Земских соборов при решении внешнеполитических задач стала к 1621 г. иной, чем в предшествующие годы. Если собор, созванный осенью 1616 г., действительно решал вопрос об условиях мира со Швецией, обсуждая разные предложения на этот счет и делая свой выбор, то сословиям, собравшимся в 1621 г., предлагалось одобрить уже готовое решение, подготовленное заранее и без их участия. При этом предоставленная им информация о положении дел не во всем соответствовала действительности.

В дальнейшем Земские соборы в течение ряда лет вообще не собирались. Такие важные решения, как выработка проекта соглашения о союзе с Густавом Адольфом или объявление войны Польско-Литовскому государству, были приняты без всякого участия сословий. Земский собор был созван лишь в ноябре 1623 г., когда военные действия шли уже полным ходом, чтобы добиться санкции сословий на установление чрезвычайных налогов, необходимых для содержания армии.

С 30-х гг. XVII в. созыв Земских соборов возобновился, но новое представление об их роли наложило отпечаток на их деятельность. Наиболее ярким примером может служить Земский собор, созванный в 1642 г. для решения вопроса о судьбе Азова.

Собор этот привлекал к себе внимание исследователей, так как на нем представители сословий выступили с резкой критикой порядков в Русском государстве.

---

[36] РГАДА. Ф. 79. 1621 г. № 1. Л. 126; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 237.

[37] Там же. Л. 149.

[38] Там же. Л. 173а.

[39] Там же. Л. 128.

По мнению одного из немногих серьезных исследователей политической истории России первой половины XVII в. П. П. Смирнова, русское правительство во главе с двоюродным братом царя Михаила, кн. И. Б. Черкасским, продвигая русские границы на юг, побудило донских казаков к захвату Азова и, поддерживая их, готовилось к войне с Османской империей. Однако на созванном в 1642 г. Земском соборе «по вопросу о походе под Азов» правительству пришлось выслушать «суровый приговор над своей политикой» со стороны представителей сословий, не пожелавших «принять Азов от казаков». «От Азова пришлось отказаться, что было тяжелым ударом по всей внешней и внутренней политике боярина князя И. Б. Черкасского». С этим исследователь склонен был связывать и смерть боярина сразу по окончании работы Земского собора[40].

Обращение к материалам дипломатических переговоров, предшествовавших созыву собора, позволяют представить положение вещей в существенно ином свете. Причины созыва Земского собора в общем виде правильно определены в книге Л. В. Черепнина. В 1637 г. донские казаки взяли штурмом османскую крепость Азов, расположенную в устье Дона. В течение ряда лет османское правительство не предпринимало серьезных попыток отбить у казаков эту крепость. В 1641 г. положение изменилось: султан Ибрагим послал под Азов большую армию, которая отступила, не добившись успеха, но донские казаки понесли в войне большие потери, а азовская крепость была сильно разрушена. 28 октября 1641 г. в Москву прибыл посол Войска Донского Наум Васильев, сообщивший, что казаки не в состоянии далее удерживать город и просят царя «принять» Азов и выслать в него царского воеводу с войском[41].

2 декабря на Дон отправились посланцы царя А. Желябужский и А. Башмаков, которые должны были осмотреть Азов и прислать его «чертеж». Однако задолго до их возвращения 3 января состоялся царский указ о созыве Земского собора для решения вопроса об Азове[42]. Чем же была вызвана такая спешка? Ведь зимой османы, как правило, военных действий не вели. В царской «речи», обращенной к участникам собора, его созыв аргументировался тем, что «идет к государю турской посол, а в вестях во многих пишут, что идет говорити о Азове»[43]. Однако и это объяснение представляется странным: логично было бы созывать собор, узнав, с какими предложениями едет в Москву представитель султана.

Загадка разрешается при обращении к материалам дипломатических сношений России с Молдавией. В декабре 1641 г. «с государевым тайным делом» в Москву приехал посол молдавского воеводы Василия Лупу Исай Астафьев. 30 декабря он был принят царем[44]. Из упоминаний в более поздних документах (грамота царя

---

[40] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 406—411, 425, 434, 464, 480—482.

[41] *Черепнин Л. В.* Земские соборы… С. 263.

[42] Там же. С. 263—264.

[43] Акты, относящиеся к истории Земских соборов / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1920. С. 41.

[44] РГАДА. Ф. 68 (Сношения России с Молдавией и Валахией). 1642 г. № 3. Л. 9, 22.

Михаила Федоровича молдавскому воеводе от 8 апреля 1642 г., статейный список посольства во главе с И. Д. Милославским в Османскую империю)[45] выясняется, что посланец привез «писание» молдавского воеводы с изложением условий русско-османского соглашения. Если царь выведет казаков из Азова, то султан и хан заключат с царем союз, окажут ему военную помощь в случае нападения какого-либо другого государства, а что касается набегов крымских татар, то «ни к рубежам их блиско не будет».

Таким образом, ко времени созыва собора содержание османских предложений было царю и его советникам хорошо известно. Характерно, однако, что в царской «речи» на соборе о миссии И. Остафьева ничего не говорилось. Следовательно, созывая представителей сословий, правительство вовсе не собиралось обсуждать с ними условия соглашения, предложенные османской стороной.

Зачем же царь созвал представителей сословий? Ответ на этот вопрос дает сопоставление царской «речи», зачитанной на соборе, с использованными в ней источниками, прежде всего отписками русских гонцов Б. Лыкова и А. Буколова, отправленных в Стамбул в апреле 1641 г. Из них дословно были заимствованы фрагменты, говорившие о том, что османы не примирились со своей неудачей и готовят новый поход на Азов[46]. Но гонцы сообщали также о «великом смятении» в Стамбуле, о серьезном поражении османской армии («такой победы и великой шкоты турским людем не бывало ни от кого»)[47], но эти сообщения в состав царской «речи» не попали. Напротив, в ней говорилось о больших потерях казаков и о том, что в Азове «все разорено до основанья». Каких-либо доводов в пользу того, чтобы удержать Азов под властью царя в «речи» не приводилось. Наоборот, внимание представителей сословий настойчиво обращалось на то, что «на городовое Азовское дело и ратным людям на жалованье деньги надобны будут многия ж, и хлебные и пушечные всякия запасы надобны не на один год. И такия великия деньги и многия запасы на годы, где имати?»[48]

Все эти наблюдения над текстом царской «речи» позволяют сделать вывод, что информация для представителей сословий была подобрана таким образом, чтобы представители сословий не выступили прямо и категорически за удовлетворение просьбы казаков о защите Азова.

Избранная правительством тактика себя оправдала. Хотя представители различных сословных групп советовали «Азов у донских атаманов и казаков принять»[49] или оставляли решение вопроса на усмотрение царя, но одновременно многие из них выступили против обложения для этих целей их владений, предла-

---

[45] РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1642 г. № 2. Л. 30, 39—40. Статейный список Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 7150 г. // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 8. М., 1850. С. 81.

[46] Ср. Акты... С. 42 и РГАДА. Ф. 89. 1640 г. № 1. Л. 116—117.

[47] РГАДА. Ф. 89. 1640 г. № 1. Л. 108—142.

[48] Акты... С. 42.

[49] *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 267.

гая для сбора средств на войну обложить владения обогатившихся представителей дворянской верхушки, преуспевающих благодаря незаконным поборам дьячества, богатых монастырей[50].

Владимирские дети боярские заявили: «...бедность нашего города ведома ему, государю»[51]. Дети боярские «разных городов» просили царя, чтобы он их, «разоренных и безпомощных и беспоместных» пожаловал «поместным и денежным жалованьем», чтобы они могли нести службу[52]. Дети боярские южных уездов также просили жалованья, поясняя: «...а разорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских бусурманов московской волокитой и от неправд и от неправедных судов»[53].

Верхушка городского сословия, гости и члены гостиной и суконной сотен жаловались на то, что от «твоих государевых беспрестанных служеб и от пятинныя деньги... многие люди оскудели и обнищали доконца». Других разорили поборы воевод. Поэтому они просили царя «в нашу бедность возрить»[54]. О том, что «от... великия бедности многия тяглыя людишка... розбрелися розно и дворишка свои мечут», говорили и представители московских черных сотен и слобод[55].

Ряд таких высказываний был, конечно, неприятен для правящей верхушки, но, выступая фактически против новых чрезвычайных сборов, представители сословий тем самым разделяли с правительством ответственность за последовавшее вскоре непопулярное решение о возвращении Азова османам.

После зачитанной 3 января царской «речи» в течение января представители разных «чинов» подавали свои мнения[56]. 31 января 1642 г. И. Остафьев подал царю челобитную. В ней он писал, что воевода Василий велел ему «быть к себе без замотчанья», а он находится в Москве уже «пол-третьи недели» и до сих пор не получил ответа на доставленные им предложения[57]. Очевидно, не собрав мнений всех представителей разных «чинов», царь и его советники не считали возможным дать ответ И. Остафьеву. Лишь 7 февраля 1642 г. посланцам Войска Донского было определенно сказано, что царь приказывает казакам оставить Азов[58]. Ясно, что мнения представителей сословий имели для правительства значение, но ясно также, что настоящее решение принималось без их участия и до обращения к ним и от них лишь пытались с помощью разных мер добиться высказываний, которые могли бы оправдать это решение.

Во второй половине 30-х гг. XVII в. были созваны два земских собора для обсуждения вопроса об отношениях с Крымским ханством. На соборе 1637 г. рас-

---

[50] *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 268—269.

[51] Акты... С. 53.

[52] Там же. С. 56.

[53] Там же. С. 58.

[54] Там же. С. 59—60.

[55] Там же. С. 61.

[56] *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 266.

[57] РГАДА. Ф. 68. 1642 г. № 3. Л. 22.

[58] См. об этом: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 75.

сматривался вопрос о сборе «даточных людей» для борьбы с набегами татар. Предложения царя были одобрены участниками собора[59]. Иное положение сложилось на соборе 1639 г., когда, после требований крымской стороны об увеличении «поминок» и издевательств над русскими послами, царь запросил мнение представителей сословий, как следует поступить. «Мнения» подавались, скрепленные рукоприкладствами участников, начиная с 26 июля 1639 г. В сохранившихся «мнениях» говорилось о том, что следует прекратить выплату «поминок» и принять меры к обороне южных границ[60]. В данном случае правительство, по-видимому, действительно интересовалось мнением представителей сословий, хотя и не последовало их советам.

Иное положение сложилось, когда в середине 40-х гг. в своей политике по отношению к Крыму московское правительство оказалось перед решением крупной политической проблемы. В описи архива Посольского приказа 1673 г. М. П. Лукичев обнаружил упоминания об утраченных документах, содержавших сведения о созыве в это время в Москве Земского собора о «крымском деле»[61]. Исследователь добросовестно отметил, что в обнаруженных документах по-разному определялась хронология этого события. В одной из записей его созыв был датирован «156», т. е. 1647/8 г.[62] В другой указывалось, что царская «речь» на соборе была записана думным дьяком Г. Львовым[63], который умер в январе 1647 г.[64]

Время созыва собора и характер принятых на нем решений позволяет установить письмо молдавского воеводы Василия Лупу в Стамбул драгоману Амброзию Грилло от 3 апреля (н. ст.) 1646 г. В нем воевода пересказывал известия, полученные им 18 марта от «верных» людей. Сообщая о решении царя положить конец татарским набегам и «разрушить» само Крымское ханство, воевода далее писал: «Всем приятна такая решительность и все единодушно и громким голосом выражают уверенность, что будет положен конец такому злу и такому разрушению, которое совершают повседневно эти татары... И все должны идти, чтобы жить или умереть. Такой все вельможи (primati) этого царства, игумены и архимандриты и все другие дали свой совет этому императору, для того чтобы совершить это божественное дело (opera divina)»[65]. Из этого свидетельства ясно следует, что дело не ограничилось тем, что на созванном соборе «объявляли», как отмечено в описи архива Посольского приказа 1673 г., крымских ханов «все неправды, что они Московскому государству мимо правд своих и шерти делают многое зло и разо-

---

[59] *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 254—256.

[60] Там же. С. 257—259.

[61] *Лукичев М. П.* Неизвестный земский собор середины XVII в. // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004.

[62] Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 424.

[63] Там же. С. 421.

[64] *Лукичев М. П.* Указ. соч. С. 239.

[65] Documente privitoare la istoria Românilor. Cul. De E. Hurmuzaki. V. IV/2. Bucureşti, 1884. S. 549.

ренье»[66]. Здесь было принято решение о войне с Крымом, целью которой должно было стать «разрушение» Крымского ханства. Это было несомненно важное политическое решение.

Политики России по отношению к Крыму касалось еще одно письмо Василия Лупу в Стамбул, написанное почти на месяц ранее, 7 марта 1646 г.[67] Воевода сообщал, что царь Алексей Михайлович так разгневан набегами татар, что принял решение сам лично выступить в поход с 200 тыс. войском для «полного разрушения всего Крыма» (rovina totale de tutti Krin). Одновременно в Москве решили направить против Азова донских казаков и астраханских татар, а в Польшу послан «великий посол», чтобы предложить союз против Крыма.

Сообщения эти были точными. Так, 16 января 1646 г. кн. С. П. Пожарский был послан в Астрахань, чтобы, собрав отряды астраханских татар и ногайцев, идти на Дон и оттуда «промышлять» над крымскими улусами. Не позднее 21 января дума приняла решение направить на юг, в Белгород и другие города, крупную армию во главе с Н. И. Одоевским также для военных действий против Крыма. 6 января датирован наказ «великому посольству» во главе с В. И. Стрешневым, направленному в Речь Посполитую для переговоров о союзе против Крыма и выяснения возможных условий соглашения о будущей судьбе ханства[68].

Очевидно, что молдавского воеводу хорошо и своевременно информировали о том, что происходит в русской столице. В этой связи заслуживает внимания, что когда он писал это письмо, Василий Лупу еще не знал о созыве Земского собора, сведения об этом он получил 10 дней спустя. Все это позволяет предполагать, что и в этом случае решения о начале большой войны с Крымским ханством были приняты заранее и собор был созван для их одобрения. Этот пример снова показывает, что мнение представителей сословий имело для правительства значение, оно старалось заручиться их поддержкой, но важные политические решения принимались без их участия.

---

[66] Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 424.

[67] Documente... Vol. IV/2. P. 546.

[68] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л., 1948. С. 371, 373. *Флоря Б. Н.* К истории переговоров о русско-польском анти-османском союзе в середине 40-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 126—127.

А. П. Павлов (Санкт-Петербург)

Государев двор и боярская аристократия в послесмутное время

В исторической литературе, начиная с работ В. О. Ключевского, широкое распространение получила точка зрения об упадке значения боярства в XVII в. и «растворении» боярской аристократии в служилой дворянской массе[1].

Внешне это действительно выглядело так. В послесмутный период происходило стремительное увеличение численности государева двора и прежде всего столичных чинов. К началу Смуты государев двор насчитывал около 1570 человек: около 40 членов Боярской думы и высших дворцовых чинов, свыше 80 дьяков, более 70 стольников, более 35 стряпчих, свыше 270 жильцов, около 180 московских дворян и около 900 выборных дворян по 56 уездам[2]. К концу первой четверти XVII в., по данным боярского списка 1626 г., жилецкого списка 1624/25 г. и десятен 1621/22—1630/31 гг., численность двора составила около 3580 человек: 42 члена Боярской думы и высших дворцовых чинов, 82 дьяка, более 217 стольников, более 82 стряпчих, 176 стольников патриарха Филарета[3], свыше 1120 жильцов (по жилецкому списку 1624/25 г.)[4], около 760 московских дворян и около 1100 выборных дворян[5]. В середине XVII в. двор насчитывал около 3900 членов: 57 членов Думы (с придворными — 65 чел.), 442 стольника, 343 стряпчих, 1429 дворян московских (с иноземцами), 100 дьяков и около 1500 жильцов[6]. При этом наиболее быстрыми темпами увеличивалась численность представителей высших московских чинов (стольников, стряпчих и дворян московских). Если к началу Смуты она составляла

---

[1] *Ключевский В. О.* Боярская дума в Древней Руси. Пг., 1919. С. 384; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 158.

[2] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 66, 109, 112, 116, 118, 119, 234.

[3] *Люткина Е. Ю.* Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова (1619—1633) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988. С. 97—114.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 897, столпик 1.

[5] В боярском списке 1626 г. значится 804 выборных дворянина. Но, по наблюдениям А. Л. Станиславского, боярские списки 1620-х гг. неполно передают состав выборных дворян; наиболее полный состав выборных отражен в боярском списке 1630 г. — 1060 имен (*Станиславский А. Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 147—148; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 1135. Л. 158—300).

[6] Боярский список 1649/50 г. (РГАДА, Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 1106, столпик 3). По неполным данным жилецкого разборного списка 1648/49 г. (РГАДА, Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 823), численность жильцов в середине XVII в. составляла более 1415 человек.

около 290 человек, то в середине 1620-х гг. — уже около 1060 человек, а в середине XVII в. — 2215 человек. Общее число стольников, стряпчих и дворян московских в середине XVII в. почти в полтора раза превысило численность всего государева двора начала XVII в., включая наиболее многочисленные тогда чины выборных дворян и жильцов. Общая численность двора за первую половину века увеличилась в 2,5 раза, а численность высших московских чинов — в 7,6 раза.

Увеличение состава столичного дворянства происходило за счет выходцев из уездного дворянства и сопровождалось уменьшением доли представителей аристократии[7] в московских чинах. Если до Смуты она составляла среди стольников свыше 90%, московских дворян — 76%, стряпчих 60%, то в середине 1620-х гг. — соответственно 55%, 15% и 14,8%, а в 1649/50 г. — 32,6%, 9,8 и 6,9%.

Приведенные выше данные об эволюции численности и состава государева двора, на первый взгляд, подтверждают справедливость мнения В. О. Ключевского. Однако, как нам представляется, реальная картина взаимоотношений в правящей среде была значительно сложнее и одних количественных подсчетов для ее уяснения явно недостаточно.

Хотя на протяжении XVII в. состав думных и московских чинов активно пополнялся людьми новыми и, по понятиям XVI в., неродословными, эти лица не были случайными при дворе. В состав московской знати влилось немало царских родственников и фаворитов — Стрешневы, Милославские, а также представители целого ряда других фамилий, связанных родством и свойством с романовским кланом (Михалковы, Милюковы, Боборыкины и др.). В первой половине XVII в. благодаря службам и связям с правящей придворной средой в круг боярской элиты прочно вошли представители целого ряда княжеских и старомосковских родов, которые в XVI в. считались «захудалыми» — кн. Волконские, кн. Львовы, Пушкины и др. Попав в круг придворной элиты, выходцы из новых «дворянских» родов утрачивали связи с прежней провинциальной средой и прочно укоренялись в новой «боярской» среде, оказавшись тесно связанными с ней родственными узами. Материалы различных источников свидетельствуют о существовании в Москве довольно развитой системы родственных и клановых связей, позволявшей представителям определенного круга служилых родов прочно удерживаться в составе государева двора[8].

С другой стороны, проникновение в состав столичных чинов выходцев из худородного дворянства стимулировало внутреннее сплочение княжеских и боярских родов. Показателем этого могут служить следующие факты. Если до Смуты (в последней четверти XVI — начале XVII в.) из служивших при дворе 14 представителей рода Бутурлиных лишь половина (7 человек) имели думные и московские

---

[7] О составе аристократических, «боярских» родов и критериях их выделения из общей массы служилых родов см.: *Павлов А. П.* Государев двор. С. 14—18.

[8] *Павлов А. П.* Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 313—315.

чины, а остальные служили в выборных городовых дворянах и жильцах, то в годы царствования Михаила Федоровича только один из 48 Бутурлиных служил в выборных городовых дворянах, а остальные — в московских чинах и Боярской думе. До Смуты из 41 представителя рода Плещеевых только 11 человек были в высших московских чинах (один из них стал окольничим), остальные служили в выборе и жильцах. При Михаиле Федоровиче из 73 Плещеевых 69 человек дослужились до высших московских чинов, лишь четверо оставались в чине жильца и никого из представителей рода мы не встречаем в выборных городовых дворянах. Среди князей Звенигородских до Смуты только 6 человек из 13 служивших при дворе состояли в высших московских чинах, остальные служили в выборе и жильцах; в 1613—1645 гг. все 14 членов рода служили в московских дворянах, стольниках и стряпчих. Сходная картина наблюдается и при анализе положения многих других видных княжеских и боярских родов. Характерно, что в московские чины и Думу представители видных служилых фамилий в XVII в. выдвигаются всем родом, а не отдельными его ветвями, как это было в XVI в. Это обстоятельство в значительной мере способствовало тому, что и в XVII в. представители знатных и видных при дворе родов продолжали удерживать ведущее положение в составе правящей элиты. По нашим данным, из представителей родов, утвердившихся в годы царствования Михаила Федоровича в московской правящей среде (то есть тех, члены которых служили преимущественно в думных и высших московских чинах — всего 4070 человек, представителей 488 фамилий), большая часть (53,4%) принадлежала к родам, упомянутым в Государевом родословце (1400 человек), а также к знатным иноземцам (35 человек[9]) и родам, которые стали утверждаться в московской правящей среде (выдвинули своих представителей в думные дворяне, придворные чины и в высшие московские чины) еще до Смуты, в конце XVI — начале XVII в. (741 человек[10]).

Замкнутая чиновно-сословная структура двора, сложившаяся к концу XVI в., служила серьезным препятствием для проникновения в среду знати обычных представителей рядового уездного дворянства, не имевших знатного происхождения и связей при дворе. Приведенное выше мнение В. О. Ключевского о «растворении» боярства в дворянской массе основано прежде всего на фактах активного выдвижения в Думу в последней трети XVII в. выходцев из худородных (по меркам

---

[9] Волошские, кн. Сулешовы, кн. Урусовы, кн. Черкасские, кн. Тюменские, кн. Шейдяковы, Селунские, Крабовы.

[10] Представители родов, выдвинувших до Смуты представителей в думные и придворные чины (Алферьевы-Нащокины, Безобразовы, Бельские, Благово, Воейковы, Замыцкие, Клешнины, Зюзины, Леонтьевы, Лодыженские, Нагие, Наумовы, Писемские, Собакины, Сукины, Татищевы, Хлоповы, Шетневы, Щелкаловы) и в высшие московские чины (Бестужевы, Биркины, Васильчиковы, Вешняковы, кн. Вишневецкие, кн. Волконские, кн. Вяземские, Грязные, Денисьевы, Дивовы, кн. Друцкие, Жуковы, Загряжские, Измайловы, Исленьевы, Карамышевы, кн. Коркодиновы, Кузьмины-Короваевы, Милюковы, Михалковы, Мячковы, Нащокины, Погожие, Полевы, Совины, Усовы, Чемодановы, Чепчуговы, Шестовы).

XVI в.) дворянских родов. Данная точка зрения не учитывает, однако, того обстоятельства, что в Думу попадали, как правило, отнюдь не случайные лица (выходцы непосредственно из рядов уездного дворянства), а представители родов, уже занявших прочные позиции в московской среде благодаря родственным связям и активной придворной службе. Из 142 родов, представители которых были пожалованы во второй половине XVII в. в Думу[11], подавляющее большинство — 133 фамилии — утвердились либо начинали утверждаться в думных и московских чинах еще при царе Михаиле Федоровиче[12]. Сказанное позволяет говорить не столько о вытеснении боярства дворянством, сколько о пополнении состава московской служилой знати, значительно поредевшей из-за пресечения многих видных княжеско-боярских родов, новыми лицами и родами. Костяк правящей московской элиты составляли представители знатных фамилий, а расширение ее состава происходило за счет лиц, тесно связанных с московской придворной средой. Отмеченные выше перемены в составе государева двора и увеличение его численности за счет выходцев из уездного дворянства не привели к утрате политического значения княжеско-боярской знатью. Боярство и в XVII в. оставалось высшим правящим слоем Русского государства.

Но при этом сам облик боярской аристократии за первую половину XVII в. претерпел существенные изменения. Значительное сокращение в составе высших московских чинов представительства старой родовой боярско-княжеской аристократии

---

[11] В бояре, окольничие и думные дворяне. Не учитываются фамилии, вошедшие в Думу через думных дьяков.

[12] Акинфовы, Алферьевы-Нащокины, Аничковы, Апраксины, Баклановские, Боборыкины, кн. Борятинские, кн. Буйносовы-Ростовские, Бутурлины, Вердеревские, Вышеславцевы, кн. Волконские, Волынские, кн. Воротынские, Глебовы, кн. Голицыны, Головины-Ховрины, Головленковы, Голохвастовы, кн. Горчаковы, Дашковы, кн. Дашковы, кн. Долгорукие, Еропкины, Желябужские (Желябовские), кн. Засекины, кн. Звенигородские, Змеевы, Зюзины, Извольские, Измайловы, Исленьевы, Карповы-Долматовы, кн. Козловские, Колтовские, Колычевы, Комынины, Кондыревы, кн. Коркодиновы, Косаговы, Кузьмины (и Кузьмины-Короваевы), кн. Куракины, Ларионовы, Леонтьевы, Лихаревы, Лихачевы, кн. Лобановы-Ростовские, Ловчиковы, Лодыженские, Лопухины, кн. Лыковы, кн. Львовы, Матвеевы, Матюшкины, Мертвого, Милославские, Морозовы, Мясные, Нарбековы, Нащокины, Неплюевы, Нестеровы, кн. Оболенские, Огаревы, кн. Одоевские, Оладьины, Павловы, Панины, Плещеевы, Плохово, кн. Пожарские, Полибины, Полтевы, Потемкины, кн. Приимковы-Ростовские, кн. Прозоровские, кн. Пронские, Прончищевы, Протасьевы, Пушечниковы, Пушкины, Пушкины-Мусины, кн. Репнины, Ржевские, кн. Ромодановские, Ртищевы, Салтыковы, Самарины, Скуратовы, Собакины, Соковнины, Соловцовы, Сомовы, Стрешневы, Сукины, Сунбуловы, Супоневы, Сухотины, Тарбеевы, Татищевы, Телепневы, кн. Темкины-Ростовские, Толочановы, Толстые, Траханиотовы, кн. Троекуровы, кн. Трубецкие, Тургеневы, кн. Урусовы, кн. Ухтомские, Ушаковы, Философовы, кн. Хворостинины, Хитрово, Хлоповы, кн. Хованские, кн. Хотетовские, Хрущевы, Чаадаевы, Чемодановы, кн. Черкасские, Чириковы, Чоглоковы, кн. Шаховские, Шеины, Шепелевы, Шереметевы, Щепины, кн. Щербатовы, Юшковы, Языковы, Яковлевы, Яновы.

(даже в составе такого традиционно аристократического чина, как стольники, доля представителей старой знати XVI в. составляла в середине XVII в. менее трети) и пополнение московской элиты представителями младших, не продвинувшихся ранее на московской службе боярских родов, а также выходцами из провинциальных дворянских родов не могли не сказаться на характере служебно-местнических отношений. Для облика представителей старых аристократических княжеско-боярских родов, решительно доминировавших в составе Боярской думы и столичного дворянства в досмутный период, было характерно гармоничное сочетание происхождения и службы. Это накладывало отпечаток и на характер местнических споров в XVI — начале XVII в. — главное значение имело не столько само по себе высокое происхождение (им обладало подавляющее большинство участников местнических споров), сколько «места», занимаемые на службах членами рода; при этом чаще всего местники конца XVI в., как отметил Ю. Н. Мельников, ссылались на службу свою, отца и деда и значительно реже — на службы дальних родичей[13].

Активное проникновение в первой половине XVII в. в состав столичного дворянства представителей младших и захудалых княжеско-боярских родов, знатное происхождение которых не подкреплялось реальными службами предков, способствовало серьезным изменениям в самой системе местнической аргументации. Все чаще в местнических спорах первой половины XVII в. их участники выставляли служебные заслуги дальних, более удачливых по службе сородичей, а не своих ближайших предков. Широкое распространение получает практика местничества «родами», а не конкретными «местами», занимаемыми представителями тех или иных родов на службе. Еще в местническом деле 1589 г. кн. В. В. Литвинова-Мосальского с Р. В. Алферьевым встречается формулировка «А с родословными людьми неродословным счету не живет»[14]. Однако в XVI в. местнические притязания неродословных людей к представителям родословных родов были явлением крайне редким. В XVII в. в связи с вхождение в государев двор большого числа выходцев из новых дворянских фамилий, которые начинали претендовать и на определенные «места» на службе, применение указанной выше формулировки, указания местническим оппонентам на то, что они «люди неродословные», «обышные дети боярские» и т. д., становится весьма распространенным явлением[15]. Важнейшим критерием при определении того, что род является «родословным», служило, по всей видимости, его зачисление в Государев родословец. Подтверждая знатность своего рода или «утягивая» противника его худородностью,

---

[13] *Мельников Ю. Н.* Местничество и политическая борьба в России в 80-х годах XVI в.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1979. С. 15.

[14] Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. Т. II. С. 57—58; *Эскин Ю. М.* Местническое законодательство: опыт реконструкции // Modernizacja struktur wladzy w warunkach opoznienia. Europa Srodkowa i Wschodnia na przelomie sredniowiecza i czasow nowozytnych. Warszawa, 1999. S. 127.

[15] Дворцовые разряды (далее — ДР). СПб., 1850. Т. I. Стлб. 894, 919, 991; ДР. СПб., 1851. Т. II. Стлб. 444, 453, 454, 500, 629, 683 и др.

местники не упускали случая подчеркнуть — есть ли род в Государевом родословце. В споре с окольничим кн. Г. К. Волконским С. В. Колтовский «слался на государеву книгу родословную, что их роду Волконских в родословной государеве книге нет»[16]. Отсутствие кн. Волконских в Государевом родословце не раз давало повод местническим противникам упрекать их в «неродословности»[17], несмотря на то что в первой половине XVII в. кн. Волконские прочно утверждались в думной и придворной среде и занимали видные военные и административные посты в государстве. Характерно, что родословная (происхождение) служилого человека считалась важнее тех реальных «мест» на службе, которые занимали его предки. Так, И. Т. Фустову, приведшему в своей местнической челобитной на кн. П. Р. Борятинского убедительные «разрядные случаи», было отказано на том основании, что «Борятинские люди честные и родословные, а ты человек неродословной, хотя будет и бывали родители твои в розрядех болше Борятинских, толко быть тебе менше Борятинских мочно»[18]. Увеличение значения родословия, широкое распространение практики местничаться всем родом способствовали внутренней консолидации боярских родов и в первую очередь княжеско-боярских фамилий. Знатные служилые роды (Бутурлины, Плещеевы и др.), как отмечалось выше, в первой половине XVII в. входят в московские чины двора не отдельными своими ветвями, а большей частью своих представителей, «всем родом», зачастую независимо от прежнего чиновно-служебного положения его членов. Укрепление родового начала в местнической практике позволяло знатным княжеско-боярским родам удерживать свои позиции при московском дворе. Однако вхождение в состав двора представителей младших и захудалых ветвей княжеско-боярских родов, видных своим «отечеством», но не службой, не могло не вызывать реакции со стороны менее «родословных», но продвинувшихся по службе дворян. В практике местнических споров нередкими становятся случаи, когда в своей аргументации одна сторона делала акцент на службы, а другая — на происхождение рода[19]. Размывание единых критериев в местнических счетах вело к кризису традиционной системы местничества как важнейшего регулятора служебных отношений в правящей среде, давало широкие возможности властям для субъективного принятия решений. Все это усиливало зависимость верхушки служилого сословия от монархии, вело к укреплению самодержавия.

При продвижении служилых людей при дворе на первый план постепенно выходят личные связи с царской семьей и влиятельными придворными кланами. Изучение состава Боярской думы показало, что за годы царствования Михаила Федоровича в ней почти не осталось лиц, которые не принадлежали бы к кругу родственников и приближенных Романовых, а вхождение в высший думный боярский

---

[16] ДР. Т. I. Стлб. 911.

[17] ДР. Т. II. Стлб. 444.

[18] Там же. Стлб. 454.

[19] См., например, местническое дело В. Р. Борятинского с А. Ф. Наумовым 1623 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 16. Ч. 2).

чин даже представителей первостепенных княжеско-боярских фамилий (кн. Черкасские, Голицыны, Воротынские, Одоевские и др.) определялось уже не только и не столько их высоким происхождением, сколько личной близостью к придворной среде[20]. На протяжении XVI—XVII вв. произошли существенные изменения в раскладе политических сил в Думе. Если в первой половине XVI в., в годы малолетства Ивана IV, делами в Думе заправляли группировки могущественной княжеской знати (Шуйские, Бельские, Глинские), то уже в конце века главными соперниками в борьбе за власть и престол выступили нетитулованные бояре — Годуновы и Романовы. Если в царствование Бориса Годунова в Боярской думе существовали группировки знати, находившиеся в явной или скрытой оппозиции царю (Романовы, Шуйские), то при Михаиле Романове мы не встречаем уже каких-либо оппозиционных боярских партий и борьба в верхах сводилась к столкновению придворных группировок, связанных родством с правящей династией. К середине XVII в. Боярская дума окончательно превращается из собрания родовой боярской аристократии в совет придворных — родственников и приближенных Романовых. Характерно, что далеко не всем видным княжеским фамилиям, выдвигавшим ранее, в XVI в., своих представителей в бояре и окольничие, нашлось место в Боярской думе после 1613 г. — мы не встречаем в Думе царя Михаила Федоровича князей Катыревых и Темкиных-Ростовских, Кашиных и Турениных-Оболенских, Татевых-Стародубских, Телятевских-Микулинских. С другой стороны, в Думу активно продвигаются и закрепляются в ней царские родственники и фавориты (Стрешневы, Милославские и др.). Благодаря активной службе и придворным связям в Боярской думе прочно утверждаются выходцы из захудалых прежде княжеских и боярских родов — кн. Волконские, кн. Львовы, Пушкины, Измайловы.

Важным показателем формирования новых придворных отношений явилось оформление в первой половине XVII в., в царствование Михаила Федоровича, особой чиновной группы комнатных стольников, обладавших особыми правами и привилегиями и становившихся важным резервом пополнения состава Боярской думы[21]. Состав этой чиновной группы пополнялся из представителей как знатных

---

[20] *Павлов А. П.* Основные тенденции изменения состава Боярской думы в годы царствования Михаила Федоровича (1613—1645 гг.). // Российская государственность: Уровни власти. Историческая динамика. Ижевск, 2001. С. 78—87.

[21] Первое упоминание о комнатных стольниках как особой группе служилых людей содержится в Списке московских осадных сидельцев во время прихода под Москву королевича Владислава 1618 г. (документ подготовлен нами совместно с Ю. В. Анхимюком к печати). Многочисленные упоминания о комнатных стольниках (спальниках) царя Михаила Федоровича встречаются в приходо-расходных книгах и столбцах Казенного приказа 1613—1645 гг. (РГАДА. Ф. 396 /Оружейный приказ/. Оп. 1—2). Особый перечень комнатных стольников царя Михаила Федоровича содержится в «Списке думных и придворных чинов 1533—1700 гг.», дошедшем в составе рукописного исторического сборника XVIII в. (РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 475. Л. 99 об. — 100). Всего мы располагаем сведениями о 35 комнатных стольниках (спальниках) за время царствования Михаила Романова: Василий Васильевич Бутурлин, кн. Алексей Иванович Воротынский,

княжеско-боярских (кн. Воротынские, Черкасские, Голицыны, Троекуровы, Сицкие, Морозовы, Шереметевы и др.), так и новых «дворянских» (Стрешневы, Хитрово, Толочановы, Милюковы, Собакины) фамилий, и главным принципом ее комплектования была степень близости к придворным сферам, а не происхождение рода.

Первая половина XVII в. явилась важным этапом на пути формирования новой придворной аристократии, представителей которой, от знатных князей до выдвиженцев из новых родов, царских родственников и фаворитов, объединяла принадлежность к правящей, связанной с царской семьей группировке. В рассматриваемый период московская служилая знать, круг которой несколько расширился за счет вхождения в Думу группы царских родственников и фаворитов, продолжала удерживать господствующее положение в государстве. Вопреки традиционным представлениям, не рядовое дворянство, а именно верхушка служилого сословия, московская служилая придворная знать составляла главную политическую опору русской монархии. Не вытеснение «боярства» «дворянством», а внутренняя эволюция самой боярской знати в аристократию служилую, придворную, ее приспособление к условиям самодержавной власти являлись основным содержанием процессов, протекавших внутри правящей элиты русского общества XVII в.

кн. Иван Андреевич Голицын, Алексей Дмитриевич /?/ Головин, кн. Богдан Федорович Долгорукий, Лев Иванович Карпов-Долматов, Федор Борисович Карпов-Долматов, кн. Иван Петрович Львов, Степан Яковлевич Милюков, Борис и Глеб Ивановичи Морозовы, кн. Никита Иванович Одоевский, Иван Афанасьевич Плещеев, Лев Афанасьевич Плещеев, кн. Афанасий Борисович Репнин, кн. Борис Александрович Репнин, кн. Иван Борисович Репнин, Никита Иванович Романов, кн. Федор Алексеевич Сицкий, кн. Юрий Андреевич Сицкий, Никифор Сергеевич Собакин, Василий Иванович Стрешнев, Иван Федорович Большой Стрешнев, Иван Федорович Меньшой Стрешнев, Семен Лукьянович Стрешнев, кн. Василий Яншеевич Сулешов, Федор Михайлович Толочанов, кн. Борис Иванович Троекуров, кн. Иван Федорович Троекуров, Богдан Матвеевич Хитрово, кн. Яков Куденекович Черкасский, Иван Михайлович Шеин, Алексей Федорович Шереметев; а также, вероятно, кн. Алексей Михайлович Львов, кн. Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский и Дмитрий Иванович Матюшкин.

Н. В. Слиж (Гродно)

Судьба Трубецких в контексте межгосударственных отношений Великого княжества Литовского и Московского княжества

История князей Трубецких непосредственно связана с конфликтными отношениями Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Московского княжества в XVI—XVII вв. Переход их родового владения Трубецка (Трубчевска)[1] в состав территории то одного, то другого государства менял объект вассальных связей, а позднее подданства владетельных князей. К истории рода Трубецких в целом, к отдельным сюжетам и судьбам представителей фамилии обращались многие исследователи — Ю. Вольф, В. П. Левенок, С. В. Плаутин, Б. Н. Флоря. К. Петкевич, В. Д. Назаров и другие. Информация о Трубецких в XVII в. на территории ВКЛ представлена пока фрагментарно. При этом архивный материал позволяет подробно раскрыть особенности проживания Трубецких в первой половине XVII в., включая учет такого фактора, как пограничное положение Трубецка. Богатая коллекция источников хранится в Главном архиве древних актов в Варшаве, часть — в Национальном историческом архиве в Минске. В основном эти документы содержат информацию о событиях XVII в., биографические и семейные данные, в т. ч. о материальном положении, о Юрии, Петре и Яне Трубецких.

Юрий Трубецкой начал карьеру как стольник и воевода царя Василия Шуйского. После возвращения Смоленщины в состав ВКЛ в начале июля 1611 г. Юрий Трубецкой принял присягу на верность ВКЛ[2]. Завещание, написанное 19 февраля 1626 г., содержит подробную информацию семейного и личного плана. Однако начинается оно довольно необычно — с важности служения Великому княжеству для себя, своего рода, служения, начавшегося еще при великом князе Александре Ягелончике. Замок Трубецк на Белой Руси в Северской земле в Стародубском повете к Юрию перешел от прадеда Семена, деда Романа и отца Никиты. Он им владел совместно с Андреем и Тимофеем Трубецкими. За потери, понесенные во время войны с Россией, Ю. Трубецкой получил в держание староство в Оршанском повете. Впоследствии он хлопотал о передачи его своим сыновьям. Юрий был женат дважды и оба раза на местных шляхтянках. Князь просил своих швагров Петра, Ивана и Федора Михайловичей Солтыков, братьев своей первой жены Василисы, похоронить его в своем владении в церкви Св. Троицы по православному обряду. От нее у него было двое сыновей — Петр и Александр. Они должны были поделить между собой Трубецк. Так же им было записано 345 коп литовских грошей, которые была должна жена мстиславского каштеляна Константина

---

[1] Название местности дается так, как это зафиксировано в документах.

[2] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 544.

Головчинского Катерина. Свою вторую жену Наталью Андреевну Палинциновую Ю. Трубецкой оставил на пожизненное проживание в Трубецке, как того требовало законодательство ВКЛ (он был благодарен ей за заботу о нем и его детях). На момент написания завещания дети были несовершеннолетними, а поэтому были назначены опекуны — братья Солтыки и канцлер ВКЛ Лев Сапега[3]. После его смерти сыновья получили право на вторую половину Трубецка (1634)[4]. Александр вскоре умер, и в качестве собственника недвижимости и имущества в документах назывался уже только Петр.

Петр Вигант Трубецкой занимал незначительные государственно-административные должности, правда заметные в местном масштабе, — стародубский подкоморий и подстароста, королевский пакаёвый. Женат был Петр на дочери оршанского маршалка, кн. Яна Друцкого Соколинского — Гальшке. В этом браке был только один сын Юрий (Ежи)[5]. Семья жены проживала у Оршанском повете и имела там владения[6]. После выхода замуж Гальшка сохраняла отношения со своими родителями. Сохранилось письмо из их переписки: в нем родители супруги Петра называют своего внука Юрастенькой и желают, чтобы он рос на хвалу Богу и на радость родителям[7]. Петр Вигант, как и его предки, поддерживал православную церковь. Вместе с женой он записал Чолнскому монастырю в Трубецке три села (1643)[8].

В отличие от отца, П. Трубецкой вел свои финановые дела не самым лучшим образом. Размеры его долгов впечатляют. Все они были сделаны на протяжении 1638—1644 гг., а жена стала одним из первых его кредиторов. Она одолжила ему 30 000 польских злотых в 1640 г. под залог местечка Деревня (оно входило в число поселений Трубецка). Немногим позднее он взял у нее на три года с 29 сентября 1640 г. по 29 сентября 1643 г. еще 30 000 под залог фольварка Юрьево с деревнями Ребчвеск, Прудок, Пляскаво, Котляково, Селец, двумя частями деревни Орчека, Любозыча, Паравиче, Мончин, Рукава. В 1644 г. он одолжил 70 000 злотых и заложил все имущество — Трубецк с деревнями[9]. Когда П. Трубецкий заимствовал у других лиц, то его жена часто фигурировала в документах. Финансовая ситуация стала беспокоить родителей жены. Ее отец в письме сделал приписку, в которой просил Петра не принуждать Гальшку подписывать долговые документы[10].

---

[3] Archiwum Główny Aktów Dawnych (далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 173. K. 1—11.

[4] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 544.

[5] В документах встречается две формы написания его имени: *Юрий* и *Ежи*.

[6] Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. Ф. 1775. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 595—613, 656—661.

[7] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 187. K. 2—3.

[8] Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського. Інститут рукописув. Ф. II. № 20891.

[9] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 175. K. 1—2, 5, 9—11.

[10] Ibid. Sign. 180. K. 5—7, 11, 14—15, 107—111, 177; Sign. 182, 184, 185.

Суммы долгов были разные — от 50 до 6 500 злотых, от 100 до 600 коп литовских грошей. Кредиторы позднее жаловались на него за невыплату заемных средств. Были зафиксированы в суде жалобы Стефана Маковского (1642—1643, 1649, 1654), Яна Друцкого Соколинского (1642—1643), Самуеля Паражского (1642—1643, 1652), Андрея Прировского (1642)[11]. В результате на имении Трубецк были большие долги, их уплата растянулась на многие годы.

Ухудшение экономической ситуации в семье фиксируют так же арендные договоры. В них сообщается информация об арендаторах, арендной сумме и арендуемой недвижимости. Самуель Кулак и его жена Зофья Песлековна взяли в аренду село Жуково, где было 25 поданных, при имении Палуйкович и Оршанском повете за 300 коп литовских грошей на два года 1641—1643 гг.[12] Стародубский подкоморий отдал в аренду сам Трубецк Павлу Солтыку на 7 лет за 12 000 злотых (1643 г.). Был составлен инвентарь имущества[13]. Из документа известно, что в границах территорий Трубецка находились 8 фольварков, в которых насчитали 34 деревни, 211,5 службы, 626 поданных, 61 дым. Эти цифры дают представление о Трубецке как большом владении. Но даже оно не спасало ситуацию. По условию арендного договора П. Солтык обязан был выплачивать некоторые долги и выкупать залоги Трубецкого. Например, он выкупил драгоценности у могилевского бурмистра Макара Филиповича (1644 г.)[14].

Петр Трубецкой оставил много документов с судебными делами. Он судился со стародубским чашником Иваном (Яном) Солтыком, его бывшим опекуном (1640 г.). Последний обвинял Петра в вырубке леса[15]. Известен судебный процесс между ним и Барталомеем Жуком из-за деревень Селец, Арельск, Бажково, Калжаково, Прудок, Крюково и пустырей Злимвек и Кузьминск в Стародубском повете. Так как это были родовые владения, которыми владели отец Петра Юрий и его братья Андрей и Тимофей, то по привелею Владислава IV права владения этими деревнями были оставлены за Трубецким. Король Польши и великий князь литовский вызвал П. Трубецкого в суд за то, что он не отдал село Плусково братьям Яну и Петру Якименкам, которое было им дано по ленному праву (1638, 1639 гг.). Стародубский подкоморий судился с Самуелем Немировским из-за д. Новоселки на р. Дисна и пустоши Ула (1639). Он представил декрет великого князя Александра, что это родовое владение Трубецких, а также лист Сигимунда Вазы (1621), что деревней владел Ю. Трубецкой. По декрету Владислава IV деревня осталась за Трубецким, а пустырь — за С. Немировским[16]. Стародубский староста вел судебный процесс с ейшишским старостой Адамом Крицким о границах около Боговня, озера Перестраз и часовни, пустоши Побово, урочищах Барово и Савцово (1643).

---

[11] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 187. K. 2--3.
[12] Ibid. Sign. 179. K. 3, 5.
[13] Ibid. Sign. 177. K. 15—26.
[14] Ibid. Sign. 188. K. 10.
[15] Ibid. Sign. 176. K. 3, 5—7.
[16] Ibid. Sign. 178. K. 1, 4, 7, 15—18.

П. Трубецкой был оштрафован за нарушение границ[17]. Судебные дела — это повседневная жизнь шляхты, и стародубский подкоморий тут не был исключением. В последние годы его жизни вызовы в суд участились.

Завещание П. Трубецкой написал 5 февраля 1644 г. и дополнение к нему — 4 мая 1644 г. Документ вписали в земский суд Стародубского повета 10 октября 1644 г. Подала его жена Гальшка Друцкая Соколинская. Петр Вигант Трубецкой поручал свою душу Богу и Св. Троице, просил, чтобы его похоронили в церкви в Трубецке по православному обряду. Жене за долги записал из своего имущества 100 000 злотых. Так же дал подтверждение на аренду Трубецка Павлу Солтыку на 7 лет. Он же получил в аренду и Юрьев от Гальшки и должен был выплатить некоторые долги Трубецких. Гальшка получила в пожизненное владение Трубецк, который затем по условиям завещания переходил к сыну Юрию. В случаи его смерти все имущество сохранялось за ней. Главным опекуном назначил отца жены, кн. Яна Друцкого Соколинского. В дополнительном документе П. Трубецкой уточнил, что он был болен на момент написания завещания, а кроме того расширил состав опекунов. Ими стали дополнительно трокский войска Ежи из Наглевич Рей и оршанский судья Павел Стахевский. Подтверждалась воля быть похороненным в Трубецкой церкви, где лежали тела его предков. Стародубский подкоморий просил жену, чтобы она дала хорошее воспитание и образование сыну. Гальшка должна была выплатить денежные вознаграждения челяди и слугам: Зенкевичу — 200 злотых, Рабацевскому — 144, Дроздовичу — 150, Погарельскому — 85, Рыбицкому — 100, Богдану Теровичу — не отмечено сколько, а остальным — по реестру[18]. Завещание подтверждает, что Трубецкие сохраняли православное вероисповедание и семейное захоронение. Документ дополнительно иллюстрирует бедственное положение П. Трубецкого: за период его владения родовым имением семья была практически разорена. Недвижимое имущество было сдано в аренду и неоднократно закладывалось за долги. Умер Петр в 1644 г., оставив жену с несовершеннолетним сыном и с обремененным долгами родовым владением.

Гальшка Друцкая Соколинская довольно скоро вышла замуж за минского земского писаря Крыштофа Володковича (?—1670). Для него это был также второй брак. Первый раз он был женат на Алене Окунь, дочери волковысского маршалка Яна Мартинавича Окуня и княгини Зофьи Крошинской[19]. Второй брак был удачней для Гальшки Друцкой Соколинской. Она получила от мужа и финансовую, и моральную поддержку. Все финансовые тяготы легли на его плечи. Криштоф Володкович выплатил жене Григория Воловича Регине Униховской 160 злотых (долг Трубецкого ее отцу Яну Униховскому), Богдану Красковскому — 1 300 злотых (1650 г.), Ивану и Зузане Рагуцкой Солтыкам — 4 000 злотых (1650 г.), Яну Друцкому Соколинскому и Зофье — 2 050 злотых (1650 г.), Павлу Николаевичу

---

[17] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 179. K. 7—9.

[18] Ibid. Sign. 174. K. 12—23, 27—28.

[19] Ibid. Sign. 156; *Чарняускі Ф. В.* Крыштаф Валадковіч: факты з жыцця і дзейнасці // Архіварыус. Вып. 7. Мінск, 2009. С. 224.

Шлыковичу — 100 коп литовских грошей (1650 г.), Александру Минвиду — 2 000 злотых (1652 г.)[20]. В ответ на его уважение, любовь и поддержку она подарила ему движимое имущество, драгоценности и 30 000 злотых (1647 г.)[21].

Более серьезные проблемы появились, когда по договору ВКЛ с Россией Трубецк присоединялся к России. В Конституции вального сейма Речи Посполитой указывалось, что в территорию ВКЛ включались Лоев и Любеч вместо Трубецка (1646 г.). Как опекун Юрия Трубецкого Ян Друцкий Соколинский пожаловался на мстиславского воеводу и стародубского старосту Николая Абрамовича и обозного ВКЛ Самуэля Огинского за нападение на имущество и за то, что они отняли Трубецк. Такую же жалобу подала его дочь Гальшка. Н. Абрамович и С. Огински заявили, что они исполняли постановление вального Варшавского сейма о передаче Трубецка России (1646 г.). За это из государственной казны должны были выплатить Юрию Трубецкому и Гальшке 180 000 злотых, а Павлу Солтыку обещали удовлетворить его претензии. На сеймах 1649, 1653, 1654, 1655 гг. неоднократно подчеркивали, что выплатить «Трубецкую сумму» из казны нет возможности. Павел Солтык как арендатор также понес потери. На его долю приходилось 50 000 злотых. На то время он уже умер и ежегодную сумму должен был получать его наследник Базыль Солтык — 3 333 злотых и 10 грошей. Криштоф Володкович со всеми выплатами получал 130 000 злотых, т. е. ежегодно 8 666 злотых и 20 грошев (1659 г.). При этом он должен был к тому же заплатить в казну сеймовые расходы за 1656—1664 гг. в сумме 88 000 злотых. И позднее выплаты так называемой Трубецкой суммы происходили с большими сложностями. Сеймы 1661, 1662, 1667 гг., так же как и предыдущие, в своих постановлениях писали про невозможность отдать деньги. В письме к кравчему ВКЛ кн. Мартину Александру Огинскому К. Володкович просил о содействии в получении из казны причитающихся ему денег (1668 г.)[22]. Война ВКЛ с Русским государством в 1654—1667 гг. существенно подорвала экономическое положение в стране, финансовая стабильность наметилась лишь к последней четверти XVII в. Отсюда длительные задержки с выплатами, К. Володковичу эти деньги были очень нужны, так как он испытывал финансовые затруднения[23].

В 1653 г. Гальшка Друцкая Соколинская, будучи больной, составила завещание. Она просила похоронить ее в каменной часовне, где находились тела ее родителей, но не уточнила место. Опекуном для сына Гальшка выбрала второго мужа. Сыну записала 100 000 злотых. Муж получил 300 000 злотых и драгоценности. Он должен был оплатить образование Юрия. Кроме этого, сестре Гальшке Стаховс-

---

[20] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 189; Sign. 193. K. 2, 4—6, 15, 20—21, 33, 42.

[21] Ibid. Sign. 192. K. 1, 4—7.

[22] Ibid. Sign. 194. K. 1, 3, 5—6, 8—9, 11, 25, 28, 29, 31—49, 51, 54, 60. Volumina Legum. T. 4. W., 1980. S. 44—45, 123, 188, 218, 225, 261—262, 317, 379, 396—397, 467.

[23] Ibid. Sign. 209. K. 6, 8, 14, 18, 20, 26, 28, 30, 60, 65, 72, 74, 76, 78, 82, 84, 88, 90, 95, 100, 101, 103, 108.

кой выделялось 10 000 злотых, Гальшке Винской Раковичской — 6 000 злотых[24]. Король Ян Казимир утвердил отдельным документом опеку К. Володковича над Ю. Трубецким (5 апреля 1653 г.)[25]. Юрий был несовершеннолетним, и согласно законодательству ВКЛ ему был положен опекун. Родители Гальшки умерли, кандидатура второго мужа была самая приемлемая, так как лучше, чем он, с возложенными обязанностями вряд ли кто мог справиться.

Достаточно быстро К. Володкович женился в третий раз. Его женой стала кн. Изабелла Масальская, представительница известного княжеского рода. Сохранилась его дарственная на движимое имущество, драгоценности и деньги, которая датируется 1 сентябрем 1653 г.[26] Сын Трубецких продолжал находиться при нем, в его новой семье.

Во время войны между ВКЛ и Московским княжеством 1654—1667 гг. история Трубецких приобретает новый характер. Один из знакомых шляхтичей К. Володковича попал в московский плен (вероятно, Лабински). Пленник просил его из России походайствовать перед двоюродным дедом Юрия Трубецкого, русским воеводой, кн. Алексеем Никитичем Трубецким. На территории ВКЛ он был известен своими расправами и насилиями его войск над мирным населением. Кн. А. М. Трубецкой возглавлял юго-западную группировку русских войск, которые захватили ряд городов на востоке Беларуси и в Понеманьи[27].

Нам важно другое. А. Н. Трубецкой не имел детей, потому он решил воспользоваться ситуацией, чтобы заставить Юрия переехать жить в Россию. Имея в наличии военную силу А. М. Трубецкий пригрозил шляхте Волковысского повета физической расправой, уничтожением имений, а также гибелью всех пленных Речи Посполитой в Москве, если она не выдаст ему Юрия. Мотивы его настойчивости понятны: он видел в Юрии единственного законного своего и родовых земель (они уже оказались в составе Российского государства) наследника. В своем письме А. Н. Трубецкой обещал «оказать царские ласки» и передать ему свое имущество. Чтобы не допустить опустошения Волковысского повета, шляхта решила не препятствовать поездке Юрия в Москву. Незадолго до отъезда Юрий записал все имущество, которое он получил от Яна Друцкого Соколинского и его жены Зофьи, опекуну и отчиму на случай, если он из России не вернется. В документе говорилось о хорошем отношении К. Володковича к матери и к нему самому, назывались расходы опекуна на долги и сеймы (6 марта 1657 г.). Ян Казимир разрешил новгородскому воеводе К. Володковичу войти во владение имуществом Ю. Трубецкого 5 февраля 1658 г. Из-за военных событий это случилось только в 1664 г. Скарбник Матей Пайковский и подскарбий ВКЛ кн. Винцент Корвин Гасевский ввели его во владение имениями Черноручье, Соколка и Поречье в Оршанским повете. К документу прилагался спи-

---

[24] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 192. K. 18—22.

[25] Ibid. Sign. 195.

[26] Ibid. Sign. 198. K. 9—10.

[27] *Сагановіч І.* Невядомая вайна: 1654—1667. Минск, 1995. С. 142—143.

сок волок: Поречье — 28, Прудок — 18, Черноручье — 24, Режаны — 12, Селец — 14, Заполье — 30, Замостье — 18, Лавриновичы — 12 (всего — 156 волок)[28].

Юрий Трубецкой женился на кн. Ирине Васильевне Голициной. Умер он 12 июня 1679 г., оставил после себя двух сыновей[29]. Таким образом, Трубецкие окончательно связали свою судьбу с Московским царством, история рода в ВКЛ завершилась.

Но вопрос о «Трубецкой сумме» все еще не был разрешен. За это время К. Володкович выдал замуж свою единственную дочь Зофью Констанцию за маршалка ВКЛ кн. Александра Гилары Полубенского (1626—1679), дав за ней приданого 40 000 злотых[30]. В ответ А. Полубенский отписал жене пожизненное проживание в Береском имении в Слонимском повете (1654)[31]. Все имущественные права после смерти Володковича перешли зятю. Он выплачивал долги тестя, и в конституциях сеймов Речи Посполитой упоминался как законный получатель «Трубецкой суммы». В 1673, 1674, 1675 гг. фиксируется, что деньги еще не выплачены наследнику. И только в 1676 г. А. Полубенский получил «Трубецкую сумму»[32].

Трубецкие не занимали в ВКЛ высоких государственных должностей, несмотря на свое происхождение. Их имущественное положение значительно ухудшилось при Петре Юрьевиче. Трубецкие сохранили верность православному вероисповеданию и поддерживали храмы в своем имении. Связи по бракам Трубецких не подняли их социальный статус в ВКЛ. Они, по сути, имели поветовый статус. Расположение родового имения на границе двух государств оставляло Трубецких в ВКЛ на периферии политической жизни и на сугубо местных социальных позициях. Тем не менее Трубецкие не проявляли особого желания перейти в русское подданство. Так, старший Юрий Трубецкой в завещании подчеркнул свое служение и верность ВКЛ. Мы не знаем всех причин и обстоятельств отъезда Юрия младшего в Москву, насколько оно было добровольным. Но несомненно, среди них были те, которые понуждали его принять такое решение. В Москве, правда, кн. Юрий Петрович обрел принципиально иной статус, войдя в немногочисленную группу титулованной «первостатейной» знати, в том числе благодаря статусу и службам кн. А. Н. Трубецкого.

Использованный нам документальный комплекс не освещает в деталях немало сторон повседневной жизни Трубецких в ВКЛ в XVII в. В частности, их роль в судьбах православной церкви ВКЛ и православной шляхты, социокультурный контекст их деятельности в регионе, где находились их родовые владения. Быть может, новые архивные разыскания прольют свет и на эти важные исследовательские проблемы.

---

[28] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 196. K. 1, 3, 5—14, 29—31, 50, 61—63.

[29] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 545.

[30] AGAD. Archiwum Radziwiłłów X. Sign. 232. K. 1—2, 5.

[31] Ibid. Sign. 231.

[32] Volumina Legum. T. 5. W., 1980. S. 67, 123, 185, 209—210.

А. Берелович (Париж)

Род Бутримовых в начале XVII в.

Двенадцатого февраля 1627 г. Виктор Викентьев сын Бутримов подал челобитную в Поместный приказ, прося записать «за ним» в записные вотчинные книги землю во Владимирском уезде, унаследованную от отца[1]. Запись уже была произведена в 1626 году[2], но соответствующая книга сгорела вместе с бóльшею частью архива Поместного приказа в Московском пожаре 3 мая 1626 г.

Чтоб доказать свои права на землю, Виктор Бутримов предъявил копию духовной своего деда, Семена Ивановича Бутримова, засвидетельствованную патриархом Гермогеном 31 июля 1606 г. На обратной стороне акта, кроме обычного опроса патриархом духовных приказчиков и свидетелей, фигурирует выпись из дозорных книг Владимирского уезда 1619/20 и 1620/21 годов. Весь этот материал был переписан «слово в слово» подьячим Поместного приказа[3].

Как известно, все земельные сделки, касающиеся вотчин, будь то купля-продажа, присвоение земли по заемной кабале, обмен, отдача имения в составе приданого или, как в данном случае, передача по наследству, должны были быть зарегистрированы в Поместном приказе[4]. Протокол и предъявленные акты вносились в записные вотчинные книги. Таким образом, Поместный приказ играл в данном случае роль своеобразной государственной нотариальной конторы, предоставляя историку массу ценнейших частных актов — купчих, заемных кабал, сговорных записей, духовных.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5970. Л. 349 и сл. Приношу благодарность А. В. Антонову и В. Д. Назарову, которые познакомили меня с записными вотчинными книгами. Подокументарное описание этого источника (кн. 5969—6016, 1626—1654) окончено. Оно осуществлялось в рамках совместного проекта Российского государственного архива древних актов, Института всеобщей истории Российской Академии наук и Секции историко-филологических наук Практической Школы высших исследований в Париже по изучению земельного рынка в Московском государстве в первой половине XVII в.

[2] «А в приходных книгах 131-го году, какова сыскана после Московского пожара, написано: августа в 13 д. взято с вотчины Виктора Бутримова, что за ним отца сво Векентья Бутримова вотчина в Володимере, пошлинных денег с дву сот с тритцати с трех чети с четвериком по алтыну с чети итого 6 рублев 33 алтына» (Там же. Л. 369 об.).

[3] См.: АСЗ. 2008. Т. IV. № 66. С. 49—53. Документ в дальнейших примечаниях обозначен как «*Духовная*».

[4] Записные вотчинные книги упоминаются в опубликованных указах: Законодательные памятники русского централизованного государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 92 (1619/20). С. 98; № 161 (3 дек. 1627). Ст. 4. С. 134; № 234 (17 дек. 1636). Ст. 2. С. 172). Но приговор 3 октября 1626 г. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 5969. Л. 30—31) по сей день не издан.

Настоящая статья посвящена именно такому акту — завещанию Семена Иванова сына Бутримова из немногочисленного и малоизвестного служилого рода XVI—XVII вв. В отсутствие других источников, а тем более самих актов, невозможно проверить, точно ли подьячие Поместного приказа передали текст оригинала. Однако намеренная подделка, например, чтобы присвоить Виктору Бутримову вотчину, на которую другой член семьи имел бы более обоснованные права, маловероятна: в подобном случае, если судить по другим делам из тех же книг[5], сопротивление обездоленного родственника так или иначе отразилось бы в документах. В нашем случае указания духовной, поддающиеся проверке, подтверждаются другими источниками. Можно, следовательно, ее считать достоверной.

Завещаниями историки интересуются уже давно, но главным образом для выявления семейных связей. Между тем богатство источника родословными сведениями не исчерпывается: О. В. Кошелева, например, использовала духовные, чтобы охарактеризовать заботу о детях в древней Руси[6]. Они также содержат информацию для исследований по социально-экономической (поскольку дают представление о состоянии завещателя) и по религиозной истории: посмертные обряды, заказанные покойным, отражают не только его личную набожность, но и общепринятые ритуалы того времени. Наконец, духовные, перечисляя порой несколько десятков лиц (кредиторов и должников, духовных приказчиков, свидетелей, наследников, членов и не членов рода) вводят исследователя в социальную среду завещателя.

Духовная Семена Бутримова по формуляру мало чем отличается от завещаний последней трети XVI — начала XVII в., например И. В. Мечова, И. Ю. Грязного, И. С. Борщова[7]. Бросается в глаза чрезвычайная заботливость Семена Ивановича о посмертном устроении своей души, хотя здесь налицо некоторые неясности. Так, завещатель поручал (почти наверняка душеприказчикам) «позвать на отпеванье» не названных по имени патриарха, архиепископа, двух архимандритов и двух же протопопов, причем в тексте не сказано из каких именно монастырей и соборов. Трудно сказать, насколько реальным было это пожелание нашего персонажа — формально его статус вряд ли предполагал участие в отпевании столь высокопоставленных иерархов. Быть может, анонимность перечисленных церковных лиц подсказывает нам время составления духовной: после 17 мая, но до 3 июня 1606 г. (день поставления патриарха Гермогена). Более точен Бутримов в распоряжениях о погребении: местом погребения он называет ярославский Толгский монастырь, в

---

[5] См., например, интересное дело Головиных: Софья Федоровна, вдова Павла Селунского, дочь окольничего Федора Васильевича Головина, оспаривает духовную отца, ссылаясь на, скорей всего, вымышленную «изустную» духовную (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5969. Л. 36— 61 об., июль 1616 г.).

[6] *Кошелева О. В.* Благославляю чада свои: забота о детях (по древнерусским грамотам) // Вестник Унта Российской Академии Образования. 1997. № 2(3). С. 108—140.

[7] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 56—57, 58—59, 70—72.

самой церемонии предполагалось участие архимандрита ярославского Спасского монастыря, священников и дьяконов обители, соборного протопопа из Ярославля, игумена и монахов Толгского монастыря. Духовный отец завещателя, священник церкви Симеона Столпника «за Арбатцкими вороты» Михаил, видимо, должен был сопровождать тело С. И. Бутримова из Москвы до места погребения (за «сорокоуст и на провожанье» он получил 5 рублей и беличью шубу[8]). Показательны география и размеры вкладов в обители и церкви. Самые крупные вклады (особенно при учете прежних дарений) назначались, естественно, в ярославские монастыри (Толгский и Спасский), а также во владимирскую обитель (почти наверняка речь идет о Рождественском монастыре). Более скромным было дарение в новгородский Спасо-Хутынский монастырь, незначительные вклады предполагались в краснохолмскую Антонову и в ростовскую Богоявленскую обители (по 5 руб.). Судя по записям вкладных книг Толгского монастыря, С. И. Бутримов принял при постриге иноческое имя Серапион, хотя не вполне ясно, где и когда это произошло (скорее всего, при кончине «земной жизни»)[9].

Отметим также многочисленные, правда незначительные по размерам, вклады в соборы (Москвы, Ярославля, Владимира) и церкви (прежде всего в Ярославском уезде). Близкая, хорошо знакомая завещателю Россия — это Ярославль, семейное гнездо Бутримовых[10]. Он завещает по рублю церкви Рождества в Вокшаре (где Василий Иванов сын Бутримов имел поместье, см. прим. 29) и церкви Воскресения в Жарех, где был помещиком, в конце XVI в., Постник Нефедьев (С. И. Бутримов первым браком был женат на Ирине, дочери Аф. Нефедьева). Это храм во Владимире (Успенский собор): во Владимирском уезде его сыновья, да и он сам, владели землей, Суздаль, где он служил приказчиком дворцовой Гавриловской слободы, Ростов, где осела семья его зятя, Ивана Олимпьева сына Сабурова. Это, конечно, Москва, где он жил еще до пострига в 1606 г., вероятно, во дворе сыновей. Наверное, неслучайно совпадение между крестным именем Семена Бутримова и престолом церкви его духовного отца. Это, наконец, Северо-Запад, с котором его связь пока для нас необъяснима.

---

[8] Духовная. Л. 361 об.; «Семеновской» священник — скорее всего, из причта церкви Симеона Столпника, «что на Орбате», в Земляном городе, где может быть и находился московский двор Бутримовых (см.: *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613—1725. М., 1883. Вып. 2. С. 620 (Переписная книга москвовских церквей в Земляном городе, 7165, № 13)).

[9] См.: Ярославская старина. Из архива русской провинции / Сост. В. Н. Козляков. Ярославль, 1992. С. 17: «Дал вкладу Семейка Иванов сын Бутримова, во иноцех Серапион Пречистой Богородицы в дом на Толгу 140 рублев денег», евангелие-тетр, два драгоценных креста, церковные сосуды, и т. д., «...другой корм месяца июля в 15 день на преставление его». На ряд особенностей сохранившегося текста духовной С. И. Бутримова обратил наше внимание В. Д. Назаров. — *А. Б.*

[10] Ярославцы — Абрам Семенов сын, Василий Иванов сын, Викентий Семенов сын, Виктор Викентьев сын, Нестор, Парфен Молчанов сын, Ратман. См. ниже приложение I: «Список членов рода Бутримовых (XV—XVII вв.)».

Сравнительно скромная карьера Семена Бутримова (рядовой сытник опричного двора в 1573 г., приказчик дворцовой Гавриловской слободы в Суздальском уезде в 1586 г.) заставляет призадуматься о происхождении его богатства. Если считать четверть ржи по обычной цене — полтине, четверть овса по полуполтине[11], четверть пшеницы по 80 копеек, четь солоду по полтине, пуд меда, как и улей, по рублю[12], то сумма «старых вкладов» достигает 470 рублей, новых — 137 рублей. Следует прибавить расходы на похороны и четыредесятницу: около 90 рублей. На покой своей души Семен Бутримов истратил, стало быть, огромные деньги, почти 700 рублей, причем ни в духовной, ни в книгах Толгского монастыря нет ни слова о поминовении его родственников.

Своей второй жене и взрослым детям, судя по всему уже хорошо обеспеченным, он раздает иконы, драгоценности, людей, одежду, хлеб, скот. Не забывает он и зятей, золовок, душеприказчиков. Хотя дать точную оценку наследства невозможно, во всяком случае, общая стоимость его никак не меньше 200 рублей, а скорее всего, достигает, или даже превышает, 300 рублей. Как удалось обыкновенному, по-видимому, дворцовому служителю накопить тысячу рублей? Злоупотребления приказных — хорошо известное явление. Нельзя ли, однако, предположить, что разбогател он именно в опричнине? Этим можно было бы объяснить и размер его состояния, и глубокое, как кажется, раскаяние в своих грехах.

Другая гипотеза, вполне совместимая, впрочем, с опричным вариантом, опирается на следующее место в духовной: «А что двор на Москве, купля детей же моих Векентья да Обрама, а купили они тот двор на свои денги, что продавали они из вотчины своей володимерские хлеб свой» (л. 355 об.—356). Пользуясь дороговизной «голодных лет» (1601—1603 гг.), Бутримовы могли существенно увеличить свои богатства за счет менее удачливых хозяев. Заметим кстати, что все долги Семена Бутримова — денежные, все же должники занимали у него рожь (л. 351—351 об.). Продажа хлеба по спекулятивным ценам в голодное время тоже считалась, и справедливо, грехом[13].

Что же касается социальной среды, в которой вращался Семен Бутримов, она замечательна своей пестротой. Все упомянутые лица — так или иначе люди близкие: кредиторы и должники, все безкабальные — значит, хорошо ему знакомы; послухи и душеприказчики, разумеется, пользуются его доверием; о родственниках и свойственниках и говорить не приходится. Всех их можно распределить по четырем категориям: дворцовые служители, светские архиерейские чиновники, дьяки и подьячие, мелкое городовое дворянство[14].

---

[11] Цены по указу царя Бориса Федоровича 3 ноября 1601 г. (Законодательные памятники русского централизованного государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 49. С. 67—69).

[12] Средние цены по: *Hellie R.* The economy and material culture of Russia, 1600—1725. Chicago; London, 1999. С. 13 (пшеница), 86 (мед), 109 (улей), 647 (солод).

[13] См.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 198—199.

[14] Положение Верекова, Емельянского, Лычникова не удалось определить.

К дворцовым служителям принадлежат (как и сам Семен Бутримов) Суворовы. Правда, должность послуха Анисима Антонова сына не удалось уточнить, но его родственники нам известны: Андрей — подключник Кормового, Алексей Никитин сын — стряпчий Хлебного дворца. Кредитора завещателя, Мутея Шишкина, под этим именем нам не удалось найти, зато Василий Федоров сын Шишкин — чарошник в Сытном дворце (1616 г.), а Федор Федоров сын Шишкин там же служит в стряпчих[15]. Связь Бутримовых с дворцовыми служителями подтверждается земельными сделками Евдокима (шурина Семена Бутримова) и Ирины (его первой жены) Афанасьевых детей Нефедьевых: им закладывает свою вотчину Елисей Ильин сын Семичев, родной брат Абрама, стряпчего Сытного дворца[16]. Абрам впоследствии выкупил эту вотчину у Якова Бутримова. Тот же Яков Бутримов купил одну вотчину у сытника Михаила Иванова сына Волжина, другую приобрел по закладной у стряпчего Сытного дворца Богдана Русинова сына Десятого, и, наконец, продал последнюю подключнику Хлебного дворца Матвею Григорьеву сыну Батюшкову[17].

Из светских архиерейских чиновников, если не считать патриаршего помещика Федора Шишкина, можно назвать только должника Семена Бутримова, Ивана Васильева сына Внукова, патриаршего сына боярского (л. 351 об.). Но Внуковы — хорошо известная семья патриарших чиновников, и не исключено, что именно через них Семен Бутримов установил связь с патриаршей кафедрой. Известен еще Иван Ефимьев, сын боярский вологодского архиепископа (1591/92 г.), возможно, родич должника Семена Ефимьева[18].

Более многочислен дьяческий элемент: положение Якова Бутримова в 1606 г. неизвестно, но в 1618/19 г. он — подьячий приказа Большого прихода[19]. Должник Семена Бутримова, Семен Ефимьев (Еуфимьев) — дьяк приказа Большого Дворца в 1603/04 г., дворцовый дьяк в 1604/05 г. Послух Евстафий Нечаев сын Колюпанов — до 1622/23 г. неверстанный подьячий. Свойственники Бутримова Нефедьевы в XVII веке — дьяческий род[20].

Большинство Бутримовых, Абрам и Викентий Семеновы дети, как и сын последнего Виктор[21] (хотя он по понятным причинам в духовной не упомянут) служили по Ярославлю. Дочь Семена Бутримова Матрена вышла за Ивана Олимпиева сына Сабурова, из ростовских Сабуровых[22].

Несмотря на очевидные разницы в чинах, должностях, правах и обязанностях между участниками разношерстного собрания, не следует забывать и об общих

---

[15] См. ниже приложение II: «Список лиц (кроме Бутримовых), упомянутых в духовной Семена Бутримова (1606)».
[16] Там же (Семичев Е. И.).
[17] См. приложение I.
[18] См. приложение II.
[19] См. приложение I.
[20] См. приложение II.
[21] См. приложение I.
[22] См. приложение II.

всем этим лицам чертах: все они служат или государю или иерею, все занимают скромное место в официальной иерархии (искать их приходится отнюдь не на первых листах московской документации), и все тем не менее стоят безусловно выше тяглого населения и в социальном, и, почти наверняка, в имущественном отношении.

Сам факт сближения у смертного одра Семена Бутримова людей, принадлежащих к разным социально-правовым категориям (факт далеко не единичный), мне представляется чрезвычайно важным. Он напоминает о том, что пресловутая чиновная пирамида имела лишь относительное значение (в повседневной жизни далеко не всегда с ней считались) и что за кулисами придворных церемоний существовала многочисленная группа посредников, без которых двор вообще был бы немыслим. Надеюсь, в ближайшем будущем вернуться к общей проблеме этих «господ средней руки».

Приложение I

Список членов рода Бутримовых (XV—XVII вв.)

Абрам Семенов сын Бутримов, жив в июле 1606 г., † до 27 мая 1614 г. («убили воры казаки», *Духовная*, л. 367). Женат на Мавре NN. Овдовев, она получает «помес[ть]я 76 чети»; грамота об этом послана в Ярославль 27 мая 1614 г[23].

Авдотья NN, жена Василия Иванова сына Бутримова.

Аграфена Семенова дочь Бутримова, малолетняя дочь Семена Иванова сына и Ирины Афанасьевны, рожденной Нефедьевой[24].

Азея, *см.* Макрида.

Андреян Бутримов, майор солдатского строю под Старым Быховым, упомянут в описи бумаг Приказного стола Разряда за 173 г.[25]

Антонида NN, жена Нестора Бутримова, 6 марта 1615 г. отправляет отказную грамоту на поместье в Ярославском уезде («а прежнюю грамоту зжог Лисовской»[26]).

Богдан Васильев сын, в 1594/95 г. помещик Орловского уезда[27].

Василий (Васко) Бутримов, послух при данной Василья Алферьевича Кушецкого, до 1438 г.[28]

---

[23] Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). М., 1994. С. 368. Л. 104.

[24] Духовная. Л. 354 об., 357 об. — 358.

[25] Описи архива Разрядного Приказа XVII в. СПб., 2001. С. 591. Л. 346 об.

[26] Документы Печатного приказа. С. 420. Л. 177.

[27] Писцовые книги XVI века. СПб., 1877. Ч. II. С. 1021 (Орловский уезд, Нугорский стан, деревня Студениковская).

[28] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 538. С. 415. Может быть, тот самый «Василий Бутримов, вторая четверть XV века, Кострома», о котором пишет С. Б. Веселовский (Ономастикон. М., 1974. С. 57).

Василий Иванов сын Бутримов, † 7117 (1608/09) г., убит под Ярославлем «изменниками»[29]. Женат на Авдотье NN, у них сын Петр.

Викентий (прозвище; наст. имя: Юрий) Семенов сын Бутримов, ярославец, участник первого ополчения, получил 30 июля 1611 г. денежный оклад «из Чети вновь по 8 рублех»[30]. В августе 1615 г. вознагражден золотой деньгой за военные действия с 7 другими ярославцами[31]. † в 7131 г. (1622/23), до 13 августа[32].

Виктор (прозвище; наст. имя: Григорий[33]) Семенов сын Бутримов, † до 15 июля 1606 г.; купил владимирскую вотчину у подьячего Поместного приказа Ивана Переяславцева[34].

Виктор Викентьев сын Бутримов, жилец 1626—1627/28 гг.[35]; подал в 1627 г. челобитную о записи за ним отцовской вотчины[36]. 1 июля 1648 г. продал выслуженную вотчину, деревню Новинки (Жарская область, Ярославский уезд), князю Андрею Иванову сыну Львова; в купчей он назван ярославским сыном боярским[37].

Григорий, прозвище Виктор, Семенов сын Бутримов, *см.* Виктор Семенов сын Бутримов.

Ждан Бутримов, подьячий, 1586[38].

Ирина Афанасьевна Бутримова, рожденная Нефедьева, дочь Афанасья и Татьяны; первая жена Семена Иванова сына Бутримова, † до июля 1606 г.

Ирина Семенова дочь Бутримова, дочь Семена Иванова сына Бутримова и его второй жены, Макриды Андреевой дочери[39].

---

[29] АСЗ. Т. II. № 53. С. 68—69: ввозная грамота вдове с сыном на его поместье, деревню Великий Дор в Вокшарской волости Ярославского уезда (21 декабря 1609 г.).

[30] *Зерцалов А.* О сыскных поместных и денежных четвертных и городовых окладах с 1614 по 1619 гг. и о большом сыске окладов 1622 г. // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. С. 44. Л. 115. Утверждено 20 августа 1615 г.: *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617) // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 136—137. Л. 238.

[31] *Веселовский С. Б.* Приходо-расходные книги московских приказов. М., 1912 (РИБ. Т. 28). Стлб. 775.

[32] Духовная. Л. 349 об. (год смерти), 369 об. (выпись из приходных книг Поместного приказа 123 г.: 13 августа его сын Виктор уплатил пошлины за унаследованную вотчину).

[33] Там же. Л. 354 об.

[34] Там же. Л. 355, 368.

[35] Благодарю А. Н. Павлова за эти сведения.

[36] Духовная. Л. 349 и сл.

[37] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 6009. Л. 38—49 (описание А. В. Антонова, неопубликованный материал).

[38] Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М., 1996. С. 107. Л. 203 об.: 17 июня 1586 г. старцу Пимену «дано гривна денег, дал он подьячему Ждану Бутримову от орловского от межевого списка от справки».

[39] Из духовной не совсем ясно, является ли она дочерью Семена и Азеи Бутримовых, или же дочерью Азеи от неупомянутого предыдущего ее брака. Вероятнее первое: точно в таких же выражениях пишет Семен Бутримов о возможном посмертном сыне (Л. 358 об.), и вряд ли приказал бы он своим детям чужую дочь «держати у себя и поить и кормить ⟨...⟩ и, вскормя, замуж выдать» (Л. 358 об.).

Казарин (прозвище; наст. имя: Осип[40]) Семенов сын[41] Бутримов, двоюродный брат и душеприказчик Семена Иванова сына Бутримова[42], отец подьячего, потом дьяка Якова Бутримова.

Катерина Семенова дочь Бутримова, дочь Семена Иванова сына и Ирины Афанасьевны, рожденной Нефедьевой, замужем за Гаврилой Федоровым[43].

Лев (Левка) Бутримов, в 1573 г. колымажный мастер опричного двора, оклад 2 рубля с четью, хлеба 9 четьи ржи и 9 овса[44].

Мавра NN, жена Абрама Семенова сына Бутримова.

Макрида Андреева дочь[45] NN, прозвище Азея, вторая жена Семена Иванова сына Бутримова, мать Ирины Семеновой дочери Бутримовой[46].

Матрена Семеновна Бутримова, дочь Семена Иванова сына и Ирины Афанасьевны, рожденной Нефедьевой; замужем за Иваном Олимпьевом сыном Сабуровым[47].

Нестор Бутримов, выборный дворянин, ярославлец; женат на Антониде NN, отец Петра. † вероятно, задолго до марта 1615 г.[48]

Осип, прозвище Казарин, Семенов сын Бутримов, *см.* Казарин Семенов сын Бутримов.

Парфен Молчанов сын Бутримов, ярославец, новик, поверстан 25 февраля неизвестного года дьяком Михаилом Тюхином: поместный оклад 300 чети, денежной — 9 руб[49].

Петр Васильев сын Бутримов, рожд. в 1606 г. (ему 3 года в декабре 1609 г[50].)

Петр Нестеров (Несторов) сын Бутримов, жилец с 1614/15 или с 1616/17 г. по 1643 г.; с 1643 г. московский дворянин[51].

Прасковья Бутримова, проживает у Артамона Сергеевича Матвеева в июне 1672 г.[52]

---

[40] Яков Бутримов в Духовной значится «Казариным сыном» (например, л. 363 об.); вместе с тем он назван «Яковом Осиповым сыном» в записных вотчинных книгах (например, № 5979. Л. 845 об. — 847).

[41] Духовная. Л. 361 об.

[42] Там же. Л. 364 (двоюродный брат), 359 (духовный приказчик).

[43] Там же. Л. 359 об. — 360.

[44] Список опричников Ивана Грозного. 2-е изд. СПб., 2003. Л. 28 об. С. 95.

[45] Духовная. Л. 359 об.

[46] Там же. Л. 358 об.

[47] Там же. Л. 359 об.

[48] Документы Печатного приказа. С. 420. Л. 177.

[49] Удостоверено памятью 28 февраля 1619 г., см.: РГАДА. Ф. 141, 1618 г. Дело 1 (Галицкая четверть. Л. 99). Михаил Тюхин верстал новиков разных городов в 1615/1616 г. (*Веселовский*. С. 529).

[50] АСЗ. М., 1998. Т. 2. № 53. С. 68—69.

[51] Благодарю А. П. Павлова за эти сведения.

[52] *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Ч. II. (Репринт). С. 414.

Ратман Бутримов, Пенза, 1590 г.[53]; вотчинник в Ярославском уезде в 1615 г.[54]

Семен Иванов сын Бутримов, † до 31 июля 1606 г. Женат сперва на Ирине (Орине) Афанасьеве дочери Нефедьевой, а после ее смерти на Макриде NN, прозвище Азея. В 1573 г. рядовой сытник опричного двора, оклад 8 рублей[55]. В 1586 г. приказчик дворцовой Гавриловской слободы в Суздальском уезде[56]. В 1592/93—1593/94 гг. владел землей во Владимирском уезде[57].

Федор Бутримов, помещик Белозерского уезда, 1643 г.[58]

Юрий, прозвище Векентей, Семенов сын Бутримов, *см.* Векентей.

Яков Осипов (Казаринов) сын, подписал духовную Семена Бутримова вместо своего отца[59]; подьячий приказа Большого прихода[60] (1618/19); у размежевания между Вязьмой и Дорогобужем[61] (1619/20); сыщик в сибирских городах (ок. 1621/22); подьячий в Перми[62] (1626); дьяк в Томске[63] (1630/31—1631/32); послан к Алтын-хану в Монголию[64] (1631/32); в 1636/37 г. его оклад 600 четв. и 65 руб.[65]; разбирает псковских детей боярских[66] (1638/39); дьяк в Новгороде, где и умер[67] (1639—1641).

Женат на Акулине Аввакумовой дочери NN, которая около 1643 г. вышла вторично замуж за Григория Федорова сына Киреевского, московского дворянина[68].

---

[53] *Веселовский С. Б.* Ономастикон С. 57.

[54] Документы Печатного приказа. С. 357. Л. 88 об.: «грамота жаловальная ⟨...⟩ на ярославскую его вотчину, на 60 чети ⟨...⟩ За службу и для их бедности и службы тех пошлин не взято».

[55] Список опричников Ивана Грозного. Л. 29. С. 97.

[56] *Муштафаров А. В.* Явочные челобитные 1582—1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // РД. М., 2003. Вып. 9. № 33. С. 303.

[57] Писцовые книги XVI века. СПб., 1872. Ч. 1. С. 803: «Благовещения пречистыя Богородицы Киржатцкого монастыря пустошь ⟨...⟩ пашни середние земли пахано наездом, а с отхожею пашнею, что по конец поль Василья Заломова да Семена Бутримова, 40 четв.».

[58] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 313. С. 333—334: в 1643 г. крестьянин Федора Бутримова избран целовальником Карголомской волости.

[59] Духовная. Л. 361 об.

[60] *Веселовский.* С. 75.

[61] Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. 1. С. 159. Л. 302 об. С. 207. Л. 420 об.

[62] *Веселовский С. Б.* Приходо-расходные книги московских приказов. Стлб. 393—394.

[63] *Веселовский.* С. 75.

[64] Опись архива Посольского приказа 1673 года. С. 448. Л. 960: «статейный список дьяка Якова Бутримова».

[65] *Веселовский.* С. 75.

[66] Описи архива Разрядного Приказа XVII в. С. 384. Л. 177 об.

[67] *Веселовский.* С. 75; Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 222. Л. 549 об.

[68] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5979. Л. 845 и сл. (сведения по описанию В. Ю. Беликова, неопубликованный материал); о Г. Ф. Киреевском см.: Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 84. Л. 217 об.; Боярская книга 1639 г. С. 111. Л. 227 об.

Владеет поместьем в Дмитрове в 1619 г.[69]; купил сельцо Митяково («Шишкино тож») в Мещерском стане Коломенского уезда по частям у разных владельцев: у сытника Михаила Иванова сына Волжина, у его родственника Ивана Безсонова сына Волжина, у коломенского сына боярского Федора Петрова сына Сумарокова[70] (1613/14—1616/17); одно время (до 1626 г.) владел сельцом Стрековым в Вышегородском стане Дмитровского уезда, заложенным Елисеем Ильиным сыном Семичевым; оно было выкуплено раннее 1626 г. его братом, стряпчим Сытного дворца Абрамом Ильиным сыном Семичевым[71]; в 1626/27 г. приобрел пустошь Григорово в Вышегородском стане Дмитровского уезда по закладной кабале стряпчего Сытного дворца Богдана Русинова сына Десятого, а в 1636 г. продал ее подключнику Хлебного дворца Матвею Григорьеву сыну Батюшкову[72].

Приложение II

Список лиц (кроме Бутримовых), упомянутых в духовной Семена Бутримова (1606)

Анастасия (Настька) Третьякова дочь, скорее всего, холопка; завещана Азее, второй жене Семена Бутримова[73].

Арист, прозвище Валява, Герасимов сын, старинный холоп, унаследованный Семеном Бутримовым «от своих прародителей», завещан его сыновьям[74].

Вереков, Лука, кредитор (3 рубля безкабально).

Внуков, Иван Васильев сын, патриарший сын боярский, должник (4 четверти ржи безкабально). Внуковы — с первой четверти XVI в. митрополичьи посельские и дети боярские[75].

Емельянский, Иван Васильев сын, должник (10 четвертей ржи безкабально).

Ефимьев (Еуфимьев), Семен, должник (6 четвертей ржи безкабально); дьяк приказа Большого Дворца в 1603/04 г., дворцовый дьяк в 1604/05 г., в приказе

---

[69] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 57. Может быть, сельцо Стреково, см. примеч. 95.

[70] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5979. Л. 845—860 об.

[71] Там же. Кн. 5981. Л. 734—742 (сведения по описанию В. Ю. Беликова, неопубликованный материал); по всей вероятности, это — то самое «Строково», заложенное Елисеем Ильиным сыном Семичевым, о котором упоминает духовная Семена Бутримова (Л. 355 об.). Она, правда, помещает сельцо в Каменном стане, но последний граничит с Вышегородским (*Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 237, 248).

[72] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5995. Л. 519—532 об. (описание А. В. Антонова, неопубликованный материал).

[73] Духовная. Л. 356 об.

[74] Там же. Л. 357.

[75] См. например: АФЗХ. М., 1951. Ч. 1; М., 1961. Ч. 3; благодарю Элизабет Тэро (Elisabeth Teiro) за ее указания.

Казанского дворца при Владиславе, 1609—1611 г[76]. Известен в 1591/92 г. Иван Ефимьев, сын боярский вологодского архиепископа[77].

Колюпанов, Евстафий Нечаев сын, послух; до 1622/23 г. (но неизвестно с какого года) неверстанный подьячий, то «в ездовых», то «в городех с воеводами в товарищах»; впоследствии служит в Тотьме и у писцого дела[78]. Иван (1630/31—1632/33) и Федор (1587/88—1590/91) Колюпановы также подьячие[79]; другие Колюпановы — служилые люди, городовые или выборные дворяне[80].

Лычников, Евсевей Степанов сын, послух; он также выступает как послух в Клинском уезде в 1597/98 г.[81]

Михаил, духовный отец Семена Бутримова, поп Семеновской церкви за Арбатскими воротами (см. примеч. 8).

Нефедьев, Евдоким (Овдоким) Афанасьев сын, шурин и душеприказчик Семена Бутримова; вместе с матерью Татьяной Нефедьевой подарил вотчину в Дмитровском уезде своим племянникам, Абраму и Векентью Семеновым детям Бутримовым[82]; в XVI веке известны служилые землевладельцы Нефедьевы, в XVII веке — дьяки и подьячие[83].

Нефедьева, Ирина Афанасьевна, *см.* Бутримова, Ирина Афанасьевна, рожденная Нефедьева.

Нефедьева, Татьяна, рожд. NN, замужем за Афанасьем Нефедьевым, мать Ирины и Евдокима Афанасьевых детей Нефедьевых, теща Семена Бутримова; вместе с сыном Евдокимом подарила вотчину в Дмитровском уезде своим внукам, Абраму и Векентью Семеновым детям Бутримовым[84].

---

[76] *Веселовский*. С. 179.

[77] ТКДТ. С. 245. Л. 176.

[78] *Веселовский*. С. 254.

[79] Там же.

[80] См.: РД. М., 2002. Вып. 8. № 1389—1390 (Семен Григорьев сын с сыновьями Иваном и Яковом, Лукьян Грирорьев сын, алексинцы, 1590/91, 1600); РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 62 (Григорий Безсонов сын, арзамасец, 1616, 1622); *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617). С. 43. Л. 6 (Семен Григорьев сын, 1613).

[81] АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 401. С. 450—451: продажа земель Дмитрием Матвеевым сыном Ростопчиным своему зятю, Василью Ржевскому.

[82] Духовная. Л. 355 об.

[83] РД. Вып. 8. № 2227 (Постник Нефедьев, помещик в волости Жары Ярославского уезда до 1578/80 г.); Писцовые материалы Ярославского уезда. Поместные земли. СПб., 2000. С. 235. Л. 360 об. (Филипп, Тимофей, Максим Васильевы дети, помещики Череможской волости); *Веселовский*. С. 364—365 (Алексей, подьячий в Оружейном приказе, 1649; Василий, дьяк Новой чети и Большой Казны, 1646—1662; Исайя, подьячий, потом дьяк в городах, в судных и Печатном приказах, в Галицкой чети, 1632/33—1667/68; Михаил, подьячий в Новой чети и на Казенном дворе, 1625/26; Петр, подьячий Казанского дворца, 1638; Савин, подьячий Новгородской чети, 1613—1621).

[84] Духовная. Л. 355 об.

Переяславцев, Иван, подьячий Поместного приказа с 1588 по 1611 г.[85]; продал владимирскую вотчину Виктору Семенову сыну Бутримову[86].

Сабуров, Иван Олимпьев «Рюмин» сын, зять и душеприказчик Семена Бутримова. Он — из ростовских Сабуровых, муж Матрены Семеновой дочери Бутримовой. В 1573 г. владеет, вместе с братьями Андреем и Тимофеем, отцовской вотчиной в Московском уезде[87]; в 1616 г. вместе с братом Андреем сделал вклад в ростовский Борисоглебский монастырь, на память отца Олимпия, матери Анастасии, брата Тимофея и сестры Матрены[88].

Семен (? «Сенька») Филипьев сын, деловой человек, куплен по кабале у попа Нефедья, священника села Даниловского; завещан с женою и детьми сыновьям Семена Бутримова[89].

Семичев, Елисей Ильин сын; заложил Евдокиму и Татьяне Нефедьевым свою вотчину в Дмитровском уезде[90]; брат Абрама Ильина сына, стряпчего Сытного дворца.

Суворов, Онисим Антонов сын, послух. Андрей Суворов — подключник Кормового, Алексей Никитин сын — стряпчий Хлебного дворца[91]; Тарас Степанов сын — стрелецкий сотник[92]; Данилу Тарасову сыну выписывается пустошь в диком поле в Новгород-Северском уезде[93].

Ульяна Павлова дочь, прозвище Дворянка, раба, включенная в приданое Ирины, первой жены Семена Бутримова; замужем за Аристом Герасимовым сыном; вместе с ним завещана сыновьям Бутримова[94].

Федоров, Гаврила, зять Семена Бутримова, женат на его дочери Катерине[95]; очень распространенная фамилия, довольно распространенное имя и отсутствие отчества не позволяют отождествить его наверняка с каким-либо из служилых людей Федоровых[96]. Наиболее вероятный кандидат: Гаврила Казаринов сын Фе-

---

85 *Веселовский*. С. 405.

86 Духовная. Л. 368.

87 Писцовые книги XVI века. Ч. I. С. 143.

88 *Ikonnikov N.* La noblesse de Russie. 2-ème éd. Paris, 1961. Vol. O1. P. 131.

89 Духовная. Л. 357 об.

90 Там же. Л. 355 об.

91 Дворцовые разряды. Т. II. Стлб. 112. 1630; см.: *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. I. Т. 2. С. 417.

92 Кормленая книга Костромской чети, 1613—1627. С. 73 (1613 г.); *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617). С. 227, до 20 марта 1616 г.

93 АСЗ. Т. II. № 405, 1606.

94 Духовная. Л. 357.

95 Духовная. Л. 359 об. — 360.

96 Возможные кандидаты: Гаврила Казаринов сын Федоров, вероятно, сын боярский (16-го марта 1614 г — *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617). С. 196), причем известен патриарший дьяк Казарин Федоров (АФЗХ. Ч. 3); Гаврила Денисов сын Федоров, сытник, заложивший земли в Московском уезде гостям Юрьевым в 1604/05 г. (*Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века //

доров, чин неизвестен, 16 марта 1614 удостоверил оклад Ивана Поспелова сына Извольского. Казарин Федоров, в свою очередь, известен как патриарший дьяк[97].

Шишкин, Мутей, кредитор. Поскольку настоящее имя не указано, идентификация невозможна. Федору Шишкину было дано в наем поместье в патриаршем сельце Мещерках, во Владимирском уезде[98]. Известны два Шишкина при Сытном дворце: в 1616 г. упомянуты Василий Федоров сын, чарошник, и Федор Федоров сын, стряпчий, оба верстаны «при боярех из чети», первый в 10, второй в 9 рублей, не считая 10 рублей каждому «за Хоткеев бой и за Китайское взятие»[99].

Яковлев, Гаврила (?; «Ганка») Федоров сын, дьячок, писал духовную[100].

РД. Вып. 8. № 3658); Гаврила Федоров, подьячий в Поместном приказе с 1612 г. (*Веселовский*. С. 540; *Антонов А. В.* Дозорная книга Карачевского уезда 1614 года // РД. Вып. 10. С. 271); Гаврила Федоров, молодой подьячий Казенного приказа в 1624 г. (*Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 258).

97 АФЗХ. Ч. 3. С. 240, 242 и др.

98 Там же. № 165. С. 189—190, документ 3 августа 1598 г.

99 Кормленая книга Костромской чети, 1613—1627. С. 9.

100 Духовная. Л. 360 об., 362.

Д. Е. Гневашев (Вологда)

Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI века

Консолидация региональных элит в единое служилое сословие являлась, с одной стороны, непременным условием, а с другой, следствием сложного политического процесса — формирования единого Русского государства. Собирание под руку Москвы прежде независимых территорий Северо-Восточной Руси стало переломным моментом в организации служилого сословия. Присоединение той или иной области к великому княжению ставило перед великокняжеской властью задачу включения местных элит (в данном случае речь идет о феодальных коллективах) в систему общегосударственных служебных отношений. Ю. В. Готье отмечал, что ликвидация уделов в конце XV — начале XVI века не только ставила в зависимость от великого князя «местные удельные общества», но и влекла за собой зачисление их членов в ряды служилых людей Московского государства[1]. Степень влиятельности рода в местной среде, как правило, определяла дальнейшую судьбу его представителей. Верхушка служилых землевладельцев инкорпорировалась в Государев двор, а масса рядовых феодалов, оставаясь на местах, формировала территориальные служебно-землевладельческие корпорации — служилые «города». Как показал В. Н. Козляков, становление этих корпораций, противопоставленных привилегированному Государеву двору, совпало со временем создания единого Русского государства и было тесным образом связано с этим процессом. Образование сословных групп уездного дворянства в первой четверти XVI века, по мнению исследователя, можно считать свершившимся фактом[2].

Изучение судеб дворянских коллективов отдельных территорий после их присоединения к великому княжению становится важной исследовательской задачей в деле осмысления объединительного процесса в Российском государстве. Многое в этом направлении сделано трудами историков за последние полвека. Нельзя не отметить устойчивый интерес к проблемам организации различных корпоративных структур (удельных дворов, служилых «городов», корпораций служилых князей), в которые были объединены представители разных этажей служилого сословия России в XV—XVII веках. Впрочем, различные аспекты истории служилого «города», землевладения его представителей, этапы его жизни и роль в ключевых событиях российской истории стали активно разрабатываться лишь в недавнее время[3]. Су-

---

[1] *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 58.

[2] *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения): Автореф. дисс. … докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 7—8.

[3] См., например, работы И. Л. Андреева, В. Н. Глазьева, В. Кивельсон, В. Н. Козлякова, Т. А. Лаптевой, И. Б. Михайловой и др.

щественно возросло количество исследований, в различных аспектах затрагивающих вопросы землевладения и службы феодалов в XV—XVII веках многих уездов России[4]. Региональный подход позволяет увидеть общее и особенное в объединительной политике Москвы по отношению к разным территориям. Менее повезло в этом смысле Вологодскому краю, эволюция служилого сословия которого до сих пор не привлекала пристального внимания исследователей.

В этой статье делается попытка проследить эволюцию вологодского феодального коллектива в XV — начале XVI века, на заключительном этапе которой сформировалась корпорация служилых землевладельцев Вологодского уезда — вологодский служилый «город».

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, связанных с собственно вологодским служилым «городом», необходимо проанализировать немногочисленные факты участия так называемых вологжан в разного рода военных событиях XIV—XV веков. Предполагаю, что вологодский служилый «город» возник на рубеже XV—XVI веков не сиюминутно, а длительно выкристаллизовывался из определенного слоя местного общества, представители которого, как кажется, и стоят за летописным термином «вологжане».

Устюжская летопись упоминает, что в 1462 году «посылал князь великии Иван Васильевичь рать на черемису, воивод своих... а с ними устюжане, да вологжане, да галичяне»[5]. Разбиравший это известие Ю. Г. Алексеев обронил замечание о том, что «служилого (феодального) землевладения на Устюге, как и на Вологде, не было или почти не было»[6]. В отправившихся в судах к Великой Перми «устюжанах» летописного известия историк предположительно видит не детей боярских великого

---

[4] Вот лишь неполный перечень земель и исследователей, посвятивших свои работы различным аспектам истории дворянства этих земель в XIV— начале XVIII веков: Арзамас (Ю. В. Мигунов), Белоозеро (А. Л. Грязнов, А. И. Копанев, А. А. Новосельский), Волок Ламский (С. З. Чернов), Казань (Э. И. Амерханова, Е. В. Липаков), Кашира (И. И. Соколова), Коломна (В. И. Кузнецов), Малоярославец (С. В. Поздняков), Мещера (Л. Г. Дубинская), Нижний Новгород (П. В. Чеченков), Новгород (В. М. Воробьев, А. Я. Дегтярев, А. П. Павлов, А. А. Селин, В. Л. Янин и др.), Переяславль (Ю. Г. Алексеев), Ржева Пустая и Великие Луки (В. А. Аракчеев), Романов (А. В. Демкин), Ростов (С. В. Стрельников), Рязань (А. А. Зимин, С. И. Сметанина, О. А. Шватченко), Суздаль (Н. К. Фомин), Тверь (А. А. Зимин, Б. Н. Флоря), Углич (Л. И. Ивина), Устюжна Железопольская (П. А. Колесников, И. В. Пугач), Ярославль (Е. А. Киселев, В. Н. Козляков).

[5] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 90.

[6] Ю. Г. Алексеев говорит о неразвитости служилого землевладения на Устюге и в Вологде в начале правления Ивана III как об общеизвестном факте и видит причины этого в малом плодородии почв и суровом климате (*Алексеев Ю.* «И многих татар топили...». Судовые рати Ивана III // Родина. 2003. № 12. С. 44.). Эти резоны следует признать недостаточными. Природно-климатические условия Вологодского и Устюжского уездов мало в чем изменились за век-полтора после похода 1462 г. и никак не повлияли на быстрое развитие служилой вотчины и поместья во второй половине XVI и особенно в начале XVII в. (по крайней мере, для Вологды это очевидно).

князя, «привычных к конному строю», а пеших ратников — «земское ополчение, набранное с определенного числа дворов. Именно такая пешая рать была наиболее пригодна для марш-маневра на речных судах»[7]. Если следовать логике автора, то и в «вологжанах» (а может, и в «галичанах») также следует видеть ополченцев, набранных в посошную службу, поскольку, по мнению Ю. Г. Алексеева, феодального землевладения ни на Устюге, ни в Вологде «не было или почти не было». Примерно те же идеи развивал Ю. Г. Алексеев в статье о Казанской войне 1467—1469 гг.[8] Не вдаваясь в характеристику степени развития служилого землевладения на Устюге, ниже я остановлюсь на таковом в Вологодском крае.

Впервые о «вологжанах», участвовавших в военном походе, повествует Новгородская IV летопись. Зимой 1386 года великий князь Дмитрий Иванович, «дръжа гневъ на Новгородъ про Волжанъ и про княжчины», выдвинул на Новгород объединенное войско в составе дружины Владимира Андреевича и 28 областных ратей. В числе последних названа и «вологодская рать»[9]. До упомянутого выше похода 1462 года в черемисскую землю «вологжане» не появляются на страницах летописей. Впрочем, состав вологодской администрации все же дает основание предполагать наличие в Вологде в первой половине XV века какого-то военизированного контингента. В грамоте Василия II о беспрепятственном пропуске ладьи Кириллова монастыря от Вологды до Двины 1448—1462 гг. упомянуты вологодские наместники и воеводы[10]. Вологодских наместников, сосредоточивших в своих руках «гражданскую» власть над населением управляемой ими части Вологды[11], можно встретить уже в конце XIV века. Их называет Двинская Уставная грамота[12]. Отвечавшие за обороноспособность региона воеводы были посажены в Вологде Василием II не позднее 1435 года. В этом году в разгар феодальной войны вологодских воевод Ф. М. Челядню, А. Ф. Голтяева, В. А. Зворыкина, В. М. Шею Морозова и М. Чепечкина «и иных многих» захватил в плен Василий Косой[13]. С тех пор и до пожалования Вологды в удел Андрею Меньшому, надо думать, чиновный состав

---

[7] Там же.

[8] *Алексеев Ю. Г.* «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства // Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 157; см. также: *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 83—84.

[9] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 93. Примечательно, что войско великого князя, двинувшееся на Новгород, пополнили отряды, набранные в исконных новгородских волостях — Бежецком Верхе, Волоке, Вологде.

[10] АСЭИ. Т. II. № 102.

[11] Другая часть оставалась за Новгородом (см.: *Черкасова М. С.* Управление Вологдой в XV — начале XVI в. // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2003. Вып. 9. С. 7).

[12] ГВНП. № 88.

[13] ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 99; см. также: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991. С. 73. Возможно, какие-то представители княжеской администрации («княжи бояре») присутствовали в Вологде уже в 1366 г. Тогда они захватили в Вологде возвращавшегося с Двины новгородского боярина Василия Даниловича Маш-

местной администрации не менялся и состоял из кормленщиков и воевод великого князя. Воеводы могли предводительствовать или присланными из центра служилыми, или, вероятно, отрядом, сформированным из местной служилости.

Итак, немногочисленные летописные данные позволяют обнаружить в среде вологодского общества XIV — середины XV века особую (видимо, немногочисленную[14]) категорию населения, готовую в период разного рода «розмирий» выступить в военный поход. Несомненно, значительную часть отрядов «вологжан» составляли мобилизованные жители вологодского посада и ближайшей городской округи. Остальная (меньшая) часть ратников, вероятно, не была уже прочно связана кругом обычных сельских и городских занятий, а военное ремесло стало основой их статуса и профессиональной деятельности. Именно этот узкий слой «вологжан» явился той средой, из которой впоследствии рекрутировались дети боярские вологодского удельного князя.

В 1462 году на политической карте Руси появилась новая единица — Вологодское удельное княжество, которая непременно должна была получить ряд соответствующих ее статусу атрибутов (территорию, на которую распространялась юрисдикция князя, стольный город, систему организации публичной власти, аппарат принуждения этой власти, потенциального родоначальника местной княжеской династии, княжеские двор и домен). Структурообразующим элементом удела вологодского князя Андрея Меньшого, безусловно, надо считать княжеский двор, при помощи которого решались задачи местного управления.

Данные об устройстве и персональном составе двора Андрея Меньшого скудны. В общих чертах структуру двора можно представить, обратившись к жалованной грамоте вологодского князя Кириллову монастырю (глухо датирована 1462—1481 гг.). В ней перечислены практически все страты удельного двора: «князи, и бояря, и дети боярьские, и поселские»[15]. Другая жалованная грамота тому же монастырю от 1471 года подразумевает все тех же князей, бояр и детей боярских вологодского князя, но в их служебно-функциональном аспекте («наместници, и волостели, и поселские, и слободшики, и всякия, и хто ни буди»[16]). Причем за словами «и всякия, и хто ни буди» можно обоснованно предполагать более-менее разветвленный штат княжеских слуг министериального типа свободного и холоп-

---

кова с сыном Иваном и Прокофия Киева (ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 66; Там же. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 236).

[14] Для сравнения, в бою на Суходрови (1445 г.) участвовало 100 можаичей, 100 вереитинов и 60 серпуховичей и боровичан. В этом же бою участвовал отряд белозерцев в 300 воинов (*Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 103, 245. Примеч. 12). В походе «на царя Абреима» (1468 г.) было убито 110 устюжан, «прочии же триста человек прибегнуша к Нижнему Новуграду» (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 114). Видимо, и численность отрядов «вологжан» в разное время колебалась в обозначенных пределах — от одной до трех-четырех сотен человек.

[15] АСЭИ. Т. II. № 177.

[16] Там же. № 193.

ского состояния, на которых были возложены многообразные задачи по управлению населением вологодского удела и хозяйством княжеского домена.

Упоминания князей, бояр, воевод, детей боярских, дворовых людей и иных категорий служилых (например, княжих псарей) Андрея Меньшого встречаются в ряде грамот, выданных княжеской канцелярией[17]. Показывая уже в начале 1470-х годов функционально разветвленный аппарат удельной администрации, источники в большинстве своем не дают имен конкретных лиц, имевших тот или иной чин. Прежде всего это относится к нижней (и одновременно самой многочисленной) страте вологодского удельного двора — детям боярским. По имени известен лишь один сын боярский вологодского князя — Леонтий Злоба Васильев сын Львов. В конце своего правления Андрей Меньшой разрешил («ослободил») ему «на Вологде купити земли на соху боярских и служых и черных тяглых земель». Примечательным условием пожалования было следующее — «а с тое земли с слугами и с черными людми не тянет, а служити своею братьею з детми з боярскыми»[18]. Помимо упоминания «братьи» Злобы Львова — все тех же детей боярских — жалованная грамота называет основные категории земель удела. Важно, что среди них находятся и служилые земли — боярские и служние — которые могут быть с ведома князя отчуждены иному владельцу. О своих селах и деревнях, находящихся «за моими детми боярскими с моим серебром», писал Андрей Меньшой в своей духовной[19]. Сохранившиеся вологодские акты XV—XVI веков отражают практически все виды мобилизации земли, принадлежавшей светским землевладельцам, в части которых можно видеть детей боярских удельного князя, а в их потомках — членов вологодского служилого «города».

Ко времени княжения Андрея Меньшого относится первое описание вологодских земель, возглавленное княжеским дьяком Федором Ивановичем Мячковым. Описание происходило в конце 1460-х — начале 1470-х гг.[20] В завещании Василия II помещен наказ своим детям — удельным князьям — о проведении описаний своих уделов, главной задачей которых была разверстка «по сохам и по людем» дани, предназначенной в татарские «выходы». Стоит отметить и другую задачу описания Ф. И. Мячкова, наиболее важную для целей этой статьи. Впервые были проведены в жизнь меры по упорядочению землевладения вологодских феодалов, как духовных, так, видимо, и светских. Описание стало важной вехой в деле инкорпорирования Вологды в состав объединяющегося Русского государства. Во-

---

[17] АСЭИ. Т. II. № 177, 180, 191—195, 198—200, 206 и др.

[18] Там же. № 250.

[19] ДДГ. № 74. Л. В. Милов, разбирая явление «серебреничества», в том числе привлекая для этого и духовную Андрея Меньшого, допускает, что села и деревни могли быть пожалованы князем своим детям боярским как в вотчину, так и в поместье (*Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2003. С. 472—473).

[20] *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки Отд. рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1982. Вып. 43. С. 98—99. № 4, 5.

логда наряду с другими областями теряла местную специфику, связанную прежде всего с новгородской «стариной», и постепенно приобретала черты рядового уезда с унифицированными способами управления, организации местного феодального коллектива и его землевладения.

Однако вернемся к летописному термину «вологжане». Вновь он появляется в статье о походе 1468 года. На Каму «воевати мест казанских» отправились великокняжеские воеводы братья Филимоновы-Морозовы и Иван Руно «с казаки». Соединившись в Галиче, воеводы достигли Вологды, а уже из нее «поидоша с волокжаны в соудех... к Оустюгоу»[21]. В следующем году состоялся новый поход судовой рати «на казанские места». К Устюгу водой двинулись отряды, возглавленные воеводой князем Д. В. Ярославским и девятью детьми боярскими великого князя. К ним примкнул и отряд «вологжан», руководимый воеводой Андрея Меньшого Семеном Федоровичем Пешеком Сабуровым[22]. Пространное известие Уваровской летописи об этом походе впервые позволяет раскрыть термин «вологжане». Объединенное русское войско состояло не только из великокняжеских детей боярских, московских купцов «и прочих всех москвичь», но и «от всеа земли своея дети боярские изо всех градов своих и изо всех вотчин братии своеи». Летопись вполне ясно говорит о составе войска, во-первых, сформированного преимущественно из профессиональных воинов, и, во-вторых, набранного не только из великокняжеских детей боярских, но и из провинциальной служилости («изо всех градов», «изо всех вотчин братии своеи»). Важно наблюдение Ю. Г. Алексеева, усмотревшего в этой летописной цитате «едва ли не первое противопоставление “дворовых” и “городовых” детей боярских, так хорошо известное в XVI—XVII вв.»[23]. Таким образом, можно утверждать, что ударное ядро отряда, возглавленного С. Ф. Пешеком Сабуровым, составили дети боярские вологодского удельного князя. Впрочем, это не исключает того, что в вологодском отряде могли находиться их послужильцы и земские ополченцы.

Богатый на события 1471 год оставил в летописях два упоминания об участии вологодских ратников в боевых походах: «вологодской земли рать» с устюжанами и вятчанами под началом В. Ф. Образца Симского и Б. М. Тютчева воевала Двину и Заволочье, а Андрей Меньшой «посла воеводу своего, Семена Федоровича Сабура, съ Вологды своими людми на Кокшенгу; они же шедше многые погосты и села повоеваша, и множество полону вземше возвратишася»[24]. Как и в 1468 году, великий князь распоряжается наличной боевой силой вологодского удела, отправляя «вологодской земли рать» воевать новгородские пригороды на Двине и в Заволочье. Впрочем, и Сабуров ходил на кокшаров, кажется, явно не по приказу Андрея Меньшого. Поход на Кокшенгу никак не мотивирован с точки зрения вологод-

---

[21] ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 287.
[22] Там же. С. 288.
[23] *Алексеев Ю. Г.* «Первая Казань»... С. 158.
[24] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 8, 193.

ского удела, но хорошо укладывается в череду событий московско-новгородского противостояния.

В 1472 году устюжскому воеводе князю Федору Пестрому было велено «с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны воевати Пермь Великие»[25]. Вологодские дети боярские со своим князем, вероятно, влились в общерусское войско, оборонявшее южные рубежи страны от татар в 1480 году. Иван III отправил Андрея Меньшого «со всеми силами» в его вотчину — Тарусу, а «прочии же князи и воеводы по иным местом — оу Окы по брегоу»[26]. Это еще несколько фактов, подчеркивающих правильность наблюдения Ю. Г. Алексеева о том, что в военном смысле формально самостоятельные московские уделы при Иване III сливаются в единое целое[27].

После смерти Андрея Меньшого в 1481 году «вологжане» также привлекались к военной службе великого князя. В 1483 году И. И. Салтык Травин и князь Ф. Курбский предводительствовали вологжанами, устюжанами, вычегжанами, вымичами, сысольцами и великопермцами в походе на вогульского князя Асыку. Тогда же на Югре «померло вологжан много, а устюжане все вышли». В составе «силы», которую вели на Вятку в 1489 году князь Д. Щеня и Г. Поплева, присутствовали и «вологженя» («шли в судех»)[28]. К сожалению, в отмеченных случаях летописи не называют по именам никого из «вологжан». Лишь в изложении событий похода на Югру 1499 года сохранились имена четырех «вологжан» («А со князь Петром Ушатым дети боярские вологженя Микита Тимофеев сын Мотафтин да Микита Пушников… А с Васильем Ивановым сыном Гаврилова детей боярских вологжен Осип Савельев да Фетька Неправдин»[29]). Н. Т. Матафтин и Ф. Неправдин погибли в казанском походе 1506 года (см. *Приложение*). Если допустить, что фамилия Н. Пушникова передана с ошибкой, то его можно отождествить с Никитой Никифоровичем Кушниковым, бывшим в 1518/19 году великокняжеским судьей в споре вологодского вотчинника Ферапонта Бурухи Анисимова сына Пеструхина и Спасо-Прилуцкого монастыря[30]. Об О. Савельеве других данных нет. Его родичами можно считать Степана Талашмана Иванова сына Савельева, бывшего в 1518/19 году послухом в упомянутой мировой записи Ф. Бурухи Пеструхина и Прилуцкого монастыря, и Тимофея Иванова сына Савельева, послуха в купчей 1516 года Корнилия Крюкова (будущего преп. Корнилия Комельского), купившего

---

[25] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сб. Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 262.

[26] ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 314.

[27] *Алексеев Ю. Г.* «Первая Казань»… С. 158.

[28] ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 124; Л., 1982. Т. 37. С. 50, 95.

[29] Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1. С. 55. В Уваровском списке Разрядных книг имя Осипа Савельева передано как Сиг Савельев; в Головинском списке его фамилия передана как Васильев (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 29).

[30] АЮ. № 269. К разбору земельных споров в конце XV — первой четверти XVI века привлекались преимущественно местные вотчинники.

у Федора Алексеева сына Стогина[31] пожню в Вологодском окологородье[32]. Упомянутых в последнем акте Федора Харитонова, Никифора Несветаева и Бориса Семенова сына Переславцева можно обоснованно считать вологодскими детьми боярскими[33].

Уникальную информацию о персональном составе вологодского служилого «города» содержит синодик, входящий в сборник конца XVI века[34]. В нем поименно названы убитые в казанском походе 1506 года 19 вологодских детей боярских (см. *Приложение*). Они принадлежали к 13 служилым родам. Большинство родов в XV—XVII веках было связано в служебно-землевладельческом отношении с Вологдой. Привлечение дополнительных источников для верификации информации синодика (в части текста с именами вологодских детей боярских) обнаружило высокую ее достоверность.

Известными из синодика и разрядных книг лицами не исчерпывается круг вологодских детей боярских, однако представители других землевладельческих родов Вологды могут быть отнесены к их числу условно, по косвенным соображениям. Установление персонального состава вологодского дворянства XV—XVI веков является самостоятельным большим исследованием. Здесь, полагаю, приведено достаточное количество данных, чтобы утверждать бытование вологодского служилого «города» уже в конце XV века. Боевые потери «города» в 1506 году (19 человек) могут косвенно указывать на его численность[35]. Не будет большим преуве-

---

[31] Может быть, в извлеченном из копийной книги XIX века акте неверно передана фамилия Ф. А. Стогина, и следует читать «Стогинин»? Стогинины хорошо известны по Белозерью, они могли иметь земли и в Вологодском уезде. Братом Ф. А. Стогин[ин]а мог быть Василий Алексеевич Стогинин — послух в земельных сделках (в том числе своего родича Губы Стогинина) на Белоозере между 1495—1511 гг. (АФЗХ. Ч. I. № 288, 304).

[32] Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря (публикация Ю. С. Васильева) // Городок на Московской дороге. Вологда, 1994. С. 96.

[33] Брат Б. С. Переславцева Василий Семенович был послухом в купчей 1530/31 года Корнильева монастыря у Григория Поликарпова сына Негодяева на полпожни на р. Леже (Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря... С. 97—98). Их отец (брат?) Семен Семенов сын Переславец вместе с Федором Харитоновым сыном и Антоном Александровым сыном Беседным названы «вологжанами», продавшими «земли бояр-

ские» (сельцо и шесть деревень в Городском стану) Филиппу Яковлеву сыну Нефедьеву до 17 февраля 1500 года (РНБ. СПБ ДА AI/17. Л. 36—36 об.). Сын Ф. Харитонова Федор в 1524/25 году продал Федору Семенову сыну Щекину дер. Михайловское на р. Вологде и «половину перевоза» на р. Тошне (РНБ. ОСАГ. I. 97). Беседные — коренные вологодские служилые землевладельцы XV—XVIII вв.

[34] РНБ. Собрание Погодина. 1596; о нем см.: *Конев С. В.* Синодикология. Ч. I: классификация источников // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 1. С. 7—15.

[35] Для сравнения: в 1596 году вологодский «город» пополнился 32 новиками; при Шуйском по Вологде служило не менее 122 детей боярских; в большом полку с воеводой А. В. Измайловым в 1632 году выступило 135 вологжан (Десятня новиков, поверстанных в 1596 г. // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 129—130; «Сыскные» списки вологодских дворян и детей боярских 1606—1613 гг.

личением считать отцов и дедов убитых в 1506 году вологжан детьми боярскими вологодского удельного князя, той самой «братьей» Злобы Львова, имен которых источники не сохранили.

Темп феодализации в Вологодском крае за счет развития мелкой и средней служилой вотчины[36] запаздывал по сравнению с центральными районами страны не из-за природно-географических условий (как, к примеру, считает Ю. Г. Алексеев), а прежде всего из-за отсутствия суверена, коммендация в службу к которому со стороны местной служилости (верхушки летописных «вологжан») зафиксировала бы статус имевшихся вотчин, выросших разными путями из недр черной волости, и вызвала бы появление новых, пожалованных. Тормозил этот процесс и туманный политический статус Вологды. Новгород декларировал вплоть до 1471 года свою юрисдикцию над Вологдой, но фактически Москва отторгла Вологду (или ее часть?) от «новгородской волости» на рубеже XIV—XV веков. Создание Вологодского удела во многом ускорило и упорядочило развитие феодального землевладения и оформленного в виде удельного двора коллектива местных служилых землевладельцев. На формирование местного феодального коллектива большое влияние оказал процесс складывания территории сначала удела, а затем Вологодского уезда. Приращение территории удела волостями, ранее тянувшими к Костроме, Белоозеру, Кубено-Заозерью, влекло за собой включение вотчинников этих территорий в ряды вологодских служилых землевладельцев. После ликвидации удела в 1481 году из кадров удельного двора был сформирован вологодский служилый «город».

Приложение

Синодик по убитым в битве под Казанью 1506 г.

Иже* дерзнувше Христа ради пострадати за святыя церкви и за правоверную веру христианскую под градом Казанию оубиенным от того ж безбожного царя Магмед[а]миня.

Князю Феодору Ивановичю Палецкому, Дмитрию Васильевичю Шеину, князю Михаилу** Феодоровичю Карамышу Курбьскому вечная память.

Князю*** Александру Даниловичю Пенкову, князю Василью Васильевичю Ногтеву, князю Феодору Борисовичю Горбатого, князю Ивану Васильевичю Шастунову, князю Роману Корбьскому, князю Ивану Михайловичю Деева, князю // Дмитрию Юхотцкому, князю Михаилу Мезецкому, князю Семену Лугвицыну, князю Дмитрию да князю Ивану Львовым, князю**** Семену Неледенскому, князю Феодору Шелешпалскому, князю Василью, князю Феодору, князю Ивану Дябринским, князю Феодору Кемскому, князю Григорию, князю Ивану Вадбалским, князю Ива-

(Публикация Д. Е. Гневашева) // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184—196; *Козляков В. Н.* Служилый «город» в Смоленской войне 1632—1634 годов // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 189).

[36] Великокняжеские и боярские села на Вологде известны с XIV века.

ну Пенке Оухтомскому, князю Феодору Хулую, князю Семену, князю Данилу княжим Ивановым детем Волковым Оухтомского, Феодору Игнатиевичю Образцову, Григорию Никифоровичю Креневу, Ивану Коробову, Афонасию Хвостову и сыну его Афонасию, Феодору Васильеву сыну Оушакова и иж с ними оубиенным под Казанью вечнаа память.

Детем***** боярским вологодцким на том же бою избиеным в Казани.

Никите, Данилу, Михаилу, Данилу, Протасию, Григорию Тимофеевым детем Матафтина[1], Нестеру Дедевшину[2], Андрею Трусову[3], Семену Васильеву сыну Татарину[4], Феодору Неправдину[5], Василью Пороше[6], Афонасию Фунику[7], Василию да Григорию Андреевым детем Ступина[8], Левашу Никит[ин]у Волоцкого[9], Михаилу Констянтинова Смешкова[10], Логину Кутлунину[11], Максиму Феофанову[12], Кирилу Ромянцову[13], пострадавшим за православную веру, вечнаа память.

РНБ. Собрание Погодина. 1596. Л. 169 об., 170.

Примечания: * *Написано киноварью.* ** *Написано на поле.* *** К *написано киноварью.* **** *Так в ркп. Нелединские не имели княжеского титула.* ***** Д *написано киноварью.*

[1] Матафтины — старинный костромской род (АСЗ. Т. I. № 157—159, 161—167). По Вологде известен с 1464/65 г., когда отцу убитых в 1506 г. братьев Тимофсю Никифоровичу Матафтину была пожалована дер. Бурдуковская с пустошами (Комельская вол.) (*Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 481—482. № 78). Вологодские Матафтины имели тесные связи со Спасо-Прилуцким монастырем, известны их земельные вклады в монастырь. Поэтому в монастырском архиве отложился ряд документов Матафтиных: духовная Тимофея Никифоровича, две духовных Игнатия Никитича («старинные, ветхи гораздо»), купчая Ширяя Матафтина на дер. Лукинскос в Лоскомской волости 1525/26 г. и еще несколько поземельных актов XVI века (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 14. Л. 122— 122 об.). Ширяй Матафтин ранее 1500 г. был на кормленой должности (держал «вологодский мех») (*Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 174). Федор Данилович Матафтин в 1536 г. был вологодским городовым приказчиком (*Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X—XVI вв. М., 1996. № 7. С. 146—148).

[2] Дедевшины, вероятно, происходят от костромского помещика Григория Дедевши Кренева (уп. в 1495 г.) (*Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 93). К слову, некий Григорий Никифорович Кренев (не Дедевша ли?) также погиб в походе 1506 г. Сын убитого в 1506 г. Нестера Дедевшина Тимофей Нестеров сын Дедевшин упомянут в качестве данного пристава в жалованной грамоте 1530 г. вологодскому Евфимьеву Сямженскому монастырю (*Черкасова М. С.* Кубено-Заозерский край в XIV—XVI веках // Харовск. Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 97, 98. № 5). Гавриил Софоньев сын Дедевшин в 1542/43—46 гг. упоминается как боярин вологодского архиерея (РНБ. СПб ДА AI/17. Л. 7—9, 22 об. — 23 об.; Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 209 об.).

[3] Трусовы — вологодские вотчинники, известные с конца XV века. В 1525/26 г. Яким и Яков Ивановы дети Тимофеевы Трусовы разъезжали свои вологодские земли с вотчиной

Кириллова монастыря (АЮ. № 149). Яким Трусов упоминается послухом во вкладной и душеприказчиком в духовной Ивана Леонтьева сына Злобина Львова в 1557 г. (РНБ. СПб ДА AI/17. Л. 3— 6 об.). В 1543 г. он же тягался с Кирилловым монастырем о межах между его сц. Нагорным и монастырской дер. Чебаковской в Городском стану (ОСАГ. I. 125).

[4] Вероятно, сын убитого в 1506 г. Семена Татарина Михаил Семенов сын Татаринов в 1562/63 г. был послухом в рядной Матрены Москотиньевой и Федора Григорьева сына Данилова-Домнина (АСЗ. Т. III. № 117).

[5] Потомки или однородцы Ф. Неправдина числятся вологодскими помещиками начала XVII века. Воин Андреев сын Неправдин служил при Шуйском по Вологде в чине городового сына боярского с окладом 400 четвертей («Сыскные» списки... С. 193). В 1617 г. его вдове и сыновьям Ивану и Меркурию было отделено поместье в Янгосарской и Корнской волостях (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14868. № 7). В опричные годы Неправдины встречаются по Белоозеру: в 1566 г. — белозерский помещик Микула Неправдин, в 1570/71 г. — вкладчик Кириллова монастыря Елизар Неправдин (РНБ. СПб ДА AI/16. Л. 865—866 об.; Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 254).

[6] Василий Пороша, очевидно, родоначальник вологодских Порошиных. Скорее всего, его сыновья упоминаются в 1540-х гг.: в 1543—48 гг. сын боярский ростовского архиерея Семен Васильев сын Порошин межевал в Вологодском уезде земли Ростовской кафедры и Кириллова монастыря; в 1542/43 г. боярин вологодского архиерея Третьяк Васильев сын Порошин присутствовал на мене землями между Вологодским архиерейским домом и Кирилловым монастырем (РНБ. СПб. ДА AI/16. Л. 315—315 об.; AI/17. Л. 22 об. — 23 об.). Вероятно, детям убитого В. Пороши была выдана дошедшая в упоминании жалованная несудимая (?) грамота Василия III на вотчинную деревню Марьинскую в Ракульской волости Вологодского уезда 1506/07 г. (*Антонов А. В.* Частные архивы... № 2578). Пятеро Порошиных несли службу с «городом» Вологдой при Шуйском («Сыскные» списки... С. 193—195).

[7] Известны сыновья убитого в 1506 г. Афанасия Фуника — Константин Афанасьевич в 1560/61 г. дал 100 рублей в Кириллов монастырь (РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 113.), а Федор Афанасьевич в 1550-е гг. известен как послух (АЮ. № 124; РНБ. СПб ДА AI/17. Л. 3, 3 об.). И. Л. Злобин Львов в своей духовной завещал своим «брату» Федору Афанасьеву и «племяннику» Григорию Иванову Фуниковым отцовскую приданную дер. Захарьинскую в Масленской волости (РНБ. СПб ДА AI/17. Л. 4 об.).

[8] Потомки или однородцы убитых в 1506 г. Ступиных братья Ермола и Евтифей Семеновы дети Ступины известны в 1590-х гг. как вологодские новики и помещики (АСЗ. Т. II. № 404; Десятня новиков... С. 130).

[9] В родословной конца XVII в. Волоцкие возводили свой род к выезжему из Польши при Василии III «честну мужу» Александру Анфалу Волоцкому. В родовой памяти отложилось воспоминание и об убитом в 1506 г. Леваше Никитине сыне Волоцком. В родословной он показан сыном Александра Анфала и назван Леонтием Левашом. Отмечено, что он был бездетен. Также упомянуто, что Леваш и его родной брат Никита «служили по Вологде в перво[й статье], убиты пот Казанью в лето 7061-го году в походе» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 51. Л. 1). Налицо подмена реалий. Леваш Никитин сын Волоцкий, погибший в неудачном казанском походе 1506 г., под пером составителя родословной превратился в братьев Леваша и Никиту, погибших в громком и победоносном «казанском взятье» 1552 г. Волоцкие — коренной вологодский служилый род, владевший вотчинами с XV в. в районе костромской Корежской волости и вологодской волости Лежский волок (от которой

получили родовое прозвание). В 1504/05 г. Онфал (Александр Анфал родословной легенды) и Истома Семеновы дети Волоцкие выкупили у своих родных братьев Василия, Семена, Евуса и Алексея их жеребьи родового с. Демьянова. Послухами сделки были их родичи Матвей и Терентий Игнатьевы дети Волоцкие (АСЭИ. Т. II. № 430, 431).

[10] Смешковы — вологодские вотчинники, известные с начала XVI в. Духовная Якова Брсха Дмитриева сына Смешкова 1510—1520-х гг. упомянута в правой грамоте 1543 г. Его дер. Чебаковская в Городском стану до 1543 г. оказалась в вотчине Кириллова монастыря (РНБ. ОСАГ. I. 125). Его брат (?) Неклюд Дмитриев сын Смешков был писарем грамоты в 1517/18 г. и послухом в 1548/49 г. в земельных сделках в Вологодском уезде (ГАВО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 114. Л. 6; РНБ. СПб. ДА AI/17. Л. 16, 16 об.). В XVI — начале XVII в. дети боярские Смешковы служили с «городом» Вологдой и владели вотчинами в Вологодском окологородье.

[11] Потомки или однородцы Логина Кутлунина Михаил Иванов и Михаил Яковлев Кутлунины служили при Шуйском по Вологде городовыми детьми боярскими («Сыскные» списки... С. 194—195). Андрей Кириллов и Третьяк Васильев Кутлунины около 1600 г. дали вкладом Триодь постную в Георгиевский храм Шилегодской волости (Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. I. Вып. 2. С. 82). Иван Сергеев, Третьяк и Улан Яковлев Кутлунины в 1610-х гг. отделяли поместья в Вологодском уезде (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14864. № 2; Кн. 14867. № 74; Кн. 14868. № 35; Кн. 14870. № 40).

[12] О вологодских Феофановых в XV—XVII вв. иных сведений не обнаружено.

[13] В XVI — начале XVII в. Румянцевы по Вологде не встречаются. Предположительно, убитый в 1506 г. Кирилл Румянцев (в источнике «Ромянцов») происходил от белозерских Румянцевых, вотчинников первой половины XV в. (АСЭИ. Т. II. № 333).

Т. А. Лаптева (Москва)

Эволюция служилого «города»

История служилого «города» в XVI—XVII вв. в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. В 2000 г. вышла монография В. Н. Козлякова, посвященная служилому «городу» в первой половине XVII в. В печати появляется все больше статей, посвященных истории служилых корпораций отдельных «городов». Однако пока что все эти исследования не привели к созданию полной и единой истории русского служилого «города». Мы можем говорить об успехах в изучении генеалогии отдельных дворянских родов, но теоретическое обобщение накопленных данных по истории «города» еще не состоялось, созданию полной картины его истории мешают как недостаток информации, публикаций, неразработанность источниковой базы, так и противоречия в высказываниях и оценках отдельных историков. В XX в. классическими стали высказывания А. А. Новосельского, относящиеся к ряду вопросов истории служилого «города». Это, главным образом, положения о роли «правящей элиты» в служилом «городе» и «распаде» служилого «города» в XVII в.[1] Эти положения Новосельского нашли отражение и в последней монографии В. Н. Козлякова, который, однако, предпочитает говорить все-таки не о «распаде», а об эволюции служилого «города», но характер этой эволюции не уточняет. Об эволюции служилого «города» пишет в своей книге и В. Кивельсон, которая полемизирует с высказываниями А. А. Новосельского о распаде «города» и его причинах[2]. Таким образом, налицо потребность в переосмыслении прежних воззрений на историю русского провинциального дворянства, диктуемая движением вперед в изучении источников. Тезис Новосельского о распаде служилого «города» не только не подтверждается изучением источников по мобилизации земельных владений дворянства во владимиро-суздальском регионе, как это показала В. Кивельсон, но и противоречит элементарной логике: исследователь относил появление признаков распада уже к концу XVI века, когда «город» только еще вступал в период своего расцвета, подобные же признаки земельной мобилизации в пределах всей страны и отдельных уездов характерны и для всего XVII века. О противоречии теории и практики в истории земельной мобилизации внутри служилого «города» и за его пределами писал еще С. В. Рождественский, который, однако, не видел в этом признаков распада «города»[3]. Подобное противо-

---

[1] *Новосельский А. А.* Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Учен. зап. РАНИОН. Вып. 5. М., 1929; *Он же.* Распад землевладения служилого города в XVII в. (по десятням) // Русское государство в XVII веке. М., 1961.

[2] *Kivelson V. A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford, 1996. P. 88.

[3] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 83, 103—115.

речие теоретического замысла концентрации всей земельной собственности членов одной корпорации внутри одного уезда и практической невозможности осуществления данной задачи было характерно для всех замыслов правительства и отнюдь не свидетельствовало о нежизненности замысла. Источники свидетельствуют о желании членов уездных корпораций путем мены, купли, наследования, других сделок сконцентрировать свои владения в одном уезде и одной населенной местности. Эта тенденция стала движущей силой львиной доли всех земельных сделок XVII века и способствовала скорее укреплению, чем распаду служилого «города». Американский историк Р. Хелли называет другую причину исчезновения, уничтожения, как он полагал, служилого «города» в XVII в. — реформу военного строя, в ходе которой дворянская поместная конница, ставшая неэффективной, была заменена регулярными войсками нового строя, и дворянский «средний класс» исчез. Подобная теория, хотя она во многом является верной, не учитывает всех граней именно эволюции служилого «города», который не мог вдруг исчезнуть вместе с изменением характера службы его членов, а мог лишь меняться, эволюционировать и приспосабливаться к изменившейся обстановке, что верно указано в монографии В. Кивельсон. Не удалось избежать характерных для историков русского дворянства противоречий и В. Н. Козлякову, и они также связаны с уже установившимися в исторической литературе клише и штампами. Так, утверждая, что в 1620-х гг. служилый «город» имел некоторую передышку, «относительную устойчивость», «тишину» и «покой», а после Смоленской войны, как и все государство, вступил в полосу затяжного кризиса, характеризовавшегося нищетой, побегами крестьян и недородом[4], автор не дает объяснения причин подобного кризиса, довольствуясь изложением жалоб, имевшихся в дворянских челобитных. Сама эволюция служилого «города» в таком случае предстает достаточно извилистой и непонятной, в ней уживаются одновременно и прогресс, и регресс, не говоря уже о противоречии подобного тезиса источникам. Так или иначе, а источники выступают в данном вопросе главным и верховным критерием истинности высказанных суждений.

Источниками данного сообщения послужили десятни тверского региона, частично опубликованные В. Н. Сторожевым. Преимуществом этой публикации для изучения именно эволюции служилого «города» является то, что здесь содержатся данные о составе служилых «городов» с описанием изменения статуса членов уездных корпораций за несколько лет, охватывающих разные периоды существования «города», что позволяет рассмотреть именно динамику социального положения и службы его членов. Это, прежде всего, разборные десятни 1622 г. и их списки, с ними Сторожев сравнивает данные по отношению к отдельным лицам десятен 1631, 1634 и 1649 гг. Сравнение их данных позволяет проследить не только изменения окладов указанных лиц, но и их поместных и вотчинных владений, вооружения и боеспособности, участие их в боевых действиях, сооружении городов и острогов, гражданской службе. Другим основным источником являются

---

[4] *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, 2000. С. 168.

книги Печатного приказа, отразившие грамоты, относящиеся к службе представителей уездного дворянства. Эти источники также даны в их динамике, позволяющей проследить процесс эволюции служилого «города» уже не только в первой, но и во второй половине XVII века.

Опубликованные тверские десятни 1622 г. свидетельствуют о крайнем разорении и бедности дворян Тверского края. Большинство из них имеет поместья в этом регионе, но не имеет крестьян и материальных запасов. Дети боярские являются «худопоместными» (2—3 крестьянина) или «пустопоместными», владения их разорены во время Смуты и последующих нашествий казаков и поляков, они не в состоянии «подняться» на службу великого государя без денежного жалованья, а многие и с получением денежного жалованья не могут нести службу. Так, в Старице, из 13 человек «выбора» только трое с получением денежного жалованья могли «подняться на службу» на мерине или «середнем коне» с пищалью и саблей, несмотря на полученные некоторыми «за московское осадное сиденье» вотчины[5]. Из 10 человек старичан дворовых детей боярских на службу с получением жалованья из четверти 20—15 рублей могли нести службу всего двое, с тем же вооружением (мерин или средний конь, с пищалью и саблей)[6]. Остальные, имея меньше крестьян, несмотря на жалованье из четверти, 14—15 рублей, не могли выехать на службу. Из 45 человек городовых на службу с тем же вооружением мог выехать всего 1 человек, 4 человека могли служить осадную службу, остальные не могли служить вообще, хотя были к службе годны, из-за бедности. 7 городовых старичан служили на в Москве «в Кабацком приказе в выимщиках» и «ходоках»[7]. 2 человека служили стрелецкими сотниками, 4 человека из-за бедности жили у родственников в Москве, Рузском уезде, и на Белоозере, 2 человека скитались «меж двор» в Нижнем Новгороде и Муроме[8], один уехал с архиепископом в Астрахань. Один находился в Старицком Успенском монастыре, один «у государя в житье», а 4 человека пропали из города и уезда, и никаких вестей о них не было[9]. Старичане дополнительно назвали еще трех человек, которые не были написаны в разрядном списке, один из них от бедности жил в Ярославле, хотя по своему физическому состоянию мог служить, другой, Алексей Федоров сын Обашев, мог служить и полковую службу, но опять-таки из-за бедности служил в Мещовске в казаках, а его отец, Федор Прохоров сын Обашев, служил в Москве в стрельцах[10]. В Старице же были поверстаны 4 новика, один самими старичанами год назад, и еще трое с отцовских поместий. Новики получили оклады в 350 и 300 четвертей, денежный — 9—10 рублей, однако «подняться на службу» им было также «нечем»[11]. 18 новиков старичан также

---

[5] *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство XVII века. Вып. 3. Тверь, 1894. С. 72—83.
[6] Там же. С. 84—90.
[7] Там же. С. 97, 98, 104.
[8] Там же. С. 107.
[9] Там же. С. 111.
[10] Там же. С. 121—122.
[11] Там же. С. 112—113.

были поверстаны в Твери с окладами 300—200 четвертей и 10—7 рублей, но и они не могли из-за отсутствия поместий и вотчин нести службу[12].

В публикации В. Н. Сторожева имеются ссылки на десятню денежной раздачи Старицы 142-го (1634 г. кн. десятен 203). В этой десятне находятся 11 городовых детей боярских Старицы, упомянутых ранее в десятне 1622 г. (один убит под Смоленском), а также 10 упомянутых там же новиков. Их материальное положение изменилось за прошедшие более чем 10 лет в лучшую сторону. Иван Алексеев сын Степурин, который в 1622 г. «ходил в выемке» в Кабацком приказе, в 1634 г., имея 300 четвертей поместья в Старицком уезде, мог выехать на службу на коне, с пищалью и саблей[13]. Другой старичанин, Андрей Иванов сын Козловский, имея в Старицком уезде 50 четвертей поместья, мог выехать на службу на коне, в саадаке и с саблей[14]. Вавила Курдюков сын Усов, имевший там же 200 четвертей поместья, служил уже не осадную службу, как раньше, а на коне с пищалью и саблей и выставлял человека в кош, то же самое могли сделать еще 3 городовых. Назарий Володимеров сын Боршевитинов, ранее не имевший поместья, теперь имел 115 четвертей и мог выехать на службу на коне, с пищалью и саблей[15]. Лишь один городовой сын боярский, Андрей Федоров сын Оболешев, как был ранее беден, так и остался: десятня упоминает о том, что он был «на службе на Белой и з Белой съехал от бедности, и ныне за бедностью на службе не бывал»[16]. Следует отметить, что четверо старичан, принимавших участие в Смоленской войне, уехали из-под Смоленска до отхода войск С. В. Прозоровского. Что касается новиков, поверстанных в 1622 г. в Старице, то все четверо принимали участие в Смоленском походе, имели в Старицком уезде поместья (100 ч. и более) и вотчины, полученные их родственниками за осадное сиденье при царе Василии Шуйском, и в 1634 г. служили на конях, с пищалями и саблями, а один из них, имевший вотчину 96 четвертей, в которой в 1622 г. было 2 крестьянина и 2 бобыля, мог уже выставить в 1634 г. человека «в кошу»[17]. Из новиков, поверстанных в 1622 г. в Твери, приняли участие в Смоленской войне 6 человек, один из них умер под Смоленском, другой выехал из Белой из-за бедности, а остальные четыре человека могли выехать на службу достаточно экипированными — на конях, с пищалями и саблями, а один из них, Илья Иванов сын Муханов, ранее не имевший поместья, владел уже 330 ч. в Старицком уезде и мог выставить человека в кош[18]. Таким образом, мы видим определенное улучшение положения городовых детей боярских Старицы и постепенное увеличение «конности, людности и оружности», однако оно шло достаточно медленно и охватывало пока небольшой процент городовых дворян.

---

[12] *Сторожев В. Н.* Указ. соч. Вып. 3. С. 112—121.
[13] Там же. С. 100.
[14] Там же. С. 102.
[15] Там же. С. 106.
[16] Там же. С. 107.
[17] Там же. С. 112—114.
[18] Там же. С. 116.

Разборная десятня Бежецкого Верха 1622 г. сохранилась лишь в списке 1626 г., однако сохранились три последующих десятни — 1630, 1634 и 1649 гг., данные которых приводит В. Н. Сторожев. В 1622 г. в десятне числилось 5 чел. выбора, 18 чел. дворовых и 88 городовых[19]. Отставных без окладов было 4 чел., иноземцев бежецких помещиков — 8 (4 чел. татар и 4 литвина). Было также 6 чел. новиков московского верстанья и 36 чел. верстания 1622 г. в Бежецком Верхе. Кроме того, записано было 84 чел. недорослей и 6 вдов и девок[20]. В 1630 г. десятня уже была разделена в соответствии со сроками службы по половинам, внутри которых бежечане были расписаны по статьям для соответственной раздачи денежного жалованья. В первой половине в 1-й статье числилось 3 чел. выбора, 7 чел. дворовых и 4 чел. городовых, во 2-й статье — 10 чел. городовых, 1 новик 136-го (1627/28 г.) и 1 новик 1630 г., в 3-й статье — 3 чел. городовых с низшими окладами в 250—150 четвертей и 1 новик 137-го года. Кроме того, в первой половине числились бежечане, про которых окладчики во время прежнего разбора сказали, что они бедны, и поэтому не смогут служить и не были расписаны по статьям, но если им будет дано жалованье, то они «пригодятца в другую и в третью статью». Жалованье этим лицам было дано, всего их было 17 чел., из них 1 выборный, 13 чел. городовых, 2 новика, 1 татарин[21]. Всего в первой половине было 47 лиц. Другая половина Бежецкого Верха была многочисленней — 64 лица: в 1-й статье 4 чел. выборных, 3 чел. дворовых, 3 городовых, 2 новика, во 2-й статье — 24 чел. городовых, 6 новиков, 1 чел. «из житья» и 1 новик, в 3-й статье — 2 городовых, 3 новиков 136-го года и один новик 1630 г. Бедных бежечан 2-й половины было 14 чел., им также было выдано жалованье. Кроме того, были указаны бежечане, находившиеся у дел и «кормовые», а также те, кто не был в Москве при разборе и не получал денег. Это были в первой половине 1 выборный, 5 чел. городовых и 2 чел. из недорослей, во второй половине — 2 чел. городовых и 2 новика. «Кормовыми» окладчики назвали 1 городового и 2 новиков. Умершими числились 2 новика. Всего в десятне было указано 129 лиц, из них 18 чел. не были у разбора и раздачи денег по разным причинам[22].

В десятне 1634 г. дворяне также были расписаны по статьям в соответствии со службой во время Смоленской войны. В первой статье указывались выехавшие из-под Смоленска после отхода 18 сентября кн. С. В. Прозоровского и отпущенные с «сеунчем» и «языками» — таких было 1 чел. выборный и 2 городовых, уехавших «самовольством» до отхода Прозоровского, значилось 2 дворовых, 47 городовых, один татарин, четверо неслужилых новиков. Остались под Смоленском с боярином М. Б. Шеиным 3 выборных, 5 дворовых и 3 городовых[23]. Кроме того, особой статьей были написаны дворяне и дети боярские, которые «не бывали» на службе во Ржеве Володимеровой и Волоколамске — 1 выборный, один дворовый и 24 го-

---

[19] *Сторожев В. Н.* Указ. соч. Вып. 4. Тверь, 1895. С. 39.

[20] Там же. С. 40.

[21] Там же. С. 44—45.

[22] Там же. С. 47—49.

[23] Там же. С. 52.

родовых[24]. Убитых и умерших было четверо. Всего в десятне значилось 101 лицо. В марте 1649 г. была составлена разборная десятня Бежецкого Верха также с разделением на две половины. В первой половине значилось 12 выборных, 16 дворовых, 8 городовых и 5 новиков, в «другой половине» — 9 выборных, 16 дворовых, 24 городовых, 6 новиков, 2 неверстанных. Всего в десятне перечислено 110 лиц. Численность самого «города» за 27 лет практически не изменилась, колеблясь примерно на одинаковом уровне — 100—110 чел. Однако по сравнению с 1622 г. значительно уменьшилось количество новиков, что, возможно, объясняется и демографическими причинами, и причинами, связанными с особенностями верстания и разбора 1622 г., когда в десятнях было записано много старых и отставных и после долгого перерыва в состав провинциального дворянства сразу влилось многочисленное пополнение.

Увеличение материального благосостояния бежецкого провинциального дворянства и показателей его способности нести службу иллюстрирует следующая таблица, составленная на основании данных десятен Бежецкого Верха 1630, 1634 и 1649 гг. (соответственно книги десятен № 103, 104, и 105).

	1630	1634	1649
Выбор			
на коне и человек с простым конем	4		
на коне и 2 человека с простыми конями	1		
на коне	3		
на коне с саадаком и саблей, человек в кошу		1	
на коне с пищалью и саблей, человек в кошу		3	
на коне с саблей и пара пистолей, человек с простым конем			5
на коне с пистолью и с саблей, человек в кошу			2
на коне с пистолью и с саблей и с карабином, человек в кошу			2
на мерине да пара пистолей и с саблей, человек в кошу			1
Дворовые			
на коне и человек с простым конем	3		
на коне с пищалью и саблей, человек в кошу		1	
на коне	7		
на коне с пищалью и саблей		1	
на мерине	7		
на коне с карабином с пистолью и с саблей			2
на коне с карабином с пистолью и с саблей, человек в кошу			3
на коне с пистолью и с саблей			4

[24] *Сторожев В. Н.* Указ. соч. Вып. 4. С. 53.

на коне с пистолью и с саблей, человек на мерине с простым конем, а у человека пистоль и сабля, человек в кошу с рогатиною			1
на коне с пистолью и с саблей, человек с простым конем с винтовальною пищалью			1
на коне с саблей и пара пистолей			2
на коне с саблей и пара пистолей, человек в кошу			1
на коне с саблей и пара пистолей, человек на коне с простым конем, а на простом коне карабин, другой человек на коне с карабином и с саблей			1
на коне с карабином и с саблей, человек в кошу			2
на мерине с пистолью и с саблей			1
на мерине с пистолью и саблей, человек в кошу с рогатиною			1
Городовые			
на коне с пищалью и саблей, человек в кошу		3	
на коне с пищалью и саблей		24	
на коне	26		
на коне с саадаком и с саблей			1
на мерине с пищалью и саблей		23	
на мерине	56		
на коне с пистолью и с саблей			12
на коне с пистолью и с саблей, человек в кошу			1
на коне с карабином и с саблей			5
на коне с карабином, с пистолью и с саблей			2
на мерине с пистолью и с саблей			20
на мерине с карабином и с саблей			8
на мерине с карабином, с пистолью и с саблей			1
на мерине с пищалью и с саблей			1
Новики			
на коне с пищалью и саблей		4	
на коне	4		
на коне с пистолью и с саблей			1
на коне с пистолью и с саблей, человек в кошу			1
на коне с карабином и саблей, человек в кошу с долгою пищалью			1
на коне в саадаке с пистолью и с саблей			1
на мерине	4		
на мерине с пистолью и саблей			3
на мерине с карабином и саблей			1
Бедные и худые	10	24	

Некоторые из выезжавших на службу в полной экипировке и вооружении, а также в сопровождении своих людей, как ни странно, вообще не имели поместий и вотчин.

Таким образом, можно с большой долей вероятности говорить, что к середине XVII в. материальное положение городового дворянства значительно улучшилось, что было связано не только с восстановлением хозяйства в ранее пустевших поместьях и вотчинах, но и значительным увеличением размеров и регулярности выплаты правительством жалованья. Многие городовые дворяне хотя и не имели крестьянских дворов, тем не менее с успехом несли службу из жалованья и получали за эту службу придачи к окладам. Увеличилась способность несения службы; «конность» (обеспечение боевыми и простыми конями), «оружность» (обеспечение огнестрельным оружием, его модернизированными разновидностями, в некоторых случаях отмечалось даже вооружение «винтовальною пищалью») и «людность» (обеспечение боевыми холопами с простыми лошадьми, в том числе возросла вооруженность их огнестрельным оружием). Лучше всего были вооружены представители «выбора» (которые часто и разбирались не в городе, а в Москве), затем шли дворовые. Эти же категории дворянства и могли выставлять на службу боевых холопов и обозных людей. Городовое же дворянство в массе своей (по данным бежецких десятен, 40 %) к середине века могло выехать на службу на мерине, с пистолетом и саблей. Несколько меньший процент (25 %) выезжал на службу на коне с тем же вооружением, 15 % могли выехать на коне с карабином и саблей. Саадак, а также пищаль постепенно оставались в прошлом. Вооруженный член городовой корпорации на полковой службе становился более мобилен, мог оказать лучшее сопротивление врагу в разнообразной обстановке. Таким образом, само изменение качества вооружения городовых дворян и детей боярских уже обеспечивало процесс смены сотенной службы рейтарской, который произошел во второй половине XVII в. Сходные выводы в середине 90-х гг. на материале новгородских десятен и служилых списков были сделаны В. М. Воробьевым[25].

Что касается проблемы отказа (добровольного или вынужденного) от несения службы городового дворянства (так называемого нетства), то этот вопрос также нуждается в выяснении и уточнении. Случаи отказа от службы по лени или «воровству» в бежецких десятнях единичны. В. Кивельсон, изучив документы по владимиро-суздальскому региону, также пришла к выводу об отсутствии здесь массового «нетства». По ее подсчетам, общее количество «нетчиков» во владимиро-суздальском регионе составило лишь около 5 % от общего числа служивших дворян, отсутствие же их на службе объяснялось уважительными причинами[26]. К подобным же выводам на новгородском материале пришел и В. М. Воробьев. Отставка от службы происходила по заведенному распорядку, достаточно стан-

---

[25] *Воробьев В. М.* «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Исторический опыт русского народа и современность: Дом Романовых в истории России. Межвуз. науч. программа. СПб., 1995. С. 107—108.

[26] *Kivelson V. A.* Op. cit. P. 193.

дартно — вследствие старости, болезни или увечья от ран, место отставленного от службы, как правило, занимал его сын или родственник, если же таковых не было, то службу нес даточный человек или взимались деньги с поместья. Поэтому говорить о продолжительной, беспрестанной, вплоть до смерти службе дворянства, как это утверждалось ранее, было бы большим преувеличением — массовые источники свидетельствуют о достаточно значительном количестве отставок и увеличении этого количества во второй половине XVII в. Постепенное увеличение боеспособности и боеготовности дворянства относится также и к степени его участия в походах. Судя по тверским десятням, в 1640-е большая часть городовых дворян участвовала в походах и «службах», несмотря даже на отсутствие в их поместьях крестьянских дворов. Около половины бежецких дворян за эти службы получили стандартные придачи к окладам. Количество этих придач значительно увеличилось во второй половине века.

Во второй половине XVII в. служилый «город» не только продолжил свое существование, но и значительно расширилась география его бытования. Это были, прежде всего, вновь включенные в систему службы южные и поволжские города. Запись в десятни этих городов продолжалась вплоть до начала XVIII в. До конца XVII в., судя по грамотам, записанным в Печатном приказе, в городах (таких как Новгород, Казань, Чернигов, Путивль, Перемышль, Пенза, Симбирск и др.) происходила запись в десятни после верстания поместными и денежными окладами, запись «по городу», по дворовому списку и по выбору, фиксировались придачи к окладам[27]. Увеличение количества земельных сделок, мены поместий и вотчин, концентрация земель в одном уезде в руках отдельных дворянских родов — все это свидетельствует о жизнеспособности служилого «города» и продолжении его развития. О возрастании роли дворянства и служилых «городов» в политической и административной жизни страны говорит также прослеживаемое по документам Печатного приказа увеличение во второй половине XVII в. числа коллективных челобитных, подаваемых не только от имени дворянства, но и всех жителей города и уезда. Как правило, эти челобитные касались действий и персонального состава местных властей.

Во второй половине XVII в. значительно изменился характер службы дворянства. Сотенная служба для большинства дворян сменилась рейтарской, а малообеспеченные представители сословия записывались в солдатскую службу. Но вопреки распространенной точке зрения это не означало уничтожения служилого «города». Служба в рамках «города», как ранее в сотнях и полках, продолжалась и в рейтарских и солдатских подразделениях. Сын продолжал служить в том же полку, что и отец, соседи и родственники служили вместе. В документах принадлежность к тому или иному «городу» продолжала учитываться и применительно к рейтарской и солдатской службе. Начало службы, запись в нее, а также отставку от службы продолжали фиксировать в документах (в том числе десятнях и слу-

[27] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 364. Л. 131 об., 137, 179, 233, 434 и др.; Кн. 365. Л. 220 об., 294 об., 535 об. и др.

жилых списках) тех городов, по которым были записаны служившие рейтары или солдаты и где они имели поместья и вотчины. Так, например, солдат, прошедших определенную службу в первом Московском выборном полку, верстали поместными и денежными окладами и записывали в десятни как по старым «городам», таким как Белоозеро, Воронеж, Вязьма, Галич, Муром, Нижний Новгород, Романов, Ярославль, так и по новым, недавно возникшим — Симбирск, Инсара, Темников и др.[28] В уездах этих же городов солдат наделяли землей. Даже в конце века, когда большую часть армии уже составляли полки нового строя, разбор полков и отправление их на службу проходили с учетом принадлежности служивших в них к определенным «городам». В 1696 г. отправлявшийся в поход под Азов все тот же первый Московский выборный полк (теперь уже под командованием Ф. Я. Лефорта и называвшийся Лефортовским) получил приказ из Разряда собираться по «городам», как и в начале века, когда те или иные служилые «города» отправлялись на службу к определенной засеке или крепости (острогу): «...салдатом генерала Францова полку Яковлевича Лефорта верхоломовцам, скопинцом, романовцом, ефремовцом, четырем тысячам человеком, которым быть на его великого государя службе в Большом полку боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина да генерала ж Петрова полку Ивановича Гордона танбовцом, четырем ж тысячам сту человеком... идти до Паншина и до Черкаского сухим путем, чтоб им притти на Дон кончае на срок маия 10-го числа»[29]. Процесс эволюции в действительности и сознании происходил медленно, старые формы еще долго продолжали облекать новое содержание, а старое содержание удерживаться в новых формах. Способствовало продолжению существования служилого «города» и сохранение поместной системы землевладения, остававшейся основой организации военной службы. Следы существования организации служилого «города» можно найти и в формах службы дворянства в XVIII в. (в сказках, поданных дворянами в Герольдмейстерскую контору в 1722 г., большинство дворян заявили о своей принадлежности к тому или иному «городу»), а некоторые ее рудименты (в основном в виде сохранения земельных владений в одном уезде и родственных связей) продолжали иметь место даже в начале XX в.

---

[28] О верстании солдат полка А. А. Шепелева и записи их по «городам» в 1660 г. см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Белгородский стол. Стлб. 695. Л. 3—70. Поверстано было более 200 человск.

[29] Там же. Стлб. 1415. Л. 49.

А. В. Беляков (Рязань)

Новые данные к биографии Симеона Бекбулатовича

О Симеоне Бекбулатовиче писали неоднократно. Различные авторы затрагивали отдельные моменты его жизни или же пытались создать достаточно подробную биографию служилого царя[1]. Но, не смотря на это, в жизни данного чингисида остается много белых пятен. Заполнить одно из них делает попытку автор предлагаемой статьи. Она призвана уточнить некоторые генеалогические связи Саин-Булата — Симеона Бекбулатовича.

15 июня 1561 г. в Москву из Пятигорских Черкес приехала дочь кабардинского князя Темрюка Айдарова княжна Кученай (Гошаней). Впоследствии она станет второй женой Ивана Грозного Марией Темрюковной. Вместе с будущей царицей

---

[1] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 1—26; *Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в Соловецком монастыре XV—XVIII столетий // Русская старина. 1887. № 11. С. 351; *Шишкин Н. И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1887; 2-е изд. Рязань, 1891; 3-е изд. Рязань, 1999; *Он же.* Симеон Бекбулатович, царь Касимовский // Русская старина. 1888. № 6. С. 587; *Левитский Н.* Симеон Бекбулатович, царь Касимовский // Русская старина. 1888. № 6. С. 587—590; *Лилеев Н. В.* Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567—1616 гг. Исторический очерк. Тверь, 1891; *Кобеко Д. Ф.* Отзыв о книге «Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567—1616. Исторический очерк, составленный Н. В. Лилеевым. Тверь, 1891» // Записки Восточного отд. имп. Русского исторического общества. 1892. Т. VII. Вып. 1—4; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // Исторический архив. 1959. № 2. С. 148—156; *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // ТМГИАИ. Т. 16. М., 1961. С. 427—462; *Он же.* К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 гг. // Исторические записки. Кн. 77. М., 1965; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возращение опричнины // Исторический архив. 1967. № 5. С. 32—50; *Павленко Н. И.* К истории земских соборов в XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 98—100; *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Учен. зап. Казанского гос. пед. инта. Вып. 80. Из Истории Татарии. Сб. IV. Казань, 1970. С. 141—163; *Морозов Б. Н.* Жалованная грамота Симеона Бекбулатовича // Советский архив. 1977. № 2. С. 89; *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1. Киев, 1993. С. 275—299; *Баранов К. В.* Жалованная грамота великого князя Симеона Бекбулатовича Суздальскому Александрову девичью монастырю 1576 года // РД. Вып. 1. М., 1997. С. 38—42; *Он же.* Когда закончилось правление Симеона Бекбулатовича // РД. Вып. 3. М., 1998. С. 156—158; *Беляков А. В., Моисеев М. В.* Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 5. Рязань, 2004. С. 32—44.

приехали ее брат Доманук мурза, сестра «Алтынчач-царица», супруг сестры царевич Бекбулат и сын Бекбулата «Саил-царевич»[2].

Переговоры о выезде царевича Бекбулата в Россию начались в январе 1558 г., за три года до этого. Тогда в Ногайскую Орду к бию Исмаилу отправили грамоты к «Касбулату (Газы-Булат, Газы-Пулат, Казы-Булат) салтану[3] и Бекбулату (Булат, Бек-Пулат) салтану» с приглашением выехать на имя московского царя. Бекбулат в то время действительно жил у Исмаила и, кажется, не прочь был обрести новую родину, но болезнь помешала сделать это (сентябрь 1558 г.)[4]. О положении царевича в Ногаях говорит тот факт, что Бекбулат женился на сестре Гази ибн[5] Урака, переселившегося в 50-е гг. XVI в. из Ногайской Орды на Северный Кавказ и основавшего собственный улус — будущую Малую Ногайскую Орду, внучатой племяннице Исмаила[6]. Почему царевич выехал в Россию не из Ногайской Орды, а из Кабарды, неизвестно. Предположение, что на Северный Кавказ Бекбулат отправился в конце 1558 г. для женитьбы, вряд ли истинно. Тогда при приезде в Москву царевичу Саилу, правильнее Саин-Булату (Саин-Пулату), должно было быть не более двух с половиной лет. О том, что Саин-Булат — сын царицы Алтын-сач, говорит ее надгробие, поставленное сыном в Касимове в текие Шах-Али ибн Шейх-Аулеара и известное еще в середине XIX в.[7] Тогда к 1568—70 гг. ему было бы 9—11 лет. Кажется сомнительным, что титул царя касимовского, главы корпорации служилых Чингисидов[8] (и, кажется, не только по русской официальной версии) дали ребенку, тем более что ранее царями становились только те, кто до этого уже занимал тот или иной трон. К моменту пожалования Саин-Булату было, скорее всего, не менее 15 лет[9]. В Полоцком походе 1562/63 г.

---

[2] ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 333.

[3] Газы-Булат ибн Касим ибн Сеид-Ахмед ибн Ахмат, Астраханский царевич. Одно время жил в Крыму. В 1555 г. Дервиш-Али пригласил его в Астрахань и сделал своим наследником (калгой). После захвата Астрахани московскими полками перебрался в Ногайскую Орду. Его выезд в Россию так и не состоялся (*Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 173). И. В. Зайцев вслед за другими исследователями считает царевича сыном крымского хана Девлет-Гирея (*Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 164).

[4] *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. 4.2 С. 4—5.

[5] сын.

[6] РГАДА. Ф. 127 (Ногайские дела). Оп. 1. Кн. 6. Л. 114; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 178—179, 656, 658; *Он же.* «Казыев улус». Тюрки Северного Кавказа в позднем средневековье // История народов России в исследованиях и документах. М., 2004. С. 6—49.

[7] *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. С. XI. И. В. Зайцев ошибочно предполагает, что Бекбулат — это Кайбула (Абдула, Абдаллах) ибн Ак-Кобек ибн Муртаза ибн Ахмат и что Алтын была его женой (*Зайцев И. В.* Указ. соч. С. 158).

[8] *Беляков А. В., Моисеев М. В.* Указ. соч. С. 32—44.

[9] В подтверждение данного предположения можно привести факты из биографии сибирского царевича, впоследствии касимовского царя Арслан ибн Али ибн Кучума. Он попал в плен и был вывезен в Россию еще ребенком, в 1598 г. В 1605 г. имя царевича появляется в переписке сибирских воевод. Дело в том, что его отец, Али, стал интересоваться

он, скорее всего по своему малолетству, не участвовал. Можно предположить, что Бекбулат поехал в Кабарду за своим малолетним сыном и женой. Там он узнал о готовящемся выезде своих родственников и присоединился к ним. Или же, узнав о намеченном выезде, поехал к своему тестю. Если же данные построения не верны, то это еще больше подчеркивает особое положение рассматриваемого чингисида в России. Нельзя не отметить, что именно в середине XVI в. Москва начинает особенно придирчиво выбирать кандидатуры на право носить титул касимовского царя. Легитимность кандидата подразумевала не только происхождение от Чингисхана, но и близкие родственные связи с предыдущим царем, пусть и по женской линии[10].

Кто такой царевич Бекбулат (Бек-Булат, Бик-Булат, Бик-Пулад, Бик-Фулад)? О нем известно немногое. Известно, что он Ахматович. В данном случае правильнее назвать его по русской традиции астраханским царевичем. Его родословную, скорее всего, следует представить так: Бекбулат ибн ? ибн Бахтиар ибн Ахмат ибн Кучюк-Мухаммед[11]. Служилый царевич Тохтамыш[12] назван его родным братом. В. В. Трепавлов ошибочно считает его также родным братом Шах-Али ибн Шейх-Аулеара[13], скорее всего, это двоюродные братья. Еще В. В. Вельяминов-Зернов

судьбой сына и даже просил отпустить его в Сибирь (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 223, 226). На основании этого Миллер сделал ошибочное предположение о посылке Алеем сына в Москву в 1605 г. (*Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 35). В 1603 г. Борис Годунов отпустил в Сибирь некоторых жен хана Кучума и царевича Канчувара ибн Кучума (Там же. С. 34—35). Интерес к царевичю, скорее всего, связан с достижением им совершеннолетия. Известно, что в 1603/04 г. Араслан был на приеме у Бориса Годунова. При этом, судя по всему, это было первое представление царевича (РГАДА. Ф. 134 (Хивинские дела). Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 27—28; *Беляков А. В.* Араслан Алеевич — последний царь касимовский // Рязанская старина. Вып. 2—3. Рязань, 2006).

[10] *Беляков А. В., Моисеев М. В.* Указ. соч. С. 32—44. Вполне возможно, это правило соблюдалось и в конце XV — начале XVI века. Право левирата было действенным инструментом политики на Востоке.

[11] Летописи, и вслед за ними В. В. Вельяминов-Зернов, считают Бахтиара не сыном, а братом Ахмата (*Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1863. С. 222—244). Этого же мнения придерживается М. Г. Худяков (*Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 77). М. Г. Сафаргалиев и В. В. Трепавлов считают Бахтиара сыном Ахмата (*Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 515, 521; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 133). И. В. Зайцев отмечает, что Бахтиар был родным братом Ахмата, а сыном Ахмата являлся Багатырь (*Зайцев И. В.* Указ. соч. С. 55). А. Г. Гаев называет дядю и племянника Баэторгай и Бахадур (*Гаев А. Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выявлению родословия нумизматически зафиксированных правителей улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2001. С. 55). Окончательный вывод можно сделать после сравнения русских и восточных источников. Таким образом, его родословная может выглядеть так: Бекбулат ибн ? ибн Бахтиар ибн Кучюк-Мухаммед.

[12] *Моисеев М. В.* К истории выезда татар в Россию в XVI веке // РД. Вып. 9. М., 2003. С. 270—172.

[13] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 300.

отмечал, что у татар братьями часто называются двоюродные и троюродные[14]. Известно также, что его сестра была женой некоего ногайского мирзы Асанака. Помимо указанных двух жен у царевича имелась и третья, княгиня Дюнчеман[15].

Отец и дед Саин-Булата, скорее всего, после разгрома 1502 г. вынуждены были постоянно курсировать между Астраханью, где правили их родственники, Ногайской Ордой и Северным Кавказом, откуда они брали себе жен, а также, возможно, Крымом. Мы уже упоминали о пребывании в Крыму Газы-Булата. По той же причине Тохтамыша источники иногда называют крымским царевичем[16]. После присоединения Казани и Астрахани правительство Ивана Грозного начало проводить целенаправленную политику, по вывозу в Россию всех казакующих Чингисидов, имеющих право на эти троны, стремясь тем самым упрочить свое положение на вновь присоединенных территориях[17].

Сразу же после выезда и женитьбы царя Ивана на Марии Темрюковне царевич Бекбулат как потомок ордынских ханов и свояк московского царя должен был занять в России особое положение. Тут нужно сказать, что у Марии Темрюковны имелась еще одна сестра, Малхруб, жена ногайского бия Дин-Ахмеда ибн Исмаила[18]. К сожалению, документы этой эпохи имеют достаточно плохую сохранность. Мы не знаем, жаловался ли царевичу доход с какого-либо города, где он постоянно проживал. Единственная доступная для нас информация — это сведения о посылке Бекбулата в военные походы. Они дают нам возможность увидеть положение царевича среди других служилых Чингисидов. Царевич с другими служилыми Ахматовичами принимал участие в военной компании 1562/63 г. (Полоцкий поход), где они назначались номинальными полковыми воеводами[19]. Беря за основу обычный счет полков, руководимых ими в последовательном порядке старшинства (большой, правой руки, передовой, сторожевой, левой руки[20]),

---

[14] *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 11.

[15] Там же. С. 7—8.

[16] *Моисеев М. В.* К истории выезда татар в Россию в XVI веке. С. 270—172.

[17] Известно, что в 1557 г. Ногайский бий Исмаил просил посадить «на Астрахань Тохтамыша», тем самым восстановить ситуацию 1554 г. (*Моисеев М. В.* К истории выезда татар в Россию в XVI веке. С. 271).

[18] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 313. Одну из дочерей Дин-Ахмеда, Ханзаде (Кандаза), выдали за сибирского царевича (впоследствии царь) Али ибн Кучума. Таким образом, сын Али, касимовский царь Арслан ибн Али, оказался в свойстве с Симеоном Бекбулатовичем и Романовыми. Через Ивана Грозного Арслан и Михаил Федорович являлись троюродными братьями (*Беляков А. В.* Араслан Алеевич...).

[19] РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 196—198, 200; РК 1559—1605 гг. М., 1974. С. 13—15; РК 1550—1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 108, 110, 114—116, 120; РК 1475—1605 гг. Т. II. Ч. 1. М., 1981. Л. 375 об. — 376 об., 379 об., 381, 392; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 119—154; *Анхимюк Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 155—170.

[20] *Павлов-Сильванский П. П.* Государевы служилые люди. М., 2001. С. 75. Ю. В. Анхимюк несколько корректирует порядок старшинства полков. До 1561/62 г. это большой полк,

можно воссоздать иерархию Чингисидов. Царевич со своим братом Тохтамышем занимал место сразу за носившими царский титул (Шах-Али, Александр Сафакиреевич, Симеон Касаевич) и опережал детей астраханского царя Ак-Кобека (Кайбула, Баки (?), Ибак). Умер царевич до 1566 г.[21] О смерти Бекбулата сказано, что «голову положил он» состоя на царской службе[22]. Если бы это произошло во время Полоцкого похода, то разрядные книги сообщили бы о таком важном событии. Поэтому смерть следует отнести к 1563—1566 гг., и не обязательно она произошла на поле боя. Его могилу, судя по всему, следует искать в Касимове, который к этому времени начинает играть роль куруга, места сосредоточения родовых гробниц для Чингисидов, попавших в Россию и сохранивших верность исламу[23], а также некоего освященного историей центра для татар центральных губерний вплоть до начала XX в.[24] Там же похоронена его жена Алтын-сач. Имеется интересное упоминание о том, что его другая жена, сестра Гази ибн Урака, посылалась в Астрахань в дипломатических целях, уговаривать ногаев жить в мире с Россией[25]. Другие дети Бекбулата неизвестны. В России царевич оказался связан родственными связями с представителями московской знати. Родной брат Марии Темрюковны кн. Салтанкул (Михаил) Темрюкович был женат на дочери Василия Михайловича Юрьева, родного племянника покойной царицы Анастасии и любимого боярина царя Ивана[26]. Поэтому ставшее хрестоматийным утверждение о том, что Симеон Бекбулатович не имел устойчивых связей с православной элитой, требует серьезной коррекции. Возникает новая проблема, можно ли установить качество этих связей. В. И. Ульяновский нащупал здесь некоторые подходы. Речь идет о возможных связях кружка Филарета, Богдана Бельского и Симеона в Смутное время[27].

Царевич Саин-Булат потерял отца довольно рано. Когда умерла его мать, неизвестно. Также неизвестно, где жил царевич до начала 1570 г., когда он упоминается как царь Касимовский. Можно предположить, что он находился в Москве под присмотром своей тетки Марии Темрюковны или же в Касимове, у двоюродного

передовой полк, правой руки, левой руки, сторожевой полк. Затем второе место прочно занимает полк правой руки, полк левой руки с 1569/70 г. перемещается на последнее место (*Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 166—167).

[21] *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. 4.2 С. 7.

[22] *Лилеев Н. В.* Указ. соч. С. 6.

[23] *Беляков А. В.* Г. Касимов XV—XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 153—161.

[24] *Горделевский В. А.* Элементы культуры у касимовских татар (и поездки в Касимовский уезд) // Труды общ-ва исследователей Рязанского края. Вып. X. Рязань, 1927. С. 25.

[25] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 114; *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. 4.2 С. 7.

[26] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 297.

[27] *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты... С. 275—299; *Он же.* Филарет Романов: Между «кривыми» и «прямыми» Смутного времени // Проблемы славяноведения. Вып. 7. Брянск, 2005. С. 22—77.

дяди Шах-Али[28]. Когда произошло пожалование, сразу после смерти бездетного царя Шах-Али (апрель 1567 г.) или позднее? Ответить на вопрос достаточно сложно. Правда, известно, что Иван Грозный вскоре после смерти Шах-Али предлагал крымскому царю Даулет-Гирею женить одного из своих сыновей или внуков на дочери умершего царя (родственнице Маг-султан?) и взять в приданое Касимов[29]. В таком случае пожалование вряд ли могло произойти ранее 1568 г. или даже позднее. Небезынтересно и то, что Саин-Булат получил титул царя Касимовского, а не царевича. Ранее царями в городе становились только те, кто до этого уже имел царский титул. В литературе это традиционно рассматривали как доказательство падения значения царства. С этим следует согласиться. Но не надо забывать и того, что царевич приходился племянником Ивану Грозному, что ставило его в особое положение. Вновь открытые обстоятельства заставляют по-новому взглянуть на ряд проблем в Российской истории конца XVI — начала XVII столетия. В первую очередь это причина выбора кандидатуры Симеона Бекбулатовича в цари московские в 1575—1576 гг., а также особая роль Чингисида и причина странных коллизий в его судьбе в эпоху Смуты. В частности, теперь у нас есть все основания скорректировать причинно-следственную связь между женитьбой Симеона на Анастасии Ивановне Мстиславской и его статусом. Брак стал возможен благодаря положению служилого царя, а не он занял более высокое полжение благодаря браку.

Здесь следует обратить внимание на браки иных крещеных служилых Чингисидов в XVI в. Перечислим их.

Петр Ибреимович (Кудай-Кули ибн Ибрагим). 25 января 1506 г. великий князь Василий III выдал за него свою сестру великую княжну Евдокию. Венчал их архимандрит Спасского монастыря Афанасий в Успенском соборе Московского Кремля[30].

В первой половине XVI в. крещеный казанский царевич Федор Мелектагирович (Молейгдарович, Даирович) женился на Евдокии Долголяцкой, дочери некой Анны (Воротынской?)[31]. Источники больше не упоминают фамилию Долголяцкие. Быть может, это по каким-то причинам искаженное Ляцкая? Тогда это могла быть только дочь Ивана Васильевича Ляцкого. Но его жену звали Ириной[32]. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря упоминается вклад некой княгини Евдо-

---

[28] Подобное предположение можно подкрепить известием времен царя Бориса Годунова, когда пленные сибирские царевичи и царицы просили, чтобы их определили на жительство в Касимов, к царю Ураз-Мухаммеду ибн Ондану, бывшему казахскому царевичу, взятому в плен в Сибири, или в Бежецкий Верх, к сибирскому царевичу Мухаммед-Кули ибн Атаулу, племяннику Кучума (РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1600 г. Д. 1).

[29] *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 486.

[30] ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стлб. 375; ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 245—246; ПСРЛ. Т. XIII. С. 2; ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 376. М. Г. Худяков ошибочно приводит дату 1505 г. (*Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 48—49).

[31] *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. №. 2. С. 92.

[32] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря М., 1987. Л. 111. С. 41.

кии, супруги князя Федора Царевичева. Скорее всего, это все те же Федор Мелектагирович и Евдокия Долголяцкая[33].

11 июня 1530 г. (по другим данным, это произошло еще в 1529 г.) Анастасию Петровну, первую дочь царевича Петра Ибрагимовича, выдали замуж за князя Федора Михайловича Мстиславского[34].

В 1538 г. выдали за князя Василия Васильевича Шуйского вторую дочь царевича Петра Ибрагимовича, также Анастасию[35].

5 ноября 1554 г. Иван IV женил казанского царя Симеона Касаевича (Ядгар-Мухаммед ибн Касай) на дочери Андрея Клеопина Михайловича Кутузова и Авдотьи Семеновны Воронцовой Марии. Сестры Марии были замужем за кн. Федором Андреевичем Куракиным и кн. Василием Федоровичем Лопатиным-Оболенским[36]. Сохранился свадебный разряд. В нем, однако, указана совсем иная дата — 5 октября 1553 г.[37]

2 июля 1555 г. астраханского царя Ямгурчи ибн Бердибека сместили с престола. Его жен взяли в степи в плен и отправили в Москву. По дороге царица Ельякши родила царевича Яраштa[38]. В этом же году царицу Ельякши крестили с именем Ульяна и выдали за Захария Ивановича Плещеева. Царевича крестили с именем Петр и отдали «кормити матери до его возмужания»[39]. Царевич, скорее всего, умер в младенчестве. По его матери, Ульяне, 12 ноября 1565 г. дал вклад в Троице-Сергиев монастырь 50 рублей боярин А. Д. Басманов[40]. Ельякши, кажется, не происходит из Чингисидов. Но как бывшую жену ахматовича ее можно внести в данный список. В том числе и по праву левирата, признаваемом для мусульман московскими князьями (царями).

В самом начале 70-х гг. XVI в. царь женил астраханского царевича Михаила Кайбуловича (Муртоза-Али ибн Абдула) на дочери Ивана Большого Васильевича Шереметева. Интересно, что ее сестра Мария выдана замуж за кн. Василия Агишевича Тюменского. Ее двоюродная сестра Елена, дочь Ивана Меньшова Васильевича Шереметева, была замужем за царевичем Иваном Ивановичем. Их брат Еремей еще в молодости удалился в Кириллов-Белозерский монастырь[41]. В этой обители находилась родовая усыпальница семьи. Скорее всего, именно там следует искать могилу Михаила Кайбуловича и его детей. Вдова царевича в 1581 г. упоминается

---

[33] Там же. Л. 405 об. С. 112.

[34] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 128.

[35] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 26.

[36] ПСРЛ. Т. XIII. С. 235; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 202, 260.

[37] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 116—121; ДРВ. Т. XIII. С. 58—63.

[38] ПСРЛ. Т. XIII. С. 243.

[39] Там же. С. 253.

[40] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 42.

[41] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 161.

под именем инокини Агафьи[42]. А. В. Лаврентьев на основании ошибочных сообщений поздних летописей указывает, что Михаил был женат на Анастасии Ивановне Мстиславской, которая после смерти первого супруга вышла за Симеона Бекбулатовича[43].

Не ранее 1600 г. сибирский царевич Андрей Кучумович (Абдул-Хайр ибн Кучум) женился на княжне Ирине Федоровне Ноготковой-Оболенской, дочери боярина князя Федора Андреевича Ноготкова-Оболенского и княгини Марии Семеновны, урожденной Косткиной. Интересно, что тесть царевича являлся одновременно и его восприемником при крещении[44]. Следует отметить, что это уникальный случай. Православная церковь запрещала браки между ближайшими родственниками, в том числе и по крещению. Другим зятем князя Федора являлся Иван Иванович Бутурлин[45].

Перечисленные браки имеют общие черты. Во-первых, невесты подбирались царями или в некоторых случаях, быть может, одобрялись ими. Во-вторых, невесты в большинстве случаев происходили из семей старинной первостепенной московской знати. В-третьих, невесты, по преимуществу, происходили из вымирающих ветвей рода. У них не было братьев, или братья не оставили потомства. Таким образом, следует признать, что исследования по генеалогическим связям служилых Чингисидов в России могут помочь нам в понимании тех или иных внутриполитических процессов. История с Симеоном Бекбулатовичем в данном случае далеко не уникальна. Она просто по ряду причин наиболее известна.

---

[42] *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 87.

[43] *Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний дон в XII—XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005. С. 73; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 226. Следует отметить, что данная ошибка, скорее всего, была достаточно распространена уже в XVII в. (РГАДА. Ф. 201 (Собрание Оболенского). № 84. Л. 219). О супруге Михаила Кайбулина см.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. 4.2 С. 87.

[44] *Любимов С В.* Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 60; *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1598—1602 годов // РД. Вып. 9. М., 2003. С. 396.

[45] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 173.

О. В. Скобелкин (Воронеж)

Служилые иноземцы и русские власти в XVI — 20-х гг. XVII в.*

Возникновение на рубеже 70—80-х гг. XV в. Российского государства привело к возникновению на территории бывших русских земель и княжеств нового типа вооруженных сил — общерусского войска. Уже с самых первых шагов его формирования московские власти стали приглашать на службу иностранных военных специалистов, и с каждым десятилетием эта практика приобретала все большие масштабы. К началу XVII в. служилые иноземцы стали неотъемлемой частью вооруженных сил России, а количество их в русском войске исчислялось несколькими тысячами. Большую часть служилых иноземцев составляли бывшие подданные Речи Посполитой — поляки, украинцы («черкасы»), белорусы. Кроме них источники называют турок, персов, венгров, молдаван, представителей южнославянских народов, а также «немцев» — выходцев из различных стран Центральной и Западной Европы. Среди последних были: англичане, датчане, ирландцы, лифляндцы, пруссаки, французы, шведы, шотландцы и уроженцы различных городов и областей Империи («Цесарской земли»). Именно «немцы» и являются предметом настоящего исследования.

Состояние источников, содержащих информацию о служилых иноземцах, к сожалению, оставляет желать лучшего. Для XVI в. основными источниками являются сравнительно немногочисленные записки посетивших Россию иностранцев[1], поскольку материалы приказного делопроизводства этого периода практически не сохранились, а иные типы источников не содержат интересующих нас сведений.

К концу XVI в. в России возникает специальное ведомство, в чьем распоряжении находились служилые иноземцы; первое упоминание о нем мы находим у Флетчера[2]. Впоследствии этот орган стал называться Панским, а с середины 20-х гг. XVII в. — Иноземским приказом. Именно в недрах этого ведомства создавалось и аккумулировалось большинство документов, связанных с иностранцами на русской

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Служба и землевладение служилых иноземцев в центральных уездах России в первой трети XVII в. (создание просопографической базы данных)», проект № 05-01-56102 а/ц.

[1] Подробный анализ этой группы источников применительно к служилым иноземцам см.: *Скобелкин О. В.* Иностранные авторы описаний России XVI в. о западноевропейцах на русской военной службе // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 439—440; *Он же.* Иностранные известия об иноземцах в русском войске в XVI веке // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 6—32.

[2] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. М.: Захаров, 2002. С. 66.

военной службе. Однако «московский большой пожар» мая 1626 г. уничтожил почти весь архив приказа, как, впрочем, и архивы и ряда других приказов. К счастью, в силу особенностей приказного делопроизводства, документы, связанные со служилыми иноземцами, частично сохранились в столбцах и книгах других приказов. В этой ситуации исследователь вынужден уподобиться составителю мозаики, собирая из разных архивных фондов разрозненные, подчас весьма фрагментарные, сведения и имея при этом в виду, что некоторые лакуны так и не будут заполнены.

Самые первые контакты иноземцев с представителями Российского государства могли происходить еще до приезда в Россию. Это бывало тогда, когда имел место найм иностранных военных специалистов, характерный для конца XV — первой трети XVI в. и осуществлявшийся членами русских дипломатических миссий[3]. В «Записках» Герберштейна есть любопытный рассказ о вербовке русским послом австрийских пушкарей в Инсбруке: не имея возможности открыто производить вербовку, он прибегнул к весьма любопытному способу — давал деньги «своим слугам», чтобы те ходили к публичным женщинам и через них наводили справки об оружейниках[4]. Пятеро пожелавших послужить великому князю Московскому получили от посла деньги на покупку лошадей и дорожные расходы и отправились в далекую Московию.

Любой иностранец, поступивший на русскую службу, немедленно оказывался включенным в систему отношений, как лично, так и опосредованно, с различными звеньями государственного аппарата России и русскими должностными лицами различных уровней.

Царь

Высшим должностным лицом, с которым иногда приходилось общаться иностранным военным, был монарх — «государь всеа Русии».

Герберштейн приводит целый ряд примеров контактов пушкарей-иностранцев с Василием III. Рассказывая о событиях 1505 г., он замечает, что итальянец пушкарь Варфоломей, перешедший в православие, был «в большой силе и чести у государя»[5]. Это, на мой взгляд, явное свидетельство того, что итальянский мастер-артиллерист входил в ближайшее окружение великого князя, что неминуемо предполагало достаточно частые личные контакты.

В том же рассказе, связанном с событиями военного конфликта с Казанью в 1505 г., приводится история о трех пушкарях. Двое из них (в том числе и упомянутый Варфоломей) бежали вместе с русским войском с поля сражения, бросив орудия. Несмотря на это, они были приняты в Москве милостиво. Зато третий,

---

[3] *Скобелкин О. В.* Западноевропейцы в русском войске XVI века // Исторические записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 50—51.

[4] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 245.

[5] Там же. С. 172.

каким-то образом сберегший свою пушку, получил от Василия III выговор: «Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними».

В сюжете о татарском нападении 1521 г. (оно, по мнению В. П. Загоровского, было первым из семи масштабных походов Крыма на Россию, которые, в отличие от регулярных набегов, историк называет нашествиями[6]) приводится еще один пример личных контактов великого князя с пушкарями. Когда татарская опасность миновала и бежавший из Москвы Василий III возвращался в столицу, в воротах среди толпы встречавших он увидел и пушкаря, Николая с Рейна, и обратился к нему со словами: «Твоя верность мне и старание, которое ты выказал, охраняя крепость, известны нам и мы изрядно отблагодарим тебя за эту услугу». Вскоре в Москву приехал из Рязани отличившийся там пушкарь Иоанн Иордан и был, судя по всему, принят великим князем, который, спросив его о здоровье, обещал награду: «Велика будет наша милость к тебе». Однако ни тот, ни другой ничего не получили, «хотя часто надоедали государю напоминаниями о его обещаниях»[7].

Порой служилые иноземцы («наемники») приглашались и на великокняжеские пиры, даваемые в честь иностранных послов. Правда, в этом случае такой чести удостаивались не все наемники, а только их элита — «пушкари и другие лица того же рода»[8].

Во времена Василия III иноземцев на русской военной службе было еще немного, поэтому наиболее авторитетные из них были лично известны государю. По мере увеличения числа иноземцев в русском войске контакты царей с иностранцами становятся менее заметными, по крайней мере, по имеющимся источникам, хотя они известны и в царствование Ивана Грозного, и в царствование Бориса Годунова, и, разумеется, в царствование Лжедмитрия I, личная охрана которого состояла главным образом из иностранцев.

После Смуты патриархальные времена предшествующих царств отошли в прошлое. Теперь контакты иноземцев с монархом стали, скорее, исключением. Поэтому приводимый ниже документ можно, наверное, считать уникальным. Это челобитная одного из иноземцев, перешедших в православие, относящаяся к декабрю 1619 г.

«Великому государю светейшему Феларету патреярху Московскому и всеа Русии бьет челом холоп государев и твой светительской иноземец новокрещен Калинка Ицка, которай крестился из веры жидовской в православную крестьянскую веру.

Выехал я, холоп ваш, на государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя, покиня отца своего и мать, и весь род, и племя, и отставя все свои именья, и отрекся своей жидовской веры, слыша вашу государьскую милость... И ныне я, государь, по царьскому жалованью и по твоему светительскому

---

[6] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 53.

[7] *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 175.

[8] Там же. С. 216.

благословенью в православную веру крестился и имею господа бога и пречистую его богаматерь.

Смилуйся, государь светейший Феларет патреярх Московской и всеа Русии, благослови меня, холопа государева и своего, быти у царьскай ручки для моего иноземьства и для выезду, и для моего крещенья. А я, государь, и по ся место у царьскай ручки не бывал, потому что выехал от веры жидовскай, и челом о том не бивал и царьских очей не видал».

Резолюция на эту просьбу была следующей: «Государь... пожаловал, велел иво поставить перед собою и дать свои царские очи видеть. А как поставят и про него сказать...»[9]

Еще один случай аудиенции у царя Михаила Федоровича связан с приездом датского дворянина М. Мартынова, который прибыл в Россию в октябре 1614 г. в свите посланника датского короля, «а приехал к государю служить и грамота об нем, Мартыне, к государю от датцкого короля прислана». Датчанин был не просто принят во дворце, но и «был у государя на дворе у руки»[10]. Это, безусловно, был жест уважения в адрес Христиана IV.

Дума

С Думой непосредственно иноземцы отношений, как правило, не имели, однако некоторые вопросы, связанные с жизнью и службой иностранных военных в России, выносились на обсуждение бояр.

В июне 1614 г. решением Думы были приняты на русскую службу шотландский капитан Я. Шав и «Аглинские земли служилой человек» Т. Герн (этим же решением Я. Шаву было дано разрешение женится в Холмогорах на «немке»)[11].

Занималась Дума назначениями иностранцев на командирские должности. Во время штурма Арбатских ворот Кремля войсками Владислава в ночь на 1 октября 1618 г. погибли или были смертельно ранены несколько офицеров-иностранцев, командовавших подразделениями своих соотечественников[12]. Назначение новых капитана и поручика в ирландскую роту «бельских немцев» было произведено исходя из желания самих служилых людей роты, но по боярскому приговору[13].

---

[9] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 7. Л. 305, 305 об.

[10] Там же. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 13, 15.

[11] Там же. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. Д. 52. Л. 63 об. Подробнее об этих событиях см.: *Скобелкин О. В.* Иностранцы на русском Севере в годы Смуты // Исторические записки: Науч. тр. ист. фта. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5—20.

[12] Подробнее об этом см. *Скобелкин О. В.* Ирландцы на русской военной службе в конце 10-х — 20-х гг. XVII века // *Шэмрок*. Ирландские исследования (история, политика, культура). Воронеж, 2004. № 3. С. 25—26; *Он же.* Участие ирландцев в последних событиях Смуты в России // *Шэмрок*. Ирландские исследования (история, политика, культура). Воронеж, 2002. № 2. С. 59—63.

[13] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 24—25, 65—65 об.

Рассматривались в Думе и различные вопросы, связанные с выплатой жалования служилым «немцам».

Это, во-первых, назначение жалования за переход иноземцев из армии противника на русскую сторону. Так, 3 октября 1618 г. боярским приговором было назначено «выходное» жалование группе шотладцев — капитану Я. Камелю, шляхтичу Г. Володимерову и трем «людям» капитана, перешедшим на русскую службу из шведской армии[14]. В тот же день было назначено «выходное» жалование и двум французам-минерам, «спитардным мастерам» Ю. Безсону и Я. Безу[15].

Во-вторых, на уровне Думы иногда происходило верстание поместными и денежными окладами. Так, в сентябре 1615 г. была поверстана группа англичан во главе с «князем» А. Астоном-младшим, приехавших на русскую службу[16]. В декабре 1618 г. по боярскому приговору были поверстаны поместным и денежным окладами Ю. Безсон и Я. Без[17].

В-третьих, бывали случаи, когда бояре решали вопрос о выплате задержанного жалования: в сентябре 1618 г. дума приняла решение выплатить шотландскому капитану А. Вахубу задолженность, которая образовалась за время его болезни[18].

В-четвертых, в некоторых случаях на заседания Думы выносились вопросы повышения жалования отдельным иноземцам. В сентябре 1616 г. «бояре приговорили» повысить месячный денежный оклад шотландского поручика П. Юля с 12 до 15 рублей[19]. В сентябре 1618 г. решением Думы с 6 до 12 рублей было повышено месячное денежное жалование шотландцу Ю. Лерманту в связи с тем, что он был назначен прапорщиком шотландской роты «бельских немцев»[20] вместо умершего от раны Д. Адворца[21]; в декабре 1618 г. ему же по боярскому приговору вновь повысили оклад (с 12 до 15 рублей), так как он был назначен теперь уже поручиком в своей роте вместо убитого П. Юля[22]. В феврале 1619 г. боярским приговором был повышен оклад шотландскому капитану Я. Шаву, назначенному командиром ирландской роты «бельских немцев» вместо убитого капитана-ирландца (оклад нового командира повысили до размеров оклада его предшественника)[23].

В отношении группы из семи иноземцев, перешедших на русскую службу из шведской армии в 1617 г., боярам осенью 1619 г. пришлось принимать решение сразу по трем финансовым вопросам — о повышении им поденных денежных вы-

---

[14] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 7. Л. 177—178.

[15] Там же. Л. 180—181; *Скобелкин О. В.* Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 г. // Исторические записки: Науч. тр. ист. фта ВГУ. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 21.

[16] РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 6—14.

[17] Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 7. Л. 295—300.

[18] Там же. Л. 255—258, 373—375.

[19] Там же. Д. 1. Л. 83.

[20] Там же. Л. 126.

[21] Там де. Оп. 10. Д. 4. Л. 35.

[22] Там же. Оп. 13. Д. 1. Л. 103—103 об.

[23] Там же. Л. 24—25, 176.

плат, о назначении «выходного» жалования и о поверстании поместными и денежными окладами[24].

В-пятых, в Думе порой принимали решения о замене одного приказа, в качестве источника финансирования отдельных иноземцев, другим приказом. Так, в феврале 1619 г. в связи с невыплатами денег из Большого Прихода капитану Я. Шаву его, в финансовом отношении, перевели в ведение Разряда: «Бояре приговорили давать з бельскими немцы в Розряде»[25]. В марте 1619 г. рассматривалась челобитная Ю. Безсона и Я. Беза, которые жаловались на задержку в выплате жалования в Большом Приходе. Резолюция гласила: «...давать корм из Розряду, а на прошлые (месяцы. — *О. С.*) взять из Большого Приходу»[26].

И наконец, сохранилось несколько документов с пометами о боярских приговорах в связи с выплатами денег вдовам погибших иноземцев. В апреле 1617 г. в Думе рассматривался вопрос о выплате денег жене погибшего в бою «бельского немчина» ирландского нарядчика М. Отегана. Вдова просила назначить ей и двум ее детям месячный корм, однако « бояре приговорили» выплатить только единовременное пособие в размере 2-х рублей[27]. Спустя два года, весной 1619 г., в Думе рассматривали челобитную вдовы шотландского капитана (также из числа «бельских немцев») А. Мутра о выплате денег «на поминок»; было решено выдать 10 рублей[28].

Дума была окончательной инстанцией и при решении вопроса о разрешении иноземцу покинуть русскую службу и Россию. Именно по боярскому приговору от 16 июня 1614 г. был на год отпущен в Англию А. Астон-младший[29] (он должен был привезти мать и нескольких родственников); по решению Думы были отпущены на родину в 1619 г. несколько «бельских немцев»[30].

Выше приведены практически все найденные мною случаи, когда Дума рассматривала вопросы о служилых иноземцах, хотя в то же время документов по аналогичным делам, но без помет о боярских приговорах, сохранилось во много раз больше. Исходя из этого можно предположить, что на заседания Думы выносились лишь некоторые вопросы о служилых иноземцах или вопросы, связанные лишь с определенными лицами.

Действительно, во всех приведенных случаях фигурируют не рядовые служилые люди, а офицеры, командиры (или их жены) или же люди с очень высоким социальным статусом («князь» А. Астон). Что же касается двух французских подрывников, то рассмотрение их челобитных на уровне Думы объясняется, скорее всего, заслугами этих иноземцев: Безсон и Без перешли на русскую сторону из войска Сагайдачного накануне штурма Арбатских ворот Кремля в ночь на 1 ок-

---

[24] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 14—15.
[25] Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 26—26 об.
[26] Там же. Л. 16—16 об.; см. также л. 70.
[27] Там же. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. Д. 4. Л. 41—41 об.
[28] Там же. Оп. 13. Д. 1. Л. 6—6 об.
[29] Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 61 об.
[30] Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 34.

тября 1618 г. и предупредили о готовящемся приступе. По боярскому приговору от 3 октября 1618 г. «за то, что они выехали с прямыми вестями», им было назначено огромное, в сравнении с другими подобными «выходцами», жалование — каждому по 30 рублей, по сорока соболей, «по камке по доброй, по сукну по доброму»[31].

Кроме того, вынесение ряда вопросов на уровень Думы можно, наверное, объяснить и тем, что система государственного управления за годы Смуты была расстроена, финансы находились в чрезвычайно сложном состоянии и руководство приказов не хотело брать на себя ответственность в тех или иных случаях. Косвенно это подтверждается тем, что в документах 20-х гг. XVII в., т. е. тогда, когда приказная и финансовая системы были полностью восстановлены, мне не удалось найти случаев вынесения боярских приговоров по делам о служилых иноземцах.

Приказы

Первым приказом, с которым приходилось иметь дело приехавшему в Россию иностранцу, был Посольский приказ. Там иноземца очень подробно расспрашивали о целях приезда, выясняли детали его биографии. Выясняли у него и подробности международного положения — что происходило в тех странах, в которых он был или через которые проезжал. После этого иноземец верстался окладом или ему назначалось кормовое жалованье, и он переходил в ведение Панского (Иноземского) приказа.

Работа дьяков и подьячих Посольского приказа обычно не вызывала нареканий со стороны иноземцев. Однако один случай приказной волокиты встретился и в этом ведомстве. В 1619 г. группа иноземцев, просивших о повышении размеров «поденного корма», выплате «выходного» жалования и верстании поместными и денежными окладами, жаловалась на то, что их «дело велено взнесть в Верх перед... государевых бояр, а челобитных не слушают, и дело в Верх к боярам не несут»[32]. Судя по тому, что на их челобитных стоят дьяческие пометы «Принести выписка к боярам» и «Принести дело к бояром тотчас», затягивал передачу дела в Думу кто-то из подьячих, вымогая, видимо, у просителей мзду.

Во время боевых действий в годы Смуты иноземцы, переходившие из армии противника на русскую сторону, имели дело сначала с полковыми воеводами, а затем — с Разрядом и только после этого поступали в распоряжение Иноземского приказа. Именно в Разряде они проходили все те процедуры, которые обычно производились в Посольском приказе, — подробный допрос, выяснение обстановки (в этом случае не международной, а военной), назначение жалованья.

Из Разряда кормовым иноземцам нередко выплачивались кормовые деньги (в частности, именно этот приказ довольно долго финансировал обе роты «бельских

---

[31] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 7. Л. 180—181; *Скобелкин О. В.* Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 г. // Исторические записки: Науч. тр. ист. фта ВГУ. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 21.

[32] Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 5— 7 об.

немцев»[33]). Здесь иностранцам приходилось сталкиваться со знаменитой московской волокитой. Ярким примером ее может служить ситуация, в которой весной 1619 г. оказались 21 ирландец и шотландец, из числа «бельских немцев», служившие в то время в Туле. Вот что писали они в своей коллективной челобитной:

«Волочимся мы... здесь, на Москве, больши полугоду и помираем голодною смертью, а твоего государева жалованья нам, холопем твоим, на нынешней, на 127-й год, хлебнаго и по ся... мест не давано. А жены и дети наши на Туле без нас также волочатца меж двор, помирают голодною смертью. И мы били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал для нашей бедности, велел нам дать здесь на Москве, за хлеб деньгами. И ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал, велел выписать, что нам дано и что не дано. И дело, государь, выписано, больши дву недель лежит у подьячего, у Дорофея. И того дела нашего подьячей перед твоего государева думнаго дьяка, перед Сыдавнаго Васильева, не положит»[34].

Как видно из приведенного текста, между иноземцами и одним из подьячих Разряда возник конфликт. Трудно сказать, что послужило причиной: то ли Дорофей требовал мзды, то ли заносчивые «немцы» вели себя не слишком почтительно с русским чиновником, то ли были еще какие-то обстоятельства. Как бы то ни было, резолюция на челобитной гласит: «Положить дело тотчас»[35]. Правда, из-за описанного выше состояния источников, не удалось выяснить, насколько быстро было выполнено это решение.

В 20-х гг. XVII в. Разряд перестал быть источником финансирования кормовых иноземцев; теперь все они получали деньги из Большого прихода, а в Разряде велся лишь учет их служебных назначений. В связи с этим обращения иностранных военных в этот приказ были связаны, главным образом, с получением выписок о различных эпизодах их службы, и прежде всего об участии в боевых действиях в годы Смуты. Разрядному приказу иноземцы подчинялись во время службы в Украинном разряде.

Основным приказом, ведавшим служилыми иноземцами, был Панский (Иноземский) приказ. Он занимался организацией ежегодной службы в Украинном разряде — сбором соответствующей «половины» к определенному сроку в Тулу, где размещался так называемый Большой полк[36]. В Иноземском приказе делались за-

---

[33] См., например: Приходно-расходная книга Разряда 7123 года // РИБ. Т. 28. М., 1912. Стлб. 281, 300—301, 306—308 и др.; Приходно-расходная книга Разряда 7125 года // Там же. Стлб. 529—532, 554 и др.; Приходно-расходная книга Разрядного приказа 1619/20 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. М., 1983. С. 201—205 и др.

[34] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 41.

[35] Там же. Л. 41 об.

[36] Подробнее об этом см.: *Скобелкин О. В.* Организация службы иноземцев на защите южных рубежей России в первой половине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000. С. 19—21; *Он же.* Тульская служба иноземцев: участие иностранцев в обороне южных границ России в 20-х гг. XVII в. // Commentarii de Historia. № 7 (декабрь 2004). http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/07—03.htm

писи о приезде в Москву тех иноземцев, которые жили в других городах и уездах[37]. Здесь же принимали решение о переводе иноземцев из роты в роту, занимались разрешением различных конфликтов между иноземцами, проводили врачебное освидетельствование раненых и заболевших.

Во второй половине 10-х гг. XVII в. своего рода соперником Панского приказа в делах управления служилыми иноземцами был Разряд. Однако в 20-х гг., видимо в связи с приходом к руководству Иноземским приказом такой влиятельной фигуры, как кн. И. Б. Черкасский, Разряд «отодвигают» в сторону и Иноземский приказ становится главной инстанцией для иностранных военных. Даже вопросы о назначении иноземцев на командирские должности теперь не выносились на рассмотрение Думы, а решались в ведомстве Черкасского.

Еще одним приказом, с которым иностранцы постоянно имели дело, был Большой Приход. Здесь выдавали денежную часть «выходного» жалования и жалования за переход в православие; кормовым иноземцам выплачивалось денежное довольствие, а также деньги за «питье», за «конский корм» и за дрова. Однако порой, особенно в трудные в финансовом отношении времена, в решении подобных вопросов возникали сбои, о чем свидетельствует следующая челобитная:

«Царю... бьют челом... нововыезжие иноземцы, спитарной мастеры Юшка Безсон да Янко Бяз. Пожаловал ты... велел дать своего царьского жалованья корм на прошлые месецы... из Большева Приходу. И твой государев дьяк Добрыня Семенов твоего царьского жалованья, нам, холопем твоим, ...и по ся мест не выдаст, а дает, государь, нашей братье литве и немцом... А память, государь, отнесена из Розряду в Большой Приход... а мы, холопи твои, не ведаем, за что нам, холопем твои, отказывает. И мы... били челом тебе... чтоб ты... нас... пожаловал, велел ис таможни дать. И ты, государь, нас холопей своих пожаловал, и о том пameть из Розряду в Большой Приход послана. И та государь память и многие челобитные подписаны. И твой государев дьяк Добрыня Семенов и памяти, и подписных челобитен не слушает, и нам, холопем твоим, памяти в таможню ни денег у себя в Большом Приходе не даст». В ответ на эту жалобу последовало распоряжение: «Велети дати из Розряду корму»[38].

Как минимум один раз за время жизни и службы в России иноземцы «нового выезду» (т. е. приехавшие после восшествия на престол Михаила Федоровича) имели дело с Казенным Двором — здесь выдавали ткани, бывшие обязательной частью жалования «за выход». Кроме того, перешедшие в православие получали в качестве жалования за крещение полный русский мужской костюм, который получали также на Казенном Дворе (например, «немчину Цысарские земли» М. Кепке должный были дать «для крещенья платье: однорядку — сукно доброе, кафтан тафтян, шапку, крест серебрян, рубашку, порты, сапоги, пояс»[39]). На Казенном Дворе изготавливались и ротные знамена для иноземцев; при этом ротмистры нередко

---

[37] См., напр.: РГАДА. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 801. Л. 146.

[38] Там же. Оп. 13. Д. 1. Л. 52—52 об.

[39] Там же. Д. 7. Л. 115.

консультировали мастеров по вопросам символики и сочетания цветов («Велети им зделати нововыезжим иноземцом ротмистру Яну Воду знамя в тафтах розными цветы, а как делать знамя он, Ян, укажет...»[40]).

Какая-то часть кормовых иноземцев получала, помимо денежного жалования, еще и «питье» — «вино» и пиво. Получали они его в Москве «с кабака». Иноземцам высокого статуса, кроме вина и пива, выдавался еще и мед; при этом «питье» им шло не «с кабака», а из Сытного дворца (двора), находившегося в ведении приказа Большого Дворца. Так, в 1614 г. А. Астону-старшему было назначено «по 4 чарки вина, по чети ведра меду, пополуведра пива на день», а «ротмистру Якову Шаву по 3 чарки вина, по крушке меду, по две крушки пива на день»[41]; А. Астон-младший получал в 1615 г. «поденного питья по 4 чарки вина, по полуведра меду, по ведру пива на день»[42], а полковник А. Лесли в 1630 г. — « по три чарки вина двойново, по пяти чарок вина рядового, по крушке меду вишневого, по полведра меду цеженого, по полведра пива доброво на день»[43]. Своеобразно обеспечивался питьем датчанин М. Мартынов: в 1614 г. он получал свое поденное питье сразу и «з Дворца» (3 чарки вина и 1 кружка вишневого меда), и «с кабака» (по 2 чарки вина, по 4 кружки меду, по 6 кружек пива)[44].

К сожалению, в документах приказного делопроизводства XVII в. нет описаний технологии этих выдач. Единственное свидетельство имеется в «Записках» Штадена. Вот как описывает немец-опричник порядки на Сытном дворе в 60—70-х гг. XVI в.:

«Из погребов мед приносился теми, кто был к тому приставлен. Они отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять — хорошо, а коли нет, то не получал ничего. Варился хороший и плохой мед, и на этом сберегалась третья часть меда-сырца. А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог идти в погреб и сам цедить мед [на пробу] изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал [конечно] свою полную меру. Если иноземец умирал или его убивали, то эти куманьки целый год все продолжали заносить в отчет все выдачи»[45].

С другими московскими приказами служилые иноземцы регулярных контактов не имели, хотя в отдельных случаях таковые имели место. Так, в 1628 г. двух ино-

---

[40] РГАДА. Оп. 9. Д. 903. Л. 472.

[41] Там же. Ф. 35. Д. 52. Л. 117. Любопытно, что при этом «князь Ортемей того питья не емлет, а сказывает, что ему того питья мало». В январе 1615 г. Астону и Шаву «питья» было прибавлено: первому — «четь ведра меду да полведра пива», второму — «крушка меду» (Там же. Л. 118).

[42] Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 14.

[43] Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 904. Л. 1.

[44] Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 33.

[45] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 39—40.

земцев в финансовом отношении перевели в ведение Костромской Чети[46]. В 1630 г. в Земском приказе разбирался имущественный спор по поводу двора на Кулишках, который владелец — Ю. Безсон — продал шотландцу капитану Я. Вуду, но никак не хотел освобождать[47], а в Поместном приказе — дело о вымороченной вотчине[48].

Воеводы

В годы Смуты иноземцы, переходившие из армии противника на русскую сторону, имели дело сначала с полковыми воеводами, которые проводили первый допрос, а затем отсылали перебежчика в Разряд. Поступив на службу, иноземец вновь имел дело с полковыми воеводами, под чьим командованием участвовал в боевых действиях или служил в Украинном разряде. Именно у полковых воевод испрашивались разрешения о временных отлучках со службы, главным образом, бить челом о выплате жалования или для лечения; в последнем случае воеводы проводили и первичный осмотр больного[49].

С городовыми воеводами пограничных уездов иноземцы имели дело, когда приезжали в Россию; уездные администраторы проводили допрос «выходца», сообщали о нем в Посольский приказ, а после распоряжения о присылке иноземца в Москву обеспечивали его подводами, поденным кормом на время пути и давали провожатых. Кроме того, в годы Смуты московские приказы, не располагая необходимыми средствами, нередко обязывали уездные власти выплачивать тем или иным иноземцам жалование из местных доходов. В мирное время иноземцы, не входившие в московский список, подчинялись также городовым воеводам.

В тех редких случаях, когда иноземец получал разрешение уехать из России, организацией его отправки занимался вновь Посольский приказ, а выплата жалования и содержание в дороге до границ России обычно возлагались на власти и бюджеты тех уездов, через которые пролегал путь отъезжающего, или же на соответствующие четвертные приказы. Так, в 1617 г. несколько шотландцев и ирландец из числа «бельских немцев» получили разрешение уехать на родину через Архангельск; жалование за месяц они получали в Новгородской Чети, а еще за три месяца — «в городех Новгородские ж Чети, в которых городех деньги есть в зборе»[50]. На практике последняя сумма им была выдана двинскими воеводами в Архангельске[51].

---

[46] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 903. Л. 24—25.
[47] Там же. Д. 801. Л. 230—231.
[48] Там же. Л. 203—205.
[49] См., напр.: Там же. Оп. 10. Д. 4. Л. 160, 165; Оп. 9. Д. 903. Л. 527.
[50] Там же. Оп. 10. Д. 4. Л. 175—176, 186.
[51] Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.

С. П. Орленко (Москва)

К вопросу о статусе «иноверцев» в России и Европе в средние века

XVII столетие в России ознаменовалось появлением в русской среде нового культурного элемента, особенно заметного в столице, — «немец некрещеных» — выходцев из Западной Европы, сохранивших свое вероисповедание, иностранное подданство и свой отличный от московского уклад жизни.

Сам факт присутствия в России «немцев» был следствием крайней заинтересованности московского правительства в заимствовании у Запада передового военного и технического опыта, развития внешней торговли и промышленного производства. Светские власти старались с максимальной эффективностью и наименьшими издержками использовать знания и навыки служилых иноземцев, а активность западноевропейских купцов обратить на благо русской казны.

Процесс осложнялся жесткой политикой духовных властей по отношению к «иноверцам». Одним из последствий Смутного времени стало обостренное чувство угрозы утраты чистоты веры, опасение вредоносных «еретических» влияний извне. Проведенный возвратившимся из польского плена патриархом Филаретом Никитичем Освященный собор 1620 г. канонически утвердил отрицание принадлежности к христианству кого-либо, кроме православных. А первым правовым шагом по изоляции «иноверных» от православного населения стал указ 1627 г. Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича, запрещающий «некрещеным иноземцам» держать у себя во дворах «в работе» или в холопстве русских людей, поскольку «православным крестьяном чинитца теснота и осквернень и многие без покояния без отцов духовных помирають и в великои пост и в ыные посты мясо и всякое скором едят неволею». «Некрещеным иноземцам» предписывалось самим отпустить от себя православных и впредь к себе на дворы не принимать под угрозой быть от государя «в великои опале и в наказанье»[1].

Статья 70 главы XX Соборного Уложения Алексея Михайловича воспроизводит указ 1627 года вместе с мотивирующей частью о чинимом от «некрещеных иноземцев» православным людям «осквернении». «И ныне по тому же у иноземцев некрещеных русским людям во дворах быть никоемы делы». Однако статья имеет ряд отличий от раннего указа. Например, угроза репрессий адресована потенциальным ослушникам, но не иноземцам, а русским. «А будет которые русские люди учнут у некрещеных иноземцев... служить... тех сыскивая чинить им жестокое наказание, чтобы иным таким неповадно было так делати»[2]. Духовные и светские власти Мос-

---

[1] РГАДА Ф. 396. Оружейная палата. Оп 1. 136 г. № 40283 — указ о запрещении некрещеным иностранцам иметь православных холопов и прислугу. Л. 1—2. (Выявлен Т. А. Опариной.)

[2] Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 111.

ковского государства считали общение с «еретиками»-иноверцами гибельным для души русского человека. Иноземцев же подозревали в стремлении отвращать русских людей от православия, переманивать в свою «еретическую» веру.

Запрет содержать у себя русскую прислугу и «работных людей» сильно ударил по интересам иноземцев, в особенности торговых. Западноевропейским купцам было трудно обойтись без услуг русской прислуги, дворников, сторожей, грузчиков, возчиков и пр. Еще в начале 30-х гг. нидерландские послы безуспешно просили об отмене указа 1627 г.[3] Опубликованный вновь в виде статьи Соборного уложения, указ вызывал бурную реакцию иноземцев. Западные купцы били челом государю с просьбой разрешить им держать у себя во дворах дворников и сторожей. Просили позволить им для сопровождения грузов от Вологды до Архангельска и обратно нанимать на суда работных людей: гребцов, ярыжек. Иностранцы указывали на тяжелые последствия запрета для своей торговли. Настоятельные просьбы возымели действие и позиция московских властей несколько смягчилась. Власти разрешили купцам ограниченный найм русских людей для охраны дворов «с товары» и рабочих на суда, при условии, что последним не будет чиниться от иноверцев «никакого осквернения»[4].

В 1652 году вновь «всенародно было опубликовано и провозглашено, что ни один русский впредь не должен служить у некрещеных язычников, под чем они разумеют всех чужестранцев в совокупности, под (страхом) того наказания, что тот, кто будет найден у чужестранца, будь он кто угодно, будет в первый раз бит батогами, во второй раз кнутом или плетью, а в третий раз снова бит плетью, оба уха будут (у него) отрезаны, и в опале будет сослан в Сибирь, а тот, кто его задерживает, привлекается к такому же наказанию»[5]. Далее де Родес доносил, что в домах иностранных офицеров и купцов проводились внезапные обыски. Обнаруженные русские люди арестовывались и уводились стрельцами. Встревоженные «немцы» вновь били челом государю с просьбой не отнимать у них русских людей и даже обещались вместе с православными соблюдать все посты. Настоятельные просьбы купцов и угроза упадка внешней торговли вновь подействовали. Власти в 1652 году разрешили быть на иноземских дворах русским дворникам, но лишь в отсутствие хозяев, «а ярыжкам на судех велели у них быть с поруками, а в поручной записи велели б есте писать имянно, что б тем ярыжкам у них будучи на судех с ними и с ыными с иноземцы ни пить ни есть»[6].

---

[3] Отчет Альберта Бурха и Иоганна фан Фелтдриля о посольстве в Россию в 1630—1631 гг. // Сб. РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. 101, 114

[4] *Мулюкин А. С.* Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912. С. 120—121.

[5] *Родес И. де.* Донесения шведского резидента Родеса королеве Христине 1650—1655 гг. // *Курц Б. Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 97.

[6] РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. Оп. 2. 1652 г. № 64. Отпуск государевой грамоты на Вологду повелевающей по просьбе живущих там иностранцев употреблять к себе в работу русских людей. Л. 5.

Попытки преодолеть запрет предпринимались и на дипломатическом уровне. С просьбой к русскому правительству разрешить голландским купцам свободный найм русских людей обращались послы нидерландских Штатов Конрад Бурх (1647—48 гг.) и Якоб Борейль (1664—65 гг.), но оба в ответ получили отказ[7].

Тем не менее запрет иноземцам содержать русскую прислугу и «работных людей» строгим оставался лишь на бумаге, о чем свидетельствуют его неоднократные повторения на протяжении XVII века. Жесткие меры по контролю за соблюдением указов проводились, по-видимому, лишь непосредственно после того, как они издавались. По прошествии же некоторого времени ситуация возвращалась к исходному положению. Вероятно, нам известны не все повторения указа 1627 г. Швед Фарбер писал из Москвы в 1647 году «Великий князь сей (Алексей Михайлович. — *С. О.*) очень предан своей религии, и сие побудило его издать закон, по которому русские не должны служить в домах знатных иностранцев... от чего иностранцы находятся в великом затруднении... Однако же они надеются, что и это запрещение будет забыто; ибо однажды уже было такое запрещение, но никто не исполнял его, иначе и без того весьма стесненная торговля совершенно была бы разорена»[8]. Упоминания о русских слугах и «работных людях» иноземцев в источниках XVII века встречаются постоянно.

После создания Немецкой слободы в обязанности дворянина, ее ведающего, входил надзор, «чтобы иноземцы некрещеные у себя на дворах русских людей и белорусцев не держали». В 1658 году стольник Василий Безобразов получил указание провести обыски во дворах Немецкой слободы с целью изъятия у иноземцев православных людей. Обнаружить удалось лишь 18 человек[9]. Можно предположить, что далеко не всех. В Переписной книге Немецкой слободы среди проживавших там слуг не указано ни одного русского, что едва ли соответствовало действительности[10].

В 1666 г. Безобразов вновь получил наказ, предписывающий «учинить иноземцам заказ под смертною казнью, чтоб... русские люди и белорусцы во дворех у них не жили, чтоб в том христианским душам осквернения не было»[11]. Несмотря на это, иностранцы продолжали нанимать русскую прислугу и работных людей. О русской прислуге иностранцев писали и Б. Таннер и С. Коллинс[12]. Масштабный розыск, проведенный в Немецкой слободе по делу об убийстве англичанами

---

[7] РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1664—1665 гг. № 6. Приезд в Россию и отпуск посла Голландских Статов Якова Борела. Л. 363 об. — 365.

[8] Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанныя // Северный Архив. № 2. СПб., 1822. С. 115

[9] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. № 909. Л. 257—265.

[10] Переписная книга Новой немецкой слободы 1665 г. // Переписные книги г. Москвы 1665—1676 гг. М., 1886. С. 231—238.

[11] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной стол. № 974. Л. 95—96.

[12] *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1891. С. 67; *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии. М., 1997. С. 193.

московского стрельца зимой 1678 года, выявил на дворах иноземцев немало русских слуг[13]. В 1686 в Архангельске и Холмогорах на дворах у иноземцев сыскалось около 60 русских слуг и работных людей, а также членов их семей. Многие из них трудились у «немцев» по десять и более лет, а «колмогорка работница вдова Василиска Степанова дочь жила у голландцев лет с сорок без крепости»[14].

Следует отметить, что угрозы иноземцам, держащим у себя русских людей, вопреки указу наказанием батогами, кнутом, отрезанием ушей, ссылкой и даже смертной казнью, по всей вероятности, оставались пустым звуком. Никаких сведений, что кто-либо из «немцев» подвергся хотя бы штрафу, не обнаружено ни в архивных источниках, ни в записках иностранцев. По всей вероятности, кампания была больше рассчитана на запугивание «некрещеных». И порой напугать иностранцев действительно удавалось. Прекрасной иллюстрацией может служить дело Нижегородского лютеранского пастора. В 1648 г. пастор ссудил деньгами русское семейство и в качестве компенсации обязал работать у себя на дворе двух молодых людей. Когда в 1652 г. дело дошло до властей, священник смертельно перепугался. В ужасе он отрицал решительно все: что русские люди работали у него на дворе, свое знакомство с этой семьей и, разумеется, сам факт долга[15].

В провинциальных городах контроль за соблюдением указа был символическим или отсутствовал вовсе. Иностранные купцы свободно нанимали русскую прислугу и «работных людей», встречая противников лишь в лице местного духовенства. В 1686 году духовные власти Архангельска и Холмогор потребовали отнять у живших в там иностранцев русских слуг, так как последним чинится от иноверцев «насильство и осквернение» в православной вере, постах и т. п. Иностранные купцы опротестовали челобитье духовенства, указывая на голословность обвинений, и вновь заявили, что не могут обойтись без услуг русских людей. В очередной раз, имея, с одной стороны, негодующее духовенство, с другой. опасаясь навредить торговле, русские власти нашли компромиссное решение. По указу государей велено было провести следствие, изобличенным в «осквернении» иоземцам запретить держать у себя русских людей, остальным же дозволялось иметь русских людей «на дворничестве в особых хоромах», у которых бы ворота или калитки были на улицу, «где мочно б приходить священникам со святынею и со всякою потребую»[16].

---

[13] РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. 1678 г. № 238. Дело об учинившейся в доме английского посланника Ивана Гебдона дракс и смертоубийстве стрельца; отпуск убийцы из Москвы с жалобой государя к королю на посланника Ивана Гебдона в непотребных его поступках. Л. 74—178.

[14] 1686 г., 23 февраля — 16 июня. Отнятие у иноземцев русской прислуги // Памятники к истории протестантства в России, собранные и изданные Дм. Цветаевым. М., 1888. С. 94.

[15] РГАДА. Ф. 396. (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. № 42424. Л. 1—2. (Выявлено Т. А. Опариной.)

[16] Отнятие у иноземцев русской прислуги в городах Архангельске и Холмогорах // Памятники к истории протестантства в России. Документы собранные проф. Дм. Цветаевым. М., 1882. С. 102—103.

Источником раздражения для духовных властей были поместья и вотчины «иноземцев» с православными крестьянами. А. С. Мулюкин писал по этому поводу: «Правительство, стесненное в денежных средствах, поневоле вынуждалось наделять иностранцев, в тех или иных случаях, из земельного фонда»[17]. В статьях Соборного уложения Алексея Михайловича иноземцы постоянно упоминаются в числе помещиков и вотчинников Московского государства, как, например, в статьях 1 и 2 главы XI о сыске и возврате беглых крестьян без урочных лет. Поместные иноземцы в своих правах были полностью равны русским помещикам. Статьи 30, 31 и 32 главы XVI предусматривали выделение равных прожиточных поместий вдовам и незамужним дочерям дворян, детей боярских и иноземцев, погибших или попавших в плен на государевой службе[18]. Тем не менее между поместьями русских людей и иностранцев властями была проведена своего рода разграничительная линия. Статья 14 главы XVI Соборного уложения 1649 года гласит: «А иноземские [поместья] иноземцам беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцов, иноземских поместий никому не давать. А русских поместий иноземцам не давать».

Таким образом, как мы видим, Московское правительство как бы создает два отдельных поместных фонда: для иноземцев и для русских служилых людей, запрещая передавать земли из одного в другой.

В 1652 году произошло событие, без сомнения произведшее сильное впечатление на Московское правительство. Жену шотландского полковника А. Лесли русские крестьянки обвиняли в том, «что она им в постные дни, в противность русской вере, дает мясо, трудною работою удерживает их от хождения в церковь, не дает им на дворе столько времени, чтобы они утром могли положить полагающееся перед Богом и иконами количество поклонов и совершить свое служение Богу, кроме того, она будто бьет народ и — что отвратительней всего — взяла икону со стены и бросила ее в пылающую печь, где она и сгорела. Перед русскими последнее обстоятельство было делом великим и обвинением страшным»[19].

Независимо от того, совершала ли в действительности полковница Лесли что-либо подобное или нет, сам факт, что подобное обвинение было выдвинуто в адрес поместного иноземца, должен был сильно встревожить власти. «Тут вмешался патриарх, сумевший убедить его царское величество, что у иностранцев следует отобрать все поместья... а бояре, давно уже простиравшие свои корыстные руки к хорошо устроенным поместьям немцев... ежедневно докладывали его царскому величеству, чтобы исполнено было справедливое ходатайство патриарха»[20].

21 сентября 1653 года был отдан указ объезжему голове Самойлу Силбухину ехать в Арзамаской уезд, для того чтобы поместья и вотчины тамошних иноземцев

---

[17] *Мулюкин А. С.* Очерки... С. 161

[18] Соборное уложение... С. 77.

[19] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 305.

[20] Там же.

«полковников Александра Крафорта, да Александра Томлтона, да полуполковника Юрья Англера...» (и т. д. всего 7 человек. — *С. О.*) «...со всеми угодьем со крестьяны, и с бобыли, и с захребетники, и с подсоседники, и с женами, и с детьми, и со всеми крестьянскими животы... со всем отписать на государя, для того, ведомо Великому государю... Алексею Михайловичу учинилося, что они некрещеные немцы, им крестьянам чинили всякую налогу и утеснение в нашей православной християнской вере греческого закона, и християнским душам многое осквернение...». В указе имеется ссылка на царскую грамоту от 4 сентября того же года, в которой Арзамасскому воеводе также предписывается отобрать на государево имя поместья и вотчины «немцев»[21]. На мой взгляд, вполне справедливо предположение А.С. Мулюкина о том, что указ 4 сентября Арзамаским воеводам, на котором основывается распоряжение объезжему голове, «есть циркулярное распоряжение, которое было обращено ко всем воеводам, где имелись иностранные помещики, но которое дошло до нас лишь в Арзамасском экземпляре»[22].

Взамен поместий иноземцев поверстали «кормовыми окладами» — денежным жалованием. Как и следовало ожидать, реакция иностранцев на это распоряжение правительства была негативной. Доходы от поместий и вотчин считались предпочтительней, нежели не всегда исправно выплачиваемый «кормовой оклад». Кроме того, размер денежного жалования зависел от чина, а не от величины прежних поместий или вотчин иноземцев, и многие служилые «немцы» оказывались в убытке. Настоятельные просьбы иностранцев вынуждали русские власти искать способ смягчить финансовые потери «некрещеных немец», лишившихся своих поместий и вотчин. Кто-то сумел добиться повышения в чине[23]. В ряде случаев иноземцам было позволено оставить себе (продать) «всякую животину и хлеб» из их бывших поместий и вотчин[24].

В том же 1653 году был дан второй указ, касавшийся права иноземцев владеть землей и крестьянами — «Иноземцом, всяких чинов людем вотчины свои продавать русским людем, а иноземцам некрещеным не продавать»[25]. Указ не имеет точной даты, однако опубликованные Т.А. Лаптевой материалы дела о наследовании вотчины иноземца Ю.Ю. Абрамова свидетельствуют о том, что распоряжение о продаже иноземцами своих вотчин русским людям последовало позднее сентябрьского указа об изъятии поместий[26].

В отличие от поместий, вотчинами служилых людей жаловали за особые заслуги: «многие службы», походы, «осадное сидение» и т. д. Возможно, русские власти посчитали, что просто «отписать на государя» «родовые и выслуженные вотчины»

---

[21] ПСЗРИ. Т. 1. № 103. С. 292—293.

[22] *Мулюкин А. С.* Очерки... С. 190.

[23] Там же. Л. 25—26 об.

[24] См.: «Иноземцам вотчины продавать...» Дело Поместного приказа о наследовании вотчины Ю.Ю. Абрамова 1676—1678 гг. / Подгот. Т.А. Лаптевой // ИА. № 1. М., 1994.

[25] ПСЗРИ. Т. 1. № 113. С. 308.

[26] «Иноземцам вотчины продавать...».

иноземцев не вполне справедливо. Указ разрешал иностранцам продавать свои вотчины, но только русским людям. Сумма, вырученная от продажи, должна была послужить чем-то вроде компенсации.

Земли с крестьянами в России XVII века могли принадлежать не только служилым иноземцам, но и иностранным промышленникам. В 1638 году к тульским заводам Андрея и Авраама Виниусов и Юлиуса Вилконса была приписана дворцовая Соломинская волость с 347 крестьянами. Передача земель с православными крестьянами в распоряжение иностранных промышленников продолжалась и после того, как у служилых «некрещеных немец» были отписаны на государя их вотчины и поместья. Так, в 1657 году Марселис и Акема к своим малоярославским металлургическим заводам получили Вышегородскую волость. Крестьяне снабжали заводы продуктами и дровами, выполняли различные вспомогательные работы. Дворцовые волости передавались иностранным промышленникам безвозмездно, правда, заводчики обязались продавать казне продукцию по заранее оговоренной цене. Голландцу фон Сведен в 1668 году к его суконному производству была дана на откуп Иванковская волость в Каширском уезде. Нидерландец фактически был полным хозяином волости: собирал с крестьян в свою пользу оброк, накладывал повинности. Предполагалось, что с казной заводчик будет расплачиваться произведенным сукном. Крайняя заинтересованность русских властей в успешной работе промышленных предприятий побудила правительство продолжать практику передачи иностранным заводчикам земель с православными крестьянами и во второй половине XVII столетия[27].

Среди русских городов наибольшим по численности было «немецкое» население Москвы. Старая Немецкая слобода сгорела в Смутное время. В столице после страшных пожаров 1611 года было много свободного места, и русское правительство, стараясь поскорее возродить город, поощряло заселение пустовавших дворовых мест людьми разных чинов. При этом никаких ограничений для иноземцев не предусматривалось. Исследователь Н.Г. Вершинина, используя материалы переписных книг, подробно рассматривает процесс расселения выходцев из Западной Европы в Москве XVII века. В сохранившейся части переписной книги 1620 года отмечено 47 иноземных дворов. В книге 1638 года (отсутствует опись Замоскворечья) отмечены 167 дворов, принадлежавших иноземцам, — 2,17 % от общего количества дворов в Москве. Исследователь отмечает, что «немцы» селились практически во всех районах города, особенно охотно близ Фроловских ворот и на Поганом пруде. Максимальная по численности группа из 77-ми «немецких» дворов располагалась в районе Покровки[28]. Именно для «некрещеных немец» живших в

---

[27] *Мулюкин А.С.* Очерки... С. 217—220; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 2. С. 4—12; 1665 г., декабря 25. Жалованная грамота голландцу Филимону Акеме с племянниками, на железные заводы в Малоярославском и Оболенском уездах // ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. № 9. С. 55—60.

[28] *Вершинина Н.Г.* Иноземцы и иноземные слободы в Москве XVI—XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1948. С. 207—208.

Москве, русским правительством были введены ограничения в праве выбора места жительства, приобретения недвижимости, а также праве выбора места под храмы своих конфессий.

Статья 40 главы XIX Соборного уложения 1649 года гласила: «А у кого всяких чинов русских людей дворы на Москве в Китае, и в Белом, и в Земляном городе... и тех дворов и дворовых мест немцам и немецким вдовам не покупать, и в заклад не имати. А будет кто русские люди учнут немцам и немкам дворы и дворовые места продавать, им быть от государя в опале. А на которых немецких дворах поставлены немецкие кирки, и те кирки сломать, и вперед в Китае, и в Белом, и в Земляном городе на немецких дворах киркам не быть, а быть им за городом за Земляным от церквей Божьих в дальних местах»[29]. Принятию этого закона предшествовало челобитье группы православных священников. В 1643 году «били челом государю... Михаилу Федоровичу ц. Николы Чудотворца от столпа поп Прокофей, да дьякон Марко, да от ц. Козьмы и Демьяна поп Федосей, дьякон Кирил с товарищи девяти приходских церквей». Священники жаловались, что «немцы» скупают дворы в их приходах, на тех дворах поставили свои «ропаты», а кроме того, содержат русскую прислугу и нелегально торгуют хмельными напитками. Просили государя их пожаловать: «...с тех дворов немец сослать, потому, что они те дворы купили без государева указа, а впредь в их приходах немцом дворов и дворовых мест покупать не велел, а что преж их челобитья покупали немцы дворы, и ропаты поставили, и русских людей у себя держат, о том велети указ учинить». Государь указал: «На Москве в Китае и в Белом городе и за городом в слободах, дворов и дворовых мест немцам и немкам вдовым не покупать... а ропаты, которые на немецких дворах блиско русских церквей, велети сломать». Следует отметить, что царь своим указом лишь отчасти выполнил просьбу священников. Были снесены две лютеранские церкви (на Покровке и за Фроловскими воротами) и реформатская кирха на Поганом пруду. «Немцам» запретили покупать дворы в городе, однако пожелание же «сослать немец» с уже купленных ими дворов в приходах русских церквей осталось без удовлетворения[30]. В 1649 году запрет «немцам» приобретать дворы и стоить храмы уже распространяется и на Земляной город.

Решительные меры по выселению «некрещеных немец» за черту Земляного города были приняты в 1652 году. Текст самого указа, изгоняющего из Москвы «иноверных», не сохранился. В книге Адама Олеария переселение иноземцев описано следующим образом: «Был отдан строгий приказ — кто из немцев хочет перекреститься по русскому обряду, пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота на Кокуй»[31]. Распоряжение об отводе земель под Новую иноземскую слободу (так называлось новое место жи-

---

[29] Соборное уложение... С. 103.

[30] 1643 г. Дополнительные статьи к судебнику // АИ III. № 92. С. 114—115.

[31] *Олеарий А.* Описание... С. 345.

тельства «некрещеных немец») последовало в октябре 1652 года. По известиям шведа Эберса (письмо от 30 октября), на переселение немцам было дано 8 недель сроку[32]. Создание особой слободы для «некрещеных немец» являлось логическим завершением цепи мероприятий по изоляции православного населения от «еретиков — иноверцев».

Некоторой части иностранных купцов удалось в 1652 году под разными предлогами избежать выселения из Москвы. Не желая расставаться с недвижимостью в столице, купцы явно рассчитывали переждать неблагоприятный период, надеясь, что со временем власти оставят их в покое. Однако ожидания купцов не оправдались. Шведский резидент Иоганн де Родес в своем донесении от 4 февраля 1654 года писал: «...купцам... было серьезно объявлено... чтобы они удалились из своих домов из города и поселились в поле [Немецкой слободе] под угрозой, что... они не только будут выгнаны силой, но и их товары будут конфискованы. Это очень их ошеломило»[33]. Голландский посол Якоб Борейль в своем обращении к русскому правительству так описывал изгнание из домов своих соотечественников: «В 1654 году посреде зимы, зело неудобно безо всякого малейшего известия их Высокомочных (Штатов. — *С. О.*) поданные, как злодеи и злотворители, из своих домов выгнаны и из града Москвы погонены так, что на одной стороне немалое страхование было для великие стужи, что на поле не замерзли, а з другой стороны в тож время мало не ограблены были от своих животов»[34].

Тем не менее строгие меры правительства коснулась не всех «некрещеных немец». Нескольким представителям привилегированного западноевропейского купечества было предоставлено право проживать на своих дворах в пределах Белого города. По словам шведа Кильбургера, в середине 70-х гг. в самой Москве проживало 9—10 «немецких» купеческих семейств[35]. В 1667 году в приходе «у Николы у столпа» западноевропейским купцам принадлежало 4 двора, на Покровке «у мясного ряду» 2 двора, на Поганом пруде 5 дворов и у Никитских ворот в приходе Николы в Гнездниках — 1 двор[36].

После возвращения с Архангельской ярмарки в Москву иностранные купцы регистрировались в Посольском приказе с указанием своего места жительства. Сохранились копии таких «явок» за 1671 г. — купцы Петр Деладал, Яков Фандергулст, Данила Артман и Пахомей Меллер «стали на своих дворах на Поганом пруде», амбурец Андрей Келкен «стал на своем дворе в Белом городе», на своих дво-

---

[32] *Фростен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700) // ЖМНП. № 2. СПб., 1898. С. 221.

[33] *Родес И. де.* Донесения шведского резидента... С. 237.

[34] РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1664—1665 гг. № 6. Приезд в Россию и отпуск посла Голландских Статов Якова Борела... Л. 159 об.

[35] *Кильбургер Ф.* Краткое известие о русской торговле как она производилась в 1674 г. вывозным и привозным товаром по всей России // *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 182.

[36] *Демкин А. В.* Западноевропейское купечество... С. 111.

рах в Москве стали также Андрей Бутенант и Еремей Традел[37]. Исключение также было сделано для части иностранных медиков. В 1666 году в аптекарском приказе числилось 6 иностранных докторов[38]. Лекарей и хирургов в штате состояло около десятка. Тем не менее в описи Немецкой слободы 1665 г. доктора не упоминаются вовсе, а лекарей в слободе проживало лишь 3 человека[39]. Очевидно, многие из медицинского персонала (доктора и некоторые лекари, главной обязанностью которых было оберегание здоровья государя и его семьи) проживали в самой Москве и в случае необходимости незамедлительно могли прибыть к своим пациентам. Причем иностранные медики могли получать дворы в пределах Белого города и за казенный счет. Лекарь Симон Зомер в 1663 году пожаловался, «что работает он в Аптекарском приказе всякие лекарские дела... а дворишко его далече Немецкой слободе». Лекарь «приискал» себе двор гостя Петра Облезова между Тверской и Дмитровкой, и «государь пожаловал... велел дать гостя Петров двор безденежно, да на дворовое строение тысячю рублев»[40].

Ограничив право «некрещеных немец» проживать в черте Москвы на собственных дворах, русские власти гораздо терпимее относились к «немцам», квартирующим у русских хозяев. Иноземцам, находившимся на государевой службе в Москве и не имевших собственных дворов, места для постоя могли отводиться и в пределах Земляного города. Так, например, в 1661 году полку Крафуирда, среди офицеров которого было немало иноземцев, в том числе и Патрик Гордон, были отведены квартиры в Огородниках в домах русских горожан и купцов. (Огородники находились в черте Земляного города у церкви Харитония в Огородниках — район современных Большого и Малого Харитоньевских переулков.) Несколько позже Гордон был переведен на квартиру в Гончарной слободе (район Гончарных переулков близ Таганки), также в черте Земляного города[41]. Парусных дел мастер голландец Стрюйс (Стрейс) в 1669 году также квартировал в Москве у русского хозяина[42]. Практиковался и вольный найм жилья иноземцев у русских хозяев. Рейтенфельс давал совет католическим миссионерам: чтобы остаться незамеченными, поселиться недалеко от царского двора у русского хозяина[43]. В 1683 году голландец Ананий Ананьев Дикенсон, приведенный в Стрелецкий приказ по «убийственному делу», в «роспросе» говорил, что пять лет «на Москве стоял по разным дворам ис постоялого, а ныне он Ананья стоит меж

---

[37] РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1671 г. № 8. Книга, содержащая в себе челобитные голландских и амбургских купцов... Л. 129 об. — 146 об.

[38] 1666 г., декабря 7. Выписка об окладах иноземных докторов // Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 326—327.

[39] Переписная книга Новой Немецкой слободы 1665 г. С. 231—238.

[40] Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 255—259.

[41] *Гордон П.* Дневник Патрика Гордона // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1892. С. 10, 12; *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. М., 1950. С. 161.

[42] *Стрюйс Я.* Путешествие по России голландца Стрюйса // Русский архив. Кн. 1. М., 1880. С. 59.

[43] *Пирлинг П.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. М., 1913. С. 17.

Мясницких и Покровских ворот у Белого города на дворе околничего Венедихта Андреевича Змеова ис постоялого ж»[44].

Осенью 1652 года по настоянию патриарха иноверцам было запрещено ношение русского платья. В изложении Олеария, поводом для запрета послужил случай. Патриарх Никон заметил, что некоторые люди, наблюдавшие за крестным ходом, не кланяются и не совершают крестного знамения. Узнав, что это иноземцы, Никон добился указа, предписывающего им ношение только «немецкого» платья[45]. О мерах по контролю за соблюдением этого закона нам известно из донесений шведа Эберса. «Все немцы должны ходить в немецком платье, кто явится в русском, подвергнется наказанию. Когда встречают немца, одетого по-русски, его тащат в приказ и там наказывают кнутом»[46].

Фактически ни один из запретов не соблюдался абсолютно. Помимо нарушений «де факто», иноземцам удавалось значительно смягчить жесткость запретов за счет разного рода исключений и послаблений. Кроме того, складывалась парадоксальная ситуация, когда запреты сосуществовали с законами, прямо им противоречившими по духу. Всячески препятствуя установлению личной зависимости православных от «иноверных» (крестьяне, холопы, прислуга, наемные рабочие), власти сами передавали русских должников «в зажив головою до искупу» их иностранным кредиторам[47]. Изъяв у «немец» поместья и вотчины с крестьянами, власти оставляли в полном распоряжении иноземных заводчиков приписанные к их предприятиям земли с проживавшим на них православным населением.

Рассматривая ограничения и запреты, вводимые для иноверцев русским правительством, нельзя не отметить их типологического сходства с политикой, проводимой властями ряда стран Западной Европы в отношении евреев в период средневековья. Очевидны общие формы проявления религиозной нетерпимости по отношению к чужакам — иноверцам. Иудеям, как и «немцам» в России XVII века, предписывалось ношение особого платья или отличительного знака на одежде. Законы подобного рода вводились во многих европейских странах в Средние века, а в Священной римской империи запрет существовал до 1634 года. Запрет евреям держать слуг-христиан был принят постановлением Венского собора 1267 года, тогда же было запрещено врачам-иудеям лечить больных христиан. Совместное проживание и постоянные контакты евреев с христианами признавались нежелательными, а соседство синагоги и христианского храма недопустимым. В ряде стран иудейское население выселялось в городах в особые кварталы (гетто). Од-

---

[44] РГАДА. Ф. 159. ПДНР. Оп. 2. 1693. № 4481. Судное дело об убийстве голландским купцом Ананием Ананьевым Дикенсоном человека стольника Богдана Иванова Помазкина, Юрия Иванова. Л. 3.

[45] *Олеарий А.* Описание... С. 177—178.

[46] *Фростен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700). С. 221.

[47] ПСЗРИ. Т. 1. № 579. С. 982.

ним из последних принудительно созданных стало возникшее по булле папы Павла IV Римское гетто[48]. С 1652 года местом жительства московских «некрещеных немец» стал Кукуй.

[48] См.: *Поляков Л.* История антисемитизма. М., 2003; Еврейская энциклопедия. СПб., 1908. Т. 1. С. 314—315, 322; Т. 6. СПб., 1910. С. 450—451.

Э. И. Амерханова (Казань)

Служилые новокрещены Казани в XVII в.

Социальная стратификация в Московском государстве XVII в. была оформлена нормами Соборного уложения. Разделение на чины определялось родовитостью служилых людей, различными службами и вла-дельческими правами на вотчины и поместья. Однако не всегда положение родовитого землевладельца обозначало принадлежность к чинам думным, выборным или городовым. В Среднем Поволжье после завоевания Казанского и Астраханских ханств давно существовавшая родовая знать стала новым чужеродным компонентом среди, во многом ордынской по происхождению, русской служилой корпорации. В историографии выработка разных способов социальной интеграции знати Казанского ханства давно рассматривается как один из важнейших факторов «замирения» территории Среднего Поволжья и укрепления здесь институтов царской власти. Превращение верхушки коренных народностей этого региона в служилых людей Московского государства происходило в несколько этапов. На начальном этапе насильственное крещение становилось условием сохранения статуса, далее, с усилением протеста, вырабатывались иные подходы, касавшиеся землевладения, служб и распоряжения крепостными людьми. Сложная источниковая основа исследований данного региона XVI—XVII вв. не позволяет определить, какое количество родов казанской знати предпочло остаться приверженцами ислама и сколько стремилось сохранить свое положение и принять христианство сразу после 1552 г. Становясь служилыми новокрещенами, эти представители знати Казанского ханства сохраняли такое обозначение и для следующих поколений, следовательно, этот термин обозначал один из чинов служилых людей.

При обозначении служилых новокрещен присутствует отказ от этнической принадлежности в пользу религиозной. Так, в этом случае невозможно с точностью установить, к какой народности принадлежит новокрещен. Хотя для татар сохранение языково-этничной идентичности происходило через сохранение имен и фамильных прозваний, родовых признаков и земельных владений.

Численность служилых новокрещен на протяжении XVII в. изменялась очень существенно. Материалами для подсчетов служат следующие источники: писцовые описания Ивана Болтина 1602—1603 гг., Семена Волынского 1647—1656 гг., сметные списки 1661—1663 гг., список 1675/76 г., материалы разбора 1700 г. и более ранних разборов, сохранившихся лишь в виде выписей из десятен.

В начале XVII в. писцовое описание специально было организовано только для особых категорий служилых людей: «за служилыми за князьями, за новокрещены,

и за мурзами, и за татары в поместьях, а владеют по государевым грамотам и по выписям с казанских дач...»[1].

Основная масса новокрещен была испомещена по Зюрейской и Арской дорогам (19 из 24 поселений), т. е. в районах наиболее упорного сопротивления в период завоевания Казанского ханства. Через замену прежней знати местными феодалами, проявившими лояльность московскому правительству, определялась политика в отношении местных элит.

По подсчетам на 1602—1603 гг. выявлено 106 имен служилых новокрещен и 39 имен, определяемых по контексту источника либо как новокрещен с земельными владениями, либо как служилых людей с христианскими именами и фамильными прозваниями. Таким образом, общее число в 145 новокрещен на начало века к его середине значительно уменьшилось: по писцовому описанию Семена Волынского выявлено 70 имен новокрещен с земельными владениями.

В ст. 44 гл. XVI Соборного Уложения землевладение служилых новокрещен четко отделялось от поместий и вотчин некрещеных служилых людей, так же как и от землевладения русских служилых людей. Создание особой границы в определении этой категории было отражением сложившейся на тот период нормы обычного права, потребовавшей изменений уже через три года, когда вышел указ о разрешении служилым новокрещенам и русским людям равного обмена поместных земель.

Новый этап в законодательстве российского государства, начавшийся в последней четверти XVII в., отразил и другие подходы к решению статуса рассматриваемой сословной группы. В середине 70-х гг. XVII в. произошел возврат к нормам Соборного Уложения. Новокрещены в 1675 г. потеряли право свободного распоряжения своими земельными владениями[2]. В этом же году подтверждалось изъятие поместий и вотчин у некрещенных служилых людей и отдачи этих владений новокрещенам[3].

В 1681 г. был обнародован именной указ, названный в том же Полном собрании законов «Об отписании на великого государя у мурз и татар низовых городов (кроме тех, кто захочет креститься в православную веру) поместий и вотчин»[4].

Очень быстро последовавшая отмена в 1682 г. этих нововведенных ограничений произошла, вероятно, в результате непродуманности политики, что привело к недовольству рассматриваемой социальной группы. Не последнюю роль сыграло, вероятно, начавшееся в 1682 г. восстание в Приуралье и Поволжье (так называемое башкирское восстание). К нему могли присоединиться и нерусские служилые люди понизовых городов, которые представляли из себя значительные военные силы. Однако далее, в 80-е гг. XVII в., правительство неоднократно подчеркивало

---

[1] Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов: Публикация текста / Сост. Р. Н. Степанов; Под ред. И. П. Ермолаева, М. А. Усманова. Казань, 1978. С. 32.

[2] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. № 606.

[3] Там же. № 616.

[4] Там же. Т. 2. № 867.

заинтересованность в пополнении этой социальной группы, сохранявшей в своем названии напоминание о прежней конфессиональной принадлежности[5].

В начале 60-х гг. были составлены сметные списки, в которых указывается, что служилых новокрещенов по Казани числилось 337 человек, служилых мурз и татар — 779 человек. «Служат те новокрещены, и мурзы, и татаровя с поместей, а для отъезжающих служеб дают им поденной корм: 1 статье по 4 деньги, 2 статье по полу-4 деньги, 3 статье 3 деньги на день человеку...»[6]. К сожалению, в источниках встречаются лишь упоминания о разделении этой служилой группы по статьям, вследствие чего в отношении данной группы главным определяющим условием положения служилого новокрещена, татарина или мурзы является его поместный оклад. Некоторые исследователи, как уже говорилось, считают эту сословную группу составной частью служилых людей «по прибору», которые испомещались в окраинных уездах страны и верстались так же, как и служилые люди «по отечеству». Но, в отличие от служилых людей «по отечеству», приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами (цитирую А. А. Новосельского)[7], что нельзя отнести к служилым новокрещенам, испомещавшимся только в индивидуальном порядке. Об этом свидетельствует постоянное присутствие в царских наказах воеводам указание проверить «и казанцом дворяном и детем боярским, и литве, и немцом, и черкасом, и всяким иноземцом, и новокрещеном, и князем, и мурзам, и татаром десятни...»[8]. К сожалению, до нас дошли всего две выписи из десятен, касавшихся служилых новокрещен. Так, Константин Тявкелев (свияженин) в 1675/76 (7184) г. был поверстан «из новокрещенского списку по иноземскому» с окладом «300 чети, денег 10 рублей»[9]. Насколько распространенным было такое явление, трудно определить.

Для этой сословной группы существовал еще один — территориальный — принцип испомещения служилых людей. Разделение Казанского уезда на административно-территориальные единицы — дороги — обусловило причисление каждого служилого новокрещена к той дороге, в рамках которой находилось его поместье или вотчина. На этой основе формировались подразделения дворянского ополчения, что еще более подчеркивало милиционную систему его комплектования. Вероятно, в этом нашел свое отражение и сложившийся с еще более раннего времени порядок заселения и службы татарского населения и других народностей средневолжского региона. Среди источников, в которых сохранилась перечневая роспись представителей этой сословной группы, наиболее полным, кроме писцового описания Семена Волынского, является роспись посланных на службу в

---

[5] ПСЗ. Т. 2. № 1009; № 1179; № 1287 и др.

[6] *Веселовский С. Б.* Сметы военных сил московского государства 1661—1663 гг. // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1911. Кн. 3. С. 1—60.

[7] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1956.

[8] *Димитриев В. Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР: Сб. ст. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 284—419.

[9] ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 4008.

1675/76 г. в Путивль в полк стольника и воеводы кн. В. В. Голицына служилых новокрещен[10]. К сожалению, до нас дошло лишь перечисление их 46 фамилий и имен с указанием, к какой дороге каждый из них относится, без приведения более подробных сведений.

К последней четверти XVII в. относятся свидетельства о включении служилых новокрещен не только в дворовый список служилого города, но и в выборный. Редчайшее свидетельство о таком повышении казанского новокрещена сохранилось в челобитной сыновей Петра Степановича Асанова от 1685 г.[11] Послужной список Асанова является почти единственным свидетельством карьеры служилого новокрещена. Будучи казанским новокрещеном, Асанов в 1671 г. «посылан ис Казани сотенным головою... над воровскими казаки промыслы чинить, ...явственно убил 6 человек», за что получил придачи «помесного 100 чети, денег 10 рублев». В 1675 году «посылан ис Казани в сотне казанца Андреяна Нарманского за Каму реку... против воровских казаков». В этом бою у него было убито два дворовых человека, за что Асанов получил придачи «поименной 40 чети, денег 9 рублев», и отдельно за то, что был «ранен в ногу тяжелою раною», поместной придачи 100 чети, и денег 5 рублей. За эти службы Асанов переведен в 1676 году «в прежнем ево окладе из городовых по дворовому списку». Оклад его в это время составлял 350 четвертей, денег 12 рублей, то есть денежные «четвертные» придачи были, вероятно, единовременными. Параллельно Асанов, так же как и остальные казанцы, дважды получал придачи к окладу «за объявление блаженные памяти царевича Алексея Алексеевича» в 1668 году и «за объявление великого государя Федора Алексеевича» в 1675 году по 70 четвертей поместного оклада и денег 6 рублей. Вероятно, по челобитью самого Асанова, в 1685 году «по грамоте великих государей» он достиг для служилого новокрещена значительного положения, так как «за те вышеписанные службы и за рану велено написать из дворовых по выбору».

В законодательстве также находим подтверждение возможности таких повышений: «служилых… иноземцов, мурз, новокрещенов и татар, записанных в городовой, дворовый и выборный список, ведать в Разрядном приказе»[12]. Перечисление служилых новокрещен среди других особых категорий служилых людей традиционно повторялось в качестве почти устоявшегося формуляра, но это отнюдь не характеризует их равенство в положении.

Анализ служб казанцев позволяет выявить еще одну особенность переходного статуса служилых новокрещен. Для них, в отличие от русских служилых людей, было несвойственно несение служб административного характера, следовательно, все их надежды на повышение земельного и денежного оклада были связаны с военными службами. Такое ограничение возможностей было не случайным и диктовалось иной этнической принадлежностью, несмотря на религиозный выбор, сделанный предками новокрещен. Выполнение административных служб ограни-

---

[10] ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 1295/10.

[11] Там же. Ед. хр. 1303/2.

[12] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. № 768.

чивалось воеводой и, вероятно, служилой корпорацией в виду доходности этих назначений.

Изучение сказок казанских служилых людей, поданных на разбор кн. Н. И. Репнина в 1700 г.[13], позволило восстановить завершающий этап существования этой сословной группы в составе служилого города Казани. По материалам разбора выявлено всего 9 имен служилых новокрещен.

Эволюция статуса служилых новокрещен завершилась в начале XVIII в., когда они вошли в состав созданного Петром I шляхетского сословия, в отличие от других категорий служилых людей коренных народностей Поволжья. Таким образом, статус служилого новокрещена стал единственным приемлемым в регулярном государстве уровнем социальной интеграции местных элит в общероссийское дворянство. Однако еще в конце XVIII в. особое происхождение этой категории сохранилось в обозначении «старокрещены», но, так как оно не было официально оформленным, других отличий от русского дворянства потомки новокрещен не имели.

---

[13] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 5039. Л. 1—58.

В. А. Аракчеев (Псков)

Государевы посланники и их деятельность в 60—80-х гг. XVI в.

Деятельность государевых посланников — важнейшего сыскного и фискального института второй половины XVI в. — исследовали Н. С. Чаев, В. И. Корецкий, Б. Н. Флоря[1]. Основываясь на источниках 1581—1584 гг., относящихся к Поморью, названные исследователи по разному определяли компетенцию и функции посланников. Изучив деятельность посланников в монастырских вотчинах Поморья в 1584—85 гг., Чаев пришел к выводу о том, что посланники осуществляли комплексные мероприятия по реализации постановлений соборов 1580 и 1584 гг. Первоочередной задачей посланников был сбор недоимок по выплатам сошных налогов и таможенных пошлин. Кроме того, посланники осуществляли «обыск» черносошных земель, перешедших в руки монастырей, и бывших земских тяглецов, заложившихся за монастыри. Закладчиков надлежало свозить на тяглые места, а ответственность за исправную выплату ими налогов возлагать на волостных крестьян[2]. В. И. Корецкий, вопреки мнению Чаева, полагал, что деятельность посланников носила ограниченный характер и была «частью широких правительственных мероприятий по борьбе с закладничеством как средством избежания государственного тягла»[3]. Б. Н. Флоря также определил посланников как чрезвычайных фискальных агентов правительства, которые облагали местное население экстраординарными налогами и собирали их[4].

В настоящей статье мы ставим своей целью систематически рассмотреть все упоминания посланников в актах 1560—1580-х гг. и проанализировать основные направления их деятельности. Доказательность выводов в таком исследовании напрямую зависит от полноты источниковой базы: необходимо опираться по возможности на все упоминания этих агентов государственного управления. Именно такой методики придерживался в своих трудах по истории Русского средневекового государства Л. В. Черепнин. Источники о деятельности посланников можно подразделить на две группы: акты, в которых посланники лишь упоминаются наряду с другими чиновниками, и акты делопроизводства самих посланников.

---

[1] *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // ИЗ. Т. 6. М., 1940. С. 152—156; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 95, 110; *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121—124.

[2] *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян... С. 152—156.

[3] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян... С. 95, 110.

[4] *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет» в России. С. 121—124.

Начнем исследование с источников первой группы. Впервые посланники как агенты центрального правительства на местах упоминаются в приговоре о разбойных делах от 18 января 1555 г. В ст. 9 приговора описывается ситуация, когда дети боярские и крестьяне «...грамот великого князя не слушают, и которых посланников посылает государь с Москвы, и к тем посланником к обыском не ездят же...»[5]. Преемственность посланников, упомянутых в приговоре 1555 г., и одноименных чиновников, упоминаемых в позднейших по времени источниках, не очевидна. Полагаем, что между этими понятиями существовала разница, обусловливаемая разной емкостью терминов. В то же время изучение опубликованных актов показывает, что институт государевых посланников возник значительно раньше 1580-х годов, а действовали посланники не только на территории черносошных земель Севера России. В ходе исследования актов Симонова, Новодевичьего, Суздальского Спасо-Евфимьева, Соловецкого, Кирилло-Белозерского монастырей удалось выявить более 30 документов, содержащих упоминания посланников. В актах Симонова монастыря посланники впервые упомянуты в жалованной грамоте от 1 августа 1565 г. в контексте с гонцами: «...и гонцом нашим и всяким посланником подвод не дают». Можно было бы заключить, что в данном случае под посланниками подразумеваются послы в иностранные государства. Первое несомненное упоминание посланников как фискальных агентов содержится в тексте указной грамоты в Соль Галицкую от 14 февраля 1567 г. Грамоту, подписанную дьяком Андреем Васильевым, предписывалось держать «иных для наших посланников и таможников»[6].

В указной грамоте выборному старосте и целовальникам Московского уезда 1569 г. содержится запрет собирать налоги в земщину с владений Симонова монастыря, а саму грамоту предписано хранить «для иных наших земских денежных зборов и всяких посланников». В грамотах 1577 г. в Бежецкий Верх и Юрьевский уезд посланники упоминаются в контексте с городовыми приказчиками, которые взимали ямские деньги и прочие подати. Наконец, в жалованной грамоте 1584 г. на монастырские вотчины в 18-ти уездах Замосковного края, подписанной дворовым дьяком Андреем Арцыбашевым, возглавлявшим Большой приход, царь обязывался «посланников своих в тое их монастырскую вотчину для своих всяких податей не посылать»[7].

Таким образом, акты Симонова монастыря, относящиеся к опричной территории, содержали запретительные формулы, обращенные к земским властям сопредельных земель, лежавших чересполосно с опричными. К земщине же относится царская грамота от 26 июня 1569 г., подписанная земским дьяком Ю. Сидоровым, адресованая земским старостам Заклинской засады Псковской земли. В грамоте предписывалось отделить земли Никольского монастыря в податном отношении

---

[5] ЗАРГ. № 6. С. 34.

[6] АФЗХ АМСМ. № 147. С. 178; № 157. С. 204.

[7] Там же. № 176. С. 225; № 178. С. 227; № 190. С. 237; № 191. С. 238; № 192. С. 239; № 199. С. 245; *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Юрьев, 1897. № 20. С. 18.

от других владений. Акт предназначался для предъявления «прежним государевым посланником для государевых податей», когда «государевы посланники в ту засаду поедут по нашим наказом государевых данных денег и посошных людей правити»[8].

В жалованных грамотах Новодевичьему монастырю посланники упоминаются в период с 1571 по 1613 г. Причем уже первое упоминание 1571 г. определенно не относится к российским послам или послам из иностранных государств. Одна из формул грамоты посвящена невзиманию с монастырских вотчин великокняжеских и «посолских кормов», а в следующем обороте говорится о том, что «наши князи и бояре и воеводи ратные и посланники и всякие ездоки в их селех и деревнях ни у кого сильно не ставятца...». В этом контексте деятельность посланников определенно связана с обеспечением нужд обороны страны. В дальнейшем эта норма повторена в жалованных грамотах 1573, 1575, 1599 гг. и начала XVII в.[9] Посланники в числе других государственных чиновников — городовых приказчиков и мытчиков — упоминаются в указных грамотах наместникам и городовым приказчикам 1575—1582 гг., а также в жалованных грамотах 1576 и 1580 г. Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю[10].

Очевидно, что во второй половине 60-х гг. XVI в. (первое бесспорное упоминание — 1567 г.) в фискальной номенклатуре Русского государства появляется новое должностное лицо — посланник. Происхождение термина «посланник», видимо, связано с профессиональной деятельностью этих чиновников — сбором податей на чрезвычайные расходы, в первую очередь на нужды обороны на местах, куда их посылали из столицы.

Сфера деятельности посланников хорошо видна из делопроизводственных материалов Соловецкого монастыря, в актах которого посланники упоминаются начиная с 1573 г. Источники отмечают такую важнейшую функцию посланников, как набор посошных людей для армии. Посоху или деньги на посоху в вотчинах Соловецкого монастыря собирали следующие посланники: А. Г. Квашнин в 1573 г., Д. И. Мосальский в 1570-е гг., некий Михаил Иванович в 1578 г., В. Т. Евлашков в 1579 г., И. В. Сомов в 1582 г.[11] Однако основным родом деятельности посланников был государственный фиск. В 1574 г. посланник Г. Секирин собирал деньги на полоняничный откуп. В 1578 г. посланник некий Андрей Иванович разбирал тяжбу по выплатам налогов между жителями Неноксы и старцами Антониева Сийского монастыря[12].

---

[8] Труды Псковского археологического общества. 1909—1910. Вып. 6. Псков, 1910. С. 42—43.

[9] АРГА ММС. М., 1998. № 128. С. 307; № 131. С. 319; № 135. С. 328; № 141. С. 343; № 146. С. 393.

[10] *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения... № 23. С. 22; № 26. С. 26; № 28. С. 29; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998. № 194. С. 362; № 212. С. 389.

[11] АСЭИСР. № 491. С. 33; № 591. С. 80; № 651. С. 105; № 700. С. 130; № 814. С. 184.

[12] Там же. № 541. С. 55; № 665. С. 114.

В 1580 г. посланник С. И. Фролов собирал налоги «в государеву денежную службу за плавные люди». В 1581 г. посланник И. В. Титов также собирал «государевы деньги за плавных людей». Кроме того, сохранились сведения об экстраординарных сборах 1582 и 1583 г., когда с Двинского уезда были взяты «государевы деньги» в размере двух и четырех тысяч рублей. В Неноксе и Лудской волости эту важнейшую акцию осуществляли государевы посланники С. Фролов в 1582 г. и З. Шестаков в 1583 г. В некоторых случаях посланников подменяли государевы дьяки. Так, в декабре 1580 г. полоняничные деньги с жителей Сумской волости взимали государевы дьяки И. Осеев и Т. Репьев[13]. Посланники выполняли и разного рода чрезвычайные поручения. Указная грамота Ивана IV 1583 г. о запрещении использовать на строительстве Кольского острога крестьян соловецкой вотчины предназначалась для уведомления «приказных людей и посланников»[14].

Персональный состав посланников характеризуется отсутствием среди них представителей высших чинов Государева двора. Лишь Афиноген Гаврилов сын Квашнин входил в состав выбора по Дорогобужу и, соответственно, боярского списка 1588—1589 гг. и списка выборных дворян начала 1590-х гг.[15] Другие же посланники отсутствуют в реестрах служилых людей своего времени и были, видимо, чиновниками низшего звена, что не удивительно, поскольку посланники командировались в большинство уездов страны, и каждый раз было задействовано немало чиновников этого ранга.

Вторую группу источников составляют документы земских миров, касающиеся деятельности посланников, и акты делопроизводства самих посланников. 28 и 29 декабря 1584 г. датированы отписи сотников двух тяглых общин Двинской земли, в которых упоминаются мирские расходы на прием посланников: «...что приежжал на Колмогоры государьской посланник Дементьян, обыскивали про обельные про манастыри, и про немцы аглинские, и про Ивана Белоборода, да что послали к тому ж земскому обыску земских людей с сотниками, и священника, и дьяка земского»[16]. Н. С. Чаеву удалось отыскать в собрании Белозерских актов Археографической комиссии четыре документа, которые он определил как фрагменты делопроизводства, ведшегося одним из посланников, возможно, Тимофеем Шокуровым или Дементием Яковлевым[17]. Эти уникальные источники дают возможность предметно описать положение вещей, с которым сталкивались посланники на местах, и условия, в которых проходила их деятельность[18].

---

[13] АСЭИСР. № 727, 728. С. 143; № 756. С. 156; № 786, 787. С. 171; № 856. С. 206—207.

[14] Там же. № 881. С. 220.

[15] *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 247, 353.

[16] РИБ. Т. 25. СПб., 1908. Приложение. Акты Лодомской церкви. Стлб. 103—105.

[17] *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян... С. 153—154.

[18] *Аракчеев В. А.* Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в XVI — начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. № 2, 3, 4, 5. С. 66—69.

В обыскных речах жителей Неноксы детально охарактеризована чрезвычайно запутанная ситуация с выплатой налогов, сложившаяся на соляных промыслах Поморья. Недовольство черной общины вызывала усиливавшаяся экспансия Кирилло-Белозерского монастыря и вологодских купцов Кобелевых. Так, еще в 1578 г. один из лучших людей посада Неноксы продал свой двор и соляную варницу Кирилловскому монастырю, но при этом по сошному письму двор продолжал числиться на черном тяглом месте. С 1581 г. кирилловские старцы начали скупку вновь разрабатываемых варниц, стоявших на государевой земле, черных тяглых дворов и амбаров. Посажане Неноксы были озабочены не столько самим фактом покупки тяглых мест, сколько тем, что дворы и угодья не были выделены из черных земель в особый податной округ.

«А от нас, государь, те их монастырские и Федора Кобелева черные промыслы изс тягла из черных сох не выведены, и не отставлены, и мы, государь, черные тяглые отсталые людишка с тех промыслов в государевых податех в земских розметех в конец загибли, платячи за тех силных людей, за монастыри...» Поскольку перешедшие в монастырь промысловые угодья находились в одном податном округе (в одной «кости») с черными и на них не распространялись иммунитетные привилегии, монастырские власти были обязаны участвовать в волостном разрубе по выплатам налогов. Однако, к вящему недовольству ненокшан, старцы с ними «на счет... не садилися в своих черных промыслех» и за 1582—1584 гг. не доплатили в волостной разруб более 150 рублей[19].

Столь запутанная ситуация была прямым следствием непоследовательной политики Ивана IV по отношению к монастырям. С одной стороны, произносились громогласные декларации со ссылкой на опыт реформации в Англии[20], с другой стороны, Грозный давал в монастыри щедрые вклады, в том числе и земельные. Отсутствие государственной воли рельефно проявлялось в продолжающемся существовании монастырских тарханов и неурегулированности податных отношений между монастырями и черносошными тяглыми общинами.

Правительство Федора Ивановича в стремлении наполнить бюджет и упорядочить сбор промысловых и прямых налогов провело церковный собор 1584 г. Важнейшие решения собора содержались в статьях приговора об отмене тарханов и запрете держать тяглых людей в качестве закладчиков в монастырских вотчинах. Закладничество подлежало безусловной ликвидации: «А митрополиту, и владыкам, и монастырем земель не покупати и закладней не держати. А хто после сего уложенья купит землю в которой монастырь, или закладня учнет за собою которой монастырь держати, и те земли имати на государя безденежно. А которые ныне закладни за митрополитом, и за владыками, и за монастыри, и те земли поимати на государя; а в денгах ведает Бог да государь, как своих богомолцов пожалует»[21]. Кроме того, июльское уложение предписывало выделить земли монастырей-тар-

---

[19] *Аракчеев В. А.* Из истории закрепощения в России... № 3. С. 67—68.

[20] *Горсей Джером.* Записки о России. XVI— начало XVII в. М., 1990. С. 65.

[21] ЗАРГ. Тексты. № 43. С. 61—62.

ханщиков в особые податные округа, отделенные от черных земель[22]. Отчаявшись бороться с закладничеством с помощью местных властей, правительство использует для этой цели специально командированных из центра агентов — посланников.

Таким образом, после кончины Ивана IV институт посланников не только сохранился; его компетенция была существенно расширена. Посланники упоминаются в жалованных грамотах, выданных правительством Федора Ивановича в июне-октябре 1584 г. Симонову и Кирилло-Белозерскому монастырям[23]. Особенно интересна для нас указная грамота городовому приказчику на Белоозеро от 11 октября 1584 г., в которой подтверждалось право Кириллова монастыря платить все причитающиеся с крестьян подати непосредственно в Москве. В перечне чиновников, занимавшихся сбором налогов и «въезжавших» с этой целью в монастырскую вотчину, первую позицию занимают посланники: «в их монастырскую вотчину нашим посланником и розсылщиком и губным старостам и городовым приказщиком для наших денежных доходов не въезжати». В грамоте описана ситуация августа-сентября 1584 г., когда во исполнение решений церковного собора «наши посланники по всем городом в их кириловскую вотчину учали въезжати, и к денежным збором и к тамгам учали кириловских крестьян выбирати»[24].

Реконструировать деятельность чрезвычайного сыскного института возможно по выписи из наказа, адресованного одному из посланников, действовавших в Поморье зимой 1584—1585 гг.[25] Перед посланниками стояли следующие основные задачи. 1. Посланник был обязан «обыскать», сколько черных земель, и в том числе промысловых угодий, на Двине перешло в руки монастырей. 2. Необходимо было выяснить, кто из тяглых людей и как давно передал монастырю черные земли и угодья. 3. Следовало исчислить размер податей, взимавшихся с утраченных черных земель. 4. Необходимо было выяснить количество закладчиков за каждым монастырем и размер выплачивавшихся этими закладчиками податей. 5. Сыску подлежали и соляные промыслы: варницы, числившиеся за монастырем, а также вид и размер налоговых поступлений в казну с каждой варницы. 6. Следовало выяснить, платят ли монастыри подати с земскими людьми по сошному письму и помогают ли они двинянам в других земских повинностях. 7. Конечным результатом сыскной деятельности посланника было определение размера налогов, не платившихся ежегодно каждым монастырем с бывших черных земель, и таким образом надлежало определить, как много тяглые общины переплатили в казну за утраченные ими земли.

Как можно судить из данного перечня, правительство было в наибольшей мере озабочено неравномерностью в распределении податных обязанностей между тяглыми общинами и монастырями. Купив или получив в результате заклада черные угодья и варницы, монастырские власти безосновательно распространяли на эти

---

[22] *Петров В. А.* Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 191—201.

[23] АФЗХ АМСМ. № 199. С. 245; Приложение. № 1.

[24] *Аракчеев В. А.* Из истории закрепощения в России... № 1. С. 65—66.

[25] Там же. № 2. С. 66—67.

земли свои иммунитетные привилегии, и прежде всего основную — возможность платить налоги самостоятельно в Москве, не участвуя в волостных разрубах. Тяглые же общины, вынужденные платить сошные налоги в полном объеме по составленным ранее платежницам, были не в состоянии привлечь старцев к участию в волостной раскладке. Опираясь на царские жалованные грамоты, монастырские власти не пускали в свои вотчины не только городовых приказчиков, но и посланников. Разрешить эту запутанную ситуацию было возможно, лишь наделив посланников чрезвычайными полномочиями по проверке владельческих прав и податной исправности тех монастырских владений, которые входили в состав земских податных округов.

Так институт посланников превратился в ключевую структуру государственного аппарата 1580-х гг. О результативности работы посланников можно судить по двум документам, датируемым 7 и 8 января 1585 г. Отпись в получении денег с Антониева Сийского монастыря свидетельствует, что посланник Тимофей Шокуров, руководствуясь наказом и росписью за приписью дьяка Андрея Щелкалова, в начале января 1585 г. «доправил» на монастырских властях государевы подати с промыслов и угодий. Одновременно шел сыск и вывоз на тяглые места закладчиков. С земских людей посланник брал поручные записи, в которых становые люди ручались, что бывший закладчик будет жить «на государеве земли на тяглом месте» и платить подати «с становыми людми ровно»[26].

Полномочия посланников по проверке владельческих прав естественно усложняли их функции, и от времени начала царствования Федора Ивановича до нас дошли сведения о разборе посланниками земельных споров. Давно введено в научный оборот судное дело 1584 г. рязанского вотчинника Тимофея Шиловского с дьяком Андреем Щепединовым, в котором исследователей интересовало упоминание «уложения» Ивана IV[27]. Для нас данный документ интересен в первую очередь потому, что в нем описана деятельность посланников: «Да шлюсь, государь, из виноватых в виденье на твоих государевых розсыльщиков, в город Переславль на Федора на Сухоткина, да на Ивана на Омельянова, и на твоих государевых пушкарей на Ивана на Долгово, да на Ивана на Чейкина, да на затинщика на Леву, и на их товарищев, которые с ними ездили, в том, что он ныне, государь, с твоим государевым посланником с Ываном Скрипицыным да с Родионовым человеком Петрова сына Безнина с Васильем Дубневым, а назывались твоим государевым посланником, ко мне в вотчину в село Шилово с понятыми с владычными крестьяны из деревни из Костянтинова Степаном с Окуловым и его товарыщи, и ездили в вотчину в село Шилово; изымав, сковали и сковав меня, Тимошку, вели к Москве»[28].

---

[26] *Аракчеев В. А.* Из истории закрепощения в России… № 4, 5. С. 68—69.

[27] *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 39; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 304; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян… С. 101.

[28] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. А. И. Юшков. М., 1898. С. 206.

Насколько видно из материалов судного дела, посланник И. Скрипицын в сопровождении группы служилых людей по прибору из Переяславля Рязанского, холопа Р.П. Безнина и понятых из архиепископских крестьян арестовали Т. Шиловского в селе Шилово, которое он считал своим и не покидал. Возможно, посланник Скрипицын и превысил свои полномочия, стремясь услужить могущественному царскому дьяку Шерефединову, но для нас важно подчеркнуть другое обстоятельство. В 1584 г. посланники хорошо известны на частновладельческих землях Рязанской земли, они действуют, опираясь на отряд местных служилых людей, прикомандированных к ним и беспрекословно выполняющих их указания. По всей видимости, нет оснований считать, что деятельность посланников была направлена исключительно на выполнение постановлений земско-церковных соборов 1580 и 1584 гг. и проходила преимущественно на монастырских и черносошных землях Севера. Посланники «строили» волости и посады Поморья, осуществляли сбор налогов и сыск закладчиков в замосковных вотчинах крупнейших монастырей, представляли интересы государства в земельных спорах. Именно посланники в 1570—1580-х гг. были призваны сократить ущерб, наносимый государственному фиску бегством и закладничеством тяглого населения.

Важнейший вопрос при анализе деятельности посланников состоит в решении проблемы их места в государственной иерархии. Каким учреждениям подчинялись посланники, кто составлял наказы для них и направлял их в те или иные уезды? В документах, связанных с деятельностью посланников, упоминаются известные приказные деятели того времени, среди которых особый интерес представляют Андрей Васильев, Юрий Сидоров, Парфентий Родионов, Андрей и Василий Щелкаловы. Ведомству Андрея Щелкалова подчинялся посланник Шокуров, который руководствовался наказом и росписью, заверенными самим дьяком. Другие дьяки лишь упомянуты в цитированных нами актах. Юрий Сидоров после учреждения опричнины остался земским дьяком; в земщине же, в приказе Большого прихода служил в 1569 г. Парфентий Родионов.

Трое из упомянутых дьяков управляли четвертями; возникшая после учреждения опричнины Земская четверть находилась в ведении дьяка Посольского приказа Андрея Васильева (1567—1570 гг.). После казни Васильева по «Новгородскому изменному делу» в 1570 г. его преемником стал дьяк Василий Яковлевич Щелкалов[29]. Под управлением Василия Щелкалова в 1570—80-х гг. находились такие территории, как Ярославль, Белоозеро, Галич и Вологда. Одновременно его брат Андрей Щелкалов в 1570 г. объединил в своих руках Казанский, Нижегородский и Мещерский дворцы. Две грамоты в Свияжск — 1581 и 1586 гг. — были подписаны Андреем Щелкаловым[30]. Акты, свидетельствующие о заведовании Щелкалова «Казанским дворцом», сохранились за период с 1577 по 1587 г., что позволило И.А. Садикову заключить, что в звании начальника Казанского дворца Щелкалов

---

[29] *Садиков И.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 355—358.

[30] ДАИ. Т. 1. № 127; Список старинных бумаг, хранящихся в музее И.И. Щукина. Ч. 3. М., 1897. С. 228—229.

пробыл до середины 1587 г.[31] Двинская земля до смерти Ивана IV находилась в ведении дьяка Андрея Арцыбашева; последнее указание на «Дворовую четверть» Арцыбашева относится к 1 февраля 1584 г. После вступления на трон Федора «Дворовая четверть» как территориальный приказ была наряду с другими земскими четвертями перекроена, и большинство северных областей Поморья ушло в четверть дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова. Документально финансовое управление Двиной в четверти Щелкалова можно проследить с декабря 1584 г.[32]

Таким образом, деятельность посланников в Соли Галицкой, на Двине и в Поволжье направлялась из четвертей Андрея и Василия Щелкаловых. В этой связи далеко не случайным фактом является совпадение времени образования четвертных приказов в момент учреждения опричнины и первых упоминаний посланников в актах (1565, бесспорно — 1567 г.). Будучи институтом чрезвычайного управления страной, опричнина, вопреки мнению ряда исследователей, не была простым возвратом к удельным методам управления[33]. Вызвав глубокую перестройку административной системы, отдельные детали которой до настоящего времени не изучены, опричнина оказала влияние и на земскую систему управления. Весьма показательно, что в известной указной грамоте владимирским городовым приказчикам от 18 февраля 1569 г. наряду с выборными старостами и денежными сборщиками упомянуты «всякие земские посланники»[34]. Соотнесение фактов деятельности посланников с административной принадлежностью территорий, на которых они действовали, позволяет предположить, что во второй половине 1560-х гг. посланники направлялись на места земскими финансовыми приказами — Большим Приходом (П. Родионов) и Земской четвертью (А. Васильев). После ликвидации опричнины, которая, как считает А.П. Павлов, «препятствовала созданию четкой общегосударственной системы учреждений по управлению отдельными землями государства»[35], посланники становятся подведомственны общегосударственным четвертям.

Активно привлекаясь к фискальной деятельности на рубеже XVI—XVII вв., посланники в дальнейшем сходят со сцены. По актам второго десятилетия XVII в. хорошо видна эволюция в терминологии, когда упоминания посланников сменяются упоминанием «приказных людей»[36]. Рассмотренный материал с неизбежностью порождает вопрос: коль скоро посланники выполняли экстраординарные поруче-

---

[31] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 359—368.

[32] Там же. С. 354.

[33] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 525; *Пашях В. М.* Русь в XV—XVII вв.: становление власти русских царей // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 81; *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356.

[34] АФЗХ АМСМ. № 176. С. 225.

[35] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // ИЗ. М., 1988. Т. 116. С. 202.

[36] *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения... № 38. С. 39.

ния правительства и были, следовательно, необходимым элементом во властной структуре, почему институт посланников не возродился после Смуты? Ответить на этот вопрос возможно, лишь обозначив специфические обстоятельства последней трети XVI в., способствовавшие их появлению. Гипотетически можно предположить, что возникновение института посланников было стимулировано опричной политикой, приведшей к чересполосице земских и опричных земель, вынуждавшей приказы изобретать новые формы управления. Прекращение деятельности посланников связано со Смутой, а тот факт, что их институт не был восстановлен после гражданской войны, гипотетически можно связать с кристаллизацией приказно-воеводской системы управления во втором-третьем десятилетиях XVII в.

Е. Н. Швейковская (Москва)

Назначения на воеводскую службу в северорусские города в XVII в.

Управление городовых воевод свое повсеместное становление отсчитывает с 1613 г. Восстанавливая разрушенные во время Смуты экономику и политические институты, правительство ввело на местах власть военно-административного характера, причем не только в пограничных районах, но и во внутренних областях. А. П. Павлов охарактеризовал внутренние условия, необходимые для становления воеводского правления, и начальный его этап, пришедшийся на 1580—1605 годы. Он показал, что Смута, утвердив и конституировав воеводскую власть в Центре страны, тем самым ускорила и довершила в общих чертах оформление общерусской системы воеводского управления, соединявшего военные и административные функции[1]. Наряду с такой логикой становления воеводской власти, о которой совершенно справедливо писал А. П. Павлов, веской причиной для ее введения стало особенно резкое усиление в Смутные годы местной власти и самоуправления при явной слабости власти центральной. Потребовалась жесткая иерархия центрального и местного управлений, чтобы компенсировать сложившееся противоречие.

Учитывая это обстоятельство, уместно вновь обратиться к теме, охарактеризовать на материале городов Севера первой трети XVII в. процедуру назначения воевод и через нее показать, какими были представления самой власти об их должностных обязанностях, тем более что в спектре мнений о воеводском управлении имеются разные его оценки. Отрицательно высказывается Г. П. Енин, считая его неэффективным из-за предпочтения личных интересов государственным при выполнении «главнейшей» задачи — фискальной[2], и это мнение восходит к Б. Н. Чичерину, А. Д. Градовскому. Существует, напротив, взгляд на воевод как деятельных, рачительных администраторов, способных организовать масштабные колонизационные процессы, в особенности на сибирском континенте[3].

Местная ветвь власти в XVII в. концентрировалась личностно в руках воеводы, а институционально в съезжей (приказной) избе. Это учреждение подчинялось цент-

---

[1] *Павлов А. П.* О начальном этапе становления воеводского управления в России // Спорные вопросы отечественной истории веков. Тезисы докл. ... А. А. Зимина. М., 1990. С. 208—209; *Он же.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 239—241.

[2] *Енин Г. П.* Воеводское XVII кормление в России в веке. СПб., 2000. С. 9.

[3] *Акишин М. О.* Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 57. См. также новую работу: *Семенов О. В.* Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV — первой половине XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2005. Гл. 2, 3.

ральным органам управления. Обширное Поморье ведали Устюжская и Новгородская четверти, и в них происходило назначение воевод. Воевода и возглавляемая им съезжая изба реализовывали правительственную власть в уезде. Хочу особо подчеркнуть то обстоятельство, что именно *приказно-воеводское* (здесь и далее выделено мной. — *Е. Ш.*) управление в его взаимной обусловленности было существенным звеном в централизованной властной вертикали. Именно такой новый подход к характеристике воеводского управления, надеюсь, будет способствовать прояснению существа этого властного института и вместе с тем смягчению его негативной оценки. А подобная оценка присутствует, если обратиться к Европейскому Северу России, даже у такого знатока этого региона, каким был М. М. Богословский. Он считал местного администратора исполнителем узко-фискальных функций в интересах казенной прибыли, причем всецело подчиненным центральному приказу, а приказ относился к воеводам с бюрократическим недоверием[4].

Наиболее исследованной в управленческой связке приказ—воевода является система центральных приказов, и в первую очередь следует назвать монографию Н. Ф. Демидовой[5]. Местные органы управления, как и их кадры, изучены в меньшей степени, чем центральные. Правда, в последние два-три десятилетия история местного управления в разных регионах России — Европейской части, Урале и Сибири — привлекает внимание ученых. Аппарат съезжих изб, деятельность воевод и их содержание, прибыльная обязанность, губное дело, а также таможенное изучаются наиболее обстоятельно. Наряду с уже упомянутыми работами Н. Ф. Демидовой, А. П. Павлова, Г. П. Енина, М. О. Акишина уместно отметить исследования В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, Е. В. Вершинина, Т. И. Пашковой, В. Н. Глазьева и других ученых[6].

Изучение местной администрации целесообразно вести в контексте единства с центральным управлением, расценивая их как соподчиненные звенья одной цепи. При таком ракурсе особую важность приобретает следующая качественная черта,

---

[4] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 268, 271—275.

[5] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. См. также: *Петров К. В.* Приказная система управления в конце XV—XVII вв. М.; СПб., 2005.

[6] *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: наместники и волостели. М., 2000; *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001; *Раздорский А. Н.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; *Швейковская Е. Н.* Воеводский двор в северорусском городе XVII в. // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 131—147; *Она же.* Слуги на воеводском дворе в XVII в. // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время: Сб. статей в честь чл.-кор. РАН С. М. Каштанова. Ростов, 2003. С. 92—104.

особенность управления: при наличии постоянного штата в учреждениях центра и на местах их руководители — судьи приказов и воеводы — выполняли свои функции как временные должностные поручения сословного характера. Именно в силу существования тесной зависимости между получением должности и исполнением соответствующей службы не требовалось конституирования полномочий, в данном случае воевод. Достаточно было сложившейся практики. Характерно, что и Соборное Уложение 1649 г. не нормировало компетенции центральных и местных учреждений и их глав[7].

Полагаю, что сначала следует сосредоточиться на назначении воевод, той процедуре, которая обеспечивалась рядом действий и, соответственно, документов. При полном их комплекте назначение каждого соискателя воеводства можно представить как самостоятельное «личное» дело. Такой подход к источникам плодотворен, в том числе для получения антропологических характеристик местных администраторов в том или ином российском регионе. Несомненно, в XVII в. выработалась межведомственная общность в порядке замещения воеводской должности в приказах, которым подчинялись разные области страны. Вместе с тем назначению воевод в каждом из учреждений была присуща своя специфика. Накопление материала, достаточного для сравнения, позволит в будущем выявить общие и особенные действия при занятии поста воеводы.

В северные города Устюг, Сольвычегодск, Тотьму в 30-х годах XVII в. воеводы посылались из Устюжской четверти. Процедура назначения воеводы складывалась из ряда этапов, каждый из которых состоял, в свою очередь, из обязательных ступеней. Первый этап включал просьбу соискателя места, ее инстанционное прохождение, принятие решения по ней; затем на основе принятого решения следовало изготовление инструктивного документа-наказа, его вручение соискателю должности. Этот многоступенчатый этап проходил в центре, в московском приказе — Устюжской четверти. Второй этап был связан с местом службы воеводы, а его главный момент — составление росписного списка. Важность росписи трудно переоценить, ибо она оформляла передачу города из ведения одного управителя другому. Только после этого новый воевода считался вступившим в должность, а предыдущий мог покинуть город.

Главные процедурные этапы соединяли дополнительные действия, инициированные центром и исходящие в ответ от местной Съезжей избы. Среди них выделяются следующие. Факт назначения нового воеводы Устюжская четверть доводила до сведения действующего, как и распоряжение последнему о возвращении в Москву и явке в соответствующий приказ. Вновь назначенный воевода извещал Четверть о: а) своем прибытии к месту службы, б) завершении составления росписного списка, в) отъезде в Москву воеводы, отслужившего срок. Ясно, что сложился целостный комплекс пошаговых практик, вводивших воеводу в должность и оформлявшихся документами разного типа.

---

[7] *Демидова Н. Ф.* Указ. соч. С. 15, 28—29, 33; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 167.

Поданная претендентом челобитная была побудительным импульсом к соисканию должности, будь то воеводская или подьяческая (в съезжей избе). Челобитной как типу документа заведомо присуща субъективность сообщаемых данных. Однако челобитчики, желая получить искомое место, стремились дать о себе реальные послужные данные, ведь они были проверяемы без особого труда. Челобитные содержат конкретные сведения о том или ином лице и вместе с тем рефлексивную самооценку претендентов. Они сообщают о служебной карьере, материальном состоянии на момент подачи прошения о назначении, социальном положении.

Соискатели воеводства с разной степенью подробности говорили о своей службе — от краткой констатации до подробностей о полученных в боях ранах и увечьях. Сведения о земельном жаловании если приводятся, то с указанием поместного оклада и имевшейся дачи в том или ином уезде, а также состояния имения. Так, в 1626 г. бил челом о воеводстве на Тотьму Леонтий Стрешнев. Он сообщал: «Служу я... тебе государю по московскому списку. А поместейца, государь, за мною в Мещовском уезде пуста, нет ни одново крестьянинца да в Шацком уезде всево три крестьянинца да пять бобылишков». На время подачи челобитной соискатель живет «на Москве з женишкою и з детишками». И, конечно, ему «прокормитца... с пустово своего поместейца нечем»[8].

Другой претендент из родственного клана Стрешневых Максим желал места воеводы в Устюге в 1632 г. Он сразу констатировал: «...поместейца у меня... в розоренных городех запустели от войны». Они также находились на юге «в Мещоски да в Козельске да в Олексине» и юго-востоке «да в Шацком», а также «на Угличи», числом 370 четвертей. «А крестьян и бобылей в Шацком за мною шесть дворишков да в Мещоски два дворишка». И предельно кратко проситель резюмировал: «Жить мне, холопу вашему, нечим»[9].

Военная служба государю обладала высшим приоритетом при искании места воеводы. Длительность пребывания на ней, особенно в местах боевых действий, полученные ранения, а также материальное оскудение, последовавшее в результате службы, были наиболее весомыми доводами с точки зрения челобитчиков. Сказанное вытекает из челобитной 1634 г. претендента в сольвычегодские воеводы Федора Федорова сына Головачева. Он служил «под Смоленском два годы бесъезду, в осаде сидел и всякую нужу и голод терпел, и на всех боех за тебя государя бился». Для усиления впечатления от проявленной доблести он приводит красочную подробность (если не гиперболическую, то вполне метафорическую): «...и на тех боех побито подо мною... шесть коней нагайских». Потеря боевых коней стала причиной того, что Ф. Ф. Головачев «одолжал» и, разумеется, «великими долги». После такого уточнения материального состояния он свидетельствует, что «написан по Московскому списку, а дворишко у меня своего московского нет». Как раз за службу «и за кровь и за-под Смоленское осадное сиденья» Ф. Ф. Головачев считает себя вправе быть у «государева дела» и занять место Якова Милославского.

---

[8] РГАДА. Ф. 141. 1626. № 17. Ч. 1. Л. 14.

[9] Там же. Л. 252.

Особый резон состоит еще и в том, что «тот Яков на твоей государеве *службе нигде не бывал*»[10]. В рассматриваемой челобитной ее податель определенно разграничивает цивильное «государево дело» и военную «государеву службу». Последняя, безусловно, на ценностной служебной шкале находится выше.

Претендент на место, наряду с личным приисканием вакансии, располагал информацией об истечении срока службы своего непосредственного предшественника, которую он получал, по всей вероятности, в Устюжской четверти. Данные о времени окончания воеводства были также важным аргументом, и скорее для Четверти, нежели челобитчика. Л. Стрешнев в 1626 г. просил его «послать на свою государеву службу на Тотьму на Яковлева место Милославского». Его родич М. Стрешнев в 1632 г. хотел, чтобы его «велили... отпустить на Устюг Великой на князя Дмитриева место Львова». В 1634 г. Ф. Ф. Головачев, претендуя на место «Яковлево Милославского» в Сольвычегодске, сообщает: «А живет у твоего государева дела третей год».

Я. Милославский, бывший воеводой в Тотьме в 1623/24 г., в 1632/33 г. свою просьбу на воеводство в Сольвычегодск сформулировал деловито и лаконично: «Пожалуйте меня... велите, государи (царь Михайло Федорович и святейший патриарх Филарет Никитич), меня отпустить на свою государеву службу к Соли Вычегоцкой на Васильево место Янова. А Василей, государи, у Соли доживает два года». Я. Милославский предложил и запасной вариант: «Или... велите, государи, отпустить в Слободцкой на князь Петрово место Хилкова. А князь Петр живет два года»[11]. В обоих случаях он знает, когда истекает срок воеводства предшественников.

Интересно, что на место в Сольвычегодск в том же 1632/33 г. претендовал другой кандидат — Никифор Вировский. Он ранее бил челом Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету и просил «для моей нуже», чтобы его «велели отпустить к... государеву делу на Уржум или в Кевролю и Мезень». Теперь прямо пишет, что ему «государьское жалованье... есть», по которому ему «велели» «иное место приискать». И он «местечко приискал»[12] именно в Сольвычегодске. Однако Четверть предпочла отправить в этот город Я. Милославского. Пока не могу сказать, чем руководствовалась Четверть, выбирая кандидата из двух конкурентов.

При отсутствии законодательного установления о службе воевод первостепенное значение имел тот факт, что занятие должности зависело от политической воли государя. Она выражалась в пожаловании-поручении службой определенного рода, в том числе воеводской. Сложилась отработанная, институциональная практика, воплощенная в этапах и формах доведения пожалования до искателя места. Так, упомянутый Н. Вировский в своей челобитной сообщал, что ему «*сказал*... государев святительский дьяк Максим Яковлев вашим государским *жалованным словом* — имянным приказом» о подыскании места. Именно в

---

[10] РГАДА. Ф. 141. 1626. № 17. Ч. 1. Л. 355.

[11] Там же. Л. 231.

[12] Там же. Л. 230.

соответствии с этой высшей рекомендацией — «по вашему государьскому жалованью» — и действовал челобитчик[13].

Просьба претендента докладывалась государю. Пожалование по ней, выраженное в устной форме, что следует особо подчеркнуть, облекалось в распоряжение о назначении, которое отлилось в чеканную форму резолюции думного дьяка Ивана Гавренева. «Государь (и святейший патриарх) пожаловал *указал* отпустить...» на Устюг в 1632 г. «на княж Дмитриево место Львова Максима Стрешнева», или «Государь пожаловал велел ево отпустить...на Васильево место Янова», или «Государь пожаловал велел ево отпустить с Рожества Христова нынешнго 144-го году» и «Государь пожаловал, *велел* отпустить на его место» (т. е. предыдущего управленца)[14].

Принятое по челобитной решение доводилось до кандидата на место: «И *сказка* мне, холопу твоему, перет тобою государем была, сказал мне твое царское *жалованье* твой государев околничей князь Федор Федорович Волконской и на челобитной, государь, потписана»[15]. На этом, выраженном словесно, основании, которое Устюжская чегверть считала указом, ее дьяк Пантелей Чириков резюмировал: «138-го октября в 19 день. Дать *наказ* и грамоту» посылаемому в Тотьму воеводе Ивану Андреевичу Францбекову; или «141-го декабря в 25 день. По сему государеву указу *наказ* велеть писать и в книгу государевым указам записать» (о посылке в Устюг М. Стрешнева на место Д. Львова) и еще: «142-го июля в 11 день. Приискать отпуск и *наказ* написать и государев указ в книгу написать» (о посылке в Сольвычегодск Ф.Ф. Головачева на место Я. Милославского)[16]. Как следует из последней резолюции, в необходимых случаях поднимались документы предыдущего назначения, особенно, когда требовалось удостовериться, на каких условиях посылался предшествовавший теперешнему соискателю воевода. Через 2 года поинтересовались: «144-го октября в 13 день. Выписать, как отпущен Федор Головачев». Подьячие Четверти по этой дьячей рекомендации обращались к записным книгам и готовили справку, т. е. память-выписку по «сысканому в отпускех». Так, «в прошлом во 142-м году июля в 20-й день по подписной челобитной за пометою думного дьяка Ивана Гавренева отпущен к Соли на Яковлево место Милославского Федор Федоров сын Головачев»[17].

«Жалование» воеводства, в котором воплощена монаршая милость, предъявляло получившему его требования в служебном рвении. Вновь назначенный воевода обязывался добросовестно исполнять свою службу в соответствии с полученным наказом, присягая в том «по государеву крестному целованью, на чем он крест целовал».

Наказ, вручаемый в Четверти отправлявшемуся на воеводство служилому человеку, как ясно из сказанного, был тем инструктивным документом, согласно ко-

---

[13] РГАДА. Ф. 141. 1626. № 17. Ч. 1. Л. 320.

[14] Там же. 1626. № 17. Ч. 1. Л. 252, 231; Ч. 2. Л. 100; 1636. № 57. Л. 157.

[15] Там же. 1626. № 17. Ч. 2. Л. 71.

[16] Там же. 1626. № 17. Ч. 1. Л. 114, 252, 355.

[17] Там же. Л. 101.

торому он действовал в уезде. В наказе были сформулированы требования власти, предъявляемые тому или иному исполнителю данной должности, и потому он позволяет не только их реконструировать, но и понять, выделить точку зрения самой власти на существо воеводской службы и вырабатываемые практикой установления.

Показательно, что каждые 2 года соответствующий приказ, будь то Разряд, какая-либо из Четвертей или Сибирский, выдавал наказ, причем индивидуально адресованный, тому или иному воеводе. Наказы сменявших друг друга воевод в одном городе могли различаться отдельными статьями, а их формуляр зависел от того приказа (Новгородской или Устюжской четвертей), в котором они составлялись. При этом за образец брался документ, выданный предыдущему воеводе, о чем имеются прямые свидетельства. В октябре 1629 г. «послан на Тотьму на Воиново место Чемесова воивода Иван Ондреев сын Францбеков. А наказ ему дан против наказу Воина Чемесова о об росписке государева грамота дана ж»[18]. Вместе с тем имеющиеся в текстах описки, поправки, вставки под «крыжем» на полях или на обороте листов говорят о том, что наказ каждому новому воеводе писался не механически, а с учетом изменений и редактирования (пусть и небольшого) его текста. Из литературы (А. Д. Градовский, А. С. Лаппо-Данилевский, М. М. Богословский и др.) известно, что в управлявшем тем или иным городом «региональном» приказе сложился свой тип наказа. Это вполне понятно и вытекает как из общегосударственных задач, так и из территориальной специфики. Естественно, что в наказах воеводам в сибирские или южнорусские города есть распоряжения, которых нет в подобных документах воеводам Севера, и наоборот. В наказах отчетливо выделяются формулярные блоки, тематика каждого из которых, в принципе, достаточно устойчива. Наказы сменявших друг друга воевод в одном городе различались отдельными положениями внутри блоков, а их формуляр зависел от приказа (Новгородской или Устюжской четвертей), в котором они вырабатывались.

За документом, выдаваемым воеводам, закрепилось название «наказ», что совершенно справедливо и подтверждается вышеприведенными резолюциями на челобитных. Однако в деле о назначении А. Г. Козловского на воеводство в Сольвычегодск в 1637 г. встретилось называние наказа «указ». Во-первых, в памяти дьяку Устюжской четверти Пантелею Чирикову за подписью думного дьяка Иван Гавренева о «посылке» А. Г. Козловского с распоряжением его «отпустить к Соли Вычеготцкой на Федорово место Левашова» имеется следующая помета: «145-го августа в 17 день. По сему государеву указу и по памети велеть *указ* писать». В тексте наказа воевода должен «государевым всяким делом промышлять с великим радением неоплошно по сему государеву *указу* и по указным прежним грамотам и каковы к нему учнут приходить вперед». Далее же воеводе вменяется действовать «с великим радением неоплошно по сему государеву *наказу* и по указным грамотам и смотря по тамошнему делу...»[19]. В блоке документов о на-

[18] РГАДА. Ф. 141. 1626. № 17. Ч. 1. Л. 115.

[19] Там же. 1636. № 57. Л. 114—114 об., 120, 127.

правлении А. Г. Козловского на воеводство выданный ему «наказ» равнозначно обозначается как «указ».

Думаю, что это не просто терминологическое смешение, а бытовавшее в практике высших правительственных учреждений отношение к «наказу» как к документу высшей инстанционной значимости, приравниваемому к государеву «указу». Наказ / указ прописывал полномочия воеводы — управителя города и уезда, а также был главным руководством для его действий. Наряду с ним важное место занимали другие распорядительные документы — указные грамоты, отправлявшиеся воеводе. Важно обратить внимание на эти факты потому, что они принадлежат не только делопроизводству, но и формирующейся, меняющейся во времени политико-правовой культуре. Обнаруживается явственная разница между указом и указной грамотой, складывается их соподчиненность, но все это требует более глубокого выяснения.

Импульсом для выдачи соискателю документа на воеводство, в данном случае в северный город, служила память от думного дьяка, адресованная дьяку Устюжской четверти, в ведомстве которого находился тот или иной город. Так, 15 августа 1637 г. по государеву «указу память дьяку Пантелею Чирикову. Государь царь и великий князь Михаил Федорович... указал послать к Соли Вычегодцкой на Федорово место Левашова князь Офонасья княж Григорьева сына Козловского. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича указу дьяку Пантелею Чирикову князь Офонасья Козловского отпустить к Соли Вычеготцкой на Федорово место Левашова. Думной дьяк Иван Гавренев». Через 2 дня, 17 августа, что весьма оперативно, последовало распоряжение, исходящее от П. Чирикова: «По сему государеву указу и по памяти велеть указ писать». Этот наказ был изготовлен через 12 дней, он датирован 29 августа 1637 г. В мае того же 1637 г. в Устюг вместо Степана Лукьяновича Хрущова был назначен воеводой стольник Матвей Васильевич Прозоровский, получивший соответствующий указ, а Хрущов — распоряжение «отдать город». Через 2 месяца в июле Прозоровский — уже в Устюге и принимает город, о чем свидетельствует росписной список[20].

Росписной список — важнейший документ практики, фиксирующий сдачу-прием города. В то же время он показатель материального состояния города: его укреплений и вооружения — орудий и оружия вместе с порохом и свинцом, наличествующих запасов — хлебных, денежных, а также документов — правительственных указов и постановлений, решенных и нерешенных дел. Благодаря периодическому составлению подобных документов и отсылке их в Москву, правящие группы разных уровней вплоть до государя получали исчерпывающую информацию о состоянии городов (их укреплений) России. Сведения росписного списка влияли на содержание тех или иных положений в блоках наказа воеводе.

Наказ вменял воеводе «войти» в ведение дел, для чего ему необходимо было «пересмотрить всяких государевых указных грамот о всяких делех, каковы присланы были к Соли к прежним воеводам», но не только к ним, а и «к приказным

[20] РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 114, 48 – 113.

людем, к выборным к земским судейкам из Устюжской чети за приписью дьяков думного Томилы Луговского да Михайла Смывалова и Понтелея Чирикова». Исполнение этого условия диктовалось необходимостью иметь квалификационные основания при ведении разнообразных дел. Требование формулировалось следующим образом: «И те все государевы грамоты вперед себе для ведома вычесть накрепко, чтоб ему (воеводе. — *Е. Ш.*) по тем грамотам государев указ был во всем ведом»[21]. Привлекает внимание в данном контексте наполнение термина «государев указ», которое имеет смысл обобщения, в нем купно воплощены прежде поступавшие постановления правительства. В другом месте наказа центральная власть настоятельно рекомендовала воеводам поставлять полную и своевременную информацию о местных делах. Для удовлетворения этой государственной потребности они должны «о всяких деле писати к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю к Москве, чтоб про всякие усольские дела и про доходы государю было *ведомо вскоре*»[22].

По отношению к вверенному воеводе населению уезда власть вменяет ему в обязанность «посадцких людей и волостных крестьян судить и росправа меж ими чинить в правду» и, главное, исполнять это «по государеву крестному целованью, на чем он государю крест целовал»[23]. В компетенции воевод находился суд по искам посадских людей и волостных крестьян, и дела он должен рассматривать своевременно и «безволокитно». При этом напоминалось, что «пошлин с судных дел имать с рубля по гривне да пересуду и правого десятка сем алтын и две деньги». Правда, «спорные большие дела, которых ему вершити не мочно» воеводе рекомендовалось «присылать в доклад к государю к Москве в Устюжскую четверть за своею или за подьячевою рукою»[24]. Наказы также предписывали воеводам выполнение полицейских мер по обеспечению безопасности в уезде.

Наиболее обширны требования власти к воеводам по поводу налогов, финансовых сборов и исполнения повинностей. Основным принципом, которым они обязаны руководствоваться в данной и других сферах, было «искание» государевой прибыли. Воевода должен был всеми своими действиями радеть о доходности, а не убыточности разных начинаний и предприятий. Сам воевода был обязан, «будучи» в Устюге, Тотьме или «у Соли Вычегодцкой, во всем искати государю прибыли вправде и государевым [и] земским всяким делам промышляти с великим радением неоплошно по сему государеву наказу и по указным грамотам, и смотря по тамошнему делу, как бы государеве *казне и государевым делам было прибыльнее*»[25]. Этот лейтмотив красной нитью проходит через наказы. Воеводе вменялось печься о: составлении окладных росписей и сметных списков на основе имеющейся в

---

[21] РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 115, 116.

[22] Там же. Л. 127.

[23] Там же. Л. 116. О должностной присяге — крестоцеловальной записи, которую приносили служащие приказов см.: *Петров К. В.* Указ. соч. С. 76.

[24] РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 118.

[25] Там же. Л. 126 -127.

съезжей избе документации, о своевременном взимании налогов и оброчных платежей, их подробном учете, контроле за их поступлением от земских должностных лиц. Правительство должно знать конкретные суммы собранных окладных «четвертных денежных и неокладных доходов», которые отосланы в Москву, и таковые из неокладных сборов, которые оставлены и истрачены в том или другом городе на местный «на самой нужной росход». При этом воеводе решительно предписывалось «в Съезжей избе лишних никаких розходов из государственных из неокладных доходов не держати», а разрешались те «росходы, бес которых по самой нужной мере бытии не мочно». Истраченные суммы на нужды местного управления должны быть записаны в «книги имянно, чтоб запосмешно (т. е. бесполезно, напрасно. — *Е. Ш.*) государевы доходы не пропадали, а были б по збору в присылке к государю к Москве сполна»[26]. Также необходимо было указать из сбора, какого года «те деньги будут», и показать погодно сборы «всяких неокладных денег». Это требование диктовалось тем, что ежегодно были недоборы тех или иных сборов, которые поступали с опозданием в счет прошлых лет с точным указанием, за какой из годов зачислялась погашаемая сумма. Воеводе давалась роспись недоборных денег, составленная по годам и видам недоимок, которая прилагалась к наказу[27]. Окладная роспись включала конкретные статьи — «росписав имянно», на основе которых необходимо было сделать «тем деньгам подлинной сметной список», после чего «писати о том государю». Наряду с известием об изготовлении учетных документов, включавших «отписку и сметной список и перечневую роспись и подлинные книги приходу и росходу», их предписывалось предоставлять в Устюжскую четверть, чтобы «те денежные доходы для годовые сметы в Четверти к очищенью были порознь ведомы»[28].

Рассмотренные требования наказов, должные обеспечивать успешную деятельность воевод в такой первостепенно насущной для государства сфере, какой является налогово-фискальная, выявляют механизм соподчиненного действия местной и центральной ветвей управления. Именно поступавшая от воевод информация ложилась в основание формируемых в приказах смет доходов и расходов, этих соответствующих своему времени прототипов бюджетных статей.

Особое место в наказах уделено взысканию недоимок, причем с использованием административно-полицейского воздействия (сыски, правеж). Сюда же можно отнести обязанности, обеспечивавшие сбор стрелецкого и сибирского хлеба, единовременных запросных сборов, повинностей по снабжению армии и зауральского континента. В этом пункте переплетаются фискальная и военная функции в деятельности воевод.

Власть возлагала на воевод землеустройство во вверенных уездах. Им поручалось «отводить» земельные участки в тягло и отдавать угодья (пахотные, сенокосные, рыбные ловли, борти и другие «статьи») на льготное держание с осво-

---

[26] РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 118.

[27] Там же. Л. 130—140.

[28] Там же. Л. 119.

бождением от налогов, а также в оброчное пользование. Повышенного внимания воевод требовали сельскохозяйственные и промысловые угодья, на которые кончался льготный срок, и они пополняли собой тяглые и оброчные земли, с которых необходимо взимать соответствующие платежи. Воеводы также должны выявлять угодья, в свое время не «объявленные писцам», пресекать безоброчное пользование ими и с них «имати за владенье по государеву указу» деньги за прошлые годы. «А вперед на те земли и на угодья класти оброки, смотря по землям и по угодьям и как бы *государеве казне было прибыльнее*»[29]. На воевод ложилась обязанность «дозирать» запустевшие тяглые участки и вновь распаханные земли, регистрировать появившиеся селения, новые и выморочные хозяйства. Воеводы информировали Четверть о всех изменениях (сокращении и приращении) в земельном фонде уезда, оттоке податного населения, что непосредственно было связано с суммой налоговых поступлений. Деятельность воевод по землеустройству, которая сочеталась с демографическим учетом, в целом была направлена на удовлетворение фискальных потребностей государства.

Среди административных поручений, возложенных на воевод, выделяются прежде всего начальствование над штатом приказной избы, ведение разных книг учета: порядных в крестьянство и пошлин с них, приходных сборным деньгам, стрелецкого хлеба, доимочным деньгам и хлебу и др. В сфере же внимания воевод находятся таможенные и кабацкие сборы. Они следят за подбором пригодного к таким делам персонала, который обеспечивал бы своевременное поступление казенных доходов и его увеличение, однако их вмешательство не должно препятствовать таможенному и кабацкому делу. Самому воеводе «в таможенные и в кабацкие никакие дела не вступатца, и з государевых кабаков кабатцкого всякого питья и запасов даром и по той цене, во што на кабаках станет, не имати и никому не давати, чтоб того таможенному и кабацкому збору никакие порухи не учинилось»[30]. Под наблюдением воевод находилась организация ямской службы, в Сольвычегодске, например, перевод ее с наемного на выборное основание. В соответствии с воеводским распоряжением посадские люди Сольвычегодска и «всех станов и волостей» крестьяне должны выбрать «на Усольской на посадцкой ям в ямские старосты и в ямщики добрых лутчих людей, сколько человек пригож в службы место, а не из найму, и велети им быти в ямских старостах и в ямщиках»[31].

Воеводам также указывалось поддерживать контакты с земскими властями, но не вторгаться в их выбор, который был предоставлен на «мирскую волю». Они должны были следить, чтобы земские власти ежегодно сменялись, не злоупотребляли должностным положением, своевременно выполняли свои функции и все распоряжения воеводы и служащих приказной избы. Сбору и доставке налогов, которые находились в компетенции земских властей, в наказах уделено специальное внимание. «Посадцкие и уездные выборные люди» должны стремиться к

---

[29] РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 119.

[30] Там же. Л. 117.

[31] Там же. Л. 122–123.

тому, чтоб «оне по совету лутчих и середних и молотчих людей к государевым и ко всяким делам и в Земскую избу и к поборам ко всяким в целовальники выбирали добрых людей, а не воров и не горланов и не ябедников». В противном случае из-за своего безучастного выбора крестьяне и посадские люди, особенно «молотчие», могли оказаться «сами в продаже» и в «запосмешных налогах» [32]. Характерно, что наказы никак не лимитировали сношения земских миров с приказной администрацией.

Вне компетенции воевод находились духовные дела и суд по ним, в которые они не могли «вступатца». Подобные «дела ведают Варлам митрополит Ростовской и Ярославской или кому прикажет у Соли духовные дела делать» [33].

Подытоживая сказанное, нужно подчеркнуть следующее. Челобитные на должность воевод убеждают, что их подача была процедурным обыкновением, необходимым элементом в приказной практике. Соискатели воеводства до него, как правило, длительно несли ратную службу, были зрелыми по опыту и возрасту людьми и в силу обстоятельств меняли вид «государева дела». Одной из причин, побуждавшей к такой смене, было реальное снижение материальной обеспеченности и невозможность продолжать военную службу («службы завести не с чево»), а также полученные ранения. Воеводы северных городов принадлежали к разным группам служилых людей, составлявших в основном его средний слой. В зависимости от своего места в социальной стратификации претендент рассчитывал, в каком из городов он мог получить искомую должность. Значение и величина города дополнительно ранжировали служилых людей внутри прослойки.

В поэтапной процедуре назначения воевод от подачи челобитной до получения наказа и составления ими росписного списка достаточно явственно проявляется способ функционирования политической власти при неполной разграниченности публичного и частного права. В наказах как подзаконных актах (если использовать современную терминологию) аккумулированы воззрения самой власти на должностные обязанности воевод. Возлагая на них единоначальное управление с несением исполнительных функций, центральная власть оставляла за собой инструктивное руководство и контроль за местной административной ветвью. И потому воеводы — проводники правительственной власти с широким кругом обязанностей, но узкими полномочиями.

---

[32] РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 120.

[33] Там же. Л. 122.

В. А. Касаткин (Тула)

Тульские кирпичники в XVII веке. Принципы формирования корпорации

Записные каменщики и кирпичники представляли собой своеобразное «оказиональное» сословие, само появление которого было обусловлено пускай и геополитическими, но все же ситуативными нуждами государства. Именно поэтому основания, на которых должны были формироваться и функционировать отдельные корпорации, так и не получили сколько-нибудь артикулированной законодательной регламентации. И именно поэтому мы попытаемся эксплицировать их, т. е. ответить на следующие вопросы: каковы были способы рекрутирования новых членов, как «работали» механизмы внутрикорпоративной селекции и «социального воспроизводства», действительно ли существовала гомология в устроении государевых градодельцев и служилых людей по прибору (как полагал исследователь строительного дела Московии в XVII в. А. Н. Сперанский[1]) и, наконец, имелись ли в этом устроении какие-либо локальные девиации, поскольку объектом исследования являются основания «кирпичной службы» тулян?

Приказ каменных дел, учрежденный в последний год правления Ивана IV, на протяжении всего своего существования так и не преодолел «врожденного недуга» — «авральности». Периоды относительного затишья то и дело сменялись лихорадочными мобилизациями. Видимо, одна из них захватила и тулян, на услуги которых Приказ до поры не посягал (пограничный город). Во всяком случае, жалованная грамота тульским кирпичникам[2] датируется тем же годом, что и строительство в столице Белого города (7095 г.). Впрочем, факт их участия в возведении этой грандиозной цитадели крайне гипотетичен — сами кирпичники, перечисляя в 1628 г. свои прежние заслуги («розные каменные дела... в Смоленску, и в Борисове, и в иных городех»[3]), напрямую о Москве не обмолвились[4]. Возможно, строительство было столь стремительным, что пока на Туле велся сыск, оно уже закончилось, и «дебют» тулян в штате Каменного приказа пришлось ненадолго отложить.

---

[1] *Сперанский А. Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 74.

[2] *Сахаров И. П.* История общественного образования Тульской губернии. Ч. 1. М., 1832. С. 41—45.

[3] Документы о кирпичном производстве XVII—XVIII вв. / Вводн. ст. и подгот. текста Н. В. Воронова // Материалы по истории СССР. Вып. V. Документы по истории XVIII века. М., 1955. С. 30.

[4] Ср. с подобным же перечнем «достижений» их владимирских коллег, получивших жалованную грамоту в том же, что и туляне, году: «...в Смоленску и на Борисове и в Володимере и на Москве» («Владимирские губернские ведомости». 1862. № 44).

Декретируя многочисленные льготы и единственную обязанность (государевы каменные дела), указанная грамота не содержит никаких явных «следов» искомых конституирующих принципов[5]. Возможно, та же «авральность» попросту не позволяла спрогнозировать, что дефицит квалифицированных специалистов окажется хроническим. Указная грамота 1600 г. в Кашин — а аналогичные ей грамоты, безусловно, были направлены во все города, ведомые в Приказе, — предписывала строжайший (под угрозой смертной казни) сыск не только каменщиков и кирпичников, но и их «детей, и братьи, и племянников» для немедленной отправки их в Смоленск[6]. Чрезвычайных мер требовали масштабы строительства. Но к этому времени наверняка не обошлось без потерь и в рядах каменщиков и кирпичников «первого призыва»[7]. Интерес к новому их поколению со стороны Каменного приказа в подобной ситуации был неизбежен. Но едва ли подобная директива представляла собой попытку сделать «кирпичную службу» наследственной. Ведь наследственность службы и в прочих социальных стратах Московского государства рубежа веков оставалась не более чем интенцией. И. Я. Гурлянд, характеризуя устройство ямских охотников, отмечал, что «стремление правительства сделать из случайного занятия переходящую из рода в род профессию» реализовалось — да и то не повсеместно — лишь к концу 20-х гг. XVII в.[8] Далеко не сразу стала наследственной и служба людей пушкарского чина. Да и принцип «посадской старины»

---

[5] По мнению Н. Б. Голиковой, жалованные грамоты ремесленным корпорациям «скорее следует относить к уставным грамотам» (*Голикова Н. Б.* К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI—XVII века // Русский город. Вып. 9. М., 1990. С. 213).

[6] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. М., 2002. № 434.

[7] «Поручные записи в XVII ст. и для тяглецов, и для служилых приборных людей были бессрочны» (*Смирнов П. П.* Города Московского государства в I половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. Формы землевладения. Киев, 1917. С. 24). Нам известно лишь то, что каменщики и кирпичники ежегодно высылались к Москве «за крепкими поруками». О поручных записях при учреждении каждой из корпораций, как и о «кооптации» новых их членов, информации не сохранилось. Однако едва ли есть основания «подозревать» какие-либо аномалии в положении кадров Каменного приказа, как и то, что их служба считалась вечной не изначально. Тем не менее за полтора десятилетия, истекших с момента учреждения Приказа, любая из корпораций могла недосчитаться многих своих членов. Чахотка, от которой, судя по метрическим книгам церкви Рождества Богородицы, что в Гончарной слободе, тульские каменщики и кирпичники чаще всего умирали в XVIII в., — видимо, лишь иное название силикоза легких. Надо полагать, что тот же профессиональный недуг не миловал и их предков. Другой возможностью «расстаться с кирпичной службой» были «бега», в которые кадры Каменного приказа охотно пускались и в дальнейшем.

[8] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 133—135. В начале столетия подобное стремление выглядело абсолютно утопично: сыновья охотников из Ямских слобод разбредались «сплошь и рядом».

во времена Бориса Годунова еще не предусматривал обязательных «генеалогических» коннотаций[9].

В тексте жалованной грамоты тульским кирпичникам обращает на себя внимание формула, нарушающая монотонное перечисление привилегий: «...а которые их братья и дяди и племянники и дети живут с ними на одном хлебе, а не в розных делех и их разводити с ними не велено». Ряд историков (А.С. Лаппо-Данилевский[10] и др.) был склонен видеть в ней еще одно иммунитетное пожалование. Исследователь деятельности Каменного приказа А.Н. Сперанский, напротив, предположил, что это не только не льгота и не столько запрет, сколько завуалированный императив наследственности «кирпичной службы»[11]. Одно из челобитий тульских кирпичников как будто подтверждает справедливость данной гипотезы: «...нам указана... работать на Москве кирпичное дела ежагодно и з детишкоми своими и з братьеми что у кого детишок и братьев с одного хлеба»[12]. Раздел в данном случае не создавал новой фискальной единицы и, следовательно, не представлял для воеводы какой-либо корысти. К тому же законодательство, ограничивая рост белых слобод, для подобных филиаций как раз делало исключение: «...развее ото отца детем или от тестя зятии или от брата братьи выставливатися и своими дворы жити»[13]. Интересно, что в 40-х гг. XVII в. инверсия той же формулы появилась в жалованных грамотах гостям. Льготы распространялись лишь на тех ближайших родственников гостя, «которые живут с ним не в розделе». Таким образом, автоматическая передача данного чина по наследству, напротив, исключалась[14]. Однако предположение, что внесение данной формулы в текст жалованной грамоты тульским кирпичникам представляет собой одну из первых в приказной практике директив наследственности службы, было бы излишне «запальчивым»[15], тем более что каждое распоряжение Приказа воеводам о присылке каменщиков и кирпичников сопровождалось требованием сыска их не учтенной до времени родни.

Возвращаясь к указной грамоте 1600 г., нельзя не обратить внимания и на тот контингент, среди которого велся массированный сыск, а именно «горшечники, и кувшинники, и печники, и гончары, и жерновные и точильные мастеры, и которые мастеры делают цки на гробы»[16]. Из этого перечисления очевидны требования

---

[9] *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.; Л., 1948. С. 179.

[10] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 363.

[11] *Сперанский А.Н.* Очерки... С. 74.

[12] РГАДА. Ф. 159. Оп. 6. Д. 68. Л. 104.

[13] Впрочем, в данном случае речь идет о монастырских и митрополичьих слободах (*Смирнов П.П.* Посадские люди... С. 116).

[14] *Голикова Н.Б.* К вопросу о правовом положении... С. 215.

[15] С.Б. Веселовский допускал, что жалованная грамота тульским кирпичникам имела некий образец более раннего времени (*Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 80).

[16] Акты служилых землевладельцев... № 434.

Приказа к тем лицам, которым было уготовано пополнять его штат. Как очевидно и то, что в свое время на Туле он обзавелся новыми кадрами среди тех же (или примерно тех же) категорий ремесленников. Это предположение подтверждают и тульские приходно-расходные книги XVII в. Всякое упоминание в них горшечного ряда местного торга, в котором записным кирпичникам принадлежало больше половины лавочных мест, сопровождалось «дежурной» формулой: «...по Государеве по жалованной грамоте з гончаров имать не велено»[17]. Да и сами кирпичники не «скрывали» своей принадлежности к гончарному промыслу, сообщая в одном из челобитий, что торгов у них «никаких нет окромея своего ремеслишка горшечного»[18]. С известной долей осторожности можно предположить и то, что на территории тульской Гончарной слободы проживали не только посадские гончары (которых упоминает писцовая книга Тулы 1625 г.[19]), но и те же кирпичники (которых она, как беломестцев, игнорирует), причем, не только во 2-й пол. XVII в., когда слобода и вовсе стала называться Кирпичной[20], но и значительно раньше. А. Н. Сперанский допускал, что территориально обособленные от посада слободы записных каменщиков и кирпичников поначалу вполне могли существовать. Но экстремальные обстоятельства начала XVII в. и дополнительные «приборы» последующего времени привели к неизбежной диффузии[21]. Как бы там ни было, сопоставим ли исступленный сыск на посадах всех, кому «кушинное мастерство за обычай», со строением тех же ямов (стремление отводить охотникам землю сряду «с одного», а не через земли, «чтобы тем ямским землям вперед спору ни с кем не было»; правило выбирать в их число людей «зажиточных и семьянистых»; лимитированное количество паев[22])? Да и сама жалованная грамота, обеляющая дворы кирпичников «в городе и на посаде и где хто на Туле не живет»[23], противится предположению об изначально компактной их локализации.

Еще одним поводом для актуализации генеалогического принципа явились все те же последствия «московского разоренья». В 10-е гг. XVII в. «воскрешенный» Приказ каменных дел приступил к поиску хотя бы каких-то следов прежних кад-

---

[17] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Владимир. Кн. 1б. Л. 150; Владимир. Кн. 6. Л. 83 об.

[18] Там же. Ф. 159. Оп. 6. Д. 68. Л. 104—105. Вероятно, не без лукавства, поскольку кое-кто из них «приторговывал» не только своим рукодельем.

[19] Тула: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 12.

[20] Приложение к статье о Пречистенской церкви // Тульские епархиальные ведомости. 1864. № 8.

[21] Единственный неоспоримый случай автономного расселения кирпичников отмечен им в Костроме (*Сперанский А. Н.* Очерки... С. 101).

[22] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба... С. 125.

[23] Ср. «вологодский» и «владимирский» варианты той же формулы: «в городе и на посаде и в слободах где хто не живет» (*Смирнов П. П.* Города Московского государства... С. 60); «в городе и на посаде и на монастырской земле и где хто в Володимере и в Володимерском уезде не живет» («Владимирские губернские ведомости». 1862. № 62). Уже сама вариативность в инвентаризации местной топографии лишает оснований возможное предположение об этикетности данной формулы.

ров. Возможно, именно причастность части кирпичников к гончарному производству, спрос на продукцию которого мог только значительно сократиться, но не иссякнуть вовсе, и позволила Приказу в иных из подведомственных ему городов обнаружить либо их потомков, либо даже их самих[24]. Впрочем, среди тех корпораций, которые поспешили подтвердить Государевы грамоты уже летом 1613 г.[25], тулян не оказалось. Оказией для ее подтверждения 10 лет спустя явилась, по всей видимости, заготовка кирпича для укреплений в Можайске, возведение которых началось в 1624 г.[26] Мобилизации, вызванные либо можайским, либо вяземским городовым делом, начатым следом, сказались, возможно, и на численном росте корпорации. Наиболее ранний (из известных нам) список тульских кирпичников 1628 г. включает 24 лица[27]. Это число представляет собой своеобразный оптимум, поскольку в 10-х гг. XVII в. иные из смет не обнаруживали на Туле и десятка кирпичников. Не исключено, что кое-кто из фигурантов списка приходился ближайшей родней тем кирпичникам, которые были учтены на Туле в Писцовой книге 1587—1589 гг.[28] Так, фамилии Власов и Фомин, названные в списке и в дальнейшем не менявшиеся, являются, вероятно, отчествами, образованными от имен тех кирпичников (Влас, Фомка), которых она упоминает. Отчество, образованное от имени Лаврушки Михайлова сына, имеет еще больше оснований оказаться таковым, поскольку на протяжении всего XVII в. оно принимало различные формы (Лаврушин, Лаврентьев, Лавров[29]), пока окончательно не «застыло» в патрониме Лаврушин. Силка, Сенка и Федька Труфановы (в иной транскрипции — Трифоновы), по всей видимости, являлись сыновьями Труфанка Самойлова сына Холодова (упом. 1587—1589 гг.). Возглавляя делегации тульских кирпичников и в 1623, и в 1628 гг., тот же Силка упорно называл себя Миляевым. В скором времени отчество «Труфанов» исчезло, так и не превратившись в фамилию, как и «устаревшая» протофамилия «Холодов», дети же и внуки его так и остались Миляевыми. В 1628 г. Силка продемонстрировал завидную осведомленность в прежних достижениях тульских кирпичников (см. выше), что едва ли бы было по силам «неофиту». Сав-

---

[24] Так, в Туле из 9 кирпичников, учтенных Писцовой книгой 1587—1589 гг., торговало горшками четверо (Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 279—282).

[25] 14 июня — ростовские и тверские каменщики и кирпичники, 21 — их вологодские коллеги (*Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. С. 154). Подобная синхронность свидетельствует, по всей видимости, о том, что все они в это время были заняты на строительстве очередного объекта.

[26] А неделей раньше состоялась пролонгация грамоты владимирским кирпичникам («Владимирские губернские ведомости». 1862. № 44). Видимо, «кирпичная служба» в какой уже раз свела коллег.

[27] Документы о кирпичном производстве... С. 28—29.

[28] Города России XVI века... С. 260—261, 279—285.

[29] Примечательно, что в последнем случае его носителя назвал так священник соседнего с Пречистенским прихода, к суффиксам «по долгу службы равнодушный» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 211. Л. б/н).

ка Андреев сын, предполагаемый внук еще одного патриарха, Онтиши Молыхина, в документах 60—70 гг. XVII в. фигурировал то как Молыгин, то как Антишин. Номенклатура патронимов корпорации к 20-м гг. XVII в. только начала стабилизироваться, и реконструкция генеалогии ее членов — пускай и несколько рискованная — имеет шанс оказаться единственным индикатором наследственности «кирпичной службы» на самых ранних ее этапах.

В смете 1635 г. число кирпичников снова падает до 14[30]. Только половина из них входила в состав корпорации в 1628 г. Еще к двум кирпичная служба перешла по наследству. Однако падение это было, вероятно, связано не только с «отсевом», но и с интервалом в поколениях, поскольку дети части фигурантов списка 1628 г. четверть века спустя заняли «вакансии» патриархов. Помимо этого, причиной отсутствия в сметной росписи могли явиться и временные «бега», безусловно, наказуемые и в случае добровольного возвращения, но наказуемые не без снисхождения (тюрьма безо всяких экзекуций с последующим восстановлением в «ранге» кирпичника) (как минимум 2 случая). Судя по внезапным исчезновениям из росписей и по столь же внезапным появлениям в них и в 70-е гг., подобная практика была едва ли не «нормативной».

Соборное уложение, нюансируя меняющееся положение беломестцев, о каменщиках и кирпичниках практически умолчало. Н. Б. Голикова полагала, что та же тактика в отношении привилегированного купечества сохраняла за правительством возможность в будущем свободно менять конфигурацию льгот по своему усмотрению[31]. Но возможно и то, что для составителей нового свода законов окказиональный характер «кирпичной службы» был слишком очевиден задолго до того, как она превратилась в анахронизм. «На местах», тем не менее, подобное умолчание было истолковано как сигнал к решительным действиям. К посаду были приписаны все тверские, вологодские, часть коломенских кирпичников[32]. Закономерно, что уже в мае 1649 г. последовал Государев указ (по докладной записке за пометою думного дьяка Ивана Гавренева), сохранявший за каменщиками и кирпичниками их льготное положение[33]. Однако в документах 1648—1652 гг. сведений о каких-либо посягательствах на привилегии их тульских коллег нет. На

---

[30] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 54. Л. 45—47.

[31] *Голикова Н. Б.* К вопросу о правовом положении… С. 217.

[32] *Шаховская Н. Д.* Сыск посадских тяглецов и закладчиков в первой половине XVII века // ЖМНП. Новая серия. Ч. LIII. 1914, октябрь. С. 302.

[33] Указ, датируемый маем 7157 г., запрещал отдавать каменщиков и кирпичников в посад, однако предписывал «с лавок их за которыми есть тягло тянуть» (РГАДА. Ф. 137. Суздаль. Кн. 1. Л. 195). В справке, составленной комиссией строения Санкт-Петербурга и Москвы для Екатерины II в 1774 г. на основании выписок из документов Приказа каменных дел, упомянут указ 7158 г., сохранявший их положение незыблемым (Документы о кирпичном производстве… С. 22). Маловероятно, что речь идет о двух различных документах, но с льготной торговлей кирпичники, в любом случае, не расстались. Так, гуляне продолжали торговать безоброчно и до очередного подтверждения жалованной грамоты в 1661 г.

Туле в тягло имали «из днепровых казаков и из розных чинов людей и из дворников и из крестьян и из гулящих людей и из захребетников», а также из пушкарей, воротников, засечных и земляного вала сторожей и даже из казенных кузнецов [34]. Кирпичников среди них — за исключением двух случаев, о которых ниже, — не упомянуто. Зато обращает на себя внимание парадоксальное, на первый взгляд, присутствие ряда лиц, имевших в 1625 г. отношение либо к Гончарной слободе, либо к гончарному ряду тульского торга, либо к гончарному производству вообще. Это названный в писцовой книге казенным гончаром, но не учтенный в списке 1628 г. Сенка Силин [35]; Гришка да Ивашко Федоровы дети Зарубины Миляевы тож, отец которых торговал «своим рукоделием» в гончарном ряду (да и жил по соседству с Гончарами); Ивашка Сонин, дядья которого «делали гончарное», проживая в самой слободе; Ермак Иванов сын Барымов, чьи дети только полтора десятилетия спустя будут числиться в записных кирпичниках [36]. Можно предположить, что массовое возвращение в посад «вчерашних» посадских гончаров было связано с тем, что в 30-е гг. все они были поголовно мобилизованы, но за время относительного затишья между войнами от активной «кирпичной службы» отошли, продолжая, тем не менее, пользоваться обретенными некогда льготами.

Ни к чему, по всей видимости, не привела попытка записать в посад Елисейко Спиридонова сына Гончарова с братом Клеменком, поскольку они по-просту не были сысканы [37]. Старший из братьев (он же Олиско Богданов, он же Елеська Спиридонов) входил в штат Приказа каменных дел в 1628 г., младший же будет числиться среди кирпичников уже в 1654 г. (см. ниже). Вероятно, данный случай был связан как раз с «бегами». Фамилия братьев фамилией в действительности не являлась. В списке упоминается множество профессий (бочарник, рыболов, овчинник, иконник и т. д.). Гончаровы — всего лишь дети гончара. Не удивительно, что под той же псевдофамилией в «черном списке» фигурирует еще один «латентный» кирпичник — Максимко Тихонов сын [38]. Однако социальная траектория последнего настолько причудлива [39], что анализ ее занял бы здесь непропорционально много места.

---

[34] РГАДА. Ф. 137. Владимир. Кн. 9. Л. 35, 49.

[35] В самой номинации («казенный гончар») ничего экстраординарного не было. Так, коллеги тулян из Коломны назывались в том числе и «Государевыми гончарами и кирпичниками» (*Булгаков М. Б.* Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город (Москва и Подмосковье). Вып. 4. М., 1981. С. 149). Однако в той же писцовой книге Сенка, проживавший по соседству с Гончарами и работавший у гончаров по найму (Тула: Материалы для истории города... С. 12), как и в сметной росписи 1635 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского Стола. № 54. Л. 93), фигурирует в качестве посадского человека. Тем не менее лавка его была обелена.

[36] РГАДА. Ф. 137. Владимир. Кн. 9. Л. 38 об., 40 об., 41, 43 об.

[37] Там же. Л. 42 об.

[38] Там же. Л. 40 об.

[39] В 1654 г. — драгун, после «конотопской службы», т. е., видимо, с лета 1658 — днепровский казак, с 1664 — кирпичник, в 1670 — староста тульских кирпичников.

«Роспись тульским кирпичникам что у кого в моровое поветрие жон и детей и братьев и племенников померло»[40] насчитывает 21 семью. 13 из них — потомки (в первом либо втором колене) или братья тех кирпичников, которые входили в штат Каменного приказа в 1628 г. либо были учтены сметой 1635 г. Однако ряды корпорации пополнялись не только за счет естественного прироста. Главами двух семей, упомянутых в «Росписи», являлись Логвин Иванов сын Барымов и Михайла Игнатов, старожилы тульской Гончарной слободы (в переписной книге города 1646 г. оба они еще пребывают в прежнем статусе[41]). Отец одного из них, Ивашка Борымов (как и его старший брат, Елистрат), и старший брат другого, Тихон Игнатов[42], упоминаются еще в писцовой книге 1625 г. А. Н. Сперанский отмечал, что к середине столетия «сложная и дорого стоившая доставка рабочих в Москву из отдаленных посадов и дальнейшая отправка их на место работы заставляли ограничивать территорию, захватываемую мобилизациями, а ограничение территории вынуждало к максимальному использованию тех посадов, которые входили в район мобилизаций»[43]. В рядах кирпичников они, по всей видимости, и оказались в начале 50-х гг., после одной из них.

«Роспись» примечательна и тем, что позволяет убедиться, насколько неукоснительно соблюдался тульскими воеводами запрет разводить семьи кирпичников. Исключение составляют лишь один случай разделившейся, да и то «по уважительной причине» (многолюдство), фратрерии и два автономного проживания дядь и племянников.

В конце 50-х гг. к корпорации примкнул еще один клан. В 1587—89 гг. на тульском рынке торговал горшками затинщик Кононка Михайлов сын Медведев. В 1625 — пушкарь Куземка Медведев (в 1635 г. — также затинщик). В 1646 — днепровский казак Матюшка Кузмин сын Медведев. Таким образом, торговля продукцией керамического производства являлась семейным предприятием. Несмотря на то что по торгу и промыслу «перспектива» тяглого состояния как для затинщиков, так и для днепровских казаков, поверстанных после Смоленской войны, согласно Уложению, была неизбежной, Медведевых среди новоприбылых тяглецов не оказалось. Как не оказалось их и среди тульских драгун, прибранных на службу в 1653 г. Тем не менее сын Матюшки Медведева Савка именно как драгун демобили-

---

[40] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 155. Л. 23—23 об. Экстерриториальность кирпичников загадочным образом проявилась и в несопоставимом с прочими городскими «сословиями» количестве жертв «морового поветрия»: от эпидемии пострадали лишь две семьи корпорации (в общей сложности 8 детей), в то время как всего в городе умерло 1808 человек (*Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв. Киев, 1915. С. 120).

[41] Тула: Материалы для истории города... С. 27.

[42] Его дети и племянники носили ту же фамилию (Молыгин), что и Савка Андреев, упомянутый еще в смете 1635 г. Вероятно, в данном случае была мобилизована родня (возможно, и не самая близкая) одного из членов корпорации, как это и предписывалось многочисленными указными грамотами.

[43] *Сперанский А. Н.* Очерки... С. 180.

зовался в 1657 г. (по причине временного невладения рукою и ногою), а год спустя, восстановив работоспособность конечностей, на волне очередной новальной мобилизации приступил к «кирпичной службе»[44]. На его привлечение к ней могло повлиять и то, что, «как и другие "приборные люди", пушкари и затинщики участвовали в строительстве и починке крепостей»[45], так что соответствующий опыт у него, вполне возможно, уже имелся. К середине 60-х гг. к нему присоединился брат Пимен, а следом потянулись и младшие братья.

В список тульских кирпичников 1665 г.[46] входило 9 глав семей «Росписи 1654 г.», один из них — с сыном, один — с братом; троих сменили сын, брат и племянники соответственно; имя еще одного упомянуто в поручных записях: сын уже знакомого нам Михайлы Игнатова, Евтифей, также назван в числе поручителей, в список же включены его двоюродные братья. Однако в подобные списки, по которым кирпичники высылались в столицу, имена «ветеранов кирпичной службы», как правило, не вносились. Так, в сметной росписи 1669 г.[47] упомянуто 15 глав семей полуторадесятилетней давности, шестерых из которых в 1665 г. к Москве и не требовали. В любом случае, к концу 60-х гг. состав корпорации заметно стабилизировался. В указанной смете представлены либо кланы, известные с 20–30-х гг. XVII в. (Богдановы, Власовы, Добрынины, Киреевы, Лаврушины, Миляевы, Молыгины, Фомины), либо ходившие в кирпичниках с 50-х гг. (Борымовы, Бурмошовы, Кобылины, Медведевы, Постуховы)[48]. Однако и в 60-е гг. «инкубационный» ее период еще был далек от завершения. В 1665 г. из восьми безусловно новых членов корпорации шестерых выслать было уже невозможно (двое — и без того жили на Москве, двое — «одрехлели», один, будучи рейтаром, был «взят в полон», один сидел на Москве в черной палате). Двумя годами позже в «Росписи розных городов недосылочных каменщиков и кирпичников»[49] появилось еще шестеро новичков (не считая тех, кто приходился родней фигурантам списков 1654 и 1665 гг.), но, судя уже по содержанию самой «Росписи», ненадолго. Только двое из них «мелькнули» в сметных росписях второй половины 70-х гг., чтобы исчезнуть в скором времени, подобно прочим, столь же «эфемерным» членам корпорации.

До середины 60-х гг. и количественный ее рост не был значительным. Вместе со стабилизацией состава «грянул» демографический взрыв. Видимо, к этому моменту требования Приказа утратили прежнюю жесткость, льготы же сохранялись, и прокреативность ее членов уже больше ничто не сдерживало. Если в 1669 г. в

---

[44] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 211. Л. 152.

[45] *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 359.

[46] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 366. Л. 137 об. — 138.

[47] Тула: Материалы для истории города... С. 115.

[48] Стадиальность формирования отразилась и в номинации: первое упоминание тульских кирпичников «старых и новых» относится только к 1670 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 211. Л. 149), тогда как для некоторых корпораций подобное разделение было введено еще в 20-е гг. (*Сперанский А. Н.* Очерки... С. 59–60).

[49] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 223. Л. 312.

Туле было 60 кирпичников (36 глав семей, 15 детей, 9 братьев), то к концу следующего десятилетия -- 91 (55, 25 и 11 соответственно)[50]. Причем подобная динамика была обусловлена в первую очередь последовательной реализацией все того же генеалогического принципа[51]. Вышеперечисленные кланы были представлены в составе корпорации следующим образом: Богдановы (3 брата, их дядя с сыном); Власовы (2 брата, у одного из них — четверо сыновей; 5 племянников); Добрынины (2 брата, у первого -- четверо сыновей, у второго -- один; двое племянников, у одного из которых — сын); Киреевы (2 брата, их племянник, их двоюродный брат и его племянник); Лаврушины (2 брата, у одного из которых -- сын); Миляевы (2 двоюродных брата и их троюродный брат); Молыгины (2 брата, у одного из которых — сын, трое их двоюродных братьев, а также представители двух альтернативных ветвей, у одного из которых имелся племянник); Фомины (3 брата, у одного из которых двое сыновей, их дядя с сыном, а также четверо двоюродных братьев); Борымовы (2 брата, их дядя с внуком и его дядя с двумя сыновьями, а также 2 носителя той же фамилии с неизвестной степенью родства); Бурмошов (одиночка); Кобылины (отец и сын); Медведевы (4 брата, у троих из которых было по сыну, у одного — двое); Постуховы (3 брата, двое из них — с сыновьями)[52].

Однако начиная с тех же 70-х гг. XVII в. по мере распространения подрядного способа организации строительных работ положение записных каменщиков и кирпичников становилось все более уязвимым. Так, в 1679 г. братьям, племянникам и внучатам тверских каменщиков и кирпичников, «у которых имеютца торговые промыслы», предписывалось «быть во Твери в посаде и в тягле». Пятью годами позже еще радикальнее обошлись с их коломенскими коллегами: «Быть в посаде, в тягле. И службы служить, и подати платить с посадскими людьми вряд, потому что деды их и отцы их и они в писцовых и в переписных и в строельных книгах написаны в Коломне посадскими тяглыми людьми». Симптоматично, что в первом случае ограничения коснулись именно родни (по боковой и нисходящей линиям), во втором же дефицит легитимности для дальнейшего несения «кирпичной службы» был усмотрен в тех же родственных узах (но уже по восходящей линии).

---

[50] РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. № 9. Л. 205—208. Интересно, что разделы в данный период табуировались уже не столь педантично

[51] Едва ли в кирпичники записывали «по женам», подобно тому, как это практиковалось в отношении посада и ямских слобод. Тем не менее в одной из смет вместе с ними, помимо ожиданных «детей и братьи», упомянуты и «всякие свойственники» (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 93. Л. 75). Не было особой необходимости и в поощрении профессиональной эндогамии, как в Кадашевской слободе (*Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа. Т. II. М., 1901. С. 566), хотя один ее случай нам все же известен (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5736. Л. 23). Думается, что та подготовка, которую обеспечивали своим малолетним преемникам опытные кирпичники, и без того вполне удовлетворяла Каменный приказ.

[52] В приведенном списке представлены и нуклеарные семьи, и простые фратрии. Не слишком корректное употребление термина «клан» связано с необходимостью унифицировать весь «ассортимент» семейных объединений кирпичников.

Понятно, что подобные меры были спровоцированы активностью посадских людей Твери и Коломны. По той же причине не иссякали хлопоты у калужских и владимирских кирпичников[53]. О тулянах нам известно лишь то, что в 1675 г. была предпринята попытка доправить на них десятую деньгу, но даже она ни к чему не привела[54]. В 1682 г. их общее число перевалило за сотню[55]. Клети, записанные за ними в горшечном ряду местного торга, оставались белыми и в 1685 г.[56] При этом далеко не во всех кланах корпорации «кирпичную службу» несло 4-е (реже — 5-е) поколение. Дети «новых» кирпичников имели все шансы вернуться в посад, где по «старине», а иным — и по торгу и промыслу, им и надлежало быть[57]. Возможно, туляне сохранили свое положение, благодаря землякам, казенным кузнецам, «заслонившим» их от посягательств посада[58]. Но возможно также и то, что вековая инерция кирпичной службы (по крайней мере, в отношении некоторых кланов) просто не позволяла посадским усомниться в незыблемости их статуса. Вероятно, та же инерция позволила корпорации сохранить свою целостность и в дальнейшем.

Чем же руководствовался Приказ каменных дел, учреждая отдельные корпорации каменщиков и кирпичников на посадах (включая и тульский)? Едва ли возможно говорить об апроприации готовых моделей. Слишком уж стихийно эти корпорации и складывались, и пополнялись. Тем не менее «параметры», характерные для прочих Государевых служб, без труда «различимы» и в их устройстве. Вечность службы — гарантировалась «каменщичьими и кирпичничьими» книгами Приказа, на основе которых составлялись именные росписи, ежегодно высылаемые воеводам. Обновлялись они, видимо, не слишком оперативно, но не настолько, чтобы не замечать утраты работоспособности тем или иным кирпичником. Но параллелизм со служилыми людьми по прибору, получавшими отставку «за старостью

---

[53] *Сперанский А. Н.* Очерки... С. 119—120; «Владимирские губернские ведомости». 1862. № 45.

[54] РГАДА. Ф. 159. Оп. 6. Д. 68.

[55] Там же. Ф. 210. Дела разных городов. № 100. Л. 195—197.

[56] Тула: Материалы для истории города... С. 94— 96. За исключением тех, которые принадлежали «неофитам» корпорации. Но и без того количество белых клетей в ряду было лимитировано.

[57] Интересно, что тульские посадские люди легко разграничивали тех кирпичников, отцы которых «бывали кирпичники», и тех, отцы которых «изстари бывали посадския тяглые люди», несмотря на то что с начала «кирпичной службы» последних минуло никак не менее 10-ти лет (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 211. Л. 40— 41).

[58] Дозировка иммунитета (по выражению С. Б. Веселовского) казенных кузнецов была не столь внушительна, как у кирпичников, и, следовательно, сокращала «дистанцию» между ними и посадскими людьми. Бесконечным территориальным конфликтам посада с кузнецами способствовало и то, что последних изначально было велено построить «на Туле за острогом особой слободою», расселение же их на протяжении всего XVII в. оставалось дисперсным (*Юркин И. Н.* Тульские оружейники: Очерк истории // Тульские оружейники: Сб. документов. М., 2003. С. 25, 80—82).

и увечьем»[59], был скорее вынужденным. Должно было смениться как минимум три поколения, прежде чем окончательно утвердился принцип старины кирпичной службы («потому что деды и отцы их были в каменщиках и кирпичниках»). Но, чтобы поколения бесперебойно следовали одно за другим, необходимо было сделать трансляцию «кирпичной службы» директивной. Возможно, в отношении тульских кирпичников была предпринята первая попытка закрепления их статуса в качестве наследственного. Однако стабильность и определенную герметичность их корпорация обрела не ранее середины XVII в. Причину столь «неспешной» реализации главного конституирующего принципа следует искать отчасти и в том, что представители их специальности традиционно «плохо поддавались организации и контролю»[60]. К той же середине столетия и ямские слободы получили возможность «простирать свои права не только на охотника, но и на его семью»[61]. Не ранее того же срока стала безоговорочно наследственной служба людей пушкарского чина. «Выход из всех, как служилых, так и тяглых, состояний» был благополучно «заперт»[62]. Известная дискредитация генеалогического принципа в элитарных группах[63] компенсировалась его утверждением на всем социальном пространстве государства. Таким образом, для всех вышеперечисленных социальных страт скорее были характерны симультанные процессы и ориентация на некий инвариант, подразумеваемый самой корпоративной структурой Московии, нежели наличие единого, безотказно действующего алгоритма. Одной из локальных вариаций «всесильного» инварианта являлась и корпорация тульских кирпичников. Хотя именно у кирпичников региональная идентичность, судя по всему, была выражена куда слабее, чем у прочих сословий: поскольку «кирпичная служба» протекала только вдали от дома и только в сотрудничестве с иногородними коллегами, отождествляли они себя скорее с «иных городов нашей братьей кирпичниками»[64], что превращало их экстерриториальность в факт самосознания.

Приказ каменных дел стремился «залучить» в свой штат не только родню уже пребывающих в нем кирпичников, но и всех специалистов по керамическому про-

---

[59] *Епифанов П. П.* Войско // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 255.

[60] *Миллер Д. Б.* Монументальное строительство как показатель тенденций экономического развития Северной Руси в поздний Киевский и монгольский периоды (1138—1462 гг.) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара, 2001. С. 116.

[61] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба… С. 227. Примечательно, что в случае ямских слобод достижение стабильности незамедлительно сказалось и на минимизации льгот. По несколько иным причинам та же участь ожидала и Кадашевскую слободу. Количество льгот у казенных кузнецов на протяжении всего XVII в., напротив, только возрастало (*Юркин И. Н.* Тульские оружейники… С. 26—28).

[62] *Ключевский В. О.* История сословий в России // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 371.

[63] *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ // *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 199—201.

[64] РГАДА. Ф. 159. Оп. 6. Д. 68. Л. 104.

изводству. В Туле ему это удалось вполне лишь к середине XVII в., когда корпорация кирпичников «поглотила» местную Гончарную слободу. Но, поскольку первое их поколение также рекрутировалось из местных гончаров, своя «историческая справедливость» в том, что начиная с XVIII в. и сама корпорация стала называться «Тульской Гончарной слободой»[65], а ее рядовые члены — «Гончарной слободы каменщиками и кирпичниками», безусловно, была.

[65] Тула: Материалы для истории города... С. 123.

Э. Монахэн (Альбукерк)

В поиске ревеня: об одном забытом эпизоде торговой политики России середины XVII в.*

С давных времен корень ревеня используется как хорошее чистящее средство. Европейцам было известно, что это растение привозят откуда-то с Востока. В семнадцатом веке корень ревеня становится все более популярным в Западной Европе. Осознав это, Русское государство начало проводить политику, направленную на максимальное извлечение прибыли из торговли ревенем. Хорошо известно, что государство стремилось контролировать эту торговлю. Однако менее известно, что правительство пыталось также разрабатывать внутренние источники промысла ревеня в Западной Сибири, о чем мы скажем далее.

Изучение ревеневого промысла в России позволяет нам расширить взгляд как на торговую политику, так и на особенности управления Сибирью в царствование Алексея Михайловича. Рассмотрим причины, почему изучение именно этого товара может быть перспективно. Например, через изучение торговли ревенем мы узнаем новые факты о роли, которую играло в Российском государстве такое национальное меньшинство, как бухарцы. Кроме того, изучение означенной проблемы вне национальных и имперских границ позволяет нам поставить Россию в более широкий контекст истории коммерции в раннее Новое время, рассматривая это государство как мост между Азией и Западной Европой. Наконец, наше исследование вполне вписывается в развивающееся научное направление, изучающее биологический межрегиональный обмен.

Весной 1653 года верхотурский крестьянин Федор Иванов сын Крисов бил челом царю Алексею Михайловичу. Он жаловался, что в течение года он столько времени провел в поиске ревеня, что он не успевал своим хозяйством заниматься и поэтому не смог выполнить свои обязанности перед государем[1]. Тем же летом в далекой Англии огородник Джон Эвелин, увидев ревень в Оксфордском ботаническом саду, выращивал ревень в своем огороде[2]. На первый взгляд, эти два факта никак не связаны. На самом деле этих двух людей, с разным мировоззрением, ничего не знавших друг о друге, обрабатывавших свою землю разными способами и с разными целями, объединяет одно: интерес к ревеню как к популярному ле-

---

* Выражаю глубокую благодарность Е. Е. Рычаловскому за помощь с переводом. Также благодарю А. П. Павлова, В. П. Седова и Е. В. Анисимова за помощь с изучаемыми документами. Благодарю факультет истории Стэнфордского университета за обеспечение средств на поездку.

[1] Архив СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 562. Л. 1.

[2] *Faust Clifford M.* Rhubarb: The Wondrous Drug. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1992. P. 21 (Далее — *Faust*).

карству семнадцатого века[3]. Труды по фармацевтике, такие как Жана де Ренуа в Dispensatorian Medicum (1615) и Йохана Бобарта Catalogus horti botanici Oxoniensis (1648), отражающие развитие медицины и ботаники, интенсификацию контактов между Европой и Азией, пользовались популярностью у западноевропейских аптекарей[4]. В этих трудах давалась высокая оценка лечебным свойствам ревеня, что способствовало увеличению спроса на это растение.

Хотя вопрос о том, в какой степени на изменения в употреблении медикаментов среди многих факторов влияли сами труды по фармакологии, является дискуссионным, несомненными остаются популярность ревеня и спрос на него, возраставшие в течение семнадцатого столетия[5]. Когда в 1614 году бояре спросили у приказчика Московской компании англичанина Джона Мерика, почему англичане добиваются торговли с Персией, в качестве одной из причин он назвал погоню за ревенем[6]. На протяжении века служащие Ост-Индской компаний при возвращении из Индии кораблей заполняли места, выделенные им для отправки груза, ревенем для последующей перепродажи[7]. Такая частная инициатива свидетельствует о высокой прибыльности ревеневой торговли.

К слову, речь идет о корне ревеня, а не о листьях — они ядовитые — и не о стебле — он кислый, и для улучшения его вкусовых качеств, как говорилось в одном рецепте пирога из «сибирского ревеня», отправленном в 1739 году по почте из Англии в Америку, требовался сахар, довольно дорогой и недоступный широким слоям населения в семнадцатом веке[8]. Именно корень считался самой ценной частью этого растения в рассматриваемый период.

Попытки Джона Эвелина и других культировать ревень в Англии не удались в семнадцатом веке[9]. К концу того века ревень в Европе еще считался редким иноземным лекарством, и русское правительство воспользовалось этим для увеличения прибыли от его продажи. Доходы, поступавшие при этом в казну, могли быть велики, хотя требуются более конкретные данные об их размерах. Например, в

---

[3] *Leigh Denis.* Medicine, the City, and China / Medical History. № 18. 1974. P. 54—55 (Далее — *Leigh*); *Faust Clifford.* Customs 3 and Russian Rhubarb: A Note on Reliability / Journal of European Economic History. № 15. 1986. P. 555; *Faust.* P. 9—10; *Suraiya Faroqhi.* The Venetian Presence in the Ottoman Empire (1600—1630) / Journal of European Economic History. № 15. 1986. P. 379.

[4] *Faust.* P. 21, 34.

[5] *Leigh.* P. 54; *Faust.* P. 57; *Laurence Brockliss, Colin Jones.* The Medical World of Early Modern France. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 307; *Nancy G. Sirais.* Medieval and Early Renaissance Medicine: An Introduction to Knowledge and Practice. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 143—147.

[6] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. XX. М., 1996. С. 511.

[7] *Leigh.* P. 54—55.

[8] *Faust.* P. 214, 309. For a study on the globalization of the sugar trade see: *Sidney W. Mintz.* Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. New York: Viking, 1985.

[9] *Faust.* P. 22.

Сибири ревень мог стоить десять рублей за пуд; в Москве — пятьдесят рублей, а в Западной Европе гораздо больше[10].

Из исторической литературы хорошо известно, что торговля ревенем строго регулировалась государством. Ревень сначала был указным, а потом заповедным товаром[11]. Менее известно, что московское правительство стремилось не только контролировать торговлю, но и осваивать внутренние источники промысла ревеня на территории Сибири. Об этом, в частности, говорится в работах Одри Бартон и Х. Трусевича. По их сведениям, в 1668, 1675 и 1696 годах царское правительство приказало снарядить отряды из сибирских служилых людей на поиски ревеня[12]. Но конкретные факты не приводятся, и о результатах этих экспедиций практически ничего не известно.

Этот доклад освещает один из самых ранних эпизодов в государственных поисках ревеня. Данный доклад подготовлен по материалам Верхотурской воеводской канцелярии 50-х годов семнадцатого века. Найденные нами документы показывают, что с 1652 по 1654 год московское правительство стремилось не только контролировать торговлю, но и развивать промысел ревеня на территории Сибири.

Коротким сибирским летом 1652 года приказчикам разных слобод в Верхотурском уезде было велено собрать людей и припасы для некоего государева дела[13]. Уже использование такого выражения — «государево дело» — показывает, что поиски ревеня имели в глазах московского правительства высокую степень важности. Приказчик Ницинской слободы Григорий Барыбин должен был возглавлять поиски ревеня. Выполнить приказ было не так просто. Барыбин жаловался, что ирбитский приказчик не подчинялся указу помогать в обеспечении людьми и припасами[14]. В ответ тот объяснял, что у него не было лишних людей и оружия[15]. Деятельность поисковой группы проходила на территории, где кочевали калмыки, часто нападавшие на русские партии[16].

---

[10] *Зияев Х. З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983. С. 69; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля западной Сибири в XVII в. М., 1967. С. 213; *Burton Audrey.* The Bukharans: A Commercial and Diplomatic History, 1350—1700. Surrey (England): Curzon, 1997. C. 384; *Hellie Richard.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600—1725. Chicago: University of Chicago Press. 1990. P. 13.

[11] *Куц В. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 106; *Потанин Г. Н.* Караванная торговля с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // ЧОИДР. 1868. Кн. 2. С. 21—213; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... С. 213; *Он же.* Бухарцы и их торговля Западной Сибири в XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI — начало XX вв. Сб. статей. Новосибирск, 1987. С. 186; *Зияев Х. З.* Экономические связи... С. 44; *Burton Audrey.* The Bukharans... P. 482—483, 515; *Faust.* P. 46—78; *Hellie Richard.* The Economy... P. 37.

[12] *Burton Audrey.* The Bukharans... P. 516, 525; *Трусевич Х.* Посольскія и торговыя сношенія Россіи с Китаемъ. М., 1882. С. 107.

[13] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 22. Л. 42, 43.

[14] Там же. Л. 48; Там же. Д. 297. Ч. 1. Л. 18, 26.

[15] Там же. Д. 22. Л. 44.

[16] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 22. Л. 49.

Отрывок инструкции Панкратию Семеновичу Перхурову содержит детали разведки ревеня. Перхуров должен был внимательно смотреть за казаками и крестьянами, чтобы они не брали ревень себе. Он должен был аккуратно записывать, сколько корня ревеня выкопали и высушили. Он не должен был допускать местных жителей к тем местам, где нашли ревень, чтобы никто, кроме особо уполномоченных на то государем людей, не мог собирать этот ценный корень. Если бы он обнаружил людей всяких чинов или иноземцев в этом районе с уже найденным ревенем, то должен был конфисковать его в казну[17]. Возможно, летом 1652 года Барыбин и Перхуров возглавляли отдельные экспедиции. Через год, в июне 1653 года, Перхуров был заменен верхотурским сыном боярским Прокопием Буженинным, который стал отвечать за промысел ревеня в Верхотурском уезде[18].

Скорее всего, Перхуров был отстранен от этого важного государственного дела из-за своей некомпетентности. В 1653 году он отправил хлеб ближе к району поиска. Хлеб предназначался для беломестных казаков и других людей, промышлявших ревень по реке Исеть. По сказкам Перхурова, старец Исетского монастыря Долмат отказался хранить хлеб. Перхуров тогда сложил зерно в другое место, но его украли[19]. Москва отнеслась к этому неодобрительно. Грамота от 12 августа 1653 года обвиняла Перхурова в небрежности. Верхотурским приказным людям было велено хлеба Перхурову больше не выдавать[20].

Не только служилые люди участвовали в этом государевом деле. Вернемся к крестьянину Федьке, сыну Ивана Крисова. Этот крестьянин из Ницинской слободы участвовал в поиске ревеня под началом Барыбина летом 1652 года. Тогда Федька выкопал семь пудов ревеня. Затем его снова отправили в поисковую экспедицию во главе с Перхуровым. В этот раз он выкопал пятьдесят пудов ревеня. Однако Крисов, как сказано выше, жаловался на то, что немало времени провел в поисках ревеня и у него не осталось времени для работы на десятинной пашне. Он просил, чтобы царь освободил его от обременительной повинности[21]. Царь удовлетворил его просьбу и указал воеводе снять с Федьки пашню «и положить на кого можно на семейных людей»[22].

Несмотря на все вышеописанные проблемы, связанные с организацией и управлением добычи ревеня, поиски растения достигли результата. Разведывательные экспедиции нашли ревень. 3 января 1653 года первые посылки дошли до Москвы: Верхотурские служилые люди Иван Карташев и Личко Евсеев доставили четыре пуда свежего корня черенкового ревеня, выкопанного на реке Исеть. Верхотурский сын боярский Измаил Коптев и служилые люди Михаил Похалуев и Иван Прянишников доставили шестьдесят три и три четверти пуда корня черенкового реве-

---

[17] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 22. Л. 53—54.
[18] Там же. Л. 56—57.
[19] Архив СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 558. Л. 1.
[20] Там же. Д. 556. Л. 9—11.
[21] Там же. Д. 562. Л. 1.
[22] Там же. Л. 1 об.

ня[23]. Барыбин сам привез одинадцать пудов восемнадцать гривенок в Сибирский приказ в марте 1653 года[24]. Воевода Лев Тимофеевич Измайлов писал, что в итоге в 1652/3 (7161) году в Верхотурском уезде найдено было семьдесят девять пудов восемь гривенок корня ревеня[25].

Речь здесь идет о попытках найти дикорастущий ревень. Следует, однако, обратить внимание еще на один момент. Историк Трусевич писал, что слобода Барневка была построена на речке Барневке, притоке Исети, именно после того, как там нашли ревень[26]. Он же сообщает, что по государеву указу на границе с Китаем купили лучшие семена ревеня и потом сажали их в местах произраста-ния сибирского ревеня, но безуспешно[27]. Поскольку Барневка ни разу не названа во встречавшихся нам документах, неясно, связаны ли эти эпизоды. Тем не менее этот факт освещает еще один аспект торговой политики: как и у англичанина Джона Эвелина, у русского правительства существовала идея культивирования ревеня на родной почве.

Если эти ранние попытки найти ревень были успешными, то почему о них практически ничего не известно? Ответ на этот вопрос мы находим в грамотах Сибирского приказа, направленных в 1653 году в Верхотурье. Вскоре, после того, как начали доставлять сибирский ревень в Москву, возникла проблема: в Москве торговые люди не покупали сибирского ревеня. Сначала правительство решило, что не покупали Сибирский ревень из-за плохого качество промышленной работы в Сибири. Грамота, написанная воеводе Л.Т. Измайлову от Сибирского приказа 17 января 1653 года, упрекала его в том, что тот ревень, который был послал в Москву, был «копан не бережно... не очишавал... и не высушивал»[28]. Но спустя несколько месяцев поняли, что причина была более основательная: выкопали в Сибири не тот сорт ревеня. В июне 1653 года Сибирский приказ отправил новую грамоту в Верхотурье. В ней содержались новые инструкции Буженину, заменившему некомпетентного Перхурова. Согласно прежней инструкции, Буженин с двумя стрельцами и 120 казаками должен был искать и высушивать два вида ревеня — копытчатый и черенковый — и отправлять весь ревень зимним путем в Москву. Теперь же Буженину предписывалось больше не отправлять черенковый ревень в столицу. Грамота поясняла, что такой ревень считается худым и никто его в Москве не покупает. На будущее предписывалось продавать черенковый ревень в Верхотурье на гостином дворе и использовать доходы от продажи на местные нужды. Если же и в Верхотурье черенковый ревень не будет пользоваться спросом, тогда Буженину не следовало более тратить государственные средства на его по-

---

[23] Архив СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 555. Л. 5—6; Там же. Д. 556. Л. 4.

[24] Там же. Д. 555. Л. 11. 1 гривенка = 0.13 пуд.

[25] РГАДА. Ф. 214. Ст. 462. Л. 276.

[26] *Трусевич Х.* Посольскія и торговыя сношенія... С. 107. Я один раз встретила деревню «Барневка» в таможенной книге. См.: РГАДА. Ф. 214. Кн. 892. Л. 42.

[27] *Трусевич Х.* Посольскія и торговыя сношенія... С. 107.

[28] РГАДА. Ф. 214. Ст. 414. Л. 7.

иски[29]. Грамота умалчивает о другом сорте ревеня — копытчатом. Но с известной осторожностью можно предположить, что его продолжали искать. При этой грамоте были возвращены из Сибирского приказа непроданные шестьдесят семь пудов двадцать гривенек ревеня[30].

Другие источники и данные о ценах подтверждают, что копытчатый ревень был более популярен и дороже, чем черенковый. Хотя, надо полагать, Сибирский приказ слукавил, когда писал, что никто не покупает черенковый ревень, так как бухарские караваны и в то время, и более чем полвека спустя привозили в Россию, как правило, и копытчатый, и черенковый ревень[31]. Может быть, черенковый привозили даже в не меньших количествах, чем копытчатый. Например, в таможенной книге Тюмени 1728 года сорок два пуда из пятидесяти пудов растения были декларированы как черенковый ревень[32]. Вряд ли бухарцы ввозили бы столько ревеня при отсутствии спроса.

Таким образом, документы Верхотурского архива показывают, что в правление царя Алексея Михайловича в пятидесятые годы семнадцатого века была выработана политика промысла ревеня в Западной Сибири. То есть московское правительство пыталось осуществить идею использования внутренних источников ревеня раньше, чем считается в литературе, даже на десять лет раньше, чем это предлагал сосланный в Тобольск Юрий Крижанич в своем трактате «Политика».

Цель, которую ставило перед собой государство, — извлечь прибыль из внутренних источников, — не была достигнута, так как ревень, который нашли в Сибири, считался худшего качества, чем тот, который привозили из Китая. Все же доклад дает более полное представление о русской торговой политике. Мы видим, что государство стремилось к большему, чем просто контролировать торговлю. Источники позволяют также взглянуть на повседневное администрирование в Сибири под несколько иным углом зрения.

Помимо того, что, изучая промысел и торговлю ревенем, мы получаем новые конкретные сведения по истории Западной Сибири середины семнадцатого века, исследование политики, практики и знаний, связанных с этим прибыльным товаром, имеют более широкое значение. Это дает хорошие перспективы, когда становится возможным дополнительно проанализировать русскую торговлю и налоговую политику. Очень важно то, что внимание к торговле ревенем может осветить связи между торговыми людьми, в том числе между бухарцами и русскими. Бухарцы, как известно благодаря работам Вилкова, Зияева, Бахрушина, Потанина и английского историка Бартон, были влиятельным национальным меньшинством в Российском государстве. Они играли важную роль в торговле с Азией. Через изучение промысла ревеня мы можем увидеть Россию в более широком контексте как мост между Азией и Европой.

---

[29] Архив СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 556. Л. 12—13.

[30] Там же. Л. 4.

[31] РГАДА. Ф. 214. Кн. 301. Л. 4—16.

[32] Государственный Архив Тюменской Области. Ф. 29. Д. 139. Л. 1 —23 об.

В заключение несколько слов о пользе исследований такого типа. Изучение торговли каким-то товаром — от икры до скрепки — создает призму, через которую историки освещают не только экономическую историю[33]. Например, историк Вильям Кронэн обнаружил много интересных деталей, изучая Чикаго девятнадцатого века[34]. Он блестяще объяснил изменения в технологии, политике и окружающей среде, проследив за разведением деревьев и свиней, выращиванием хлеба, торговлей данными биологическими объектами и употреблением выработанных из них продуктов в повседневной жизни. В этом смысле изучение промысла ревеня поможет нам глубже понять некоторые аспекты жизни общества, с которыми этот товар соприкоснулся в раннем Новом времени. За экономическим спросом, который влияет на государственную политику, стоит развитие ботанических, медицинских и других знаний[35]. Обращая на это внимание, мы вносим вклад в познание истории культуры. Таким образом, можно считать, что такое исследование пополнит развивающееся направление — историю биологического (в том числе ботанического) обмена.

---

[33] См., например: *Herlihy David V.* Bicycle: The History. New Haven: Yale University Press, 2004; *Kurlansky Mark.* Cod: A Biography of the Fish that Changed the World. New York: Penguin Books, 1998; *Levinson Mark.* The Box: How the Shipping Container Made the World Smaller and the World Economy Bigger. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006; *Saffron Inga.* Caviar: The Strange History and Uncertain Future of the World's Most Coveted Delicacy. New York: Broadway Books, 2002; *Petroski Henry.* The Evolution of Useful Things: How Everyday Artifacts-From Forks and Pins to Paper Clips and Zippers-Came To Be as They are. New York: Knopf, 1992.

[34] *Cronon William.* Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. 1st ed. New York: W. W. Norton, 1991.

[35] См., например: *Crosby Alfred.* The Columbian Exchange: Biological Consequences of 1492. Westport, CT: Greenwood, 1972; *Idem.* Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1986; *Schiebinger Londa.* Plants and Empire: Colonial Bioprospecting in the Atlantic World. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2004; Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World / Londa Schiebinger, Claudia Swan (eds.). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005.

А. И. Панков (Белгород)

Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в XVI — начале XVII в.*

Необходимым условием стабильного существования любого общества является наличие адекватной идеологической системы, обеспечивающей его членам эмоционально-ценностную ориентацию в мире. Следует признать, что после падения советской идеологии российское общество, вплоть до настоящего времени, не преодолело мировоззренческого кризиса. Поэтому большие надежды возлагаются на православие, которое и сейчас воспринимается как непременный атрибут русского традиционного существования, свидетельство национальной русской духовной культуры.

В свете данного обстоятельства особую актуальность приобретают исследования истории Русской Православной Церкви (далее — РПЦ). Для разрешения проблемы государственно-церковных отношений Юг России является уникальной территорией. Здесь переплелись необходимость противостояния католическо-униатской экспансии с Запада, постоянная опасность с мусульманского Юга, особенности распространения православия на новые земли, на которых, в отличие от Сибири или Севера, практически не было коренного населения.

Каждый город, построенный в ходе продвижения территории Российского царства на Юг, становился не просто новым военным укреплением, но и полноценным населенным пунктом, центром колонизации прилегающей территории. Естественно, что в этих российских поселениях должны были строиться православные храмы и монастыри, а также формироваться определенная церковная структура, необходимая для удовлетворения религиозных запросов населения. В исторической литературе обращалось внимание на исключительную роль государства в распространении православия на окраинах страны. Применительно к Сибири и Карелии упомянутую особенность кратко охарактеризовал митрополит Макарий (Булгаков), который описывал строительство государством церквей в острогах и основание монастырей[1].

Д. И. Багалей отметил тот факт, что храмы на Юге России нередко возникали одновременно с основанием городов. Он указал на случаи постройки вместе с крепостью не одной церкви, а сразу двух, приведя в качестве примера возведение Царева-Борисова. Этот исследователь остановился также на возникновении монастырей в приграничном районе. Он отметил тесную связь монастырского землевладения с их колонизаторской деятельностью. Тем не менее основной причиной

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ № 06-01-55108а/ц).

[1] См.: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1996. Кн. VI. С. 61—62.

появления монастырей в неспокойной пограничной зоне исследователь считал сильное религиозное чувство тогдашнего русского человека. По мнению Д. И. Багалея, в связи с опасностью неприятельских погромов, положение большинства монастырей на первых порах было довольно тяжелым[2].

Практически все церкви и духовенство обеспечивались земельными наделами. Им отводилось определенное количество сена (сенокосов), предоставлялось право пользования лесом и рыбными ловлями. Сравнение доли духовенства с аналогичными владениями прихожан не свидетельствует о сословной привилегированности священнослужителей. Нередко попы имели наделы, значительно уступавшие размерам наделов их прихожан[3].

После образования единого Российского государства его южные земли, в церковном отношении, подчинялись трем епископам: Рязанскому и Муромскому, Сарскому и Подонскому (Крутицкому), Смоленскому и Брянскому. Смоленская епархия присоединилась к Московской митрополии в 1514 г., в ее состав вошли города, отвоеванные у Великого княжества Литовского в 1500 г.: Чернигов, Брянск, Стародуб и Новгород-Северский. К сожалению, неизвестны точные границы тогдашних епархий РПЦ.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что, в силу различных причин, отдельные территории, города или церковные учреждения могли ведаться не в самой ближайшей к ним епархии. Так, Белевский Спасо-Преображенский монастырь, построенный еще белевскими князьями Солнцевыми-Засекиными в первой четверти XVI в., числился в Крутицкой епархии. Объяснить это можно тем, что к моменту основания монастыря Смоленск еще оставался в юрисдикции Великого княжества Литовского[4].

В Тульском кремле стояла соборная церковь Архистратига Гавриила, построенная «на каменное дело», и вторая, теплая, церковь. Характерно, что во всей Туле XVI в. не было ни одной каменной церкви, хотя и существовала обширная каменная крепость. На посаде стояло несколько деревянных храмов[5].

Ко времени отписания Епифани «на государя», в 1571—1572 гг., в ней числилось восемь казачьих слобод с пятью церквами. Внутри Дедилова стояла деревянная Покровская церковь[6]. Внутри небольшого города Венева (Городенска), число дворов которого, включая посад, не превышало 143, имелась церковь Параскевы Пятницы. В примыкавшем к городу посаде располагалась Преображенская церковь[7].

---

[2] *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. I. С. 116—117.

[3] Материалами Воронежского уезда этот вывод ранее был обоснован Э. В. Комоловой (см.: *Комолова Э. В.* Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края. Воронеж, 2002. № 10. С. 7).

[4] См.: *Макарий (Булгаков).* История... Кн. IV. Ч. I. С. 194—198, 213.

[5] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 382—383.

[6] Там же. С. 389—390.

[7] Там же. С. 51.

При анализе государева указа 1599 г. об основании Валуйки, И. Н. Миклашевский указал на примечательный факт: воевода Мосальский должен был взять с собой «церковное строенье» — иконы, ризы, церковную утварь, колокола, богослужебные книги и даже пшеничную муку для выпечки просфор[8]. Можно предположить, что роль государства была не менее значительной и при основании храмов в других южнорусских городах. По всей видимости, одновременно со строительством крепостных стен и башен Воронежа, в 1586 г. была возведена соборная Благовещенская церковь, которая имела придел Николая Чудотворца[9]. И если сооружение первого храма осуществлялось в русле других государственных мероприятий, проводившихся властями при постройке нового города в соответствии с установившейся практикой, то по прошествии незначительного времени появляются храмы, строительство которых связано уже с инициативой горожан.

В 1615 г. в Никольской церкви Стрелецкой слободы Воронежа служили два священника. Все церковное имущество: иконы, ризы и свечи — принадлежало священнослужителям. При храме была колокольня, на которой находились два колокола, приобретенные на средства попов, и шесть на средства прихожан.

Можно утверждать, что значительная часть воронежских храмов была сооружена и обустроена по инициативе и на средства прихожан, без участия государства. Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г. содержит сведения о храмах в других слободах Воронежа. Одной из самых старых воронежских слобод была слобода полковых казаков. В ней священники Афанасий и Кузьма Павлов на свои средства построили: первый — храм Рождества Христова и теплую церковь во имя св. Георгия, а второй — храм Параскевы Пятницы и теплую церковь во имя Дмитрия Солунского.

По предположению В. Н. Глазьева, к старейшим храмам Воронежа относилась церковь во имя пророка Ильи с приделом Фрола и Лавра, построенная священником Иваном Никитиным[10]. Известно, что этот храм был не только выстроен на средства его первого священника о. Ивана, но и им же снабжен церковной утварью. На колокольне при храме висели два колокола: один — попа, а другой — прихожан[11]. В слободе беломестных казаков в 1615 г. находилась церковь Покрова Богородицы. Церковная утварь была приобретена на средства прихожан. При этом в храме находились две кельи с нищими[12]. К числу старейших следует также от-

---

[8] *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. I. С. 25.

[9] См.: *Глазьев В. Н.* Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 46.

[10] Подробнее об этом см.: *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII века. Белгород, 2004. С. 94—95.

[11] См. об этом: *Комолова Э. В.* Указ. соч. С. 5.

[12] См.: *Акиньшин А. Н.* Храмы Воронежа. Воронеж, 1994. С. 8.

нести церкви, располагавшиеся в слободе полковых казаков, — Рождественскую, Пятницкую и Ильинскую. После 1594 г. могла появиться Покровская церковь в слободе беломестных казаков. В отличие от вышеназванных, в 1615 г. считалась «новой» церковь во имя Дмитрия Угличского с престолом Михаила Малеина в Напрасной слободе, «строение попа Матвея Афанасьева»[13]. К началу XVII в. относится появление церкви Иоанна Предтечи на Чижовке (она же Троицкая с приделом Усекновения главы Иоанна Предтечи)[14].

Дозорная книга Воронежского уезда[15] указывает на наличие четырех сел на правом берегу Дона, но лишь в одном из них, с. Губареве, имелась церковь (Богоявленская, «строение попа Федора»), не пострадавшая от татарского набега 1613 г. Напротив, церковь св. Георгия в с. Гвоздевке, Богоявленская церковь в с. Большом Терновом и Архангельская в Малом Терновом запустели[16].

В двух селах на р. Усмани в 1615 г. находились: в с. Собакино храм с двумя престолами — во имя Николая Чудотворца и во имя Дмитрия Солунского («строение попа Власа»); в с. Боровом церковь Введения Пресвятой Богородицы с приделом Живоначальной Троицы («строение мирское»). На левобережье Воронежа располагались две церкви: в с. Ступино (церковь во имя Дмитрия Солунского) и в с. Излегощи (храм во имя Рождества Христова).

На территории будущего Четровицкого стана, на правом берегу р. Воронеж, от с. Чертовицкого до Карачунского монастыря в 1615 г. было построено пять церквей и одна часовня. В с. Четровицком теплая церковь с трапезною во имя Михаила Архангела. В сельце Грязном имелась Пятницкая церковь («строение мирское», книги и ризы попа Василия Филипова). Храм Николая Чудотворца был в с. Рамонь, в с. Березово располагалась церковь Обновления храма Христа, а в с. Лопатки — Пятницкая церковь. Кроме того, в сельце Животинном находилась часовня, «наречена церковь Архангела Михаила».

На территории будущего Карачунского стана к 1615 г. возникли четыре церкви и одна часовня. В с. Сенном — церковь во имя Архангела Михаила, в с. Манино — храм Рождества Христова, в с. Курино — церковь Николая Чудотворца, в с. Белоколодезь — Богоявленская церковь, а в сельце Вербилово — часовня во имя Козьмы и Демьяна. Всего в Воронежском уезде в 1615 г. находилось 17 церквей и две часовни.

По наблюдениям Э. В. Комоловой, первые священники прибывали в Воронеж из внутренних областей России. В дальнейшем воспроизводство духовенства осуществлялось за счет детей местных священников. Причт воронежских церквей был невелик, он состоял обычно из одного-двух попов и одного, в редких случаях двух, пономарей. Дьяконы же, к примеру, в 1615 г. были только при соборной Благовещенской и Никольской церквах[17].

---

[13] См.: *Глазьев В. Н.* Страницы... С. 46.
[14] *Акиньшин А. Н.* Указ. соч. С. 29.
[15] См.: *Глазьев В. Н.* Страницы... С. 60.
[16] *Комолова Э. В.* Указ. соч. С. 4.
[17] Там же. С. 4—5.

По подсчетам того же историка, в Воронеже в 1615 г. из 194 четвертей церковных земель в поле на каждого священника в среднем отводилось по 7,5—15 четвертей земли в поле (здесь и далее количество земли приводится по трехпольной системе, когда измерялся один из трех равных участков.— *А. П.*), а на казака по 20—30 четвертей. В селах нормой земельного надела для церквей было 15 четвертей в поле. Исключение составляли села Бел-Колодезь (30 четвертей), Собакино (20 четвертей), Большое Терновое (20 четвертей), Чертовицкое (18 четвертей), Гвоздевка (10 четвертей), Животинное (10 четвертей), Грязное (10 четвертей) и Рамонь (10 четвертей), а сельские помещики обычно имели порядка 80 четвертей. В это же время воронежские церкви владели 50—150 копнами сена, а соборной принадлежало 300. На сельские храмы приходилось, как правило, 20 - 30 копен, за исключением церкви с. Собакина (140 копен) и с. Бел-Колодезя (60 копен)[18].

Одновременно с постройкой крепости Оскол начинается храмовое строительство и формирование церковной структуры в этом населенном пункте. Известно, что на западной стороне детинца находилась церковь Николая Чудотворца. Она имела придел во имя Параскевы, нарицаемой Пятницей, стоявший отдельно от здания основного храма. За р. Оскол, в сторону Чуфичевского леса, вместе с землями станичных вожей и атаманов находились церковные поля. А владения дьячка, пономаря и просвирницы располагались за р. Осколом, в общей даче с приходскими священниками. Всего за храмом числилось 130 четв. пашни, лесных угодий и «дикого поля». Кроме того, имелся собор в честь Преображения Господня. Соборный храм имел два придела: святого князя Владимира Киевского и Федора Стратилата. В остроге находилось еще три церкви: во имя св. Георгия, Покрова Пресвятой Богородицы и Никиты. За р. Осколом, в Ровеньском лесу, находилось 120 четв. поместной земли, принадлежавшей соборной церкви, там же были земельные дачи приходских священников.

В слободе станичных ездоков, находившейся в большом остроге, был выстроен храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом святых мучеников Фрола и Лавра. Здесь же был нестыкованный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы и святых мучеников Бориса и Глеба[19].

За крепостной стеной, напротив больших ворот, была выстроена церковь во имя Архистратига Михаила. После разорения 1616 г. она была поставлена на новом месте. В Беломестной слободе была поставлена церковь Козьмы и Дамиана с приделом Пресвятой Богородицы Честнаго Благовещения. Земля этому храму была отведена за р. Осколом, рядом с владениями станичных ездоков, и перед рекой, в районе государственной мельницы. За р. Осколом, в Ямской слободе, не позднее 1601 г. была построена церковь Обновления Храма Воскресения Христова. В 1596 г. жители Ездочной слободы выстроили на Сведенской поляне храм во имя Явления Святой Богородицы Одигитрии[20].

---

[18] *Комолова Э. В.* Указ. соч. С. 7.

[19] *Никулов А. П.* Старый Оскол. Курск, 1997. С. 61—62, 168—170.

[20] Там же. С. 170—171.

После постройки Оскола появляется Оскольский уезд. Известно несколько православных храмов, существовавших в нем к началу XVII в. Среди них церковь Архангела Михаила в с. Нижнее Чуфичево (Чуфичевский стан), построенная, скорее всего, одновременно с основанием города. В с. Яблоново Дубенского стана стояла церковь Николая Чудотворца, построенная в начале XVII в. В Ублинском стане, в с. Караваево-Геросим, имелась церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая сгорела в 1612 г., а следовательно, была построена еще до Смуты. В этом же стане был еще один храм — церковь Параскевы Пятницы в с. Пятницкое-Черкасское. Она была построена в конце XVI в.[21]

Монастыри на Юге Российского царства в рассматриваемое время строились, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, т. е. это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустыней русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все монастыри открывались практически сразу после основания города, и их существование, строй монастырского быта были тесно связаны с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись. Объяснение такой ситуации И. К. Смолич видел в государственно-миссионерских задачах, стоявших перед новыми монастырями. По его мнению, так возникали православные монастыри на восточных рубежах Российского царства, так как для указанного района было характерно этнически пестрое население со значительной долей языческого элемента[22]. Однако такое объяснение не вносит ясности в проблему монастырского строительства на южных окраинах России, так как в этом регионе практически полностью отсутствовало коренное население, которое можно было бы оценивать как потенциальный объект миссионерской деятельности.

Как уже говорилось, большинство монастырей, существовавших на южной окраине страны в XVI в., тяготело к городам[23]. Обстановка постоянных крымских набегов и войн с Великим княжеством Литовским заставляла заботиться о безопасности населения монастырей. Обеспечить ее могли в тех условиях только надежные крепостные сооружения. В период с 1505 по 1533 г. возник Рязанский Спасский мужской монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (Феодосиева пустынь). Ранее 1519 г. был основан Рязанский Покровский Нищевский мужской монастырь близ села Белоомут на р. Оке, а ранее 1520 г. — Рязанский Спасский Терехов мужской монастырь в честь Воскресения Христова. До 1535 г. возник Рязанский Жерновский на р. Проне мужской монастырь во имя святого великомученика Никиты. С 1584 г. известен Рязанский Радовицкий мужской монастырь во имя святителя Николая. Нет точной даты появления Рязанского Даниловского мужского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы. По предположению А. А. Зимина, основная группа рязанских монастырей возникла еще до XVI в.[24]

---

[21] *Никулов А. Н.* Старый Оскол. С. 171—173.

[22] См.: *Смолич И. К.* Русское монашество. М., 1997. С. 115.

[23] Перечень см.: *Макарий (Булгаков).* История... Кн. IV. Ч. 2. С. 368—384.

[24] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 225.

В конце XVI в. отмечена хозяйственная деятельность Шацкого Чернева Николаевского Монастыря[25]. Так в 1596/97 г. крестьянин Иван Караченский передал ему свой бортный ухожей на р. Хопре. Ухожей находился при впадении р. Карачана в Хопер и занимал оба берега Карачана. В нем находились бортные деревья, рыбные и бобровые ловли, стояло «земляное зимовье»[26]. Монастырь ведался Рязанской епархией. Помимо упомянутых ранее, в этой епархии к концу XVI столетия насчитывалось еще три монастыря (Николаевский Радовицкий, находившийся в 65 верстах от Рязани, построенный при Иване IV, и два муромских монастыря – Благовещенский и Николаевский Бутылинский)[27]. Ранее 1611 г. возник Рязанский Облаченский мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы.

В тульском крае известен ряд монастырей. В их числе Белевский мужской монастырь в честь Преображения Господня (с 1525 г.). Этот монастырь был основан кн. Иваном Васильевичем Белевским. Другие тульские монастыри: Веневская Николаевская мужская пустынь в честь Богоявления (ранее 1566 г.); Балахинский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы (появился до 1571 г.); Веневский Всеволожский мужской монастырь во имя Пресвятой Богородицы (ранее 1578 г.); Каширский Березанский мужской монастырь (Саввина пустынь) во имя святителя Николая (ранее 1578 г.). В 1585 г. была основана Белевская Макариевская Жабынская мужская пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, а в 1587 г. — Тульский женский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы. В Никитском конце Тулы находился Предтеченский монастырь с двумя деревянными церквами. Он был обнесен оградой, внутри которой стояли кельи игумена, двух священников, дьякона и 13 монахов. При монастыре была слободка, населенная крестьянами[28]. Вышеупомянутый Веневский Николаевский монастырь был крупнейшим церковным вотчинником в крае[29].

По данным И. К. Смолича, в XVI в. в орловской земле было основано два монастыря[30]. Всего же в этом районе в XVI в. упоминаются четыре монастыря. Точные даты их основания неизвестны. Это Севская Площанская мужская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, Болховской Рождественский женский монастырь, Мценский мужской монастырь во имя апостолов Петра и Павла и Трубчевский Челский Новопечерский мужской монастырь в честь Преображения Господня.

С 1608 г. известен Путивльский женский монастырь во имя святителя Николая. В 1618 г. в Севске был открыт мужской Преображенский монастырь.

В Воронеже, спустя несколько лет после его основания, появляются первые монастыри. Старейший воронежский монастырь — Успенский. Попытка его

---

[25] *Макарий (Булгаков)*. История... Кн. IV. Ч. I. С. 212.

[26] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 234.

[27] См.: *Макарий (Булгаков)*. История... Т. IV. Ч. 1. С. 212.

[28] Там же. С. 383.

[29] Там же. С. 381.

[30] См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 123.

устройства относится к 1594 г. В августе этого года в Москве за счет казны было приобретено различное церковное имущество: книги, иконы, колокола, церковное вино, ладан и пр. Показателен следующий факт: перечисленное имущество было передано игумену Александру, но при этом воронежскому осадному голове И. Т. Кобякову было предписано: «Как строитель Александр образы, книги и колокола привезет, велеть ему церковь Успения поставить и монастырь ему велеть строить»[31]. Однако строителю Александру выполнить указ царя Федора Ивановича о постройке Успенского монастыря в Воронеже в тот год не удалось.

В начале 1616 г. игумен Феодосий от лица всех насельников Успенского монастыря (два священника и 26 монахов) обратился в Разрядный приказ с просьбой о разрешении переноса монастыря на Казарское городище. Кроме переноса самой обители, монахи просили взамен пашни на Тавровском поле отмежевать им земли, примыкавшие к Казарскому городищу (ранее эти земли обрабатывались казаками, которые к моменту подачи челобитной «разбежались»), выделить им рыбные ловли на р. Сосне, а также отмежевать монастырскую пашню на правом берегу р. Воронеж от земли пушкарей и затинщиков. Кроме того, челобитчики указывали, что до Смутного времени монастырь получал государеву ругу: денежное и хлебное жалованье, а в настоящее время руга не выдается. Взамен руги они просили предоставить монастырю право сбора пошлины с перевоза и пристани на р. Воронеж. 1 марта 1616 г. из Разрядного приказа воронежским воеводам В. Р. Пронскому и А. В. Лодыгину была направлена грамота, содержавшая указание о выполнении всех просьб Феодосия «с братиею», изложенных в их челобитной[32].

В 1613 г. игумен Семион получил царскую грамоту на строительство Борщева монастыря в честь Святой Живоначальной Троицы. Он основал обитель на свои средства. Ранее 1615 г. был основан Карачунский монастырь с церковью во имя Сретения Богородицы Владимирской и храмом Николая Чудотворца. Первое упоминание о нем датируется 6 апреля 1615 г., когда, по челобитью игумена Никона и монахов, в Воронеж была послана грамота с предписанием воеводам «беречь от обид» Карачунский монастырь. На средства атамана Назара Рязанцева в том же году был приобретен колокол, установленный в башне над Святыми воротами. Два колокола приобрел игумен Никон. Около монастыря находился скотный двор. Монастырю выделялось 200 четвертей пашни в поле и сенокосов на 800 копен[33].

Как отметил В. Н. Глазьев, еще один монастырь Воронежского уезда — Спасо-преображенский Толшевский — появился в Усманском стане на поместных землях детей боярских Пареновых после 1617 г.[34] Следует подчеркнуть то обстоятельство, что перечисленные монастыри (Толшевский, Борщевский и Карачунский)

---

[31] *Глазьев В. Н.* Страницы... С. 51.

[32] Подробнее см.: Там же. С. 51—54; *Он же.* Семья Протопоповых в истории Воронежского уезда и местном самоуправлении в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 32—38.

[33] *Глазьев В. Н.* Страницы... С. 57.

[34] Там же. С. 59.

стали основными элементами системы укреплений, прикрывавших подступы к Воронежу[35].

В Курском крае в XVI в. было открыто четыре новых обители. Это известная с 1557 г. Богородицкая Глинская пустынь около Путивля, Богородицкая Молчанская пустынь, находившаяся на расстоянии более 20 верст от того же города, Богородицкая Плащанская пустынь, располагавшаяся в полусотне верст от Севска, разрушенная в годы Смуты, а также Коренная Рождественская Богородицкая пустынь, основанная в 1597 г. в 30 верстах от Курска[36]. С 1612 г. упоминается Курский мужской монастырь в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы и Курский мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы. Последняя обитель находилась в самом Курске и была основана в начале XVII в.[37]

К перечисленным можно добавить Белгородский Никольский мужской монастырь, известный с 1599 г. Вероятно, в сентябре-октябре 1612 г. был основан Троицкий мужской монастырь Тюляфина пустынь в Оскольском уезде. В вотчину монастырю было выделено 120 четв. земли, из них 23 было отведено под пашню, имелось 20 десятин покосов, а также «звено реки Оскола, от устья речки Холковой до Окуня колодезя, по обе стороны реки Оскола, на берегу, по десятине...». Вдоль реки находились озера с рыбными и звериными ловлями, а также луга[38].

В 1591 г. или ранее был основан Тамбовский Турдышевский мужской монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. В 1611 г. был основан Тамбовский Добрый женский монастырь в честь Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы[39]. Самым южным монастырем, выдвинувшимся далеко в степь, в это время являлась Святогорская Успенская мужская пустынь, построенная в начале XVII в. при слиянии Оскола и Северского Донца[40].

Рассмотрев в общих чертах процесс складывания структуры РПЦ в южных уездах Российского царства в конце XVI — начале XVII в., следует отметить, что за довольно короткое время в данном регионе появилось достаточно много православных храмов и монастырей. Определенную роль в этом процессе сыграло государство. Можно предположить, что за государственный счет строилось только необходимое (минимально достаточное) для идеологического обеспечения колонизации количество храмов и монастырей. Затем, по мере заселения региона, появляются церкви, а порой и монастыри, возведенные уже местными жителями.

---

[35] См.: *Чесноков Г. А.* Градостроительное освоение Воронежского края // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 24.

[36] *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 123—125.

[37] См.: *Макарий (Булгаков).* История... Кн. VI. С. 132.

[38] *Никулов А. Н.* Указ. соч. С. 165—166.

[39] *Макарий (Булгаков).* История... Т. VI. С. 748.

[40] Там же. Кн. VI. С. 745—751.

Л. Б. Сукина (Переславль-Залесский)

Власть и общество в условиях «предписанного» православия XVI—XVII вв.: две точки зрения на обыденное благочестие (Источники компаративного исследования)

В истории русской культуры XVI—XVII веков можно, хотя и довольно условно, определить как период постепенного перехода от средневековья к Новому времени. С этими двумя столетиями и в массовом историческом сознании и в профессиональной историографии до сих пор связываются расхожие представления о симфонии государства и церкви, веры и власти, религии и общества, тогда как источниковый контент этого времени позволяет увидеть более неоднозначную и противоречивую картину социокультурных связей и взаимоотношений.

Самая важная группа источников — документы, связанные с утверждением норм православного вероисповедания. В нее необходимо включить материалы церковных соборов XVI—XVII вв., среди которых особую ценность представляют уложения Стоглавого собора и Великих соборов 1666—1667 гг.; Соборное уложение 1649 г.; царские и патриаршие грамоты, касающиеся религиозных вопросов. В их текстах представлены как «официальный» взгляд на благочестие, так и его реальное состояние в обществе, так как «по системе запретов можно понять, чем люди занимаются»[1].

Другая группа непосредственно отражает отношение общества к идеям, декларируемым государством и церковью. Это памятники письменности, связанные с коммеморационной практикой (в первую очередь вкладные книги и синодики), произведения нравоучительной литературы, полемические сочинения.

Третья группа источников — многочисленные сочинения иностранцев. Степень объективности этого «взгляда со стороны» на православное государство, церковь, общество и человека устанавливается методом сопоставления с информацией источников отечественного происхождения, касающихся того же круга событий и явлений.

Синтетический анализ полученных результатов такого многопланового источниковедческого исследования поможет понять картину взаимоотношений православного государства и православного общества XVI—XVII вв., уточнить место, которое в ней занимала церковь, уяснить общее и различное в ментальностях европейского и русского христианских социумов на переходе от средневековья к Новому времени.

В рамках небольшой статьи невозможно детально проанализировать все обозначенные выше группы источников и рассмотреть все связанные с ними аспекты

---

[1] *Эко У.* Маятник Фуко. СПб., 2004. С. 103.

обыденного православного благочестия XVI— XVII вв. Поэтому, намеренно сужая поле исследования, остановимся на сопоставлении взглядов современников на эту проблему, запечатленных в официальных документах государственных и церковных властей и сочинениях иноземцев, представлявших западноевропейские христианские конфессии.

В середине XVI в. русское государство и церковь предприняли ряд шагов по укреплению устоев православия как государственной религии. Официальные мероприятия в этой области сопровождались созданием регламентирующих текстов юридического (Стоглав) и нравственно-учительного (Домострой) характера, в которых была сформулирована культурная норма православного благочестия и повседневного религиозного поведения русского человека, основанная на принципах следования древним традициям веры и подчинения светским и духовным властям. Эта норма не встретила сколько-нибудь серьезных возражений в обществе, даже со стороны деятелей церкви и представителей светских кругов, склонных к богословской рефлексии. А. В. Карташев, писавший о том, что официальная церковь и государственная власть одержали победу в этой области оттого, что в возникших после Стоглавого собора спорах задумавшегося об истинности его решений «передового меньшинства» народ «безмолвствовал»[2], не заметил, что это самое «меньшинство» в лице игумена Артемия и дьяка И. М. Висковатого дискутировало в сфере таких богословских тонкостей, которые были непонятны даже верхушке церковной иерархии. Более того, Висковатый вообще рассуждал не об установлениях самого Стоглава, а о нарушениях их воплощения в иконописной практике уже после собора. В необходимости же следовать традициям древнего благочестия никто, по-видимому, не сомневался.

Утверждение нормы, тем не менее, вовсе не означало ее непременного соблюдения всеми верующими. Источники последующего времени свидетельствуют как раз об обратном. Документы, связанные с направленной на укрепление и реформу русской православной церкви деятельностью патриархов Иосифа и Никона, а также придворного московского кружка «ревнителей древлего благочестия», показывают, что почти все «нестроения» и отступления от православных религиозных обычаев, о которых говорилось в тексте Стоглава, и по прошествии целого века все еще имели место в жизни духовенства и рядовых верующих. Нарушения правил вероисповедания, грубые забавы и языческие суеверия были распространены даже при царском дворе. Духовник царя Алексея Михайловича Стефан Вонифатьев вновь, как и его уже довольно далекий предшественник Сильвестр, был вынужден тратить немало усилий и красноречия для восстановления благочестия в окружении молодого государя. Во время женитьбы Алексея на боярышне Марии Милославской ему удалось настоять на том, чтобы свадебная церемония в царской семье была проведена в согласии с духом православия. Царь, подавая пример своим подданным, отказался от скоморошьих игрищ и светских забав с музыкой и «студными» песнями, и церемония свершалась «в тишине и страсе Божии, и

[2] *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 1. С. 516.

в пениях и песнех духовных»[3]. Вскоре после своего венчания на царство Алексей Михайлович лично и через посредство патриарха Иосифа предпринимает ряд действий, направленных на законодательное восстановление и укрепление благочестия вверенного ему населения.

Еще Стоглав отмечал, что и священнослужители, и миряне ведут себя в храмах во время богослужения неподобающим образом, и запрещал в церквях и монастырях пьянство, громкие разговоры, нарушения порядка церемоний и отправления обрядов. О том, что нарушение этого запрета имело место и в последующее время, свидетельствует жалованная грамота от 11 мая 1629 г. ярославскому Толгскому монастырю, где говорится, что игумен Серапион обращался с челобитьем к воеводе Дмитрию Васильевичу Лодыгину и дьяку Василью Ларионову и жаловался на ярославцев, приезжавших к стенам монастыря в престольный праздник Богородицы Толгской с кабаком и хмельными напитками[4]. Составленная патриархом Иосифом «Память тиуну Манойлову» 1636 г. констатирует, что и по прошествии нескольких десятков лет после Стоглавого собора даже в московских храмах священники не соблюдают соборных установлений сами и не поучают мирских людей нормам благочестия. Нерадивые пастыри, небрежно ведущие богослужение и потакающие своим «пьянственным нравам» и «лености», не могут правильно влиять на паству. Миряне при таких священниках «с бесстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобныя с смехотворением», поповские и мирские дети играют в алтаре во время службы, а «шпыни» утраивают в церквях драки и «великую смуту и мятеж», задевая молящихся бранными словами, неизвестные люди собирают с присутствующих в храме деньги, якобы на строительство церквей, настоящие и ложные юродивые и нищие «в церквах ползают, писк творяще, и велик соблазн полагают в простых человецех»[5]. В другой грамоте патриарха Иосифа более позднего времени (1646) еще раз говорится о том, что в московские церкви некоторые верующие «приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывают копейца железные и бывает у них меж собя драка до крови и лая смрадная»[6].

В 1647 г. по всем епархиям и монастырям был разослан приговор государя, патриарха и собора священных иерархов о запрещении производить какие-либо работы и торговать с начала субботней вечерней и до окончания воскресной вечерней службы. Это же правило распространялось и на все праздники христологического цикла[7]. А в 1648 г. был издан царский указ о запрещении скоморошьих игрищ, языческих обрядов и суеверий. Он предписывал православным в воскресные и праздничные дни посещать церковь, а от «бесовских игр» уклоняться. Нарушивших указ первые два раза местным властям бить батогами, а застигнутых и после

---

[3] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 442.

[4] Царские грамоты, жалованные ярославскому Толгскому монастырю // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1897. № 13. С. 200—202.

[5] ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 264. С. 401—402.

[6] Там же. Т. 4. № 321. С. 481—482.

[7] АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 6: VI. С. 28.

этого за занятиями чародейством, на непристойных игрищах и скоморошьих гуляниях отсылать на более суровую расправу к воеводам[8].

Борьба с нарушениями благочестия нашла отражение в тексте Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г.[9] Не вступая в противоречие со Стоглавом, светская и церковная власть в 40-е гг. XVII в. еще более жестко регламентирует нормы поведения православного человека во время отправления им обязательных церковных обрядов, посещения храма. А также определяет распределение им рабочего времени и времени отдыха, которое, в идеале, должно быть посвящено благочестивым размышлениям и участию в жизни церковной общины. К середине XVII в. внешняя сторона взаимоотношений человека и православной веры оказалась оформлена законодательно и подпадала под контроль властей.

Наиболее подробно в исторической науке исследован следующий этап становления регламентированного православия, связанный с реформаторской деятельностью в религиозной сфере царя Алексея Михайловича и патриарха Никона и вызванным ею расколом русской церкви[10]. Некоторой частью населения реформа, вероятно, воспринималась как следующий шаг закрепощения, на сей раз духовного. По мнению А. М. Панченко, на реформирование религиозной сферы царь и патриарх пошли вынужденно, стремясь восстановить во многом к тому времени утерянный контроль церкви над паствой[11].

Соборы 1666—1667 гг. подводят итог реформам в части унификации обрядов и норм благочестивого поведения рядового духовенства и православных мирян, отменяя одни определения Стоглава, в то же время развивая те из них, что соответствовали интересам государства и церкви. В дополнение к обязательным для храмов и монастырей после собора 1551 г. поминальным и вкладным книгам было принято распоряжение о ведении духовенством «Книги крещенных» и «Книги о супружестве, о венчанных», которые должны иметься во всех соборных церквах[12]. Всем присутствующим на церковных службах повелевается во время пения стоять «по чину», поклоны творить «по преданию и уставу»[13].

Но, как и прежние, обновленные нормы «древлего благочестия» не смогли вытеснить традиционно укорененные среди рядового населения обычаи повседневного религиозного поведения. Причины этого пытались понять и объяснить не только отечественные «ревнители» веры, но и посещавшие страну иностранцы-христиане.

---

[8] АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 35. С. 124—126.

[9] Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М., 1913. С. 1—2.

[10] См., например, классические труды Н. Ф. Каптерева, Н. И. Субботина и сравнительно недавние исследования А. М. Панченко, Л. А. Черной и др.

[11] *Панченко А. М.* Церковная реформа и культура петровского времени // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. III (XVII — начало XVIII века). С. 495.

[12] *Субботин Н. И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1876. Т. 2. С. 127—128.

[13] Там же. С. 234—236; 242—246.

В XVI—XVII вв. контакты Русского государства с внешним миром стали более или менее регулярными. Московия вызывала у своих соседей интерес в силу географического положения, большой территории, неисчерпаемости рынков, потенциальной военной угрозы. Особое отношение к стране и ее населению складывается у государств Западной Европы, для которых христиане-московиты могли оказаться еще и союзниками в борьбе с опасностью турецкой экспансии. Поэтому европейские дипломаты, путешественники и торговые агенты в своих письменных отчетах и путевых заметках довольно большое внимание уделяют проблеме существа и качества христианской веры и благочестия русских людей.

Среди европейцев, совершавших краткую поездку в Русское государство или проживавших в стране достаточно длительное время, преобладали англичане, итальянцы, жители различных немецких земель, подданные австрийского императора, голландцы, шведы. Несмотря на различие национальностей, культур и конфессий, большинство из них отдают дань красоте русских храмов и монастырей, удивляются их многочисленности, впечатляющей драматургии православных обрядов и колокольного звона. При этом всех иноземцев неприятно поражает отсутствие образованности и тяги к богословской рефлексии у православного духовенства. Так, секретарь австрийского посольства Адольф Лизек, посетивший Москву в 1675 г., наряду с искренним восхищением московской церковной архитектурой («Нельзя выразить, какая великолепная представляется картина, когда смотришь на эти блестящие главы, возносящиеся к небесам»[14]) не может не отметить вопиющие, с точки зрения европейца, недостатки местного духовенства: «Попы люди неученые, не знают никакого языка, кроме русского и славянского; проповедей не говорят и не входят ни в какие прения (о вере)»[15].

Подчеркнуто почтительно к православной традиции русского человека относились итальянцы-католики: Альберт Кампензе, Марко Фоскарино, Джиованни Тедальди, Рафаэль Барберини, Антонио Поссевино и др. сходятся во мнении, что вера русского человека глубока и искренна, его благочестие отличается усердием и благопристойностью. Некоторые «языческие» привычки объясняются ими тем обстоятельством, что русские приняли христианство сравнительно недавно и в его греческом варианте. Как констатирует А. Кампензе: «...москвитяне были бы гораздо праведнее нас, если бы не препятствовал тому раскол наших церквей...»[16]. Римская курия надеялась осуществить идею унии католической и православной церквей, поэтому ее эмиссары сознательно не замечали конфессиональных различий и противоречий, а, наоборот, стремились даже в недостатках обыденного

---

[14] *Лизек А.* Сказания Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году // Иностранцы о древней Москве. (Москва XV—XVII веков). М., 1991. С. 367.

[15] Там же.

[16] *Кампензе А.* Письма Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии // Иностранцы о древней Москве. (Москва XV—XVII веков). М., 1991. С. 24.

православия рядового населения узреть его приверженность простоте и незамутненности излишним богословствованием изначальной евангельской веры[17].

Напротив, представители протестантских конфессий оценивают русское благочестие довольно жестко. Русские для них такие же «схизматики», как и католики. Англичане, немцы, голландцы отмечают варварство религиозных обычаев, непонимание русскими существа веры, незнание основных христианских текстов и «идолопоклонство», под которым они подразумевают поклонение иконам и любовь к нательным крестам и образкам. Особенно строги и беспристрастны были суждения представителей английского пуританского протестантизма XVI в.[18] Отношение англичан к богословским основаниям и практике православного вероисповедания и обыденным традициям отправления русскими религиозного культа в отечественной и зарубежной научной литературе всегда считалось тенденциозным и предвзятым, поэтому ему уделялось мало внимания в специальных работах и комментариях к публикациям текстов источников. Но исследования в сфере русской культуры позднего средневековья позволяют по-новому оценить объективность английского взгляда на русское благочестие XVI в.

Привычка к строгости и суровой простоте отправления культа в протестантской церкви заставляет англичан замечать многое из того, чего не видят или не считают чем-то особенным послы и путешественники из католических стран. Это обстоятельство делает записки английских авторов наиболее ценными в источниковедческом отношении. Конечно, стоит отметить тот факт, что основные сведения о религии и благочестии русских и их оценка в большинстве сочинений повторяются. Но есть и некоторые нюансы, которые позволяют говорить о том, что описания «русской религии» не являются прямым и исключительным заимствованием у предшественников, а имеют в своей основе и личные наблюдения каждого из пишущих.

Первое, на что обращает внимание большая часть авторов сочинений, — архаичность форм вероисповедания, стремление к предельно строгому следованию византийским традициям и убежденность в особой святости Руси. Так, Р. Ченслор писал, что «русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано... Они считают нас только полухристианами, потому что мы, подобно туркам, не соблюдаем всего Ветхого завета. Поэтому они считают себя святее нас»[19].

С желанием русских быть «святее» других христиан в сочинениях англичан связывается удивляющее их большое количество монастырей, а также строгость

---

[17] *Кампензе А.* Указ. соч.

[18] *Ченслор Р.* Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Иностранцы о древней Москве. С. 28—38; *Адамс К.* Английское путешествие к московитам // Там же. С. 38—42; *Турбервилль Д.* Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 245—275; *Флетчер Дж.* О государстве Русском. М., 2002.

[19] *Ченслор Р.* Указ. соч. С. 36.

соблюдения постов. Дж. Флетчер сообщает, что русские постятся так строго и «с такою слепою ревностью», «что скорее согласятся умереть, нежели съесть кусок мяса, яйцо или тому подобное, даже в жестокой болезни, если бы это было нужно для сохранения здоровья»[20].

От внимания английских эмиссаров не ускользают и серьезные противоречия религиозной жизни русских людей. Дж. Турбервилль утверждает, что никогда не видел «людей, столь окруженных святыми, но диких и низких», с которыми по нецивилизованности могут сравниться только ирландцы[21].

Строгое соблюдение обрядов, многочисленность и продолжительность церковных служб соседствуют с пренебрежительным отношением к их содержанию. Наблюдатели-протестанты делают вывод, что, несмотря на торжественность и пышность богослужения, благочестие русских заключается преимущественно в формальных действиях: молитвах, постах, обетах, приношениях, подаянии милостыни, крестных знамениях. Некоторые из этих действий совершаются даже с излишним рвением. Дж. Флетчер рассказывает о том, как новокрещенного православного монахи наставляют в правилах поведения в храме, а именно: «оказывать почтение образам, поклоняться перед ними, ударять головой в землю, креститься и другим подобным обрядам, составляющим самую значительную часть русской религии»[22]. Флетчер обратил внимание и на такую мелочь, что «как царь, так и дворянство и простой народ всегда носят с собой четки не только в церкви, но и в других общественных местах, особенно в каких-нибудь заседаниях или торжественных собраниях, как, например, в судах, при общественных совещаниях, переговорах с посланниками и т. п.»[23], вероятно, демонстрируя таким образом свою набожность. Р. Ченслор также подчеркивает, что русские «ставят большое количество свечей и часто жертвуют деньги, которые мы в Англии называем "деньги по душе", и все с такими церемониями, что я их пересказать не могу»[24].

Англичане с удивлением и возмущением отмечают, что даже священники, в том числе часть верхушки духовенства, плохо знают текст службы, многие почти неграмотны, а их паства не может прочесть целиком ни одной молитвы, заменяя их формулой «Господи, помилуй меня!»[25] Р. Ченслор видит в необразованности духовенства и причину неуважения к нему со стороны рядовых верующих: «Они почитают Ветхий и Новый завет, которые ежедневно читаются, но суеверие от этого не уменьшается. Ибо когда священники читают, то в чтении их столько странностей, что их никто не понимает; да никто их и не слушает. Все время, пока священник

---

[20] *Ченслор Р.* Указ. соч. С. 141.
[21] *Турбервилль Д.* Указ. соч. С. 258.
[22] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 136.
[23] Там же. С. 140.
[24] *Ченслор Р.* Указ. соч. С. 36--37.
[25] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 125.

читает, народ стоит, и люди болтают друг с другом. Но когда священник совершает службу, никто не стоит, но все гогочут и кланяются, как стадо гусей»[26].

Наблюдения над благочестием русских приводят англичан к неутешительному заключению, что «из всего этого можно судить, как далеко отстали они (русские. — *Л. С.*) от истинного познания и исполнения обязанностей христианской религии, променяв Слово Божие на свои пустые предания и превратив все во внешние и смешные обряды без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения»[27]. От людей, не обладающих внутренним. осмысленным благочестием, нельзя ждать соблюдения норм христианской морали и общественного поведения. Поэтому, «что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем. Судите теперь о их святости»[28].

Из воспоминаний и записок иноземцев XVII в. наибольший интерес для нашей проблематики представляет обширный труд немецкого дипломата Адама Олеария. хорошо известный в науке как один из важнейших источников по истории России первой половины столетия. Будучи разносторонне образованным и одаренным человеком, А. Олеарий сообщает массу сведений, в том числе и о вероисповедании русских, и подмечает точные детали и особенности национального варианта православия.

Рассуждая о духовных основаниях «религии русских», А. Олеарий делает вывод, по сути повторяющий рассуждения московских церковных соборов, но сформулированный более резко и определенно: «...нельзя не сомневаться в том, что их вера или fides, quae creditur [вера, в которую верят] — христианская, но их, как говорят в школах, fides, qua creditur [вера, с помощью которой верят], подозрительна и на деле оказывается весьма плохою»[29]. Что же вызывает сомнения немца-лютеранина в обыденной вере русских людей? Во-первых, в повседневном поведении русских и их поступках, включая дела самых высокопоставленных представителей государственной элиты, Олеарий не наблюдает соответствия духу и букве христианского учения. В отличие от протестанта, православный русский человек превратил христианскую добродетель в некий ритуал, оторванный от повседневности, и связанный исключительно с благими поступками в пользу официальной церкви: «Чтобы христианская вера их в добрых делах и любви к ближним также выступала и была действительна, это по жизни их и по вышеприведенным рассказам мало заметно. Что касается добрых дел, совершаемых ими по учреждению и постройке церквей и монастырей, то они им приписывают значение гораздо большее, чем следовало бы»[30]. Причину этого просвещенный европеец видит в незнании рус-

---

[26] *Чеслор Р.* Указ. соч. С. 36.

[27] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 151.

[28] *Чеслор Р.* Указ. соч. С. 37.

[29] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 437.

[30] Там же.

скими, особенно простонародьем, догматов своей веры, отсутствии практики проповедничества, диспутов о вере, в том числе и с иностранцами. С одной стороны, «религиозная необразованность» народа позволяет светским и церковным властям поддерживать в стране единомыслие по вопросам веры, а с другой, порождает подражательное обрядоверие, ибо русские считают для себя достаточным образцом благочестивого поведения пример царя и патриарха.

Русские письменные источники этого времени, связанные с проблемами укрепления «древлего благочестия», позволяют говорить о том, что рациональный взгляд иноземцев-протестантов на русского человека и его вероисповедание более объективен, чем комплиментарные оценки католиков, многие из которых действовали в интересах униатского сближения католической и православной церквей. В основе протестантских суждений лежали не только личные наблюдения и описания московитов, сделанные предшественниками, но и, как например это было в случае с А. Олеарием, беседы с представителями «местных знатных людей», сведущих в вопросах веры и благочестия, хорошо знакомых как с православными каноническими текстами, так и с европейской религиозной практикой.

Параллельный анализ отечественных и иностранных источников, касающихся обыденного благочестия русского человека XVI—XVII вв., показывает определенное родство взглядов их авторов на взаимоотношения власти и общества в данной сфере духовной жизни. Эти взаимоотношения были далеко не простыми. Власть настаивала на соблюдении установленной ею нормы и обычая, не создавая при этом необходимых условий для религиозного образования и воспитания населения. Поэтому, как это часто случалось в российской истории, жесткость требования властей наталкивалась на необязательность и небрежность их исполнения обществом.

VI

СОСЛОВИЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИИ

(конец XVII — XVIII в.)

А. Г. Иванов (Йошкар-Ола)

Взаимоотношения сословных групп и чиновничества в Казанской губернии в середине XVIII века

Изучение истории власти и общества, в том числе проблемы российского абсолютизма и сословий, предполагает рассмотрение различных факторов, предопределивших оформление сословного строя в Российской империи во второй половине XVIII в. Отмечая решающую роль абсолютистской власти в законодательном оформлении сословных прав и привилегий господствующего дворянства, сословного неполноправия купечества и бесправия крепостного крестьянства, следует признать, что сами основные сословия и многочисленные сословные прослойки не оставались безучастными к этому процессу.

Между тем вопросы межсословных отношений и взаимоотношений различных сословных групп с чиновной и приказной бюрократией, являвшейся олицетворением власти на местах на губернском, провинциальном и уездном уровнях, применительно к середине XVIII в. не получили достаточного освещения в отечественной исторической литературе[1].

В данной статье поставленные вопросы рассматриваются нами применительно к обширной Казанской губернии с абсолютно преобладавшей категорией государственных крестьян из числа бывших ясачных (до 1724 г.) марийцев, мордвы, татар, чуваш, удмуртов, служилых мурз и тарханов, небольшого числа помещичьих, монастырских и дворцовых русских крестьян, а также однодворцев, содержавших ландмилицию и пахотных солдат. Еще меньшим здесь был удельный вес русского дворянства, духовенства (черного и белого), купечества и цеховых ремесленников. В этом сложном регионе с многочисленными сословными группами населения, относившимися к различным этническим общностям и конфессиям (христиане,

---

[1] См.: *Ташкин С. Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922; *Беляевский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965; *Артамонова Л. М.* Наказы государственных крестьян Поволжья как источник по истории взаимоотношений разных национальностей // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 83—84; *Она же.* Отражение социальных конфликтов в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Социальные конфликты в России XVII—XVIII веков. Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 150—155; *Иванов А. Г.* Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.). Йошкар-Ола, 1993; *Волков С. С.* «Дополнения» к наказам нерусского крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1999. Вып. 9. С. 42—53; *Исламов Ф. Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к веротерпимости. Казань, 2001 и др.

мусульмане, язычники), особо весомой и значимой была властная сословная прослойка чиновной и приказной бюрократии из числа гражданских и воинских чинов, а также «нерангованных» приказных людей различных канцелярий.

Заметим, что географически речь идет о сословных группах населения Среднего Поволжья в территориальных границах бывшей, исторически сложившейся «Казанской земли» («Казанского края»), охватывавшей в XVII в. бассейн р. Волга от Васильсурска в верхнем ее течении и до Самары в нижнем. В административно-территориальном отношении это население, прежде всего, Казанской, Свияжской и Пензенской провинций, а также ряда соседних уездов (Самарского, Симбирского, Саранского и др.), оказавшихся в составе Казанской губернии по административным реформам 1708 г., 1727—1728 гг. и 1763—1764 гг.

Немногочисленные дворяне и помещики Казанской губернии лишь в слабой степени ставили публично вопросы о своих сословных правах и реформировании устаревшего воеводского правления, что заметно отличало в этом отношении данный регион от Московской и других губерний с высоким удельным весом помещичьего землевладения и высокой сословной дворянской активностью. В то же время в пределах плодородных черноземных земель Симбирской и Пензенской провинций, где наиболее активно шла помещичья колонизация ясачных и казенных земель, местные дворяне настаивали на том, чтобы закрепить «в потомственное» их «владение» захваченные и покупные земли «иноверцев» из числа мордовских и чувашских крестьян, а также земельные угодья содержащих ландмилицию и казенные «пустопорожжие» земли[2].

Приказные люди (секретари, подьячие с приписью, канцеляристы и др.) многих присутственных мест городов Казанской губернии заявили о расширении своих прав с требованием дать им дворянские привилегии. В наказе канцеляристов и подканцеляристов Пензенской провинциальной канцелярии в Уложенную комиссию подчеркивалось, что помимо денежного жалованья им, вне зависимости от того, верстаны или не верстаны были на службу их предки, не запрещено было бы иметь своих крестьян и дворовых людей, а «пустопорожжие земли» закрепить в вотчинное их владение. Они же предлагали узаконить в вотчинных правах неверстанных приказных служителей, женившихся на дворянских дочерях с земельными приданными. Их претензии простирались и на городские выгонные земли с требованием оградить их от притязаний пензенских пахотных солдат. Приказные служители Чебоксарской воеводской канцелярии настаивали на освобождении от «градской» полицейской и иной служб и требовали разрешить губернаторам «по заслугам» производить их «в обер-офицерские ранги» без явки к награждению в Правительствующий Сенат. В своем прошении приказные служители Саранской воеводской канцелярии просили «за добропорядочную и верную службу» повысить размеры ежегодного жалованья, а по достижении преклонного возраста «производить по смерть их пенсию». При этом следовало проявлять всемерную

[2] Сб. РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 298—311; СПб., 1889. Т. 48. С. 12; СПб., 1903. Т. 115. С. 421—424.

заботу о вдовах и сиротах приказных служителей для последующего определения их в приказную службу. Во многом схожими с вышесказанными запросами были предложения приказных служителей Симбирской и Свияжской провинциальной канцелярий[3].

Поставленные вопросы вообще не затрагивали представители черного и белого духовенства Казанской епархии. Проведенная здесь в 1764 г. секуляризация монастырских вотчинных владений и передача монастырских крестьян в ведение Коллегии экономии не сопровождались протестными действиями монастырских властей. Другое дело — массовая христианизация 1740—1764 гг. нерусских народов, вызвавшая со стороны последних всеобщий взрыв негодования против произвола и беззакония, творимого православными миссионерскими проповедниками и приходскими священниками над языческим и мусульманским населением, что и было зафиксировано в экстракте сенатской комиссии А. И. Свечина по крестьянским челобитным Казанской губернии 1765 г.[4]

Наиболее активно о своих сословных правах и об отношении к власти заявило в середине XVIII в. купечество, о чем наглядно свидетельствуют депутатские наказы и выступления самих депутатов в Уложенной Комиссии от губернского города Казани, провинциальных городов Свияжска, Симбирска, Пензы, а также уездных городов Васильсурска, Козьмодемьянска, Чебоксар, Цивильска, Царевококшайска, Яранска, Саранска, Самары и Сызрани.

Из содержания депутатского наказа «от всего казанского гражданства»[5] видно, что русское казанское купечество остро ощущало свое сословное неполноправие по сравнению с дворянами и чиновниками. Купцы, исходя из собственного понимания социальной роли купечества, предложили расширить и укрепить их особые сословные права. Не случайно, в первом же пункте наказа «казанское гражданство» заострило внимание на том, что из-за своего неполноправия испытывает «крайнее отягощение» непосильной и тяжелой постойной повинностью. Это выражалось в том, что по нарядам губернских властей многим казанским «гражданам» из-под неволи приходилось на длительный срок отдавать свои дома под квартиры для размещения и проживания в них многочисленным воинским и гражданским чинам местных воинских частей, Казанской адмиралтейской конторы и различных присылаемых комиссий. К тому же надо было размещать большое число чиновных лиц из числа штаб- и обер-офицеров, генералов и других чинов воинских команд, проезжавших через Казань в Оренбургскую и Сибирскую губернии.

Стремлением обеспечить себе право неприкосновенности жилища, чести и достоинства можно объяснить пункты депутатского наказа, где отмечались большие злоупотребления губернской «полиции» и «приемщиков квартир» из числа военных чинов при размещении ими на постой в купеческих дворах «марширующих

---

[3] Сб. РИО. СПб., 1900. Т. 107. С. 476—482, 555—556, 602—604, 623—626.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 545. Д. 1. Л. 252—379; Пугачевщина. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 3—10. «О монашеском и священном чине».

[5] Сб. РИО. Т. 107. С. 509—522.

через Казань полков» и местных казанских батальонов. Пользуясь своей властью и бесконтрольностью, губернские чиновники и пришлые военные чины по своему произволу, часто меняя квартиры, ставили на постой офицеров и солдат с большим «излишеством» постоянно в одних и тех же дворах, а других за взятки — пореже и с «убавкою». Попытки найти управу на эти притеснения, как правило, были безуспешными. Тем более, что в самой ведомости по размещению не содержался поименный список постояльцев с указанием конкретного дворохозяина и срока проживания. А приемщики-чиновники, высокомерно ведя себя, не называли купцам своих фамилий, тем самым создавая дополнительные преграды для подачи жалоб на их злоупотребления. Положение с несправедливым размещением постояльцев не могли выправить даже специально построенные в купеческих дворах «постоянные покои» для дворян-офицеров. Последние продолжали занимать купеческие дома и «безысходно» проживали по два-три года, вместо предусмотренного законом шестимесячного срока.

Неравномерная раскладка постойной повинности в итоге приводила к тому, что часть казанского «гражданства», откупившись взятками от чиновников, предпочитала за большие деньги сдавать часть своих жилых помещений иногородним приезжим купцам. Это не могло не вызвать недовольство у остальной части, несущей казенное бремя тягостной постойной повинности.

К тому же нередко постояльцы из числа офицеров и чиновников покушались на честь и достоинство дворохозяев и членов их семей. Своими напрасными «поносительными словами» и побоями, иногда доводящими до увечья, эти постояльцы приводили купцов в «великое бесчестье», вызывая со стороны обиженных справедливое возмущение.

Сословное неполноправие купечества выражалось и в том, что помимо постойной повинности весьма обременительными для «казенного гражданства» были многочисленные казенные отъезжие и «градские» службы. Особенно тягостной являлась отъезжая служба, отрывавшая надолго от дома и ведения нормальной торгово-промысловой деятельности. По казенным нарядам выборные казанского посада обязаны были выезжать в дальние города для продажи казенной соли, вина и др. Как правило, отправка на отъезжие службы была сопряжена с другими трудностями и трениями внутри посада, так как никто не изъявлял добровольного желания. К тому же здесь сказывались и «малолюдство» русского купечества, и привилегии части купцов-предпринимателей, владельцев мануфактур, выключенных из подушной разверстки отъезжих служб. От этой службы были освобождены и те, кто был нетрудоспособным: престарелые, малолетние и другие «выбылые ревизские души». Вследствие этого оставшаяся в разверстке немногочисленная часть купцов и ремесленников вынуждена была с великим «изнеможением» почти ежегодно отбывать эту повинность вместо всех «граждан» города. Из-за этого часть купцов, чтобы окончательно не подорвать свои торги и промыслы, нанимала вместо себя за деньги посторонних, в том числе работных, людей для перевозки «множественного числа соли» и других видов казенных отъезжих служб.

«Великое отягощение» вызывали у казенных купцов и цеховых ремесленников многочисленные их повинности по исправному содержанию губернского города. Для выполнения «гражданской полицейской службы» на каждые полгода им приходилось выбирать из своей среды сотников, пятидесятников и десятников под начало городской полиции. К этому добавлялись еженедельные наряды, в том числе круглосуточные караульные службы у «рогаток» — застав при въезде в город и на больших городских улицах. Тяжесть «гражданской службы» части купцов усугублялась не только тем, что их часто наряжали «на всякие работы» в родном городе, но и тем, что нередко эти внутригородские службы по времени совпадали с отъезжими государственными службами «по указным нарядам» в других местах по сбору казенных денег. От этого чаще всего страдали маломощные и малочисленные купеческие семьи. Им приходилось либо нанимать вместо себя наемных людей, либо самим в ущерб торговле, даже в драгоценное «летнее время», выполнять различные виды повинностей.

Обстоятельства, связанные с отбыванием постойной, градской и отъезжей служб, дали основание казанским купцам поставить вопрос перед властями о защите их сословных прав и уменьшении, а в ряде случаев и исключении, казенных служб. Для размещения в Казани местных батальонов предполагалось построить специальные солдатские казармы. Причем деньги на эти цели собрать со всех жителей города вне зависимости от сословной принадлежности — «с каждой печи». Предлагались меры по справедливому размещению приезжих офицеров и чиновников с соблюдением очередности и передачи функций по их расселению по квартирам городскому магистрату. С целью защиты чести и достоинства купцов и членов их семей вносилось предложение установить высокие денежные штрафы. Изнурительные отъезжие службы предлагалось вообще отменить. Вместо себя казанские купцы считали необходимым привлечь «многолюдное» купечество других городов или жителей, проживавших вблизи мест «продажи соли», или определять отставных штаб- и обер-офицеров с выдачей им казенного жалованья. А раскладку «градской службы» производить по очередным нарядам, по справедливости распределяя между гражданами своего города.

Одним из ключевых экономических предложений русского казанского купечества в Уложенную комиссию стал вопрос о создании режима наибольшего благоприятствования для своей торгово-промысловой деятельности и предоставлении исключительно монопольного права в ней, за счет ограничения прав других сословий. В условиях налаженной торгово-промышленной инфраструктуры города, где торговцы вели стационарную лавочную торговлю, а также участвовали в уездной, отъезжей, городской базарной и ярмарочной торговле, а «первостатейные» казанские купцы — не только на внутрироссийском рынке, но и во внешней торговле с зарубежными европейскими и азиатскими государствами, в поданном наказе было обращено внимание на следующие моменты.

Во-первых, русское купечество губернского города настаивало на том, чтобы запретить «некупеческую» торговлю, включая дворян. Это мотивировалось тем,

что «дворянство имеет собственное свое право» с неизмеримо большими привилегиями перед другими сословиями. Равным образом запрет на торговлю должен был затронуть военных и гражданских чиновников, содержавших торговые лавки и «харчевни».

Во-вторых, по мнению казанских купцов, значительный подрыв их торгам и промыслам наносила торгово-промысловая деятельность «разночинцев», главным образом из числа «торгующих крестьян». Последние составляли большую конкуренцию не только в Казанском уезде, но и в самом губернском центре. Крестьяне-торговцы, в основном из числа русских государственных, экономических, дворцовых крестьян, ямщиков, и в особенности служилых и ясачных татар, вели торговлю «всякими товарами». Они же скупали в татарских, марийских, чувашских и русских селениях уездов Казанской губернии продукты крестьянского земледелия, животноводства и промыслов; содержали в Казани собственные торговые лавки, амбары и другие помещения торгово-производственного назначения; владели кожевенными и другими заводами-предприятиями мануфактурного типа с использованием труда вольнонаемных работников; имели речные суда и отправляли купленные товары в низовые и верховые волжские города и даже за границу. В условиях расширения крестьянской торговли казанское русское купечество предложило: либо запретить «разночинскую торговлю», либо записать всех торгующих разночинцев, в особенности торгующих служилых татар, в состав казанского купечества, с последующим отбыванием ими всех видов посадских казенных повинностей и денежных платежей. Кроме того, губернское купечество настаивало на том, чтобы поставить под собственный контроль торги и промыслы «разночинцев» путем перевода торгующих крестьян в купеческих «приказчиков», а также взыскивание вексельных обязательств с уездных торгующих крестьян исключительно в губернском городском магистрате или через словесный суд при нем.

В-третьих, особо резкое неприятие у русского купечества вызывало наличие лавок в торговых рядах у служилых казанских татар, предпочитавших сдавать их чужим торговцам в оброк, а самим — арендовать на казенном Гостином дворе торговые лавки. Здесь заметим, что действительно по царским указам 1686, 1698 и 1763 гг. татарам разрешалось торговать в Казани, на сельских торжках и базарах в уездах, отправлять свои товары до портовых и других городов. При этом стабильность хозяйства торгующих служилых татар базировалась и на том, что у них имелись немалые пашенные земли в казанском пригороде, сенокосные угодья, дворовые люди и крепостные крестьяне-татары. Лашманские повинности, отбываемые служилыми татарами в пользу Казанской адмиралтейской конторы, для них были не так обременительны, поскольку они вместо себя на эти тяжелые работы нанимали за деньги посторонних людей. В связи со сказанным обстоятельством, русские купцы предложили служилых татар «по знатному их торгу» включить в состав казанского посада. Одновременно предлагалось, по примеру служилых татар и «граждан» других городов, наделить губернское купечество необходимой площадью выгонных земель, пашни, сенокосов и лесных угодий.

Примечательно, что русское казанское купечество заявило свои претензии и по обладанию дворовыми людьми и крепостными крестьянами. Здесь делалась прямая ссылка на то, что дворянство владеет крепостными людьми, следовательно, «первостатейные» купцы вправе иметь таких же зависимых от них людей. Крепостнические устремления губернского купечества мало чем отличались от подобных запросов других «граждан» городов Казанской губернии.

Стремясь обеспечить себе безусловное преимущество в торгах в своем городе по сравнению с приезжими иногородними купцами, казанское «гражданство» предложило повсеместно установить в российских городах порядок, при котором вводился строгий запрет приезжим купцам вести розничную торговлю и разрешалась лишь оптовая купля-продажа различных товаров. При этом в оптовой торговле приезжие купцы имели бы право участвовать только с городскими купцами. С этим предложением тесно была связана и предлагаемая мера о закреплении за казанскими купцами «навечно», без права передачи на откуп разночинцам и иногородним купцам, торговых лавок Гостиного двора, торговых рядов, лавок, бань, кузниц и других торгово-производственных помещений, подведомственных исключительно казанскому губернскому магистрату. С точки зрения русских казанских купцов, эти меры привели бы «в лучшее состояние» их «коммерцию».

Предложения купечества провинциальных городов[6] во многом были созвучны наказам русских купцов Казани. Однако в них особо ставился вопрос о статусе органа городского самоуправления — провинциальных магистратов как учреждений, призванных защитить интересы «граждан». Опираясь на регламент Главного магистрата 1721 г., пензенские купцы заявили, что магистрат должен являться главой и начальством всему «гражданству», отвечать за жизнедеятельность, порядок, согласие между гражданами, справедливую раскладку податей и повинностей; осуществлять правосудие и регламентировать поведение горожан; следить за внешним видом и санитарным, противопожарным состоянием города в целом. По свидетельству провинциальных купцов, на должность главы магистрата (бурмистра) и его советников-ратманов, как правило, выбирались из числа «первостатейных и средних купцов». Купеческая верхушка охотнее шла на эти должности, позволявшие с выгодой для себя распределять подати и повинности, брать откупа и подряды. Вместе с тем ответственная и хлопотливая должность, продолжавшаяся не менее трех лет, отрывала бурмистра и ратманов от нормального ведения собственных торгов и промыслов. В связи с этим, выражая общее мнение «первостатейной» верхушки, свияжские купцы предложили приравнять магистратскую службу к службе государственных чиновников с выдачей им ежегодного казенного жалованья в размере 50 руб., а также определенную сумму денег на покупку дров, топлива, сургуча, бумаги и другие мелочные расходы магистрата.

С точки зрения купцов, ответственная должность бурмистра была «превосходнее» всех остальных служб «граждан». Однако даже магистратским бурмистрам (первостатейным по знатности промыслов и государственной службы)

---

[6] СБ. РИО. Т. 107. С. 467—476, 543—554, 564—578.

приходилось испытывать на себе различные формы проявления произвола, беззакония и рукоприкладства со стороны представителей местной административной власти в лице провинциального воеводы, приказных служителей, различных чиновников, дворян и офицеров. Как правило, при решении судебных дел, возникавших между лицами купеческого и некупеческого сословий, воеводы-судьи брали сторону подведомственных и подвластных им людей. По свидетельству симбирских купцов, местный воевода по подложным доносам, якобы в совершенном винокурении «в корчемстве», своим самоуправством бросил в тюрьму нескольких местных «граждан» и безвинно содержал их там по 1—3 года и более. А попытки отстоять свою купеческую честь и достоинство, взыскать штраф с обидчика-чиновника, офицера и дворянина «за бесчестье», как правило, были сопряжены с большими денежными издержками и расходами самих купцов-просителей (покупка гербовой бумаги, составление и подача прошения, уплата казенных пошлин, найм поверенных лиц, многолетняя судебная волокита) и решались воеводской властью не в пользу истца. В связи с этим провинциальное купечество заявило, что одному лишь магистрату следует рассматривать судебные вопросы не только внутри посада, но и в споре купцов с лицами других сословий. Точно так же вексельные разбирательства между купцами, с одной стороны, и дворянами, разночинцами и крестьянами, с другой, необходимо рассматривать исключительно в провинциальном магистрате или словесном суде при нем. Провинциальное купечество решительно настаивало на том, чтобы оградить судебные решения магистрата от самоуправного вмешательства и произвола воеводской власти.

Еще более остро вопрос о взаимоотношениях городского магистрата с воеводской властью ставился в «представлениях» и депутатских наказах купцов и цеховых ремесленников уездных городов Казанской губернии[7]. В наказах депутатов Чебоксар, Яранска, Саранска, Сызрани и в «представлении» горожан Царевококшайска важное место занимали предложения купцов об усилении роли и позиций органа городского самоуправления — магистрата — по важнейшим вопросам торгово-промысловой деятельности, сословных прав купечества, судоустройства и судопроизводства «граждан», взаимоотношений с некупеческими сословиями и воеводской властью, выполнения многочисленных казенных служб, податей и повинностей и других насущных проблем.

Русское уездное купечество Среднего Поволжья в середине XVIII в. вполне ясно осознавало, что городской магистрат «не имеет силы», чтобы установить монополию купцов на торги и промыслы в своих городах и уездах. Тем не менее купцы упорно настаивали на том, чтобы городской магистрат, в тесной связке с местной воеводской властью и опираясь на силу, запретил бы крестьянскую и разночинскую торговлю русских, марийских, чувашских, мордовских государственных и владельческих крестьян. Особенно настойчиво это требование прозвучало

---

[7] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 455/64. Л. 9—14; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8. С. 76, 144—149; Т. 107. С. 462—621.

из уст уездных купцов Козьмодемьянска, Чебоксар, Царевококшайска, Яранска, Саранска, Сызрани и Самары. Однако, как свидетельствует вышеприведенный материал, требование купцов осталось безответным, «неуслышанным». В городских наказах предлагалось также создать наиболее благоприятные условия для розничной торговли купечеству своего города, полностью исключить конкуренцию со стороны приезжих, иногородних купцов, действовавших через разветвленную сеть собственных агентов. По мысли уездных купцов, городской магистрат должен добиваться запрета иногородним купцам вести розничную куплю-продажу товаров с лицами «некупеческого» сословия. Единственное, на что должны были бы рассчитывать приезжие купцы, — это на оптовые закупки товаров у местного уездного купечества с ведома магистрата.

Нельзя не заметить, что эти предложения уездного купечества в то время были невыполнимыми как в силу широкого размаха крестьянской и разночинской торговли, так и из-за действий местных властей, в том числе воеводской, обязанных соблюдать государственные интересы и иметь исправный контингент крестьянских налогоплательщиков. Так, яранские купцы жаловались, что местная воеводская канцелярия даже запретила им вести торги в родном уезде. Не случайно чебоксарские купцы требовали, чтобы воеводская канцелярия не вмешивалась под надуманными предлогами в их мануфактурное производство и незамедлительно освободила незаконно занятую ею в 1754 г. вторую половину каменного здания городского магистрата, где раньше проводились купеческие собрания, обсуждались вопросы о торгах и промыслах, о раскладке податей и повинностей, проводились словесные суды, рассматривались вексельные обязательства и другие насущные вопросы. Чебоксарская воеводская канцелярия осталась глуха к их требованиям и продолжала самоуправно занимать помещение городского магистрата. Этот вопиющий факт наиболее рельефно отражает характер взаимоотношений между воеводской канцелярией и городским магистратом в средневолжских городах середины XVIII в. В этой связи примечательным представляется и такой факт. В Сызрани прибыльные волжский перевоз и «уметная служба» были самоуправно присвоены местной воеводской канцелярией.

Городские магистраты, испытывавшие постоянную и мелочную опеку со стороны воеводских канцелярий, тем не менее пытались защитить не только собственные права, предоставляемые регламентом Главного магистрата, но и права купцов и цеховых ремесленников. Весьма типичными представляются в этом свете предложения чебоксарских купцов о том, чтобы «всех купеческих и ремесленных людей во всяких делах судом и расправою ведать в магистрате» по всем спорным вопросам, возникавшим между ними и лицами из других сословий; дать право магистрату содержать городскую полицию «в своем смотрении» и без вмешательства воеводской канцелярии управлять всей городской экономикой. При этом городские магистраты в пределах своих компетенций — «что до гражданского суда и экономики касается» — ни в коем случае не должны были подчиняться решениям губернатора и воевод.

Эти справедливые требования уездного купечества, безусловно, вызывались вопиющим самоуправством и злоупотреблениями воеводской власти, когда приказные служители канцелярии, часто без ведома городского магистрата, а нередко игнорируя его требования, занимали его помещения, ставили на постой по нарядам проезжих гражданских и воинских чинов или иными действиями доставляли купцам «бесчестье» и другие «огорчения», вводили в большие расходы. Не случайно саранские купцы пытались защитить свою честь — требовали наложения на обидчиков-постояльцев высокие денежные штрафы. За «бесчестье» купца первой гильдии предлагалось взыскивать с офицеров, чиновников и дворян штраф в размере 200 руб., соответственно, второй гильдии — 100 руб. и третьей гильдии - 50 руб., с последующей отдачей половины суммы на содержание «госпиталей», а оставшейся части — пострадавшему, в возмещение морального ущерба. Нарекания купцов вызывали «беззаконные поборы и подати», накладываемые воеводской канцелярией в обход магистрата, произвол и наказания, учиняемые им местными чиновниками при взыскании посадских долгов.

Одновременно уездными купцами ставился вопрос о том, чтобы выборные должности в городских магистратах замещались исключительно «из купечества», без участия цеховых ремесленников. Городская полиция, по их мнению, непременно должна была быть под ведомством магистрата с предоставлением ей широких прав по обеспечению имущественной и личной безопасности, порядка, тишины и спокойствия в городе. Купцы считали, что полиции должны подчиняться «все живущие в городе», вне зависимости от сословной принадлежности, а в случае неповиновения ей и непослушания нарушителей-горожан «повелено б было из города выслать, кого куда следует».

По мнению уездных купцов, при раскладке казенных податей и повинностей городскому магистрату, как об этом уже говорилось, учитывать состоятельность «граждан», принуждать платить подушные и другие подати и «первостатейных» купцов-заводовладельцев, а также и всех торгующих крестьян и разночинцев, не исключая купцов-старообрядцев.

Примечательно, что, в отличие от других уездных купцов, чебоксарские и яранские «граждане» особо подчеркнули, чтобы судебные дела по вексельным обязательствам купцов с купцами, а также купцов с крестьянами (равно лицами из других сословий) по различным «партикулярным письмам», счетам и записям в купеческих домовых книгах, по «бесписьменным» устным торговым сделкам, по вопросам о ссудах и хранении товаров рассматривались бы исключительно в магистратах или подведомственных им словесных судах. К этому яранские купцы добавляли, что воеводской канцелярии не следует вмешиваться в магистрате в исковые дела по вексельным обязательствам крестьян, если сумма денежного купеческого иска не превышает 20 руб.

Чебоксарское купечество, единственное из купечества уездных городов, исходя из общих сословно-купеческих интересов, предложило, чтобы городской магистрат взял на себя обязательства по справедливому решению наследственного права.

Наследство (движимость, денежный капитал и т. п.) умерших купцов, в случае отсутствия прямых наследников и родственников, предлагалось передавать в ведение «в пользу всего купечества». При наличии малолетних наследников купеческий капитал и недвижимость должны были временно перейти в опекунство с назначением к малолетним опекунов из числа местных добропорядочных и честных «граждан». В отдельных случаях предлагалось ввести ограничения на право наследования.

И, наконец, нельзя не отметить, что уездное купечество всех городов Казанской губернии, как и провинциальное и губернское, настаивало на том, чтобы купцы первой и второй гильдий имели право покупать «крепостных людей без земли» до 20 человек обоего пола, аргументируя это предложение необходимостью выполнения государственных служб, «полицейской должности», а также успешного ведения «торгового своего промыслу», домашнего обихода и использования их труда на мануфактурных предприятиях. С этими купеческими предложениями российское дворянство и абсолютистское государство, как показали в дальнейшем события второй половины XVIII в., никак не могли согласиться и оставили за собой монопольное право обладания крепостными крестьянами либо в системе крепостного режима дворянских имений, либо в системе российского государственного феодализма.

В отличие от купцов, запросы городских цеховых ремесленников были значительно скромнее. Тем не менее они настаивали на пресечении крестьянского «рукоделия» в городах. Типичным в этой связи представляется прошение цеховых ремесленников Чебоксар к властям о пресечении в городе «художеств» посторонних и пришлых людей; необходимости заключения письменных контрактов и «домовых записок» с наемными работниками из числа русских и чувашских государственных крестьян; предоставлении большей площади городской выгонной земли; уменьшении многочисленных казенных податей и повинностей[8].

Широкий спектр межсословных отношений представлен в запросах и предложениях государственных крестьян, испытывавших большие тяготы и лишения от непосильных казенных податей и повинностей, а также произвола чиновников, духовенства и других притеснителей.

Прослойка бывших служилых мурз и тарханов из числа нерусских народов настаивала на исключении их из податного сословия и предоставлении старинных прав владения землей и крепостными людьми. Так, депутат от служилых мурз и татар Пензенской провинции мурза Аюп Еникеев ходатайствовал, чтобы их, служилых мурз и татар, не смешивали с ясачными татарами, и претендовал на то, чтобы за ними закрепили права служилого дворянства, так как их предки были «природными князьями, мурзами», а не ясачными, и переселились они в Россию из Золотой Орды. По его словам, за службу государям князья и мурзы были награждены жалованными грамотами и поместными землями. После принятия крещения многие мурзы были признаны по российским законам князьями, а некоторые —

[8] Сб. РИО. Т. 107. С. 601—602.

дворянами. Это же предложение было поддержано депутатом от служилых мурз и татар Симбирской провинции А. Г. Идебердеевым, который считал, что мурзы, служилые татары и их потомки должны пользоваться правами дворян в деле покупки и продажи имений и быть исключенными из подушного оклада[9].

В известной степени к этим проектам примыкали предложения русских однодворцев, содержавших ландмилицию, а также в определенной мере пахотных солдат. И те, и другие обратили особое внимание на тяжесть подушных платежей, рекрутской и других многочисленных податей и повинностей[10].

Абсолютное большинство государственных крестьян губернии в лице бывших ясачных людей (татары, русские, марийцы, мордва, чуваши, удмурты и другие немногочисленные прослойки) настаивало на сохранении неизменности своей социальной принадлежности и запрете их передачи в частное владение русских дворян и заводовладельцев. В наказе новокрещеных марийцев Казанской провинции подчеркивалось: «Нас, ясашных черемис, дворянам и под заводы из наших братьев по случаю ея императорского величества их в услугах награждение рангами, в крестьянство не отдавать»[11]. Об этом же в сущности утверждали новокрещены из мордвы и чуваше́й Пензенской, Сарайской и Петровской провинций, настаивая перед верховной абсолютистской властью на том, чтобы «нам всем новокрещеным и ясашным быть вечно государственными ясашными крестьянами»[12]. Статус личносвободного человека позволял государственным крестьянам, при всей тяжести казенных податей и повинностей, лихоимства и произвола чиновников и приказных людей, гонений православных миссионеров и приходских священников и других «мирских кровопивцев», в большей степени, чем крепостным крестьянам, реализовывать свои хозяйственные возможности.

Всеобщее недовольство государственных крестьян губернии вызывала существовавшая практика воеводского управления и судебные решения «по форме». В этом отношении наиболее радикальным явилось требование всего крестьянского населения из числа новокрещеных марийцев и чуваше́й Козьмодемьянского уезда 1761 г., предложивших Сенату, в целях пресечения произвола приказных людей и воевод, вывести их из-под воеводского правления и передать в управление Главной команды по защите новокрещеных[13]. Чувашские и мордовские крестьяне Пензенской провинции настаивали на том, чтобы разбирательство уголовных и гражданских дел производить не воеводским судом, а созданным для защиты их интересов «государственно-ясашным судом». При этом судьи должны выбираться из среды самих «государевых ясашных крестьян, а не помещику или дворянину нас судить»[14]. Отмечая разорительные последствия воеводского суда «по форме».

---

[9] Сб. РИО. Т. 32. С. 543—544; Т. 147. С. 224.
[10] Сб. РИО. Т. 107. С. 604—605; Т. 115. С. 201—203.
[11] Сб. РИО. Т. 115. С. 390.
[12] Там же. С. 421.
[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 185. Л. 359—370.
[14] Сб. РИО. Т. 115. С. 421.

чувашские крестьяне Цивильского, Чебоксарского и Казанского уездов, а также русские ясачные крестьяне Свияжской провинции предлагали судебные разбирательства производить «третейским судом» из числа выборных авторитетных и добропорядочных лиц со стороны истца и ответчика[15]. Новокрещеные из чувашей и других народностей Симбирского уезда в этой связи настаивали на том, чтобы судные дела между ними «с посторонними повелено было производить следствиями», так как «суд по форме» производится «долговременно» и разорительно как истцу, так и ответчику. Они же при рассмотрении малых дел на незначительную сумму среди самих ясашных и новокрещеных крестьян предлагали рассмотреть «словесными судами»[16].

Чрезмерно усилившееся стремление абсолютистской власти к регламентации всех сторон жизни и безудержные лихоимства чиновничества, жестокие преследования некрещеных и новокрещеных духовенством за выполнение традиционных народных языческих обрядов и молений, разорительный обман купечества и другие негативные факторы вынудили марийских крестьян Казанского уезда выдвинуть ряд мер, призванных, по их мнению, укрепить позиции общины и выборных «мирских властей». На основе норм обычного права в каждой сотне по выбору крестьян предлагалось избрать «по одному достойному и закона знающему сотнику». После приведения к присяге должно его наделить судебными полномочиями. «По своему закону словесным судом» дать ему право рассматривать небольшие крестьянские дела: исковые заявления на сумму не свыше 30 рублей, спорные и другие вопросы, кроме «татебных». При этом сотник обязан «судить самою истинною справедливостию». В тех условиях передача этих судебных функций в руки выборного крестьянской общины означала бы, что из-под контроля чиновников «присутственных мест» была бы изъята важнейшая часть системы незаконных денежных поборов. Ведь не секрет, что любое маломальское крестьянское прошение по существовавшим нормам рассматривал суд, производимый «по форме», что весьма было разорительно для крестьян. Особо оговаривалось, что нахождение сотника-судьи на своей должности целиком зависит от воли «все тех мирских людей». Неугодный «народу» сотник смещался, на его место выбирался более компетентный и порядочный человек. «Вторичным выбором» на своей должности предлагалось оставить лишь такого сотника, за которого высказалась вся община или больше ее половины. Нарушение сотником своих должностных функций карается на основе норм обычного права. Эти же нормы обычного права должны регулировать отношения между сотниками различных сельских общин.

Вышеизложенное позволяло крестьянам ставить вопрос о том, чтобы выборному мирскому сотнику дать право принимать явочные прошения и изветы, являвшиеся прерогативой чиновников. Предлагалось Казанской губернской канцелярии снабдить всех сотников печатями для проставления штампов при выдаче ими 4-месячных временных паспортов крестьянам, уходившим на отхожие промыслы

---

[15] СБ. РИО. Т. 115. С. 379—381, 411—415, 424—426, 427—428.

[16] Там же. С. 353—356.

на заработки. Каждому сотнику следовало дать по специальной зашнурованной книге для записи денежных поступлений с мелких крестьянских дел и прошений. Собранные деньги в конце года направлялись в губернскую канцелярию.

Марийские крестьяне настолько желали реализации предлагаемых мер, что еще раз подчеркнули: «за дальностию, а особливо в летнее страдное время» многие крестьянские прошения не подаются в губернскую канцелярию, из-за чего «приключается интересу ея императорского величества ущерб».

Кроме сотника в наказе предлагались еще две выборные крестьянские должности. Один из них, лесной смотритель, выбирался «для смотрения и бережения всякого звания заповедных лесов». Его следовало наделить правами валтмейстера адмиралтейской конторы. Тем самым бы общины избавились от систематических поборов чиновников лесного ведомства и вопросы лесопользования в значительной мере оказались под контролем выборного «мирских людей». Другой выборный крестьянин должен был следить за тем, чтобы проезжавшие воинские и гражданские чины не смели брать подводы и лошадей без уплаты прогонных денег, нагружать крестьянские подводы почтовым и другим грузом не свыше 15—20 пудов со «всеми вещами, людьми и телегою». Важным было требование о переносе подводных повинностей, выполняемых летом, на один зимний срок, как и повышение оплаты за несение этой повинности.

В целях уменьшения размеров подушной суммы, падавшей на общину, крестьяне требовали исключить из числа плательщиков всех нетрудоспособных и «умершие души». Вместо них следовало записать мальчиков, достигших 10 летнего возраста. Отданных в рекруты предлагалось исключить из ревизских сказок и из подушного оклада, не накладывая их платежи ни на кого-либо. Бездействовавшие «пустовые» мельницы следовало «выключить» из оброчных платежей.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях общины и чиновников царской администрации, крестьяне в своем наказе оговаривали, что «татебные», «тайные» и ряд других дел являются компетенцией присутственных мест. В случае пропажи крестьянского имущества и скота хотя бы на сумму до 4-х рублей, виновного предлагалось сослать на каторжную работу в зачет рекрута. При рассмотрении «больших исковых дел» в присутственных местах между самими общинниками или марийцев с русскими людьми «разных чинов» и крестьянами следовало бы, отмечалось в наказе, не проводить суда «по форме», так как от этого «разоряемся накрепко». Лучше провести краткое следствие по доношениям «со взятьем указных пошлин, что с челобитен взять указано». Предусмотреть, чтобы в ходе судебного разбирательства «в силу указа 194 (1685/86) года» расходы и убытки с марийских крестьян не взимать.

Наконец, марийскими крестьянами Казанского уезда выдвигалось требование о расширении прав свободы движения. Разрешить «беззапретно» переселяться «в разные губернии и в башкирские жительства». Это объяснялось тем, что «оные башкирцы ныне состоят в верноподданстве ея императорского величества»[17].

---

[17] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 98. Ч. 2. Л. 153—154 об.; Сб. РИО. Т. 115. С. 388—392.

Государственные крестьяне вне зависимости от этно-конфессиональной принадлежности никак не могли мириться с тем, что их «ясачные дачи» подвергаются насильственному расхищению со стороны русских помещиков, приказных людей, купцов и других лиц. По свидетельству новокрещен из мордвы Пензенской провинции, их старинные земли «многие помещики, не боясь господа бога и не страшась прав е.и.в. указов, насильством своим, у нас, у новокрещен, завладели без всяких крепостей». В полосе активной помещичьей колонизации оказались и ясачные земли чувашских крестьян Симбирской провинции. В захвате общинных земель в Чебоксарском, Горной стороне Кокшайского и других уездов принимали участие и приказные люди. В своих требованиях ясачные крестьяне и новокрещены настаивали на возврате их захваченных земельных угодий — пашен, сенокосов, лесных и иных угодий[18].

Обремененные возросшей подушной податью, рекрутской и многочисленными казенными повинностями, государственные крестьяне в поисках денег все более вступали в товарно-денежные отношения. Крестьянская торговля вопреки некоторым запретительным указам и противодействию купечества получала все большее распространение. В этой сфере особо весомой и значимой была городская, уездная, губернская и отъезжая торговля служилых мурз и ясачных татар, в том числе за пределами Российского государства. Как отмечал в своем выступлении депутат Рахманкул Алкин от служилых мурз и татар, приписных к Казанскому адмиралтейству, «торги мы производили беспрепятственно» до принятия Торгового устава 1755 г. и вопреки противодействию русских купцов считаем необходимым дальнейшее ведение наших «торгов»[19]. С его мнением были согласны депутаты не только от служилых мурз и татар, но и от новокрещеных чуваш, марийцев, мордвы, настаивавших на свободной торговле всеми государственными крестьянами[20].

Заметное место среди нерусских крестьян занимал конфессиональный вопрос. С завершением полосы массовой христианизации народов Поволжья 1740—1764 гг., все более стали раздаваться голоса о веротерпимости, равенстве православных и неправославных, ликвидации преград на конфессиональной почве, препятствовавших развитию торговли, найма и договорных отношений. Так, состоятельные крестьяне-язычники настаивали на возможности использовать в своем хозяйстве наемный труд русских крестьян и православных сородичей. Служилые мурзы и татары требовали снять бюрократические преграды при строительстве новых мечетей. Ясачные татары Казанского уезда просили, чтобы «в случае ссор, драк, займа денег до 10 рублев, разбирать муллами по Корану». Тем самым различные правовые вопросы внутри татар-мусульман предлагалось решать исходя из традиционных норм шариата. Предоставление льгот новокрещеным татарам, как и неравенство в свидетельских показаниях мусульман и православных, различные запретительные указы и гонения, в том числе запрет совершить хадж и посетить

---

[18] Сб. РИО. Т. 115. С. 353—354, 422, 439—440.

[19] Сб. РИО. Т. 8. С. 141—142.

[20] Там же. С. 82—83, 169—170, 141—143, 182—185, 223—224.

святые места в Мекке и Медине, не способствовали, по мнению татарских депутатов, сближению народов[21].

В целом, в рассматриваемом регионе в середине XVIII в. каждая из сословных прослоек отстаивала свои собственные интересы, нередко приводящие к столкновению с интересами других. Тяготы казенных податей и повинностей, ограничения и запреты, неравенство перед законом, противоправные действия чиновников разных уровней вызывали недовольство податных сословий и предложения по отмене воеводской формы управления и изжившего проведения «суда по форме». Обращенные к верховной власти предложения и запросы сословных групп и социальных прослоек в дальнейшем получили известное отражение в законодательных актах абсолютистской власти.

[21] Сб. РИО. Т. 32. С. 544; Т. 115. С. 227, 311, 320, 336, 392, 395, 402; Т. 134. С. 182.

Е. Н. Марасинова (Москва)

Государственная служба русского дворянина в XVIII в. — привилегия или обязанность?*

В истории российского господствующего класса «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству» 1762 года признается «событием, определившим все последующее социальное развитие высшего сословия», «поворотным моментом в законодательной политике абсолютизма», «крупнейшим актом сословно-правой политики»[1]. Однако на этих оценках единодушие специалистов заканчивается. Пожалуй, немногие высочайшие указы, особое значение которых стало неоспоримым тезисом в историографии, имеют столь полярные характеристики. Среди историков до сих пор не выработана общая позиция по поводу причин издания, реального воплощения и результатов этого по-своему загадочного документа российского монархии.

Диапазон сформулированных в научной литературе причин появления Манифеста колеблется от курьезных обстоятельств личных увлечений лишенного всякой политической воли ограниченного правителя[2] до продуманной линии мыслящего государственного деятеля, коим предстает император Петр III в некоторых исследованиях[3]. В ряде работ издание Манифеста непосредственно связывается с ликвидацией условного землевладения и превращением высшего сословия в сословие вотчинников, чьи землевладельческие права приходили все в большее противоречие со служебными обязанностями[4]. К этой точке зрения примыкает наиболее распространенное в историографии мнение о настойчивом стремлении самого дворянства к свободе от тягостной государственной повинности, которое проявлялось в требованиях, проектах, прошениях и, главное, пассивном уклонении от службы[5]. Как

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

[1] См., например: *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М. 1993. С. 58, 198.

[2] См.: О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1984. Факсимильное издание. С. 77—78.

[3] См., например: *Мыльников А. С.* Искушение чудом: «Русский принц и самозванцы». Л., 1991. С. 51—57; *Он же.* «Он не похож на государя...». Петр III. Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 194—196; *Leonard C. S.* The Reputation of Peter III // Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 263—292.

[4] См., например: *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 186—187; *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 8.

[5] *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. М., 1951. Т. 38; *Коган Ю. Я.*

справедливо заметила И. В. Фаизова, особую заинтересованность в ослаблении служебного бремени проявляли военные: «Обязательная служба ⟨...⟩ на десятилетия отрывала помещика от дома и хозяйства, которое из-за его отсутствия приходило в упадок; опасные условия службы, особенно во время походов, создавали постоянную угрозу жизни дворянина, а неустроенность быта и скудный рацион питания приводили к широкому распространению в русской армии таких тяжелых болезней, как, например, чахотка и цинга»[6].

В качестве причин освобождения дворянства от обязательной службы специалисты приводят и известное ослабление самодержавной власти в царствование Петра III. Многие ученые, начиная с историков XIX века, полагали, что обделенный всяким политическим талантом монарх боялся заговора и дворцового переворота, а потому пытался любыми средствами завоевать расположение дворянства. Страх чуждого даже придворной российской среде монарха, борьба партий, политические интриги в конце концов заставили престол пойти на компромисс с элитой[7].

Перечисление всех этих по большей части аргументированных точек зрения наводит на мысль, что Манифест о вольности дворянства стал закономерным следствием сложнейшего переплетения экономических обстоятельств, сословных устремлений и политической конъюнктуры. Как пишет О. А. Омельченко, «Манифест включал и общие правоположения публично-правового характера о новых началах во взаимоотношении власти монарха и дворянского сословия, и конкретные правовые нормы о "новоучреждаемых" правах и привилегиях дворянства»[8]. Абсолютно справедливо указывая на глубокую трансформацию в отношениях власти и высшего сословия[9], большинство специалистов, тем не менее, основное свое внимание обращают на непосредственное изменение условий службы дворянства. Таким образом, общий пафос Манифеста, его идеологическая составляющая лишь спорадически затрагиваются в исследовательской литературе. В то время как анализ терминологии и политической символики этого документа, интерпретация противоречивого сочетания в нем приоритетов самодержавия и этических ценнос-

---

Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.

[6] *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности». С. 94—95. См. также: *Наумов В. А.* Петр III. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На Российском престоле. 1725—1796. М., 1993. С. 283 – 326.

[7] См.: *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762—1855. СПб., 1906. С. 4; *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility: 1762—1785. Princeton (NJ), 1973. P. 27; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 377—378.

[8] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины II. С. 59.

[9] См.: *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 137—154; Мыльников А. С. «Он не похож на государя...». С. 69—71; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 82—84, 377—379 и др.

тей Просвещения, выявление доктрин, непосредственно воздействующих на мотивацию подданных, обогатили бы и, вероятно, в какой-то мере изменили общую трактовку сословной политики абсолютизма в отношении дворянства.

После выхода указа 1714 г. о единонаследии и Манифеста о вольности дворянства укрепляемая на протяжении столетий условной системой землевладения и обязательным характером службы личная зависимость помещика от монарха была лишена экономической и правовой аргументации. Отношения дворянства и власти принципиально изменились. Манифест о вольности дворянства может рассматриваться поэтому как важный этап дальнейшего развития и усложнения идеологической составляющей сословной политики престола. Этот небольшой по объему документ включал преамбулу, кратко излагающую государственную доктрину отношений монархии и высшего сословия, конкретизацию ее реального воплощения и своеобразную заключительную резолюцию по поводу свободы, предоставляемой «благородному дворянству». Манифест открывался официальной интерпретацией усилий власти, направленных на воспитание высшего сословия, от результативности которых в значительной степени зависел успех самодержавного правления. Для общественного сознания второй половины XVIII века актуальная история господствующего класса и история державы в целом начинались с царствования Петра, чей авторитет превратился в знаковое обоснование многих последующих указов престола. В Манифесте главные цели политики самодержавия формулировались в соответствии с системой ценностей Просвещенного абсолютизма и эмоционально окрашивались неуклонным стремлением России встать вровень с «регулярными народами», которое было задано еще первым императором. «Бессмертные славы премудрый Монарх, Любезный Государь Дед Наш, Петр Великий и Император Всероссийский, какую тягость и коликие труды принужден был сносить единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию, как военных, гражданских, так и политических дел, тому не только вся Европа, но и большая часть света неложный свидетель»[10].

Единственной социальной опорой монархии в достижении «преимуществ просвещенных держав» Манифест признавал «благородное дворянство», «яко главный в государстве член». Затем кратко излагалась почти 50-летняя история отношений высшего сословия и власти. Престол настойчиво развивал систему просвещения и государственной службы, приобщение к которым возводилось в ранг непреложного патриотического долга дворянства, иногда под угрозой штрафов и конфискации имений «нерадивых о добре общем». Напоминалось, что всеобщая служба и обязательное получение образования «в начале частию казались тягостными и несносными для дворянства». Высшее сословие не желало «лишаться

[10] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. XV. № 11444. Ниже приводятся цитаты из Манифеста о вольности дворянства.

покоя, отлучаться домов, продолжать против воли своей самим военную и другие службы, и детей своих в оных записывать». Однако «обучение свободным наукам и полезным художествам» в европейских университетах и «учрежденных внутри России разных училищах», «вступление в военные и гражданские службы» хотя и было «вначале несколько и с принуждением сопряжено», принесло свои плоды. В правление Елизаветы Петровны власть упорно продолжала формировать государственное сознание у дворянина — императрица, «подражая делам Родителя своего, знание политических дел и разные науки распространила и умножила под своим покровительством в Российской державе».

В результате нескольких десятилетий целенаправленных усилий престола сформировалась мощная социальная опора самодержавия в лице преданного власти образованного сословия. Далее в Манифесте перечислялись этические и гражданские качества, которые монархия воспитала в «благородном сословии»: радение об общей пользе; здравый рассудок, полезное знание; прилежность к службе искусных и храбрых генералов, сведущих и годных людей в гражданских и политических делах. Именно эти черты высшего сословия предопределили возможность отмены обязательного характера службы.

«...Благородные мысли, — говорилось в Манифесте, — вкоренили в сердцах истинных России патриотов беспредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную в службе Нашей ревность, а потому и не находим Мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была».

Вслед за общеполитической преамбулой шла конкретизация условий образования представителей высшего сословия, продвижения их по чиновной лестнице, выхода в отставку, а также отъезда за пределы России и службы другим европейским монархам. В целом в документе признавалась «вольность службу продолжать, как в Нашей Империи, так и в прочих европейских союзных Нам державах», поскольку «по сему Нашему всемилостивейшему установлению никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет». Однако дарованная свобода ограничивалась в 9 поясняющих параграфах.

Военные не имели права выйти в отставку во время кампании и за три месяца до ее начала, после окончания военных действий первые 8 классов могли покинуть службу лишь по высочайшей конфирмации, нижние чины — по решению департаментов. При просьбе об увольнении «от всех дел» чиновный статус дворянина повышался на один ранг, если он состоял в нем более года. В случае перехода с военной на гражданскую службу карьерный рост предполагался при условии службы в одном чине в течение трех лет. Однако эти льготы предоставлялись лишь «за благопорядочную и беспорочную Нам службу».

В третьем пункте Манифеста рассматривался случай возобновления военной службы после отставки или после статской службы. Такая возможность оставалась у дворян, правда, «есть ли их к тому достоинства окажутся». Кроме того, государство стремилось всячески поощрять тех представителей высшего сословия, кто в отставку не уходил, род деятельности не менял, а честно служил, пока другие дво-

ряне наслаждались жизнью вольных помещиков. Их возвращение на службу могло произойти только «старшинством младшими пред всеми теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли; есть ли ж таковые все уже повышены будут, то может и определяющийся в военную службу старшинство получить... сие для того постановляем, дабы служащие перед неслужащими выгоду и пользу имели».

По Манифесту о вольности российский дворянин получил исключительное право жить в Европе и служить другим монархам, однако «с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в свое отечество... со всевозможною скоростью волю нашу исполнить под штрафом секвестра его имения».

В соответствии с шестым пунктом Манифеста власть отныне не собиралась принудительно возвращать на службу неслужащего дворянина или употреблять его «к каким-либо земским делам». Тем не менее «при особливой надобности» и по именному указу «за подписанием Нашей собственной руки» любая отставка могла быть прервана. К тому же ежегодно предполагалось проводить обязательный набор «по пропорции живущих в губерниях» неслужащих дворян: на местах следовало выбрать 30 человек для «надобностей Сената» и 20 человек для «оного Конторы», «а выбранным высылку учинить».

Введенный Петром I принцип обязательной службы и неукоснительного приобретения знаний, необходимых для выполнения этой государственной повинности, сохранял в тексте Манифеста свою актуальность. Все представители высшего сословия должны были отчитываться перед престолом, чему их дети «до двенадцатилетнего возраста обучены, и где далее науки продолжать желают... чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким нашим гневом».

Таким образом, при внимательном прочтении Манифест о вольности дворянства оказывался документом, призванным не столько провозгласить новые привилегии высшего сословия, сколько усилить воздействие на мотивацию его представителей в нужном для абсолютизма направлении[11]. Создается впечатление, что все перечисленные инструкции должны были в конечном итоге повысить престиж образования, усилить авторитет чинов и обострить конкурентную борьбу за них в среде дворянства. Не случайно документ, отменяющий обязательный характер государственной службы, заканчивался требовательным призывом продолжать эту службу со всей «верноподданнической верностью и усердием», всячески готовить к этой службе детей, а уклоняющихся от этой службы «презирать». «...Мы надеемся, что все благородное российское дворянство... по своей к нам всеподданической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и незазорным об-

[11] Так, Р. Джоунс отмечал, что главным предметом Манифеста было не собственно дворянское сословие, а отношение дворянства к службе (*Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 32).

разом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели... тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем». Совершенно очевидно, что в Манифесте о вольности дворянства речь шла прежде всего не о свободе высшего сословия и открывающихся в связи с этим перспективах, а об ожиданиях власти, точнее -- более высоком пороге этих ожиданий.

В целом Манифест представляется достаточно противоречивым документом. По своему пафосу он был выдержан в стилистике идеологии абсолютистского государства, продолжающего видеть в господствующем классе не только привилегированное, но и «служилое» сословие. При этом главная идея Манифеста, согласно которой «все благородные российские дворяне навсегда вольностью пользоваться будут», еще более усложняла смысл государственной службы, которая и ранее трактовалась одновременно и как почетное право, и как неукоснительная обязанность. Наконец, с точки зрения конкретного законодательного обеспечения реализации дарованной дворянству привилегии это был скорее предварительный проект, чем продуманный документ, на основании которого можно было изменить порядок государственной службы целого сословия.

Таким образом, Екатерина получила в наследство от своего поверженного супруга не только весьма шаткое положение на престоле, но и документ, который требовал большой политической осмотрительности. С одной стороны, сохранялась давно назревшая потребность нового концептуального оформления отношений власти и дворянства. Документ, подписанный Петром III, содержал совершенно определенную терминологию, и поэтому господствующий класс справедливо ожидал конфирмации не новых прав и привилегий, а именно «свободы». С другой стороны, Екатерина, как правитель талантливый и дальновидный, интуитивно чувствовала, что необходимо, мягко обходя понятие «вольность», выстроить новые отношения с политической элитой дворянства, не охлаждая, а, напротив, усиливая их рвение к «служению Монарху и отечеству». Законодательство всего периода правления императрицы свидетельствовало о постепенной реализации именно этой тактики.

Манифест от 28 июля 1762 года «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II» содержал типовую форму «клятвенного обещания», в соответствии с которым все подданные торжественно присягали «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться», «поступать, как доброму и верному Ее Императорского Величества рабу»[12]. О дарованной дворянству свободе в законодательстве первых месяцев нового правления вообще не упоминалось. В сентябрьском Манифесте 1762 года «О подтверждении Российскому войску прав и преимуществ, дарованных императрицей Елизаветою» была проигнорирована не только ликвидация обязательного характера службы, но и все правление Петра III обойдено молчанием. Документ был направлен прежде всего на укрепление «доброго порядка».

[12] ПСЗ. Т. XVI. № 11582. С. 1. 28 июня 1762.

«совершенной исправности» и «дисциплины», введенных при Елизавете Петровне. Обещанные же преимущества сводились не к праву покинуть армию, а, напротив, выражались в возможности вернуться на службу всем «несправедливо в войске Нашем исключенным в отставку противу воли и желания их, тогда, когда усердие их к Нам и Отечеству бодрствовало, по единому честолюбию служить неутомленно»[13].

Пауза с подтверждением Манифеста о вольности дворянства явно затягивалась. Вероятно, осенью 1762 года Екатерина писала Н. И. Панину: «Я запамятовала давеча Вам сказать, что не много роптания меж дворянства о неконфирмации их вольности и надлежит о том не позабыть приступ сделать»[14]. Наконец, в феврале 1763 года вышел именной указ «О рассмотрении акта, которым Император Петр III дал вольность благородному Российскому Дворянству, и о приведении его содержания в лучшее совершенство». С этой целью была создана Комиссия, которой, однако, предписывалось не столько разрабатывать «права свободы дворянской», сколько усилить статьи, «наивящше поощряющие честолюбие к пользе и службе Нашей и Нашего любезного отечества»[15].

Протоколы заседаний Комиссии, которая работала на протяжении двух месяцев, а также подготовленный для представления императрице «Доклад о проекте Права дворянского» свидетельствуют о высокой степени зависимости сознания политической элиты от официальной идеологии. Подискутировав о привилегиях родовой и титулованной знати, о соотношении чинов и статуса высшего сословия, придворные пришли к выводу, что достоинство дворянства определяется исключительно его заслугами перед престолом. Завершив работу над проектом, Комиссия ждала конкретных инструкций Екатерины, поскольку «законы следствием должны быть тех прав, которыми Е. В. угодно будет пожаловать российское дворянство; не зная же точно самых прав, ничего за подлинно не могут принять и за основание к сочинению законов»[16]. Проект «Права дворянского» Екатерина собственноручно копировала, сделала замечания на полях и вернула его составителям через полгода. Однако высочайшие указания показались членам Комиссии слишком общими, и они так и не приступили к написанию окончательного текста[17]. Комиссия прекратила свою работу, а императрице пришлось самой приступить к законодательному оформлению сословного статуса дворянства и политики абсолютизма в отношении господствующего класса.

Манифест о вольности не был ни отменен, ни конфирмован, хотя некоторые его положения реализовались в практике Сената и делопроизводстве Герольдмей-

---

[13] ПСЗ. Т. XVI. № 11618. С. 70—72. 22 сентября 1762.

[14] Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 233.

[15] ПСЗ. №11751. С. 157. 11 февраля 1763.

[16] РГАДА. Ф. 16. Д. 235. Ч. 1. Л. 244—275; Ч. 2. Л. 203—258 об. См. также: *Омельченко О. А.* Императорское Собрание 1763 г. С. 118—137.

[17] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20. Ч. 1. Л. 3—40. См. также: *Омельченко О. А.* Императорское Собрание 1763 г. С. 149—150.

стерской конторы. Показательно, что именные и сенатские указы, регламентирующие порядок службы высшего сословия, сохраняли однотипное содержание и неизменную идеологическую направленность на протяжении всего царствования Екатерины, и до, и после издания Жалованной грамоты дворянству. Манифест о вольности упоминался в этих документах особенно часто в начале правления императрицы, но ссылки на него можно обнаружить и в указах 90-х годов. Однако обстоятельства, при которых подтверждалась свобода высшего сословия, свидетельствовали о пропагандистском желании власти продемонстрировать свою стабильную приверженность закону и о завуалированном, но весьма эффективном, ограничении этой привилегии.

Дарованная дворянству свобода от обязательного характера государственной службы, провозглашенная в Манифесте и подтвержденная в Жалованной грамоте, на деле не приветствовалась властью, что проявлялось и в целенаправленном ограничении возможностей получить отставку, и в явном идеологическом порицании отстранения от дел, которое «не приносит ни частной, ни общественной пользы, но только умножает число праздношатающихся тунеядцев»[18]. Наиболее приемлемым аргументом ухода со службы официально признавалась временная отставка «для обучения наукам» или по причине тяжелой болезни[19]. В целом Сенат постоянно требовал от Герольдмейстерской конторы, всех канцелярий и присутственных мест генеральных именных списков служащих и неслужащих дворян «по прилагаемой форме».

Власть так же, как и в начале XVIII века, настойчиво стремилась поставить под жесткий контроль служебную карьеру каждого дворянина, с той только разницей, что к концу столетия роль Петровских смотров начали выполнять аттестаты, а непосредственный диктат уступил место непосредственному воздействию на честолюбивые чувства представителей высшего сословия. В законодательстве постоянно упоминалось, что «за недостатком надлежащих известий о верной и беспорочной службе могут входить в произвождение... такие, которых худые свойства и худое поведение... должны б служить справедливым к тому препятствием, для сохранения в каждом любочестия и ревности к службе Ее Императорского Величества»[20].

Послужные списки, аттестаты, абшиды, явные преимущества в продвижении по карьерной лестнице для тех, кто ни разу не выходил в отставку, так или иначе усиливали в среде высшего сословия конкурентную борьбу за чины, «благоволение начальствующих» и милость императрицы. Безусловно, дворяне пользовались неоспоримыми привилегиями, несмотря на принцип личной выслуги, введенный Табелью о рангах. На протяжении всего правления Екатерины II издавались указы «о требовании в присутственные места о дворянских фамилиях свидетельств

---

[18] ПСЗ. Т. XXIII. № 17073. С. 361. Без числа, сентябрь. 1792.

[19] См.: Там же. Т. XVII. № 12610. С. 631—632. 31 марта 1766; Т. XVIII. № 13087. С. 489. 24 марта 1768.

[20] Там же. Т. XX. № 12104. С. 671—672. 25 марта 1764.

от Герольдии», «о непредставлении воинским командам Дворян в Офицеры, не получив о подлинном Дворянстве их от Герольдии сведения», «о представлении из Присутственных мест в Сенат о военных Офицерах, поступающих в осьмой класс, кои о Дворянстве доказательств не имеют» и т. д.[21] Однако в сословном законодательстве речь шла не собственно о правах дворян, а о главной их привилегии — ревностно служить императору и отечеству. Иначе говоря, под особым покровительством власти находился именно служащий дворянин. Помещик, домогающийся отставки, чиновник или военный, посмевшие неоднократно воспользоваться вольностью дворянства, недоросль, вообще не собирающийся служить, не могли рассчитывать на благосклонность престола.

Таким образом, дворянское достоинство напрямую связывалось с чинами и царской милостью. Власть стремилась всячески усиливать и поддерживать сословной гонор, основанный на привилегии «знатной службы». Ведущим критерием внутрисословной дифференциации дворянства была позиция, занимаемая группой в системе власти абсолютной монархии. Политический вес того или иного слоя в среде господствующего класса зависел от степени причастности к императорскому окружению. Не сложная система иерархической зависимости, а государево расположение объединяло прямых подданных императора. Отсутствие сложной иерархической структуры российского господствующего класса и усиливающийся авторитет власти порождали в сознании каждого дворянина ощущение личной зависимости от монарха. Корпоративная гордость благородного сословия состояла в близости к трону и приобщении к верховной власти через государственную службу.

Высокий социальный престиж государственной службы поддерживался через доминирующую ценность статуса и должности в сознании дворянства. Дарованный императорской властью чин, потеснив родовое достоинство, выступал главным показателем сословной иерархии, задавал основные критерии отношения к человеку в обществе и оказывал определяющее влияние на систему самооценки личности. От положения на чиновной лестнице зависел весь образ жизни дворянина и его семьи. Количество лошадей в экипаже, ливреи лакеев, место во время службы в церкви — все определялось бюрократическим статусом и милостью императрицы[22].

Целенаправленные исследования собственно нормативной части Манифеста и практики службы высшего сословия после его опубликования привели многих специалистов к неожиданному, на первый взгляд, выводу о готовности дворянства в большинстве своем оставаться на службе и после отмены ее обязательного характера[23]. Американский историк Р. Джоунс, справедливо проводя грань между

---

[21] ПСЗ. Т. XIX. № 13577. С. 236—237. 5 марта 1771; Т. XIX. № 14188. С. 1020—1024. 15 сентября 1774; Т. XXIII. № 17105. С. 406—407. 23 февраля 1795.

[22] См. например: Там же. Т. XX. № 14391. С. 228—229. 7 ноября 1775.

[23] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 232; *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 40; *Madariaga I.* Catherin the Greate: A short History. New

эмоциями и поступком, пишет, что многие представители дворянства праздновали обнародование Манифеста, даже если они не имели намерений использовать права, дарованные им[24]. К несколько иным выводам приходит И. В. Фаизова, предпринявшая попытку на основе массовой документации об отставках проанализировать реализацию «Манифеста о вольности в практике государственной службы в первое десятилетие его существования». Автор отмечает, что «Манифест о вольности прочно вошел тогда в практику дворянской службы и стал неотъемлемой частью сословной психологии дворянства». Данный результат был получен на основе аргументации прошений об отставках, которые после февраля 1762 года сводились не столько к таким обстоятельствам, как старость или болезнь, а обосновывались преимущественно законным правом покинуть службу. Этот факт, однако, еще не свидетельствует о том, что государственная служба утратила привлекательность в глазах высшего сословия. Собственно и материал, приведенный в исследовании, подтверждает готовность дворянства по тем или иным причинам продолжать борьбу за чины, установленные Табелью о рангах, несмотря на открывшиеся возможности стать свободным помещиком[25]. В монографии И. В. Фаизовой также резонно отмечается, что «осуществить право выбора между службой и отставкой для многих дворян оказалось труднее, чем можно было предполагать до того, как Манифест стал реальностью»[26].

Самодержавие всячески поддерживало стремление дворянина «придать большую знать своей карьере»[27] и поощряло «честолюбие к пользе службы и прибытка Империи Ее Императорского Величества»[28]. Власть умело сочетала все рычаги воздействия на сознание подданного — за «ревностным исполнением долга» следовало повышение в чине, ранг подкреплялся щедрым пожалованием, а высочайшее расположение материализовалось в деревнях, должностях и лентах. Механизм подобной социальной регуляции призван был функционировать безотказно, поскольку он апеллировал и к стремлению обладать престижной мерой богатства, и порождал у дворянина высокую самооценку, горделивое чувство причастности к власти, господствующему классу, сильному государству.

Haven; London, 1990. P. 15, 120 и др.

[24] *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 40.

[25] «Дворяне-чиновники, — пишет И. В. Фаизова, — значительная часть которых зависела от получаемого жалованья, оставляли службу главным образом по старости и болезни при наличии собственных источников пропитания и вряд ли особенно тяготились служебными обязанностями». В свою очередь, вышедшие в отставку после издания Манифеста неимущие дворяне, лишенные собственных источников существования и потеряв государственное жалованье, «осаждали Сенат просьбами определить к делам для пропитания» (*Фаизова И. В.* «Манифест о вольности». С. 17, 94, 106, 171 и др.).

[26] Там же. С. 171.

[27] См. письмо А. А. Безбородко П. В. Завадовскому. 1792 г., январь // Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 250.

[28] ПСЗ. Т. XVI. С. 157.

Терминологические сопоставления документов дворянского законодательства обнаруживают поразительную стабильность идеологической составляющей политики власти в отношении господствующего класса. Спустя более 20 лет после отмены обязательного характера службы и более 60 лет после провозглашения Табели о рангах, основные положения этого знаменитого Петровского документа продолжали оставаться главным принципом структурирования высшего сословия. В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» 1785 года также был сформулирован приоритет последовательного прохождения всех рангов на основе личной выслуги: «...Российское дворянство, входя в службу военную или гражданскую, проходит все степени чиноначалия и от юности своей в нижних узнает основание службы». Как и во времена правления Петра, единственным показателем знатности в Жалованной грамоте признавалась служба государю: «Достигают же до вышних степеней те Российского Дворянства знаменитые особы, кои отличаются... службою». И точно также монаршая милость оставалась главным источником родового достоинства: «Обыкла Россия исстари видеть службы, верность, усердие... Сему свидетельства подлинные находятся в древнейших поколениях родов Нашего... подданного Российского дворянства». В Жалованной грамоте подтверждались привилегии, дарованные Манифестом о вольности 1762 года, однако при более внимательном прочтении обнаруживалось, что по-прежнему главной привилегией дворянства оставалась привилегия служить государю. Возможность отставки не исключалась, но оговаривалась целым рядом условий и, в конечном итоге, ставилась в прямую зависимость от воли императора: «Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам... Но как благородное дворянское название и достоинство... приобретается службою... для того во всякое российскому самодержавию нужное время... всякой благородной дворянин обязан по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной»[29].

Однако процесс воспитания государственного сознания дворянина, получивший мощный импульс во время петровского царствования и завершившийся в годы правления Екатерины II, имел и непредсказуемые для власти последствия. Постепенное формирование представления о службе как о добровольно исполняемом высшем долге благородного сословия, отсутствие жесткого принуждения и телесных наказаний, доступ к образованию и изысканному образу жизни формировали особое мироощущения у дворянства, вернее сказать — у элиты высшего сословия. К концу XVIII в. круг политиков, военачальников, поэтов и ученых разросся до целого слоя, представители которого уже претендовали на идейное лидерство и заявляли о собственном понимании «общего блага». Так или иначе, провозглашенная возможность отставки расширяла приватную сферу и стимулировала возникновение фигуры «частного человека». В золотой век Екатерининского царствования среди блестящих вельмож, государственных мужей, фавори-

[29] О дворянстве. СПб., 1808. С. ii—iv.

тов, людей «в случае» появилось качественно иное явление «частного человека», названного позже литературоведами «лишним человеком». «Частный человек» в России рубежа XVIII—XIX веков, неожиданное для власти порождение Манифеста о вольности, относился к меньшинству, не понятому светской массой и не одобренному престолом. Вольно или невольно он противопоставлял себя могучему имперскому интересу с его прекрасно разработанной идеологией, определяющей вербализированные ценности большинства, свой собственный частный интерес. Через его самоопределение происходило постепенное высвобождение сферы личностного существования российского дворянина и формирование первых поколений русской интеллигенции.

В. Берелович (Женева — Париж)

Письмо русского студента отцу в петровское время*

В Российском Государственном Архиве Древних Актов (Ф. 17, д. 51, л. 1—2) нами было обнаружено приводимое ниже письмо, написанное в 1718 году русским студентом, находившимся в Университете Галле. Он обращается к отцу по разным вопросам и, в частности, как это видно по содержанию письма, отвечает на предыдущее письмо своего «родителя». Поскольку 17-й фонд РГАДА («Наука, литература, искусство») сформирован в позднее время из рукописей разного происхождения, нам неизвестно, каким путем оно оказалось здесь. Архивное «окружение» документа также мало говорит об этом[1]. В письме не упоминается ни одна фамилия, но, к счастью, указаны имена и отчества адресата и отправителя, равно как и родного брата последнего, что позволило нам установить авторство этой рукописи.

Для этого достаточно было выявить имена русских студентов, учившихся в Галле в эти годы[2]. С 1715-го до 1718-го года в этом университете их было четверо: граф Михаил Гаврилович Головкин (сын канцлера) вместе со своим дядькой Автономом Савеловым, Александр Головин и граф Епафродит Мусин-Пушкин. Из них только А. Головин соответствует по своим семейным данным содержанию

---

* Автор приносит глубокую благодарность А. Жуковской за оказанную ею помощь при установлении текста, а также А.Ю. Андрееву, который подтвердил нам, еще до появления своей книги (в которой он привел выдержки этого, нами предоставленного ему текста), присутствие в Галле автора публикуемого здесь письма.

[1] Следует все же отметить, что следующие по номерному порядку дела (д. 52 и 53) касаются русских студентов, учившихся в Кенигсбергском университете в том же 1718-м г., но это не позволяет что-либо заключить, ни даже сделать предположения о происхождении этих разных по своей природе документов (в нашем случае это частное письмо, дела же 52—53 имеют ведомственный характер), тем более что их соседство могло оказаться результатом позднейшей классификации.

[2] Матрикулы студентов, учившихся в Галле, были опубликованы в издании: Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. B. 1. 1690—1730. Halle, 1960. Кроме того, списки российских студентов, обучавшихся в германских университетах и в Лейдене до середины XIX века опубликованы в приложении уже упомянутой книги А.Ю. Андреева (*Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М. 2005. С. 362). Эта работа является, безусловно, самым полным исследованием о русских студентах в Германии в XVIII в. Следует также упомянуть ставшие классическими работы Э. Амбургера и Э. Винтера: *Amburger E.* Die Russischen Studenten an deutschen Universitäten bis zur Ende des 18. Jahrhunderts // Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Geissen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1961. P. 214—232; *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde. Berlin, 1953; *Idem.* Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18.ten Jahrhundert. Berlin, 1981.

публикуемого письма, причем полнота этих данных (имя и отчество отца, имя родного брата, имя двоюродного брата, наличие сестер) делает нашу атрибуцию абсолютно безошибочной (он был записан в университет с 27 октября 1717-го года).

Александр Иванович Головин (год рождения неизвестен) был старшим сыном Ивана Михайловича Головина (1669—1738), двоюродного брата Федора Алексеевича, одного из ближайших сподвижников Петра и, можно сказать, первого лица в государстве до своей смерти в 1706-м году. Иван Михайлович[3] также входил в круг близких Петру лиц — он был его комнатным стольником, сыграл важную роль в создании русского флота и был назначен в 1717-м году обер-сарваером (главным кораблестроителем). Отметим, что И. М. Головин сопровождал Петра Первого во время его заграничного путешествия и учился вместе с ним кораблестроительному делу в 1697-м году в Амстердаме, а потом в Венеции. Стало быть, он как бы прошел «заграничную школу», и это могло подтолкнуть его к отправке своего сына за границу для получения образования. Он был женат на Марии Богдановне Глебовой[4] и имел двух сыновей — уже упомянутого Александра и Ивана, а также трех дочерей — Евдокию, Наталью и Ольгу[5]. В письме к отцу А. И. Головин передает поклон брату, сестрам и двоюродному брату, но не пишет ни слова о матери (хотя и обращается в другом месте к своих «родителям» во множественном числе), что указывает на то, что ее, скорее всего, уже не было в живых.

Итак, И. М. Головин — один из немногих представителей русской знати, решивших пойти на значительные расходы с целью дать образование старшему сыну за границей. Как известно, в подавляющем большинстве случаев те несколько сотен молодых людей, которые учились в Западной Европе при Петре, были посланы туда во многих случаях на казенный счет (хотя знатным семьям приходилось и доплачивать), причем чаще всего не в университеты, а на обучение «морскому делу». Если не считать вышеуказанных лиц, мы можем назвать лишь несколько представителей высокопоставленных фамилий (Апраксин, Долгорукий, Куракин, Шафиров и др.), обучавших своих сыновей за границей на собственные средства.

Письмо А. И. Головина является уникальным документом для тех лет — нам неизвестно ни одно другое письмо частного характера, написанное студентом петровского времени, адресованное отцу и касающееся его занятий. Разумеется, эта уникальность не позволяет сформулировать какие-либо широкие обобщения, но делает его особенно интересным во многих аспектах.

Прежде всего, письмо интересно тем, что автор его довольно подробно описывает свои занятия. Набор предметов, которые ему предстояло изучить, заслуживает внимания. Он специфичен для галльской системы преподавания, точнее

---

[3] Биографические данные об И. М. Головине можно почерпнуть в: *Берх В.* Жизнеописание адмирала И. М. Головина. СПб., 1825. См. также: Военная Энциклопедия (изд. Сытина). СПб., 1912. Т. 8. С. 379—380.

[4] О которой нам ничего неизвестно.

[5] Все родословные данные о Головиных почерпнуты нами в словаре русского дворянства Иконникова: *Ikonnikov N.* La noblesse de Russie. Vol. E1. Paris, 1958. P. 41 - 42, 45 - 46.

для философского факультета университета в Галле. Здесь сочетается довольно обстоятельное изучение естественного права, всеобщей истории и камеральных наук («европских республик знание»), что характерно для немецких университетов с XVII в.[6], а также философии и математики (о них речь ниже), астрономии и фортификации, которые входили в область математических наук, согласно классификации XVII в., и, наконец, архитектуры, преподававшейся в то время широко по всей Европе, в том числе в колледжах. Можно предположить, что для Александра Головина был составлен особый учебный план, как это делалось во многих университетах, принимавших на ограниченное время знатных молодых людей. К моменту составления письма А. И. Головин учился в Галле уже год, а оставалось ему проучиться до Пасхи 1719 г., то есть примерно 6 месяцев. Иными словами, общий срок его предполагаемого пребывания составлял полтора года, и, стало быть, его случай соответствовал практике обучения по индивидуальному учебному плану.

Поскольку письмо – единственный документ из биографии молодого Головина, нам неизвестно, кем был составлен этот план (если он был). Содержание письма позволяет предположить, что он был сделан или с участием, или согласно каким-то указаниям отца. Обычно в таких случаях семья воспитанника пользовалась услугами доверенного лица, чаще всего профессора данного университета (иногда при помощи дядьки или гувернера, сопровождавшего студента[7]), который и составлял перечень изучаемых предметов с указанием их последовательности по семестрам, а также список преподавателей. Преподавание могло принимать форму частных уроков. В нашем случае это маловероятно, судя по тому, как А. И. Головин пишет о своих занятиях. Успешное прохождение предметов обычно обозначалось аттестациями, выдаваемыми преподавателеми. Но это делалось не всегда, особенно тогда, когда пребывание в университете было недолговременным и, стало быть, само обучение имело дилетантский характер. Видимо, так и было в случае Головина.

Кто же мог быть корреспондентом Головиных в Галле и кто курировал Александра Головина? Вполне возможно, что знаменитый гальский профессор математики и философии Христиан Вольф, который уже имел связи с Россией, принимал в этом деле непосредственное участие. Во всяком случае набор предметов явно несет «вольфианскую» окраску, поскольку философия, математика и, как специальный предмет, опытная философия составляют очень важную часть образования молодого Головина. Как известно, именно во время своего преподавания в Галле с 1706-го года Вольф построил свою систему знаний, развернутую в его двух фун-

---

[6] По поводу преподавания естественного права и истории в германских университетах, и в частности, в Галле см., например: *Notker Hammerstein*. Jus und Historie. Ein Beitrag zur Geschichte des historischen Denkens an deutschen Universitäten in späten 17. und 18. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972; Natural Law Theories in the Early Enlightenment. Cambridge Univ. Press, 2000.

[7] В данном случае отсутствует всякое указание о таком дядьке.

даментальных трудах об основах математических наук и о человеческом рассудке, выпущенных в Галле в 1710-м и 1713-м годах[8].

Вместе с тем заметим, что А.И. Головин особенно выделяет свои занятия по астрономии и архитектуре, ради которых он якобы нуждается в поездке во Францию. Упоминаемый им «презент» отцу, к сожалению, не обнаруженный в архиве, вероятнее всего, был именно архитектурным рисунком. Предметы эти явно соответствуют общеизвестным увлечениям Петра Первого. Мы не знаем, искренно ли пишет об этом Головин или только для того, чтобы добиться разрешения на путешествие во Францию (видимо, в Париж). Показательно другое – именно таким аргументом он рассчитывал добиться разрешения на поездку у отца, который, видимо, опасался, что сын будет предаваться в Париже праздношатанию и разврату.

Итак, документ этот интересен тем, что он дает нам почувствовать как бы изнутри дух времени. Посылка заграницу, обучение в университете, влияние Вольфа, «модные» или «полезные» предметы (в числе последних – конечно, фортификация, но также, вероятно, и светская архитектура) — все это в совокупности заставляет нас думать, что в лице Головиных мы имеем живой пример петровской элиты, которая добровольно, не жалея для этого расходов, проникалась в определенной мере новым духом «культурной политики» императора.

Укажем кратко и на другие интересные аспекты письма, в частности, на отношения сына с отцом. Тут и колебание между традиционным обращением на «ты» и современным «вы», забавные и не очень убедительные соображения по поводу заботы юнца о «родительских деньгах» и, наконец, сам тон письма, разумеется, вполне уважительный, но, в сущности, достаточно свободный. Если вдуматься, то получается, что Головин-младший не желает слушаться Головина-старшего и оспаривает его приказание продолжать учебу в Галле, а не ехать «разлагаться» во Францию. Является ли эта свобода чем-то специфичным в семействе Головиных, было ли такое явление распространено в среде русской дворянской элиты того времени, следствие ли это пребывания Александра за границей, далеко от отцовского ока и вообще русского контекста, надо ли здесь видеть отблеск, будь он даже слабый, свободного университетского духа и, в частности, принципа свободы передвижений? Над такими вопросами мы можем только задуматься, но ответить на них сейчас нельзя, так как мы не располагаем необходимыми для этого текстами и документами. Также мы не знаем, получил ли все же Головин-младший разрешение на парижскую поездку и вообще в какой мере его «университеты» повлияли на его дальнейшую вполне успешную карьеру. Во всяком случае астрономия, архитектура, вольфианская фи-

---

[8] О жизни, преподавании и философской системе Вольфа существует обширная литература. Укажем, например, среди последних работ: Christian Wolff — seine Schule und seine Gegner / HansMartin Gerlag (Hrsg.). Hambrug: Meiner, 2001; *Holloran J. R.* Professors of Enlightenment at the University of Halle, 1690—1730. Univ. of Virginia, 2000; *Luigi Cataldi-Madonna*. Christian Wolff und das System des klassischen Rationalismus: die «philosophia experimentalis universalis». Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2001; *Sommerhoff-Benner S.* Christian Wolff als Mathematiker und Universitätslehrer des 18. Jahrhunderts. Aachen, 2002.

лософия и даже фортификация остались, видимо, для него чисто светскими предметами. Александр Иванович Головин стал капитаном морского флота в 1726 году, а в 1749 вице-адмиралом в Адмиралтейской коллегии и кавалером ордена Александра Невского. Женился он впервые на дочери боярина Бориса Гавриловича Юшкова, от которой имел дочь Екатерину, а потом на Марии, дочери Ионы Яковлевича Новосильцева. Умер он в 1768 году.

Всемилостивый мой Государь радитель Иванъ Михайловичь[9]

Желаю моему Государю радителю доброго здравия на лета многа.

Писмо твое миластивое ка мне родителское сентября от 22-го дня и я исправно получил и противъ сего вашего родителского писания всепокорно симъ моимъ писмомъ ответствую.

По векселю вашему родителскому всю я сумму полтараста червонныхъ исправно получилъ и по получении оного векселя уже вамъ, моему Государю радителю, чрезъ писмо я свое писанное сентября от 23 дня покорно доносилъ и оное мое писмо изволили получить, о томъ прошу изволь меня приказать уведомить.

А об наукахъ моихъ моему Государю радителю при семъ верно доношу. Две части философии логику мороль[10], философиамъ ексъ перементале[11], гисториамъ универсалисъ[12], а из математики аритметику, гео(но)метрию[13], тригометрию[14] шверикамъ и плянамъ[15] и архитектуру цивилисъ[16] фундаментамъ окончалъ же. Сие вышепомянутые науки с помощию Божию уже я окончалъ. При семъ доношу каторымъ наукамъ (нынече?) еще учусь. Юсъ натуре[17], европскихъ республикъ знание, третью часть философии метафисику, а из математеки фортификацию и сие науки окончаю къ празднику Пасхи.

Да изволишъ ты, мой Государь радитель, ка мне писать, что в писме моемъ, которое я писалъ августа 9-го дня много описи есть и вчерне писано и припазнываю, что ты, мой Государь радитель, за то изволишъ на меня гневъ свой иметь, и я прошу вины моей отпущение, но истинно, Государь Батюшка, кагда я оное мое писмо писалъ, что не имелъ я свободного времени, а не могъ тово учинить, дабы мне пропустить почту без писма моево, а время свободного я, Государь Батюшка, зело себе мало имею оприче ино одново воскресенья, а то все мае время проходитъ в наукахъ. А бумаги я, Государь Батюшка, у себя не желею, но желею вашихъ денегъ,

---

[9] Иван Михайлович Головин (1669—1738).

[10] Мораль.

[11] Опытную философию (*лат.*).

[12] Всеобщую историю (*лат.*).

[13] Геометрию (так в подлиннике).

[14] Так в подлиннике.

[15] Сферическую и плоскую тригонометрию (*лат.*).

[16] Гражданскую архитектуру (*лат.*).

[17] Естественное право (*лат.*).

дабы мои писма вамъ, маимъ радителямъ, дешевли станавились, и я надеюсь, что вамъ, моимъ радителямъ, что дешевле, то милостивее изволите принять.

Да изволишъ ты, мой Государь радитель, мне милостивое свое разсуждение обявлять, дабы мне еще далее жизнь сею иметь в Гале и я противъ сего радительскаво твоего разсуждения верно доношу моему Государю радителю, что мне ненадобо далее жить в Гале как до празника Пасхи, для того что тогда мои науки все окончаюца, а ежели мне далее сего времени в Гале жить, то ис того ничего более нелзя быть что выученое опять начать учить. А што ты, Государь Батюшка, изволилъ слышить, что нигде такова множества маладыхъ людей нету как ва Франции и ничего болши не обучаюца какъ всякой шалости, етаму не вина Франциа, но вина наша маладая воля. Есть такихъ дураковъ не в одной Франции, и у насъ в Гале много, что ничему учитца не ходятъ, токмо што хуляютъ, та[18] великие сумы денегъ проживаютъ. А мое желание есть ва Францию ехать не для ради гулянья, но для ради лутчего обучения, для того, Государь Батюшка, что нигде таких случаевъ лутче нетъ обучатца архитектуре цивилисъ и милитарисъ[19] и астрономии какъ во Францыи. Повторяю, прошу моево Государя радителя дабы мне изволилъ милостивое свое радительское позволение дать ехать после празника Пасхи ва Францию. Пожалуй, не изволь потратить моево время.

При семъ посылаю тебе моему Государю радителю сей мой презентъ отъ моихъ трудовъ и прошу, дабы изволилъ по твоей ка мне радителской милости ево милостиво принять, для того что сей мой презентъ писалъ я самъ моими власными руками. а ежели сие мое труды тебе моему Государю радителю не нравны будутъ, прошу не изволь на меня гневаца, для того что надеюся ва Франции еще лутче обучитца.

Галь, 19 дня октября 1718.

При семъ всякого дображелателнейший сынъ твоей милости Александръ благословиния вашего радителского прошу и желаю.

При семъ Государю моему милостивому брату Ивану Ивановичу[20] да Сергею Автономовичу[21] и Государынямъ моимъ сестрицамъ[22] отдаю всепокорный свой поклонъ.

---

[18] Нам непонятны эти два последних украинизма.

[19] Гражданскую и военную архитектуру (*лат.*).

[20] Иван Иванович Головин (1694—1757): младший брат автора.

[21] Сергей Автономович Головин: двоюродный брат автора, сын Автонома Михайловича (1667--1720), родного брата Ивана Михайловича, бывшего комнатного стольника Петра Первого, плененного при Нарве в 1700 г. шведами и находящегося еще в то время в плену.

[22] Евдокия, Наталья и Ольга Ивановны Головины.

С. А. Мезин (Саратов)

Екатерина II в переписке с Н. И. Салтыковым

В огромном эпистолярном наследии Екатерины II переписка с Н. И. Салтыковым занимает относительно скромное место. Тем не менее среди этих писем есть исключительно важные послания. Большинство из них написаны императрицей собственноручно и добавляют живые штрихи к историческому портрету той, которую Вольтер льстиво, но в общем-то верно называл «самой яркой звездой Севера».

Всего на сегодняшний день учтено 128 писем императрицы к Н. И. Салтыкову[1]. В Российском государственном архиве древних актов, где собрано основное рукописное наследие Екатерины II, находится рукопись известной «Инструкции» Салтыкову о воспитании внуков и лишь два адресованных ему письма[2]. Пять собственноручных писем Екатерины к Н. И. Салтыкову хранятся в фонде императора Александра I в Государственном архиве Российской Федерации[3]. Некоторые рескрипты императрицы Салтыкову как главе военного ведомства находятся в Российском государственном военно-историческом архиве. Большинство писем — 77, включая одно письмо Екатерины к Павлу Петровичу, записанное рукой Салтыкова, хранится в Миланском государственном архиве (Италия)[4]. Сюда подлинные письма русской императрицы попали во время Второй мировой войны (1943), когда ломбардский предприниматель и коллекционер Гульельмо Галлетти граф ди Сант Ипполито передал свое богатое собрание автографов в государственный архив[5]. Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову были куплены Г. Галлетти в 1942 г. на антикварном рынке в Милане в составе так называемой Коллекции Пападополи. Когда и от кого письма русской императрицы могли попасть в коллекцию венецианской семьи Попадополи и точно ли они происходили из этого собрания, выяснить невозможно, ибо вся документация, связанная с приобретением коллекции, погибла в результате бомбардировок. 3 ноября 2005 — 18 февраля 2006 г. в Миланском государственном архиве состоялась выставка писем Екатерины II, к открытию которой была приурочена публикация двуязычного каталога, подготовленного итальянскими архивистами и историками Саратовского университета[6].

---

[1] См.: Екатерина II. Аннотированная библиография публикаций / Сост. И. В. Бабич, М. В. Бабич, Т. А. Лаптева. М., 2004. С. 22, 139, 175, 231, 299, 318, 347, 510, 625, 639, 821, 827.

[2] РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. № 24. Л. 59—62; Ф. 2. Оп. 1. № 115. Л. 1—28 об.

[3] ГАРФ. Ф. 679 (имп. Александр I). Оп. 1. № 31.

[4] Archivio di Stato di Milano, Galletti Autografi, Caterina II Romanov. № 1—77.

[5] См.: Il fondo Galletti, manoskritti e autografi dell'Archivio di Stato di Milano. Catalogo della mostra, 18 maggio — 28 luglio 2000. Milano, 2000.

[6] *Nikolai Ivanovic, la vostra lettera...* Lettere di Caterina II Romanov a N. I. Saltykov (1773—1793). Catalogo della mostra 3 novembre 2005 — 18 febbraio 2006. Milano, 2005.

Коллекция Миланского государственного архива включает не все известные сегодня письма императрицы к Н. И. Салтыкову. Еще в 1818 г. П. И. Свиньин в приложении к биографии фельдмаршала поместил пять писем к нему императрицы[7], из которых лишь одно оказалось в коллекции Галлетти. Не входит в нее и самое «скандальное» послание императрицы воспитателю наследников, в котором она пишет о «беспутном поведении» Константина Павловича. Это письмо впервые было опубликовано А. И. Герценом в сборнике Вольной русской типографии в Лондоне среди документов, разоблачающих правящую династию[8]. Нет в миланской коллекции и знаменитой «Инструкции» императрицы Н. И. Салтыкову о воспитании великих князей от 13 марта 1784 г., которая является самостоятельным педагогическим сочинением[9].

Самая полная публикация писем Екатерины II к Н. И. Салтыкову была предпринята известным знатоком истории XVIII в. П. И. Бартеневым в «Русском архиве» за 1864 г. (№ 9). Здесь помещено 103 письма. Большинство писем было опубликовано Бартеневым с копий, полученных от М. П. Погодина. В публикации Бартенева отсутствуют всего два письма, представленных в коллекции Миланского архива. Но в издании середины XIX в. была нарушена последовательность писем, ряд из них неверно датирован, отдельные части одного из писем выданы за самостоятельные документы. Некоторые фрагменты писем были прочитаны с ошибками, другие были пропущены. Орфография писем приближена Бартеневым к усредненному литературному языку XIX в. и не передает особенностей языка Екатерины II.

Адресат писем — Николай Иванович Салтыков (1736 – 1716) – – был заметной фигурой в окружении императрицы. Как глава «малого двора» наследника престола Павла Петровича, а также как воспитатель великих князей Александра Павловича и Константина Павловича, наконец, как глава военного ведомства он нередко фигурирует на страницах работ, посвященных истории России второй половины XVIII — начала XIX в. Его имя почти неизменно присутствует в мемуаристике екатерининского и павловского времени[10]. Однако лишь краткая панегирическая

---

[7] См.: *Свиньин П. П.* Записки о жизни генерал-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. СПб., 1818. С. 103--110.

[8] Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка первая. 1859. Факсимильное изд. М., 1971. С. 1--2.

[9] Сб. РИО. Т. 27. С. 301- -330.

[10] См.: *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или Словарь тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Ковров, 1997. С. 408—412; *Болотов А. Т.* Памятник претекших времян, или Краткия исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 68; *Масон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. С. 46; *Masson C. F. P.* Mémoires secrets sur la Russie sur les règnes de Catherine II. de Paul I. Paris, 1859. P. 81, 83, 215; *Грибовский А. М.* Записки о Екатерине Великой. М., 1847. С. 61—63; *Головина В. Н.* Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 116; *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1998. С. 88—89, и др.

биография, появившаяся вскоре после его смерти[11], да статья в «Русском биографическом словаре»[12] составляют скудный перечень специальных работ об этом государственном деятеле[13].

Свою блестящую, беспримерную карьеру, которая развивалась по нарастающей при пяти императорах, несмотря на острую политическую борьбу и дворцовые перевороты, Н. И. Салтыков сделал не на полях сражений. Немало усердия и распорядительности проявил он на посту главы военного департамента, как военный администратор. Однако более всего таланты и способности Николая Ивановича проявились в качестве опекуна и воспитателя великих князей. В отношении молодого Павла Петровича он выступал в роли наставника и советчика. «Советую вам действовать так, чтобы не стеснять великого князя, не демонстрировать своего превосходства над ним по мелочам, но быть твердым в существенных вопросах. Я не буду входить в подробности, так как в данном случае вы должны руководствоваться собственным суждением», — инструктировала Салтыкова императрица. Примечательно, что «русский Гамлет», как называли наследника престола, воспринимал его не как ментора и шпиона императрицы, а как своего друга.

Но полностью педагогические способности Салтыкова реализовались в воспитании любимых внуков Екатерины Александра и Константина. Одной «бдительности и исполнительности» для осуществления этого важнейшего государственного дела было мало. Требовалось по меньшей мере понимание тех широких педагогических задач, которые Екатерина сформулировала в своей знаменитой инструкции Салтыкову. В лице Александра она надеялась воспитать своего последователя и достойного правителя России[14], а в Константине видела будущего правителя Греческой империи. «С помощью Божии надеюсь, что оне под руководством вашим зделаются людми полезными для империи впред», — писала она Николаю Ивановичу в январе 1791 года.

Что же могло привлекать Екатерину II в Салтыкове-воспитателе? Во-первых, он был человеком военным, а воспитание наследников престола в России всегда было военизированным. По-видимому, он обладал необходимой степенью образованности, знанием французского языка, культурным уровнем, чтобы руководить обучением наследников, порученным известным ученым. Он не раз бывал при европейских дворах и был знаком не только с придворными порядками, но и с правилами европейской политики. Сама равнодушная к религии и любвеобильная, Екатерина не могла не понимать необходимости внушения наследникам твердых

---

[11] *Свиньин П. П.* Записки о жизни генерал-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. СПб., 1818; в сокращенном виде эта же биография приведена в кн.: *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 2. С. 198—203.

[12] Русский биографический словарь / Изд. А. А. Половцева. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904. С. 100—104.

[13] См. также: *Сафонов М. М.* «Господин Александр» и Салтыковы // Родина. 2005. № 3.

[14] Как известно, Екатерина II думала о передаче престола Александру в обход Павла.

моральных принципов. Человек верующий и прекрасный семьянин, Салтыков подавал в этом отношении хороший пример. Наконец, он умел располагать к себе воспитанников, внушал им если не любовь, то уважение и благодарность. «Тонкий царедворец, он был вместе с тем кроток, ласков и всегда расположен к добру»[15]. Он умел быть и твердым. Именно к нему обращалась Екатерина в августе 1796 года, чтобы «унять» разбушевавшегося Константина Павловича[16]. В качестве воспитателя великих князей Салтыков имел право являться к Екатерине «когда вздумает» и располагал широкими возможностями влиять на государственные дела.

Содержание «миланских» писем, охватывающих период с 1773 по 1793 г., весьма богато и разнообразно. Переписка носит деловой и личный характер и касается важных вопросов функционирования власти, а также семейной жизни Екатерины. Письма проливают свет на взаимоотношения императрицы с наследником, в которых важное место принадлежало Салтыкову, умевшему сглаживать противоречия между матерью и сыном. То, что многие письма написаны собственноручно и содержат личностную и психологически окрашенную информацию, придает им особую ценность.

При назначении Н. И. Салтыкова к великому князю Павлу Петровичу императрица снабдила его инструкцией (№ 2)[17]. Из нее явствует, что Салтыков должен был не только руководить штатом и распорядком великокняжеского двора, но в определенной степени исполнять роль наставника при Павле Петровиче. Императрица рекомендовала Салтыкову войти в доверие к великому князю, но в то же время во всем советоваться с ней: «Вы можете говорить со мной и советоваться по вашему усмотрению, вы можете приходить ко мне в любое время». Одновременно Екатерина обратилась к наследнику с письмом (№ 3), которое свидетельствует о том, что она надеялась привлечь Павла к государственным делам и внушить ему свои принципы государственного управления. В окружении Павла нашлись люди, которые попытались представить Салтыкова шпионом императрицы, но эта интрига не увенчалась успехом. Однако не произошло и желаемого сближения матери с сыном. Их взгляды на состояние России и задачи государственного управления все больше расходились[18].

Наиболее интенсивная переписка между императрицей и Салтыковым велась в периоды отсутствия одного из них в Петербурге, во время путешествий. В обязанность Салтыкова входило информировать Екатерину о здоровье его подопечных и

---

[15] *Вейдемейер А.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. 2. С. 2.

[16] См.: Записки императрицы Екатерины Второй / Изд. А. С. Суворина. СПб., 1907. С. 708—709. Неуравновешенному и невоздержанному на язык Константину современники приписывали ряд нелицеприятных высказываний о своем наставнике. См.: *Болотов А. Т.* Указ. соч. С. 37—38; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 125.

[17] Здесь и далее ссылки на письма, опубликованные в каталоге (*Nikolai Ivanovic, la vostra lettera...* Milano, 2005), даются в тексте с указанием номера письма.

[18] См.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 95—99.

обо всем, что происходило примечательного с великими князьями: «Таковые известия, чем чаще и подробнее, тем для меня приятнее будут». До нас дошли ответы Салтыкова императрице, правда, удалось выявить лишь 24 письма[19].

Одно из первых по хронологии писем относится к периоду долгого пребывания Екатерины в Москве в 1775 году. Ненадолго отлучившись в Новый Иерусалим и в Ярополец (имение графа З. Г. Чернышева), императрица обменивалась письмами с Салтыковым, оставшимся при «малом дворе» в Москве.

В 1776 году Н. И. Салтыков ездил вместе с Павлом Петровичем в Берлин для знакомства с принцессой Вюртембергской, будущей супругой цесаревича. Однако письма этого периода, как заметил еще П. И. Бартенев, до нас не дошли.

Сохранились далеко не все письма 1781—1782 годов, когда Н. И. Салтыков сопровождал Павла Петровича и его жену в большом путешествии по Европе. Оно имело культурно-познавательное и дипломатическое значение, но, к сожалению, слабо изучено историками. Н. И. Салтыков был в курсе внешнеполитических планов императрицы, которая стремилась упрочить союз с Австрией. Она хотела, чтобы великий князь установил добрые отношения с Иосифом II. В письмах к своим «любезным детям» Екатерина настойчиво внушала им, что «народ австрийский любит русских»[20]. Пребывание в Вене, а также у многочисленных родственников императора в Италии занимало важное место в путешествии, маршрут которого был проложен в обход Пруссии.

Письма от 8 и 16 июня 1785 года являются памятниками небольшого путешествия Екатерины в Москву и по рекам Вышневолоцкой системы. Это была почти увеселительная прогулка в окружении приятной компании придворных и европейских дипломатов. Императрица с удовольствием отмечает, что за 10 лет ее отсутствия «Москва украсилась и гораздо луче прежнаго». Она по-свойски пишет Салтыкову о том, что в Москве красавицы «измельчали» и среди них уже почти нет ее бывших подруг и ровесниц.

Особое место в переписке занимают послания, написанные во время большого путешествия на Юг России, которое Екатерина предприняла в 1787 году[21]. Эта поездка длиной в шесть тысяч верст стала своеобразным апогеем ее царствования. Она должна была продемонстрировать успехи в освоении вновь завоеванных земель Причерноморья. Встречи с польским королем и австрийским императором, целая армия европейских дипломатов и польских вельмож, сопровождавших ее в пути, свидетельствовали о росте международного авторитета России. Как всегда во время таких путешествий демонстрировалось единение монарха с народом. На протяжении всего пути дворянство, как и остальное население империи, публично

---

[19] РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 120.

[20] Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9. С. 92.

[21] См.: *Брикнер А. Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // ЖМНП. 1872. Ч. 162; *Есипов Г. В.* Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1890. № 11—12; 1891. № 1—9, 11, 12; 1892. № 2, 3, 5.

заявляло о своей лояльности и преданности, что способствовало легитимизации власти и усилению ее политического ресурса[22]. Во время пребывания императрицы в Москве было устроено грандиозное торжество, посвященное 25-летию ее царствования.

Это путешествие было задумано давно, готовилось заранее, и Екатерина намеревалась взять в поездку своих внуков. По этому поводу у нее даже были столкновения с сыном и невесткой, не желавшими расставаться с детьми. Однако болезнь Константина Павловича воспрепятствовала замыслу Екатерины. На протяжении всего пути императрица активно обменивалась корреспонденцией с воспитателем наследников, которые к тому же заболели корью. Только на последнем этапе путешествия, в Москве, великие князья присоединились к своей венценосной бабушке.

Во время путешествия Екатерина II вела обширную переписку не только с Салтыковым, но и с Павлом Петровичем[23], с внуками[24], с московским и петербургским главнокомандующими П. Д. Еропкиным[25] и Я. А. Брюсом[26], с М. Гриммом[27] и др. Письма императрицы были частью пропагандистской кампании, ибо она хорошо знала, что сообщаемые ею в открытой, не секретной переписке сведения молниеносно становились достоянием общественного мнения столиц[28]. Секретарь императрицы А. В. Храповицкий в начале путешествия записал в своем дневнике: «Из Порхова послан журнал путешествия к Брюсу и Еропкину, для отвращения в столицах пустых речей, pour les tenir en haleine[29], и чтобы дать жва<ч>ку, за тем и письма собственноручныя»[30]. «Апробированные» императрицей сведения журнала Храповицкого помещались в столичных газетах, затем «Журнал» путешествия был опубликован отдельной книгой[31]. Письма Н. И. Салтыкову по сравнению с

---

[22] *Ибнеева Г. В.* Путешествия Екатерины II: общество и ритуал // Междисциплинарные подходы к истории. М., 2003. С. 117– 118: см. также: *Бессарабова Н. В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.

[23] Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 37—126.

[24] Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 403—416; Письма и бумаги имп. Екатерины II, находящиеся в публичной библиотеке. СПб., 1873. С. 36—52.

[25] Высочайшие собственноручные письма и повеления... Екатерины Великия к... П. Д. Еропкину, собранные... Яковом Ростом. М., 1808.

[26] Письма императрицы Екатерины II к Якову Александровичу Брюсу 1789 года. СПб., 1889.

[27] Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774 –1796) // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 392—426.

[28] «Княгиня Дашкова хочет, чтоб к ней писали, а она, ездя по Москве, пред всеми письмами хвастается», — записал секретарь слова императрицы. См.: Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. СПб., 1874. С. 33.

[29] *...pour les tenir en haleine...* — чтобы держать их в напряжении (*фр.*).

[30] Дневник А. В. Храповицкого. С. 22.

[31] (*Храповицкий А. В.*) Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в Полуденные страны России. В 1787 году. М., 1787.

другими посланиями этого периода содержат несколько меньше «рекламной» информации, рассчитанной на распространение при дворе. Агент Г. А. Потемкина в Петербурге М. А. Гарновский сообщает о том, что привезенные курьерами письма моментально порождали слухи в столице. Он же отмечает скрытность Н. И. Салтыкова, который «хранит переписку свою с Ея Имп. Вел., уповательно касающуюся до вверенных воспитанию его принцов (sic!), так секретно, что никто об оной ничего не знает»[32]. Но и в данном случае императрица рассчитывала на утечку информации и лишь иногда просила «не упоминать никак» ее слов.

Что же могло породить в обществе «пустые речи»? Само путешествие в окраинные области, где еще недавно шла война и свирепствовала чума, многим казалось опасным. Но главной политической интригой того времени была деятельность Г. А. Потемкина как наместника Юга России и отношение к ней Екатерины. В столице ходили упорные слухи о том, что войска, города и флот, создаваемые Потемкиным, существуют только на бумаге. У светлейшего князя было множество неприятелей, которые надеялись на скорое падение сподвижника и тайного мужа Екатерины.

Письма Н. И. Салтыкову свидетельствуют о том, что императрица начала свое путешествие в хорошем настроении, осталась довольной пребыванием в Смоленске. В Киеве, где ей пришлось провести три месяца, она несколько заскучала. Город ее разочаровал. «Киевские хижины», «премерзкая» погода, пыль и грязь раздражали императрицу. Она не была довольна тем, как фельдмаршал П. А. Румянцев управлял украинскими губерниями. Екатерине хотелось скорее выехать в Крым, но поздняя весна не давала возможности отправиться в плаванье по Днепру.

Эта задержка была на руку князю Г. А. Потемкину, который торопился завершить грандиозные приготовления в своем наместничестве. Работы действительно велись в срочном порядке. Тем не менее, встречая Екатерину в своих владениях, Потемкин превзошел самого себя. Как отмечал очевидец приготовлений, «чорт знает, откудова взялись строения, войски, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли...»[33]. В письмах к Салтыкову императрица не скрывает своей радости и восторга по поводу увиденного в Кременчуге и Херсоне: прекрасные войска, каменные города и крепости. «Здесь я нашла три лехгаконныя полки то есть треть тех, про которых покой⟨ный⟩ Панин и многие иные старушички говорили, что оне только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные но в самом деле прекрасные» — с нескрываемым удовольствием сообщает Екатерина (№ 54). Салтыков, не принадлежавший к поклонникам талантов Потемкина, без особого энтузиазма вынужден соглашаться: «Полков я, всемилостивейшая государыня, конечно, не сумневаюсь, что некоторые люди щитали их быть только мнимыми, но вашему величеству известно, конечно, самим, что и многие вещи, произведенные вами с большим успехом в действие, казались в многих гла-

---

[32] *Гарновский М. А.* Записки // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 23.

[33] Там же. С. 33.

зах не только збыточными, но и вовсе невозможными»[34]. В письмах от 3 и 14 мая 1787 года императрица дает самую высокую оценку деятельности Г. А. Потемкина по обустройству подвластных ему земель: «Чтоб видить, что я не по пустому имею доверенность к способности фельдм<аршала> князя Потемкину, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как возможно луче и порядочнее. Войски, которые здесь, таковы, что даже да чужестранные оные хвалять неложно. города строятся, недоимок неть» (№ 55). Она сравнивает Херсон с Петербургом, хвалит его окрестности и строения: «А здесь и пуще всего видно, чево быть могут, ибо неговоря о строении, кои сплошь каменные и во множество и во всяком роде по свойству прочны и хороши, где пашут, тут изобилье, где сажают, тут принимается и ростет, одним словом, естьли приводит или привозит суда нелюбящих сего краю, думаю, что предубеждение и страсть кончится обозрением Херсона. Притом прошу вспомнить, что шесть лет назад было ничево» (№ 57).

Иностранцы, сопровождавшие Екатерину, в своих записках действительно отмечали успехи Потемкина в освоении новых земель и его умение поразить путешественников[35]. Лишь дотошный Иосиф II подметил, что легкоконные полки набраны наскоро и экипированы слишком легко, крепость в Херсоне «сооружена из земли или, вернее, из песка», а лес, из которого строят корабли, очень сырой[36]. Впрочем, императрица, любившая пустить пыль в глаза своим корреспондентам, вполне сознавала несовершенство многих начатых дел. «Все вижу и слышу, хотя не бегаю, как император. Он… требует от всех неутомимости и невозможного совершенства; не знает русской пословицы: мешать дело с бездельем»[37], — говорила она в присутствии Храповицкого.

Поездка Екатерины по Крыму, напоминавшая ожившие сцены из сказок «Тысячи и одной ночи»[38], охарактеризована в письмах к Салтыкову очень лаконично, «понеже писать почти что время нет». По словам князя де Линя, «это был один непрерывный праздник».

В письмах Екатерины к Салтыкову вопросы здоровья, воспитания и обучения наследников всегда находятся в центре внимания. Императрица постоянно настаивает на строгом соблюдении ее наставлений. Отъезжая в Крым, она писала: «Николай Иванович, через сие подтверждаю я вам письменно то, что я уже словесно вам приказывала, и что более всего лежит у меня на сердце, *понеже будущее благо мне от Бога врученной империи и людей от того зависит* (курсив мой. — *С. М.*); то есть, чтоб во время моего отсутствия вы непременно наблюдали, следовали и выполняли данный вам от меня наказ о воспитании моих внуков великих князей

---

[34] РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 120. Л. 29.

[35] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865. С. 185, 192—193, 197—198.

[36] См.: *Есипов Г. В.* Указ. соч. // Киевская старина. 1891. № 7. С. 41—42; № 8. С. 241, 247.

[37] Дневник А. В. Храповицкого. С. 35.

[38] Записки графа Сегюра. С. 206.

Александра и Константина Павловича»[39]. Возможно, она опасалась вмешательства Павла Петровича в воспитание детей в ее отсутствие[40]. Поэтому Салтыков не устает повторять, что готов ее предписания «в точности соблюсти». Он регулярно посылал императрице отчеты «с описанием всех в учении... упражнений их высочеств». Впрочем, Ф. С. Лагарп замечал, что положение о единстве требований к детям со стороны наставников постоянно нарушалось Салтыковым. Он никогда не проводил требуемых совещаний учителей и наставников с обсуждением успехов и поведения учеников[41].

Екатерина вникает в мельчайшие подробности болезней и лечения великих князей. Она постоянно держит под контролем содержание занятий Лагарпа с великими князьями. Императрица не преминула похвастаться успехами своей педагогической системы на примере воспитания внучатого племянника Потемкина пятилетнего графа Браницкого, к которому она очень привязалась во время путешествия: «Мать, насмотресь, как содержали великих князей, точно наблюдает с своим сыном мои правилы, и то столь удачно, что сей малчик не токьмо прекрасен собою но, притом таков, как только по его летам желать можен...» (№ 36).

В более поздних письмах императрицы к Н. И. Салтыкову раскрываются любопытные эпизоды Русско-турецкой войны 1787—1791 годов, указывается на особую роль в ней Г. А. Потемкина и А. В. Суворова, дается оценка амбициозному М. Ф. Каменскому, у которого, по словам императрицы, «нет соображения ни на грош».

Письма прекрасно передают общую атмосферу екатерининского двора, менталитет императрицы и ее приближенных, особенности личных отношений в ближайшем окружении Екатерины. Переписка добавляет живые штрихи к портрету Екатерины II как государственного деятеля, личности, матери, бабушки. В обхождении с окружающими ее людьми она была проста, обходительна и любезна, легко прощала человеческие слабости и невольные ошибки. Императрица хорошо знала людей, умела пользоваться их сильными и слабыми сторонами. Живая, энергичная, любознательная, она могла увлекаться, была способна искренне привязываться к людям. Но никогда не теряла головы даже в своих увлечениях, а в своих требованиях была твердой и непоколебимой.

Письма показывают просветительское стремление императрицы научить искусству управления своих наследников, в особенности любимых внуков Александра и Константина. Как видно, у нее были определенные надежды в этом плане и на Павла Петровича, но они не реализовались. Именно в письме к сыну Екатерина II сформулировала очень важную мысль: «Приобрести сердца одних мало есть, а *надобно, чтоб все нас любили и притчину к тому имели* (курсив мой. — *С. М.*). В сем и моя воля и желание есть» (№ 2). Этот принцип не только лежал в основе

---

[39] Письма императрицы Екатерины II к Н. И. Салтыкову. 1763—1796 / Публ. П. И. Бартенева // Русский архив. 1864. Стлб. 948.

[40] *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 204.

[41] См.: *Сухомлинов М. И.* Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I // Исследования и статьи по русской литературе. СПб., 1889. Т. 2. С. 67.

отношений императрицы с придворными (отношение к Н. И. Салтыкову яркое тому подтверждение), она пыталась реализовать его в своей социальной политике. Она была внимательна к общественному мнению и общественным потребностям гораздо более других русских монархов.

Екатерина II была исключительно заботливой любящей бабушкой. И такой ли плохой матерью она была, какой ее часто изображают историки? Всегда ли благие намерения родителей получают достойный отклик?

Письма, написанные рукой императрицы, живо передают особенности ее языка. Русским языком Екатерина II владела легко и свободно, но правильным ее язык не был. Письма к Салтыкову подтверждают уже сделанные специалистами наблюдения, что Екатерина II «довольно часто неправильно писала окончания в русских словах, не всегда верно угадывала род и падежи, склоняла и спрягала»[42]. Она сознавала свои погрешности и в случае необходимости обращалась за помощью к секретарям или к Г. А. Потемкину, который в ее окружении отличался образцовой грамотностью: «Естьли в ортографии есть ошибка, то прошу, поправя, где надобно, ко мне возвратить»[43]. Собственноручные письма к Н. И. Салтыкову, конечно, такой правке не подвергались. Они вполне отражают яркий, богатый на сравнения, образный язык императрицы, показывают ее склонность к простонародной речи. (Салтыков в своих письмах больше тяготел к канцелярским штампам и льстивому многословию.) Неправильности написания были обусловлены тем, что устоявшихся норм письменного языка еще не существовало, а также реальным акцентом Екатерины.

Так, она в разных случаях писала «письмы» и «писмы», «тепер» вместо «теперь», «кор» вместо «корь», «естьли» вместо «если». Она часто писала так, как слышала: «здарова» вместо «здорова», «пращаите» вместо «прощайте», «нага» вместо «нога», «хварать», «фрухты», «щиголять» и т. д. Она «щеголяла» простонародным написанием: «сумневаюсь», «ужесть», «вчерась», «цидулка»; писала «возять», «дарять», «дасть бог»... Екатерина, как и ее секретари, часто писала «не» с глаголом вместе.

Письма демонстрируют особенности культуры письма и повседневной речи того времени, письменный этикет, могут быть интересны историкам языка и литературы.

---

[42] *Елисеева О. И.* К вопросу о русском языке Екатерины II в ее переписке с Г. А. Потемкиным // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей. М., 1993. С. 111.

[43] *Екатерина II и Г. А. Потемкин.* Личная переписка. 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 24.

Д. А. Редин (Екатеринбург)

Должностная преступность в петровской России: отношение современников

Одним из ярких явлений административной практики петровской России стал резкий рост должностных преступлений, львиная доля которых имела коррупционный характер (взяточничество и казнокрадство).

В исторических и историко-юридических исследованиях неоднократно акцентировалось внимание на причинах, порождавших должностную преступность. Задача настоящей статьи сводится к попытке выявления отношения современников к указанному феномену.

Учитывая неоднородность участников общественных отношений, в категории современников (из которой исключены иностранные наблюдатели), очевидно, следует выделить три группы: а) носителей высшей власти (законодателя), в первую очередь монарха и, с оговорками, тех лиц, которые допускались монархом к соучастию в законотворчестве; б) служащих центрального и местного аппарата, носителей исполнительной и судебной власти, часть из которых, в свою очередь, обладали определенным набором нормотворческих полномочий по отношению к нижестоящим лицам и инстанциям; в) управляемое население.

Каждая из перечисленных групп по-своему понимала должностную преступность и выражала свое отношение к ней доступными себе способами, различными по форме, степени и характеру рефлексии, зависящими от места группы в системе общественно-административных связей. В то же время можно найти и нечто общее: отношение каждой группы к означенному феномену отличалось известной двойственностью.

Первая группа, крайне малочисленная (а в изучаемое время, зачастую, терявшая признак группы ввиду активной персональной роли царя в процессе законотворчества), была самой влиятельной в формировании юридически дозволенных норм поведения госаппарата. Определяя, образно говоря, «правила игры», именно она меняла (или пыталась изменить) представления о законном и незаконном в административной практике и общественных отношениях в целом.

Общей тенденцией в деятельности законодателя можно считать тот факт, что он резко ужесточил ответственность за различные действия бюрократии, связанные с материальными поборами с населения, определяя их как должностные преступления. За период, например, с 1713 по 1722 гг. (время активного проведения административных реформ) на свет появилось не менее дюжины указов, непосредственно направленных на пресечение практики злоупотреблений должностью в наиболее характерных их проявлениях. Примечательно, что девять из этих двенадцати указов представляют собой разные формы именных (именной; именной, данный Се-

нату; именной, объявленный в Сенате), два являются сенатскими (причем один из них — «вследствие именного») и один издан Юстиц-коллегией, центральным органом, имевшим, помимо прочего, надзорные полномочия по отношению ко всей судебной системе империи. Кроме того, большая часть этих указов явно связаны между собой редакционно, они часто носят дополняющий и расширяющий характер по отношению друг к другу и, несомненно, мыслились их создателем как «пакетные», говоря современным языком. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что само понятие должностной преступности и осознание ее опасности для государства формулировалось на высшем уровне и оформлялось *законом*.

Знакомство с содержанием законодательных актов показывает, что верховная власть не сразу смогла уяснить для себя объект правового регулирования. В именном указе от 24 апреля 1713 г., представляющем собой, собственно, несколько разнородных постановлений и более известном в качестве указа об учреждении должности ландратов, в п. 4 речь заходит о «повредителях интересов государственных». Царь повелевал известить («сказать во всем государстве, дабы неведением никто не оговаривался»), что всех преступников и «повредителей интересов государственных» впредь будут казнить смертью и конфисковывать их движимое и недвижимое имущество; то же обещалось тем, кто будет «щадить» указанных «повредителей» (несомненно, в первую очередь здесь имелись ввиду лица, облеченные властью вести розыск и суд, т. е. администраторы всех рангов). Пассаж о «повредителях» государственного интереса заканчивался примечательным уточнением: «для вразумления людям» следовало в будущем объяснить, что представляет собой государственный интерес и что (по умолчанию) есть его «повреждение»; чем нарушение этого интереса отличается от «партикулярного прегрешения», которое следовало наказывать мягче, оставляя «на старых штрафах и на разсуждении Сената»[1].

Четыре месяца спустя самодержец дал необходимые «изъяснения» посредством именного указа от 25 августа того же года. По узкому своему смыслу этот указ устанавливал унифицированный порядок взимания налогов по четвертям года, но сама мотивация установления нового порядка сборов и весь пафос документа говорили о его неизмеримо большем значении. В преамбуле закона монарх сообщал, что издает его, «ревнуя искоренить неправедные бедственные *всенародные тягости и похищении неправедные государственные казны*»*, ставя, таким образом, в один ряд народные и государственные интересы. По мысли законодателя, означенные тягости происходят во время сбора различных податей, когда «преступники и повредители интересов государственных» (буквальный повтор апрельской формулы) грабят народ, пользуясь своей властью и руководствуясь корыстными побуждениями. Ниже пояснялось, что речь идет о злоупотреблениях при раздаче государственных подрядов (распределение их следовало делать «без всяких лукавых вымыслов и *безпосульно*»), о вымогательстве «*взятков и посу-*

[1] ПСЗ. Т. 5. № 2673.

* Здесь и далее выделено мной. — *Д. Р.*

лов» за отсрочку платежей и о взимании *кормов*. Все эти преступления напрямую связаны с использованием должностного положения в целях личного обогащения, они наносят непосредственный ущерб интересам казны, а потому — итожил указ — виновные в их совершении достойны смерти и полной конфискации имущества. К «партикулярным» же правонарушениям, в пояснение мысли апрельского указа, монарх отнес взятки в «челобитчиковых делах и всякие в народе обиды... которые не касаются *интересов государственных и всего народа*», т. е. служебные злоупотребления частного характера, возникающие главным образом в рамках судебно-административной, а не административно-податной практики[2]. При всей размытости критериев «партикулярного прегрешения», таковое все-таки тоже считалось преступным, хотя и подпадало под более щадящие санкции. Последующие законы на эту тему, опубликованные в 1713 г., уточняли технические детали. Лаконичный указ от 25 октября, созданный непосредственно в дополнение к августовскому, приглашал «всех чинов людей» безбоязненно, ежегодно с октября по март (о обаятельная простота «регулярности»!), доносить государю на «грабителей народа» и «повредителей интереса», суля в качестве награды движимый и недвижимый конфискат последних, а то и дарование «чина»[3]. Вероятно, добрые подданные с таким воодушевлением приняли призыв монарха, что уже 23 декабря уходящего года Петр был вынужден охладить их пыл, повелев именным указом доносить на высочайшее имя только о делах, касающихся «здравия и чести монаршей» и бунта и измены[4].

Тем не менее связь между должностными злоупотреблениями и казенным ущербом была слишком очевидной, а масштабы чиновничьего корыстолюбия слишком значительны, чтобы останавливаться на полумерах. 24 декабря 1714 г. на свет появился именной указ, который можно считать принципиальным и наиболее значимым в законодательном определении должностной преступности и мер по борьбе с нею. Историки права придают этому указу тем большее значение, что он установил новое понимание преступного вообще, провозгласив, «*что все, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление*». Под деяния, приносящие «вред и убыток государству» монарх подвел не только взимание «казенных посулов», но и все виды поборов с частных лиц («...дабы не дерзали никаких посулов казенных *и с народа собираемых денег брать*, торгом, подрядом и прочими вымыслы...»), включая особо упомянутые кормления «от дел»; в тексте уже нет противопоставления государственного и «партикулярного» преступления. Всем чинам, «которые у дел приставлены», уличенным в нарушении установленных норм, грозили конфискация имущества, шельмование или смерть. Заявляя о «умножении многих лихоимств», Петр отмечал, что виновные в них зачастую отговаривались тем, что прежде «сие не заказано было» (явно имея ввиду кормленческую практику); в пресечение подобных оправданий этот и последующие аналогичные указы

---

[2] ПСЗ. Т. 5. № 2707.

[3] Там же. № 2726.

[4] Там же. № 2756.

давались на ознакомление приказным под роспись, что стало обязательной процедурой и для впервые вступающих в должность[5]. В указе от 25 января 1715 г. «похищение казны» (под это понятие легко подпадала большая часть коррупционных действий, очерченных предшествующим законодательством) было введено в круг государственных преступлений («слово и дело»)[6]. В 1717—1721 гг. еще пять указов уточнили характер противозаконных действий должностных лиц (отнеся к ним, в том числе, волокиту в решении судебных дел и неправедный суд) и несколько раз подтвердили особое значение преследования «хищников» — взяточников и казнокрадов, конечное решение судьбы которых подлежало высочайшей воле[7]. Наконец, появление 17 апреля 1722 г. указа «О хранении прав гражданских», риторикой и текстуальными совпадениями воскрешавшего в памяти указ о «воспрещении взяток и посулов» 24 декабря 1714 г., знаменовало определенное подведение итогов создания «антикоррупционного» законодательства. Как гласил текст самого указа, этим законодательным актом «яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов...»[8].

Таким образом, намерения высшей власти относительно чиновничьего лихоимства не вызывают сомнений. Характеризуя злоупотребления должностью как «мины», подводимые «под фортецию правды», считая их «вяще измены, ибо, о измене уведав, остерегутца, а от сей не всякий остережется», законодатель возвел, в конце концов, этот вид преступлений в ранг государственных, отнеся «похищение интереса» к «третьему пункту слова и дела». Сурово осуждая не только прямых расхитителей казенных средств, но, что важно, «грабителей народа» — чиновников-взяточников, монарх и его окружение руководствовались абсолютно прагма-

---

[5] ПСЗ. Т. 5. № 2871. Следы процедуры рукоприложений в знак свидетельства ознакомления чиновников с указами «о лукавом похищении казны», «о искоренении лихоимства» и т. п. обнаруживаются в различных сохранившихся делопроизводственных комплексах местных канцелярий, например: РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 955—957 (рукоприложения личного состава Вятской провинциальной канцелярии и камерирской земской конторы под указом от 22 июня 1720 г. (поступил в канцелярию 7 ноября того же года)), 960—963 (то же по Кунгурской уездной канцелярии с привлечением мирских выборных уезда), 965 (то же по Кунгурской канцелярии судных дел).

[6] ПСЗ. Т. 5. № 2877.

[7] Там же. № 3081 («О подаче... в канцелярию Сената доношений по злоупотреблениям... касающихся до казенного интереса»), 3298 («О правом и безволокитном вершении дел...»); Т. 6. № 3601 («О... наказании хищников за взятки лишением имения и живота»), 3756 («О не вершении дел в коллегиях о похищении казны... без высочайшей конфирмации»); ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 57—57 об. («О печатании указов о сборах», в ПСЗ не обнаружен, повелевал публиковать указы о всякого рода податях только в печатном виде, чтобы ограничить возможность местных чиновников, прикрываясь рукописным «указом», собирать деньги с населения в свою пользу под видом сбора государственных налогов).

[8] РЗ. Т. 4. С. 186—187.

тическими соображениями: замученные бесконечными незаконными поборами тяглецы становились неспособными к несению государственных повинностей. Таким образом, взяточник, совершая вроде бы «партикулярное» правонарушение, становился виновным в последствиях антигосударственного характера. Примечательно, что данная логика органично вписывалась в риторику рассуждений об «общественной пользе» (и у меня нет оснований считать, что Петр I, например, лицемерил, используя эту риторику). Но в то же время высшая власть сама же провоцировала нарушения законодательства и попустительствовала различным формам лихоимства.

Так, требуя беспорочной службы, власть не обеспечивала чиновников необходимым жалованьем; особенно это касалось самого многочисленного отряда бюрократии — канцелярских служащих. Прежде всего, весьма скромными были размеры жалованья, установленные для этой категории и колебавшиеся в местных учреждениях в диапазоне от 7,5 до 50 руб. (исключение составляли дьяки-секретари с их 100-рублевыми окладами, приближавшими этих приказных к администраторам уездного ранга, но дьяков было мало)[9]. Но и эти скромные деньги, как правило, не доходили до получателя. Государство находило множество причин для изъятия назначенного жалованья обратно в казну; наиболее расхожей была ссылка на тяготы военного времени. По меньшей мере с 1704 (указ от 10 декабря) по 1713 г. «у воевод, у дьяков, у подьячих и иных чинов у людей... для нынешней свейской войны» удерживали половину окладных денег[10]; в 1711 г. (сенатский указ от 11 марта) с дьяков и подьячих собирали по 30 руб. с человека за даточных казенных людей[11]; в 1713 г. разовые сборы за поставку даточных людей были заменены постоянным новоокладным сбором с дьяков и комиссаров (сенатский указ от 15 января) в размере тройного должностного денежного оклада[12], на те же нужды с 11 июня 1713 г. подьячие старые и средней статьи должны были платить по 30, а молодые подьячие — по 10 руб.[13] Документы 1713—1718 гг. указывают на то, что при вступлении в должность с канцелярских служащих взималась разовая сумма «на содержание лазарета», или «на гошпиталь», близкая, вероятно, по своему размеру к годовому должностному окладу (100 руб. с дьяка, 10 руб. — с молодого подьячего)[14]. В 1723 г. в связи с неурожаем на содержание армии и флота по указу Штатс-Контор-коллегии от 15 апреля удерживалась j часть окладного денежного жалованья со всех категорий служащих кроме мастеров-иноземцев; с петербургских приказных и лиц, получавших менее 150 руб., следовало брать S их хлебного

---

[9] Подробнее см.: *Редин Д. А.* Имущественное положение низшей администрации и канцелярских служащих Урала и Западной Сибири в 1720-е гг. (к постановке вопроса) // Меншиковские чтения — 2005: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. А. Кротов. СПб., 2005. С. 96—108.

[10] ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3393. Л. 4 об., 41.

[11] РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 314. Л. 14.

[12] Там же. Оп. 1. Д. 3[а]. Л. 1—2; Оп. 2. Д. 314. Л. 2 об., 18, 20—20 об.

[13] Там же. Оп. 2. Д. 314. Л. 31.

[14] Там же. Ф. 248. Кн. 647. Л. 808, 837—841, 889—892; Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 647.

оклада или «хлебных денег»[15]. Если к этому перечню добавить регулярную практику «правежа штрафных денег» с чиновников за хронический недобор податей с вверенного им населения[16] и просто немотивированные невыплаты жалованья, то станет ясно, что подобная ситуация не могла не подталкивать администраторов на действия, законом определенные как преступные. Иными словами, поставив вне закона все виды «кормления от дел» и провозгласив жалованье единственным легальным вознаграждением чиновничьей службы, государство оказалось неспособным организовать материальное обеспечение госаппарата. Примечательно в связи с этим, что применение законов против «похитителей интереса» носило выборочный характер. Складывается впечатление, что чиновников привлекали к ответственности по «интересным» делам только в тех случаях, когда того требовали политические обстоятельства или сведение личных счетов. Нередко контролирующие органы закрывали глаза на факты должностных преступлений потому, что проворовавшихся администраторов и приказных просто некем было заменить или потому, что скомпроментировавшими себя чиновниками легче было управлять.

Вторая группа. Вынужденно поддерживая пафос антикоррупционного, говоря современным языком, законодательства и требуя от своих подчиненных его неукоснительного исполнения[17], большинство администраторов и приказных не могли удержаться от соблазна «покормиться от дел». И проблема, как видно из вышеизложенного, не может быть сведена только к инерции традиции, привычки рассматривать приказную службу как бенефиций. Попытки законодателя сформировать новое, «формально-рациональное» отношение к госслужбе, с одной стороны, и неспособность обеспечить условия и надлежащий контроль ее реализации, с другой, побуждали управленцев к большей изобретательности и изощренности в своих действиях. Различные формы «кормлений» (от прямой, по своей структуре и содержанию ничем не отличавшейся от существовавшей в XVII, например, веке,

---

[15] РГАДА. Ф. 425. Оп. 1. Д. 8. Л. 201—204.

[16] На основании именного указа от 26 февраля 1714 г. выдача жалованья всем гражданским чиновникам от губернатора до подьячего производилась только после того, как из губернии будут высланы все платежи и погашены недоимки во все «положенные места». Контроль за исполнением новых норм и право разрешения на выдачу окладных денег был возложен на канцелярию Сената. В случае нарушения этого указа власти конфисковывали уже полученное жалованье. Такого рода правеж был, например, начат в апреле 1717 г. по доносу обер-фискала А. Нестерова (см., например: РГАДА. Ф. 248. Кн. 46. Л. 533—534; Кн. 154. Л. 793—808), хотя правеж жалованья за нарушение финансовой отчетности и недоимки практиковался и до указа 1714 г., практически во время всех финансовых ревизий.

[17] Например, еще в 1711 г. сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин грозил своим подчиненным, допустившим по отношению к крестьянам и посадским «какую обиду или налогу для своей бездельной корысти, или кого возьмет хотя малые взятки», смертной казнью, «для того, что от тех обид и налог многие уездные люди... разорились и домы их опустели, и от того государевы подати умалились» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2072. Л. 90—91). Подобные губернаторские указы, данные «в общее публикование», повторялись и позже.

до близких к ней, реализовывавшихся в прямых сборах с населения на содержание ландратов или на обеспечение местных канцелярий бумагой и дровами) «легализовывались» с учетом изменившихся условий, посредством административного нормотворчества, облекались в документальную форму. Так, сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин засчитывал кормленные сборы в свой адрес и на содержание комендантов и воевод в общую сумму государственных податей: удалось выявить несколько приказов соответствующего содержания, составленных в соответствии с требованиями делопроизводственных норм — нет оснований полагать, что он был одинок в подобной практике[18]. Кроме того, управленцы нашли убедительную, как им казалось, систему оправдания своих действий, которую некоторые из них, в той или иной степени обобщения, высказали на письме. В общих чертах эта система сводилась к тому, что чиновники стали разделять понятия «злоимания» («лихоимания») и «мздоимания» («почести», «честного подношения», «акциденции»). Первое — это корыстное действие, приводимое к нарушению закона и влекущее за собой прямой вред государственным делам. Второе — это оплата за сверхурочный управленческий труд, за особо внимательное и неформально-добросовестное рассмотрение дела. Свои действия, безоговорочно противоправные с точки зрения текущего законодательства, они квалифицировали, разумеется, как второе. Самое известное обоснование дифференцированного подхода к оценке законного и незаконного в практике неформального обогащения чиновника высказал В. Н. Татищев[19] — человек острого ума, обширной образованности, обладатель многих талантов и богатого управленческого опыта, ему, как говориться, сам Бог велел теоретизировать на этот счет. Значительно интереснее, на мой взгляд, что ситуация вынуждала браться за перо людей гораздо более скромных как по дарованиям, так и по месту, занимаемому в административной иерархии. В 1723 г. глава уральского горно-заводского ведомства генерал-майор В. И. Геннин, проводивший тотальную «чистку рядов» местной бюрократии, посадил под арест земского комиссара Алапаевского дистрикта Ивана Аврамова, уличенного в многократных вымогательствах взяток. Сидя в узилище, Аврамов (назначенный, к слову, на должность В. Н. Татищевым) не захотел признать себя «повредителем государственного интереса» и написал генералу письмо, в котором мотивировал свои поступки. Не отрицая факта получения с крестьян подношений, он очень точно охарактеризовал ту двусмысленную ситуацию, которая сложилась в сфере представлений о должност-

---

[18] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 83 об.; Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 710. Любопытно, что все это не вызывало никаких вопросов до тех пор, пока князь Матвей не попал под розыск, стоивший ему жизни; на одном из допросов (16 ноября 1720 г.) он отрицал в том числе и факт сбора кормов с зачетом в подати по тобольскому эпизоду 1715 г., оговариваясь тем, что в то время его в Тобольске не было (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 84). Понимал, значит, что поступал незаконно; но ведь и высшие власти это понимали, а припомнили только тогда, когда это стало нужным.

[19] *Татищев В. Н.* Духовная // Избранные произведения / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1979. С. 143.

ных преступлениях. «Известно Вам самим, — грустно рассуждал бывший комиссар, — что сребролюбие мудрых и великих уловляет, *о чем в нынешних временах доволно прикладов*. Однако ж всемилостивым е. и. в. разсмотрением и... по слабостям человеческим разсуждением, не токмо такия вины, *которыя похищению казны государственной не касаются, яко и мое*, но и те, которыя доволным е. в. жалованьем казенным похищением обличены, по достоинству сана и по милосердию малыми наказаниями смирены...» В этой преамбуле отражен весь парадокс нормы и практики госслужбы петровского времени: и «грех сребролюбия», широко распространенный в чиновничьей среде, и суровость закона относительно «похищения казны», и «малые наказания» за преступления, судимые не столько законом, сколько «отеческим рассмотрением». Чем же оправдывал себя незадачливый узник? Во-первых, тем, что «жалованья никакого не имел», а во-вторых, тем, что не вымогал с крестьян взятки, а принимал от них «честное приношение», добровольный дар, за то, что «им по прозбам по возможности делал ползы», нисколько при этом не нарушая государственных интересов, творя «никоим образом ползе е. в. не вредное»[20]. Приведенный пример, интересный сам по себе, в контексте рассматриваемой проблемы примечателен тем, что являет собой образчик осмысления ситуации самым заурядным представителем петровской бюрократии. Может быть, И. Аврамов оказался чуть-чуть более склонным к умствованию, чем большая часть его собратьев, но, уверен, он выразил весь спектр их отношений к феномену должностной преступности. И если в сентенциях Татищева мы еще можем подозревать крайне индивидуальный взгляд на проблему, а его «Духовную» рассматривать в качестве уникального акта творчества, то в рассуждениях мелкого администратора Аврамова, излитых в ситуации отчаяния и облеченных в жанр казенного доношения, — «глас народа».

Третья группа. На первый взгляд отношение податного населения, главного объекта должностной преступности, к названному феномену очевидно. Тяглецы в первую очередь страдали от корыстолюбия начальства всех рангов, заметно умножившегося в ходе петровских реформ. Свидетельство чему — нескончаемое множество челобитных и доношений, раскрывающих дерзость и изобретательность чиновников в извлечении неправедных доходов. Но следует учесть, что народ начинал жаловаться на лихоимцев лишь в тех случаях, когда их действия нарушали определенные негласные правила: когда вымогательство было сопряжено с жестокостью, носило откровенно уголовный характер, вело к подрыву хозяйства челобитчика, отличалось непомерно высокими материальными притязаниями и т. п. Примеров такого рода дел можно привести бессчетное множество, любое из них красноречиво свидетельствует о том, что протест вызывало не само по себе корыстование, а способы достижения цели, подпадавшие уже совсем под другие статьи. «Призвал он меня в судную избу и бил батожьем меня пьян насмерть. И заворотя у меня назад руки, и положил смыки на руки и на ноги, и посадил он меня в той судной избе за решетку, и держал двенатцеть недель» — жаловался крестьянин

[20] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5а. Т. 1. Л. 37.

С. Спирин на верхненицинского слободского приказчика Ф. Протопопова, который взял с него «тем мучением» 10 руб. денег, 5 быков-четырехлеток (на 10 руб.) и лошадь (8 руб.). Другой челобитчик, тобольский ямщик А. Волков, сообщал, что тот же Протопопов, продержав неделю зимой в холодном амбаре его отца и подвергая периодическим побоям самого ямщика, настолько разорил последнего, что вынудил его заложить дочь «во шти рублях» некоему М. Юдину. Подчиненный комиссар А. Булгаков «бил старост батожьем насмерть для приносов своих» в Багаряцкой слободе Каменского дистрикта; «да оной же Булгаков грабил на дороге крестьянина Марка Пьянкова: как он погнал скота на Демидовы заводы, и оной настиг ево, ограбил нагло…». Подчиненный комиссар Калиновской слободы того же дистрикта И. Дурасов избивал скованного и посаженного в судную избу крестьянина П. Филипьева, вымогая с него деньги; в другой раз с той же целью «бил Ерофея Черепанова дубьем своими руками, и от тех побоев отнял ево… поп Федор Иванов, и он, Дурасов, и ево, попа бил и шпагой замахивался…», а непомерная алчность и жестокость слободского приказчика С. Немтинова привела в конце концов к массовым беспорядкам в ишимских слободах, во время которых крестьяне неоднократно давали вооруженный отпор драгунским командам и держали оборону в Ишимском остроге, и т. д., и т. п.[21]

Вместе с тем документы показывают, что тяглецы умели находить общий язык со своим руководством. Жить в состоянии ежедневной войны было не выгодно обеим сторонам. Тяглецам было проще спокойно и безропотно платить установленные традицией и легализированные губернаторским указом «корма» (выявленные расходные книги крестьянских старост по Тюмени и Яренску за 1717—1724 гг. позволяют говорить о кормлении как о живой традиции петровского времени). Высокому губернскому начальству было проще проявлять склонность к компромиссу, если представители низшей администрации, непосредственно общавшиеся с крестьянами и посадскими, были последним особенно тягостны. Например, тяглые могли мирным путем, через челобитные, добиваться от губернских властей перевода на другое место службы наиболее неприятных из приказных, и наоборот. Так поступили, в частности, посадские люди Хлынова, исхлопотавшие перевод подьячего Якова Хлудова, ведавшего их в «своем повытье» и «чинившего тесноты немалые». Но если хлыновцам было важно избавиться от Хлудова как такового, то у вотяков Нижне- и Верхнечепецких волостей было кадровое предпочтение: они не просто просили перевести на другое повытье притеснявшего их и вымогавшего взятки подьячего Василия Кононова, но хлопотали за возвращение когда-то управлявшего ими подьячего Трофима Метелева, в чем и были удовлетворены[22]. Если же компромисса достигнуть не удавалось, а на открытый бунт община не решалась, «мир» прибегал к защите закона, активно используя новое законодательство

---

[21] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21б. Л. 184—184 об., 185—185 об.; Д. 5а. Т. 1. Л. 4—4 об., 6—7; РГАДА. Ф. 248. Кн. 19. Л. 485—496; Кн. 641. Л. 743 об. — 745.

[22] РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 296; Д. 29. Л. 254—254 об.

против «похитителей интереса» и подводя под него любые материальные траты в пользу чиновников («вымученные» или поднесенные «в почесть»)[23].

В итоге создается впечатление, что система отношений, характеризуемых новым петровским законодательством как должностные преступления, *при определенных обстоятельствах* устраивала как чиновников, так и народ. Уходя корнями в управленческую практику русского средневековья, прямая материальная связь власти и населения и в первой четверти XVIII в. оказалась безальтернативным механизмом, приводящим в движение административную машину, а законы петровского времени, определявшие поборы с населения как преступное действие, стали лишь дополнительным инструментом в старой системе взаимоотношений власти и общества. В свою очередь государство и основные общественные группы ни материально, ни психологически оказались не готовы к новой модели административных отношений, основанных на рациональных бюрократических началах. Неслучайно, что практически сразу после смерти реформатора его ближайшие сподвижники выступили за легализацию «кормления от дел», демонтировав значительную часть петровских учреждений и упростив систему управления, особенно на местах, до почти предреформенного состояния.

[23] Обращение к защите закона могло сочетаться с бунтом. После уже упоминавшегося Ишимского восстания 1714 г. один из его лидеров, Иван Замотоха, говорил на допросе в Тобольске в августе 1715 г. «слово и дело» на приказчика Немтинова, обвиняя его «по третьему пункту» в присвоении казенных и мирских денег (РГАДА. Ф. 248. Кн. 19. Л. 485—496); напомню, что указ, установивший «третий пункт», был принят в январе 1715 г.

М. О. Акишин (Новосибирск)

Защита жертв войны в военном праве Петра Великого

Современное международное право исходит из различения вооруженных сил противоборствующих сторон (комбатантов) и гражданского населения, пленных и раненых (некомбатантов). В отношении последних должно быть обеспечено соблюдение прав человека; воюющие государства обязаны ввести в действие законы, соответствующие международному праву; назначить суды, осуществляющие уголовное преследование и т. д. Основу такого подхода обосновал Г. Гроций в своем трактате «О праве войны и мира» (1625). Наряду с выяснением оснований для «справедливой войны», он уделил внимание еще двум частям «права войны»: установлению правил ведения военных действий и защите жертв войны[1].

Эти идеи не сразу завоевали признание. В протестантской Швеции отрицались даже те законы и обычаи «права войны», которые отстаивала католическая церковь в Средневековье. Шведский историк П. Энглунд пишет, что жестокое отношение к гражданскому населению на оккупированной территории была одной из черт шведского «великодержавия» XVII — начала XVIII вв. Армия на территории враждебного государства должна была «сама себя прокормить, прибегая к более или менее привычным приемам грабежа». В ней действовала «жестокая церковная дисциплина», лютеранские священники поучали солдат «жечь и убивать во имя Всевышнего»[2].

Напротив, Петр I уделял большое внимание «праву войны». По его настоянию трактат Гроция был переведен на русский язык[3]. В 1717 г. была издана книга П. П. Шафирова, обосновывающая международно-правовые притязания России в Северной войне. В первой части книги подчеркивалось, что война была вызвана стремлением российского монарха возвратить «неправедно от Российской короны… отторгнутые свои наследственные провинции…». Во второй части доказывалось, что причиной затягивания войны было упорство Карла XII. В третьей части утверждалось, что Россия вела эту войну «по обычаям всех политических христианских народов»[4].

В последующем проблема защиты жертв войны русской армией не получила научной разработки. Можно отметить только отдельные наблюдения по этой про-

---

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994; *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. М., 2008. С. 326—383 и др.

[2] *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 20.

[3] *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 3 4.

[4] *Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины Петр I… к начатию войны против Карла XII… имел. М., 2008.

блеме в трудах военных историков и историков международного права[5]. Слабая научная разработка проблемы породила массу спекуляций. Уже в начале XVIII в. Петру I и его сподвижникам приходилось опровергать «неправо сплетенные» «злодейственные враки» недругов России[6]. В 1896 г. А. З. Мышлаевский отмечал: «Русская армия XVIII в. вызывает неоднократные упреки в ее варварстве, в стремлении вести войну не только с вооруженным противником, но и с беззащитными жителями. Для западных историков такой взгляд — почти аксиома»[7].

Сказанное ставит проблему изучения инкорпорации законов и обычаев «права войны» в военное законодательство Петра I и его применения на Прибалтийском, Украинском, Польском и Финляндском театрах военных действий. Основными источниками для проведения такого исследования являются военное законодательство и судебная практика русской армии эпохи Северной войны.

В начале XVIII в. обычаи «права войны» были включены в акты военного законодательства. 27 января 1702 г. на основе датского законодательства было подготовлено и опубликовано «Уложение или правило воинского поведения генералам, средним и младшим чинам и рядовым солдатам» Б. П. Шереметева[8]. В 1706 г. вступил в действие «Краткий артикул», составленный Г. Гюйссеном на основе Саксонского военного устава[9]. 30 марта 1716 г. Петр I утвердил «Воинский устав». Военно-уголовный и военно-процессуальный кодексы — «Артикул воинский» и «Краткое изображение процессов» — составили его вторую книгу[10].

В этих актах законодатель устанавливал правила действия войск в боевой обстановке — во время сражений, осады и штурма крепостей. Устанавливалось, что пленные «взятые... общим военным случаем, государева принадлежность». Только пленные, захваченные «в разных починках или уездах», могли быть отданы тому, кто их пленил (ст. 99 «Уложения»). Запрещалось после окончания боя покидать свою часть для захвата пленных, а также «на боевом месте мертвых обирать». За это преступление виновному грозила смертная казнь. Запрещалось убивать, избивать пленных «под лишением живота и чести» (ст. 45, 67, 101 «Уложения»; арт. 115 «Артикула воинского»).

Независимо от того, кто произвел захват пленного, он был обязан передать его генерал-гевалдигеру. Военной полиции предписывалось «полоненников... достой-

---

[5] *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 г.). СПб., 1894; *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* История международного права. М., 1990; *Кожевников Ф. И.* Русское государство и международное право (до XX в.). М., 2006 и др.

[6] История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 17.

[7] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 323.

[8] *Розенгейм М. П.* Очерки истории военно-судных учреждений... Приложение VI. С. 269 294.

[9] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Военные законы... С. 53 -74.

[10] Законодательство Петра I. М., 1997.

но... в артикуле» охранять, «...беречь и пристойное пропитание им дать» (ст. 98, 100 «Уложения»). В «Артикуле воинском» норма о передаче пленного подтверждалась и указывалась санкция за ее нарушение: «...офицер, чина лишен, а рядовой, жестоко шпицрутенами наказан...» будет (арт. 114).

Начиная с «Уложения» 1702 г. в военном законодательстве давалось единое определение военной добычи: «Когда неприятель час (хотя что) во владении своем имел, наше или дружнее, то взятое оное яко (за) подлинную за добрую добычу почитать надлежит» (ст. 104 «Уложения»; арт. 111 «Артикула воинского»). Значительная часть военной добычи предназначалась государю. В «Артикуле воинском» давался ее перечень: «все ружье, порох, свинец и амуниция», «весь провиант, которыи во всех домах найдена будет»; «все деньги, которыя наидутся собранныя к общеи потребности»; «все штандарты и знамена, которые от неприятеля возмутся» (арт. 112 и 113).

Запрещалось начинать грабеж и пьянство после взятия крепости и до объявления указа к получению добычи. За это преступление грозила смертная казнь (ст. 47 «Уложения»; арт. 106 «Артикула воинского»). В «Артикуле воинском» под страхом смертной казни запрещалось после штурма грабить и разрушать «церкви, школы или иные духовные домы, шпитали»; избивать, насиловать и убивать «женскои пол, младенцы, священники и старыя люди» (арт. 104, 105). Определялся срок окончания раздела военной добычи — принесение присяги царю на подданство (арт. 113). После раздела военной добычи захват людей рассматривался как преступление: «Ежели кто человека украдет и продаст, оному надлежит... голову отсечь» (арт. 187).

«Право войны» русская армия должна была соблюдать не только на полях сражений, но и во время маршей, а также на постое. В военном законодательстве защищалась жизнь и телесная неприкосновенность гражданского населения. Согласно «Артикулу воинскому» умышленное убийство наказывалось смертной казнью (арт. 154). К уголовным преступлениям относилось нанесение побоев. В «Уложении» 1702 г. запрещались насилия над домочадцами и хозяином дома (ст. 108). В «Артикуле воинском» предписывалось в случае избиения или оскорбления хозяина, хозяйки или челядина военнослужащим принудить его принести извинения, компенсировать вдвое убытки и наказать «...знатным числом денег, шпицрутенами, заключением... или весьма руку отсечь» (арт. 85).

К тяжким преступлениям относились половые. В «Кратком артикуле» 1706 г. смертная казнь устанавливалась за изнасилование (ст. 3, гл. III). В «Артикуле воинском» к уголовным преступлениям относились половые извращения: «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложествует, оные... имеют быть наказаны. Ежели же насильством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылкою наказать» (арт. 166). Ссылкой на галеры или смертной казнью наказывалось изнасилование женщин (арт. 167).

Предусматривалась ответственность за поджигательство. В «Уложении» 1702 г. за умышленный и без указа командования поджог «строений в поле и в городех

или в обозе» предусматривалась смертная казнь. За поджег по неосторожности — оплатить убытки «и сверх того по разсуждению наказан быть имеет» (ст. 118). Согласно «Артикулу краткому» 1706 г., умышленный поджог в военном лагере карался смертной казнью через сожжение (ст. 8); умышленный поджог домов, гумен и пр. в «неприятельской земле» — простой смертной казнью (ст. 9).

В «Артикуле воинском» предписывалось казнить через сожжение за умышленный поджог квартиры, в которой военнослужащий находился на постое, города, села, церкви, школы, госпиталя, мельницы и др. во время марша войска (арт. 87, 178). За неумышленный поджег предписывалось «...убыток по судейскому разсуждению заплатить, и сверх того по разсмотрению наказан быть» (арт. 87, 179, 180). За умышленный поджог без приказа командования «в земле неприятельской» военнослужащий наказывался отставкой от службы и шпицрутенами или смертной казнью (арт. 181).

К уголовным преступлениям относились уничтожение культовых и общественных зданий и имущества. В «Уложении» 1702 г. запрещалось «...земли и строения и иные вещи портить под жестоким наказанием» (ст. 106). В «Артикуле воинском» определялось: «Кто церкви или иныя святыя места покрадет, или у оных что насильно отъимет, також и тех, которые в обоз, крепости и городы всякой провиант привозят, оный имеет быть лишен живота, и тело его на колесо положено» (арт. 186).

Предусматривалась ответственность за имущественные преступления. В «Уложении» 1702 г. запрещалось грабить мирное население «в поле, в деревнях или в городех... под телесным и смертным наказанием» (ст. 112). В «Артикуле кратком» 1706 г. устанавливалось, что разбой «по улицам и дорогам», «тако ж в ночной час в жилых местах» наказывался смертной казнью. Разбой, отягощенный телесными повреждениями или убийством, — квалифицированной смертной казнью через колесование. Лица, помогавшие разбойникам или перепродававшие краденное, «по розыску дела живота лишаться» (ст. 3, 4, 6 и 7 гл. IV). В «Артикуле воинском» разбой также относился к особо тяжким преступлениям, караемым телесным наказанием или смертью (арт. 182).

К тяжким уголовным преступлениям относилась кража. В «Артикуле кратком» 1706 г. за кражу в церкви и из обоза устанавливалась ответственность в виде квалифицированной смертной казни — колесования; из палатки, телеги или дома — «нос и уши обрезать» (ст. 2, 5 гл. IV). В «Артикуле воинском» за кражу предусматривалась ответственность в виде смертной казни путем повешения. За сокрытие и перепродажу ворованных вещей, виновный «яко вор сам наказан быть имеет» (арт. 190). Ответственность за кражу до 20 руб. была мягче. В «Артикуле кратком» 1706 г. и «Артикуле воинском» устанавливалось, что уличенного в первой краже следовало шесть раз гонять сквозь строй, за вторую — двенадцать, за третью — «нос и уши обрезать». Пойманного на четвертой краже казнили смертной казнью через повешение (ст. 1 гл. IV; арт. 189, 191).

Ответственность за поддержание воинской дисциплины несло командование. Согласно «Уложению» 1702 г. и «Краткому артикулу» 1706 г., при полевых

частях учреждались коллегиальные военные суды, а для осуществления судопроизводства в чрезвычайных обстоятельствах — «скорорешительные» суды. В «Кратком изображении процессов» система военных судов получила наименование генерального и полковых «кригсрехтов», сохранялись «скорорешительные» суды. Судопроизводство в военных судах осуществлялось в форме инквизиционного процесса. Его отправлению способствовали аудиторы, военная полиция и фискалатура. Номенклатура чинов аудита (генерал-аудитор и полковые аудиторы), военной полиции (генерал-гевалдигер и полковые профосы) была впервые установлена в «Уложении» 1702 г. Военная фискалатура впервые упоминается в «Уставе прежних лет».

Командование уделяло большое внимание ознакомлению военнослужащих с нормами военного права. В «Артикуле кратком» 1706 г. предписывалось, «чтоб кто неведением в какое прегрешение не впал надлежит сей артикул каждому офицеру при себе держать и при полках и при ротах непрестанно читать». В «Артикуле воинском» устанавливалось «...сеи артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды прочитать в неделю». О соблюдении этих предписаний свидетельствуют рукописные («ручные») книги офицеров И. Кожевникова и Ф. Петрова. В них были скопированы «Уложение» 1702 г., «Артикул краткий» 1706 г., «Краткое изображение процессов» и др. Исследователь этих рукописей П. П. Епифанов считает, что офицеры использовали «ручные книги» при обучении солдат[11].

Военные действия Петр I начал с освобождения Ижории и Карелии — прибалтийских территорий, отторгнутых шведами у России в XVII в. Позицию русского командования в отношении гражданского населения Петр I определил в манифесте, изданном 5 ноября 1700 г. под Нарвой. Русским солдатам под страхом смертной казни запрещалось наносить ущерб жителям, их имуществу. Командованию приказано, «чтоб каждый неусыпно старался» к сохранению городов, щадя их, сколько возможно, от бомбардирования и разорения, «ежели только они не будут весьма упорны, в каковом случае мы против воли будем их почитать за неприятелей, недостойных нашей милости, и не будем щадить ни людей, ни зданий»[12].

После победы шведов под Нарвой в Лифляндии остался корпус В. А. Шлиппенбаха. Положение населения прибалтийских провинций ухудшилось. Шведы проводили насильственную вербовку крестьян в армию и ландмилицию, конфискацию скота, фуража и продовольствия. Ответом на эти насилия стало уклонение от налогов, массовое дезертирство из армии. На протяжении 1700—1704 гг. в Прибалтике произошел ряд вооруженных крестьянских выступлений[13]. В 1703 г. шведский ге-

---

[11] Воинские уставы Петра Великого. М., 1946. С. 23, 34, 45, 46, 53, 54, 60.

[12] *Шутой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М., 1958. С. 128—129.

[13] *Зутис Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 52—55; *Эпик Э. Э.* Борьба эстонского крестьянства против феодального и колониального гнета в 1680—1710 гг. // Изв. АН Эстонской ССР. 1955. № 1. С. 36—37; *Пали Х.* Между двумя боями за Нарву... С. 103—110.

нерал-губернатор Эстляндии вынужден был отменить призыв крестьян на службу в земскую милицию, так как они «этим делают больше вреда, чем пользы»[14].

Русской армией командовал Б. П. Шереметев. Царь поручил ему вести «полевые бои» со шведами и производить «земли разоренья» на территории неприятеля[15]. Эта тактика широко применялась в 1701—1703 гг. Но в отличие от шведов, русское командование стремилось добиться поддержки от населения прибалтийских провинций. Эстонский пастор Кельх писал в своей хронике, что русские оберегали гражданское население и «крестьян Ингерманландии они совершенно не трогали», выдавали им «защитные грамоты»[16]. Оценивая тяжесть походов Шереметева для гражданского населения эстонский историк Х. Палли пишет, что часть селений и мыз крестьяне разорили до подхода русских войск. Массовое интернирование «чухны» в Россию имело свои положительные стороны - они освобождались от крепостной зависимости немецких помещиков[17].

Во время взятия Нарвы 29 июня 1704 г. Петр I сам пресекал насилия русских солдат в отношении жителей города. Датский посланник Ю. Юль, опираясь на свидетельства очевидцев, писал, что после захвата города царь, «обрадованный столь быстрым и успешным взятием города... приказал щадить жителей», но «солдаты из рвения и кровожадности погубили многих». Петр I «делал, что мог, чтобы помешать кровопролитию, и собственноручно зарубил многих своих людей, ослушавшихся его повеления. Войдя в дом к бургомистру Христиану Гетте, он показал свои окровавленные руки и сказал, что то кровь не его горожан, а собственных его солдат, которых он убил, застигнув их нарушающими его приказание щадить жителей»[18].

Покорение Прибалтики произошло в ходе «крепостной» кампании 1710 г., когда были взяты города-крепости Эльбинг, Рига, Динамюнде, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм. Выборг был взят русскими войсками 25 июня 1710 г. При разделе добычи после взятия Выборга царь стремился максимально защитить горожан. Им «велено было объявить, чтобы они оставались при своих домах и имуществах и присягнули царю, что они и исполнили»[19].

Во время осады Риги началась эпидемия чумы. Несмотря на предпринятые командованием русской армии меры — карантин, высылка из армии всех гражданских лиц — больших жертв избежать не удалось. Петр I указал Б. П. Шереметеву занять Ригу с возможной снисходительностью для ее жителей. 4 июля Шереметев добился подписания противником капитуляции, в которой генерал-губернатору,

---

[14] *Шутой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700 – 1709. М., 1958. С. 137.

[15] ПиБ. Т. I. № 356.

[16] См.: История Эстонской ССР. Таллин, 1952. С. 114.

[17] *Палли Х.* Между двумя боями за Нарву... С. 198—199, 215—216.

[18] *Юст Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 49—50.

[19] *Юст Ю.* Записки датского посланника... С. 187.

чиновникам и служащим было предоставлено право при выходе из города вывезти принадлежащее им имущество, а также библиотеку и архив. 12 июля 1710 г. при вступлении русских войск в Ригу магистрат поднес Шереметеву золотые ключи от города, что позволило предотвратить его разграбление и сохранить городское самоуправление[20].

16 августа 1710 г. Петр I обратился с универсалом к жителям Эстляндии. Им предлагалась всякая «безопасность и милость... повсюду» и сообщалось, что русской армии «строгие и достаточные приказы отданы» не причинять жителям «насилий и обид». От них требовалось оставаться «в своих домах, поместьях и житницах», оказывать «благопристойное обращение» войскам и предоставлять им «нужнейшее продовольствие». Жалованными грамотами 1710 и 1712 гг. царь подтвердил «рыцарству и земству» Лифляндии и Эстляндии «все их напред сего благоприобретенные привиллегии... статуты, рыцарские права, вольности, принадлежности... праведные владения и собственности»[21].

Нормы военно-уголовного права в завоеванных шведских провинциях соблюдались на практике. В 1712 г. в Риге жил датский дипломатический представитель Р. Эребо. Квартиру, которую он снимал, попытались насильно захватить русский офицер и солдаты. Эребо сразу же пожаловался на насилие, и одного солдата «в биржевое время в присутствии всех добрых людей» наказали батогами[22].

В конце января — феврале 1714 г. Ригу и Ревель посещал Петр I. В Ревеле царю было подано «как от шляхетства, так и от бургеров... челобитье во многих худых поступках» коменданта бригадира В. Н. Зотова: «...в задержках кораблей, посулах, бою и прочих обидах и непорядках как в нашей службе, так и в народных делах». Царь указал бригадиру Фанделдину и полковнику Порошину провести «фергер» о Зотове[23].

В 1701 г. шведская армия вторглась в Речь Посполитую. Карл XII считал, что армия должна обеспечивать себя за счет оккупированной территории. Генералу Стенбоку он писал: «Всех поляков, которые вам попадутся, вы должны принудить волею или неволею принять нашу сторону, или же так разорить их, чтобы они еще долго помнили посещение козла (каламбур с именем генерала. — *М. А.*). Вы должны напрягать крайние усилия, чтобы как можно больше выжать, вытащить и сгрести»[24]. В письме генералу Реншильду король писал: «Все, кто медлит доставкой (контрибуции. — *М. А.*) или вообще в чем-нибудь провинится, должны быть наказаны жестоко и без пощады, а дома их сожжены... Местечки, где вы встретите сопротивление, должны быть сожжены, будут ли жители виновны, или нет»[25].

---

[20] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 174.

[21] ПСЗ. Т. IV. № 2287, 2301, 2302, 2495, 2501.

[22] Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 383, 384.

[23] Архив СПб. Института истории РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 168 – 168 об.

[24] Цит. по: *Шутой В. Е.* Борьба народных масс... С. 169.

[25] *Герье В.* Последний варяг // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 2. № 5. С. 28.

В 1702 г. командованием шведской армии был создан Криге-комиссариат, на который возлагалась ответственность за взимание контрибуции. В случае неуплат комиссариат прибегал к массовым экзекуциям, удваиванию контрибуции, уводу заложников. Города облагались «налогом под страхом сожжения». Крестьяне принуждались к участию в фортификационных работах. По словам П. Энглунда, «подобно стальной саранче, шведы объедали все области, по которым проходили. У населения, которое уже и до войны жило на грани голода, при помощи угроз, огня и пыток отнимали продовольствие, а если удавалось, то и деньги»[26]. Ответом стала партизанская война. Первые случаи нападений партизан на шведов известны с 1701 г. В последующем партизанская война охватила всю Речь Посполитую. Отпор шведам оказывали шляхта и мещане Вильно (1702 г.), Львова (1704 г.), казаки Несвижа и Ляховичей (1706 г.)[27].

Выполняя союзнические обязательства, на территорию Речи Посполитой в 1704 г. вступила русская армия. В 1705 г. фельдмаршал Огильви выступил с предложением издать особый указ, запрещавший русским солдатам и офицерам «чинить обиды» полякам. В ответ Петр I писал, что «указу... посылать не для чего, понеже войско все вам двум фельдмаршалам (Огильви и Шереметеву. – *М. А.*) вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которым вы должны чинить праведный и воинской суд»[28].

Однако проблема, поставленная Огильви, не осталась без внимания. Уже в 1706 г. в русской армии начал действовать новый военный кодекс «Краткий Артикул» А. Д. Меншикова[29]. В 1707 г. вступило в действие «Рассуждение судоваго порядку... и пункты, по которым надлежит господам комиссаром судить в суде воинском». Пункты определяли порядок судопроизводства в смешанных судах, создаваемых кригс-комиссарами русской армии и представителями польского правительства для разбора судебных дел между военнослужащими и гражданским населением[30].

Вступление русской армии на территорию Речи Посполитой выявило основную проблему в ее взаимоотношениях с гражданским населением — проблему снабжения армии квартирами, продовольствием и фуражом. В 1707 г. генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев на собрании польского Сейма в Жолкве столкнулся с позицией польских правителей, которые всякими способами старались отговориться от снабжения русской армии[31].

Несмотря на трудности с продовольствием, Б. П. Шереметев уделял внимание предотвращению насилий в отношении гражданского населения. Фельдмаршалу стало известно, что артиллеристы Брюса дорогой в походе «деревни... многие ра-

---

[26] *Энглунд П.* Полтава... С. 35, 36, 39, 40, 41 и др.

[27] *Шутой В. Е.* Борьба народных масс... С. 164—188, 192—194 и др.

[28] ПиБ. Т. III. № 824.

[29] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Военные законы... С. 53—74.

[30] Там же. С. XXXIX.

[31] ПиБ. Т. V. С. 514—515.

зорили... и мужиков разогнали...», почему он потребовал от командования артиллерии применения строгих мер в том случае, «ежели кто учинит озлобление или обиду... обывателям»[32].

В условиях шведских успехов в Речи Посполитой и отказа Августа II от польской короны командование русской армии на военных советах в Жолкве в декабре 1706 и апреле 1707 г. разработало план стратегического отступления. В частности, он предполагал изматывание шведской армии в мелких боях с регулярными частями и истребление на ее пути провианта и фуража[33]. Возможно, основой для этого плана стало обобщение опыта партизанской войны в Прибалтике в 1700—1704 гг. и в Польше в 1701—1707 гг.

Справедливость замысла русского командования доказали в 1707 г. польские крестьяне в мазовецких лесах. Об этом, одном из самых страшных для армии Карла XII, переходе шведский историк Н. Энглунд пишет: «Вспыхнула короткая и очень ожесточенная партизанская война. Население ушло в леса, разобрало гати на болотах, а на лесных дорогах сделало засеки. Большие крестьянские отряды с мужеством отчаяния пытались остановить движение шведов через их страну»[34].

Вступление шведов осенью 1708 г. на территорию левобережной Украины сопровождалось насилиями и мародерствами, санкционированных королем. В документах русского командования отмечалось, что шведы «мучают, вешают, жгут мужиков... дабы ямы хлебные показали»[35].

Между тем с 1707 г. под контролем Петра I Украина готовилось к вторжению: гражданское население укрывалось в недоступных шведам местностях, проводилось «оголоживание» местности. Эти болезненные для украинцев меры сопровождались поддержанием строжайшей дисциплины в русской армии. 5 октября 1708 г. Петр I повелел «вешать без пощады» драгун, виновных в обидах «черкасам». Б. П. Шереметев и А. Д. Меншиков со своей стороны обнародовали указы, угрожавшие офицерам и солдатам смертной казнью за «разорения, грабительства и прочие своеволия»[36].

Предписания командования соблюдались на практике. 19 декабря 1708 г. генерал Л.-Н. Алларт донес царю о том, что русский отряд разграбил город Ромны. Следствие по этому делу находилось под контролем Петра I. 4 января 1709 г. он приказал виновных «офицеров... по розыску казнить... а рядовых, буде меньше десяти человек, то казнить третьего, буде же больше десяти, то седьмого или десятого»[37].

Положение на Украине усугубило военное преступление гетмана Мазепы, одного из командующих русской армии, который перебежал к шведам. Наибо-

---

[32] Цит. по: *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 92.

[33] История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 134.

[34] *Энглунд Н.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 39.

[35] Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1. С. 20.

[36] ПиБ. Т. VIII, вып. 1. С. 181; Т. VIII, вып. 2. С. 749.

[37] ПиБ. Т. IX, вып. 1. С. 10.

лее точную историческую оценку отношения украинцев к измене гетмана дал А.С. Пушкин. В незавершенной «Истории Петра Великого» поэт писал: «Народ... возненавидел шведов и остался тверд в своем подданстве... Мужики приносили русскому начальству письма Мазепы; даже нападали на шведов etc.»[38].

Узнав об измене Мазепы, Петр I приказал уничтожить его резиденцию — Батурин. Основу гарнизона Батурина составляли сердюки (польские наемники), которыми командовали сердюцкий полковник Дм. Чечель, генеральный есаул Ф. Кениксек (наемник-саксонец) и сотник Д. Нестеренко. Еще до подхода русских войск в Батурин ездили сотник А.М. Маркович и казак Ф.Д. Стожок, которые убеждали украинских казаков вернуться в российское подданство. Эти призывы имели последствия: полковник Прилуцкого полка И.Я. Нос, находившийся в Батурине, сообщил А.Д. Меншикову время и место, в котором следует начинать штурм. Захват Батурина произошел 1 ноября 1708 г. При начале штурма казаки без боя пропустили русские войска. Во время штурма русские войска защищали гражданское население: «посад» около замка сожгли сами изменники. 22 декабря 1708 г. новый украинский гетман И.И. Скоропадский издал универсал, разрешавший мирным жителям вновь селиться «на посадах и футорах батуринских»[39].

Петр I дорожил мужеством и верностью украинцев. В 1710 г. он издал Манифест «О запрещении чинить обиды украинскому народу». Причиной его издания стало доношение гетмана И.И. Скоропадского о том, что русские офицеры и солдаты называют украинцев «изменниками» и совершают насилия. Царь повелевал офицерам и солдатам в «малороссийских городах, в местечках и селах и по дорогам, лошадей в подводы нигде самовольно не брать и никому никакого насилия и обид не чинить», «верных подданных малороссийского народа людей изменниками» не называть. За нарушение этого повеления военнослужащим грозило «жестокое наказанье»[40].

В 1712 г. был начат «фергер и кригсрехт» о командире гренадерского полка полковнике Г.С. Рожнове — заслуженном боевом офицере, отличившемся в сражении под Полтавой и Прутском походе. Полковник обвинялся в том, что во время марша с Украины к Смоленску его полк изъял у гражданского населения вместо положенных по штату 200 лошадей 789. В 1714 г. состоялся «кригсрехт», по приговору которого Рожнов был лишен полковничьего чина и должности, оштрафован на 500 руб. Понесли наказание и офицеры полка. Петр I наказание бывшему полковнику ужесточил: разжалованного полковника сослали в Тобольск[41].

После разгрома шведов под Полтавой русские войска вернулись на территорию Речи Посполитой, но тогда же наметились противоречия в союзнических отношениях. Они обсуждались во время посольства М. Воловича, направленного в

---

[38] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1957. С. 2.

[39] *Шутой В.Е.* Борьба народных масс... С. 285; ПиБ. Т. VIII, вып. 2. М., 1951. С. 921.

[40] ПиБ. Т. X. М., 1956. С. 67—69.

[41] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 22. Л. 457, 705; Сб. РИО. Т. 25. С. 386; Т. 61. С. 354; *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев... С. 131.

1710 г. Августом II к Петру I. Поляки поставили вопрос о снабжении русской армии. Волович привел гиперболизированный перечень «бесчинств ауксилиарных войск»: поджогов, разорений, грабежей, а также бесхозяйственности, когда хлеб «без нужды выбирался», продавался еврейским перекупщикам и даже частично уничтожался[42].

Для разбора жалоб посольства Воловича была создана комиссия. Надзор за сбором провианта для армии был поручен сначала русскому послу в Польше Г. Ф. Долгорукому, а затем царевичу Алексею. В 1711 г. Петр I составил инструкцию царевичу, направленному в Речь Посполитую для организации «магазинов» (складов). В п. 3 этой инструкции предписывалось солдат и офицеров, виновных в поборах с населения провианта и фуража сверх нормы, приговаривать к смертной казни[43].

Заявления русского командования о необходимости пресечения военных преступлений не были пустым звуком. В 1710 г. под следствие попал комендант Полоцка л.-гв. поручик Н. Т. Ржевский, обвиненный шляхтичами и мещанами в поборах и пропуске за взятки купеческих судов с товарами из занимаемой шведами Риги. 16 июля 1712 г. кригсрехт приговорил Ржевского к смертной казни. Петр I «конфирмировал» этот приговор 8 апреля 1714 г., смягчив наказание однополчанину по Преображенскому полку: вместо смертной казни он присуждался к наказанию кнутом, конфискации имущества и бессрочной ссылке в Сибирь[44].

В 1711 г. по приказу генерал-майора И. Я. Гинтера драгуны Чернышев и Зубков, сопровождавшие обоз генерал-лейтенанта Брюса, за растление «девки Христианицы» (групповое изнасилование несовершеннолетней), были преданы «кригсрехту». «Конфирмировавший» приговор этого кригсрехта Б. П. Шереметев потребовал казнить драгун: «По вышеобъявленному кригсрехту подтверждаем драгунам за их насильное растление девки, в котором они обще явились, учинить смертную казнь — расстрелять… А при той экзекуции быть артиллерийским служителем в строю»[45].

Еще одной проблемой, которую поставило посольство Воловича, были захваты польских имений. Послы жаловались на то, что по приказу Ф. Ф. Шидловского в Мстиславском и Кричевском воеводствах были «заеханы маетности», а за Стародубом в районе рек Сож и Ипуть даже перемещена русско-польская граница на 16 миль. Причем Шидловский оповещал шляхту, что села и деревни по р. Ипуть взял себе А. Д. Меншиков. Эти злоупотребления привели Петра I «в великий гнев». Была назначена комиссия во главе с л.-гв. капитаном А. И. Ушаковым, который выяснил, что Шидловский приписал к имениям Меншикова 10 белорусских

---

[42] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714 гг.). М., 1990. С. 56.

[43] *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений… С. 57.

[44] *Серов Д. О.* Из истории военной юстиции петровского времени: процесс Н. Т. Ржевского (1710—1714) // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700—1762): Сб. материалов Всерос. науч. конф. СПб., 2002. Вып. 2. С. 41—43.

[45] *Розенгейм М. П.* Очерки истории военно-судных учреждений… С. 87, 88.

деревень. Шидловский был разжалован, арестован и лишен всех имений. По всем «заеханным» имениям Ушаков составил реестр[46].

Одним из результатов этих расследований стало удаление А. Д. Меншикова из Польши. В 1713 г. Петр I, получив сообщение, что «князь Меншиков со всеми российскими войсками марш свой взял чрез Польшу к российским границам», «послал к нему указ..., чтоб во всем войске накрепко заказал, дабы шли з добрым порядком, не чиня отнюдь никаких обид и отягчений обывателем польским, а довольствовались бы токмо одним правиантом, определенным от его королевского величества и Речи Посполитой»[47].

Отвод армии Меншикова не означал отказа от использования Речи Посполитой как оперативной базы для действий русской армии против Швеции. Проблема снабжения армии сохраняла свою актуальность. В конце марта 1712 г. в Варшаве открылся двухнедельный сейм, где она обсуждалась. Посол Г. Ф. Долгорукий вынужден был даже сказать, что русские, «служа и умирая» за Польшу, «ветром прокормится не могут»[48].

В 1713 г. на территорию Речи Посполитой вступила армия под командованием Б. П. Шереметева, направленная для похода в Померанию. Согласно договорам с союзниками, русские войска на территории Речи Посполитой должны были содержаться за счет поляков, в Померании — за счет остальных союзников при условии, чтобы «обид и разорения обывателям отнюдь не чинили». На практике армия столкнулась с недовольством населения. Фельдмаршал узнал, что на «прилежное прошение» Г. Ф. Долгорукого о проходе русских войск сенат «весьма отказал»[49].

В 1715 г. полякам удалось дискредитировать перед Петром I самого фельдмаршала. Дело в том, что Б. П. Шереметев отправлялся в каждый поход со «своим домом» — обширным обозом с домашним скарбом и прислугой. Во время похода через Речь Посполитую под обозом Шереметева было занято более 300 лошадей. Для содержания этого обоза он прибег к обычным сборам с населения. Вместо положенных ему 200 порционов, он «для своего собственного пропитания и всего дома своего на кухню и всякие нужды... собрал чрез всю бытность в Польше с квартир по доброй воле и согласно с обывателями, а не иными какими своими нападками 8600 курант-талеров»; кроме того, принял в подарок цуг лошадей и коляску от воеводы познаньского да лошадь с седлом — от его брата»[50].

Узнав об этом, Петр I прекратил личную переписку с фельдмаршалом, что повергло его в смятение. А. В. Макарову, секретарю царя, Шереметев писал: «Пожалуй, государь мой, уведоми меня, нет ли вящаго на меня гневу его величества, а я от печали своей — уже одна нога моя в гробу стоит и болезнь моя умножается, а

---

[46] ПиБ. Т. XI, вып. 1. С. 476—477; Т. XI, вып. 2. С. 29, 30.

[47] Гистория Свейской войны... Вып. 1. С. 412.

[48] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы... С. 122.

[49] Цит. по: *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев... С. 135.

[50] Цит. по: *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев... С. 141, 142.

паче же безпамятство великое пришло». На встречу с царем больного фельдмаршала «вывезли» на носилках. После устного объяснения Петр I простил его[51].

Проблема обращения русских войск с гражданским населением на территории Речи Посполитой оставалась под надзором Петра I. В 1719 г. был отозван в С.-Петербург генерал-аудитор фон Крейц. Его предали военному суду «за предерзость и за весьма непорядочные в Польше учиненные поступки». По решению генерального «кригсрехта» он был признан виновным: 1) в мародерстве по отношению к гражданскому населению Польши, которое осуществлял как лично, так и через подчиненного ему аудитора Дурасова; 2) в сокрытии политического письма князя Долгорукова к графу Флемингу; 3) в «непристойных словах» о государе и его правлении. За эти преступления фон Крейц был приговорен к смертной казни через отсечение головы. Наказание, видимо, было смягчено, так как в 1725 г. он содержался под караулом в Шлиссельбургской крепости[52].

Во втором десятилетии XVIII в. военные действия русской армии проходили на территории противника — в Померании, Финляндии, Швеции. В Померании русская армия действовала в составе союзных войск. В 1708 г. Петр I составил инструкцию для фельдмаршала Б. П. Шереметева, направленного командующим в поход в Померанию. В п. 1 и 5 инструкции определялась ответственность офицеров и нижних чинов за оставление своих мест во время похода и за мародерства по отношению к гражданскому населению. За такие преступления солдат предписывалось приговаривать к каторге, дворовых людей офицеров — к смертной казни через повешение, офицеров — придавать военному суду[53].

В п. 5 наказа бригадиру П. И. Яковлеву от 21 августа 1710 г., направленному с корпусом пехоты и двумя регементами драгун в Данию, поручалось «держать доброй порядок и дисцыплину воинскую в войсках... и даром ничего у датцких подданных не брать под жестоким наказанием». В случае, если «своеволник явится и какое без указу насилие или грабеж кому учинит или что возмет без заплаты, також и иное какое преступление и в воинском деле учинит, и таковых по воинским правам и суду бес пощады жестоко телесным и смертным наказанием наказывать»[54].

На территории Финляндии русские войска под командованием Ф. М. Апраксина действовали самостоятельно. Цель кампании в Финляндии Петр I определял следующим образом: «Сие главное дело, чтоб в будущую компанию как возможно силныя действа с помощи Божиею показат и итить не для разарения, а чтоб овладеть хотя оная нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было б что при мире уступить... другое, что сия провинция сут теткою Швеции... не толко что мяса и протче, но дрова оттол»[55]. В письме Ф. М. Апракси-

---

[51] *Соловьев С. М.* История России... Кн. 4. С. 220.

[52] *Розенгейм М. И.* Очерк истории военно-судных учреждений... С. 173, 374—375.

[53] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 53.

[54] ПиБ. Т. 10. С. 301.

[55] Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. СПб., 1893. С. 175.

ну от 2 августа 1712 г. царь вновь подтверждал: «...извольте все меры приложить, дабы войску нашему зимовать в Финландии, и для того не разоряйте, но хорошо мужиков содержите и пошлите универсалы и берите кантрибуцию со оных»[56].

До вторжения русской армии Финляндия пережила несколько серьезных экономических кризисов. Высокая смертность этого времени была обусловлена эпидемией 1696—1697 гг. и неурожайными 1708—1709 гг. Шведский корпус был «облачен в лохмотья и часто жил впроголодь», его моральный дух находился на очень низком уровне[57]. В результате, в июне — октябре 1713 г. русские войска овладели почти без всякого сопротивления южным побережьем от Кюмийоки до Гельсингфорса, совершили поход до Або и разбили шведский корпус в Пялькяне. В феврале 1714 г. шведы были окончательно разгромлены в сражении под Напуе (Сторкюро) в Эстерботнии.

Наступление русской армии имело тяжелые последствия для гражданского населения. В 1713 г. датский дипломат Р. Эребо в составе русских войск участвовал во взятии Або. Он писал: «...мы достигли Або, главного города Финляндии. (Это) большой красивый город, но в то время (он был) покинут (жителями), как и весь край от Гельсингфорса досюда, ибо на всем (нашем) пути мы нашли только два обитаемых крестьянских дома. Страна повсюду живописна и плодородна; созревшие нивы стояли (неубранными), и мы (пользовались) всем в изобилии... Край изобиловал скотом и хлебом, всякий убивал (скот) и забирал (припасов) сколько хотел. Колокола и церковная утварь были взяты и отосланы в Петербург»[58]. По подсчетам финских историков, из Тавастланда было выслано в Россию 267 чел., собственно из Финляндии и Сатакунты — 307, из губернии Нюланд — 448. В 1713—1714 гг. эта территория пережила запустение, что было вызвано бегством жителей в южную и юго-западную Финляндию[59].

В фарватере Аландских островов русские галеры появились в августе 1714 г. Большая часть хуторов оказалась заброшенной до прихода галер. С оставленных хуторов русские забрали весь скот, зерно и т. д. Из тех хуторов, где население осталось, в Россию было угнано около 220 мирных жителей. В феврале 1715 г. русские вернулись по льду на Аландские острова и в общей сложности в этот год вывезли 37 чел. Острова были разграблены русскими и мародерами из оставшихся жителей[60].

---

[56] ПиБ. Т. XII, вып. 2. М., 1977. С. 33—34.

[57] *Куяла А.* Финляндия в Северной войне 1700—1714 гг.: экономические и социальные предпосылки войны и завоевания Финляндии. Финские исторические труды, касающиеся Северной войны // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII—XX вв. / Коллективная монография. М., 2006. С. 113—135.

[58] Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо... С. 393, 394.

[59] *Кувая Х.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713—1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII—XX вв.: Коллективная монография. М., 2006. С. 183—186.

[60] *Кувая Х.* Русские идут... С. 188—189.

Но разграбление Финляндии не соответствовало целям командования русской армии. В октябре 1713 г. Ф.М. Апраксин издал универсал, в котором жителям Финляндии сообщалось, что «едва не вся Финляндия под власть е.ц.в. приведена», но во время боевых действий финны «от страху выехали из домов своих на острова и скрываются по лесам». Им предлагалось «со всеми своими пожитками» возвращаться «и что надлежит для продажи в армию» привозить «без всякаго опасения, понеже во всем российском войске заповедано накрепко, дабы никто оным обывателем от перваго даже и до последняго никаких обид и разорений не чинили». На население Финляндии для содержания российской армии накладывались такие же подати, «как наперед сего ж плачивали в королевскую казну». Ослушникам угрожали тем, что «такие, како неприятели, наказаны будут огнем и мечем». По подсчетам Ю.Н. Беспятова, в 1713—1714 гг. было издано еще около 20 подобных универсалов для разных частей Финляндии[61].

В русской армии использовались чрезвычайные средства для поддержания дисциплины. 1 июля 1713 г. генерал-гевалдигер получил инструкцию. В ней констатировалось, что «многие, как солдаты, так от протчих неслужащих чинов люди... своевольно... ходют по деревням и протчим местам для всякой здобычи и бездельной своей корысти». Для пресечения этих преступлений ему предписывалось задерживать преступников «и чинить оным наказание». Генерал-гевалдигеру придавался помощник, «конных драгун капральство», священник «для исповедания преступников, которые достойны будут смертной казни» и палач[62].

12 июня 1714 г. генерал-гевалдигер получил новую инструкцию, которая наделяла его правом «скорорешительного» суда. Ему предписывалось пойманных преступников, виновных «в разорении или в иных каких насильствах и в грабежах... в тех же местах» наказывать «без рассмотрения персоны, не требуя иного свидетельства сверх того, что сам то преступление усмотрит» (ст. 4). Во время постоя войска на квартирах, постоянно объезжать их и «осматривать, чтоб никаких обид в оных не чинилось. И ежели где что найдет, о том извещает» (ст. 7, 8)[63].

Если в отношении солдат применялась процедура «скорорешительного» суда, то дела в отношении офицеров рассматривались военными «кригсрехтами». В начале 1715 г. было проведено следствие о капитане Елагине, который обвинялся в грабеже протестантских священников и ленсманов в приходах в Сатакунта. В 1716 г. — о солдатах и офицерах по обвинению в незаконном изъятии продовольствия у священников и крестьян юго-западной Финляндии в 1714 и 1715 гг.[64]

Особым случаем русской оккупации Финляндии стала провинция Эстербония. Она стала опорным пунктом для шведов и оказала наибольшее сопротивление.

---

[61] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии... Приложения. С. 63—64; *Беспятых Ю.Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 120.

[62] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии... Приложения. С. 33.

[63] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Военные законы... С. 75—81.

[64] *Кувая Х.* Русские идут... С. 197.

В конце 1713 г. Петр I издал приказ о том, что, когда противник будет выбит из Эстербонии, русские войска должны опустошить территорию шириной в десять миль в южных частях провинции. В Эстербонии русскими войсками было захвачено и интернировано в Россию 4617 чел., практиковалось сожжение и разрушение хуторов. Но после оккупации на эту территорию были распространены нормы военно-уголовного права, запрещавшие насилие по отношения к гражданскому населению. В 1717 г. по приговору военного «кригсрехта» был наказан полковник И. Греков за то, что в 1714—1716 гг. он четыре раза посылал солдат грабить провиант в Эстерботнии[65].

Подводя итоги, следует напомнить мудрые слова Петра I: война «не может сладости приносить, но тягость»[66]. Сказанное выше позволяет утверждать, что царь стремился облегчить эти тяготы для жертв войны. Нормы «права войны» были инкорпорированы в военное законодательство России. Они применялись военными судами, к уголовной ответственности привлекались не только солдаты, но и офицеры и генералы. Дисциплина и гуманное отношение к гражданскому населению обеспечили русской армии поддержку населения Украины и Польши. Партизанская война на этих территориях была одной из причин разгрома армии Карла XII. В Финляндии шведы также не пользовались поддержкой населения, русская же армия не столкнулась с серьезным сопротивлением.

---

[65] *Беспятых Ю. Н.* Россия и Финляндия... С. 115—116; *Кувая Х.* Русские идут... С. 190—197.

[66] *Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины Петр I... С. 74.

Н. В. Соколова (Москва)

Социальные микроструктуры деревни в XVII — первой четверти XVIII в.

(Взаимосвязи и взаимодействия в континууме индивид-семья-приход-община)*

Изучение социальных микроструктур деревни в XVII — первой четверти XVIII в. сегодня невозможно без выявления и введения в научный оборот новых источников, прежде всего документов, непосредственно исходивших из крестьянской среды и — как следствие этого — отражавших различные стороны повседневной жизни отдельного индивида, а также тех социальных общностей (семья, община, приход), в рамках которых она протекала. Это — крестьянские челобитные и сказки, приговоры сельских сходов, мирские приходно-расходные книги и «счетные списки», расписки, выдававшиеся старостами «сборщикам» при уплате денег в мирской бюджет, и пр. Однако для получения репрезентативных выводов требуется использование всей совокупности сохранившихся источников, в том числе материалов писцового делопроизводства, внутривотчинных подворных описаний, вотчинной переписки и др.

Сплошной просмотр того или иного архивного фонда в подобного рода исследованиях, безусловно, наиболее продуктивен, а порой он позволяет выявлять и уникальные документы. Будучи нередко гораздо выразительнее, чем череда стереотипных источников, такие «необычные» (то есть редкие статистически) документы требуют не только тщательной внешней и внутренней критики, но и решения ряда сложных интерпретационных вопросов. Является ли зафиксированное в источнике явление типичным, но не известным ранее из-за плохой сохранности документов за рассматриваемый период, или же перед нами «маргинальный случай»? Вписывается ли оно в существующую парадигму или ставит вопрос о создании новой, более адекватной и плодотворной, поскольку выступает в качестве одной из немногих дошедших до нас примет «скрытой реальности»?

Для максимального извлечения всей содержащейся в новых источниках XVII — первой четверти XVIII в. информации, включая скрытую информацию второго порядка, приходится применять — наряду с традиционными — методы, не использовавшиеся ранее в работах подобной тематики. Весьма перспективным представляется метод наложения информационных «слоев», извлеченных из нескольких разнотипных, но хронологически близких источников. Расширение круга источников создает возможность принципиально нового подхода к определению объекта и

---

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

формулированию задач исследования при рассмотрении российского социума на уровне микроструктур деревни, который предполагает, в частности, изучение взаимосвязей и взаимодействий в континууме индивид—семья—приход—община.

Формирование новых крестьянских общин и церковных приходов в Центральной России в рассматриваемый период лучше всего прослеживается на материалах Заволжья, где внутренняя колонизация активно осуществлялась и в XVII—XVIII вв. Но и здесь источники о начальном периоде существования крестьянских общин на вновь осваиваемых землях крайне немногочисленны и фрагментарны. В таких условиях большую роль играют «преданалитические» установки, с которыми исследователь подходит к анализу источников. Как трактуется им само понятие «община»? (Термин, кстати, в рассматриваемое время не употреблявшийся.) Каким критериям, по его мнению, должна удовлетворять та или иная человеческая общность, чтобы признать ее «общиной»? Соответственно, что считать начальным моментом ее существования? И, наконец, в какой мере допустима экстраполяция представлений, сформировавшихся на основе источников более позднего времени, при изучении общины предшествующего периода или проблемы происхождения общины?

Особую важность в этой связи приобретает выявление комплексов документов (или совокупностей отдельных документов, которые допустимо рассматривать как таковые), позволяющих не только зафиксировать факт появления нового поселения (и/или их группы), но и определить занятия новопоселенцев, охарактеризовать их взаимоотношения с общиной, выходцами из которой они являлись, между собой, а также с местным населением, светскими и духовными властями, проследить этапы формирования общины и прихода. Одной из недавних находок такого рода стала подборка документов, так или иначе касающихся истории Успенского мужского и Троицкого женского монастырей (на реке Белбаж, правом притоке Керженца), которую, согласно скрепе по листам, составил «белбажских монастырей судия иеродиакон Гурий». В контексте изучаемых проблем интерес представляют прежде всего источники, относящиеся к периоду с момента появления на Белбаже крестьян дворцовой Заборовской волости («в Юрьевецком уезде Поволском») и до передачи «белбашских новопоставленных починков» вышеназванным монастырям по царскому указу от 3 октября 1709 г.[1]

В память из Приказа Большого дворца от 18 марта 1703 г., адресованную в Заборовскую волость земским бурмистрам — Саве Родионову «с товарыщи», вошел в качестве включенного акта мирской приговор, который «Заборовской волости земской староста Ефрем Констянтинов и все той волости крестьяня» дали 1 апреля 1691 г. Илье Гордееву, Кондратию Харитонову и Павлу Калинину «с товарыщи».

[1] РНБ ОР. Ф. 775. Оп. 1. Д. 4106. В рукописи 189 листов. Гурий в качестве «судии» белбажских монастырей скрепил также документы 1721, 1734, 1740 гг., что можно рассматривать в качестве одного из датирующих признаков сборника.

Показательна «описка» составителя памяти, который предваряет копирование текста пометой о том, что Илья Гордеев «подал с выбору список», хотя данный приговор выборным не является. Большинство сохранившихся в архивах приговоров мирских сходов XVII в. представляет собой именно приговоры-выборы. Они, вероятно, преобладали и в общей массе письменных приговоров крестьянских сходов, поскольку функция их состояла в подтверждении — за пределами общины — полномочий выборного. В целом же мирское делопроизводство значительной части общин в Центральной России рассматриваемого времени существовало еще преимущественно (или почти исключительно) в устной форме. Тем большую ценность представляет данный источник, в котором зафиксировано, что волостные крестьяне «на мирском сходе со всего мирского совету тот черной лес в тех урочищах, что выше сего писаны, отдали то пустое место ис пуста в жило тот черной лес в тех урочищах лес под пашню чистить и дворы строить и поля розгородить»[2].

При расселении в рамках сравнительно небольших вотчин и поместий (когда речь идет о близлежащих землях) крестьяне фактически оставались в орбите своего мирского сообщества, и соответствующий приговор схода мог им не выдаваться (а где-то — и не записываться). В данном же случае появление письменного мирского приговора обусловлено обширностью дворцовых владений и удаленностью предназначавшегося к освоению места, которое «от Заборовской волости от жила удалело верст с шесдесят и болши». Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и фактор происхождения документа, а именно — длительную традицию письменного делопроизводства волостной общины на землях дворцового ведомства, продолжавшей и в конце XVII в. играть значительную роль в организации крестьянского землепользования. Отметим в этой связи, что мирской приговор состоялся по челобитной на имя царя, которую Илья Гордеев в тот же день «подал в земской избе земскому старосте с мирскими людми».

Инициатива переселения принадлежала самим крестьянам-челобитчикам: «Есть де в той же волости за рекою за Узолою на речке на Керженце по речке по Белбаше по обе стороны (от) устья и до верхотинья, да по речке по Козленцу, по иным малым речкам от устья и до верхотины, кои в них впали, пустое место черной лес большая рамень и дубник, а годитца то пустое место черной лес росчистить и под усадбу и под пашню и под сенные покосы. По тем урочищам и по речкам завести бы им Илье с товарыщи дворы и дворовые места, пашню росчистить и поля розгородить»[3]. Переселение происходило не только с ведома общины, но и на условиях льготы, предоставить которую приговорили на сходе: «А льготы они старосты с мирскими людми приговорили для ради лесные росчисти и полевыя огороди с нынешняго 199 году на пятнатцать лет, со 199 году апреля с 1 числа впредь по 215 год, а после тех годов во что миром положат». Община не регламентировала размеры пашни и сенокосов, они определялись трудовым правом. Однако коммен-сализм новопоселенцев не мог продолжаться бесконечно; естественными ограни-

[2] РНБ ОР. Ф. 775. Оп. 1. Д. 4106. Л. 32.

[3] Там же. Л. 31 об. — 32.

чителями развития починка выступали границы соседних деревень[4], и возникала необходимость регулирования землепользования.

Приговор не позволяет судить о количестве дворцовых крестьян, собиравшихся на Белбаж, поименно названы только трое. По переписным книгам бурмистра Ивана Прокофьева 1704 г. здесь было «пять деревень, три починка, деветь заимищ, одна кулига, в них дватцеть семь дворов крестьянских, двор беглого человека», по отписке «приказного человека» Михаила Мошкова 1705 г. — 69 дворов, по переписи 1710 г. Луки Никифорова — 432 двора. Илья Гордеев, один из названных в приговоре крестьян, вместе с братом Андреем поселился в 8 верстах выше устья Белбажа — здесь возникла деревня Ильина («что быть селу Ильинскому» — земля под церковное строение отведена 21 марта 1706 г., в документе от 6 июня 1707 г. фигурирует уже село)[5]. Традиция закрепления в названии починка (деревни) имени крестьянина-пионера была широко распространена, его идентификация в данном случае не вызывает сомнений.

Хотя роль отдельных индивидуумов, наиболее пассионарной части социума, опиравшихся на поддержку семьи, была огромна, но землепользование, в том числе и совместное использование лесных и водных ресурсов (например, бортных ухожьев, строительство мельницы), безопасность в широком понимании этого слова, фискальные обязанности, совместное строительство храма и совершение треб были факторами, объединявшими соседей и приводившими к формированию крестьянской общины, а точнее — в терминологии того времени — крестьянского «мира». Обычай, принесенный из прежней общины, определял их поведение в мирской жизни на новом месте. Если же переселение шло одновременно с разных сторон (а именно так было на практике в данном конкретном случае, как свидетельствуют документы первой четверти XVIII в., возникшие в связи с делами о беглых крестьянах в вотчинах белбажских монастырей), порядки в новой общине складывались в результате социальной интеракции, то есть воздействия индивидов, социальных групп или общностей друг на друга в ходе реализации их интересов.

Отсутствие регламентации и заорганизованности — общая черта мирского самоуправления на данном этапе. Когда во всей округе несколько однодворных деревень, то для решения своих внутренних проблем крестьянам еще не нужна выборная исполнительная власть в лице старосты. Для прекращения конфликтов нередко оказывалось достаточно третейского решения. Мирской сход собирался по наиболее важным вопросам, правом голоса на нем обладали все дворовладельцы. Согласно обычному праву решения принимались путем достижения консенсуса, причем отсутствие крестьян на сходе не освобождало их от обязанности испол-

---

[4] Под деревней в данном случае понимаем «не само селение, не постройки, а участок земли… комплекс угодий: пашенной земли, покосов, леса и т. п., составлявших в целом деревенское хозяйство» (*Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 12).

[5] РНБ ОР. Ф. 775. Оп. 1. Д. 4106. Л. 73, 77, 78, 87 об., 105 об.

нять мирские приговоры. Отметим, что общепринятый термин «сход» в документах рассматриваемого периода употребляется для обозначения данного социального института также далеко не всегда и не везде. В небольшом поселении он мог возникнуть из обычных вечерних мужских посиделок и в них же плавно перейти после решения неожиданно возникшего, но важного для деревни вопроса, не только формально не называясь «сходом», но и не оставив после себя, несмотря на бесспорную легитимность, вообще никаких свидетельств, тем более письменного мирского приговора[6]. С другой стороны, под принятое в историографии понятие «мирской сход» вполне подпадает то, что в приходно-расходных книгах 1696 г. старосты алатырских вотчин Троице-Сергиева монастыря Василия Васильева называется «съездом» («На съезде марта в 26 день мирские люди строителю Васьяну положили 5 алтынов», «В селе Мишукове на съезде Онисим Назаров строителю положил 4 денги, да подьячему 2 денги»), поскольку сущность идентична, а различия в терминологии обусловлены особенностями структуры данной крестьянской общины и местоположением входящих в нее монастырских сел[7].

По мере дальнейшего расселения и увеличения дворности «старых» деревень и с появлением потребности и/или необходимости общения с внешним миром функции общины расширялись, наполняясь все новым содержанием. Возникает практика «делегирования» их части мирским выборным, которые должны были, например, созвать общий сход и исполнить его решения, собрать и отвезти налоги, подать челобитную и пр. В той или иной конкретной общине при формировании института мирских выборных первичными могли оказаться как внешние импульсы, так и внутренние причины. Где-то уже существовавшим выборным мирским сходом вменялись еще и предписываемые властью (государством и землевладельцем) обязанности. Где-то они избирались «по указу», скажем, для выполнения фискальных или полицейских функций, и им же община, по мере надобности, передавала некоторые свои полномочия.

Очевидно, что состояние источниковой базы исследования (если оставить за скобками проблему физической сохранности архивов) зависит как от уровня развития того или иного явления или института как такового, так и от меры фиксации его деятельности в письменной форме. Удаленность от административного центра вотчины, размеры общины, характер взаимоотношений общины и землевладельца, определявшийся не в последнюю очередь типом ренты и степенью вмешательства владельческой администрации в деятельность крестьянского самоуправления, — все эти факторы влияли как на уровень развития последнего, так и на делопроизводство общины. Чем более жестким был контроль собственника земли за деятельностью мирского самоуправления, тем более полно во владельческом архиве представлены документы крестьянского мира. И наоборот, в удаленных оброчных

---

[6] Подобная ситуация случайно оказалась зафиксирована, например, в сказке крестьянина д. Нижний Красный Яр Петра Алексеева сына Скобелина от 16 июля 1710 г. (ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 690. Л. 1).

[7] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6356. Л. 18 об. — 19, 23.

владениях при бóльшей фактической самостоятельности общины и ее институтов мирское делопроизводство — вследствие того что землевладелец не требовал письменной фиксации деятельности общины — могло вестись в устной форме или только в черновых записях (в том числе и в целях экономии, за счет отказа от содержания земского дьячка или найма писцов со стороны).

В этом контексте не удивительно, что первые сведения о белбажской крестьянской общине в источниках совпадают по времени, с одной стороны, с бурным ростом числа дворов, а с другой — с прекращением «льготы»[8]. По царскому указу и по памяти из Приказа Большого дворца от 18 марта 1703 г. крестьянам надлежало «с того займища земли и с сенных покосов и с мельницы платить на Москве в Приказе Большого дворца по два рубли с полтиною на год с предбудущаго с 704-го году генваря с 21 числа», а ввиду удаленности этих мест от Заборовской волости «для збору оброку быть в том починке выборному меж себя»[9]. Иными словами, дворцовое ведомство ставит вопрос о мирских выборных, стремясь в соответствии с общепринятой практикой возложить на них фискальные функции.

Однако крестьянская община на берегах Белбажа уже в самых ранних документах предстает как вполне сложившаяся, а ее прерогативы и функции выборных явно не ограничивались только сбором оброка. В отличие от памяти, где говорится о «выборном» в починке, в других документах фигурирует «белбажских починков земской староста», по-видимому, ежегодно переизбиравшийся, — Прокофий Ильин (1705 г., д. Стрелка), Осип Михайлов (1706 г., д. Ильина), Матвей Игнатьев (1707 г.), Осип Устинов (1708 г., поч. Вязовка), Мартын Семенов (1709 г., поч. Маза). В 1709 г. в Белбажской волости, кроме старосты, были «денежного сбору целовальник», сотский и несколько десятских. «Белбажских починков земской староста» и крестьяне подают различные сказки властям, выступают в качестве послухов при отводе земель вновь построенным монастырям.

Отчетливо прослеживаются поземельно-хозяйственная и фискально-финансовая функции общины. Так, в челобитной от 25 июня 1704 г. Михаил Потапов просит снять с него тягло в полторы мортки и передать его кулигу «в мир». Челобитные 1704—1708 гг. о передаче земельных участков «из пуста в жило» отражают сложившуюся практику, когда тягло внутри общины распределяли сами крестьяне — во всех документах фигурирует формула «а тягло платить с миром, во что миром положат». Как и в случае с упомянутой выше челобитной 1691 г., адресатом этих документов выступал царь, но решение принималось белбажским крестьянским миром, о чем свидетельствуют пометы на документах 1704—1705 гг. («по сей челобитной руки вчерне мирской приговор...», далее следуют рукоприкладства — челобитчиков или того, кто приложил руку «по их велению», затем — нескольких

---

[8] Возможно, перевод земель в тягло был ускорен разбирательством по челобитью Макарьевского Желтоводского монастыря, поданному 9 сентября 1702 г., в котором дворцовые крестьяне, в том числе Заборовской и Коряковской волостей, обвинялись в захвате его земель на реках Керженец, Белбаж и Козленец (ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 567).

[9] РНБ ОР. Ф. 775. Оп. 1. Д. 4106. Л. 31 об.

участников мирского схода). Отметим, что в текстах некоторых из этих документов содержится прямое указание на то, что освоение участка данным крестьянином фактически уже началось[10].

Компетенция мирского схода распространялась не только на пашни и сенокосы, но и порядок пользования лесными угодьями. Так, Илья Гордеев «в допросе сказал», что владеет бортным ухожьем «по мирской данной» и «по приговору тех новопоселенных белбашских починков старосты Прокофья Ильина и всех крестьян 705 году» и платит в земскую избу установленный ими оброк. Причем речь идет о решении схода, которое зафиксировано в письменной форме, поскольку, по словам крестьянина, «приговор земского старосты Прокофья Ильина с товарыщи 705-го году у него Ильи дома»[11]. Трое из перечисленных выше старост, а также Илья Гордеев, его брат и еще целый ряд крестьян этой общины — грамотны, что, бесспорно, было фактором, способствовавшим появлению здесь письменного мирского делопроизводства. Увеличение его объемов в связи с ростом общины потребовало введения должности земского дьячка (Василий Ларионов, 1708 г.; Тимофей Степанов, 1709 г.). Передача починков монастырям знаменует начало нового этапа истории белбажской крестьянской общины, которая в результате подобной «социотомии» уже и формально оказалась отделена от Заборовской волостной общины.

На начальном этапе расселения церковь и кладбище были объединяющим центром для группы людей, живших в соседних починках и деревнях (по преимуществу однодворных). Община нередко на свои средства возводила храм, приобретала все необходимое для службы. Церковь в рассматриваемое время была не только культовым сооружением, но и центром общественной жизни, часто именно при храме проходили мирские сходы. Как следствие, церковный приход и крестьянская поземельная община обычно совпадали.

В условиях расширения ареала обитания и дальнейшего роста населения крестьянская поземельная община (в силу своей полифункциональности) постепенно эволюционировала с усложнением структуры в рамках отдельного землевладения — через выстраивание иерархического подчинения общин разного уровня (деревенская, сельская, волостная) при сохранении «сетевого» взаимодействия деревенских общин «по горизонтали». Приход же при этом оставался малой изолированной ассоциацией. Взаимосвязи и взаимодействия общины и церковного прихода проявляются более выпукло при наложении данных, извлеченных из источников, которые обычно изучаются изолированно: с одной стороны, это мирские приговоры и челобитные, вотчинная переписка, подворные описания, позволяющие установить персональный состав поземельной общины, а с другой — сохранившиеся в фондах консисторий документы, касающиеся приходов, в том числе так называемые исповедальные росписи[12].

---

[10] РНБ ОР. Ф. 775. Оп. 1. Д. 4106. Л. 33—55 об.

[11] Там же. Л. 73 об., 74 об.

[12] См., например: *Соколова Н. В.* Сельская община и церковный приход в нижегородской монастырской вотчине XVII — первой половины XVIII в. // Мининские чтения: Мат-лы

В XVII — первой четверти XVIII в. в Центральной России существовали как крестьянские поземельные общины, совпадавшие с приходом, так и общины, объединявшие жителей нескольких приходов. С другой стороны, в приходе могло быть несколько деревенских общин (со своими деревенским старостой и сходом), включенных в состав сложной общины. Община и приход также не совпадали, если будучи прихожанами одной церкви крестьяне относились к различным поземельным сообществам, поскольку земля принадлежала разным владельцам. Подобная ситуация чаще встречалась во владениях светских помещиков — собственников мелких долей деревни или села, но она не была чем-то исключительным и для монастырских вотчин или дворцовых волостей. В такой приход могли также входить жившие в своих дворах землевладельцы и их слуги, отставные солдаты, выбывшие из крестьянской общины, и др.

Совпадал ли церковный приход с какой-либо общиной либо объединял разнородные социальные элементы или крестьян разных владельцев — это обстоятельство в значительной мере определяло характер взаимоотношений крестьянской поземельной и приходской общин. В первом случае религиозное общение являлось одним из проявлений общинной жизни, роль общины и ее институтов в приходской жизни была несравнимо выше. Существенно, однако, что в приходах, включавших в себя крестьян нескольких владельцев, приходские связи были одной из форм объединения крестьян — формой, сохранившейся после исчезновения общины-волости вследствие раздела ее земель между разными землевладельцами или возникшей в результате достаточно позднего заселения и оформления границ владений на стыке нескольких колонизационных потоков. Иными словами, приходы служили своего рода «социальным клеем» для локальных сообществ людей; о полной изолированности таких крестьянских общин речь не идет. Отдельный индивид и крестьянская семья оказывались одновременно включенными в две различные «общины». Следует отметить, что с 70—80-х гг. XVII в. поземельная и приходская общины, совпадая территориально, могли различаться на уровне персональном — за счет неучастия старообрядцев в приходской жизни.

Личностный фактор во взаимоотношениях общины и прихода, обычно трудноуловимый, позволила «проявить» созданная база данных, содержащая сведения о старостах и других мирских выборных в монастырских вотчинах Центральной России. Среди прочего она дает возможность установить родственные или иные связи этих крестьян с представителями церковного клира, церковными старостами, зафиксировать случаи, когда бывшие мирские старосты сами становились церковными старостами или занимали не имевшие статуса «священства» и нередко замещавшиеся мирянами должности дьячка и пономаря.

В целом же необходимость создания базы данных о мирских выборных вызвана потребностью в систематизации больших объемов информации, извлеченной из различных источников, без чего анализ взаимосвязей и взаимодействий в

науч. конф. Нижегородский гос. университет (10 декабря 2002 г.). Н. Новгород, 2003. С. 126—138.

континууме индивид—семья—приход—община при изучении механизмов функционирования крестьянского самоуправления малопродуктивен. Кроме того, она облегчает «персонифицирование» мирских выборных, что дает возможность исследовать некоторые ранее недоступные аспекты взаимоотношений общины и индивида. База данных является также важным инструментом выяснения количественной доли и качественного состава социально активного населения той или иной общины или вотчины.

Накопление достаточно репрезентативного объема данных позволяет, в частности, попытаться ответить на вопрос о том, чем руководствовались крестьяне при избрании старосты и насколько эти критерии совпадают с имеющимися сведениями по второй половине XVIII — XIX в., с пожеланиями землевладельцев, формулировавшимися в инструкциях и переписке с приказчиками. Исследование подтвердило гипотезу о том, что демографический фактор играл важную роль при формировании выборных мирских институтов. Анализ возрастного состава мирских выборных показал, что в целом старосты (в том числе — «гуменные») старше, а денежные целовальники, сотские, десятские, «закащики» и сборщики — моложе. Крестьяне до 40 лет были среди мирских выборных исключением. Возрастная структура мирского аппарата отразила влияние на избрание жизненного опыта крестьянина и его авторитета среди односельчан, обычно приходящих с годами. Изучение демографической ситуации в хозяйствах мирских должностных лиц выявило наличие корреляции между возрастом старосты или иного мирского выборного и его «семьянистостью». Около половины из них имели во дворе двух мужчин — полных работников, около трети — трех, причем процент последних особенно велик среди всевотчинных старост. Рабочий потенциал крестьянской семьи — иными словами, возможности хозяйства компенсировать отвлечение одного из мужчин на выполнение общественных функций — оказался одним из важных факторов и порой решающим аргументом при избрании на мирскую должность[13].

Общие принципы и те или иные конкретные соображения, которыми руководствовалась община при выборе данного старосты, а также его возраст и жизненный опыт, занятия и материальное положение, «прожиточность» и «семьянистость», авторитет среди односельчан, взаимоотношения с посельским старцем или приказчиком (не только его личные, но и общины в целом) существенным образом влияли как на содержание отдельных статей, так и на итоговые суммы мирского бюджета. Причем мера этого влияния в немалой степени зависела от характера взаимодействия старосты и мирского схода. К таким выводам приводит анализ приходно-расходных книг старост одной общины на протяжении десятилетия (вотчины Медведевой и Шаровкиной пустыней — 1695/96—1705/06 и 1695/96—1700/01, 1702/03—1704/05 гг. соответственно) и совокупности сведений об этих

---

[13] См. также: *Соколова Н. В.* Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII — первой четверти XVIII в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Мат-лы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 86—100.

старостах и общине из других документов монастырского архива. Данные выводы представляются методически значимыми, поскольку чаще всего исследователям приходится иметь дело лишь с отдельными сохранившимися книгами мирских старост и целовальников той или иной общины или даже их фрагментами.

В источниках XVII — первой четверти XVIII в. данные о старостах и других мирских выборных не только появляются ранее прочих свидетельств об общине, но и составляют львиную их долю. Однако без адекватного представления о мирском сходе как высшем органе крестьянского самоуправления общий контекст деятельности старост нередко, хотя подчас и неосознанно, заимствуется из более позднего времени и тем самым модернизируется. Обнаружение во многих отношениях уникального комплекса приговоров сходов сложной крестьянской общины с центром в селе Новое Рузского у. (40 «черновых» мирских приговоров за 1721—1723 гг.) позволило расширить наши знания о функциях старост и прерогативах схода. Особую научную значимость, как представляется, имеют результаты, полученные при изучении самого схода — через анализ взаимосвязей и взаимодействий в континууме индивид—семья—община.

После соответствующего источниковедческого анализа, подтвердившего репрезентативность данного комплекса мирских приговоров, на его основе была создана база данных о крестьянах, принимавших участие в сходах (720 имен, встречающихся в intitulatio приговоров). Используя подворную роспись той же вотчины, датированную апрелем 1724 г., удалось пополнить базу сведениями о возрасте участников схода, их семейном положении, выяснить — являлся ли данный крестьянин дворовладельцем, если нет — то степень их родства или свойства. Поскольку некоторые участники схода не были найдены в данном описании или у них не был обозначен возраст, привлекались также ландратские переписи 1710/1711 и 1715 гг. В базу вносились и сведения, почерпнутые из других источников — владельческой переписки, крестьянских челобитных, приговоров сходов отдельных деревень, сказок о пустующих «жеребиях» и причинах их запустения, о передачах тягла от одного крестьянина другому или «в мир», расписок об уходе на заработки, паспортов и пр., что позволило, в частности, получить данные о текущих изменениях, отразившихся на персональном составе схода.

В итоге удалось не только проследить индивидуальную активность участия крестьян в сходах, но и — благодаря учету родственных связей — установить общее число сходов, на которых был представлен тот или иной двор. За три года на сходах побывали представители около 90 % дворов. Какие-либо закономерности в посещении схода отдельным крестьянином или двором, которые бы свидетельствовали о наличии в данной общине той или иной системы представительства на валовом сходе, не выявлены. Анализ меры влияния различных факторов, в том числе демографических — численности и структуры семьи, основными показателями которой являются поколенный, возрастной и родственный состав, на «включенность» общинников в мирское самоуправление в целом, имея в виду как сходы, так и общинную исполнительную власть — мирских выборных, показал,

что большие семьи, имевшие достаточное количество рабочих рук, участвовали в нем активнее. Важным результатом стала также персонификация ранее «безликого» схода, появление «живых» людей: удалось установить, например, кто мог представлять двор на сходе и с какого возраста, кто и в силу каких причин чаще всего становился его завсегдатаем, в какие дни недели преимущественно собирался сход, как сказывалась удаленность деревни от места проведения схода на участии в них ее жителей, и т. д.[14]

Предложенный подход, в силу его трудоемкости, окажется востребованным, вероятно, прежде всего в микроисторических и региональных исследованиях, а также в тех случаях, когда технически возможно создание временных творческих коллективов из специалистов с разными научными интересами. Но ограничивать его применение этими рамками, как представляется, было бы неразумно.

В условиях объективно присущей рассматриваемому периоду недостаточности источниковой базы возникающий в результате применения подобного подхода кумулятивный эффект реально расширяет возможности изучения структурообразующих элементов российского социума. А следовательно, позволяет отказаться от некоторых не всегда оправданных экстраполяций представлений, сформировавшихся на основе более поздних данных, особенно опасных в тех случаях, когда они вслух не проговариваются, но лежат в основании каких-то (порой достаточно сложных) построений, создавая тем самым эффект мультипликатора.

В конкретных исследованиях, например по истории общины, такой подход позволяет учитывать не только различия в социальном и хозяйственном положении крестьянства в отдельных областях страны (Поморье, Центральная Россия, колонизуемые окраинные территории) или отдельных его групп (помещичьи, дворцовые, монастырские, черносошные и пр.), но и влияние факторов, общих для значительной его части — таких как семья, приходская община, а также личностного фактора.

Если рассматривать российский социум как сложную динамическую систему, то — с учетом его аграрного характера в период позднего Средневековья и раннего Нового времени — комплексное изучение социальных микроструктур деревни, выявление и анализ взаимосвязей и взаимодействия в континууме индивид—семья—приход—община представляются важнейшей и обязательной составляющей исследования, без которой невозможно понимание свойств, характеристик и функций системы, являющихся следствием ее эмерджентности. При этом за счет некоторого смещения интерпретационных рамок в пользу индивида предлагаемый подход позволяет, не отказываясь от очевидных плюсов структурно-функционального анализа и системной теории, уйти от «истории без людей».

---

[14] Подробнее см.: *Соколова Н. В.* Крестьянское самоуправление в Центральной России в 20-х гг. XVIII в. // Исторические записки. Т. 7 (125). М., 2004. С. 117—174.

С. В. Голикова (Екатеринбург)

Горнозаводское население Урала XVIII века: в поиске культурной идентичности

Горнозаводское население Урала сформировалось в ходе строительства металлургических заводов на территории края в XVIII в. Как социальная группа оно основательно изучено в рамках дискуссий о ранних этапах истории пролетариата и социального облика уральских рабочих. Однако социальная структура частично являлась субъективной конструкцией, сформированной и понятой лицами и группами, которые определяли себя в отношениях с другими и были переопределяемы другими. Поэтому анализ объективированной социальной группы необходимо дополнить изучением ее в субъективном восприятии, а также исследовать, каким образом она сформировалась в качестве общности в представлении своих членов.

За 1719—1795 гг. (с первой по пятую ревизию) число мастеровых и работных людей увеличилось с 11,9 тыс. до 86,4 тыс. человек, то есть более чем в 7 раз. С учетом «женской половины» данная цифра удваивается, достигая примерно 200 тыс. жителей. Наиболее быстро эта категория населения росла в период строительного бума, в третьем, четвертом и пятом десятилетиях XVIII в., когда на территории края появилось 70 заводов. К 1760-м гг. мастеровые и работные люди составляли около 11% населения Пермской и Оренбургской губерний. В последней трети XVIII в. численный рост группы несколько замедлились. В начале XIX в. доля мастеровых и «непременных» работников в составе населения Урала равнялась 8% (около 100 тыс. душ мужского пола).

Горнозаводское население играло важную роль в экономической жизни страны. Однако по отношению к сословному делению российского общества оно занимало маргинальное положение и создавалось благодаря высокому уровню социальной и географической мобильности жителей России. Из-за нехватки рабочих рук в первые годы своего существования уральская промышленность охотно и в большом количестве принимала «пришлых», преимущественно из государственной и дворцовой деревни Архангельской, Казанской, Московской, Нижегородской, Симбирской губерний. В. Н. Татищев вынужден был признать, что ими «населены» все заводы и «ежели их раздать, то... работать... будет некому». В дальнейшем развитие горнозаводского дела сопровождалось регулярным изъятием людских ресурсов из ближайшего сельского окружения с помощью рекрутских наборов и переселений приписных крестьян в заводы. Это были главные источники пополнения персонала казенных (затем и частных) предприятий. Заводские работы входили в число отхожих промыслов крестьян ближайших губерний. Отходники нередко закабалялись заводчиками. Следующей категорией были крепостные. Купленные

в Среднем Поволжье крепостные уже в середине XVIII в. составляли основной контингент постоянных кадров предприятий Южного Урала. Население вотчин при строительстве в них заводов также превращалось в рабочих или подзаводских крестьян. Демидовы прибегали к массовым переселениям крепостных из имений, расположенных за пределами Урала[1].

Происходил процесс «выкраивания» горнозаводского населения из других социальных групп и встраивание его в сословную структуру страны. Требования экономического развития, интересы самого государства делали границы горнозаводской общности весьма растяжимыми, включая в нее новые социальные категории. По наблюдениям В. И. Семевского, в XVIII в. «терминология крестьян "мастеровых и работных людей", составлявших неотъемлемую принадлежность фабрик и заводов, не отличалась единообразием, устойчивостью и определенностью». Во время пятой ревизии мастеровые и работные люди заводов, подведомственных Екатеринбургскому горному начальству, означались тремя терминами: «казенные», «вечноотданные» и «собственные»; крестьяне же были приписными, то есть государственными, и «крепостными», «собственными крепостными» и «собственными». Последний термин употреблялся относительно крестьян, купленных к заводам, принадлежащим их владельцам на посессионном праве[2].

Власти стремились «привязать» людей к горнозаводскому производству (в источниках появилось выражение «люди при заводах», а наряду с использованием термина «крепостной» возникли понятия «вечноотданный» к заводам, «непременный» работник). Постоянные квалифицированные кадры металлургических заводов сложились в течении XVIII в. посредством переселения по указам казенных мастеровых, рекрутирования приписных крестьян, переводом «пришлых» в категорию «вечноотданных» и «сверстанных с крепостными» и подготовки специалистов из числа крепостных крестьян. В источниках XVIII в. обслуживавшее заводы население называли «мастеровыми и работными людьми».

По мнению дореволюционного исследователя И. Сигова, население края «под двойным влиянием крепостного права и развивавшейся горнозаводской промышленности, предъявлявшей громадный по тому времени спрос на рабочие руки, претерпело коренную ломку во всем своем жизненном строе и путем мучительного насильственного процесса из крестьян-хлебопашцев было превращено в подневольных горнозаводских мастеровых и в обязательных (так называемых «приписных», впоследствии «непременных» и, наконец, — «сельских») горных работни-

---

[1] История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 314, 316; *Гуськова Т. К.* О некоторых особенностях демографических процессов на Урале в эпоху феодализма (по материалам Нижне-Тагильского горно-заводского округа конца XVIII — первой половины XIX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 111.

[2] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1903. С. 532—533, 603.

ков, которые составили новый, совершенно особенный класс, не имеющий ничего общего с прежним свободным земледельческим населением»[3].

Социальные различия внутри горнозаводского населения усиливались благодаря разным местам выхода мигрантов — преимущественно они были с Русского Севера, из Поволжья. Автор XIX в. описывая процесс складывания населения Ижевского завода (возникшего в 1760 г.), отмечал, что «наборы» привели туда «и татар елабужских, и вотяков шарканских, и значительное число жителей Пензенской губернии, ...которые отличались великороссийским наречием среди увесистого сибирского и частью вятского языка здешнего народа»[4]. На Урале «не редкость было встретить в одном заводе, потомков представителей как самых разнообразных типов русского народа, так и инородческого, даже иноземного населения». Но вся эта «разнохарактерность происхождения» сгладилась под гнетом общей доли...

«Общая доля» — это участие в горнозаводском производстве — послужила основой формирования горнозаводской общности. В крае получили развитие черная (железоделательное производство) и цветная (медеплавильное производство) металлургия и золотодобывающая промышленность. Суть технологии заключалась в обогащении руды, то есть освобождении ее от примесей и получении «чистого» металла. Технологическая цепочка начиналась с добычи породы и наиболее короткой была при добыче золота, ограничиваясь «толчеями» и «промывальными» устройствами. Остальные отрасли в обязательном порядке включали плавку и дальнейшую обработку металлов.

Разработка месторождений железных руд производилась на земной поверхности, медных — под землей, золотых — обоими способами. Основные этапы железоделательного производства: доменное и передельное (традиционное молотовое — кричное), а также пудлинговое, прокатное и мартеновское. Получение меди тоже включало в себя два этапа — черная и красная медь, но являлось более сложным технологическим процессом. Результат первоначального плавления — роштейн — содержал большое количество примесей других металлов. После его обжига получалась черная медь, переплавляя которую в разделительных («гармахерских») печах получали гаркупфер — почти чистую медь. Итогом следующей плавки являлась красная медь. В дополнение к основному производству уральские заводы имели многочисленные металлообрабатывающие цеха и значительный штат углежогов, поскольку уральская металлургия оставалась древесноугольной.

Уже в XVIII в. здесь насчитывалось около 160 специальностей разной квалификации[5]. Сложная кооперация труда способствовала единению рабочих. В песне, датированной XVIII в., «О, се горные работы» появляется и остается в рабочем

---

[3] *Сигов И.* Народ и поссессионные владения на Урале // Русское богатство. 1899. № 3. С. 197.

[4] *Блинов М.* Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // Журнал министерства внутренних дел. 1855. № 3. Отд. 3. С. 50.

[5] *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства XVIII века на Урале // Известия Гос. академии изучения материальной культуры. № 134. М.; Л., 1935. С. 165.

фольклоре коллективный лирический герой — «Мы». Еще раньше это местоимение зазвучало в прошениях горнозаводских жителей: «...против крестьян мы пашенных земель, сенных покосов и протчих удовольствиев ничего не имеем, но питаемся от одного только, что получаемой за работы платы»[6].

Это «Мы» создавалось и воспроизводилось с помощью горизонтальных и вертикальных связей. Средством социальной интеграции, укоренения и единения заводского населения оставалась семья. «В нынешний мясоед, — рапортовали Лазареву в январе 1787 г. со строительства Кизеловского завода, — молодых на девках, а пожилых на вдовах поженили десятка полтретья, дабы с женами поприлежнее жили и в сторону не глядели»[7].

Наряду с горизонтальными горнозаводской социум скрепляли вертикальные (межпоколенные) связи по принципу: дети мастеровых «после отцов заводское искусство на себя приемлют». Документ 1724 г. рекомендовал администрации казенных заводов «возрастных мастерских детей распределять к ремеслам, понеже как довольно через практику усмотрено, что определенные ис крестьянства к ремеслам рекруты не так скоро ко оным обучены бывают для того, что мастера не столько радетельно обучают, как сына своего и свойственника»[8]. Кровнородственные связи сыграли роль консолидирующего фактора для горнозаводской общности, стабильность которой проявилась в возрастании числа потомственных мастеровых. По наблюдениям уральского историка А. Г. Козлова, в XVIII — начале XIX вв. к ним относилась значительная часть рабочих казенных заводов.

Уральская исследовательница М. В. Вагина на примере изучения заводского населения Южного Урала в последней трети XVIII в. показала, что происходил «процесс срастания бывших крестьян с заводом» в результате которого «горнозаводской рабочий действительно воспринимал труд на заводе не как принудительную повинность, а как наследственную профессию»[9]. Профессионализация в данном случае отражала дальнейший процесс разделения общественного труда, но словосочетание «наследственная профессия» указывает, что это была сословная (принудительная) профессионализация, при которой занятие рассматривалось прежде всего с точки зрения источника дохода, считалось обязательным, распространяясь на все сословие.

Русское земледельческое и нерусское население края недоброжелательно отнеслось к разработке недр и появлению заводов на своей территории. «Воровские нападения» башкир на заводы — суровая действительность не только Южного, но и Среднего Урала на протяжении всего XVIII в. Во время восстания Е. Пуга-

---

[6] *Черкасова А. С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII веке. М., 1985. С. 141.

[7] *Новокрещенных Н. Н.* Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа, 1892. С. 66.

[8] *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 140.

[9] *Вагина И. А.* Личное хозяйство и рабочая квалификация мастеровых частных заводов Южного Урала в последнюю четверть XVIII в. // Учен. зап. Уральского гос. ун-та. № 72. Сер. историческая. Вып. 9. Вопросы истории Урала (Проблемы экономической и социальной истории). Сб. 8. Свердловск, 1969. С. 15—16, 33.

чева «бунтующие башкирцы» не только разрушили ненавистные им заводы, но и «крестьянское дворовое, огородное и огуменное строение огнем испортили, а крестьян мужеска пола, муча разными побоями, многих и смерти предали..., оставших в живе мужеск пол, разграбленных и измученных разными тиранскими муками и ранами, а женск пол обруганными... в сущей бедности, наготе и голоде с семействами их з заводского места выгнали». Те, кого после «умиротворения» восставших, удалось разыскать и вернуть, представляли собой жалкое зрелище: находились «в крайнем всего недостатке, как пищи и одежи, так скота, лошадей и конской упряжи»[10].

Горнозаводское население, напротив, считая земельные богатства и заводы главными ценностями и стараясь сохранить память о них, сочиняло предания, связанные с открытием и эксплуатацией месторождений полезных ископаемых, а также о строителях заводов. Бытование до сегодняшнего дня преданий о мученической смерти вогула Степана Чумпина от рук соплеменников за указание русским месторождения на горе Благодать[11] — отголосок борьбы заводов «за место под солнцем» уже на территории Северного Урала. Автор XIX в. писал, что «сооте-чественники» Степана были «озлоблены» именно «вниманием правительства на сии места». «Но воспоминания, — восклицал он, — переживают людей, полезных Отечеству!» «Признательное» начальство поставило «герою» памятник в виде чугунной колонны[12].

Отпор врагу и обеспечение собственной безопасности дали мощный импульс для осознания факта близости и единства горнозаводских жителей.

Непрекращавшееся на протяжении XVIII — начала XIX вв. сопротивление приписных крестьян можно рассматривать как стремление отграничить сельский «мир» от заводского. Труд на заводах представал в глазах крестьян «бесчеловечным», и весь заводской порядок, по их мнению, был чужд человеческой природе. «Сие дело, — писал в 1712 г. об отношении местного населения к открытию горнорудных богатств И. Ф. Блиэр, — за ниспослание коего надо Всевышнего благодарить, более проклинается...»[13] Делом, освященным словом Божьим, крестьяне считали земледелие. Они недоброжелательно относились ко всякого рода попыткам «изрыть грудь матушки сырой земли». Так образно землепашцы называли горные разработки. Копать землю «из-за скрывающихся в ее недрах богатств» — это, по их мнению, было уже «от лукавого», оскорблением, надругательством над землей. «Горщики», ведущие поиск «серебра, золота, камениев самоцветныих», в духовных стихах прямо названы «бесами погаными».

Показателен случай с «крестьянской девкой» Аятской волости Матреной Родионовой Утениной, которая в начале XIX в. собралась замуж за работника Верх-Исетского завода Фотия Вавилова. Перед венчанием священник Троицкой церкви

---

[10] *Мукомолов А. Ф.* На южноуральских заводах. М., 2001. Кн. 2. С. 124, 128.

[11] Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы. Свердловск, 1991. С. 97—98.

[12] Описание Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1839. Ч. 1. Кн. 1. С. 55—56.

[13] *Попов Р.* Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 335.

Иван Андреев Мещанов «отговаривал» невесту: «Не ходи, девка, на варварские заводы в эдакую смолу»[14].

Людям, связанным с горным делом, напротив, ситуация сложившаяся на Урале, казалась результатом Божьего промысла. «Удивительно, — восхищался Вильям де Генин, — как здесь Бог определил таковы места, что рек, руд, лесов, где быть заводам довольно, и работники дешевы, также и харч недорог». Апелляция к богу звучала и в предании, возникшем в горнозаводской среде: Адам был пахарем, его сыновья — Авель и Каин — пастухом и земледельцем, а старшему сыну Лалиха Фафолю «показа господь руду копати, молот и клещи»[15]. Таким образом, делом Божьим, наряду с земледельческим и пастушеским трудом, был назван труд в горнозаводской промышленности. Он получал религиозную санкцию. Стал рассматриваться как «призвание» то есть деятельность, к которой человек призван Богом и за которую он мог получить его благословение.

Это предание также показывает, как горнозаводские жители конструировали окружающее их социальное пространство, как определяли свое место в локальном социуме, на какой основе строили границы между собой и старожилами края. Общество оказалось у горнозаводского населения распределенным по сферам занятости. Социальное структурирование в «профессиональных» терминах представляло собой адаптацию классических схем к более привычным для горнозаводского населения категориям. По замечанию М.К. Петрова, «на знаковом уровне целостность всеобщего обеспечивается идеей семьи». При использовании семейного кода единство происхождения понимается как кровное родство[16]. Горнозаводское население стало частью семьи-общества. Принцип «колен» — перечисление потомков первопредка, одним из которых был назван родоначальник горняков и металлургов Фафоля — явилось средством идентификации горнозаводского населения, с помощью которого оно определяло себя в окружающем мире.

Способом самовыделения горнозаводской общности стала жертвенность. Тяжелые условия труда приводили к тому, что мастеровые и работные люди во многом воспринимали себя как жертву, ибо трудились «до измору». Мотив жертвенности нашел свое отражение в легендарных преданиях о массовой гибели и убийствах рабочих (хрестоматийный пример — затопление Демидовым подвалов Невьянской башни, вместе с находившимися в них людьми). На Севере Урала рассказывали: «Наш медный завод Походяшин, хозяин-то, на костях выстроил. На костях и домну задул»[17]. Речь идет о Максиме Походяшине, известном заводчике, создавшем во второй половине XVIII в. самые северные в крае Богословские заводы.

О превращении данного образа в расхожее выражение свидетельствует угроза доверенного Строгановых Седова, публично заявившего, что застрелит лазарев-

---

[14] ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 348. Л. 23 об., 27 об.

[15] *Пихоя Р.Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 234.

[16] *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991. С. 107.

[17] *Лазарев А.И.* Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 135, 137.

ского приказчика Ипанова на месте постройки Кизеловского завода «и пусть де Лазарев сделает основание завода на костях Ипанова»[18]. Строительство велось на спорной территории, из-за которой между Строгановыми и Лазаревыми велась многолетняя тяжба, и Лазарев решил окончить ее подобным образом в свою пользу.

Члены горнозаводской общности гордились полученным в лишениях большим социальным опытом и благодаря ему возводили себя в ранг исключительности.

Такое научное направление как «горная этнография» показало (относительно различных времен и народов), что горняки, металлурги-плавильщики и кузнецы в силу особых условий своего труда имеют специфические образ жизни и культуру[19]. Люди, связанные с горнозаводской промышленностью Урала, не стали исключением из этого правила. Достаточно очевидно, что на ее заводах переплавлялись не только куски руды в металл, но и представители отдельных социальных и этнических групп в новую общность — горнозаводское население. По мнению М. Элиаде, появление горного дела и металлургии привело к изменениям человека «в прямом смысле слова»: ему стал доступен новый опыт, смотреть на мир и чувствовать его он стал иначе, когда постиг реальности, бывшие для него ранее недоступными[20]. Наблюдатели не раз отмечали особый ментальный склад («этос») горнозаводского населения, явившийся следствием его профессиональной занятости. Мы можем рассматривать поиски этой группой собственной культурной идентичности как появление у ее членов специфических «горняцких» черт в рамках общерусской культуры. К достижениям доминирующей культурной среды они добавляли новые, обнаруживающие горнозаводскую специфику.

---

[18] *Новокрещенных Н. Н.* Указ. соч. С. 64.

[19] *Вильсдорф Х.* Горная этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. Материальная культура. М., 1989. С. 27—30.

[20] *Элиаде М.* Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. М., 1998. С. 119.

Н. И. Никитин (Москва)

Национальная политика Российской империи: специфика и результаты (О некоторых подходах к проблеме)

Давно, казалось бы, развенчанное и забытое определение Российской империи как «тюрьмы народов» в последнее время вновь становится предметом обсуждений, причем не только журналистами и публицистами, но и профессиональными историками. И прежде всего — на конференциях, всякого рода «круглых столах»[1].

Суждения выступающих на них нередко весьма поверхностны, основаны на эмоциях, а то и застарелых «национальных обидах». Но встречаются, разумеется, и серьезные, профессиональные подходы к этой теме. Так, в 1993 г. на «круглом столе», состоявшемся на истфаке МГУ и посвященном историческим судьбам русского народа, глубокий анализ национальной политики России начиная с XVI в. дал Н. И. Цимбаев. «Все государства тогдашней Европы были этнически неоднородны и почти все сталкивались с множественностью конфессий, — подчеркнул он. — Вопрос заключается в том, что смотрели на эти проблемы московские власти иначе, чем в Западной Европе, где этнические меньшинства ассимилировались (с большей или меньшей долей насилия), а лица, не принадлежавшие к господствующей церкви, преследовались либо серьезно ограничивались в правах (Испания, Англия, Франция, немецкие и итальянские государства XVI в.). Стержнем российской политики в отношении присоединяемых народов была не национальная, а социальная ассимиляция, когда местные правящие верхи не уничтожались, не изгонялись, не лишались своего привилегированного положения... а включались в состав господствующих в России сословий, сохраняя, как правило, свою веру, свои права и преимущества...

...Вплоть до второй половины XIX в. ...социальная ассимиляция верхних слоев покоряемых и присоединяемых племен и народов служила той твердой основой, на которой строилась российская политика постоянной территориальной экспансии. Успех этой политики не был, конечно, повсеместно одинаков... Но в целом российское правительство могло быть уверено не только в своей военной силе и дипломатическом искусстве, что позволяли подчинять народы, но и в своем административном умении держать их в повиновении. После вхождения в состав России местная знать, сделавшись незаменимой частью правящей системы, без

---

[1] См., например: Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века («Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г.). М., 2003. С. 80.

долгих колебаний отдавала свои знания, опыт и авторитет делу укрепления Российского государства»[2].

Действительно, политика социальной ассимиляции национальных элит, красной нитью проходившая через весь имперский период нашей истории, несомненно, являлась одной из главных причин прочности Российской империи. Но остается открытым вопрос: что лежало в основе такой политики? Только ли государственная мудрость?

По мнению Л. Н. Гумилева, «весь XVIII в. соседние народы по инерции воспринимали Россию как страну национальной терпимости — именно так зарекомендовало себя Московское государство в XV—XVII вв. И потому все хотели попасть «под руку» московского царя, жить спокойно, в соответствии с собственными обычаями и с законами страны»[3]. Здесь, как обычно у Л. Н. Гумилева, не обошлось без преувеличений, но в целом с мыслью о национальной терпимости как одном из принципов внутренней политики России нельзя не согласиться. Н. И. Цимбаев воплощает ее в более развернутую характеристику, выделяя «два исторически обусловленных обстоятельства.

Первое: Россия была империей без имперской нации. Она принципиально отличалась, к примеру, от Австрийской империи, где господствовали немцы.

Второе: Россия была империей, где отсутствовало жесткое противопоставление подданных, принадлежавших к одной конфессии, всем остальным. Этим она отличалась от Османской империи, в которой мусульманин (не обязательно турок-осман) всегда признавался правым в споре с немусульманином.

Основной принцип Российской империи — деление социальное, сословное, а не национальное или религиозное. Особенно строго этот принцип выдерживался в XVIII — начале XIX в.»[4].

Национальная терпимость «верхов», разумеется, невозможна в стране, где нет национальной терпимости и у «низов». И русский народ проявлял это свойство своего характера с давних времен. Исследователи обращают внимание на тот факт, что ни в устном народном творчестве, ни в русской классической литературе не воспевался русский человек как господин и повелитель других народов. Историками отмечается «удивительная пластичность восточных славян» вообще, их способность к «вживанию» в чужие этносы (приводившая порой к ассимиляции не русскими, а русских)[5]. Тому масса свидетельств, но здесь уместнее привести лишь одно — весьма красноречивое и сравнительно недавно ставшее достоянием широких научных кругов. Это мнение о русском народе крупнейшего идеолога и просветителя крымско-татарского народа Измаил-бея Гаспарлы (Гаспринского).

---

[2] *Цимбаев Н. И.* Россия и русские (Национальный вопрос в Российской империи) // Вестник МГУ. История. 1993. № 5. С. 27.

[3] *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. М., 1994. С. 291.

[4] *Цимбаев Н. И.* Указ. соч. С. 30.

[5] *Левандовский А.* Сибирь из нас не «вытянешь»... // Родина. 1995. № 2. С. 100.

«Наблюдения и путешествия убедили меня, — писал он, — что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чужому племени, как наши старшие братья, русские. Русский человек и простого, и интеллигентского класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не высказывая, не имея узкого племенного себялюбия... Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда — чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхождением, ни отношениями русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами, наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более как следствие едва уловимого качества русского национального характера...» В. В. Карлов по поводу этого высказывания пишет: «Такие социально-психологические особенности межэтнических взаимодействий русского народа со всеми его партнерами были подготовлены многовековым опытом контактов и общения»[6]. Справедливость этого заключения трудно оспорить.

Известный публицист «первой волны» русской эмиграции И. А. Ильин считал возможным говорить не только о русской, но и о православной терпимости: «Весь смысл бытия русского народа, весь "Свет Тихий" православия погибли бы, если бы мы хотя бы один раз в нашей истории стали бы на путь Германии и сказали бы себе и миру: мы есть высшая раса...» Писатель Олег Платонов, ссылаясь на эти слова И. А. Ильина и сравнивая Россию с великими европейскими державами, делает вывод: «К Российскому государству неприменимо название "империя"... Заметим, однако, что империи ведь могут быть не только "колониальные", и логичнее присоединиться здесь к мнению, согласно которому "если справедливо утверждение, что империя — это многообразие вер, народов, культур и способов управления, то Россия была подлинной империей задолго до Петра I"»[7]. Было бы тем не менее ошибкой и отрицание если не уникальности, то большой специфичности межэтнических отношений на громадной территории этой империи.

Сейчас практически общепризнан тот, одно время с трудом принимавшийся «общественным мнением», факт, что в России именно русским «пришлось вынести основные тяготы по превращению страны в европейскую державу»: сложно что-либо противопоставить данным о большей степени эксплуатации русского народа по сравнению с другими, какую бы из ее разновидностей мы не взяли —

---

[6] *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 93—94; *Карлов В. В.* Об основах этнического воспроизводства русского народа // Вестник МГУ. История. 1993. № 5. С. 50.

[7] *Платонов О.* Русская цивилизация // Подмосковные известия. 6.04.94; *Цимбаев Н. И.* Указ. соч. С. 28.

рекрутскую повинность, налоговый гнет или крепостничество в целом[8]. Но в трактовке этого факта можно встретить существенные различия.

Одни исследователи считают, что хотя русские и не стали имперским народом (умея повиноваться, они не привыкли господствовать), «Российское государство не было, разумеется, антирусским. Оно, особенно в XVIII веке, было наднациональным и до последней степени дворянским»[9]. Другие приходят к заключению, что, «поскольку русский народ нес основную тяжесть держателя империи и был основным материалом ее строительства, укрепления и расширения, то российское государство было скорее антирусским, чем прорусским. Российские самодержцы и диктаторы никогда не считались с масштабами жертв со стороны русских...»[10]. Тот факт, что русский народ, «в отличие от западных народов... так и не научился повелевать», одними авторами просто констатируется (порой, правда, с нотками сожаления)[11], другими же не слишком грамотно используется как повод для прямых упреков в адрес русских[12].

С оценкой роли и места русских в созданной ими империи вообще происходят интересные метаморфозы, обычно, правда, весьма далекие от подлинно научного подхода к столь непростому вопросу. Русский народ не стал в Российской империи господином, и над этим обстоятельством в последнее время все чаще иронизируют те же заступники «порабощенных народов», которые еще совсем недавно требовали (и порой еще требуют) от русских покаяния за «многовековое угнетение» и «великодержавный шовинизм»[13]. Отсутствие национальной спеси может теперь рассматриваться и как чуть ли не еще одно подтверждение «рабской сущности русского национального характера» (выражение писателя В.С. Гроссмана, популярное в начале «Перестройки»). Появление подобных суждений при всей их надуманности и субъективности в общем и целом закономерно. Создавший империю народ, как правило, не вызывает больших симпатий у других народов империи, они его чаще всего «не любят» и используют любой повод для предъявления претензий. Но что примечательно: такое отношение обыкновенно решительно меняется по прошествии какого-то времени после распада империи. Римлян ныне «любят» и гордятся родством с ними (в том числе и мнимым) потомки практически всех

---

[8] *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 63; *Козлов В. И.* О сущности русского вопроса и его основных аспектах // Вестник МГУ. История. 1993. № 5. С. 34.

[9] *Цимбаев Н. И.* Указ. соч. С. 31.

[10] *Кортунов С.* Имперские амбиции и национальные интересы // Независимая газета. 11.09.97. С. 5.

[11] Там же.

[12] «У русского народа... не хватило ни духа, ни самосознания, ни численности (?! — *Н. И.*), чтобы стать народом-повелителем, подобно древним римлянам, персам, византийцам, а позднее англичанам... Русский народ оказался не так воспитан, не так образован и не так культурен, чтобы стать достойным хозяином великой империи» (*Шевелев В.* Распад России неизбежен // Подмосковье. 20.12.97).

[13] См.: Родина. 1990. № 5. С. 75; Московские новости. 1991. № 26. С. 5.

некогда покоренных Римом народов. Прибалты с уважением отзываются о правивших ими немецких баронах. Предаются ностальгии по имперским временам и народы бывшей Австро-Венгрии. Нечто подобное немецкий историк А. Каппелер предсказывает и в отношении бывшей Российской империи[14].

Оснований для ностальгических чувств у бывших «россиян» будет более чем достаточно, ибо судьба вошедших в состав России народов при объективном рассмотрении и соответствующих сопоставлениях оказывается сплошь и рядом не такой уж тяжкой, как порой рисуется.

Прежде всего надо отметить, что абсолютное большинство народов Российской империи было включено в ее состав в полном соответствии с господствовавшими тогда морально-этическими и правовыми нормами. (Даже по поводу, казалось бы, совершенно «несправедливого» присоединения польских земель европейски образованный и культурнейший человек своей эпохи Н. М. Карамзин в своей знаменитой «Записке от 17 октября» 1819 г. отзывался так: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний». Высказывание знаменательное, поскольку, как выразился В. О. Ключевский, «взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике»[15].) А это далеко не всегда учитывается суровыми критиками «русского царизма».

Словно в ответ им, серьезные ученые в последнее время не раз обращали внимание как на «отсутствие в российской политике тенденций геноцида в отношении присоединенных народов» (Л. В. Милов)[16], так и на то обстоятельство, что в Российской империи «методы беспощадного разорения и ограбления завоеванных стран и народов... никогда не практиковались» (А. Н. Боханов)[17]. Такие «методы» были крайне невыгодны правящим верхам империи, постоянно обеспокоенным «малолюдством» своих подданных, особенно — на окраинах.

Добавим, что даже если бы у правителей России и появилось желание уничтожить какой-то народ, возможностей для этого у них было немного. Не случайно знаменитый (и уникальный в своем роде) скоропалительный указ Сената от 1742 г. «искоренить чукчей вовсе» (в ответ на их все более дерзкие и довольно успешные нападения на русские отряды и находившихся в российском подданстве юкагиров и коряков) всерьез так никто и не пытался осуществить, и военные экспедиции на Чукотку закончились полной «конфузией». В итоге власти просто отказались от силовых методов присоединения полуострова[18].

---

[14] *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 289.

[15] См.: *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 489.

[16] *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4—5. С. 51.

[17] История России. XX век. М., 1996. С. 18.

[18] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 81—83; *Зуев А. С.* «Немирных чукчей искоренить вовсе» // Родина. 1998. № 1. С. 38; *Зуев В. Н.* К вопросу об

Л. В. Черепнин незадолго до своей кончины предостерегал от упрощенных подходов к этой проблеме. «Русское государство — государство феодальное, — писал он, — входя в его состав, многонациональное население страны становилось объектом классовой и национальной политики царизма; ее формы и методы варьировались, менялись, но во всех случаях это была угнетательская, крепостническая политика господствующего класса. Однако, чтобы получить объективный критерий в каждом отдельном случае для ее оценки, полезно сопоставить мероприятия правительства в отношении русского народа и других народов России»[19].

Такие сопоставления проводились с тех пор не раз и приводили к совершенно определенным выводам. Вошедшие в состав России народы, разумеется, подвергались различным видам эксплуатации, страдали от административного произвола, жульничества чиновников и купцов, но, во-первых, в массе своей ничуть не более (а, как в последнее время выясняется, значительно менее), чем русский народ, а во-вторых, при этом ни один этнос, даже самый малочисленный и «непокорный», находясь в составе Российской империи, не повторил, вопреки некоторым расхожим представлениям, судьбу аборигенов Тасмании или Карибского бассейна. В России не отмечены ситуации, когда бы власти организовывали или хотя бы поощряли сгон аборигенов в резервации или умышленное истребление. Даже в «далекой от царя» Сибири, которую все чаще сопоставляют с Америкой[20], премии за скальпы, «чумные одеяла» и тому подобные атрибуты взаимоотношений европейцев и коренных жителей были просто немыслимы. В редконаселенной, «отсталой» России «царизм» был кровно заинтересован в максимальном сохранении численности и платежеспособности реальных и потенциальных налогоплательщиков, в том числе тех, кто добывал пушнину, долгое время выполнявшую в нашей стране функции своеобразной валюты («мягкого золота»).

«Заботливое, хотя и не бескорыстное отношение центрального правительства к инородцам» Сибири считал необходимым отметить еще С. В. Бахрушин[21]. Но естественно, что несмотря на строгие правительственные предписания «не жесточить иноземцев», не продавать им вина, «не пустошить» охотничьих угодий, несмотря на устройство специальных хлебных «магазинов» во время голодовок, улаживание и пресечение междоусобиц и прочие охранительные меры, — несмотря на все это, воздействие отрицательных факторов на жизнь коренного населе-

---

изучении так называемой «чукотской войны» (30—70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 231—237.

[19] *Черепнин Л. В.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. 1975. № 1.

[20] См.: *Васильевский Р. С., Резун Д. Я.* К вопросу о некоторых принципиальных моментах общности процессов колонизации Сибири и Северной Америки в XVII—XVIII вв. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток, 1998. С. 161—170; *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005.

[21] Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 2. С. 79.

ния Северной Азии было в составе Российской империи значительным. На первое место здесь следует поставить инфекционные болезни, которые до контактов с русскими переселенцами не были известны аборигенам. Эпидемии оспы, тифа, распространение сифилиса, а также пьянство наносили самый большой урон сибирским народам, намного превышавший потери от военных столкновений с русскими, тоже, впрочем, для редконаселенного края немалые, неизбежно сопровождавшиеся типичной для тех времен «жесточью». Отнюдь не способствовало росту численности коренного населения и «оскудение» промысловых угодий, происходившее в ходе русской колонизации.

Эти, в общем и целом мало подвластные воле человека, но производившие наиболее сильное впечатление на стороннего наблюдателя, а потому хорошо известные факторы, безусловно, являлись важнейшими причинами сокращения или сильного замедления роста численности ряда сибирских народов — ительменов, юкагиров, эвенков, кетов, манси (вогулов). Печальная судьба отдельных групп аборигенного населения, видимо, и послужила основанием для вывода о «вымирании сибирских народов», основанного в большей степени на эмоциях, чем фактах, но тем не менее весьма популярного в конце XIX— начале XX в. у так называемых областников («сибирских сепаратистов»), а затем и в ранней советской историографии, ориентированной на «разоблачение колониальной политики русского царизма». Однако исследования последних десятилетий показали несостоятельность тезиса о «вымирании» аборигенов Сибири. Оказалось, что его поборники практически не учитывали ассимиляционные и миграционные процессы у коренного населения Северной Азии, которые с ее вхождением в состав России не только не прекратились, но и приобрели новые направления и формы, сохраняя старые. Например, чукчи продолжали теснить и поглощать юкагиров, а якуты — активно расселяться по всей Восточной Сибири вплоть до XIX в., ассимилируя эвенков и эвенов. В местах же массовой крестьянской колонизации происходило слияние некоторых родо-племенных групп с русскими, в то время как в отдаленных северных районах шел обратный процесс — либо «растворения» в «инородческой среде» отдельных (изолированных) групп русского (как правило промыслового) населения, либо появления в результате его смешивания с аборигенами новых субэтнических общностей — колымчан, русскоустьинцев, марковцев, затундренных крестьян, камчадалов.

К заключению о «вымирании инородцев» многие исследователи приходили в результате возведения негативных явлений локального характера в разряд всеобщих, а также проникаясь полным доверием к официальным документам учета ясачных людей, не отражавшим, как оказалось, полной картины из-за все более ширившейся практики сокрытия населения в ясачных волостях. Позже были получены более полные данные (за XVIII—XIX вв.), и они показали, что по Сибири в целом, за исключением сравнительно небольшого числа этносов, ежегодный естественный прирост у коренных народов и русского был близок по своим показа-

телям[22]. Именно поэтому историками и демографами отмечается не сокращение, а рост общей численности аборигенного населения Северной Азии. Если в XVII в. оно насчитывало 200—220 тысяч человек, то на рубеже XIX и XX вв. — около 800 тысяч, а по переписи 1989 г. — свыше полутора миллионов. При этом наиболее крупные сибирские народы — буряты и якуты — увеличили за это время свою численность более чем в 10 раз (соответственно до 421 и 382 тысяч человек)[23]. Такой рост невозможен, если жизнь народов в течение столетий определяют лишь отрицательные факторы. Но если здесь доминировали факторы иного рода, то и последствия вхождения этносов Сибири в состав России для абсолютного их большинства следует признать в целом положительными.

Включение Северной Азии в состав крупного централизованного государства содействовало выводу многих ее народов из многовековой изоляции, установлению на ее территории законности хотя бы в самом элементарном виде, привело вначале к сокращению, а затем и к прекращению внутренних усобиц и к такому ускорению социально-экономического и культурного развития, какое было бы невозможно при сохранении прежних форм хозяйствования и быта. Под воздействием и при содействии русских переселенцев у сибирских аборигенов стали складываться более совершенные приемы земледелия, скотоводства и промыслов, из числа коренных обитателей края все чаще стали выходить «люди торговые и промышленные», а затем появилась и собственная интеллигенция.

Так было, разумеется, не только у народов Сибири. Вряд ли кто сможет аргументированно оспорить тот факт, что достаточно высокий уровень экономического и культурного развития многих народов — башкир, казахов, киргизов и др. — был бы в XX в. невозможен, не окажись они в свое время в составе Российской империи. Даже Фридрих Энгельс при всей своей неприязни к России (выразившейся в том числе в употреблении в ее адрес выражений «подлость», «славянская грязь») вынужден был признать, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[24].

---

[22] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 22; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л., 1968. С. 59; Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 83; *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия, повинности). Томск, 1980. С. 77—96; Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 210; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 62; Югорск. От легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 83—84, 88, 90.

[23] *Долгих Б. О.* Родо-племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 682—700; Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. С. 275—358; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 505; Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

И еще одна сторона проблемы. Как бы в настоящее время народы, входившие в Российскую империю, ни относились к ней, им без грубых фальсификаций и подтасовок не оспорить и тот факт, что при всей сложности взаимоотношений с «имперообразующим этносом» время пребывания в империи было для этих народов самым мирным. Прибалтика, веками представлявшая собой арену кровавых столкновений между сопредельными государствами, попав в состав России, не знала на своей территории войн почти 200 лет. Украина, являвшаяся накануне Переяславской рады полем ожесточенных сражений между казачеством, поляками, татарами и турками, лишь в составе России получила возможность мирного развития хотя бы в своей левобережной части. Излишне говорить в той же связи о Закавказье, где покровительство России помогло таким народам, как армяне и грузины, избежать поголовного физического уничтожения. «Имперский» период их истории оказался, пожалуй, самым мирным и зажиточным.

Есть у этой проблемы и геополитический аспект. Здесь трудно обойтись без сослагательного наклонения, обычно нелюбимого историками, но ими же широко используемого (как правило — «про себя»), когда речь заходит о выяснении значения тех или иных событий для судеб страны или мира, т. е. о многовариантности путей исторического развития. Итак, какой вариант развития событий можно предполагать в том случае, если бы Россия не расширяла свою территорию хотя бы за Урал. Какой бы оказалась без России судьба народов Северной Азии?

По сути дела, как раз на этот вопрос ответил в одном из интервью первый президент Якутии М. Е. Николаев: «Каким бы ни было наше прошлое, мой народ навсегда останется благодарен судьбе, породнившей нас с Россией. Только безумцы могут пойти сегодня на разрыв с Россией, рискуя попасть в зависимость к другому государству. Посудите сами, на территории Российской Федерации от Урала до Дальнего Востока проживает всего 30 миллионов россиян. В сопредельных же с этим регионом странах — 2 миллиарда человек. Мы уже сегодня испытываем на себе демографический прессинг со стороны южных соседей. К нам от них всеми правдами и неправдами уже переселились больше миллиона людей. Природа не терпит пустоты, в том числе и демографической. Что будет, если мы однажды окажемся вне России? Да нас просто сметут как этнос»[25].

Таким образом, при взвешенном, объективном подходе Россию надо признавать не «тюрьмой народов», а фактором, сохраняющим, объединяющим и цивилизирующем народы. И то, что на определенном этапе своей истории она им перестала быть, не «отменяет» этой ее роли в предшествующие исторические периоды.

---

[25] Цит. по: *Владимов С.* Север учит прощать // Мир новостей. 02.09.2000. С. 3.

А. В. Цюрюмов (Элиста)

Институт ханской власти у калмыков XVII—XVIII вв.

Поиск путей становления новой российской государственности предполагает глубокое изучение накопленного исторического опыта становления административно-территориального устройства России. Немаловажное значение здесь имеет изучение национальных форм власти, в том числе и института ханства у калмыков. Как известно, Калмыцкое ханство, чьи вооруженные силы сыграли заметную роль в войнах России, являлось одним из крупнейших национально-государственных образований в составе Российского государства XVII—XVIII вв.

При изучении данного вопроса мы исходим из необходимости учета как традиционного пути политогенеза, так и факторов, обусловленных влиянием России. В современной историографии утвердилось мнение о том, что кочевникам государственная организация как институт власти, форма господства не была внутренне необходимой. Экстенсивная номадная экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагали необходимости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Главная экономическая деятельность кочевого скотоводства осуществлялась внутри небольших хозяйственных групп, объединенных реальными экономическими и кровными связями. Следовательно, для номадов не было нужды в создании мощного бюрократического аппарата государства[1].

Особая природа кочевой государственности определила функциональные характеристики ханской власти, которая обеспечивала достаточно узкий круг вопросов государственного управления: организацию совместных перекочевок, руководство наступательными или оборонительными военными операциями и связанными с ними дипломатическими отношениями, охрану торговых путей, распределение военных трофеев и в меньшей степени поддержание внутреннего порядка, религиозно-культовые отправления, взимание налогов, дани и т. п.

В начале XVII в. калмыцкие улусы подошли к границе русских крепостей в Южной Сибири, где их правители установили посольские связи с местной администрацией. Во второй четверти столетия калмыки тайши Хо-Урлюка начали перекочевку на запад и вытеснили ногаев, заняв междуречье Волги и Яика[2]. Именно здесь началось политическое объединение улусов.

---

[1] *Крадин Н. Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2002; *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVIII — первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981.

[2] Подробно см.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 366, 371—372, 411, 477 и др.

Признаки политической консолидации обозначились во второй половине 30-х — 40-е гг., когда верховная власть сосредотачивается в руках семьи Хо-Урлюка. Процесс образования Калмыцкого государства носил не одномоментный характер. Он произошел за одно-полтора-два десятилетия. Уже в середине XVII в. калмыцкое общество обнаруживало основные признаки формирования государственности. Важнейшим фактором политогенеза у ойратов Центральной Азии явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредствованного воздействия крупных цивилизационных очагов. Ойратское общество прошло в XIII—XVI вв. его начальный этап, поэтому являлось стратифицированным. Калмыки пришли в Россию с определенно сложившимися иерархическими и государственными традициями, зародившимися в ойратский период истории.

В этот период завершилась длительная борьба внутри династии Хо-Урлюка, начиная с 1658 г. Дайчин становится единовластным правителем над всеми волжскими калмыками и присоединенными ногаями. Передача Дайчином власти Мончаку свидетельствовала о наследственном характере власти хана, о возникновении династии. Передача калмыцкого престола осуществлялась не по обычному праву (старейшему в роде), а по завещанию. Порядок наследования власти предполагал передачу власти только по мужской линии от отца к сыну. В результате власть хана стала наследственной, произошло закрепление династии в качестве единственно законной. Предполагалось, что государство — достояние всей ханской семьи. В ханстве утвердилась семейная система наследования престола.

В середине XVII в. на основе уже существующих традиций формируется титулатура правителей Калмыцкого ханства, которые до этого именовались термином «тайша», производного от китайского «тайцзы» — «царевич». Необходимость выстраивать иерархические отношения с главами подчиненных объединений — такими же тайшами и ногайскими мурзами — предопределила присвоение титулатуры верховных правителей крупных государств Центральной Азии, по традиции носивших титул «хана». По сообщению летописца Габан-Шараба, Далай-лама прислал Дайчину грамоту и печать на ханское достоинство, но он в силу неизвестных причин не решился принять их и отослал обратно[3]. Получение титула «хана» от Далай-ламы является фактом освящения права на правление. Таким образом, происходила сакрализация ханской власти, тем более необходимая, поскольку калмыки жили вдали от религиозного центра — Тибета. Получение ханом регалий от Далай-ламы говорило не столько о религиозности хана, сколько о подтверждении духовным авторитетом права на правление, в том числе и над ламами. Хан становился представителем Далай-ламы и защитником учения[4].

В Калмыцких делах РГАДА имеются калмыцкие письма, в которых Дайчин значится ханом, в русском переводе — «государем и калмыцким обладателем»,

---

[3] Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 2003. С. 92.

[4] *Китинов Б. У.* Светская и духовная власть у ойратов и калмыков в 17 — середине 18 в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2000. № 4. С. 94—95.

«ево величеством калмыцким и татарским самодержцем и многих людей государем и обладателем». Внимание привлекают следующие обращения Дайчина к царю: «Вы, белый хан, повелеваете в добром здравии, здесь же я, Дайчин хан и вместе мы, два хана, пребываем в добром здравии»[5].

Становление государственности сопровождалось записью норм обычного права и обычаев в Монголо-ойратских законах 1640 г. и закреплением в законодательстве многих положений формирующейся государственной власти. Произошла определенная трансформация традиционных взглядов на персону правителя, выделение его персоны из массы соплеменников. Ряд «злоумышлений» против правителя трактуется как государственная измена и карается смертной казнью, отдельные статьи законов свидетельствуют об узурпации функции правосудия правителем формирующейся государственной власти. В Монголо-ойратских законах особое награждение предусматривалось за спасение жизни правителя во время войны, максимальным штрафом наказывались виновные в оскорблении главного князя, в нарушении обеспечения его продовольствием[6]. Это свидетельствует об обособлении статуса правителя, связанном с формированием представлений о правителе как носителе верховной власти. Это проявляется в первую очередь в ужесточении санкций при покушении на личность или имущество правителя, что хорошо иллюстрируют правовые памятники раннего европейского средневековья.

Судьбоносное значение имело для ханства принятие буддизма в качестве государственной религии. В 1645 г. к торгоутам прибыл представитель Тибета Зая-Пандита[7]. Это событие стало официальным провозглашением ламаизма религией ойратов. Религиозная реформа оказала на калмыцкую общность консолидирующее влияние. Зая-Пандита и другие иерархи неоднократно выступали посредниками в межойратских переговорах. При этом сама церковь становится важнейшим субъектом управления, непосредственно вмешиваясь в дела светской власти. Духовная элита оказывала большое влияние на тайшей для мирного разрешения междоусобиц, внутренних противоречий и волнений. Буддизм определял духовные основы развития государственного управления, права и правосознания. Это, по сути, было еще одним проявлением начала процесса государственного становления.

Нужно сказать, что русское правительство достаточно спокойно отнеслось к процессу политической консолидации улусов, понимая, что единая власть над кочевниками способствовала более быстрому урегулированию взаимоотношений с кочевниками. Российскому правительству в процессе освоения Сибири необходимо было прикрыть свои тылы в Приуралье, обезопасив границы от набегов. Поэтому для создания реальных, необходимых предпосылок укрепления своих позиций в

---

[5] *Кичиков М. Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 113, 118—119.

[6] Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями Голстунского К. Ф. СПб., 1880.

[7] Лунный свет. С. 169.

междуречье Волги и Яика российская сторона была заинтересована в ведении переговоров с главным правителем калмыков. Москва старалась установить посольские контакты именно с Дайчином, а затем с его сыном Мончаком, выделяя их как главных участников процесса установления отношений. При этом российские власти сохраняли за национальной элитой все привилегии, в первую очередь — в вопросах собственности и власти.

В начале 50-х гг. российские власти проявили интерес к использованию военных ресурсов Калмыкии в войне с Польшей. Во второй половине столетия Россия пыталась опереться на исторически сложившуюся национальную элиту, превратив ее в важный инструмент дальнейшей территориальной экспансии в кавказско-причерноморском регионе и усмирения национальных движений в Поволжье. За верную службу предполагалось материальное содержание элиты в форме жалования, а также военных трофеев. Шерти (присяги) 1655 и 1657 гг. разрешали калмыкам кочевать на крымской стороне Волги, 1661 г. — уже в Придонье. В результате в 50—60-е гг. XVII в. произошел процесс окончательного вхождения калмыков в состав Русского государства. Юридически вхождение калмыков было оформлено в 1607—1608 гг., а фактически состоялось в середине XVII в.

В политике России в эти годы наметилась важная черта — заинтересованность в откочевке ряда улусов на Дон. Об этом свидетельствуют откочевки на Дон тайшей Дугара и Бока, затем дербетских тайшей. Этот курс, естественно, не способствовал укреплению калмыцкой государственности, ограничивал ханскую власть, являясь наряду с внутренними причинами внешним фактором дестабилизации социально-политической обстановки. Особое положение Дербетского улуса, фактически являвшегося отдельным уделом, подчинявшимся хану только в вопросах военной службы, свидетельствует, что административное устройство ханства имело специфические черты децентрализации. Тенденция к централизации и присоединению к торгоутскому ядру усиливалась, когда на Дону начинались конфликты с казаками.

На рубеже XVII—XVIII вв. завершилось формирование улусной системы. Процесс этот проходил по законам эволюции традиционного общества и не подвергался первоначально влиянию России. Основная масса калмыцких улусов была распределена между ханом Аюкой и его ближайшим окружением. Еще в 1694 г. хан заявлял, что под его властью «больших и малых тритцать владетелей, которые своими улусами при мне владеют»[8]. В эти годы было покончено с сепаратизмом племенных тайшей, а Аюка отдал крупнейшие улусы своим сыновьям, составившим основу ханской династии, особого государственного элитного слоя, пришедшего на смену родовой аристократии.

В 1701 году против хана Аюки его сыновья и ряд крупных нойонов подняли мятеж, который был подавлен в результате вмешательства России. Главным итогом событий 1701 г. стало разрушение традиционной политико-правовой системы, основанной на власти предводителей улусов — тайшей, и создание новой улусной

[8] *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII—XVIII вв. Элиста, 1993. С. 170.

системы. Терминологическим выражением ее крушения стало исчезновение древнего термина «тайша», правители улусов именовались теперь титулами «нойон». Сам Аюка именовался «халимагиин нойон хан», что можно перевести как «хан калмыцких нойонов»[9].

Завершал создание новой улусной системы конфликт из-за раздела Зюновского улуса умершего старшего ханского сына Чакдорджаба. Раздел его стал первым шагом в укреплении нового наследника ханской власти. Но активное вмешательство Астраханского губернатора А. П. Волынского не позволило хану провести полностью раздел улуса по «традиционной» схеме. Это событие ознаменовало первые шаги в ограничении власти калмыцкого хана.

Для автономии Калмыкии было характерно отсутствие официального конституционного статуса. Сохранялось традиционное административное устройство, при котором административная и судебная власть сосредотачивалась в руках ханов, тайшей и нойонов . Ханы Калмыкии сохраняли возможность самостоятельного решения вопросов управления территорией кочевий и обществом. Хан осуществлял полный контроль над аппаратом управления, представленным исключительно национальным чиновничеством. До 2-ой четв. XVIII в. сохранялось право на собственное законодательство. В ханстве функционировала национальная налоговая система.

Вопросы земельной собственности и контроля над природными ресурсами и недрами относились к наиболее острым, и власть автономии в этих вопросах оставалась ограниченной. Калмыцкая автономия не имела собственных, отдельных от центрального правительства полномочий в сфере установления таможенных тарифов, хотя право устанавливать и собирать местный налог принадлежало местной власти.

Открытое вмешательство России со второй четверти XVIII в. во внутренние дела ханства было связано с выбором наследника престола. После смерти Аюки в 1724 г. новый правитель Церен-Дондука (1724—1735) был утвержден российским императором. Сначала он получил временный статус наместника, только затем утверждался в качестве хана. Трансформация института ханской власти происходила за счет установления правительственного надзора в лице состоящего при калмыцких делах при астраханском губернаторе. В ходе феодальной войны строгий контроль установился не только над ханом, но и над нойонством и даже зайсанством. Местная законодательная власть со второй четверти XVIII в. передала часть своих функций центральной, оказавшись наделенной так называемой остаточной властью. У центрального правительства оказалось право вето по отношению к местным законодательным и исполнительным властям.

Значительное сужение властных функций хана произошло и в сфере внешней политики. Он не мог, в частности, без согласования с российским правительством вступать в связи с соседними государствами и народами. Ограниченность суверe-

---

[9] Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1.1723. Д. 16. Л. 27 об.

нитета Калмыкии проявлялась в необходимости наместнику координировать свою деятельность с центральными ведомствами империи.

В 20-е гг. в ханстве усиливаются центробежные процессы, связанные с расколом ханской династии на несколько самостоятельных ветвей. Бессилие хана, его стремление подчиняться губернским властям свидетельствовали об упадке власти наместника. Политическая система ханства приобретает полицентричный характер при сохранении символического значения власти наместника, обладание которой становится лишь формальным признаком «старшинства» в династии Аюки. Церен-Дондук, обладая высшими административными, судебными, военными и законодательными полномочиями, имел домен по размерам сравнимый с владениями ряда нойонов. Это обстоятельство способствовало непрекращавшейся борьбе монархической и олигархической тенденций.

В первой половине десятилетия значительная часть улусов откочевала на Кубань. Лишь в 1735 г. был сделан первый и главный шаг для преодоления, прежде всего, политического кризиса Калмыцкого ханства. Стабилизация политической обстановки не могла произойти без участия России. Поворот, произошедший в ее политике, положил конец наиболее крупному в истории ханства столкновению нойонов.

В под правления Дондук-Омбо (1735—1741) была достигнута не просто политическая стабилизация, а восстановление и укрепление основ кочевой государственности, сравнимой разве что с временами хана Аюки. Наметился обратный процесс расширения сферы власти хана. Новый престолонаследный кризис начался после смерти этого хана. На этот раз позиция России в вопросе о новом правителе ханства (поддержка нойона Дондук-Даши) способствовала скорейшему преодолению кризиса.

В середине века окончательно установилась практика прямого назначения калмыцкого правителя правительством России наиболее лояльного из всех нойонов Дондук-Даши (1741—1761), а затем его сына Убаши (1761—1771).

Решение престолонаследного вопроса предопределило характер власти наместника, полностью подчинившегося губернатору. Основным в урегулировании статуса нового правителя становился вопрос об улусах, который был вызван необходимостью преодолеть последствия длительных усобиц. Уже в это время вновь проявилась двойственность политики правительства России по отношению к Калмыцкому ханству. Опасаясь чрезмерного усиления власти наместника, правительство не спешило подчинить ему все улусы. Дондук-Даши неоднократно жаловался, что они внутри улусов нойоны «чинят великие непорядки», а когда он пытается их удержать, они его не слушаются, заявляя, что своими подвластными будут управлять по собственному усмотрению. С другой стороны, правительство стремилось выделить наместника на фоне других владельцев. Причем делало это путем вмешательства губернатора в процесс создания новой улусной системы. Здесь мы видим новую особенность — вопрос о судьбе того или иного улуса решался не в ханской ставке, а в Астрахани губернатором после ходатайства намес-

тника, а затем утверждался в Петербурге. В результате впервые решение вопроса об улусах не вызвало крупных столкновений между нойонами. По сути, в эти годы произошло включение института наместничества в систему административного управления губернией.

С середины века российское правительство задумывает ряд реформ, цель которых — сокращение сферы суверенитета калмыцких ханов, формирование общеимперских органов управления, введение российского или близкого по содержанию к нему законодательства. Общий характер этих изменений свидетельствует о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию империи на правах административной автономии.

Царское правительство старалось проявлять определенную гибкость в своей административной политике в национальных регионах страны. Вопреки довольно распространенному мнению, ставка делалась не только и не столько на военную силу, а прежде всего на правовое регулирование местной системы управления. В 50-е гг. были утверждены законы Дондук-Даши, в которых прослеживается стремление России привести их в соответствие с имперским законодательством.

Попытки ввести элементы российского законодательства свидетельствуют об отсутствии в политике России стремления во что бы то ни стало упразднить автономию ханства, немедленно привести их «к общероссийскому знаменателю». Российская империя продолжала придерживаться осторожной политики. С 40-х гг. государство выступает в отношении калмыков не столько как политический институт, сколько — как институт экономики, становясь все более «хозяйствующим субъектом», видя в калмыках объект экономической эксплуатации. До этого времени главной целью было обеспечение безопасности в регионе, теперь — социально-экономическая интеграция.

В начале правления хана Убаши в результате реформы 1762 г. властные функции правителя были ограничены Зарго, превратившегося в орган сословного представительства. Причем члены его назначались, а не выбирались. Из органа, подчинявшегося непосредственно хану (наместнику), он превратился в общегосударственный орган, в котором были пропорционально представлены все крупные нойонские владения, часть из которых не входила в ханский домен. В итоге правитель потерял значительный объем судебной власти, получив равный по статусу представительный орган власти. С правлением Убаши связан особый этап становления монархии с сословным представительством.

Изменения в структуре управления ханством, связанные с реформой Зарго, определялись целенаправленной политикой царского правительства, которое стремилось максимально приблизить ее к губернской. Реформа отвечала интересам российского абсолютизма и стала наиболее важным шагом в политике России после изменения системы назначения калмыцких наместников. При этом реформа не предполагала еще большее использование общегосударственного законодательства, а также отмену института наместничества.

В середине века мы отмечаем кризис в системе русско-калмыцких отношений, выражавшийся в вопросах престолонаследия и трансформации института ханской власти, а также в вопросах возвращения крещенных калмыков, осуществлении контроля за внешней политикой ханства. Эти проблемы затронули интересы калмыцких ханов (наместников) и нойонов. Русско-калмыцкие политические противоречия были связаны с попытками российского абсолютизма реформировать традиционные государственно-политические институты Калмыкии, поставить их под свой контроль и даже управление.

А. В. Мацук (Минск)

Контакты магнатов Великого княжества Литовского с российской политической элитой в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII века

На протяжении 20-х гг. XVIII в. количество контактов магнатов Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) с российской политической элитой постоянно росло. В первую очередь, это было связано с их стремлением найти поддержку извне в борьбе против короля Августа II, что обычно совпадало с целями политики русских властей в Речи Посполитой — поддерживать и поощрять антикоролевскую оппозицию. Ведущую роль в таких контактах в ВКЛ играли магнатские роды Сапег, Огинских и Поцеев. Представители этих родов установили связи с российской правящей элитой еще во времена Великой Северной войны (1700—1721 гг.). Они не только использовали российскую помощь против Августа II, но нередко сами становились инициаторами российского вмешательства в свои конфликты с королем Речи Посполитой. Причем случалось, что Россия пользовалась ими в качестве орудия давления для получения должностей у Августа II (как в случае угрозы ввода российских войск в 1728 г., если король не даст должности великого гетмана ВКЛ Мартину Огинскому в случае смерти Людвига Поцея)[1]. Одновременно для противодействия королю Августу II они использовали и помощь соперницы России — Франции, что делало их ненадежными российскими помощниками в случае конфликта России с Францией.

Наибольшую роль среди пророссийски настроенных магнатов ВКЛ играл Ян Казимир Сапега. Бывший шведский сторонник и великий гетман ВКЛ при Станиславе Лещинском, он установил контакты с российским правительством через российского посла Григория Долгорукого еще в 1719 г. В том же 1719 г. и с той же просьбой Сапега отправил в Россию своего сторонника равского старосту Грудзинского[2]. Российское правительство проявило сдержанность, так как не хотело портить отношения со своими давними сторонниками в ВКЛ и противниками Сапеги гетманами ВКЛ Людвигом Поцеем и Станиславом Дэнгофом. Российские власти сразу же поставили их в известность об этих контактах, одновременно обещая не поддерживать стремлений Сапеги стать гетманом ВКЛ. Поцей и Дэнгоф в свою очередь сообщили, что не видят никакой угрозы себе из-за контактов Сапеги с Россией[3]. Такая позиция российского правительства не содействовала

---

[1] *Rostworowski E.* O polska korone. Polityka Francji w latach 1725—1733. Wrocław; Kraków, 1958. S. 176.

[2] *Kosińska U.* Rosyjskie plany wywołania antykrólewskiej konfederacji i detronizacji Augusta II w 1719 r. // Kwartalnik historyczny. 1999. Z. 3. S. 65.

[3] Ibid. S. 55.

продолжению контактов с Сапегой. Удачнее развивались контакты Яна Казимира с представителями российской элиты. В 1720 году Сапега отправил своего сына Петра в Петербург[4]. Тот долгое время гостил во дворце Александра Меншикова[5]. Это, безусловно, укрепило связи отца и сына с Меншиковым. Сапега стал помогать Меншикову в его планах овладеть в ВКЛ Дубровенским графством (на него претендовали и сами Сапеги), имением Горы-Горки, он поддерживал его претензии на должность оршанского гродского старосты[6]. К тому же времени и относятся первые планы женитьбы Петра Сапеги на дочке Александра Меншикова Марии[7].

Смерть Петра I и воцарение Екатерины I усилили позиции Александра Меншикова. Он приглашает в 1725 г. Яна Казимира в Петербург с целью обсудить вопрос о выдаче своей дочери Марии замуж за его сына Петра. Но главной целью было его желание получить поддержку всего рода Сапег в занятии трона Курляндского герцогства (оно находилось в ленной зависимости от Речи Посполитой). Для обсуждения условий планируемого союза 2 марта Ян Казимир, Антоний Казимир и Петр Сапега со свитой прибыли во дворец Меншикова в Петербурге[8]. (По мнению В. Грицкевича, Сапеги были в Петербурге позже — с 19 декабря 1725 г. по 23 марта 1726 г.)[9]

В Петербурге Сапеги встретили радушный прием со стороны российской элиты. Это во многом объяснялось тем, что Сапеги воспринимались в Петербурге не как сторонники Лещинского, а как противники Августа II[10]. Содействовал этому и сам Ян Казимир, когда подал императрице Екатерине I меморандум, в котором обвинил короля Августа II в действиях, нарушающих права Речи Посполитой, в частности, в стремлении провозгласить королевича наследником престола[11]. Интересно, что в то же время он заявил французскому послу Я. Кампредону, что «приязненно относится к интересам короля Станислава и использует все свое влияние

---

[4] Polski Slownik Biograficzny. T. XXX. Z. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łodz, 1987. S. 10; Dom Sapieżynski. Warszawa: PWN, 1995. S. 418.

[5] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 55.

[6] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 920. Л. 189. Меншиков, несмотря на то что Крышпин имел привилей на занятие оршанского старостваа, получил такой же, но не совершил въезда на старостваа. В ситуации нарастания конфликта с Россией королевский двор Речи Посполитой поддержал Юрия Крышпина Кирштэйна. Против права Меншикова занимать должность оршанского старосты и в защиту прав Юрия Крышпина Кирштэйна выступила на некоторых сеймиках и шляхта (НГАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Справа 8. Арк. 506).

[7] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 5—7.

[8] *Kriegseisen W.* Diariusz Petersburskiej podróży Jana i Piotra Sapiehów z 1726 roku // Wiek Oswieccnia. Warszawa, 1993. № IX. S. 57.

[9] *Грицкевич В.* В летопись Петербурга // Нева. 1983. № 7. С. 206.

[10] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 81.

[11] Polski Slownik Biograficzny. T. XXX. Z. 2. S. 10; Dom Sapieżynski. S. 419; *Rostworowski E.* O polska korone. S. 55.

для недопущения российско-австрийского союза»[12]. Надо заметить, что эти действия Сапеги характеризуют позицию антикоролевской оппозиции в ВКЛ, которая одновременно поддерживала контакты и с Россией, и с Францией, несмотря на их противостояние на международной арене.

Одновременно Ян Казимир был фактически инициатором выработки солидарной позиции большинства представителей рода Сапег в поддержку планов Меншикова в отношении Курляндского герцогства. Так, Юрий Фелициан Сапега предупреждал о намерениях королевских сторонников в Речи Посполитой: поддержав Морица Саксонского (незаконорожденного сына Августа II, претендента на Курляндское герцогство), вынудить Меншикова самого публично объявить о своих претензиях на Курляндию[13]. Сапеги советовали Меншикову оспорить в первую очередь избрание Морица курляндским герцогом в Трибунале ВКЛ, обещая поддержку оппозиционных королю магнатов. Взамен они просили о протекции в российском дворе одному из них, троцкому воеводе Казимиру Огинскому[14].

Ян Казимир помогал Меншикову в реализации его курляндских планов не только в ВКЛ, но и в России. 18 марта 1726 г. Сапега провел «некоторую конференцию» с советником герцога Голштинского[15]. По нашему мнению, уже высказанному в печати, конференция, скорее всего, касалась среди иных вопросов планов Меншикова занять курляндский трон[16]. О попытке Меншикова через Сапегу добиться разрешения царицы на реализацию своих планов в отношении Курляндии сообщал в реляции от 13 апреля 1726 г. (когда Сапега уже выехал из Петербурга) королю Фридриху Вильгельму прусский посол А. Мардефельд. Маневр не удался. Царица в разговоре с голштинским герцогом отвергла любую возможность осуществления подобных замыслов[17].

Неудача в делах Меншикова не помешала дальнейшему укреплению позиций Сапег при императорском дворе в Петербурге. 22 марта 1726 г. Ян Казимир получил от императрицы должность генерального фельдмаршала с годовой пенсией в «120 000 московских злотых»[18]. Саксонский посол Ле Форт считал, что Сапега получил должность фельдмаршала для «новых милостей со стороны Августа II по протекции императрицы и голштинского герцога»[19]. Подобные предложения дела-

---

[12] Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24. С. 288.

[13] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 920. Л. 182.

[14] Там же. Л. 183.

[15] *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII века. СПб., 1998. С. 199.

[16] *Мацук А.* Роль Яна Сапеги в общественно-политических процессах в Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в первой половине XVIII века // Victoria. Gloria. Fama. Т. 3. СПб., 2003. С. 44.

[17] Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 310.

[18] Библиотека Львовского университета. Ф. Баваровских. 50472. Л. 10; *Беспятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 202.

[19] Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 436.

лись Августу II и со стороны Меншикова[20]. Примерно к этому времени относится появление невероятных слухов о планах Екатерины I посадить на трон Курляндии Петра Сапегу, а королем Речи Посполитой сделать его отца Яна Казимира[21]. Причем позднее о существовании плана сделать старшего Сапегу королем Речи Посполитой упоминает прусский посол А. Мардефельд, но приписывает это желание Меншикову, который якобы собирался так поступить, став российским царем[22]. Имеющихся слухов не достаточно, чтобы определить, имел ли Ян Казимир королевские амбиции. Известно, что Ян Казимир видел будущим королем Станислава Лещинского. Возможно, что его кандидатура как пророссийского сторонника и рассматривалась в Петербурге, где были очень недовольны политикой Августа II и не хотели допустить закрепления на троне Речи Посполитой династии саксонских курфюрстов Веттинов.

Для Сапег укрепление позиций на царском дворе и среди российской правящей элиты означало и усиление их положения среди антикоролевской оппозиции и шляхты ВКЛ. Не зря саксонский посол в Петербурге Ле Форт с беспокойством писал Августу II об усилении позиций Сапег среди российской элиты. Тесные контакты Сапег с Меншиковым стали началом их вхождения в российскую правящую элиту. В дальнейшем даже после разрыва с Александром Меншиковым Ян Казимир удержался на ведущих ролях в императорском дворе в Петербурге. В немалой степени этому поспособствовали контакты старшего Сапеги и его сына Петра с представителями российской правящей элиты. Петр оказался даже в кругу наиболее приближенных лиц к Екатерине I, которая определила ему будущей женой свою родственницу, Софью Скавронскую. Согласно реляции датского посла Я. Вестфалена, Екатерина I, сорвав свадьбу Петра с Марией Меншиковой, сделала его своим фаворитом[23]. Как фаворит царицы Петр Сапега получил соболиную шубу и 6000 рублей, а его отец шубу и 1800 дукатов[24]. Смерть Екатерины I завершила пребывание Петра Сапеги в роли фаворита.

О росте влияния Сапег тогда в России говорят слухи о том, что в случае смерти Августа II российская царица предоставит Яну Сапеге 20 тысяч солдат для занятия им польского трона[25]. Пока же предполагалось, что Ян Казимир будет командующим вспомогательного корпуса российских войск для помощи Австрии в Германии (в Ганновере). Однако из-за противодействия российского генералитета это назначение не состоялось[26].

Не ослабила сразу позиций Яна Казимира при российском дворе и смерть Екатерины I. На заседании Верховного Тайного совета, где еще раз читалось завеща-

---

[20] РГАДА. Ф. 198.
[21] Сб. РИО. Т. 24. С. 515, 521, 527, 532, 543.
[22] Сб. РИО. Т. 15. С. 323.
[23] Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 26. С. 83.
[24] Сб. РИО. Т. 3. С. 464.
[25] Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 64. С. 543.
[26] Polski Slownik Biograficzny. T. XXX. Z. 2. S. 419.

ние Екатерины I о престолонаследии, присутствовал и Сапега[27]. Петр Сапега при поддержке нового императора Петра II женился на Софье Скавронской[28], так что Сапеги ко всему прочему оказались связанными с российской элитой брачными узами.

Сапегам удалось избежать опалы в правление Петра II вместе со своим бывшим протектором при российском дворе Александром Меншиковым. Более того, Петр Сапега на некоторое время оказывается в кругу наиболее близких лиц к Петру II. Тогда укрепились позиции Яна Казимира Сапеги: он принимал участие в совете царской семьи, заседаниях Высшего Тайного Совета, Сената, Синода, в торжествах по случаю коронации Петра II. Он был назначен Петром II на во многом ключевую должность генерал-губернатора Петербурга[29].

Однако каким был быстрым взлет, таким же неожиданно быстрым было и падение роли Сапег при царском дворе. Уже в конце 1727 г. назначение Сапеги генерал-губернатором осталось фактически нереализованным по ряду причин[30]. А в 1728 г. Ян Казимир Сапега выехал из России в Речь Посполитую. Были сведения, что он отправился в свои владения в Великопольше из-за плохого здоровья[31]. Куда более вероятными кажутся сведения, что он был выслан Петром II с миссией докладывать о том, что делается в Речи Посполитой в связи с возможной смертью Августа II: «слушать и доносить, что делается в Польше в связи с наследованием трона»[32]. Деятельность Сапеги на посольских сеймиках весной 1728 года была не слишком удачной. Его целью было избрание депутатом на сейм Речи Посполитой своего троюродного брата Антония Казимира и выдвижение его в дальнейшем на пост маршалка сейма. Однако план не был осуществлен[33]. Адъютантом при Яне Казимире был послан майор Юрий Ливен, который должен был следить за Сапегой, так как в Петербурге подозревали, что тот «может руководствоваться скорее своей склонностью к Станиславу, чем интересами противной тому России»[34].

Когда в России стало известно, что Сапега в Речи Посполитой деятельно поддерживает кандидутуру Станислава Лещинского, то решено было срочно отозвать его. Однако он воспротивился и остался в Речи Посполитой на сейм 1729 года в Гродно. Именно тогда он устанавливает постоянный контакт с французским послом Антонием Феликсом Монти[35] и сам вступает в переписку с руководителем

---

[27] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 10. Т. 19—20. М., 1993. С. 79.

[28] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 3—4, 12; Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 171. Л. 1—2.

[29] Sapiehowie. Materjały historyczne-genealogiczne i majatkowe. T. 3. Petersburg, 1890. S. 136; *Беспятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 202; Polski Slownik Biograficzny. T. XXX. Z. 2. S. 10.

[30] *Kriegseisen W.* Diariusz Petersburskiej podróży Jana i Piotra Sapiehów z 1726 roku. S. 62; Сб. РИО. Т. 64. С. 513.

[31] Sapiehowie. Materjały historyczne-genealogiczne i majatkowe. S. 136.

[32] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 149.

[33] Polski Slownik Biograficzny. T. XXX. Z. 2. S. 10; Dom Sapieżynski. S. 419.

[34] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 149.

[35] Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 26. С. 279.

политики Франции кардиналом А. Флери[36]. В одном из разговоров с французским послом Монти Сапега утверждал, что Россия не будет против кандидатуры Лещинского на трон Речи Посполитой, если тот даст гарантии не действовать вместе со Швецией против российских интересов. Интересно, что подобное говорил Монти и российский посол в Речи Посполитой Михаил Бестужев[37]. Это наталкивает на мысль о том, что Ян Казимир говорил о возможной поддержке Россией Лещинского, видимо исходя из позиции какой-то группы российских сановников.

С восхождением на престол Анны Иоановны Сапега предпринял попытку восстановить свое влияние в Петербурге, подкупив Андрея Остермана. Однако насколько это оказалось успешным, неизвестно, так как именно в этот момент Сапега умирает[38].

Таким образом, в восприятии магнатского рода Сапег происходит трансформация образа России от враждебного государства, которое поддерживает сапежинских соперников в Речи Посполитой, до союзника против короля Августа II. Во многом такая трансформация была вызвана примирением со своими соперниками и российскими союзниками в Речи Посполитой (Поцеями, Огинскими и Вишневецкими) и контактами с представителями российской элиты (в первую очередь, с Александром Меншиковым). Одновременно Сапеги не только установили контакты с российской элитой, но и сами постепенно интегрировались в ее ряды, что помогло им удержаться на ведущих ролях после падения Меншикова и даже в чем-то упрочить свои позиции.

После смерти Яна Казимира род Сапег продолжал поддерживать контакты с российским двором, но значительно менее активно, нежели ранее. Большую активность проявляли их союзники Огинские. Виленский воевода Казимир Огинский вел обширную переписку с российской императрицей Анной Иоановной, прося о протекции для его рода[39]. Такие же просьбы посылала и его жена Элеонора, используя знакомство своей дочери Елены с Анной Иоановной, когда последняя была еще курляндской герцогиней[40]. Однако интенсивность этих контактов была не сравнима с аналогичной деятельностью Яна Казимира Сапеги. Его смерть, смерть Людвига Поцея не только сократили контакты с российской правящей элитой, но содействовали победе среди магнатов ВКЛ профранцузской партии, которая, однако, не собиралась порывать с Россией.

В дальнейших контактах магнатов ВКЛ с Россией заметную роль зыграли Криштоф Урбанович, Юрий Ливен и Франтишек Даревский — выходцы из Речи Посполитой, находившиеся на российской службе. Их взгляды и оценки ситуации в России, российской элиты оказали значительное влияние на формирование позиции бывших сторонников Лещинского, их переход на российскую службу. При

---

[36] *Мацук А.* Роль Яна Сапеги... С. 45.
[37] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 150.
[38] *Мацук А.* Роль Яна Сапеги... С. 45.
[39] РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—2.
[40] РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 64. Л. 1—2.

российском дворе они являлись сторонниками союза России и Франции. Очень часто сложно было сказать, кому они реально служат. Так, Даревский был бывшим адъютантом Меншикова, он содействовал установлению контактов патрона с магнатами ВКЛ — активными участниками антикоролевской оппозиции[41]. Это ввело Даревского в круг сторонников Станислава Лещинского в Речи Посполитой. В конце 1729 г. он прибыл к Лещинскому во Францию вместе с сыном казацкого гетмана Филиппа Орлика Григорием от имени оппозиции королевской власти в ВКЛ. В январе 1730 г. он передал Лещинскому меморандум, составленный великим гетманом ВКЛ Людвигом Поцеем, витебским воеводой Мартином Огинским, смоленским епископом Богуславом Гасевским и другими магнатами. В нем лидеры оппозиции обещали в случае смерти Августа II образовать конфедерацию в поддержку Лещинского[42]. Одновременно он информировал Лещинского и о переговорах оппозиции с Россией. Так, Даревский представил копию инструкции, составленную великим гетманом ВКЛ Л. Поцеем, витебским воеводой М. Огинским, смоленским епископом Богуславом Гасевским и Карпом для их посланника в Москву Урбановича. В ней они подняли вопрос о реконфедерации в том случае, если Август II образует конфедерацию для избрания его сына[43].

Лещинский задержал Даревского у себя на службе. Вскоре, узнав лучше его «злой характер и жадность», хотел даже его арестовать. Тогда Даревский добровольно выехал в Речь Посполитую, получив в дорогу 1000 экю и золотую табакерку. Прибывши в марте 1731 г. в Варшаву, он начал разносить слухи о жадности Лещинского, который не наградил его и отказался принять во французскую службу родственника Урбановича. Мало того, утверждал, что Лещинский поддерживает в Речи Посполитой только Станислава Понятовского, последовательного сторонника Августа II и ярого противника антикоролевской магнатской оппозиции ВКЛ[44]. Видимо, такие сведения, по его мысли, должны были настроить магнатов ВКЛ против Лещинского.

Параллельно Даревский пытался выдать планы антикоролевской оппозиции Августу II. Тот, однако, отказался даже его принять. Именно тогда Даревский поступил на российскую службу[45]. Он выдает российским властям контакты Лещинского с магнатами в Речи Посполитой. Предав Лещинского, Даревский, однако, остается верен его сторонникам из числа магнатов ВКЛ, которые одновременно были и сторонниками России, он продолжал действовать в интересах Сапег. Так, он сообщал мерецкому старосте Антонию Казимиру Сапеге, что российский посол Левенвольдэ оставляет его в Речи Посполитой и поэтому он готов и дальше служить интересам этого магнатского рода[46]. Позднее Даревского назначили

---

[41] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 144.
[42] Ibid. S. 162, 176.
[43] Ibid. S. 177—178.
[44] Ibid. S. 216.
[45] Ibid.
[46] LMAB. F. 139, 1371. K. 2, 5.

российским представителем в ВКЛ, на этом посту он содействовал укреплению контактов Сапег с Россией[47].

Главным лидером сторонников С. Лещинского в России был Криштоф Урбанович. Его рекомендовал на российскую службу Ян Казимир Сапега. Он считал, что наибольшую пользу для Петра I Криштоф Урбанович может принести в «польских интересах»[48].

Во время Северной войны Урбанович прославился своей службой в шведских войсках и являлся одним из активнейших сторонников Лещинского. Это не помешало ему в дальнейшем поступить на российскую службу. Сам Лещинский был рад этому. В письме от 25 мая 1725 г. он писал Урбановичу: «Не могло мне ничего полезнейшего встретится как то, что ты в той службе и на том месте, где можешь много учинить пользы… Не может быть до того лучшего случая как при теперешних конъюктурах…»[49] Для Лещинского наиболее важной в тот момент виделась поддержка самого влиятельного российского вельможи Александра Меншикова и он просил Урбановича: «князю Мостю Меншикову прошу кланяться и залецаць интересы мои»[50]. Меншикову же рекомендовал Урбановича тот же Ян Казимир Сапега, который подчеркнул его родство через жену с Сапегами[51]. Урбанович не просто был вхож к Меншикову, но и был его доверенным лицом в некоторых делах, касающихся Речи Посполитой. Так, он посредничал в переговорах Меншикова с бобруйским старостой Яном Сапегой о женитьбе сына последнего Петра на Марии Меншиковой[52]. Безусловно, он принимал участие и в попытках Меншикова с помощью Сапег и других своих сторонников в Речи Посполитой стать курляндским герцогом. Точно известно, что через Урбановича Меншиков поддерживал контакты в этом деле с надворным маршалком ВКЛ Павлом Сангушкой[53] и Яном Плятэром[54]. Однако в первую очередь Криштоф Урбанович был связан в Речи Посполитой с Сапегами. Поэтому его интересам соответствовало сближение его российского покровителя (А. Меншикова) с Сапегами. Это давало возможность ему быть полезным одновременно и Меншикову, и Сапегам.

Одновременно Урбанович вместе с Яном Казимиром Сапегой предпринимал некоторые шаги в интересах Станислава Лещинского. В марте 1726 г. обещали французскому послу в Петербурге Кампредону действовать в пользу Лещинского[55]. Для антикоролевской оппозиции в ВКЛ именно Урбанович был человеком,

---

[47] *Maciuk A.* Szlachta województwa nowogródzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 roku // Przegląd historyczny. 2005. № 1. S. 50; *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 390.

[48] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 920. Л. 104.

[49] *Rostworowski E.* O polska korone… S. 53.

[50] Ibid. S. 53.

[51] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 920. Л. 104.

[52] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 920. Л. 156, 157.

[53] Archiwum Państwowy na Wawelu, Archiwum Sanguszków, teki korespondencji 6, k. 950.

[54] LMAB. F. 198. D. 40, l. 2.

[55] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 55.

который постоянно мог представлять их интересы при императорском дворе. В дальнейшем Урбанович сотрудничал и с новым французским представителем в России Маньяном. Одновременно он установил контакт и с французским послом в Речи Посполитой Монти, с которым даже оговаривал некоторые из своих действий в Петербурге в интересах Лещинского и антикоролевской оппозиции ВКЛ. Более того, при посредничестве Монти Урбанович даже вел переписку с Лещинским и руководителем французской внешней политики Шовеленом. Последний считал Урбановича «мудрым человеком, влиятельным и осторожным»[56]. Таким образом, карьерный рост Урбановича в России превратил его из посредника в контактах магнатов ВКЛ, в первую очередь Сапег, с российской политической элитой в самостоятельно действующее лицо. Он мог от своего имени вести переговоры с французскими представителями и магнатами ВКЛ, обещая им ту или иную поддержку при императорском дворе.

После смерти Петра II Станислав Лещинский во время противостояния Долгоруких и Голицыных рассчитывал на помощь при российском дворе Урбановича и Даревского. Сам Урбанович рассматривал вариант прекращения службы в России из-за плохих отношений с Долгоруким. Именно поэтому, в отличие от иных сторонников Лещинского, он выражал радость в связи с провалом планов ограничения царской власти[57]. Это помогло Урбановичу быстро войти в доверие новому правительству: он с Антонием Потоцким был послан на сейм Речи Посполитой 1730 г. Их заданием было донести до своих сторонников позицию России: если будет образована конфедерация и введены в Польшу саксонские войска, то императрица поддержит антикоролевскую оппозицию в ВКЛ[58].

Урбанович сблизился со «старорусами» в российской элите. Это предоставило ему богатую информацию об их позиции (в первую очередь, от доверявшего ему Ягужинского) по основным пунктам международной политики России. Урбанович от имени сторонников Лещинского пришел к согласию с Ягужинским, что Россия должна любыми способами противостоять планам Августа II возвести на трон Речи Посполитой своего сына. Именно Урбанович, по совету мекленбургской княжны, инициировал приезд Антония Потоцкого, как родственника царицы, в Петербург. Одновременно Урбанович советовал Лещинскому выслать Анне Иоановне письмо Петра I, в котором царь обещал ему помощь от России против Августа II[59]. Так он надеялся вместе с Сапегами убедить ведущих представителей российской элиты поддержать кандидатуру Лещинского на трон Речи Посполитой.

Смерть Яна Казимира Сапеги в 1730 г. и убежденность в нереальности российской поддержки Лещинского на трон Речи Посполитой заставили Урбановича сменить политическую ориентацию — он устанавливает контакты с Австрией. Французский представитель в России Маньян отметил, что Урбанович, появляясь у него доволь-

---

[56] *Rostworowski E.* O polska koronc. S. 152.

[57] Ibid. S. 153—154.

[58] Ibid. S. 210.

[59] Ibid. S. 225—226, 228.

но редко, одновременно стал навещать австрийского посла. Урбанович жаловался на скупость Лещинского, подчеркивая, что из-за нее был потерян такой деятельный участник политической борьбы, как Даревский. По словам Урбановича, лучше было посадить его в Бастилию, чем обиженного посылать в Россию[60]. Позднее Урбанович разорвал все контакты с французскими представителями и показывал россиянам и австрийцам письмо, в котором Лещинский поддержал претензии Станислава Понятовского на должность великого коронного гетмана. Подозревали, что именно Урбанович раскрыл информацию о переписке между Лещинским и Ягужинским. Точно узнать этого не удалось, так как в сентябре 1731 г. Урбанович пьяный утонул в Москве-реке, когда плыл в лодке с фельдмаршалом Голициным[61].

Гибель Урбановича значительно уменьшила влияние при российском дворе этой партии магнатов ВКЛ. Вместе со смертью Яна Сапеги она привела к ослаблению ее позиций при российском дворе, в том числе по вопросу о поддержке кандидатуры Лещинского на трон Речи Посполитой. На первые роли выходят родственники императрицы Анны Иоанновны Потоцкие и враждебный Лещинскому Даревский. Оппозиционные Августу II силы в ВКЛ все больше внимания обращают на Францию, благо и ее посол Антоний Феликс Монти проявляет все большую и большую активность. Ослабляет российское влияние в ВКЛ и смерть российских сторонников со времен Северной войны — великого гетмана ВКЛ и виленского воеводы Людвига Поцея (1730 г.) и польного гетмана ВКЛ и полоцкого воеводы Станислава Дэнгофа (1728 г.). Они входили в антикоролевскую оппозицию и в свое время пользовались поддержкой Петра I[62]. Затем они объединились против Августа II с магнатскими родами Сапег, Огинских. Уход из жизни Яна Сапеги, Станислава Дэнгофа и Людвига Поцея резко ограничил характер и объем связей части магнатов ВКЛ с российской элитой. Эти связи теперь развиваются, за некоторым исключением, только через официальных российских представителей в Речи Посполитой. Ранее же быстрое развитие контактов между магнатами ВКЛ и российской правящей элитой происходило во многом благодаря отдельным личностям, таким как Ян Казимир Сапега, Александр Меншиков, Людвиг Поцей, Станислав Дэнгоф, Криштоф Урбанович.

Сформулируем мотивы и причины расширения контактов между значительной частью магнатов ВКЛ и российским «политическим классом» во второй половине 1720-х гг.:

---

[60] *Rostworowski E.* O polska korone. S. 233.

[61] Ibid. S. 216, 234—235.

[62] Подробнее об этом: *Kosińska U.* Rosyjskie plany wywołania antykrólewskiej konfederacji i detronizacji Augusta II w 1719 r. S. 53—75; *Idem.* Rosja wobec sejmu jesiennego 1720 r. // Kwartalnik historyczny. 2004. № 1. S. 39—67; *Idem.* Sejm 1719—1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa, 2003; *Ciesielski T.* Zabiegi hetmanów o rewizję uchwał sejmu niemiego i odzyskanie komendy nad autoramentem cudzoziemskim a sejmy w latach 1717—1724 (prolegomena) // Rzeczpospolita w dobie wielkiej wojny północnej. Kielce, 2001. S. 61—85.

1) поддержка российской правящей элитой антикоролевской «антисаксонской» оппозиции в ВКЛ;

2) планы Александра Меншикова получить поддержку Сапег и других магнатов в борьбе за Курляндское герцогство;

3) постепенное интегрирование в российскую элиту части выходцев из Речи Посполитой, продолжавших вместе с тем принимать активное участие в политической жизни ВКЛ;

4) существование контактов между частью магнатов ВКЛ и российской знатью со времен Северной войны;

5) поддержка Францией с помощью сторонников Лещинского российской оппозиции.

Расширение контактов между частью магнатов и российской элитой в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII столетия породили у российских политиков иллюзорные представления о том, что в ВКЛ существует крупная и авторитетная пророссийская партия. События бескоролевья после смерти Августа II показали ошибочность подобных оценок. Только выходцы из Речи Посполитой на российской службе, такие как Юрий Ливен и Франтишек Даревский, остались верны интересам России и содействовали их реализации в ходе бескоролевья 1733 г. Остальные бывшие представители пророссийской партии в ВКЛ выступили на стороне Франции и Станислава Лещинского.

И. И. Кривошея (Умань)

Польские магнаты Потоцкие и Российская империя: проблема взаимоотношений в контексте геополитических изменений в Европе во второй половине XVIII в.

В о второй половине XVIII века в Восточной Европе произошли существенные изменения, связанные с ослаблением и последующим исчезновением с политической карты Речи Посполитой, ликвидацией казацкой автономии на украинских землях и мощным продвижением Российской империи к Черному морю. Особое место в истории международных отношений XVIII века занимают польско-российские контакты, которые в значительной степени определяли политический климат региона. После «молчаливого» Сейма 1717 года политика Речи Посполитой все больше зависела от позиции соседних государств, и в особенности России. Важную роль в развитии этих отношений сыграли польские магнаты, такие как Любомирские, Сангушки, Браницкие, Потоцкие и другие.

Поместья этих аристократов представляли собою фактически государство в государстве, ибо на их территории власть магната была безграничной, основу ее составляли собственные военные части, органы хозяйственного управления, тюрьмы и тому подобное. В особенности четко прослеживается существование таких минидержав на Правобережной Украине, которая была отдалена от коренной Польши и была краем безграничного магнатского господства[1].

На Правобережье во второй половине XVIII в. можно выделить такие магнатерии: Станислава Потоцкого, которому принадлежали Уманщина, Тульчинский, Могилевский, Дашевский ключи, Ольховецкое и прочие старосства в Брацлавском, Подольском воеводствах — 312 сел и местечек; Прота Потоцкого — Ямпольский, Краснянский, Махновский, Любарский, Гусятинский ключи; Чарторийского — 165 населенных пунктов в Меджибожском, Зиньковском, Грановском, Староситнявском, Николаевском ключах, Летичевськом и Камянецком старостваx и 19 сел Клевановского имения на Волыни; Браницких — вся Белоцерковщина и Богуславское староство; Вороничей — Трояновский и Пилявский ключи; Любомирского — 168 сел и городков в имениях Побережья на Днестре; Жевусских — Новоконстантиновский, Лучинецкий, Михалпольский ключи и прочие села Подольского воеводства и юга Волыни; Оссолинских — Хмельницкое староство[2].

---

[1] *Ефименко А. Я.* История украинского народа. Киев, 1990. С. 358.

[2] *Маркина В. А.* Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. Киев, 1961.

Наличие таких локализованных магнатских государственных образований, которые игрывали важную роль в польском государстве, вносило дезинтеграционное зерно в внутренне- и внешнеполитическое положение Речи Посполитой.

Ослабленная Польша все больше привлекала внимание соседних государств, которые только и ждали ее полного падения. Полный упадок был не за горами, ибо образование Барской конфедерации (1768—1772 гг.), участники которой не учитывали необходимости реформирования польского общества, проявляли к некатоликам неприязнь, а также неумение своими силами подавить восстание 1768 года на Правобережье[3] и обращение за помощью к российской императрице Екатерине Второй показали, что политических способов решения проблемы установления стабильности в польском государстве не осталось. Ослаблением Польши воспользовались соседние государства (Австрия, Пруссия, Россия), осуществив в 1772 г. первый раздел: из 750 тыс. кв. км поляки сохранили 524,5 тыс. кв. км., а из 15 млн. населения — только 10 млн.

Проблема взаимоотношений магнатов Потоцких и Российской империи в контексте геополитических изменений раскрылась в экономической сфере. После того как российские войска помогли Речи Посполитой расправиться с народным антифеодальным восстанием 1768—1769 годов на Правобережной Украине, особенно активизировалась торговля. Первое место в товарообороте Потоцкие—Россия в последней трети XVIII века занимали зерновые культуры.

Для многих крестьян уманские владения С. Потоцкого были промежуточной, транзитной территорией. Они убегали дальше в Новосербию, за российскую границу, на слободы под Кагарлык, Архангград. В конце XVIII в. на Уманщине было 40 фольварков. Здесь выращивали пшеницу, ячмень, гречку, горох, овес, мак и разводили свиней, коней, овец. Также в имениях варились водка и пиво[4].

Продажа хлеба российской армии особенно активизировалась в период между российско-турецкими войнами 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. Создавались провиантские комиссии, главной задачей которых было подписание выгодных для правобережных магнатов контрактов на поставку дешевого хлеба в действующую российскую армию. В 1783 году губернатор уманских имений Станислава Потоцкого и продовольственный отдел российской армии подписали договор на общую сумму 413 тыс. злотых. Это было соглашение на поставку императорским войскам под командованием князя Репнина 30 тыс. четвертей муки, 30 тыс. четвертей крупы, 30 тыс. четвертей овса и 300 тыс. пудов сена[5]. Кроме того, в приграничных имениях Правобережной Украины во время военных действий размещались российские войска. 25 сентября 1787 года Й. Клембовский сообщал графу Потоцкому

---

[3] См.: *Храбан Г. Ю.* Спалах гніву народного: Антифеодальне народно-визвольне повстання на Правобережній Україні у 1768—1769 рр. Київ, 1990.

[4] *Маркина В. А.* Указ. соч. С. 36.

[5] *Приходько Е. С.* Социально-экономическое развитие помещичьего (поместного) хозяйства Правобережной Украины во второй половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1959. С. 9.

о том, что на Уманщине разместились три российских полка — два карабинерских и один пехотный[6].

Уманские владения Францишека, а позже Станислава Потоцких, были приграничными с российской Новой Сербией, турецкими владениями и землями Запорожской Сечи. Для охраны своих имений Потоцкие, как и многие другие польские магнаты, формировали собственные надворные войска, в состав которых входили как казаки, так и чиншевая шляхта. Но на приграничных землях рядом с этими формированиями очень часто размещались и российские войска. Такое соседство следует трактовать как следствие финансовой заинтересованности Потоцких в черноморской политике России. В своих письмах королю Станиславу Понятовскому граф Потоцкий сообщал о влиянии российского присутствия на ситуацию в регионе, о том что крестьяне бегут в российские владения и достаточно 5 000 россиян для активизации 1 000 000 украинцев[7]. Возможно, экономические факторы, а также революционная деятельность Четырехлетнего Сейма и способствовали трансформации Станислава Феликса Потоцкого в покорного русофила[8].

Выступая на одном из заседаний сейма Речи Посполитой во время Четырехлетнего или Великого сейма (1788—1792 гг.) Станислав Потоцкий, говоря о шляхетских принципах и о будущем государства, заявил о своем толерантном и лояльном, если не больше, отношении к российской императрице Екатерине и ее протекторате над Польшей[9].

После «Волынской тревоги» 1789 г., которая могла повергнуть Речь Посполитую в пучину нового противостояния, правобережные магнаты оказались на грани краха. Причина заключалась в ликвидации Варшавой российских провиантских складов-магазинов в приграничье, что в свою очередь повлияло на объемы поставок хлеба армии. Лоббирование магнатских интересов при королевском дворе дало свои результаты: ограничения на поставки хлеба россиянам сначала были ослаблены, а позже и вовсе отменены. Управляющий делами графа Станислава Потоцкого полковник А. Мощенский в конце 1789 года согласился на подписание контракта о поставке на своих подводах более 350 тыс. пудов (50 тыс. четвертей; 1 четверть — 7 пудов 10 фунтов)[10].

В рапорте управляющего Богопольским ключом Залеского от 5 августа 1785 года владельцу имения Потоцкому сообщалось, что торговые люди, представляющее интересы последнего, ведут активную торговлю в городах Миргороде, Херсоне,

---

[6] ЦДІАУ. Ф. 49. Оп. 2. Спр. 1990. Арк. 14.

[7] *Rostworowski E.* Potocki Stanislaw Szczęsny (Feliks) // Polski Słownik Biograficyny. T. XXVII. Pniowski Jan — Potocki Ignacy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983. S. 185—186.

[8] Ibid.

[9] *Łojek J.* Potomkowie Szczęsnego: Dzieje fortuny Potockich z Tylczyna. Lublin, 1988. S. 30—31.

[10] *Смолій В. А.* Возз'єднання Правобережної України з Росією. Київ, 1978. С. 103.

Елисаветграде, Кременчуге и других украинских городах, которые находились под властью российской короны[11].

Для активизации торговли в южном направлении польские помещики основывали компании для продажи зерновых в портах Херсона, Николаева и Одессы. Они называли основание этих «южных морских ворот» Российской империи счастливым временем и рассчитывали на значительные доходы от этой торговли, которая будет освобождена от ограничений и придирок прусской таможни. Так, в 1786 году из имений Станислава Потоцкого отправили в Николаев 45 тыс. пудов жита, на транспортировку которых было авансировано 29 тыс. злотых[12].

Четырьмя годами ранее (1782 г.) Прот Потоцкий основал херсонскую компанию для торговли хлебом в черноморских портах, которая имела флотилию из несколько десятков судов и общий размер капиталов 120 тысяч дукатов[13].

Торговицкая конфедерация (14 мая 1792 г.), маршалом которой был Станислав Феликс Потоцкий, дальнейшая дипломатическая борьба Пруссии и России завершились подписанием 12 января 1793 г. конвенции о новом разделе Речи Посполитой, подтвержденной позднее и Австрией. Пруссия заняла Данцинг (Гданск), Торн и западные области, а Россия — воеводства Киевское, Брацлавское, Подольское, Минское и части Виленского, Новогродского, Брест-Литовского и Волынского. Потеря этих территорий была полной неожиданностью для конфедератов. Гродненский сейм (июнь-июль 1793 г.) показал всю трагичность и безысходность положения поляков, ибо 11 июля они собственной рукой, под давлением России, подтвердили это отторжение. Полякам было оставлено в 2,5 раза меньше территории и населения, чем после первого раздела, соответственно — 215 тыс. кв. км и 4 млн. чел.[14]

До 5 апреля 1793 г. присягу на верность российской короне принесли Сангушки, Потоцкие, другие магнаты, но процесс все-таки проходил недостаточно активно, так что срок этой всесословной шляхетской акции был продолжен еще на месяц. Как свидетельствует генерал-майор Шереметьев, Станислав Потоцкий присягнул на верность российской короне в числе первых 28 марта в Житомире[15].

Особое внимание представляют следующие указы: 28 мая 1772 г. — оставлявший всех жителей присоединенных земель в том чине и состоянии, к которому они испокон века относятся, и предоставлял им защиту со стороны государства; 27 марта 1793 г. — о предоставлении шляхте прав и привилегий, которыми пользуется дворянство российское; 20 октября 1794 г. — о сохранении прав частной

---

[11] Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т. 2. С. 292—301 (цит. по: *Смолій В. А.* Указ. соч. С. 94—95).

[12] *Дракохруст Е. И.* Альбомы, дневники И. Г. Мюнца 1781—1793 гг. // Труды Гос. исторического музея. Вып. 14. С. 178—179 (цит. по: *Смолій В. А.* Указ. соч. С. 105).

[13] *Смолій В. А.* Указ. соч. С. 104.

[14] *Друнин В. П.* Польша, Россия и СССР: Исторические очерки. М.; Л., 1928. С. 94; *Смолій В. А.* Указ. соч. С. 139—141.

[15] *Артамоновъ Н. Н.* Потоцкій, графъ Станиславъ-Феликсъ // Русский Биографический словарь. Плавильщиков—Примо. СПб., 1905. С. 708.

собственности на недвижимые имения и крепостных, которыми помещики владеют по законам Речи Посполитой; 14 декабря 1795 г. — о подтверждении прав, вольностей и преимуществ, которыми издавна пользуются в России состояния по воле императора; 29 октября 1796 г. — о сохранении института частных городов, которых на Правобережной Украине было много[16].

Главным тезисом политики императрицы Екатерины Великой в вопросах землевладения на Правобережной Украине была конфискация имений не только известных повстанцев — участников восстания под руководством Тадеуша Костюшко, но и всех ненадежных помещиков. Если же их не было на территории Российской империи (указ от 22 ноября 1794 года)[17], то их имущество подлежало секвестру. Процесс конфискации имений на присоединенных землях иногда давал обратный ход. Так, 18 августа 1795 года по просьбе графа Станислава Потоцкого известному путешественнику и писателю Яну Потоцкому (1761—1815)[18] было возвращено имение в Винницком уезде Подольской губернии из 16 селений (4296 душ). Как сообщил граф Станислав Потоцкий, которому Ян приходился зятем (он был женат на его дочери Констанции), последний находился с ним в Гамбурге, а потому не мог своевременно принести присягу на верность императрице[19].

Политика императрицы Екатерины была направлена на увеличение российского элемента в землевладении присоединенных губерний. Это хорошо иллюстрирует выкуп имений польских магнатов полностью или частично в государственную собственность. Указ Екатерины Второй от 5 июля 1795 года предписывал выкупить у графини Марии Потоцкой (урожденной Любомирской) в казну местечко Звягель (Новоград-Волынский), которое должно было стать административным центром Волынской губернии[20].

В результате нового территориального раздела произошли изменения на Правобережье. Брацлавское воеводство в 1793 г. прекратило свое существование. На первых порах его территория полностью вошла в состав одноименной губернии, потом наместничества (1795 г.). 27 января 1795 г. южные районы были включены в состав вновь созданного Вознесенского наместничества, а потом губернии. В перечне уездных городов встречаем также Умань. Позднее Уманский уезд был включен в состав Киевской губернии (1796/1797 гг.)[21]. Уманский уезд в конце XVIII в. находился в полной собственности графа Станислава Феликса Потоцкого. Его украинские владения, несмотря на потерю Кристинополя, который в результате раз-

---

[16] ПСЗ. № 13808, 17108, 17264, 17418.

[17] Материалы для истории Подольской губернии (1792—1796 гг.). Вып. 1. Каменец-Подольск, 1885. С. 168.

[18] *Zelińska T.* Poczet polskich rodów arystokratycznych: tablice genealogiczne. Warszawa, 1997. S. 28.

[19] Материалы для истории Подольской губернии... С. 227—228.

[20] Там же. С. 197.

[21] *Петренко О.* Брацлавська губернія і Брацлавське намісництво // Київська старовина. 2000. № 1. С. 45—46; ПСЗ. Т. XIII. № 17300, 17343; Т. XIV. № 17634.

делов Польши отошел к Австрии и был отягощен долгами, возросли: в 1768 г. — 8 городов и 173 села; в 1794 г. — 9 городов и 264 села[22]; в конце XVIII — начале XIX вв. — 312 городов, местечек и сел[23]. На 1797 г. Станиславу Потоцкому только в Уманском уезде принадлежали 117 населенных пунктов, в которых проживало 30952 души муж. пола и 28328 душ жен. пола, других помещиков в уезде к тому времени не зафиксировано[24].

Существенно изменилось отношение российской администрации к польскому элементу, когда на трон взошел Павел Первый (амнистия и дарования участникам восстания 1794 года). Эти изменения ощутили на себе и Потоцкие. Освобожденный Игнаций Потоцкий не только получил назад свои поместья, но также был пожалован одной тысячей душ от императора (указ от 18 ноября 1796 года). Если же какие-то имения уже были пожалованы другим лицам, то по указу от 21 ноября 1796 года устанавливалась соответствующая компенсация[25]. Такое было невозможно во времена Екатерины Второй, которая считала Игнация (Игнатия) Потоцкого «человеком бесчестным и зловредных понятий» за его умеренно-революционные взгляды и оскорбительные отзывы о императрице и ее приближенных[26].

В конце XVIII в. (начиная с 1793 г.) новые чины и звания, теперь уже Российской империи, получили представители наиболее влиятельных магнатских семейств, среди которых были и Потоцкие[27]. Патентом Екатерины Второй от 4 ноября 1793 года графу Станиславу Потоцкому (1782—1831), сыну Станислава Щенсны, был пожалован чин корнета лейб-гвардии конного полка[28]. Правда, в «Русском Биографическом словаре» указана другая дата — 1 апреля 1793 года[29].

Личные контакты Потоцких с российскими императорами имеют давнюю и интересную историю. Францишек Салеза, отец Станислава Феликса, современник российской императрицы Анны, как свидетельствует официалист Потоцких в своих записках, посетил Санкт-Петербург и был принят царицей как родственник царственной фамилии. Родство Потоцких с Анной Ивановной было через Элеонору Салтыкову. Как известно, Теодор (Федор) Потоцкий (1664—1738), примас польский, архиепископ Гнезненский и сенатор Польского королевства, родился в Москве (его матерью была Е. П. Салтыкова). Российский царь Алексей Михайлович сам изъявил

---

[22] *Serczyk W.* Wlosc Humanska w drugiej polowie XVIII wieku (Z problematyki spolecznej i gospodarczej) // Zeszyty naukowe uniwersytety Jagielonskiego. Prace Historyczne. Z. 5. 1961. S. 75.

[23] *Маркина В. А.* Указ. соч. С. 41.

[24] ДАКО. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 375. Арк. 8.

[25] Сенатский архив. Т. 1. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. С. 14, 19, 20.

[26] *Елисеева О. И.* Григорий Потемкин. М., 2005. С. 390—391.

[27] *Смолій В. А.* Указ. соч. С. 161.

[28] ДАКО. Ф. 782. Оп. 1. Спр. 9326. Арк. 13 зв.

[29] *Артамоновъ Н. Н.* Потоцкій, графъ Станиславъ Станиславовичъ // Русский Биографический словарь. Плавильщиков—Примо. СПб., 1905. С. 707.

желание быть восприемником новорожденного. Позже Францишек Салеза был награжден орденом святого Андрея[30].

Станислав Феликс тоже был знаком с российскими царствующими особами лично. Он присутствовал на Каневской встрече (1787 г.) Екатерины Второй и Станислава Понятовского. Екатерина высоко оценила пророссийскую ориентацию Станислава Потоцкого, выделяя его среди других польских аристократов: «Если кто из них, исключительно пьяного Радзивилла и гетмана Огинского, которого неблагодарность я уже испытала, войти хочет в мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же гетмана графа Браницкого, жену которого я о сердца люблю и знаю она меня любит и помятует, что она русская. Также воеводу Русского Потоцкого охотно приму, понеже он честный человек»[31]. Позже, в январе 1788 года, за заслуги в организации российских продовольственных магазинов в приграничной черте Речи Посполитой Потоцкий был награжден эполетами, украшенными бриллиантами. В 1795 года, по мнению польских исследователей, после возвращения из вынужденной эмиграции в Россию он был награжден орденом Александра Невского и получил чин генерала-от-инфантерии[32]. Другой источник называет иную дату пожалования генеральского звания — 17 ноября 1796 года[33].

О контактах Станислава Потоцкого с российскими монархами свидетельствуют также письма: «от 14 сентября 1792 года в Санкт-Петербурге Всепресветлейшею Императрицею Екатериною Второю Графу Станиславу Счесному Потоцкому»; «от 7 марта 1797 года в Павловске Всепресветлейшим Государем Императором Павлом Первым Графу Потоцкому»[34].

Вторая жена Станислава Феликса Потоцкого Юзефина Амалия в 1783 году встречалась в Вишнивце с наследником российского престола Павлом и польским королем Станиславом Августом. В 1787 году вместе со своим мужем сопровождала короля Станислава Понятовского во время визита в Канев, где была представлена Екатерине II. Позже, в 1792 году, стала кавалерствующей дамой ордена св. Екатерины и выехала в Санкт-Петербург[35].

---

[30] *Chrząszewski A.* Pamiętnik oficjalisty Potockich z Tulczyna. Wroclaw: Zaklad Narodowy im. Ossólińskich, 1976. S. 44—45; Mały król na Rusi i jego stolica Krystynopol. Z Pamiętnika klasztornego 1766—1787 i z innech źródeł zebral i zestawił Jan Czernecki. Kraków, 1939. S. 54; *Петров А.* Потоцкій, графъ Федоръ Павловичъ // Русскій Биографическій словарь. Плавильщиков—Примо. СПб., 1905. С. 714; *Link-Lenczowski A.* Potocki Teodor // Polski Słownik Biograficyny. T. XXVIII. Potocki Ignacy — Przerębski Mikoła. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984—1985. S. 202—213.

[31] Цит. по: *Елисеева О. И.* Указ. соч. С. 440.

[32] *Rostworowski E.* Op. cit. S. 188, 199.

[33] *Артамоновъ Н. Н.* Потоцкій, графъ Станиславъ-Фсликсъ... С. 712.

[34] ДАКО. Ф. 782. Оп. 1. Спр. 9214. Арк. 7.

[35] *Czeppe M.* Potocka z Mniszchów Józefina Amelia // Polski Słownik Biograficyny. T. XXVII. Pniowski Jan — Potocki Ignacy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983. S. 740—742.

В поручительстве российской императрицы Екатерины Второй перед иностранными банками от 12 октября 1793 года говорилось о том, что графиня Потоцкая (статс-дама) обратилась с просьбой к царице выступить ее поручителем при займе на сумму 150 тыс. червонцев. «Если же наша статс-дама графиня Потоцкая не сможет своевременно погасить этот долг», говорилось в документе, то сумму кредита следовало уплатить из казны, а недвижимые имения графини взять в залог[36].

Роль третьей жены Станислава Потоцкого — известной гречанки Софии Витт (1760—1822) — в ее взаимоотношениях с российской администрацией привлекла внимание исследователей как в Польше, так и на Украине и в России[37]. Влияние Софии на позицию Станислава Феликса перед вторым разделом Речи Посполитой, без сомнений, было очень сильным[38], но, по нашему мнению, оно не было определяющим. Многие забывают о том, и это уже было предметом нашего внимания выше, что «русофил» Потоцкий имел тесные контакты с Санкт-Петербургом еще до того, как встретил Софию.

Взаимоотношения Потоцких и российской администрации были особенными еще в одной сфере — религиозной. Российская империя под девизом борьбы за православную веру проводила политику ослабления польского влияния на крестьян Правобережной Украины. Мероприятия по возвращению униатов в православие сопровождались побегами крепостных из магнатских имений Правобережья на Юг Украины[39].

Известно, что Российская империя в конце XVIII века играла роль защитника православного населения на украинских землях Речи Посполитой. После второго раздела Польши Екатерина Вторая обещала, что греко-католическая церковь на инкорпорированных территориях не будет преследоваться. Но реальность для униатов была иной. Россия проводила политику скорейшего и решительного возвращения «польских униатов» в православную церковь. За короткий период, несмотря на просьбы Рима сохранить свободу вероисповедания для греко-католиков, были достигнуты фантастические результаты: 8 млн. верующих, 9 тыс. парафий и 145 монастырей «возвратились» в лоно Православия. Ситуация для греко-католиков несколько улучшилась во время царствования императора Павла Первого[40].

В этом плане интересной нам кажется позиция Потоцких. Эта фамилия была в Польше одной из тех, кто активно поддерживал позиции униатской церкви на Правобережной Украине. Францишек Потоцкий был основателем нескольких василианских монастырей. Кроме этого Потоцкий активно поддерживал Поча-

---

[36] ЦДІАУ в м. Києві. Ф. 49. Оп. 1. Спр. 36. Арк. 18.

[37] *Łojek J.* Dzieje pieknej Bitynki: Opowiesc o zyciu Zofii Wittowcj (1760—1822). Warszawa, 1975.

[38] *Елисеева О. И.* Указ. соч. С. 510—511.

[39] *Смолій В. А.* Указ. соч. С. 170—171.

[40] *Стоколос Н. Г.* Конфесійно-етнічні трансформації в Україні (XIX — перша половина XX ст.): Монографія. Рівне: РІС КСУ-ІІІІФ «Ліста-М», 2003. С. 24—25.

евский монастырь, а позже даже перешел в греко-католицизм и слыл известным «казакофилом»[41].

В период временной приостановки деятельности униатских центров их имущество очень часто передавалось в управление тех магнатов, которые выступали опекунами церквей, монастырей и училищ при них. Так, земельные владения Уманского василианского монастыря в 1795 г. находились под управлением Потоцких[42]. После возобновления деятельности монастыря Станислав Феликс Потоцкий продолжил политику своего отца и предоставлял уманским василианам финансовую и моральную поддержку[43].

В XIX веке одни представители магнатского клана Потоцких поддержат польское освободительное движение, другие сохранят лояльность Российской империи, будут обласканы и осыпаны, как воинскими званиями, так и придворными чинами. Более обширными станут брачные связи с именитым российским дворянством. Потоцкие породнятся с Киселёвыми, Нарышкиными, Строгановыми и другими.

Подведем итоги. Мы могли бы привести значительно больше фактов, но они существенно не повлияют на окончательные выводы. Итак, основными направлениями во взаимоотношениях графов Потоцких и Российской империи в контексте геополитических изменений в Европе были:

— личные контакты представителей магнатской польской фамилии с российскими монархами, а также присвоение Потоцким различных титулов и чинов Российской империи;

— политические контакты во времена ослабления Речи Посполитой;

— среди Потоцких видим как пророссийски ориентированных политиков (например, Станислав Щенсны Потоцкий), так и «патриотическую» партию с революционными воззрениями (Игнатий Потоцкий);

— социально-экономические отношения (торговля, статус магнатского землевладения после разделов Польши, побеги крестьян и т. д.);

— специфика взаимоотношений в религиозной сфере.

Интеграция польской шляхетской элиты в российское общество представляет колоссальный исследовательский интерес, а поэтому изучение таких процессов, как инкорпорация и легитимация именитых магнатских фамилий в российское дворянство, а также общественно-политическая ассимиляция на фоне экономической модернизации, должно продолжаться.

---

[41] *Dunin-Borkowski J.*, hr. Almanach błękitny: Genealogia zyjaecych rodów polskich. Lwów; Warszawa, 1908. S. 730—731; Mały król na Rusi i jego stolica Krystynopol... S. 59; *Chrząszczewski A.* Op. cit. S. 99—100; *Ходоровський М.* Масонський рух в Галичині (друга половина XVIII ст.) // Київська старовина. 1999. № 3. С. 22.

[42] ЦДІАУ в м. Києві. Ф. 49. Оп. 1. Спр. 2068. Арк. 1—11.

[43] *Кривошея І. І., Близнюк І. В.* Уманський базиліянський монастир (1765—1834 рр.) // *Кривошея І. І., Кривошея В. В., Близнюк І. В.* Уманщина в етнополітичній історії України (кінець XVIII — перша половина XIX ст.). Київ, 1998. С. 6—35.

С. В. Зверев (Москва)

Финансовое обеспечение Первого Крымского похода 1687 г.

Финансирование Первого Крымского похода 1687 г. потребовало от регентского правительства царевны Софьи Алексеевны мобилизации денежных средств и поиска возможностей использовать особенности денежного рынка Украины. После неудачных денежных реформ царя Алексея Михайловича в 1654—1663 гг. и возврата монетной системы страны к привычным серебряным копейке, денге ($^1/_2$ коп.) и полушке ($^1/_4$ коп.), в Малороссии сохранялось обращение польских и других европейских монет. В 1670-х гг. началась «экспансия» польских монет в приграничные русские области, и на Юго-Западе Русского государства сформировался ареал смешанного денежного обращения. В платежах использовали мелкие монеты в 6 грошей, получившие прозвище «шестаки», монеты в 3 гроша, называемые «шаги». Наибольшее распространение получил биллонный польский полуторагрошевик, прозванный на Украине «чехом». В категорию «чехов» также попадали равноценные польским полуторагрошевикам германские и прибалтийские драйпёлькеры, которые также давно участвовали в украинском денежном обращении[1].

Правительство вынуждено было мириться с тем, что в некоторых русских городах польские монеты «ходят против московских серебряных денег», их принимают в казну и «государевым ратным людем жалованье дают против серебряных же денег потому, что те городы, Севеск и Путивль, блиско Малоросийских городов»[2]. В марте 1677 г. последовал указ царя Федора Алексеевича о разрешении использовать польские деньги в платежах, сборе пошлин и отдаче их на жалованье ратным людям по курсу «чех» по две денги, «шаг» по четыре денги, «шестак» по восьми денег, «смотря того накрепко что бы в тех литовских денгах против московских серебреных денег умаления не было», и обмене оставшихся польских монет «с наддачею» в Малороссийских городах[3]. В 1683 г., уже в регентство царевны Софии Алексеевны, последовал указ, разрешавший хождение только польских «чехов», официально паритетных копейке, «в городех которые смежны и поблиску с Поль-

---

[1] *Спасский И. Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 149—155; *Он же.* Деньги и денежное хозяйство // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 161—162; *Зверев С. В.* Особенности денежного обращения на Юго-Западе Русского государства во второй половине XVII в. // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования. Мат-лы XVI науч. конф. Москва, 30—31 января 2004 г. М., 2004. С. 188—191.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. № 294. Л. 298—302.

[3] Там же. Л. 304—310.

скими и с Черкасскими городами». Платежное значение «чехов» было ограничено территорией Севского и Белгородского разрядов. Предписывалось «в тех Украинных городех таможенных и кружечных дворов головам и всяких чинов жителям заказ учинить накрепко, с великим подтверждением под смертною казнию, чтоб они, головы, сбирали и торговые люди меж собой торговались на серебряные мелкия деньги и на польские медные чехи и чтоб медные чехи с серебряными деньгами были равно без наддачи»[4].

Несмотря на грозные царские указы, на рынках польский «чех» ценили ниже копейки, а «указная цена» давала возможность выгодно отдавать эти монеты в казну. В итоге для выплаты жалованья гарнизонам в наличии были только польские «чехи». Иноземные офицеры Севского полка направили 10 октября 1686 г. царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу челобитную о выдаче жалованья серебряными русскими деньгами, а не «чехами», поскольку «Малоросийских городов приезжают черкасы и меняют чехи на серебреные денги, и наддают на серебреные денги на рубль по десяти алтын и по полуполтине»[5]. Рыночная оценка польских монет фактически уменьшала жалованье на 25—30%.

Была сделана попытка противопоставить иностранным монетам в регионе особую русскую монету европейского образца. В 1686 г. «для Крымского воинскому походу и для пополнения своей Великих государей казны» в Севске был налажен выпуск низкопробных «чехов» с именами Ивана и Петра Алексеевичей (латинской аббревиатурой) на особом «чеховом денежном дворе»[6]. Летом 1686 г. севский воевода окольничий Р.Л. Неплюев получил из Москвы целый ряд документов по организации «чехового дела» и новое проектное описание монеты: «А на тех чехах печать — на одной стороне орел двоеглавый с 3-мя венцами, а на другой стороне держава, а около того печатать латинскими гладкими одними начальными словами Великих Государей именование — Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Божиею Милостию цари и великие князи всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы. А на другой стороне около державы: Монета новая делана в Севску 1686 г.»[7].

---

[4] Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 гг. / Сост. М. Деммени. СПб, 1887. Вып. 1. С. 14.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. № 336. Л. 99.

[6] *Деммени М.Г.* К вопросу о чеканке севских чехов // Записки нумизматического отделения имп. Русского археологического общества. СПб, 1906. Т. I. Вып. 1. С. 97—147; *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства... С. 151—153; *Он же.* Деньги и денежное хозяйство... С. 161—162; *Рябцевич В.Н.* «Чеховое дело» (Россия — 1675—1687 гг.) // Третья Всероссийская нумизматическая конф. М., 1995. С. 53—55; *Он же.* Российско-«Польские» эмиссии эпохи Петра I. Тольятти, 1995. С. 34—101; *Он же.* Лысянковский и «Полтавский», Путивльский и Севский монетные дворы // Mennice miedzy Balyykiem a morzem Czarnyv. Materialy z III Miedzynarodnoj Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 1998. S. 175—185; *Зверев С.В.* Материалы о Севском «чеховом денежном» дворе 1686—1689 гг. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конф. Москва, 11—15 апреля 2005 г. Тезисы докл. и сообщ. М., 2005. С. 125—126.

[7] *Рябцевич В.Н.* Российско-«Польские» монетные эмиссии... С. 55.

Таким образом, на монете около орла была помещена латинская аббревиатура: «I.A.P.A.D.G.C.&.M.D.T.M&P&A.R.A» (Iohannes Alexiewitz, Petrus Alexiewitz Dei Gratia Caesres Et Magni Duces Totius Magnae et Parvae et Albae Autocratores), а на оборотной стороне вокруг державы: «MON. NOV.FACtA.SIEV.A.1686» (Moneta Nova facta Sievsk. Anno 1686)[8]. Прототипом лицевой стороны, видимо, стал драйпёлькер Священной Римской империи, а держава на оборотной стороне осталась как традиционный элемент оформления монет этого номинала, используемый поляками и многими другими эмитентами[9].

Архивные документы об организационном этапе работы Севского «чехового денежного двора» в июле-ноябре 1686 г. были подобраны и систематизированы в начале XX в. М. Г. Деммени[10], и позднее его выписки были подробно изучены В. Н. Рябцевичем[11]. Уже по этим материалам ясно, что с первых дней существования Севского монетного двора к работе были привлечены мастера из мастерских Московского Кремля — Оружейной и Серебряной палат, Бархатного двора, Московского денежного двора[12]. Новые документы, обнаруженные в РГАДА, дают дополнительные сведения о деятельности мастеров, позволяют уточнить их имена, выявить периоды работы[13]. Севский «чеховый денежный двор», работавший в 1686—1689 гг., был крупной государственной мануфактурой, где был применен новый для русского денежного дела способ изготовления монет вальцовкой. Видимо, весь период работы на монетах продолжали ставить дату начала выпуска — 1686 г. Документы доказывают использование пунсонов при изготовлении штемпелей, привлечение нескольких десятков местных кузнецов для проковки металла. Большие объемы громоздкого оборудования косвенно указывают на значительные размеры производственных и складских помещений[14].

---

[8] [*Erbstein J. und A.*] Ein vergessenes Denkmal Peter des Grosen. Losung eines numismatischen Rathsels / von Julius und Albert Erbstein. Mit einer Kupfertafel. Dresden, 1872; *Рябцевич В. Н.* Российско-«Польские» монетные эмиссии... С. 13—14.

[9] *Зверев С. В.* Севский «чех» 1686 г. Монетные прототипы и геральдическое оформление // Гербовед. М., РГК, 2005. № 80. (Сб. статей Геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 4.) С. 80—93.

[10] Бумаги М. Г. Деммени (Извлечения из московских архивных фондов Министерств Юстиции, Императорского двора, Иностранных дел и Морского). Рукопись. Хр.: Гос. Эрмитаж, Отд. нумизматики.

[11] *Рябцевич В. Н.* «Бумаги М. Г. Деммени» как источник по истории монетного производства Петровской эпохи // Краткие тезисы докл. и сообщ. науч. конф. «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении» (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987. С. 23—24; *Он же.* Российско-«Польские» монетные эмиссии... С. 7—62.

[12] *Рябцевич В. Н.* Российско-«Польские» монетные эмиссии... С. 57—60; *Троицкий В. И.* Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Л., 1928. Вып. I. С. 53—54; Л., 1930. Вып. II. С. 69—70, 104.

[13] *Зверев С. В.* Мастера Оружейной и Серебряной палат на Севском монетном дворе в 1686—1687 годах // Филимоновские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 216—224.

[14] *Зверев С. В.* Материалы о Севском «чеховом денежном» дворе... С. 125—126.

Но все усилия противопоставить обращению иноземной монеты особую русскую монету европейского образца окончились неудачей. Из-за технических трудностей работа налаживалась весьма медленно и ожидаемая правительством масштабная эмиссия «чехов» в Севске оставалась проблематичной. Очевидно, что работа Севского монетного двора не стала определяющей в финансировании походов на Крым. Даже при отмене севских «чехов» осенью 1689 г. документы фиксируют прием их в казну на сумму только около 9500 рублей[15]. Севские чехи были еще более низкопробными, чем польские, и получили низкую котировку на рынке, а их официальное равенство копейке еще быстрее возвращало их в казну. Севские стрельцы жаловались в Москву, что в 1687—1689 гг. «дано нам холопем вашим ваше Великих государей денежного жалованье и за хлеб за рож и за овес новыми чехами, а те государи новые чехи ходили против старых чехов вполы»[16]. Однако, несмотря на недолгую жизнь в денежном обращении, именно севский чех стал первой царской монетой европейского облика, которая была выпущена массовым тиражом и языком геральдики заявляла о месте Русского государства в ряду европейских держав.

В период подготовки Первого Крымского похода в начале 1687 г. было решено получить дополнительные средства за счет разницы курса европейских золотых монет в России и на Украине. Из приказа Большой Казны в Севск было для «промена» на польские «чехи» 10 000 золотых червоных. Из Севска «в розные Малороссийские городы для промены золотых червонных на чехи» были посланы местные торговые люди. К апрелю 1687 г. было выменяно на 12562,25 руб. польских полтораков. Вскоре «золотые червоные и чехи, которые выменены, приняты у них в казну Великих государей в полку окольничего и воеводы Леонтья Романовича Неплюева на жалованье ратным людем»[17].

Военными делами Русского государства, служилыми людьми и управлением «Украинными» (южными) городами ведал Разрядный приказ. Расходные книги денежной и соболиной казны в Разряде в 7195 (1686/87) г. в значительной мере отразили финансирование Первого Крымского похода 1687 г. Решая вопросы денежного обеспечения похода, Разрядному приказу необходимо было учитывать политические, социальные и географические факторы. Выдача жалованья чехами фактически уменьшала реальную сумму выплат, поэтому необходимо было учитывать возможное недовольство. Кроме того, для большей части отправлявшихся в поход ратных людей привычными были только царские серебряные монеты, поскольку иностранные деньги не допускались в денежное обращение основной части Русского государства.

---

[15] *Зайцев В. В.* Некоторые вопросы чеканки и обращения севских чехов // Нумизматика в Историческом музее. (Труды ГИМ. Вып. 115). М., 2001. С. 246.

[16] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. № 342. Л. 50.

[17] *Зверев С. В.* Обмен золотых червонных для финансирования Первого Крымского похода // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто; IV Чтения памяти докт. ист. наук А. А. Зимина. Москва, 19—22 апреля 2005 г. М., 2005. Ч. II. С. 311—313.

В октябре 1686 г. елецким рейтарам и московским стрельцам, отправленным в Белгород, было послано 2500 рублей русскими деньгами, а иноземным офицерам Белгородского полка «в Запорогах» было выдано 97 рублей 2 алтына русскими деньгами, 48 рублей 18 алтын «чехов», «да для Вечного миру с полским королем соболей и мяхкой рухледи» на 438 руб. 6 денег. Посланные в Запорожье донские казаки и калмыки получили 497 рублей серебряными копейками и 438 рублей «чехами». В ноябре в Запорожье в полку «салдацкого строю» кроме жалованья 1228,5 рублей «чехами» было получено «кафтанов шубных тысеча, да тысеча ж рубах с портками». Лишь белгородские «новоприборные» солдаты и пушкари получили в декабре свое первое жалованье 53 рубля 3 денги только польскими полуторагрошевиками[18].

В январе 1687 г. ратным людям Новгорода, Пскова и других русских городов было послано на жалованье 42 300 рублей царскими копейками. В феврале послано ратным людям в Белгород, Киев, Чернигов, Запорожье всего на 6830 рублей «чехов», а в Большой полк князя В. В. Голицына 80 000 рублей русских денег и на 1000 рублей соболей. В марте «началным людем иноземцом и новокрещеном началным людем иноземцом и новокрещеном, которые ныне на их государевой службе в Запорогах в полку генерала и воеводы Григорья Ивановича Косагова с товарыщи для той их запорожской службы и для их великие нужды и скудости на нынешней на 195-й год к прежней их дачи» послана прибавка к жалованью 133 рубля 18 алтын «чехами», а яицкие и донские казаки получили вторую половину годового жалованья 594 рубля 16 алтын 4 денги «чехами». Но уже через месяц казакам послали 468 рублей серебряными копейками «Великих государей жалованья для Вечного миру с польским королем»[19].

В то же время в марте 1687 г. в Большой полк доставлено из Москвы 33 900 рублей русских денег, а почтовым конюхам — 414 рублей 16 алтын 4 денги. В апреле в полк А. С. Шеина послано на жалованье 2054 рубля 32 алтына 1 денга серебряных царских монет и 208 рублей 22 алтына 1 денга «чехами», в Большой полк князя В. В. Голицына — 30 000 рублей русских денег. В июне 1687 г. в Белгород солдатам Казанского разряда и Белгородского полка было отправлено 9263,5 рублей серебряными копейками, а в июле в Большой полк «Великих государей жалованья ратным людем» доставлено 54 149 рублей 20 алтын 2 денги русскими деньгами и 1150 рублей 13 алтын «чехами»[20].

В августе 1687 г., уже после безрезультатного завершения похода, Разрядный приказ посылает в Киев и Переяславль на жалованье ратным людям Украинного разряда Болшого полка боярина князя М. А. Голицына «с товарыщи» 659 рублей серебряными копейками и 1136 рублей 13 алтын 2 денги «медных чехов»[21]. Такое

---

[18] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. № 224. Л. 281—286.

[19] Там же. Л. 287—295.

[20] Там же. Л. 295 об. — 305.

[21] Там же. Л. 305 об. — 306.

указание на дешевый металл явно указывает на низкую пробу монет, что позволяет предполагать в них продукцию Севского монетного двора.

Следует сделать вывод, что основная часть выплат участникам Первого Крымского похода была сделана русскими деньгами, а польские и севские «чехи» составляли значительно меньшую долю. Не случайно «Росписи делам», которые были в Большом полку В. В. Голицына и полку А. С. Шеина, фиксируют многочисленные челобитья ратных людей о бесчестье, грабеже, уводе лошадей, беглых людях и проч., но вовсе не отмечают жалоб на задержку жалования или качество монеты[22]. Очевидно, все вопросы финансирования похода были решены весьма осторожно и не вызывали заметного недовольства. Кроме того, была организована государственная интендантская служба. По царскому указу было велено «быть на своей Великих государей службе» в Большом полку «с харчевым промыслом гостиной сотни Ивану Молявке»[23]. Понятно, что возложенная на купца государева служба требовала безусловного признания «указной цены» всех видов монет, допущенных в региональное денежное обращение.

Итоги первого похода 1687 г. были бесславными. Полки за два месяца пути по безводной и выжженной степи дошли до Конских вод и повернули назад. Однако правительство регентства разослало к иностранным дворам об успехе военной кампании и бегстве татар, которые «пришед в самое отчаяние, ушли в дальние свои поселения за Перекоп и в иныя места»[24]. Единственной помехой окончательного разгрома Крымского ханства был объявлен гетман И. Самойлович, который якобы приказал казакам поджечь степь и тем самым помешал дальнейшему продвижению войска. Гетман был смещен и отправлен в ссылку[25].

Победные реляции диктовали необходимость традиционных пожалований всех участников похода золотыми и позолоченными монетовидными знаками[26]. Вместе с тем для царевны-правительницы открывалась возможность использовать эту традицию для укрепления своей власти. Была создана серия золотых разного размера и веса с изображением на лицевой стороне братьев-государей Ивана и Петра Алексеевичей в великокняжеских шапках, над которыми помещено изображение двуглавого орла, а на оборотной стороне дан портрет царевны Софьи Алексеевны. Сама композиция этих «золотых» зримо возвышала Софью Алексеевну над братьями. Правительница была изображена со скипетром в руках и с пятилучевой короной на голове. На обеих сторонах портреты окружены надписями, составленными из начальных букв слов: «Б М В Г Ц І К І А П А - І Г Б Ц І К С А В В І И Р С»,

---

[22] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. № 30. Л. 98—141 об.

[23] Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Сборник документов. Т. 1. М., 2004. С. 342.

[24] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1826. Ч. 4. С. 563—564.

[25] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1991 С. 384—388.

[26] *Спасский И. Г.* «Золотые» — воинские награды допетровской Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Нумизматика. Вып. IV. 1961. С. 92—134.

что означало «Божиею милостию Великие государи цари и (великие) князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и государыня благоверная царевна и (великая) княжна София Алексеевна всея Великия и иных Россий самодержцы»[27].

В конце лета 1687 г. начались массовые посылки жалованных золотых из Разряда «ратным людем за службу Крымского походу». Первая была сделана 7 августа 1687 г.: «По указу Великих государей их Великих государей жалованья ратным людем за службу Крымского походу в Резанский розряд в полк боярина и воевод князя Володимера Дмитриевича Долгорукова с товарыщи велено послать с столником с князем Андреем Щербатым золотой в шесть золотых, золотой двойной, два золотых полуторных, двести тритцать золотых одиноких, шестьдесят семь золотых бес чети золотого в золотом, пятдесят полузолотых»[28]. При этом подавляющая часть войска получила золотые или позолоченные копейки с именем только одного из государей. Золотые с портретами были рассчитаны на более значимые социальные группы, в поддержке которых правительница была особенно заинтересована, — бояр, различные категории детей боярских и иноземцев[29].

---

[27] *Спасский И. Г.* «Золотые» — воинские награды... С. 127.

[28] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. № 224. Л. 306 об.

[29] *Зверев С. В.* К истории награждения «золотыми» за Крымский поход 1687 г. // Награда. Историко-публицистический альманах. М., 2003. Вып. 1. С. 27—37.

Е. Н. Наседкин (Москва)

Посадские службы купцов в Москве в 20-е и 30-е годы XVIII века

В России XVIII в. существовала специфическая система посадского тягла. Специфика системы заключалась в том, что службы, которые должны были нестись профессиональной бюрократией, исполнялись выбранными посадом купцами. Посадские службы известны с XVI в., пережили они петровские реформы и просуществовали до 1775 г. Почему же выборные службы продолжали существовать в реформированном Петром государстве? Наличие для этого причин становится очевидным в свете того негативного влияния, которое оказывали на хозяйственную деятельность городских тяглецов казенные службы. В литературе уже давно обращали внимание на эту сторону казенных служб посадских людей[1].

Посад был неимоверно отягощен бременем служб: купцы служили на основах безвозмездности и принудительности. Выборных служащих «избирала» община посада. К службам привлекались купцы первой и второй гильдий, они устраивали власть по двум причинам:

— как правило, они обладали достаточной грамотностью;

— они владели имуществом, поэтому были материально ответственны.

Тезис о материальной ответственности и обязательной грамотности и компетентности избираемых к службам купцов как об условии для их службы мы находим зафиксированным во многих документах. Например, указывается, что имущество, предназначенное для продажи за долги, необходимо «ценить, такими ценовщиками, которые знаютъ цену темъ вещам, а не такими, что, напримеръ, торгует лаптями, а его заставлять ценить алмазные и протчие драгоценные вещи»[2].

«Избирались» купцы на должности «бурмистров», «выборных», «целовальников» и «ларечных». Часто встречается термин «верный сборщик», синонимичный термину «выборный». Названия должностей отражают иерархию служащих внутри одной команды. Самым младшим по должности являлся целовальник, Крестинин называет их «рядовые целовальники»[3]. Старшими по должности являлись бурмистры, они назначались руководителями в крупные московские казенные предприятия, часто старшего в группе называют «выборным». Купцы, назначен-

---

[1] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.; *Козлова Н. В.* К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1987. № 6. С. 47—56.

[2] РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 3.

[3] *Крестинин В.* Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1792. С. 188.

ные на вышеперечисленные должности, собирали таможенные пошлины и торговали казенным товаром.

Концепция выборных служб как тягла сформировалась в литературе во второй половине XIX века. Но основное исследование посадской общины проделал А. А. Кизеветтер[4]. Кизеветтер пишет о тяжести посадских служб для населения: службы тяжелы, так как отрывают купца на год от торговли и ремесла. Но более подробного изучения деятельности купца-чиновника он не дает, то есть не ставит вопрос: была ли хоть какая-то возможность у «выборных» чиновников совмещать службу сборов со своей торговлей?

Кроме проблемы тяжести выполнения сборов для посадских людей, Кизеветтер поднимает проблему недоимочности сборов, положенных «на веру или на ратушу». Он приводит примеры значительных недоимок по некоторым регионам. Основную причину недоборов он видит в сильно завышенных суммах окладов, которые должны были взимать выборные сборщики с таможен и кабаков, где до них взиманием пошлин занимались откупщики. При переходе сборов на откуп первоначальный оклад увеличивался наддачей и затем это увеличение уже не отменялось[5].

Далее Кизеветтер рассматривает законодательные меры по борьбе с недоборами. Он отмечает, что по законодательству XVIII в. община несла коллективную ответственность за своего представителя, виновного в недоимке. Но при изучении этого вопроса Кизеветтер использует лишь основное законодательство, в работе не рассматривается, насколько часто и каким конкретно образом данные правила осуществлялись в жизни. Более того, объяснения недоимки одним лишь завышением окладов, на наш взгляд, недостаточно, так как не со всех кабаков, таможен и мостов оклады «сбирались против откупов», но и там постоянно случались недоимки.

Выводы Кизеветтера о тяглом характере посадской общины были унаследованы советской историографией. В последнее время возобновился интерес к данной теме. В работах Н. В. Козловой рассматривается привлечение купцов к службам в центральных органах управления[6]. В контексте изучения социально-экономических запросов купечества автор анализирует обращения купечества к властям с предложениями отменить отъезжие посадские службы и привилегии для заводчиков и фабрикантов[7]. Подобные обращения красноречиво свидетельствуют о тяжести посадских служб. Проблемам посадского самоуправления и тягла в XVII в. посвящена монография М. Б. Булгакова[8].

Несмотря на широкий круг затрагиваемых исследователями вопросов, остается неясным факт, почему происходили недоборы платежей, насколько вообще были

---

[4] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч.

[5] Там же. С. 470, 495, 501—503.

[6] *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е — начало 60-х гг.). М., 1999.

[7] Там же. С. 306—308.

[8] *Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей в XVII в. М., 2004.

выполнимы сами нормы сборов, а также почему система казенных служб при всех негативах сохранялась?

В качестве первых шагов по изучению данной темы были рассмотрены некоторые особенности служб купцов в Москве в 20-е и 30-е годы XVIII века. Москва была выбрана как экономический центр России XVIII в., в истории которого отражались тенденции, присущие и другим регионам страны. Решение данной проблемы потребовало привлечения архивного материала. Были использованы материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), фонда Московской губернской канцелярии[9]. Выбор временного отрезка, во многом диктуется степенью сохранности материала. За 1730-е гг. сохранились материалы следствий по недоимкам начиная с 1720-х гг. Имеются данные о выборной службе у мостов и перевозов, в кабаках и таможнях[10]. Материалы следствий дают интереснейшую информацию о конкретных обстоятельствах, при которых случилась недоимка, о том какова была ее сумма, из какой гильдии происходил задолжавший государству купец, где он служил. Сохранились также отчетные доношения и ведомости о собранных суммах денег и о потраченных казенных средствах по некоторым кабакам.

Государство ставит перед выборными чиновниками фиксированные нормы сборов — нормы, как правило, не могут быть выполнены ввиду ряда причин. Недоборы вызывали сами условия ведения служб. Необходимо определить, насколько был занят купец на них, сколько времени должны были занимать у него службы. Конечно, точно установить это нельзя, но можно изучить, какие функции, связанные с несением данных служб, берет на себя государство, а какие исполняет сам «выборный». Так, в отношении «выборных» у «питийных» сборов основная проблема сводится к следующему: сам ли «выборный» занимался изготовлением спиртных напитков?

Государство принимало определенное участие и в отправлении службы «выборных». Чиновники Московской губернской канцелярии организовывали поставки вина, закупали новые канаты для наведения мостов.

Московская губернская канцелярия и Камер-коллегия частично брали на себя организацию поставок вина, изготовлением же пива занимался «выборный со товарищи». Производство вина требовало создания сложного винокуренного хозяйства[11], заготовить пиво можно было и на кружечном дворе. В случаях со

---

[9] РГАДА. Ф. 400.

[10] С 1727 г. по 1743 г. ратуши подчинялись губернским канцеляриям, поэтому в фондах губернских канцелярий сохранилась отчетная документация ратуш. Среди основных функций губернских канцелярий был контроль за сословными службами, повинностями и самоуправлением посадских людей, обеспечение соблюдения питейной и др. монополий. (См.: РГАДА: Путеводитель: В 4 т. / Сост. Ю. М. Эскин, М. В. Бабич, Л. А. Тимошина. М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 218—221.)

[11] *Волков М. Я.* Очерки промыслов России. Винокуренное производство. М., 1979. С. 112—119.

«сборщиками у мостов и переводов» государство, в лице Московской губернской канцелярии, полностью организовывало покупку новых канатов для наведения мостов. Государство явно опасается срыва плана торговли вином и срыва наведения мостов и переправ. Отсутствие переправ затормозило бы передвижение товаров купцов и государственных поставщиков. Власти стремились взять на себя обеспечение поставок, исходя их своих стратегических интересов, а не из-за «заботы» о «выборных».

Но это не облегчало бремя повинности. Кабацкий «выборный» был постоянно занят в казенном кабаке, на его плечи ложились изготовление или закупка пива. Процесс изготовления и хранения пива требовал от него постоянного присутствия на месте службы: он должен был закупить ржаной и ячменный солод, закупить хмель, нанять подводы, чтобы доставить солод и хмель до кабака, закупить дрова и нанять водовоза для доставки воды, которая шла на изготовление пива, нанять пивоваров. Необходимо было провести ряд мероприятий по обеспечению хранения пива: нанять работников для обустройства ледника, нанять бочара для того, чтобы бочки были законопачены и на них надели новые обручи.

Также купец, избранный к сбору с мостов и перевозов, не мог ни на один день покинуть мост, к которому он был приставлен. После наведения мостов ларечные должны были оставаться дежурить там. Об этом мы узнаем из доношения о неуплате пошлин со струг, принадлежавших Демидовым. Выборный у сборов с мостов и перевозов Терентий Шиловцов пишет о том, что в сентябре 1739 г. по Москвереке без уплаты пошлин прошло 17 груженных железом стругов, принадлежавших Демидовым. За проход одного струга нужно было платить 30 коп., следовательно, за проход под шестью Московскими мостами необходимо было уплатить 30 руб. 60 коп. Терентий жалуется, что руководивший стругами Федор Шулепов самовольно развязал канаты на мостах, после чего провел свои струги[12]; то есть развязывать канаты и собирать деньги должны были ларечные и целовальники, а после прохода струга их задачей было снова восстановить мост. Ларечный, дежуривший у моста, обязан был взимать пошлины не только с проезжавших через мост, но и с проплывавших под ним судов. Осуществление данных операций требовало постоянного присутствия ларечных и целовальников на мостах в судоходный период, то есть большую часть года.

Следовательно, вследствие постоянной занятости на службе, для купца-чиновника не было никакой возможности совмещать свою торговлю и отправление должности, добросовестное исполнение выборной службы могло привести к разорению купца.

Другим фактором, вызывавшим недоимки, были регулярные недороды. Каждый недород приводил к спаду торговли, а значит, и к отсутствию сборов с торгов. Также недород вел к активному уходу населения на заработки, то есть к резкому уменьшению клиентов уездных кабаков. Недороды, как известно, были отнюдь не редкостью. Известны неурожаи 1716, 1718, 1719, 1721—1724 гг., серия неурожаев

[12] РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Ед. хр. 1088. Л. 4.

прошла в 1732—1736 гг.[13] Некоторые исследователи отмечают 39 неурожаев в начале XVIII в.[14], впрочем, это далеко не полный перечень неурожайных лет, так как большая часть неурожаев еще не освещена в литературе[15]. Купцы часто жалуются на недороды как на причину недоборов в надежде, что удастся снизить сумму недоимки или хотя бы уклониться от «начета».

Губернаторы и воеводы должны были под страхом значительных штрафов определить причины недоборов и имели право прощать долги выборным в случае неурожая. Но пользовались этим правом крайне редко. Сохранился только один черновой внутренний документ Московской губернской канцелярии, сообщающий о случае, когда Московская губернская канцелярия действительно пошла навстречу купечеству. Случилось это из-за отсутствия торгов в пасхальную неделю в Москве по весне 1739 года. В экстремальной ситуации ратуша обратилась в Московскую губернскую канцелярию с доношением, в котором требовала резолюции, чтобы богатейшие купцы, фабриканты и заводчики — то есть элитное купечество, не подчиненное ратуше, — были призваны для сбора недоимки. Ратуша, от лица всего купечества второй гильдии, стремится разложить недоимку, которая неизбежно возникнет, не только на купцов второй гильдии, но и на всех первостатейных.

При этом отметим, что сам вопрос о том, чтобы в принципе не начислять недоимку, даже не возникает. Но все-таки Московская губернская канцелярия стремится уменьшить сумму, которую задолжает ратуша, обращаясь в Камер-коллегию с просьбой о неначислении начетных денег, ведь именно чиновникам губернской канцелярии пришлось бы собирать недостающие средства.

Регулярные климатические катаклизмы, отсутствие возможности совмещать свою торговлю с отправлением должности — все это приводило к значительным объемам недоимки. Следовательно, перед государством возникла необходимость в поисках выхода из ситуации. Государство идет по наименее затратному пути: практически любая недобранная сумма ставится в вину выборному чиновнику, и на этом основании государство требует «возвращения» недобранной суммы. Но, как правило, рядовой купец не в состоянии «взнести» требуемую сумму. Материальную ответственность за купца несла община, следовательно, государство раскладывает всю сумму недоимки на купеческую общину. Логика поручительства отражена в доношении купца Ивана Култыгина, принадлежавшего к сотне, избравшей задолжавших бурмистра и ларечных. Култыгин заявляет, что «со слободы и с сотни “выборных” всегда избирают с общего согласия», следовательно, необходимо собирать недоимки и на сотне, и на слободе, а не только на выборщиках[16].

---

[13] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 13—14.

[14] Голода и неурожаи в России с 1024 г. СПб., 1868. С. 17.

[15] В процессе работы с материалом мы встречали упоминания о недородах, неизвестных в литературе.

[16] РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Ед. хр. 956. Л. 1—1 об.

Бюрократический аппарат адаптирует существовавший веками общинный принцип круговой поруки. Выборы могут рассматриваться, в таком случае, как формальное возложение ответственности за избираемого на общину.

Нами были найдены сведения о двадцати двух командах «выборных» чиновников. В двадцати двух командах служило сорок человек. Сумма долга варьируется от 70 рублей до 1500. Недоборные деньги семи из этих групп были разложены на купечество слобод, которое их избирало[17]. Если община задерживала выплату, ее члены могли быть арестованы до возвращения долга их родственниками. Например, в 1739 г. были арестованы купцы кожевенной полусотни. На полусотню был разложен долг кожевенника Петра Кашина. К моменту начала следствия Петр Кашин уже умер. Была предпринята попытка собрать деньги с его наследников: матери и вдовы, но обе они оказались неплатежеспособными. Тогда был продан «двор» Кашина, но это не покрыло сумму долга: двор стоил всего 10 рублей. После чего произошло переложение долга на общину и последовавший за этим арест. Не арестованы были только кожевенники, изготовлявшие военную амуницию.

Существуют и другие сведения, подтверждающие, что государству удавалось взимать необходимые суммы с задолжавших купцов или ответственной за них общины. Например, Лазарь Афанасьев выбирался дважды и оба раза и имел крупные долги перед государством, его недоимку было решено взыскать с купечества[18]. Известно, что некоторые жители Барашской слободы (видимо, старосты) были посажены под караул в ратуше до выплаты долга[19]. Вынуждены были заплатить задолжность казне за ларечного Каменномостского питийного двора Гаврилу Болшакова и жители слободы Больших Лужников[20].

Наши сведения весьма фрагментарны, но сам факт того, что долги почти трети из групп «выборных» со товарищи были разложены на все купечество, говорит о том, что эта практика была характерна для Москвы в 20-е и 30-е годы XVIII века.

Государство произвольно назначало выборным нормы сборов, во многом заведомо невыполнимые ввиду экономической нестабильности. Все это так же приводило к значительному недобору, который возмещался государству общиной на основании древних традиций круговой поруки. Государство в целях решения проблем казны разоряло купечество среднего достатка и, одновременно с этим, облегчало налоговое бремя остальных податных сословий.

Ситуация в Москве в 20-е и 30-е гг. XVIII века вряд ли была нетипичной. Подобное положение дел могло существовать и в других регионах. Следовательно,

---

[17] РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 744. Л. 5; Д. 750. Л. 2; Д. 758. Л. 2—2 об.; Д. 766. Л. 2; Д. 956. Л. 3—3 об., 5—5 об., 7, 9, 11, 18, 20.

[18] Там жс. Л. 3—3 об., 5—5 об.

[19] РГАДА. Ф. 308. Оп. 1. Д. 251.

[20] Там же. Д. 247.

возникает вопрос о глубинных причинах этого явления. Фундаментальным фактором, определявшим подобное положение дел, во многом является скудость бюджета государства, существующего в условиях социума с минимальным совокупным прибавочным продуктом[21].

[21] *Милов Л. В.* Указ. соч.

Ю. В. Волошин (Полтава)

Структура семьи в «государевых описных малороссийских раскольничьих слободах»

(На примере слободы Деменка Топальской сотни Стародубского полка)

Целью данной работы является выяснение того, какая именно форма семейной организации была наиболее распространенной среди русских старообрядцев, проживавших в XVIII в. на территории Гетманщины в так называемых государевых описных малороссийских раскольнических слободах[1]. Основным источником для этих изысканий будут материалы III и IV ревизий Российской империи, которые проводилась в слободе Деменке, как и на территории Малороссии в 1765 и 1782 гг.

Результаты III ревизии этой слободы хранятся в краеведческом музее г. Новозибкова Брянской области Российской федерации[2]. Это относительно небольшая книга формата *in folio* в кожаном переплете, написанная скорописью XVIII в. Нумерация страниц — с 612 по 663 — указывает на то, что она является частью значительно большей рукописи, которая, возможно, вмещала данные этой ревизии по всем старообрядческим слободам.

Разборчивый почерк, отсутствие маргинальных пометок и подписи бурмистра «описных слобод» Алексея Хрущова на каждом листе документа могут свидетельствовать о том, что это был чистовой экземпляр переписи. Документ составлен как типичная ревизская сказка, он включает в себя данные двух переписей — настоящей и предыдущей. Однако в данном случае предыдущим оказался реестр 1736 г., который составил почепский комендант майор Г. Павлов[3]. С того времени и до 1765 г. жителей «описных слобод» не переписывали.

Всех жителей, внесенных в этот реестр, составители документа условно разделили на несколько групп: те, что проживали в Деменке во время переписи Павлова; те, что показаны в реестре 1736 г. как переведенные из других слобод; те, что приобыли в Деменку после переписи Павлова из-за границы; те, что пришли в слободу из владений Киево-Печерской лавры, а также те лица, которые издавна жили в слободе, но в прошлых переписях не показаны.

---

[1] «Государевы описные малороссийские раскольничьи слободы» — с 1715 по 1782 гг. официальное название поселений русских старообрядцев основанных на землях Стародубского (12 слобод) и Черниговского (2 слободы) полков Гетманщины на протяжении 1684—1710 гг.

[2] НКМ. КП. 1639/РК. 122. Л. 622—633. Книга переписи слободы Деменка Новозыбковского уезда за 1736 г.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1838.

Материалы IV ревизии хранятся в Центральном государственном архиве Украины в г. Киеве. Ревизская сказка, которая вмещает в себя данные по слободе Деменке, составлена по такой же форме, что и проанализированный выше документ, с той лишь разницей, что отправной точкой является 1765 г.[4]

С тем чтобы получить более четкое представление о населении слободы, мы всех ее жителей распределили по возрасту, полу и семейному положению, внеся эти данные в специальную таблицу, которую в исторической демографии принято называть таблицей необработанных данных (*см. табл. 1*).

Таблица 1

Распределение населения сл. Деменки по полу, возрасту и семейному положению состоянием на 1765 г.

Возрастная группа (года)	Мужчины					Женщины				
	Холостые	Женатые	Вдовцы	Неопр. семейное состояние	Всего	Холостые	Замужние	Вдовы	Неопр. семейное состояние	Всего
0—4	17				17	31				31
5—9	30				30	38				38
10—14	39				39	25				25
15—19	38	1			39	14	1			15
20—24	14	14			28		25	1		26
25—29	6	15			21	2	26			28
30—34	1	10	1		12		23	1		24
35—39	1	22		1	24		8			8
40—44	3	11			14		11	2		13
45—49	1	9	1		11		5	1		6
50—54		8	1		9		6	3		9
55—59		2			2		3	4		7
60—64		4	1		5		1	3		4
65—69		2			2		1	2		3
> 70		3	1		4			4		4
Всего	150	101	5	1	257	110	110	21		241

[4] ЦДІАУ. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 172—185зв.

Как видим, согласно данным III ревизии, в слободе проживало 498 лиц — 257 мужчин и 241 женщина. Мужской коэффициент (доля мужчин в общем составе населения), который вычисляется простым делением мужчин на общее число жителей, составляет 0,516 и свидетельствует о незначительном мужском преимуществе[5]. Половое соотношение, которое определяют путем деления числа мужчин на число женщин с последующим умножением полученного результата на 100, в нашем случае равняется: $\frac{257}{241} \times 100 = 106{,}6$. Таким образом, недорегистрация женщин была незначительной и находилась в пределах допустимой нормы[6].

Распределение населения в таблице указывает, что основную массу жителей — 60 % (296 чел.) составляли лица трудоспособного возраста[7], другой значительной группой были дети — 36 % (180 чел.) и наименьшую — 4 % (22 чел.) составляли лица преклонного возраста . Таким образом, соотношение работников (296 лиц) и едоков (202 лица) в пользу работников и составляет: $\frac{296}{202} = 1{,}47$. Это, в свою очередь, указывает на то, что один работник мог содержать нескольких едоков, а трудовой потенциал жителей Деменки, учитывая, что вторую по величине группу населения составляли дети, был довольно высокий.

В ревизии все эти люди записаны членами 89 домохозяйств, средняя обитаемость которых составляла соответственно 5,8 чел. Эта цифра не намного больше той, которую определили М. Миттерауер и А. Каган для сельских районов Ярославского уезда — 5,2 чел.[8] Ценность использованного нами источника для рассмотрения данного вопроса состоит в наличии в нем данных сразу двух ревизий, которые позволяют определить как изменился средний размер слободских домохозяйств за период в 29 лет. Итак, перепись 1736 г. зафиксировала в слободе Деменке 29 домохозяйств, в которых проживало 193 чел. Средняя населенность составляла соответственно 6,8 чел. Таким образом, сравнение данных за 1736 и 1765 гг. указывает на то, что, несмотря на значительное увеличение население Деменки за период между ревизиями, средний размер слободских домохозяйств существенно сократился. Правда, это явление было временным, так как вскоре размеры домохозяйств снова начали расти, причем довольно стремительно. Так, согласно данным

---

[5] *Анри Л., Блюм А.* Методика анализа в исторической демографии / Пер. с франц. С. Хока, Ю. Егоровой. М., 1997. С. 22.

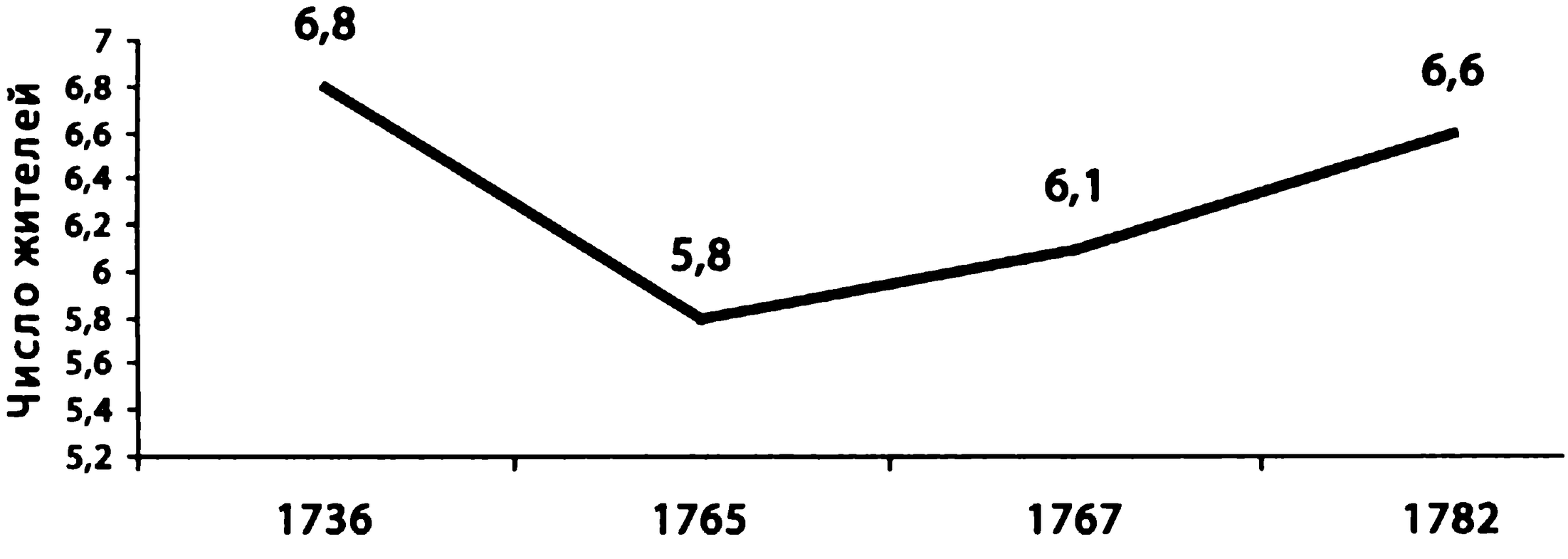
[6] Идеальным соотношением полов в исторической демографии считается коэффициент 105. Если же он меньше 100 или больше 110, считается, что имеет место недоучет населения одного пола (Там же. С. 27).

[7] Необходимо оговориться, что, согласно тогдашним представлениям, лица в возрасте от 0 до 14 лет считались детьми, от 15 до 60 — работоспособными, от 60 и старше — престарелыми.

[8] *Миттерауер М., Каган А.* Структура семьи в России и Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома. Отв. ред. О.Е. Кошелева; пер. с франц. Л.А. Пименовой. СПб., 2004. С. 46.

Румянцевской описи Малороссии, которую в Деменке провели в 1767 г., число домохозяйств в слободе снова сократилось — до 25, а их населенность выросла до 6,1 чел.[9] Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. В частности, проведенные нами исследования материалов IV ревизии (1782 г.) свидетельствуют о росте населенности домохозяйств до 6,6 лица[10]. Лучше всего динамика этих изменений видна на графическом изображении (см. график 1).

График 1. Населенность домохозяйств слободы Деменки



Таким образом, на протяжении почти всего XVIII в. средняя населенность домохозяйств этой слободы постоянно изменялась. Средний показатель для всех четырех ревизий, согласно моим подсчетам, составлял 6,3 чел. Наиболее вероятно, что значительное влияние на его формирование имели миграционные процессы. К такому выводу приводит ряд фактов. В частности, сокращение числа жителей домохозяйств в период между переписью майора Г. Павлова и III ревизией совпадает с ростом числа жителей слободы за счет переселенцев из-за границы Речи Посполитой, из старообрядческих слобод, которые находились во владениях Киево-Печерской лавры, и соседних описных слобод. Таких в материалах III ревизии зафиксировано 248 чел.[11] С другой стороны, рост населенности домохозяйств между III и IV ревизиями совпадает с уменьшением числа жителей Деменки, которое было связано с привлечением староверов к колонизации

---

[9] *Волошин Ю.* Населення домогосподарств «государевых малороссийских описных раскольнических слобод» (За матеріалами «Генерального опису Лівобережної України 1767—1769 рр.») // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2003. Вип. 2. С. 119.

[10] ЦДІАУ. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 172—185зв.

[11] НКМ. Л. 659зв.

новообразованных южных губерний[12]. Население слободы тогда сократилось на 167 чел.[13]

Необходимо также обратить внимание и на тот факт, что в те годы, когда средняя населенность превышала 6 чел., число домохозяйств было незначительным: 1736 г. — 29, 1767 г. — 25, а в 1782 г. — 23. А в 1765 г. их было 86 — наибольшее количество за всю историю пребывания Деменки в составе «описных слобод». Объяснить этот феномен довольно сложно, можно лишь предположить, что среди мигрантов доминировали представители малонаселенных домохозяйств.

Тем не менее даже наибольший из вышеназванных показателей едва ли может свидетельствовать о преобладании в слободе большой семьи. Несмотря на то что эти цифры больше, чем в Ярославском уезде, они уступают не только показателям некоторых других регионов Восточной Европы (Прибалтика — 12--18 чел.; Рязанская губерния — 8—9,7), но и Западной (Зальцбург — 7,7)[14]. Как видим, семья в слободе Деменке больше была похожа на западноевропейскую, нежели на русскую. Правда, средняя населенность домохозяйств слободы, зафиксированная в IV ревизии, — 6,6 чел. — полностью совпадает с аналогичными показателями, которые определил для украинских сел Овруцького уезда М. Крикун[15].

Возможно, что объяснить отдельные аспекты причин уменьшения размеров домохозяйств нам поможет выяснение их структуры. Определять ее мы будем, следуя за распространенной в исторической демографии классификацией П. Ласлетта[16], который выделил три основных типа семейных структур:

простое, или нуклеарное, семейное домохозяйство состоит из одной брачной пары с детьми или без них;

домохозяйство, в котором, кроме членов нуклеарной семьи, жил еще кто-нибудь из родственников, называется расширенным;

домохозяйство, которое состоит из нескольких нуклеарных семей, называется мультифокальным, или сложным.

Кроме этих основных типов существуют еще и домохозяйства, которые состоят из одиночек, и такие, члены которых не образовывают семей.

Чтобы увидеть, как именно изменялась структура домохозяйств на протяжении исследуемого периода, я использовал данные трех реестров — переписи майора Г. Попова, а также III и IV ревизий (см. табл. 2).

---

[12] Это были Астраханская, Белгородская и Новороссийская губернии. На первом месте была, безусловно, Новороссийская. Из Деменки в эту губернию в 1767 г. одних только лиц мужского пола выбыло 98 чел. (Подсчитано по: ЦДІАК України. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 172—185зв.).

[13] ЦДІАУ. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 185зв.

[14] *Миттерауер М., Каган А.* Указ соч. С. 46—47.

[15] *Крикун М.* Названа праця. С. 27.

[16] *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М., 1979. С. 151

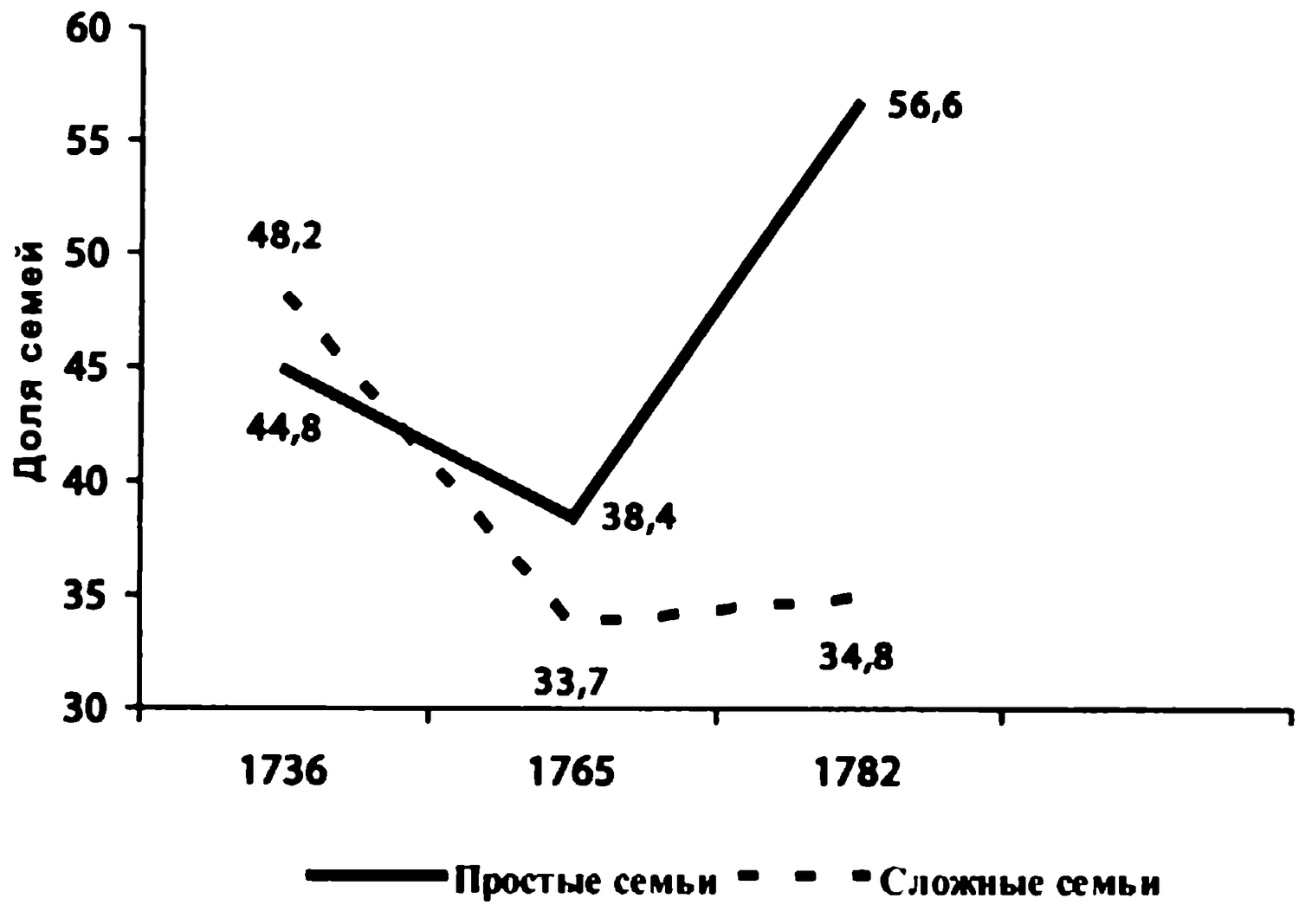
Таблица 2

Типология домохозяйств слободы Деменки

Дата ревизии / Домохозяйство	1736 г.		1765 г.		1782 г.	
	Количеств	%	Количеств	%	Количеств	%
Нуклеарное	13	44,8	33	38,4	13	56,6
Расширенное	2	7	11	12,8	1	4,3
Сложное	14	48,2	29	33,7	8	34,8
Одиночки	—	—	12	14	1	4,3
Без структуры	—	—	1	1,1	—	—
Всего	29	100	86	100	23	100

Полученная в результате обработки источника таблица указывает на то, что на время переписи 1736 г. большинство семей в слободе были сложными — 48,2 %. Однако доля простых семей была не намного меньшей — 44,8 %. В дальнейшем, очевидно в результате притока новых жителей, ситуация изменилась в пользу нуклеарных семей: в 1765 г. их доля составляла уже 38,4 % против 33,7 % сложных, а в 1782 г. — 56,6 % против 34,8 % (см. график 2). Причем если в 1765 г. преимущество нуклеарной семьи было относительным, так как еще 12,8 % представляли расширенные семьи, которые, по сути, тоже были большими, то в 1782 г. это первенство стало реальным, ведь доля расширенных семей сократилась до 4,3 %.

График 2. Изменение семейных структур



Причины таких существенных и довольно быстрых изменений семейной структуры следует, очевидно, усматривать в миграционных процессах. Малая семья была более мобильной, нежели сложная, а именно такие семьи преобладали как среди тех мигрантов, которые пришли в слободу до 1765 г.[17], так и среди тех, которые выходили из нее после 1767 г.[18] Возможно, что определенное влияние на это могло оказывать и то, что основные средства к существованию слобожане приобретали не земледелием, а работой по найму. Именно это обстоятельство, по утверждению Б. Миронова, способствует уменьшению размеров семьи[19].

Довольно интересную информацию о структуре семьи в слободе Деменке дает определение количества поколений в каждой семье (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество поколений в семьях

Годы переписей	Поколение								Всего	
	1		2		3		4			
	Количество	%	Количеств	%	Количеств	%	Количеств	%	Количеств	%
1736	2	7	15	51,7	12	41,3	—	—	29	100
1765	14	16,5	56	65,3	15	17,1	1	1,1	86	100
1782	3	13	15	65,2	5	21,8	—	—	23	100

Оно свидетельствует, что большинство слободских семей на протяжении всего периода состояло из двух поколений. Доля трехпоколенных семей была высокой только в 1736 г., в дальнейшем же она значительно сократилась. Это в свою очередь указывает на то, что лишь небольшое число жителей слободы второй половины XVIII в. видело своих внуков и почти никто из них не доживал до правнуков. По крайней мере, в материалах трех ревизий мы нашли лишь 1 случай четырехпоколенной семьи. Это была семья вдовы Акилины Чебаревой (см. схему 1).

Вдова проживала вместе с тремя своими взрослыми сыновьями: Тимофеем (50 лет), Игнатом (30 лет) и Пантелеем (20 лет). Женатым из них был только Тимофей, который вместе с женой Анною (50 лет), тоже имел трех сыновей: Петра (22 года), Алексея (12 лет) и Ивана (7 лет). Петр уже состоял в браке и имел жену

---

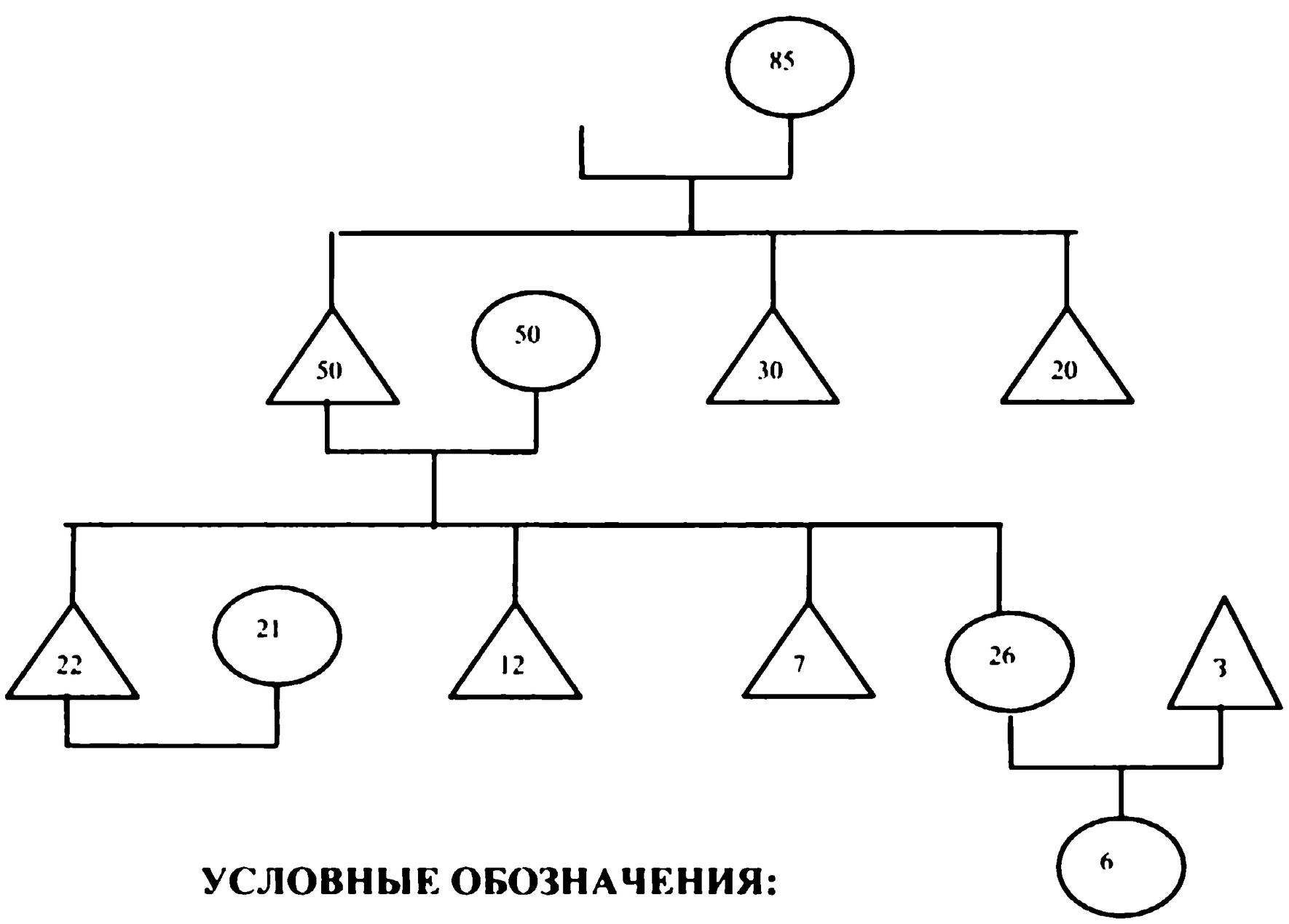
[17] НКМ. Л. 634зв. — 658.

[18] ЦДІАУ. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 172—185зв.

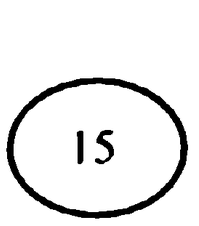
[19] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.), в 2-х т. 3-е изд., исп., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. С. 222.

Марфу 21 года, которую взяли в расположенной неподалеку, на территории Речи Посполитой, старообрядческой слободе Халче. Кроме них в семье жила еще и Тимофеева замужняя дочь Акилина, 26 лет, вместе со своей малолетней дочерью Феклою, 6 лет. Она была женой Нестора Яковлева, «*сосланнаго за воровство в Сибирь сего 1765 году*»[20]. Неизвестно, возвратилась ли Акилина в семью отца после ссылки мужа или жила там вместе с ним и раньше.

Схема 1. Семья вдовы Акилины Чебаревой

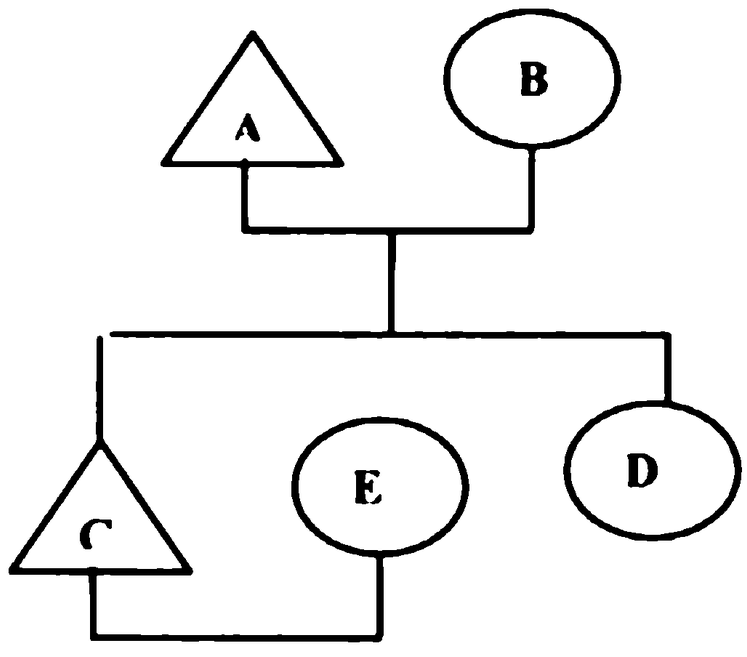


УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:



ЖЕНЩИНА

МУЖЧИНА



A муж B,
C и D их дети,
а E является
невесткой A,B i D

Проведенный анализ свидетельствует о том, что даже в условиях доминирования двухпоколенной модели значительную часть в слободе составляли сложные семьи, в которых жило две и больше брачных пар. Этот показатель превышает

[20] НКМ Л. 644—644 об.

аналогичные данные по Ярославскому уезду[21]. Основу мультифокальной семьи в Деменке составляли лица, связанные между собой родственными связями по мужской линии. Как правило, вместе проживали и совместно вели хозяйство отцы и сыновья, родные братья, дядья и племянники, даже двоюродные братья со своими семьями.

Наиболее распространенными были первый и второй варианты. Так, согласно моим подсчетам, среди сложных семей, зафиксированных переписью 1736 г., 78,6% были отцовскими, а 14,3% приходились на братские. В 1765 г. соотношение несколько изменилось, но в пределах этих же двух семейных структур: отцовские теперь составляли 38%, а доля братских возросла до 34,5%. Согласно данным четвертой ревизии, доля братских семей была еще выше — 50%, второе место заняли отцовские — 37,5%. Классическими примерами таких семей можно считать домохозяйства Нестора Кононова[22] и братьев Худяковых[23] (см. схемы 2, 3).

Схема 2. Домохозяйство Нестора Кононова

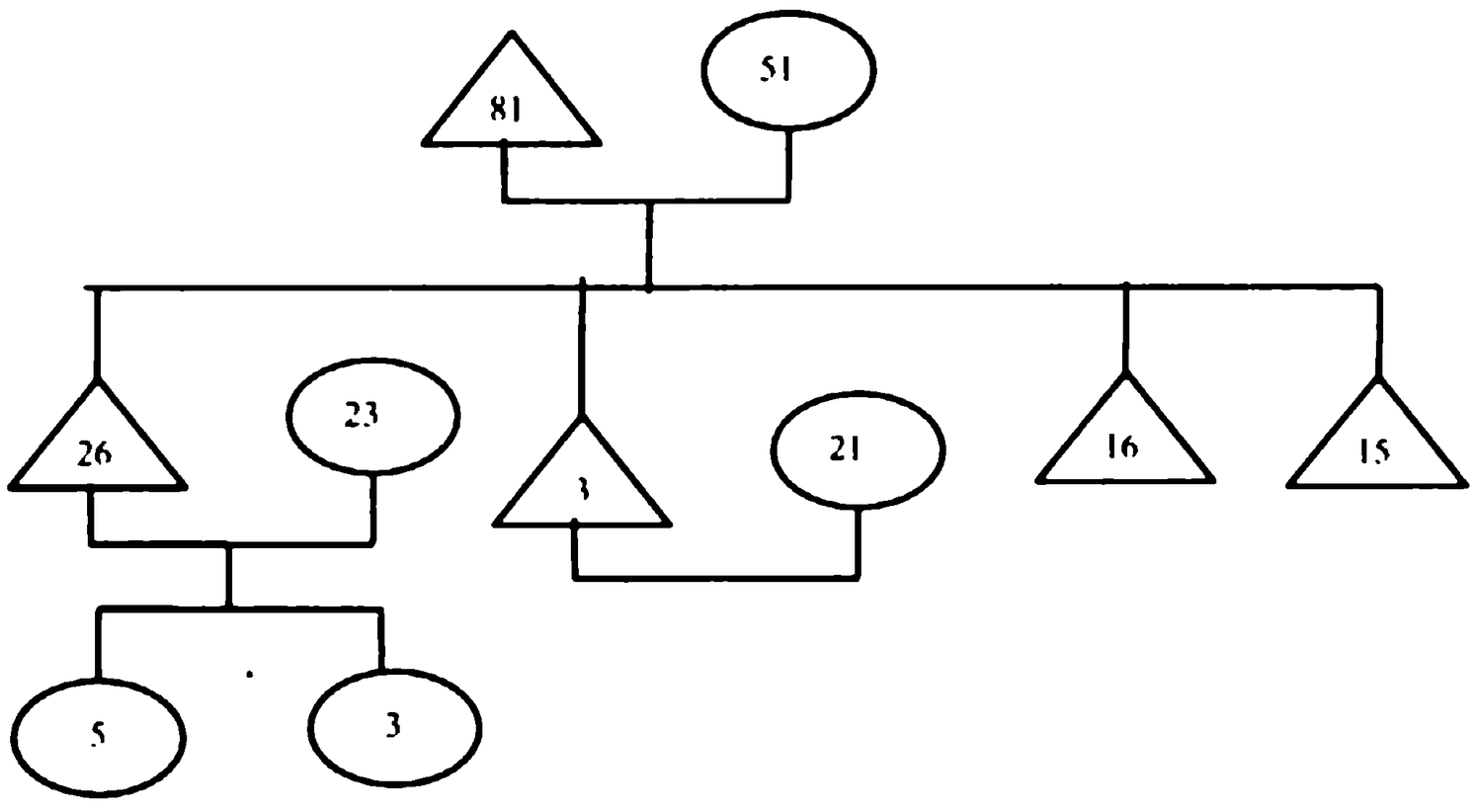
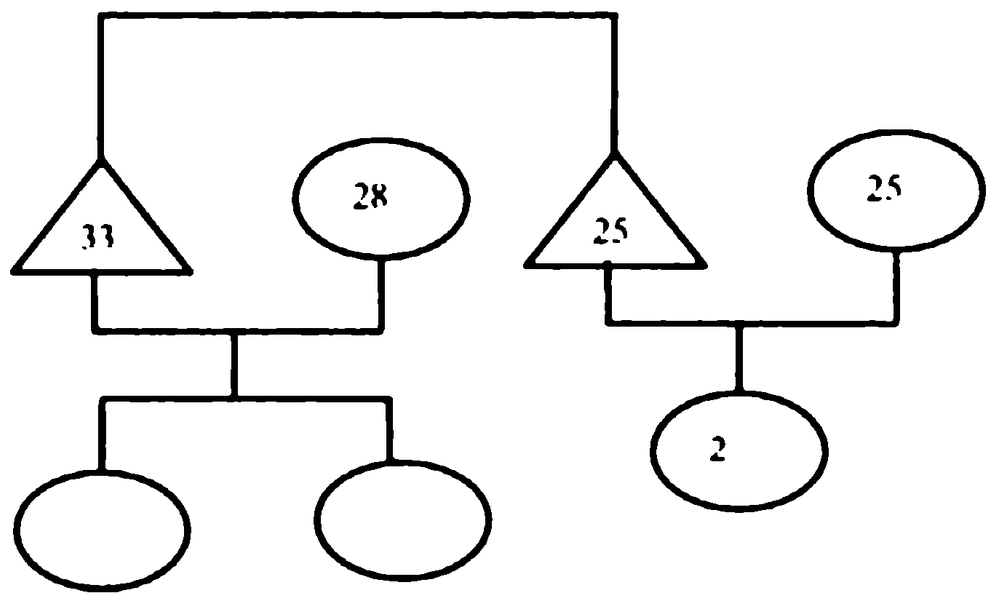


Схема 3. Домохозяйство братьев Худяковых



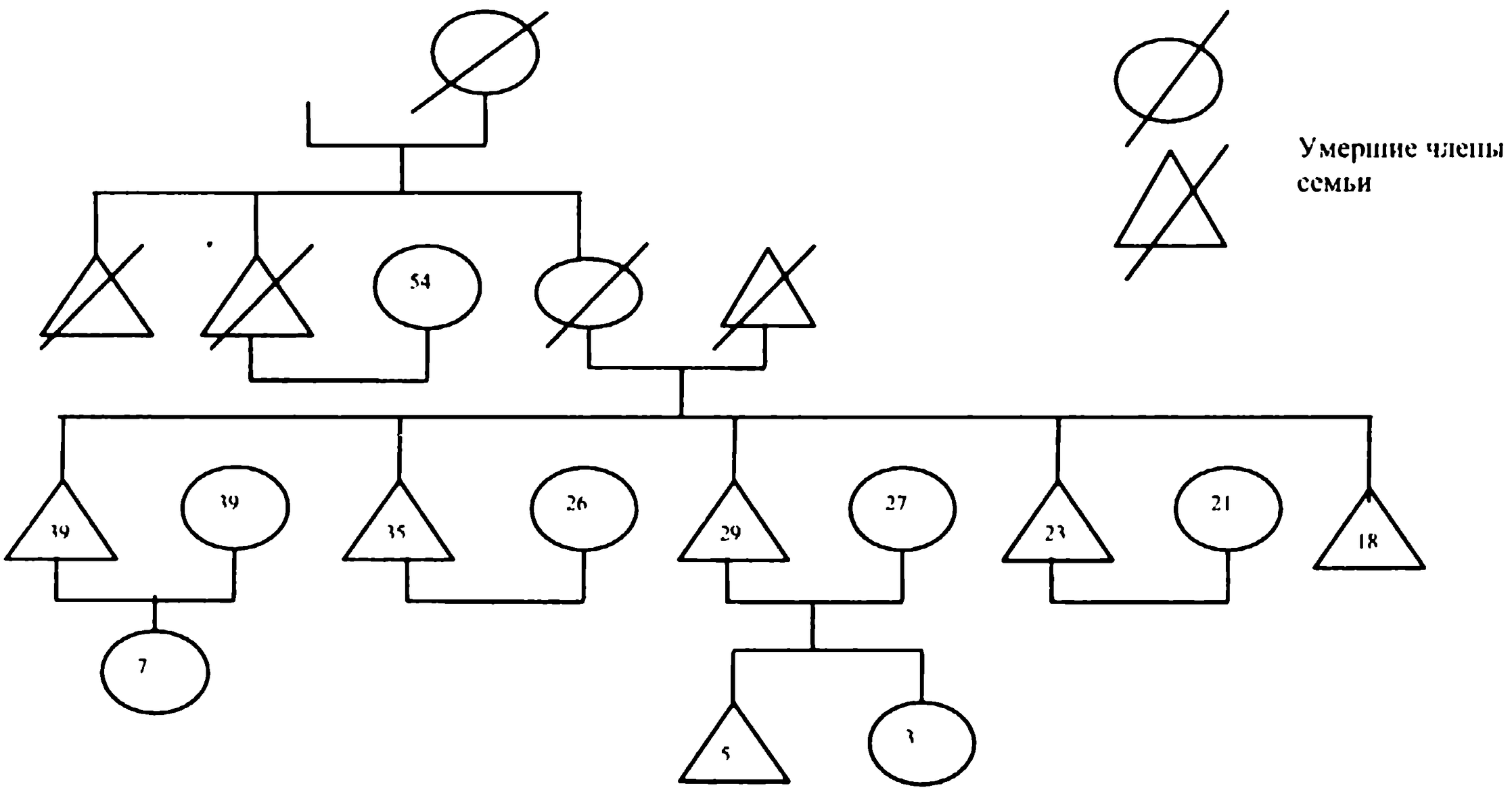
[21] *Миттерауер М., Каган А.* Указ соч. С. 48—49.

[22] НКМ. Л. 649—649 об.

[23] Там же. Л. 635.

Кроме вышеперечисленных, в слободе встречались и не совсем обычные для традиционной русской семьи структуры — частые случаи проживания в семьях дочерей с мужьями, а также зятьев или невесток, которые оставались в них и после смерти жены или мужа. Так, например, бездетная вдова Авдотья Глазунова (54 года) жила в семье детей умершей мужниной сестры Пелагеи — братьев Петровых, не имея с ними никакой кровной связи. Это домохозяйство интересно еще и тем, что в нем в свое время жил зять Самойло Петров, который пришел в это домохозяйство примаком и начал в нем новую генеалогическую линию (см. схему 4).

Схема 4. Домохозяйство Глазуновых-Петровых



На схеме также хорошо видно, что структура семьи, так же как и ее тип, имели свойство изменяться со временем. В данном случае из отцовской семьи она за 29 лет превратилась в братскую. Можно также привести немало примеров, когда сложные семьи превращались в простые или наоборот. Таким образом, мы имеем наглядное подтверждение тезиса, выдвинутого известным демографом А. Г. Вишневским, о том, что зафиксированные в источниках разные типы семьи «*на самом деле могут представлять собой разные фазы цикла одной и той же семейной структуры*»[24].

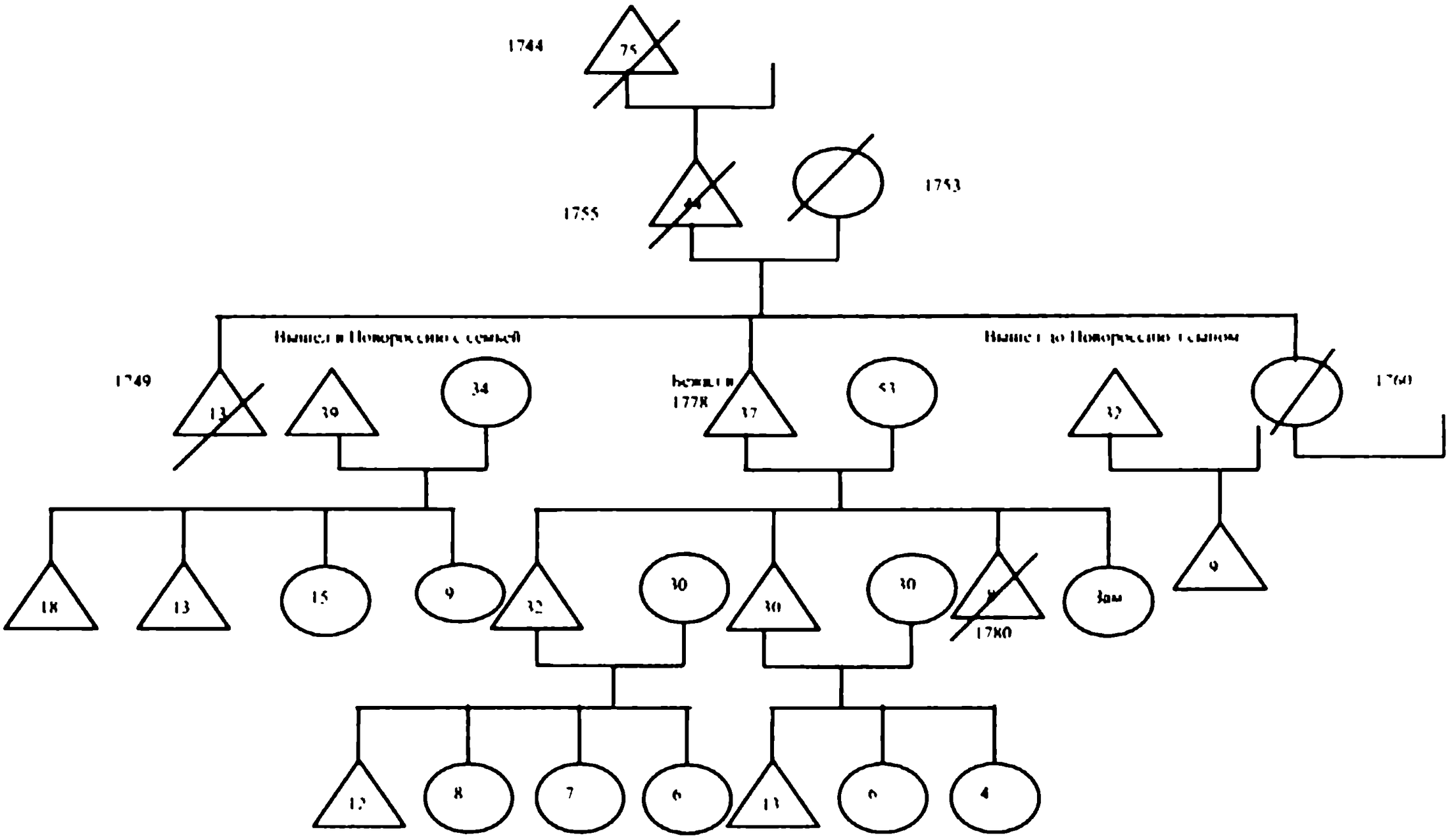
Таких фаз, по утверждению М. Миттерауера и А. Кагана, может быть несколько[25]. Первая — это нуклеарная семья, в которой проживают лишь родители и неженатые дети. В нашем случае доля таких семей была довольно высокой, а во время последней переписи преобладала (см. табл. 2). Вторая фаза развития до-

[24] *Вишневский А. Г.* Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций (на примере метаморфозы семьи) // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 30.

[25] *Миттерауер М., Каган А.* Указ. соч. С. 66.

мохозяйства наступает после бракосочетания одного или нескольких сыновей, а третья — после смерти родителей, тогда семья превращается в братскую. Когда же в ней умирают представители старшего поколения, начинается четвертая фаза, которая предусматривает сначала общее проживание дядей с племянниками, а позднее двоюродных братьев.

Схема 5. Домохозяйство Парфена Чекрыжева



Безусловно, что это идеальная схема, которую в таком виде не всегда удается увидеть на практике из-за того, что источники фиксируют не полный цикл развития домохозяйства. Для примера рассмотрим, как изменилось за исследуемый период домохозяйство Парфена Чекрыжева (см. схему 5)[26]. Как видно из созданной схемы, во время переписи майора Г. Павлова в 1736 г. это была сложная семья отцовского типа, которая состояла из двух нуклеарных ядер. В домохозяйстве тогда проживали: хозяин, вдовец Парфен Чекрыжев (75 лет), и его сын Федор (44 года) с женой Марией и пятью детьми — сыновьями Иваном (13 лет), Григорием (10 лет), Семеном (8 лет), Кириллом (3 лет) и дочерью Меланьей. За время, которое прошло между переписями, структура этой семьи изменилась. Домохозяйство, правда, продолжало оставаться сложным, но приобрело форму братского.

Данные III ревизии (1765 г.) свидетельствуют о том, что часть членов домохозяйства со времени переписи майора Г. Попова умерла. Это, в частности: глава семьи — Парфен, которому на момент смерти, в 1744 г., уже исполнилось 83 года, его невестка Мария (1753 г.), а со временем, в 1755 г., и сын Федор. Были потери и

---

[26] НКМ. Л. 622 об. — 632 об.; ЦДІАУ. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 176—177.

среди детей — в 1749 г., еще молодым (26 лет) умер старший сын Иван, а в 1760 г. дочь Меланья, которая к тому времени уже успела выйти замуж и овдоветь.

Таким образом, в 1765 г. в этом домохозяйстве проживало трое братьев, в то время уже состоявших в браке, т. е. было три нуклеарных ядра. В первое входил старший из братьев Григорий (39 лет) с женой Екатериной (34 года) и детьми: Матвеем (18 лет), Федотом (13 лет), Татьяной (15 лет) и Гликерией (9 лет). Вторая нуклеарная семья по количеству членов была похожа на первую. Она состояла из среднего брата Семена (37 лет), его жены Акилины (36 лет) и четырех детей: Луки (15 лет), Моисея (13 лет), Терентия (8 лет) и Аграфены (9 лет). Третье нуклеарное ядро было неполным из-за того, что младший из братьев — Кирилл (32 лет) — на момент переписи овдовел и проживал вместе с малолетним сыном Иваном (9 лет).

Материалы IV ревизии (1782 г.) демонстрируют нам новый цикл в развитии этого домохозяйства, которое все еще остается сложным, но приобретает новую форму. К тому времени главой домохозяйства стал средний брат Семен, а его братья вместе с семьями вышли в Новороссийскую губернию (1767 г.)[27]. За 17 лет, которые прошли со времени III ревизии, в семье Семена тоже состоялись некоторые изменения: вступили в брак старшие сыновья, умер в 1780 г. младший сын Терентий, а дочь выдали замуж. Сам хозяин в 1778 г., как показано в реестре, «*бежал*». Причина такого его поступка, к сожалению, остается неизвестной.

Как видим, согласно переписи 1782 г., это домохозяйство снова приобрело вид сложной отцовской семьи, которая состояла, как и в предыдущем случае, из трех нуклеарных семей. Правда, первое отцовское ядро после бегства Семена выглядит неполным. В домохозяйстве тогда жили: жена Семена Чекрыжева Акилина (53 года) и его женатые сыновья. Старший — Лука (32 лет) с женой Марфой (30 лет) и детьми: сыном Дорофеем (12 лет) и тремя дочерьми — Натальей (8 лет), Марфой (7 лет) и Федорой (6 лет). Его младший брат Матвей (30 лет) имел жену Мавру (30 лет) и трех детей: Архипа (13 лет), Татьяну (6 лет) и Вассу (4 года).

Таким образом, несмотря на то что на протяжении всего рассмотренного периода домохозяйство Чекрыжевых оставалось сложным, его структура постоянно изменялась.

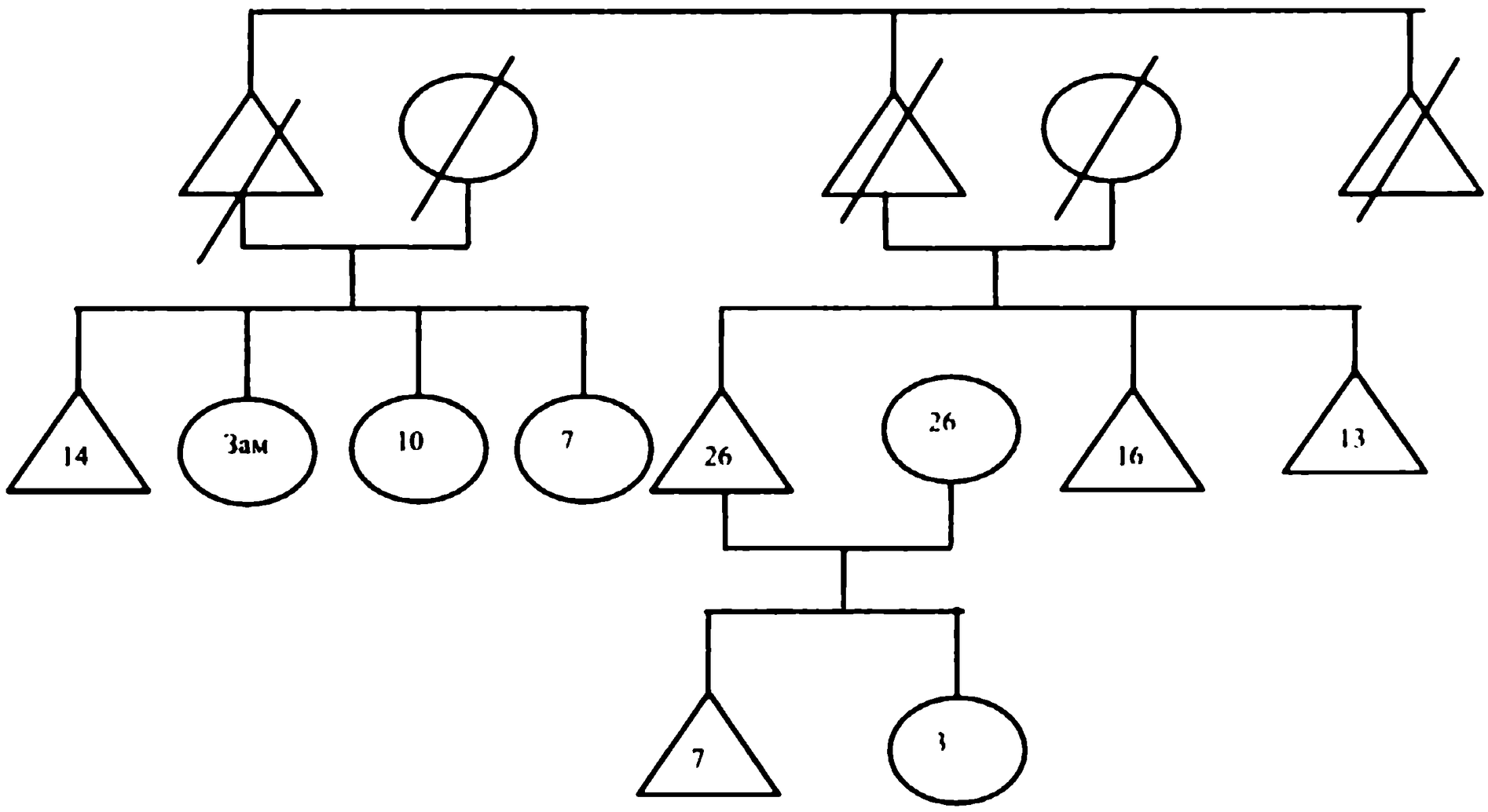
Примером наиболее поздней фазы развития семейной структуры может служить семья Федяевых[28], которая из сложной братской, согласно переписи 1736 г., превратилась в 1765 г. в такую, в которой проживали двоюродные братья (см. схему 6). Как видим, согласно реестру майора Г. Павлова, в этом домохозяйстве проживали три брата: Иван (26 лет), Филат (20 лет) и Сергей (17 лет). Старшие братья были женаты. На момент производства III ревизии все они умерли — Сергей в 1740 г., Филат в 1742 г., Иван в 1760 г. Не дожили до 1765 г. и их жены: Иванова жена Анна умерла в 1759 г., а Филатова в 1764 г.

---

[27] ЦДІАУ. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 177.

[28] НКМ. Л. 619—620.

Схема 6. Домохозяйство братьев Федяевых



Таким образом, на время проведения III ревизии в домохозяйстве проживали Ивановы и Филатовы дети, которые приходились один другому кузенами.

Слободские домохозяйства строились преимущественно на основе кровных связей по строго патрилинейному принципу, что вполне соответствовало тогдашней великорусской традиции[29]. Но все же встречаются отдельные случаи, когда в семьи принимались лица, не связанные с хозяином кровнородственными отношениями. К ним нужно отнести вышеупомянутых примаков, незаконнорожденных детей, которых имели жены, отдельных жителей Деменки и пасынков, которые появлялись в семьях в результате вступления хозяев в повторный брак со вдовами, и т. п.

Наибольшую часть таких лиц составляли зятья, их в проанализированных нами переписях зафиксировано четверо — в семьях: вдовы Василисы Глазуновой[30], Артема Пузевского[31], Семена Панебратова[32] и Михаила Федяева[33]. Примеры других отклонений от патрилинейного принципа являются одиночными. Так, в домохозяйстве Григория Картавого жили два его шурина Гаврила и Мануил, последний имел собственную семью[34]. В семье Сафона Потемкина жили незаконнорожден-

---

[29] *Миттерауер М., Каган А.* Указ. соч. С. 69.; См. также: *Лещенко В. Ю.* Русская семья (XI—XIX вв.). СПб., 2004. С. 64— 65.

[30] НКМ. Л. 617 об.

[31] Там же. Л. 625 об.

[32] Там же. Л. 638.

[33] Там же. Л. 650.

[34] Там же. Л. 623 об.

ные дети его невестки Ирины, жены старшего сына Антона[35]. Вместе с Григорием Киселевым, кроме собственных детей, жили и его пасынки от второго брака[36].

Повторных браков в слободе заключено было немного — всего пять[37]. Характерно, что в четырех случаях в них вступили женщины. Причем выходили, по обыкновению, в другие слободы. В источнике факт повторного замужества фиксировался таким образом: «*В Кондрата жена Матрёна Евстратова дочь пятидесяти одного года; которая по смерти мужа своего вышла за второго мужа в слободу Шеломы*»[38]. Как видим, вдовы чаще старались вступить в повторный брак. Однако, учитывая то, что вдовцов в Деменке, согласно переписи 1765 г., было лишь 5, а вдов 21 (см. табл. 1), это явление выглядит вполне закономерным, хотя в слободе Клинцы, где реестр 1782 г. зафиксировал 51 такой случай, чаще в повторный брак вступали мужчины[39]. По моему мнению, этот факт некоторым образом можно объяснить тем, что к 1765 г. доля сложных семей в Деменке была значительной. А в таких домохозяйствах, в случае смерти главы семьи или его жены, выполнение их функций могли взять на себя другие взрослые члены этого сообщества. В Клинцах же преобладали нуклеарные домохозяйства[40], и, соответственно, потребность в пополнении семьи взрослыми членами там была большей.

Этим, очевидно, следует объяснять и относительно большой процент вдовцов среди глав домовых сообществ. Так, из 29 домохозяйств, зафиксированных переписью 1736 г., 10 (34%) возглавляли вдовцы. Во второй половине XVIII в. их часть уменьшилась вдвое — в 1765 г. таких семей было 15 (17%), в 1782 г. — 4 (17%). Причем, несмотря на то что традиционный принцип патрилинейности прослеживается в домовых сообществах Деменки довольно четко, распространение приобретают домохозяйства, которые возглавляли вдовы. Если среди глав 10 вышеназванных домохозяйств 1736 г. 8 возглавляли вдовцы и лишь 2 — вдовы, то в 1765 г. ситуация кардинально изменилась — вдов было 12 против 3 вдовцов, а 1782 г. такими семьями руководили исключительно женщины.

Рассматривая проблему повторных браков в этой слободе, следует также обратить внимание и на тот факт, что две вдовы не имели детей в первом браке, одна оставила своего сына в семье умершего мужа, а еще двое пришли в новую семью вместе с детьми. Вполне очевидно, что перед нами явный факт нарушения принципа патрилинейности. Однако появление этих детей едва ли могло чем-то угрожать тем домохозяйствам, в которые они пришли, ведь двое из них были девочками, т. е. должны были в перспективе выйти замуж. Относительно же мальчика заметим, что претендовать на какое-то имущество в новой семье он, очевидно, не мог, так как у

---

[35] НКМ. Л. 617.

[36] Там же. Л. 626 об.

[37] Там же. Л. 613 об., 619, 621 об., 625 об.; ЦДІАУ. Ф.1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 180зв.

[38] *НКМ. Л. 613 об.*

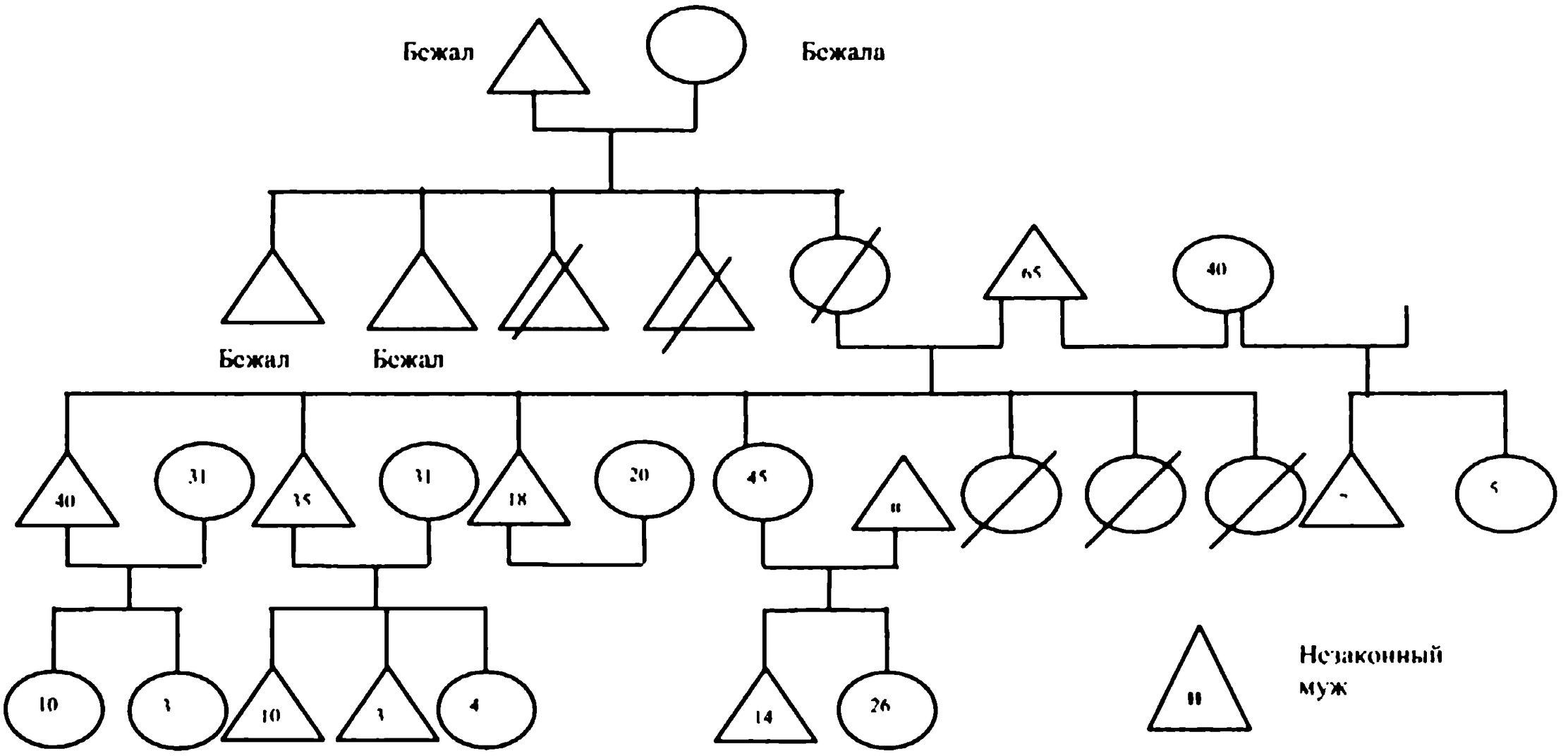
[39] *Волошин Ю.* Шлюбність і шлюбний стан старовірів Стародубського полку // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 49.

[40] *Волошин Ю.* Населення домогосподарств... С. 121.

его отчима было трое собственных взрослых женатых сыновей и дочь с зятем. А вот сын вдовы Анны Наумовой Иван (13 лет) не пошел вместе с матерью в семью ее второго мужа, а остался жить со своей старой бабушкой Феодосией (69 лет)[41], вероятнее всего, потому, что был единственным наследником своего родного домохозяйства. Это и произошло, так как в ревизии 1782 г. он уже показан его хозяином[42].

Однако в большинстве случаев вдовы с детьми, даже если они были относительно молодого возраста, продолжали жить в семьях умерших мужей. Таких в слободе, согласно переписи 1765 г., было 18 лиц, или 86 %. Это, по моему мнению, лишний раз подтверждает соблюдение в Деменке патрилинейного принципа наследственности. Вдовы таким способом обеспечивали наследование родительского имущества собственными детьми. Случаев, когда бы они выходили замуж и передавали домохозяйства в собственность второго мужа, в использованных мною источниках не встречается совсем. Кроме того, мне удалось найти всего лишь два случая, когда хозяевами становились приемыши. Ими были упоминавшийся выше Самойло Петров (см. схему 4) и Григорий Киселев. Семья последнего включала в себя целый ряд нетипичных для слободских семей особенностей (см. схему 7).

Схема 7. Домохозяйство Григория Киселева



Согласно переписи 1736 г., главой этого домохозяйства значится Артем Максимов сын Пузевской (70 лет). Он имел жену Аксинью, четырех сыновей — Алексея (30 лет), Трофима (22 года), Ерофея (19 лет) и Кузьму (9 лет), а также дочь Феклу, которая проживала в семье отца вместе со своим мужем Григорием Киселевым (36 лет) и детьми: Андреем (11 лет), Анофрием (6 лет), Прасковьею (16 лет), Анною, Афимьею, Анною младшей. Зять был принят в эту семью, очевидно, из-за

[41] НКМ. Л. 618 об. — 619.

[42] ЦДІАУ. Ф. 1907. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 174.

того, что пришел в слободу из довольно отдаленного региона и, вероятно, не имел собственного хозяйства. В источнике о нем сказано: «*...бывал полской нации города Вилна, пришел в слободу Демешку тому сорок пят лет*», т. е. в 1720 г.

До 1765 г. в семье состоялись довольно значительные изменения, в результате которых Григорий и возглавил это домохозяйство. В 1739 г. по неизвестным причинам Артем Пузевской вместе с женой и двумя старшими сыновьями (младшие к тому времени умерли) убежал из слободы[43]. В результате этого мужская линия рода Пузевских прекратила свое существование, а из женщин осталась лишь Григориева жена Фекла, но и она в 1760 г. умерла[44]. С того времени он и стал полноправным хозяином.

В его собственной семье, кроме смерти жены, произошли и другие события: умерли три младшие дочери -- Анна Младшая (в 1737 г.), Афимья (в 1740 г.) и Анна (в 1743 г.)[45]; в 1747 г. родился сын Кузьма, ко времени III ревизии он уже был женат на Прасковье, взятой в слободе Климовой[46]; вступили в брак старшие сыновья — Андрей женился на сироте из слободы Климовой Марье[47], а Анофрей на Афимье, дочери жителя этой же слободы Евтифея Беланина[48]. Не совсем удачно была выдана замуж дочь Григория Прасковья — «*за вышедшего и с Полши Петра Шешна; которой был ей незаконной; потому что вон женился на ней обманно от живой жены*»[49]. У всех их появились собственные дети — у Андрея две дочери Татьяна и Анна, у Анофрия сыновья Михаил и Марк, да дочь Настасья, а у Прасковьи сын Петр и дочь Домна. Последние считались незаконнорожденными. Кроме этого, вторично вступил в брак и сам хозяин. Как уже выше упоминалось, его новая жена пришла в семью мужа вместе со своими детьми.

Итак, уникальность этого домохозяйства заключалась в том, что: вопервых, его возглавил бывший примак; во-вторых, хозяин-вдовец женился вторично на вдове с детьми и в его семье жили пасынки; в-третьих, именно в этой семье жили незаконнорожденные дети. Определенный интерес вызывает и сам факт вступления уже не молодым Григорием, как минимум в возрасте 60 лет, в повторный брак. Причем женился он хотя и на вдове, но значительно младше себя. Как видно из схемы, Григорию в 1765 г. было 65 лет, а его жене Пелагее — 40. К тому же вдова имела детей, которых привела вместе с собой в новую семью, увеличив численность довольно населенного и без них (15 лиц), домохозяйства. Едва ли этой семье нужны были дополнительные женские рабочие руки, ведь взрослых женщин в ней и так было пятеро — три невестки, дочь и внучка хозяина. Правда, точно не известно, когда именно Прасковья с детьми возвратилась в семью отца — до или после его повтор-

---

[43] НКМ. Л. 625 об.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 626.
[46] Там же. Л. 626 об.
[47] Там же. Л. 626.
[48] Там же. Л. 626 об.
[49] Там же. Л. 626.

ной женитьбы. Сомнительно, чтобы таким образом Григорий решал экономические проблемы семьи, ведь вместе с одним рабочим семья получала в результате его женитьбы еще и двух дополнительных едоков. Учитывая его возраст, маловероятно также, чтобы хозяин таким способом решал свои сексуальные проблемы, чего, однако, тоже отбрасывать нельзя. Наиболее вероятным объяснением причин заключения этого брака, по моему мнению, может быть стремление Григория Киселева привести в свое домохозяйство относительно молодую и энергичную хозяйку, так называемую большуху[50], которая могла бы эффективно руководить домашним хозяйством и заменить в этой роли умершую жену. Предоставлять ее полномочия дочери или одной из невесток хозяин, очевидно, не желал.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, следует отметить, что:

средняя населенность домовых сообществ слободы Деменки не была стабильной, а постоянно изменялась на протяжении всего исследуемого периода в пределах 5,8—6,8 чел. на домохозяйство;

формы семейной организации также не были постоянными. На протяжении всего периода пребывания Деменки в составе «описных слобод» наблюдается увеличение числа нуклеарных семей, которые на время проведения IV ревизии стали доминирующими;

довольно высокой оставалась и доля сложных семей, среди которых наиболее распространенными были отцовские и братские;

решающее значение в изменении структуры и форм слободских семей имели миграционные процессы, в которые были вовлечены старообрядцы;

несмотря на то что формирование домовых сообществ слободы Деменки происходило в основном по патрилинейному принципу, очень часто допускалось проживание в домохозяйствах лиц, не связанных с хозяином родственными узами, — зятьев, пасынков и т. п.

---

[50] О роли «большух» в русских семьях см.: Пушкарёва Н. Л. Женщина в русской семье: традиции и современность // Семья, гендер, культура. Материалы междунар. конф. 1994 и 1995 гг. М., 1997. С. 190.

А. Н. Жеравина (Томск)

Кабинетское хозяйство в Сибири как фактор общероссийской истории (по материалам второй половины XVIII в.)*

В 1747 г. изъятием Колывано-Воскресенских заводов А. Демидова на Алтае возникло кабинетское хозяйство в Сибири. С 60-х гг. XX в. в решении вопроса о его собственнике возникли подходы, приведшие к дискуссии, не завершившейся до сих пор.

Т. И. Агапова, позднее А. П. Бородавкин, опираясь на законодательные акты 40-х гг. XVIII — первой половины XIX в., сделали заключение о принадлежности алтайских заводов с 1747 г. русским императорам на правах частной собственности[1].

Г. П. Жидков особенности возникновения с 1747 г. земельной собственности на Алтае свел к обособлению кабинетских земель к концу XVIII в. от государственных. Из них, как считал автор, выделились «государевы» земли не в смысле личной принадлежности монарху. Без учета условий перехода Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета Г. П. Жидков сделал заключение относительно того, что они так же, как и Нерчинские заводы с 1787 г., с прилегающими к ним землями становились собственностью короны[2].

Важную роль в дальнейшей разработке проблемы владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири сыграл выход в свет фундаментального исследования истории крестьянства Сибири, первый том которого был посвящен возникновению и развитию его до середины XIX в. Авторский коллектив тома исходил из признания того, что за Уралом формирование и развитие крестьянства происходило вне норм крепостного права. «В условиях непрекращающихся колонизационных движений и внутренних миграций невозможно было внедрение крепостнического помещичьего хозяйства, — говорится во “Введении” к тому, — система государственного феодализма была единственно реальной для создания порядка общественных отношений, отвечающих строю позднефеодальной Рос-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 03-01-00878а.

1 *Агапова Т. И.* Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае // Сибирь периода феодализма. Материалы для истории Сибири. Вып. I. Новосибирск, 1962. С. 207—228; *Бородавкин А. П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 1—7.

2 *Жидков Г. П.* Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780—1861 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1964; *Он же.* Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 63; *Он же.* Алтайские крестьяне и реформа 1861 г.: Историографические заметки // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 6.

сии». В соответствии с данной позицией определены и кабинетские земли в Сибири как часть государственных земель, отграниченная в собственность короны, а коронное землевладение — это часть системы государственного феодализма (со ссылкой на монографию Г. П. Жидкова «Кабинетское землевладение...»)[3].

Достаточно плодотворными оказались размышления Ю. С. Булыгина по поводу терминологии, которая используется исследователями в определении собственника кабинетского хозяйства в Сибири. Никто кроме него ранее не обращал внимания на неточность термина «кабинетское землевладение», поскольку Кабинет был лишь управляющим хозяйством, возникшим на Алтае с 1747 г. Совершенно очевидна неоднозначность понятий «управление» и «владение».

Ю. С. Булыгин допускает возможность использования вслед за Г. П. Жидковым применительно к кабинетскому хозяйству термина «коронное землевладение». Однако он вкладывает в него содержание, не совпадающее с представлением Г. П. Жидкова, который «коронную собственность» рассматривает равнозначной понятию «кабинетская собственность», считая ее частью государственной собственности[4]. Основной вывод Ю. С. Булыгина сводится к признанию всего горнозаводского комплекса на Алтае частной собственностью российского императора, независимо от того, как ее называли[5].

Для Г. П. Жидкова, кроме концепции государственного феодализма в Сибири, при определении владельца кабинетского хозяйства аргументом оказалась многократно повторенная им «опорная» идея академика Н. М. Дружинина, высказавшего предположение «об интенсивном социально-экономическом развитии сибирской деревни, менее скованной крепостническими традициями»[6].

Эта, по определению историка, «опорная» идея Н. М. Дружинина стала отправной точкой в его споре с оппонентами при характеристике сущности кабинетского хозяйства в Сибири. Хотя уместно в этой связи замечание И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова: «Хорошо известно, что еще ни одно предположение не стало истиной в результате его многократного повторения»[7].

Второй исходный момент Г. П. Жидкова базируется на утверждении об отсутствии юридического статуса кабинетского хозяйства в Сибири, на том что с самого начала его возникновения не была четко определена его владельческая принадлежность.

Автора данной статьи не перестает удивлять стойкое игнорирование Г. П. Жидковым законодательных актов, которыми предусматривалось и осуществлялось изъятие демидовских заводов на Алтае, он постоянно ограничивался ссылкой на монографию Б. Б. Кафенгауза, когда писал о том, что указом 1 мая 1747 г. Елизавета Петровна «повелела взять на себя алтайские заводы покойного Акинфия Де-

---

[3] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 10.

[4] *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение... С. 54.

[5] *Булыгин Ю. С.* Приписные крестьяне Алтая в XVIII в. Ч. 1. Барнаул, 1997. С. 23—31.

[6] *Жидков Г. П.* Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. ... С. 6.

[7] *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение... С. 64.

мидова с уплатой наследникам вознаграждения в 40 тыс. р., поскольку алтайские руды содержали высокий процент серебра и это не являлось тайной». При этом сделанные ссылки на работу Б. Б. Кафенгауза ничего не проясняют. На указанных Г. П. Жидковым страницах Б. Б. Кафенгауз вообще не упоминает ни указа 1 мая 1747 г., ни того, что наследники А. Демидова получили 40 тыс. р.[8]

Внимательное прочтение сложных по своему содержанию указов 1 и 12 мая 1747 г. об обстоятельствах изъятия демидовских заводов на Алтае и передачи их под управление кабинетом имеет огромное значение для определения собственника кабинетского хозяйства в Сибири. Это подтверждается и материалами Сенатского архива, архива Государственного Совета, Сборника указов по монетному и медальному делу, письмами Екатерины II ее корреспондентам, свидетельством одного из потомков А. Демидова П. Н. Демидова, публикациями последних лет, в частности «Дополнениями» Екатерины II к ее «Наказу».

Узнав о выплавленном на Колывано-Воскресенском заводе серебре, императрица Елизавета Петровна указом 17 мая 1744 г. направила на Алтай комиссию А. Беэра с заданием выяснить целесообразность строительства там новых сереброплавильных заводов. Опытная плавка взятой из разных мест руды показала высокое содержание в ней серебра. Это и определило дальнейшую судьбу заводов А. Демидова.

По свидетельству П. Н. Демидова, хорошо осведомленного о содержании делопроизводственной документации А. Демидова, описание заводов еще по указу 17 мая 1744 г. предполагалось провести с целью «принятия их в казенное содержание». Но указом 1 мая 1747 г. А. Беэр вновь отправляется на Колывано-Воскресенские заводы, теперь уже «для принятия оных в собственность Ея Величества»[9].

Указом 1 мая 1747 г. предписывалось заводы, все строения «со всеми землями... рудами и инструментами... и мастеровыми людьми собственными его Демидова, и с приписными крестьянами взять на Нас»[10].

В названии указа 12 мая 1747 г., казалось бы, уточнялся новый владелец заводов: «О взятии в казну Колывано-Воскресенских и прочих заводов Акинфия Демидова»[11].

Очень важным оказалось наличие в обоих указах одного существенного положения о распределении по соответствующим каналам «податей государственных» — в пользу собственника заводов и «податей помещиковых» — в государственную казну.

---

[8] *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Еще раз о методике изучения интенсивности эксплуатации оброчного крестьянства (ответ Н. Р. Рындзюнскому) // История СССР. 1967. № 2. С. 229.

[9] *Демидов П. Н.* Жизнеописание Акинфия Демидова, основателя горных заводов, составленное из архивов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. СПб., 1833.

[10] История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. Барнаул, 1991. С. 52.

[11] ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 12. № 9403.

Положения в майских указах 1747 г. о взятии заводов «на Нас» и «в казну» оказались совершенно не случайно. В названии указа 12 мая 1747 г. «О взятии в казну...» заключался глубокий смысл. Компенсация за изъятые у Демидовых заводы должна была производиться за счет государственной казны, но становились они не государственной, а императорской личной собственностью на основе помещичьего права.

Содержание указов 1 и 12 мая 1747 г., проигнорированных Г.П. Жидковым, не дает основания признать его утверждение отражающим объективную реальность: «Кабинетская собственность Алтайского и Нерчинского округов длительное время не имела строгого, четко выраженного юридического титула»[12].

Также трудно согласится с утверждением М.Е. Сорокина, полагающего, что только с конца XVIII в. «впервые в источнике говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров». Автор пишет: «Ни в одном документе, относящемся к периоду 1747—1779 гг., нет указаний на то, что Колывано-Воскресенские заводы являются личной собственностью императоров». Особенно любопытна убежденность М.Е. Сорокина в том, что авторами источников конца XVIII — первой половины XIX в., в которых говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров, «были чиновники Кабинета и канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства». Именно их автор считает лицами, непосредственно заинтересованными в том, «чтобы создать особо благоприятные, на их взгляд, условия для существования горных предприятий в Западной Сибири». И, может быть, самое поразительное состоит в утверждении М.Е. Сорокина: «Для того, чтобы доказать права горнозаводского хозяйства Кабинета на особые привилегии, они не останавливались перед прямым искажением правительственных указов»[13] (подчеркнуто мной. — *А. Ж.*). К сожалению, автор не приводит фактов искажения чиновниками, как он пишет, «правительственных указов».

Утверждение Г.П. Жидкова и М.Е. Сорокина, не подтвержденные документально, используются ими для определения природы кабинетского хозяйства. Анализ же указов 1 и 12 мая 1747 г. свидетельствует о том, что они носили характер именных указов, которые никто из чиновников исказить не мог. Им незачем было заботиться о создании особо благоприятных условий для развития кабинетского хозяйства в Сибири. Об этом заботились его владельцы — царствующие особы. Управляющие Кабинетом в своей деятельности исходили из четкого представления относительно того, кому принадлежали заводы.

Первые указы об изъятии демидовских заводов всегда были «под рукой» горного начальства. В середине 20-х гг. XIX в. на это обстоятельство обратил внимание К.Ф. Ледебур. В его описании пребывания в Барнауле есть весьма примечательные строки: «В здании канцелярии имеется зал заседаний, украшенный портретами ца-

---

[12] *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение... С. 63.

[13] *Сорокин М.Е.* Горно-заводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747—1779 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. С. 168—171.

рей и цариц. На столе, за которым заседают, в изящном футляре, который держат четыре позолоченных бронзовых сфинкса, покоящихся на красиво отшлифованном яшмовом постаменте, хранятся указы, которыми санкционируются права и привилегии местных металлургических заводов, а также инструкции для здешних начальников. Первый из этих указов издан в царствование императрицы Елизаветы в 1747 г.»[14].

Известный ботаник, профессор Дерптского университета, тепло принятый на Алтае горным начальством, беспристрастно зафиксировал то, что более всего привлекло его внимание в центре Алтайского горного округа. Наличие текстов указов на столе заседаний канцелярии горного начальства свидетельствует лишь об одном — указы, касавшиеся Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г., были не музейными экспонатами.

Ко времени пребывания К. Ф. Ледебура в Барнауле относится сооружение гранитного обелиска на городской площади. Он зафиксировал и надписи на обелиске. На одной стороне его было высечено: «В память 100-летия Колывано-Воскресенских заводов — при правлении Александра I в 1825 г.», на другой: «Колывано-Воскресенские заводы сооружены статским советником Демидовым в 1725 году — они перешли в собственность Императора при правлении Елизаветы I в 1747 г.»[15].

Обратив внимание на сочетание в майских указах 1747 г. фраз «взять на Нас», «в казенное содержание», «взятии в казну», Т. Н. Соболева глубокий смысл усмотрела в отсутствии границ между «государевым» и «государственным». Исследовательница обошлась без анализа содержания этих указов. Как уже отмечалось, свою позицию в решении вопроса о владельческой принадлежности Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г. она обосновывает, опираясь на вотчинную теорию российской государственности, которая в XVIII в. переживала стадию разложения. Т. Н. Соболева считает, что к концу XVIII в. в кабинетском хозяйстве Западной Сибири оформилась коронная собственность, в которой «переплелись государственные и частновладельческие черты. Государь воплощал в себе два начала, поэтому в характеристике его недвижимого имущества органично соседствовали оба свойства, среди которых приоритетную позицию в дальнейшем заняла вторая составляющая. Однако это не дает основания для однозначного толкования такого явления, как частная собственность монарха»[16].

Данная позиция автора расходится с представлением Екатерины II, которая изложила его в 60-е гг.

В недавно опубликованных «Дополнениях к большому Наказу» Екатерины II, в XXII главе, несколько статей оказались посвященными решению императрицей

---

[14] *Ледебур К. Ф.* Путешествие по горному Алтаю и предместьям Алтая // Краеведческие записки. Вып. 2. Барнаул, 1959. С. 293.

[15] *Ледебур К. Ф.* Указ. соч. С. 290.

[16] *Соболева Т. Н.* Связь истории Алтая с вотчинной сущностью государственного строя России // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 272, 280.

вопроса о «Богатствах государевых». В частности, она писала: «Богатства государевы суть… иные существенные, иные мысленные» (ст. 622). «Существенные суть или недвижимые или движимые» (ст. 623). «Оные могут принадлежать государю» (ст. 624). «Богатства государевы суть или просто владельческие, поелику некоторые известные земли или вещи ему как частному некоему помещику и господину принадлежат, или как богатства самодержца, владычествующего по сему Богом данному званию над всем тем, что общенародную казну составляет» (ст. 625) (подчеркнуто мной. — *А. Ж.*). «Доходы, принадлежащие государю суть… двоякого рода: или как частного некоего владельца или как державы правителя» (ст. 626). «Государь первыми владеет сам собою» (ст. 629)[17].

Вряд ли случайным оказалось совпадение времени написания «Наказа» и дополнений к нему императрицей и первого описания по ее заданию Колывано-Воскресенских заводов генералом Г. Веймарном. Он был отозван с Алтая, где в то время выполнял очень важное задание по определению границ кабинетского хозяйства. На основании многочисленных подсчетов Г. Веймарн довел до сведения Екатерины II, что самые крупные в мире американские, саксонские, норвежские, австрийские серебряные копи не могут сравниться с Колыванскими месторождениями[18].

Указом 5 января 1787 г. в ведении Кабинета оказались и Нерчинские заводы «на таком же основании», на котором состояли Колывано-Воскресенские заводы[19].

Весьма важно отметить, что в Нерчинскую горную экспедицию из Кабинета вместе с указом 5 января 1787 г. был отправлен и полный текст указа 1 мая 1747 г., на основании которого уже в течение 40 лет Колывано-Воскресенские заводы находились под управлением Кабинета.

По указу 8 декабря 1786 г. взимавшиеся в стране штрафы поступали в доход государства. Перечисления в государственную казну штрафных денег Сенат потребовал и от Колывано-Воскресенских заводов. Колыванская горная экспедиция обратилась в горное отделение Кабинета за разъяснением, «повелено ли будет» штрафные деньги «с заводских чинов и служителей за разные ими в должностях упущения» отсылать в государственный доход. Из Кабинета последовал ответ: «Заводы же Колывано-Воскресенские состоят в ведении Кабинета Е. И. В., доход от них получаемый вносится в комнатную сумму». Что касается штрафных денег, то их «никуда без особливого имянного Е. И. В. повеления отсылано быть не можно»[20].

---

[17] Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 152—153.

[18] *Контев А. В.* Рукопись генерала Г. Веймарна — первое историко-статистическое описание Колывано-Воскресенских заводов // Алтайский сборник. Вып. 21. Барнаул, 2004. С. 124, 142.

[19] РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 236. Л. 47 об; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 1—4.

[20] ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 22. № 16496; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 8—13, 15—24, 66.

Различного рода предметы и монеты, изготавливавшиеся из золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов, поступали в «Комнату Е. И. В.»[21].

Некоторые исследователи полагают, что по указу 16 июля 1786 г. Кабинету «О новом устройстве оного» комнатная сумма была в определенной степени ориентирована на удовлетворение общегосударственных потребностей.

По подсчетам Т. Н. Соболевой, в 1789 г. из доходов Кабинета на пенсии, «единовременные выплаты по разным случаям и в пожалования» придворным, военным чиновникам, мастерам искусств, на содержание административного аппарата Кабинета, подчиненных ему учреждений, благотворительные выдачи было истрачено 84 % и только 16 % шли на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II»[22]. Однако расходы по всем приведенным Т. Н. Соболевой статьям производились не из «комнаты Е. И. В.», а из «казенной» комнаты Кабинета, куда не было поступлений с Колывано-Воскресенских заводов. И те 16 %, которые шли «на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II», являлись дополнением к расходам императрицы из «комнатных сумм».

До недавнего времени без учета данного обстоятельства считалось, что с возникновением кабинетского хозяйства на Алтае появились благоприятные условия для пополнения госбюджета за счет золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов[23]. При этом совершенно не учитывалось, что по мере роста производства золотистого серебра на Алтае дефицит госбюджета страны не только не сокращался, а продолжал расти.

В 1769 г. Государственный Совет принял решение о переделе в деньги турецких пушек. К концу апреля 1771 г. из них были изготовлены монеты на 0,5 млн. руб. Этими деньгами рассчитывались в Молдавии и Валахии с российскими купцами за поставки продовольствия для дислоцированных здесь русских войск. Затем, в середине 70-х гг., маркитанты добивались принятия от них в казну монет, изготовленных из турецких пушек и выдачи денег, имевших хождение в России[24]. В целях сокращения дефицита государственного бюджета с 1 января 1769 г. в денежное обращение стали вводиться бумажные ассигнации, приравненные к «ходячим

---

[21] Сборник указов по монетному и медальному делу в России. Вып. I. СПб., 1887. С. 385—386.

[22] *Соболева Т. Н.* Управление Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа // *Соболева Т. Н., Разгон В. Н.* Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997. С. 11.

[23] *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 230—231; *Коньков Н. Л.* «Имеет хождение в Сибири». Денежное обращение в Сибири в XVII—XVIII вв. Тобольск, 1990. С. 99—100; *Ведерников В. В.* Горные инженеры Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1747—1896 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 26; *Бирюков А. Д.* О роли Колывано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII—XIX вв.: Материалы XLI Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Ч. I. Новосибирск, 2003. С. 142—145.

[24] Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I. С. 311—314.

монетам». Однако объемы и реальная стоимость ассигнаций скоро разошлись. К 1796 г. стоимость одной ассигнации равнялась 69 коп. В последующие годы продолжалось ее снижение[25].

В конце 60-х гг. Екатерина II распорядилась о рассмотрении в Государственном Совете возможности «чрез уменьшение иных расходов получить некоторую выгоду». При этом, естественно, имелось в виду сокращение расходов не самой императрицы, которой было что расходовать за счет, как считают некоторые исследователи, «своих личных сбережений»[26].

По признанию самой императрицы за счет «комнатной суммы» она, придя к власти, уплатила свои долги в размере 675 тыс. руб., накопленные за годы жизни при дворе. «Страшная сумма...» — как позднее она признает[27].

В 1771 г. в Балтийском море затонул корабль, на котором из Амстердама была отправлена для императрицы закупленная там коллекция картин стоимостью в 60 тыс. руб. Екатерина II писала по поводу напрасной траты такой суммы денег: «Надобно обойтись без них, в нынешнем году я имела несколько неудач в подобных случаях, что делать? Остается только утешиться»[28].

24 января 1772 г. Вольтер пишет Екатерине II: «Вы непостижимы. Едва море Балтийское поглотило картины на 60 тыс. ефимков... как Вы покупаете во Франции на 450 тыс. ливров. Сверх того Вы собираете еще в Италии тысячу редкостей. Признаюсь Вам искренне, что я не знаю, откуда Вы берете столько денег?» В августе 1772 г. Вольтер снова изумляется: «В газетах пишут, что Вы покупаете в Амстердаме бриллиант почти в три миллиона», на что императрица отвечает: «...торгую алмаз величиною с яйцо». А на вопрос, откуда она берет деньги, следует ответ: «...не судите о наших деньгах по доходам других разоренных государств европейских, вы обидите меня этим... вы удивитесь, что я покупаю много картин, может быть, для меня было бы лучше покупать их поменьше в настоящую минуту, но упущенные возможности не возвращаются. К тому же мои собственные деньги не смешиваются с государственной казной» (подчеркнуто мной. — *А. Ж.*)[29].

Известно, с какой торжественностью отмечались дни восшествия на престол, коронации Екатерины II, которая долго и щедро рассчитывалась крестьянами, а также деньгами и драгоценностями из «комнаты Е. И. В.» за оказанные ей услуги при вступлении на престол. В ноябре 1782 г. она писала своему давнему корреспонденту барону Гримму: «Двадцать лет нашего царствования отпразднованы делами милости. Вот как надо чествовать подобные эпохи. Это год милости и все тут!»[30]

---

[25] *Белоусов Р. А.* Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 38—40.

[26] Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I. С. 411.

[27] Записки Императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 76.

[28] *Неверов О. А., Пиотровский М. Б.* Эрмитаж. Собрания и собиратели. СПб., 1997. С. 21.

[29] Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. М., 1803. Ч. I. С. 79, 112—113; Ч. 2. С. 31.

[30] Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 47.

Обладание колоссальными денежными средствами, сосредоточенными в «Комнате Е. И. В.», позволяло императрице не ограничивать себя в удовлетворении постоянно растущих ее запросов в условиях все ухудшавшегося положения в государственной казне.

Покрытие растущего дефицита госбюджета не сопровождалось тратой «комнатных» сумм. Кроме выше указанных источников пополнения государственной казны, правительство в поисках средств шло по пути повышения цен на соль и вино, прямых и косвенных налогов, внутренних и внешних займов.

Развитие кабинетского хозяйства в Сибири не сопровождалось использованием доходов его владельца на производственные нужды страны. Большая часть их приходилась на удовлетворение личных потребностей императоров, богатства которых широко рекламировались перед русской знатью, зарубежными гостями, иностранными послами и народом в дни грандиозных празднеств по поводу коронации.

Обладание материальными ценностями, денежными средствами обеспечивало громадную независимость и самостоятельность царской власти и бюрократии, которая подкупалась императорскими ценными подарками и денежными вознаграждениями лишь благодаря тому, что располагала для этого колоссальными средствами. Доходы, получаемые от кабинетского хозяйства российскими императорами, обеспечивали прирастание их могущества Сибирью.

А. И. Комисаренко (Москва)

Государственная власть и экономические крестьяне. 60—80-е годы XVIII века

Проведение в соответствии с Манифестом от 26 февраля 1764 года секуляризации церковно-монастырских вотчин и подчинение последних Коллегии экономии превратило крестьян, населявших эти вотчины, в категорию крестьян экономических[1]. 15 марта того же года по докладу Коллегии экономии вводился институт управителей, надзиравших за хозяйственным состоянием бывших духовных владений и исполнением экономическими крестьянами государственных повинностей — выплаты подушного оклада по 1 руб. 50 коп. с души мужского пола[2]. 13 августа 1764 года Сенат повелел по докладу Коллегии экономии управителей именовать экономическими казначеями (с добавлением названия ближайшего уездного города)[3]. 28 июля 1770 года было создано промежуточное звено между Коллегией экономии и экономическими казначеями — экономические правления в Вологде, Казани, Ярославле и Ельце[4]. Нормативным актом, определившим функции вышеуказанных правлений, явилось утвержденное верховной властью 4 апреля 1771 года «Наставление экономическим правлениям». К нему прилагалась табель, распределившая вотчины с крестьянами между правлениями (по провинциям). Возглавлявшим правления главным экономам вменялось в обязанность вместе с экономическими казначеями дважды в год объезжать вотчины, контролировать ход межевания земель, разбирать жалобы крестьян на казначеев и регулярно доносить Коллегии экономии о состоянии вотчин[5]. Экономические правления и институт экономических казначеев просуществовали до упразднения Коллегии экономии в 1786 году[6].

Секуляризация в целом была выгодна крестьянам бывших церковно-монастырских вотчин. Передача в их руки значительного земельного фонда (более 8 млн. десятин), отмена барщины, а главное перевод их из личнозависимого состояния на положение одного из разрядов государственных крестьян — все это благотворно сказалось на их хозяйственной деятельности. В. И. Семевский отмечал, что экономические крестьяне «получали совершенно достаточные наделы, а местами даже громадные, как... в губерниях Костромской, Вологодской, Петербургской и

---

[1] ПСЗ. Т. 16. № 12060.

[2] Там же. № 12087.

[3] Там же. № 12226.

[4] ПСЗ. Т. 19. № 13487.

[5] Там же. № 13590.

[6] ПСЗ. Т. 22. № 16399; Государственные учреждения в России в XVIII в. Законодательные материалы / Подгот. к печати А. В. Чернов. М., 1960. С. 432—433; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1—2. СПб., 1881—1901.

Новгородской»[7]. Вместе с тем передача их в ведение правительственных чиновников — экономических казначеев и стоящих над ними четырех экономических правлений, возглавляемых всемогущими главными экономами, — вводила в бывших духовных вотчинах режим мелочной опеки, регламентации с сопутствующими им злоупотреблениями. Все это стесняло их хозяйственные возможности и предпринимательскую инициативу. Проницательный новгородский губернатор Я. Сиверс, видя произвол экономических чиновников, в записке «Об экономии и монастырских вотчинах» (1768 г.) называл их «пиявками»[8].

Секуляризация духовной земельной собственности не могла быстро оздоровить экономическую ситуацию в вотчинах. Еще 27 октября 1764 года — через восемь месяцев после объявления о секуляризационной реформе — в Коллегию экономии поступил именной указ Екатерины II. Императрица писала президенту коллегии, что «дошло до ея… ушей, будто монастырские крестьяне во многих местах пашен своих покидают и уже покинули… и ея и. в. желает знать — основан ли сей слух и в каких именно местах оной вред происходит»[9]. Во исполнение этого повеления Коллегия экономии сделала запрос экономическим казначеям, направленным в вотчины и городовые канцелярии. В материалах Коллегии не сохранилось сведений о поступлении с мест таких отчетов, однако известно, что в бывших вотчинах Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря, по заявлению выборного Семена Благушина в Коллегию экономии, «земля и сенные покосы…за неимением (у крестьян. — *А. К.*) к пахоте лошадей и всякой крестьянской збруи, по неимуществу ржаных и еровых семян у многих и поныне не вспахана и лежит впусте…»[10]. Не помогли и действия экономического казначея капитана Ивина, принуждавшего «батожьем нежадно» крестьян и бывших монастырских служителей к работе на пашне. Коллегия экономии увидела в факте «запущения» земли лишь «одно… нерадение и леность», приказав казначею сделать тем крестьянам, «кто земли не пахал и для посеву семян не требовал и оставил впусте… крепкое принуждение»[11]. Между тем еще во второй половине 1762 года статс-секретарь Г. Н. Теплов — руководитель Комиссии о церковных (духовных) имениях, которая непосредственно занималась подготовкой секуляризационной реформы, — в своем «Мнении о монастырских деревнях» предостерегал власти от передачи вотчин в управление лиц, которые «разными воровскими образами присовокупят богатство… а иные… и деревни себе покупают…»[12]. Другое мнение высказал Т. И. Клингштедт — член Комиссии о коммерции, вице-президент Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, член Академии наук, один из учредителей Вольного экономического

---

[7] *Семевский В. И.* Указ соч. Т. II. С. 264—265.

[8] *Семевский В. И.* Указ соч. Т. II. С. 280—282.

[9] РГАДА. Ф. Коллегии экономии (№ 280). Оп. 4. Д. 161. Л. 49.

[10] Там же. Л. 56—57.

[11] Там же.

[12] РГАДА. Госархив Российской империи. Ф. Сношения государей русских с правительственными местами и должностными лицами (№ 168). Оп. 1. Д. 231. Л. 2.

общества. В конце 60-х гг. XVIII в. он подготовил записку о положении бывших монастырских крестьян, переданных в ведение Коллегии экономии.

Автор полагал, что перевод монастырских крестьян в разряд экономических и отмена барщинных повинностей с повсеместным введением денежного оброка в конечном счете нанесут вред государству[13]. Рассуждая о пользе крепостничества в экономической деревне, Т. И. Клигштедт уверял императрицу Екатерину II в том, что предлагаемые им меры создадут «изобилие» продуктов сельского хозяйства, отчего цены на них станут «дешевыми», расцветет внутренняя и внешняя «коммерция» и наступит всеобщее «благоденствие»[14]. Постоянный надзор за хозяйственной деятельностью крестьян, недопущение их ухода из деревень, фиксация и регламентация их обязанностей — таково содержание программы, выдвинутой в записке Т. И. Клигштедта.

По мнению автора, труд крестьян должен строго контролироваться Коллегией экономии. Перечень вопросов, по которым «контролер» был обязан собирать сведения, показывает, что ему следовало вмешиваться в мельчайшие стороны крестьянского быта. Ему же придавались функции арбитра по хозяйственным спорам — крестьянам предлагалось обращаться к нему за разрешением межевых споров[15]. Наиболее радикальным средством решения конфликтов между государством и экономической деревней автор считал продажу бывших церковно-монастырских вотчин светским лицам, которые могли бы передавать их целиком или по частям в наследственную аренду средним и мелким дворянам. По сути, такое предложение выражало давнишнее желание дворянства расширить свои владения за счет монастырских земель[16]. Продажа бывших монастырских вотчин светским лицам должна была доставить казне большие финансовые выгоды. Формально собственниками имений объявлялись бы крупные светские владельцы, сдающие в аренду мелкие участки своих вотчин. Аренда проектировалась наследственной и таким образом арендуемые участки превращались бы в «имения с наследственным чиншем» («...такие подати, которые гарантируются держателем имения тому, от которого он его получил»)[17]. Т. И. Клигштедт полагал, что при проведении его проекта в жизнь государство сразу же получило бы верный доход, так как в его пользу отчислялось бы 50% стоимости 1 души мужского пола.

Если бы, например, имение делилось на участки по 100 душ м. п. каждое, то стоимость этих долей составила 3000 рублей, «исчисляя по обычной цене каждую

---

[13] *Комисаренко А. И.* Проект введения личной крепостной зависимости экономических крестьян в России в первые годы после секуляризации церковных имуществ (60-е годы XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига, 1977. С. 95.

[14] РГАДА. Госархив. Разряд 10. Оп. 2. Д. 284. Л. 3 об.

[15] Там же. Л. 7.

[16] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVII в. М., 1956. С. 281—282.

[17] РГАДА. Госархив. Разряд 10. Оп. 2. Д. 284. Л. 8 об.

душу в 30 рублей»[18]. 1500 рублей сразу передавались бы владельцем имения в казну. Таким способом государство получало бы двойную прибыль — при продаже имений крупным светским «персонам» и при передаче последними дробных частей имений в аренду более мелким дворянам. Автор считал, что «при продаже имений будут получены деньги в несколько миллионов, которые могут быть положены в учрежденный Заемный банк... и расходоваться в интересах казны»[19].

Особенно настаивал автор записки на наследственной передаче арендуемых имений. По его мнению, возможность закрепить имение за детьми арендатора заставит последнего вести хозяйство разумно, на твердых основах «правил экономии». Характерно, что в указанном проекте нигде не упоминается о правах крестьян. Смысл рассуждений Т. И. Клигштедта не оставляет сомнений в том, что они у крестьян и не предусматривались. Зато в проекте много говорилось об обязанностях крестьян повиноваться и своим новым владельцам, «с прилежанием» исполнять барщину, создавая то государственное «изобилие», которое обещал прожектер. Его не заботил тот очевидный даже для правящей элиты России факт, что барщинная эксплуатация крестьян монастырскими владельцами привела к экономическому застою вотчинного хозяйства духовенства[20]. Именно поэтому указанный проект был отклонен правительством императрицы Екатерины II. В условиях обострявшихся социальных конфликтов, массовых волнений церковно-монастырских крестьян абсолютистское правительство не могло пойти на реализацию подобных предложений в полном объеме.

Передача крестьян бывших церковно-монастырских вотчин под надзор экономических казначеев и экономических правлений и установление в этих вотчинах режима мелочной опеки, регламентации и злоупотреблений, стеснявших личную хозяйственную инициативу землепашцев, вызвали массовое недовольство. Источники не подтверждают мнения В. И. Семевского о том, что «после 1764 года неизвестно ни одного волнения»[21] в бывших владениях монастырей и архиерейских домов. Нами обнаружены документальные материалы о массовых движениях экономических крестьян в ряде регионов России.

В 1768 году начались выступления экономических крестьян сел Покровского, Рождественского, Сумки Свияжского уезда, привлеченных к работам на Юнгенском винокуренном заводе. Они отказались выделить 128 подвод для вывоза вина в г. Кострому[22].

Не выполнили они и распоряжение свияжского казначея поручика Я. М. Чернавского о поставке к заводу дров и направлении на заводские работы 110 ра-

---

[18] РГАДА. Госархив. Разряд 10. Оп. 2. Д. 284. Л. 9 об.

[19] Там же. Л. 10.

[20] *Борисов А. М.* Кризис церковного и монастырского землевладения и хозяйства в 40—60-х годах XVIII в. // История СССР. № 3. 1968. С. 150—151.

[21] *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 278.

[22] РГАДА. Ф. Экономических правлений и казначеев (№ 1090). Оп. 1. Д. 1459. Л. 27.

ботников[23]. Когда весной 1769 года в экономических вотчинах Свияжского и Козьмодемьянского уездов появились крестьянские вооруженные отряды («разбойнические партии», по терминологии местных властей), директор Юнгенского завода секунд-майор И. Шанский начал всерьез опасаться «разбоя и поджога»[24]. Коллегия экономии приказала местным администраторам «учинить нещадное наказание» крестьян плетьми[25].

В начале 70-х гг. XVIII в. вспыхнули волнения экономических крестьян Старицкого и Тверского уездов. Они вынудили Коллегию экономии создать в 1773 году в г. Старице особую «Следственную комиссию о казначеях и крестьянах». Ее деятельность привела лишь к дальнейшему усилению административного контроля в вотчинах. Так, 7 октября 1773 года Коллегия приказала тверскому эконому ротмистру И. А. Возницыну не отпускать крестьян Балашковской вотчины на заработки под тем предлогом, что они могут потребоваться для дачи показаний членам вышеупомянутой комиссии[26].

В 1775 году крестьяне деревень Юрино, Григорьевой и др. отказались повиноваться старицкому казначею капитану Томилову[27]. Тогда же начались волнения крестьян экономических вотчин Зубцовского уезда Тверской губернии. В с. Терешково и прилегающих к нему деревнях крестьяне устраивали «дневные и ночные сходы», собирались «в толпы по улицам в разных местех ежедневно». В жалобах, поданных эконому Возницыну, крестьяне обвиняли казначея Т. И. Нилова в избиениях «батожьем», держании их «скованных под караулом»[28].

Крестьянские волнения в экономических вотчинах охватили и южные уезды страны. В какой-то степени они являлись резонансом пугачевской войны. Осенью 1774 года в Елецком экономическом правлении рассматривалось дело о неподчинении крестьян воронежских вотчин экономическому казначею капитану Д. Крюкову[29]. Казначей был вынужден поставить перед воронежским губернатором генерал-поручиком Н. Л. Шетневым вопрос об использовании против крестьян «пристойной команды» из гарнизонных солдат[30].

Долгим и упорным было движение экономических крестьян Вятки. Еще в 40-е годы XVIII века крестьяне многих церковно-монастырских вотчин, прежде всего принадлежавших Вятскому Успенскому Трифонову монастырю, отказались подчиняться своим владельцам, требуя личной свободы и уравнения с крестьянами

---

[23] РГАДА. Ф. Экономических правлений и казначеев (№ 1090). Оп. 1. Д. 1459. Л. 1—3 об.

[24] Там же. Л. 49—49 об.

[25] Там же. Л. 56.; *Иванов А. Г.* Положение экономических крестьян Марийского края во второй половине 60-х годов XVIII века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 34—36.

[26] РГАДА. Ф. Экономических правлений и казначеев (№ 1090). Оп. 1. Д. 67. Л. 1—24.

[27] Там же. Оп. 1. Д. 163. Л. 1—16.

[28] Там же. Д. 164. Л. 1 об., 3, 58—58 об.

[29] Там же. Оп. 2. (Елецкое экономическое правление). Д. 526. Л. 1.

[30] Там же. Л. 3—3 об.

государственными. В марте 1751 года в д. Чащинской организовался крестьянский «совет» во главе со старостой Иваном Лобастовым, сотниками Сергеем Зубаревым, Михаилом Жеребцовым, Гавриилом Бакулиным, принявший решение противостоять присланной для «принуждения» к покорности военной драгунской команде. На следующий день произошел бой между крестьянами, вооруженными «дубьем» и драгунами, применившими огнестрельное оружие. С обеих сторон имелись серьезные потери: трое крестьян были убиты, около пятидесяти — ранены; в драгунской команде восемь солдат получили серьезные ранения, пострадали и ее командиры — В. Можаитинов и П. Трубнаков[31].

Это движение населения церковно-монастырских вотчин, связанное с их стремлением получить статус государственных крестьян, продолжилось и после секуляризации 1764 года. В июне 1765 года несколько тысяч крестьян Касинской, Верхошижемской, Ошемской и Сунской экономических вотчин объявили об отказе подчиняться Коллегии экономии и присланным ею казначеям. В Сенат было подано прошение считать их государственными крестьянами[32]. К концу 1765 года экономические казначеи фактически были изгнаны из большинства вотчин. Размах волнений был так велик, что посылавшиеся из Хлынова военные отряды в 1766—1767 гг. не смогли принудить крестьян к подчинению. В конце 1768 — начале 1769 года крестьяне рассеяли ряд небольших военных отрядов, что заставило Коллегию экономии обратиться к Военной конторе с просьбой направить на Вятку в экономические вотчины более значительные военные силы. Однако удаленность вотчин от центра страны, а также и недостаток войск в губернском городе Казани помешали осуществлению задуманной карательной операции[33].

Вскоре среди широких масс вятского экономического крестьянства распространились известия о действиях повстанцев, руководимых Е. И. Пугачевым. В январе 1774 года вятский экономический казначей поручик Денисов сообщал в коллегию о том, что крестьяне Кырчанской вотчины горячо обсуждают слухи о переходе на сторону восставших населения соседней Рождественской волости Казанского уезда. В экономических вотчинах стали известны и пугачевские манифест и указы[34]. В отряды повстанцев влились вятские экономические крестьяне — Емельян Лалетин, Иван Калинин, Григорий Городилов и др. Но переход армии Е. И. Пугачева на правобережье Волги привел к уменьшению крестьянских выступлений на Вятке. После 1774 года они еще продолжались некоторое время лишь в Кырмыжской эко-

---

[31] *Комисаренко А. И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40—50-х гг. XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1965. С. 375—387; *Он же.* Источники по истории борьбы крестьян вятских духовных вотчин в 40—60-е гг. XVIII в. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 31—42.

[32] РГАДА. Ф. Коллегии экономики (№ 280). Оп. 1. Д. 2834. Л. 29 об. — 30 об.; Д. 288. Л. 113—113 об.

[33] РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии (425). Оп. 2. Д. 278. Л. 184—185 об.

[34] Там же. Госархив. Разряд 6. П. 1. Д. 630. Л. 22—22 об.

номической вотчине. В мае 1776 года здешних крестьян «увещевал» сам вятский воевода Караулов, но ему крестьяне заявили, что они считают себя не экономическими, а «черносошными» крестьянами. Волнения прекратились только в марте 1778 года после «усмирения» экономических селений батальоном регулярного Селенгинского пехотного полка[35].

В 1786 году секуляризация была проведена и на Украине — на территории Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий. По именному указу Екатерины II от 10 апреля 1786 года монастырские вотчины передавались «в ведомство директоров домоводства». Бывшие монастырские крестьяне, помимо общей 70-копеечной подушной подати, облагались «вместо употребления их в работы» по 1 рублю с души и «накладными» — по 2 коп. в год. Таким образом, в отличие от России, где существовал душевой полуторарублевый оброчный сбор с экономических крестьян, на Украине денежные повинности населения секуляризованных вотчин оказалось меньшими почти на треть[36].

26 апреля 1783 года указом императрицы, данном Сенату, объявлялось о секуляризации духовных земельных владений и крестьян в Харьковском, Екатеринославском, Курском и Воронежском наместничествах[37]. Большая часть монастырей была закрыта, они были превращены в приходские церкви, где надлежало «поместить малые народные школы» и дома призрения[38].

Таким образом, секуляризационная реформа, проведенная абсолютистским государством, хотя объективно отвечала основным интересам крестьян бывших духовных владений, не была полностью одобрена ими. Реформа сохраняла элементы личной зависимости в экономической деревне (мелочная опека, злоупотребления со стороны экономических казначеев, правлений и т. д.). Ее крепостнические черты вызывали протест крестьянских масс, продолжавших борьбу за личную свободу и перевод на статус государственных крестьян.

---

[35] *Комисаренко А. И.* Движение вятских экономических крестьян в 60—70 гг. XVIII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. 4. Вологда, 1973. С. 268—277.

[36] ПСЗ. Т. 22. № 16375.

[37] Там же. № 16358, 16359.

[38] РГИА. Ф. Именные указы и высочайшие повеления Сенату (№ 1329). Оп. 1. Д. 161. Л. 48—49.

М. В. Корогодина (Санкт-Петербург)

Взгляды на исповедь в середине XVIII века (на материале одного рукописного сборника)*

XVIII век принес наиболее существенные изменения в традиции исповеди в сравнении с принятыми в России в допетровскую эпоху. Древнерусские поучения говорили о том, что каждый христианин должен исповедоваться хотя бы раз в год, однако на деле исповедь оставалась личным делом, и известно немало свидетельств церковных иерархов XVII в. о том, что некоторые прихожане вообще не ходили на исповедь. Особенно остро эта проблема встала с развитием старообрядчества, когда посещение или непосещение исповеди оказалось одним из основных признаков, по которому можно было отличить старообрядца. Очевидно, именно для противостояния старообрядцам церковные власти стали предпринимать попытки регламентировать посещение исповеди. В 1697 г. патр. Адриан дал наказ поповским старостам о ведении «исповедных ведомостей», в которых должен был фиксироваться приход на исповедь. В 1702 г. сходный наказ в приходские церкви дал Стефан Яворский, местоблюститель патриаршего престола.

Однако эти меры оказались недостаточными и, по-видимому, исполнялись плохо, нерегулярно и далеко не везде. Об этом можно судить по тому, что около 1708—1710 гг. Иван Посошков адресовал Стефану Яворскому послание, в котором предлагал ввести метрические книги для регистрации венчаний, крещений, отпеваний, причастия и, в том числе, исповеди[1]. Очевидно, Посошкову не было известно о том, что «исповедные ведомости», которые он, проектируя, подробно описывал, в том же виде уже пытались ввести более десяти лет назад. В 1722 г. в Дополнениях к Духовному регламенту снова говорилось о ведении исповедных ведомостей при церквах, но окончательно их формуляр установился только к 1737 г.[2] Таким образом, исповедь перестала быть личным делом верующего и стала его гражданской обязанностью. Закономерно поэтому, что и ответственность за прегрешения, в которых человек каялся на исповеди, он стал нести не только перед Богом, но и перед государством. В 1722 г. принят указ об обязанности священника доносить о «слове и деле», если он узнал о них на исповеди. Так исповедь перестает быть тайной.

Новое, «государственное» отношение к исповеди находило в XVIII в. своих последователей. Известен рукописный сборник 1760-х гг., в котором указываются

---

* Расширенный вариант статьи опубликован: Корогодина М. В. Исповедь в XVIII в.: церковный или гражданский суд? // Вестник Санкт-Петербургского гос. унта. Сер. 2: История. 2009. Вып. 2.

[1] Сборники писем И. Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому / Сообщ. В. И. Срезневский. СПб., 1900. С. 33—47.

[2] *Смолич И. К.* История русской церкви. 1700—1917. Ч. 2. М., 1997. С. 62—64.

гражданские казни за различные прегрешения, открытые на исповеди[3]. Рукопись писана пятью писцами, которые, очевидно, списывали одновременно с разных источников. Так, первый писец переписывал Слово Иоанна Златоуста на евнуха Евтропия — перевод, сделанный секретарем коллегии иностранных дел Стефаном Писаревым в Санкт-Петербурге при сухопутном шляхетном кадетском корпусе в 1759-м г. (л. 1—12 об.)[4]. Второй писец переписывал из книги духовного содержания: его рукой написаны «Увещание к духовным на исповедающихся», «Форма или Чин, си есть тайна святаго покаяния», «Увещание к духовником», «Исповедь по Десятословию», «Чин о сродстве» и «Диалогисмос духовный» о священнических чинах (л. 13—100 об.)[5]. По всей вероятности, второй писец списывал из одной книги, а не из нескольких источников. Об этом говорит единство тематики переписанных им произведений (большая их часть посвящена таинству покаяния) и один круг источников, на которые ссылается составитель произведений, вошедших во вторую часть сборника (об источниках будет сказано ниже). Наконец, третий писец сделал выписку из Трудолюбивой Пчелы о начатии Москвы (л. 101—108 об.)[6]; четвертый писец переписал Духовную В. Н. Татищева сыну Евграфу Васильевичу (л. 109—140), а пятый писец — Физиолог Дамаскина Студита,[7] известный во многих списках XVII—XVIII вв. (141—207 об.).

Таким образом, в сборник вошли очень разные произведения. Из состава рукописи можно сделать два вывода: заказчик, во-первых, интересовался новейшими сочинениями — Духовная Татищева появилась в 1734 г., а перевод Стефана Писарева был сделан в 1759 г., всего за несколько лет до написания сборника. Тогда же, в 1759 г., выходил журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела», выписки из которого вошли в сборник. Во-вторых, большинство сочинений, составляющих сборник, происходят из Санкт-Петербурга. В Петербурге был сделан перевод Стефана Писарева, там же выходил журнал «Трудолюбивая пчела»; в Петербурге была написана Духовная В. Н. Татищева[8], и в середине XVIII в. там были списки Духовной, так, в 1753 г. был сделан список для библиотеки Академии наук[9]. Известен

---

[3] РГБ, ф. 310, Ундол. 668. 4°. 214 л. Записи: оборот нижнего защитного листа: «Сия книга Ивана Мироносицкого Стретенского собора священника Иоанна Григореева. Сам подписал своею рукою», «Священник Иоанн»; оборот нижней крышки переплета: «Сия книга Устюга Великаго Стретенскаго собора священника Иоанна Григорьева сына его попова его собственная», рукою В. М. Ундольского: «В нояб. 1854 г: от Д. В. Пискар(ева). Сер. 1 р.».

[4] *Николаев С. И.* Писарев Стефан Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П). СПб., 1999. С. 437—438.

[5] Эта часть сборника кратко описана в книге: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. 1. Одесса, 1894. С. 583—584.

[6] Трудолюбивая пчела. Вып. 1 (генварь), отд. III. СПб., 1759. С. 48—58.

[7] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 368—369.

[8] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. I. М., 1994. С. 12.

[9] БАН, 17.6.16. — См.: *Татищев В. Н.* Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 18.

всего 21 список Духовной Татищева, лишь малая часть их была написана до 1773 г. (времени первого издания Духовной)[10]. Очевидно, описываемый нами список, не учтенный в литературе, представляет интерес не только в настоящее время, но был редкостью и в середине XVIII в.

По всей видимости, рукопись не является списком более раннего сборника, — ведь вошедшие в нее произведения появились незадолго до написания рукописи. Скорее, заказчик нанял нескольких писцов, чтобы они переписали интересующие его сочинения из разных книг, и таким образом был составлен сборник. Возможно, вся рукопись была писана в Петербурге, в котором незадолго до ее написания появились три из пяти сочинений, вошедших в сборник, хотя позже рукопись находилась в Великом Устюге. В Устюг рукопись, возможно, привез кто-то из свиты епископа Феодосия, бывшего архимандрита Святогорского монастыря Псковской епархии, который был в 1762 г. в Санкт-Петербурге произведен в Великоустюжские епископы[11].

Исповедные и духовные тексты, переписанные вторым писцом, по всей видимости, были выписаны из одного сборника. Составитель щедро заимствовал отрывки, цитировал и ссылался на широкий круг источников, которые он указывает на полях. Единая манера составления компиляции и единый круг источников убеждает нас в том, что автором отдельных исповедных текстов (в том числе «Исповеди по Десятословию») был один человек, который имел доступ к большой библиотеке, в которой хранились как печатные издания XVII и XVIII в., так и рукописные книги богослужебного и богословского содержания, в том числе пергаменные.

В большинстве случаев сложно судить о том, какое именно издание того или иного сочинения было известно компилятору, но в целом круг источников подводит нас к 1720-м гг. Среди источников называются Четьи Минеи Дмитрия Ростовского, которые издавались в 1695—1705 гг. и 1711—1718 гг.; в 1721 г. появилось первое издание Духовного регламента; в 1718 г. Стефан Яворский закончил «Камень веры», который был издан в Москве в 1728 и 1729 гг. Интересующая нас компиляция была сделана после появления издания «Камня веры», поскольку составитель ссылается на номера страниц по изданию. Очевидно, компиляция и была составлена на рубеже 1720—1730-х гг. человеком, имевшим доступ к крупной библиотеке, в которой находились не только книги XVII в. и новейшие издания, но и рукописи, в том числе пер-

---

[10] С. Н. Валк указывает 19 списков Духовной, к сожалению, по большей части без точной датировки, поэтому без дополнительного исследования невозможно точно назвать количество списков, созданных до появления печатного издания. С. Н. Валк называет лишь 4 списка, которые датируются 1749—1760 гг., и еще 6 списков «второй половины XVIII в.», которые могли быть написаны как до, так и после 1773 г. В. С. Астраханский прибавляет к ним еще 2 списка Духовной XVIII в. — См.: *Татищев.* Избранные произведения. С. 18—20; Библиография произведений В. Н. Татищева и литературы о нем / Сост. В. С. Астраханский, М. В. Соловьева, Р. В. Шереметьев // Архивно-информационный бюллетень. 1995. № 8. М., 1995. С. 119.

[11] ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982. С. 145 (Летописец Льва Вологдина).

гаменные. Наиболее значительными в 1720—1730-х гг. были книжные собрания в Москве: Синодальное (бывшая Патриаршая библиотека) и Печатного двора (типографское)[12]. В Петербурге в 1720—1730-х гг. еще не было библиотек, в которых столь широко могла бы быть представлена богословская и церковная учительная литература, начиная с пергаменных рукописей и заканчивая изданиями XVII—XVIII вв. Скорее всего, компиляция была составлена в Москве в конце 1720—1730-х гг. при использовании книг синодальной или типографской библиотеки.

Наконец, косвенно о времени составления компиляции можно судить по ее содержанию. Описывая некоторые, наиболее тяжкие грехи, составитель указывает, что по гражданскому суду за них положена смертная казнь. Это означает, что компиляция была составлена до середины XVIII в.: 17 мая 1744 г., когда был провозглашен указ о приостановке приведения в исполнение приговоров о смертной казни; указами от 25 мая 1753 г. и 30 сентября 1754 г. смертная казнь была отменена. Конечно, компилятор делал выписки о гражданских наказаниях не из российских законодательных актов, а из Кормчей книги, воспроизводившей нормы византийского права. Однако если бы компиляция составлялась после законодательной отмены смертной казни, то слишком явным было бы противоречие между принятыми в России нормами и теми уголовными наказаниями, которые приводил составитель в своей компиляции.

Значительную по объему часть компиляции, около 50 листов, занимает исповедный текст, в котором перечислены вопросы кающемуся с пространными комментариями, объясняющими сущность того или иного греха[13]. Комментарии имеют отсылки к печатным изданиям XVII в., преимущественно к «Миру с богом» Иннокентия Гизеля и к Кормчей книге, обычно с указанием на лист (хотя в некоторых случаях номер листа не вписан). При этом комментарии, как правило, не являются непосредственными выписками из указанных книг — на полях даны отсылки на сходные тексты в авторитетных изданиях.

Вопросы о грехах систематизированы и распределены по десяти заповедям, что нехарактерно для древнерусской традиции покаянных текстов. Вопросы сопровождаются указаниями на церковную епитимью, выписанными в таблички, в которых в отдельных столбцах указана продолжительность епитимьи (в годах и днях), посты и число поклонов.

Но главная отличительная особенность данного текста в том, что к некоторым статьям приписаны также ссылки на «гражданские казни», полагающиеся за то или иное прегрешение. Показателен репертуар статей, которые снабжены подобными указаниями: расхищение императорской казны («таковому смертная казнь и дом его расхитят»); изготовление фальшивых денег («по великих мучениях горло зальют»); убийство («по многом мучении голову отсекут», «руки отсекут», «голо-

---

[12] Каталог Патриаршей библиотеки, составленный в 1718 году // Памятники древней письменности. Вып. 103. СПб., 1894.

[13] Исповедные вопросы, без комментариев, были изданы в книге: *Алмазов*. Тайная исповедь... Т. 3. С. 288—296.

ву отсекут или повесят» и др.). Составитель выделяет как особый грех повеление убить кого-либо и убийство холопов и рабов, — за эти преступления также положена смертная казнь; и в то же время записывает, что «разбойника убить несть грех». Очень кратко остановившись на воровстве и укрывании воров («смертная казнь»), составитель подробно разбирает различные способы волшебства, приравнивая колдовство в епитимьи к убийству (около 20 лет поста). Сурово осуждая колдовство, составитель относит все виды чародейства к преступлениям, подлежащим смертной казни: «огнем сожгут, или голову отсекут, или повесят, или в землю окопают, или зверем на растерзание».

Отдельный раздел составитель посвящает грехам женщин, что в целом соответствует древнерусской традиции. Кратко перечислив некоторые виды колдовства и снова записав, что они повинны смертной казни, компилятор обращается к абортам и убийству новорожденных, приравнивая к убийству подкидывание младенцев («яко уби повинна смерти»). Интересно, что убийство некрещеного ребенка не карается смертью, причем компилятор специально подчеркивает это, а не просто пропускает ссылку на наказание: «Не поила ли младенца лукавством и оттого умре? — Аще ли некрещено умре, несть грех». В то же время компилятор особо подчеркивает, что причинение телесного вреда в драке с мужчиной должно сурово наказываться. Первым вопросом в разделе для женщин записано: «Не хватала ли мужа в бою за тайные уды? — Руку отсекут». Смертью, телесными наказаниями карается также значительная часть грехов, связанных с блудом: «голову отсекут или нос отрежут или кнутом бьют», «во огни сожгутся», «мечем побиются», «срамный уд отрежут», «камением побиется».

Указания на «гражданские казни» выписаны составителем из Кормчей книги, из разделов, воспроизводящих нормы древнего права: «Закон судный людям», «Закон, Богом данный Моисею» и др.[14] Однако, несмотря на компилятивность данного текста, в отборе материала явно прослеживаются определенные взгляды составителя. Кормчая книга предлагает гораздо более обширный круг гражданских наказаний за различные преступления, чем те, которые были выписаны составителем. Мы уже видели выше, что компилятор считал гибель некрещеного ребенка не столь уж тяжким грехом, но в то же время полагал, что поругание мужского достоинства в драке достойно жестокого наказания. Автор крайне мало уделяет внимания воровству — вопросы о кражах рассеяны по исповедному тексту, и за них назначается, как правило, сравнительно небольшая епитимья. Так, к восьмой заповеди (не укради) составителем отнесено лишь 4 вопроса, в том числе об утаивании на исповеди грехов — проступок, который можно отнести к воровству лишь иносказательно.

Конечно, этот исповедный текст не имел практического применения. Его появление в середине XVIII в. находится в контексте общих правовых представлений о гражданских наказаниях того времени. Однако составитель исповедного текста не только был хорошо знаком с тем, какие наказания могут назначаться за различные

[14] Кормчая книга. М., 1653. Л. 378---380 и др.

преступления, но и усвоил идею о том, государство должно контролировать все церковные дела. Фактически, составитель считал, что духовник должен доносить не только о «слове и деле» против государя, но и о блуде и других грехах, рассказанных на исповеди и подлежащих в допетровское время лишь церковному покаянию. Рассмотренный нами исповедный текст является ярким примером того, как в глазах людей, живших в XVIII в., исповедь приобретает функции гражданского суда.

А. В. Морохин (Нижний Новгород)

Проблема «раскола» во взаимоотношениях приходского духовенства и крестьянской общины в конце XVII — XVIII в. (на примере Нижегородской епархии)

В установлении контроля над религиозной жизнью населения главная роль принадлежала приходскому духовенству — священнослужителям «мирских церквей», где собирались общины верующих. Одновременно с этим не меньшее влияние на клир оказывали и сами прихожане. Основные доходы священнослужителей — руга, плата за требы, пожертвования, сборы с прихожан «славы» (обходы духовенством домов прихожан на Рождество и Пасху) — зависели от желания, достатка и усердия прихожан. Кроме того, священник ставился с «ведома» прихожан, которые подавали челобитье «за руками» архиерею с просьбой рукоположить священником того или иного кандидата. На место священника община предпочитала ставить человека, как правило, хорошо ей известного. Община нередко на свои средства возводила храмы, приобретала все необходимое для церковной службы, несла определенные обязательства по содержанию клира[1].

С возникновением в середине XVII века Раскола Русской Православной церкви отношения приходского духовенства и крестьянской общины значительно осложняются. Церковный собор 1666—1667 гг. установил комплекс мер и норм, которые делали приходского священника инструментом религиозного контроля над мирянами. «Местнии священници» должны были «кийждо в своем приходе» следить за исполнением населением новых обрядов[2]. Сложность и неоднозначность отношения приходского духовенства и крестьянской общины в связи с проблемой «раскола» наиболее ярко проявилась в Нижегородском Поволжье, являвшимся одним из наиболее активных центром старообрядчества XVII—XVIII вв.

В епархии, учрежденной в Нижегородском Поволжье в 1672 г. специально для борьбы с «расколом», не была проведена унификация ведения церковных служб и совершения обрядов по новым образцам. Данное обстоятельство было связано с

---

[1] Подробнее о приходском духовенстве и его отношениях с крестьянской общиной см.: *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. СПб., 2003; *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. М., 2002. О взаимоотношениях приходского духовенства и крестьянской общины в Нижегородском Поволжье см.: *Соколова Н. В.* Сельская община и церковный приход в Нижегородской монастырской вотчине XVII — первой половины XVIII в. // Мининские чтения. Мат-лы науч. конф. Н. Новгород, 2003. С. 126—138.

[2] Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 2. С. 124.

отсутствием полномасштабного контроля над духовной жизнью региона со стороны епархиальной власти. Нижегородские архиереи подолгу отсутствовали в епархии, находясь в Москве при патриархе[3]. В результате приходское духовенство, по сути, самостоятельно определяло свое отношение к новопечатным книгам. Многие приходские священники отказывались принять «новины» патриарха Никона и увлекали мирян на путь сопротивления. Так, уже в 1666 году на церковный собор из Нижнего Новгорода были доставлены строитель Казанского монастыря Авраамий (бывший поп Агафоник) и священник Иван Курочка, которые «говорили про книги новосправные печати посмешные слова». Авраамий также говорил, что «старые де книги добры, ведь де оне свидетельствованы ж, и на Москве по новоисправленым книгам не все служат...»[4]. Несмотря на то что священники покаялись, выступления представителя нижегородского духовенства против «новин» Никона продолжались. В «Повести о страдавших в России за древнецерковная благочестия предания» протопоп Аввакум Петров упоминает Гавриила, «священника в Нижнем», которому патриарх Никон приказал «голову отсечь»[5]. Надо полагать, священник Гавриил выступил против реформ Никона, что и стоило ему жизни. Священники — противники новых обрядов были в Нижегородской епархии и в начале XVIII века. Так, «раскольница» Анна Козьмина свидетельствовала, что «двоеперстным де сложением крестится ей, Анне, приказал до кончины своей бывший отец ее духовной, у которого на исповеди имелась она еще девкою, Николаевской церкви, что в Старых Печерах поп Василей, а троеперстным сложением отец ее духовной креститца ей не велел, а чего ради, того не сказал»[6]. Другой священник Городецкой округи Иван Петров, по доносу своего коллеги Тихона Петрова, «крестился двема персты по раскольнически»[7]. Таким образом, в начале XVIII века среди приходского духовенства не было единства в отношении к «старой вере». Примечательно, что нижегородские священники в течение длительного времени не выполняли постановление церковного собора 1666—1667 гг. о регистрации приходским духовенством исповедовавшихся[8].

Массовым явлением среди жителей Нижегородского Поволжья в конце XVII — начале XVIII вв. оставалось «двоеперстие», распространенное не только среди противников «новин» патриарха Никона, уходивших «ради духовного спасения» в

---

[3] Так, первый нижегородский митрополит Филарет даже после своего поставления в 1672 г. долгое время оставался в Москве. В 1675, 1676, 1678, 1681 и 1682 годах также находился в Москве (Дворцовые Разряды. Т. 3. СПб., 1852. С. 890—892, 1167, 1173, 1202, 1214—1215, 1222—1225, 1228, 1302—1303, 1307, 1310, 1317, 1330—1331 и др.). Его преемники, нижегородские митрополиты Павел (1686—1696) и Трифилий (1697—1699), также проводили большую часть времени вне пределов своей епархии (См.: *Макарий.* История нижегородской иерархии. Н. Новгород, 1999. С. 38—41).

[4] Материалы для истории раскола... Т. 2. С. 655—657.

[5] Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. Горький, 1988. С. 59.

[6] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. Д. 31 (1744). Л. 3 об.

[7] Там же. Оп. 552. Д. 20 (1721 г.). Л. 3.

[8] *Соколова Н. В.* Указ. соч. С. 127.

скиты, но и среди крестьян нижегородских деревень и «градских жителей». Причины широкого распространения «двоеперстия» заключалась в отсутствии необходимого количества «новопечатных» богослужебных книг. По крайней мере, священники признавали, что совершают обряды по старопечатным книгам «понеже новоисправленных книг имеется оскудение»[9]. При этом «доеперстники» не считали себя «раскольниками». В 1718 г. крестьяне Заузольской, Толоконцевской, Дрюковской и Керженской волостей, записанные в «раскол», подали жалобу Петру I, в которой сообщали, что совершают обряды по старопечатным книгам, но при этом «расколу и ересей никаких за собой не знаем и не держим, и на исповедь ко отцем своим духовным и священникам по вся годы приходим и исповедуемся». Признавая факт, что местные священники «церковное служение и правило и чин и устав содержат по тем же старопечатным книгам непременно», миряне отмечали, что при этом духовенство «за Ваше царское величество Бога молят непрестанно и наши всякия нужды управляют»[10]. Таким образом, большинство населения Нижегородского Поволжья в начале XVIII в. находилось в своего рода «промежуточном состоянии». Крестящихся «двема персты» священники считали такими же прихожанами, как и тех, кто крестился «тремя персты». В этой связи «в двоеперстном сложении большого запрещения» со стороны епархиальной власти в начале XVIII века «не имелось»[11]. Вполне очевидным является и то, что, что определяло и позиции приходского духовенства. В этой связи нельзя не согласится с утверждением А. С. Лаврова, отмечавшего, что «только в начале XVIII века в России начинается процесс конфессионализации», в результате которого старообрядчество было «разграничено» с официальным православием[12]. Факт одинакового восприятия приходским духовенством своей паствы как крестящихся «по-старому», так и «по-новому», видимо, и дал основание официальной идеологии, а вслед за этим и некоторым исследователям считать приходское духовенство «невежественным и уклоняющимся в раскол»[13].

С введением в 1716 г. указов о переписи старообрядцев и обязательной исповеди населения у приходских священников с целью выявления «раскольников» в нижегородской епархии складывается неординарная ситуация. Несмотря на указ, перепись «раскольников» в регионе не была проведена. Нижегородский вице-губернатор князь С. И. Путятин и ландраты «раскольников не переписали и збору (двойного оклада. — *А. М.*) не имелось»[14]. Факт непроведения переписи некото-

---

[9] ЦАНО. Ф. 570. Оп 552. Д. 1266 (1725 г.). Л. 3—3 об.

[10] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 126. Л. 97—98 об.

[11] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 21 (1751 г.). Л. 3 об.

[12] *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700—1740 гг. М., 2000. С. 39.

[13] *Гурий.* Сказания о миссионерских трудах Питирима, архиепископа Нижегородского. М., 1889. С. 18. См. также: *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863. Т. 2. С. 217, 263 и др.

[14] РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 774. Л. 2 об.

рые историки объясняют личными качествами С. И. Путятина, и в частности его «симпатиями к расколу»[15]. В действительности же истинной причиной являлось массовое распространение двоеперстия, которое затрудняло власти и приходское духовенство определить, кто из крестящихся «двема персты» является «раскольниками». В донесении царю действовавший в нижегородской епархии миссионер официальной церкви Питирим сообщал: «...попы едва не вси укрыли раскольников, ово писали исповедующимися, ово никак не писали, а на которых в губернии лондраты и подали росписи, но по указу ни штрафов, ни раскольщикам окладу не положено...»[16]. Эти сведения подтверждаются и другими источниками. В исповедальных ведомостях приходские священники Нижнего Новгорода и округи действительно указывали, что «во Святый Великий пост... дети наши духовные всяких чинов люди мужска и женска пола на исповеди у нас все были», и в приходах «церкви святей противников и раскольников никого нет»[17]. Направленный в 1718 г. в Нижний Новгород для переписи старообрядцев капитан-поручик Преображенского полка Ю. А. Ржевский сразу же столкнулся с проблемой двоеперстия. В письме царю от 12 февраля 1719 г. Ржевский сообщал: «...а в именном твоем Царского Величества указе и в пунктах, каковы мне даны о воображении крестного знамения, которые по всему церковники, а воображают себя двумя персты, таких к расколу причитать ли, того не написано, а в нижегородской губернии таких обретается многое число». Столкнувшись с проблемой двоеперстия, Ю. А. Ржевский обратился за помощью к нижегородскому митрополиту Сильвестру, «и против того он архиерей во объявлении своем таковых причет несогласующимся церкви»[18]. Позиция церковной власти в отношении двоеперстия объясняется достаточно просто. Нижегородский митрополит Сильвестр был скомпрометирован в глазах Петра I если не «потворством», то по крайней мере равнодушием к проблеме «раскола». Кроме того, с возникновением в 1718 г. процесса над царевичем Алексеем, который благоволил к Сильвестру, нижегородский митрополит, видимо, оказался под тайным подозрением[19]. И хотя следствие не выявило никаких компрометирующих Сильвестра материалов, отношение к нижегородскому митрополиту со стороны Петра I оставалось настороженным. Поняв это, Сильвестр и пытался изобразить из себя ревностного борца с «расколом»[20]. Сменивший в 1719 г. Сильвестра на

---

[15] *Каптерев Л.* Нижегородская губерния при Петре I // Горьковская область. 1940. № 8. С. 69.

[16] Доношение Питиримово о раскольниках // ЧОИДР. 1860. Кн. 4. С. 282.

[17] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 8 (1718 г.). Л. 1---22; Д. 10 (1710 г.). Л. 9 об., 14 об.

[18] *Есипов Г. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 201—202.

[19] Письма Сильвестра к духовнику царевича Якову Игнатову см.: *Погодин М. Н.* Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. С. 271—272.

[20] Возглавляя в дальнейшем Тверскую и Казанскую епархии, Сильвестр проявил себя активным искоренителем «раскола». В 1730 г. Сильвестр даже обвинил казанского губернатора А. П. Волконского в покровительстве старообрядцам. Подробнее об этом см.: *Морохин А. В.* Нижегородский митрополит Сильвестр и миссионерская деятельность Питирима. (В печати).

нижегородской кафедре Питирим именно на своего предшественника возлагал ответственность за массовое укрывательство «раскольников» со стороны приходского духовенства. По мнению Питирима, священники «в том же научены и не остережены были от архиерея своего»[21].

С приездом в Нижний Новгород Ю. А. Ржевского, который вскоре становится вице-губернатором, и поставлением на нижегородскую кафедру миссионера Питирима в регионе разворачивается жестокая борьба с «расколом». Приходское духовенство поначалу игнорировало Ржевского и данный на его имя указ Петра I. Как сообщал в письме к кабинет-секретарю А. Б. Макарову Питирим, «Юрья Ржевский прибыв в Нижний ради объявления онаго указа в Нижнем и инде листы выставливал, и из попов к нему о неправых росписях с повинной никто не явился на определенные сроки». На помощь Ржевскому пришел Питирим, который «попов собирал перед себя и говорил им чтобы они в росписях писали никого не тая»[22]. В результате некоторые представители приходского духовенства начали подавать «правдивые росписи» с признанием своих вин в утаивании «раскольников». В ходе проведенного Питиримом «изследования» за многими священниками также были «вины сысканы», в утаивании старообрядцев. 48 священников добровольно объявили об этом епископу и 89 представителей приходского духовенства, «потворствующих расколу», было выявлено в ходе расследования самим Питиримом. Добровольно признавшиеся священники, как и выявленные в ходе следствия, были оштрафованы. В 1723 г. Питирим провел новое «изследование», в ходе которого шестеро священников были «изобличены вторично в тех же винах» и отправлены в Розыскную раскольничьих дел Канцелярию. В том же 1723 г. Питирим лишил сана 32 священников за «укрывательство раскольников»[23]. Каким образом епископ «выявлял» священников, утаивающих старообрядцев, наглядно показывает следующий пример. В 1723 г. один из священников, лишенных сана «за укрывательство раскольников», Тихон Петров, жаловался в Синод, что он «раскольников не таил, так как в приходе их не было, а церковную службу справлял по новопечатным книгам». Несмотря на это, Петров 8 ноября 1723 г. был вызван в архиерейский дом и «самоустно» допрошен епископом, «якобы у него в приходе есть раскольники, а кто ему (Питириму. — *А. М.*) о том сказал, того не объявил». Когда священник ответил, что «раскольников» у него в приходе нет, Питирим, «взяв его за бороду, закричал: что ты запираешься, я де отдам тебя в розыск, где скажешь правду, а потом приказал бить его плетьми, приговаривая: повинись, и я тебя прощу, и по наказании велел кинуть в тюрьму, где он и просидел дней с десять». Не вынеся жестоких побоев, священник подал Питириму повинное доношение «в чаянии от него помилования», вместо которого епископ снял с него сан и отослал к Ю. А. Ржевскому, который после наказания кнутом отправил лишенного сана священника в «вечную

---

[21] *Есипов Г. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 260.

[22] Там же.

[23] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1879. Т. II. Ч. 1. № 88. С. 114—116; СПб., 1878. Т. III. № 142. С. 136—137.

галерную работу». Другой нижегородский священник, Яков Иванов, также утверждал, что епископ плетьми вынудил его повиноваться в утаивании старообрядцев[24].

Причиной так называемых укрывательств раскольников была зависимость приходского духовенства от общины. С началом конфессилизации старообрядчества, столкновение общины с приходским духовенством, на которое в свою очередь сильно влияла новая епархиальная власть в лице епископа Питирима, становятся все более частыми. Так, в 1719 г. прихожане «разных поместий и вотчин» Лапшанского стана Ветлужской области своего священника Василия Петрова «за литургиею божиею били и ругали и ризы драли...и силно по солнцу круга церкви водили»[25]. Другой священник жаловался, что когда он стал совершать обряды «по новому», миряне выразили протест: «...мужики на меня стали сетовать и грозитца и пошто де мы ево звали, коли он нам противно делает»[26]. Недовольство мира вызывала и запись населения в «раскол». В 1720 г. прихожане села Румянцева избили своего священника Георгия, который объяснил свою вину перед прихожанами тем, что «подаю о детях своих духовных правдивые росписи и никого не исповедовавшихся и раскольников не таю»[27]. В 1722 г. священник Тимофей Иванов жаловался, что к нему в дом приезжали «неведомые воры». Не найдя попа, которого в то время «в доме не прилучилось», они «били и увечили и огнем жгли попадью... и детей, и приговаривали: не разоряйте де крестьян, в раскольники не пишите, за тем де мы и приехали, и двор мой разбоем разбили. И в то время говорили те воры: ежели бы мы попа в доме изошли, и разрубили де ево в мелкие части и разбросали... и угрожали: ежели де не выедете из села вон, то мы станем и за все приезжать к вам в дом... И живу я ныне з женою и з детьми в чужих домах, а в доме своем жить опасаюсь угрозах воровских людей»[28]. В том же году священник Кунавинской слободы Игнатий жаловался на своих прихожан и священника той же церкви Емельяна, дьякона Артемия и Михайлу, которые «в нынешний во Святый Великий пост на первой недели в пяток в церкви Божией возмутили всенародно и говорили мне: что де читаешь указные статьи о проклятии раскольщиков за своею волею а не по указу, и оные приходские люди закричали всенародно: какая де наша исповедь, сами де себя проклинаем, и нигде не читают, только де ты один... и в то число исповедь остановили»[29]. В 1723 г. прихожане села Красного, как жаловался поп Федор Семенов, «затаивши нас богомольцев твоих на дороге били и увечили, а бивши приговаривали: не читайте де в церкви Божии Его Императорского Величества указов и к троеперстному сложению не принуждайте и доношений на нас никаких не подавайте», после чего и сам староста поповский Симеон «за волосы драл и бранил матерно нас»[30]. Подобных случаев

---

[24] Описание документов... Т. II. Ч. 1. № 88; Т. III. № 142.
[25] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 826 (1719 г.). Л. 1.
[26] Там же. Д. 43 (1747 г.). Л. 5.
[27] Там же. Д. 54 (1720 г.). Л. 1 об.
[28] Там же. Д. 18 (1722). Л. 3—4.
[29] Там же. Л. 5—6.
[30] Там же. Д. 78 (1723). Л. 1—1 об.

давления мирян на своих священников было немало[31]. Реакция крестьянской общины на запись в «раскол» могла быть и более жесткой. Так, в 1724 г. крестьяне села Перелаз, деревень Аниковка, Полом и Починка Зарубин-Макарьевского монастыря отказались «содержать в надлежащем довольстве» попа Андрея Ларионова, дьячка Федора Семенова и пономаря Ивана Андреева. Хотя формально миряне мотивировали свой отказ «малым приходом и за скудостью», действительная причина отказа содержания священника заключалась в том, что в 1722 г. священник показал в своей «сказке» 26 своих прихожан «раскольниками» — почти половину мужского населения прихода[32].

Оказавшись в сложном положении, которое заключалось в давлении, с одной стороны, епархиальной власти в лице епископа Питирима, а с другой стороны — мирской общины, приходское духовенство, несмотря на жестокие наказания, продолжало укрывать «раскольников» на протяжении 20—30-х гг. В 1723 г. 24 священника епархии были оштрафованы за утайку «раскольников»[33]. 23 ноября 1724 г. села Мурашкино Петр Максимов Обренин доносил на поповского старосту Федора: «был ему старосте указ прислан... по расколщика Никифора, и он, расколщик, ушел, и он староста взял с расколщиковы жены осмину ржи»[34]. В 1726 г. дьякон села Кадниц Никита Андреев доносил на священников того села, обвиняя их «в поноровке к прихоцким людям в расколе»[35]. На допросе в 1726 г. священник Стефан Федоров также признался, что «девка Лисафья и женка Настасья в прошлом 723 году у свидетельства и у присяги не были, также не исповедовались и святых тайн не причащались, да еще деревни Бобылевки Прасковья Леонтьева Семенова жена такожде у присяги и у исповеди не была ж и не причащалась, а в свидетельствованной своей росписи он, поп, оных девку и женок написал ложно православными исповедницами и причастницами хотя их раскол прикрыть, а за то с них взял взятки, а именно с девки Лисафьи денег рубль а з женок по пяти алтын»[36]. Другой священник Герасим также взял за укрывательство «раскольника» Леонтия Иванова «денег рубль». Тайная «раскольница» Марина Федорова говорила крестьянину села Вершинина Василию Паршину, который советовал ей перейти в официальное православие: «...за раскол де с нас поп Герасим брал на год по сороку алтын, и он бы де о нас объявил, и мы бы де такие денги платили в государеву казну за раскол, и в том де нам чинит он поп потачку и укрывательство»[37].

Причины, по которым приходское духовенство продолжало укрывать «раскольников», заключались не только в определенных материальных выгодах для духо-

---

[31] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 550. Д. 17 (1757). Л. 1—2 об.; Д. 17 (1761). Л. 1—2 об.; Д. 87 (1761). Л. 9 об. — 10.

[32] *Соколова Н. В.* Указ. соч. С. 133—134.

[33] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 20 (1723). Л. 1—1 об.; Д. 11 (1723). Л. 28—29.

[34] Там же. Д. 11 (1723). Л. 28-—28 об.

[35] Там же. Д. 72 (1727). Л. 3.

[36] Там же. Д. 33 (1726). Л. 10.

[37] Там же. Д. 35(1727). Л. 1—8 об.

венства. Приходские священники могли укрывать «раскольников» и из сочувствия. Важно отметить, что в 1721—1722 гг. были впервые определены штаты церковнослужителей. Причисление бывшего церковника в оклад вело к важным переменам в его социальном положении. Запись в подушный оклад не только навечно привязывала его к тяглу, но и вела к распространению на него крепостной зависимости. Сенатский указ от 20 мая 1724 г. окончательно уравнял бывших церковников с тяглыми крестьянами и посадскими[38]. Все это вело к повсеместному недовольству приходского духовенства сложившимся положением и, надо полагать, оказывало влияние на отношение к проблеме «раскола» в Нижегородской епархии.

Кроме того, запись в «раскол» прихожан была крайне невыгодна приходскому духовенству, так как лишала их части доходов. В 1720 г. поп села Бора Макарий Кузьмин сообщал, что его прихожане, «уведав» присланную от Питирима о проклятии «расколнических раздоров и о исповедании догмат и таинств церковных», отказались идти на исповедь и записались в «раскол». Другой священник, Иван, также свидетельствовал, что во время крестного хода на светлой неделе «с честным крестом и со святыми иконами» по домам прихожан часть из них отказались пускать в дом попа и «сказывались нам что записались в расколщики»[39]. В другой раз священник сообщал, что его прихожане «не хотя исповедываться и святых тайн причащится... побегли из домов своих и поныне не явятся»[40]. В ходе борьбы с «расколом» одновременно шло и наступление на приходское духовенство, которое выразилось в сокращении их штатов.

В результате в нижегородской епархии к 1738 г. обнаружился явный недостаток приходских священников — 824 должности приходских священников оказались «праздными», не хватало 1297 церковнослужителей[41].

Из-за сложной религиозно-политической ситуации в нижегородской епархии значительная часть приходского духовенства в начале XVIII века продолжала совершать обряды «по старому». С ужесточением правительственной политики по отношению к «расколу» в регионе начинается процесс формирования особой старообрядческой субкультуры с определенными конфессиональными признаками. Приходское духовенство, в силу возложенных на него со стороны государственной власти обязательств, играет в этом процессе ведущую роль.

---

[38] *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719 1729. Л., 1982 г. С. 223—229.

[39] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 77(1720). Л. 1—2 об.

[40] Там же. Д. 110 (1743). Л. 11.

[41] *Знаменский П. В.* Указ. соч. С. 346.

Л. Н. Дзиговская (Тула)

Проблемы взаимоотношений народа и власти в период эпидемии чумы 1771—1772 гг. на юге Подмосковья

Проблемы взаимоотношений народа и власти в период эпидемии чумы 1771—1772 гг. на юге Подмосковья следует рассматривать в контексте событий в Москве и в России. Начнем с краткого изложения трудов русских и советских историков о московском чумном бунте, чтобы на фоне московской трагедии понять происходящее на юге Подмосковья.

Историография бунта во время чумы в Москве в сентябре 1771 г.

Изучение истории эпидемии чумы в России в 1770—1772 гг. сосредотачивалось на исследовании документов чумного бунта, случившегося осенью 1771 г. в Москве. Как известно, после усмирения бунтовщиков была создана комиссия по расследованию причин случившегося с целью выявить зачинщиков. Документы следствия стали для многих исследователей источником информации о трагических событиях[1].

Воспоминания современников о бунте стали источниками, на которые ссылались историки. Опубликованы: «Описание Московского бунта сентября 15 дня» протоиерея, профессора богословия Московского университета П. Алексеева[2]; письма офицера А. Саблукова к своему отцу[3]; Н. Н. Бантыш-Каменский «Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского, убиенного в 1771 г.»[4].

Колоритны страницы, посвященные московской чуме, в «Обозрении царствования и свойств Екатерины Великия» сенатора П. И. Сумарокова[5]. «Записки...» А. Т. Болотова написаны четверть века спустя после эпидемии, но по сей день его «записки» воспринимаются как воспоминания современника, хотя автор пережил кризисную ситуацию в подмосковной усадьбе и о «драке» в старой столице знал понаслышке[6].

---

[1] *Леонидов В. В.* Документы следствия как источник по истории московского восстания 1771 г. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986.

[2] Описание Московского бунта 1771 г., составленное протоиереем Петром Алексеевым // Русский архив. 1863.

[3] Письма А. А. Саблукова своему отцу 1771 г. // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. (1762—1796). М., 1923.

[4] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Жизнь преосвященного Амвросия. М., 1813.

[5] *Сумароков П. И.* Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия. Ч. 1. СПб., 1852.

[6] *Болотов А. Т.* Записки Андрея Тимофеевича Болотова (1731—1796). Т. 1. Тула, 1988.

Русские историки XIX — начала XX вв., анализируя документы, реконструируют ход событий, выясняя: почему произошел бунт и кто в том виноват.

С. М. Соловьев исследованию чумного бунта посвятил статью «Москва в 1770 и 1771 годах» («Русская старина», 1876 г.). Он опирался на архивные материалы — документы заседаний Государственного Совета, переписку императрицы и ее ближайшего окружения, документы следствия, допросы участников бунта, указы правительства, воспоминания современников. Историк объективно освещает деятельность генерал-губернатора П. С. Салтыкова, приводит текст его письма к императрице с просьбой позволить отдохнуть всего несколько дней. Не дождавшись ответа, старик уехал. Если бы за те несколько дней не случился бунт, его отсутствия никто бы не заметил. Императрица недолюбливала елизаветинского генерала, почитала виновником неурядиц именно его и не простила краткого отдыха. На ее предвзятом отношении и сформировалось общественное мнение, воспринимаемое как исторический факт.

Историк цитирует письмо П. С. Салтыкова к Екатерине от 12 сентября 1771 г. Граф делится соображениями относительно организаторов бунта: «Наставник должен быть из раскольщиков, потому что они всегда противились карантину, да и то примечания достойно, что церковь архиерейская вся разорена и утварь разбита и разметана». О настроениях раскольников историк приводит следующий факт: раскольники подали П. Д. Еропкину записку с просьбой освободить их от докторских осмотров и офицерских распоряжений, построив взамен карантин и обязавшись содержать его.

В оценке причин бунта С. Соловьев близок к мнению сенатора П. Сумарокова: «Главная причина печальных событий 15 и 16 сентября была очевидна: ничтожность военных сил». Он не задается вопросом о внутренних причинах конфликта, но замечает: «...ни Еропкин, ни кто другой не мог перевоспитать народ, вселить в него привычку к общему делу»[7].

В 1875 г., в сборнике «Древняя и новая Россия», (т. 2) опубликован труд Д. Мордовцева «Чума в Москве 1771 года». На основе воспоминаний современников автор создал вариант публицистический, насыщенный авторскими обобщениями и размышлениями. Говоря о причинах распространения инфекции в Москве, он видит виновными не народ. «Голос Шафонского (врача) — это был первый голос, предостерегавший Москву от грозившей ей опасности, и если бы лень и упрямство, а также и невежество других докторов не заглушили этого голоса, то Москва без сомнения была бы спасена». В числе документов, выявляющих участников бунта, Д. Мордовцев цитирует письмо Еропкина к императрице от 18 сентября 1771 г.: «В злодействе сем находились боярские люди, купцы, подъячие, и фабришники, а особливо раскольники, разсевая плевелы, что они стоят за Богородицу, нашед образ на Варварских воротах, сказывая, что он явленный, к которому толпами ходят молиться».

---

[7] *Соловьев С. М.* История России и древнейших времен. Т. 29. История России в царствование императрицы Екатерины II. Т. 5. М., 1879.

Д. Мордовцев глубоко осмысливает причины бунта: «Во время общественного бедствия, когда люди ниоткуда не видят спасения, отчаяние заставляет их искать причины бедствия в каком-нибудь злоумышлении, и чернь, по каким-нибудь пустым подозрениям старается отыскивать виновников своего бедствия, "лихих людей" — и всегда, как ей кажется, находит их, особенно при помощи разных толкователей, таких же как она сама, доверчивых и суеверных. На этих-то "лихих людей" и обрушивается вся накопившаяся в народе горечь и злоба».

Во второй половине XX столетия психолог Карл Густав Юнг в статье «Общая точка зрения на психологию сновидений» посвятит комплексу «лихих людей» следующие строки: «То же самое, как известно, бывает и у примитивов: чужой — враждебный и злой. У нас еще в позднем средневековье "чужбина" была идентична "злополучию и изгнанию". Психология войны отчетливо выявила это обстоятельство: все, что делает собственная нация — хорошо, а все, что делает другая — плохо. Центр всяческой подлости и пошлости всегда находится на расстоянии в несколько километров за вражеской линией»[8].

Профессор Дерптского университета А.Г. Брикнер в «Истории Екатерины II» (1885 г.), повествуя об эпидемии, акцентирует позитивную и доминирующую роль Екатерины в истории России. Ситуацию с эпидемией Брикнер излагает в главе «Заботы о народном здравии». Но, если обратиться к финансовым документам за период эпидемии, выясняются факты, противоречащие мнению профессора.

Обобщая, А. Брикнер характеризует 70-е годы правления Екатерины: «Успехи в области внешней политики доставили Екатерине еще до пугачевщины громкую славу. Расширение пределов государства, приобретение веса в Европе, победы над турками и поляками — все это оказалось делом нетрудным в сравнении с проведением внутренних реформ, с достижением определенных целей путем законодательства и администрации»[9].

О несовершенстве законодательства Екатерины Великой в период эпидемии размышляет С.Ф. Платонов в «Лекциях по русской истории» (Пг., 1917). В неспособности собрать войска против мятежной толпы он видит проявление административной слабости московских властей. Административная слабость «ясно сказалась во время московского бунта 1771 года, происшедшаго под впечатлением чумы. Московские Сенаторы ⟨...⟩ и прочия власти разтерялись при первом же движении народа. Против мятежной толпы, убившей архиепископа Амвросия, не могли собрать и 50 солдат»[10].

В трудах советских историков наметился новый подход к изучению причин и событий чумного бунта. Основываясь на методике марксизма-ленинизма, авторы исследуют социальные, политические, экономические причины.

---

[8] *Юнг К.* Бог и бессознательное. М., 1998. С. 400.

[9] *Брикнер А.Г.* История Екатерины II. Т. III. Ч. IV—V. СПб., 1885. С. 174.

[10] *Платонов О.Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 630.

Е. Звягинцев («Исторический журнал», № 2, 1937) дает сравнительный очерк чумы в Москве в 1654 и в 1771 гг. История бунта XVIII в. освещается косвенно. Основное внимание сосредоточено на тяжелом положении народа.

Если в представлении современников и историков XIX в. население Москвы представляется агрессивной, невежественной, нетрезвой толпой, то у историков советского периода народ вызывает глубокое сострадание. Это жалкий, бесправный, голодный социум, который даже не в состоянии пользоваться рекомендациями врачей и благими советами правительства[11].

Статья П. Алефиренко «Чумной бунт в Москве в 1771 году» посвящена исследованию причин бунта, социального состава участников. По материалам следственного дела изучается ситуация после бунта. Автор, руководствуясь методологией марксизма-ленинизма, выявляет общий недостаток трудов русских историков: они не поняли антифеодального характера бунта, считая его случайным эпизодом и проявлением невежества народа.

Анализируя документы следственного дела, П. Алефиренко называет классовый состав участников бунта. По ее мнению, роль дворовых и крестьян значительно недооценена, именно они и составляли основную силу.

Распоряжения П. С. Салтыкова, генерал-губернатора Москвы, и сменившего его на этом посту П. Д. Еропкина, в представлении П. Алефиренко, были «издевательством над московским людом. Именно эти полицейско-бюрократические мероприятия и были основной причиной, способствовавшей быстрому распространению чумы в Москве»[12]. Уместно уточнить: к «полицейско-бюрократическим мероприятиям» относилось закрытие торговых бань, учреждение карантинных домов, повеление правительства покинуть старую столицу приезжим и жителям, запрещение хоронить по церковным обрядам, отводить кладбища вне города». В сложившейся ситуации правительство прибегло к традиционным в европейской и отечественной практике санитарно-гигиеническим мерам. Как исполнялись распоряжения властей — проблема иного уровня, нежели «тяжесть и произвол феодальной системы»[13].

Участники бунта представлены П. Алефиренко как «исстрадавшееся московское население». «Чума, жестокие бюрократические мероприятия властей по борьбе с нею только переполнили чашу терпения народа и послужили поводом к массовому возмущению против феодального гнета». О разгроме погребов со спиртным у купца Чудова, упомянуто вскользь, зато акцентируется эпизод с революционно взметнувшейся ввысь холстиной. Оказывается, 16 сентября в Кремле в качестве стяга вывесили «холстину». Некий Баженов (предполагается архитектор) велел уничтожить тряпицу. Подобный момент отметил и С. Соловьев, но он не был знаком с ленинской теорией народных восстаний и не придал ему надлежащего значения.

---

[11] *Звягинцев Е.* Чума в Москве в XVII и XVIII в. // Исторический журнал. М., 1937. № 2.

[12] *Алефиренко П.* Чумной бунт в Москве в 1771 г. // Вопросы истории. М., 1947. № 4. С. 81.

[13] Там же. С. 84.

Аргументируя, П. Алефиренко рассуждает об элементах организованности в стихийном бунте и перечисляет требования, которые «восставшие» предъявили П. Еропкину.

Оригинальна позиция автора относительно значимости бунта: «...заслуга в спасении Москвы и Московской области от дальнейшего вымирания во время чумы принадлежит только участникам чумного бунта, ибо это они заставили правительство принять надлежащие меры по борьбе с чумой»[14].

Мнение П. Алефиренко, что бунт явился выражением протеста против феодального гнета, разделяет В. И. Буганов, автор трудов по исследованию народных восстаний с XI по XVIII вв. В работе «Страницы летописи Москвы. Народные восстания XIV—XVIII вв.» (1986 г.) московскому чумному бунту XVIII в. посвящена отдельная глава. В освещении конфликта В. Буганов разделяет точку зрения П. Алефиренко.

В. Буганов приводит информацию о стоимости похорон на конец XVIII века по церковному обряду: 6—8 рублей[15]. Нет ссылки на источник информации. Аналогичную сумму указывает П. Алефиренко, также без ссылки на источник. Именно этим фактом — баснословной стоимостью погребения по церковному обряду — объясняет автор несоблюдение населением указов правительства о сокрытии информации о скончавшихся горожанах: тайном захоронении трупов в садах или выбрасывании усопших на улицы города.

Заметно противоречие. С одной стороны, запрещение правительства хоронить по церковным обрядам воспринимается населением как репрессии. Более того, одним из требований бунтовщиков названо возобновление захоронений по церковным обрядам. С другой стороны, выходит, что подобные захоронения были очень дороги: стоили совокупный годовой доход среднего московского ремесленника. Сомнительно, что более 60 % москвичей могли вообще пользоваться обрядами церкви, если всерьез принимать приведенную сумму.

Вызывает сомнение трактовка фактов и выводы. Автор следующим образом представляет эпизоды чумы: «Московское начальство отсиживалось в домах или в имениях. Салтыков, например, находился в Марфине, что в 40 км от столицы. В городе хозяйничала полиция. ⟨...⟩ Они (мортусы) разъезжали по городу, врывались в дома москвичей и волокли мертвых в ямы, а больных без разбору — в карантины. Москва в результате таких действий была отдана во власть страшного бедствия, ей грозило полное вымирание»[16].

При этом деятельность Еропкина, врачей, горожан, добровольно исполняющих обязанности частных приставов, не принимается во внимание.

Обзор трудов историков дает представление о контексте событий, в котором рассматривается происходящее в Туле.

---

[14] *Алефиренко П.* Указ. соч. С. 87.

[15] *Буганов В. И.* Страницы летописи Москвы. Народные восстания XIV—XVIII вв. М., 1986. С. 161—166.

[16] Там же. С. 190—191.

Карантинные меры правительства Екатерины Великой в период эпидемии чумы 1770—1772 гг.

Действия правительства Екатерины во время эпидемии чумы 1770—1772 годов не были оригинальны. Они опирались на международный опыт и опыт предшествующих русских государей. В Манифесте от 9 сентября 1771 г. сказано: «Мы ⟨...⟩ предписали и учредили все те предосторожности, кои не только у нас, но и у всех просвещенных народов в подобных случаях с успехом всегда употреблялись и предками нашими не единожды установлены уже были, как то свидетельствуют между прочими строгие указы, 1738 года изданные, для отвращения, чтобы появившаяся тогда в российских пределах язва не распространялась»[17].

Международной мерой безопасности при эпидемиях было создание карантинов. В карантинных домах на некоторое время задерживали проезжающих, подвергая наблюдению и санитарной обработке. Карантинные меры были жестокими и обременительными, но в редких случаях имели положительный результат. В России карантины появились со времени чумы 1521 г. «И бысть застава на псковской дороге» — сказано в Новгородской летописи.

В конце XVIII в. признаки эпидемии появились на юге России. Первым законодательным актом о мерах безопасности от «прилипчивой горячки» стал именной указ Екатерины II киевскому генерал-губернатору Воейкову от 27 августа 1770 г. о создании карантинных домов «на проезжих из обеих армий дорогах ⟨...⟩ на самом краю границы без большей огласки, дабы тем временно не возбудить напрасного в публике безпокойства»[18].

По мере распространения эпидемии по границам Турции, Молдавии, Польши появляется указ запрещающий пересекать границы «по отверстым большим дорогам застав и карантинных домов»[19]. Застава стала неотъемлемой частью карантина. Исходя из последующих текстов указов сената и именных императрицы, Россия в ту пору должна была бы ощетиниться заставами. Указом сената от 9 января 1771 г. для безопасности обеих столиц учредили заставы в Серпухове, Коломне, Кашире, Боровске, Алексине, Калуге, Малом Ярославце, Можайске, Крапивне, Лихвине, Дорогобуже, на Гжатской пристани «и мимо оных застав другими проселочными дорогами проезжать и никаких товаров возить» нельзя[20].

Указом учреждались заставы и у самой Москвы. Желающие провезти товары в столицу выдерживали шестинедельный карантин. «В карантине всякий товар был проветриван, а который возможно, то и окуриван порознь можжевельными ягодами или можжевельником вседневно, как и самый хозяин по одному разу при захождении солнца»[21].

---

[17] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 19 (1770—1774). С. 309.
[18] Там же. С. 121.
[19] Там же. С. 204.
[20] Там же. С. 205.
[21] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 19 (1770—1774). С. 206.

Когда в Тулу пришло распоряжение об устройстве застав — неизвестно. В рапорте тульской провинциальной канцелярии от 8 августа 1772 г. рапортуют столичному начальству о событиях прошлого года: «...марта 23 дня 771 году между протчих велено на здешней стороне Упы реки по большим дорогам коими от Москвы до Тулы проезжать можно зделать заставы»[22]. Застав сделали три — первую на выезде из Москвы в Тулу, вторую в Туле, в Чулковской слободе, третью по алексинской дороге. На заставы командировали унтер-офицеров или капралов из оружейной роты. В помощь в караул назначили оружейников, кирпичников, купечество «и протчих разночинцов по числу душ и по очереди». Значит, в марте 1771, когда в Москве подтвердился диагноз врача Шафонского, в Туле скоропостижно установили караулы.

В августе сенат распорядился указом № 13642 учредить заставы по Тульскому и Калужскому трактам. Речь шла о заставах уже на проселочных дорогах. Августовский указ в Туле был получен 22 числа, а 23 августа заставы уже появились на оружейной стороне: «...на здешней оружейной стороне заставы учреждены еще в 771 году августа 232».

После московского чумного бунта много московских жителей разбежались по окрестностям. В Тульскую оружейную канцелярию срочно прислано распоряжение сената с уведомлением «иметь крепкое смотрение и примечание, не будет ли кто из подозрительных людей как из казны, так и партикулярно у мастеровых покупать ружья, а особливо во множественном числе и буде таковые явятся, то не токмо им ружей отнюдь не продавать, но их самих брав и за крепким караулом присылать в Московскую губернскую канцелярию и в Сенат в то же время репортовать». Тульской провинциальной канцелярии приказано обнести город валом и рвом, чтоб в город никто не проник, минуя заставы. На заставах усилить караул. Количество застав увеличивалось. Дороги перекрыли. На каждой дороге, ведущей к Туле, «учредили» от общества купечества «рогатки» и при них поставили «караулки». От купечества и от оружейников определили караульных и военных[23].

В декабре 1771 г. из Москвы пришло указание особое внимание обратить на тракты Воронежский и Киевский.

В апреле 1772 г. тульская провинциальная канцелярия рапортовала в московскую канцелярию, что город окопан («все жителства рвом окопаны»), оставив проезжими шесть дорог: на Москву, на Алексин, на Епифань, на Воронеж, на Калугу, Киевскую.

Значение трактов для России было огромно. В связи с военными действиями, учитывая интенсивность движения по дорогам к Киеву, Воронежу и Смоленску, в апреле 1772 издан именной указ императрицы (№ 13783): платить проезжающим «как курьерам, так и разного звания людям» ямщикам двойные прогоны. Подобный указ издавался не единожды. Тульские оружейники по тем трактам отправляли на почтовых подводах оружие в действующую армию «до браиловской кре-

---

[22] ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6258. Л. 95 об.

[23] Там же. Л. 196.

пости», «в кременчюг», «в полшу в местечко турчин», «до местечка брад»[24]. На каждый выезд за пределы города выдавался документ, так называемая подорожная. Вероятно, она позволяла оружейникам избежать изнуряющего пребывания в карантине. В отношении других товаров карантин оказывался неизбежным. В карантине пребывали 42 дня. В карантинном бараке ютились люди всех сословий. Кормились «своим коштом». Случалось воровство. Товар портился. Сохранилось прошение тульских купцов, торгующих юфтью (кожи). Купцы просили сократить срок пребывания в карантине. В мае 1772 г. купцам позволили держать товар в карантине всего 7 дней, «то как они идут с тяжелыми возами немалое время и именно из Тулы до Бронниц близ трех недель и почти всегда пешие, тем паче сами себя очищают»[25].

Санитарно-гигиенические меры правительства

Карантинные меры правительства тесно связаны с санитарно-гигиеническими, просветительскими.

В начале октября 1771 г. в Москве учреждены две комиссии для работы с населением при эпидемии. Назначение комиссий определялось как полицейское, т. е. исполнительное и контролирующее. В состав комиссии входили врачи. Они разрабатывали рекомендации обывателям Москвы и губерний. В ГАТО сохранилось множество рекомендаций жителям провинции. В Туле добросовестно исполняли все предписания.

По указам Московской канцелярии чиновники Тульской провинциальной канцелярии и оружейной канцелярии организовывали дежурства на заставах, руководили выкапыванием вала и рва. Город, разделенный на части, имел в каждой части своего частного смотрителя. Уезды также разделили на участки и определили из дворян частного смотрителя.

На всю губернию остался один лекарь. Господин Минне, приписанный к Тульскому оружейному заводу, остался единственным на всю губернию /!/ практикующим лекарем. Губернского врача Ульмана по указу медицинской коллегии от 30 сентября 1771 г. командировали в Москву[26].

По Тульской губернии распространялись инструкции от Тульской провинциальной канцелярии о мерах безопасности при «моровой заразительной язве». Старосты имений удостоверяли, «что о том указе слышали и исполнять должны». В их числе 1 ноября 1772 г. расписался староста первостатейного тульского купца Лариона Ивановича Лугинина[27].

Подозрительных путешественников задерживали — боялись московских бунтовщиков и инфицированных. Сохранились рапорты о вызове врача на освиде-

---

[24] ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6259. Л. 111, 121, 130, 163.
[25] Там же. Д. 6258. Л. 94—94 об.
[26] Там же. Д. 6264. Л. 79 об. — 80.
[27] Там же. Д. 6236. Л. 4.

тельствование трупа. История бытовая, свидетельствует об уровне отношения к народу: в селе Богучарово, в лесу, найдено тело дьячка Ивана Акимова. Установили, что в сентябре 1771 г. он присутствовал на похоронах своей дочери в селе Рождественское, после похорон пошел в дом свой в селе Богучарово, но помещик того села капитан гвардии поручик Федор Хомяков в дом его не пустил. Поэтому дьякон Акимов возвратился к зятю своему в село Рождественское, где жил с месяц, а поручик Скачков, зная, что дъячок болен «опасною болезнию», выслал его из того села вон. Иван Акимов скончался в лесу, будучи болен чумою. Мало того, что сказалось жестокое отношение к человеку. Проявилось полное непонимание санитарно-гигиенических мер администрации[28].

В январе 1772 г. издан сенатский указ о доставлении ведомостей в сенат об умерших от «заразительной болезни». Тульская провинциальная канцелярия донесла, что из числа оружейников скончалось восемь человек[29], а на посадской стороне «шесть душ мужеского полу»[30]. Количество следует считать приблизительным, ибо женские души не учитывались.

Дома умерших, в строгом соответствии с предписаниями, окуривали серой, вымывали щелоком. У дома умершего священника Анисима Андреева даже выставили караул[31].

Жители строго соблюдали правила карантинов. Возможно, именно вследствие этого чума пощадила город.

Но горожане видели в том промысел Божий и благодарили чудотворную икону Боголюбской Богоматери, которая хранилась в церкви Флора и Лавра.

К осени 1772 появляются указы об уменьшении количества застав и сроках пребывания в карантинах. Если центральная часть России была свободна от чумы, то в южных губерниях, в Азове и в Крыму еще «настояла моровая заразителная язва». Вновь велено городовым канцеляриям, располагающимся по трактам Воронежскому и Киевскому, смотреть, чтобы никто мимо учрежденных застав проселочными дорогами не проходил. Особенно охраняли знаменитый Муравский шлях[32].

О масштабах эпидемии на юге говорит следующий факт: из Петровской крепости в тульскую оружейную канцелярию пришло прошение командировать мастеров для ремонта оружия, ибо в крепости все оружейники вымерли[33].

В конце ноября в Петербурге и Москве служили благодарственный молебен за прекращение моровой язвы. Но южнее Москвы карантинные меры упразднили не скоро. Последний указ сената о борьбе с эпидемией был издан 28 февраля 1773 г. — «О взыскании за умышленный объезд застав для избежания карантина».

---

[28] ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6267. Л. 7.
[29] Там же. Д. 6272. Л. 78 об. — 79 об.
[30] Там же. Л. 27.
[31] Там же. Л. 78—79.
[32] Там же. Д. 6260. Л. 52.
[33] Там же. Л. 149.

К вопросу вопросов или некоторые итоги

По поводу действий правительства в тот период А. Г. Брикнер писал: «Никогда до этого в России не принимались столь обширные меры для борьбы с заразою, как в 1770 и 1772 годах»[34].

Указы во время чумы можно назвать указами «по случаю». В начале XIX в. стали основой «Устава пограничных и портовых карантинов», Устава медицинской полиции, Врачебного устава.

Действия властей как в столице, так и в провинции можно считать продуманными, компетентными и чрезвычайно обременительными для населения.

В ситуации войны эпидемии неизбежны, подобное следовало предвидеть. Но если обратиться к финансовым документам за период эпидемии, то табель расходов на 1770, 71, 72 годы средства «на медикамент» не предусматривал[35]. Более чем странная государственная финансовая политика: в период войны не выделять средства на медикаменты. На меры для «предохранения от моровой язвы» в 1771 г. выделено 19 т. р. На борьбу с бунтовщиками Еропкин израсходовал 53 т. р., комиссия для расследования причин бунта — 95 т. р.[36] Вероятно, это шло по статье «непредвиденные расходы». Финансовая политика государства представляется непродуманной, непланомерной.

С января 1771 г. Тульская оружейная канцелярия возобновила налог по 1 копейке с каждого рубля «в медикамент» и по 1,5 коп. с рубля «на госпиталь»[37]. Вероятно, эта рабочая копейка влилась в содержание «карантинов».

В экстремальной ситуации власти стремились в первую очередь к собственной безопасности (указ от 19 января 1772 г.). Основной целью стала не забота о населении России, а намерение оградить северную столицу от эпидемии, потому и предпринимались чрезвычайно обременительные противоэпидемические меры. Народу остался неведом подвиг императрицы, привившей себе и наследнику оспу. Народу не было дела до памятной медали с профилем императрицы в честь заботы Екатерины Великой о здравии россиян. Народ знал только тяготы военного времени, рекрутские наборы, подушные подати, ужас заразительной моровой язвы, уничтожение имущества заболевших и безысходную нищету. В администрации видели врага, в мерах предосторожности — бесполезные препоны. Народ уповал на Бога.

---

[34] *Брикнер А. Г.* История Екатерины II. Т. III. Ч. IV—V. СПб., 1885. С. 653.

[35] Сборник Русского Исторического общества. Т. 5. СПб., 1880. С. 226.

[36] *Алефиренко П.* Чумной бунт в Москве в 1771 г. // Вопросы истории. М., 1947. № 4. С. 87.

[37] ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6259. Л. 100.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архивы, библиотеки, фонды

Архив СПбИИ — Архив Санкт-Петербургский Институт истории РАН.
БАН — Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург).
ГАТО — Государственный архив Тюменской области.
ГАЧО — Государственный архив Читинской области.
ДАКО — Державний архів Київської області.
НГАБ — Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі.
НКМ — Новозыбковский краеведческий музей (Брянская обл., РФ).
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ
ОР ГИМ — Отдел рукописей ГИМ.
ОР РГБ — Отдел рукописей РГБ.
ОР РНБ — Отдел рукописей РНБ.
РАН — Российская Академия наук.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГБ — Российская государственная библиотека.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РГНФ — Российский государственный научный фонд.
РО БАН — Рукописный отдел БАН.
ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области.
ЦДІАУ — Центральний Державний історичний архів України (Київ).
AGAD — Archiwum Główny Aktów Dawnych.

Публикации источников, периодические издания

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836—1838. Т. 1—4.
АЕ — Археографический ежегодник. М.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1843. Т. 1—5.
АРГ — Акты Русского государства1505—1526 гг. М., 1975.
АРГ АММС — Акты Российского государства: Акты московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. М., 1998.
АРИ — Архив русской истории. М., 1991—2007. Вып. 1—8.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1997—2008. Т. 1—4.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952—1964. Т. 1—3.

АСЭИ СР — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л., 1990.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951—1961. Ч. 1—3.

АФЗХ АМСМ — Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983.

АЮ — Акты юридические. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857—1884. Т. 1—3.

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

ВИ — Вопросы истории. М.

ВКТСМ — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1848. Т. 1—2.

ДГ — Древнейшие государства на территории СССР (с 1991 г.: Древнейшие государства Восточной Европы): Материалы и исследования.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

ДР — Дворцовые разряды. СПб., 1850—1851. Т. 1—2.

ЗАРГ — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986.

ИЗ — Исторические записки. М.

КПРГ — Каталог писцовых книг Русского государства.

ЛП — Литературные памятники.

НПК — Новгородские писцовые книги. СПб., 1859—1910. Т. 1—6.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ОИ — Отечественная история. М. (по 1991 ИСССР — История СССР).

ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999—2009. Т. 1—6.

ПСГ — Псковская судная грамота. Псков, 1997.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РД — Русский дипломатарий. М., 1997—2004. Вып. 1—10.

РЗ — Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986.

РИБ — Русская историческая библиотека (Санкт-Петербург).

Сборник РИО — Сборник императорского Русского исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1894. Ч. 1—5.

MGH Capp. — Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum.
MGH SRG NS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series.
MGH SRM — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum.
MPH NS — Monumenta Poloniae Historica. Nova series.

СОСЛОВИЯ, ИНСТИТУТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ (СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ)

Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректоры: И. Ладыженский, Е. Сметанникова
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 24.05.2010. Формат 70 × 100$^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 79,9. Тираж 800 экз. Заказ № 3500.

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Тел.: 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499)246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1 (Метро «Парк культуры»)

ISBN 978-5-9551-0417-1